

VII

Нашъ демонъ

(будущее стихотвореніе)

Въ тѣ дни, когда намъ были новы
Идеи правды и добра,
И обличительное слово
Лилось изъ каждаго пера;
Когда Россія съ умиленьемъ
Внимала звукамъ Щедрина,
И разсуждала съ увлеченьемъ,
Полезна палка иль вредна;
Когда ~~вопросъ подымался~~ возгласы раздавалися,
Чтобъ за людей считать жидовъ,
И мужики освобождались,
И вредъ ~~[illegible]~~ сознанъ откуповъ;
Когда Громека съ силой адской
Все о полиціи писалъ,
Когда въ газетѣ А. Вышнеградскій
Насъ безкорыстьемъ восхищалъ;
Когда мы гласностью карали
Злодѣевъ, скрывъ ихъ имена,
И гордо міру возвѣщали,
Что мы воспрянули ото сна; —
Когда для Руси въ школѣ вся
отверзался счастья идеалъ
и [illegible] раздался [illegible]
искусства святого [illegible]
Въ тѣ дни, ~~[illegible]~~ скептицизма
Злой духъ какой-то намъ предсталъ
И ~~[illegible]~~ новымъ именемъ эгоизма
Святыню нашу запятналъ.
Не зналъ онъ ничего святаго,
~~[illegible]~~ Громекой не былъ увлеченъ,
Не ~~вѣрилъ доблести Ерголова~~ [illegible] декламаціи Львова,
Не вѣрилъ Кокореву онъ.
Не вѣрилъ онъ экономистамъ,
За зло считалъ онъ капиталъ,
И мефистофелевскимъ смѣхомъ
Статьи Вернадскаго встрѣчалъ.

Не вѣрилъ онъ, что нуженъ генiй,
Чтобы разумный дать отвѣтъ
Средь серьезныхъ нашихъ преній, —
Нужна ли грамотность иль нѣтъ.
Онъ хохоталъ, хоть мы рѣшили,
Чтобъ мужика не баринъ сѣкъ,
И хоть гуманно ~~разсуждали~~ утверждали
~~отчасти~~ Что жидъ есть тоже человѣкъ.
Самихъ благородныхъ протестантовъ
Онъ уваженьемъ не почтилъ
И даже братьевъ Милеантовъ
Своей насмѣшкой ~~[illegible]~~ оскорбилъ.
Не одного онъ Розенгейма,
Растопчину онъ осмѣялъ
На все ~~[illegible]~~ возвышенное клейма
Какой-то пошлости онъ клалъ.
Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
Громъ обличительныхъ статей,
И публицистовъ нашихъ страстность,
И даже самый „Атеней“, —
Все ~~[illegible]~~ энергiей грубаго глумленья
Собакевичъ этотъ [illegible] былъ
Безъ отрицанiй, безъ сомнѣній,
Безъ, отвергателей прогрессъ.

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

Дозв. ценз. Спб. 14 Іюня 96 г. Тип. А. Пороховщикова, Гороховая, 12.

ИЗДАНІЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе О. Н. Поповой.

СОЧИНЕНІЯ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

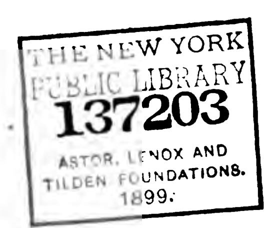
ТОМЪ IV.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

ЦѢНА ЗА ВСѢ ЧЕТЫРЕ ТОМА СЕМЬ РУБЛЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

СТРАН.

Лирическія пьесы.

[1]) Эти стихотворенія и замѣтки были напечатаны впервые въ полномъ собраніи сочиненій.

[2]) По смерти Н. А. Добролюбова остались двѣ тетради его стихотвореній: нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній напечатаны въ «Соврем.» 1862 г. № 1. Другія же печатаются въ первый разъ только въ полномъ собраніи сочиненій.

СТРАН.

Разсказы.

Прибавленіе I.

Прибавленіе II.

Прибавленіе III.

ПО ПОВОДУ
ОДНОЙ ОЧЕНЬ ОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Въ европейскихъ газетахъ надѣлалъ шуму послѣдній процессъ Монталамбера. Правду сказать, дѣло вовсе не стоило такого шуму: то, что произошло съ Монталамберомъ, есть вещь очень обыкновенная, которой слѣдовало ожидать каждый день послѣ 10 - го декабря 1848 г. Удивительно было бы, еслибъ подобныхъ вещей не было теперь во Франціи, послѣ всѣхъ событій послѣдняго десятилѣтія. Въ корреспонденціи какой-то газеты мы прочли недавно, что парижская публика едва одинъ день поговорила о дѣлѣ Монталамбера и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять принялась за обычныя дѣла и развлеченія. И это нисколько не удивило насъ: парижская публика поступила очень послѣдовательно, оставшись вѣрна тѣмъ побужденіямъ, которыя произвели 2-е декабря 1851 г. Нечего этому удивляться и слишкомъ поздно на это негодовать.

Однако же, газеты удивляются и негодуютъ. Изъ одной въ другую переходитъ фраза, что „общественное мнѣніе во Франціи сильно возбуждено этимъ вопросомъ". Съ какой точки зрѣнія оно можетъ быть особенно заинтересовано этимъ дѣломъ? Неужели общественное мнѣніе Франціи и всей Европы не знаетъ, что такое Монталамберъ? Неужели оно только теперь догадывается о томъ, какое значеніе имѣетъ положеніе его обвинителя? Странная близорукость, странная наивность! Мы не знаемъ, много-ли найдется въ Россіи людей, слѣдящихъ за современной исторіей, которые бы встрѣтили литературный процессъ Монталамбера съ изумленіемъ, какъ что-то странное и внезапное. Но мы знаемъ, что многіе говорятъ о немъ съ живѣйшимъ негодованіемъ, придавая ему преувеличенную важность. Намъ хотѣлось бы нѣсколько успокоить волненіе этихъ людей, слишкомъ воспріимчивыхъ къ настоящему и въ минуту раздраженія теряющихъ отчасти способность припоминать и безпристрастно сравнивать предметы. Разскажемъ сначала вкратцѣ исторію Монталамберовскаго процесса, хотя

читатели, вѣроятно, уже и знаютъ ее изъ газетъ. Читавшіе ее въ газетахъ могутъ, разумѣется, и пропустить нашъ разсказъ.

Есть во Франціи журналъ „Le Correspondant“, имѣющій умѣренно-католическій и чуть-чуть либеральный характеръ. Издаетъ его нѣкто г. Дуньоль. Въ этомъ журналѣ, 25 октября 1858 г., появилась статья графа Монталамбера, подъ заглавіемъ: „Un débat sur l'Inde au parlement anglais“ (Пренія объ Индіи въ англійскомъ парламентѣ). Статья эта написана подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на графа Монталамбера англійскими парламентскими преніями, при которыхъ онъ присутствовалъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Англіи. Нѣкоторыя страницы его статьи переведены въ IV „Парижскомъ письмѣ“, напечатанномъ въ этой же книжкѣ „Современника“, и туда отсылаемъ мы читателей, еще не знающихъ статьи Монталамбера изъ газетныхъ извлеченій. Статью нашли анти-патріотическою, и генеральный прокуроръ позвалъ къ суду ея автора и редактора журнала. Монталамберъ обвиненъ въ стараніи унизить настоящій порядокъ дѣлъ во Франціи, посредствомъ безпрестаннаго сопоставленія его съ государственнымъ устройствомъ Англіи. При этомъ на него взведены три преступленія: 1) возбужденіе непріязни и презрѣнія къ французскому правительству; 2) неуваженіе права всеобщей подачи голосовъ, при которой избранъ нынѣшній императоръ; 3) нарушеніе должнаго уваженія къ законамъ и къ неприкосновенности правъ, ими освященныхъ. За все это, по такимъ-то и такимъ-то статьямъ, Монталамберъ присужденъ къ полугодичному тюремному заключенію и къ 3.000 франковъ штрафа, а Дуньоль—къ заключенію на одинъ мѣсяцъ и къ тысячѣ франковъ штрафа.

Что можно найти страннаго и возмутительнаго въ этомъ событіи, разъ поставивши себя на точку зрѣнія 2-го декабря 1851 г., или даже 10-го декабря 1848 г.? Какимъ новымъ, небывалымъ доселѣ элементомъ отличается процессъ Монталамбера? Новые законы, что-ли, для него выдуманы? Новаго рода преступленіе внесено въ уголовный кодексъ французскій? Ничего не бывало. Осужденіе Монталамбера основано на законахъ 11-го августа 1848 г. и 17-го іюля 1849 года. Нужно было волноваться, шумѣть и кричать въ то время, когда эти законы составлялись и утверждались, а не тогда, какъ ихъ прилагаютъ къ дѣлу. А то—странная вещь! эти французы, принявшіе и одобрившіе такъ-называемую „конституцію 15 января“, теперь только начинаютъ какъ будто поражаться ея смысломъ. Неужели, принимая законъ 27 іюля 1849 года, запрещавшій всякія нападки на правителя государства, выбраннаго при всеобщей подачѣ голосовъ, — они воображали, что этимъ закономъ никогда не воспользуется тотъ, для огражденія кого онъ изданъ? И не забавно-ли видѣть людей, которые съ живѣйшимъ негодованіемъ и удивленіемъ говорятъ о томъ, что

составляетъ прямое и естественное послѣдствіе порядка вещей, утвердившагося уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Поневолѣ признаешь въ этихъ людяхъ — или недостатокъ сообразительности, или слишкомъ короткую память. Вы заключили, положимъ, контрактъ съ хозяиномъ дома, гдѣ вы живете, и обязались не держать у себя въ квартирѣ собакъ, а въ противномъ случаѣ—немедленно очистить квартиру и заплатить деньги за время, на которое заключенъ контрактъ. Вы живете нѣсколько мѣсяцевъ очень спокойно; вдругъ приходитъ вамъ охота завести у себя собаку. Къ вамъ является хозяинъ и, на основаніи контракта, требуетъ, чтобъ вы разстались съ собакой или квартиру очистили... А вы вдругъ поднимаете шумъ, объявляете претензіи хозяина странными, неслыханными, жестокими, кричите, что вы имѣете право держать собакъ, сколько угодно, что никто не смѣетъ лишить васъ этой свободы и т. п. Все это прекрасно и справедливо; хозяинъ вашъ можетъ быть безсовѣстенъ, его претензіи пошлы и стѣснительны, ваши человѣческія права неотъемлемы... Но обо всемъ этомъ вы должны были подумать прежде заключенія контракта. Зачѣмъ вы допустили въ свой договоръ съ хозяиномъ такую нелѣпую статью? а допустивши ее, съ какой стати вы начинаете негодовать, когда хозяинъ требуетъ ея исполненія?

Въ государственныхъ дѣлахъ такая короткость памяти и недостатокъ сообразительности бываютъ, разумѣется, еще вреднѣе, чѣмъ въ частныхъ. А между тѣмъ они часто встрѣчаются въ людяхъ слабыхъ и недалекихъ по убѣжденіямъ,—и это объясняется очень легко. Не умѣя во-время составить сильную оппозицію и до конца ее выдержать, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не умѣютъ вести себя послѣ того, какъ потерпятъ пораженіе. Они не столько тверды характеромъ и не столько преданы своимъ убѣжденіямъ, чтобы открытую борьбу за нихъ продолжать, несмотря на всѣ неудачи, и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Они не въ состояніи отказаться отъ своихъ родовыхъ привилегій, общественнаго значенія, жизненнаго комфорта, и т. д., для того, чтобы неуклонно служить своему дѣлу. Да и зачѣмъ же отказываться? Никто такого самоотверженія не требуетъ; собственная совѣсть спокойна; убѣжденія находятся въ такомъ положеніи, что допускаютъ легкую возможность помириться съ противоположными началами. Чего же лучше? Пока разногласіе только въ теоріи, въ общихъ положеніяхъ, то стоитъ-ли придавать ему значеніе? А на практикѣ, лично до насъ—авось дѣло и не дойдетъ... И человѣкъ успокоивается такимъ образомъ и довольно равнодушно сноситъ свое положеніе, пока дѣйствительно что - нибудь не задѣнетъ его самого лично. Тогда онъ возобновляетъ прежніе вопли о непріятности своего положенія, которое, впрочемъ, самъ предпочелъ тѣмъ лишеніямъ, съ какими сопряжено было продолженіе борьбы.

Такое точно явленіе представляетъ собою графъ Монталамберъ и его партія. Они сами, своимъ образомъ дѣйствій, способствовали возвышенію нынѣшняго правительства; они боялись широкой свободы преній еще прежде, чѣмъ явилась февральская революція. Послѣ же февральской революціи, легитимисты еще болѣе перепугались, что имъ не дадутъ свободы, соединенной съ покоемъ, и изъ страха крайней республиканской партіи подали руку ультрамонтанамъ и орлеанистамъ. Самъ Монталамберъ, по сознанію даже сторонниковъ и панегиристовъ его, былъ въ это время перепуганъ французской свободой и сильно поддерживалъ всѣ репрессивныя мѣры, не желая ничего, кромѣ порядка. Порядокъ и водворился при Людовикѣ-Наполеонѣ... Правда, дѣло пошло не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось легитимистамъ; но тутъ виновата только ихъ собственная близорукость. Дѣло пошло и продолжается очень нормальнымъ путемъ, который предвидѣли и знали всѣ передовые люди Европы уже въ 1849 году. Вольно же было Монталамберу и его друзьямъ предполагать, что въ этомъ случаѣ для ихъ удобствъ произойдетъ въ исторіи что-то необычайное и неестественное, что правитель, выбранный посредствомъ suffrage universel, не захочетъ или не сумѣетъ тотчасъ же воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы заставить молчать своихъ краснорѣчивыхъ противниковъ изъ аристократовъ. Они могли наступать на него въ первое время послѣ первыхъ выборовъ, съ рѣшеніемъ побѣдить или умереть и съ видомъ большей заботы о благѣ народа и о свободѣ, нежели какую онъ самъ высказывалъ. А они ограничились нѣсколькими мелкими нападками, да и тѣ дѣлали не въ пользу народа, не изъ чистаго желанія народной свободы. Они скоро успокоились, видя неудачу. Прекрасно; никто ихъ за это не обвиняетъ, никто отъ нихъ не требуетъ героизма на жизнь и смерть; но только о чемъ же они теперь-то хлопочутъ, спохватившись такъ поздно? Чему они удивляются, чего желаютъ отъ Франціи, отъ императорской Франціи, — когда они ничего не умѣли добиться въ то время, когда Франція могла принадлежать имъ столько же, какъ и всякой другой партіи? Что это за элегіи въ аллегорической формѣ? приличны-ли онѣ въ странѣ, которая слишкомъ хорошо понимаетъ самое дѣло и вовсе не нуждается въ аллегоріяхъ?.. Басенки и притчи даютъ только дѣтямъ, намеки и полуслова извинительны тому только, кто не можетъ высказаться прямо... А что же мѣшало г. Монталамберу высказаться прямо, гордо и упорно, — если не теперь, то раньше, да и теперь — если не во Франціи, то въ Бельгіи, въ Англіи, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Его положеніе было вовсе не изъ безвыходныхъ... Но дѣло въ томъ, что у него и не бывало, конечно, серьезнаго намѣренія бросить перчатку нынѣшнему правительству Франціи: онъ просто хотѣлъ сочинить въ элегическомъ тонѣ умѣренную замѣтку насчетъ того, что — „зачѣмъ, дескать, нѣтъ

во Франціи трибуны, и зачѣмъ не имѣетъ значенія аристократія"?.. Прекрасное сожалѣніе для человѣка, горящаго истинною любовью къ своему народу!..

И какое же чувство лежитъ въ основаніи всей бравады Монталамбера? Объ этомъ всего лучше говорятъ сами его защитники, гг. Беррье и Дюфоръ. Г. Беррье оправдываетъ Монталамбера отъ обвиненія въ памфлетическомъ тонѣ статьи и говоритъ, что авторъ, проводя параллель между Франціей и Англіей, вовсе не хотѣлъ употребить обыденныя, ребяческія и фальшивыя увертки памфлетиста, и приступилъ къ дѣлу съ полной искренностью и достоинствомъ. Затѣмъ, желая изобразить психологическій процессъ, произведшій статью Монталамбера, г. Беррье продолжаетъ: „онъ видѣлъ, какъ пала трибуна и было заковано печатное слово во Франціи,— да, *заковано*, — это вы сами говорили, прибавляя, что этого хочетъ нація... Онъ отправляется въ Англію и здѣсь встрѣчаетъ опять мужественныя пренія, одушевленные споры. Какое зрѣлище для изумленныхъ очей его, уже отвыкшихъ отъ величія свободы! Прокламація лорда Каннинга приводитъ въ волненіе всю Англію, и почему?—потому, что въ ней упомянуто слово конфискація. Въ сознаніи всей націи явилось ужасное отвращеніе къ этому нарушенію самаго священнаго изъ всѣхъ правъ. Предъ этимъ чувствомъ умолкла взаимная вражда всѣхъ партій. Старая Англія забыла всѣ противоположные интересы партій, и вся нація, въ лицѣ своихъ представителей, апплодировала благороднымъ рѣчамъ г. Робака. Каково долженствовало быть умиленіе г. Монталамбера! Какъ могъ онъ при этомъ не почувствовать всей горечи сожалѣній? Онъ также, онъ самъ принималъ участіе въ волненіяхъ трибуны! Онъ познаалъ роскошную сладость свободы! Находя все это *тамъ*, могъ - ли онъ забыть, что то же видѣлъ онъ прежде и во Франціи, когда сердца раскрывались до самой глубины своей, и когда вся страна съ трепетнымъ любопытствомъ слѣдила, по тысячамъ газетныхъ голосовъ, за этими усиліями великихъ умовъ и добрыхъ гражданъ?.. Вы мнѣ скажете, что двѣсти лѣтъ тому назадъ и Англія не имѣла такой свободы. Г. Монталамберъ, въ своемъ грустномъ умиленіи, не задавалъ себѣ такихъ вопросовъ. Онъ спросилъ себя: отчего Франція не сохранила этой свободы, которою она уже пользовалась десять лѣтъ тому назадъ, и почему теперь она не могла бы сама управлять своими дѣлами? Вы осуждаете выраженіе его сожалѣній, вы говорите, что это—оскорбленіе для страны, дѣло анти-французское, что-то преступное. Какъ, мы виноваты передъ страной, виноваты за то, что жалѣемъ объ учрежденіяхъ, которыми она жила, за которыя мы боролись! Мы виноваты!.. Ахъ, позвольте мнѣ высказать вполнѣ мою мысль. Нѣтъ, тогда ужъ скорѣе страна была бы виновата передъ нами. Наша вина состояла бы въ томъ, что мы

вѣрили Франціи, что мы хотѣли гарантій для свободы, наконецъ, что мы были тѣмъ, чѣмъ хотѣла видѣть насъ Франція, что мы и теперь таковы, что мы всегда такими останемся“.

Слабые и не слишкомъ далекіе люди именно тѣмъ и отличаются, что никакъ не могутъ примириться съ неизбѣжными послѣдствіями факта, ими самими допускаемаго. Они никакъ не могутъ обнять историческаго явленія во всей его обширности, со всею его обстановкою; имъ все кажутся только клочки и обломочки. Кажется, чего бы имъ яснѣе владычества Людовика-Наполеона! Всѣ его свойства и послѣдствія очень прямо истекаютъ изъ его сущности, — и отсутствіе трибуны есть одно изъ обстоятельствъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ. Они никакъ не хотятъ помириться съ этимъ выводомъ, и имъ все кажется, что Наполеонъ самъ по себѣ, а поговорить на трибунѣ все-таки не мѣшаетъ. А о чемъ говорить этимъ господамъ, ненавидящимъ suffrage universel и боящимся народной свободы пуще всякаго деспотизма? Впрочемъ, что за дѣло до этого! Предметъ разсужденій — дѣло второстепенное; была бы только возможность и случай поговорить.

Въ защитительной рѣчи Дюфора, адвоката г. Дуньоля, находимъ о Монталамберѣ почти то же, что у Беррье. „Что же сдѣлалъ писатель? Онъ разсказываетъ торжественныя пренія, при которыхъ онъ присутствовалъ въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ депутатовъ. Его упрекаютъ, что онъ былъ тронутъ этимъ зрѣлищемъ; но кто же могъ бы при этомъ остаться нечувствительнымъ? Въ палатѣ депутатовъ собраны самые знаменитые ораторы, самые лучшіе государственные люди. За дверьми вся Англія тѣснится и благоговѣйно внимаетъ. И отчего это? Какой вопросъ занимаетъ ее, эту націю, которую у насъ называютъ эгоистической и меркантильной? Вопросъ нравственный. Онъ служитъ душою этихъ величественныхъ преній. И вы хотите, чтобъ *онъ* не былъ тронутъ этимъ, *онъ*, человѣкъ трибуны, находящій здѣсь живыми тѣ разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ, которыя занимали бо́льшую половину его жизни!“

Вотъ какъ парламентаризмъ-то себя высказываетъ! Оба адвоката говорятъ съ теплымъ чувствомъ о сладости поговорить съ трибуны, хотя и знаютъ, безъ сомнѣнія, что для Франціи, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, толку отъ того было бы слишкомъ мало. Что людямъ за охота напрасно тратить слова о пустякахъ, когда на очереди находятся вопросы несравненно большей важности! Что за привязанность къ спорамъ о формѣ, когда само дѣло, сама сущность народной жизни еще представляется имъ такъ смутно! Невольное чувство сожалѣнія возбуждаютъ эти господа, съ своими жиденькими убѣжденьицами, въ которыхъ аристократизмъ и католичество перемѣшаны съ нѣсколькими либеральными фразами. Знаешь, что то, чего они добиваются, недурно *между прочимъ*, но въ то же время понимаешь, что

они рѣшительно ни до чего не могутъ дойти по той тропинкѣ, по которой пробираются. Какъ скоро вопросъ расширяется, они начинаютъ бояться анархіи, варварства, грабительства и т. д., и возглашаютъ анаѳему разрушительнымъ теоріямъ, питающимъ уваженіе къ suffrage universel. А между тѣмъ, ихъ собственныя претензіи только вѣдь и могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія болѣе общей и широкой, нежели на какой они останавливаются. Какъ скоро они входятъ въ колею рутинныхъ либераловъ, щеголяющихъ фразами о порядкѣ и тишинѣ, о свободѣ въ предѣлахъ закона, о мирномъ и медленномъ прогрессѣ, вырабатывающемся въ парламентскихъ преніяхъ, и т. п., то ужъ для нихъ нѣтъ оправданія разумнаго и юридическаго. Они не могутъ не признать справедливости большей части мыслей, выраженныхъ, напримѣръ, въ обвинительной рѣчи генеральнаго прокурора по дѣлу Монталамбера. „Вы,—разсуждаетъ онъ,—толкуете о свободѣ преній и о свободѣ печати, и указываете намъ на Англію. Но вспомните, что и Англія не съ начала своего существованія пользуется этой свободой. Вѣдь это результатъ исторіи. Нельзя намъ переносить къ себѣ того, что вытекаетъ изъ историческаго развитія Англіи. Вы сами говорите, что нашъ народъ *стадо*; вы возстаете противъ всеобщей подачи голосовъ. Во имя чего же изъявляете вы претензію на свободу преній? Во имя небольшого кружка людей, одинаковаго съ вами образа мыслей; во имя аристократической гордости, которая въ васъ не можетъ угомониться? Да, ваша статья не составляетъ просто картину государственныхъ учрежденій Англіи; вы въ ней хотѣли сказать Франціи: „буржуазія царствуетъ, а аристократія управляетъ царствомъ“; и вамъ жалко, что во Франціи аристократія не управляетъ. Но, въ этомъ случаѣ, императорское правительство стоитъ выше вашихъ нареканій: оно связано съ народомъ всеобщимъ избраніемъ 8.000.000 голосовъ, оно опирается на законы весьма либеральные и умѣренные, оно предоставляетъ вамъ и свободу разсужденій, и свободу печати въ извѣстныхъ законныхъ предѣлахъ; но не можетъ же оно, не теряя своего достоинства и силы, позволить неограниченную, необузданную свободу всякому. Правительство хочетъ укрѣпиться и удержаться въ странѣ для того, чтобы править ею такъ, какъ оно признаетъ нужнымъ и полезнымъ. Безумно было бы, еслибъ оно при этомъ покровительствовало тому, что противно его видамъ. Поэтому, оно не можетъ допустить памфлетовъ, не можетъ допустить, чтобы журналисты лили пули для возмущеній. Свобода печати, какъ и всякая свобода, можетъ быть только удѣломъ странъ, очень далеко ушедшихъ въ образованности. Франція доказала горькими опытами, что для нея свобода еще можетъ быть пагубна безъ постояннаго правительственнаго надзора. Всѣ бывшія въ ней революціи производили только то, что ниспровергали существовавшіе законы;

цивилизація въ этихъ волненіяхъ едва не погибла подъ ударами варварства. Какъ же вы можете жаловаться на недостатокъ свободы? Что касается до меня, по крайней мѣрѣ, то я торжественно признаю, что живу подъ свободными законами и вижу во Франціи свободу прессы, свободу обученія, свободу совѣсти, равенство всѣхъ предъ закономъ, безсмѣнность судей, законодательный корпусъ, учрежденный всеобщимъ избраніемъ: чего же вамъ больше? Вы толкуете объ уваженіи законовъ въ Англіи; но возьмите же сами съ нея примѣръ и уважайте отечественные законы, подъ которыми живете. Не старайтесь же бросить на нихъ дурной тѣни и не нарушайте ихъ, исподтишка и стороною унижая императорское правительство, огражденное закономъ и народной волей. Васъ побуждаетъ къ этому одна только гордость ваша,—чувство, которое всегда дѣлаетъ врагами правительства тѣхъ людей, которые принуждены удалиться отъ власти".

Назовите, пожалуй, всѣ эти разсужденія дикими и безсмысленными: мы не обидимся за г. генеральнаго прокурора. Но мы требуемъ послѣдовательности и не хотимъ допустить легкомысленнаго соединенія противуположныхъ понятій. Пусть защитникъ медленнаго прогресса ждетъ, пока событія сдѣлаютъ свое дѣло, и пусть не плачетъ о томъ, что у одного народа нѣтъ такого-то учрежденія, которое есть у другого. Учрежденія придутъ вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ прогрессомъ, а прогрессъ совершится въ теченіе вѣковъ. Пусть также люди, толкующіе о свободѣ въ предѣлахъ закона, уважаютъ на дѣлѣ существующіе законы, хотя бы они были даже нелѣпы. Въ противномъ случаѣ, т.-е. ежели они нелѣпыхъ законовъ уважать не намѣрены, то пусть добиваются прежде отмѣненія законовъ и установленія новыхъ, а потомъ уже и говорятъ объ уваженіи къ нимъ. Пусть также человѣкъ, сожалѣющій объ уничтоженіи парламентскихъ преній волею одного, согласится, что не меньшаго сожалѣнія было бы достойно, если бы всеобщее избирательство было уничтожено волею нѣсколькихъ. Г. Монталамберъ и подобные ему аристократы увѣряютъ, что народъ глупъ, и ему нельзя поручить дѣла. Но вѣдь то же самое про нихъ самихъ можетъ сказать та власть, которая сѣла надъ ними, вслѣдствіе декабрьскихъ выборовъ. И на такое сужденіе она, можетъ быть, будетъ имѣть не менѣе права, чѣмъ они въ отношеніи къ народу... Да ужъ если говорить все безпристрастно, то зачѣмъ сваливать всю вину теперешняго положенія Франціи на глупость народа?.. Правда, онъ выказалъ много тупоумія, не умѣвши распознать тѣхъ, кто истинно желалъ ему добра. Но вѣдь надобно вспомнить, что все-таки не народъ дѣйствовалъ противъ нихъ, а именно люди, болѣе или менѣе близкіе къ партіи гг. Беррье и Монталамбера. Извѣстно, какъ оспаривались, ограничивались, искажались этими господами всѣ предложенія друзей народа въ пользу рабочаго класса. Извѣстно, какъ одни

кричали, что organisation du travail есть такая дикая нелѣпость, которой они, послѣ двадцатилѣтнихъ размышленій, никакъ не могутъ взять въ толкъ; другіе утверждали, что подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть ни болѣе ни менѣе, какъ строжайшій надзоръ государства за работами и работниками; третьи представляли свои опасенія, что полученіе работниками „права на трудъ" отъ государства подорветъ благосостояніе частныхъ подрядчиковъ, и потому считали необходимымъ выдумать на этотъ случай такія работы, которыми бы ни одинъ частный промышленникъ въ мірѣ не занимался. Мудрено-ли, что такими искаженіями первоначально хорошихъ намѣреній закрыто было отъ народа настоящее положеніе дѣлъ. А кто виноватъ въ этомъ? Неужели все-таки глупость народа, которому, среди такихъ милыхъ господъ, оставалось только выбирать изъ двухъ золъ меньшее?

Мы, впрочемъ, готовы согласиться даже и съ тѣмъ, что народъ выбралъ не меньшее, а большее. Разница тутъ такъ незначительна въ нашихъ глазахъ, что уступка ничего не значитъ. Но ежели и такъ, то напрасно партія гг. Монталамбера и Беррье кичится передъ „глупой толпой", которая при своемъ suffrage universel можетъ дѣлать только глупости. Мы знаемъ, что не одинъ народъ ошибся и увлекся, выбирая президента. Многіе изъ тѣхъ, которые способны и любятъ поговорить на трибунѣ, тоже раздѣляли тогда эту ошибку. Самъ г. Монталамберъ присягнулъ тогда Людовику-Наполеону и въ первое время очень былъ расположенъ къ дѣйствіямъ новаго правительства. Неужто и въ этомъ виноватъ suffrage universel и народная глупость, а не его собственная слабохарактерность и недальновидность?

Правда, что въ числѣ присягавшихъ были люди и побойчѣе Монталамбера; но у тѣхъ были свои понятія — и о присягѣ, и о значеніи той власти, которой присягали. Они понимали, что Людовикъ - Наполеонъ, избранникъ народа, представляетъ интересы страны, и полагали, что присяга ему можетъ имѣть силу только до тѣхъ поръ, пока онъ остается дѣйствительно вѣренъ интересамъ страны. Вовсе не таковы понятія легитимистовъ, къ которымъ принадлежалъ Монталамберъ: въ ихъ глазахъ присяга должна была означать актъ подданства, какъ бы преданіе себя въ волю вновь избраннаго правителя. Послѣ такого акта, въ самомъ дѣлѣ, немножко даже и совѣстно заявлять свои претензіи противъ власти; да ужъ и безполезно, даже больше—вредно и опасно... Этимъ господамъ не мѣшало бы вспоминать почаще хорошее сравненіе, которое сдѣлалъ какъ-то одинъ изъ крайнихъ враговъ ихъ. „Ротозѣи,—говоритъ этотъ господинъ, любящій выражаться съ рѣзкостью, иногда немножко циническою:— вы въ 48-мъ году все добивались, когда это кончится!.. Вы предали все:— конституцію, свободу, честь, отечество, — только чтобъ это кончилось...

Ну, вотъ теперь вы попали въ другую передѣлку. Вы было-подумали, что вы ужъ въ дебаркадерѣ, а въ самомъ-то дѣлѣ вы были только на станціи. Слышите, локомотивъ свиститъ!.. Оставьте ужъ... пусть поѣздъ идетъ, а вы усядьтесь-себѣ въ уголокъ, пейте, ѣшьте, спите и не говорите ни слова. А то вѣдь, увѣряю васъ,—ежели вы будете еще кричать и бѣсноваться, такъ еще самое лучшее, что съ вами можетъ случиться,—это то, что вы попадете подъ вагонъ".

Дѣйствительно, такъ и вышло... А все дѣло-то вышло изъ пустяковъ. Ну, стоило-ли выходить изъ себя по тому случаю, что въ Англіи ораторское искусство ко благу страны развивается, а во Франціи нѣтъ? Развѣ объ этомъ слѣдовало говорить, если ужъ говорить-то? Нужно было разсмотрѣть *весь* теперешній ходъ дѣлъ во Франціи, и если ужъ выражать желаніе перемѣнъ, то болѣе общихъ и серьезныхъ. А то какой же толкъ отъ микроскопическихъ прибавочекъ съ одной стороны, и чуть-чуть примѣтныхъ ограниченій съ другой! Не думайте, что вы много выиграете, ежели разобьете стекло въ домѣ вашего заимодавца, который держитъ васъ у себя взаперти для подписанія векселя. Ему вы раззоренья большого этимъ не причините, и себѣ особенной отрады не получите: да еще не забудьте, что онъ за буйство можетъ васъ скрутить еще больше. Положимъ даже, что онъ добрый, и притѣсненій вамъ дѣлать не захочетъ, дастъ вамъ всевозможныя льготы, будетъ съ благосклонной улыбкой слушать, когда вы станете его ругать... Но если все-таки онъ васъ не выпуститъ и все-таки вы у него взаперти будете сидѣть до подписанія векселя,—такъ, право, очень немного будетъ для васъ выгоды въ томъ, что онъ будетъ благосклонно слушать ваши разглагольствія. Если вы человѣкъ, понимающій свою пользу, то постараетесь, конечно, какъ-нибудь поскорѣе отдѣлаться отъ вашего заимодавца, да и такъ отдѣлаться, чтобъ никакому другому въ руки не попасть. А то что за радость — одну тюрьму на другую мѣнять!.. Другое дѣло, если есть возможность отъ всѣхъ долговъ и грѣшковъ очиститься, съ ростовщиками не знаться вовсе, и зажить своимъ домкомъ, хотя не на широкую барскую ногу, да за то козакомъ вольнымъ. Но вотъ бѣда: не знаемъ: ручаются-ли за себя самихъ господа, единомышленные графу Монталамберу, — но Францію, массу народа, они рѣшительно признаютъ несостоятельною и неспособною расквитаться съ своими долгами. А ежели такъ, то, по нашему, и толковать не о чемъ. Сообразнѣе было бы съ началами г. Монталамбера, если бы онъ и послѣ 1852 г. послѣдовалъ тому же образу дѣйствій, какому слѣдовалъ въ 1832 г. Извѣстно, что когда Григорій XVI осудилъ мнѣнія газеты „L'Avenir", основанной Монталамберомъ вмѣстѣ съ Ламенэ, то Ламенэ, вмѣсто отвѣта, вскорѣ потомъ разразился сердитою книгою „Paroles d'un croyant", а Монталамберъ сми-

рился и умолкъ, оставивши изданіе, въ которомъ прежде съ такою гордостью ратовалъ за двойной девизъ его „Dieu et liberté“. Извѣстно также, что Монталамберъ скупилъ самъ почти все изданіе своего перевода „Польскихъ пилигримовъ“ Мицкевича, когда книга эта была осуждена... Тогда онъ былъ послѣдователенъ. Не мѣшало бы ужъ и теперь выдержать тотъ же характеръ. Тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не услышалъ бы изъ устъ императорскаго прокурора слѣдующаго отеческаго наставленія, читая которое, мы никакъ не могли удержаться отъ улыбки. „Вѣдь вы уже не въ первый разъ замѣчены въ подобныхъ шалостяхъ“,—почти такъ говоритъ ему императорскій прокуроръ, и продолжаетъ, буквально, такимъ образомъ:—„Вы говорили о правительствѣ Луи-Филиппа то же, что теперь говорите о правительствѣ императора. Въ предисловіи къ „Польскимъ пилигримамъ“ вы осмѣлились поносить правительство, которое вы любили, какъ говорите. Я сейчасъ намекнулъ на ваши слова, что журналисты лили пули для возмущенія; да вы сами лили такія пули. Вы сами въ этомъ сознались, вы принесли тогда публичное покаяніе, вы просили въ этомъ прощенія предъ Богомъ и людьми... Сознавать свои заблужденія означаетъ, конечно, величіе духа; но зачѣмъ же вы опять хотите приниматься за то же?..“

Тонъ этого наставленія намъ очень понравился. Если бы генеральный прокуроръ, призвавши г. Монталамбера и потрактовавши его такимъ образомъ, какъ маленькаго шалуна, ограничился своимъ отеческимъ внушеніемъ, мы бы рѣшительно сказали, что онъ повелъ свое дѣло блистательно и безукоризненно...

Но мы не можемъ сказать этого о дѣйствіяхъ почтеннаго чиновника, послѣ всего, что открываетъ процессъ г. Монталамбера. Генеральный прокуроръ не умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ и простеръ свое усердіе слишкомъ далеко. Придавши своимъ обвиненіямъ характеръ излишне-мрачный, онъ поставилъ себя въ уровень съ защитниками Монталамбера, тогда какъ они, при началѣ дѣла, имѣли гораздо менѣе шансовъ, не имѣя для себя твердой логической опоры. Мы не читали вполнѣ статьи Монталамбера и потому не можемъ сказать, есть-ли въ ней мѣста, по которымъ бы юридически можно было доказать его посягательства на авторитетъ нынѣшняго французскаго правительства. Но, говоря по совѣсти, и сами гг. Беррье и Дюфоръ ни мало не сомнѣваются, вѣроятно, въ томъ, что невыгодная для Франціи параллель ея управленія съ учрежденіями Англіи явилась въ статьѣ Монталамбера вовсе не случайно и не неумышленно. А между тѣмъ, имъ приходилось защищать именно послѣднее положеніе... И за то какъ жалки становятся защитники, какъ скоро рѣчь коснется этого пункта. Нельзя безъ сострраданія читать, напримѣръ, у г. Беррье, такія увертки: „что касается до прямого и личнаго намѣренія

нападать на теперешнія учрежденія Франціи, то гдѣ вы нашли слѣды этого у г. Монталамбера? Прочтите его статью; вы увидите, что онъ выражаетъ привѣтъ свой правительству за то, что оно съ мужественнымъ постоянствомъ поддерживаетъ союзъ съ Англіею; онъ даже прославляетъ ту мудрость, съ которою правительство наше умѣло отказаться отъ требованій, оскорбительныхъ для права убѣжища. Наконецъ, съ какимъ уваженіемъ говоритъ онъ о генералѣ, который является въ Англіи столь достойнымъ представителемъ Франціи". На эти же самыя мѣста статьи указываетъ и Дюфоръ, чтобы оправдать автора... Но кто же не видитъ, какъ жалко-наивно подобное оправданіе!..

Но г. генеральному прокурору какъ будто совѣстно было своего страшнаго превосходства, и онъ, безъ всякой надобности, надѣлалъ уступокъ мнѣніямъ противниковъ. Онъ самъ счелъ нужнымъ пуститься въ мелкій либерализмъ и высказалъ въ своей рѣчи, что, конечно, англійскія учрежденія хороши, что свобода мысли и слова во Франціи не стѣснена, что разсуждать можно, что лесть гнусна, вредна, и пр. Ну, на этомъ пути, разумѣется, гг. Беррье и Дюфоръ ушли гораздо дальше его и потому сказали ему нѣсколько рѣзкихъ и справедливыхъ вещей, хотя все еще крайне недостаточныхъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ, которыя были приводимы въ газетахъ изъ рѣчи Беррье.

„Мы часто не соглашались съ Монталамберомъ, мы часто боролись съ нимъ въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ, но мы съ гордостью можемъ сказать, что во всѣ времена, какъ теперь, мы постоянно поддерживали наши основные принципы—*порядка и свободы*. Да, посреди общественныхъ ужасовъ мы были съ нимъ соединены этимъ отважнымъ и энергическимъ стремленіемъ; мы имѣли одну и ту же мысль: спасемъ общество, но спасемъ и свободу. Съ этимъ же самымъ девизомъ я выступаю для отверженія обвиненія несправедливаго, неосновательнаго, неблагоразумнаго, опрометчиваго, даже, можно сказать, дерзкаго".

Очевидно, что съ самаго начала г. Беррье ступаетъ на тропинку, указанную самимъ же императорскимъ прокуроромъ: тотъ говорилъ о свободѣ, и г. Беррье смѣло провозглашаетъ свободу и во имя ея хочетъ защищать обвиненнаго. Ясно, что въ такомъ случаѣ перевѣсъ легко можетъ остаться на его сторонѣ. И дѣйствительно, повѣривши-ли генеральному прокурору или ужъ самъ, нечаянно увлекшись, г. Беррье начинаетъ говорить вещи, довольно смѣлыя и колкія для французскаго правительства. Тутъ происходитъ сцена. Продолжая свою рѣчь, г. Беррье говоритъ, между прочимъ:

„Намъ скажутъ, что хоть прямого нападенія на правительство и не было, но нападеніе состоитъ уже въ самомъ контрастѣ, который постоянно проводится между англійской свободой и теперешнимъ положеніемъ Фран-

ціи. Что же, если человѣкъ, присутствовавшій при преніяхъ въ англійскомъ парламентѣ, нашелъ контрастъ въ фактахъ? Мы сейчасъ увидимъ, преступны-ли выраженія, которыя онъ употребилъ; но, повторяю,—онъ только указывалъ факты".

На этомъ мѣстѣ г. Беррье прерванъ былъ г. президентомъ Бергеленомъ, который замѣтилъ: „судъ пропустилъ въ вашей рѣчи нѣсколько горячихъ выраженій и живыхъ намековъ; но онъ долженъ васъ остановить на опасномъ пути, въ который вы вдаетесь. Вы защищаете (plaidez) то, что написалъ г. Монталамберъ; защищая преступленіе, вы возобновляете его".

Г. Беррье. „Намековъ! Г. президентъ,—вѣрно языкъ измѣнилъ мнѣ, если въ моихъ словахъ не вполнѣ выразилась моя мысль".

Г. Президентъ. „Я не могу вамъ позволить сказать, что во Франціи нѣтъ теперь свободы".

Г. Беррье. „Если такъ, г. президентъ, — если нужно отвергать то, что яснѣе дня, если нужно лгать, лгать и лгать, то мнѣ остается только замолчать и уйти. Я отказываюсь отъ защиты".

Г. Президентъ. „Нѣтъ, г. Беррье, вы не будете лгать. Въ 1811 году, когда вы вступили въ судебное сословіе, прославленное вами, вы дали присягу, возобновленную вами впослѣдствіи, на сохраненіе должнаго уваженія къ законамъ. Вы всегда были вѣрны этой присягѣ и останетесь ей вѣрны и теперь".

Г. Беррье. „Я нарушаю присягу! Но вы меня пугаете, г. президентъ. Вы переносите мои мысли къ тому времени, когда считалась преступленіемъ похвала доброму человѣку, похвала добродѣтели, благороднымъ стремленіямъ, хорошимъ законамъ. Нѣтъ, я не хочу вспоминать этого времени: legimus capitale fuisse. Нѣтъ, я не соглашусь, чтобы похвала свободному правительству могла быть оскорбительна только потому, что она составляетъ контрастъ съ нынѣшними учрежденіями Франціи...

„И въ какія странныя толкованія вы вдаетесь. Авторъ говоритъ о тѣхъ, для которыхъ правительство есть правительство передней (gouvernement d'antichambre); а вы говорите, что онъ это относитъ къ французскому правительству. Но развѣ переднія не принадлежатъ ко всѣмъ временамъ и ко всякому правленію? Развѣ не одни и тѣ же люди постоянно пресмыкаются у подножія власти, нищенствуютъ, клянчатъ, льстятъ или пытаются льстить?.. Я видѣлъ ихъ, этихъ людей, когда я былъ еще очень молодъ, тотчасъ послѣ 1815 г. Они тогда держали за собою монополію роялизма, они провозглашали себя поборниками легитимизма, и не прошло шести мѣсяцевъ, какъ я видѣлъ ихъ ползавшими предъ порогомъ правительства Ста Дней. Еслибъ я былъ изъ тѣхъ, которые бываютъ во дворцахъ, то я теперь бы узналъ тамъ, конечно, тѣхъ же людей, вѣчно тѣхъ

же, низкихъ, ползающихъ, вымаливающихъ позволеніе дѣлать подлости и отвергаемыхъ даже тѣми, кому они себя предлагаютъ. Вы видите теперь, къ кому относятся выраженія о „правительственной передней“: можно-ли видѣть въ этомъ нападеніе на правительство?“

Изъ этихъ мѣстъ уже можно видѣть, что г. генеральный прокуроръ не совсѣмъ благополучно могъ выдержать діалектическую борьбу, лишивши себя крѣпкой опоры и давши своимъ противникамъ всѣ шансы къ защитѣ. Г. Беррье еще можно было упрекнуть за излишнюю горячность; но адвокатъ г. Дуньоля, Дюфоръ, умѣлъ извлечь всѣ выгоды изъ своего положенія, даже постоянно удерживаясь въ предѣлахъ, очерченныхъ г. генеральнымъ прокуроромъ, — въ предѣлахъ умѣренной свободы, уваженія къ законамъ, и т. п. Приводимъ одно мѣсто изъ его рѣчи.

„Я понимаю, что мысль не можетъ остаться совершенно безъ всякой узды, что выраженіе ея должно быть заключено въ извѣстные предѣлы. Но эти предѣлы должны быть ясно обозначены, — иначе будетъ невозможнымъ всякое проявленіе мысли. Что составляетъ силу націи? Что творитъ духъ народа? Не эта-ли совокупность общихъ понятій, которыя составляются изъ обмѣна различныхъ мыслей? Нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы люди вовсе не могли сообщать другъ другу своихъ мыслей; но неужели вы не сознаете, что самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ народовъ на свѣтѣ былъ бы тотъ, у котораго, — при неопредѣленности границъ для выраженія мыслей, — чиновники могли бы звать въ судъ, кого имъ вздумается. и осуждать всякаго, кто имъ не нравится? Поэтому-то всѣ уголовные законы, и въ особенности законы, ограничивающіе свободу прессы, о которыхъ мы сами тоже разсуждали въ одно время, — эти законы точнѣйшимъ образомъ должны опредѣлять преступленія, за которыя они полагаютъ наказаніе. Въ этомъ состоитъ ихъ отличительный характеръ.

„Бываютъ времена счастливыя и мирныя, въ которыя обществу почти ничто не угрожаетъ. Въ эти эпохи, когда правительство вѣритъ въ свою собственную силу, свобода общественная развивается спокойно, законы отличаются благородствомъ и широтою взгляда. Таковъ, напримѣръ, этотъ законъ 1819 г., который всегда будетъ служить къ славѣ конституціонной монархіи, и съ которымъ связаны имена гг. Серреса, Ройе-Коллара и др. Бываютъ, напротивъ, и другія эпохи, когда общество, угрожаемое со всѣхъ сторонъ, имѣетъ нужду въ законахъ болѣе суровыхъ. Такъ, въ 1848 г., въ виду такого правленія, котораго одно имя повергало въ трепетъ, при борьбѣ тѣхъ, кто предпочиталъ монархію, и тѣхъ, кто желалъ анархіи, — въ это время нужно было издать суровые законы. Г. генеральному прокурору угодно было видѣть въ этой эпохѣ только зрѣлище безпорядка и анархіи, но я позволяю себѣ замѣтить, что это было также время

защиты порядка. Законы, которые были нужны для общества, тогда были изданы; г. генеральный прокуроръ долженъ знать это, потому что на эти именно законы онъ опирается при своемъ обвиненіи... Правительство можетъ выбирать между законами болѣе свободными или болѣе строгими; но какъ бы то ни было, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ основываться на произволѣ, вмѣсто точнаго смысла законовъ".

Подобныя разсужденія, при всей своей умѣренности и даже слабости, производили на слушателей сильный эффектъ и дѣлали положеніе г. генеральнаго прокурора вовсе незавиднымъ. Онъ не могъ хорошо отвѣчать на такія возраженія, потому что самъ поставилъ себя въ положеніе фальшивое. У него на умѣ была вовсе не умѣренная свобода въ предѣлахъ закона, и онъ вовсе не былъ столько глупъ, чтобы полагать, будто интересы страны могутъ пострадать отъ того, что хвалятъ англійскія учрежденія. У него, очевидно, была другая arrière-pensée; но онъ не хотѣлъ ее высказывать. А между тѣмъ эта arrière-pensée — вовсе не тайна для современной Франціи. Одинъ изъ умныхъ людей Франціи еще въ 1852 г., тотчасъ послѣ coup d'état, описывалъ эту arrière-pensée слѣдующимъ образомъ: „полагали, что для того, чтобы отбросить назадъ демократическій терроръ, необходимо было въ высшей степени сосредоточить власть, уничтожить верховное значеніе народа, отнять у массъ политику, запретить всякому писателю, исключая одобренныхъ министерствомъ, говорить о политическихъ предметахъ; умерщвленіе политическаго смысла вездѣ и во всемъ, возстановленіе авторитета, — таково было слово порядка, ограждавшаго страну отъ всѣхъ переворотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, — разсуждали тогда, — какое же правительство возможно, если допустить конституціонное право оспаривать правительство? Какъ возможно папство рядомъ съ принципомъ свободнаго истолкованія религіи? Что вышло бы изъ шумныхъ собраній, составленныхъ изъ элементовъ столь различныхъ? *Второе декабря* прилагаетъ къ дѣлу именно эту теорію, по мѣрѣ силъ своихъ"...

На эту точку зрѣнія слѣдовало стать г. генеральному прокурору прямо и откровенно, если онъ хотѣлъ заградить уста своимъ противникамъ. Стоило ему отбросить лицемѣріе, вовсе ненужное при настоящемъ положеніи дѣлъ во Франціи и совершенно безполезное при той степени образованности, на которой стоитъ эта страна, и однимъ этимъ прямодушіемъ побѣда была бы вполнѣ для него обезпечена. Въ самомъ дѣлѣ, стоило сказать откровенно: „французскій народъ, восемью милліонами избирательныхъ голосовъ, вручилъ свою судьбу усмотрѣнію Людовика-Наполеона; всякій, кто хотя словомъ, хотя намекомъ осмѣлился воспротивиться этому рѣшенію, возстаетъ противъ рѣшенія народнаго, слѣдовательно, долженъ быть судимъ, какъ измѣнникъ страны своей; вы вы-

ражаете желаніе оставить за собой право публичныхъ разсужденій, и, конечно, не съ тѣмъ, чтобы всегда безпрекословно соглашаться, а для того, чтобы иногда противорѣчить предложеніямъ и распоряженіямъ избраннаго народомъ правительства; одно это желаніе само по себѣ составляетъ уже преступленіе, и за это преступленіе вы должны быть наказаны". Постановка вопроса была бы гораздо проще и прочнѣе, и даже благороднѣе. Вѣдь и теперь всякій видитъ, что за хитросплетенными разсужденіями генеральнаго прокурора въ сущности все-таки остается именно этотъ смыслъ; отчего же прямо всего не высказать? Что за непонятная деликатность, что за странная охота играть плохую комедію, брать на себя несоотвѣтственную роль, ставить себя въ фальшивое положеніе?

Любопытно было бы послушать, что стали бы говорить гг. Беррье и Дюфоръ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Положеніе ихъ было бы затруднительно: опираться въ своей защитѣ на значеніе самого suffrage universel имъ было бы неудобно, потому что они не признаютъ его ни въ какомъ видѣ; нападать же на suffrage universel не представлялось никакой возможности, не возобновляя преступленія самой защитой... Пришлось бы бѣднымъ защитникамъ ограничиться этими патетическими фразами, которыхъ такъ много въ рѣчи Беррье, — въ родѣ того, что: „ахъ, дайте намъ умереть вѣрными тѣмъ убѣжденіямъ, которыя мы видѣли побѣжденными и поруганными!.. ахъ, позвольте намъ до гроба любить великія битвы слова", и т. п. Да и этимъ сентиментальнымъ фразамъ пришлось бы придать тонъ еще болѣе умоляющій.

Да, удивительно неумѣнье, выказанное г. генеральнымъ прокуроромъ, относительно распознаванія людей и своего положенія. Разумѣется, категорическое объявленіе абсолютнаго авторитета Людовика-Наполеона не могло имѣть мѣста при другихъ обстоятельствахъ и съ другими людьми, но предъ легитимистами, да еще присягавшими, рѣшительно не стоило церемониться. Въ этомъ случаѣ гораздо опаснѣе могли быть люди, принимающіе suffrage universel и автономію народа. Тѣхъ, конечно, слѣдуетъ остерегаться, если завести съ ними судебное дѣло. Съ тѣми полезны и хитрости, въ родѣ фразъ объ умѣренной свободѣ, тихомъ прогрессѣ, уваженіи къ существующимъ уже законамъ, и т. п. Тѣ, какъ извѣстно, люди, незнакомые съ аристократическими галантерейностями обхожденія, и они „въ книжкахъ и словесно" не разъ уже высказывали, какъ натурально и не застѣнчиво разсуждаютъ они о разныхъ вопросахъ, отправляясь отъ того же suffrage universel, на который опирается г. генеральный прокуроръ. Разсужденія ихъ, безумныя, по общему признанію, но строго послѣдовательныя (съ точки зрѣнія suffrage universel) имѣютъ обыкновенно такой видъ. „Вы, г. генеральный прокуроръ, признаете основою

нынѣшняго правительства всеобщее избраніе, по которому правительство является представителемъ интересовъ страны. Въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ, и потому уважаю нынѣшнее правительство столько же, сколько и интересы страны, съ нимъ связанные. Но не забывайте же, что нынѣшнее правительство Франціи — представитель народа и пользуется своими правами не само по себѣ, абсолютно, а во имя правъ и интересовъ народныхъ. Слѣдовательно, я, какъ и каждый гражданинъ, обязанъ уважать его лишь *настолько* и *до тѣхъ поръ, насколько* и *покуда* оно связано со всей страною, идетъ за-одно съ народомъ. Я могу оскорбить правительство только тѣмъ поступкомъ, которымъ я становлюсь виновенъ передъ всѣмъ народомъ. Въ дѣлахъ же, всего народа не касающихся или безразличныхъ для него, я — полный господинъ, не подлежащій отвѣтственности передъ нашимъ правительствомъ, народомъ избраннымъ. Если я посягну на ваши должностныя права, г. генеральный прокуроръ, я оскорбляю народъ, давшій вамъ эти права; но если я обыграю васъ въ карты или вздумаю съострить надъ вами, помистифировать васъ въ частной жизни, изобразить вашу персону въ безобидной каррикатурѣ, и т. п., то во всѣхъ этихъ случаяхъ передъ народомъ я не виновенъ и отвѣтственности не подлежу. Безспорно, — вы заслуживаете уваженія, какъ представитель народа; но я знаю навѣрное, что къ этому представительству нисколько не относится, напримѣръ, ваша лысина, ваше гнусливое произношеніе, ваша хромота или близорукость, картежная игра или объяденіе, и т. п. Во всѣхъ подобныхъ статьяхъ я, значитъ, имѣю дѣло только съ вами, господиномъ такимъ-то, во всемъ равнымъ мнѣ гражданиномъ, а не съ генеральнымъ прокуроромъ или другимъ чиномъ, представляющимъ въ себѣ интересы народа. Слѣдовательно, если мнѣ не нравятся ваши знакомые, и я говорю, напримѣръ, что они льстецы и негодяи, то они и вы можете, пожалуй, начать частный искъ противъ меня, но никакъ не можете выставлять на видъ suffrage universel и интересы страны; гдѣ является частная жизнь и личныя отношенія, тамъ ваше представительство кончается, и народу до васъ такъ же мало дѣла, какъ до всякаго другого. Теперь далѣе. Во всемъ, что для народа важно и не безразлично, вы можете дѣйствовать во имя народа, но не иначе, какъ при полномъ убѣжденіи, что ваши дѣйствія именно выражаютъ его стремленія и интересы. Какъ же вы въ этомъ убѣдитесь? Прибѣгать къ всеобщей подачѣ голосовъ по каждому дѣлу — нельзя; аналогіи и наведенія какъ-разъ обманутъ; собственное личное разсужденіе не представляетъ достаточно гарантій на то, что результаты его будутъ согласны съ народной волей. Единственное средство — продолжать свою представительную роль достойнымъ образомъ — состоитъ въ томъ, чтобы прислушиваться къ мнѣніямъ, раздающимся около васъ. Чтобы

доставить вамъ къ этому полныя удобства, вамъ предлагается пресса. Видите-ли, г. генеральный прокуроръ, какъ ваша роль въ отношеніи къ прессѣ измѣняется, если вы только захотите правильно посмотрѣть на ваше представительное значеніе. Никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть у васъ рѣчи о томъ, чтобы позвать писателя къ суду; напротивъ, suffrage universel, сдѣлавшій васъ представителемъ народа, обязываетъ васъ прислушиваться непремѣнно ко всякому голосу, исходящему изъ этого народа, и прислушиваться не за тѣмъ, чтобъ заглушать его, а за тѣмъ, чтобъ принять его въ соображеніе. Высшій идеалъ представительной роли вашей состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы осуществить и примирить въ себѣ интересы рѣшительно всѣхъ людей, составляющихъ націю, — точно такъ, какъ высшій идеалъ всеобщаго избирательства состоитъ въ полномъ единодушіи всѣхъ избирателей. Но вы знаете, г. генеральный прокуроръ, что интересы всѣхъ примирить невозможно; стремитесь же, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы достойнымъ образомъ выразить въ себѣ интересы какъ можно бо́льшаго числа лицъ. Я, какъ часть народа, котораго вы служите представителемъ, имѣю полное право предъявлять мои требованія и соображенія. Но, ежели я объявлю, напр., желаніе, чтобы у васъ на двухъ рукахъ было не десять пальцевъ, а одиннадцать (по пяти съ половиной на каждой рукѣ), то вы можете оставаться спокойны, предполагая, что мои желанія въ этомъ случаѣ совершенно исключительны и никѣмъ не раздѣляются. Преслѣдовать меня, конечно, вы не имѣете права, такъ какъ мои желанія интересамъ страны не вредятъ; но вы имѣете право не обращать на нихъ вниманія. Но совсѣмъ другое дѣло, ежели я выражаю требованія серьезныя и важныя, которыя находятъ сочувствіе и пріобрѣтаютъ послѣдователей. Тогда вы уже обязаны обратить серьезное вниманіе на мои требованія и тѣмъ внимательнѣе должны ихъ разсмотрѣть, чѣмъ значительнѣе та часть избравшаго васъ народа, которая выражаетъ ко мнѣ сочувствіе. Если вамъ мои мнѣнія не нравятся и вы полагаете, что часть народа вовлечена мною въ заблужденіе, то обратитесь сами къ народу, котораго служите представителемъ, и изложите предъ нимъ дѣло по вашимъ понятіямъ. Если и тутъ васъ не послушаютъ, а отдадутъ преимущество моимъ мнѣніямъ, уступите, помня, что вы сами по себѣ ничего, а только какъ представитель массы имѣете значеніе. Не хотите уступить тому, что несогласно съ вашими понятіями,—скажите. что вы не можете болѣе служить представителемъ народа, который разошелся съ вами въ понятіяхъ о собственной пользѣ. Сказавши это,—удалитесь и продолжайте вашу борьбу съ противникомъ, уже какъ частный человѣкъ. Вотъ къ чему обязываетесь вы, г. генеральный прокуроръ, принимая на себя роль представителя народа и основывая свою власть

на suffrage universel. Ни одинъ добрый и разсудительный гражданинъ не можетъ и не долженъ понимать иначе вашихъ правъ и обязанностей. Только тупая и злонамѣренная лесть можетъ васъ увѣрять, что, разъ навсегда принявши на себя представительство народа, вы такъ и можете окостенѣть въ томъ моментѣ, въ какомъ эти интересы находились при вашемъ избраніи. Нѣтъ, избранные *живымъ* народомъ, вы приняли на себя его *живые*, движущіеся, измѣняющіеся интересы, и сообразно съ ними вы сами должны двигаться впередъ, пока можете; а когда устанете или выбьетесь изъ силъ, то остановитесь, пожалуй, но ужъ не говорите, что вы представляете народъ, не останавливайте за собою тѣхъ, которые не устали, и, главное, не подставляйте ногу тѣмъ, которые васъ опережаютъ".

При подобныхъ разсужденіяхъ обыкновенно генеральному прокурору, президенту суда и другимъ чинамъ дѣлается не совсѣмъ ловко. Они чувствуютъ, что тутъ и совѣсть, и логика ихъ не совсѣмъ чиста. И вотъ почему, кажется, они такъ тщательно избѣгаютъ прямого поставленія вопроса; вотъ почему они стараются запутать простое дѣло, говоря о всеобщемъ избирательствѣ и тутъ же подбавляя уважительную свободу, медленный прогрессъ законовъ, и т. п. Они, очевидно, боятся, чтобы Франція не замѣтила наконецъ, что въ основаніи многихъ правительственныхъ дѣйствій послѣдняго времени лежитъ вовсе не забота о достойномъ поддержаніи интересовъ народа, вовсе не уваженіе къ всеобщему избирательству, а просто личный произволъ. Боязнь эта выразилась очень ясно и въ процессѣ Монталамбера, который, если можетъ быть для насъ интересенъ, то именно съ этой точки зрѣнія. Недостатокъ вѣры въ самого себя, въ свою силу и право выразился уже въ томъ, что изъ-за ничтожной статейки подняли государственное дѣло. Правительство, усидѣвшее спокойно на мѣстѣ послѣ покушенія 14-го января, вдругъ обнаруживаетъ робость предъ иллюзіями искренняго католика и легитимиста,—не любопытно-ли это въ самомъ дѣлѣ! Еще болѣе выразилось сознаніе собственной слабости въ томъ, что всячески старались придать процессу Монталамбера какъ можно менѣе гласности. Въ судилище были допущены только избранные, по особымъ билетамъ; журналамъ запрещено было говорить о дѣлѣ Монталамбера; даже приняты были мѣры, чтобы стенографы не записывали рѣчей адвокатовъ. Все это было, разумѣется, и неразсчетливо, потому что предосторожности только болѣе раздражили общее любопытство, и процессъ Монталамбера надѣлалъ такого шуму, какого бы, конечно, не было, если бы все дѣло ведено было обычнымъ порядкомъ. Наконецъ, всѣхъ изумилъ поступокъ императора Наполеона, когда онъ помиловалъ Монталамбера, не дождавшись, пока рѣшеніе суда пройдетъ всѣ

инстанціи. Извѣстно, что подсудимый не принялъ помилованія и объявилъ, что онъ подаетъ на апелляцію и ожидаетъ оправданія, а не милости. Неизвѣстно, будетъ-ли онъ оправданъ, но отказъ его — принять прощеніе — не могъ быть пріятенъ прощавшему. Всѣ эти обстоятельства представляютъ намъ не совсѣмъ въ благопріятномъ видѣ современный порядокъ дѣлъ во Франціи. Народъ, правда, не замѣчаетъ и, можетъ быть, долго еще не замѣтитъ, что его suffrage universel служитъ орудіемъ для обличеній въ процессахъ, подобныхъ Монталамберовскому; но когда-нибудь, наконецъ, онъ это замѣтитъ. Мы убѣждены, что люди, полагающіе, будто такими вещами, какъ всеобщая подача голосовъ, можно играть и злоупотреблять безнаказанно, жестоко ошибаются.

РОБЕРТЪ ОВЭНЪ

И ЕГО ПОПЫТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

Вступленіе.—Первоначальная дѣятельность Овэна и принятіе имъ въ управленіе Нью-Лэнэркской хлопчато-бумажной фабрики.—Состояніе фабрики до него: эксплуатація работниковъ капиталистами, какъ причина дурного хода дѣлъ на фабрикахъ.—Идеи Овэна и мѣры, принятыя имъ для улучшенія Нью-Лэнэрка.—Возстановленіе довѣрія между хозяиномъ и работниками на фабрикѣ; училище въ Нью-Лэнэркѣ, по методѣ Овэна.—Общее вниманіе обращено на Нью-Лэнэркъ.—Временный успѣхъ Овэна, объясняемый состояніемъ англійскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія и ошибочнымъ пониманіемъ стремленій Овэна во всей Европѣ.—Адресъ Овэна Ахенскому конгрессу.—Дѣйствія Овэна въ парламентѣ, его пропаганда, борьба съ клерикальной партіей.—Путешествіе въ Америку и основаніе колоніи Нью-Гармони.—Возвращеніе въ Европу и основаніе Орбистонской колоніи, подъ управленіемъ Абрама Комба.—Новое путешествіе въ Америку и переговоры съ мексиканскимъ правительствомъ о Техасѣ.—Дѣятельность Овэна по возвращеніи въ Англію: пропаганда, участіе въ возстаніяхъ и предпріятіяхъ работниковъ; «Обмѣнъ народнаго труда»; «Дружеское общество рабочихъ» въ Манчестерѣ.—Поѣздка Овена во Францію.—Основаніе колоніи Гармони-Голль.—Представленіе королевѣ Викторіи.—Письмо Роберта Овэна по этому случаю.—Послѣдніе годы жизни Овэна.—Заключеніе.

Овэнъ представляетъ собою безспорно одно изъ самыхъ благородныхъ и симпатичныхъ явленій нашего столѣтія. Недавно (17 ноября 1858 г.) угасла его жизнь, полная смѣлыхъ предпріятій и великодушныхъ пожертвованій на пользу человѣчества, и никто, даже изъ враговъ его идей, не отказался помянуть его добрымъ словомъ. Личность Овэна до того привлекательна своимъ умнымъ добродушіемъ и какимъ-то благодатнымъ, свѣтлымъ спокойствіемъ, его дѣятельность до того поражаетъ своимъ полнымъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальныя реформы, не могли однако-же относиться къ его личности безъ особеннаго уваженія и даже нѣкотораго сочувствія. Его обвиняли, какъ утописта, мечтающаго передѣлать все человѣчество; ему доказывали необходимость безуспѣшности его стремленій; но въ то же время большая часть противниковъ не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположенія Овэна были

осуществимы. Лучшіе умы нашего столѣтія выражали свое сочувствіе Овэну; даже государственные люди, князья и правители были одно время благосклонно заинтересованы его начинаніями. Къ сожалѣнію, у насъ — не только подробности теоретическихъ соображеній Овэна, не только практическія его попытки, но даже самое имя его до сихъ поръ почти неизвѣстно большинству даже образованной публики. Вотъ почему мы считаемъ небезполезнымъ познакомить нашихъ читателей съ жизнью и мнѣніями этого замѣчательнаго человѣка, почти три четверти столѣтія, въ старомъ и новомъ свѣтѣ, безукоризненно служившаго человѣчеству.

Робертъ Овэнъ родился въ 1771 году, въ Ньютонѣ, небольшомъ городкѣ графства Монгомери. Родители его были бѣдные люди и потому не могли дать ему хорошаго теоретическаго образованія. Заботясь только о томъ, чтобы сынъ ихъ имѣлъ возможность впослѣдствіи добывать себѣ хлѣбъ, они предназначили Роберта съ самаго ранняго возраста къ чисто-практической дѣятельности. Девяти лѣтъ онъ былъ уже сидѣльцемъ въ лавкѣ одного купца и очень рано выказалъ необыкновенную практическую смѣтливость. Въ качествѣ купеческаго приказчика и повѣреннаго, онъ разъѣзжалъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ Англіи и, въ этихъ поѣздкахъ и торговыхъ сдѣлкахъ, пріобрѣлъ множество практическихъ свѣдѣній и даже успѣлъ составить себѣ нѣкоторый достатокъ. Восемнадцати лѣтъ Овэнъ былъ уже въ долѣ у основателя обширной хлопчатобумажной фабрики, Дэля, на дочери котораго потомъ онъ женился. Черезъ нѣсколько времени Дэль и совсѣмъ сдалъ на руки Овэна свою фабрику, съ которою никакъ не могъ справиться. Это было въ 1789 г., и отсюда начинается блестящій періодъ практической дѣятельности Овэна.

Чтобъ оцѣнить значеніе того, что здѣсь имъ сдѣлано, нужно предварительно познакомиться съ положеніемъ фабрики въ то время, когда она попала въ руки Овэна.

Фабрика Дэля находилась въ Шотландіи на берегахъ Клейда. Дэль основалъ здѣсь колонію Нью-Лэнэркъ и выбралъ для фабрики мѣсто, въ которомъ паденіе водъ Клейда представляло особенныя удобства для гидравлическихъ сооруженій. Это обстоятельство было чрезвычайно важно въ то время, когда приложеніе пара къ фабричнымъ производствамъ было еще неизвѣстно. Но кромѣ этого удобства, Нью-Лэнэркъ не имѣлъ никакихъ залоговъ успѣха и скоро пришелъ, подъ управленіемъ Деля, въ крайнее разстройство. Фабрика была основана въ обширныхъ размѣрахъ, и работниковъ на нее требовалось много; при этомъ, конечно, нельзя было дѣлать слишкомъ строгаго выбора. А между тѣмъ, фабричная работа по самому существу своему не была въ то время особенно привлекательна.

Индустріализмъ только-что началъ тогда въ Англіи приходить въ силу, и первый принципъ, приложенный имъ къ дѣлу, былъ—эксплуатація рабочихъ силъ посредствомъ капитала. Разумѣется, работникамъ не было сладко отъ этого, и на фабрики шли люди только оттого, что имъ было некуда дѣваться. Понятно, что такіе люди, принимаясь за фабричную работу при такихъ обстоятельствахъ, не обнаруживали слишкомъ большого усердія къ своему дѣлу.

Они знали, что какъ ни работай, а все-таки много не получишь съ хозяина, который только и норовилъ, чтобы выжать изъ работника сколько можно больше выгоды для себя. Вслѣдствіе такихъ понятій и такого порядка вещей, установились почти повсюду враждебныя отношенія рабочаго класса къ подрядчикамъ и заводчикамъ,—и обратно. Хозяинъ смотрѣлъ на своихъ работниковъ, какъ на вьючныхъ скотовъ, которые обязаны за кусокъ насущнаго хлѣба работать на него до истощенія силъ; работники, въ свою очередь, видѣли въ хозяинѣ своего злодѣя, который истощаетъ и мучитъ ихъ, пользуется ихъ трудами и не даетъ имъ ни малѣйшаго участія въ выгодахъ, ими же ему доставляемыхъ. Само собою разумѣется, что не вездѣ въ одинаковой степени проявлялась эта непріязнь, потому что не всѣ хозяева съ одинаковымъ безстыдствомъ эксплуатировали работниковъ; но основа взаимныхъ отношеній между тѣми и другими вездѣ была одинакова. Основатель колоніи Нью-Лэнэрка, Дэль, былъ нисколько не хуже, и даже, можетъ быть, лучше многихъ другихъ фабрикантовъ; но, слѣдуя обычной системѣ обращенія хозяевъ съ работниками, онъ ничего не могъ сдѣлать съ ними. Невыгоды его положенія увеличились еще тѣмъ, что народъ, собравшійся къ нему на фабрику, дѣйствительно былъ избалованъ и развращенъ. Это былъ всякій сбродъ изъ разныхъ странъ, невѣжественный, лѣнивый и безнравственный. Такимъ образомъ, скоро Нью-Лэнэркъ даже превзошелъ въ нравственномъ безобразіи другія мануфактурныя колоніи, вообще не отличавшіяся нравственностью. Вмѣстѣ съ равнодушіемъ къ работѣ, явилась наклонность къ лѣни и праздности; ничтожность заработной платы, сравнительно съ выгодами всего предпріятія, и невозможность, безъ чрезвычайныхъ приключеній, выбраться изъ печальной колеи наемнаго работника производили недовольство, которое мало-по-малу переходило въ безпечность о будущемъ, равнодушіе къ своей участи и, наконецъ, въ тупую апатію ко всему хорошему. Когда же такимъ образомъ внутренняя опора честности и порядочности, внутренній возбудитель къ дѣятельности исчезали, тогда уже не было возможности удержать эту массу людей, бросившуюся во всевозможные пороки и гадости. Въ Нью-Лэнэркѣ было 2.000 человѣкъ, и между ними едва можно было найти какой-нибудь десятокъ людей, хоть нѣсколько

порядочныхъ. Пьянство господствовало между всѣми работниками въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Ни одинъ работникъ не могъ сберечь никакой безделицы изъ своего жалованья: все пропивалось... Если недоставало своихъ денегъ, то ни почемъ было украсть что-нибудь у товарища. Все надо было прятать подъ замками; чуть что плохо лежало,—ничему спуску не было въ Нью-Лэнэркѣ. Такое милое поведеніе обезпечивало, разумѣется, вѣчныя ссоры, безпокойства, жалобы и безпорядки въ колоніи. Всѣ были на ножахъ другъ противъ друга, никто не могъ ни на кого положиться, никто не считалъ безопаснымъ себя и свое имущество... Ко всему этому присоединилась путаница семейныхъ отношеній, безобразно стоявшихъ на полдорогѣ отъ формалистики пуританства къ практикѣ мормонизма или хлыстовщины. При всеобщей бѣдности и пьянствѣ работниковъ, это имѣло видъ грязный и гадкій болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Семейство не существовало; дѣти оставались не только безъ образованія, но даже безъ всякаго призора; и какъ только они немножко подростали, ихъ брали въ работу на фабрику. Чему они тутъ могли научиться, объ этомъ ужъ и упоминать нечего; но кромѣ нравственнаго вреда, и для самаго ихъ здоровья преждевременныя, однообразныя работы на фабрикѣ были чрезвычайно гибельны. Большая часть тѣхъ, которые не умерли во младенчествѣ изъ-за небреженія старшихъ, погибала въ раннемъ возрастѣ, среди изнурительныхъ работъ и безпорядочной жизни на фабрикѣ. Такимъ образомъ, вся колонія, испорченная и разстроенная въ настоящемъ, не имѣла никакихъ шансовъ и въ будущемъ; нельзя было надѣяться даже на то, что вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ подростетъ новое поколѣніе, которое будетъ лучше предыдущаго.

Дэль долго бился съ своими работниками, употребляя для ихъ исправленія обычныя средства хозяевъ: брань, строгія приказанія, уменьшеніе жалованья, вычеты, лишеніе мѣста, судебное преслѣдованіе. Ничто не помогало. На мѣсто прогнанныхъ поступали новые работники, и какъ бы они ни были хороши сначала, общій потокъ увлекалъ и ихъ спустя нѣсколько дней по ихъ вступленіи на фабрику. Работники, у которыхъ убавляли жалованье, старались за то болѣе лѣниться и не чувствовали особенной разницы въ своемъ положеніи, потому что вѣдь и прежде они пропивали все, что получали: конецъ концовъ выходилъ все тотъ же. А ужъ если недоставало и на выпивку, то всегда было подъ рукою легкое средство—украсть... Лишенія мѣста рѣшительно никто не боялся, потому что никто не дорожилъ мѣстомъ; а брань хозяина даже намѣренно вызывалась, потому что многіе не безъ пріятности видѣли раздраженіе и безпокойство своего врага. Словомъ — не было, повидимому, никакихъ средствъ улучшить положеніе фабрики и самой колоніи, когда Дэль передалъ управленіе Нью-Лэнэркомъ Роберту Овэну.

Взявши на свои руки хлопчато-бумажную фабрику Дэля, Овэнъ нашелъ, что доходы съ нея были чрезвычайно ничтожны. Онъ немедленно принялся отыскивать причины дурного хода всей операціи. Первое, что ему бросилось въ глаза, было дурное качество товаровъ, приготовляемыхъ на фабрикѣ, и дурной ходъ всѣхъ фабричныхъ работъ. Зло, слѣдовательно, заключалось не въ посторонних помѣхахъ и затрудненіяхъ, а внутри, въ особенныхъ недостаткахъ фабричнаго производства. Разъ убѣдившись въ этомъ, Овэнъ рѣшился для успѣха предпріятія передѣлать организацію фабрики и всей колоніи. Онъ не хотѣлъ долго ждать, пока перемѣнятся сами собою обстоятельства, пока наберутся новые люди и родятся новыя поколѣнія. Двадцатилѣтній юноша, полный энергіи и увѣренности въ себѣ, онъ полагалъ, что самъ можетъ создать обстоятельства, какія ему нужны, и съ помощію новой обстановки преобразуетъ тѣхъ же самыхъ людей, которые теперь казались ни къ чему негодными. Несмотря на молодость свою, Овэнъ въ это время обладалъ уже большою опытностью и отлично зналъ людей. Разъѣзжая по разнымъ частямъ королевства, имѣя дѣло со множествомъ разнообразныхъ лицъ, онъ особенно поражался всегда громадностью того вліянія, какое имѣютъ на человѣка окружающія его обстоятельства. Постоянныя наблюденія и размышленія привели его къ мысли, которая съ теченіемъ времени все крѣпла въ немъ и, наконецъ, сдѣлалась девизомъ всей его дѣятельности. Мысль эта заключалась въ томъ, что человѣкъ по натурѣ своей ни золъ, ни добръ, а дѣлается тѣмъ или другимъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Въ этомъ заключеніи Овэнъ представляетъ средину между мрачными теоріями средневѣковыхъ фанатиковъ и розовымъ воззрѣніемъ Руссо. По средневѣковымъ теоріямъ, память о которыхъ не исчезла и понынѣ въ католической Европѣ, человѣкъ отъ природы—*золъ*, и только путемъ постояннаго самоотреченія и плотеумерщвленія можетъ выйти изъ своей природной гадости... Руссо, напротивъ, провозгласилъ, что человѣкъ добръ и совершенъ, выходя изъ рукъ природы, а только съ теченіемъ времени, отъ привычки къ жизни и отъ общенія съ людьми, дѣлается злымъ и порочнымъ. Овэнъ говоритъ: ни то, ни другое. Въ человѣкѣ, при рожденіи его на свѣтъ, нѣтъ ни *положительнаго* зла, ни *положительнаго* добра, а есть только *возможность*, способность къ тому и другому. Способность эта заключается въ воспріимчивости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, и, такимъ образомъ, нравственное развитіе человѣка совершенно зависитъ отъ того, какъ устроятся отношенія между его внутренней воспріимчивостью и впечатлѣніями внѣшняго міра. По мѣрѣ того, какъ эти впечатлѣнія осаживаются внутри человѣка, образуется въ немъ и *внутренній* характеръ, который, пріобрѣтая нѣкоторую силу, можетъ потомъ и противодѣйствовать внѣшнимъ вліяніямъ, вновь приходящимъ. Но и

тутъ человѣкъ не освобождается вполнѣ изъ своей зависимости отъ обстоятельствъ, и Овэнъ утверждалъ даже, что ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни крѣпко сложился его характеръ, не можетъ долго выдержать себя совершенно неизмѣннымъ при измѣненіи всей окружающей обстановки. Руководимый такимъ убѣжденіемъ, Овэнъ отважно приступилъ къ реформамъ въ Нью-Лэнэркѣ, въ твердой увѣренности, что стоитъ измѣнить обстановку быта фабричныхъ, и вся колонія приметъ другой видъ.

Какъ человѣкъ умный и практическій, Овэнъ скоро понялъ, что главной причиной дурного хода дѣлъ на фабрикѣ была взаимная недовѣрчивость и даже непріязнь, существовавшая между хозяевами и работниками. Онъ рѣшился уничтожить эту непріязнь. Самъ онъ не былъ жаденъ къ барышамъ и охотно придалъ бы всему предпріятію нѣкоторый видъ ремесленной ассоціаціи. Но онъ не одинъ владѣлъ фабрикой и потому долженъ былъ дѣйствовать въ пользу рабочихъ, не нарушая интересовъ антрепренерскихъ. Доходы съ фабрики были, впрочемъ, — какъ уже сказано, — не велики, и потому Овэну небольшого труда стоило уговорить компаньоновъ предоставить ему полную свободу дѣйствій, при чемъ онъ обѣщалъ вѣрныя выгоды, а не убытокъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись распорядителемъ всей операціи, Овэнъ немедленно приступилъ къ мѣрамъ, которыя долженствовали возстановить потерянное довѣріе работниковъ къ хозяевамъ фабрики.

Онъ былъ увѣренъ, что какъ скоро рабочіе получатъ убѣжденіе въ томъ, что хозяинъ къ нимъ расположенъ и заботится объ ихъ выгодахъ, то они и сами станутъ заботиться объ интересахъ хозяина. Теорія взаимныхъ услугъ, развитая Овэномъ впослѣдствіи, уже и въ это время лежала въ основѣ его дѣятельности. Сообразно съ этой теоріей, онъ счелъ необходимымъ, прежде всякихъ другихъ перемѣнъ, позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго быта работниковъ; затѣмъ, онъ имѣлъ въ виду улучшеніе ихъ нравственности, любовь къ своему дѣлу, живое участіе въ интересахъ всего предпріятія и вслѣдствіе того — возвышеніе достоинства работы и самыхъ выгодъ отъ фабрики. Четыре года продолжалась борьба Овэна съ безпорядками и развратомъ всей колоніи, и, по прошествіи этихъ четырехъ лѣтъ, Нью-Лэнэркъ принялъ такой видъ, что его узнать нельзя было: Овэнъ устроилъ образцовое поселеніе и, вмѣстѣ, съ тѣмъ чрезвычайно выгодную фабрику.

Чтобы видѣть, какъ онъ успѣлъ достигнуть такихъ результатовъ, представимъ нѣкоторыя подробности его дѣйствій.

Зная, что въ Нью-Лэнэркѣ на хозяина смотрятъ плохо, Овэнъ прежде всего постарался о томъ, чтобы какъ можно меньше напоминать рабочимъ свои хозяйскія права. Онъ выбралъ изъ среды работниковъ нѣсколько

честныхъ и смышленыхъ помощниковъ себѣ, которымъ и передалъ свои идеи и намѣренія. Идеи эти состояли въ томъ, что польза самаго дѣла требуетъ отъ хозяина заботливости о работникахъ, и что успѣхъ предпріятія можетъ быть обезпеченъ только полною добросовѣстностью и довѣріемъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ, намѣренія Овэна были: по возможности удалить отъ работниковъ все, что до сихъ поръ неблагопріятно дѣйствовало на ихъ матеріальный бытъ, и потомъ облагородить ихъ нравственную сторону. Содѣйствіе этимъ намѣреніямъ — вотъ все, чего желалъ Овэнъ отъ своихъ помощниковъ; очевидно, что и имъ самимъ не было непріятно ему содѣйствовать. Такимъ образомъ, съ самаго начала своего вступленія въ управленіе фабрикой, Овэнъ рѣшительно уничтожилъ всѣ крутыя, насильственныя мѣры, всѣ принудительныя средства, употреблявшіяся до того времени съ работниками. Онъ предпочелъ дѣйствовать лучше положительными средствами, нежели отрицательными, и принялся за употребленіе ихъ въ очень обширныхъ размѣрахъ, прилагая свои идеи не къ частнымъ случаямъ и отдѣльнымъ лицамъ, а ко всей фабрикѣ. Онъ устроилъ и отдѣлалъ обширное зданіе со всѣми удобствами для помѣщенія работниковъ и сталъ отдавать имъ квартиры въ наемъ, всего болѣе заботясь о томъ, чтобы не получить съ нихъ никакого барыша за это. „Барышъ будетъ уже отъ того, что они тутъ жить будутъ, — разсчитывалъ Овэнъ: — какъ бы ни была ничтожна наемная плата, для фабрики въ концѣ счетовъ все - таки будетъ выгода". Дѣйствительно, мало-по-малу многіе работники перешли на житье въ новое помѣщеніе, которое было несравненно дешевле ихъ прежнихъ квартиръ и представляло болѣе удобствъ. Общее ожесточеніе противъ антрепренера нѣсколько утихло и стало смягчаться тотчасъ, какъ только увидѣли, что онъ дѣлаетъ дѣло по совѣсти. Овэнъ пошелъ дальше. Онъ устроилъ въ Нью - Лэнэркѣ родъ рынка, закупалъ всевозможные товары, необходимые для рабочихъ, и продавалъ ихъ, опять наблюдая то же условіе: не брать себѣ ни копѣйки барыша съ продаваемыхъ вещей. Убытка ему не было, а между тѣмъ рабочіе увидѣли вдругъ огромную разницу въ своихъ расходахъ. Прежде въ Нью-Лэнэркѣ торговали барышники, вытягивавшіе послѣдній сокъ изъ безпорядочнаго и пьянаго населенія: что было нужно, за то просили впятеро; у кого не было денегъ, тому отпускали въ долгъ съ ужасными процентами, обманывали и обсчитывали на каждомъ шагу. Все, что не пропивалось работникомъ, шло въ руки этихъ торговцевъ. Овэнъ рѣшился избавить отъ нихъ Нью-Лэнэркъ и, чтобы вѣрнѣе достичь своей цѣли, не только сталъ продавать товары лучше и дешевле, но также открылъ и кредитъ рабочимъ. Каждому работнику дана была книжка для записи получаемаго имъ жалованья. Въ счетъ заработанной платы, а въ случаѣ надобности — и впередъ, онъ могъ брать на рынкѣ

Овэна все, что ему нужно. Количество и цѣна отпущенныхъ вещей отмѣчались въ книжкѣ, а по истеченіи недѣли сводились всѣ счеты при выдачѣ заработной платы. Разумѣется, и тутъ предпріятіе Овэна не вдругъ пріобрѣло довѣріе. Однакоже вскорѣ всѣ увидѣли, что выгоднѣе покупать дешево хорошія вещи, нежели дорого дурныя. Еще немного —и всѣ убѣдились, что лучше при концѣ недѣльнаго счета получить десять копѣекъ вмѣсто рубля, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, нежели получить полный рубль и тотчасъ же издержать его весь на тѣ же расходы, да еще остаться въ долгу. Мало-по-малу всѣ убѣдились, что Овэнъ не надуваетъ ихъ, всѣ обратились къ его лавочкамъ и вслѣдъ за тѣмъ (что было всего важнѣе для Овэна) увидѣли, что имъ можно жить не хуже прежняго и между тѣмъ все-таки дѣлать сбереженіе изъ заработной платы. Довести работниковъ до этого убѣжденія было необходимо Овэну особенно потому, что этимъ только путемъ надѣялся онъ подѣйствовать на искорененіе пьянства въ Нью-Лэнэркѣ. Воровство и важные безпорядки уменьшились довольно скоро; удобныя и дешевыя квартиры, честная продажа товаровъ. всегда аккуратный и справедливый разсчетъ съ работниками—были достаточны для того, чтобы значительно ослабить и почти уничтожить въ нихъ наклонность къ воровству, грабежу и грубому, наглому мошенничеству. Но пьянство долго не поддавалось усиліямъ Овэна, потому особенно, что продавцы вина сильно ему противодѣйствовали, всячески соблазняя рабочихъ. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ образумить работниковъ, Овэнъ рѣшился и здѣсь попробовать ту же мѣру, которою удалось ему избавить Нью-Лэнэркъ отъ барышниковъ. Онъ самъ принялся за продажу вина и устроилъ питейные домы и лавочки, гдѣ *виски* лучшаго качества продавалась за тридцать и на сорокъ процентовъ дешевле, чѣмъ у другихъ винныхъ продавцовъ. Разумѣется, посторонняя виноторговля была этимъ сильно подорвана и черезъ нѣсколько времени исчезла изъ Нью-Лэнэрка. Въ питейныхъ же домахъ, заведенныхъ Овэномъ, пьянство не могло встрѣтить благопріятныхъ условій для своего развитія. Сначала и тутъ, правда, многіе напивались, и никто не мѣшалъ имъ въ этомъ. Но во многихъ наклонность къ пьянству ослабѣла уже отъ одного того, что не была возбуждаема и поддерживаема безпрерывными искушеніями и зазываньями, какія употреблялись прежними виноторговцами. Въ другихъ проявилась бережливость и, имѣя возможность повеселить себя чаркою виски за дешевую цѣну, они уже не считали особенно восхитительнымъ истратить весь остатокъ заработной платы для того, чтобы напиться до безчувствія. Мало-по-малу, Овэну удалось довести массу работниковъ до того, что пьянство стало считаться между ними предосудительнымъ. А разъ утвердившись на этой почвѣ, онъ уже безъ особенныхъ усилій могъ иско-

ренить остатки пьянства. Между прочимъ, сильно помогло ему въ этомъ одно устроенное имъ учрежденіе для холостыхъ работниковъ, которые, разумѣется, и были самыми опасными кутилами. Онъ учредилъ для нихъ общій столъ, по самой ничтожной цѣнѣ. Пища была очень обильна, разнообразна и питательна, плату за обѣдъ можно было просто записывать въ книжку жалованья: такія благопріятныя условія привлекли многихъ, а когда они стали имѣть порядочный столъ, то у большей части самъ собою пропалъ позывъ на безпутное пьянство. Спустя нѣкоторое время Нью-Лэнэркъ сталъ на такую ногу, что пьяница поражался въ немъ общимъ порицаніемъ и презрѣніемъ, почти наравнѣ съ воромъ и мошенникомъ. Нравственныя чувства пробудились въ людяхъ, прежде столь грубыхъ и испорченныхъ, и въ Нью Лэнэркѣ началась совершенно новая жизнь.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ быта рабочихъ измѣнялось и самое управленіе фабрикой. Врагъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, Овэнъ уничтожилъ всѣ наказанія и взысканія, до того времени употреблявшіяся на фабрикѣ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать только на убѣжденіе и на добрую волю работниковъ. Своими распоряженіями въ ихъ пользу, онъ добился ихъ довѣрія, что было для него вдвойнѣ трудно, какъ для хозяина и какъ для англичанина,—потому что большинство работниковъ состояло изъ шотландцевъ, плохо расположенныхъ къ англичанамъ. Получивши же довѣріе рабочихъ и постоянно его оправдывая своими поступками, Овэнъ уже весьма легко убѣдилъ ихъ, что ихъ собственные интересы должны заставить ихъ работать усерднѣе и лучше. Онъ объяснилъ имъ кругооборотъ всей операціи такимъ образомъ: „отъ вашего усердія и качества вашей работы зависитъ количество и качество фабричныхъ продуктовъ, которые мы можемъ изготовлять на продажу. Чѣмъ больше будетъ продуктовъ и чѣмъ выше будетъ ихъ достоинство, тѣмъ болѣе доходовъ получится съ фабрики. Увеличеніе же доходовъ дастъ мнѣ возможность болѣе сдѣлать въ вашу пользу, — возвысить задѣльную плату, сократить число рабочихъ часовъ, увеличить удобство вашего помѣщенія, и т. п. Вы видите, слѣдовательно, что, работая хорошо, вы не для моихъ однихъ барышей жертвуете своимъ трудомъ, а имѣете въ виду вашу собственную, прямую выгоду". Разсужденія эти были очень просты и здравы, и такъ какъ всѣ вѣрили, что Овэнъ не надуетъ, а дѣйствительно сдѣлаетъ, что говоритъ, то представленія его имѣли сильное дѣйствіе на работниковъ. Чтобы довершить вліяніе своихъ убѣжденій, Овэнъ отказался отъ всякаго формальнаго проявленія начальнической власти въ своихъ отношеніяхъ съ рабочими и предоставилъ ихъ собственному суду опредѣленіе степени искусства въ работѣ и личныхъ достоинствъ каждаго. Не только въ частной жизни работниковъ, но даже въ самой работѣ ихъ, Овэнъ умѣлъ избѣг-

нуть всякихъ понужденій и взысканій; онъ никогда не поднималъ шуму изъ того, зачѣмъ человѣкъ наработалъ мало или плохо, никогда не заставлялъ работать противъ воли. Онъ сказалъ, что хорошая работа нужна для общей пользы работниковъ еще болѣе, нежели для его частной выгоды, и, помня это, онъ хотѣлъ, чтобы работники сами заботились объ исправномъ ходѣ работъ. И дѣйствительно, — они заботились: лѣнтяй и плохой работникъ подвергались порицанію и презрѣнію всего общества; неумѣющихъ учили болѣе искусные; лучшіе мастера пользовались общимъ почетомъ; во всей массѣ работниковъ явилось чувство живого соревнованія, добросовѣстность въ работѣ водворялась все болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ упроченіемъ нравственныхъ началъ въ Нью-Лэнэркѣ. Всякій чувствовалъ себя отвѣтственнымъ уже не передъ эксплуататоромъ-хозяиномъ, котораго и обмануть не грѣхъ, не передъ начальственной властью, на которую всегда смотрятъ съ нѣкоторой недовѣрчивостью и даже враждебностью, а передъ цѣлымъ обществомъ своихъ товарищей, во всемъ между собою равныхъ и имѣющихъ одни и тѣ же интересы. Такого рода отвѣтственность, соединенная съ чувствомъ правильно-настроеннаго, здороваго самолюбія, была самымъ лучшимъ двигателемъ всего хода дѣлъ на фабрикѣ. Всѣ старались быть и все дѣлать какъ можно лучше, не ожидая за это ни хозяйской похвалы, ни прибавки на водку, такъ какъ Овэнъ, уничтоживши взысканія, уничтожилъ и награды въ Нью-Лэнэркѣ. Единственную дань внѣшнимъ отличіямъ принесъ онъ, допустивши дощечки разнаго цвѣта, которыя давались каждому работнику и означали достоинство работы каждаго. Дощечки были четырехъ цвѣтовъ: *бѣлыя*, означавшія, что работа хороша, *желтыя*—довольно хороша, *синія* — посредственна, *черныя* — дурна. Замѣчательно, что, по отзывамъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Нью-Лэнэркъ, весьма у немногихъ работниковъ находились синія досчечки, а черныя —ни у кого.

Внѣ своихъ мастерскихъ, работники также не могли укрыться отъ общественнаго контроля, который былъ гораздо дѣйствительнѣе надзора хозяина. И здѣсь Овэнъ умѣлъ достигнуть того, чего ему хотѣлось, всего болѣе тѣмъ, что оставилъ всякое прямое вмѣшательство въ частныя дѣла фабричныхъ. До вступленія его въ управленіе, работники Нью-Лэнэрка безпрестанно враждовали между собою изъ-за національностей и изъ-за различныхъ оттѣнковъ вѣроисповѣданій. Хозяева и надсмотрщики считали своимъ долгомъ разрѣшать ихъ ссоры по своему крайнему разумѣнію; само собою разумѣется, что сторона, обиженная рѣшеніемъ, воспламенялась еще больше прежняго, и раздоръ усиливался. Овэнъ объявилъ, что онъ ни къ кому особеннаго расположенія не питаетъ и никому не намѣренъ — ни мѣшать, ни помогать въ дѣлахъ вѣры и личныхъ убѣжде-

ній. Для него было рѣшительно все равно, шотландецъ, англичанинъ или ирландецъ былъ работникъ, и держался ли онъ чистаго католическаго вѣроисповѣданія, принадлежалъ-ли къ епископальной или пресвитеріанской церкви, былъ-ли методистъ или анабаптистъ. Равнодушіе и полнѣйшая, безграничная терпимость Овэна подѣйствовали и на работниковъ: раздоры землячества и сектаторства затихли и мало-по-малу совсѣмъ прекратились, такъ что, когда Овэнъ устроилъ училище для дѣтей фабричныхъ, то приверженцы самыхъ враждебныхъ между собою сектъ не усомнились отдать туда дѣтей своихъ.

Училище, устроенное Овэномъ въ Нью-Лэнэркѣ, было торжествомъ его системы. Обыкновенно, дѣти фабричныхъ не получали въ это время никакого воспитанія. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ они начинали ходить на фабрику и тамъ, по мѣрѣ силъ, помогали взрослымъ и по мѣрѣ возраста пріучались къ ихъ грубости и разврату. Получить возможность взять дѣтей для ученья отъ фабричной работы,—и это уже было шагомъ впередъ. Овэнъ добился этой возможности, убѣдивши работниковъ, что ранѣе десяти лѣтъ не слѣдуетъ посылать дѣтей на фабрику и ограничивши срокъ дѣтской работы десятью часами въ день — maximum. Въ училищѣ же своемъ Овэнъ вздумалъ приложить тѣ же начала, посредствомъ которыхъ онъ такъ удачно преобразовалъ Нью-Лэнэркъ, и совершенный успѣхъ оправдалъ его систему. Отправляясь отъ той мысли, что человѣкъ весь есть созданіе обстоятельствъ и что, слѣдовательно, на него не можетъ падать отвѣтственность за то, уменъ онъ или глупъ, скроменъ или дерзокъ, и т. п., Овэнъ считалъ рѣшительной нелѣпостью всякія условныя награды и наказанія не только для взрослыхъ, но даже и для дѣтей. Поэтому, въ училищѣ его никакихъ наградъ и никакихъ наказаній не было положено. Къ ученью дѣти возбуждались интересомъ самаго знанія, которое имъ никогда не старались навязывать противъ ихъ воли. Что касается до внѣшняго порядка и такъ-называемаго *поведенья* учениковъ, то Овэнъ никогда не считалъ нарушеніемъ порядка и дурнымъ поведеніемъ — маленькія дѣтскія шалости, неистребимыя притомъ никакими строгостями. Большихъ же преступленій не могло быть въ училищѣ Овэна уже и потому, что тутъ почти исключительно находились дѣти моложе десятилѣтняго возраста. Да ежели и встрѣчались проступки дѣйствительно нехорошіе, то они находили свое осужденіе и наказаніе въ самихъ же дѣтяхъ. Посѣщавшіе Нью-Лэнэркъ съ удивленіемъ разсказываютъ о томъ порядкѣ, благородствѣ и единодушіи, какіе господствовали между дѣтьми, находившимися въ училищѣ Овэна. Ежели сильный хотѣлъ обидѣть слабаго, остальныя дѣти вступались за обижаемаго; если кто замѣченъ былъ въ плутовствѣ, съ нимъ не хотѣли имѣть дѣла; кто солгалъ, тому переста-

вали вѣрить... Въ играхъ, занятіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ дѣтей между собою господствовала совершенная открытость, справедливость и взаимное уваженіе и расположеніе. При этомъ вовсе не исключалось соревнованіе учениковъ между собою; но такъ какъ наградъ и наказаній не было, то оно возбуждалось не завистью и корыстью, а искреннимъ желаніемъ дѣйствительнаго совершенствованія. Проистекая изъ такихъ началъ, соревнованіе учениковъ Овэна было тихо и добродушно; оно никогда не могло дойти до такого неистовства, до какого доходило, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ ланкастерскихъ школахъ, искусственно возбуждавшихъ его до такой степени, что соревнующіе ученики стали наконецъ пырять ножами другъ друга. У Овэна дѣти и не ссорились за ученье, и учились хорошо. Замѣтимъ здѣсь, что училище его по своимъ размѣрамъ не уступало многимъ изъ ланкастерскихъ школъ и что способъ обученія Ланкастера и Белля былъ отчасти усвоенъ Овэномъ. Залы училища его могли вмѣщать до 400 воспитанниковъ. Всѣ дѣти распредѣлены были по различнымъ классамъ; самые маленькіе учились читать и писать; въ старшихъ классахъ преподавались высшія правила счисленія, механики и физики. Старшіе обыкновенно не только сами учились, но и руководили младшихъ. На десятилѣтнемъ возрастѣ ученье обыкновенно оканчивалось, потому что съ десяти лѣтъ дѣти начинали уже ходить въ мастерскія на работу. Но и до этого времени они успѣвали пріобрѣтать довольно много свѣдѣній, благодаря тому, что все ученье было совершенно наглядно и чуждо всякихъ схоластическихъ замашекъ и ненужныхъ формальностей. Принято было за правило—непремѣнно *показывать* ученикамъ самый предметъ, о которомъ говорилось, или, по крайней мѣрѣ, рисунокъ его. Такимъ образомъ, естественная исторія изучалась обыкновенно во время прогулокъ въ полѣ; изученіе географіи начиналось съ разсматриванія карты и продолжалось въ видѣ путешествія по ней отъ даннаго пункта, и т. д. Избѣгать всякой сухости и мертвой формальности и поддерживать въ дѣтяхъ живой интересъ ко всему, что имъ преподавалось, — было главною заботою Овэна. Благодаря такой системѣ, мальчики въ короткое время своего пребыванія въ школѣ пріобрѣтали у него довольно основательныя познанія въ геометріи, механикѣ и естественной исторіи. Дѣвочекъ учили меньше, и вмѣсто спеціальныхъ знаній, прилагаемыхъ въ фабричномъ мастерствѣ, ихъ обучали разнымъ рукодѣльямъ, преимущественно шитью.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить одно замѣчательное обстоятельство, которое показываетъ, съ какимъ тактомъ умѣлъ Овэнъ вести дѣло и пользоваться своимъ положеніемъ. Мы упоминали выше о множествѣ различныхъ сектантовъ, бывшихъ въ Нью-Лэнэркѣ. Принимаясь учить дѣтей, Овэнъ долженъ былъ въ религіозномъ обученіи—или выбрать какую-нибудь

одну изъ сектъ, или приноровляться къ каждой изъ нихъ. И то, и другое было не хорошо: первое могло возстановить противъ Овэна приверженцевъ другихъ сектъ, второе значило играть комедію, проповѣдуя то, чего вовсе не одобряешь. Овэнъ блестящимъ образомъ выпутался изъ этого затрудненія, сохранивши доброе согласіе въ колоніи и не пожертвовавъ ни іотою изъ своихъ личныхъ убѣжденій. Онъ совершенно отказался отъ религіознаго обученія, сказавши, что не хочетъ стѣснять никого и предоставляетъ родителямъ полную свободу наставлять своихъ дѣтей, какъ имъ внушаютъ ихъ благочестивыя вѣрованія. „Въ семейной жизни и воспитаніи, — прибавляетъ Овэнъ, — правила вѣры гораздо лучше усвоиваются, нежели въ школѣ, и потому дѣтямъ не будетъ никакого ущерба отъ того, что религіозное обученіе не войдетъ въ число учебныхъ предметовъ школы“.

Въ 1797 г., уже сдѣлавши нѣсколько преобразованій въ Нью-Лэнэркѣ, Овэнъ женился на дочери своего главнаго компаньона, Дэля, и съ этихъ поръ получилъ еще болѣе вліянія на всѣ дѣла фабрики. Доходы ея быстро увеличивались, итоги доходили до милліоновъ, и всѣ компаньоны убѣдились въ справедливости и благоразуміи распоряженій Овэна. Необыкновенная честность его и рыцарская правдивость во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ еще болѣе увеличили всеобщее довѣріе къ Овэну и подняли значеніе Нью-Лэнэркской фабрики. Овэнъ доводилъ до того свою честность, что если получалъ заказъ въ то время, когда товары были въ очень высокой цѣнѣ, то писалъ заказчику, не хочетъ-ли онъ подождать немного, такъ какъ черезъ нѣсколько времени цѣна товара должна понизиться. Сначала всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на такой образъ дѣйствій и со дня на день ждали, что Нью-Лэнэркъ разорится и обанкрутится. Но прошло 20 лѣтъ, фабрика приходила въ цвѣтущее положеніе, владѣльцы ея получали отличные доходы, и вся колонія Нью-Лэнэрка пользовалась полнымъ благосостояніемъ.

Слухъ о чудесахъ, произведенныхъ Овэномъ, распространился въ Англіи и вскорѣ потомъ во всей Европѣ. Всеобщее вниманіе было обращено на Овэна и его удивительную реформу въ жизни фабричныхъ; тысячи любопытныхъ посѣтителей ежегодно бывали въ Нью-Лэнэркѣ и съ восторженнымъ удивленіемъ разсказывали объ эдемской идилліи, осуществленной на берегахъ Клейда стараніями Овэна. Только нѣкоторые скептики рѣшались увѣрять, что тутъ что-нибудь да не такъ, и что во всякомъ случаѣ изъ успѣха частнаго опыта ничего нельзя заключать о достоинствѣ всей системы, приложенной Овэномъ къ Нью-Лэнэркскимъ фабричнымъ. Тогда Овэнъ рѣшился изложить нѣкоторыя изъ общихъ основаній своихъ дѣйствій, придать нѣсколько систематическій видъ своимъ общимъ воз-

зрѣніямъ и объяснить практическіе результаты, достигнутые имъ посредствомъ соображеній теоретическихъ. Съ этой цѣлью издалъ онъ въ 1812 г. свое первое сочиненіе — „Объ образованіи человѣческаго характера (New views of society, or essays upon the formation of human character). Въ этомъ сочиненіи уже очень ясно высказывается взглядъ Овэна на природу человѣка и на условія ея развитія въ ту или другую сторону. „Человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ зависитъ отъ окружающихъ его обстоятельствъ. Полной абсолютной свободы не существуетъ и никогда не существовало. Поэтому, человѣкъ не можетъ нести отвѣтственности за то, что у него дурной характеръ или ложныя убѣжденія. Равнымъ образомъ, и всѣ практическія послѣдствія дурного развитія ума или воли не должны быть относимы прямо къ винѣ отдѣльной личности, а должны быть приписаны дѣйствію тѣхъ же обстоятельствъ. Измѣненіе человѣческаго характера возможно, слѣдовательно, только при перемѣнѣ той общественной обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Эта послѣдняя перемѣна должна быть совершена посредствомъ улучшенія матеріальнаго быта массъ и посредствомъ воспитанія новыхъ поколѣній на совершенно новыхъ началахъ“. Таковы общія положенія, провозглашенныя Овэномъ въ первомъ своемъ опытѣ. Въ нихъ ясно уже его безкорыстное стремленіе къ улучшенію положенія массъ народныхъ, ясно сочувствіе къ этой, въ то время униженной, забитой части общества. Несмотря на то, многіе не умѣли понять истинныхъ намѣреній Овэна, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что значительной долей временнаго успѣха своихъ идей въ первое время онъ былъ обязанъ именно тому, что его плохо поняли. Какъ скоро онъ высказался съ большей опредѣлительностью, его немедленно всѣ оставили, и идеи его не только не возбуждали уже прежняго восторга, но даже поступили въ разрядъ вредныхъ и опасныхъ мечтаній. Для объясненія этого любопытнаго факта, надо припомнить положеніе англійскаго общества и общее движеніе идей въ первую четверть нынѣшняго столѣтія.

Въ концѣ XVIII вѣка въ промышленности Англіи произведенъ былъ переворотъ изобрѣтеніями Уатта и Эркрайта. Пока не было машинъ и все производилось руками, возможно было существованіе множества частныхъ ремесленниковъ, зарабатывавшихъ себѣ хлѣбъ своими трудами по одиночкѣ. Ихъ произведенія были тогда въ хорошей цѣнѣ, потому что, при ручной работѣ, производство никогда не могло достигать такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ при существованіи машинъ. Усовершенствованный Эркрайтомъ механическій ткацкій станокъ и примѣненіе къ машинамъ парового двигателя, сдѣланное Уаттомъ, дали совершенно новый видъ промышленности Англіи и всей Европы. Съ одной стороны—производительность фабричная страшно усилилась; хлопчато - бумажное производство

сдѣлалось одною изъ главныхъ отраслей промышленности Англіи [1]). Среднее сословіе возвышалось въ своемъ значеніи и было уже въ состояніи тягаться съ землевладѣльческой аристократіей. Но, съ другой стороны— это же самое распространеніе машинъ опредѣлило совершенно иначе прежнія отношенія средняго сословія къ работникамъ. При существованіи машинъ одиночная ручная работа перестала быть выгодною; мало-по-малу она совершенно была подорвана машиннымъ производствомъ, которое, при своей простотѣ и дешевизнѣ, давало производителямъ средство значительно понижать цѣну на товары. Большая часть ремесленниковъ не имѣла средствъ на то, чтобы завести у себя машины; для этого нужны были капиталы, которыхъ у нихъ не было. Духъ ассоціаціи не проникъ еще тогда въ промышленность, и оттого вскорѣ ремесленники очутились въ необходимости сдѣлаться наемниками у людей, имѣвшихъ средства пріобрѣтать машины и заводить обширныя фабрики. Сначала, пока машинъ было немного и совокупность ремесленниковъ могла выдерживать съ ними соперничество, положеніе работниковъ на фабрикахъ было очень сносно. Но соперничество не могло долго продолжаться; скоро работники въ избыткѣ стали являться на фабрики, не имѣя возможности кормиться произведеніями одиночной своей работы, сильно упавшими въ цѣнѣ. Тогда, разумѣется, заработная плата понизилась, и вскорѣ работники увидѣли себя въ совершенной зависимости отъ капиталистовъ, безъ всякихъ средствъ для противодѣйствія съ своей стороны. Положеніе ихъ было до того безпомощно, безвыходно, что возникшая вскорѣ конкурренція между капиталистами-промышленниками не только не послужила къ улучшенію положенія рабочаго класса, но даже сдѣлала его еще хуже. Конкурренція выражалась тѣмъ, что производство старались улучшить и удешевить. Такимъ образомъ, товары все упадали въ цѣнѣ, а сообразно съ тѣмъ понижалась и заработная плата. О томъ же, чтобы привлечь къ себѣ работниковъ, предоставленіемъ имъ какихъ-нибудь преимуществъ, никто и не думалъ: объ этой дряни не стоило заботиться; капиталисты знали, что нужда заставитъ придти къ нимъ какихъ-нибудь работниковъ даже за самую ничтожную плату.

Кромѣ небрежности и лѣни, между всѣми работниками господствовало чувство непріязни и скрытнаго озлобленія противъ капиталистовъ - хозяевъ. Такое расположеніе рабочаго класса много вредило успѣшному ходу

[1]) До изобрѣтенія машинъ, во всей Великобританіи считалось только 8.000 ремесленниковъ и мастерицъ, занятыхъ хлопчато-бумажнымъ производствомъ; нынѣ это дѣло занимаетъ въ Англіи до милліона народа. Цѣнность бумажныхъ тканей, уже по исчисленію 1836 г., простиралась въ Англіи слишкомъ до 200 милліоновъ рублей; въ настоящее время цифра эта болѣе чѣмъ удвоилась.

дѣлъ на фабрикахъ и еще болѣе внушало хозяевамъ какой-то неопредѣленный страхъ предъ недовольными массами. Они чувствовали, что безпощадная эксплуатація рабочихъ силъ можетъ имѣть конецъ не совсѣмъ пріятный для самихъ капиталистовъ; но, несмотря на это сознаніе, имъ никакъ не хотѣлось поступиться, даже временно, какою-нибудь частью своихъ барышей для увеличенія матеріальныхъ средствъ рабочаго класса. Имъ бы хотѣлось какъ-нибудь пріискать средство эксплуатировать работника такъ, чтобы имъ было отъ этого очень хорошо, а ему не было дурно. Надобно было изобрѣсти игру, въ которой бы всѣ играющіе оставались въ выигрышѣ. Такую именно игру увидѣли эти люди въ проектахъ Овэна, и въ этомъ заключается тайна его первыхъ успѣховъ въ среднемъ классѣ общества.

Но еще болѣе сочувствія встрѣтилъ Овэнъ въ государственныхъ людяхъ, въ аристократическихъ кругахъ Англіи и всей Европы. И тутъ было то же недоразумѣніе. Англійская аристократія вступила въ антагонизмъ съ буржуазіей съ самаго начала сильнаго развитія промышленности Англіи. Съ одной стороны, была поземельная собственность и родовыя привилегіи, съ другой—капиталъ и индустріальныя стремленія. Но аристократія была ужасно встревожена демократическими тенденціями французской революціи и даже опасалась, чтобы что-нибудь подобное не повторилось и въ Англіи. Въ своей боязливой предусмотрительности, она не замѣтила, что опасность угрожаетъ ей совсѣмъ съ другой стороны, и заботилась всего болѣе о томъ, чтобы не допустить въ народъ якобинскихъ идей, за которыя считалось тогда всякое предъявленіе своихъ правъ лицами низшаго сословія. Принимая такой принципъ въ отношеніи къ народу, аристократія поземельныхъ владѣльцевъ незамѣтно для себя самой помогала непомѣрному усиленію значенія промышленниковъ капиталистовъ. Скоро сдѣлалось замѣтнымъ преобладаніе индустріальныхъ интересовъ предъ земледѣльческими: сельское населеніе переходило въ города, огромныя массы бѣднаго народа группировались въ промышленныхъ центрахъ, значеніе поземельной аристократіи падало, и коттонъ-лорды, владѣльцы большихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, сдѣлались наконецъ опасными соперниками лэндъ-лордовъ, поземельныхъ владѣльцевъ. Не вдругъ поняли лэндъ-лорды весь смыслъ и послѣдствія для нихъ индустріальнаго развитія страны въ ущербъ благосостоянію низшихъ классовъ. Ихъ все ослѣплялъ и стращалъ кровавый призракъ французской революціи. Наконецъ, реставрація ихъ успокоила; они увидѣли, что народа бояться нечего, и вздумали дѣйствовать противъ буржуазіи. Торійское министерство до 1822 г. представляетъ рядъ стѣснительныхъ и обременительныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью ограничить развитіе гражданской

свободы преимущественно въ среднихъ классахъ. Ограниченія эти все-таки, разумѣется, не имѣли въ виду пользы народа; но аристократы и государственные люди сильно уже задумывались о томъ, какъ бы дисциплинировать массы и, давши имъ право на кусокъ хлѣба, сдѣлать за то послушными орудіями въ своихъ рукахъ. Не зная, какъ бы это сдѣлать безъ всякихъ пожертвованій и существенныхъ уступокъ съ своей стороны, государственные люди были пріятно поражены опытами и планами Овэна. Онъ не требовалъ никакихъ правительственныхъ реформъ, у него не находили крайнихъ демократическихъ принциповъ, которыхъ такъ страшились. Напротивъ, въ его общинѣ видѣли патріархальное устройство: онъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ добродѣтельнаго праотца, въ своей особѣ соединявшаго всѣ гражданскія власти, а работники являлись его покорными дѣтьми, готовыми всѣмъ жертвовать для его пользы и спокойствія. Растолковавши себѣ такимъ образомъ положеніе Овэна, аристократы и государственные люди никакъ не хотѣли допустить мысли о томъ, что стремленія Овэна могутъ быть совершенно безкорыстны. На его планы они тоже смотрѣли какъ на игру, въ которой никто, можетъ быть, не останется въ большомъ проигрышѣ, а самый большой выигрышъ долженъ выпасть на ихъ долю.

Въ такомъ положеніи засталъ Овэнъ англійское общество, и не мудрено, что его идеи были приняты съ восторгомъ даже такими людьми, отъ которыхъ всего менѣе можно было ожидать какихъ-нибудь доброжелательныхъ расположеній къ народу. Преимущественно были въ ходу идеи Овэна отъ 1815 до 1830 г., когда во всей Европѣ проводились предначертанія Священнаго союза, а въ Англіи была во всей силѣ борьба буржуазіи съ аристократіей. Изъ всѣхъ партій, выказывавшихъ тогда наклонность къ непонятнымъ теоріямъ Овэна, едва-ли еще не искреннѣе всѣхъ были капиталисты-фабриканты, видѣвшіе въ этихъ теоріяхъ легкое средство получать съ фабрикъ болѣе барышей, безъ отягощенія и даже съ облегченіемъ участи рабочихъ. Они тѣмъ искреннѣе принимали мысли Овэна, что дѣйствительно въ это время чувствовали нужду въ поддержкѣ массъ для успѣха въ борьбѣ своей съ аристократіей. Такое колебаніе продолжалось у нихъ до самаго билля о реформѣ 1832 г., придавшаго имъ довольно прочное значеніе въ парламентѣ и тѣмъ обезпечившаго ихъ и со стороны аристократіи, и со стороны массъ работниковъ, о которыхъ, впрочемъ, на словахъ они и послѣ того не переставали заботиться. Что же касается до аристократической партіи — не только въ Англіи, но и въ цѣлой Европѣ—то она, въ отношеніи къ пониманію Овэна, была гораздо менѣе близка къ истинѣ, нежели партія промышленная. Овэнъ все представлялся имъ въ родѣ какого-то укротителя звѣрей, смирителя анар-

хическихъ порывовъ, мудраго старца, на половину бургомистра и на половину школьнаго учителя, — и только. Они видѣли, что онъ желаетъ, чтобъ многочисленнѣйшій производительный классъ народа могъ жить мирно и спокойно, и за это они хвалили его: имъ тоже хотѣлось, чтобъ народъ жилъ мирно и спокойно. Но чего хочетъ Овэнъ отъ нихъ самихъ, — они этого и знать не хотѣли. Имъ вовсе не казалось нужнымъ вникнуть въ то, что для достиженія возможнаго благосостоянія массъ имъ нужно самимъ немножко побезпокоить себя и рѣшиться на нѣкоторыя пожертвованія. Это непріятное обстоятельство они отстраняли отъ своего разсудка и, видя въ Овэнѣ только отличнаго укротителя и ловкаго организатора работниковъ, очень желали научиться его мудрости. Въ этихъ видахъ очень интересовался Овэномъ герцогъ Кентскій, братъ короля, нѣсколько разъ присутствовавшій на митингахъ Овэновой партіи и рекомендовавшій его идеи всей англійской аристократіи. Въ этихъ же видахъ покровительствовали теоріи Овэна и другіе прославленные люди того времени, столь же мало понимавшіе всю чистоту его намѣреній. Въ 1818 г. онъ высказалъ нѣсколько опредѣленнѣе свои предположенія насчетъ рабочаго класса, въ двухъ „адресахъ“, представленныхъ имъ: одинъ—монархамъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, другой—всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Онъ положительными фактами и цифрами доказывалъ здѣсь, что изобрѣтеніе механическихъ ткацкихъ станковъ и паровыхъ машинъ, въ 12 разъ увеличивши промышленную производительность Великобританіи, имѣло однакоже для рабочаго класса одно послѣдствіе—страшное увеличеніе бѣдности. Затѣмъ, онъ представлялъ очень ясные выводы, что если все пойдетъ и впередъ такъ же, какъ шло доселѣ, то пролетаріатъ долженъ быстро усиливаться и ему не помогутъ никакія частныя мѣры. Анализируя значеніе *таксы для бѣдныхъ*, Овэнъ утверждалъ, что она съ каждымъ годомъ должна увеличиваться и что, наконецъ, общество должно будетъ насильственно отнять у бѣдныхъ большую часть прежняго вспоможенія (что и случилось). Для того, чтобы выйти изъ такого горестнаго положенія, возможно было, по мнѣнію Овэна, одно средство: отказаться отъ огромныхъ, исключительно-мануфактурныхъ центровъ, служащихъ мѣстомъ игры громадныхъ капиталовъ и имѣющихъ развращающее, унижающее и разоряющее вліяніе на массу рабочаго населенія. Вмѣсто ихъ, Овэнъ предлагалъ завести небольшія общины, устроивши ихъ на основаніи выработанныхъ имъ началъ, въ видѣ промышленно-земледѣльческихъ ассоціацій. Этой радикальной мѣрой Овэнъ думалъ отвратить бѣдствіе пролетаріата, избавивши массу населенія отъ необходимости отдавать свой трудъ въ распоряженіе богатыхъ спекуляторовъ. Въ подтвержденіе возможности успѣшнаго существованія такихъ общинъ, Овэнъ ука-

зывалъ на Нью-Лэнэркъ. Ахенскій конгрессъ слишкомъ былъ занятъ высшими государственными соображеніями, чтобы имѣть досугъ для разсмотрѣнія такого незначительнаго дѣла, какъ улучшеніе быта ремесленныхъ классовъ, и потому проекты Овэна остались безъ послѣдствій на конгрессѣ. Тѣмъ не менѣе, общее вниманіе высшихъ государственныхъ сановниковъ было благопріятно обращено на англійскаго филантропа. Самъ Меттернихъ не безъ похвалы отозвался о немъ; а король прусскій прислалъ ему золотую медаль. Въ Англіи тотъ же успѣхъ встрѣтилъ Овэна: его первое сочиненіе „Объ образованіи человѣческаго характера“—было теперь разослано къ разнымъ лордамъ, прелатамъ, членамъ палаты депутатовъ, во всѣ возможные университеты. Лордъ Сидмутъ оффиціально объявилъ Овэну, что правительство одобряетъ его идеи и постарается примѣнить ихъ, какъ только общество будетъ къ тому приготовлено. Все это совершилось въ пятилѣтіе, 1812—1817 г., и сами враги Овэна сознаются, что еслибъ онъ хотѣлъ въ это время воспользоваться общимъ энтузіазмомъ для своихъ личныхъ цѣлей, то могъ бы сдѣлать славную аферу. Спекуляціи на филантропію рѣдко бываютъ неудачны, а филантропическіе планы Овэна были такъ обширны и такъ успѣли зарекомендовать себя предъ цѣлой Европой, что даже, при самомъ добросовѣстномъ и человѣколюбивомъ мошенничествѣ, могли доставить много милліоновъ смѣтливому аферисту. Многіе ожидали, что Овэнъ воспользуется своимъ положеніемъ для собственныхъ выгодъ,—и всѣ ошиблись.

Съ 1818 г. начинается для Овэна жестокая борьба, вмѣсто того блестящаго тріумфа, какимъ онъ пользовался нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Борьба эта ведена была съ безукоризненной честностью и благородствомъ со стороны Овэна; но при всемъ томъ, нужно согласиться съ его противниками, что борьбу свою предпринялъ онъ совершенно безразсудно и въ продолженіе ея выказалъ много разъ свое наивное добродушіе. Этотъ чудакъ вздумалъ преобразовать Англію, Европу, цѣлый міръ:—и въ чемъ же? въ дѣлѣ самомъ священномъ, самомъ миломъ для человѣческихъ сердецъ,—въ дѣлѣ личнаго интереса! Онъ хотѣлъ бездѣлицы: чтобъ лѣнтяи и плуты не имѣли возможности обогащаться на счетъ чужого труда и чтобъ дураки не могли записывать въ преступники людей, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями! И наивный упрямецъ никакъ не хотѣлъ убѣдиться, что подобное предпріятіе безумно, что тутъ никакого успѣха нельзя ожидать и что вообще противъ интересовъ сильныхъ міра сего идти никогда не слѣдуетъ, „потому—сила“... Онъ не только ничего этого не хотѣлъ понять, но даже не хотѣлъ пользоваться и тѣми недоразумѣніями, которыя остались въ большей части его покровителей послѣ первыхъ его опытовъ. Увѣренный въ справедливости своихъ началъ, радуясь на свою Нью-Лэнэркскую фаб-

рику и колонію, онъ сочинилъ, между прочимъ, слѣдующій, можетъ быть, и справедливый, но нѣсколько странный силлогизмъ: „что могло однажды образоваться и осуществиться въ логическихъ построеніяхъ мысли человѣка, то не можетъ уже быть признано невозможнымъ въ мірѣ и должно, рано или поздно, непремѣнно найти свое осуществленіе и въ фактахъ дѣйствительной жизни". Подкрѣпляемый такой мыслью, Овэнъ смѣло и открыто вступилъ въ борьбу за свои идеи, все болѣе и болѣе раскрывая ихъ предъ глазами противниковъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ опредѣленнѣе и строже высказывалъ свои виды, исчезала его популярность. Въ продолженіе семи лѣтъ, 1817—1824, онъ не только не успѣлъ сдѣлать ничего существеннаго, но даже возстановилъ противъ себя всѣ партіи и почти напрасно истратилъ значительную часть своего состоянія, которое нажилъ до того хлопчато-бумажной фабрикой.

Въ 1817 г. онъ оставилъ Нью-Лэнэркъ для того, чтобы искать себѣ болѣе обширный кругъ дѣятельности. Такъ какъ имя его пользовалось значеніемъ между членами парламента, то ему удалось провести вопросъ объ общемъ ограниченіи работы дѣтей на фабрикахъ. Согласно его убѣжденіямъ, рѣшено было, чтобы дѣтямъ не работать болѣе десяти часовъ въ день и чтобы не поступать на фабричную работу работу ранѣе 10 лѣтъ. Добившись этого, Овэнъ поднялъ вопросъ о воспитаніи и обученіи дѣтей рабочихъ классовъ. Тутъ постигло его первое пораженіе. Еще ранѣе этого сдѣлались извѣстны мысли Овэна о началахъ воспитанія и возбудили негодованіе преимущественно въ высшемъ духовенствѣ Англіи. Выступивши на общественную дѣятельность, Овэнъ не думалъ прикрывать своихъ тенденцій, а, напротивъ, старался всячески распространить ихъ и растолковать какъ можно яснѣе всѣмъ и каждому. Для этого онъ писалъ множество журнальныхъ статей, сочинялъ воззванія и манифесты, обращенные ко всѣмъ классамъ общества, печаталъ безчисленное множество статеекъ (tracts), которыя раздавались всѣмъ даромъ на улицахъ... Издержки его на пропаганду этого рода высчитываются до милліона франковъ. При такой громадной *гласности*, о которой такъ хлопоталъ самъ Овэнъ, трудно было кому-нибудь оставаться въ ослѣпленіи насчетъ его плановъ. И вотъ—клерикальная партія поднялась первая. Полная терпимость и невмѣшательство школы въ дѣло религіознаго обученія, провозглашенныя Овэномъ, подали поводъ къ нападенію. Затѣмъ, были объявлены еретическими и безнравственными многія мнѣнія Овэна объ образованіи человѣческаго характера, приведенныя нами выше. Утверждали, что своимъ ученіемъ объ обстоятельствахъ, Овэнъ подрываетъ всѣ начала нравственности и снимаетъ съ человѣка всю отвѣтственность за его поступки. Нѣкоторые доходили до того, что видѣли въ Овэнѣ послѣдователя пелагіанской ереси... Овэну собственно не было ни-

какого дѣла до теоретическихъ началъ, принимаемыхъ разными сектами: онъ ко всѣмъ имъ былъ одинаково равнодушенъ. Но ему очень важно было вліяніе обученія, предположеннаго имъ, на перевоспитаніе будущаго человѣчества, и потому онъ никакъ не хотѣлъ допустить—ни того, чтобы разногласія сектъ вторглись въ мирное святилище его школы, ни того, чтобъ одна изъ сектъ исключительно завладѣла религіознымъ обученіемъ, насильно связавши такимъ образомъ совѣсть дѣтей нравственными путами. Высказываясь все съ большей рѣшительностью, Овенъ, наконецъ, прямо обвинилъ все клерикальное направленіе въ безсиліи и пустотѣ за то, что оно, толкуя о нравственности и добротѣ, на дѣлѣ оказывалось слугою сильныхъ міра и не заботилось о томъ, чтобъ извлечь изъ бездны нищеты и разврата милліоны людей, погибавшихъ подъ гнетомъ своихъ притѣснителей. Это обвиненіе вызвало громы противъ Овэна. Онъ принужденъ былъ отступиться отъ своихъ требованій по вопросу объ обученіи.

Въ это самое время умеръ герцогъ Кентскій, бывшій искреннѣе другихъ аристократовъ, расположенныхъ къ Овэну. Послѣ смерти его и послѣ достаточнаго раскрытія теорій Овэна, аристократія значительно охладѣла къ нему. Такимъ образомъ, въ двухъ самыхъ сильныхъ въ Англіи классахъ общества, Овэнъ не могъ надѣяться ни на какую поддержку.

Оставалось ему примкнуть къ одной изъ политическихъ партій, и всѣхъ ближе къ его стремленіямъ были радикалы. Но и тутъ Овэнъ не умѣлъ заставить себя польстить имъ. Въ это время шли сильные толки о реформѣ *гнилыхъ мѣстечекъ*, отъ которой радикалы ждали совершеннаго обновленія общества. Овэнъ въ простотѣ души имѣлъ смѣлость объяснить имъ, что замышляемыя ими мѣры вовсе не такъ важны, что онѣ даже недостаточны, и что отъ нихъ весьма мало будетъ толку для благосостоянія народныхъ массъ. Радикалы вознегодовали и лишили Овэна своего довѣрія. Прямодушіе и рѣшительность и тутъ повредили наивному чудаку!

Видя, что теорія принимается плохо, Овэнъ рѣшился опять дѣлать пропаганду фактами. Съ этой цѣлью онъ, между прочимъ, открылъ подписку на учрежденіе новой колоніи, и первый самъ подписалъ 500 фунтовъ стерл. Черезъ нѣсколько времени составилась довольно значительная сумма, на которую было куплено въ Шотландіи, въ Мотервилѣ, 500 акровъ земли и сдѣланы были первыя приготовленія для заведенія колоніи... Не довольствуясь Шотландіей и Англіей, Овэнъ отправился въ Ирландію, чтобъ и тамъ возбудить общее участіе къ жалкой участи несчастныхъ простолюдиновъ. Въ Дублинѣ три раза составлялъ онъ собранія, подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра, въ которыхъ положено было основаніе филантропическому обществу, окончательно организовавшемуся нѣсколько позже. Въ это же время удалось ему учредить въ Лондонѣ *кооперативное обще-*

ство (Cooperative society), которое черезъ нѣсколько лѣтъ чрезвычайно расширилось, но сначала все-таки не удовлетворяло Овэна. Ему тяжело было встрѣчать безпрерывныя ограниченія и стѣсненія своихъ стремленій; онъ хотѣлъ болѣе простора для своей дѣятельности и, недовольный Европою, сталъ помышлять о поѣздкѣ въ Америку. Въ 1824 г. онъ дѣйствительно отправился туда, съ намѣреніемъ основать тамъ колонію па подобіе Нью-Лэнэрка.

Прибывши въ Сѣверную Америку, Овэнъ вскорѣ нашелъ очень удобное мѣсто для своихъ опытовъ. Въ Индіанскомъ округѣ Соединенныхъ Штатовъ, на берегахъ рѣки Вэбаша, существовала уже съ 1803 года колонія такъ-называемыхъ *гармонистовъ*, представлявшая собою родъ религіозной секты, съ суровыми, почти аскетическими правилами, подъ управленіемъ нѣмца Раппа. Колонія эта, равно какъ и самая мѣстность, называлась Гармонія. Тутъ же, по близости, нашелъ удобное мѣсто для своего предполагаемаго поселенія и Овэнъ. Онъ пріобрѣлъ здѣсь деревеньку, въ которой могло поселиться до 2.000 душъ, и при ней — 30.000 акровъ земли. Сдѣлавши покупку земли, Овэнъ отправился въ Вашингтонъ, имѣлъ свиданіе съ президентомъ и получилъ дозволеніе изложить свои мнѣнія и предположенія предъ конгрессомъ. Съ обычною простотою и свободою представилъ онъ конгрессу свои намѣренія и былъ выслушанъ съ чрезвычайною внимательностью и уваженіемъ. Предоставляя полный просторъ для всякой пропаганды, Соединенные Штаты не воздвигали противъ Овэна такихъ оффиціальныхъ препятствій, какія встрѣтилъ онъ въ Англіи. Поэтому, заявивши всенародно и открыто свои убѣжденія, онъ свободно могъ предаться своимъ идеямъ и стремиться къ осуществленію своихъ замысловъ. Въ скоромъ времени около него сгруппировалась масса людей, изъявившихъ полное сочувствіе къ его принципамъ. Новая колонія, названная Овэномъ Нью-Гармони, наполнилась поселенцами. Поселенцы эти представляли замѣчательное разнообразіе въ своихъ идеяхъ, побужденіяхъ, степени развитія, въ характерѣ, званіи, даже въ вѣрѣ и національности. Одно только было обще всѣмъ, или почти всѣмъ: *бѣдность*. Богачи и люди достаточные не откликнулись на призывы Овэна, и это было уже не совсѣмъ хорошимъ признакомъ для реформатора. Это подавало поводъ подозрѣвать, что къ нему присоединяются болѣе изъ корыстныхъ видовъ, нежели по чистому убѣжденію. И подозрѣніе оказалось въ самомъ дѣлѣ справедливымъ. Изъ толпы, собравшейся къ Овэну, очень немного было людей истинно порядочныхъ. Большая часть шла съ тѣмъ, чтобы пожить безъ нужды и безъ заботъ, на счетъ благотворителя, наивно мечтающаго о всеобщемъ благоденствіи. Такимъ образомъ, уже съ самаго начала Нью-Гармони находилась въ положеніи гораздо болѣе затруднительномъ и неблагопріят-

номъ для плановъ Овэна, чѣмъ каково было положеніе Нью-Лэнэрка. Тамъ реформы Овэна произошли совершенно естественно изъ предшествующаго порядка дѣлъ на фабрикѣ; тамъ не люди пришли къ нимъ, а онѣ были приложены къ людямъ; тамъ сами люди это понимали, что ихъ трудомъ и честностью должна обезпечиваться для хозяина возможность продолжать для нихъ свои благодѣтельныя мѣры. Здѣсь ничего подобнаго не было: здѣсь люди шли на кличъ къ Овэну, приступали къ нему съ надеждами и требованіями, а онъ давалъ имъ обѣщаніе и какъ бы обязательство въ томъ, что они будутъ благополучны подъ его руководствомъ. Очевидна вся невыгода положенія, въ какое поставилъ себя Овэнъ въ виду этой толпы грубыхъ, невѣжественныхъ и развращенныхъ нищихъ, изъ какихъ состояло большинство людей, собравшихся въ Нью-Гармони. Если бы Овэнъ имѣлъ менѣе энтузіазма къ своимъ идеямъ и болѣе осторожности, то онъ самъ, конечно, при самомъ началѣ своей новой колоніи понялъ бы, что тутъ нельзя ожидать полной удачи. Но онъ такъ вѣрилъ въ могущество своихъ принциповъ, что даже при самыхъ дурныхъ шансахъ не могъ отказаться отъ попытки. Онъ принялся за дѣло организаціи новой общины, и нужно еще удивляться, какъ много успѣлъ онъ сдѣлать при обстоятельствахъ, столь неблагопріятныхъ. Вотъ нѣсколько строкъ о Нью-Гармони изъ Луи Рейбо, который очень не долюбливаетъ идеи Овэна и старается изобразить ихъ не только химерическими, но даже отчасти и вредными. Несмотря на свое глубокое убѣжденіе, что попытка Нью-Гармони была совершеннѣйшая чепуха и ни при какихъ условіяхъ не могла удаться, онъ не можетъ, однакоже, не сознаться въ слѣдующемъ: „нельзя, впрочемъ, не отдать Овэну справедливости въ томъ, что онъ и здѣсь по возможности умѣлъ возобновить и продолжать благодѣтельныя учрежденія Нью-Лэнэрка. Дѣти, составлявшія главную надежду Овэна, обращали на себя особенное его вниманіе. У него были усовершенствованы всѣ методы воспитанія, и онъ умѣлъ отъ юношей добиться того, къ чему напрасно старался пріучить людей зрѣлыхъ лѣтъ,—дружной и старательной земледѣльческой работы. Въ главномъ центрѣ колоніи учреждены были общества земледѣлія и механическихъ искусствъ, и горсть порядочныхъ людей, послѣдовавшихъ Овэну, принялась по его внушеніямъ образовывать и смягчать грубость этого, почти дикаго, населенія. Здѣсь давали балы, концерты, вечера; самыя низкія работы перемѣшивали съ занятіями самыми деликатными. Такъ, напримѣръ, убравши коровій хлѣвъ, молодыя женщины садились у себя за фортепьяно, что не мало занимало герцога Саксенъ-Веймарскаго, когда онъ посѣтилъ Нью-Гармони. Придуманъ былъ особенный костюмъ, для всѣхъ одинаковый: для женщинъ—платья нѣсколько античнаго покроя, для мужчинъ—греческія туники и широкіе шаровары.

Сколько было возможно, Овэнъ старался отучить своихъ колонистовъ отъ тысячи условныхъ тонкостей, которыя наше тщеславіе внесло въ нашу общественную жизнь и которыхъ корень кроется, отчасти въ привычкахъ всѣхъ вообще, отчасти же и въ претензіяхъ немногихъ. Помѣщеніе было одинаково у всѣхъ расположено и меблировано; одежда была однообразна, пища— общая всѣмъ". Сдѣлавши это описаніе, Рейбо заключаетъ, что община Овэна, можетъ быть, и могла бы существовать съ успѣхомъ, если бы въ ней не было „рокового принципа общинности", т.-е. если бы она была устроена не на тѣхъ началахъ, на которыхъ дѣйствительно устроена.—„Но Овэнъ, желая составить *человѣческую* общину, требовалъ для нея *ангельскаго* населенія", остроумно замѣчаетъ Рейбо, забывая, что Овэнъ именно отличался отсутствіемъ всякой требовательности въ отношеніи къ людямъ, вступавшимъ въ его общину. Людей, сдѣлавшихся полускотами, онъ хотѣлъ сдѣлать полными людьми, и не разъ это удавалось ему. Онъ полагалъ, что можетъ всѣхъ людей возвратить къ жизни истинно-человѣческой, не ангельской и не скотской,—и въ этомъ самонадѣянномъ мнѣніи была огромная ошибка. Онъ вѣрилъ, напримѣръ, въ то, что человѣкъ здоровый и обезпеченный въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, не станетъ лежать на боку, брезговать работой и поѣдать плоды чужихъ трудовъ; ему казалось, что всѣмъ людямъ очень легко внушить понятіе о полной солидарности ихъ правъ и обязанностей, и что легко провести эту солидарность во всей практической дѣятельности общины. Судя по себѣ и по нѣкоторымъ избраннымъ натурамъ, Овэнъ думалъ, что трудъ самъ въ себѣ заключаетъ много привлекательности, и что жизнь на чужой счетъ тяжела и отвратительна *для всякаго* человѣка. Это уже было, разумѣется, дѣтски ошибочно. Правда, въ членахъ своей общины Овэнъ успѣвалъ обыкновенно пробудить сознаніе въ справедливости его началъ; но отъ сознанія еще слишкомъ далеко до практической дѣятельности. Не клочокъ земли, не мѣсяцы и не годы нужны были для того, чтобы пересоздать общественныя привычки. Все производя изъ обстоятельствъ, Овэнъ надѣялся, что привычки эти легко будутъ забыты при новой общественной обстановкѣ, созданной имъ. Но и тутъ онъ былъ слишкомъ легковѣренъ и самонадѣянъ: онъ выступалъ на борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ, противопоставляя свои, вновь изобрѣтенныя, условія жизни тѣмъ всемірнымъ условіямъ, которыми до того опредѣлялась жизнь человѣческая. Онъ считалъ нелѣпыми всѣ эти условія; но онъ самъ былъ нелѣпъ, воображая, что эти освященныя вѣками нелѣпости можно разрушить экспромтомъ. Еще можно бы имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ, предлагая замѣнить эти нелѣпости другими, равномѣрно безсмысленными; но чего же могъ надѣяться общественный реформаторъ, вопіявшій противъ нелѣпостей —даже не во имя высшихъ туманныхъ абстрак-

цій, а просто во имя здраваго смысла, во имя первыхъ насущныхъ потребностей здоровой человѣческой природы?...

Овэнъ самъ замѣтилъ свою опрометчивость, когда увидѣлъ, что въ Нью-Гармони образовалась ватага лѣнтяевъ, старавшихся только воспользоваться преимуществами общинной жизни и отклонить отъ себя всѣ труды и обязанности. Работы въ Нью-Гармони вообще пошли очень дурно; оказался большой дефицитъ въ приходахъ противъ расходовъ, и Овэнъ, признавшись, что „характеры еще мало приготовлены для его системы“, счелъ за лучшее опять обратиться къ теоріи и пропагандѣ. Въ Сѣверной Америкѣ ученіе его распространялось очень быстро, и въ 1827 г. считалось уже до 30 общинъ, основанныхъ по началамъ его системы. Многое изъ нея было принято и въ маленькихъ религіозныхъ общинахъ, подобныхъ „Гармоніи“ Раппа. Но въ то же время воздвиглась противъ него и вражда партій. На первомъ планѣ явилась, разумѣется, и здѣсь—партія клерикальная. Овэну пришлось выдержать ожесточенную борьбу съ однимъ фанатикомъ-методистомъ, Кэмпбелемъ, который путешествовалъ по Соединеннымъ Штатамъ, проповѣдуя крестовый походъ противъ Овэна и его послѣдователей. Проповѣди этой Овэнъ не боялся; но ему непріятно было встрѣтить и здѣсь то же ожесточеніе противъ себя, какое видѣлъ онъ въ Европѣ. Всего же болѣе огорчило его то, что въ Нью-Гармони чрезвычайно слабо принимались его идеи. Онъ нетерпѣливо желалъ произвести въ своей общинѣ братство и трудолюбіе и принужденъ былъ видѣть лѣнь, эгоизмъ и разъединеніе, постоянно противившіеся всѣмъ его усиліямъ. Надѣясь, что время поможетъ упроченію его системы, Овэнъ рѣшился между тѣмъ употребить свое время и труды на поприщѣ болѣе обширномъ. Оставивши управленіе Нью-Гармонійской колоніей и отказавшись отъ всякаго права на вознагражденіе за свои капиталы, затраченные на эту общину, Овэнъ отправился въ Европу, чтобы тамъ распространять свое ученіе.

Въ Европу призывало Овэна и сильное сочувствіе, выраженное многими образованными людьми къ его идеямъ. Возвратившись въ Англію, Овэнъ нашелъ, что основанное имъ кооперативное общество чрезвычайно дѣятельно и энергично стремилось къ распространенію и осуществленію его теорій. Въ Дублинѣ, Брайтонѣ, Ливерпулѣ, Гласговѣ, Эдинбургѣ, Бирмингамѣ, Манчестерѣ и другихъ городахъ учреждены были секціи этого общества. Повсюду готовились публичныя собранія его послѣдователей, повсюду въ комитетахъ изыскивали средства пропаганды. Въ Лондонѣ Овэнъ нашелъ митингъ изъ 2.000 человѣкъ, сочувствовавшихъ начинаніямъ общества. Основанъ былъ журналъ „Cooperative Magazine“, посвященный исключительно распространенію, разъясненію и защитѣ док-

тринъ, принятыхъ обществомъ. Наконецъ, въ большей части членовъ общества замѣчалось горячее желаніе осуществить въ новой реальной попыткѣ теоріи, проповѣданныя Овэномъ. Почти въ каждомъ изъ частныхъ собраній общества предлагалась подписка на основаніе новой колоніи на началахъ, выработанныхъ въ теоріи Овэна. Одна такая колонія дѣйствительно и была основана въ Орбистонѣ, селеніи близъ Эдинбурга, на земляхъ господина Гамильтона, бывшаго однимъ изъ главныхъ подписчиковъ на учрежденіе колоніи въ Мотервиллѣ. Управленіе этой общиной ввѣрено было Абраму Комбу, одному изъ замѣчательныхъ послѣдователей ученія Овэна. Комбъ сдѣлалъ въ Орбистонѣ нѣкоторыя отступленія отъ чисто-общиннаго начала, принятаго Овэномъ. Въ Орбистонѣ, кромѣ арендаторовъ, пользовавшихся общинными владѣніями, допущены были и собственники, и даже дозволено одному и тому же лицу быть и арендаторомъ общины и въ то же время имѣть свою собственность. Этой уступкою Комбъ думалъ примирить капиталистовъ съ возможностью принять общинное начало. Но само собою разумѣется, что подобная уступка была слишкомъ жалка и ничтожна для капиталистовъ и вообще для людей зажиточныхъ. Въ Орбистонскую общину, такъ точно какъ и въ Нью-Гармони, столпились бѣдняки, желавшіе только пользоваться удобствами ея. Здѣсь нашли они готовое помѣщеніе,—опрятные домики, фермы, огороды, сады, по которымъ не безъ пріятности можно было прогуливаться, и они были очень довольны и дѣйствительно прогуливались, не отказывая, между прочимъ, и въ своей благодарности тому, кто все это устроилъ. Но работали они лѣниво, говоря, что ежели убивать себя надъ работой, такъ и вездѣ можно жить довольно сносно, а что Овэновскія общины тѣмъ-то и должны отличаться, чтобы въ нихъ безъ всякаго труда можно было жить въ свое удовольствіе. Попробовали этимъ людямъ говорить о нравственномъ совершенствованіи: они пришли въ недоумѣніе. Имъ казалось, что они и такъ достаточно хороши и нравственны, и они объявили, что нравственнѣе быть не желаютъ. Съ такимъ народомъ сладить было довольно трудно; но Комбъ смѣло пошелъ на встрѣчу всѣмъ затрудненіямъ. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и изумительнымъ тактомъ принялся онъ за исправленіе нравственнаго характера Орбистонскихъ поселенцевъ, и труды его увѣнчались подъ конецъ его жизни значительнымъ успѣхомъ. Въ колоніи водворилась тишина и взаимная услужливость: мужчины сдѣлались трезвыми и дѣятельными, женщины стали стыдиться сплетень и также принялись за дѣло; во всемъ населеніи проявилась любовь къ труду и доброму порядку въ жизни. Производительность мастерскихъ Орбистонской колоніи значительно усилилась и Комбъ уже не сомнѣвался, что въ Орбистонѣ скоро повторится то же, что представлялъ собою Нью-Лэнэркъ при Овэнѣ. Но въ

1827 г. Комбъ умеръ, и съ его смертью разстроилось все дѣло, которое онъ умѣлъ вести съ такимъ успѣхомъ.

Посѣтивши многія мѣстности Англіи, въ которыхъ были собранія его послѣдователей, произнесши нѣсколько публичныхъ рѣчей, напечатавши нѣсколько статей, Овэнъ во второй разъ отправился въ Америку, чтобы и тамъ продолжать свое дѣло. Здѣсь посѣтилъ онъ Нью-Гармони и нашелъ здѣсь, вмѣсто общиннаго поселенія, обыкновенное учрежденіе, въ которомъ работники забраны были въ руки людьми, имѣвшими въ своихъ рукахъ капиталы, и гдѣ господствовали—обычное недовольство рабочихъ и обычное угнетеніе со стороны капиталистовъ. Видя, что тутъ уже дѣла нельзя поправить, Овэнъ обратился въ другое мѣсто. Мексиканское правительство предложило ему для его поселеній Тэхасъ. Начались переговоры; но когда Овэнъ объявилъ непремѣннымъ условіемъ совершенную свободу совѣсти и религіознаго обученія, духовенство и тутъ возстало на него и еще разъ помѣшало его намѣреніямъ. Въ 1829 году Овэнъ опять возвратился въ Англію.

На этотъ разъ онъ явился вовсе не во-время. Борьба средняго сословія съ аристократіей явно склонялась уже въ пользу перваго. Парламентская реформа была уже рѣшена въ общественномъ мнѣніи; коттонъ-лорды принимали на себя представительство рабочихъ массъ, и всякая попытка эманципаціи работниковъ казалась имъ враждебною и опасною для ихъ политическаго значенія. Поэтому, общество очень холодно встрѣтило теперь пропаганду Овэна, и съ 1830 г. онъ является уже почти исключительно въ союзѣ съ работниками: его имя стоитъ во главѣ нѣкоторыхъ предпріятій, въ которыхъ рабочее сословіе вступало въ борьбу съ своими хозяевами. Самъ онъ не могъ теперь начинать большихъ предпріятій, потому что огромное состояніе его было большею частью растрачено въ прежнихъ попыткахъ разнаго рода, частью же передано дѣтямъ. Теперь Овэну оставалась только пропаганда и личное участіе въ судьбѣ рабочаго класса. И въ этомъ отношеніи онъ былъ неутомимъ. Онъ путешествовалъ изъ города въ городъ съ своей пропагандой, останавливаясь преимущественно въ мѣстахъ, служившихъ центрами промышленнаго движенія—въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Гласговѣ и пр. Въ 1834 г. ему пришлось, между прочимъ, играть важную, но весьма неблагодарную роль въ дѣлѣ возстанія работниковъ въ Лондонѣ. Возстаніе это было продолженіемъ и отчасти слѣдствіемъ волненія, происшедшаго передъ тѣмъ въ Манчестерѣ, и строгаго суда надъ тамошними работниками. Сто тысячъ человѣкъ поднялись и пошли къ Сентъ-джемскому дворцу, со значками каждаго ремесленнаго цеха. Овэнъ въ этомъ случаѣ принялъ на себя переговоры съ правительствомъ. Уговоривши работниковъ быть спокойнѣе и

выражать только разумныя требованія, съ соблюденіемъ полнаго уваженія къ порядку и законности, онъ явился въ Сентъ-Джемсъ, чтобы изложить передъ правительствомъ справедливыя желанія и жалобы рабочаго класса. Но министры не умѣли оцѣнить умѣренность и благородство его представленій; Овэнъ являлся передъ ними въ качествѣ ходатая за народъ, и этого въ ихъ глазахъ было достаточно, чтобы принять его свысока и непріязненно и не уважить его представленій. Ничего не добившись, воротился Овэнъ къ толпѣ, ожидавшей результата его переговоровъ, и былъ ею принятъ тоже неласково, какъ человѣкъ, на котораго пало подозрѣніе въ доброхотствѣ правительству... Такимъ образомъ, его добродушіе и любовь къ справедливости послужили только поводомъ къ обвиненію его чуть не въ измѣнѣ съ той и другой стороны...

Общественное мнѣніе высшихъ классовъ все болѣе и болѣе вооружалось противъ Овэна, по мѣрѣ того, какъ предъ всѣми прояснялась и доказывалась его приверженность къ дѣлу рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ монополіями капитала. Между прочимъ, много нареканій навлекло на него одно предпріятіе, въ которомъ онъ не игралъ почти никакой роли, но гдѣ его имя было пущено въ ходъ, даже безъ всякаго права. Это былъ заговоръ работниковъ противъ хозяевъ, съ цѣлью заставить ихъ возвысить заработную плату. Рѣшено было, что если хозяева не сдѣлаютъ прибавки, то работники должны отказаться отъ работы на неопредѣленное время. Составлена была подписка, и для поддержки ремесленниковъ, отошедшихъ отъ хозяевъ, собрано было до 40.000 фунтовъ стерл. (около 250.000 р. с.). Въ общемъ собраніи бросили жребій, кому начинать борьбу; жребій палъ на портныхъ, особенно многочисленныхъ въ Лондонѣ. Портные потребовали отъ хозяевъ возвышенія задѣльной платы и, получивъ отказъ, бросили работу. Въ теченіе мѣсяца они получали хорошее содержаніе изъ общей кассы, но на другой мѣсяцъ она истощилась,—а хозяева и не думали смиряться предъ работниками. Сдѣланъ былъ заемъ для рабочихъ, въ надеждѣ, что—вотъ скоро хозяева попросятъ мира. Но прошелъ и еще мѣсяцъ, а хозяева не сдавались. Послѣднія средства общества истощились, и работникамъ самимъ пришлось идти на поклонъ. Всей этой исторіей воспользовались недоброжелатели Овэна для того, чтобы осмѣять и очернить его, хотя онъ даже съ самаго начала предпріятія не совсѣмъ одобрялъ его.

Болѣе серьезное и дѣйствительное участіе принималъ Овэнъ въ предпріятіи, которое образовалось подъ именемъ „Правильнаго обмѣна народнаго труда“ (National labour equitable exchange). Начала этого предпріятія были очень просты: работники должны были получать за свой трудъ квитанціи, съ означеніемъ въ нихъ количества рабочихъ часовъ, въ которые

они занимались у хозяина. Эти квитанціи могли потомъ служить вмѣсто монеты при покупкѣ работниками разныхъ продуктовъ. Напр., портной, покупая сапоги, давалъ сапожнику извѣстное *количество рабочихъ часовъ* своихъ, сапожникъ, покупая хлѣбъ, могъ дать булочнику квитанцію своихъ рабочихъ часовъ или передать квитанцію, полученную отъ портного, и т. д. Осуществленіе этой мысли сильно занимало Овэна, и онъ придумалъ даже родъ кредитныхъ билетовъ, въ которыхъ счетъ составлялся не рублями, а часами работы. Нѣсколько позднѣе, то же самое предлагалось во Франціи, въ „Banque d'échange", придуманномъ Прудономъ. Въ последнее время сами экономисты склоняются нѣсколько къ этой мысли. Но при началѣ предпріятія Овэна на него накинулись всѣ, какъ на сумасброда, называли его безпокойнымъ мечтателемъ, смѣялись надъ ребяческой неосновательностью его затѣй, и т. п. Въ Лондонѣ ему рѣшительно житья не было. Онъ удалился въ Манчестеръ.

Въ Манчестерѣ нѣсколько лѣтъ уже предъ тѣмъ существовало между работниками дружеское общество, имѣвшее цѣлью—взаимное вспомоществованіе и круговую поддержку другъ друга. Довольно долгое время составлялся въ кругу рабочихъ общинный капиталъ, отлагавшійся изъ ихъ же доходовъ. Овэнъ, явившись въ Манчестеръ, сдѣлался руководителемъ и главнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій общества. Подъ его вліяніемъ, кругъ общества значительно расширился, капиталъ увеличился, много замѣчательныхъ людей приняли участіе въ дѣлахъ манчестерскихъ работниковъ; наконецъ, дружеское общество работниковъ превратилось въ „Союзъ людей всѣхъ классовъ и націй" (Association of all classes, of all nations), связанный единствомъ идей и стремленій. Въ скоромъ времени, Манчестеръ сдѣлался главнымъ мѣстомъ соединенія и дѣятельности послѣдователей Овэна. Здѣсь постоянно составлялись собранія и митинги овэнистовъ, здѣсь издавалось нѣсколько журналовъ, старавшихся проводить его идеи. Даже главный журналъ Овэна „New moral World", начатый въ Лондонѣ, продолжался потомъ въ Манчестерѣ. Овэнъ очень дѣятельно участвовалъ въ этомъ журналѣ, такъ что почти не появлялось ни одного нумера, въ которомъ бы не было его статьи или хотя бы коротенькой замѣтки. Кромѣ того, онъ писалъ въ это время и сочиненія болѣе обширныя, которыя, равно какъ и прежнія свои статьи, раздавалъ даромъ. Изъ нихъ замѣчательнѣе другихъ были: „Чтенія о новомъ общественномъ устройствѣ"; „Опытъ объ образованіи человѣческаго характера"; „Шесть чтеній въ Манчестерѣ"; „Планъ разумной системы"; „Книга новаго нравственнаго міра". Въ „Манчестерскихъ чтеніяхъ" представляется теологическій споръ Овэна съ Робакомъ, очень сильно и бойко нападавшимъ на его принципы въ отношеніи къ религіи. Кромѣ самого Овэна, въ его духѣ писали въ это время —

Абрамъ Комбъ, Алленъ, Томпсонъ, Джемсъ Брэби и друг. Отъ многихъ изъ своихъ *будто бы послѣдователей* Овэнъ, впрочемъ, самъ отрекался.

Въ 1838 г. Овэнъ совершилъ поѣздку во Францію. Здѣсь встрѣтилъ онъ особенное участіе со стороны гг. Жюля Ге, доктора Эвра и г. Радигѣля. При посредствѣ ихъ онъ добился дозволенія два раза говорить въ Атенеѣ, изложилъ свои общіе принципы, свои планы и надежды, и успѣлъ возбудить нѣкоторое сочувствіе. По крайней мѣрѣ, съ этихъ поръ французское образованное общество обратилось къ чтенію и изученію его произведеній, которыя до того времени знало только по слухамъ.

Возвратившись въ Англію, Овэнъ въ 1839 г., съ горстью приверженцевъ, оставшихся вѣрными его идеямъ, предпринялъ-было еще попытку основать колонію въ духѣ тѣхъ же началъ, какъ были основаны Нью-Лэнэркъ, Нью-Гармони и Орбистонъ. Собрана была довольно значительная сумма, и въ Соутэмптонѣ положено начало колоніи, названной Гармони-Голль. Но всѣ условія были слишкомъ неблагопріятны на этотъ разъ, и въ 1845 г. все предпріятіе рушилось.

Въ послѣдніе годы своей жизни Овэнъ ограничился почти исключительно теоретической пропагандой своихъ идей. Въ 1840 г. произошло одно обстоятельство, по поводу котораго опять шумно заговорили и долго шумѣли объ Овэнѣ. Королева Викторія пожелала говорить съ Овэномъ и узнать его систему; черезъ посредство лорда Мельбурна онъ былъ ей представленъ. По этому случаю поднялись страшные крики со стороны оппозиціи въ нарламентѣ и со стороны высшаго духовенства Англіи, котораго представителемъ явился теперь епископъ экзетерскій, Фильпотъ. Нападали и на Овэна, и на министра, объявляя фактъ представленія Овэна королевѣ какъ что-то безсмысленное и чудовищное. Нападенія ихъ вызвали со стороны Овэна протестацію, которая явилась подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Манифестъ Роберта Овэна, изобрѣтателя и основателя системы разумнаго общества“. Высказывая свои общія воззрѣнія, Овэнъ сообщаетъ здѣсь и нѣкоторые факты своей дѣятельности. Неизъяснимо-милое добродушіе и спокойствіе господствуетъ въ этомъ „Манифестѣ“, и тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ смѣлость и широта воззрѣній, высказываемыхъ въ немъ съ такой простотою. „Манифестъ“ этотъ не длиненъ, и мы рѣшаемся представить его читателямъ, чтобы дать понятіе о характерѣ воззрѣній и о самомъ способѣ выраженій Овэна. Не забудемъ, что это произведеніе полемическое, и вотъ какъ Овэнъ ведетъ свою полемику:

«Манифестъ Роберта Овэна, основателя системы разумнаго общества».

„I. Система общественнаго устройства, господствовавшая до нашего времени, имѣетъ своимъ источникомъ призрачныя понятія, которыя про-

зошли отъ первобытнаго, грубаго состоянія человѣческаго ума, лишеннаго основательныхъ знаній.

II. Всѣ внѣшнія обстоятельства, управляющія міромъ, суть произведеніе человѣка и носятъ на себѣ отпечатокъ этихъ первобытныхъ, несовершенныхъ понятій.

III. Опытъ съ очевидностью доказываетъ всякому тщательному и мыслящему наблюдателю плачевную ложность этихъ первоначальныхъ, грубыхъ понятій. Въ предшествующіе вѣка, которые справедливо можно назвать неразумнымъ періодомъ человѣчества, человѣкъ былъ или обманутъ на счетъ своей собственной натуры и доведенъ до того, что сталъ самымъ непослѣдовательнымъ и несовершеннымъ изъ всѣхъ существъ.

IV. Исторія человѣчества неотразимо доказываетъ неразвитость доселѣ человѣческаго ума, и каждая изъ ея страницъ подтверждаетъ въ подробностяхъ, какъ безумны и безтолковы были его стремленія.

V. Исторія доселѣ была только рядомъ войнъ, убійствъ, грабежей, безконечныхъ раздѣленій, взаимныхъ противодѣйствій разныхъ сторонъ другъ другу въ достиженіи состоянія мирнаго и счастливаго; въ исторіи былъ доселѣ тотъ періодъ, когда *всѣ были во враждѣ съ каждымъ, и каждый—во враждѣ со всѣми,* принципъ удивительно приспособленный къ тому, чтобы произвести какъ можно больше зла и какъ можно меньше счастья.

VI. Всѣ учрежденія, господствовавшія въ мірѣ, прямо вытекаютъ изъ этихъ первоначальныхъ, грубыхъ и ужасныхъ заблужденій нашихъ предковъ.

VII. Вмѣсто этой системы глубокаго невѣжества, принуждающей человѣка дѣлаться съ дѣтства, по уму и по образу дѣйствій, существомъ неразумнымъ, непослѣдовательнымъ и неспособнымъ понимать самыя нелѣпыя свои ошибки, я предлагаю нынѣ всѣмъ народамъ міра другую систему общественнаго устройства. Это система совершенно новая, основанная на началахъ, выведенныхъ изъ неизмѣнныхъ фактовъ, находящаяся въ полной гармоніи съ законами природы. Это система, въ которой *каждому обезпечивается общее содѣйствіе всѣхъ, и всѣмъ содѣйствіе каждаго,*— принципъ удивительно удобный для того, чтобы произвести какъ можно больше добра и какъ можно меньше несчастій.

VIII. Я предлагаю систему человѣческой жизни, во всѣхъ отношеніяхъ противоположную системѣ прошедшей и настоящей,—систему, которая произведетъ *новый умъ* и *новую волю* во всемъ человѣчествѣ и каждаго, съ неотразимою необходимостью, приведетъ къ послѣдовательности, разумности, здравому мышленію и здравымъ поступкамъ.

IX. Эта новая система откроетъ людямъ глаза на прошедшее и на-

стоящее развращеніе человѣческаго рода, на безуміе и ложность нашихъ учрежденій, на настоятельную потребность измѣнить всѣ эти внѣшнія обстоятельства и принять другія учрежденія, основанныя на дознанныхъ фактахъ и сообразныя съ нашей натурой. По этимъ послѣднимъ признакамъ всякій человѣкъ можетъ отличить истину отъ лжи.

X. Въ этой системѣ столько силы, что она, и только она одна можетъ скоро положить конецъ человѣческому невѣжеству; остановить возрастаніе пауперизма и отвратить возможность его возобновленія; уничтожить всѣ суевѣрія, господствующія надъ міромъ, и удалить всѣ причины разъединенія людей, какъ на дѣлѣ, такъ и во взаимныхъ расположеніяхъ; произвести неисчерпаемое обиліе во всемъ, что необходимо для жизни и для удовольствія человѣка, и сдѣлать для него произвольный трудъ болѣе легкимъ и пріятнымъ.

XI. Система эта не признана, но она столь могущественна, что въ самый тотъ годъ, когда ее примутъ, она произведетъ на землѣ болѣе благосостоянія, наслажденій и нравственности, нежели сколько старая система могла произвесть въ теченіе вѣковъ и сколько она еще произведетъ въ будущемъ, какъ бы долго она ни существовала.

XII. Эта система такъ различна отъ нынѣшней, и въ теоріи, и въ практикѣ, и во всемъ своемъ характерѣ, что она произведетъ свои реформы спокойно, тихо, послѣдовательно и въ такомъ порядкѣ, что никто не потерпитъ ни малѣйшаго ущерба въ своихъ интересахъ нравственныхъ и вещественныхъ, а напротивъ, всякій найдетъ въ ней удовлетвореніе и благо для себя, во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ народѣ.

XIII. Мало того, щадя ошибки прежняго общественнаго быта и не желая ни въ чемъ оскорблять совѣсти, новая система устроитъ дѣло такъ, что старыя суевѣрія всякаго народа умрутъ своею естественною смертью, съ возможно-меньшимъ неудобствомъ для личностей, которыхъ существованіе съ ними связано, и съ возможно-большей пощадой человѣческихъ слабостей.

XIV. Такъ какъ эти двѣ системы совершенно противоположны, то ясно, что сліяніе между ними невозможно ни въ какомъ случаѣ, даже тогда, когда одна изъ нихъ исчезнетъ въ другой. Старая система основана на заблужденіи и не можетъ защищать себя иначе, какъ съ помощью увертокъ и лжи. Новая система основана на истинѣ и не допуститъ никакого обмана — ни въ общественной, ни въ частной жизни, ни между отдѣльными личностями, ни между народами.

XV. Основатель новой системы былъ въ первый періодъ своей жизни промышленникомъ, самъ велъ дѣла, распоряжался, пріобрѣлъ опытность, и онъ изъ своихъ знаній и опыта извлекъ положенія, основанныя на естественныхъ свойствахъ нашей природы и вполнѣ имъ соотвѣтственныя.

XVI. Эти новыя положенія такъ необыкновенны, что въ ихъ сочетаніи для *всего* человѣчества заключается, при той же суммѣ труда, во сто разъ болѣе выгодъ, нежели сколько старая система давала *кому-нибудь* изъ людей. И эти неслыханные доселѣ планы, эти соображенія, долженствующія произвести новый нравственный міръ и дать человѣку разумный характеръ, готовы подвергнуться критическому разсмотрѣнію самыхъ ученыхъ, самыхъ практическихъ, самыхъ опытныхъ людей, въ четырехъ существеннѣйшихъ отрасляхъ человѣческой жизни, т.-е. 1) въ производствѣ; 2) въ распредѣленіи богатствъ; 3) въ образованіи человѣческаго характера съ дѣтства; 4) въ установленіи мѣстнаго и общаго управленія.

XVII. Новая нравственная система не можетъ имѣть дѣла съ старою безнравственною системою иначе, какъ только для того, чтобы привести ее къ полнѣйшему, мирному уничтоженію. И паденіе людей, которые считали для себя выгоднымъ поддерживать старый порядокъ вещей, доказываетъ, что часъ совершеннаго преобразованія уже пробилъ.

XVIII. Вниманіе народовъ, въ видахъ ихъ собственнаго благоденствія, обращено уже на этотъ важный предметъ, интересный для нынѣ живущихъ, и для тѣхъ, которые еще будутъ жить.

XIX. Основатель этой системы, уже около полувѣка работающій надъ ея усовершенствованіемъ, проситъ себѣ позволенія говорить въ обѣихъ палатахъ не только для того, чтобы вступить въ борьбу съ противниками, которые его не понимаютъ, но и затѣмъ, чтобы развернуть передъ глазами всего міра безмѣрныя выгоды его ученія.

XX. *Центральный совѣтъ*, составляющій исполнительную власть всеобщаго и общиннаго товарищества разумной системы, также проситъ себѣ слова въ обѣихъ палатахъ, чтобы опровергнуть чудовищныя клеветы, разсѣянныя въ странѣ и письменно, и словесно разными противниками нашими, которые считали выгоднымъ для себя нападать на нашу реформу".

„Основатель *разумной системы* осуществилъ уже, впрочемъ, нѣкоторую долю своихъ намѣреній и далъ міру маленькое понятіе о томъ, что можетъ онъ совершить на пользу человѣческихъ обществъ.

1) „Своимъ примѣромъ, своими сочиненіями, рѣчами, ходатайствомъ предъ различными законодателями,—онъ добился *улучшенія участи дѣтей*, работающихъ на англійскихъ фабрикахъ по требованіямъ ненавистной системы производства, истощающей цѣлыя поколѣнія и представляющей самое варварское явленіе въ этомъ мірѣ, имѣющемъ претензію считать себя цивилизованнымъ (см. парламентскія засѣданія 1816—1818 г.).

2) „Онъ придумалъ и учредилъ, сообразно съ началами разумной си-

стемы общества, *дѣтскія школы*, въ которыхъ новая высшая, система внѣшней обстановки, дѣйствуя на образованіе юныхъ характеровъ, производила въ нихъ привычки и наклонности мирно-благожелательныя и одушевляла ихъ любовью ко всѣмъ. Въ этихъ школахъ сообщались дѣтямъ только положительныя и вѣрныя знанія, въ дружескихъ разговорахъ учениковъ съ наставниками, посвященными въ тайну познанія человѣческой природы. (См. сочиненіе „Объ образованіи человѣческаго характера“ и адресъ 1816 г., относительно образованія новыхъ учрежденій для воспитанія человѣческаго характера).

3) „Въ 1816 г. онъ далъ г. Фальку, голландскому посланнику, проектъ уничтоженія нищенства посредствомъ заведенія пріютовъ для бѣдныхъ и предоставленія имъ общественныхъ работъ. Г. Фалькъ одобрилъ этотъ проектъ и представилъ его своему правительству, которое въ слѣдующемъ году дѣйствительно и учредило „Колонію бѣдныхъ голландскихъ“ и „Благотворительное общество“. Въ этомъ почтенномъ обществѣ Фрэнсисъ, герцогъ Бедфордъ, и основатель разумной системы — единственные, кажется, почетные члены изъ англичанъ. Авторъ предварительно представлялъ свой проектъ кабинету лорда Ливерпуля, и безъ сомнѣнія онъ бы согласился на опытъ, если бы въ совѣтахъ правительства, при всемъ ихъ чисто-мірскомъ характерѣ, не преобладало вліяніе клерикальное. А если бы планъ этотъ принятъ былъ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ авторъ представлялъ правительству, то бѣдные и рабочіе классы съ тѣхъ поръ уже значительно поднялись бы и были бы употреблены съ пользою. Болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ напрасныхъ издержекъ было бы сбережено, въ замѣнъ того получилось бы болѣе ста милліоновъ дохода, произведеннаго новою, правильно организованною промышленностью. Не нужно было бы требовать билля объ измѣненіи закона относительно таксы для бѣдныхъ; не было бы въ Англіи и Ирландіи народонаселенія, умирающаго съ голоду; не слышно было бы жалобъ столькихъ несчастныхъ, и чартизмъ не существовалъ бы. (Въ подтвержденіе этого см. рапортъ Овэна о законѣ на счетъ бѣдныхъ, представленный коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ г. Стерджеса Берна).

4) „Въ томъ же 1816 г. основатель *разумной системы общества* представилъ прусскому посланнику, барону Якоби, планъ новой системы народнаго воспитанія и подробное изложеніе здравыхъ началъ общаго управленія. Въ возмездіе за это открытіе, основатель системы получилъ черезъ того же посланника собственноручное письмо короля прусскаго, въ которомъ онъ благодарилъ автора и выказывалъ такое сочувствіе къ его системѣ, что изъявилъ намѣреніе поручить своему министру внутреннихъ дѣлъ — примѣнить ее во всѣхъ прусскихъ областяхъ, гдѣ только будетъ возможно. И въ самомъ дѣлѣ, — въ слѣдующемъ году новая система на-

роднаго воспитанія была уже въ силѣ въ Пруссіи. (См. соч. „Объ образованіи человѣческаго характера“, изданіе первое и послѣдующія).

5) „Основатель *разумной системы* дѣятельно помогалъ Беллю и Ланкастеру въ утвержденіи ихъ плановъ воспитанія. Онъ далъ первому, въ нѣсколько разъ, болѣе тысячи фунтовъ стерл. „Національному комитету“ доктора Белля онъ далъ 500 фунтовъ и предлагалъ подписать 1.000, если эти народныя школы будутъ открыты для *всѣхъ* дѣтей, безъ различія сословій и религій. О предложеніи этомъ спорили въ комитетѣ два дня, и оно было отвергнуто весьма ничтожнымъ большинствомъ голосовъ. (См. протоколы комитета).

6) „Въ 1816 и 1817 г. Овэнъ посѣтилъ замѣчательнѣйшихъ передовыхъ людей Франціи, Швейцаріи и части Германіи. Товарищами его въ дорогѣ были, между прочимъ, Кювье и Пиктетъ. Въ это время онъ былъ представленъ герцогомъ Кентскимъ герцогу Орлеанскому, нынѣшнему (1840 г.) французскому королю. Онъ посѣтилъ также замѣчательнѣйшія воспитательныя заведенія материка, особенно Фалленберга и Песталоцци, получая изъ устъ государственныхъ людей, законодателей, наставниковъ — такія свѣдѣнія, какія только могли быть сообщены лучшими умами того времени.

7) „Въ 1822 и 1823 г. Овэнъ поднялъ въ Ирландіи вопросъ о народномъ воспитаніи и объ употребленіи нищихъ на фабричныя работы. Здѣсь онъ былъ принятъ католическими и протестантскими епископами, главами аристократіи и самыми образованными людьми этой страны. Онъ собиралъ нѣсколько многочисленныхъ и оживленныхъ митинговъ въ Дублинѣ, и взялся представить обѣимъ палатамъ прошенія, говорившія въ пользу *разумной системы*. Значительныя, хотя, впрочемъ, все-таки недостаточныя, суммы были также подписаны здѣсь, въ видахъ осуществленія предположенныхъ плановъ. (См. отчетъ объ этихъ митингахъ, напечатанный немного спустя послѣ отъѣзда Овэна изъ Дублина).

8) „Въ 1824 г. Овэнъ отправился въ Соединенные Штаты, посѣтилъ тамъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ живыхъ, президентовъ, собралъ о многихъ политическихъ, административныхъ и соціальныхъ вопросахъ мнѣнія столь отличныхъ и опытныхъ людей, какъ Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ, Монро, Джонъ Квинси Адамсъ. Онъ толковалъ съ членами высшаго судилища; два раза былъ выслушанъ въ конгрессѣ и получилъ со всѣхъ сторонъ благодаренія за свои указанія, заслужившія общее одобреніе. Потомъ онъ развивалъ свои идеи въ главнѣйшихъ городахъ Союза и въ двухъ своихъ путешествіяхъ входилъ въ сношенія со всѣми замѣчательнѣйшими людьми Штатовъ.

9) „Въ 1828 г. Овэнъ явился въ Мексикѣ, съ намѣреніемъ оффиціально принять на себя управленіе Тэхасомъ, чтобы предотвратить бѣд-

ствія, которыхъ театромъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ эта провинція. Онъ представилъ на этотъ счетъ мексиканскому правительству записку, составленную имъ въ Европѣ и предварительно сообщенную посланникамъ значительнѣйшихъ державъ американскихъ. Поддерживаемый ими и опираясь на рекомендацію Веллингтона предъ англійскимъ посланникомъ въ Мексикѣ, лордомъ Пакенгамомъ, Овэнъ вошелъ въ переговоры. Самъ лордъ Пакенгамъ взялся изложить его планы въ оффиціальной конференціи; онъ представилъ въ высшей степени похвальный отзывъ—и о методѣ Овэна, и о его личности, и о качествахъ, дѣлавшихъ его вполнѣ способнымъ къ выполненію предположеннаго дѣла. Президентъ отвѣчалъ, что мексиканское правительство серьезно разсмотритъ это дѣло, и что жаль только того, что управленіе Тэхасомъ не прямо зависитъ отъ Мексики. Потомъ онъ присовокупилъ: „если г. Овэнъ желаетъ взять на себя управленіе территоріей гораздо болѣе обширной, мы можемъ ему предложить область, лежащую между Тихимъ океаномъ и Мексиканскимъ заливомъ и образующую, въ большей своей части, границу между Мексиканскимъ союзомъ и Соединенными Штатами". При этомъ великодушномъ предложеніи гг. Пакенгамъ и Овэнъ не могли удержать своего изумленія. Впрочемъ, когда начались объясненія, Овэнъ предварительно потребовалъ, чтобы его провинціи предоставлена была полная религіозная свобода. Президентъ отвѣчалъ, что это условіе можетъ служить помѣхою, такъ какъ въ Мексикѣ господствуетъ католическое исповѣданіе,—но что онъ представитъ конгрессу предложеніе о введеніи въ Мексикѣ вѣротерпимости, подобно Соединеннымъ Штатамъ. „На этихъ основаніяхъ, —сказалъ тогда Овэнъ,— я соглашаюсь; какъ скоро законъ будетъ принятъ, я примусь за мои правительственныя распоряженія". Въ остальное время своего пребыванія въ Мексикѣ Овэнъ былъ представленъ высшимъ правительственнымъ лицамъ страны и, въ Вера-Крусѣ, имѣлъ нѣсколько свиданій съ генераломъ Санта-Анною, выказавшимъ живѣйшее сочувствіе къ его проектамъ общественныхъ улучшеній. Овэнъ отправился изъ Вера-Круса на военномъ десятипушечномъ бригѣ, присланномъ изъ Ямайки, чтобы отвезти его въ Новый-Орлеанъ.

10) „Въ своихъ путешествіяхъ Овэнъ могъ убѣдиться, сколько несогласій и гибельныхъ антипатій существовало между Соединенными Штатами и Англіей. Онъ понялъ, что дѣло можетъ дойти до того, что Штаты заключатъ союзъ съ сѣверными державами, враждебными Англіи. Овэнъ хотѣлъ попытаться—сдѣлать эти отношенія болѣе доброжелательными и искренними. Онъ отправился въ Вашингтонъ, представилъ г. Ванъ-Бюрену, тогдашнему министру, какъ противны были здравой политикѣ отношенія двухъ державъ, и въ конференціяхъ, продолжавшихся десять

дней, вопросъ былъ совершенно разъясненъ между двумя посредниками. Представили дѣло тогдашнему президенту Джексону, который одобрилъ содержаніе и исходъ переговоровъ и изъявилъ свое согласіе на открытіе дружественныхъ сношеній между двумя державами. Онъ пожелалъ видѣть Овэна, пригласилъ его на обѣдъ, и тутъ согласились, что Американскій Союзъ приметъ съ этихъ поръ новую политику, доброжелательную Великобританіи, если только эта послѣдняя приметъ тоже направленіе и проникнется тѣмъ же примирительнымъ духомъ. Съ этой увѣренностью Овэнъ отправился въ Европу. Едва прибывши въ Лондонъ, онъ представился лорду Абердину, далъ ему отчетъ во всемъ, что произошло, и получилъ отъ него увѣреніе, что отнынѣ установятся наилучшія отношенія между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами. Конфиденціальныя письма и депеши указали англійскимъ посланникамъ въ Америкѣ—сообразоваться во всемъ по этому дѣлу съ совѣтами Овэна. Дѣло пошло хорошо и было окончено къ обоюдному удовольствію. Овэнъ формально настаивалъ на необходимости порѣшить со всѣми маленькими разногласіями въ частностяхъ,—и очень жаль, что тогда не воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы положительно опредѣлить границы со стороны Канады. По поводу этихъ переговоровъ одинъ изъ принцевъ Мюратовъ сказалъ въ одной книгѣ, изданной въ Соединенныхъ Штатахъ, что Овэнъ обманулъ американское правительство. Овэнъ, конечно, давно бы отвѣтилъ на это обвиненіе, если бы его зналъ. Молодой Мюратъ былъ вовлеченъ въ ошибку: Овэнъ никого не обманывалъ. Ему пріятно объявить теперь, что ни одно правительство въ мірѣ не могло бы вести себя съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ, чѣмъ Соединенные Штаты въ этомъ случаѣ, и что, съ другой стороны, онъ долженъ воздать величайшую похвалу и дѣйствіямъ англійскаго министерства, преимущественно же лордовъ Ливерпуля и Веллингтона. Онъ считаетъ однако нужнымъ замѣтить здѣсь, что недавно этотъ достоуважаемый генералъ отказался представить одну его просьбу палатѣ лордовъ и даже не хотѣлъ выслушать его объясненій,—что, впрочемъ, нужно приписать только вліянію нѣкоторыхъ лицъ, *не хотящихъ понять и оцѣнить* планы *разумнаго общества.* (Достовѣрность изложенныхъ здѣсь фактовъ могутъ засвидѣтельствовать: генералъ Джексонъ, президентъ Ванъ-Бюренъ, графъ Абердинъ, генералъ Санта-Анна и мн. др.).

11) „Видя, что мексиканское правительство не можетъ хорошенько уладить религіозный вопросъ, въ границахъ предположенныхъ Овэномъ, и понимая, что положеніе Мексики не представляло достаточныхъ гарантій для спокойнаго и послѣдовательнаго осуществленія его идей, Овэнъ отказался отъ общинныхъ опытовъ въ чужихъ странахъ и обратился къ своей

родинѣ, которая нуждалась въ его преобразованіяхъ не менѣе или еще больше, чѣмъ всякая другая страна. Поэтому онъ употребилъ послѣднія десять лѣтъ на распространеніе въ англійскомъ народонаселеніи здравыхъ понятій и на приготовленіе его къ той мирной реформѣ, которую теперь онъ въ состояніи возвѣстить міру. Такимъ образомъ, значительная часть рабочаго класса въ Англіи имѣетъ гораздо болѣе, нежели въ другихъ странахъ, здравыя понятія о всѣхъ вопросахъ, касающихся ихъ обезпеченія и благосостоянія. Черезъ нѣсколько лѣтъ результаты эти будутъ еще очевиднѣе, потому что тогда еще лучше узнаютъ на самомъ дѣлѣ истину, чистоту и всю важность новаго ученія. Робертъ Овэнъ посѣтилъ также въ недавнее время нѣкоторыя изъ старыхъ государствъ Европы, чтобы приготовить ихъ къ измѣненіямъ, которыя становятся неизбѣжными, при развитіи истинныхъ понятій въ рабочихъ классахъ. Уже 22 года тому назадъ, Овэнъ предвидѣлъ этотъ результатъ; теперь онъ приблизился,—и никто уже не можетъ сомнѣваться въ его значеніи.

„Въ тотъ самый періодъ времени Робертъ Овэнъ написалъ и издалъ первую изъ семи частей „Книги новаго нравственнаго міра", долженствующей заключать въ себѣ изложеніе науки о природѣ человѣка. Такой книги доселѣ недоставало человѣчеству, и авторъ будетъ ее защищать противъ всѣхъ, которые сочтутъ своимъ долгомъ или найдутъ выгоднымъ нападать на нее.

„Изданіе этой книги сопровождалось появленіемъ множества другихъ произведеній Овэна, разсуждавшихъ о различныхъ предметахъ,—о религіи, о бракѣ, о личной собственности, о народномъ воспитаніи, о занятіяхъ работниковъ; за этими произведеніями, если ихъ хорошо поймутъ, признано будетъ великое значеніе, не только для Англіи, но и для всего остального міра.

„Но, сверхъ всего этого, Робертъ Овэнъ оказалъ неоцѣненную услугу открытіемъ и обнародованіемъ новой, разумной системы общества и религіи,—дѣло, котораго развитіе теперь уже невозможно остановить. Это—система болѣе благодѣтельная, чѣмъ всѣ ложныя и отвлеченныя системы, бывшія до сихъ поръ,—система истинная, доброжелательная для всѣхъ, выгодная всѣмъ и каждому, долженствующая обезпечить благоденствіе и миръ вселенной. Міръ былъ еще въ невѣдѣніи на счетъ этой системы, но достоуважаемый епископъ экзетерскій позаботился дать ей самую громкую гласность, изложивши ее въ палатѣ лордовъ [1]).

„Вотъ вкратцѣ изложеніе части того, что сдѣлано Овэномъ для состарѣвшагося, одряхлѣвшаго, безнравственнаго міра. Но это ничего не зна-

[1]) Это намекъ на тѣ нападенія, какія дѣлалъ на систему Овэна въ палатѣ лордовъ епископъ экзетерскій.

чить въ сравненіи съ тѣмъ, что замышлено имъ для того, чтобы исторгнуть человѣка изъ нищеты, раздоровъ, униженій, пороковъ и бѣдствій.

„Теперь одно слово на счетъ моего представленія ея величеству королевѣ. Я спрашиваю, кому изъ насъ троихъ всего болѣе чести принесло это свиданіе? Тому - ли старику семидесяти лѣтъ, который болѣе полувѣка искалъ пріобрѣтенія рѣдкой между людьми мудрости, съ одной цѣлью приложить ее къ облегченію бѣдствій несчастныхъ, и который, въ видахъ осуществленія своихъ плановъ, позволилъ даже нарядить себя какъ обезьяну и склонить колѣно предъ молодой дѣвицей,—прекрасной, конечно, но вовсе неопытной? Или министру, который заставилъ этого старика подвергнуться этимъ формамъ этикета, и потомъ въ рѣчи, полной нелѣпостей, почти отрекся отъ всего этого дѣла, котораго былъ двигателемъ и которое нѣкогда будетъ, можетъ быть, считаться лучшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ его управленія? Или наконецъ — этой молодой дѣвушкѣ, предъ которой преклонялъ колѣни семидесятилѣтній старецъ?.. Что касается до меня, то я не считаю за честь быть представленнымъ никакому человѣческому существу, каково бы оно ни было.

„Двадцать-два года тому, въ адресѣ моемъ, представленномъ черезъ лорда Кастельрэ европейскимъ монархамъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, я объявилъ, что въ моихъ проектахъ и дѣйствіяхъ я совершенно чуждъ всякаго желанія какихъ-нибудь почестей и привилегій, на которыя всегда смотрѣлъ, какъ на дѣтскія побрякушки или мелочи, достойныя людей суетныхъ и малодушныхъ.

„Однако же глава нынѣшней оппозиціи въ палатѣ депутатовъ счелъ важнымъ преступленіемъ мое представленіе ея величеству и воспользовался имъ, какъ оружіемъ противъ министра, который это дѣло устроилъ.

„Неужели нынѣшній сэръ Робертъ Пиль могъ поднять это волненіе серьезно и не краснѣя?

„Развѣ позабылъ онъ, что старый Робертъ Пиль, отецъ его, въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ со мной и считалъ полезнымъ добиваться предъ палатою депутатовъ осуществленія моихъ идей и принятія,—хотя со множествомъ искаженій,—моего билля о работѣ дѣтей на фабрикахъ?

„Старый Робертъ Пиль былъ человѣкъ практическій, старавшійся найти себѣ опору не въ пустыхъ словахъ, а въ предметахъ существенно-полезныхъ и плодотворныхъ. Онъ былъ опытный человѣкъ, серьезно и добросовѣстно взвѣшивавшій и обсуждавшій мысли, которыя представлялись его разсмотрѣнію. Я спрашиваю теперь у почтеннаго предводителя отчаянной оппозиціи, возставшей теперь въ палатѣ депутатовъ,—помнитъ - ли онъ мой визитъ достоуважаемому отцу его, сдѣланный пе-

редъ однимъ изъ моихъ путешествій въ Соединенные Штаты, въ то время, когда онъ, нынѣшній сэръ Робертъ Пиль, членъ кабинета лорда Ливерпуля, — находился въ фамильномъ своемъ мѣстопребываніи, въ Дрэйтонъ-Голлѣ? Если онъ не забылъ этого, то долженъ вспомнить и то, что я тогда привозилъ съ собою около двухъ сотъ плановъ и рисунковъ, относящихся къ новой системѣ организаціи общества. Я ихъ назначалъ для президента Соединенныхъ Штатовъ, въ комнатахъ котораго они и были потомъ выставлены, и можетъ быть и теперь еще тамъ находятся. Сэръ Робертъ Пиль-отецъ посвятилъ много часовъ на разсмотрѣніе этой единственной въ мірѣ коллекціи, въ которой я раскрывалъ средства совершенно передѣлать внѣшнія обстоятельства, опредѣляющія характеръ человѣка, и доставить будущимъ поколѣніямъ гораздо болѣе благородное употребленіе ихъ силъ и гораздо обильнѣйшій источникъ наслажденій. Долго разбиралъ и изучалъ онъ предметъ въ самой его сущности, средства осуществленія, научныя данныя, которыми опредѣлялась общая гармонія и великое значеніе всей совокупности моей системы, и послѣ этого строгаго разсмотрѣнія онъ нѣсколько минутъ оставался въ безмолвномъ изумленіи, а затѣмъ сказалъ вотъ какія слова, замѣчательныя по ихъ глубинѣ и справедливости: „Г. Овэнъ,—сказалъ онъ мнѣ,—во всемъ королевствѣ не найдется четырехъ человѣкъ, которыхъ образованіе было бы достаточно обширно и разнообразно, чтобы оцѣнить значеніе столь великихъ соображеній; но если бы много было людей, которые могли бы понять васъ такъ, какъ я,—то они тотчасъ признали бы, что измѣненіе, предположенное вами, можетъ произвести гораздо болѣе, нежели сколько вы сами можете обѣщать“. Затѣмъ онъ прибавилъ: „мой сынъ Робертъ теперь здѣсь. По всей вѣроятности, онъ не пойметъ вашихъ соображеній, потому что не имѣлъ еще случая заниматься изученіемъ подобныхъ предметовъ. Но останьтесь у насъ до завтра. Вы увидите его за обѣдомъ, и мы попробуемъ нѣсколько затронуть его умъ, раскрывши передъ нимъ ваши проекты“. Я остался, исполняя просьбу достойнаго баронета; но мнѣ и тогда нетрудно было замѣтить, что сэръ Робертъ Пиль нынѣшній вовсе не имѣлъ ни нужныхъ свѣдѣній, ни опытности для того, чтобы обнять предметъ, бывшій не по силамъ его разумѣнія. Я свидѣтельствую мое глубокое уваженіе ко всей этой фамиліи; но мнѣ грустно видѣть, до какой степени политическія предубѣжденія искажаютъ самыя блестящія достоинства.

„Что касается достопочтеннаго прелата экзетерскаго и его рѣчи, произнесенной на прошлой недѣлѣ въ палатѣ лордовъ, то я считаю себя въ правѣ заключить, что ему еще нужно выразумѣть хорошенько тѣ *заблужденія*, *безнравственности* и *хулы*, противъ которыхъ онъ гремѣлъ такъ продолжительно. Я убѣжденъ, что самый послѣдній изъ многихъ тысячъ маль-

чиковъ, учащихся въ моихъ школахъ, объяснитъ все это гораздо удовлетворительнѣе и разумнѣе, нежели этотъ благородный лордъ въ полномъ собраніи парламента.

„Но, серьезно размысливши обо всемъ этомъ, я пришелъ къ тому, что сказалъ себѣ: почтенный виконтъ, государственный министръ, почтенный предводитель оппозиціи въ нижней палатѣ и достопочтенный прелатъ экзетерскій—имѣютъ каждый свой характеръ, сложившійся особеннымъ образомъ и насильственно увлекающій ихъ, отчего ихъ заблужденія становятся невольными, неизбѣжными и, слѣдовательно, достойными состраданія. а не брани. Разумная любовь и религія, которыя нѣкоторымъ образомъ дремали во мнѣ при чтеніи рѣчей этихъ благородныхъ господъ, теперь вновь заговорили во мнѣ со всей своей силой и чистотой. Поэтому я забываю и прощаю все, что они могли сказать. Мнѣ кажется, что ихъ старая общественная система не должна имъ внушить столь же прямодушной и искренней любви въ отношеніи ко мнѣ, и это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ мое состраданіе къ нимъ".

„Облегчивши мое сердце отъ этихъ мелочей, я перехожу къ размышленіямъ болѣе серьезнымъ и важнымъ.

„Нѣкоторыя лица въ англійскомъ парламентѣ предлагали—преслѣдовать и наказывать нѣсколькихъ послѣдователей *разумной системы* общества. Правду сказать,—въ этомъ было бы очень мало разумнаго.

„Я—изобрѣтатель, основатель и открытый проповѣдникъ этой системы и всѣхъ заблужденій. безнравственностей и хуленій, которыя она содержитъ (если только можно найти въ ней хоть тѣнь чего-нибудь подобнаго). Я одинъ ея виновникъ, и, слѣдовательно, меня одного нужно (если ужъ нужно) преслѣдовать и казнить за всѣ гадости, какія въ ней могутъ скрываться. Я готовъ доказать первому министру королевы, что разумная система и разумная религія въ томъ видѣ, какъ я ихъ преподавалъ, вовсе не суть нелѣпости; главѣ оппозиціи я готовъ доказать, что система эта возвѣщаетъ истины чрезвычайно важныя и полезныя; наконецъ достопочтенному епископу экзетерскому я докажу, что разумная система, возвѣщенная мною міру, содержитъ несравненно менѣе безнравственности и безразсудства, чѣмъ сколько было ихъ во всѣхъ безчисленныхъ ученіяхъ, столь долго связывавшихъ и унижавшихъ человѣчество.

„Если бы тѣ, которые стоятъ во главѣ управленія нашей страной, имѣли нѣсколько мудрости, то, видя, что умы заняты этимъ предметомъ во всѣхъ странахъ міра, они выбрали бы людей образованныхъ, опытныхъ и практическихъ, умѣющихъ понимать самое дѣло, а не одни слова,—и поручили бы имъ тщательно и всесторонне разсмотрѣть всю мою систему

для того, чтобы сначала они, а потомъ и весь міръ—могли получить точное и вѣрное понятіе объ этомъ открытіи, которое должно произвести счастье на землѣ не только для настоящихъ, но и для будущихъ поколѣній.

„При такомъ разумномъ образѣ дѣйствія, открыто и всенародно будетъ повѣдано міру все, что есть ложнаго въ моей системѣ, — если найдется въ ней что-нибудь ложное,—равно какъ указано будетъ для пользы общества и на то, что въ ней есть истиннаго и добраго,—если въ ней окажется что-нибудь истинное и доброе.

„Требуя этой мѣры, я имѣю въ виду не личную свою выгоду. Съ самаго начала моего поприща, когда я не имѣлъ никакой опоры, — я не боялся, единственно въ интересахъ самой истины, входить въ противорѣчіе съ самыми закоренѣлыми предразсудками предшествующихъ вѣковъ. Уже съ тѣхъ поръ я приготовился и къ денежнымъ штрафамъ. и къ тюремнымъ заключеніямъ, и къ самой смерти — даже на эшафотѣ. И что могутъ значить всѣ подобныя непріятности для человѣка, который весь проникнутъ однимъ желаніемъ — быть полезнымъ человѣчеству? Но, вмѣсто штрафовъ, заточеній и безславнаго конца, я, напротивъ. встрѣтилъ сочувствіе и любовь человѣчества; я прожилъ жизнь свою мирно и безъ шума, счастливый самимъ собою и своимъ семействомъ. Фамилія Овэна, какъ въ Нью-Лэнэркѣ, въ Шотландіи, такъ и въ Нью-Гармони, въ Америкѣ, была одною изъ самыхъ счастливыхъ по сю и по ту сторону Атлантическаго океана. Правда, что я весь излишекъ моего состоянія, до послѣдняго шиллинга, посвящалъ на пропаганду моего великаго и прекраснаго дѣла, такъ какъ деньги не безполезны были въ содѣйствіи его успѣхамъ; но достопочтенный прелатъ совершенно ошибается, когда утверждаетъ, что я потерялъ мое состояніе въ роскоши и мотовствѣ. Ни одного фунта стерлинговъ не употребилъ я на какое - нибудь пустое дѣло; я въ состояніи доказать это благородному прелату и вызываю его представить хотя малѣйшее доказательство противнаго.

„Послѣ этого торжественнаго объясненія, мнѣ нечего болѣе безпокоиться о томъ, что могутъ теперь сказать обо мнѣ въ парламентѣ или внѣ парламента. Моя жизнь служитъ настоящимъ отвѣтомъ на всѣ клеветы, какія еще могутъ на меня придумать. Минутная популярность мало имѣетъ для меня значенія; забота же о своей репутаціи послѣ смерти кажется мнѣ нелѣпостью, развѣ только имѣть въ виду то удовольствіе, которое могутъ отъ этого получить потомки знаменитаго человѣка. Я счастливъ въ моей жизни; я буду счастливъ и въ смерти и еще болѣе —независимъ отъ этого міра, дряхлаго, безнравственнаго и неразумнаго“.

„*Робертъ Овэнъ*“.

„Лондонъ. 2 февраля 1840 г.“.

Еще восемнадцать лѣтъ прожилъ Овэнъ послѣ этого откровеннаго объясненія съ противниками своихъ идей. Ни разу во все это время не измѣнилъ онъ себѣ, несмотря на старость, несмотря на громадность встрѣчавшихся ему затрудненій. Въ 1845 г. онъ еще разъ совершилъ путешествіе въ Америку, чтобы содѣйствовать лично распространенію тамъ своего ученія. Съ 1846 г. онъ постоянно продолжалъ свою пропаганду въ Англіи. До конца жизни сохранилъ онъ полное употребленіе всѣхъ умственныхъ способностей и пользовался рѣдкимъ здоровьемъ. Незадолго до своей смерти онъ еще являлся на одномъ конгрессѣ въ Ливерпулѣ, въ сообществѣ лорда Брума и лорда Джона Росселя. Впрочемъ, говорить предъ собраніемъ ему было уже трудно. Послѣ этого онъ слегъ-было въ постель, но вскорѣ оправился и рѣшился ѣхать въ Ньютонъ, мѣсто своего рожденія, чтобы тамъ кончить свой вѣкъ. Тамъ онъ и умеръ на рукахъ старшаго своего сына,— посланника Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Неаполѣ. Смерть Овэна оправдала его торжественную увѣренность, высказанную за восемнадцать лѣтъ предъ тѣмъ: онъ умеръ спокойно, безъ агоніи, почти безъ всякой боли. За полчаса до смерти онъ говорилъ, что чувствуетъ себя чрезвычайно хорошо и пріятно. Послѣднія слова его были „relief is come“,— „пришла развязка“.

Изъ представленнаго нами очерка читатели, незнакомые съ произведеніями Овэна, могутъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ общихъ положеніяхъ, на которыхъ опиралась изобрѣтенная имъ *разумная система* общественнаго устройства. Мы не нашли удобнымъ сдѣлать здѣсь полное и подробное обозрѣніе его системы: это необходимо отвлекло бы насъ отъ изложенія личной дѣятельности Овэна и заставило бы пуститься въ общія теоретическія соображенія. Соображенія же эти потребовали бы слишкомъ долгихъ и подробныхъ распространеній, а отчасти и умолчаній, такъ какъ принципы Овэна стоятъ дѣйствительно въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ, что обыкновенно принимается за истину въ нашемъ обществѣ. Поэтому, оставляя до болѣе удобнаго времени подробное изложеніе и разборъ теорій Овэна, мы на этотъ разъ ограничиваемся очеркомъ его личной дѣятельности и указаніемъ на главнѣйшія идеи, служащія основаніемъ всей его системы. Какое значеніе, какіе обширные размѣры имѣетъ эта система, на какихъ смѣлыхъ и совершенно самостоятельныхъ началахъ она основана—это достаточно ясно видно изъ „Манифеста“, переведеннаго нами въ этой статьѣ. Для желающихъ же изучить подробности системы Овэна нужно обратиться къ его сочиненіямъ, и преимущественно двумъ, названнымъ выше: „Объ образованіи человѣческаго характера“ (есть въ русскомъ переводѣ) и „Книга новаго нравственнаго міра“ (Book of the new moral world).

Писатели, разбиравшіе идеи и дѣятельность Овэна, обыкновенно на-

зываютъ его утопистомъ, мечтателемъ, романтикомъ, непрактичнымъ и даже прямо безразсуднымъ человѣкомъ. Мы не знаемъ, какое мнѣніе читатели составили объ Овэнѣ по нашей статьѣ; но намъ кажется, что съ писателями, трактующими Овэна такимъ образомъ, нельзя не согласиться во многомъ. Мы видѣли, что Овэнъ могъ обогатиться филантропіей—и растратилъ свое состояніе на бѣдныхъ; могъ сдѣлаться другомъ и любимцемъ всѣхъ партій — и ожесточилъ ихъ всѣ противъ себя; могъ дойти до степеней извѣстныхъ—и вмѣсто того потерялъ всякое уваженіе къ себѣ въ высшемъ обществѣ; могъ получить въ свою власть цѣлый край, отказавшись отъ одной изъ основныхъ идей своихъ—и не получилъ ничего, потому что прежде всего требовалъ отъ мексиканскаго правительства гарантій для свободы этой самой идеи. Поразмысливъ аккуратно, невольно приходишь къ вопросу: кто же могъ поступать такимъ образомъ, кромѣ человѣка самаго непрактичнаго, преданнаго самымъ утопическимъ мечтаніямъ? Однихъ этихъ фактовъ уже вполнѣ достаточно, чтобы дать право противникамъ Овэна называть его близорукимъ мечтателемъ. А къ этому прибавьте еще его претензіи—преобразовать цѣлый міръ по своимъ идеямъ, доказать, что всѣ ошибались, а онъ одинъ нашелъ правду! Это ужъ такая дерзкая химера, которой благоразумные противники Овэна даже въ толкъ взять никакъ не могутъ. И благо имъ, что не могутъ!

НАРОДНОЕ ДѢЛО.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ОБЩЕСТВЪ ТРЕЗВОСТИ.

Много разъ приходилось намъ слышать отъ людей, искренно желающихъ народнаго блага, выраженіе сожалѣнія о томъ, что народъ нашъ живетъ такъ разрозненно, такъ мало проникнутъ сознаніемъ общихъ интересовъ. Не менѣе горькія сѣтованія слышатся часто и о томъ, что масса простого народа отдѣлена у насъ китайскою стѣною отъ образованныхъ классовъ общества и, вслѣдствіе того, почти не можетъ пользоваться благодѣтельными указаніями науки и литературы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ много представляется пессимистами фактовъ и соображеній, которыя приводятъ къ чрезвычайно мрачнымъ заключеніямъ о бытѣ и характерѣ народныхъ массъ и заставляютъ почти отчаяться въ возможности ихъ успѣховъ на поприщѣ нравственныхъ и общественныхъ интересовъ.

„Народонаселеніе наше,—говорятъ пессимисты,—раскинуто по безконечной равнинѣ, и во всей Европейской Россіи едва составляетъ 500 человѣкъ на квадратную милю, т.-е. въ восемь и въ десять разъ меньше населенности всей остальной Европы. Средства сообщенія между обитателями разныхъ концовъ этого 4000-верстнаго протяженія чрезвычайно неудобны и затруднительны, а потребности и обычаи ихъ слишкомъ разнообразны. Суровый климатъ и неблагодарная почва большей половины этого пространства требуютъ изнурительныхъ и долгихъ трудовъ для того, чтобы человѣкъ могъ безбѣдно удовлетворить всѣмъ своимъ естественнымъ потребностямъ. А между тѣмъ, трудъ и богатство распредѣлены съ гораздо большимъ неравенствомъ, нежели въ какой бы то ни было другой странѣ. Почти весь производительный трудъ приходится на долю простонародья, почти всѣ выгоды его достаются образованнымъ классамъ. На обязанности земледѣльца лежитъ не только забота о своемъ собственномъ прокормленіи, но и содержаніе, — да не просто содержаніе, а богатое, роскошное содержаніе—и другихъ классовъ общества. Когда тутъ думать ему о выс-

шихъ потребностяхъ собственной натуры, когда хлопотать о средствахъ для улучшенія своего собственнаго быта? Да если и успѣетъ и захочетъ простолюдинъ позаботиться о своемъ нравственномъ и матеріальномъ усовершенствованіи, то какъ онъ за это возьмется, если только онъ не мошенникъ, а честный человѣкъ? Вокругъ него, передъ нимъ и за нимъ, вверху и внизу—вездѣ затрудненія и препятствія. Промышленность развита у насъ мало, да и то составляетъ большею частію монополію капиталистовъ, у которыхъ бѣдному простолюдину можно быть только батракомъ и поденщикомъ; денежный курсъ все мѣняется къ невыгодѣ бѣдняка: дороговизна увеличивается годъ отъ году, вмѣстѣ съ роскошью тѣхъ классовъ, которые безотчетно бросаютъ направо и налѣво не ими нажитыя деньги. Куда ни поди бѣднякъ, что ни задумай пріобрѣсти себѣ,—ни къ чему приступу нѣтъ, и на всемъ онъ долженъ потерпѣть страшный изъянъ. На какія же средства будетъ онъ улучшать свое нравственное и матеріальное положеніе? Откуда возьметъ онъ досугъ для пріобрѣтенія образованія? Откуда возьмется у него вкусъ къ участію въ общественныхъ интересахъ? Онъ не знаетъ, какъ ему справиться и съ своими домашними нуждами, какъ удовлетворить физически-настоятельнымъ потребностямъ. А тутъ говорятъ: общее дѣло! Да какъ же до него добраться, если бы кто и захотѣлъ? Когда и какимъ образомъ астраханскій промышленникъ, козакъ изъ Ставрополя, горнозаводскій работникъ изъ Перми, рыболовъ изъ Колы — сойдутся хоть бы въ Петербургѣ, въ которомъ централизована вся государственная жизнь наша, и который отъ каждаго изъ этихъ людей отстоитъ слишкомъ на 2000 верстъ? А если и сойдутся, то какъ они станутъ разсуждать съ людьми образованными и учеными? У нихъ вѣдь нѣтъ никакой подготовки къ занятію общественными интересами, да и быть не можетъ при настоящемъ порядкѣ вещей. Образованность составляетъ у насъ такую же монополію, какъ и промышленность; и какъ наши фабрики заняты чуть не исключительно изготовленіемъ предметовъ роскоши, такъ и наша литература хлопочетъ болѣе всего объ удовлетвореніи празднаго воображенія и казуистической любознательности. Насъ занимаютъ вопросы о вавилонской письменности, о слогѣ С. Т. Аксакова, о законахъ и терминахъ органической критики, о неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ, о психической невѣрности характера Калиновича, и т. п. Мы нарочно создаемъ для себя задачи и ломаемъ надъ ними голову, воображая, что ихъ рѣшеніе чрезвычайно важно. Напримѣръ: „какую физіономію нужно состроить при видѣ почтеннаго человѣка, бѣгающаго, что есть силы, по палубѣ парохода, для того чтобы скорѣе пристать къ берегу?"—Или: „какъ найти средства вознаградить дѣтей вора за украденныя покойнымъ отцомъ ихъ вещи, когда вещамъ этимъ находится на-

стоящій хозяинъ?“ Подобныя задачи занимаютъ насъ цѣлые годы. Но что до нихъ за дѣло народной массѣ? Ей нужны другіе предметы, другой методъ ихъ разработки, другая логика... А этого-то и не даютъ ей произведенія нашего образованнаго ума, направленныя для нашего услажденія, а отнюдь не для блага народнаго. Поневолѣ и по необходимости остается простолюдинъ въ темнотѣ своей, и поневолѣ бредетъ онъ ощупью за другими, самъ не зная, куда и зачѣмъ ведутъ его. И—что всего ужаснѣе—никакого исхода изъ этого печальнаго положенія нельзя предвидѣть. Всѣми средствами образованности, всѣми преимуществами новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній владѣютъ неработающіе классы общества, которымъ нѣтъ никакой выгоды передавать оружіе противъ себя тѣмъ, чьимъ трудомъ они до сихъ поръ пользовались даромъ. Слѣдовательно, безъ участія особенныхъ, необыкновенныхъ обстоятельствъ, нечего и ждать благотворнаго распространенія образованія и здравыхъ тенденцій въ массѣ народа. Пройдутъ вѣка, и все будетъ по-старому: по вѣковой рутинѣ, новые успѣхи цивилизаціи будутъ только помогать тунеяднымъ монополистамъ въ эксплуатаціи рабочихъ людей, и по той же рутинѣ — рабочіе будутъ обращаться за совѣтомъ и судомъ къ своимъ эксплуататорамъ. А что изъ этого выйдетъ, угадать нетрудно: нужно только посмотрѣть вокругъ себя. И теперь, что встрѣчаетъ простолюдинъ, когда нужда заставитъ его войти въ соотношеніе съ образованностью? Тутъ съ него беретъ взятку грамотный писарь, тутъ его обсчитываетъ ученый хозяинъ, здѣсь обмѣриваетъ землемѣръ, тамъ у него на перепутьи стоятъ разные нѣмецкіе промышленники и всякіе иноземные изобрѣтатели, тамъ висятъ надъ нимъ бюджеты, кредиты, конвенціи, мобилизаціи и другія изобрѣтенія новѣйшей государственной цивилизаціи, безпрестанно отзывающіяся на его спинѣ и карманѣ... И куда онъ ни обратится, — все говоритъ ему о безконечномъ, безысходномъ продолженіи той же исторіи. Въ школѣ его учатъ „не разсуждать, а исполнять“; въ дѣлѣ сердца и высшихъ стремленій онъ слышитъ безпрестанно суевѣрныя аллегоріи отъ разныхъ мистификаторовъ; въ юридическихъ отношеніяхъ, онъ натыкается всюду или на помѣщичью власть, или на окружного и станового; въ частныхъ житейскихъ дѣлахъ онъ встрѣчаетъ—кулака, конокрада, знахаря, солдата на постоѣ, купца-барышника, подрядчика... Наконецъ—на каждомъ перекресткѣ въ городѣ, на каждой сходкѣ въ селѣ, на каждой станціи въ дорогѣ встрѣчаетъ онъ цѣловальника и откупщика и, полный горькаго отчаянія, предается имъ тѣломъ и душой, съ семьей, съ имѣньишкомъ, даже съ будущимъ трудомъ своимъ, за который еще только задатокъ полученъ“.

Такъ говорятъ пессимисты и, на основаніи своихъ мрачныхъ соображ-

женій, отрицаютъ возможность какого бы то ни было общаго, самостоятельнаго движенія въ народѣ. Мнѣнія ихъ неутѣшительны и, главное, обидны для образованныхъ людей, къ которымъ мы съ вами, читатель, конечно, и себя причисляемъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что мы съ пессимистами никакъ не должны соглашаться, а, напротивъ, должны возстать на нихъ съ чрезвычайно мрачнымъ видомъ. Но воздержимъ на минуту наше негодованіе и попробуемъ потолковать съ пессимистами кротко и разумно: можетъ быть, намъ удастся заставить ихъ взглянуть на дѣло нѣсколько съ другой точки. Чтобы не слишкомъ далеко расходиться, мы готовы даже принять на время, что всѣ факты, выставляемые пессимистами, совершенно вѣрны, и что всѣ ихъ основанія справедливы. Положимъ, что народъ нашъ дѣйствительно страждетъ разъединенностью; положимъ, что онъ слишкомъ обремененъ физическими трудами, отбивающими у него охоту помышлять объ общихъ интересахъ; положимъ, что самые успѣхи цивилизаціи нерѣдко обращаются у насъ въ средства къ болѣе искусной эксплуатаціи народа. Но, даже принимая всѣ эти факты, мы надѣемся, при помощи нѣкоторыхъ дополнительныхъ соображеній, придти не къ отчаянію въ жизненныхъ силахъ народа, не къ убѣжденію въ безконечности его апатіи и неспособности къ общественнымъ дѣламъ, а къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Вотъ какія соображенія желали бы мы представить пессимистамъ.

Нѣтъ такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть безконечно: дойдя до извѣстнаго предѣла, она непремѣнно изломится или оборвется. Такъ точно, нѣтъ на свѣтѣ человѣка и нѣтъ общества, котораго нельзя было бы вывести изъ терпѣнія. Вѣчной апатіи нельзя предположить въ существѣ живущемъ; за летаргіею должна слѣдовать или смерть, или пробужденіе къ дѣятельной жизни. Слѣдовательно, ежели правда, что нашъ народъ совершенно равнодушенъ къ общественнымъ дѣламъ, то изъ этого вытекаетъ вопросъ: нужно-ли считать это признакомъ близкой смерти націи, или нужно ждать скораго пробужденія? Пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть цѣлое племя славянское; но, по нашему глубокому убѣжденію, — они крайне несправедливы. Ихъ обманываетъ временная летаргія, и они не хотятъ видѣть признаковъ жизненности, по временамъ обнаруживающихся въ нашемъ народѣ. А между тѣмъ, существованіе этихъ признаковъ не только подтверждается внимательными наблюденіями, но даже оправдывается нѣкоторыми соображеніями a priori. Говоря о народѣ, у насъ сожалѣютъ обыкновенно о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія, и что онъ поэтому не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать право личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности, и пр. Сожалѣнія эти

очень благородны и даже основательны; но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь—путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо. Факты жизни не пропускаютъ никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка—всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительнѣе, нежели самыя громкія и высокія фразы о правѣ и чести. Точно такъ и наоборотъ: матеріальное довольство и полное признаніе всѣхъ нравственныхъ правъ человѣка успокоиваетъ его несравненно болѣе, нежели всѣ глубокомысленныя внушенія о кротости и благодушномъ терпѣніи. Поэтому, если розовое настроеніе духа, развивающееся въ богатомъ лежебокѣ, мы не можемъ принять за доказательство того, что и для рабочаго бѣдняка очень весело жить на свѣтѣ, такъ отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ противномъ случаѣ нельзя было сдѣлать заключенія обратно. Напротивъ, если богатый и свободный отъ дѣлъ человѣкъ жалуется на то, что тяжело жить на свѣтѣ, то изъ этого именно можно заключить, что бѣдному труженику еще тяжелѣе, хотя онъ, можетъ быть, и не умѣетъ такъ краснорѣчиво изобразить свои страданія, по недостатку образованности. Образованность именно ведетъ къ большей или меньшей степени ясности сознанія и, затѣмъ, къ умѣнью формулировать то, что сознается... Но и неформулированное страданіе—все-таки страданіе. Пусть оно таится, пусть не принимаетъ опредѣленнаго выраженія, это не должно обманывать насъ: есть предѣлъ, за которымъ оно можетъ ярко обозначиться, и тогда, безъ всякихъ книгъ, безъ всякихъ отвлеченныхъ соображеній, не говоря никакихъ фразъ, даже не принимая особаго имени для себя, оно проявится на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительный фактъ, отразившись въ практической жизни дѣятельнаго рабочаго человѣка, породитъ тоже дѣйствительный фактъ, тогда какъ книжныя теоріи и предположенія образованныхъ людей, можетъ быть, такъ и останутся только теоретическими предположеніями.

Пессимисты (а изъ нашихъ читателей есть кое-кто, наклонный къ пессимизму въ отношеніи къ намъ) могутъ подумать, что мы „далеко метнули“ и ушли совсѣмъ въ сторону отъ того предмета, о которомъ обѣщали говорить въ заглавіи нашей статейки. Но мы, напротивъ, все время вер-

тѣлись въ нашихъ соображеніяхъ около него, и теперь ужъ вплоть подошли къ нему. Пьянство и трезвость, борьба народа съ откупомъ—вотъ фактъ, который на этотъ разъ можетъ послужить намъ доказательствомъ жизненности народныхъ массъ въ Россіи. „Ужъ сколько разъ твердили міру", что русскій мужикъ—пьяница, что онъ съ горя пьетъ, и съ радости пьетъ, пьетъ на родинахъ, на свадьбѣ и на похоронахъ, пьетъ въ рабочій день — отъ усталости, вдвое пьетъ и въ праздникъ, по случаю отдыха. Люди, повидимому хорошо знавшіе народъ, готовы были до слезъ спорить, что нашъ мужикъ скорѣе съ жизнью разстанется, нежели съ сивухой, скорѣе дѣтей уморитъ съ голоду, нежели перестанетъ обогащать откупщика. И трудно было не вѣрить этимъ людямъ; факты такъ сильно говорили за нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ огромны, какъ непреодолимы, повидимому, тѣ побужденія, которыя влекутъ народъ къ пьянству!.. И слова князя Владиміра, что „Руси есть веселіе пити", и вѣковой обычай, и суровый климатъ, и недостаточное питаніе, и тяжкій физическій трудъ, и безпрерывная нужда и скорбь, и недостатокъ образованности, и отсутствіе невинныхъ развлеченій, доступныхъ народу, — все способствуетъ развитію въ мужикѣ наклонности къ водкѣ... Не говоримъ ужъ о приманкахъ, искусственно поставляемыхъ откупщиками и цѣловальниками, которые, какъ извѣстно, отличаются въ этомъ дѣлѣ рѣдкою изобрѣтательностью... Напомнимъ только, что кромѣ средствъ приманки, возможныхъ для всякаго купца, винные откупщики имѣютъ въ своихъ рукахъ особенную силу, по своимъ отношеніямъ къ мѣстному чиновничеству. Кто живалъ въ провинціи, тотъ самъ можетъ припомнить множество фактовъ, въ которыхъ выражалась сила откупщиковъ. Недавно обнародовано было пять - шесть фактовъ въ этомъ родѣ, и мы приведемъ изъ нихъ два или три, попавшіеся намъ подъ руку въ газетахъ: по нимъ можно судить о томъ, что дѣлается вообще по откупнымъ дѣламъ.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", № 62 (13 марта), напечатанъ слѣдующій разсказъ о дѣйствіяхъ откупа и полиціи, по случаю крестьянскаго зарока не пить водки.

«Въ С. губерніи, Б. уѣзда, мужики дали зарокъ не пить вина, что чрезвычайно смутило откупщика, а въ особенности его управляющаго. Послѣдній, наконецъ, не выдержалъ и *объяснился* съ исправникомъ. Исправникъ, хотя и дѣйствовалъ постоянно въ пользу откупа, но на этотъ разъ не рѣшился помогать непосредственно, а передалъ все временному отдѣленію, снабдивъ его необходимыми совѣтами, и временное отдѣленіе отправилось. Намѣревались, во что бы то ни стало, склонить крестьянъ къ путешествію по кабакамъ. Это было за недѣлю передъ масляницей. Прибывъ въ имѣніе какого-то графа, «начальство» собрало крестьянъ и спросило ихъ, почему не пьютъ вина. При этомъ былъ и самъ управляющій питейными сборами. «Такъ, не желаемъ!» отвѣчали крестьяне.—«Отчего жъ не желаете?»—«Очувствовались, — отвѣчаютъ снова крестьяне; — это вино одинъ раззоръ хозяйству:

шутка сказать — 8 рублей за ведро! сколько нужно возовъ хлѣба, чтобы купить одно ведро, а хлѣбъ у насъ дешевый!» — «Притомъ же,—замѣтилъ одинъ крестьянинъ побойчѣе, украшенный медалью, или какимъ-то другимъ знакомъ отличія:— «вино-то больно плохо, хуже нашей хоперской воды!» — «Какъ плохо?» воскликнулъ управляющій, подступивъ къ крестьянину. — «Да такъ, плохо, какъ бываетъ плохо, животъ только пучитъ!» — «Какъ ты смѣешь это говорить?» — зашумѣлъ управляющій, по извѣстной принятой методѣ дѣйствовать съ мужиками такимъ образомъ,— и съ этимъ словомъ—бацъ! Вслѣдъ затѣмъ и съ физіономіей управляющаго случилось то же самое, что угрожало случиться съ Чичиковымъ, когда Ноздревъ кликнулъ Павлушку. Произошло смятеніе. Носились слухи, что предложены были изъ кармана откупщика деньги, чтобы все было шито да крыто. Убѣдили управляющаго имѣніемъ собрать мужиковъ и выставить имъ даровую бочку вина, но, къ чести мужиковъ, надо сказать, — ни одинъ не дотронулся. Сколько ни хлопотали отдѣленіе и управляющій винными сборами, соединенно съ управляющимъ имѣніемъ, ничего не могли сдѣлать. Исторія распространилась мгновенно по всему Б. уѣзду, который, не мѣшаетъ замѣтить, прославленъ въ окрестности исторіями всякаго рода. Скоро стали говорить и въ другихъ уѣздахъ, и дѣло дошло до нашего, сосѣдняго, а изъ нашего я сообщаю вамъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ».

Значеніе этого разсказа, конечно, парализуется тѣмъ, что губернія и уѣздъ означены только первыми буквами; самъ разскащикъ подписался маленькимъ азомъ; откупщикъ, повѣренный, исправникъ и членъ отдѣленія *не названы вовсе*, такъ что желающій можетъ, пожалуй, объявить, что считаетъ себя въ правѣ не вѣрить подобнымъ безыменнымъ сообщеніямъ, за справедливость которыхъ ничто не ручается. Но кто видалъ исправниковъ и управляющихъ откупомъ, тому подобный разсказъ можетъ напомнить дѣйствительность и, вѣроятно, не возбудитъ въ немъ слишкомъ сильныхъ сомнѣній. Впрочемъ, есть разсказы и болѣе опредѣленные, по крайней мѣрѣ, относительно личныхъ именъ. Напримѣръ, въ „Русскомъ Дневникѣ", № 35 (февраля 12), напечатано извѣстіе о рѣшеніи не пить вина, состоявшемся у казенныхъ крестьянъ села Хотуши, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи. Къ извѣстію этому прибавлено слѣдующее:

«По полученіи объ этомъ свѣдѣній въ ближайшихъ административныхъ инстанціяхъ, дѣлопроизводители, охотники до ухи, какую, по замѣчанію Крылова, тороватые откупщики даютъ секретарямъ, нашли въ этомъ проявленіи народной самобытности очевидное отступленіе отъ правилъ сельскаго устава, покушеніе на собственность казны скопомъ, личную обиду откупщика, и въ этомъ тонѣ подготовили доклады».

Если и это извѣстіе неудовлетворительно, потому что все-таки неизвѣстно, *кто* сообщаетъ его, то вотъ еще свидѣтельство о силѣ откупа, свидѣтельство оффиціальное, относящееся не къ маленькой мѣстности, а къ цѣлой губерніи. Извѣстно, что полиціи предписано наблюдать за точнымъ выполненіемъ откупныхъ условій откупщиками. Предписанія эти неоднократно подтверждены были въ нынѣшнемъ году особыми циркулярами. Несмотря на то, дѣйствіе ихъ было весьма ничтожно, по крайней

мѣрѣ, въ Самарской губерніи, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующій циркуляръ г. начальника губерніи, напечатанный въ № 24 „Самарскихъ губернскихъ вѣдомостей“.

«Циркулярными предписаніями отъ 6 апрѣля, за № 5, и 18 мая, за № 3070, вмѣнено въ обязанность городскимъ и земскимъ полиціямъ наблюдать, чтобы продажа откупныхъ питій производилась только въ узаконенное время и чтобы обыкновенное и улучшенное полугарное вино отпускалось покупателямъ по цѣнѣ, опредѣленной откупными условіями. Между тѣмъ, въ виду моемъ *есть положительные факты, которые убѣждаютъ меня, что оба сіи предписанія исполняются весьма неудовлетворительно и что полиціи смотрятъ вообще на распоряженія начальства, касающіяся посредственно или непосредственно откупщиковъ, какъ на одну лишь форму, не требующую дѣйствительнаго исполненія.* Вслѣдствіе сего, я считаю нужнымъ вновь подтвердить городскимъ и земскимъ полиціямъ о точномъ исполненіи вышеозначенныхъ циркуляровъ. за №№ 5 и 3070, и предваряю, что если бы я опять получилъ свѣдѣніе объ оставленіи оныхъ безъ вниманія, то, не взирая на мое отсутствіе изъ губерніи, виновные будутъ подвергнуты строгому взысканію. *Причемъ не могу не замѣтить, что всѣ предписанія начальства имѣютъ по закону равную обязательную силу для подвѣдомственныхъ лицъ и мѣстъ, не исключая и предписаній, касающихся откупа*».

Итакъ, это не фраза, что откупъ составляетъ государство въ государствѣ, что онъ поставляетъ себя внѣ законовъ: не только сами откупщики, но и тѣ, кому слѣдуетъ наблюдать за ними, „смотрятъ на распоряженія, касающіяся откупа, *какъ на одну лишь форму, не требующую дѣйствительнаго исполненія*“.

Мало этого, откупъ полагаетъ, что полиція существуетъ именно за тѣмъ, чтобы защищать его незаконныя дѣйствія и чтобы преслѣдовать и карать всѣхъ, кто вздумаетъ имъ противиться. Въ этомъ отношеніи любопытно письмо г. Розанова, помѣщенное въ № 135 „Московскихъ Вѣдомостей“ (іюня 9).

«М. г., 31 мая я остановился проѣздомъ въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ и случайно попалъ на бывающую тамъ ежегодно въ Троицынъ день большую ярмарку. Послѣ обѣдни я былъ свидѣтелемъ одного изъ новыхъ подвиговъ откупщиковъ и спѣшу подѣлиться съ публикой описаніемъ этого происшествія.

Недавно, по предписанію г. министра. крестьянамъ былъ прочитанъ публично циркуляръ, по которому было подтверждено, что они имѣютъ право требовать во всѣхъ кабакахъ простого полугара надлежащей крѣпости по 3 рубля серебромъ за ведро. Крестьяне, пріѣхавшіе на ярмарку. стали требовать такого полугару; имъ продавали, но въ незапечатанной посудѣ. Замѣтивъ, что продаваемое такимъ образомъ вино имѣло всѣ свойства воды съ примѣсью чего-то тошнотворнаго, крестьяне стали требовать, чтобы имъ отпустили нѣсколько склянокъ этого такъ-называемаго полугару въ посудѣ за печатью винной конторы, чтобы, какъ они говорили, отправить это вино по дорожкѣ въ Бѣлокаменную для изслѣдованія тамъ высшимъ начальствомъ, такого-ли качества вино должно быть продаваемо за эту цѣну. Повѣренные отказали имъ въ этомъ требованіи и продавали запечатанными только спеціальныя водки по 7 рублей серебромъ за ведро, увѣряя, что дешевое вино имъ некогда печатать. Послѣ этого отказа, между крестьянами начался ропотъ; *повѣренные хотѣли-было доказать свою справедливость силою, но въ отвѣтъ имъ упало нѣсколько*

камней, перебившихъ немного посуды и слегка задѣвшихъ одного сидѣльца. Прибывшей на мѣсто земской полиціи удалось скоро успокоить народъ, связавъ нѣсколькихъ крестьянъ, шумѣвшихъ болѣе другихъ. Впрочемъ, г. управляющій откупомъ нашелъ, что безопаснѣе, забравъ всѣ вырученныя деньги, закрыть выставку и уѣхать.

Около того же времени было и въ другихъ кабакахъ того же уѣзда нѣсколько манифестацій противъ ужъ очень дурного качества трехрублеваго вина.

Надѣюсь, м. г., что вы не откажете помѣстить въ газетѣ, издаваемой вами, описаніе одного изъ выраженій, *конечно незаконнаго, но вызваннаго беззаконнымъ же поступкомъ откупа*, отношенія нашего народа къ откупамъ.

Примите, и проч.

Ник. Розановъ.

1859 года, 3-го іюня.»

И этого мало: откупщики находятъ средство скрыть отъ крестьянъ постановленія правительства относительно откупа, и, выведши мужиковъ изъ терпѣнія, стараются представить ихъ требованія въ видѣ бунта, свои же собственные поступки умѣютъ очень ловко скрыть, при посредствѣ подручныхъ людей. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, изъ котораго видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне даже и не знаютъ навѣрное о министерскихъ предписаніяхъ, относительно указной цѣны вина. Разсказъ этотъ нашли мы въ письмѣ г. Гржеголевскаго, которое напечатано въ № 150 „Московскихъ Вѣдомостей" (26 іюня).

«*Недавно разгласилось вездѣ и будто объявлено на сходкахъ оффиціально*, что во всѣхъ кабакахъ должно продаваться вино по 15 коп. за $^1/_{20}$ часть ведра. Крестьяне, столь претерпѣвшіе, бросились толпами въ кабаки требовать по этой цѣнѣ вина, но имъ не отпустили. Въ это время, вѣроятно, явились подстрекатели, можетъ быть, и для смѣлости купили имъ и вина, и толпа хлынула въ кабаки съ новыми требованіями; но, получивъ опять отрицательный отвѣтъ, начала бить посуду, и, придя въ изступленіе, нарушила всякое благочиніе. Все это, какъ говорятъ, происходило въ Пензенской губерніи и въ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи; прибавляютъ, будто одинъ изъ исправниковъ, руководимый душевными чувствами, описывая одно подобное происшествіе начальнику губерніи, изложилъ подробно и причину его, но не успѣлъ онъ донесеніе это переписать и подписать, какъ явились предстатели и откупные чины съ ходатайствами; *исправникъ отмѣнилъ свое донесеніе. Да и кто можетъ устоять, и кто устоялъ противъ откупного ходатайства?*

По всѣмъ этимъ происшествіямъ, какъ носятся слухи, отправились производить изслѣдованіе временныя отдѣленія земской полиціи и жандармскіе штабъ-офицеры. Я не оправдываю самовольныхъ поступковъ крестьянъ, но долженъ и обязанъ сказать нѣсколько словъ въ защиту несчастныхъ, по чувству ближняго и еще потому, что здѣсь страдаетъ человѣкъ, который, по своимъ понятіямъ, не знаетъ, какъ себя защитить, что говорить въ оправданіе себя предъ слѣдователемъ и что ему предпринять. Если справедливо, что произошли эти буйства, то что тому причиною, какъ не возвышеніе цѣнъ и недостатокъ наблюденія за этимъ? Мужикъ желалъ законнаго, требованія его не исполнили, никто его въ этомъ не поддержалъ и никто не защитилъ, и онъ прибѣгнулъ къ незаконнымъ средствамъ. Конечно, онъ виновенъ, но нельзя оправдать и другой стороны ни по закону, ни по совѣсти. Одна сторона можетъ подвергнуться наказанію, а откупщики и исполнители закона остаться безъ наказанія, даже неприкосновенными къ дѣлу.

Надѣемся, что помѣщики и окружные по государственнымъ имуществамъ упо-

требятъ всѣ средства, чтобы судьба несчастнаго мужика, насколько это можно, была облегчена въ этомъ дѣлѣ, и чтобы виновники были подвергнуты законному взысканію. Вступитесь за ближняго, и Всевышній наградитъ васъ!

Иг. Гржеголевскій.

11 іюня 1859 г.
Темниковъ.

Если вамъ мало и этихъ образчиковъ откупныхъ дѣйствій, то припомните, что откупъ имѣетъ свою кордонную стражу и, въ пограничныхъ мѣстахъ, можетъ доѣхать мужиковъ одними осмотрами да подозрѣніями въ корчемствѣ. Эта отрасль откупной администраціи доведена во многихъ мѣстахъ до восхитительной виртуозности. Вотъ, напримѣръ, анекдоты, сообщенные изъ Харьковской губерніи въ 51 № „Русскаго Дневника“ (7 марта).

«Предводитель ватаги кордонщиковъ, дюжій, трехъ-аршинный дѣтина Москальцевъ, изъ желанія доказать фактически, что онъ недаромъ хлѣбъ ѣстъ и беретъ жалованье, придумалъ слѣдующую, открытую впослѣдствіи, сдѣлку: въ мѣшокъ, наполненный овсомъ, вложилъ онъ большую склянку корчемной водки и бросилъ его поодаль отъ кордона, на проселочной дорогѣ. Былъ въ ближайшемъ городѣ Ч. базарный день, и утромъ много мужичковъ уже стали проѣзжать по этой дорогѣ въ городъ. И вотъ, первому, ѣхавшему съ грузомъ нѣсколькихъ мѣшковъ ржи, попался на глаза валяющійся мѣшокъ. Мужикъ, перекрестившись, поднялъ, развязалъ его и, увидавши, что въ немъ былъ овесъ, положилъ на возъ и поѣхалъ себѣ дальше по дорогѣ, полагая, что найденный имъ мѣшокъ потерялъ кто-нибудь изъ проѣхавшихъ прежде. Вотъ онъ ужъ приблизился къ кордону. Стража не дремлетъ: она очень знаетъ, что подброшенная водка поднята. Тутъ мужичка остановили и начали его кладу усердно, притворно обыскивать. Всѣ мѣшки были освидѣтельствованы; остался еще одинъ, и въ немъ, къ ужасу мужика, находятъ корчемную водку. Мужикъ отговаривается, доказываетъ свою правоту, плачетъ—нѣтъ пощады: скоро его, связаннаго, уложили между мѣшковъ и представили на судъ полиціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужикъ потерялъ все, что везъ въ городъ для продажи и, кромѣ того, большую часть изъ своего ограниченнаго имущества.

Этотъ же самый М. прославилъ себя и въ другой подобной операціи; но счастіе на этотъ разъ ему не помогло: сдѣлка была случайно открыта. Богатый поселянинъ въ селѣ Мал. собирался къ свадьбѣ сына своего и въ кругу родственниковъ, пріятелей-друзей провожалъ въ весельи предсвадебный вечеръ. Сосѣдъ его, бѣднякъ, пользуясь отсутствіемъ всякой наблюдательности въ гуляющемъ, рѣшился пойти ночью на его гумно и тамъ набрать мѣшокъ молоченнаго зерна, ссыпаннаго въ извѣстномъ ему мѣстѣ. Вотъ ужъ этотъ воришка принялся за работу. Робость, обыкновенно овладѣвающая человѣкомъ въ подобныхъ случаяхъ, не бросала его: каждый шорохъ, каждый порывъ вѣтра приводилъ его въ трепетъ и дѣлалъ готовымъ къ побѣгу. Вдругъ, слышится не вдалекѣ людской говоръ, который становится слышнѣе, все болѣе и болѣе. Воръ принужденъ былъ опрометью бѣжать и спрятаться въ недалеко стоящей клунѣ, за дверью. Разговаривающіе уже на этомъ гумнѣ. Ихъ нѣсколько человѣкъ остановились около одного хлѣбнаго скирда. Одинъ изъ нихъ что-то держалъ въ рукахъ и началъ вести трактацію такого рода. «Ну, братцы, зароемъ этотъ боченокъ въ скирдѣ, а завтра въ обѣдъ, давши знать расправѣ, придемъ его трусить, надуемъ, будетъ десятому поколѣнію о насъ заказывать; да глядите, братцы, осторожнѣе. Сначала все обыщемъ въ домѣ, а тогда уже сюда двинемъ; да и здѣсь сейчасъ не бросаться къ этой скирдѣ, а тогда, какъ нѣсколько поищемъ». Дѣйствующіе скрылись. Мужикъ, спрятавшійся въ клунѣ, выслушавъ такія

рѣчи, догадался въ чемъ дѣло, прибѣжалъ къ безпечному своему сосѣду, открылъ и свой поступокъ и сообщилъ слышанный имъ заговоръ противъ его благосостоянія. Не замедлили убѣдиться въ дѣйствительности сказаннаго: боченокъ водки, по указанію, былъ отысканъ. На слѣдующій день, хозяинъ съ гостями рѣшилъ найденную водку выпить, а обыщиковъ, если придутъ, ни подъ какимъ видомъ не пускать, развѣ согласятся заплатить 500 рублей, когда водка не будетъ найдена. Въ полдень, точно, являются эти соглядатаи, но мужикъ-хозяинъ и всѣ его гости единодушно говорятъ: «Не дамося ни за що, хиба заплатите намъ 500 рублivъ, якъ не найдете водки; найдете, мы вамъ заплотимо». Долго разъѣздчики усиливались приступить къ дѣлу; но нѣтъ!—настойчивость хозяина и гостей была непобѣдима. Главный предводитель разъѣздчиковъ, М., зная навѣрное объ успѣхѣ, скоро согласился на условія, предложенныя хозяиномъ. Деньги, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, отданы были нарочно избраннымъ для этого посредникамъ. Затѣмъ, разъѣздчики бросились искать свою добычу. Въ домѣ все формально привели въ хаосъ и ничего не нашли. Просятъ поискать и на гумнѣ. Не получивъ отказа, устремились сюда. Всѣ скирды хлѣба были обысканы, остался еще одинъ-надёжа. Обыскиваютъ и тотъ: о ужасъ— здѣсь тоже ничего не было. Долго они въ горести копались здѣсь и, наконецъ, принуждены были объявить, что обыскъ ихъ неудаченъ, что условленныя деньги хозяинъ имѣетъ получить. Открывшій этотъ заговоръ мужикъ былъ награжденъ хлѣбомъ и деньгами. Заговорщикъ же М., по доказу, какъ этого мужика, такъ и другихъ, отданъ подъ судъ. Чѣмъ онъ кончился, еще покуда не знаемъ».

И едва-ли узнаемъ, чѣмъ кончится это дѣло! Съ откупными служителями трудно тягаться!..

Недавно также сообщены были въ „Могилевскихъ Вѣдомостяхъ", и оттуда перепечатаны во всѣхъ газетахъ (см., напр., „Московскія Вѣдомости" № 148, 24 іюня) факты откупныхъ осмотровъ, изъ которыхъ оказывается, что экипажъ и вещи проѣзжихъ тыкаютъ желѣзными щупами, ломаютъ, бросаютъ, самихъ проѣзжихъ оскорбляютъ всячески... Редакторъ „Могилевскихъ губернскихъ вѣдомостей", г. Соколовъ, разсказываетъ, какимъ образомъ, въ проѣздъ его съ семействомъ изъ Мстиславля въ Могилевъ, кордонный осмотръ, подлѣ Чаусской заставы, перепугалъ больного ребенка, который вслѣдъ затѣмъ и умеръ. Разсказъ г. Соколова довольно сантименталенъ, и его нельзя прочесть безъ улыбки, но фактъ, тѣмъ не менѣе, возмутителенъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что обращеніе откупныхъ досмотрщиковъ съ проѣзжающими ничего еще не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ съ крестьянами. Изъ многихъ примѣровъ мы приведемъ одинъ, разсказанный въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" № 34 (8 февраля), и потомъ уже нарисованный въ каррикатурѣ, въ одномъ московскомъ журналѣ. Приводимъ все письмо, имѣющее заглавіемъ: „Новыя придирки откупа".

«М. г., въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго (1858) года, мнѣ случилось быть въ одномъ имѣніи Нижегородской губерніи, находящемся на границахъ Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Въ этомъ уѣздѣ старый откупъ, вслѣдствіе несогласія съ новымъ, долженствовавшимъ занять его мѣсто съ 1 января, рѣшился залить своего преемника и пустилъ въ распродажу вино по 3 р.—по 2р. 30 к. и подъ конецъ по 2 рубля за ведро. Для огражденія смежныхъ частей Нижегородской губерніи

отъ соблазна дешевой водки, — нижегородскій откупъ выставилъ съ своей стороны кордонъ. Кордонъ этотъ гонялся, ловилъ, хваталъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Пойманные съ контрабандой, подвергались болѣе или менѣе произвольнымъ взысканіямъ, въ основаніи которыхъ преимущественно лежала денежная сдѣлка (одинъ извѣстный мнѣ крестьянинъ, попавшійся съ 1/2 ведромъ вина, отпущенъ былъ за 30 р.). Тамъ, гдѣ подобная сдѣлка по какимъ-либо причинамъ не могла состояться, употреблялись наказанія довольно оригинальныя. *Такъ, напримѣръ, село К. было свидѣтелемъ такого зрѣлища: ѣдутъ сани повѣреннаго на рысяхъ пары лошадей, за санями рысью же бѣжитъ на веревкѣ мужикъ (вѣроятно, злостный контрабандистъ), на плечахъ у мужика сидитъ, какъ въ чехардѣ, самъ повѣренный.* Такое примѣрное наказаніе придумано было, — должно полагать — съ цѣлью устрашенія и для спасительнаго примѣра.

Этого мало. Къ крайнему своему удивленію, всѣ жители околотка Ардатовскаго уѣзда, расположеннаго по близости кабака с. Розоватаго (Симбирской же губерніи), были схватываемы кордономъ въ одномъ мѣстѣ пути подъ предлогомъ завоза вина въ чужую губернію. Какъ такъ? спросите вы. Очень просто: извѣстно, что зимнія проселочныя дороги наши прокладываются самыми фантастическими зигзагами—гдѣ покажется не такъ снѣжно первому проѣзжему, тутъ, по его слѣду, и образуется дорога. Одинъ-то изъ этихъ зигзаговъ и задѣлъ, вовсе не подозрѣвая всѣхъ грустныхъ послѣдствій такого дерзкаго вторженія, клочекъ нижегородской земли, и понятно, что на этомъ клочкѣ вся Симбирская губернія могла попасть подъ обвиненіе въ контрабандномъ провозѣ вина.

Не найдете-ли вы, м. г., любопытнымъ и поучительнымъ сообщить эти факты во всеобщее свѣдѣніе?

Примите и пр.

Одинъ изъ вашихъ подписчиковъ».

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ, едва-ли составляющихъ милліонную долю того, что дѣлается и пропадаетъ безъ огласки, можно составить себѣ приблизительное понятіе, хотя о нѣкоторой степени того могущества, которымъ вооруженъ откупъ противъ крестьянина. Но и это еще не все. Теперешнее положеніе крестьянскихъ дѣлъ чрезвычайно благопріятствуетъ, повидимому, процвѣтанію откуповъ. Съ одной стороны, крестьяне, ожидая свободы, надѣются на многія небылицы, какъ, напримѣръ, на то, что цѣна на вино повышена за тѣмъ, чтобы по цѣлковому съ ведра шло на ихъ выкупъ. Это именно случилось въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи („Московскія Вѣдомости“, № 1). А въ другомъ мѣстѣ, откупъ заплатилъ за крестьянъ 85 цѣлковыхъ недоимки, чтобы только склонить ихъ къ покупкѣ вина („Русск. Вѣстн.“, № 4). Съ другой же стороны, помѣщики теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе заботятся о благосостояніи и нравственности своихъ крестьянъ, слѣдуя нѣкоторымъ своекорыстнымъ разсчетамъ. Объ одномъ изъ помѣщиковъ вотъ что разсказано въ „Русскомъ Дневникѣ“ (№ 124, 13 іюля).

«Кажется, что господа откупщики сильно разсчитывали на распространеніе пьянства въ народѣ, по случаю уничтоженія крѣпостного состоянія. Оправдались-ли надежды ихъ, основанныя на знаніи сердца человѣческаго, покажутъ послѣдствія. Хотя, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, эти водочныя сердцевѣды не совсѣмъ удачно разгадали русскаго крестьянина, но за то, какъ бы въ вознагражденіе за неполную

удачу съ одной стороны, они, кажется, пріобрѣли сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Разскажу по этому случаю одинъ фактъ, въ истинѣ котораго да не усомнятся,—по крайней мѣрѣ, тѣ, которые въ послѣднюю зиму имѣли случай проѣзжать по дорогѣ отъ Нижняго до Казани. Хотя помѣщичье село, про которое я хочу разсказать, занимаетъ одну лишь ничтожную точку на показанномъ мною пространствѣ, но я нарочно выбралъ протяженіе побольше, чтобы никого не оскорбить: а во-вторыхъ, очень можетъ быть, что на такомъ пространствѣ проѣзжіе замѣтятъ не единственное фактическое доказательство сочувствія нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ откупщикамъ. . Въ этомъ, неопредѣленномъ съ географической точностью, селѣ, внезапно появился въ февралѣ нынѣшняго года кабакъ, котораго никогда тамъ не бывало. Въ этомъ селѣ не только не было никогда кабака, но помѣщикъ, какъ я прежде наслышался, строжайшимъ образомъ преслѣдовалъ даже тѣхъ, которые на дому имѣли водку въ количествѣ болѣе того, сколько можно ее выпить за-разъ, не переводя духу, почему, говорятъ, крестьяне этого села пріучились выпивать за-разъ, не переводя духу, громадное количество. Однимъ словомъ, помѣщикъ былъ такой человѣкъ, который не могъ никогда хладнокровно видѣть, когда другіе бывали пьяны. Проѣзжая по большой дорогѣ, нынѣшней зимой, мимо описываемаго селенія, я до крайности удивился, увидѣвъ на самой дорогѣ кабакъ. Любопытство мое такъ было велико, что заставило нѣсколько изслѣдовать причины такой несообразности. Причины оказались слѣдующія. Когда повсюду распространилась утѣшительная вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, тогда та немногочисленная партія помѣщиковъ, которую и туземцы даже называютъ раскольниками, сильно опечалилась этимъ извѣстіемъ; скоро печаль уступила мѣсто гнѣву; а такъ какъ, собственно, гнѣваться-то было не на кого, то они и переложили гнѣвъ свой на крестьянъ, которые хотя и неумышленно, но все-таки выскальзываютъ изъ-подъ ихъ власти. Случилось, слѣдовательно, и здѣсь то же самое, что обыкновенно случается при переложеніи податей, которыя окончательно всегда падаютъ на земледѣльца. Помѣщикъ, о которомъ идетъ рѣчь.—человѣкъ раздражительнаго темперамента; онъ болѣе сутокъ не могъ находиться въ грустномъ настроеніи духа: у него всякое чувство быстро превращалось въ гнѣвъ. Въ этотъ-то благопріятный моментъ предсталъ предъ него, какъ бѣсъ предъ грѣшникомъ, повѣренный по откупамъ, съ предложеніемъ двухсотъ рублей за одно только дозволеніе построить въ его селѣ кабакъ. Хитеръ врагъ рода человѣческаго; а въ этомъ случаѣ и онъ промахнулся: моментъ былъ избранъ такъ удачно, что помѣщикъ и за пять рублей далъ бы позволеніе. «Стройте хоть десять кабаковъ,—сказалъ онъ, припрятывая деньги.—Крестьяне теперь все равно, что не мои: пусть пропьютъ послѣднюю рубашку, пусть обопьются хоть до смерти—мнѣ какое дѣло! Они не мои—и мнѣ на нихъ наплевать!» На основаніи этой, чисто раскольничьей логики, откупщикъ построилъ въ селѣ его хотя и не десять кабаковъ, какъ говорилось сгоряча, а всего одинъ,—впрочемъ, такой величины, что и за десять послужитъ. Эксперты по кабацкой части разсказывали, что дѣло у откупщика идетъ отлично. Крестьяне праздновали открытіе кабака съ необыкновеннымъ торжествомъ, подобно тому, какъ празднуютъ открытіе памятника какого-нибудь великаго человѣка. Крестьяне смотрятъ на кабакъ, какъ на вѣрный признакъ приближающейся свободы. Зацвѣли, вѣроятно, отъ радости, лица и носы у подданныхъ приверженца трезвости; но краснота еще бы ничего: худо то, что не одна уже тысяча рублей перешла изъ холщевыхъ кармановъ мужичковъ въ шелковые карманы откупщика. Помѣщикъ, некстати погорячившись, не успѣлъ размыслить даже о томъ, что чѣмъ бѣднѣе будутъ его крестьяне, тѣмъ труднѣе собрать съ нихъ выкупъ, слѣдовательно, тѣмъ бѣднѣе будетъ и самъ онъ. Не мѣшало бы ему, хотя на время, считать крестьянъ *своими людьми*; а тамъ, послѣ выкупа, бросилъ бы ихъ на съѣденье: авось бы они съумѣли тогда справиться съ возвращенными тѣламъ ихъ душами, безъ отеческой заботливости помѣщика».

Итакъ,—по всѣмъ соображеніямъ, пьянство должно бы процвѣтать и распространяться въ народѣ... Все влекло его къ вину, а онъ и безъ того

до вина охотникъ... Самая дороговизна, казалось, не должна была устрашить крестьянина: „лучше не доѣсть, не одѣться, подати не заплатить,— только бы выпить“, — такъ вѣдь разсуждаетъ пьяница. А что русскій народъ пьяница,—въ этомъ убѣждены были столь же крѣпко, какъ и въ томъ, что онъ терпѣливъ и податливъ на все. На этомъ-то основаніи откупщики и наддали 40 милліоновъ на торгахъ; по этимъ-то соображеніямъ они и рѣшились въ послѣдній откупной терминъ высосать, вытянуть послѣднюю копѣйку, послѣднія капли крови изъ мужика... И вотъ, съ прошлаго года, литература начала ополчаться противъ откуповъ; откупщики стали возвышать цѣну на вино, разбавленное болѣе, нежели когда-нибудь; начальство стало подтверждать и напоминать указную цѣну; откупщики изобрѣли спеціальную водку; народъ сталъ требовать вина по указной цѣнѣ, цѣловальники давали ему отравленную воду: народъ шумѣлъ, полиція связывала и укрощала шумящихъ, литература писала обо всемъ этомъ безыменныя статейки... Словомъ — все шло, какъ слѣдуетъ: откупщики были довольны, полиція довольна, литераторы тоже довольны. что могутъ пользоваться безыменною гласностью, — народъ... но кто же заботился о народѣ? Развѣ только одинъ г. Кокоревъ, хлопотавшій о томъ. чтобы народъ нашъ „встрѣтилъ праздникъ тысячелѣтія Россіи доброю чаркою водки“... Такъ и тутъ на первомъ планѣ все-таки была водка же, а не народъ... Казалось, что самое понятіе о народѣ нельзя у насъ отдѣлить отъ представленія водки и пьянства... Сколько ни издавали назидательныхъ книжекъ, въ родѣ: „Берегись первой чарки“, или „Сорокъ лѣтъ пьяной жизни“, и т. п., сколько ни принимали полицейскихъ мѣръ,— ничто не помогало... Не далѣе, какъ въ прошломъ году, читали мы въ одномъ журналѣ: „мѣры къ прекращенію пьянства плохо исполняются сельскою полиціею, потому что лица, составляющія сельское начальство. сами подвержены этому пороку; а затѣмъ, дѣйствительное пособіе въ этой болѣзни народа можетъ оказать духовенство и правительство: первое— вліяніемъ на нравственность, второе — измѣненіемъ откупныхъ условій“ („Отечественныя Записки“ 1858 г., № 4). Но откупныя условія до сихъ поръ тѣ же (если не считать количественнаго измѣненія—въ сорока милліонахъ надбавки откупной суммы), духовенство—то же, какъ и прежде; а между тѣмъ, въ разныхъ концахъ Россіи одновременно образуются общества трезвости и держатся, не смотря на всѣ противодѣйствія со стороны откупщиковъ. Какое странное, необъяснимое явленіе для тѣхъ, кто привыкъ отчаяваться въ русскомъ народѣ и всѣ явленія его жизни приписывать единственно требованіямъ и велѣніямъ внѣшнихъ силъ, чуждыхъ народу!.. Многіе не хотѣли вѣрить, когда въ журналахъ и газетахъ было объявлено, что ковенскіе крестьяне отказались пить водку. Трудно пере-

сказать, до какихъ тонкихъ соображеній доходили люди, нежелавшіе вѣрить распространенію трезвости. Ихъ разсужденія очень сильно напоминали остроуміе и сообразительность жителей того города, въ которомъ Чичиковъ покупалъ мертвыя души и собирался увезти губернаторскую дочку... Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ соображеній, высказанное *печатно* г. Герсевановымъ („Сѣверная Пчела", № 32). По его мнѣнію — слухъ о трезвости есть ни что иное, какъ штуки откупа, придумавшаго этотъ слухъ собственно на томъ основаніи, что для него очень тяжелою оказалась наддача 40 милліоновъ на послѣднихъ торгахъ. „Этотъ неожиданный обѣтъ (трезвости), непредвидѣнный кондиціями откупа,—говоритъ г. Герсевановъ,—направленъ, будто бы, прямо на карманы откупщиковъ; противъ него грѣшно дѣйствовать, но изъ него можно извлечь огромную пользу,— и вотъ распущенъ слухъ, что обѣтъ не пить водки, данный, вѣроятно, небольшимъ числомъ крестьянъ, распространился на всю губернію, *что даетъ полное право* (?!) просить и *надѣяться* (!) сбавки, которыя могутъ спасти отъ банкротства и, во всякомъ случаѣ, есть чистый выигрышъ для откупщиковъ". Вотъ до какихъ удивительныхъ результатовъ доходили иные господа: слухъ о трезвости, видите-ли,—распущенъ откупщиками, съ тою цѣлью, чтобы вытребовать отъ правительства сбавку откупной суммы!.. Скорѣе этакая нелѣпость могла помѣститься въ головахъ нѣкоторыхъ людей, нежели мысль о томъ, что народъ способенъ отказаться отъ водки!..

Впрочемъ, въ литовскихъ губерніяхъ находили одно обстоятельство, которое могло объяснить рѣшимость крестьянъ: это —религіозный фанатизмъ. Все дѣло приписано было проповѣди ксендзовъ, и даже на нихъ прежде всего хотѣли дѣйствовать тѣ, кому не понравилось рѣшеніе крестьянъ—не пить... И дѣйствительно,—общества трезвости въ западныхъ губерніяхъ имѣли характеръ религіозный. Въ концѣ прошлаго года (мѣсяца черезъ три послѣ перваго зарока, даннаго въ Ковенской губерніи, въ августѣ) вышла въ Вильнѣ книжка „О братствѣ трезвости", изъ которой видно, что братство трезвости есть дѣйствительно религіозный институтъ, находящійся подъ покровительствомъ папы. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ братствѣ, сообщенныя, по виленской брошюрѣ, „Экономическимъ Указателемъ" (1859 г., № 2, янв. 10).

«Братство трезвости установлено папою Піемъ IX, подъ покровительствомъ Св. Богородицы.

Епископъ Самогитскій есть первый представитель братства трезвости во всей Самогитской епархіи. Всякій священникъ, принадлежащій къ этому братству, есть представитель его въ своемъ приходѣ. Онъ избираетъ себѣ изъ прихожанъ нѣсколько благонадежныхъ лицъ въ помощники.

Всякій приходскій священникъ долженъ вести книгу для внесенія именъ и фамилій лицъ, вступающихъ въ это братство. Заглавіе слѣдующее: «Книга воздержнымъ

братьямъ и сестрамъ». Настоятель прихода, или другой какой-нибудь священникъ, причислившись къ этому братству, можетъ принимать въ оное и другихъ лицъ ежедневно, а въ особенности въ дни торжественные и праздничные. Каждое лицо, въ день вступленія въ братство, обязано исповѣдываться и причащаться св. Таинъ. При принятіи новозачислившихся въ это братство, священникъ, въ священномъ облаченіи, ведетъ новопоступающихъ членовъ въ церковь, предъ алтарь Св. Богородицы, гдѣ они на колѣняхъ должны повторять каждое слово обѣта, произнесеннаго священникомъ.

Обязанности членовъ братства трезвости. 1) Всякій, зачислившійся въ это братство, во всю жизнь свою не долженъ употреблять водки, рому и араку и всего того, что изъ нихъ можетъ быть приготовлено. 2) Употребленіе спиртуозныхъ напитковъ позволяется только въ маломъ количествѣ, по назначенію лѣкаря, въ случаѣ болѣзни. 3) Каждое лицо братства можетъ употреблять только виноградное вино, пиво и медъ, и то не до опьяненія. 4) Всѣ члены обязаны увѣщевать другихъ лицъ и склонять ихъ ко вступленію въ это братство. 5) Члены должны въ каждый праздничный день читать особую молитву. 6) Всѣ члены сего братства въ день Срѣтенія Господня обязаны возобновить обѣтъ, данный ими при вступленіи въ братство. 7) Второе число февраля, въ день поминовенія усопшихъ, священникъ обязанъ говорить собраннымъ членамъ увѣщевательную рѣчь и отслужить панихиду за упокой души умершихъ членовъ. 8) Если кто изъ членовъ этого братства станетъ употреблять водку, то такого члена приходскій священникъ обязанъ, если слова его не подѣйствуютъ, исключить вовсе изъ братства; всѣ же члены обязаны пренебрегать имъ и не принимать его въ свое общество. Лицо, такимъ образомъ исключенное изъ братства, однако должно исполнять данный Богу обѣтъ.

Членамъ братства трезвости дается притомъ отпущеніе грѣховъ, совершенное или несовершенное».

Извѣстія о распространеніи трезвости въ литовскихъ губерніяхъ подтверждали, что главными двигателями народнаго дѣла явились тамъ католическіе ксендзы. О Ковенской и Виленской губерніи писали въ началѣ февраля, что здѣсь все дѣлалось одною проповѣдью ксендзовъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ („Русск. Дн." № 35, 13 февр.). Вслѣдствіе этого, въ „Русскомъ Дневникѣ", въ началѣ мая (№ 96), была помѣщена похвала мѣстному начальству, которое „*не препятствуетъ проповѣди священниковъ,* строго наказавъ не употреблять принудительныхъ мѣръ и не задерживать распространенія воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ". — Особенно хвалить за такое „*просвѣщенное великодушіе*", конечно, и не было надобности: нелѣпо было бы, еслибъ было поступлено иначе... Но сначала многіе опасались, какъ бы не было преслѣдованій отъ начальства за трезвость: до такой степени здравый смыслъ затемненъ былъ мыслью о силѣ откупа!.. Да, правду сказать, были, съ другой стороны, и такіе господа, которые полагали подобное преслѣдованіе необходимымъ! Въ свое время мы сообщили „Письмо купеческаго сына Бадейкина" („Свистокъ", № 1), въ которомъ переданы были разсужденія этихъ ревнителей порядка. Основаніемъ ихъ мнѣній было то же пренебреженіе къ народу, которое заставляло многихъ не вѣрить справедливости извѣстій о трезвости. То же самое пренебреженіе къ нравственной силѣ народа заставило многихъ приписать все дѣло ксендзамъ, когда фактъ оказался

несомнѣннымъ и прочнымъ. Въ бывшей газетѣ „Slowo“ вотъ что писали, напр., изъ Жмуди. „Въ первыхъ числахъ октября, и нашъ простой народъ, убѣждаемый пастыремъ нашего прихода съ каѳедры, началъ и самъ поговаривать объ отреченіи, и дѣйствительно, довольно было одного слова религіи: сѣмя нравственнаго исправленія, имъ зароненное, взошло въ сердцахъ народа, и польза его стала возрастать очевидно. Входя въ церковь, народъ никакъ не могъ предвидѣть, насколько лучшимъ и исправленнымъ онъ выйдетъ изъ нея“, и пр. То же писали изъ Виленской и Гродненской губерній въ другихъ нумерахъ «Slowa». И, судя по разсказамъ, дѣйствительно духовенство имѣло здѣсь огромное вліяніе на рѣшимость крестьянъ отказаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, сообщенный изъ Вильно въ „Указателѣ Политико-Экономическомъ“ (№ 10, 1859 г., марта 14).

«Въ воскресенье, 1-го марта, во всѣхъ римско-католическихъ костёлахъ въ *Вильнѣ* произнесены были проповѣди о воздержаніи, съ цѣлью распространенія братства воздержанія или трезвости. Объяснены были правила братства и порядокъ вступленія въ оное, и представлены гибельныя слѣдствія пьянства. Въ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава говорилъ тамошній викарій, ксендзъ Тукальскій; въ костелѣ св. Іоанна—мѣстный вице-настоятель, ксендзъ Гундіусъ. Оба эти достойные патеры произвели самое глубокое и трогательное впечатлѣніе, и благородныя ихъ усилія, а равно и многихъ другихъ благочестивыхъ священниковъ, уже увѣнчались полнымъ успѣхомъ; ибо въ тотъ же день, въ каѳедральномъ соборѣ и Остробрамскомъ костёлѣ св. Терезіи уже начали вступать въ братство. Въ каѳедральномъ соборѣ первые подали примѣръ члены виленскаго капитула, за ними многіе помѣщики и чиновники и тысячи народа. Записывались до 9-ти часовъ вечера. Сегодня, во множествѣ вступаютъ въ братство и въ другихъ костёлахъ и исполняютъ условія трезвости на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ Ковенской губерніи. Говорятъ, много шинковъ будетъ закрыто: по крайней мѣрѣ, это вѣрно касательно тѣхъ, которые помѣщаются въ домахъ, находящихся въ завѣдываніи духовенства, и которые совершенно уничтожены. Такъ точно, кажется, поступаетъ католическое духовенство и во всей Виленской епархіи, заключающей въ себѣ, кромѣ Виленской, и губернію Гродненскую».

Радуясь усиліямъ духовенства и опять-таки оставляя въ сторонѣ народъ, на который его внушенія дѣйствовали, многіе увѣряли сначала, что фактъ отреченія отъ водки только и могъ возникнуть на почвѣ католическаго фанатизма и долженъ ограничиться западными губерніями... Не хотѣли обратить вниманія на то, что столь общее и внезапное движеніе не могло быть слѣдствіемъ одного краснорѣчія, а должно было имѣть причину въ самой жизни... Не хотѣли видѣть и того, что опыты отреченія отъ водки начались во многихъ мѣстахъ еще прежде, чѣмъ проповѣдь ксендзовъ получила столь торжественное сочувствіе и организовалась повсемѣстно во что-то систематическое. Тотъ же корреспондентъ, который разсказываетъ объ успѣхѣ виленской проповѣди, сообщаетъ въ томъ же письмѣ слѣдующее:

«Еще прежде, нѣкоторые здѣшніе цехи, въ особенности сапожный и столярный, сдѣлали между собою добровольное условіе слѣдить другъ за другомъ и всѣми мѣрами отвращать пьянство. Они рѣшили, между прочимъ, что всякій, нарушившій обѣтъ въ первый и во второй разъ, долженъ уплатить денежный штрафъ, а въ третій разъ лишается званія; такъ, напримѣръ, мастеръ поступаетъ въ подмастерье, подмастерье въ ученики, а ученики на извѣстное время совсѣмъ удаляются изъ цеха».

Уже и изъ подобныхъ извѣстій можно бы видѣть, что народное движеніе въ пользу трезвости происходило, или могло происходить, и независимо отъ ксендзовъ. Но для невѣрующихъ нужны были доказательства болѣе очевидныя. Народъ не замедлилъ представить ихъ, по своему обыкновенію — не на словахъ, а на дѣлѣ.

Изъ газетныхъ извѣстій оказалось, что въ то самое время, когда общество трезвости образовалось въ Ковенской губерніи, то же самое начиналось въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, на разстояніи слишкомъ полуторы тысячи верстъ отъ Ковно. Но тамъ дѣло не пошло въ ходъ: откупъ на первый разъ обманулъ и соблазнилъ крестьянъ увѣреніемъ, что излишекъ цѣны, платимой ими за вино, идетъ на выкупъ ихъ отъ помѣщиковъ (что, какъ извѣстно, дѣйствительно предлагаемо было г. Кокоревымъ). Однако же, на этомъ дѣло не остановилось: фактъ немилосерднаго возвышенія цѣнъ и пониженія качества вина, вмѣстѣ съ общимъ увеличеніемъ дороговизны на всѣ предметы, не былъ мѣстнымъ явленіемъ, а тяготѣлъ равно надъ всею Россіею. Фактъ этотъ былъ уже слишкомъ тяжелъ и беззаконенъ, чтобы не вызвать себѣ противодѣйствія, и дѣйствительно вызвалъ его... Въ половинѣ января узнали мы о зарокѣ не пить вина, сдѣланномъ въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи („Ук. Пол.-Эк.“, № 3). Въ то же время получено извѣстіе изъ Нижняго — о томъ, какъ тамъ крестьяне праздновали Крещенье. Приведемъ объ этомъ нѣсколько строкъ изъ „Русскаго Дневника“ (№ 20).

«На крещенскомъ торгу нынѣшняго года пріѣзжихъ изъ окрестныхъ селеній крестьянъ было, какъ увѣряютъ, до 10.000 человѣкъ; но откупщики, всегда разсчитывавшіе на этотъ день, какъ на день благостыни, на этотъ разъ горько обманулись. Бывало, въ эти дни къ вечеру весь народъ болѣе или менѣе навеселѣ; теперь не то: трезвые пріѣхали на торгъ, трезвые и уѣхали восвояси. Сходятъ въ питейный домъ, прицѣнятся къ водкѣ, да видя, что сильно вздорожала, тотчасъ и домой. И все тихо, спокойно, безъ шуму. Говорятъ, что откупщики терпятъ большой убытокъ. Народъ это знаетъ, и въ деревняхъ и на базарахъ такъ и толкуютъ: «такъ не будемъ же пить;—дадимъ зарокъ; пускай ихъ откупщики да цѣловальники сами выпьютъ все вино, а мы не хотимъ, не станемъ». То же явленіе повторяется и по другимъ мѣстамъ Нижегородской губерніи, и въ сосѣднихъ. Надо ожидать, что это заставитъ откупщиковъ понизить цѣны на вино. Слухи, расходящіеся по народу о томъ, что тамъ перестали пить, въ другомъ мѣстѣ перестали пить,—привѣтствуются съ живою радостью и поддерживаютъ рѣшимость и бодрость юныхъ зародышей обществъ трезвости».

Въ этомъ извѣстіи очень ясно рисуется весь ходъ дѣла: мужики вовсе и не думаютъ постничать,—идутъ по обыкновенію въ питейный, но останавливаются тѣмъ, что вино очень дорого... И прежде оно имъ не дешево обходилось, но все еще было сносно; теперь послѣдняя капля перелила черезъ край, не въ терпежъ стало... Мужикамъ бы пріятнѣй было заставить откупщика понизить цѣну,—какъ они и пытались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, узнавъ, что и начальство того же хочетъ [1]). Но тягаться съ откупомъ трудно; мужикъ знаетъ это и рѣшается на самую крайнюю форму протеста, какая только осталась въ его волѣ, —не покупать вина... Тутъ присоединяется и давно затаенная злоба къ откупу, и сознаніе тѣхъ непріятностей и бѣдъ, какія, можетъ быть, не разъ пришлось испытать отъ кабака, и рѣшеніе все крѣпнетъ. Слухъ о томъ, что и другіе такъ дѣлаютъ, еще болѣе убѣждаетъ мужика, что его намѣреніе очень естественно и законно... И вотъ, даже безъ торжественнаго уговора, безъ составленія общества, народъ во многихъ мѣстахъ отказывается отъ вина... Жалобы откупщиковъ на недоборъ слышались даже и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе не было обществъ трезвости. Безмолвная, фактическая протестація противъ откупа обнаружилась почти повсемѣстно тотчасъ послѣ новаго года, когда установилась новая цѣна водки (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и ранѣе); а общества трезвости стали организоваться въ великорусскихъ губерніяхъ уже позже, хотя тоже довольно скоро. Въ половинѣ января было уже извѣстіе о попыткѣ образованія общества трезвости въ Курской губерніи („Ук. Пол.-Эк.", № 2); къ концу января напечатано было извѣстіе о подпискѣ не пить вина, предпринятой въ Саратовѣ; въ началѣ февраля увѣдомляли объ образованіи общества въ Балашовѣ; въ половинѣ февраля писали о зарокѣ, данномъ крестьянами села Хотуши, въ Тульской губерніи. Къ концу февраля общества трезвости существовали уже во многихъ уѣздахъ губерній Владимірской, Пензенской, Екатеринославской, Тверской... Тутъ только самые невѣрующіе убѣдились въ прочной несомнѣнности факта и перестали увѣрять, что это минутная вспышка, которая ничего не значитъ. Дѣло принимало слишкомъ обширные размѣры, и уже невозможно стало игнорировать его... Но какъ же объяснить такое непонятное явленіе? Вѣдь невозможно, чтобъ народъ рѣшился противодѣйствовать откупу просто потому, что почувствовалъ его тяжесть? Какъ же объяснить?

Въ великой Россіи нельзя было указывать на ту причину, которою объяснялось народное движеніе въ литовскихъ губерніяхъ. Никакой систематической проповѣди, никакого религіознаго института для рас-

---

[1]) См. «Москов. Вѣд.» №№ 135 и 150, извѣстія съ Троицкой ярмарки, въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, и изъ Темникова.

пространенія трезвости у насъ не было. Напротивъ, при нѣсколькихъ случаяхъ церковнаго участія въ рѣшимости крестьянъ не пить, — было нѣсколько случаевъ и совершенно въ другомъ родѣ. Напримѣръ, изъ Крапивинскаго уѣзда, Тульской губерніи, сообщали („Моск. Вѣд.“ № 97): „въ селѣ Лапотковѣ согласились не пить вина, подъ страхомъ 5 руб. сер. штрафа; одно духовное лицо этого села преступило нечаянно это положеніе и должно было уплатить двойной штрафъ, т.-е. 10 рублей“.

За неимѣніемъ одного объясненія, стали пріискивать другое, и нашли!.. Въ западныхъ губерніяхъ, видите-ли, ксендзы дѣйствуютъ словесно проповѣдью; а въ Великороссіи—такъ какъ грамотность и любовь къ чтенію повсемѣстно распространены въ народѣ, — литература исправляетъ роль ксендзовъ... Въ прошломъ году стали писать противъ откуповъ, — вотъ крестьяне-то и вразумились да и отказались отъ водки... Совершенно понятное и естественное дѣло! Намъ, впрочемъ, не пришло бы въ голову такое открытіе, если бы мы не отыскали его въ двухъ, весьма ученыхъ и почтенныхъ журналахъ, — въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Указателѣ Политико-Экономическомъ“. „Отечественныя Записки“ (№ 2, 1859 г.) говорятъ: „Обличительныя статьи подкопали авторитетъ многаго, что прежде считалось чѣмъ-то непоколебимымъ, привели общественное мнѣніе къ сознанію... и пр. *Мало этого*: онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *вызвали даже демонстрацію со стороны общества. Возьмите, напримѣръ, откупа.* Откупная система введена не со вчерашняго дня, она существуетъ многіе десятки лѣтъ, и *всѣ и вся* (остроуміе!?) пили всякую бурду, какую угодно было, по какой угодно цѣнѣ, давать откупщикамъ, созидавшимъ себѣ на этой бурдѣ великолѣпныя палаты, зимніе сады и милліоны. Никому и въ голову не приходило дѣлать противъ такихъ порядковъ какія-нибудь фактическія протестаціи. *Но вотъ литература* вывела на свѣжую воду разбавляющихъ водою водку откупщиковъ, указала на весь вредъ откупной системы, раскрыла хитрости и тонкости, употребляемыя сильными (по деньгамъ) міра сего для спаиванія своихъ меньшихъ братій; *заговорили о томъ въ обществѣ, заговорили въ простомъ народѣ, и этотъ говоръ не остался безъ послѣдствій*“ (Совр. Хрон., стр. 73). Замѣчаете-ли, какъ прекрасно понимаютъ народъ „Отечественныя Записки“? Онъ, видите, такъ глупъ, что по необразованности своей не знаетъ даже, что онъ пьетъ и ѣстъ: вкуса не имѣетъ, значитъ, — все по необразованности! Литераторы трудятся надъ тѣмъ, чтобы растолковать мужику, вкусно или нѣтъ для него то, что онъ пьетъ, — дорого или дешево обходится ему то, что онъ покупаетъ! Сколько лѣтъ бѣдный мужикъ пилъ бурду, по какой угодно цѣнѣ, и все молчалъ да пилъ! А заговорили объ откупахъ въ литературѣ, — онъ сейчасъ и смекнулъ, что вино для него и дорого, и не пьяно... За то литераторы и рѣ-

шили, давно ужъ впрочемъ, что русскій народъ отличается особенной понятливостью и переимчивостью!

Но кто же началъ рѣчь объ откупахъ? Кому обязаны бѣдные мужички познаніемъ добра и зла въ откупной водкѣ? Боже мой! Какъ же вамъ не стыдно не знать этого! Вы знаете всѣхъ этихъ Кальцоляри, Дебассини, а не знаете нашего извѣстнаго статистика и экономиста! По крайней мѣрѣ, теперь узнайте и почтите его,—за то, что онъ „первый поднялъ вопросъ о трезвости и былъ причиною распространенія этого отраднаго явленія въ разныхъ областяхъ великаго отечества нашего". Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ самъ онъ, знаменитый г. И. В—скій, докторъ и статскій совѣтникъ, какъ расписывался онъ на „Экономическомъ Указателѣ". Послушайте, что онъ говоритъ: „мы первые подняли вопросъ о трезвости, первые дали гласность замѣчательному факту, совершающемуся въ западныхъ губерніяхъ нашихъ,—полагаемъ, что *отчасти* (это *отчасти* — вѣрно изъ скромности?) были причиною распространенія этого отраднаго нравственнаго явленія и въ другихъ областяхъ великаго отечества нашего" („Ук. Пол.-Эк." 1859 года, № 22, стр. 495). Не правда-ли, какъ убѣдительно это скромное сознаніе собственныхъ заслугъ! Итакъ, г. Вернадскій сдѣлалъ въ Великороссіи то, что въ Литвѣ произвела проповѣдь ксендзовъ; г. Вернадскій — нашъ Чаннингъ и патеръ Мэтью! Преклонитесь предъ г. Вернадскимъ всѣ вы, не читающіе его „Указателя", не подвергающіеся изумительной силѣ его логики и, вслѣдствіе того, можетъ быть, еще до сихъ поръ пьющіе водку!

Итакъ, дѣло совершенно ясно: мужички наши начитались „Экономическаго Указателя" и, вслѣдствіе того, перестали пить... Если бы знали это откупщики,—то-то бы задали „Указателю". Не будь его, такъ обществъ трезвости и не было бы вовсе или, по крайней мѣрѣ (принимая буквально скромное „отчасти" г. В—скаго), были бы въ гораздо меньшемъ количествѣ... Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было догадаться народу, что вино стало хуже и дороже, если бы благодѣтельная литература не вразумила его!.. Правда, литераторамъ и во снѣ не грезилась такая радикальная мѣра, на какую рѣшился народъ; правда, что они никогда не говорили ни одного слова о противодѣйствіи откупу со стороны самого народа, а все возлагали свои надежды на постороннія силы... Но вѣдь мало-ли о чемъ вовсе не думали литераторы, мало-ли чего они не понимаютъ! Все-таки они люди ученые, а иногда даже и чиновные,—и если въ народѣ что-нибудь сдѣлается, такъ ужъ это вѣрно отъ нихъ! Въ противномъ случаѣ, они будутъ протестовать, и если ихъ не послушаютъ, то они „возвысятъ свой голосъ" *противъ* народа; что тогда будетъ?

Къ удивленію нашему, поводъ къ протестаціи представился „Эконо-

мическому Указателю“ и въ дѣлѣ трезвости, которой причиною онъ самъ былъ, по крайней мѣрѣ, отчасти. Оказывается, что мужики слишкомъ ужъ усердно взялись за дѣло и приняли даже то, чего вовсе не было въ видахъ „Указателя“. Они постановили штрафы и наказанія тѣмъ, кто нарушитъ обязательство трезвости. Это значитъ, что они не совсѣмъ хорошо поняли тенденціи доктора и статскаго совѣтника И. Вернадскаго, который, какъ извѣстно, всякое вмѣшательство общественной власти въ дѣла гражданъ считаетъ личною для себя обидою. Чтобы вразумить недогадливыхъ мужиковъ, Вернадскій счелъ долгомъ *протестовать* противъ принудительныхъ мѣръ, употребляемыхъ ими въ дѣлѣ трезвости. „Нравственное улучшеніе,— говоритъ онъ, — происходитъ, по нашему мнѣнію, только нравственнымъ путемъ, и насиліе, принужденіе въ дѣлѣ трезвости, по нашему мнѣнію, такъ же мало можетъ истинно исправить народъ, какъ и крѣпостное право... Возставая противъ всего насильственно-искусственнаго и грубаго, и сочувствуя только тому, что истинно-нравственно и чуждо всеубивающаго страха, мы *считаемъ своею обязанностью возвысить голосъ* свой *за* добровольныя общества трезвости и *противъ* насильственныхъ мірскихъ приговоровъ объ этомъ предметѣ, подкрѣпляемыхъ розочными ударами. Всякіе штрафы запрещены“.

„Какой смыслъ имѣетъ послѣдняя фраза?“ спросите вы. Мы сами не доискались въ ней смысла, тѣмъ болѣе, что она заканчиваетъ статейку,— далѣе ничего уже нѣтъ. Кѣмъ запрещены, гдѣ, когда запрещены,—мы не могли добиться... Но какъ же г. В. говоритъ о запрещеніяхъ и возвышаетъ голосъ *противъ*, когда онъ самъ безпрестанно проповѣдуетъ laissez faire?—Да, конечно, laissez faire,—дозволяйте дѣлать что угодно,— но только знайте, кому дозволить... Народу никакъ невозможно даровать этого права... Мы съ докторомъ В. можемъ другъ другу laisser faire; но ежели въ народѣ составится общество, и члены этого общества, принявъ на себя какія-нибудь обязанности, согласятся положить штрафъ или наказаніе за нарушеніе этихъ обязанностей, то тутъ уже ne laissez pas faire, тутъ уже „всякіе штрафы запрещены“. Тутъ ужъ мужикъ съ нами совѣтуйся и соображайся съ нашими гуманными воззрѣніями,—потому что мы смотримъ на предметы не просто, а возвышенно. „Для насъ дорогъ не столько актъ отказа отъ вина, сколько то *нравственное побужденіе къ самоусовершенствованію, то сознаніе вреда отъ вина*, которое служило поводомъ къ этому акту“. Такъ объявляетъ „Указатель Политико-Экономическій“, и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не подивиться идеальной чистотѣ и высотѣ его воззрѣній! По его мнѣнію, народъ не то, чтобъ испугался дороговизны, не то, чтобъ вышелъ изъ терпѣнія отъ дурного качества вина, а просто-на-просто проникся „стремленіемъ къ самоусовершен-

ствованію и сознаніемъ вреда отъ вина",—и все это, безъ всякаго сомнѣнія, вслѣдствіе изученія статеекъ „Указателя"! Такъ эти-то высокія нравственныя причины и старается сохранить г. В., возставая противъ принудительныхъ обязательствъ. Тутъ ужъ и laissez faire въ сторону! Если бы „Указателю" дали власть въ руки, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалъ бы вотъ что. Онъ сочинилъ бы замысловатый циркулярчикъ, съ краснорѣчивыми фразами и гуманными взглядами, въ такомъ смыслѣ: „трезвость, дескать, очень похвальна, и препятствовать ей не слѣдуетъ; но личность человѣка священна, и потому дѣлать какія-нибудь обязательныя постановленія относительно трезвости не дозволяется; вслѣдствіе чего, дескать, и предлагается, кому слѣдуетъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы распространеніе трезвости совершалось само собою, а не вслѣдствіе обязательныхъ мірскихъ приговоровъ, стѣсняющихъ и насилующихъ свободную волю человѣка". Бумажку эту „Указатель" разослалъ бы по всей Россіи, какъ недавно разсылалъ онъ карту желѣзныхъ дорогъ, на которой (кстати замѣтимъ) Ярославль поставленъ чуть не сѣвернѣе Петербурга. А что сдѣлали бы съ этой бумажкой тѣ, кому такое наблюденіе принадлежитъ у насъ,—до этого „Указателю", повидимому, очень мало надобности... Хотя бы это вело къ рѣшительному уничтоженію возможности обществъ трезвости,—ему что за дѣло! Для него вѣдь дорогъ „не самый актъ отказа отъ вина", а совершенно другія обстоятельства, изобрѣтенныя его высоконравственною фантазіей.

Но, къ несчастію, мужики внимали „Экономическому Указателю" только до тѣхъ поръ, пока у нихъ не было трезвости. А какъ только трезвость явилась, совѣты „Указателя" потеряли всякое значеніе для крестьянъ. До сихъ поръ газеты безпрестанно сообщаютъ новые мірскіе приговоры, въ которыхъ полагается штрафъ и тѣлесное наказаніе (почти вездѣ—25 ударовъ) нарушителю общаго обѣта... Мало этого, почти во всѣхъ извѣстіяхъ причиною зарока выставляется непомѣрная дороговизна и дурное качество вина. Самъ „Указатель" напечаталъ (№ 16) извѣстіе изъ Калуги, въ которомъ корреспондентъ, между прочимъ, говоритъ, слѣдующее:

«На-дняхъ случилось мнѣ быть въ одной изъ лучшихъ въ Калугѣ лавокъ, въ которой продаются иностранныя вина. Смотрю—входятъ человѣкъ пять крестьянъ и требуютъ сантуринскаго четвертями ведра и полуведрами. Это обстоятельство меня заинтересовало, и я вступилъ съ крестьянами въ разговоръ. Оказалось, что одни изъ нихъ пріѣхали изъ сельца Локачева, въ 55 верстахъ отъ Калуги, а другіе изъ села Карамышева, въ 25 верстахъ. На мой вопросъ, почему они покупаютъ сантуринское, а не водку, я получилъ въ отвѣтъ, что отъ употребленія хлѣбнаго вина, *по причинѣ его непомѣрной дороговизны и недоброкачественности*, они отказались всѣмъ міромъ, и что въ случаяхъ свадебъ и пр. они покупаютъ сантуринское. Разсчетъ мужичковъ понятенъ: отъ нынѣшняго хлѣбнаго вина пьянъ не будешь, такъ же, какъ

и отъ сантуринскаго; но послѣднее не имѣетъ, по крайней мѣрѣ, вреднаго вліянія на здоровье, а по цѣнѣ сходнѣе водки: оно продается у насъ въ Калугѣ съ небольшимъ 4 р. с. за ведро. Между прочимъ, я полюбопытствовалъ у помянутыхъ крестьянъ спросить: долго-ли же они не будутъ употреблять горячихъ напитковъ. «Мы сговорились не пить до сентября».—«А послѣ?»—«Послѣ, если вино не подешевѣетъ, мы снова порѣшимъ не употреблять его». И такъ, *и въ нашемъ краѣ, какъ и въ большей части мѣстъ*, гдѣ народъ рѣшился не пить хлѣбнаго вина, *побудительная причина къ тому—дороговизна полугара и недоброкачественность его*».

Такъ вотъ каковы „нравственныя побужденія къ самоусовершенствованію", которыя такъ дороги г. доктору Вернадскому! На нихъ указываетъ самъ „Указатель", указываютъ и другія газеты. Выше мы привели изъ „Русскаго Дневника" разсказъ о нижегородскихъ мужикахъ, *пріцѣнивавшихся* къ водкѣ и не купившихъ ея въ Крещенье. Приведемъ еще замѣчанія одного помѣщика, г. Фролова, высказанныя имъ въ № 153 „Московскихъ Вѣдомостей" (30 іюня). Г. Фроловъ тоже не одобряетъ тѣлесныхъ наказаній, полагаемыхъ крестьянами за невоздержаніе, и передаетъ совершенно основательныя убѣжденія свои на этотъ счетъ, высказанныя имъ крестьянамъ. Но мотивы его чрезвычайно различны отъ мотивовъ г. В—скаго: г. Фроловъ просто убѣжденъ въ ненужности наказаній для успѣха самаго дѣла. По его словамъ, крестьяне его *всѣ* очень обрадовались, когда открылась возможность *всѣмъ* отказаться отъ водки... Слѣдовательно, тутъ нечего было и толковать о наказаніяхъ за нарушеніе зарока. Вотъ что говоритъ г. Фроловъ:

«И дѣйствительно, къ чему всѣ эти штрафы? Стоитъ только хорошенько вникнуть въ причину, почему крестьяне съ такою радостію цѣлыми селеніями отказываются отъ покупки вина; да это для нихъ единственный способъ, чтобы поправиться въ денежныхъ обстоятельствахъ; болѣе тридцати лѣтъ я почти постоянно живу въ деревнѣ, знаю бытъ крестьянъ въ совершенствѣ; въ началѣ моего хозяйства, крестьяне мои никогда въ деньгахъ не нуждались; но, съ постепеннымъ возвышеніемъ цѣны на вино, постепенно начали чувствовать недостатокъ въ деньгахъ и теперь нерѣдко прибѣгаютъ къ моей помощи; причина ясная: въ теченіе 30 лѣтъ доходы ихъ не увеличились, а расходы умножились. Въ здѣшнихъ мѣстахъ цѣны на коноплю, пеньку, извозы, плотничныя работы и другіе источники крестьянскихъ доходовъ почти все одни и тѣ же, на хлѣбъ же съ нѣкотораго времени возвысились, и рѣдкій крестьянинъ обходится своимъ хлѣбомъ; но главное для нихъ разореніе—вино, не потому, чтобы они были къ нему пристрастны, вовсе нѣтъ: людей, которые могутъ обходиться безъ него по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, грѣшно подвергать такому нареканію; но у нихъ, по заведенному изстари обычаю, бываетъ нѣсколько въ году случаевъ, когда каждый изъ нихъ поставленъ въ необходимость покупать вино, а именно: къ Рождеству, Святой недѣлѣ, къ Масляной, престольнымъ праздникамъ, сверхъ того на свадьбы, крестины и похороны; количество вина покупаютъ они одно и то же теперь, какое покупали, когда оно было въ половину дешевле; сколько ни убѣждалъ я ихъ, чтобы покупали въ половину менѣе, все было напрасно; у нихъ одинъ отвѣтъ: невозможно, недостанетъ, лучше совсѣмъ не покупать, чѣмъ недостанетъ, а этого нельзя сдѣлать безъ того, чтобы вся деревня не покупала: вотъ настоящая причина, почему цѣлыми селеніями отказываются отъ вина».

Нѣтъ никакой надобности доказывать, что причиною общаго движенія въ пользу трезвости въ разныхъ концахъ Россіи было не внезапное угрызеніе совѣсти за многолѣтнее пьянство, и даже не „желаніе встрѣтить въ трезвомъ видѣ зарю освобожденія“ (какъ предполагаетъ г. Кошелевъ въ № 99 „Московскихъ Вѣдомостей“), а просто дороговизна и дурное качество водки. Доказательство этого находимъ мы не только въ извѣстіяхъ разныхъ газетныхъ корреспондентовъ, но даже и въ самыхъ приговорахъ, подписанныхъ крестьянами. Письменные приговоры эти, впрочемъ, не должны быть принимаемы за крестьянское произведеніе: всѣ они написаны, очевидно, рукою какого-нибудь грамотѣя писаря или другого молодца, не жалѣющаго фразъ. Тѣмъ не менѣе, сущность ихъ (то-есть, самый зарокъ, правила общества, мѣры противъ нарушителей, а отчасти и причины зарока) выработана прямо крестьянскими обществами, вслѣдствіе предшествовавшихъ фактовъ жизни, а никакъ не навязана имъ извнѣ. Приведемъ для примѣра одно постановленіе, напечатанное въ № 71 „Московскихъ Вѣдомостей“. Къ сожалѣнію, въ немъ не вполнѣ обозначены имена деревень, составившихъ это опредѣленіе. Что дѣлать? Такова ужъ наша хваленая гласность!..

«1859 года, марта 15-го дня, мы нижеподписавшіеся, избранные отъ міра старшины, рядовые крестьяне и дворовые села П—ва съ деревнями Кр—вою и Пог—вою, бывъ на мірской сходкѣ, *по случаю возвышенія содержателемъ Болховскаго питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣнъ, что мы для себя и семействъ своихъ почитаемъ разорительнымъ*, во избѣжаніе чего, *и для распространенія въ насъ и дѣтяхъ нашихъ доброй нравственности, и чтобы мы были исправными во всѣхъ своихъ обязанностяхъ*, сдѣлали между себя сію добровольную подписку, которою симъ обязуемся: вино отнынѣ впредь въ питейныхъ домахъ не пить и на выносъ въ свои дома, кромѣ какихъ-либо необходимыхъ случаевъ, не покупать, зачѣмъ обязуемся другъ за другомъ смотрѣть и о нарушителяхъ сего, чрезъ выбранныхъ нами старшинъ, доносить вотчинному начальству для поступленія съ таковыми, какъ съ вредными для нашего общества, а именно: ослушниковъ штрафовать въ пользу приходской нашей церкви 10 руб. сереб. за каждое взятое ведро, и 5 руб. сер., если кто выпьетъ въ питейномъ домѣ, а при безденежьи наказывать розгами, согласно общему приговору старшинъ; въ случаѣ же, если откроется какая надобность купить вина, то испросить всякій разъ на то разрѣшеніе избранныхъ нами старшинъ и брать въ количествѣ, ими дозволенномъ; разрѣшеніе одного старшины не есть дѣйствительное; необходимо общее дозволеніе всѣхъ старшинъ въ присутствіи вотчинной конторы, гдѣ имѣется книга для записыванія всякаго приговора старшинъ. Старшина, имѣющій надобность купить вино, обязанъ испросить разрѣшеніе міра и брать въ количествѣ, опредѣляемомъ мірскимъ приговоромъ. Всѣ эти признанныя нами условія для утвержденія межъ нами доброй нравственности обязательны и для всѣхъ постороннихъ, живущихъ въ нашемъ селѣ». *Подлинная подписана всѣми крестьянами, бывшими на сходкѣ.*

При чтеніи этого приговора, не трудно видѣть, какъ фразы въ немъ перемѣшаны съ дѣломъ, добрая нравственность приплетена къ дороговизнѣ, и пр. Но сущность дѣла остается та же: крестьяне отказываются покупать хлѣбное вино... Какая бы ни была причина этого, фактъ имѣетъ

важное значеніе въ томъ отношеніи, что доказываетъ способность народа къ противодѣйствію незаконнымъ притѣсненіямъ и къ единодушію въ дѣйствіяхъ. Пріятнѣе, конечно, было бы, если бы мужики наши побуждены были къ отреченію отъ водки не внѣшнимъ обстоятельствомъ—безсовѣстностью откупа—а внутреннимъ, нравственнымъ сознаніемъ. Но внезапныя нравственныя перерожденія бываютъ только въ раздирательныхъ романахъ, и отъ русскаго мужика, живущаго въ дѣйствительности, а не въ мечтѣ, неестественно было бы требовать такой нелѣпости. Ни съ того, ни съ сего, не могъ онъ вдругъ перемѣнить свои наклонности. А тутъ дѣло происходило очень просто: мужикъ любилъ выпить, но не до такой крайней степени, какъ увѣряли многіе; прежде онъ покупалъ вино потому, что хотя оно и было дорогонько, но все еще можно было выносить; а тутъ вдругъ поднялась цѣна до того безобразная, что мужикъ махнулъ рукой, да и сказалъ себѣ: „нѣтъ, лучше не стану пить; дорога больно, окаянная“. Сказалъ да и сдѣлалъ—не сталъ пить; потому что онъ—не то, что мы, образованные господа,—не станетъ тратить словъ попустому.

Мы убѣждены, что газетныя извѣстія не сообщили и четвертой доли всего числа обществъ трезвости, образовавшихся у крестьянъ. Но и по тому, что обнародовано, можно насчитать уже сотни тысячъ крестьянъ, отказавшихся отъ водки. У насъ очень плохо слѣдятъ за судьбою этихъ обществъ и, большею частію, извѣстивши объ ихъ образованіи, не заботятся болѣе о сообщеніи извѣстій, *какъ исполняются зароки*, данные крестьянами. Поэтому только о западныхъ губерніяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, продолжающіяся спустя уже довольно значительное время послѣ первыхъ проявленій трезвости. Въ великорусскихъ губерніяхъ почти всѣ извѣстія относятся только къ первому образованію обществъ, почему и до сихъ поръ еще нерѣдко можно услышать въ обществѣ мнѣніе, что все это движеніе *непродолжительно* и *непрочно*. Разумѣется, оно и не должно быть слишкомъ продолжительно; этого даже и желать не нужно: будучи порождено дикими отношеніями откупа къ народу, оно должно прекратиться вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ отношеній. И сами крестьяне не даютъ *вѣчныхъ* зароковъ; большею частію уговариваются не пить въ теченіи года, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до осени, до весны, иные—на неопредѣленное время. Мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь подробный перечень всѣхъ мѣстностей, о которыхъ мы нашли въ газетныхъ извѣстіяхъ, что въ нихъ распространяется трезвость.

Началось движеніе въ пользу трезвости въ Ковенской губерніи, и оттуда разошлось по Виленской и Гродненской. Вскорѣ потомъ, одновременно, обнаружилось движеніе въ пользу трезвости въ Поволжьи и въ центральныхъ замосковскихъ губерніяхъ. Вслѣдъ за извѣстіями о трезвости

въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, получены были свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ губерніяхъ: Тульской, Владимірской, Московской, Орловской и Калужской. Съ другой стороны, трезвость, принявшаяся въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, распространилась вверхъ по Волгѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ Самарской, Рязанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и Тверской губерній. Нѣсколько позже получены извѣстія объ образованіи обществъ трезвости въ четвертомъ краю Россіи, въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Воронежской. Такимъ образомъ, въ настоящее время трезвость завладѣла многими пунктами, и можно думать, что ея распространеніе пойдетъ теперь еще быстрѣе, чѣмъ шло до сихъ поръ (предполагая, разумѣется, что она не встрѣтитъ какихъ-нибудь особенныхъ препятствій).

О трехъ западныхъ губерніяхъ, показавшихъ первый примѣръ трезвости, есть свѣдѣнія довольно положительныя. Въ февралѣ мѣсяцѣ писали изъ Ковно въ Slowie: „Едва лишь нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ перестали употреблять водку, а благіе плоды этой счастливой перемѣны въ народѣ уже чувствуются самымъ осязательнымъ образомъ: цѣна жизненныхъ продовольствій понизилась значительно, нищенство стало гораздо меньше, казенныя повинности уплачиваются исправнѣе, населеніе нашей губерніи находится въ самомъ вожделѣнномъ здоровьи. Замѣчательно, что въ теченіе этого времени у насъ не появилось ни одной общей болѣзни, которая прежде бывала обыкновенною гостьею нашею въ эту пору года, особенно при такой безпрестанно мѣняющейся, туманной, сырой погодѣ, какая стоитъ у насъ“ („Моск. Вѣд.“ № 42). Изъ этого извѣстія, не представляющаго опредѣленныхъ фактовъ, а говорящаго общими мѣстами, видно однако же, что обѣтъ трезвости строго былъ соблюдаемъ. Болѣе положительныя свѣдѣнія представлены въ письмѣ г. Рудзскаго („Указ. Пол.-Эк. № 8, 22 февр.), который разсказываетъ о томъ, какую борьбу и какъ твердо выдерживаютъ крестьяне. Между прочимъ, очень характеристиченъ анекдотъ, разсказанный имъ объ одномъ помѣщикѣ Поневѣжскаго уѣзда. Помѣщикъ этотъ, переставшій получать отъ корчмы послѣдніе гроши своихъ крестьянъ, вздумалъ зазвать къ себѣ ксендза, успѣлъ какъ - то напоить его, и пьянаго вывелъ предъ толпу, которую увѣщевалъ образумиться, представляя ей несостоятельность убѣжденій человѣка, склонившаго ихъ дать обѣтъ воздержанія. „Надо отдать справедливость общественному мнѣнію,—прибавляетъ г. Рудзскій:—оно заклеймило безчестіемъ имя человѣка, такъ грязно посягнувшаго на общее благо“.

О стараніяхъ самого откупа соблазнить крестьянъ—нечего и говорить. Въ половинѣ февраля писали, что откупщики въ Виленской губерніи ставили сначала 8 грошей за кварту вина, вмѣсто прежнихъ 14; потомъ вино

подешевѣло въ шесть разъ; наконецъ—передъ корчмами выставляли иногда даже даровое вино... Ничто не помогло („Русск. Дн.“ № 35). Въ концѣ того же мѣсяца сообщались вотъ какія свѣдѣнія изъ Жмуди: „Въ мѣстечкахъ, въ ярмарочное время, расходилось, бывало, ведеръ до 40 водки, а теперь выходитъ ея едва нѣсколько гарнцевъ (штофовъ). Въ уѣздномъ нашемъ городѣ (корреспондентъ не говоритъ — въ какомъ) еженедѣльный расходъ водки доходилъ, среднимъ числомъ, до 30 ведеръ; со времени же появленія трезвости (кромѣ отпускаемаго на войска, да еще кромѣ того, что потребляетъ людъ разныхъ вѣръ), количество его уменьшилось до одной третьей доли. На большихъ дорогахъ, около Ковно, расходъ этого напитка тоже уменьшился даже болѣе, чѣмъ на двѣ трети противъ прежняго; но и то, что потребляется, идетъ на прохожихъ солдатъ, на проѣзжающихъ обитателей Царства Польскаго, на Пруссаковъ и т. д. („Моск. Вѣд.“, 3-го марта, № 53). Въ этомъ письмѣ есть положительное свидѣтельство и о томъ, что на Жмуди, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, трезвость нигдѣ не была нарушена, т. е. цѣлымъ обществомъ, частныя же нарушенія всегда наказывались общественнымъ мнѣніемъ. Въ письмѣ г. Рудзскаго есть, между прочимъ, разсказъ о томъ, какъ въ одномъ мѣстечкѣ наказывали согрѣшившаго крестьянина.

«Въ м. Лукникахъ, Шавельскаго уѣзда, одинъ государственный крестьянинъ. несмотря на произнесенный имъ обѣтъ, напился пьянъ; узнавъ объ этомъ, все село подхватило измѣнника, невольника привычки,—ему приклеили къ спинѣ вывѣску: «*пьяница*» и, съ барабаномъ впереди, обвели два раза кругомъ села. Не знаю, исправился-ли опозоренный крестьянинъ, но дѣло въ томъ, что этотъ случай навѣрно удержитъ другихъ и, главное, служитъ доказательствомъ прочности общаго увлеченія».

Относительно численнаго распространенія братства трезвости г. Рудзскій свидѣтельствуетъ (отъ 12 февр.), что къ братству этому пристала почти вся Ковенская губернія. Вотъ его слова („Указ. Пол.-Эк.“, стр. 178).

«Успѣхъ братства былъ огроменъ: къ концу минувшаго года по всей губерніи, за исключеніемъ части Ново-александровскаго и Вилькомірскаго уѣздовъ, смежныхъ съ Виленскою губерніею, каждому священнику удалось причислить къ своему братству всѣхъ почти прихожанъ своихъ. Потомъ газеты сообщили, что дѣйствія братства съ успѣхомъ перешли въ Виленскій уѣздъ изъ Вилькомірскаго; если это извѣстіе справедливо, то, въ настоящее время, по всей Ковенской губерніи туземцы почти поголовно приступили къ братству, дѣйствующему во имя просвѣщенной любви къ человѣчеству».

Извѣстіе это оказалось вполнѣ справедливымъ. Въ № 22 „Русск. Дневника“ напечатано:

«Общество трезвости уже стало распространяться въ Виленской губерніи,—именно въ трехъ приходахъ Виленскаго уѣзда, гдѣ 800 прихожанъ исполняли клятву не употреблять во всю жизнь крѣпкихъ напитковъ. Они были поощрены къ тому жителями Вилькомірскаго уѣзда».

Черезъ три мѣсяца послѣ этого, въ началѣ мая, мы находимъ о Вильнѣ слѣдующее извѣстіе:

„Двѣ трети губерніи, и даже $^3/_4$ пристали уже къ обществу трезвости, и мы совершенно убѣждены, что черезъ мѣсяцъ и $^9/_{10}$ пристанутъ" („Ук. Пол.-Эк." № 19).

Обѣтъ трезвости распространился здѣсь не только въ однихъ селеніяхъ, но и въ городахъ. Какіе размѣры приняли братства трезвости среди городскихъ жителей, можно видѣть изъ примѣра города Ошмянъ, о которомъ сообщено въ „Русск. Дневн." (№ 74), что изъ 1.725 жителей городка—900 человѣкъ изъявили желаніе быть членами братства, лишь только былъ имъ представленъ проектъ его.

Изъ Гродненской губерніи еще въ февралѣ писали, что братства трезвости распространились *по всей губерніи*, и что трудно уже было тогда встрѣтить пьянаго въ гродненскихъ деревняхъ („Моск. Вѣд." № 42). Недавно читали мы извѣстіе, что въ Бѣлостокскомъ приходѣ изъ 4.000 прихожанъ къ обществу трезвости принадлежитъ 3.000 („Экон. Указ." № 27).

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ считается до милліона крестьянъ и мѣщанъ мужескаго пола. Если половина ихъ отказалась отъ водки, то и тутъ выйдетъ 500.000 человѣкъ... Но, по всѣмъ извѣстіямъ,—въ обществахъ трезвости гораздо болѣе половины населенія. Съ этимъ совершенно сходятся и свѣдѣнія о количествѣ вина, проданнаго и оплаченнаго акцизомъ въ Ковенской губерніи. Вотъ что напечатано въ № 96 „Русскаго Дневника" (8 мая).

«Съ 1 января настоящаго года оплачено 55.931$^5/_{100}$ ведеръ вина и 1.295 ведеръ спирта, тогда какъ въ этотъ же періодъ времени 1857 г. было оплачено 169.160$^{60}/_{100}$ ведеръ вина и 2.488 ведеръ спирта; а въ 1858 г. 202.538$^{70}/_{100}$ ведеръ вина и 866 ведеръ спирта. Въ періодѣ производства винокуренія на заводахъ въ 1858 — 59 гг. производилось оно только на 275 заводахъ; но въ каждомъ изъ нихъ пропорція выкуривалась вполовину, на нѣкоторыхъ и того меньше, чѣмъ могли эти заводы выкурить на самомъ дѣлѣ. Притомъ, по признанію заводчиковъ, если куреніе ими и производилось, то главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы добыть барды для корма скота, такъ какъ, вслѣдствіе прошлогоднихъ неурожаевъ травъ, эти кормы сильно подорожали. Изъ числа заводовъ, дѣйствовавшихъ въ прошлую зиму, 87 закрыты владѣльцами. Въ періоды винокуренія 1856 — 57 и 1857—58 годовъ всѣ заводы, въ числѣ 362, дѣйствовали и выкуривали вино въ полномъ опредѣленномъ количествѣ. Свидѣтельствъ на право держать питейныя заведенія въ 1857 г. взято было 2.207, а въ 1858—2.191, въ нынѣшнемъ же году только 1.899. При томъ, главнымъ образомъ въ этихъ заведеніяхъ продаются только пиво и медъ. Винная продажа еще кое-какъ идетъ по городамъ, въ мѣстечкахъ она слабѣе, но по деревнямъ и селамъ совершенно прекратилась».

Цыфры эти даютъ намъ полную возможность судить о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ дѣйствуютъ братства трезвости въ Ковенской губерніи, и заставляютъ предполагать тоже самое и въ двухъ другихъ, названныхъ нами.

Къ сожалѣнію, о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространилась трезвость, не обнародовано свѣдѣній столь опредѣлительныхъ, и потому мы принуждены ограничиться простымъ перечнемъ этихъ мѣстностей.

По западному краю трезвость обнаружилась еще въ губерніяхъ Подольской, Смоленской, Новгородской и Петербургской.

Въ *Подольской* губерніи, въ Литинскомъ уѣздѣ, отказались отъ водки крестьяне графа Кушелева-Безбородко, въ Багриновецкомъ его имѣніи, съ деревнями Стасѣевымъ и Савинымъ Майданами, и селеніями Дубовой и Кусиковцами. Это было въ началѣ февраля („Русск. Дн." № 66).

Въ *Смоленской* губерніи, Вяземскаго уѣзда, согласились не пить вина крестьяне графини Рибопьеръ, въ числѣ 2.144 душъ („Русск. Дн." № 91).

Въ *Новгородской* губерніи, Старорусскаго уѣзда, въ Коростынской волости, крестьяне, въ числѣ 6.000, дали зарокъ не пить вина. Въ Новгородѣ также, по извѣстіямъ, замѣтно опустѣли питейныя заведенія. По слухамъ,—затѣвались общества трезвости (въ апрѣлѣ) и въ другихъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи („Русск. Дн." № 79).

Близъ *Петербурга* дали зарокъ не пить водки крестьяне деревни Коломяги („Моск. Вѣд." № 68) и Новой Деревни („Русск. Дн." № 66). Въ самомъ Петербургѣ дали зарокъ не пить вина плотничьи артели у *одного подрядчика* (имени и фамиліи его не соблаговолилъ сообщить 27 № (14 іюля) „Указателя Пол.-Эк.", въ которомъ помѣщено это извѣстіе)...

Въ *Екатеринославской* губерніи, Александровскаго уѣзда, крестьяне села Петровскаго, принадлежащаго гр. Строгоновой, перестали ходить въ свой сельскій шинокъ только потому, что онъ съ новаго года взятъ у помѣщицы въ аренду откупщикомъ-евреемъ. Когда надобно, крестьяне покупаютъ водку изъ помѣщичьихъ шинковъ, верстъ за 15 — 20; а въ Петровскомъ шинкѣ, вмѣсто прежнихъ двухъ бочекъ вина ежемѣсячно, продается теперь не болѣе 10 ведеръ, и то однимъ проѣзжимъ, хотя водка у еврея-откупщика недорога и хорошаго качества („Русск. Дн." № 44).

Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, отказались отъ водки крестьяне *одной изъ волостей южнаго поселенія* этого уѣзда, состоящей изъ семи селеній (такъ скромно объявляетъ объ этомъ г. Михаилъ Гаршинъ въ № 121-мъ „Моск. Вѣд.").

Въ *Курской* губерніи, въ Щигровскомъ уѣздѣ, крестьяне Стакановской волости, видя неурядицу, происходящую всегда при попойкахъ во время храмовыхъ праздниковъ и при хожденіи по селу съ иконами,—составили между собою полюбовный договоръ: не брать иконъ и не пить вина; а желающіе помолиться могутъ собраться на первый день праздника, отслужить молебенъ въ храмѣ и принести посильное пожертвованіе,—что они и сдѣлали, при чемъ собрано приношеній до 40 р. въ пользу церкви,

и 3 р. с. на уплату за служеніе молебна. Изъ двухъ священниковъ, одинъ уклонился отъ исполненія желанія прихожанъ, но младшій исполнилъ просьбу ихъ („Моск. Вѣд." № 123).

Въ маѣ мѣсяцѣ рѣшились отказаться отъ водки крестьяне нѣсколькихъ волостей въ Коротоякскомъ уѣздѣ, *Воронежской* губерніи, въ числѣ 20.000. Вотъ извѣстіе о нихъ, помѣщенное въ № 142 (17-го іюня) „Моск. Вѣдомостей".

«Въ маѣ мѣсяцѣ этого года въ Коротоякскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, государственные крестьяне волостей Аношенской, Давыдовской и Коротоякской, въ числѣ слишкомъ 20.000 душъ, дали клятву впредь не употреблять водки ни подъ какимъ предлогомъ. Смущенные этимъ обстоятельствомъ, откупщики употребляли всевозможныя мѣры, чтобы склонить народъ къ нетрезвой жизни, воспѣвая, какъ это пріятно и полезно; но народъ не внялъ пустымъ словамъ. Такъ, откупщики поставили жителямъ въ селѣ Тресоруковѣ нѣсколько штофовъ хорошей водки даромъ; нашлись шалуны-ребята, которые ее выпили, и то потому только, что даромъ, но, поблагодаривъ за угощеніе, сказали, что покупать все-таки не будутъ, затѣмъ и разошлись; потомъ откупщики задабривали значительныхъ поселянъ, предлагали жертвы на храмы, и много-много было придумываемо ими средствъ, но народъ рѣшительно отвергъ всѣ ихъ искательства. И вотъ уже другой мѣсяцъ, какъ крестьяне свято и ненарушимо хранятъ обѣщаніе; примѣръ ихъ находитъ многихъ подражателей.—Въ Острогожскомъ уѣздѣ уже готовятся такія общества».

Въ томъ же мѣсяцѣ изъявили желаніе отстать отъ горячихъ напитковъ крестьяне *Воронежской* губерніи, Бирюченскаго уѣзда, Старо-Ивановской вотчины помѣщицы Муравьевой, съ народонаселеніемъ изъ малороссіянъ, въ количествѣ 2.169 душъ мужескаго пола („Моск. Вѣд." № 121).

Въ центральныхъ губерніяхъ распространеніе трезвости обнародовано изъ слѣдующихъ мѣстностей.

Въ *Орловской* губерніи:

1) Крестьяне села П—ва, съ деревнями Кр—ною и Пог—вою, въ Болховскомъ уѣздѣ (полныхъ названій деревень не разсудилъ сообщить г. К., приславшій извѣстіе объ этомъ въ № 71 „Моск. Вѣд."), видя чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ на вино и дурное качество послѣдняго, положили на мірской сходкѣ — воздерживаться отъ употребленія хлѣбнаго вина.

2) Въ Мценскомъ уѣздѣ, крестьяне села Алисова на Неручи (138 душъ), принадлежащаго г. Скарятину, мірскимъ приговоромъ постановили—не пить вина по буднямъ („Моск. Вѣд." № 75).

3) Елецкаго уѣзда, въ имѣніи г. Вадковскаго, въ селѣ Петровскомъ и въ деревняхъ Өедоровой, Елизаветиной, Выселкѣ, Лопуховкѣ, Самохваловкѣ, Сухониной, Лялиной и Бродковѣ, 5 апрѣля, въ воскресенье, крестьяне и дворовые люди отказались отъ употребленія водки, по со-

вѣту помѣщика. То же сдѣлало и духовенство села Петровскаго, купцы и мѣщане, проживающіе въ имѣніи г. Вадковскаго отставные и безсрочно-отпускные солдаты съ солдатками („Русск. Дн." № 92).

4) Въ тотъ же самый день, 5 апрѣля, отказались отъ водки крестьяне сельца Алепаго, Болховскаго уѣзда, „видя чрезвычайное возвышеніе цѣнъ на вино содержателемъ Болховскаго питейнаго откупа и дурное его качество, вредное для здоровья" („Моск. Вѣд." № 90).

5) Въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Касиловѣ, деревнѣ Кульчевѣ, въ селѣ Ново-никольскомъ, Алымовѣ тожь, и въ деревнѣ Фроловѣ, принадлежащихъ г. Фролову, крестьяне и дворовые отказались отъ крѣпкихъ напитковъ, не связавъ себя никакими штрафами и позорными наказаніями („Моск. Вѣд." № 153).

Въ *Тульской* губерніи также во многихъ мѣстностяхъ образовались общества трезвости:

1) Каширскаго уѣзда, села Хотуши, крестьяне казеннаго вѣдомства постановили: брать водку изъ питейныхъ заведеній на домъ, въ количествѣ, всякій разъ опредѣленномъ мірскимъ приговоромъ; ослушниковъ штрафовать 25 р. за каждое ведро, а при безденежьи наказывать тѣлесно („Русск. Дн. № 35).

2) Въ Черискомъ уѣздѣ, въ селѣ Спѣшневѣ, принадлежащемъ кн. П. В. Долгорукову, крестьяне на сходкѣ положили: „по причинѣ дороговизны вина, не пить его, и кто выпьетъ хоть чарку, тотъ платитъ міру 6 р. с." („Русск. Дн." № 52).

Жители самаго города Черни и подгородныхъ слободъ: Козацкой, Стрѣлецкой и Пушкарской, условились между собою не пить вина и ни подъ какимъ видомъ не держать его дома. Къ этому обѣту приступили и ямщики („Русск. Дн." № 92).

3) Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Доробинѣ, принадлежащей графу Татищеву, въ имѣніяхъ гг. Тургенева, Левицкаго, Крюкова, г-жъ Свѣчиной и Власовой, и въ имѣніи г. Скарятина — Марьинѣ, — крестьяне дали зарокъ на годъ — не пить вина („Моск. Вѣд." № 64). По другому извѣстію, первый примѣръ трезвости въ Ефремовскомъ уѣздѣ показало село Галица. Потомъ отказались отъ водки ефремовскіе ямщики, по призыву содержателя почтовой станціи Я — ва. Затѣмъ перестали пить — Кадно, Закопы, Старыя Гальскія, Карчажки, Медовая Большая, и *много много другихъ богатыхъ и многолюдныхъ селъ*. Названія ихъ однако же не заблагоразсудилъ сообщить почтенный корреспондентъ, скрывшій и свое собственное имя и подписавшійся подъ своимъ извѣстіемъ: „Ефремовскій житель" (Моск. Вѣд." № 94).

4) Въ Крапивенскомъ уѣздѣ, въ селахъ: Колединѣ, Траснѣ и Ло-

потковѣ, крестьяне на сходкѣ положили не пить вина („Моск. Вѣд.“ № 97).

Въ томъ же уѣздѣ, въ Царевской вотчинѣ, принадлежащей г-жѣ Скарятиной, крестьяне еще въ концѣ прошлаго года рѣшились не пить и замѣчательнымъ образомъ выдерживали себя передъ исправникомъ. Вотъ вполнѣ описаніе всего дѣла, какъ оно помѣщено въ „Моск. Вѣд.“ (№ 75).

«Крестьяне Тульской губерніи, Крапивинскаго уѣзда, Царевской вотчины, принадлежащей женѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марьѣ Павловнѣ Скарятиной и заключающей въ себѣ 1.336 душъ, въ концѣ прошлаго года, на мірской сходкѣ постановили не пить вина, исключая свадебъ и храмовыхъ праздниковъ. Испуганный цѣловальникъ (въ селѣ Царевѣ есть питейный домъ) бросился къ откупщику и объявилъ ему, что къ царевскому питейному дому приставленъ крестьянами караулъ. Откупщикъ жаловался на это исправнику. Исправникъ, вытребовавъ старосту означеннаго села и узнавъ отъ него, что никакого караула къ питейному дому не приставлялось, а сдѣлано крестьянами постановленіе не пить вина, спросилъ, внесены-ли подушныя и поставлены-ли по дорогамъ тычки, и затѣмъ отпустилъ старосту, подтвердивъ ему, чтобы караулъ къ питейному дому отнюдь ставить не смѣли. Тогда крестьяне, на вторичномъ мірскомъ сходѣ, постановили: ни въ какомъ случаѣ, даже на свадьбы и въ храмовые праздники вина на домъ не брать и вообще отъ употребленія его отказаться. Исключеніе сдѣлано для больныхъ, и въ этомъ случаѣ берется вино съ разрѣшенія старшинъ; также для находящихся въ дорогѣ или на заработкахъ на сторонѣ, очевидно, по невозможности имѣть за ними надзоръ. Замѣчательнѣе всего, что крестьяне дѣйствовали въ этомъ случаѣ рѣшительно по собственному побужденію: помѣщица, г-жа Скарятина, живетъ постоянно въ другомъ имѣніи, и управляющаго въ это время въ вотчинѣ не было: онъ повезъ оброкъ къ новому году. Имѣніе оброчное; тягло получаетъ 10 тридцатныхъ десятинъ пашни, съ платою 3 р. 30 коп. за десятину».

5) Новосильскаго уѣзда, въ селѣ Моховомъ, принадлежащемъ г. Шатилову, крестьяне положили не пить хлѣбнаго вина до апрѣля 1860 г. („Моск. Вѣд.“ № 128).

Свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ *Калужской* губерніи были помѣщены въ „Указателѣ Политико-Экономическомъ“, № 20. Приведемъ ихъ здѣсь вполнѣ.

«Трезвость въ Калужской губерніи распространяется съ замѣчательною быстротою, и дай Богъ дальнѣйшихъ успѣховъ доброму дѣлу. По настоящее время трезвость установилась въ слѣдующихъ селеніяхъ: *Тарусскаго уѣзда*—въ Сашкинскомъ сельскомъ обществѣ съ деревнями: Клишино, Жиливки, Черкасово, Жалично и Селиверстово, вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ имѣніяхъ гг. Миллера и Дурново и при чугуноплавильномъ Бибарсовскомъ заводѣ; *Калужскаго*: въ селѣ Бобровѣ,—г. Головина (1.200 душъ м. п.), въ деревняхъ: Жарокъ, Песочнѣ, Семеновскомъ, Гридневѣ, Фетининѣ, Маматовѣ и Бобрихѣ, — княгини Вяземской, въ селѣ Дмитріевскомъ, — г. Кикшина, въ деревняхъ Мужачи, Русинѣ, Масловѣ, Филиповой,—г-жи Фрейгангъ, и въ селѣ Желовижъ, г. Скворцова; *Медынскаго*: въ селѣ Карамышевѣ,—князя Меньшикова (1.800 д.), во всѣхъ селеніяхъ князя Кочубея, подвѣдомственныхъ кожуховской вотчинной конторѣ (510 д.), въ селѣ Троицкомъ,—г. Сабанѣева (642 д.), въ селѣ Кондровѣ,—г-жи Мещериновой (121 д.), и въ сельцѣ Ми-

хайловскомъ,—гг. Спафарьевыхъ (60 д.); *Масальскаго*: въ сельцѣ Новоалександровскомъ хуторѣ,—малолѣтнихъ гг. Нарышкиныхъ; *Малоярославецкаго*: въ сельцѣ Дѣтчиновѣ и въ деревняхъ Кульневѣ и Желудовкѣ,—г. Атрыганьева (248 д.). въ деревняхъ Огубѣ, Кадникахъ, Росляковѣ, Величковѣ и Лыковѣ, — княгини Голицыной (581 д.); *Лихвинскаго*—въ селеніяхъ: Княвищевѣ,—г. Чернова, Говоренкахъ,—г. Сухотина, Труфановѣ,—г. Плужникова, Титовѣ,—г. Евдокимова, Аниковкѣ,—г. Цемирова, Дупли,—г-жи Вишгъ, Плюсковѣ,—г. фонъ-Вернера и Ханинѣ; *Перемышльскаго*: въ помѣщичьихъ селеніяхъ: Крутыхъ-Верхахъ, Самойловѣ и Толстиковѣ,—князя Грестерова, Зябкахъ,—г-жи Воронцовой, Кримeневѣ,—князя Оболенскаго, Григоровскомъ и Константиновскомъ,—г-жи Чертковой, Матинѣ,—г-жи Бенардаки. Покровскомъ и Куровскомъ,—г. Рихтера, Ридобкѣ,—г. Коробкова; въ селеніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ: Зимницахъ, въ деревняхъ: Полянахъ, Хохловкѣ, Слободкѣ, Жашковѣ, Гордаковой, Алоповой (236 д.), Петровскомъ, Погорѣльскомъ, Кузьминкахъ, Рожествинѣ и Егоровѣ, въ селахъ — Варваренкахъ (99 д.), Михайловскомъ (136 д.) и Никольскомъ (134 д.). Сверхъ того, говорятъ, крестьяне села Грабцова,—г. Чернова, въ Калужскомъ уѣздѣ, и сельца Локачева, г. Годейна, въ Медынскомъ, также отказались отъ употребленія горячихъ напитковъ. Такимъ образомъ, трезвость существуетъ въ 52 помѣщичьихъ селеніяхъ и 21 казенномъ, всего въ 73 селеніяхъ, находящихся въ семи уѣздахъ. Калужскаго уѣзда въ сельцѣ Дмитріевскомъ она установилась еще въ ноябрѣ прошлаго года, Тарусскаго уѣзда въ селѣ Сашкинѣ съ деревнями — на масляницѣ нынѣшняго, во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ только недавно—въ мартѣ и апрѣлѣ. Крестьяне означенныхъ мѣстъ, кромѣ, сколько мнѣ извѣстно, Полянскаго сельскаго общества, въ Перемышльскомъ уѣздѣ, *словесно* порѣшили не пить хлѣбнаго вина; Полянское же сельское общество составило *письменныя* условія воздержанія. Въ однихъ селеніяхъ крестьяне дали зарокъ не употреблять водки при крестномъ цѣловании, а въ другихъ—безъ соблюденія подобныхъ обрядовъ. Но, такъ или иначе, условія воздержанія вездѣ соблюдаются строго».

Изъ всѣхъ этихъ селеній, въ одномъ Карамышевѣ, съ прилежащими къ нему деревнями, потреблялось вина на 40.000 р. с. въ годъ... Можно судить поэтому, сколько трудовыхъ копѣекъ сберегается крестьянами по всей губерніи отъ ихъ зарока. Въ „Русскомъ Дневникѣ" извѣщали, между прочимъ, что „откупщикъ въ отчаяніи пріѣзжалъ въ Карамышево и предлагалъ пустить вино по 3 р. с., если мужики согласятся пить; но ему единодушно отвѣчали, что они нарушатъ обязательство только въ такомъ случаѣ, если откупъ будетъ продавать вино повсюду по 1 р. 50 к." („Русск. Дн." № 92).

Въ *Рязанской* губерніи, въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ самомъ началѣ нынѣшняго года образовалось одно изъ первыхъ по времени обществъ трезвости въ великорусскихъ губерніяхъ. Первый примѣръ поданъ былъ крестьянами казеннаго села Макѣева (200 душъ) и помѣщичьяго—Кобыльска (150 душъ).

Въ половинѣ февраля извѣщали, что въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи чрезвычайно ослабѣло употребленіе водки (Моск. Вѣд." № 44). Въ концѣ марта г. Кошелевъ, помѣщикъ Рязанской губерніи, писалъ, что общества трезвости существовали уже въ уѣздахъ Зарайскомъ, Данковскомъ, Ряжскомъ, Сапожковскомъ и *другихъ* („Моск. Вѣд." № 99).

Были неопредѣленныя извѣстія объ обществахъ трезвости и въ *Тамбовской* губерніи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ (см. „Русск. Вѣстн.“ № 3).

Января 28-го, во *Владимірской* губерніи, въ Гороховецкомъ уѣздѣ; „по случаю возвышенія содержателемъ питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣнъ, а также и для распространенія въ семействахъ доброй нравственности“,—отказались отъ водки крестьяне села Нижняго Ландеха, съ 85 деревнями, въ числѣ 5.000 душъ („Моск. Вѣд.“ № 49).

Въ *Московской* губерніи трезвость начала распространяться въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое общество образовалось въ селѣ Говоровѣ, Московскаго уѣзда, вотчины княгини Голицыной („Моск. Вѣд.“ № 80). Въ апрѣлѣ, крестьяне села Спасскаго и деревни Изоцовой, тоже Московскаго уѣзда, принадлежащихъ кн. Юсупову (86 душъ), тоже дали зарокъ не пить вина на одинъ годъ („Моск. Вѣд.“ № 139). Почти въ то же время, но нѣсколько ранѣе, общества трезвости образовались въ трехъ вотчинахъ графа Панина — Маренинской, Кіевской и Спасской, въ числѣ 1.018 душъ („Моск. Вѣд.“ № 151).

Изъ прочихъ уѣздовъ Московской губерніи даны зароки не пить вина: въ Звенигородскомъ, въ деревнѣ Ивашковой, графа Кушелева-Безбородко („Моск. Вѣдом.“ № 97); въ Подольскомъ, въ Рождественской вотчинѣ кн. Голицыной, въ числѣ 345 душъ („Русск. Дневн.“ № 95), и въ селахъ Тифонкѣ и Дуловѣ, съ деревнями, принадлежащими кн. Юсупову и находящимися въ Подольскомъ (525 душъ) и Серпуховскомъ (189 душъ) уѣздахъ („Моск. Вѣд.“ № 123).

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Драчинѣ, крестьяне тоже согласились-было не пить водки; но откупъ заплатилъ за нихъ 85 руб. недоимки, чтобъ только они пили, и крестьяне подались на это условіе („Русск. Вѣстн.“ № 3).

Въ Поволжьи трезвость пошла съ низу—изъ Саратова. Въ Сердобскомъ уѣздѣ еще осенью прошлаго года произошло-было рѣшеніе не пить, но было разрушено вышеупомянутою штукою откупа... Въ декабрѣ состоялось рѣшеніе не пить въ селѣ Северкѣ, Балашовскаго уѣзда, и примѣру его послѣдовали крестьяне и въ другихъ мѣстностяхъ („Моск. Вѣд.“ № 43). Въ февралѣ то же обѣщаніе дано было крестьянами села Турки („Русск. Дн.“ № 42). Въ самомъ Балашовѣ мѣщане дали обѣтъ трезвости, и ихъ примѣръ подѣйствовалъ на множество артельныхъ рабочихъ, приходящихъ въ Балашовъ по веснѣ для найма на барки („Русск. Дн.“ № 75). Объ этомъ случаѣ корреспондентъ „Русскаго Дневника“ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Къ сожалѣнію, нашлись люди, особенно въ уѣздѣ, которые въ рѣшимости бѣдныхъ, стремящихся къ добру людей—видятъ опасность, пугаютъ отказывающихся

отъ пьянства наказаніемъ по закону (?), за то, что они не хотятъ пить вина, и даже громко жалуются на то, что мѣщане согласились отказаться отъ пьянства безъ испрошенія на то позволенія» («Русск. Дн.» № 42).

Корреспондентъ въ недоумѣніи самъ поставилъ знакъ вопроса, упомянувъ о *наказаніи по закону*. Но недоумѣніе его напрасно. По крайней мѣрѣ, рьяные и краснорѣчивые *защитники* крестьянскаго рѣшенія не пить водки защищали его, между прочимъ, вотъ какъ: „Общества трезвости не надобно запрещать и наказывать, потому что законъ запрещаетъ образованіе обществъ только *въ городѣ*, а мірскіе приговоры о трезвости составляются не въ городахъ, а въ селахъ" (см. „Русск. Вѣстн." № 4, стр. 241). Слѣдовательно, по мнѣнію фразистыхъ защитниковъ, такъ ловко умѣющихъ опираться на законодательство,—что нужно было сдѣлать съ балашовскими мѣщанами? Что также нужно бы сдѣлать и съ жителями Саратова, между которыми, по извѣстіямъ, открыта была частная подписка для желающихъ отказаться отъ употребленія хлѣбнаго вина въ теченіе 1859 г.? („Русск. Дн." № 22).

Обѣщаніе не пить вина дано также въ Аткарскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, крестьянами села Дивовки, имѣнія графа Сумарокова („Моск. Вѣд." № 69).

По поводу распространенія трезвости въ Саратовской губерніи, мы нашли въ одной изъ газетъ свѣдѣніе, что сумма 482.200 р. с., предложенная за откупъ въ этой губерніи на послѣднихъ торгахъ, возвышена была до цыфры 1.504.488 рублей („Моск. Вѣд." № 76).

Изъ Саратовской губерніи трезвость прошла и въ смежные уѣзды *Пензенской*,—Чембарскій и Нижнеломовскій („Русск. Дн." № 53).

Въ *Самарской* губерніи объ обществахъ трезвости извѣщали изъ двухъ уѣздовъ: Николаевскаго, гдѣ отказались отъ водки крестьяне селенія Сулакъ, Перекопновской волости („Русск. Дн." № 95), и Бузулукскаго, гдѣ обѣтъ трезвости состоялся между крестьянами села Языкова, принадлежащаго г. Шишкову („Русск. Дн." № 103).

Изъ *Казани* были извѣстія только въ томъ смыслѣ, что „и здѣсь мало покупаютъ вина" („Русск. Дн." № 42, „Моск. Вѣд." № 52).

Изъ *Нижегородской* губерніи также были очень неопредѣлительныя извѣстія. Вина здѣсь съ новаго года покупаютъ въ кабакахъ гораздо менѣе („Русск. Дн." № 66). Въ Крещенье мужики, пріѣхавшіе на базаръ въ Нижній, прицѣнивались къ водкѣ, но не покупали ея („Русск. Дн." № 20). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи составляются общества трезвости („Русск. Дн." № 48). Вотъ и все.

Въ *Костромской* губерніи, общество трезвости образовалось: въ имѣніи графа Гейдена, въ селѣ Никольскомъ на Упѣ, съ деревнями („Русск.

Дн.“ № 66); въ селахъ Ножкинѣ и Коровьѣ, подлѣ Чухломы („Русск. Дн.“ № 85); между помѣщичьими крестьянами двухъ приходовъ Галичскаго уѣзда (въ числѣ 500 человѣкъ) и между крестьянами помѣщичьими и государственными (3.500 человѣкъ), въ шести приходахъ Чухломскаго уѣзда („Русск. Дн.“ № 94); между крестьянами разныхъ владѣльцевъ (344 человѣка) въ Солигаличскомъ уѣздѣ („Русск. Дн.“ № 111); между рабочими на заводѣ купца Вакорина, въ Галичѣ („Моск. Вѣд.“ № 112).

Изъ *Ярославской* губерніи было только одно извѣстіе о мірскомъ приговорѣ не пить вина, состоявшемся въ селѣ Янѣ, Мологскаго уѣзда, принадлежащемъ г. Шипову („Моск. Вѣд.“ № 148). Кромѣ того, писали изъ самаго Ярославля, что крестьяне очень тихо провели тамъ масляницу, и запросъ на полугаръ значительно уменьшился („Моск. Вѣд.“ № 52).

Въ *Тверской* губерніи образовались общества трезвости, въ Старицкомъ уѣздѣ, между крестьянами графини Зубовой („Русск. Дн.“ № 97), и въ Корчевскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ князя Вяземскаго („Моск. Вѣд.“ № 106).

Кромѣ исчисленныхъ мѣстностей, даже изъ *Перми* сообщали, что тамъ „водка идетъ туго“ („Русск. Дн.“ № 54), и изъ Сибири писали съ удовольствіемъ о закрытіи двухъ кабаковъ („Русск. Дн.“ № 103) и съ ужасомъ—о разнесшемся слухѣ, что тамъ введена будетъ откупная система („Моск. Вѣд.“ № 41). Такъ далеко зашло стремленіе къ трезвости при теперешнемъ состояніи откупныхъ условій.

Мы старались собрать всѣ свѣдѣнія, публикованныя въ газетахъ относительно трезвости, и расположить ихъ по губерніямъ. Но, повторяемъ, мы убѣждены, что въ газетныхъ замѣткахъ не сообщено и четвертой доли всего, что дѣйствительно происходитъ въ народѣ. Мы желали бы, чтобъ нашъ сводъ извѣстій, доселѣ напечатанныхъ о трезвости, далъ возможность людямъ, проживающимъ въ разныхъ мѣстностяхъ, дополнить этотъ перечень мѣстными извѣстіями. При этомъ особенно желательно, чтобы въ нихъ сообщалось всегда имя уѣзда, селенія, и количество душъ, живущихъ въ немъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ-то дѣлѣ, совершающемся такъ явно и спокойно самимъ народомъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности въ безъименной гласности, какую позволилъ себѣ, напримѣръ, г. N, объявившій въ № 54 „Моск. Вѣд.“, что въ В—ской губерніи, К — мъ уѣздѣ, два селенія отказались отъ питья водки. Вообразите себѣ, что это за господинъ N, боящійся прописать сполна названіе губерніи и уѣзда, гдѣ крестьяне пить перестали! По нашему мнѣнію, этотъ г. N представляетъ замѣчательное явленіе *въ настоящее время, когда*, и пр.

Впрочемъ, мы никогда и не ожидали особенной храбрости отъ всѣхъ

этихъ современныхъ гомерчиковъ, собирающихся пѣть разореніе Трои, но не умѣющихъ хорошенько выговорить даже имени своего Ахилла. Мы никогда не увлекались фразами обличителей, бросающихъ изъ-за угла мелкіе камешки въ какого нибудь мальчишку, стащившаго яблоко съ лотка у торговца. Мы всегда были убѣждены, что эти люди способны только къ звонкимъ фразамъ и заугольнымъ выходкамъ противъ безсильныхъ, но никакъ не могутъ выступить на поприще серьезной дѣятельности. Если бы весь нашъ народъ былъ хоть на половину таковъ, какъ эти господа, то нужно было бы безусловно согласиться съ безотрадными, отчаянными выводами пессимистовъ. Но, къ счастію, въ народѣ, въ коренномъ народѣ, нѣтъ и тѣни того, что преобладаетъ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Въ народной массѣ нашей есть дѣльность, серьезность, есть способность къ жертвамъ. Пока мы съ г. докторомъ В — скимъ подымали вопросъ о трезвости и занимались писаніемъ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ статей, не отказываясь однако же ни отъ рюмки водки передъ обѣдомъ и ни отъ одной изъ самыхъ ничтожныхъ нашихъ привычекъ, народъ, ничего не говоря, порѣшилъ не пить хлѣбнаго вина, такъ какъ оно стало, по цѣнѣ своей, совершенно несообразно съ средствами простолюдина... Скажемъ по совѣсти: кто изъ насъ, годъ тому назадъ, могъ, хотя бы въ предположеніи, указать такое средство противодѣйствія откупу? Мѣра, принятая крестьянами, такъ далека отъ нашихъ цивилизованныхъ и осторожныхъ нравовъ, она такъ радикальна для златой средины нашего пониманія, что мы даже въ теоріи не могли ее придумать, даже другимъ не могли предложить ее... А ужъ, кажется, чего легче предлагать другимъ самыя неудобоисполнимыя мѣры! И чего бы стоило, вмѣсто всякихъ воззваній къ постороннимъ силамъ о поправкѣ дѣла, сказать: „народу нужно отказаться отъ хлѣбнаго вина, чтобы принудить откупщиковъ къ уступкѣ“... Да вотъ никто не сказалъ же! А народъ сдѣлалъ это самое, безъ всякихъ спросовъ, справокъ и глубокомысленныхъ соображеній. Теперь г. докторъ Вернадскій увѣряетъ, что эту рѣшимость *онъ* утвердилъ въ народѣ; другіе говорятъ, что вообще литература произвела такое движеніе. Но, не говоря о г. докторѣ и статскомъ совѣтникѣ Вернадскомъ, былъ-ли хоть кто-нибудь изъ литераторовъ въ своихъ твореніяхъ столько дерзокъ, чтобы дойти хоть только до сознанія необходимости тѣхъ мѣръ, которыя народная сила осуществила на дѣлѣ?

Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ красно говорить; оттого онѣ и не умѣютъ и не любятъ останавливаться на словѣ и услаждаться его зву-

комъ, исчезающимъ въ пространствѣ. Слово ихъ никогда не праздно; оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности. Сотни тысячъ народа, въ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ разныхъ концахъ обширнаго царства, отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ! Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишка, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой-то способности приносить существенныя жертвы разъ-сознанному и порѣшенному дѣлу— и заключается величіе простой народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы, со всею нашей отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ претензіи на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности, бываютъ такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ.

(*Дополненіемъ къ этой статьѣ служитъ слѣдующая рецензія, напечатанная въ той же книжкѣ «Современника».—Примѣч. издателя*).

О трезвости въ Россіи. Сочиненіе *Сергѣя Шипова*. Спб. 1859.

Брошюрка г. Шипова написана подъ вліяніемъ первыхъ извѣстій о распространеніи трезвости. Считаемъ нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ, въ дополненіе къ статьѣ о томъ же предметѣ, помѣщенной въ нынѣшней же книжкѣ «Современника». Мы придаемъ дѣлу трезвости большое значеніе, потому что здѣсь выказалась въ русскомъ народѣ гораздо бо̀льшая твердость духа и гораздо меньшая степень приверженности къ сивухѣ, чѣмъ обыкновенно предполагали. Но мы вовсе не видѣли здѣсь идиллической картины, которую, по мнѣнію нѣкоторыхъ, намѣрены были представить нашимъ взорамъ крестьяне, долженствовавшіе прогнать вино съ лица земли навѣки, по внутреннему убѣжденію въ его вредѣ для чистоты нравовъ. Расходясь нѣсколько въ точкѣ зрѣнія съ нашимъ знаменитымъ экономистомъ г. Вернадскимъ, мы смотрѣли на распространеніе трезвости, какъ на явленіе, имѣющее чисто экономическій характеръ, а отнюдь не сантиментально-романтическій. Поэтому мы не возмущались даже тѣмъ, что мужики штрафуютъ и наказываютъ тѣхъ, кто нарушаетъ обѣтъ,—противъ чего, какъ извѣстно. г. Вернадскій протестовалъ, дорожа не отказомъ мужиковъ отъ водки, а «*нравственнымъ побужденіемъ къ самоусовершенствованію*», руководившимъ, будто бы, крестьянъ въ этомъ случаѣ. Столь моральная экономія привела г. Вернадскаго къ убѣжденію, что дѣло трезвости будетъ унижено, ежели оно будетъ поддерживаться не внутреннимъ, глубокимъ сознаніемъ, а какимъ-нибудь внѣшнимъ вмѣшательствомъ. Вслѣдствіе того «Экономическій Указатель» (№ 22) премудро объявилъ, что «трезвость очень похвальна, и ей препятствовать не слѣдуетъ, но въ то же время—личность человѣка священна, и потому дѣлать какія-нибудь обязательныя постановленія относительно трезвости—безнравственно». Оставалось только прибавить воззваніе: «о вы, благородные послѣдователи теоріи laissez faire! Устройте такъ, чтобы трезвость распространялась *сама собою*, и соедините

ваши благонамѣренныя усилія для того, чтобы не было на этотъ счетъ никакихъ обязательныхъ мірскихъ приговоровъ, стѣсняющихъ и насилующихъ свободную волю человѣка!» И благородные послѣдователи почтеннаго экономиста принялись бы съ усердіемъ за дѣло, и если бы, благодаря ихъ усиліямъ, ни одного общества трезвости не образовалось, они бы прославили свои подвиги на пользу народной нравственности: имъ вѣдь «дорогъ не самый актъ отказа отъ вина», а главное, нравственность, нравственность чтобы была сохранена!..

Факты уже опровергли отчасти морально-идиллическія мечты и опасенія экономистовъ. Народъ, вынудивши у откупа уступку, снова сталъ пить, находя, что водка собственно—ничего, бѣда еще не очень большая, а настоящая бѣда въ томъ, когда она плоха и дорога, когда для того, чтобъ душу отвести, надо цѣловальнику армякъ и шапку, и топоръ, и телѣгу заложить, да когда водка такова, что отъ нея одурь беретъ, какъ отъ отравы какой... Вотъ чего не могъ вынесть народъ, вотъ для чего онъ отказался отъ водки. По послѣднимъ извѣстіямъ, откупщики принуждены были во многихъ мѣстахъ спустить цѣну водки до трехъ рублей. Первый примѣръ поданъ былъ, если не ошибаемся, пермскимъ откупомъ, и только-что цѣну спустили,—черезъ мѣсяцъ же оказалось, что потребленіе вина удвоилось. Не ясно-ли: съ уничтоженіемъ причины уничтожается слѣдствіе...

Явленіе это должно особенно непріятно поразить людей, занятыхъ исключительно моральной стороной дѣла. Къ числу такихъ людей принадлежитъ и г. Шиповъ, увѣряющій, что не только пьянство, но просто рюмка водки—ужасно безнравственна и вмѣстѣ съ тѣмъ гибельна для здоровья. Но мы думаемъ, что онъ вдается въ большую крайность, не разобравши хорошенько положенія дѣла. Мы не станемъ съ нимъ спорить объ отвлеченной нравственности и гигіенѣ; но обратимъ вниманіе на его мнѣніе по отношенію къ русскому мужику. Онъ приписываетъ водкѣ всѣ бѣдствія русской жизни, и особенно—бѣдность мужиковъ. Но не разъ уже приводимъ былъ у насъ афоризмъ Либиха, на котораго ссылается и самъ г. Шиповъ,—что «вообще не бѣдность есть слѣдствіе пьянства, а пьянство—слѣдствіе бѣдности». Еслибъ г. Шиповъ припомнилъ этотъ афоризмъ, онъ бы, конечно, совершенно иначе написалъ тѣ страницы, въ которыхъ доказываетъ, что русскому мужику вовсе не нужна водка. Онъ говоритъ, напримѣръ, что, по суровости нашего климата, мужику, часто бывающему на холодѣ, нужно согрѣться, но для этого есть много средствъ, кромѣ водки: обильная пища всякаго рода, въ особенности жирная, богатая углеродомъ, баня и пр. Справедливо; но въ томъ-то и дѣло, что у мужика нѣтъ «обильной пищи, особенно жирной, богатой углеродомъ». Да и не одно это—теплая одежда, хорошее помѣщеніе, достаточный и своевременный сонъ—тоже могли бы сдѣлать ненужнымъ согрѣваніе водкой... Но гдѣ же взять этихъ благъ бѣдняку, на которомъ лежитъ столько различныхъ обязанностей и повинностей, и котораго трудъ такъ дешевъ, что никакъ не можетъ обезпечить ему безбѣднаго и ровнаго существованія? Говорятъ: «находитъ же онъ деньги на водку; лучше бы ихъ употребить на улучшеніе своего быта». Да вѣдь это хорошо со стороны разсуждать человѣку, у котораго весь годовой бюджетъ такъ прекрасно распредѣленъ, который имѣетъ въ виду постоянное и свободное полученіе достаточнаго количества денегъ, и у котораго, вслѣдствіе того, все можетъ катиться, какъ по маслу. Бѣднякъ-крестьянинъ не можетъ такъ ровно устроить свою жизнь. Даже если онъ и зажиточенъ, и тутъ его можетъ каждую минуту сломить самая пустая случайность. Не говоря о неурожаѣ, скотскомъ падежѣ и тому подобныхъ случайностяхъ хозяйства,—его положеніе можетъ разстроить немилость старосты, гнѣвъ барина, наѣздъ становаго, какое-нибудь мертвое тѣло, оказавшееся близъ его огорода, проѣздъ его по лѣсу во время тайной порубки, совершавшейся тамъ неизвѣстными людьми... Эти нравственныя причины, препятствуя ровному теченію жизни, постоянно и производятъ то безразсчетное, разгульное расположеніе, въ которомъ человѣкъ говоритъ: «ну ихъ всѣхъ!.. Хоть день, да мой, а тамъ, что будетъ, то будетъ!..» А что же ужъ говорить о томъ, когда нравственная тяжесть

гнететъ человѣка, обремененнаго еще и физическою нуждою! Тутъ почти нѣтъ другого выхода, какъ затопить свою тоску въ винѣ... Объ этомъ-то и не хотятъ разсудить люди, приписывающіе пьянству—и бѣдность, и развратъ, и даже хворость значительной части нашего населенія изъ низшаго класса. Безъ сомнѣнія, пьянство и ведетъ къ преступленіямъ, и разслабляетъ, и разоряетъ человѣка; но напрасно г. Шиповъ полагаетъ, что стоитъ только прекратить пьянство, и—бѣдности, болѣзней и преступленій не будетъ. Напрасно онъ воображаетъ, что злу можно помочь тѣми средствами, какія онъ предлагаетъ: «продажею водки только въ городахъ, и то не во многихъ мѣстахъ, по высокой цѣнѣ, и даже наконецъ въ однѣхъ аптекахъ.—и постановленіемъ строгихъ законовъ противъ пьянства, такъ чтобы наказывалась всякая нетрезвость, какъ гнусный порокъ, обществу вредный, хотя бы притомъ и не было совершено никакого другого проступка». Все это можетъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, если и всѣ другія условія быта низшихъ классовъ будутъ измѣнены въ пользу ихъ матеріальнаго благосостоянія. Пьянство есть *одна изъ причинъ* зла, и притомъ изъ причинъ *ближайшихъ*... Поэтому, если мы даже предположимъ, что въ одинъ прекрасный день исполнилась мечта г. Халютина (см. № VII «Современника»), т.-е. хлѣбное вино исчезло изъ вселенной, а все прочее осталось по прежнему, — и тогда не водворился бы на землѣ рай, котораго онъ ожидаетъ. До тѣхъ поръ, пока будетъ въ обществѣ продолжаться отсутствіе гражданскихъ гарантій, успокоивающихъ человѣка нравственно, и недостатокъ матеріальнаго благосостоянія въ массахъ, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться и потребность подвеселить и одурить себя, не тѣмъ, такъ другимъ. Можетъ измѣниться форма проявленія этой потребности, самый матеріалъ для ея удовлетворенія можетъ явиться совсѣмъ другой;— но много-ли же въ этомъ отраднаго?..

Г. Шиповъ возстаетъ противъ мнѣнія, будто образованіе, смягчая нравы, само собою уничтожитъ и пьянство. Разумѣется, это мнѣніе нелѣпо, если опять образованіе разсматривать отдѣльно отъ всего другого. Но едва-ли это будетъ справедливо: образованіе (только, разумѣется, не самодурное, а настоящее образованіе) имѣетъ ту силу, что заставляетъ человѣка оглянуться вокругъ себя и опредѣлить свои отношенія ко всему окружающему, а опредѣливши эти отношенія, каковы они есть и каковы должны быть, онъ начнетъ добиваться приведенія ихъ въ нормальный видъ. И если эта нормальность, вслѣдствіе общаго распространенія образованія, утвердится въ цѣломъ обществѣ, тогда между всѣми и довольство распространится. А живя въ довольствѣ и съ хорошими людьми, въ совершенно нормальныхъ, братскихъ отношеніяхъ къ нимъ, человѣкъ, разумѣется, и не подумаетъ пьянствовать!..

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПАССАЖЪ

ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Ахъ, какой пассажъ!
(«Ревизоръ»).

13-е декабря 1859 года запишется неизгладимыми чертами въ исторіи русской словесности. Этотъ день доказалъ неоспоримо, что правила языка и слога дѣйствительно занимаютъ во всѣхъ нашихъ общественныхъ вопросахъ первое и важнѣйшее мѣсто. На языкъ, слогъ и даже шрифтъ устремляется всеобщее вниманіе; они дѣлаются предметомъ гласныхъ обсужденій, на которыя стекаются многія сотни образованныхъ людей, цвѣтъ нашего общества. О, какое великое дѣло языкъ, слогъ и шрифтъ!.. Мы убѣдились въ этомъ, сидя въ залѣ Пассажа, 13-го декабря сего года!..

Читателямъ нашимъ, конечно, извѣстно изъ газетъ, что 13-го декабря происходилъ въ залѣ Пассажа литературный турниръ между гг. Перозіо и Смирновымъ. Но, можетъ быть, не всѣмъ извѣстна сущность и цѣль турнира...

„Помилуйте! За кого же вы насъ принимаете, — восклицаютъ читатели (не бывшіе въ знаменитомъ засѣданіи). — Развѣ мы ничего не читаемъ, развѣ не интересуемся общественными вопросами, или не умѣемъ понимать того, что читаемъ?.. Развѣ не ясно высказана была цѣль устнаго состязанія въ вызовѣ г. Перозіо, въ 261 нумерѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“? Г. Перозіо обличалъ Общество Русскаго Пароходства и Торговли, а г. Смирновъ защищалъ его; оба вооружались цыфрами и фактами и оба объявляли, что цыфры и факты противника произвольны. Тогда г. Перозіо и сказалъ: „этакъ мы будемъ, пожалуй, спорить до безконечности, и все-таки не объяснимъ публикѣ настоящаго положенія дѣла. Но еще масса публики, положимъ, не такъ сильно заинтересована нашимъ споромъ, чтобы добиваться во что бы то ни стало — узнать, кто правъ, кто

виноватъ. Есть еще довольно обширный кругъ людей, интересующихся спеціально тѣмъ дѣломъ, о которомъ мы разсуждаемъ; это — акціонеры Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Мы съ разныхъ сторонъ приступаемъ къ нимъ, и я говорю: ваше дѣло идетъ плохо, а г. Смирновъ говоритъ: напротивъ, оно идетъ отлично... Оба мы подтверждаемъ свои увѣренія фактами и цыфрами; но этой письменной полемики очень недостаточно для полнаго уясненія дѣла, и акціонеры, не имѣющіе подъ руками всѣхъ данныхъ, какія можемъ имѣть мы, продолжаютъ оставаться въ недоумѣніи, чему вѣрить. Чтобы окончательно разъяснить дѣло, чтобы разсѣять это недоумѣніе, чтобы рѣшительно убѣдиться и убѣдить другихъ, каково же, наконецъ, положеніе дѣлъ Общества Пароходства и Торговли,— намъ лучше всего сойтись и объясниться словесно, въ присутствіи посредниковъ и публики. Тогда въ нѣсколько часовъ мы выскажемъ гораздо больше, нежели могли бы написать, споря другъ съ другомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ,—и дѣло объяснится. Я готовъ публично доказывать свое положеніе, что дѣло нехорошо, г. Смирновъ пусть доказываетъ, что оно хорошо"... Вотъ что говорилъ г. Перозіо,—прибавляютъ читатели:— неужели же послѣ этого еще вы полагаете, что у насъ не достанетъ здраваго смысла сдѣлать выводъ: *цѣль состязанія г. Смирнова съ г. Перозіо заключалась въ томъ, чтобы раскрыть настоящее положеніе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли*".

О наивность! О Аркадія! восклицаемъ мы... Да съ чего же вы это взяли, почтенные читатели? На какомъ основаніи вообразили вы, что тутъ рѣчь идетъ о дѣлахъ? Съ какой стати примѣшали вы тутъ какое-то Общество Русскаго Пароходства и Торговли?... Вы ужасно ошиблись, понявши дѣло въ такомъ видѣ. Вы сами сочинили слова, приписанныя вами г. Перозіо...

„Однако же, позвольте,—прерываютъ читатели.— Вотъ вамъ подлинныя слова г. Перозіо изъ 261 нумера „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Прочитайте.

«*Тутъ дѣло еще не въ массѣ читателей*; мы споримъ въ виду читателей, такъ сказать, *спеціальныхъ*, подъ которыми я понимаю акціонеровъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Людямъ этимъ, положившимъ свои капиталы въ предпріятіе и ожидающимъ отъ него великихъ и богатыхъ милостей, *мы доказываемъ: я—что дѣла Общества въ плохомъ положеніи и что г. директоръ-распорядитель сообщаетъ публикѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ ихъ; вы—что все это идетъ прекрасно и что я безсовѣстно лгу*. У насъ обоихъ въ рукахъ цыфры, мы обвиняемъ, повидимому, не голословно. Итакъ, *гг. акціонеры общества должны стоять между страхомъ и надеждою; такъ не лучше-ли разомъ—или уничтожить этотъ страхъ, или разсѣять надежды?* Перепискою или печатною полемикою мы никогда *не уяснимъ, какъ слѣдуетъ, дѣла*, да и, согласитесь,—надоѣдимъ читателямъ и собьемъ окончательно съ толку акціонеровъ, чего, — не знаю, какъ вы, г. Смирновъ,—а я рѣшительно не желаю. По-моему, *вопросъ объ обвиненіи кого-*

нибудь въ недобросовѣстности или неправильности дѣйствій, и т. п.,—вопросъ юридическій; такъ почему бы намъ не примѣнить здѣсь систему гласнаго судопроизводства, котораго всѣ мы такъ добиваемся?»

„Вотъ слова г. Перозіо,—продолжаютъ читатели, не бывшіе въ засѣданіи:—какъ же можно понимать ихъ, какъ не въ томъ смыслѣ, который мы въ нихъ нашли? Обратите на нихъ вниманіе, разберите ихъ: ясно, что г. Перозіо желаетъ раскрыть дѣло, объяснить, подтвердить и дополнить свои показанія, разрѣшить сомнѣнія, которыя могли быть возбуждены его статьями, и проч. Устное объясненіе предположено имъ, какъ продолженіе полемики о дѣлахъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли, взамѣнъ тѣхъ новыхъ статей, которыя могъ бы онъ, равно какъ и г. Смирновъ, писать до безконечности по этому предмету“...

Нѣкоторымъ можетъ показаться справедливымъ выводъ провинціальныхъ читателей. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно имѣетъ нѣкоторую основательность съ точки зрѣнія дѣловыхъ людей. Но мы, въ качествѣ чистыхъ литераторовъ, никакъ не можемъ признать въ немъ ни капли основательности... Мы не знаемъ, какъ доказать свое мнѣніе; но, подражая г. Серно-Соловьевичу, не унываемъ и кричимъ очень громко: „дѣло въ томъ, господа читатели, что въ статьѣ г. Перозіо нѣтъ именно тѣхъ словъ, какія вы говорите. *О дополненіи* показаній, о представленіи защиты *дѣла*—тамъ не сказано, а сказано только: „я готовъ доказать всю истину показаній, *дѣланныхъ мною до сихъ поръ*“... Мы должны придерживаться буквы того, что написано... А тѣ заключенія, которыя вами, читатели, представлены,—вы *сами вывели*. Вѣрно-ли вы ихъ вывели,—это другой вопросъ, который сюда не входитъ; а главное, то, что въ статьѣ г. Перозіо нѣтъ тѣхъ словъ, которыя вы говорите... Слѣдовательно, вы неправы“...

Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ читателей, мы чувствуемъ, что у насъ на душѣ стало легче. Мы проникаемся великодушіемъ и говоримъ (опять подражая г. Серно-Соловьевичу): несмотря на то, что мы васъ совершенно разбили, читатели,—вы признаетесь правыми. Дѣйствительно, первоначально въ статьѣ г. Перозіо могъ быть тотъ смыслъ (и даже, по правдѣ говоря, не могъ не быть), что устное объясненіе назначается для удобнѣйшаго раскрытія положенія дѣлъ Общества Пароходства и Торговли. Но, видите-ли, въ чемъ дѣло, аркадскіе наши читатели. Нужны были посредники для состязанія; г. Смирновъ пригласилъ В. М. Жемчужникова, Н. А. Серно-Соловьевича и В. И. Шульца; г. Перозіо пригласилъ—В. А. Полетику, Г. З. Зубинскаго и П. В. Соловцова. Президентомъ засѣданія, или суперъ-арбитромъ, какъ сказано въ программѣ, приглашенъ быть Е. И. Ламанскій. При самомъ объявленіи о выборѣ по-

средниковъ, г. Смирновъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, перенесъ споръ въ сферу, болѣе возвышенную и болѣе достойную ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, принявшихъ участіе въ дѣлѣ. Г. Смирновъ объявилъ, что собственно спорить не о чемъ, *предметъ безспорный*, но что онъ желаетъ *сдѣлать г. Перозіо публичный экзаменъ въ первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики*. Для этого онъ обѣщалъ вооружиться: Отчетомъ общества, статьею г. Новосельскаго *и Ариѳметикой Меморскаго* [1]). Отчетъ и статья, очевидно, нужны были за тѣмъ, чтобы было откуда брать задачи для г. Перозіо; Ариѳметика же Меморскаго... для того, вѣроятно, чтобы г. Смирнову справляться въ ней, если что позабудетъ... Иначе ее не зачѣмъ было бы и брать: вѣдь ученикамъ на экзаменѣ не позволяется въ книжку заглядывать... Впрочемъ, это мы мимоходомъ только замѣтили; г. Смирновъ объявилъ себя экзаменаторомъ, — такъ, разумѣется, ему и книги въ руки... Но главное для насъ—слѣдующія соображенія, которыя сейчасъ же и докажутъ ошибку читателей, предполагающихъ, что въ Пассажѣ 13 декабря собирались толковать о дѣлѣ.

Всякій согласится, что учебникъ Меморскаго имѣетъ весьма слабое отношеніе къ дѣятельности Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Что онъ за документъ? Какія въ немъ данныя о дѣлахъ Общества? Ясно, что уже въ самомъ „Отвѣтѣ на вызовъ" г. Смирнова указывается другая цѣль состязанія,—не матеріальная, не меркантильная, а высшая, ученая. Вопросъ перенесенъ въ сферу первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики; что же касается до дѣла, то о немъ и говорить не стоитъ, по мнѣнію г. Смирнова. Онъ находитъ *страннымъ*, что г. Перозіо хочетъ еще какихъ-то устныхъ разсужденій, и *приглашаетъ всѣхъ желающихъ быть свидѣтелями публичнаго экзамена* г. Перозіо, но никакъ *не разсужденій о дѣлахъ*.

Могутъ сказать, что вѣдь вольно же было г. Смирнову понять дѣло такимъ образомъ. Могутъ замѣтить, что такой оборотъ дѣла даже не дѣлаетъ особенной чести г. Смирнову, потому что доказываетъ его несостоятельность въ вопросѣ о дѣлѣ, которое взялся онъ разбирать. Если бы онъ зналъ дѣло, скажутъ наивные читатели, то долженъ былъ бы ухватиться за случай разъяснить его. Въ вызовѣ г. Перозіо была, конечно, фраза и о томъ, что онъ будетъ доказывать свои *прежнія* положенія; но весь смыслъ вызова говорилъ въ пользу преній о положеніи дѣлъ Общества. И ежели г. Смирновъ весь этотъ смыслъ оставилъ въ сторонѣ, а придрался лишь къ одной фразѣ въ вызовѣ г. Перозіо, то онъ доказалъ этимъ, что не пошелъ далѣе Ариѳметики Меморскаго. Но, въ такомъ случаѣ, ему вовсе

[1]) Плохая ариѳметика, болѣе притупляющая, нежели развивающая сообразительность учениковъ; но г. Смирновъ упомянулъ именно о ней, — можетъ быть потому, что самъ по ней учился.

не слѣдовало браться за указаніе невѣрностей въ статьяхъ г. Перозіо, или взяться, но тутъ же и объявить, что самаго дѣла онъ, г. Смирновъ, не понимаетъ и не можетъ сказать, правъ-ли г. Перозіо въ сущности, а только хлопочетъ о возстановленіи попранныхъ правъ ариѳметики, въ качествѣ школьнаго учителя. Тогда г. Перозіо, конечно, не сталъ бы и вызывать его на споръ, потому что смѣшно же прибѣгать къ гласному судопроизводству и рѣшать по большинству голосовъ, что, напр., 35—5=30...

Все это можетъ быть и правда. Но дѣло въ томъ, что не одинъ г. Смирновъ, а и самъ г. Перозіо склонился потомъ на то, чтобъ предметомъ *преній* сдѣлать ариѳметику. Если бы онъ хотѣлъ дѣйствительно разсуждать о дѣлахъ, то онъ, конечно, на приведенный выше отвѣтъ г. Смирнова долженъ былъ бы возразить такъ: „я вамъ предлагаю объяснить и доказать публично мои показанія, во избѣжаніе дальнѣйшей полемики; а вы, въ отвѣтъ на это, бросаете мнѣ въ лицо пошлыя и оскорбительныя остроты, —или умышленно, или по недостатку сообразительности не понимая, чего я хочу. Честь имѣю вамъ объявить, что экзаменоваться у васъ изъ первой части ариѳметики я считаю совершенно ненужнымъ, а приглашать на это публику—унизительнымъ, не столько для меня, сколько для васъ и для нея. Отвѣтъ вашъ я принимаю за *уклоненіе* отъ серьезнаго, публичнаго разсужденія, и вслѣдствіе того имѣю право взять назадъ свой вызовъ, до тѣхъ поръ, пока вы не выкажете большей вѣжливости и благоразумія. Что же касается до вашихъ оскорбительныхъ фразъ, относящихся лично ко мнѣ, то о нихъ мы съ вами можемъ объясниться и безъ публики“.

Такъ, безъ сомнѣнія, отвѣтилъ бы г. Перозіо, если бы онъ имѣлъ намѣреніе разсуждать о дѣлахъ; по крайней мѣрѣ, всякій согласится, что именно такой отвѣтъ предписывается человѣку въ подобныхъ случаяхъ всѣми правилами чести и благоразумія. Но г. Перозіо весьма скромно напечаталъ, въ № 267 „Спб. Вѣдомостей“,—что онъ „*съ должною благодарностью* принимаетъ согласіе г. Смирнова выступить на публичный споръ съ нимъ *для окончательнаго рѣшенія вопросовъ, изложенныхъ въ протестѣ его противъ статьи г. Новосельскаго*“. Здѣсь еще есть упоминаніе объ окончательномъ рѣшеніи *вопросовъ*; но изъ самаго согласія г. Перозіо видно, что онъ и самъ уже начинаетъ смотрѣть на вопросъ не съ дѣловой, а съ *литературной точки*.

Вслѣдъ затѣмъ дѣло повертывается уже рѣшительно въ пользу словесности. Да и нельзя иначе: въ числѣ посредниковъ находился г. Серно-Соловьевичъ, изъ устъ котораго (какъ мы уже замѣчали недавно) такъ и вырѣзывается краснорѣчивый карамзинскій стиль... Сей юный литературный дѣятель не могъ оставаться и не остался,—какъ видѣли мы въ засѣданіи, —равнодушнымъ къ вопросамъ стиля и даже шрифта. И его рев-

ности благопріятствовала вся программа состязанія. Цѣлью ея была постановлена — *„повѣрка г. Смирновымъ фактовъ, цыфръ и выводовъ г. Перозіо въ статьѣ* „Протестъ противъ статьи г. Новосельскаго". Изъ этого ясно, что не только самъ г. Перозіо, но и его посредники согласились смотрѣть на состязаніе какъ на чисто-ученый и литературный споръ. Даже больше,—они согласились смотрѣть на все дѣло, какъ на урокъ изъ ариѳметики, данный г. Перозіо самимъ его посредникамъ и всей публикѣ. Иначе—зачѣмъ тутъ замѣшалось бы личное присутствіе г. Перозіо, зачѣмъ даже посредники. Статья г. Перозіо напечатана; г. Смирновъ возразилъ на нее тоже печатно. Дѣло все въ цыфрахъ и положительныхъ данныхъ, да и не въ измѣненіи ихъ, а въ *простой ариѳметической повѣркѣ*... На что же тутъ нуженъ г. Перозіо? Просто бы пригласить какъ можно больше народу, да и прочесть имъ лекцію о недобросовѣстности г. Перозіо и о слабости познаній его въ ариѳметикѣ. Да, пожалуй, и этого не нужно было, потому что на устное совѣщаніе нельзя же пригласить столько народу, сколько найдется читателей для статей, напечатанныхъ противъ г. Перозіо... Очевидно, что присутствіе г. Перозіо нужно было только въ двухъ случаяхъ: или—ежели онъ и его посредники могли въ подкрѣпленіе своихъ прежнихъ показаній представлять новыя объясненія, данныя и соображенія,—но этого не было; или же въ томъ случаѣ, если ему слѣдовало прочесть наставленіе относительно занятій ариѳметикою, — это и было, какъ положительно заявлено и въ „Отвѣтѣ" г. Смирнова, и въ самомъ началѣ „Условій" состязанія.

Такимъ образомъ мы, на основаніи печатныхъ документовъ, можемъ уже положительно заявить нашимъ читателямъ, что они жестоко ошибаются, если считаютъ цѣлью собранія 13-го декабря — раскрытіе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли... Нѣтъ, по мнѣнію г. Смирнова, отвергшаго вызовъ г. Перозіо говорить о дѣлахъ — столь низкая, матеріальная цѣль была бы, конечно, недостойною перваго опыта устнаго судопроизводства у насъ! Тутъ была цѣль высшая, такъ сказать, невещественная: сужденіе о литературномъ и ученомъ (т. е. ариѳметическомъ) достоинствѣ статей г. Перозіо. Въ этомъ послѣднемъ мы убѣдились, присутствуя при состязаніи, и потому поспѣшимъ разсказать о немъ [1]).

До 600 человѣкъ наполнили залу Пассажа въ полдень 13-го числа. Умилительно было видѣть это всеобщее сочувствіе къ литературѣ, возбужденное въ массахъ столичнаго населенія... „Боже мой,—думали мы,— давно-ли было то время, когда не интересовались тѣмъ, что пишутъ о

[1]) Въ нашей замѣткѣ нѣтъ никакихъ цыфръ и изслѣдованій о сущности спора гг. Перозіо и Смирнова; мы говоримъ лишь объ общемъ характерѣ турнира. Что же касается до цыфръ, то объ этомъ мы, можетъ быть, представимъ особую статью.

Гоголѣ, когда не знали имени Бѣлинскаго! А теперь—какая перемѣна!.. Что за литературные дѣятели гг. Перозіо и Смирновъ? Одинъ нашелъ нѣсколько недомолвокъ и недоразумѣній въ отчетѣ акціонерной компаніи; другой написалъ о немъ, что, ловя чужія ошибки, онъ и самъ надѣлалъ ариѳметическихъ промаховъ..» И вотъ, всѣ ихъ права на знаменитость... А между тѣмъ, зала полна! Всѣ хотятъ слышать рѣшеніе, кто изъ двухъ противниковъ болѣе отличается точностью слога, кто глубже проникъ въ тайны первыхъ началъ ариѳметики,—г. Смирновъ или г. Перозіо... Краснорѣчивые и остроумные литераторы приглашены къ посредничеству; знаменитый русскій ученый предсѣдательствуетъ при этомъ литературномъ спорѣ... Умилительное зрѣлище!“...

Но вотъ суперъ-арбитръ произноситъ торжественную рѣчь, въ которой старается внушить публикѣ надлежащее благоговѣніе къ предстоящему зрѣлищу. Онъ упрашиваетъ ее сохранять строгое молчаніе, дабы выраженіемъ одобренія или неудовольствія не вліять на рѣшеніе посредниковъ относительно того, кто изъ спорящихъ вѣрнѣе складываетъ. Онъ говоритъ, что самымъ своимъ безмолвіемъ публика будетъ импонировать на ихъ добросовѣстность въ разрѣшеніи, по большинству голосовъ, вопросовъ о томъ, что больше — 30 или 20, или о томъ, дѣйствительно-ли выйдетъ 30, если 286 вычесть изъ 316, и т. д. Затѣмъ начинаются пренія.

Г. Смирновъ излагаетъ свои обвиненія. Потомъ, по вопросу суперъ-арбитра, г. Перозіо представляетъ свои положенія по первому пункту (а всѣхъ ихъ—13), г. Смирновъ возражаетъ; послѣ того посредники начинаютъ разсуждать. Со стороны г. Смирнова преимущественно дѣйствуетъ г. Серно-Соловьевичъ; со стороны г. Перозіо—г. Полетика. Споръ ведется очень литературно со стороны г. Серно-Соловьевича. Доказательствомъ служитъ уже то, что вопросъ о правильности сложенія цыфръ 20 + 10 + 5, и вывода изъ нихъ—35, поддерживался имъ почти три четверти часа!.. Можете себѣ представить, какъ широко было его краснорѣчіе и какъ велико адвокатское искусство!.. Но, къ сожалѣнію, г. Полетика съ перваго же раза обнаруживаетъ удивительное равнодушіе къ литературнымъ интересамъ и стараніе свести рѣчь на сущность дѣла. Ему, конечно, указываютъ на программу, которую онъ же самъ подписалъ и въ которой говорится, что сужденіе должно идти вовсе *не о дѣлѣ, а о достоинствѣ статьи* г. Перозіо. По первому пункту (о числѣ пароходовъ), г. Перозіо признается неправымъ, потому что въ статьѣ его, дѣйствительно, оказывается обвиненіе въ утайкѣ цыфръ, которыя не были утаены.

Затѣмъ идетъ второй пунктъ—о распредѣленіи пароходовъ на рѣч-

ные и морскіе. Тутъ пошла рѣчь объ основаніяхъ распредѣленія; но оказалось, что этотъ вопросъ выходитъ изъ предѣловъ програмы, ибо касается техническихъ соображеній, которыхъ рѣшено не касаться. Рѣшеніе это сдѣлано, какъ напечатано въ „Условіяхъ", *посредниками г-на Перозіо,* и между прочими—г-мъ Полетикою. Посредники же г. Смирнова сами предлагали—разсуждать и о техническихъ вопросахъ. Хотя они вопросовъ этихъ и не понимали, какъ неоднократно признавались въ засѣданіи,—но что до этого! На ихъ сторонѣ было всесокрушающее краснорѣчіе г. Серно-Соловьевича. Если онъ о 30 и 20 ораторствовалъ болѣе получаса, то чего бы не наговорилъ онъ, если бы дѣло коснулось вопросовъ техническихъ!.. Но какъ бы то ни было, — второй пунктъ остался въ сторонѣ. Тутъ чей-то невѣжливый голосъ раздался сверху: „такъ ужъ лучше бы и все оставить въ сторонѣ". Но публика встрѣтила этотъ голосъ шиканьемъ, и тишина немедленно возстановилась.

Приступили къ третьему пункту. Но тутъ уже началось совершенное торжество ораторскаго искусства и литературныхъ воззрѣній. Въ послѣдующихъ пунктахъ многое зависѣло отъ вопроса о распредѣленіи морскихъ и рѣчныхъ пароходовъ, такъ какъ г. Перозіо дѣлаетъ выводы изъ сличенія цыфръ „Сравненія", относящихся къ однимъ морскимъ пароходамъ, съ цыфрами „Отчета", относящимися ко всѣмъ пароходамъ вообще. Если бы разсуждали о дѣлѣ, то, конечно, второй вопросъ нужно бы выяснить совершенно; но для литературнаго спора вопросъ этотъ оказался неважнымъ, и его оставили безъ рѣшенія. За то и вышелъ весьма важнымъ третій вопросъ, „о количествѣ пройденныхъ миль". Здѣсь г. Серно-Соловьевичъ въ теченіе четверти часа занималъ собраніе весьма глубокими и краснорѣчивыми разсужденіями *о шрифтѣ*, какимъ напечатано замѣчаніе г. Перозіо о миляхъ. Весьма одушевленно и съ чрезвычайною твердостью ораторствовалъ онъ *о курсивѣ* и пускался въ весьма тонкія соображенія о томъ, что хотѣлъ г. Перозіо сказать курсивомъ. Но, къ несчастью, г. Полетика не сумѣлъ оцѣнить и этихъ благородныхъ усилій на пользу ораторскаго и отчасти типографскаго искусства. Онъ возразилъ г. Соловьевичу: „да что намъ разсуждать о томъ, что хотѣлъ сказать г. Перозіо своимъ курсивомъ? Вѣдь г. Перозіо здѣсь: спросимъ его лучше". Какой странный человѣкъ этотъ г. Полетика? Оно, конечно—лучше; да для чего лучше? Для дѣла, а ужъ никакъ не для ораторскаго искусства г. Серно-Соловьевича. Впрочемъ, г-на Перозіо такъ, кажется, и не спросили, и онъ, по пункту съ курсивомъ—*оставленъ въ подозрѣніи* [1]).

[1]) Г-ну Серно-Соловьевичу представляется удобный случай разсудить: что значитъ у насъ *курсивъ* въ этомъ мѣстѣ?

Далѣе пошелъ вопросъ о топливѣ. Найдено, что г. Перозіо промахнулся здѣсь, не выведши пропорціи антрацита съ углемъ. Но, тѣмъ не менѣе, г. Полетика доказывалъ, что цыфры, приведенныя г. Новосельскимъ и критикуемыя г. Перозіо, невѣрны. Онъ, очевидно, никакъ не хотѣлъ стать на школьно-литературную точку зрѣнія, которая ясно опредѣлена была „Условіями"; подписавши, вмѣстѣ съ другими, эти „Условія", онъ въ самомъ засѣданіи, противъ всякаго ожиданія г. Смирнова и его посредниковъ, вдругъ вообразилъ себѣ, что нужно вести рѣчь о дѣлѣ, и на этомъ основаніи упорно пытался доказывать — не то, что статья г. Перозіо очень хорошо написана, а то, что сущность дѣла все-таки съ нею согласна, а не съ увѣреніями г. Смирнова. Г. Полетика дошелъ до того, что сталъ требовать отъ противной стороны *категорическаго отвѣта*: „буду-ли я правъ, если докажу вамъ, что эти цыфры Отчета невѣрны?" Разумѣется, ему не дали категорическаго отвѣта, потому что это значило бы перенести вопросъ съ ариѳметически-литературной арены на ариѳметически-дѣловую... Г. Серно-Соловьевичъ съ замѣчательнымъ ораторскимъ искусствомъ уклонился отъ *категорическаго* отвѣта. Онъ началъ немедленно какую-то длинную рѣчь, которая начиналась словами: „вы смѣшиваете"... Далѣе мы — отчасти не слыхали, потому что за этими словами раздался въ публикѣ дружный смѣхъ, а отчасти и позабыли, потому что вообще не богато одарены памятью словъ... Помнимъ только, что рѣчь г. Серно-Соловьевича была очень краснорѣчива, хотя онъ и говорилъ иногда одно слово вмѣсто другого, какъ, напримѣръ, *однородныя*, вмѣсто *разнородныя*, *милліоны* вмѣсто *тысячи*, и т. п. Но это объясняется тою поспѣшностью, съ которой г. Серно-Соловьевичъ стремился излить потоки своего краснорѣчія.

Но, при шестомъ или седьмомъ вопросѣ, самъ г. Перозіо оказался человѣкомъ, котораго мало занимаютъ интересы русской литературы и самой Ариѳметики Меморскаго. (Да и немудрено: судя по фамиліи, онъ долженъ быть изъ иностранцевъ!) Прежде отвѣта на данный ему вопросъ, онъ выразилъ свое неудовольствіе на то, что не принимаются во вниманіе никакія соображенія сверхъ тѣхъ, которыя были въ его статьѣ. „Если вы будете судить только мою статью, —(въ этомъ смыслѣ сказалъ г. Перозіо), то я здѣсь—лишній человѣкъ: вы можете это и безъ меня дѣлать. Если же вы хотите отъ меня объясненій и доказательствъ, то не оставляйте въ сторонѣ тѣхъ фактовъ, которые вамъ представляются теперь мною и моими посредниками". Но на это было замѣчено, что претензія г. Перозіо неосновательна: ему даютъ полную возможность защищаться; но то, чего нѣтъ въ его статьѣ, не должно быть принимаемо во вниманіе по смыслу самой програмы состязанія, на которую онъ согласился. И дѣйствитель-

но, — подписывая условія, г. Перозіо долженъ былъ видѣть, что тутъ предполагается вести рѣчь *объ его статьѣ*, что ему хотятъ *датъ урокъ*, сдѣлавши повѣрку его чиселъ и указавши его невѣрности... Болѣе тутъ ничего не требовалось, и г. Перозіо долженъ былъ покориться своей участи, если ужъ разъ поставилъ себя въ такое положеніе. Онъ могъ, не сочувствуя нашей словесности и нашему стилю, не выходить на споръ въ такихъ предѣлахъ; но если ужъ разъ согласился, то долженъ былъ безропотно вынести все ораторское искусство г. Серно-Соловьевича.

Гораздо въ большей степени то же самое нужно сказать и о г. Полетикѣ: онъ выказалъ не только преступную наклонность говорить *о дѣлѣ*, когда его противники вели рѣчь *о литературныхъ пріемахъ* г. Перозіо, но и недостатокъ сочувствія къ установленной формѣ. По формѣ „Условій“ гг. Перозіо и Смирновъ „не имѣютъ права рѣчи болѣе одного раза послѣ каждаго вопроса программы“. Между тѣмъ, въ одномъ вопросѣ, послѣ рѣчи г. Перозіо, возбудились какія-то новыя недоумѣнія; г. Полетика сказалъ, что онъ этого не можетъ хорошо объяснить, но что г. Перозіо проситъ дозволенія самъ сказать еще нѣсколько словъ въ свою защиту. Посредники противной стороны, какъ видно, привыкшіе все дѣлать по чину и по формѣ, отказали г. Перозіо въ этомъ дозволеніи... И они были совершенно въ правѣ, разумѣется: когда ужъ разъ что написано, то какъ же можно это отмѣнять, хотя бы и по взаимному соглашенію! У насъ, говорятъ, бывали случаи, что и мировыя сдѣлки не разрѣшались, по несоблюденію нѣкоторыхъ формальностей. Да оно такъ и слѣдуетъ... А то что жъ за порядокъ будетъ?..

Но г. Перозіо, очевидно, позабылъ, что вышелъ предъ публикою въ качествѣ экзаменуемаго школьника, и потому все не угомонился: при слѣдующемъ отвѣтѣ онъ опять заявилъ свое неудовольствіе, прибавивъ, что онъ, по невозможности защищаться, готовъ сейчасъ же признать себя виноватымъ, только чтобъ ему дали защитить его послѣдній пунктъ. Но на это не согласились противники, и сужденіе продолжалось, впрочемъ — увы!—ненадолго... Одна изъ репликъ г. Полетики вызвала громкія рукоплесканія и крики: браво! Тогда г. Полетика, обратившись къ противникамъ, сослался на одобреніе публики, какъ на фактъ, дающій ему право на большее вниманіе противниковъ къ его словамъ. Замѣтно, онъ былъ даже раздраженъ тѣмъ, что литературные пріемы г. Перозіо стоятъ въ обсужденіи посредниковъ на первомъ планѣ, а самое дѣло — далеко на второмъ... Вслѣдъ затѣмъ, и г. Перозіо объявилъ, что онъ признаетъ себя неправымъ и болѣе защищаться не желаетъ... Произошло нѣкоторое недоумѣніе... Но тутъ всталъ суперъ-арбитръ, г. Ламанскій, и произнесъ краткое слово о томъ, что публика, вопреки предварительнымъ условіямъ

и просьбѣ его, суперъ-арбитра, не удержалась въ должныхъ предѣлахъ и громко высказывала свое неодобреніе или одобреніе. Въ этомъ г. Ламанскій былъ, разумѣется, совершенно правъ, особенно если взять дѣло опять-таки съ ораторской точки зрѣнія. Конечно, крики: „браво!“ „нѣтъ“, „да“, рукоплесканія, смѣхъ и т. п. бываютъ во всѣхъ возможныхъ парламентахъ; слѣдовательно, вообще говоря, тутъ еще со стороны русской публики особеннаго неприличія не было... Но это только *вообще*... А надо взять дѣло въ частности: надо вспомнить, что вѣдь за то въ парламентахъ никогда и не обсуждали столь возвышенныхъ вопросовъ, какъ въ знаменитомъ засѣданіи 13-го декабря. Вопросъ объ ученыхъ достоинствахъ статей г. Перозіо и г. Смирнова требовалъ, конечно, отъ присутствующихъ гораздо большей дозы благоговѣнія, нежели всевозможныя парламентскія пренія. Другое дѣло, еслибъ рѣчь шла о низкихъ, матеріальныхъ предметахъ—о положеніи дѣлъ Общества Пароходства,—ну, тогда публикѣ могло бы быть и повольготнѣй... А, съ другой стороны, и то надо сказать: гдѣ же и ораторы такіе бываютъ, какъ у насъ? Англичанъ хвалятъ; да вѣдь у нихъ за то и предметы-то такіе, что всякій можетъ говорить. А заставьте-ка любого изъ нихъ поговорить—хоть, напр., о *курсивъ:* ни одинъ противъ нашихъ не выйдетъ... Такъ и надо это цѣнить и благоговѣйную тишину соблюдать!..

Публика поняла это, повидимому, очень хорошо. Въ глубокомъ молчаніи былъ выслушанъ многочисленнымъ собраніемъ очень тихій голосъ предсѣдателя, а вслѣдъ за тѣмъ раздались крики: „продолжать засѣданіе!..“ Г. Полетика взялъ было каску и хотѣлъ уже идти вонъ, г. Перозіо собралъ свои бумаги; но публика кричала: „назадъ! назадъ! неуваженіе!..“ Видно было, что на это время публика забыла и литературные, высшіе интересы, и матеріальную сторону дѣла; она сдѣлалась равнодушною къ обѣимъ партіямъ; ей хотѣлось одного: чтобы начатое дѣло было докончено. Въ первый разъ еще присутствовали мы всѣ при подобномъ обсужденіи дѣла, хотя и ариѳметическаго, и многіе думали, что это засѣданіе можетъ послужить началомъ для другихъ, которыя будутъ уже не столько смѣшны по своей сущности и не такъ бюрократичны по формѣ. Поэтому-то, всѣ присутствующіе съ удивительнымъ терпѣніемъ выносили, какъ предъ ними дѣлали сложеніе, вычитаніе, какъ отклоняли отъ разсужденія всѣ реальные вопросы (очень важные для людей, недоросшихъ до пониманія высшихъ ораторскихъ наслажденій), и т. п. Многіе находили даже, что какъ ни плохо *спѣлись* обѣ стороны, но все-таки изъ ихъ разсужденій дѣло отчасти выясняется, и во всякомъ случаѣ выясняется больше, нежели посредствомъ цѣлыхъ грудъ канцелярской переписки. Кого интересовало дѣло, тотъ почувствовалъ возможность узнать о немъ кое-что изъ

возраженій г. Полетики; кого занимало литературное достоинство статей г. Перозіо, тотъ убѣдился въ недостаткѣ ихъ ловкости и точности изъ положеній г. Смирнова и нѣкоторыхъ замѣчаній г. Жемчужникова; а кому любопытно было слышать звонкую ораторскую рѣчь, тотъ нашелъ полное удовлетвореніе, слушая г. Серно-Соловьевича. Итакъ, всѣ желали, чтобъ засѣданіе дошло до конца и заключилось добрымъ порядкомъ. Поэтому когда послѣ замѣчанія г. Ламанскаго всѣ умолкли, и г. Серно-Соловьевичъ началъ торжественнымъ тономъ какое-то великодушное объясненіе относительно своихъ противниковъ и громкое восхваленіе достоинствъ суперъ-арбитра, а посредники г. Перозіо, не желая дослушивать его, собрались уходить, то публика сама выразила неудовольствіе на такой безпорядокъ, кричала „назадъ!“ и требовала продолженія засѣданія. Во многихъ углахъ раздались обѣщанія, что мы теперь будемъ сидѣть смирно, пальцемъ не пошевелимъ, и пр... Среди этого смятенія вдругъ раздался звонокъ: все смолкло, и тихій голосъ суперъ-арбитра объявилъ успокоившейся публикѣ, что *засѣданіе закрыто*...

Если бы дѣло гг. Перозіо и Смирнова рѣшилось тѣмъ, что они оба правы, а виноваты всѣ присутствующіе, — это не столько бы поразило публику, какъ внезапное прекращеніе засѣданія. Началось общее смятеніе; одни отчаянно пожимали плечами, другіе какъ-то съежились и опустились...

Нѣкоторые пришли тотчасъ къ заключенію, что шутка эта еще на десять лѣтъ отдалила у насъ гласное судопроизводство! Даже г. Ламанскій, конечно, допустивши себя увлечься минутнымъ раздраженіемъ, объявилъ, будто сегодняшнее засѣданіе показываетъ, что „мы *еще не созрѣли* для этой формы судопроизводства“. Если онъ это чувствовалъ самъ,—ибо не могъ сохранить полнаго спокойствія и ровнаго присутствія духа,—то онъ въ своемъ сознаніи совершенно правъ съ своей стороны; но онъ не правъ, перенося это сознаніе на публику. Публика желала, *требовала*, даже *просила* продолженія засѣданія; гг. посредники г. Перозіо не могли уйти противъ воли предсѣдателя; онъ могъ и долженъ былъ удержать ихъ во что бы то ни стало, или, по крайней мѣрѣ, закончить дѣло спокойно и безпристрастно, не давая г. Серно-Соловьевичу разглагольствовать о достоинствахъ суперъ-арбитра и пр., и не давая г. Полетикѣ разгорячаться предъ самымъ концомъ дѣла... И если г. Полетика *прежде всѣхъ сдѣлался* виноватымъ въ нарушеніи засѣданія, то г. Ламанскій *послѣ всѣхъ остается* въ немъ виновнымъ.

Впрочемъ, собственно говоря, тутъ никто не виноватъ, кромѣ тѣхъ, которые хотѣли здѣсь видѣть что-нибудь болѣе, чѣмъ стилистическія упражненія, въ родѣ бывавшихъ въ старые годы семинарскихъ диспутовъ.

Не всякій споръ въ присутствіи большого общества можетъ быть названъ гласнымъ судопроизводствомъ, такъ же какъ не всякое обсужденіе статьи, трактующей объ акціонерной компаніи—разсужденіемъ о дѣлахъ этой компаніи. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ дѣйствительно съ большимъ ожесточеніемъ трубили о томъ, что вотъ, дескать, они затѣваютъ первый опытъ гласнаго судопроизводства въ Россіи. Но они, очевидно, и понятія-то о немъ не имѣли, и не пошли дальше названія. Они же сами не разъ повторяли въ засѣданіи, что пришли рѣшать ариѳметическія задачи... *по большинству-то голосовъ*: какое милое понятіе о назначеніи гласнаго суда! Какъ сильно выразилась тутъ русская привычка къ тому, чтобы произволъ личный становился выше непреложныхъ началъ логики и даже ариѳметики!.. Но, впрочемъ, въ засѣданіи голосовъ не собирали, и чрезъ то нарушили форму, которой такъ неуклонно старались держаться въ другихъ пунктахъ. Да и какъ было собирать голоса, когда посредники, долженствовавшіе быть *судьями* дѣла, внезапно, къ великому удивленію публики, оказались *адвокатами*. Въ самыхъ разсужденіяхъ съ начала до конца господствовала удивительная неопредѣленность и вслѣдствіе того—когда одна сторона начинала рѣчь про Ѳому, другая отвѣчала про Ерему. И ни въ посредникахъ, ни даже въ самомъ суперъ-арбитрѣ мы не нашли *полнаго* приготовленія къ прямому веденію спора; въ нѣкоторыхъ изъ посредниковъ не замѣтно было даже *вовсе никакого* приготовленія. Оттого, вмѣсто дѣльныхъ замѣчаній, которыя могли бы быть полезны для акціонеровъ, мы слышали здѣсь словоизлитія по поводу того, оговорено или не оговорено въ статьѣ такое-то замѣчаніе, какимъ шрифтомъ напечатана такая-то фраза, и т. п. На улики о томъ, что нѣтъ такой-то цыфры въ такомъ-то мѣстѣ „Отчета“, мы слышали отъ оратора-адвоката отвѣты въ родѣ того, что „можетъ быть эта цыфра прочтена гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ!!..“ Вмѣсто сравненія выводовъ и указанія реальныхъ основаній ихъ, намъ писали на доскѣ ряды слагаемыхъ и вычитаемыхъ цыфръ (заранѣе извѣстныхъ) и предъ нами же дѣлали сложеніе и вычитаніе, да и то очень вяло... Очевидно, что тутъ не было ничего даже похожаго на настоящее гласное судопроизводство, и вся эта комедія производилась просто для того, что г. Смирновъ хотѣлъ собрать какъ можно болѣе свидѣтелей того, какъ онъ подвергаетъ г. Перозіо экзамену изъ ариѳметики... А г. Перозіо до того потерялся, что счелъ для себя удобнымъ подвергнуться такому экзамену и думалъ, что ему будетъ большая честь, если онъ отличится изъ ариѳметики. Вотъ къ чему сводится весь вопросъ...

Нѣтъ, чистое дѣло можетъ быть прочно и хорошо сдѣлано только чистыми руками. Тутъ нечего ждать хорошаго, когда двигателями являются

задѣтыя самолюбія да хлопотливыя желанія отличиться. Г. Перозіо вздумалъ раскрыть положеніе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли; но онъ не сохранилъ достаточно чистоты и безпристрастія въ своихъ замѣткахъ, онъ не далъ себѣ труда вникнуть не въ однѣ цыфры отчетовъ, а въ самый ходъ дѣла, на практикѣ, — и оттого его замѣчанія не достигли цѣли, которой должны были достигнуть... Г. Перозіо потребовалъ гласнаго судопроизводства; г. Смирновъ, принимая его вызовъ, третировалъ его чрезвычайно оскорбительно и соглашался спорить совсѣмъ не о томъ, о чемъ хотѣлъ говорить г. Перозіо. Казалось бы, тутъ и конецъ, тутъ и невозможность соглашенія. Но ни оба противника, ни ихъ посредники, ни самъ суперъ-арбитръ не замѣтили, или не хотѣли замѣтить этой вопіющей нелѣпости въ самомъ началѣ дѣла. Всѣ торопились устроить дѣло, и никто, повидимому, не задалъ взаимно другъ другу простого вопроса: что же это будетъ въ самомъ дѣлѣ—*школьный экзаменъ* или *дѣловой споръ*? По крайней мѣрѣ въ засѣданіи мы видѣли, что посредники обѣихъ сторонъ совершенно противоположно понимали сущность спора... Суперъ-арбитръ старался выказать возможное безпристрастіе; но нельзя же было не замѣтить, что его взгляды—болѣе литературные, нежели дѣловые. Мудрено-ли же, что засѣданіе прекратилось при репетиловскихъ возгласахъ:

«Литературное здѣсь дѣло!
Оно, вотъ видишь, *не созрѣло...*
Нельзя же вдругъ»...

И Репетиловы важно утверждаютъ, что тутъ въ самомъ дѣлѣ главное—вопросъ литературный; но что еще для рѣшенія его не все созрѣло... Да и какъ имъ не утверждать? Самъ предсѣдатель собранія сказалъ, что *мы не созрѣли* и пр. И многіе вѣрятъ на слово недозрѣлымъ Репетиловымъ и—или приходятъ въ благородное негодованіе, или ощущаютъ тайную радость... А между тѣмъ вовсе нѣтъ: созрѣло все, и все можно вдругъ, если вдругъ и дружно приняться да опредѣлить ясно и твердо, — чего хочешь и къ чему идешь... Только одно условіе, одинъ девизъ: „меньше словъ, больше дѣла!“ Насъ вѣдь только то и губитъ теперь—

«Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла»...

Обѣщаетъ намъ кто-нибудь бѣлую корову подарить,—мы ужъ и чаю не пьемъ, въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ подадутъ намъ сливокъ отъ этой коровы. Напишетъ кто-нибудь статейку о судопроизводствѣ или объ акціонерномъ обществѣ, — мы такъ и ждемъ, что вотъ воцарится правосудіе, вотъ акціи поднимутся, и намъ въ слѣдующемъ общемъ собраніи огромный дивидендъ выдадутъ. И человѣка, написавшаго статейку, мы уже счи-

таемъ обогатившимъ и спасшимъ насъ, и ужъ безъ него не можетъ обойтись никакое серьезное начинаніе... А между тѣмъ — и въ судахъ, и въ компаніяхъ все идетъ себѣ, какъ шло... А мы все продолжаемъ вѣрить и восхищаться, — и все на слово... Вотъ отчего и пошла вѣдь теперь въ ходъ эта особеннаго сорта литература, которая рядится въ цыфры и техническіе термины и перемѣшиваетъ ихъ съ громкими фразами, а до дѣла все-таки не добирается... Мы довольствуемся этими цыфрами, терминами и фразами, и вотъ почему дѣло у насъ подвигается такъ медленно, вотъ почему всякій дѣльный разговоръ немедленно переходитъ у насъ на общія мѣста, всякое сужденіе о гласно-заявленномъ фактѣ оказывается критикою не самаго факта, а только способа его заявленія... Кто въ этомъ виноватъ? Объяснить это довольно трудно, — не потому, чтобы вещь была очень мудреная, а потому, что многіе могутъ обидѣться нашими словами, принявши ихъ на свой счетъ... Но впрочемъ — пусть ихъ принимаютъ, если имъ это нравится; мы собственно никого лично не хотимъ оскорблять, а напраслину терпѣть отъ литературныхъ собратій намъ ужъ не привыкать-стать. Итакъ, попробуемъ объяснить, въ чемъ дѣло.

Литература теперь въ модѣ. Въ каждомъ новомъ предпріятіи промышленномъ, въ каждой экспедиціи, въ каждомъ новомъ учрежденіи — литераторъ такъ же необходимъ, какъ бывалъ въ прежнія времена необходимъ генералъ со звѣздой на московской купеческой свадьбѣ. Насъ это очень радуетъ; это добрый знакъ для литературы, а слѣдовательно и для образованности. Но такое новое отношеніе къ обществу налагаетъ на литераторовъ и новыя обязанности. Прежде они могли довольствоваться фразами и дивить публику изяществомъ слога; теперь они должны понять, что отъ нихъ не этого ждутъ. Литература становится элементомъ общественнаго развитія; отъ нея требуютъ, чтобы она была не только языкомъ, но очами и ушами общественнаго организма. Въ ней должны отражаться, группироваться и представляться въ стройной совокупности всѣ явленія жизни. И именно съ жизнью, съ дѣломъ, съ фактомъ долженъ имѣть прямое отношеніе каждый, кто хочетъ выступить нынѣ въ публику въ качествѣ литератора... Къ сожалѣнію, немногіе понимаютъ это; большая часть полагаетъ, что достаточно однѣхъ внѣшнихъ формъ для того, чтобы вести дѣло литературнымъ образомъ. И вотъ, подобные-то господа, постоянно оказываясь негодными на дѣлѣ, унижаютъ собою литературу, бросаютъ на нее тѣнь подозрѣнія и дѣлаютъ то, что общій видъ литературныхъ явленій за извѣстный періодъ представляется наконецъ смѣшнымъ всякому здравомыслящему человѣку, а для человѣка злонамѣреннаго даетъ поводъ провозгласить его даже гибельнымъ и опаснымъ. Не потому у насъ все такъ плохо начинается, чтобы не было людей истинно-дѣльныхъ и живыхъ;

но потому, что большинство общества, даже литературнаго, до сихъ поръ еще бросается на громкія фразы, благоговѣетъ передъ цитатами и цыфрами, не разбирая ихъ, и постоянно ввѣряется тѣмъ, кто громче и самоувѣреннѣй говоритъ... А эти-то люди и оказываются пустыми крикунами, мертвыми формалистами, литературными чиновниками, неспособными не только прочно основать какое-нибудь дѣло, но даже начать его безъ нелѣпости... Люди же серьезные обыкновенно сидятъ въ углу и дѣлаютъ какую-нибудь незамѣтнѣйщую работу... Отчего они равнодушно смотрятъ на продѣлки разныхъ посредственностей, выдающихъ себя за передовыхъ людей, трубящихъ о своихъ подвигахъ, берущихся за все очень рьяно, но портящихъ будущность всякаго дѣла, за которое берутся, отчего эти серьезные люди сами не становятся сразу во главѣ передового движенія,—это ужъ надобно объяснять болѣзненно-развитымъ въ нихъ самолюбіемъ: они настолько самолюбивы, что не хотятъ браться за дѣло, которое можно сдѣлать только въ половину, и настолько умны, что не могутъ увѣрить себя въ возможности сейчасъ же сдѣлать его вполнѣ... Разумѣется, это не хорошо, потому что другіе и въ половину-то не дѣлаютъ, а только портятъ. Но что же дѣлать? Этого ужъ не передѣлаешь. Такимъ образомъ, въ пустячности нашего, такъ-называемаго, прогресса по всѣмъ частямъ оказываются виноваты всего болѣе тѣ же самые господа, которые всего болѣе кричатъ о немъ. Переступивши куринымъ шагомъ черезъ какую-нибудь мизерную щепочку, они немедленно провозглашаютъ, что сдѣлали великій шагъ впередъ; имъ вѣрятъ и успокоиваются, стоя на мѣстѣ и воображая, что—вѣдь ужъ много прошли... Такъ мало-по-малу и усыпляется энергія въ обществѣ, какъ постоянно лестью усыпляется талантъ, начинавшій было работать надъ самимъ собою. И покамѣстъ еще нѣтъ дѣла, — все идетъ гладко, шумно, весело: какъ дошло до дѣла — все пропадаетъ прахомъ.

Вотъ, хоть бы и въ настоящемъ случаѣ... Г. Перозіо самъ весьма торжественно вызвалъ г. Смирнова на состязаніе; а потомъ самъ же не захотѣлъ докончить его и тѣмъ—если не повредилъ дѣлу устнаго судопроизводства, то все же сдѣлалъ большую непріятность публикѣ. Г. Смирновъ, съ своей стороны, возвѣщалъ, что онъ г. Перозіо считаетъ школьникомъ, котораго надо экзаменовать изъ ариѳметики; г. Серно-Соловьевичъ (а можетъ быть и другой изъ посредниковъ,—мы хорошо не помнимъ) во всеуслышаніе сдѣлалъ нотацію г. Перозіо, что, принимаясь писать обвинительную статью, надо пріобрѣсть кое-какія спеціальныя свѣдѣнія... Очевидно, что они весь споръ считали—1) личнымъ дѣломъ своихъ самолюбій, 2) дѣломъ канцелярскимъ, а не общественнымъ... Но что же вышло? Здравый смыслъ не могъ допустить, чтобы образованную публику собрали

единственно для потѣхи г. Смирнова, желавшаго имѣть побольше свидѣтелей того, какъ онъ собьетъ г. Перозіо на ариѳметикѣ. И вотъ, несмотря на „Условія“, г. Полетика, болѣе практическій и дѣльный человѣкъ, сталъ давать новыя соображенія, представлять свои факты; противники же его, держась программы, упорно настаивали на томъ, чтобы не выходить изъ буквы статьи Перозіо. И вышло, что самое дѣло осталось въ сторонѣ, а вся эта суматоха, поднятая по городу неосторожно провозглашеннымъ названіемъ гласнаго и устнаго судопроизводства, превратилась въ комедію, въ которой дѣйствующія лица никакъ не могли понять другъ друга,—и одни хотѣли толковать *о сущности* обвиненій, другіе о литературныхъ пріемахъ г. Перозіо. Не полезнѣе-ли было бы явиться въ это собраніе людямъ, серьезно знакомымъ съ дѣломъ, и говорить о самой сущности дѣла, оставя въ сторонѣ личную раздражительность г. Смирнова, литературную неумѣлость г. Перозіо, наклонность къ краснорѣчію г. Серно-Соловьевича, и пр. Повѣрьте, что, говоря о дѣлѣ, не могли бы такъ раздражаться обѣ стороны, рѣшеніе было бы чѣмъ-нибудь существеннымъ, а свойства статей г. Перозіо выказались бы сами собою въ весьма яркомъ свѣтѣ... Теперь же, въ большинствѣ публики и послѣ засѣданія, и даже хотя бы оно окончилось нормально, — не осталось рѣшительнаго и яснаго убѣжденія относительно всѣхъ пунктовъ дѣла. И кончилось тѣмъ, что, вмѣсто устнаго и гласнаго разрѣшенія, публикѣ, при выходѣ, неизвѣстные люди тыкали въ носъ какую-то брошюру противъ г. Перозіо, изданную въ Одессѣ и потомъ перепечатанную въ Петербургѣ. Брошюрка раздавалась безплатно: чьему безкорыстію мы этимъ обязаны,—не знаемъ...

Подобнымъ образомъ содѣйствовать движенію общественныхъ вопросовъ не захотѣлъ бы ни одинъ порядочный человѣкъ, потому что это значитъ у насъ только портить ихъ будущность. И мы надѣемся, что всѣ, кому истинно дороги истинные наши успѣхи въ гражданской жизни, не примутъ на себя (несмотря на авторитетъ Е И. Ламанскаго) круговой поруки за все, происходившее въ залѣ Пассажа 13 декабря. Даже мы, чистые литераторы—готовые съ радостію вписать турниръ этого дня, и особенно краснорѣчіе г. Серно-Соловьевича, въ скрижали исторіи литературы, для прославленія нашихъ дней въ потомствѣ,—мы никогда не согласимся, чтобы по этому неудачному столкновенію личныхъ самолюбій, невѣдающихъ, что творятъ, можно было судить о степени подготовленности нашего общества къ устному и гласному судопроизводству.

НЕПОСТИЖИМАЯ СТРАННОСТЬ.

(ИЗЪ НЕАПОЛИТАНСКОЙ ИСТОРІИ).

«Ахъ, какой репримандъ неожиданный».
(«Ревизоръ»).

I.

Всѣ благомыслящіе люди въ Европѣ посвящаютъ теперь свои досуги справедливому изумленію — какъ это такъ неаполитанскій народъ порѣшилъ съ бурбонской династіей?! Не то удивительно, что возстаніе произошло: въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій возстанія ни по чемъ; всѣмъ извѣстно, что Италія, по крайней мѣрѣ со временъ Тарквинія Гордаго, всегда была страною заговоровъ, тайныхъ обществъ и тому подобныхъ ужасовъ... Надобно что-нибудь дѣлать заговорщикамъ,—вотъ они и пошаливаютъ; и тамъ ужъ всѣ къ этому привыкли, такъ точно, какъ у насъ въ старые годы ямщики были пріучены къ тому, что „пошаливали" извѣстные люди на большихъ дорогахъ. Извѣстно, что при Фердинандѣ II, напримѣръ, для знаменитаго начальника полиціи, Делькаретто, составляло немалое удовольствіе — слѣдить втихомолку за постепеннымъ развитіемъ заговоровъ, въ которыхъ принимали участіе его агенты, дождаться, пока австрійская полиція получитъ неопредѣленныя свѣдѣнія о заговорѣ и съ испугомъ увѣдомить о немъ неаполитанское правительство, — и потомъ накрыть заговорщиковъ и доказать австрійцамъ, что они въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслятъ. Всѣ подобныя шалости оканчивались обыкновенно, ко всеобщему удовольствію, домашнимъ образомъ, и законное правительство ни мало оттого не страдало. Поэтому и въ нынѣшнемъ году, когда началось возстаніе въ Сициліи, благомыслящіе люди надъ нимъ смѣялись; когда Гарибальди явился въ Палермо, надъ его дерзостью тоже подсмѣивались. Когда Сицилія была очищена отъ королевскихъ войскъ, и Гарибальди готовился перенести войну на материкъ Италіи, легитимисты по-

тирали руки, приговаривая не безъ язвительности: „милости просимъ! вотъ теперь-то мы и посмотримъ вашу храбрость, благородный кондотьери!“ Даже когда онъ появился въ Калабріи, и тутъ благоразумные люди хотѣли выразить полное пренебреженіе къ его предпріятію, но, къ сожалѣнію, не успѣли: Гарибальди такъ быстро добрался до Неаполя, что за нимъ не поспѣло даже перо Александра Дюма, безспорно величайшаго борзописца нашего времени. За то благомыслящіе граждане съ избыткомъ вознаградили себя, когда защита Капуи обѣщала обратиться во что-то серьезное: они положительно объявили, что Францискъ II только по великодушію удалился изъ Неаполя, чтобы не подвергать свою столицу ужасамъ войны, но что онъ отстоитъ свои права, и что народъ, опомнившись отъ своего безумія, повсюду уже призываетъ законное правительство. И вдругъ — всѣ надежды рушатся: на этотъ разъ возстаніе оканчивается совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно; оно принимаетъ нестерпимо серьезный характеръ, такой серьезный, что даже политика Кавура, при всей своей трусости, рѣшается открыто вмѣшаться въ дѣло... А тутъ является еще новое изобрѣтеніе — suffrage universel; 1.300.000 голосовъ противъ 10.000 опредѣляетъ присоединеніе къ Пьемонту; послѣдній изъ Бурбоновъ истощается въ послѣднихъ воззваніяхъ къ меттерниховскимъ трактатамъ и къ вѣрноподданническимъ чувствамъ своего народа; но ничто не помогаетъ: онъ теряетъ Капую и видитъ себя въ необходимости оставить свое послѣднее убѣжище, свою милую Гаэту, 12 лѣтъ тому назадъ воспріявшую въ свои стѣны святѣйшаго отца и счастливую столькими благородными воспоминаніями... „Шаривари“ и „Кладдерадачъ“ изо всѣхъ силъ издѣваются надъ проницательностью благомыслящихъ людей, и они уже ничего не находятъ лучшаго, какъ сказать, что это англичанинъ нагадилъ...

Конечно, читатели, англичанинъ — такой человѣкъ, что всюду носъ суетъ и вездѣ гадитъ по возможности; но если вы припомните единодушные отзывы всей европейской прессы о неаполитанцахъ, то согласитесь, что по всѣмъ видимостямъ это былъ такой народъ, котораго и изгадить-то не было никакого средства. Кто и какъ могъ дойти до того, чтобы развратить его до такой степени? — это вопросъ чрезвычайно курьезный. Конечно, онъ практическаго значенія, можетъ быть, и не имѣетъ, и вы скажете, что не стоитъ имъ теперь и заниматься, когда дѣло порѣшено окончательно. Но что прикажете дѣлать, если „Современникъ“ страдаетъ нѣкоторой слабостью упражняться на поприщѣ мышленія почтеннаго Кифы Мокіевича! Онъ печатаетъ стихи на взятіе Парижа, если бы оно случилось (хотя всякій знаетъ, что оно случиться не можетъ), дѣлаетъ невозможныя выкладки относительно выкупа и сельской общины, толкуетъ объ

антропологическомъ принципѣ въ философіи, и т. п. Конечно, все это непрактично и безплодно; но что же дѣлать? Надо съ этимъ примириться, хотя въ уваженіе того, что въ „Современникѣ" же печатаются иногда капитальные труды, въ родѣ, напр., „Поземельнаго кредита", г. Безобразова. Притомъ же извѣстно, что кто хочетъ практичности, дѣльности, кто желаетъ всегда быть на высотѣ самыхъ насущныхъ и настоятельныхъ требованій общественной жизни, тотъ долженъ читать „Русскій Вѣстникъ"; тамъ онъ найдетъ и прекрасныя письма г. Молинари о русскомъ обществѣ, и мысли г. Герсеванова „о жалованьи предводителямъ дворянства", и статьи объ устройствѣ черкесовъ, обитающихъ на берегу Чернаго моря, и замѣтки г. Сальникова о паспортахъ, и тьму замѣтокъ по вопросамъ еще болѣе капитальнымъ. „Современникъ", какъ всякому понятно, преклоняется предъ мудростью „Вѣстника" и ограничиваетъ свои претензіи гораздо болѣе скромною ролью: занимать иногда досужее любопытство праздного читателя какими-либо курьезными размышленіями. Помните, какъ въ одной комедіи Островскаго, Устенька или Капочка предлагаетъ, для развлеченія общества, поддерживать занимательный разговоръ о томъ, „что лучше—ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?" Такъ и мы теперь, для вашего развлеченія, читатель, задаемся вопросомъ: что за странность такая, что неаполитанскій народъ обманулъ самыя справедливыя надежды всѣхъ благомыслящихъ людей? Гдѣ объясненіе этой странности?..

Надѣемся, что мы не снискали еще права на особенное благоговѣніе читателей передъ нашими мнѣніями, и потому можемъ, не опасаясь никого повергнуть въ горькое разочарованіе, признаться, что рѣшить заданнаго вопроса мы не умѣемъ. Но за то мы обѣщаемъ добросовѣстно передать читателямъ мнѣнія благомыслящихъ людей, имѣвшихъ всю возможность знать положеніе дѣлъ въ Неаполѣ. На эти-то мнѣнія мы и просимъ обратить вниманіе, постоянно имѣя въ виду, что мы собственнаго мнѣнія на этотъ счетъ не имѣемъ [1]).

Чтобы сказать что нибудь положительное о причинѣ странной неожиданности, поразившей Неаполь, надо бы знать народъ неаполитанскій; а мы его не знаемъ, да и кто его знаетъ? Ужъ, конечно, не иностранные туристы, разсказывающіе Богъ знаетъ что и о народѣ, и о правительствѣ; конечно, и не журналисты, печатающіе объ иныхъ странахъ такія коррес-

[1]) Чтобъ очевиднѣе доказать это читателю, мы, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, обогащаемъ статью свою множествомъ ученыхъ цитатъ на разныхъ языкахъ. Статья отъ этого пріобрѣтаетъ нѣсколько мрачную наружность, но мы совѣтуемъ «не судить по наружности», а «поглядѣть въ корень», какъ выражается Кузьма Прутковъ. Корень же, увѣряемъ васъ, вовсе не горекъ.

понденціи, что, пожалуй, имъ и любой туристъ могъ бы позавидовать... На мнѣнія и разсказы такихъ людей положиться нельзя, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію весьма почтенныхъ людей, неаполитанскій народъ чрезвычайно сдержанъ, недовѣрчивъ и не любитъ высказываться предъ чужими. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, виконтъ Анатоль Лемерсье, въ началѣ брошюры, изданной имъ въ началѣ нынѣшняго года: „несмотря на частыя сношенія Неаполя съ Франціей, несмотря на легкость сообщеній, менѣе чѣмъ въ два дня переносящихъ васъ изъ Марселя въ столицу королевства Обѣихъ Сицилій, рѣдкій народъ такъ мало извѣстенъ французамъ, какъ неаполитанцы. Правда, туристы печатаютъ множество разсказовъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, въ картинахъ и гравюрахъ воспроизводятся во всѣхъ видахъ мѣстные пейзажи и костюмы; журналисты не упускаютъ случая обсудить по своему — и положеніе дѣлъ, и людей, и политику королевства; но неаполитанцевъ нельзя узнать ни по путевымъ впечатлѣніямъ, ни по рисункамъ артистовъ, ни по журнальнымъ оцѣнкамъ; нужно много времени, много особенныхъ случаевъ и средствъ, чтобы добраться до истины относительно этого народа, который, при легкомъ наблюденіи, всегда останется непостижимымъ. Нуженъ постоянный и долгій навыкъ для того, чтобы, среди обдуманнаго притворства, открыть истинное состояніе этого народа. Писатели всѣхъ странъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ клеветали на Неаполь, что неаполитанецъ теперь питаетъ крайнее недовѣріе къ иностранцамъ. Только съ большимъ трудомъ, поэтому, можно достигнуть до открытія истины; и если особенныя благопріятныя обстоятельства не помогутъ вамъ, вы никогда въ этомъ не успѣете“ [1]).

Слова почтеннаго виконта мы привели затѣмъ, чтобы оправдать наше собственное незнаніе народа неаполитанскаго. Но мы не можемъ утаить, что виконтъ написалъ ихъ съ цѣлью гораздо болѣе благородною: онъ хотѣлъ доказать, что не слѣдуетъ вѣрить писателямъ, увѣряющимъ, будто въ неаполитанцахъ шевелится любовь къ свободѣ и недовольство ихъ положеніемъ. Дѣйствительно, были и такіе писатели; но всѣ они заражены были, какъ оказывается, духомъ партій и не имѣли ни тѣни того безстрастія, которое, если припомнятъ читатели, считаетъ первымъ долгомъ публициста г. Чичеринъ [2]). Къ счастію, количество такихъ писателей не велико. Вообще же, относительно Италіи давно принято мнѣніе людей почтенныхъ, безстрастно изслѣдовавшихъ родъ человѣческій и распредѣлившихъ разнымъ племенамъ тѣ или другія способности: французамъ — остроуміе, славянамъ — гостепріимство, англичанамъ — практичность и т. д., и рѣшив-

[1]) Quelques mots de vérité sur Naples, par le v-te Anatole Lemercier. Paris. 1860, p. 5.

[2]) См. «Очерки Англіи и Франціи», или «Отеч. Записки», 1857 г. № 12. s. v. p.

шихъ, кто къ чему способенъ въ исторіи. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что нѣмцы должны вырабатывать теоретическія начала общественной жизни, а французы пускать ихъ въ ходъ на практикѣ; извѣстно, что мехиканцы должны производить въ годъ столько же революцій, сколько г. Семевскій пишетъ историческихъ изслѣдованій, а австрійцы время отъ времени перемѣнять режимъ, подобно „Русскому Инвалиду“; извѣстно, что славяне лишены иниціативы, и потому должны играть великую роль въ будущемъ, какъ представители эклектической народности [1]) и пр., и пр. Въ этой международной табели о рангахъ положено, что итальянцы вообще—народъ лѣнивый, изнѣженный, лишенный всякой стойкости, неспособный къ самостоятельной политической жизни и не имѣющій ни малѣйшаго поползновенія къ гражданской свободѣ. Только бы не мѣшали его „ничего-не-дѣланью“, итальянецъ больше ничего не желаетъ; своимъ farniente онъ не пожертвуетъ ни для какого благополучія. По временамъ, онъ разгорячится (нельзя же и безъ этого: южный житель,—стало быть, долженъ горячиться), но это лишь на минуту: волненіе его такъ же легко успокоивается, какъ легко приходитъ. Таково было общее мнѣніе объ итальянцахъ, принятое всѣми учеными и добропорядочными людьми. Относительно неаполитанцевъ прибавляли обыкновенно, что они лѣнивѣе и безпечнѣе всѣхъ остальныхъ итальянцевъ, разслаблены климатомъ гораздо больше, а страстности имѣютъ меньше, вслѣдствіе вліянія религіи и постоянно соблюдаемаго правительственнаго порядка. Это мнѣніе, за исключеніемъ немногихъ писателей (которыхъ порицаемъ мы выше), принято было всѣми партіями, какъ тѣми, которыя защищали неаполитанское правительство, такъ равно и тѣми, которыя нападали на него. Само собою разумѣется, что образъ выраженія у тѣхъ и другихъ былъ различенъ, и даже въ нѣкоторой степени противоположенъ: одни, напримѣръ, хвалили кротость и почтительность народа, другіе сожалѣли о его уничиженіи и рабскихъ свойствахъ характера; одни говорили, что онъ доволенъ малымъ и возлагаетъ упованіе во всемъ на тѣхъ, кто имъ управляетъ; а другіе выражались, что онъ невѣжественъ, лишенъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ порывовъ души, потерялъ сознаніе собственнаго достоинства и т. п. Но лучше приведемъ нѣсколько отзывовъ изъ разныхъ книжекъ объ Италіи, которыми теперь наводнены всѣ книжныя лавки въ Европѣ. Жаль, что не имѣемъ подъ рукою путевыхъ писемъ, гг. Греча и Пауловича; но все равно, мы дадимъ вамъ выдержки изъ такихъ книжекъ, лучше которыхъ едва-ли писали что-нибудь наши почтенные соотечественники.

---

[1]) Мнѣніе Н. Ф. Павлова, относящееся, впрочемъ, ко времени споровъ «Русскаго Вѣстника» съ «Русскою Бесѣдою», то-есть, къ эпохѣ, предшествующей «Нашему Времени».

Не подумайте, что мы думаемъ посмѣяться надъ проницательностью людей, которыхъ цитируемъ; не подумайте, что мы совершенно отрицаемъ ихъ показанія. Мы уже сказали, что не знаемъ сами неаполитанскаго народа, слѣдовательно, не имѣемъ права отвергать и осмѣивать чужія свидѣтельства о немъ. А согласіе противныхъ партій въ отзывахъ о характерѣ неаполитанскомъ даетъ имъ большую гарантію достовѣрности. Но тѣмъ изумительнѣе опроверженіе, которое противъ нихъ сдѣлано фактами послѣдняго времени. Послушайте, что повторялось о неаполитанцахъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, и повторялось основательно: можно-ли было ожидать такого грустнаго конца послѣ такихъ свѣтлыхъ увѣреній!

Чтобы не начинать слишкомъ издалека, мы возьмемъ только послѣднее тридцатилѣтіе, которое, какъ извѣстно, весьма много способствовало къ утвержденію въ Неаполѣ характера бездѣятельности и равнодушія къ политической жизни. До восшествія на престолъ Фердинанда II, неаполитанцы могли считаться народомъ, имѣющимъ тѣ же наклонности и требованія въ политикѣ, какъ и другіе народы Европы. Вотъ почему Луи-Филиппъ, вскорѣ по своемъ воцареніи, писалъ къ Фердинанду, уговаривая его сдѣлать нѣкоторыя уступки правамъ народнымъ. „Мы живемъ,—писалъ Луи-Филиппъ, — въ переходную эпоху, когда часто нужно бываетъ уступить кое-что, чтобы не отняли у насъ всего. Признаки броженія такъ ясны и сильны въ Италіи, что необходимо ожидать взрыва, болѣе или менѣе близкаго, смотря по тому, ускорятъ или замедлятъ его мѣры князя Меттерниха, слишкомъ уже крутыя. Ваше Величество будете увлечены потокомъ, если вы во-время не сдѣлаете своего выбора“. Фердинандъ отвѣчалъ письмомъ, котораго многія фразы сдѣлались знамениты: тутъ-то онъ дѣлалъ признанія, что „свобода гибельна для фамиліи Бурбоновъ“, „что они не нынѣшняго вѣка“, что онъ „преклоняется“ предъ идеями, „которыя признала вѣрными и спасительными многолѣтняя опытность Меттерниха“, и пр. Тутъ же находилось и свидѣтельство о неспособности народа къ гражданской самостоятельности,—свидѣтельство, едва-ли не самое важное и положительное изъ всѣхъ, какія мы приведемъ далѣе. „Мой народъ повинуется силѣ и склоняется подъ ней (se courbe),—писалъ онъ,—но горе, если онъ вздумалъ бы выпрямиться подъ вліяніемъ этихъ мечтаній, которыя такъ хороши въ разсужденіяхъ философовъ и невозможны на практикѣ! Съ Божьею помощію, я дамъ моему народу благосостояніе и честное управленіе, на которое онъ имѣетъ право; но я буду королемъ, буду имъ одинъ и всегда... Мой народъ не имѣетъ надобности мыслить: я забочусь о его благоденствіи и достоинствѣ“ [1]).

[1]) Письмо Луи-Филиппа и отвѣтъ Фердинанда въ первый разъ обнародованы были г. Петручелли де-ла-Гаттуна, въ Revue de Paris, 1856 г. livr. 15 oct. Они

Выражаясь такимъ образомъ о своемъ народѣ, Фердинандъ долженъ былъ хорошо знать его характеръ и быть вполнѣ увѣреннымъ въ истинѣ своихъ понятій о немъ. И мы видимъ, что увѣренность эта никогда не покидала его: все его царствованіе служило осуществленіемъ принциповъ, высказанныхъ въ приведенныхъ нами строкахъ.

Къ нѣкоторымъ фактамъ этого царствованія мы еще возвратимся; а теперь, послѣ свидѣтельства самого короля, приведемъ нѣсколько отзывовъ всѣхъ партій о неаполитанскомъ народѣ. Возьмемъ рядъ извѣстій за послѣднія десять лѣтъ.

Въ 1851 году лордъ Гладстонъ напечаталъ знаменитыя свои письма о неаполитанскомъ правительствѣ. Все въ нихъ было проникнуто сочувствіемъ къ страданіямъ народа и энергическимъ негодованіемъ противъ правительства Обѣихъ Сицилій. Письма эти произвели полемику, вслѣдствіе которой лордъ Гладстонъ издалъ новую брошюру „Examination", пересмотръ нѣкоторыхъ фактовъ, упомянутыхъ имъ прежде и оспаривавшихся защитниками Фердинанда. Въ этой - то брошюрѣ пришлось лорду Гладстону высказаться и о самомъ народѣ неаполитанскомъ. Вотъ его слова: *„во всей Европѣ нельзя найти народа болѣе кроткаго, преданнаго и послушливаго, какъ народъ неаполитанскій"* [1]). Подобное же понятіе о народѣ видно и въ самыхъ письмахъ Гладстона.

Одинъ изъ самыхъ яростныхъ антагонистовъ лорда Гладстона, французъ Гондонъ, одинъ изъ бывшихъ редакторовъ газеты „L'Univers", написалъ нѣсколько книгъ въ защиту бурбонскаго правительства въ Неаполѣ, и въ одной изъ нихъ, въ 1855 году, говоря о разныхъ либеральныхъ претензіяхъ, утверждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ невозможность и ненужность конституціи для неаполитанскаго народа. Между прочимъ, вотъ что онъ пишетъ:

„Трудно, можетъ быть, не зная страны, составить себѣ отчетливое убѣжденіе относительно невозможности организовать представительное правленіе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій; но всякій добросовѣстный человѣкъ, который захочетъ серьезно вникнуть въ дѣло, непремѣнно убѣдится въ этой невозможности.

„Низшіе классы во всемъ королевствѣ исполнены энтузіазма къ своему

такъ поразили многихъ, что возникли сомнѣнія въ ихъ подлинности. Эти сомнѣнія были, между прочимъ, выражены парижскимъ корреспондентомъ Indépendance Belge, 20 ноября, 1856 г. Но г. Петручелли де-ла-Гаттуна отвѣчалъ, въ Revue de Paris, 1 декабря того же года, что онъ ручается за подлинность писемъ, и объяснялъ при этомъ, что они открыты были въ Тюльери, въ февралѣ 1848 г., и достались автору изъ рукъ весьма надежныхъ. Никто не опровергалъ потомъ показаній г. Петручелли.

[1]) Examinat. p. 39.

правительству и вполнѣ довольны своимъ положеніемъ; они никогда и не помышляли о пріобрѣтеніи того, что называютъ политическими правами. Все, что ни говорила и ни писала противъ этого мнимая парламентская партія, — все это ложно въ высшей степени. Народъ неаполитанскій вѣруетъ въ своего короля, ибо знаетъ, что Фердинандъ вѣруетъ въ Бога и что въ своей просвѣщенной совѣсти онъ понимаетъ и исполняетъ обязанности католическаго монарха въ отношеніи къ народу, надъ которымъ онъ царствуетъ. Какого еще болѣе вѣрнаго ручательства можетъ религіозный народъ желать отъ своего повелителя? Какая писанная конституція можетъ имѣть для совѣсти короля такое значеніе, какъ законы религіи? Всѣ политическіе безпорядки, волновавшіе Европу, не происходили-ли, главнымъ образомъ, отъ того, что новѣйшая политика оставила въ сторонѣ религію, желая разрѣшить задачу своего запутаннаго и ненормальнаго положенія? Но въ такомъ королевствѣ, какъ Неаполитанское, гдѣ король и подданные одушевлены единою вѣрою и единымъ желаніемъ добра, — всѣ вопросы, неразрѣшимо запутанные въ другихъ мѣстахъ, находятъ себѣ разрѣшеніе самое простое и легкое. Народъ неаполитанскій, т.-е. масса населенія, не желаетъ ничего лучшаго, какъ оставаться подъ тѣмъ же управленіемъ короля, такъ достойно возсѣдающаго на тронѣ Обѣихъ Сицилій. Народъ прямо и вполнѣ разсчитываетъ на него во всемъ, что касается національныхъ интересовъ и улучшеній, какія возможны въ его участи. Двадцатипятилѣтнее царствованіе достаточно объясняетъ и оправдываетъ эту довѣренность!

„Кто же, при нежеланіи народа, можетъ желать въ Неаполѣ новыхъ опытовъ этого представительнаго правленія, которымъ кичится Англія и которое мы знаемъ по печальнымъ опытамъ Франціи? Конечно, ужъ не аристократія! Надо очень худо знать ее, чтобы предполагать, что ея члены (отличные люди, впрочемъ, весьма преданные королю) достаточно воспитаны для того, чтобы засѣдать въ сенатѣ или въ законодательномъ корпусѣ. Вообще — плохую услугу оказалъ бы имъ тотъ, кто захотѣлъ бы превратить ихъ въ законодателей... Нѣтъ, ужъ лучше оставить ихъ служить мечемъ королю и приносить пользу отечеству безчисленными способами, которыми могутъ располагать умные и богатые аристократы!

„Есть, правда, разрядъ людей, который съ удовольствіемъ толкуетъ о конституціи: это — часть буржуазіи, преимущественно адвокаты и медики, которые, какъ мы видѣли, и во Франціи и въ Пьемонтѣ высказываютъ особенную жадность къ политическимъ реформамъ и особенный энтузіазмъ къ парламентскому правленію, ибо они умѣютъ извлекать изъ него свои выгоды [1]). Но въ Неаполѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, этотъ классъ

[1]) Какая выгода отъ парламентскаго правленія для медиковъ, — догадаться, конечно, трудно; но, безпрестанно призывая «les lois de l'ordre surnaturel», нашъ ав-

людей потерялъ свой престижъ и никому не внушаетъ довѣрія. Они составляютъ здѣсь маленькую секту, которой главою до сихъ поръ считается Поэріо. Къ великому счастью народа, размѣры этой секты дѣлаютъ ее вовсе не опасною. Ее составляютъ невѣрующіе философы и революціонные теоретики, въ родѣ тѣхъ, которые вызвали недавніе ужасы во Франціи. Эта-то ничтожная частичка средняго класса, далеко, впрочемъ, не такъ сильная, какъ во Франціи,—одна только и питаетъ нелѣпыя мечты, которыхъ осуществленія—увы!—ей не суждено увидѣть!

„И какимъ образомъ правительство съ преніями и публичностью могло бы быть введено у народа, который, къ счастью для него, не получилъ отъ своей исторіи такъ-называемаго политическаго воспитанія? Да, ему не дано этого воспитанія, за которое другіе народы поплатились такъ дорого и которое однако же все-таки не помогло имъ удержать у себя эту форму правленія... Притомъ же, не нужно забывать народнаго темперамента и характера. Извѣстно, что̀ такое представляли въ Парижѣ нѣкоторыя засѣданія республиканскія; въ Неаполѣ парламентскія разсужденія не замедлили бы произвести безпорядки, гораздо болѣе ужасные" [1]).

Свидѣтельство г. Жюля Гондона, можетъ быть, не удовлетворитъ читателя: ясно, скажутъ намъ, что г. Гондонъ одинъ изъ самыхъ завзятыхъ католиковъ и въ политическомъ отношеніи человѣкъ, что называется, ретроградный. Пожалуй, думайте о немъ, какъ хотите: мы считаемъ нужнымъ замѣтить только, что г. Гондонъ самъ путешествовалъ по неаполитанскимъ владѣніямъ, имѣлъ тамъ сношенія съ лицами высокопоставленными, обласканъ былъ іезуитами, которые, какъ извѣстно, отлично знаютъ всегда душу народа, и спеціально занимался бурбонско-неаполитанскимъ вопросомъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Впрочемъ, мы имѣемъ и другія свидѣтельства, нѣсколько въ другомъ тонѣ, но рѣшительно такія же въ сущности. Напримѣръ, не хотите-ли прочесть размышленія аббата Мишона? Не пугайтесь имени аббата: это — аббатъ весьма либеральный; довольно сказать, что года четыре назадъ онъ напечаталъ брошюру, въ которой отсылалъ папу въ Іерусалимъ, чтобы онъ не мѣшалъ ходу дѣлъ въ Италіи. Брошюра заслужила нѣсколько похвальныхъ словъ отъ Манина, и аббатъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, не боится похвалиться его одобреніемъ. Въ отношеніи къ Бурбонамъ, аббатъ ни мало не куртизанитъ; надъ чудомъ святого Дженнаро подсмѣивается. А между тѣмъ, относительно политическаго воспитанія народа неаполитанскаго, онъ говоритъ вещи столько

торъ нерѣдко бываетъ недоступенъ для обыкновеннаго пониманія. Это не мѣшаетъ имѣть въ виду.—Впрочемъ, по нашему мнѣнію, это нимало не вредитъ истинѣ его увѣреній.

[1]) De l'état des choses à Naples, p. Jules Gondon. Paris, 1855, p. 158—160.

же отчаянныя, какъ и г. Гондонъ. Правда, аббатъ Мишонъ увѣряетъ, что и аристократы, сколько-нибудь просвѣщенные, тоже питаютъ — если не либеральные проекты, то, по крайней мѣрѣ, недовольство. Но онъ сознается, что число ихъ крайне ограничено. Относительно же народа вотъ что онъ пишетъ:

„Политическое воспитаніе низшихъ классовъ въ Неаполѣ ушло не дальше того, какъ въ глуши нашей Бретани. То, что называется собственно народомъ, т.-е. люди нужды и работы,—всѣ они вполнѣ преданы предразсудкамъ и привычкамъ, соединеннымъ съ абсолютизмомъ. Они не понимаютъ, что такое политическая свобода, не имѣютъ понятія даже и объ улучшеніяхъ общественныхъ. Это волъ, который не можетъ ѣсть въ свое удовольствіе, если не чувствуетъ на себѣ ярма; или, употребимъ сравненіе менѣе горькое: это рабъ, привыкшій къ своей ежедневной работѣ и не мечтающій о свободной жизни, о правѣ располагать самимъ собой, потому что теперь господинъ заботится о его пищѣ и одеждѣ, а человѣкъ свободный долженъ думать о нихъ самъ.

„Во Франціи, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, народъ самъ, хотя призванный къ покорности властямъ, каковы бы онѣ ни были, представляетъ себѣ однако же извѣстный идеалъ свободы. Онъ понимаетъ, что могло бы быть лучше; онъ по инстинкту сознаетъ, что извѣстныя общественныя формы благопріятны болѣе другихъ для умственнаго и нравственнаго развитія массъ и для матеріальнаго ихъ благосостоянія. Такимъ образомъ, у насъ есть инстинктивный либерализмъ въ народѣ, и вотъ почему онъ далъ свою непреодолимую опору революціи, разрушившей режимъ привилегій и старой монархіи; вотъ почему привѣтствовалъ онъ движеніе 1830 года, которое остановило неловкія попытки возвратить старое; вотъ почему выказалъ онъ свою симпатію къ республикѣ 1848 г., надѣясь отъ нея улучшеній, въ которыхъ чувствуетъ нужду.

„Ничего подобнаго у неаполитанскаго народа. Напротивъ, онъ имѣетъ стремленія совершенно противоположныя. Виноватъ-ли въ этомъ опытъ прежнихъ поколѣній, которыя, мѣняя правителей, постоянно оставались подъ тѣмъ же игомъ? Или это оппозиція высшимъ классамъ, которыхъ интересы, въ понятіяхъ народа, противны его собственнымъ? Или это вліяніе религіознаго воспитанія, которымъ духовенство католическое пользовалось, чтобы представлять короля, какъ образъ Бога на землѣ, какъ органъ Божьей силы въ отношеніи къ матеріальной жизни народа, такъ какъ само духовенство есть органъ силы Божіей, духовной жизни?.. Какъ бы то ни было, но фактъ несомнѣненъ: этотъ народъ любитъ абсолютную власть своихъ королей. Онъ съ удовольствіемъ ихъ привѣтствуетъ, тѣснится около нихъ, проситъ у нихъ иллюминацій, парадовъ, въ случаѣ

надобности — хлѣба. Чтобы быть вполнѣ справедливымъ, надо сказать, что дѣйствительно короли освободили народъ отъ феодальнаго ига, разумѣется, не по расположенію къ этимъ людямъ, вѣчно осужденнымъ платить и работать, а по необходимости самимъ освободиться отъ феодальныхъ путъ, которыя, связывая народъ, стѣсняли и просторъ королевской власти. Народъ и король боролись вмѣстѣ противъ гидры феодализма и вмѣстѣ побѣдили ее. Теперь нужно еще много времени, чтобы народъ ясно понялъ, что, давая свою поддержку аристократамъ по рожденію, по богатству и образованію, противъ абсолютизма, онъ не рискуетъ возстановить вновь гибельную и тяжкую, какъ прежде, феодальную систему... И покамѣстъ это время не пришло, онъ остается вѣренъ старой дружбѣ и кричитъ: vive le roi" [1]).

Аббатъ Мишонъ подтверждаетъ свой отзывъ фактами и, затѣмъ, переходитъ къ вопросу: что же надо сдѣлать, чтобы *возвысить* состояніе народа? (нынѣшнее положеніе онъ считаетъ очень низкимъ!). Онъ находитъ, что всего лучше было бы, если бы правительство Бурбоновъ шло рука-объ-руку съ просвѣщенными либералами и исподоволь подготовляло народъ къ сознательной политической жизни. „Таковъ по крайней мѣрѣ прямой логическій выводъ", замѣчаетъ онъ, и изъ этого вы видите, что идеалъ аббата вовсе не тотъ, какъ у г. Гондона. Онъ, какъ видно, полагаетъ, что всякая страна непремѣнно должна стремиться къ заведенію у себя парламентскихъ преній, которыя, какъ мы видѣли выше, г. Гондону рѣшительно противны. Мы не будемъ разбирать разногласія этихъ почтенныхъ личностей, хотя и находимъ, что логика г. Гондона гораздо проще аббатовской; намъ важно то, что оба признаютъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, совершенное отсутствіе политическаго воспитанія у неаполитанскаго народа. Мало того, аббатъ Мишонъ находитъ, что даже либеральныя реформы правительства въ Неаполѣ почти невозможны, и причину этого открываетъ какъ въ правительственныхъ лицахъ, такъ и въ настроеніи самого народа. Онъ очень объ этомъ сокрушается, видя, что идеалъ его не удается; но такъ какъ у насъ подобныхъ идеаловъ нѣтъ, то мы можемъ привести слова его совершенно хладнокровно. Сказавши, что постепенное водвореніе конституціонной формы правленія было бы для Неаполя всего лучше, по чистой логикѣ, онъ продолжаетъ:

„Но зная людей и политическія страсти, мы должны понять всю безконечную трудность подобнаго преобразованія, или, правильнѣе сказать, этой революціи, произведенной въ нѣдрахъ монархіи самою же монархіею, соглашающеюся отдать себя подъ опеку конституціонныхъ установленій.

---

[1]) L'Italie politique et religieuse, p. l'abbé J. H. Michon. Brux. 1859, p. 81.

„Первая трудность, и можетъ быть самая страшная, заключается въ бурбонской династіи, для которой уступки своему народу всегда кажутся пораженіемъ или, по крайней мѣрѣ, унизительнымъ ослабленіемъ ея вѣковыхъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, какимъ образомъ властелинъ, уже въ полной зрѣлости своихъ лѣтъ [1]), человѣкъ, жившій, какъ Фердинандъ, въ убѣжденіяхъ и привычкахъ неограниченнаго владыки, поддерживавшій свое полновластіе, худо-ли, хорошо-ли, но съ постоянной энергіей,—трудно понять, какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ бы вдругъ отказаться отъ убѣжденій всей своей жизни, отъ всѣхъ привычекъ самовластія, для того, чтобы подчинять себя трудному испытанію конституціоннаго правленія!.. Развѣ хотятъ, чтобъ онъ (чего, впрочемъ, никто не посмѣлъ бы ему посовѣтовать) вдругъ прикинулся либераломъ и провозгласилъ: „Пора пришла! Перемѣнимъ нашу правительственную систему! Вотъ вамъ хартія!“ Но вѣдь это нелѣпо, и можно-ли требовать отъ короля такого малодушія!

„Съ династической точки зрѣнія возможна только одна гипотеза: это—если бы будущій наслѣдникъ престола воспитанъ былъ нѣсколькими людьми, которымъ дана была бы полная свобода слова, въ принципахъ представительнаго правленія. Онъ только одинъ, по смерти или вслѣдствіе отреченія отца, сдѣлавшись королемъ, могъ бы безъ подлости (sans bassesse) примѣнить эти теоріи и произвести политическую перемѣну, не подвергаясь за нее упреку ни въ позорной трусости, ни въ лицемѣрствѣ.

„Но кажется, ни настоящій король, ни будущій его наслѣдникъ не имѣютъ ни малѣйшаго расположенія къ началамъ конституціонной политики.

„И вотъ вамъ первая невозможность!

„Но это не все. Рядомъ съ прогрессивной партіей, за которой, пожалуй, можно считать и большинство въ классахъ образованныхъ, существуетъ партія ретроградная, еще могущественная, имѣющая своихъ важныхъ представителей, свои органы, свои преданія. Она тотчасъ же образуетъ отчаянную и грозную оппозицію либеральнымъ учрежденіямъ; она будетъ опираться на духовенство, столь многочисленное и вліятельное въ Неаполѣ, и столь мало еще доступное либеральнымъ идеямъ; она воспользовалась бы самой свободою прессы, чтобы вывести изъ себя короля своими жалобами, подорвать уваженіе къ новымъ учрежденіямъ, чтобы напугать опасностями, неизбѣжными, когда порядокъ и нравственность ввѣрены попеченію людей, которые для этой партіи въ сущности тѣ же революціонеры...

„И вотъ другая невозможность!“ [2]).

---

[1]) Фердинанду было тогда 47 лѣтъ.

[2]) L'Italie pol. et rel., p. 84, 85.

Изъ этихъ указаній ясно видно одно: что бурбонское правительство, несмотря на крики его недоброжелателей, было самое сообразное съ потребностями страны, и что если кто-нибудь и могъ быть имъ недоволенъ, за то никто не могъ надѣяться измѣнить его. Преслѣдуя свой либеральный идеалъ, аббатъ Мишонъ оплакиваетъ безвыходное положеніе, въ которомъ находился Неаполь, и даже предвѣщаетъ, что дѣло кончится худо. Но предвѣщанія его не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ, и если они оправдались теперь, такъ это еще нисколько не доказываетъ, что они именно и должны были оправдаться. Напротивъ, изъ приведенныхъ нами отзывовъ самого аббата, ясно всякому внимательному читателю, что въ Неаполѣ не было ровно никакихъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы родиться какая-нибудь опасность для бурбонской системы правительства. Народъ обожалъ Фердинанда, о политической свободѣ не имѣлъ понятія, былъ совершенно доволенъ; недовольство проглядывало только въ высшихъ классахъ, да и тамъ была могущественная партія, готовая съ остервененіемъ напасть на всякое проявленіе либерализма. И король и наслѣдникъ его были воспитаны и утверждены въ понятіяхъ, совершенно сообразныхъ съ такимъ положеніемъ дѣлъ; чего же лучше? Казалось бы, что Фердинандъ II долженъ царить многіе годы такъ же спокойно и твердо, какъ его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, оставшіеся до конца жизни полными владыками въ своемъ царствѣ, несмотря на маленькія невзгоды, къ несчастію, слишкомъ часто тревожившія каждаго изъ нихъ. А между тѣмъ вышло не то... Что же за причина? Ужъ не пришло-ли, въ самомъ дѣлѣ, то время, о которомъ мечтаетъ аббатъ Мишонъ,—когда народъ долженъ соединить свои интересы съ интересами аристократіи, противъ абсолютизма? Но нѣтъ, напрасно вы будете доискиваться этого замысловатаго соединенія въ неаполитанскомъ движеніи послѣднихъ мѣсяцевъ; вы видите, напротивъ, что въ то время, какъ народъ бѣжалъ навстрѣчу Гарибальди и провозглашалъ Виктора-Эммануила, неаполитанская аристократія продолжала заниматься придворными интригами около Фердинанда. Да притомъ, само мнѣніе аббата Мишона о томъ, что народъ привязанъ къ своимъ королямъ за избавленіе его отъ феодальнаго ига и что вслѣдствіе того онъ поддерживаетъ верховную власть противъ вліянія мѣстныхъ магнатовъ,—это мнѣніе требуетъ подтвержденія. Мы, съ своей стороны, не видимъ никакой надобности предполагать въ неаполитанскомъ народѣ такое глубокое посвященіе въ тайны историческаго прогресса, въ смыслѣ г. Гизо. Мы болѣе довѣряемъ другимъ свидѣтельствамъ, по которымъ выходитъ, что неаполитанецъ природой и положеніемъ своимъ сдѣланъ кроткимъ и послушливымъ, и потому уважаетъ всякаго, кто выше его, и чѣмъ выше, тѣмъ больше уважаетъ,—значитъ короля долженъ уважать всѣхъ

больше, потому что онъ всѣхъ выше, недосягаемо выше. Вотъ самое простое объясненіе общепризнаваемаго факта привязанности неаполитанцевъ къ абсолютизму. Объясненіе это не придумано нами à priori, а основано тоже на свидѣтельствахъ весьма почтенныхъ. Одно изъ нихъ мы приведемъ здѣсь, въ уваженіе того, что оно принадлежитъ лицу несомнѣнно компетентному, виконту Лемерсье, тому самому, который говоритъ, что нельзя узнать неаполитанцевъ безъ пособія особенно-благопріятныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ. Благородный виконтъ именно находился въ этихъ исключительныхъ обстоятельствахъ: онъ долго былъ при французскомъ посольствѣ въ Неаполѣ, имѣлъ тамъ дѣла и обширныя знакомства, имѣлъ доступъ къ оффиціальнымъ документамъ разнаго рода и ко всѣмъ учрежденіямъ, куда рѣдко допускаются иностранцы, стало быть, имѣлъ всѣ средства узнать истину въ самомъ ея источникѣ. Мало того, онъ, какъ самъ признается, самъ сроднился съ духомъ этой страны и только извиняется (въ посвященіи своей книги князю Алессендріа), что „какъ сынъ своей милой Франціи, не могъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ либеральныхъ идей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ“. Замѣтимъ, стало быть, что въ благородномъ виконтѣ, противъ его желанія, сидятъ начала неисправимаго либерализма, и постараемся не забыть объ этомъ, читая его отзывъ о характерѣ неаполитанцевъ и о положеніи страны. Вотъ какъ онъ отзывается о народѣ.

„Дурные инстинкты гордости и зависти вовсе не развиты въ неаполитанцахъ. Исполненные уваженія къ высшимъ состояніямъ, они безропотно принимаютъ общественную іерархію. Нѣтъ въ Европѣ народа, которымъ бы такъ удобно было управлять, какъ неаполитанцами, которыхъ постоянно сдерживаетъ религія, дѣлающая ихъ смиренными безъ низости, и воспитаніе, научающее ихъ благоговѣть предъ вещами и людьми, предъ которыми благоговѣли ихъ отцы. Намъ не повѣрятъ, если мы скажемъ, что никогда никакой повелитель не былъ такъ любимъ своимъ народомъ, какъ король неаполитанскій, — и между тѣмъ это строжайшая истина. Нельзя сказать, чтобы аристократія, буржуазія и народъ, каждый по своему, не позволяли себѣ многочисленныхъ и часто горькихъ порицаній; но эти порицанія относятся всегда къ частностямъ, и никогда, несмотря на всѣ усилія иностранныхъ революціонеровъ, мысль о низверженіи законнаго владыки не заходила въ голову истинныхъ неаполитанцевъ. Уваженіе къ установленному порядку составляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ этого народа и даетъ ему его ярко опредѣленную оригинальность среди другихъ народовъ Европы. Мы не скажемъ, что зависть не закрадывалась ни въ одну неаполитанскую душу, но мы утверждаемъ, что ея не существуетъ тамъ у одного класса противъ другого. Несмотря на вве-

деніе французскаго гражданскаго кодекса, несмотря на почти шестидесятилѣтнее обращеніе съ этими законами, такъ быстро уравнивающими всѣ состоянія, неаполитанскій синьоръ, хотя и сдѣлался менѣе богатымъ, чѣмъ прежде, но остался совершенно также уважаемъ и также могущественъ. Вѣрный стариннымъ обычаямъ, народъ довольствуется малымъ; можно сказать, что онъ вовсе не имѣетъ нуждъ въ этой странѣ, гдѣ живутъ на открытомъ воздухѣ и почти не ѣдятъ; онъ наслаждается благорастворенностью своего климата, красотою своего залива, прелестью своего беззаботнаго существованія, и ни мало не желаетъ измѣненія своего общественнаго положенія. Напрасно толковали добрымъ неаполитанскимъ простолюдинамъ о бѣдствіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ: они не хотѣли ни понимать, ни вѣрить, потому что сами никогда не чувствовали ничего подобнаго. Конечно, если посмотрѣть на внѣшность неаполитанскаго простонародья, если войти въ ихъ жилища, то легко подумать, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы нищета была ужаснѣе. Они мало заботятся о своей личности и о своихъ домахъ, одѣты часто въ лохмотья, жилища ихъ наполнены грязью и разными гадами, самыя грязныя домашнія животныя обитаютъ вмѣстѣ съ семьею простолюдина. Сравнивая эту наружность съ жизнью нашихъ парижскихъ работниковъ, тотчасъ же, разумѣется, принимаются сожалѣть объ участи несчастныхъ обитателей Неаполя и превозносить достоинства нашей цивилизаціи. Но тутъ-то и впадаютъ въ самую грубую ошибку: счастіе чаще обитаетъ въ жалкомъ пріютѣ неаполитанца, нежели въ почти-изящномъ жилищѣ парижанина. Въ самомъ дѣлѣ — у одного встрѣчаемъ мы вѣру, которая услаждаетъ ему всѣ горести, и довольство своимъ жребіемъ, которое дѣлаетъ жизнь его счастливою; у другого, напротивъ, совѣсть возмущена несчастіемъ или, по крайней мѣрѣ, индифферентностью, а стремленіе къ обогащенію и зависть къ тѣмъ, кто чѣмъ - нибудь владѣетъ, поселяютъ недовольство и ненависть въ его сердцѣ...

„Совершенная ложь, будто народъ неаполитанскій страдаетъ и жалуется на свое состояніе общественное; но еще болѣе ложно — увѣрять, будто онъ съ трудомъ выноситъ свое положеніе политическое. Народъ сумѣлъ противостоять странствующимъ труппамъ возмутителей, являвшихся къ нему проповѣдывать противъ богатыхъ, духовенства и дворянства; не больше успѣха имѣли эти апостолы зла и въ стараніяхъ своихъ увѣрить народъ, что онъ живетъ подъ желѣзнымъ скипетромъ тирана. Понятно, почему простолюдинъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій чрезвычайно мало занятъ политикою и охотно предается руководству своего приходскаго священника или стараго синьора. Онъ знаетъ, что платитъ подати очень небольшія, видитъ, что дороги его содержатся хорошо, что конскрипція

не такъ ужасна, какъ онъ опасался; этого ему довольно для того, чтобы не желать перемѣнъ, изъ которыхъ еще неизвѣстно, что выйдетъ...

„Средній классъ, правда, менѣе доволенъ, и многіе въ немъ желаютъ политической свободы; но надо замѣтить, что бо́льшая часть изъ нихъ не простираетъ своихъ видовъ дальше пріобрѣтенія коммунальныхъ правъ, которыя убиты въ Неаполѣ введеніемъ французской цивилизаціи. И нельзя не сознаться, что для народа, такъ мало приготовленнаго къ политическимъ правамъ, пріобрѣтеніе ихъ было бы скорѣе бѣдствіемъ, нежели благомъ. Развѣ мы не видѣли, что̀ происходило въ 1848 году, когда Фердинандъ, однимъ разомъ опередивши и статутъ сардинскій, и новыя постановленія папскія, издалъ хартію, составленную почти совершенно по хартіи 1830 г.? По своей неопытности въ конституціонной игрѣ, парламентъ оказался неспособнымъ вотировать ни одного закона, и палъ среди волненія, которое вызвалъ, самъ того не желая и не вѣдая“ [1])...

Переходя къ аристократіи, виконтъ Лемерсье объявляетъ, что она, несмотря на все уваженіе, которымъ пользуется, не составляетъ нынѣ корпораціи въ королевствѣ, и что во всякомъ случаѣ—если ее можно упрекнуть въ чемъ-нибудь, то развѣ въ излишнемъ удаленіи отъ дѣлъ, а ужъ никакъ не въ либеральныхъ замыслахъ. Очеркъ свой онъ заключаетъ слѣдующими рѣшительными строками: „пусть знаетъ Европа, что недовольство и нерасположеніе неаполитанцевъ къ своему правительству суть нелѣпыя басни, и что наилучшая политика для другихъ державъ, относительно Неаполя, должна состоять въ томъ, чтобы поддерживать и укрѣплять его правительство, а не ослаблять его и не подкапывать“.

Не увлекся-ли благородный виконтъ чувствами преданности къ Бурбонамъ и дружбою къ высокимъ придворнымъ и духовнымъ особамъ, съ которыми постоянно былъ близокъ, какъ видно изъ его брошюры? Не обманулся-ли онъ ихъ показаніями, не представилъ-ли вещи умышленно въ ложномъ свѣтѣ? Но нѣтъ, мы не имѣемъ никакого права подозрѣвать что-нибудь подобное. Все, что мы можемъ предполагать не безъ основанія, это одно: что виконтъ, по своему либерализму, въ которомъ самъ признается, нѣсколько преувеличилъ еще значеніе либеральныхъ тенденцій въ Неаполѣ. Впрочемъ, если намъ нужно безпристрастія, ничѣмъ не заподозрѣннаго, то обратимся къ туристамъ: ихъ упрекаютъ часто въ легкомысліи, но рѣдко кто изъ нихъ подвергался упреку въ умышленномъ искаженіи фактовъ. Возьмемъ же первыхъ попавшихся: всѣ говорятъ одно и то же.

„Мы были очень изумлены,—пишетъ одинъ изъ нихъ въ самомъ началѣ своихъ замѣтокъ,—нашедши въ Неаполѣ совсѣмъ противное тому,

---

[1]) Quelques mots de vérité sur Naples, p. 6, 7.

что воображали по журнальнымъ тревогамъ. Такъ это-то терроръ, который, какъ насъ увѣряли, свирѣпствуетъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій! Да помилуйте, намъ бы ничего не надо было лучше, еслибы народъ во Франціи былъ такъ спокоенъ и благополученъ!.. Дѣло въ томъ, что народъ здѣсь не томится стремленіемъ обогатиться и завистью, не ищетъ политическихъ правъ, а умѣетъ наслаждаться тѣмъ, что въ избыткѣ даетъ ему природа. Лаццарони валяются на улицахъ и преспокойно смотрятъ на блестящіе экипажи, подвозящіе богачей и знатныхъ къ Café de l'Europe; они совершенно довольны своими лохмотьями, плодами и водой, и не чувствуютъ ни малѣйшей надобности въ перемѣнѣ своей участи“ [1]).

Эти слова брошены мимоходомъ; а вотъ отзывъ, служащій результатомъ долгихъ размышленій автора, спеціально писавшаго о неаполитанцахъ, г. Теодора Верна.

„Что касается собственно Неаполя, нельзя сомнѣваться въ томъ, что климатъ его способствовалъ разслабленію и упадку нравственной силы народа. Чтобы убѣдиться въ разслабляющемъ свойствѣ этого климата, достаточно прожить въ немъ нѣсколько времени... Правда, въ итальянскомъ климатѣ образовались древніе римляне; правда, въ Неаполитанскомъ королевствѣ процвѣтали сикулы, самниты, норманы; но эти великія воспоминанія только еще рельефнѣе даютъ видѣть, до какой степени эти воинственныя и сильныя племена выродились въ нынѣшнихъ изнѣженныхъ и лишенныхъ всякой энергіи обитателяхъ.

„Другая причина уничиженія этой страны заключается въ долговременномъ гнетѣ, подъ которымъ она страдала и еще страдаетъ до сихъ поръ. Этотъ гнетъ сдѣлалъ неаполитанцевъ неспособными къ возвышеннымъ стремленіямъ и погасилъ въ нихъ даже самыя первыя понятія о свободѣ и о долгѣ. Для того, чтобы дать ходъ натуральнымъ способностямъ и создать національную доблесть, нужно было, чтобъ каждый находилъ себѣ широкую дорогу, по которой могъ бы онъ идти съ сознаніемъ своей цѣли и своего достоинства. Но бурбонское правительство, по своимъ преданіямъ и привычкамъ, вовсе не было приспособлено къ такому воспитанію народа. Теперь всѣ кричатъ, что спасеніемъ для страны можетъ служить лишь уничтоженіе существующихъ постановленій. Но, по нашему мнѣнію, много преувеличиваютъ значеніе этого общественнаго лѣкарства; развѣ мы не видимъ, что неаполитанскія постановленія сами по себѣ очень хороши, а между тѣмъ приносятъ плоды, полные отравы?.. Можетъ быть, революція была бы дѣйствительнѣе простой перемѣны системы? Но печальные опыты 1848 г. доказали всѣмъ еще разъ, что всякая новая ре-

[1]) Quelques lettres sur l'Italie, par E. Paris, 1858, p. 2.

волюція только сильнѣе стягиваетъ цѣпи Италіи, потому что послѣ каждаго кризиса на сценѣ остаются тѣ же элементы, только обезсиленные болѣе прежняго" [1]).

Ставя такимъ образомъ Италію, и Неаполь особенно, въ безвыходное положеніе, г. Вернъ находитъ для нея одно спасеніе: отказаться отъ католицизма, чтобы принять реформу! Изъ этого видно, до какой степени безнадежнымъ казалось положеніе неаполитанскихъ дѣлъ французскому туристу, посѣтившему Неаполь въ прошломъ году...

Г. Шарль де-ла Вареннъ, въ 1858 г., такъ отзывался о правительствѣ неаполитанскомъ: „можно сказать, что въ Неаполѣ господствуетъ восточный деспотизмъ, основанный на союзѣ двора съ простымъ народомъ и половиною буржуазіи, готовою все сдѣлать и все допустить для сохраненія тѣхъ положеній, къ которымъ она привыкла. Этотъ союзъ направленъ преимущественно противъ высшихъ классовъ, питающихъ либеральныя тенденціи,—за исключеніемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ лицъ, состоящихъ при дворѣ" [2]).

Можетъ быть, вы не вполнѣ довѣряете французскимъ отзывамъ? Извѣстно, что у насъ привыкли считать французовъ народомъ легкомысленнымъ. Но мы приводили выше свидѣтельство лорда Гладстона; можемъ, если хотите, привести отзывъ г. Теодора Мундта, нѣмца: вы знаете, что нѣмцы народъ основательный.

Г. Мундтъ, бывшій въ Неаполѣ въ началѣ нынѣшняго года, замѣчаетъ, что положеніе дѣлъ въ Неаполѣ не обѣщаетъ ничего хорошаго, но что измѣнить его едва-ли возможно, такъ какъ народъ и духовенство служатъ постоянной поддержкой бурбонскаго правительства. „Простой народъ въ Неаполѣ,—говоритъ онъ,—не хочетъ и не знаетъ политической свободы; онъ совершенно не понялъ бы того, кто бы сталъ обѣщать ему государственныя и общественныя улучшенія, чтобы чрезъ то улучшить состояніе самого народа. Король и народъ въ Неаполѣ держатся крѣпко другъ за друга, потому что они давно уже вмѣстѣ боролись противъ общаго врага—могущества феодаловъ, бывшихъ опасными для нихъ обоихъ, и потомъ—противъ дворянства, образованности и самостоятельности буржуазіи. Такимъ образомъ, абсолютная власть, поддерживаемая лаццарони, составляетъ препятствіе всякому высшему развитію страны. Въ дворянской и прогрессивной части буржуазіи существуютъ либеральныя наклонности; но у нихъ, кажется, никогда не было никакой опредѣленной программы. Это либерализмъ надеждъ и желаній, который охотно примирился бы со всякимъ правительствомъ, лишь бы оно не было такъ безнравственно

[1]) Naples et les Napolitains, p. Théodore Vernes. Brux. 1859, p. 298—300.
[2]) Lettres Italiennes, p. Charles de la Varenne. Paris, 1858, p. 284.

и позорно, какъ нынѣшнее. Въ теоріи, этотъ либерализмъ имѣетъ много приверженцевъ въ образованныхъ классахъ, но сомнительно, чтобъ онъ встрѣтилъ серьезную поддержку въ случаѣ дѣйствительнаго взрыва. Самая трудная задача либерализма въ Неаполѣ состоитъ въ томъ, чтобы привлечь народъ къ его дѣлу" [1]).

Наконецъ, можно привести свидѣтельство самихъ итальянцевъ. Довольно вамъ указать, напримѣръ, на Монтанелли, который говоритъ, что есть двѣ Италіи: одна—ученыхъ, литераторовъ, адвокатовъ, медиковъ, студентовъ, и другая—священниковъ, монаховъ, простого народа, придворныхъ, и всѣхъ, кому выгодно невѣжество и суевѣріе. Въ разныхъ мѣстностяхъ есть оттѣнки въ отношеніяхъ той и другой партіи, но въ Неаполѣ Монтанелли, какъ и другіе, признаетъ рѣшительное преобладаніе послѣдней [2]).

Мы размножили наши цитаты, разумѣется, отчасти для того, чтобы показать нашу начитанность по неаполитанскому вопросу, но отчасти и съ другою, менѣе тщеславною цѣлью: намъ хотѣлось показать читателю, что за годъ — за два, даже за нѣсколько мѣсяцевъ до гарибальдійскаго движенія никому дѣйствительно не приходило въ голову, чтобы бурбонское правительство и его система могли быть такъ легко уничтожены въ Неаполѣ. Многіе у насъ наслышаны о томъ, что итальянцы вообще ужасные головорѣзы, и потому революціи на Аппенинскомъ полуостровѣ считаются чѣмъ-то весьма обыкновеннымъ: народъ, дескать, такой! Но изъ совокупности свидѣтельствъ всѣхъ партій выходитъ, что неаполитанцы, по крайней мѣрѣ, вовсе не были такимъ народомъ. Общій выводъ изъ всѣхъ отзывовъ долженъ быть таковъ: народъ въ Неаполѣ былъ вполнѣ равнодушенъ ко всѣмъ либеральнымъ тенденціямъ и скорѣе расположенъ былъ всѣми силами защищать Бурбоновъ, нежели возставать противъ нихъ; духовенство, чрезвычайно многочисленное и пользующееся огромнымъ вліяніемъ въ Неаполѣ, постоянно дѣйствовало въ пользу существующей системы; король былъ весьма почитаемъ народомъ, и кромѣ того опирался на сильную армію, которой посвящалъ свое особенное вниманіе. Если бывалъ когда ропотъ, то лишь противъ частныхъ распоряженій и второстепенныхъ чиновниковъ. Либеральныя стремленія обнаруживались лишь въ незначительной части средняго сословія; нѣкоторые увѣряютъ, что и въ высшемъ тоже было недовольство, но очень вѣроятно, что это было въ значительной части случаевъ не болѣе, какъ досада людей, обойденныхъ чиномъ, или не умѣвшихъ попасть ко двору. По инымъ,—весь неаполи-

[1]) Italienische Zustände, v. Th Mundt, Berl. 1860, T. IV. S. 285, 286.

[2]) Le parti national italien, p. Montanelli,—dans Revue de Paris, 1856, livr. de 15 juillet, p. 481 sq.

танскій либерализмъ сводится къ ничтожной горсти адвокатовъ и медиковъ, но другимъ—онъ представляется болѣе распространеннымъ; но всѣ согласны, что въ либерализмѣ этомъ не было ничего дѣятельнаго, ничего серьезнаго, даже почти ничего политическаго: общимъ и опредѣленнымъ у всѣхъ было одно только желаніе, чтобы какъ-нибудь дѣла пошли получше въ государствѣ. Самыя смѣлыя надежды въ послѣдніе годы не простирались далѣе того, что правительство сдѣлаетъ какія-нибудь уступки соединеннымъ настояніямъ Англіи и Франціи. Что же касается до дѣятельной роли народа, о ней не мечтали самые горячіе либералы. Разсказываютъ (можетъ быть, и несправедливо), что, передъ экспедиціею Гарибальди, нѣсколько человѣкъ изъ самыхъ почтенныхъ патріотовъ, въ числѣ которыхъ называютъ Джузеппе Феррари, нарочно отправлялись зондировать расположеніе неаполитанскаго населенія, и результатъ ихъ наблюденій былъ тотъ, что на неаполитанскомъ материкѣ невозможно было ожидать никакой поддержки дѣлу свободы. За истину этого слуха нельзя ручаться; но онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что писалось о походѣ Гарибальди въ Неаполѣ до самой высадки его въ Реджо. Не говоря о насмѣшкахъ легитимистскихъ газетъ и предостереженіяхъ пьемонтскихъ органовъ Кавуровой партіи, вспомнимъ, что самъ Викторъ-Эммануилъ, на-дняхъ такъ торжественно собравшій плоды отваги Гарибальди, въ іюлѣ мѣсяцѣ писалъ ему дружеское запрещеніе идти на Неаполь... До того всѣ увѣрены были въ прочности бурбонскаго правительства и въ невозможности привлечь неаполитанскій народъ къ дѣлу итальянскаго единства и національной свободы!

Противъ этого мнѣнія, равно принятаго и врагами, и защитниками бурбонскаго правительства, могутъ, повидимому, свидѣтельствовать безпрестанныя возстанія и заговоры въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Дѣйствительно, въ 200 лѣтъ, прошедшихъ со времени Мазаніелло, было, конечно, по крайней мѣрѣ 100 большихъ и малыхъ волненій въ Неаполѣ и Сициліи. Если взять одно царствованіе Фердинанда, такъ и тутъ попытки противъ его правленія надо считать десятками.

Въ 1830 году, 8 ноября, вошелъ на престолъ Фердинандъ II. Немедленно по его воцареніи, по свѣдѣніямъ полиціи, оказалось, что въ королевствѣ до 800.000 карбонаріевъ, несмотря на страшныя преслѣдованія ихъ въ предшествующія царствованія. Вслѣдъ затѣмъ, дѣятельность либераловъ обнаружилась громкими криками о конституціи, и для ея полученія устроенъ былъ въ 1831 году даже заговоръ, которымъ заправлялъ министръ полиціи, Интонти. Заговоръ этотъ открытъ былъ, благодаря зоркости австрійскихъ тайныхъ агентовъ.

Въ теченіе 1833 года было открыто, одинъ за другимъ, три заго-

вора: одинъ Нирико, другой Россароля и Романо, третій Леопарди и Поэріо, — всѣ въ конституціонномъ смыслѣ, всѣ въ довольно широкихъ размѣрахъ и всѣ открытые предъ самымъ моментомъ исполненія. О послѣднемъ, доносъ сдѣланъ былъ однимъ изъ участниковъ,Ораціо Мацца, который потомъ былъ начальникомъ полиціи въ Неаполѣ и прославился своими безчинствами.

Въ 1834 году, по поводу путешествія короля, обнаружились неудовольствія въ Сициліи.

Въ 1837 году, во время холеры, произошли частныя возстанія въ Абруццахъ и въ Калабріи. Въ то же время вспыхнуло возстаніе въ Сициліи: въ Катану принуждены были послать войска.

Въ 1839 году началось движеніе въ Чивитта ди Пенна.

Въ 1842 году произошла попытка въ Аквилѣ.

Въ 1844 году открытъ заговоръ въ Козенцѣ.

Въ томъ же году — попытка братьевъ Бандьера, съ семью товарищами.

Въ 1846 г. обнародованъ мятежный „протестъ народа Обѣихъ Сицилій", написанный Сеттембрини, но послужившій къ арестаціямъ и ссылкамъ и множества другихъ подозрѣвавшихся въ либерализмѣ.

Въ 1847 году произошло волненіе въ Реджо и въ Мессинѣ.

Въ 1848 году — общая революція, въ нѣсколько пріемовъ.

Въ 1849 году — продолженіе революціи въ Сициліи.

Въ 1850 году — новая попытка возстанія въ Палермо.

Въ 1851 году — продолжалось укрощеніе мятежныхъ сициліанцевъ; считаютъ, что съ іюля 1848 года до августа 1851 въ Сициліи произведено около 1.600 казней политическихъ преступниковъ.

Въ 1856 году — волненія въ Козенцѣ и въ то же время въ Сициліи, въ Чефалу.

Въ концѣ того же года — покушеніе Агезилая Милано на жизнь Фердинанда.

Въ 1857 году — экспедиція Пизакане.

Въ 1858 году — дѣло Луиджи Пеллегрини и его сообщниковъ.

Въ 1859 году — возмущеніе въ швейцарскихъ полкахъ и потомъ начало волненій въ Сициліи, которыя разразились наконецъ революціею четвертаго апрѣля 1860 года, имѣвшею такое рѣшительное продолженіе во всемъ королевствѣ.

Въ этомъ перечнѣ мы, конечно, еще пропустили довольно много мелкихъ политическихъ процессовъ, которые въ Неаполѣ никогда не переводились, и много исторій, раздутыхъ полиціею или интригами придворныхъ партій. Такъ, напр., въ концѣ царствованія Фердинанда, въ сентябрѣ 1858 г., по поводу какого-то найденнаго трупа съ подозритель-

ными бумагами, производилось дѣло, по которому арестовано было 1.200 человѣкъ; предъ самой смертью Фердинанда готовы были вспыхнуть безпорядки по интригамъ камариллы, желавшей доставить престолъ графу Трани. Такими явленіями полна вся неаполитанская исторія не только во всѣ годы, но во всякое время года, всякій день, если хотите.

Все это, повидимому, служитъ опроверженіемъ общихъ отзывовъ о томъ, что народъ неаполитанскій чрезвычайно спокоенъ и доволенъ, что онъ не стремится къ измѣненію своего положенія и къ пріобрѣтенію политическихъ правъ. Но это только повидимому: въ самомъ же дѣлѣ, при внимательномъ взглядѣ, мы находимъ, что всѣ частныя возстанія, происходившія въ Неаполѣ, только могли убѣждать въ ничтожности и рѣшительной несостоятельности партій, стремившихся къ измѣненію существующаго порядка вещей. Народъ не только не поддерживалъ этихъ партій, но еще на нихъ же опрокидывался. Такъ, въ революцію 1848 года, замѣченъ былъ всѣми фактъ, на который, между прочимъ, ссылается аббатъ Мишонъ. „Фердинандъ, видя, что либералы образованныхъ классовъ сильно пристаютъ къ нему, ничего не нашелъ лучшаго для себя, какъ обратиться къ черни. Онъ вооружилъ изъ нея десять тысячъ, которыя ринулись на Неаполь, вторгались въ дома, заставляли трепетать всѣхъ и предавались всѣмъ возможнымъ буйствамъ и насиліямъ“... [1]). Даже тѣ изъ народа, которые присоединились къ возстанію, вовсе не понимали, чтò и зачѣмъ они дѣлаютъ. Г. Гондонъ, опровергая Гладстона и доказывая, что народъ въ Неаполѣ не только не желаетъ, но и знать не хочетъ конституціи, приводитъ слѣдующій фактъ. „Въ провинціяхъ, и даже въ самомъ Неаполѣ, когда возмутители кричали: „viva la constituzione!“ — въ народѣ слышались насмѣшливые крики: „viva la construzione! viva la costipazione! viva la contrizione!“ [2]). Вслѣдъ за усмиреніемъ волненій, къ королю, по свидѣтельству того же г. Гондона и другихъ благонамѣренныхъ людей, посыпались адресы, говорившіе, что не нужно созывать новаго парламента; и большая часть провинціальныхъ совѣтовъ выразила желаніе, чтобъ конституція была уничтожена. Писатели либеральной партіи доказываютъ, что адресы были вытребованы правительствомъ и что совѣты ничего не значили послѣ побѣды короля надъ оппозиціей въ печальный день 15 мая. Это, конечно, справедливо; но дѣло оттого нисколько не измѣняется въ своей сущности: значитъ, все-таки элементы свободы такъ были ничтожны въ Неаполѣ, что не могли противостоять абсолютизму Фердинанда, даже въ 1848, во время всеобщаго волненія и торжества революціонныхъ за-

[1]) Michon, L'Italie pol. et rel. p. 83.
[2]) La terreur dans le royaume de Naples, p. Jules Gondon, Paris, 1851, p. 145.

мысловъ во всей западной Европѣ. Безпристрастный историкъ итальянскаго движенія 1848 года, Перренсъ, указываетъ много фактовъ, объясняющихъ это торжество абсолютизма и доказывающихъ, что народъ, духовенство и армія дѣйствительно не были въ Неаполѣ расположены къ поддержкѣ новыхъ, конституціонныхъ началъ правленія. „3 августа, толпы солдатъ, сбировъ и лаццарони бѣгали по городу съ криками: „долой статутъ! Да здравствуетъ король!" — „5-го сентября, депутаты, направляясь въ палату, были оскорбляемы на улицахъ". Въ этотъ же день, одинъ священникъ Санта-Лучіанской церкви воспламенилъ толпу противъ либераловъ, какъ враговъ короля и Бога, и повелъ противъ нихъ ватаги народа, съ криками: „долой свободу! да здравствуетъ король!" [1]).

Довольно вспомнить, что уничтоженіе неаполитанскаго парламента въ 1849 году было простою полицейскою мѣрою, и что депутаты и вообще либеральные патріоты четыре года содержались въ тюрьмахъ, пока не были осуждены на каторгу, чтобы видѣть, какъ мало дѣйствительнаго участія принималъ народъ въ поддержкѣ революцій. Подобные же факты обнаруживались и послѣ: напр., въ 1857 году, въ Сапри, сельское населеніе рѣшительно напало на отрядъ инсургентовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Пизакане, и клерикальные журналы не мало кричали тогда по этому случаю о преданности неаполитанцевъ Бурбонамъ. Наконецъ, кто слѣдилъ за событіями въ Неаполѣ по газетнымъ извѣстіямъ послѣднихъ мѣсяцевъ, тотъ могъ замѣтить, что и нынѣ масса неаполитанскаго народа не очень много измѣнилась въ своихъ расположеніяхъ. Въ томъ же Санта-Лучіанскомъ приходѣ, который игралъ такую роль въ сентябрѣ 1848 года, происходило въ началѣ нынѣшняго сентября тоже волненіе, по тому поводу, что Санта-Лучіанская мадонна плакала объ отъѣздѣ короля изъ Неаполя. Реакціонныя попытки арміи и лаццарони противъ конституціи были и въ нынѣшнемъ году. Даже послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь, до самаго послѣдняго времени не переставали приходить извѣстія о заговорахъ, то тамъ, то здѣсь, въ смыслѣ возстановленія Бурбоновъ. Казалось бы, что невзгода, постигшая Франциска II, не должна считаться серьезною, что его пребываніе въ Гаэтѣ еще не совсѣмъ безнадежно, что народъ можетъ возвратиться къ нему...

Но всѣ видятъ, что на этотъ разъ бурбонская династія въ Неаполѣ получила ударъ рѣшительный, отъ котораго ей не оправиться. Всѣ видятъ, что хотя народъ неаполитанскій и оказался все еще не очень энергичнымъ сподвижникомъ своихъ освободителей, но встрѣчалъ ихъ съ энтузіазмомъ и пассивнымъ образомъ содѣйствовалъ низверженію абсолю-

---

[1]) Deux ans de révolution en Italie, p. F. T. Perrens, Paris, 1857, p. 468—470.

тистскаго правленія. Попытки реакціи не были уже сильны, какъ прежде, новыя начала восторжествовали прочно...

Что значитъ такая перемѣна и какъ она могла произойти? Мы видѣли, что народъ неаполитанскій, по своему характеру, вовсе не склоненъ къ политическимъ шалостямъ и къ ослушанію законной власти. Какъ бы ни плохо управляли имъ, онъ все терпѣлъ и прощалъ. Нужно было много работать надъ нимъ, чтобы, наконецъ, заставить его провозгласить себя противъ законной монархіи, уже не въ отдѣльныхъ личностяхъ, не въ частныхъ выходкахъ, а цѣлой массою населенія. Не было-ли, въ самомъ дѣлѣ, этой работы злоумышленниковъ надъ умами народа въ Неаполѣ, и не дано-ли имъ было слишкомъ много простора для ихъ гибельныхъ замысловъ? Если бы мы успѣли открыть это, все бы объяснилось, и странность внезапнаго паденія неаполитанскаго трона не была бы болѣе странностью. Попробуемъ, насколько возможно, заглянуть въ тайники революціонной силы, работавшей въ Неаполѣ въ новѣйшее время.

Въ западной Европѣ проводниками либеральныхъ и революціонныхъ идей считаются обыкновенно — религія, воспитаніе, литература, общественныя сходбища, тайныя общества. Всѣмъ этимъ пользуются злонамѣренные люди, для распространенія своихъ идей и для возбужденія народа къ возстанію противъ установленныхъ порядковъ. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи всѣ эти средства революціонныхъ замысловъ находились въ Неаполѣ.

Религіозные споры много разъ служили въ разныхъ странахъ Европы прикрытіемъ политическихъ требованій. Исторія реформаціи особенно полна такими фактами. Вотъ почему одинъ писатель, котораго приводили мы выше, находитъ даже, что свобода Италіи невозможна, пока протестантство туда не проникнетъ. „Нравственное первенство Италіи, равно какъ и ея независимость — говоритъ онъ — погибли такъ быстро потому, что Италія осталась чуждою реформѣ“ [1]). Г. Вернъ разсуждаетъ такъ съ своей точки зрѣнія, а г. Гондонъ, напримѣръ, съ ужасомъ и отвращеніемъ высказываетъ опасеніе, что англійская политика въ Италіи можетъ повести къ учрежденію тамъ библейскихъ обществъ и введенію ереси [2]). Взглянемъ же, во-первыхъ, какъ силенъ *еретическій* элементъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Раскроемъ хоть статистику Кольба, 1860 года [3]).

Населеніе.	9.117.000
Въ томъ числѣ—протестантовъ . . .	800
евреевъ	2.200

Остальные всѣ—католики.

[1]) Naples et les napolitains, p. Th. Vernes, p. 306.
[2]) De l'état des choses à Naples, p. 4.
[3]) G. Fr. Kolb, Handbuch der vergleich. Statistik, p. 288.

Оказывается, что опасные элементы „свободнаго разсужденія“ и „чистаго евангелія“ вовсе не такъ сильны въ Неаполѣ, чтобы могли волновать умы народа и направлять его къ исканію реформъ. Католическая церковь всегда была поборницею авторитетовъ всякаго рода противъ стремленій кичливаго разума человѣческаго, всегда укрощала гордыя страсти и поощряла терпѣніе и смиреніе. Очевидно, что религіозныя вліянія въ Неаполѣ должны были всегда дѣйствовать самымъ благопріятнымъ образомъ для сохраненія порядка и покорности Бурбонамъ.

Но форма вѣроисповѣданія сама по себѣ еще не составляетъ всего. И католическій народъ можетъ быть непокорнымъ и буйнымъ, если онъ холоденъ къ своей религіи, если онъ зараженъ скептическими началами, столь распространенными въ Европѣ съ конца прошлаго вѣка. Примѣръ вамъ—Франція: французы тоже почти всѣ католики, а между тѣмъ отношеніе ихъ къ церкви—самое легкомысленное. Поэтому, надо знать не то, къ какому исповѣданію причисляются неаполитанцы, а то, въ какой мѣрѣ проникнуты они духомъ своей религіи. На этотъ счетъ мы имѣемъ самыя удовлетворительныя свѣдѣнія. Общій отзывъ тотъ, что нѣтъ народа, болѣе преданнаго католицизму, какъ неаполитанцы. Тонъ отзывовъ, разумѣется, различается, сообразно личнымъ воззрѣніямъ каждаго автора: одни сожалѣютъ о суевѣріи и невѣжествѣ народа, другіе превозносятъ его набожность и религіозность. Мы приведемъ, для бóльшаго безпристрастія, свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

Изъ всего, что было писано о религіозности неаполитанцевъ, намъ особенно нравятся краснорѣчивыя страницы благочестиваго Жюля Гондона, въ которыхъ онъ показываетъ мелкіе недостатки, замѣчаемые въ общественной жизни и въ самыхъ постановленіяхъ. Мы считаемъ необходимымъ перевести эти страницы.

„Неаполь не избѣгъ общей участи человѣческихъ обществъ, — пишетъ г. Гондонъ: — его установленія не совсѣмъ изъяты отъ критики; они могли бы, конечно, быть на болѣе высокой степени совершенства. Я долженъ согласиться, что иностранецъ, пріѣзжающій въ Неаполь, испытываетъ тотчасъ же нѣсколько непріятныхъ впечатлѣній, которыя часто имѣютъ большое вліяніе на его сужденіе о странѣ.

„Такъ, не безъ основанія жалуются на медленность, съ которою полиція исполняетъ всѣ формальности, необходимыя для впуска путешественниковъ въ страну. Впрочемъ, это должно быть отнесено только къ манерѣ исполненія своихъ обязанностей низшими чиновниками, потому что, въ сущности, мѣры относительно пріѣзжающихъ чрезвычайно благоразумны и необходимы для предохраненія страны отъ золъ политическихъ, нравственныхъ и даже религіозныхъ, которыя могли бы вкрасться въ нее извнѣ.

„Таможенный осмотръ при въѣздѣ даетъ очень грустное понятіе о продажности низшихъ чиновниковъ по этой части, которые осматриваютъ или, лучше сказать, не осматриваютъ вашъ багажъ, только и думая о томъ, чтобы получить отъ васъ что-нибудь.

„То же зрѣлище продажности поражаетъ путешественника, когда онъ проникаетъ во внутренность страны. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ—не только необходимо представлять свой паспортъ, но эта формальность исполняется такимъ образомъ, что она кажется не мѣрою общественной безопасности, а просто предлогомъ вытянуть у путешественниковъ нѣсколько денегъ.

„Надо однакоже сказать, что эти злоупотребленія, повсюду распространенныя въ Италіи, имѣютъ свой корень въ обычаяхъ, которые ихъ оправдываютъ. Но путешественникъ, пріѣзжающій въ чужую страну, обыкновенно не старается поставить себя на точку зрѣнія своихъ хозяевъ: онъ судитъ обо всемъ по своимъ понятіямъ, сравнивая то, что видитъ, съ постановленіями, обычаями и нравами своихъ соотечественниковъ...

„Но какое блестящее вознагражденіе за эти непріятности! Едва вы вступите въ Неаполь, какъ передъ вами открывается истинный характеръ обитателей! На каждомъ шагу возстаютъ передъ вами свидѣтельства религіозной вѣры. Статуи Пресвятой Дѣвы или святыхъ украшаютъ всѣ площади. Нѣтъ ни одного памятника, пирамиды, фонтана, на верху котораго не стояло бы изображенія мадонны или почитаемаго святого, вызывая прохожихъ на благочестивыя размышленія. На углу каждой улицы вы находите нишу, гдѣ помѣщена статуя святого, подъ покровительство котораго отдали себя жители этой улицы. Это нѣчто въ родѣ маленькихъ часовенъ, поддерживаемыхъ съ благочестивымъ тщаніемъ, благолѣпно украшенныхъ; въ теченіе всей ночи предъ ними неугасимо горитъ лампада. Въ улицахъ, болѣе длинныхъ, число этихъ нишей увеличивается. Но, что еще болѣе замѣчательно,—независимо отъ этихъ общихъ выраженій благочестія,—въ каждомъ магазинѣ, самомъ богатомъ, равно какъ и въ самой бѣдной лавчонкѣ, противъ входа находится всегда образъ св. Дѣвы или святого, украшенный цвѣтами, а вечеромъ озаренный свѣчами. Это—домашніе алтари, воздвигаемые во славу высшихъ силъ, замѣнившихъ, въ нѣдрахъ христіанской семьи, домашнихъ ларъ, которыхъ почитали язычники.

„Эта религіозность физіономіи большого города составляетъ одну изъ самыхъ поразительныхъ сторонъ неаполитанской столицы. Я былъ ею тронутъ гораздо болѣе, нежели красотою залива, живописностью мѣстоположенія, блескомъ артистическихъ богатствъ и драгоцѣннѣйшихъ коллекцій древности. Свидѣтельства живой религіозной вѣры народа, со всѣхъ

сторонъ возстающія передъ очами, были для меня полнѣйшимъ ручательствомъ за него противъ клеветъ, которыя такъ упорно и безсовѣстно расточаютъ насчетъ этого добраго племени.

„Кто вздумалъ бы приписывать суевѣрію и невѣжеству эти внѣшніе знаки народнаго благочестія, тому стоило бы только, для уничтоженія своихъ сомнѣній, заняться изученіемъ простыхъ, истинно-христіанскихъ нравовъ народа. Достаточно войти, въ воскресенье или въ праздникъ, въ церковь, чтобы убѣдиться въ искренности и чистотѣ религіозныхъ чувствъ, которыя такъ ярко выражаются на каждомъ шагу въ Неаполѣ.

„Не менѣе поразительно для иностранца то уваженіе, которымъ окружаетъ народъ представителей церкви. Благоговѣніе неаполитанцевъ предъ служителями Божіими совершенно напоминаетъ время первобытной церкви Христовой: безпрестанно встрѣчаете вы лица разныхъ сословій, останавливающіяся на улицахъ предъ монахомъ или священникомъ, чтобы поцѣловать у него руку, въ знакъ благоговѣйнаго уваженія.

„Нѣтъ, что бы ни говорили апологисты протестантской Англіи,—народъ, у котораго религія образуетъ сердце, очищаетъ и возвышаетъ стремленія, не можетъ быть ниже націи, которая понимаетъ религіозную истину лишь подъ призмою ереси. И если даже смотрѣть со стороны матеріальнаго благосостоянія (которая одна только и занимаетъ извѣстные умы!), то какъ не признать, что рабочіе классы въ Италіи, и въ Неаполѣ особенно, несравненно счастливѣе работниковъ въ какой бы то ни было части Соединеннаго королевства!

„Если бы манчестерскій или бирмингэмскій работникъ захотѣлъ справлять въ теченіе года всѣ религіозныя торжества, строго соблюдаемыя въ Италіи, то его семья принуждена была бы умереть съ голоду. Въ Неаполѣ же, несмотря на чрезвычайно частые праздники, которые, освящая душу, содѣйствуютъ чрезъ то и благосостоянію тѣла, работникъ удовлетворяетъ весьма легко всѣмъ своимъ нуждамъ, съ семьею и дѣтьми. Англійскій работникъ, въ обыкновенныхъ условіяхъ, работаетъ больше, питается не лучше, семью свою содержитъ съ бо́льшимъ трудомъ и доходитъ до конца года съ бо́льшимъ истощеніемъ тѣла, не испытавъ ни одного изъ тѣхъ нравственныхъ услажденій, которыя католическая религія даетъ вкушать неаполитанскому простолюдину, находящемуся въ тѣхъ же условіяхъ. Такъ, широкое значеніе, предоставленное у католическихъ націй жизни духовной, не только не уменьшаетъ, а напротивъ, возвышаетъ матеріальное благосостояніе!“ [1]).

Въ этомъ описаніи вы видите, правда, только внѣшнюю сторону,—

[1]) De l'état des choses à Naples, p. J. Gondon, p. 173—176.

обряды и образа; вы не видите, до какой степени *духъ* христіанской религіи проникъ въ сердце народа. Г. Гондонъ не говоритъ объ этомъ ни слова, а другіе увѣряютъ, что сущность христіанства вовсе непонятна для массъ и даже для многихъ изъ самихъ духовныхъ лицъ. Такъ, напр., у г. Верна находимъ увѣренія и факты, доказывающіе, что „самая отвратительная безнравственность легко уживается у неаполитанскаго простонародья съ величайшею набожностью". Въ Калабріи и Абруццахъ безпрерывно происходятъ грабежи, но часть награбленнаго всегда идетъ на дѣла церковныя, на украшеніе иконъ, статуй, и т. п. „Это очень милый способъ преклонять небо на милость, дѣлая его своимъ сообщникомъ!"— восклицаетъ остроумный туристъ. Само духовенство хлопочетъ только о томъ, чтобы народъ больше дѣлалъ приношеній на церковь, больше крестился и клалъ поклоны передъ образами, а затѣмъ—духовное возвышеніе народа ни мало не интересуетъ его пастырей. Священники и монахи торгуютъ исповѣдью, проповѣдью, мессами: такъ, они не даютъ безъ денегъ разрѣшенія на бракъ, требуютъ платы за позволеніе ѣсть скоромное въ постные дни, продаютъ четки и частички мощей, молитвы за умершихъ, находящихся въ чистилищѣ, торгуютъ мессами, собирая деньги съ сотни персонъ, заказывающихъ службу, и отправляя ее для всѣхъ заодно. Наконецъ они придумываютъ явленія и чудеса, чтобы привлечь въ свои церкви больше народа и, слѣдовательно, больше приношеній. Такъ, напримѣръ, тотчасъ послѣ послѣдняго землетрясенія въ Неаполѣ, публиковалось avviso sacro, утверждавшее, что городъ спасенъ отъ конечной гибели единственно чудеснымъ заступленіемъ святого Эмидіо и, вслѣдствіе того, приглашавшее народъ устремиться въ церковь его, для принесенія ему благодарности. Священники собора св. Дженнаро обидѣлись за своего святого и весьма энергически объявили, что, напротивъ, дѣло спасенія города принадлежитъ вовсе не Эмидіо и никому другому, а святому Дженнаро, который всегда былъ особенно популяренъ въ Неаполѣ. Подобнаго рода разногласіе между членами духовенства произошло по поводу вопроса о новомъ догматѣ безпорочнаго зачатія св. Дѣвы. Скоттисты, поддерживавшіе догматъ, опирались, между прочимъ, на откровеніе св. Бригитты, которая почти положительно рѣшала вопросъ въ ихъ пользу. Но, къ несчастію, св. Катерина, по увѣренію томистовъ, объявила совершенно противное! Подобныя разногласія, разумѣется, не обходятся безъ маленькаго скандала, о которомъ г. Вернъ довольно лукаво сожалѣетъ. Вообще же онъ находитъ, что у неаполитанцевъ „живая вѣра Христова и истинное религіозное чувство превратились въ жалкій фетишизмъ" [1]).

[1]) Naples et les Napol., chap. V—VI, Religion, miracles.

Не приводя другихъ свидѣтельствъ, заподазривающихъ цѣну неаполитанской религіозности, не можемъ умолчать однако, что г. Мишонъ, хотя и аббатъ, къ сожалѣнію, совершенно сходится въ своихъ отзывахъ съ людьми либеральнаго образа мыслей. Аббатъ очень остроумно подсмѣивается, напримѣръ, надъ неаполитанскими проповѣдниками, приводя въ примѣръ анализъ одной проповѣди какого-то отца Джузеппе Фуріа на тему, что „цѣломудріе равняетъ человѣка съ ангелами". Вся проповѣдь, говоритъ аббатъ Мишонъ, была чисто въ аскетическомъ духѣ; отецъ Фуріа не дѣлалъ ни малѣйшаго примѣненія къ общественной жизни, ни малѣйшей уступки даже супружескимъ отношеніямъ, — онъ требовалъ чистѣйшаго цѣломудрія и разсыпался для него въ самыхъ яркихъ метафорахъ и благоуханныхъ фразахъ, съ весьма патетическими жестами, по обыкновенію. „Разумѣется, не такія проповѣди могутъ оживлять добрыя стремленія въ душѣ и укрѣплять человѣка въ практической жизни,— замѣчаетъ аббатъ Мишонъ; — а между тѣмъ всѣ почти проповѣдники въ Неаполѣ берутъ темы столько же безплодныя и отвлеченныя, слѣдуютъ той же рутинѣ и схоластикѣ". Вообще онъ замѣчаетъ, что духовенство въ Неаполѣ плохо образованно, грубо и часто не понимаетъ даже своихъ обязанностей. Служителями церкви дѣлаются отъ некуда-дѣваться. Къ одному изъ аристократовъ Неаполя явился молодой дюжій парень, съ грубыми замашками, одѣтый клеркомъ; священникъ, который привелъ его, просилъ синьора внести за него плату, необходимую для того, чтобы молодой человѣкъ могъ получить священство. Синьоръ былъ непріятно удивленъ и замѣтилъ: „помилуйте, да ему бы лучше въ солдаты идти!" — „Это правда, — замѣтилъ священникъ: — но онъ очень труслив ъ!" Въ этомъ и состояло его призваніе къ священству, — ядовито замѣчаетъ аббатъ Мишонъ [1]).

Мы не имѣемъ особеннаго интереса защищать католическое духовенство бывшихъ неаполитанскихъ владѣній; мы не рѣшаемся на это тѣмъ болѣе, что въ недостаткахъ его сознаются сами его защитники. Такъ, напр., виконтъ Лемерсье соглашается, что „духовенство неаполитанское далеко не такъ безукоризненно, какъ французское; количество его, слишкомъ значительное въ сравненіи съ народонаселеніемъ, заставляетъ его, болѣе чѣмъ нужно, соприкасаться съ теченіемъ дѣлъ житейскихъ; они входятъ въ семейства болѣе въ качествѣ знакомыхъ, нежели духовныхъ отцовъ. Уваженіе къ ихъ священному званію ничуть не страдаетъ отъ этого, но самая личность уже не внушаетъ духовнаго благоговѣнія. У народа, менѣе религіознаго, такія отношенія скоро породили бы ссоры и даже скандалы; но

---

[1]) L'Italie pol. et rel., p. 110, 113.

у неаполитанцевъ, не вредя нимало ихъ вѣрѣ, они только уменьшаютъ престижъ священнической рясы“ [1]). Впрочемъ, благородный виконтъ кончаетъ тѣмъ, что все это — пустяки, и что „никакимъ образомъ не должно вѣрить баснямъ относительно клира, вымышленнымъ людьми, которые желали бы уменьшить спасительное вліяніе духовенства на массы“. Вотъ этото намъ и нужно, это для насъ главное. Пусть духовенство будетъ и грубо, и не безукоризненно въ своемъ поведеніи, и необразованно; мы спорить не станемъ. Но оно имѣетъ огромное вліяніе на массы—вотъ фактъ, котораго никто не отрицаетъ. Фактъ этотъ указывается уже самымъ количествомъ духовенства въ Неаполѣ. Аббатъ Мишонъ говоритъ, что количество духовныхъ считаютъ въ Неаполѣ равнымъ около трети всего мужского населенія. Эту цыфру онъ считаетъ очень преувеличенною; но, чтобы дать понятіе о многочисленности клира, даетъ слѣдующую мѣрку: „однажды,—говоритъ онъ,—идя по улицѣ Толедо, я изъ любопытства вздумалъ считать священниковъ, которые мнѣ встрѣчались: въ теченіе получаса я насчиталъ ихъ 120, и бросилъ считать“. Ясно, что если даже не нравственнымъ вліяніемъ, то однимъ своимъ присутствіемъ духовенство должно составлять въ Неаполѣ значительную силу. Но и вліяніе его велико; объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ всего лучше люди, враждебные къ нему. Такъ, г. Теодоръ Вернъ пишетъ: „если законы въ Неаполѣ вообще мало оказываютъ вліянія на нравы, за то совершенно противное надо сказать о религіи, дѣйствующей различными средствами и на личность, и на семейство, и на цѣлое общество. Духъ католическій и клерикальный здѣсь господствуетъ и управляетъ, и на немъ-то лежитъ почти вся отвѣтственность за настоящее положеніе вещей. Онъ, въ теченіе вѣковъ, упорно работалъ надъ тѣмъ, чтобы понизить нравственный и умственный уровень народнаго характера. Теперь онъ отказался, правда, отъ ужасныхъ мѣръ среднихъ вѣковъ: онъ не убиваетъ тѣла, но за то вынимаетъ изъ него душу“ [2]).

Мы знаемъ, что значатъ эти выраженія въ устахъ Верна, и изъ его словъ мы дѣлаемъ простое заключеніе, что вліяніе клира въ Неаполѣ—огромно и что оно всегда было направлено къ тому, чтобы смирить кичливое недовольство, успокоить страсти и внушить народу послушаніе и самоотверженіе. Этого было бы довольно намъ для вывода, что церковь въ Неаполѣ всегда была помощницею законной власти Бурбоновъ, а никакъ не возбуждала народъ къ волненіямъ и недовольству. Но, чтобы окончательно разрушить всякое сомнѣніе по этой части, мы должны коснуться еще одного подозрѣнія, которое въ послѣдніе годы распространено было злонамѣренными людьми насчетъ непріятностей, возникшихъ, будто бы,

[1]) Quelques mots de vér. s. Naples, p. 18.

[2]) Naples et les Napol., p. 165.

между Фердинандомъ II и святѣйшимъ отцомъ. Трудно было бы повѣрить этому, зная, какъ благочестивъ былъ король неаполитанскій и какъ много дѣлалъ онъ для церкви. Извѣстно, напр., что онъ назначилъ святого Игнатія Лойолу маршаломъ своей арміи и опредѣлилъ ему огромное жалованье, которое выплачивалось обществу іезуитовъ [1]). Извѣстно, что духовный отецъ Фердинанда, монсиньоръ Кокль, имѣлъ на него такое сильное вліяніе, что его считали даже превышающимъ вліяніе начальника полиціи, Делькаретто. Извѣстно, что король строго выполнялъ всѣ религіозные обряды, аккуратно являлся въ церковь, когда должно было совершаться чудо съ кровью св. Дженнаро, просилъ о совершеніи этого чуда даже тогда, когда рѣшился освѣтить газомъ свою столицу [2]). Извѣстно, что по его желанію въ Римѣ, въ послѣдніе годы его жизни, наряжена была коммиссія о причисленіи къ лику святыхъ первой жены его, Маріи-Христины, умершей въ 1836 году [3]).

---

[1]) L'Italie moderne, p. Ch. Mazade, p. 270.

[2]) Когда что-нибудь противное небесамъ совершится въ Неаполѣ, тогда чудо не дѣлается—кровь св. Дженнаро не растворяется. Вотъ почему, для успокоенія народа, боявшагося газоваго освѣщенія, должны были прибѣгнуть къ св. Дженнаро: чудо совершилось, и народъ успокоился, видя, что газъ не противенъ святому. Въ послѣднее время писали, что клерикальная партія хотѣла устроить, чтобы чудо не совершилось, послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь; но Гарибальди устроилъ дѣло по-своему.

[3]) Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить нашимъ читателямъ назидательный разсказъ г. Жюля Гондона (De l'état des choses à Naples, p. 201—202) объ открытіи мощей королевы, 1853 г., 31 января, въ день годовщины ея смерти. «Гробъ, заключавшій останки ея, былъ открытъ, по нарочитому повелѣнію его святѣйшества, въ присутствіи кардинала-архіепископа неаполитанскаго, всѣхъ членовъ епископіи, придворнаго священника, папскаго нунція, шести придворныхъ особъ и другихъ лицъ, *трехъ первыхъ хирурговъ* столицы и двухъ придворныхъ дамъ, принявшихъ послѣдніе вздохи королевы. Гробъ былъ открытъ очень осторожно, и каково же было всеобщее изумленіе, когда тѣло обрѣтено было нетлѣннымъ, во всѣхъ своихъ членахъ, и мягкимъ, какъ у человѣка заснувшаго. У умершей поднимали руки, и пр., и онѣ безъ всякаго затрудненія принимали или прежнее свое положеніе, или всякое другое, какое хотѣли дать имъ. При этомъ не замѣчено въ тѣлѣ ни одного изъ признаковъ тлѣнія: зубы были всѣ на своемъ мѣстѣ, вѣки и рѣсницы не потерпѣли никакого измѣненія, зрачки остались полны блеска, волосы держались какъ при жизни! Замѣтна была только во всемъ тѣлѣ нѣкоторая худоба и темный цвѣтъ кожи. Въ минуту раскрытія гроба всѣ присутствующіе ощутили благоуханіе. А между тѣмъ, передъ смертью тѣло королевы было все сожжено антоновымъ огнемъ, почернѣло и смердѣло такъ, что никто не могъ выносить запаха, и въ теченіе трехъ дней должны были держать окна открытыми. Не нужно забывать и того, что такъ какъ королева не хотѣла, чтобы ея тѣло анатомировали, то при бальзамированіи внутренности изъ нея не были вынуты.—По окончаніи различныхъ испытаній, произнесли торжественную клятву надъ святымъ евангеліемъ и, написавъ на пергаментѣ протоколъ событія, положили его въ вазѣ къ ногамъ трупа; потомъ запечатали гробъ двѣнадцатью печатями и опустили въ мраморную гробницу, заранѣе для того приготовленную и поставленную въ такомъ мѣстѣ церкви, гдѣ всякій можетъ удобно приближаться къ

Все это уже свидѣтельствуетъ въ пользу полнѣйшаго согласія бурбонскаго правительства съ папскимъ. Но, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было между ними маленькое недоразумѣніе по поводу іезуитовъ. Враги порядка и добраго согласія хотѣли воспользоваться этимъ, чтобы прокричать о несогласіяхъ между Римомъ и Неаполемъ. Но вотъ что говоритъ по этому поводу благочестивый Жюль Гондонъ. „Будьте увѣрены, что чувства короля въ отношеніи къ сынамъ св. Игнатія совершенно таковы же, какъ и самой церкви, и доказательствомъ этому служитъ неограниченное довѣріе, которымъ пользуются члены этого славнаго общества во всемъ королевствѣ. Свобода дѣйствій, предоставленная іезуитамъ, не имѣетъ предѣловъ; можно сказать, что имъ ввѣрилъ король воспитаніе всѣхъ классовъ общества. Недавно поручено имъ было управленіе церковною школою, куда приходили отличнѣйшіе члены клира изъ разныхъ діоцезовъ; они и теперь воспитываютъ дѣтей аристократовъ, въ благородныхъ коллегіумахъ, и дѣтей средняго класса, въ лицеяхъ; они имѣютъ своихъ профессоровъ въ военной школѣ; духовное направленіе арміи поручено ихъ усердію; тюрьмы отданы въ ихъ полное распоряженіе; госпитали открыты для ихъ отеческихъ попеченій. Такимъ образомъ, за исключеніемъ нормальной церковной школы, іезуиты управляютъ всѣми учрежденіями, и непріятности, происшедшія недавно и направленныя болѣе противъ нѣкоторыхъ личностей, хотя и опечаливаютъ всѣ католическія сердца, но не должны подавать повода къ сомнѣніямъ въ продолженіи наилучшихъ отношеній между королемъ и святѣйшимъ отцомъ“ [1]).

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ рѣшительному заключенію, что одна изъ самыхъ важныхъ силъ, управляющихъ жизнью народа, религія— была въ Неаполѣ постоянно въ союзѣ съ королевской властью, и что служители религіи, имѣя огромное вліяніе, располагали народъ не къ нововведеніямъ и самовольству, а къ послушанію, самоотверженію и сохраненію утвержденныхъ порядковъ и обычаевъ. Консерватизмъ религіозный неразлучно связывался съ консерватизмомъ политическимъ.

Теперь перейдемъ къ другой силѣ—воспитанію. Мы знаемъ, что идеи, внушаемыя въ первые годы ученья, очень глубоко западаютъ въ душу, и что отъ направленія общественнаго воспитанія въ данный періодъ много зависитъ политическое состояніе народа и государства, иногда въ цѣломъ

ней. Несмѣтныя толпы приходятъ на поклоненіе къ гробницѣ той, которая при жизни была обожаема своими подданными. Состояніе, въ какомъ найдено ея тѣло, служитъ залогомъ, что послѣ своей смерти она будетъ расточать благодѣянія еще болѣе многочисленныя и великія, нежели какія разливала во время своего странствованія въ семъ мірѣ. Уже разсказываютъ многія чудеса!.. О, могущество милосердія Божія, воздвигающаго святыхъ на всѣхъ степеняхъ и во всѣхъ состояніяхъ!..»

[1]) Jules Gondon, De l'état des choses à Naples, p. 198.

рядѣ поколѣній. Въ Неаполѣ и эта сторона представляется намъ въ самомъ удовлетворительномъ видѣ. Нѣсколькими строками выше, изъ свидѣтельства г. Гондона мы узнали, что воспитаніе всѣхъ классовъ общества въ Неаполѣ ввѣрено было іезуитамъ. Этого уже довольно, чтобы не подозрѣвать въ неаполитанскомъ воспитаніи даже и тѣни какого-нибудь либерализма. Стоитъ вспомнить нападки на іезуитовъ, хоть, напр., во Франціи, въ 1844 и 1845 годахъ. Тогда гг. Мишле и Кине читали публичныя лекціи о зловредности іезуитовъ, и вся сущность обвиненій, направленныхъ этими либералами противъ почтеннаго ордена, состояла въ томъ, что „іезуиты задерживаютъ дѣло свободы, іезуиты препятствуютъ успѣху новыхъ идей, іезуиты составляютъ контръ-революцію". Понятно, слѣдовательно, въ какомъ направленіи должно было совершаться, подъ ихъ руководствомъ, воспитаніе неаполитанскаго народа! Не даромъ Гарибальди, какъ только овладѣлъ королевствомъ, такъ и выгналъ ихъ — и изъ Сициліи, и изъ Неаполя—и даже конфисковалъ ихъ имѣнія. Понятно, что для революціонеровъ это были самые опасные люди.

Чтобъ не останавливаться на простыхъ соображеніяхъ a priori, мы, однако, и здѣсь приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ и фактовъ. Вотъ слова Монтанелли, изъ которыхъ видно, что дѣйствіе воспитанія систематически было направляемо къ цѣлямъ, сообразнымъ съ волею правительства, и что въ этомъ случаѣ само духовенство, при всемъ просторѣ своихъ дѣйствій, было подвержено строгому контролю. „Независимо отъ своихъ прямыхъ средствъ, которыми католическое духовенство сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы, оно владѣло въ Неаполѣ еще средствами особыми, данными ему прямо отъ правительства, и между прочимъ—неограниченной властью въ дѣлѣ народнаго образованія. Изъ четырехъ университетовъ, — въ Неаполѣ, Палермо, Мессинѣ и Катанѣ, — только въ одномъ послѣднемъ начальникъ не былъ духовный. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были заведены школы, учреждался комитетъ изъ четырехъ священниковъ и полицейскаго коммиссара для наблюденія за воспитанниками. Комитетъ этотъ давалъ позволеніе вступить въ школу только тѣмъ, которые предварительно приписывались къ какому-нибудь религіозному обществу. Лицеи, семинаріи, коллегіумы и всѣ вообще учебныя заведенія были въ рукахъ іезуитовъ. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ считалось (въ началѣ царствованія Фердинанда) болѣе 60.000 духовныхъ, въ томъ числѣ 30.000 монаховъ. Правительство заботилось, чтобы начальники этой арміи — архіепископы, епископы, приходскіе священники, настоятели монастырей, игумны—избираемы были изъ самыхъ раболѣпныхъ и низкихъ, для того, чтобъ всякій священникъ или монахъ, сохранившій подъ полукафтаньемъ или клобукомъ чувства гражданина (а въ такихъ тоже не было недостатка

у неаполитанской демократіи), были подвержены строгой инквизиціи въ своей же кастѣ“ [1]).

Но, не довольствуясь усердіемъ іезуитовъ, бурбонское правительство чрезвычайно тщательно слѣдило само за всѣмъ, что могло казаться подозрительнымъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Такъ, напримѣръ, университетъ неаполитанскій, котораго профессора въ прежнее время особенно славились и имѣли вліяніе на молодежь, былъ постоянно стѣсняемъ очень суровымъ контролемъ. Въ 1848 году многіе изъ профессоровъ принуждены были удалиться или брошены въ тюрьму, и съ тѣхъ поръ университетъ начинаетъ падать. Лучшіе изъ профессоровъ, успѣвшіе избѣжать тюрьмы и ссылки, поселились въ Туринѣ, въ Парижѣ, и тамъ читали лекціи. Оставшіеся были такъ стѣснены и матеріально, и нравственно, что не могли высказывать и того немногаго, что имѣли на душѣ. Несмотря на то, увеличеніе студентовъ въ университетѣ показалось Фердинанду опаснымъ признакомъ умничанья молодежи, и потому, въ 1854 году, изданъ былъ указъ, запрещавшій поступать въ неаполитанскій университетъ молодымъ людямъ, кромѣ только тѣхъ, которые по происхожденію принадлежали къ провинціи Неаполитанской или Лабурской. Въ другихъ провинціяхъ предполагались *академіи* для молодыхъ людей, и указъ редижированъ былъ въ смыслѣ заботливости правительства о семейной нравственности и экономіи: мѣстныя академіи назначены были къ тому, чтобы предохранить семейства отъ напрасныхъ тратъ, а молодежь — отъ нравственныхъ опасностей, неизбѣжно грозящихъ юношѣ, оставляющему родительскій кровъ. Само собою разумѣется при этомъ, что провинціальныя академіи никакимъ образомъ не могли равняться съ неаполитанскимъ университетомъ въ размѣрахъ и достоинствѣ своихъ курсовъ.

Что касается до самихъ университетовъ, то программы и правила ихъ всегда были очень хорошо составлены и давали широкую свободу преподаванію. Но это вовсе не значило, чтобы правительство отвращало отъ нихъ свое бдительное око. Напротивъ, оно зорко слѣдило за всѣмъ, что дѣлалось въ университетахъ, и при первомъ подозрѣніи принимало благоразумныя мѣры. Монтанелли говоритъ о двухъ профессорахъ неаполитанскаго университета, Саличетти и Саварезе, которыхъ оставляли на ихъ каѳедрахъ съ тѣмъ только, чтобы они не читали своихъ курсовъ [2]). Вообще, открытіе каждаго курса должно было сначала получить разрѣшеніе правительства, черезъ посредство полиціи. Случалось такъ, что позволеніе давалось, но потомъ, послѣ новыхъ соображеній, отмѣнялось наканунѣ открытія курсовъ. Г. Вернъ разсказываетъ такой случай объ одномъ про-

---

[1]) Montanelli, Mémoires sur l'Italie, Paris, 1857, t. II, p. 80.
[2]) Mont. Mém. s. l'Italie, t. II, p. 110.

фессорѣ права, человѣкѣ самаго скромнаго характера и извѣстнаго преданностью королю; единственная причина запрещенія его курса состояла въ томъ, что его чтенія могли возбудить толки о разныхъ формахъ правленія и о правительственныхъ мѣрахъ [1]). Впрочемъ, иногда даже и этихъ соображеній не нужно было, чтобы затруднять курсы: такъ, по свидѣтельству Монтанелли, полиція вмѣшивалась даже въ курсы физики Меллони [2]). Только изученіе древнихъ языковъ поощрялось необыкновенно, разумѣется, исключительно съ филологической точки. Чтеніе древнихъ писателей, въ родѣ Аристофана, Демосѳена, Тацита, и проч., было даже запрещено, но многіе годы усиленнаго труда употребляемы были для изученія всѣхъ лингвистическихъ трудностей и филологическихъ тонкостей. Кончалось тѣмъ, что молодые люди, отлично выучивши всѣ грамматики и половину лексиконовъ греческихъ и латинскихъ, получали отвращеніе къ чтенію древнихъ писателей и употребляли свое знаніе лишь на сочиненіе казенныхъ разсужденій на заданныя темы. Но нельзя не сознаться, что занятіе древними языками много спасало ихъ отъ вольнодумныхъ разсужденій о настоящемъ порядкѣ вещей и отъ опасныхъ мечтаній о будущемъ.

Кромѣ прямыхъ запрещеній, дѣйствовали на ходъ образованія и мѣры посредственныя, состоявшія, напримѣръ, въ томъ, что послушаніе и хорошее поведеніе награждались вниманіемъ и поощреніемъ предпочтительно предъ всѣмъ остальнымъ. И это примѣнялось не только къ личностямъ, но даже къ цѣлымъ заведеніямъ. Такъ, напримѣръ, музыкальная консерваторія въ Неаполѣ постоянно пользовалась нерасположеніемъ Фердинанда и лишена была всякой правительственной поддержки въ послѣднее время, за неблаговидное поведеніе ея воспитанниковъ въ 1848 году. Двое отличнѣйшихъ итальянскихъ астрономовъ, Нобиле и Капоччи, одинъ за другимъ бывшіе директорами обсерваторіи Capo di-Monte, оба были отставлены за либеральныя идеи. Профессора сицилійскихъ университетовъ получали за свои уроки плату, составлявшую содержаніе по $2^{1}/_{2}$ франка (около 60 коп.) въ день,—это почти равнялось жалованью швейцарскихъ солдатъ и жандармовъ въ Неаполѣ [3]). Указываютъ также не одинъ примѣръ, что ученые или профессора, не получая никакихъ пособій отъ правительства и имѣя весьма скудное содержаніе, разорялись на научные опыты и принуждены были отказываться отъ своихъ занятій. Даже въ отношеніи къ прошедшему было то же самое. Въ бурбонскомъ музеѣ никогда не хотѣли позаботиться о пріобрѣтеніи картинъ Сальватора Розы,

[1]) Naples et les Napol., p. 60.
[2]) Mont. Mém. s. l'It., p. 82.
[3]) Hist. de l'Italie, p. J. Ricciardi, p. 69.

хотя это былъ лучшій изъ художниковъ, рожденныхъ въ Неаполѣ, но его политическія убѣжденія были не хороши, и потому картины его считались, даже и по прошествіи двухъ столѣтій, недостойными Бурбонскаго музея...

По этимъ даннымъ нетрудно составить себѣ понятіе о томъ, до какой степени могло возмущать неаполитанскихъ юношей направленіе, вредное правительству. Ясно, что ему прокрасться не было почти никакой возможности. Но мы знаемъ еще болѣе: мы имѣемъ въ рукахъ подлинное указаніе на то, какъ священники и іезуиты старались проводить направленіе, сообразное съ видами правительства. Въ письмахъ Гладстона цитирована одна книга, сочиненная для употребленія въ школахъ въ Неаполѣ. Тамъ, между прочимъ, есть наставленія и объ отношеніи подданныхъ къ правительству. Гладстонъ, въ качествѣ англичанина, думаетъ, что наставленія эти ужасны и неимовѣрны, и потому опасается даже, чтобъ его цитаціи не заподозрили въ невѣрности и преувеличеніи. Оттого онъ съ забавной подробностью и описываетъ удивительную для него книгу и приводитъ полное ея заглавіе. Вотъ оно: „Catechismo philosofico per uso delle scuole inferiori. Napoli, presso Raffaele Mirondo. 1850“. Въ другомъ изданіи, катехизисъ этотъ составляетъ, по словамъ Гладстона, часть коллекціи, называемой: „Collezione di buoni libri a favore della verità e della virtù“. Имени автора на ней нѣтъ, но приписывали ее канонику Аппуцци, бывшему во главѣ комитета народнаго просвѣщенія. Катехизисъ этотъ имѣетъ латинскій эпиграфъ: „videte, ne quis vos decipiat per philosophiam“ (смотрите, чтобы кто-нибудь не обманулъ васъ философіей), и посвященъ „государямъ, епископамъ, начальникамъ, наставникамъ юношества и всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ». Въ предисловіи авторъ говоритъ, что „правительство желаетъ ввести во всѣ школы преподаваніе практической философіи по этой книгѣ, и что за преподавателями постоянно будутъ невидимо слѣдить, точно-ли они исполняютъ свои обязанности относительно внушенія юношамъ здравыхъ понятій, заключающихся въ катехизисѣ“, и пр. и пр. [1]).

Все это Гладстонъ приводитъ за тѣмъ, чтобы внушить болѣе ужаса къ режиму, при которомъ могутъ быть въ ходу такія книги. Но мы, зная „Катехизисъ“ только по его цитатамъ, вовсе не находимъ его такъ безнравственнымъ и потому не намѣрены приходить отъ него въ ужасъ. Мы приведемъ его цитаты единственно за тѣмъ, что онѣ показываютъ, какъ усердно и основательно съ самыхъ малыхъ лѣтъ внушались подданнымъ Фердинанда и Франциска начала долга и повиновенія законной власти.

---

[1]) Two letters to the Earl of Aberdeen, on the State Prosecutions of the Neapolitan government. стр. 50, 51 и сл.

„Катехизисъ“ написанъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, по обыкновенной манерѣ катехизисовъ. Но напрасно было бы искать въ немъ какого-нибудь сходства съ тѣми катехизисами, какіе мы знаемъ и по которымъ каждый изъ насъ учился, У насъ обыкновенно учитель спрашиваетъ, а ученикъ отвѣчаетъ; здѣсь же совершенно наоборотъ — учитель отвѣчаетъ на вопросы ученика. Такимъ образомъ книга, цитируемая Гладстономъ, не представляетъ ни малѣйшаго подобія съ обычными катехизисами, употребляемыми въ нашихъ школахъ. Учитель объясняетъ ученику, между прочимъ, значеніе королевской власти, говоря, что власть эта не только божественнаго происхожденія, но, сверхъ того, по самой своей сущности, должна быть неограниченна. Ученикъ спрашиваетъ:

„— А можетъ-ли самъ народъ установить основные законы въ государствѣ?

„— Нѣтъ, отвѣчаетъ учитель;—потому что конституція или основные законы необходимо составили бы ограниченіе верховной власти. А эта власть не можетъ подчиняться никакой мѣрѣ, никакому предѣлу, развѣ только по собственному желанію государя; иначе она и не была бы властью верховною и высшею, учрежденною самимъ Богомъ для блага обществъ.

„Ученикъ. А если народъ, избирая государя, предложитъ ему извѣстныя условія и ограниченія, могутъ-ли они составлять конституцію или основные законы для государства.

„Учитель. Да, если только государь *самъ свободно* ихъ принялъ и утвердилъ. Въ противномъ случаѣ,—нѣтъ, потому что народъ созданъ для того, чтобы повиноваться, а не приказывать, и, слѣдовательно, не можетъ предписывать законовъ властителю, который власть свою получаетъ не отъ народа, а отъ Бога.

„Ученикъ. Предполагая, что владѣтель, принимая управленіе государствомъ, принялъ и утвердилъ конституцію и обѣщалъ или поклялся хранить ее — обязанъ-ли онъ сдержать свое обѣщаніе и соблюдать эту конституцію или основные законы?

„Учитель. Да, если только это не разрушаетъ основаній верховной власти и не противно общимъ интересамъ государства.

„Ученикъ. Почему же вы находите, что государь не обязанъ соблюдать конституцію, какъ скоро она посягаетъ на права его верховной власти?

„Учитель. Мы уже рѣшили, что верховная власть есть высочайшая и неограниченная, установленная Богомъ для блага общества, и эта власть, ниспосланная отъ Бога, какъ необходимая, должна быть сохраняема ненарушимо и неприкосновенно; она не можетъ быть ограничена или уменьшена человѣкомъ, безъ противленія законамъ природы и боже-

ственной волѣ. Поэтому, во всѣхъ случаяхъ, когда народъ захочетъ постановить правила, ограничивающія верховную власть, и когда государь обѣщаетъ соблюдать эти правила, — подобная претензія народа есть нелѣпость, а обѣщаніе недѣйствительно, и государь вовсе не обязанъ сохранять конституцію, которая противна велѣніямъ Божіимъ; напротивъ, онъ обязанъ сохранять вполнѣ и ненарушимо верховную власть, отъ Бога установленную и отъ Бога ему ввѣренную.

„Ученикъ. Кому же принадлежитъ право рѣшать, нарушаетъ-ли конституція права верховной власти и противна-ли она благу народа?

„Учитель. Это дѣло самого властителя, потому что въ немъ обитаетъ высшая и абсолютная власть, установленная Богомъ въ государствѣ, для сохраненія въ немъ добраго порядка и благосостоянія.

„Ученикъ. Нѣтъ-ли опасности, что властелинъ можетъ нарушить конституцію безъ законной причины, введенный въ заблужденіе или увлеченный страстью?

„Учитель. Ошибки и страсти — это болѣзни человѣческаго рода; но благо здоровья не слѣдуетъ отвергать изъ опасенія болѣзни.

„Ученикъ. Почему же вы полагаете, что государь можетъ нарушить конституцію, если находитъ ее противною интересамъ государства?

„Учитель. Богъ ввѣрилъ властителямъ верховную власть для того, чтобъ они устраивали благо общества; въ этомъ, значитъ, и состоитъ первая обязанность государства. Поэтому, если данная конституція или основной законъ оказываются вредны, то они теряютъ свою обязательную силу для государства. Предположите, что докторъ обѣщался и поклялся больному, что онъ ему пуститъ кровь, а потомъ убѣдился, что кровопусканіе будетъ гибельно больному; ясно, что онъ долженъ преступить свою клятву, потому что выше всѣхъ клятвъ и обѣщаній для медика стоитъ обязанность заботиться объ излѣченіи больного. Такъ точно и для государя высшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о благѣ своихъ подданныхъ: никакая клятва не можетъ обязывать человѣка дѣлать зло, и, слѣдовательно, никакой клятвой властитель не можетъ быть принужденъ дѣлать то, что онъ признаетъ вреднымъ для своихъ подданныхъ. Сверхъ того, наконецъ, глава католической церкви имѣетъ дарованное ему отъ Бога право разрѣшать совѣсть отъ данной клятвы, когда онъ находитъ для того достаточныя основанія“.

Какъ протестантъ, Гладстонъ возмущается послѣднимъ пунктомъ; какъ англичанинъ,—онъ считаетъ „безнравственными и отвратительными“ всѣ понятія, внушаемыя ученику искуснымъ учителемъ. Гладстонъ такъ крѣпокъ въ противныхъ убѣжденіяхъ, что не считаетъ нужнымъ даже доказывать своей мысли о „вредѣ и низости“ принциповъ „Философскаго

Катехизиса". Но нашлись благоразумные люди, которые ему сказали: „да что же тутъ безнравственнаго? Это очень справедливо, это превосходно! Честь и слава клиру неаполитанскому, бодрствующему надъ спасеніемъ душъ и охраненіемъ порядка общественнаго! Слава и мудрому правительству, такимъ образомъ споспѣшествующему вѣчной истинѣ проникать въ сознаніе народа", и пр. [1]). Мы, съ своей стороны, не имѣемъ надобности распространяться предъ нашими читателями о томъ, что не можемъ выразить согласія съ понятіями Гладстона и должны скорѣе принять мнѣнія г. Гондона, нежели его. Если что мы можемъ не одобрить въ „Катехизисѣ", такъ это одно—излишнее распространеніе съ юношами о такихъ вещахъ, которыя не относятся къ ихъ прямому назначенію и которыя должны быть ими приняты безпрекословно, безъ всякихъ разсужденій. Юноша, принадлежащій къ неаполитанскому обществу, долженъ былъ знать, безъ всякихъ катехизисовъ, что въ Неаполѣ царствуютъ Бурбоны, и что они должны издавать законы, отмѣнять или улучшать ихъ, а онъ долженъ только повиноваться всѣмъ распоряженіямъ власти. Стараясь ему доказывать это, „Катехизисъ" могъ внушить ему кичливое мнѣніе, будто онъ можетъ всегда требовать резоновъ для своего послушанія и разсуждать о томъ, согласна-ли наконецъ власть Бурбоновъ съ самимъ Божественнымъ правомъ! Это ужъ было бы очень дурно. Но мы находимъ извиненіе для автора „Катехизиса" въ обстоятельствахъ, при которыхъ была написана его книга: это было въ 1850 году, когда революція только-что еще укрощалась въ Неаполѣ, когда противъ короля повсюду слышались обвиненія, что онъ измѣнилъ конституціи, которой присягалъ торжественно, и пр. Въ виду такихъ толковъ и въ надеждѣ на силу своего убѣжденія, каноникъ Аппуцци и рѣшился поставить вопросъ довольно прямо. По нашему мнѣнію, его „Катехизисъ" весьма хорошо приспособленъ для своей цѣли, тѣмъ болѣе, что къ этой цѣли, какъ мы видѣли, вело и все остальное въ воспитаніи неаполитанскаго юношества.

Такимъ образомъ, вторая сила, образующая общества и опредѣляющая ихъ характеръ, вовсе не была направлена въ Неаполѣ къ возбужденію умовъ противъ правительства Бурбоновъ, а, напротивъ, всячески содѣйствовала его укрѣпленію.

Собственно говоря, этого и довольно было бы для полнаго убѣжденія, что все неаполитанское общество и народъ были направляемы наилучшимъ образомъ, въ смыслѣ постоянной покорности и сохраненія власти Бурбоновъ. Три остальныя явленія, названныя нами выше,—литература, общественныя собранія и тайныя общества,—составляютъ уже не болѣе, какъ

[1]) Jules Gondon. Terreur à Naples, p. 156.

частности, далеко не имѣющія надъ умами такой силы, какъ религія и воспитаніе. Но весьма много есть людей, придающихъ имъ преувеличенное значеніе и даже имъ однимъ приписывающихъ часто не только народныя волненія, но и всякаго рода неприличности. Недавно, напримѣръ, въ Парижѣ полиція закрыла балы въ залѣ Бартелеми, гдѣ канканировали ужъ слишкомъ откровенно: одинъ изъ ультрамонтанскихъ журналовъ вошелъ по этому поводу въ нравственныя разсужденія, которыхъ смыслъ былъ тотъ: вотъ что значитъ читать дурные журналы, въ родѣ „Siècle" и „Opinion Nationale", отвергающіе и свѣтскую власть папы, и все святое!.. Мы помнимъ также инспектора одного учебнаго заведенія, гдѣ мы воспитывались,—который, поймавши воспитанниковъ съ папироскою, входилъ въ страшный азартъ и принимался увѣрять, что все это вліяніе Гоголя и натуральной школы!.. Для подобныхъ людей необходимо разсмотрѣть и то, не подкапывался-ли тронъ Бурбоновъ посредствомъ литературы и прочихъ второстепенныхъ средствъ.

Относительно литературы, читатели знаютъ, конечно, наше мнѣніе. Не разъ говорили мы, что признаемъ ея значеніе только въ смыслѣ разъясненія вопросовъ, которые уже задаетъ себѣ само общество, а никакъ не въ смыслѣ созданія новыхъ стремленій и элементовъ общественной жизни, независимо отъ самихъ жизненныхъ фактовъ. Въ прошломъ году мы даже успѣли возбудить противъ себя негодованіе многихъ почтенныхъ литераторовъ, рѣшившись приложить эту мысль къ русской литературѣ [1]). Можетъ быть, мы и заслужили тогда это негодованіе, потому что, говоря о предметѣ, столь близкомъ для всѣхъ насъ, какъ родная литература, естественно не могли высказывать сужденій вполнѣ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ, и чрезъ то давали поводъ толковать наши слова въ противность ихъ истинному смыслу. Но, тѣмъ не менѣе, мы не отказываемся отъ своихъ словъ, ни въ отношеніи къ русской, и ни къ какой другой литературѣ, и всего менѣе къ неаполитанской, которая, какъ увидимъ, находилась при Бурбонахъ въ положеніи почти исключительномъ, о которомъ,—надо полагать,—читатели наши не имѣютъ ни малѣйшаго понятія.

Есть положенія, въ которыхъ литература, журналистика— замѣняютъ школы и лекціи и служатъ къ образованію взглядовъ и стремленій молодого поколѣнія. Это тогда, когда воспитаніе школьное слишкомъ уже мертво, слишкомъ противно естественнымъ требованіямъ мысли, когда оно стремится не развивать, а убивать духъ, и внушаетъ такія начала, которыхъ нелѣпость чувствуется даже ребенкомъ. Тогда школы падаютъ въ общемъ мнѣніи, наставленія учителей презираются, и школьники, под-

[1]) Въ статьѣ: «Литературныя мелочи».

смѣиваясь надъ своими уроками, бѣгутъ искать истины и удовлетворять свою любознательность въ постороннемъ источникѣ. Образъ мыслей молодежи складывается уже не по урокамъ въ школѣ, а по прочитаннымъ книжкамъ...

„Ну, вотъ въ этомъ-то положеніи и находилось неаполитанское общество при Бурбонахъ“, восклицаютъ либеральные господа, подобные Шарлю Мазаду, Теодору Верну, и пр. „Оттого-то литература и важна была въ Неаполѣ, что въ ней одной могли искать истины и здраваго смысла молодые люди, убиваемые въ школахъ наставленіями въ родѣ силлогизмовъ „Философскаго Катехизиса“.—Не станемъ спорить съ горячими противниками бурбонской системы; положимъ, что „Философскій Катехизисъ“ и сообразное съ нимъ воспитаніе казались неаполитанскимъ отрокамъ отвратительными въ той же мѣрѣ, какъ самому Гладстону. Этого не могло быть, но предположимъ, что такъ; предположимъ, что вслѣдствіе этого молодые люди искали иныхъ воззрѣній, иныхъ понятій въ литературѣ. Что же могли они находить въ ней?

Что ничего противнаго власти и общественному порядку не могла давать юношамъ литература въ Неаполѣ, за это ручается намъ учрежденіе, спеціально назначавшееся тамъ для наблюденія за печатью и весьма строго исполнявшее свои обязанности — цензура. Нужно быть слишкомъ наивнымъ, чтобы предполагать, что бурбонское правительство могло допускать что-нибудь противное его желаніямъ и интересамъ въ книгахъ и журналахъ, издававшихся не иначе, какъ съ одобренія назначенной имъ цензуры. То же надо сказать и объ иностранныхъ книгахъ: для нихъ существовалъ строгій таможенный осмотръ, и запрещенныя книги въ Неаполѣ составляли одну изъ самыхъ трудныхъ и опасныхъ отраслей контрабанды. Прибавимъ, что цензура книгъ поручена была іезуитамъ, которые, какъ извѣстно, особенно искусны проникать всѣ ухищренія разума и разрушать ихъ. Что они показывали даже слишкомъ много усердія, на это жалуются сами защитники бурбонской системы. Такъ, виконтъ Лемерсье пишетъ: „Порученіе іезуитамъ цензуры было ошибкою, потому что если они лучше всякаго могутъ оцѣнить нападки на религію, за то, не зная жизни общественной, часто считаютъ вредными такія книги, которыя не только нимало не опасны, но еще въ извѣстныхъ отношеніяхъ могли бы принести пользу людямъ, живущимъ въ обществѣ“ [1]). Въ этой жалобѣ виконта виденъ, конечно, остатокъ того французскаго либерализма, въ которомъ онъ сознается и извиняется въ посвященіи своей книги; но изъ нея же видно, въ какой степени строго было цензурное наблюденіе іезуитовъ, соединен-

[1]) Quelques mots de vérité sur Naples, p. 17.

ное съ контролемъ полиціи. То же видно и изъ горячихъ отзывовъ всѣхъ либераловъ, которые естественно не могли быть довольны тѣмъ, что въ Неаполѣ нельзя имъ печатать всего, что вздумается. Жалобы неаполитанцевъ на цензуру сообщены были, разумѣется, французскимъ путешественникамъ, посѣщавшимъ страну, а тѣ разнесли по всему свѣту множество анекдотовъ и горькихъ выходокъ относительно положенія литературы въ Неаполѣ. Разсуждая благоразумно и спокойно, мы находимъ, что все это въ сущности вздоръ, что жалобы были напрасны и что правительство Бурбоновъ въ своихъ видахъ поступало очень основательно. Ему нужно было утвердить народъ въ довѣріи и послушаніи, а писатели хотѣли критиковать мѣры правительства и вообще пріучать народъ къ разсужденію объ общественныхъ дѣлахъ. Очевидно, что правительство Бурбоновъ должно было устранять изъ литературы все, что ему казалось противнымъ его интересамъ. При этомъ случались, конечно, ошибки, иногда отъ излишней предусмотрительности, иногда по какимъ-нибудь частнымъ отношеніямъ: считалось опаснымъ то. чего никакъ нельзя было заподозрить во враждебности государственному порядку; запрещались фразы, имена, упоминанія о фактахъ, всѣмъ извѣстныхъ, и т. п. Но какое же учрежденіе человѣческое можетъ похвалиться совершенствомъ? Дѣйствительно, были недостатки и въ неаполитанской цензурѣ, но были они какъ въ ту, такъ и въ другую сторону: запрещались часто книги безвредныя, за то иногда пропускались (хотя и рѣдко) вещи довольно смѣлыя. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ жалобъ и анекдотовъ, распространенныхъ въ Европѣ про неаполитанскую цензуру, мы не выводимъ ничего для нея предосудительнаго. Но намъ нуженъ фактъ, нужно подтвержденіе факта, для того, чтобы безпристрастно повѣрить, въ какой мѣрѣ литература въ Неаполѣ могла возбуждать умы къ возстанію противъ законнаго порядка. Мы находимъ, что вовсе не могла, и для подтвержденія нашего мнѣнія приведемъ свидѣтельства разныхъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ. Ожесточеніе либераловъ, хотя и непріятное по ихъ тону, тѣмъ не менѣе можетъ служить намъ наилучшимъ ручательствомъ въ бдительности и строгости, съ которою неаполитанская цензура исполняла свою обязанность. Надѣемся, что читатель самъ пойметъ, какъ ему слѣдуетъ цѣнить и понимать горячія выходки либераловъ, и потому приводимъ ихъ, не смягчая ихъ тона.

„Эта страна, гдѣ мысль подчинена цензурѣ, естественно обречена на молчаніе,—провозглашаетъ аббатъ Мишонъ.—Кто захочетъ подвергаться изувѣченью отъ пристрастнаго или глупаго цензора? Больше,—кто осмѣлится писать, зная, что одна фраза, одинъ намекъ, одно слово могутъ быть гибельны? Я никогда не предполагалъ, чтобы цензурная суровость доходила до такой степени въ Неаполѣ. Мнѣ было извѣстно, напримѣръ,

что нѣкоторые труды по естественной исторіи были изданы въ Палермо; но въ Неаполѣ ихъ невозможно было найти. Я напрасно искалъ даже путеводителей и нѣкоторыхъ сочиненій о Святой Землѣ... Книгъ мало пишется въ Неаполѣ, какъ мало читается. Если заходятъ сюда книги, то онѣ прячутся на полкахъ библіотекъ и никогда не обращаются въ книжной торговлѣ. Жалко видѣть на выставкахъ въ книжныхъ лавкахъ, что это за литература, которой дозволено свободное обращеніе въ публикѣ... И это вовсе не значитъ, что неаполитанскій умъ лишенъ самобытности и огня; нѣтъ, его убиваетъ гнетъ; это свѣтильникъ, гаснущій подъ спудомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ лучшихъ, свободныхъ стремленій неаполитанскихъ образованныхъ классовъ надо замѣтить стремленіе — получить право выражать свои мысли о всѣхъ вопросахъ, интересующихъ человѣчество. Этотъ народъ, униженный своимъ правительствомъ до степени скотовъ, въ отношеніи къ философскому и литературному движенію человѣчества, тяжко страдаетъ отъ этого униженія. Это — бѣдное дитя, не имѣющее возможности развить своихъ способностей ученьемъ и съ грустью взирающее на дѣтей богатыхъ, имѣющихъ всѣ способы учиться“ [1]).

Оставляя въ сторонѣ желчныя выходки аббата, мы находимъ въ его отзывѣ полнѣйшее подтвержденіе того, что со стороны литературы бурбонское правительство было вполнѣ обезпечено. О его заботливости въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, упоминаемый не безъ горечи въ „Запискахъ“ Монтанелли, что іезуитская цензура все еще казалась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не вполнѣ предусмотрительною, и потому впослѣдствіи отдана была въ непосредственное вѣдѣніе Делькаррето, бывшаго начальника жандармовъ и потомъ министра полиціи [2]).

Подобныя распоряженія приводили въ отчаяніе либераловъ. Безплодная ярость ихъ передана была въ ядовитыхъ выходкахъ французскихъ и англійскихъ журналовъ и въ замѣткахъ туристовъ. Иногда они доходили до большого неприличія въ тонѣ, но именно при этомъ-то и высказывалось наиболѣе искренно все безсиліе оппозиціонной и либеральной литературы въ Неаполѣ, вся ничтожность писателей, желавшихъ что-нибудь непозволительное провести черезъ эту цензуру. Они только осуждали себя на напрасныя муки и принуждены были искажать свою мысль, такъ что она всегда выходила ни то, ни се, и лишалась даже достоинства строгой логичности. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ одинъ изъ французовъ, довольно серьезно познакомившійся съ Италіей, — Маркъ Монье:

„Никогда и нигдѣ человѣческая мысль не была жертвою деспотизма

---

[1]) L'Italie pol. et rel. p. 93.
[2]) Montan., Mémoires s. l'Italie, II, p. 101.

болѣе произвольнаго и дѣтски-мелочного, не угнеталась и не терзалась съ бо́льшимъ невѣжествомъ и упорствомъ, какъ въ Неаполѣ, особенно передъ 1848 годомъ и послѣ того.

„Всякій журналъ, книга, газета, всякій листокъ печатной бумаги подверженъ былъ предварительному просмотру и исправленіямъ цензора. Такимъ образомъ, онъ читалъ около 40 газетъ и журналовъ, издававшихся въ Неаполѣ, и все, что печаталось отдѣльными книгами. Онъ изнемогалъ подъ тяжестью этой работы, подобной работѣ школьнаго учителя и вмѣстѣ мудраго Ментора литературы, и за то былъ награждаемъ всеобщимъ презрѣніемъ.

„Я, впрочемъ, ошибаюсь, говоря объ одномъ цензорѣ; ихъ два въ Неаполѣ: одинъ духовный, другой—отъ полиціи; первый ловитъ контрабанду вольнодумства религіознаго, второй стоитъ на стражѣ, чтобы не пропустить въ печать идей или фразъ, противныхъ такъ-называемому общественному порядку.

„Положеніе писателя, имѣющаго что-нибудь сказать и видящаго надъ собой эту двоякую грозу, невыносимо. Одинъ итальянецъ говорилъ объ этомъ: у насъ авторъ волей-неволей всегда имѣетъ своимъ сотрудникомъ цензора. Пусть онъ и не коснется моей книги, — тѣмъ не менѣе онъ виденъ будетъ во всякомъ оборотѣ моей фразы, въ развитіи всякаго моего сужденія, въ выраженіи всякаго чувства. Это потому, что я вижу моего цензора предъ собою, когда обдумываю мой предметъ, помню о немъ, когда берусь за перо. Онъ какъ будто стоитъ за мною, когда я пишу, и читаетъ написанныя строчки. Какъ часто развитіе мысли останавливается на половинѣ. чувство заглушается, отъ увѣренности, что они не могутъ быть пропущены бурбонскою цензурою въ томъ видѣ, какъ бы я хотѣлъ. Я начинаю фразу и чувствую, что цензоръ не даетъ мнѣ кончить ее. Такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность писать, я раздвояюсь, думаю за себя и за своего цензора, обрѣзываю мои мысли его ножницами и кончаю тѣмъ, что дѣйствительно выражаю уже не то, что я хочу и думаю, а то, что считаю согласнымъ съ понятіями цензора и его инструкціей, то, что мнѣ *позволено* думать и выражать“ [1]).

Эти признанія должны быть искренни; судите же по нимъ, въ какой мѣрѣ возможны были въ Неаполѣ сочиненія, опасныя для господствовавшаго порядка вещей! Сами писатели сознаются, что они принуждены были искажать свои мысли, сообразно съ понятіями цензора (т.-е., разумѣется, не того или другого *человѣка*, въ частности, но вообще *цензора*, какъ

[1]) L'Italie est-elle la terre des morts? p. Marc Monnier, Paris, 1860, chap. XVI, p. 265.

представителя правительственныхъ инструкцій относительно литературы); но если сами авторы и не успѣвали иногда удержать себя или усвоить себѣ настоящій тонъ, какой слѣдовало, то въ этихъ случаяхъ цензура принималась за свое дѣло и исправляла ихъ ошибку. У разныхъ писателей мы находимъ множество фактовъ и анекдотовъ на этотъ счетъ; они большею частію имѣютъ въ виду—пристыдить неаполитанскую цензуру, и потому касаются такихъ случаевъ, которые дѣйствительно представляютъ цензуру нѣсколько привязчивою и мелочною. Но, въ своей совокупности, всѣ эти анекдоты рисуютъ однакоже общее направленіе этой части неаполитанской администраціи при Бурбонахъ и свидѣтельствуютъ все-таки въ пользу ея бдительности, а никакъ не слабости. Поэтому мы приведемъ нѣкоторые изъ разсказовъ, оставляя отвѣтственность за нихъ на тѣхъ авторахъ, у которыхъ мы ихъ заимствуемъ.

Одинъ авторъ представилъ въ цензуру французскую грамматику, составленную имъ „*для итальянцевъ*". Цензору показалось возмутительнымъ это слово (какъ признакъ унитарныхъ стремленій, быть можетъ), и онъ его вычеркнулъ.

Въ одной комической пьесѣ кто-то изъ дѣйствующихъ лицъ жалуется на „разстройство своей *конституціи*"... Представленіе пьесы было запрещено на основаніи этой фразы, въ которой нашли каламбуръ, напоминающій уничтоженіе конституціи 1848 года [1]).

Имена Лютера, Кальвина, Кампанеллы, Вольтера, Джоберти и многихъ другихъ было запрещено даже упоминать, развѣ только изрѣдка съ бранными прилагательными. Вѣроятно, по этому поводу разсказываютъ, будто цензура не хотѣла однажды пропустить трактатъ о гальванизмѣ, потому что это напоминаетъ кальвинизмъ.

Всякая философія строго запрещена. Г. Монье разсказываетъ, что ему однажды попалась въ Неаполѣ книга съ заглавіемъ „Логика Гегеля". Онъ былъ удивленъ, какимъ образомъ такая страшная ересь могла явиться въ Неаполѣ; но оказалось, что Гегель служилъ только предлогомъ для первыхъ страницъ, а въ сущности это было изложеніе мыслей св. Ѳомы Аквинатскаго.

Въ заботахъ о нравственности, запрещены были дуэли на театрѣ; по-

[1]) Это напоминаетъ одинъ анекдотъ съ туринской цензурою ранѣе 1848 года. Въ одной оперѣ Беллини, театральная цензура запретила слово «свобода»—libertà и велѣла пѣть вмѣсто него lealtà — честь. Ронкони, отличавшійся всегда буффонствомъ еще болѣе, чѣмъ талантомъ пѣвца, положилъ, что вмѣсто libertà всегда будетъ пѣть lealtà, какъ болѣе приличное. Вскорѣ затѣмъ, дѣйствительно, въ «Любовномъ напиткѣ» вмѣсто стиха — Vendè la libertà, si fè soldato (т.-е. онъ продалъ свою свободу — сдѣлался солдатомъ) Ронкони пропѣлъ: vendè la lealtà,—т.-е. «онъ продалъ свою честь—сдѣлался солдатомъ». Театръ задрожалъ отъ всеобщаго хохота.

этому множество пьесъ, переводныхъ или оставшихся отъ прежняго времени, должны были перестать играть, или же какъ-нибудь коверкать.

Въ образецъ передѣлокъ, какимъ подвергаются книги, приводятъ романъ Дюма-сына „La dame aux Camélias». Въ неаполитанскомъ переводѣ изъ нея сдѣлана дочь честныхъ, но не благородныхъ родителей, на которой хочетъ жениться молодой человѣкъ. Такимъ образомъ, вмѣшательство его отца и все, что изъ него происходитъ, дѣлается уже единственно за тѣмъ, чтобы избѣжать неравной партіи.

Замѣчаютъ, что литературныя произведенія послѣднихъ лѣтъ, изданныя въ Неаполѣ, безцвѣтны и казенны въ своихъ выраженіяхъ до послѣдней степени: въ этомъ тоже винятъ цензуру. Разсказываютъ, что, въ одномъ сочиненіи о школѣ реалистовъ, цензоръ никакъ не хотѣлъ согласиться на часто встрѣчавшіяся слова: „бездушная природа", находя, что въ нихъ скрывается нѣчто, похожее на атеизмъ. У другого автора вычеркнули слово eziandio (которое значитъ *еще* или *даже*), потому что оно кончается на „Dio" (Богъ), а между тѣмъ попалось въ фразѣ довольно низкаго смысла. Наконецъ просто всякая смѣлость или новизна выраженія, всякое остроуміе пугаетъ цензуру. Одна комедія запрещена была, какъ двусмысленная; авторъ, послѣ долгихъ переговоровъ, заставилъ цензора согласиться, что во всей пьесѣ нѣтъ ни одного политическаго намека и ни малѣйшаго оскорбленія нравственности. Но все-таки кончилось тѣмъ, что цензоръ объявилъ ему: „но во всякомъ случаѣ, въ пьесѣ слишкомъ много остроумія и рѣзкости; сгладьте и смягчите ее, и тогда мы посмотримъ" [1]).

Иногда, правда, цензура дѣлала промахи и пропускала книги и статьи, которыя оказывались впослѣдствіи не совсѣмъ невинными въ отношеніи къ системѣ бурбонскаго правительства. Такъ, напр., разъ была пропущена статья, въ которой доказывалось, что „упадокъ литературы свидѣтельствуетъ о стѣсненіи свободы мысли въ государствѣ". Хотя мысль эта развивалась въ примѣненіи къ римлянамъ, кажется, но читатели, и прежде ихъ само правительство, увидѣли тутъ прямое отношеніе къ порядкамъ, заведеннымъ въ Неаполѣ Бурбонами... Такъ точно былъ другой случай, гораздо важнѣе: Микеле Амари, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ сицилійскихъ писателей издалъ книгу, подъ заглавіемъ: „Эпизодъ изъ Сицилійской исторіи XIII столѣтія". Такъ какъ XIII столѣтіе было уже очень давно, то

[1]) Эти факты и нѣкоторые изъ приведенныхъ ниже упоминаются: у г. Монье, «L'Italie est-elle la terre des morts»? у г Шарля Мазада, въ статьѣ «Ferdinand II»; въ Revue des deux Mondes, 1859 года; у г. Верна, въ книгѣ «Naples et les napolitains»; у Монтанелли въ «Mémoires sur l'Italie»; у Шарля Пейа, въ «Naples, 1830—1857» и въ статьѣ Петручелли-де-ла-Гаттуна «Ferdinand II, roi de Naples», въ Revue de Paris, 1856 г. 15 окт. и 15 ноября.

книга и была пропущена, какъ неопасная. Но вдругъ потомъ оказалось, что Амари толкуетъ въ ней о Сицилійскихъ Вечерняхъ совершенно съ новой точки зрѣнія, обнаруживавшей демократическій образъ мыслей. Книга была запрещена, разумѣется: но множество экземпляровъ успѣло разойтись въ публикѣ, и „Эпизодъ“ былъ пожираемъ съ жадностью. Впрочемъ, подобные промахи цензуры были очень рѣдки въ Неаполѣ и обходились не дешево самимъ авторамъ. Собственно говоря, въ образованныхъ государствахъ Европы, имѣвшихъ цензуру, вообще не принято было карать авторовъ за книги, дозволенныя къ печати, хотя бы онѣ и оказались не вполнѣ кроткими. Авторъ отвѣчаетъ за себя тогда, когда онъ самъ распоряжается своими мыслями и ихъ публикаціей; но когда правительство беретъ эту обязанность на себя, то оно тѣмъ самымъ избавляетъ писателя отъ отвѣтственности за послѣдствія публикаціи. Книга дозволена; если она производитъ вредное дѣйствіе, правительство сознаетъ свой промахъ и ворочаетъ назадъ свое дозволеніе, но не сваливаетъ отвѣтственности на автора. Такъ дѣлалось вездѣ; но въ Неаполѣ, для большей безопасности общественной, правительство заставляло самого автора отвѣчать за то, чтó оно же ему дозволило. Для пресѣченія зла въ самомъ корнѣ, думало неаполитанское правительство, нужно не только не давать ходу вреднымъ книгамъ, но уничтожать и людей, способныхъ писать такія книги. И въ силу этого разсужденія, бурбонское правительство никогда не стыдилось сознаться въ опрометчивости, не считало несообразнымъ съ своимъ достоинствомъ сказать, что оно, какъ малое дитя, было обмануто и обольщено авторомъ, не въ состояніи будучи понять его ухищреній, и что поэтому намѣрено примѣрно наказать его, какъ человѣка, злонамѣренно воспользовавшагося правительственнымъ простодушіемъ. Такъ случилось и съ Амари. Когда читатели нашли, что Карлъ д'Анжу похожъ на Фердинанда, правительство рѣшило, что Амари виноватъ въ этомъ, лишило его должности, которую онъ имѣлъ въ Сициліи, и приказало явиться къ отвѣту въ Неаполь, предъ Делькарретто. Амари, вмѣсто Неаполя, отправился въ Парижъ и тамъ остался. Но за него отставленъ былъ цензоръ, пропустившій книгу, сосланъ на островъ Понца издатель Бризолезе и запрещено пять или шесть журналовъ, которые похвалили ее, вовсе не предвидя, что сходство Фердинанда съ Карломъ д'Анжу окажется столь несчастнымъ для литературы.

Можетъ быть, эти мѣры были нѣсколько строги; либералы навѣрное найдутъ, что онѣ были даже очень круты, даже ужасны и несправедливы. Но мы прежде всего находимъ, что онѣ внушены были бурбонскому правительству чувствомъ самосохраненія и, слѣдовательно, были весьма благоразумны; ибо что же можетъ быть благоразумнѣе самосохраненія? Тутъ

правительство дѣйствовало уже не по соображеніямъ отвлеченной справедливости, а единственно соразмѣряя свои мѣры съ величиною скандала, произведеннаго въ публикѣ. Въ 1847 году, напримѣръ, когда умы были очень возбуждены, оно запретило даже перепечатывать либеральныя буллы Пія IX и преслѣдовало его портреты—не по недостатку уваженія къ святому отцу, а единственно потому, что тогда въ почитаніи Пія IX высказывался либерализмъ безпокойныхъ людей [1]). Это умѣнье соображаться съ обстоятельствами въ своихъ отношеніяхъ къ литературѣ никогда не покидало бурбонское правительство. Вотъ чѣмъ объясняются, между прочимъ, *мѣстныя* запрещенія, которыя такъ удивляли многихъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Аббатъ Мишонъ упоминаетъ, что не могъ найти въ Неаполѣ нѣкоторыхъ сочиненій, изданныхъ въ Палермо: можетъ быть, они потому и появились въ Палермо, что въ Неаполѣ ихъ бы не пропустили. Впрочемъ, впослѣдствіи времени издано было повелѣніе, по которому всякое сочиненіе, заключавшее въ себѣ болѣе печатнаго листа, должно было изъ Сициліи присылаться въ главную цензуру въ Неаполь. Вообще, когда было замѣчено, что сицильянцы отличаются нѣсколько вольнымъ духомъ, то на нихъ стали смотрѣть гораздо строже. Напримѣръ, сочиненія Макіавелли и Альфіери, допущенныя свободно въ Неаполѣ, для Сициліи были запрещены. Даже и въ городахъ самой Сициліи была разница: напримѣръ, „Исторія Италіи", Ботты, напечатанная въ Палермо, была запрещена въ Мессинѣ [2]).

Во всѣхъ подобныхъ мѣрахъ не одна мысль о поддержкѣ своего значенія управляла Фердинандомъ, но также и стремленіе удержать свой принципъ. Онъ зналъ, что его личное значеніе нисколько не уменьшится отъ разрѣшенія той или другой книги, допущенія въ публикѣ тѣхъ или иныхъ сужденій; но онъ былъ убѣжденъ, что, по его собственнымъ словамъ, „народъ его не имѣетъ надобности думать"; онъ самъ хотѣлъ управлять всѣмъ безотвѣтственно, не соображаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своей воли. Этимъ объясняются, между прочимъ, даже его непріятности съ іезуитами, которыхъ онъ очень уважалъ, но не хотѣлъ допустить, какъ силу, противодѣйствующую ему. Впрочемъ, какъ бы то ни было, главное для насъ то, что въ неаполитанской наукѣ, литературѣ, искусствахъ не могло быть, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ поколѣній, ничего противнаго правительству Бурбоновъ и ихъ принципамъ. Духовенство, цензура, полиція, самъ король — заботились совокупно о томъ, чтобы содержать народъ въ строжайшемъ порядкѣ и чистѣйшей нравственности. Извѣстно, что Фердинандъ входилъ

[1]) Ch. Mazade, L'Italie moderne, p. 293.

[2]) См. Montanelli, Mém. II, 107; — Perrens, Deux ans de rév. p. 486. 487; — Joseph Picciardi, Hist. de l'Italie, p. 69.

въ всѣ мелочи управленія, и цензурная часть въ самомъ обширномъ смыслѣ была не послѣднею его заботою. Много разъ приводили анекдоты о его стараніяхъ относительно нравственности въ искусствахъ: онъ, напримѣръ, велѣлъ закрыть въ Бурбонскомъ музеѣ картины и статуи, изображавшія нагое тѣло; онъ приказалъ помѣстить Венеру Каллипигію въ особомъ кабинетѣ, куда запрещенъ былъ входъ публикѣ; онъ самъ опредѣлялъ длину юбокъ театральныхъ танцовщицъ и издалъ повелѣніе, чтобы трико, въ которое онѣ одѣваются, было зеленаго цвѣта, такъ какъ это менѣе можетъ раздражать воображеніе... Все это собственно не имѣло ни малѣйшаго политическаго значенія; но, понятно, что, привыкши къ такому режиму, общество и ни въ чемъ другомъ уже не осмѣливалось вольничать и предъявлять тѣ или другія требованія, а терпѣливо ожидало, что ему прикажутъ. Такимъ образомъ, Фердинандъ постоянно сохранялъ полный произволъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и въ теченіе своего царствованія успѣлъ привести къ молчанію даже смѣлыхъ и говорливыхъ; остальные же, повидимому, потеряли даже и мысль о томъ, чтобы затѣвать что-нибудь въ противность существующему порядку.

Да и напрасно было бы затѣвать: затѣи эти всегда кончались плохо. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, чѣмъ кончилась исторія книги Амари. Вотъ еще одинъ подобный фактъ: Антоніо Раньери издалъ романъ „Ginevra, l'orfana dell'Annunziata", въ которомъ изобразилъ нѣкоторые ужасы, совершавшіеся въ этомъ благотворительномъ учрежденіи. Книгу конфисковали, автора засадили на три мѣсяца въ тюрьму. Одинъ изъ министровъ, нашедшій въ романѣ свой портретъ, предлагалъ, что Раньери надо непремѣнно сослать или посадить въ сумасшедшій домъ. Но предложеніе это застало короля въ хорошую минуту; онъ отвѣтилъ со смѣхомъ: „да, конечно, — для того, чтобъ онъ еще написалъ романъ объ этомъ заведеніи и о суммахъ, которыя тамъ крадутъ". Начальникомъ этого заведенія былъ тотъ самый министръ, который требовалъ заключенія Раньери, и въ отвѣтѣ короля увидѣли намекъ, вслѣдствіе котораго нашли нужнымъ освободить автора. Но эта исторія отозвалась ему впослѣдствіи: его постоянно преслѣдовали цензурою. Онъ написалъ небольшую книжку нравственныхъ размышленій, подъ названіемъ „Frate Rocco"; ее стали-было пропускать, но какъ только узнали имя автора, всю оборвали и даже потребовали для новаго пересмотра листы, уже пропущенные. Онъ сталъ издавать „Исторію Неаполя" — ее остановили на девятомъ выпускѣ. Онъ принялся-было издавать сатирическій журналъ: его тотчасъ запретили. Его призывали во Флоренцію въ профессора: Тосканскому правительству тайно посовѣтовали отказаться отъ этого человѣка, котораго лекціи ничего не могли принести молодежи, кромѣ вреда... И между тѣмъ, Раньери — человѣкъ вовсе не крайнихъ мнѣній;

онъ всегда старался держаться въ сторонѣ отъ политики; въ 1848 г. онъ не захотѣлъ даже позволить новаго изданія „Джиневры“.

Также поступали съ журналами. Феррора съ своими друзьями издавалъ въ Сициліи журналъ статистическій: въ 1845 году его запретили по какому-то ничтожному поводу. Въ Неаполѣ, ранѣе 1848 года, Риччарди издавалъ журналъ „Progresso“. Журналъ составилъ себѣ очень быстро хорошую репутацію, и правительство, изгнавши Риччарди, рѣшилось удержать журналъ, поручивши его редакцію господину Біанкини, который былъ потомъ министромъ полиціи. Подъ новой редакціей журналъ всѣ стали называть „Regresso“.

Приводя всѣ эти факты, мы просимъ не забывать, что бо̀льшая часть ихъ совершилась съ изданіями, дозволенными цензурою. Изъ этого ясно видно, что правительство вовсе не довольствовалось мертвымъ исполненіемъ однажды установленныхъ правилъ, но неусыпно слѣдило за литературными явленіями даже и послѣ ихъ пересмотра въ цензурѣ. До какой степени постоянно подозрительны и чутки были въ Неаполѣ ко всѣмъ журнальнымъ толкамъ, это видно, напр., изъ исторіи заговора Нирико, въ 1831 году. Г. Петручелли де-ла-Гаттуна, подробно разсказывая эту исторію, говоритъ, что Нирико съ своими друзьями постоянно собирались въ одномъ кафе, которое выписывало „Gazette de Milan“ и за то было на замѣчаніи у полиціи. „Gazette de Milan“ издавалась по инструкціямъ князя Меттерниха, изъ которыхъ выдержка приводится г-мъ Петручелли. „Что касается до направленія газеты, писалъ Меттернихъ въ тайной инструкціи г. Бомболю, 23 сент. 1830 г., то мнѣ не нужно прибавлять, что она должна быть составляема *въ извѣстномъ вамъ духѣ*, т.-е. безъ малѣйшаго преувеличенія вещей, съ общимъ стремленіемъ къ сохраненію тишины и порядка и со стараніемъ передавать читателямъ извѣстія какъ можно скорѣе“. Для неаполитанскихъ либераловъ и этого уже было много, и они считались опасными за то, что съ особеннымъ усердіемъ читали эту газету; относительно же другихъ газетъ, какъ, напр., „Débats“, тогдашняго „Constitutionnel“, и пр., они могли только собирать свѣдѣнія изъ третьихъ рукъ: въ кафе приходилъ одинъ господинъ Витале, который слышалъ о томъ, что пишутъ въ этихъ газетахъ—большею частью отъ кассира Ротшильда—и потомъ пересказывалъ своимъ друзьямъ!.. Такъ бѣдна была въ Неаполѣ литературная пища для либерализма! И положеніе дѣлъ по этой части не сдѣлалось благопріятнѣе для либераловъ въ теченіе царствованія Фердинанда, а развѣ стало еще непріятнѣе.

По части литературы было, правда, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій два средства проводить либеральныя идеи, но средства чрезвычайно жалкія, ненадежныя и только свидѣтельствующія объ окончательной невозмож-

ности либерализма въ обыкновенной литературѣ при Бурбонахъ. Эти средства были: тайное печатаніе и контрабанда книгъ заграничныхъ. Тайное печатаніе было всего значительнѣе въ Сициліи; но и тамъ, разумѣется, оно не могло быть очень значительно. Надо помнить, что полиція Фердинанда была всегда очень бдительна, и преступленія печати наказывались весьма строго. Нерѣдко одно подозрѣніе стоило дорого обвиненнымъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ царствованія Фердинанда были, напр., схвачены два типографщика, обвиненные въ печатаніи мюратистскихъ прокламацій. Они отвергали обвиненіе; ихъ подвергли пыткѣ; подъ пыткой они сознались. Между тѣмъ оказалось, что прокламаціи пришли изъ-за-границы. Типографщиковъ оставили въ покоѣ, но не выпустили изъ тюрьмы [1]). При этихъ условіяхъ удивительно еще и то, что находились смѣльчаки, рѣшавшіеся печатать и пускать въ ходъ тайно-напечатанныя книги. Нужно было дойти до крайности, чтобы на это рѣшиться. И мы видимъ, что дѣйствительно тайное печатаніе принимало нѣсколько значительный видъ только уже въ рѣшительныя минуты, при приближеніи возстанія. Да и тутъ полиція, среди заботъ болѣе важныхъ, не теряла изъ виду цензурныхъ обязанностей и, когда считала нужнымъ, находила преступника и умѣла принять свои мѣры противъ возмутительныхъ сочиненій. Такъ, напр., въ 1847 году появился написанный Сеттембрини „Протестъ народа Обѣихъ Сицилій". Фердинандъ приказалъ отыскать автора. Извѣстно, что народъ неаполитанскій (какъ и всякій народъ, впрочемъ, въ этихъ случаяхъ) умѣетъ хранить тайну. Но полиція тѣмъ не менѣе принялась за свое дѣло и вскорѣ засадила въ тюрьму или сослала множество гражданъ, считавшихся по чему-нибудь подозрительными: Карла Поэріо, Маріано д'Айала, Доминико Мавро, Джузеппе дель-Ре и пр. Въ числѣ захваченныхъ былъ и самъ Сеттембрини, который, разумѣется, чтобы освободить другихъ, самъ признался въ своемъ преступленіи. Но прокламаціи, подобныя „Протесту", не были явленіемъ обыкновеннымъ. Большею частію тайная пресса производила изданія гораздо болѣе невинныя; они принуждены были печататься тайно потому только, что обычная цензура была ужъ слишкомъ строга. Пансіонерки прячутъ (или прятали прежде) подъ подушки и подъ скамьи въ классахъ даже Пушкина; это, конечно, вовсе не значитъ, чтобы Пушкинъ былъ вреденъ общественному порядку и нравственности, а доказываетъ только, что его не позволяютъ (или не позволяли) читать пансіонеркамъ. Такъ и въ Неаполѣ, по свидѣтельству Леопарди, „летучіе листки, тайно напечатанные, отводили душу публикѣ, *восхваляя правительства, стремившіяся къ реформамъ, и порицая правительства ретроградныя*" [2]).

[1]) См. Paya, Naples, p. 547.
[2]) P. Leopardi. Narrazioni storiche del 1848, p. 66.

Изъ этого видно, что въ большей части даже этихъ тайныхъ листковъ не могло быть ничего собственно-революціоннаго. А если что оказывалось, то немедленно же вызывало розыски полиціи.

Контрабанда была легче, по продажности чиновниковъ таможни, и защитники бурбонской системы указываютъ на это обстоятельство, какъ на прямое опроверженіе жалобъ, будто неаполитанское правительство вовсе не допускаетъ въ свои предѣлы свѣта образованія изъ другихъ земель. „Вѣдь, несмотря ни на какія предосторожности,—говоритъ виконтъ Лемерсье,—всякая иностранная книга, какъ бы она дурна ни была, доходитъ же всегда до людей, достаточно богатыхъ для того, чтобы заплатить за нее вчетверо или впятеро противъ обыкновенной цѣны“ [1]). И дѣйствительно, изъ отзывовъ путешественниковъ видно, что многіе неаполитанскіе аристократы и богатые люди находили средства постоянно слѣдить за политикой и читать все замѣчательное, что появлялось въ иностранныхъ литературахъ. Но могъ-ли этимъ пользоваться народъ и большинство общества, не бывшаго въ состояніи платить за книги впятеро? Велико-ли могло быть обращеніе книгъ, которыя проникали въ страну, только благодаря подкупности таможеннаго чиновника? Во всякомъ случаѣ—это были книги запрещенныя; слѣдовательно, онѣ осуждены были оставаться на полкахъ библіотекъ (да и то гдѣ-нибудь подальше) у тѣхъ, кто ихъ купилъ, и могли быть сообщаемы развѣ самымъ близкимъ друзьямъ. Очевидно, что подобнымъ образомъ не могла по всей странѣ разлиться пропаганда, опасная трону Бурбоновъ!..

Но, можетъ быть, тѣ немногіе, которые читали все запрещенное, разносили либеральныя идеи въ обществѣ и волновали умы? Разговоръ не требуетъ такихъ хлопотъ и приготовленій, какъ писанье, и извѣстно, что одна запрещенная книга производитъ всегда болѣе толковъ, нежели сотни не запрещенныхъ. Когда текущая литература не даетъ никакой пищи уму, этой пищи стараются искать въ чемъ-нибудь другомъ, и чаще всего ее находятъ въ устныхъ разсужденіяхъ, которыя занимаютъ все время въ общественныхъ собраніяхъ всякаго рода. Не шла-ли революціонная пропаганда въ Неаполѣ этимъ путемъ?

По всему, что мы знаемъ о Неаполѣ, ничего подобнаго въ немъ не бывало при Бурбонахъ. Нечего и говорить о томъ, что всякіе клубы, митинги, и т. п., были тамъ невозможны; но мы знаемъ, что тамъ чрезвычайно затруднительны были всякія общественныя собранія, какого бы то ни было рода, для какой бы то ни было цѣли. Предусмотрительность правительства была такъ велика, что оно запрещало все, въ чемъ находило

[1]) Quelques mots de vér. s. Naples, p. 17.

хоть малѣйшую тѣнь намека на то, что оно можетъ подать поводъ къ подозрительнымъ разсужденіямъ. Такъ, однажды, хотѣли-было основать „общество поощренія художниковъ“, подъ председательствомъ брата Фердинанда, графа Сиракузскаго. Король нашелъ это подозрительнымъ и не согласился, замѣтивъ, что для поощренія художниковъ есть королевская академія и что никакого тутъ общества не нужно [1]). Въ 1854 г. большое стеченіе публики произошло по случаю похоронъ адвоката Чезаре, „одного изъ самыхъ темныхъ членовъ палаты депутатовъ 1848 года“, по словамъ ревностнаго защитника Бурбоновъ, г. Гондона. Предъ гробомъ его произнесено было нѣсколько рѣчей; самъ г. Гондонъ, желающій выставить ихъ какъ уголовное преступленіе, характеризуетъ ихъ содержаніе лишь слѣдующими словами: „въ этихъ рѣчахъ, подъ предлогомъ похвалы умершему, произносили апологію режима, который уже не существуетъ болѣе“ [2]). За это, говорившіе и даже многіе изъ присутствовавшихъ поплатились тюрьмою или ссылкою... Множество арестацій дѣлалось единственно на основаніи вольныхъ словъ, произнесенныхъ въ публичныхъ мѣстахъ. Чтобы отнять предлогъ къ собраніямъ въ кафе, Фердинандъ запретилъ въ нихъ всякаго рода игры, даже домино, бывшее въ особенномъ употребленіи. Чтобы предохранить своихъ подданныхъ отъ иноземнаго разврата, онъ затруднялъ путешествія за-границу и даже запретилъ своимъ подданнымъ принять участіе во французской всемірной выставкѣ 1855 года. Относительно словеснаго выраженія политическихъ мнѣній, въ Неаполѣ существуютъ два закона, 1826 и 1828 года, не отмѣненные до конца бурбонскаго царствованія, а напротивъ, еще дополненные Фердинандомъ. Одинъ касается *хулы*, въ церкви или въ какомъ бы то ни было публичномъ мѣстѣ, противъ религіозныхъ предметовъ, за что полагается заключеніе въ тюрьму отъ 6 до 10 лѣтъ. Въ дополненіе къ этому закону, Фердинандъ повелѣлъ указомъ, 7 февраля 1835 года, „устранять въ подобныхъ случаяхъ всякій вопросъ о намѣренности или ненамѣренности хулы и не принимать въ оправданіе хмѣльное состояніе хулившаго“. Другой законъ, сентября 1828 года, дѣйствовавшій все время при Фердинандѣ, говоритъ, что всѣ начальствующія лица „должны поощрять всѣми средствами приверженцевъ трона и алтаря и объявить смертельную войну всѣмъ, кто, въ прошедшихъ безпорядкахъ, *дѣломъ или словомъ* показалъ враждебность правительству“. Въ противномъ случаѣ, чиновникамъ грозило изгнаніе изъ службы и преслѣдованіе ихъ самихъ, какъ враговъ короля [3]). Духовенство также, по общему убѣжденію, было замѣшано въ полицейскія дѣла

[1]) Th. Vernes, Naples et les Nap., p. 289.
[2]) De l'état des choses à Naples, p. 69.
[3]) Leopardi, Narrazioni storiche, p. 26.

и пользовалось даже тайною исповѣди для открытія правительству опасныхъ для него секретовъ. Гладстонъ въ своихъ письмахъ упоминаетъ объ этомъ, какъ о вещи, которую многіе утверждаютъ, но достовѣрность которой, натурально, не могла быть имъ изслѣдована. Пользуясь этимъ, г. Жюль Гондонъ, въ своихъ опроверженіяхъ, пришелъ въ страшное негодованіе и объявилъ, что это—клевета, за которую гнѣвъ небесный поразитъ Гладстона и всѣхъ, кто ему повѣритъ. „Впрочемъ,—замѣчалъ г. Гондонъ,—ни одинъ добрый католикъ не повѣритъ, чтобы въ католическомъ духовенствѣ нашелся хоть кто-нибудь, способный къ такому позорному вѣроломству и низости".—Однако, лордъ Гладстонъ впослѣдствіи объявилъ, что онъ знаетъ два случая такихъ доносовъ черезъ посредство исповѣди. Съ другой стороны, недавно сдѣлалось извѣстно, что въ самомъ Римѣ секретъ исповѣди нарушался въ пользу политическихъ соображеній, и это одобрялось правительствомъ. Недавно, въ одной книгѣ объ Италіи, публикованы были подлинные документы на этотъ счетъ [1]). Наконецъ Монтанелли приводитъ формулу клятвы, которую должны были давать епископы королевства при ихъ посвященіи. „Если въ моемъ діоцезѣ, или гдѣ бы то ни было, узнаю я какой-нибудь замыселъ ко вреду государства, я обязуюсь предварить о томъ его королевское величество" [2]). Послѣ этого ужасы и отреченіе г. Гондона кажутся намъ уже не совсѣмъ основательными: фактъ нарушенія секрета исповѣди вовсе не представляется такимъ чудовищнымъ, и довольно вѣроятно, что общая молва о немъ въ Неаполѣ была справедлива.

При такомъ положеніи вещей, разумѣется, публичныя собранія если и бывали, то никогда не допускали въ Неаполѣ политическихъ или какихъ бы то ни было вольныхъ разговоровъ. До чего въ Неаполѣ доведена была боязнь высказать лишнее, то, чего не слѣдуетъ, можно видѣть по нѣскольким примѣрамъ, приводимымъ разными писателями. Г. Вернъ, напримѣръ, говоритъ, что онъ былъ въ Неаполѣ, когда пришло туда извѣстіе о взятіи Севастополя. По отношеніямъ Фердинанда къ нашему двору и по участію въ войнѣ части итальянцевъ, крымскія дѣла очень занимали неаполитанское общество; но никто не смѣлъ высказать никакого мнѣнія, не рѣшился сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія, пока черезъ день не узнали изъ оффиціальнаго журнала, какъ слѣдуетъ смотрѣть на событіе [3]). Виконтъ Лемерсье, защищая неаполитанское дворянство отъ упрека въ невѣжествѣ, говоритъ, что, напротивъ, оно очень хорошо понимаетъ даже политику, только не высказывается; но мы были удивлены просвѣщеннымъ

---

[1]) L'Italie et la maison Savoie, p. Ernest Rasetti, Paris, 1860, p. 281—285.
[2]) Mém. s. l'Italie, t. II, p. 71.
[3]) Naples et les Napol., p. 38.

либерализмомъ знатнаго общества, — прибавляетъ онъ, — за однимъ обѣдомъ, „гдѣ говорили по-французски, чтобы служители не могли вслушаться въ разговоръ“... [1]) Аббатъ Мишонъ тоже разсказываетъ случай въ этомъ родѣ. „Однажды, — говоритъ онъ, — зашелъ я въ кафе и услышалъ тамъ французскій разговоръ. Мнѣ нужно было узнать адресы нѣсколькихъ лицъ въ Неаполѣ и, полагая, что мои соотечественники должны знать ихъ, я обратился къ одному изъ собесѣдниковъ и показалъ ему записочку съ именами лицъ, которыхъ я желалъ видѣть. „О! будьте осторожнѣе, — испуганно сказалъ онъ, посмотрѣвъ на мой листокъ: — тутъ есть имена, заподозрѣнныя полиціей! Вотъ такой-то умеръ, а этотъ въ тюрьмѣ: пожалуйста, не упоминайте ихъ именъ. Повѣрьте мнѣ, я 14 лѣтъ живу въ Неаполѣ, — говорить о лицахъ, компрометированныхъ въ политикѣ, а еще болѣе — отыскивать ихъ адресы — здѣсь очень опасно“ [2]).

По этимъ образчикамъ можно судить, въ какой степени вредныя для бурбонскаго правительства идеи могли распространяться въ обществѣ посредствомъ устной пропаганды. Можно сказать положительно, что со стороны печати и слова Бурбоны могли быть совершенно благонадежны.

Но величайшее зло итальянскихъ государствъ, говорятъ, составляли тайныя общества. Чѣмъ болѣе правительство бодрствовало надъ умами и воспрещало публичное проявленіе общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе работали и преуспѣвали тайныя общества. Они-то, можетъ быть, и устроили паденіе Бурбоновъ?..

Нужно сознаться, что неаполитанцы, точно, имѣли всегда маленькую слабость къ тайнымъ обществамъ и заговорамъ. Но извѣстно, что ихъ процвѣтаніе относится къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія; послѣ же этого времени они все болѣе и болѣе упадали. Отчасти они теряли свой кредитъ въ неудачныхъ попыткахъ, отчасти же парализованы были благоразумными мѣрами бурбонской полиціи. Карбонары были обезсилены уже революціею 1820 года, и хотя по свѣдѣніямъ, собраннымъ Интонти, при началѣ царствованія Фердинанда, ихъ было въ королевствѣ до 800.000 [3]), но въ этомъ числѣ было, конечно, сосчитано много такихъ, которые вовсе не принимали дѣятельнаго участія въ обществѣ, а просто принадлежали къ недовольнымъ. Легкость, съ которою карбонары были разогнаны и почти уничтожены послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ заговоровъ, доказываетъ, что эта секта уже не имѣла той силы, какъ за десять лѣтъ предъ тѣмъ. Новая секта „Юной Италіи“, основанная Мозолино (и не имѣвшая ничего общаго съ „Юной Италіей“ Мар-

[1]) Quelq. mots de vér. s. Naples, p. 15.
[2]) L'Italie pol. et rel., p. 92.
[3]) Ch. Pay, Naples, p. 418.

сельской), также была почти разсѣяна послѣ открытія заговора Россароля и Романо. Послѣ того, около 1839 года, опять возродился карбонаризмъ; каково было его значеніе, можно судить по тому, что двигателемъ и главою общества былъ на этотъ разъ Боцелли, тотъ самый Боцелли, который въ 1848 году, увидавъ актъ конституціи, подписанный Фердинандомъ, бросился къ ногамъ его и воскликнулъ: „О, государь! еслибъ я зналъ васъ ранѣе, никогда бы я не думалъ о заговорахъ!“ [1]). Такое общество не могло быть особенно опасно для бурбонскаго правительства даже по своимъ тенденціямъ. Да и вообще, мнѣніе итальянскихъ патріотовъ въ послѣднее время стало далеко не въ пользу тайныхъ обществъ. каковы бы ни были ихъ намѣренія. Мы приведемъ два сужденія — Монтанелли и Чезаре Бальбо.

„Трудно сказать, говоритъ Монтанелли, не сдѣлали-ли больше зла, нежели добра для своего дѣла тайныя общества, къ которымъ неаполитанцы имѣютъ такую исключительную слабость. Ихъ приверженцы говорятъ, что они сохранили священный огонь свободы подъ могильнымъ камнемъ деспотизма и произвели революцію 1820 года. Но можно возразить, что, для поддержанія этого огня и для приготовленія умовъ къ возстановленію свободы и къ борьбѣ за нее, довольно братскихъ соединеній, которыя бы образовались повсюду сами собою, безъ всякихъ іерархическихъ связей между собою, безъ повиновенія какой-то подземной власти, какъ это принято въ собственно такъ называемыхъ тайныхъ обществахъ. Можно также возразить, что соединеніе людей въ тайное общество заглушаетъ всякую личную инициативу, всякій самобытный порывъ и мѣшаетъ тѣмъ могучимъ соединеніямъ, которыя происходятъ отъ свободнаго движенія сердецъ и отъ естественныхъ симпатій. Можно сказать, что всякое тайное общество представляетъ въ себѣ забавное воспроизведеніе кастъ, таинствъ и авторитета, что оно налагаетъ рабство, какъ время искуса для полученія свободы. Можно замѣтить, что секта карбонаровъ не могла бы произвести движенія 1820 года, безъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ толчковъ, еслибъ ему не содѣйствовали жестокости и притѣсненія, совершенныя самой монархіей, и что, напротивъ, эта секта, болѣе нежели что-нибудь другое, была вредна для революціи, сдѣлавши невозможнымъ всякое правильное устройство дѣлъ и разрушивъ военную дисциплину“ [2]).

Монтанелли однако еще щадитъ нѣсколько тайныя общества, говоря, что онъ не хочетъ пускаться въ слишкомъ подробное развитіе всѣхъ этихъ обвиненій, которыя, можетъ быть, и не вполнѣ уничтожаютъ значеніе обществъ. Бальбо говоритъ еще рѣшительнѣе:

---

[1]) Montanelli, Mém., II. 118.
[2]) Mém. L II, p. 100, 101.

„Новыя тайныя общества (дѣло идетъ о карбонарахъ), какъ и старыя, были самымъ дурнымъ средствомъ, какое только возможно, для произведенія революціи. Это было самое дурное средство въ нравственномъ отношеніи, потому что самая сущность тайныхъ обществъ и заговоровъ состоитъ въ секретѣ, обманѣ и вѣроломствѣ; самое дурное и въ отношеніи къ успѣху, потому что непрямота такихъ обществъ отвращаетъ отъ нихъ адептовъ и не внушаетъ довѣрія тѣмъ, которые входятъ въ нихъ, такъ что изъ нихъ никогда не выходитъ общаго, единодушнаго движенія, и, слѣдовательно, не выйдетъ никакого великаго дѣла. Сверхъ того, въ этихъ тайныхъ соединеніяхъ, часто возобновляемыхъ и составляемыхъ изъ разнообразныхъ элементовъ, обыкновенно больше толкуютъ, нежели дѣлаютъ, и пріобрѣтаютъ порокъ разсуждать безъ всякой пользы. Тутъ строютъ проекты, основанные не на практикѣ обычнаго теченія дѣлъ, которая неизвѣстна сектаторамъ, а на теоріяхъ, и даже не на солидныхъ соображеніяхъ возможности, а просто по диктовкѣ горячихъ ихъ стремленій. Вообще заговоры и секты составляютъ такое средство революціи, которое противно всѣмъ требованіямъ новой цивилизаціи: все стремится къ публичности—въ нихъ господствуетъ секретъ; мы ищемъ всеобщаго согласія общественнаго мнѣнія — они дѣйствуютъ меньшинствомъ; наконецъ, самыя средства ихъ дѣйствій противны требованіямъ человѣчества, болѣе и болѣе развивающимся въ европейскихъ народахъ“ [1]).

Мы привели эти мнѣнія не для чего-нибудь иного, какъ для того, чтобы видѣть, какъ потеряли свой кредитъ тайныя общества даже въ глазахъ итальянцевъ. Графа Бальбо нельзя, конечно, причислять къ особеннымъ авторитетамъ въ этомъ случаѣ; но мы видѣли, что даже Монтанелли говоритъ почти то же самое, что и Бальбо. Такимъ образомъ, если бы бурбонское правительство даже гораздо менѣе страшилось тайныхъ обществъ и слабѣе преслѣдовало ихъ, и тогда бы они не могли имѣть достаточной силы для произведенія общаго возстанія въ государствѣ. Но мы видимъ во все время, отъ усмиренія революціи 1820 года до послѣднихъ мѣсяцевъ бурбонской династіи, непрестанныя и неусыпныя преслѣдованія всего, что могло казаться хоть желаніемъ имѣть намѣреніе покуситься на заговоръ или тайное общество. Извѣстенъ указъ Франциска I, отъ 24 іюня 1828 года, по которому „соединеніе двухъ лицъ уже достаточно для составленія тайнаго общества“. Можно сказать, что полиція Фердинанда, въ своей подозрительности, постоянно руководилась этимъ правиломъ. Пришлось бы написать нѣсколько десятковъ страницъ, еслибъ мы захотѣли дать краткое résumé всѣхъ политическихъ процессовъ, происходившихъ

---

[1]) César Balbo, Hist. d'Italie, t. II, p. 213.

въ царствованіе Фердинанда, для доказательства бдительности полиціи и строгости наказаній, какимъ подвергались противники власти Бурбоновъ. Довольно сказать, что, по вычисленіямъ Колетты и Леопарди, въ теченіе времени отъ 1794 до 1824 года, погибло разными смертями, за любовь къ свободѣ, до 100.000 человѣкъ, а въ царствованіе Франциска I и Фердинанда до 1850 года къ нимъ прибавилось еще 50.000.

Отъ подозрѣнія ничто не спасало, и подозрѣваемый никакъ не могъ избѣжать преслѣдованій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ англійскомъ парламентѣ возбужденъ былъ общій смѣхъ разсказомъ лорда Пальмерстона объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который въ какомъ-то изъ провинціальныхъ неаполитанскихъ городовъ былъ арестованъ Богъ знаетъ за что. Друзья его обратились къ префекту полиціи, увѣряя его, что другъ ихъ не можетъ быть виновенъ, что его арестъ — вѣроятно, недоразумѣніе. Префектъ отвѣтилъ, что никакого тутъ недоразумѣнія нѣтъ, что онъ очень хорошо знаетъ невинность молодого человѣка и никакого обвиненія противъ него не имѣетъ. — „Такъ зачѣмъ же вы его арестовали?“ — „А вотъ видите, — отвѣчалъ добродушный префектъ: — я только-что получилъ строгій выговоръ отъ правительства за небрежность, потому что я давно уже никого не арестовалъ; теперь мнѣ надо показать свою дѣятельность; вашъ другъ попался мнѣ на глаза, я его и засадилъ, какъ засадилъ бы всякаго другого. Надо же мнѣ показать свою бдительность“ [1]).

Въ 1855 году много также говорили въ Европѣ о войнѣ, которую объявила неаполитанская полиція бородамъ и шляпамъ извѣстнаго рода, какъ признакамъ вреднаго образа мыслей и даже принадлежанія къ тайнымъ сектамъ. Не мало шума было также изъ-за процесса маркиза Тальява, который былъ обвиненъ, какъ участникъ въ какой-то сектѣ убійцъ, и подъ пыткою не только себя призналъ виновнымъ, но еще оговорилъ англійскаго и сардинскаго посланниковъ! Можете себѣ представить, что тогда писали по этому случаю англійскіе журналы. Вообще, когда дѣло касалось подозрѣнія въ сектаторствѣ и вообще въ опасномъ образѣ мыслей, — полиція неаполитанская не знала мѣръ своему усердію и не разбирала ни лицъ, ни средствъ. Иностранцы, епископы, посланники, члены королевской фамиліи — никто не былъ оставляемъ въ покоѣ. Женщины, дѣти, дряхлые старики — всѣ казались подозрительными, всѣхъ допрашивали, обыскивали, запирали въ тюрьму, пытали. Домашніе обыски производились безпрестанно, и всякій слѣдъ сношеній съ лицами подозрительными

[1]) Анекдотъ этотъ повторенъ былъ многими изъ писавшихъ о Неаполѣ; г. Гондонъ отказывается, впрочемъ, вѣрить ему на томъ основаніи, что лордъ Пальмерстонъ не сказалъ, когда и съ кѣмъ именно былъ этотъ случай. «De l'état des choses à Naples», p. 65.

влекъ за собою тюремное заключеніе и ссылку. Мы не хотимъ приводить частныхъ фактовъ, потому что они слишкомъ извѣстны, и никто не заподозритъ насъ въ выдумкѣ или преувеличеніи. Укажемъ только нѣсколько цифръ: въ 1851 году, по словамъ Гладстона, число политическихъ преступниковъ, содержавшихся въ неаполитанскихъ тюрьмахъ (исключая Сициліи), общимъ мнѣніемъ признавалось около 15—20 тысячъ. Апологистъ Бурбоновъ, г. Гондонъ, опровергая лорда Гладстона оффиціальными данными, утверждалъ, что число это равняется всего 2.024. Но, во-первыхъ, г. Гондонъ не считалъ, какъ кажется, тѣхъ, которые содержались по прикосновенности и по подозрѣнію; во-вторыхъ, извѣстно, что при огромномъ количествѣ дѣлъ, полиція неаполитанская не всегда соблюдала строгую точность въ цыфрахъ своихъ отчетовъ; въ третьихъ, наконецъ, по безчисленному разнообразію проступковъ, подлежавшихъ при Бурбонахъ вѣдѣнію полиціи, она не всегда ясно могла классифицировать преступленія, и потому легко можетъ быть, что политическіе преступники содержались иногда подъ другими названіями и въ другихъ разрядахъ. Во всякомъ случаѣ, даже по оффиціальнымъ даннымъ извѣстно, что въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій было въ 1851 году 530 тюремъ, что въ нихъ содержалось въ это время двумя третями болѣе положеннаго комплекта, и что, наконецъ, мѣста не оставалось для новыхъ узниковъ. Весь этотъ избытокъ надо приписать множеству политическихъ преступниковъ, оказавшихся послѣ 1848 года. Столь же оффиціально высчитано, что съ 1848 по 1857 годъ, Фердинандъ въ разныхъ манифестахъ, по случаю рожденія сына и другихъ фамильныхъ радостей, далъ амнистіи 16.000 человѣкъ. Правда, амнистіи эти оказались ничтожными, какъ и амнистіи Франческо, напримѣръ, данныя имъ по вступленіи на престолъ. Но все-таки, цыфры эти даютъ понятіе о томъ множествѣ людей, у которыхъ заботливостью полиція отнималась возможность вредить порядку, существующему въ государствѣ. А сверхъ того, надо еще принять въ соображеніе число людей сосланныхъ, изгнанныхъ и просто выѣхавшихъ изъ королевства Обѣихъ Сицилій. Можно сказать, что все, стремившееся къ низверженію бурбонскаго правительства, все, отличавшееся непокорнымъ и безпокойнымъ духомъ, — все это было, къ концу царствованія Фердинанда, или казнено, или заточено, или удалено изъ королевства. „Неаполь теперь не въ Неаполѣ, а въ Туринѣ“, — писали путешественники, находившіе въ піемонтской столицѣ все, что нѣкогда блистало въ Неаполѣ; и изъ перечня именъ, приводимаго ими, видно было, что, дѣйствительно, почти всѣ неаполитанцы, еще оставшіеся въ живыхъ и на свободѣ и могшіе быть сколько-нибудь опасными господству бурбонской системы, спокойно проживали въ Туринѣ; нѣкоторые оставались въ другихъ мѣстахъ за-границей, но въ

Неаполѣ никого не было. Даже послѣ амнистіи Франческо, въ прошломъ году, никто почти не возвратился; стали пріѣзжать въ Неаполь только въ іюлѣ нынѣшняго года, послѣ провозглашенія конституціи и второй амнистіи, болѣе рѣшительной. Но мы знаемъ, что въ это время уже паденіе бурбонскаго трона было рѣшено. Зловредные люди, поѣхавшіе въ Неаполь въ іюлѣ и августѣ, были уже болѣе зрителями, нежели актерами.

Вотъ мы написали уже довольно много, даже, можетъ быть, слишкомъ много страницъ, а между тѣмъ нимало не подвинулись въ рѣшеніи заданнаго самимъ себѣ вопроса: отчего же это Бурбоны такъ внезапно и съ такой неимовѣрною быстротою утратили свое королевство? Мы не лѣнились на изысканія: мы заглядывали и въ творенія либераловъ, и въ апологіи людей благочестивыхъ и добропорядочныхъ; мы пересматривали одно за другимъ всѣ условія, какимъ обыкновенно приписываются всѣ безпорядки и смятенія въ государствахъ западной Европы; мы взвѣшивали силу оппозиціи, которая могла существовать въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, сравнивали ее съ силою правительства Бурбоновъ, и постоянно находили, что для торжества этой оппозиціи не было никакихъ элементовъ. Повторимъ еще разъ результаты изложенныхъ нами фактовъ. Народъ неаполитанскій въ своей массѣ не понималъ политическихъ правъ и желалъ одного: оставаться постоянно подъ отеческимъ управленіемъ Бурбоновъ. По своему характеру—народъ этотъ кротокъ, безпеченъ, доволенъ малымъ, религіозенъ и въ высшей степени покоренъ. Ясно, что управлять такимъ народомъ дѣло самое легкое; а чтобы возстановить его противъ существующаго порядка, для этого надо употреблять неимовѣрныя усилія, и возиться съ нимъ много и долго, можетъ быть больше, чѣмъ со всякимъ другимъ народомъ на свѣтѣ, да и то безъ особенныхъ надеждъ на успѣхъ. Но, положимъ, злоумышленники хитры и сильны, они всѣмъ пользуются, все пускаютъ въ оборотъ... Какія же средства имѣли они въ Неаполѣ? Мы видѣли, что никакихъ; напротивъ, всѣ обычныя революціонныя орудія обращены были здѣсь противъ нихъ же самихъ. Они не могли ничего дѣлать посредствомъ религіи: въ Неаполѣ не было разницы вѣроисповѣданій, не было религіозныхъ сектъ, совѣсть народа находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ католическаго духовенства и особенно іезуитовъ, бывшихъ всегда сильными и дѣятельными союзниками бурбонской системы управленія. Религіозное чувство народа постоянно пріучаемо было къ тому, чтобы смотрѣть на враговъ королевскаго абсолютизма, какъ на враговъ самого Бога и его церкви. Это же воззрѣніе проводилось постоянно и въ воспитаніи, которое находилось тоже въ рукахъ іезуитовъ. Такимъ образомъ, злоумышленники не могли проводить своихъ идей и въ школьномъ образованіи молодого поколѣнія. Возмущать умы общества и раздражать страсти посредствомъ книгъ

и статей — тоже не было никакой возможности: литература вся была въ рукахъ правительства, за нею смотрѣла полиція и іезуиты, и въ ней натурально не могло появляться ничего, что бы хотѣли высказывать люди, злоумышлявшіе противъ установленнаго порядка. Напротивъ, вся литература была направляема, по возможности, къ утвержденію въ умахъ убѣжденія въ превосходствѣ и благодѣтельности этого порядка. Іезуиты не только цензировали книги, они и сами сочиняли ихъ; полиція не только слѣдила за журналами, она сама издавала свою газету; Біанкини замѣнилъ Риччарди въ изданіи „Progresso"... Безпокойные люди печатали дурныя книги тайно и за-границей, ввозили ихъ контрабандой; но мы видѣли, что и это средство было очень слабо: запрещенныя книги были доступны лишь немногимъ, а какъ только ихъ распространеніе принимало характеръ сколько-нибудь значительный, полиція тотчасъ принимала свои мѣры, и тутъ и авторы, и читатели, и продавцы, и владѣтели такихъ книгъ были строго наказываемы за обманъ, ослушаніе и безнравственность. Столько же трудно было злоумышленникамъ дѣйствовать посредствомъ живого слова: имъ не было и случаевъ къ тому, по недостатку большихъ публичныхъ собраній, да и притомъ же за каждымъ словомъ ихъ слѣдила полиція, и они могли по первому подозрѣнію попасть въ тюрьму. Что могли еще дѣлать они въ такихъ обстоятельствахъ? Послѣднее убѣжище — заговоръ, тайное общество. Но мы уже знаемъ, что людей злонамѣренныхъ и безпокойныхъ было въ Неаполѣ самое ничтожное количество: адвокаты, медики и еще кое-кто въ этомъ родѣ... Остальное все было спокойно и довольно, не желало ничего лучшаго. Кого же могли буйные либералы привлечь къ своему обществу? Двухъ-трехъ юношей, сбившихся съ пути и позабывшихъ наставленія религіи и своихъ учителей! Недаромъ же и были такъ жалки и безплодны многочисленныя попытки заговоровъ при Фердинандѣ... Одинъ разъ (1848 г.), пользуясь всеобщимъ волненіемъ въ Европѣ, либералы успѣли-было взять перевѣсъ; но и то надолго-ли? Народъ самъ показалъ себя враждебнымъ къ нимъ (по крайней мѣрѣ, такъ думаютъ благоразумные люди), и власть короля была возстановлена во всей своей силѣ. А чтобъ зловредные люди не продолжали возмущать умовъ, ихъ вслѣдъ затѣмъ захватили повсюду, гдѣ могли захватить, и предали суду. Иные изъ нихъ погибли въ темницѣ, другіе сосланы на галеры, третьи изгнаны; нѣкоторые успѣли убѣжать сами, а оставшіеся и найденные невинными, но все-таки подозрительными насчетъ образа мыслей, отданы подъ строжайшій присмотръ полиціи. Могли-ли они послѣ этого продолжать свои коварные замыслы и волновать умы? Могли-ли даже мечтать о торжествѣ своихъ беззаконныхъ идей надъ законною властью Бурбоновъ? Не были-ли они обезсилены, поражены, уничтожены? Не поражались-ли, не придавливались-ли

они всякій день, всякій разъ, какъ только осмѣливались обнаруживать свое существованіе?

Да, при концѣ царствованія Фердинанда, сила бурбонскаго правительства представляется намъ прочно - утвержденною, торжествующею надъ всѣми противными началами, непоколебимою въ своемъ могуществѣ. Ни одинъ изъ элементовъ, считающихся вообще благопріятными волненіямъ и непокорству, не только не былъ развитъ, но даже прямо можно сказать—не существовалъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

И между тѣмъ, революція такъ быстро, такъ легко сокрушила тронъ Бурбоновъ, хотя новый король ни въ чемъ не измѣнилъ режиму своего отца! Чѣмъ же объяснить эту странность? Должна же быть какая-нибудь причина этого удивительнаго явленія?

Причинъ этихъ, читатель, приводятъ даже двѣ: соглашаясь въ томъ, что не либералы и злоумышленники, что не характеръ народа произвелъ паденіе Бурбоновъ, ихъ противники говорятъ, что причиною революціи были сами же Бурбоны съ своей системою; защитники же ихъ, и самъ Франческо, тоже признавая, что народъ тутъ нимало не виноватъ и что либералы непричастны, увѣряютъ, что вся исторія была дѣломъ иностраннаго вмѣшательства.

Читатель можетъ принять ту или другую причину; но мы просимъ у него позволенія разсмотрѣть ихъ обѣ въ слѣдующей статьѣ.

II.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ писателей нашего времени есть безспорно синьоръ Казелла, первый, послѣдній и единственный министръ бывшаго короля неаполитанскаго, Франческо II. Вся Европа читала его ноты и протесты, которымъ, конечно, позавидовалъ бы самъ Меттернихъ, если бъ могъ теперь чему-нибудь завидовать. При чтеніи этихъ нотъ мы всегда воображали себѣ синьора Казеллу въ видѣ вдохновеннаго Архимеда, говорящимъ: „дайте мнѣ точку опоры внѣ Гаэты, и я всю Италію переверну по-своему“. Но, къ несчастью, желанной опоры онъ не нашелъ нигдѣ, ни даже въ императорѣ Луи-Наполеонѣ, котораго такъ трогательно благодарилъ въ одной изъ своихъ нотъ, справедливо получившей названіе „интродукціи къ лебединой пѣснѣ“. Все краснорѣчіе гаэтскаго министра было безсильно противъ *вещественной* силы „Пьемонтскихъ величьишекъ“, по счастливому выраженію графа Монталамбера. Пьемонтъ вѣроломно напалъ на сво-

ихъ собратій, покорилъ ихъ и отнялъ всѣ права у законнаго ихъ короля... Очевидно, что съ такими разбойниками дѣлать нечего: они не послушаютъ ни Казеллы, ни Монталамбера, ни самого святѣйшаго папы. Но если съ Пьемонтомъ нельзя сговорить, то въ Европѣ никогда не бываетъ недостатка въ людяхъ степенныхъ и благомыслящихъ, готовыхъ съ полнымъ довѣріемъ прислушиваться къ назидательнымъ рѣчамъ синьора Казеллы. Такимъ образомъ, мнѣнія, имъ излагаемыя, нашли себѣ отголосокъ во всѣхъ легитимистскихъ и въ нѣкоторой части либеральныхъ журналовъ Европы. Съ половины сентября мы каждый день читали на разные лады повторяемыя сужденія о томъ, что неаполитанская революція и низверженіе Бурбоновъ есть дѣло ни кого другого, какъ пьемонтскаго правительства... Вопросъ, надъ которымъ мы столько бились въ нашей прошедшей статьѣ, рѣшался, такимъ образомъ, весьма легко и въ тоже время основательно. Всѣ возможныя соображенія, всѣ факты прямо указывали на это рѣшеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните ходъ событій. Политика Пьемонта всегда была весьма честолюбива. Изъ честолюбія, и только изъ одного честолюбія, чтобы показать, что „и она тоже сильна“, Сардинія сунула носъ въ Крымъ. Ея армія остроумно была названа у насъ „сардинкою“, но это не помѣшало Пьемонту играть извѣстную роль на парижскомъ конгрессѣ. Еще тутъ онъ заявилъ свои честолюбивые замыслы, сдѣлавъ доносъ на прочихъ итальянскихъ властителей, и между прочимъ на короля неаполитанскаго и на папу. Затѣмъ, пьемонтское правительство пользовалось всѣми случаями погубить остальныя итальянскія династіи: вопреки настояніямъ Австріи, развивало у себя либеральныя нововведенія и дозволяло безпорядки, давало пріютъ людямъ, изгнаннымъ изъ Неаполя, Флоренціи, Рима и пр., совалось съ своими совѣтами и къ папскому правительству, и къ герцогамъ, и не упустило случая дать наставленіе даже юному королю Обѣихъ Сицилій, при самомъ вступленіи его на престолъ. Словомъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ Пьемонта издавна замѣтно было желаніе поставить въ Италіи свое вліяніе на мѣсто австрійскаго. Сначала сардинское правительство (т. - е. правильнѣе —министерство, ибо Викторъ-Эммануилъ тутъ остается ни при чемъ: вся сила въ Кавурѣ) думало успѣть легко, и потому дѣйствовало только убѣжденіемъ, сохраняя личину законности. Но видя, что никто изъ законныхъ властителей не поддается на лукавыя внушенія и не располагаетъ быть вассаломъ Пьемонта, видя, что Австрія не думаетъ отказываться отъ своей системы, туринское министерство не поцеремонилось прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, гораздо менѣе благовиднымъ. Сначала призвало оно на помощь чужую державу: здѣсь была хоть тѣнь законности. Но, вслѣдъ затѣмъ, неразборчивость въ средствахъ дошла у Пьемонта до того, что онъ рѣшился дѣйствовать посредствомъ революціи!.. Такимъ образомъ

произведена была революція въ герцогствахъ въ Романьѣ и, наконецъ, въ Неаполѣ. И если кто виноватъ во всей пролитой крови, такъ это пьемонтское честолюбіе...

Все это повторялось не только журналами, но даже нѣкоторыми государственными людьми. Мы бы могли указать здѣсь, напримѣръ, на графа Буоля, на генерала Ламорисьера и другихъ; но они были заинтересованы въ дѣлѣ, подобно самому синьору Казеллѣ, и потому могли быть не вполнѣ безпристрастны. Но вотъ человѣкъ рѣшительно посторонній, принадлежащій къ странѣ либеральной, очевидецъ дѣла—лордъ Нормэнби, извѣстный своими открытіями относительно событій 1848 года во Франціи и вообще въ политической мудрости уступающій развѣ нашему господину Горяинову: спросите его хоть о тосканскихъ событіяхъ 1859 года! Кто произвелъ и поддержалъ революцію во Франціи? Господинъ Бонкомпаньи, сардинскій уполномоченный. Онъ могъ отрекаться отъ участія въ возстаніи, могъ доказывать лорду Нормэнби, что онъ, говоря объ итальянскихъ дѣлахъ, выказываетъ только полное ихъ непониманіе. Можетъ быть, и точно, лордъ Нормэнби имѣетъ объ Италіи понятіе нѣсколько одностороннее (какъ и о Франціи 1848 года)... Но это нисколько не прикрываетъ Сардинію: генералъ Уллоа былъ изъ Турина присланъ въ Тоскану и отъ графа Кавура получалъ приказанія и жалованье... Въ Моденѣ и Пармѣ то же самое: Фарини—пьемонтецъ, Фарини—кавуристъ, какъ извѣстно, и между тѣмъ онъ велъ все дѣло въ этихъ герцогствахъ. Тоже и въ Неаполѣ и Сициліи Гарибальди былъ орудіемъ Кавура; все ихъ видимое разногласіе было просто маской... А между тѣмъ, сицилійская экспедиція была приготовлена самимъ пьемонтскимъ правительствомъ, всѣ дѣйствія Гарибальди были направляемы изъ Турина, съ разрѣшенія Луи-Наполеона. И когда у Гарибальди не стало силъ одному съ своими скопищами бороться противъ вѣрныхъ войскъ короля Франческо, тогда Пьемонтъ сбросилъ маску и открыто пошелъ войною на сосѣднее правительство, съ которымъ до тѣхъ поръ не прерывалъ даже дружественныхъ сношеній...

Таковъ смыслъ послѣднихъ нотъ министра Казеллы, таково мнѣніе всѣхъ ультрамонтанскихъ и части полуоффиціальныхъ газетъ во Франціи, таковы, кажется, мысли самой „Аугсбургской Газеты“, а можетъ быть даже и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Послѣ этого всѣ означенныя газеты имѣютъ, разумѣется, полное право жестоко осмѣять насъ за то, что мы ищемъ вчерашняго дня, добиваясь, отчего могла произойти такая быстрая и такая успѣшная революція въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

Но при всемъ нашемъ уваженіи къ проницательности благомыслящихъ газетъ, мы на этотъ разъ не очень спѣшимъ удовлетвориться ихъ мнѣніемъ. Намъ кажется, что какъ ни сильно честолюбіе пьемонтскаго министерства,

но боязнь революціонныхъ безпорядковъ въ немъ еще сильнѣе. Оно желаетъ владѣть Италіей, но съ помощью средствъ благоразумныхъ и законныхъ. Оно понимаетъ, что въ союзѣ съ революціонерами оно, можетъ быть, и достигнетъ единства Италіи, но ничего не выиграетъ для своего собственнаго значенія. Поэтому положительно можно утверждать, что если графъ Кавуръ не упускаетъ случая воспользоваться даже и революціей для расширенія своего значенія, то ни въ какомъ случаѣ не рискнетъ онъ самъ на революцію. Это дѣло другихъ людей, въ отношеніи къ которымъ графъ Кавуръ играетъ ту же роль, какъ Меттернихъ въ отношеніи къ либераламъ временъ реставраціи. Еще 25 лѣтъ тому назадъ Маццини писалъ, что Пьемонтъ долженъ быть увлеченъ на путь реформъ „идеею о коронѣ всей Италіи“ [1]), такъ точно какъ Неаполь долженъ быть приведенъ къ этому силою. До сихъ поръ событія служили постояннымъ подтвержденіемъ этихъ предвѣщаній; но въ нихъ же самихъ не трудно видѣть и полное оправданіе Пьемонта отъ сообщничества съ революціонерами... Впрочемъ, мы на этотъ счетъ распространяться здѣсь не будемъ, потому что объ отношеніяхъ сардинскаго министерства къ итальянской революціи „Современникъ“ уже нѣсколько разъ говорилъ въ „Политическомъ Обозрѣніи“. Здѣсь мы прибавимъ лишь нѣсколько фактовъ, преимущественно для тѣхъ тонкихъ политиковъ, которые видятъ во всемъ двойныя и тройныя интриги и, не довольствуясь тѣмъ, что актеры играютъ комедію, увѣряютъ часто, что они только представляютъ, будто играютъ комедію, а въ самомъ-то дѣлѣ совершаютъ что-то другое.

Дипломатическая комедія, разыгрываемая Сардиніей на тему уваженія къ международному праву, трактатамъ и династической законности, совершенно ясна; не менѣе ясна и другая комедія, исполняемая Пьемонтомъ противъ людей, которымъ онъ одолженъ своимъ теперешнимъ могуществомъ, и противъ надеждъ народа, прибѣгшаго къ покровительству Пьемонта. Но тонкіе политики этимъ не довольствуются: имъ непремѣнно нужно, чтобъ дѣло было запутано такъ, какъ во второй части „Мертвыхъ душъ“ русскій юристъ запуталъ дѣло Чичикова. Они довольны, повидимому, только тогда, когда ужъ разобрать ничего нельзя, и смыслъ человѣческій рѣшительно теряется. Но мы, хотя и представляемъ изъ себя нѣкоторое подобіе Кифы Мокіевича, однакоже никакъ не желаемъ имѣть подобный результатъ для своихъ размышленій. Отъ этого мы никакъ не хотимъ и не можемъ допустить, чтобы пьемонтское правительство руководило неаполитанской революціей и для прикрытія дѣлало всякія пакости Гарибальди и его сподвижникамъ. Это можно было говорить еще, когда въ кавуровскихъ жур-

---

[1]) Delle presenti condizioni d'Italia, p. duc de Venhignano.

налахъ уничтожали Гарибальди при самомъ началѣ его экспедиціи, когда задерживали его отправленіе, не выдавали принадлежащихъ ему денегъ, велѣли стрѣлять въ его волонтеровъ; можно было настаивать, когда въ Сицилію посланъ былъ Ла-Фарина, когда Викторъ-Эммануилъ писалъ къ Гарибальди настоятельныя письма, чтобъ онъ не ходилъ на Неаполь, когда Кавуръ спрашивался у Луи-Наполеона, можно-ли ему отвергнуть поздній союзъ съ Неаполемъ, когда Гарибальди изъявлялъ желаніе, чтобъ Кавуръ оставилъ министерство, а Кавуръ въ парламентѣ возбуждалъ вопросъ, можно-ли вотировать адресъ Гарибальди, какъ человѣку, заслужившему признательность отечества... Все это могло считаться комедіей, пока была возможность утверждать, что въ видимомъ нерасположеніи министерства къ дѣятелямъ неаполитанской революціи нѣтъ ничего существеннаго, что это только такъ—личина. Но вотъ прошло еще два мѣсяца слишкомъ, и комедія зашла уже слишкомъ далеко. Гарибальди остановленъ въ своихъ замыслахъ на Римъ и Венецію, Неаполемъ управляетъ Фарини, Сициліей — Ла-Фарина, Кавуръ объявляетъ Европѣ, что онъ хочетъ водворить порядокъ, съ Римомъ заводятся сношенія, Австрію разсчитываютъ заставить, съ помощью императора Луи-Наполеона, продать Венецію. Неужели и послѣ этого еще можно упрекать сардинское правительство въ революціонныхъ наклонностяхъ? А съ другой стороны—партія, руководившая революціей въ Сициліи и Неаполѣ, со дня на день становится болѣе недовольною Пьемонтомъ. Ея журналы и брошюры чуть не каждый день открываютъ новые факты, бросающіе на сардинское министерство очень невыгодную тѣнь. Относительно экспедиціи Гарибальди они публикуютъ подробности, ясно доказывающія, что пьемонтское правительство всѣми мѣрами старалось задержать и не допустить ее [1]). Въ самыхъ популярныхъ изданіяхъ, въ календаряхъ, въ каррикатурныхъ листкахъ стараются объяснять народу, какъ вредны были и продолжаютъ быть люди кавуровской компаніи,—i moderati, какъ ихъ называютъ въ насмѣшку,—для дѣла освобожденія. Самое вторженіе Пьемонта въ папскія владѣнія объясняютъ безъ всякихъ околичностей желаніемъ Кавура поддержать свою популярность, которая начала сильно шататься отъ его вражды съ Гарибальди [2]). Въ оправданіе себя, Кавуръ тоже пе-

---

[1]) Въ декабрѣ вышла въ Миланѣ книга полковника Піанчини «Dell'andamento delle cose in Italia», на каждой страницѣ доказывающая, что вмѣшательство пьемонтскаго правительства, со времени первой экспедиціи Гарибальди, постоянно служило ко вреду общаго дѣла единства и независимости Италіи. Мы, можетъ быть, еще возвратимся къ этой замѣчательной книгѣ.

[2]) Въ Генуѣ, къ концу года, появился, напримѣръ, между прочимъ, демократическій альманахъ, подъ названіемъ «Cavour», являющійся уже не въ первый разъ. Нынѣ помѣщены въ немъ лирическія сцены: «Cavour nell'imbarazzo». Затруднительное по-

чатаетъ статейки и пускаетъ въ ходъ брошюры, иногда составленныя довольно искусно. Но онѣ не остаются безъ отвѣта. Такъ, напр., одинъ адвокатъ (т.-е. человѣкъ изъ сословія по преимуществу революціоннаго, по увѣренію г. Гондона и подобныхъ), по имени Карло Боджіо издалъ брошюрку „Cavour o Garibaldi?" и, выхваляя какъ будто бы Гарибальди, въ то же время очень ловко даетъ понять, что это храбрый безумецъ, который ничего прочнаго сдѣлать не можетъ, и что ужъ если выбирать между нимъ и Кавуромъ, то необходимо довѣрнться политической мудрости графа. Въ отвѣтъ на это, тотчасъ явилась брошюра Анджело Брофферіо, не безъ ѣдкости доказывающая, что „политическая мудрость" графа можетъ увеличить значеніе Пьемонта какими-нибудь новыми сдѣлками, въ родѣ продажи Ниццы и Савойи, но никогда не устроитъ единства Италіи [1]). Это же каждый день повторяется въ журналахъ партіи, искренно приверженной къ Гарибальди. Они всѣми силами стараются исправить ошибку общаго мнѣнія, приписывавшаго пьемонтскому министерству большое участіе въ проектахъ и дѣйствіяхъ Гарибальди. Въ началѣ декабря „Il Diritto" [2]) говорилъ по поводу книги Піанчани: „Всѣ помнятъ отправленіе Гарибальди въ Сицилію. Кто не утверждалъ, кто не клялся тогда въ Пьемонтѣ, что экспедиція Гарибальди замышлена по согласію съ Кавуромъ, что Ла-Фарина доставлялъ въ Генуую оружіе и деньги, что Кавуръ далъ великому человѣку (т.-е. Гарибальди) самыя существенныя пособія? Немногіе, знав-

---

ложеніе Кавура изображается здѣсь весьма комически, особенно обманутыя надежды его на Ратацци; но въ самую критическую минуту, когда Кавуру приходится бѣжать изъ министерства, онъ вдохновляется и принимаетъ видъ необыкновенно воинственный и *смѣлый* (audace напечатано курсивомъ) и поетъ:

«Impertinenti! Lo vedrete or ora!
Un pensier m' e' venuto!
Occuperò le Marche. Non importa,
Lò faccio ora o riprendo
La popolarità che avea perduta», и пр.

Затѣмъ i moderati разражаются воинственнымъ хоромъ:

«Fratelli d'Italia,
Cavour si ridesta», и пр.

Альманахъ украшенъ плохими каррикатурами и продается *по два сольдо*, т.-е. $2^1/_2$ коп. сер.

[1]) Заглавіе брошюры: «Garibaldi o Cavour?» Ея смыслъ виденъ ужъ изъ одного эпиграфа: «Гарибальди—Палермо и Неаполь; Кавуръ — Ницца и Савойя». Въ брошюрѣ 32 страницы,—обыкновенный размѣръ политическихъ брошюръ, принятый во Франціи; форматъ меньше, но печать несравненно убористѣе, и между тѣмъ цѣна брошюры 3 сольдо, т.-е. 15 сантимовъ, тогда какъ французскія брошюры продаются по франку.

[2]) Въ статьѣ «Два графа» il Diritto упомянутъ въ числѣ журналовъ кавуровской партіи; это грубое недоразумѣніе: слѣдовало поставить «Gazetta di Turino». «Diritto»—журналъ радикальный.

шіе и осмѣливавшіеся утверждать противное, были осмѣяны, обвиняемы во лжи, оскорбляемы,—какъ случается всегда съ тѣми, кто рѣшается говорить истину предъ обманутой толпою. Но теперь истина извѣстна", и пр... Затѣмъ слѣдуютъ факты и выдержки изъ книги Піанчини, которыхъ мы не станемъ касаться. Но изъ приведенныхъ словъ очевидно, что если теперь Кавуръ желаетъ распространить слухъ о своемъ участіи въ дѣлѣ освободителей Италіи, то они сами всячески хлопочутъ, чтобы раскрыть глаза заблуждающимся, которыхъ, какъ видно, не мало въ самой Италіи... Все это ужъ не походитъ на комедію. Наконецъ, всего убѣдительнѣе противъ мнѣнія о томъ, будто неаполитанская революція была организована Пьемонтомъ, говоритъ положеніе, принятое теперь самимъ Гарибальди. Не говоря обо всѣхъ послѣднихъ событіяхъ, укажемъ слѣдующій фактъ: почти во всѣхъ городахъ Италіи (исключая, можетъ быть, Турина) . .
. . . . [1]).

[1]) Статья осталась недоконченною. *Прим. изд.*

ИЗЪ ТУРИНА.

Европа, какъ вы знаете, превратилась теперь въ „говорильню", какъ перевелъ бы покойный Шишковъ слово „парламентъ". Не говоря объ Испаніи и Греціи, даже во Франціи устроилась маленькая говорильня. А ужъ на что, кажется, молчаливѣе нынѣшней Франціи: вотъ ужъ десять лѣтъ только тѣмъ и занимается, что ищетъ разгадки судебъ своихъ въ „Мониторѣ", заслужившемъ отъ самихъ же французовъ прозваніе *нѣмого* (правильнѣе бы: *косноязычнаго*).

Но какъ ни занимательны греческія, испанскія, прусскія и французскія рѣчи, — всѣхъ ихъ любопытнѣе представляется для просвѣщенной Европы, а слѣдовательно и для меня,—вновь устроенная говорильня въ Туринѣ. „Идея *итальянскаго* парламента,—говорилъ мнѣ одинъ нашъ соотечественникъ благороднѣйшаго образа мыслей,—имѣетъ въ себѣ что-то великое и симпатичное. Въ немъ осуществляется мысль единства Италіи, залогъ солидарности и братства народовъ, забвеніе старинной вражды и городовыхъ раздоровъ, столько вѣковъ губившихъ жизнь и свободу этой чудной страны. Мнѣ кажется, даже иностранцу невозможно будетъ безъ особеннаго сердечнаго волненія видѣть это величавое собраніе мужей совѣта, которые приходятъ со всѣхъ концовъ новаго царства, представляя въ лицѣ своемъ интересы народа, еще такъ недавно не смѣвшаго и думать о своихъ интересахъ. Подумайте"...

Впрочемъ, я вамъ пишу письмо изъ Турина, а краснорѣчивый соотечественникъ мой говорилъ мнѣ все это во Флоренціи. Слѣдовательно, оставимъ его въ сторонѣ, тѣмъ больше, что онъ не обладалъ достоинствомъ краткости. Скажу только, что отчасти по его внушеніямъ, а отчасти и по влеченію собственнаго сердца, я оставилъ градъ Медичисовъ, Леопольдовъ и Рика́золи и поспѣшилъ въ Туринъ, какъ разъ къ открытію парламента.

Самаго открытія я не видалъ: отправился поздно, прождалъ парохода въ Ливорно и опоздалъ къ поѣзду желѣзной дороги въ Генуѣ. Но тѣмъ не меньше я засталъ Туринъ въ полной „парадной формѣ": на piazza

Castello, передъ „дворцомъ“ Мадата, было воткнуто множество шестовъ, мѣшавшихъ свободному проѣзду экипажей и украшенныхъ трехцвѣтными знаменами; между этими шестами и между портиками, составляющими гордость улицы По, были протянуты какія-то гирлянды; по всѣмъ улицамъ торчали изъ оконъ національныя знамена съ савойскимъ крестомъ посрединѣ; стѣны тамъ и сямъ были покрыты каракулями, „хотѣвшими сказать“ (по итальянскому выраженію) viva Vittorio Emmanuele, re d'Italia!.. Словомъ, видно было, что городъ торжествуетъ...

Было это въ воскресенье. Отправился я на piazza Castello и вижу — народъ валомъ валитъ ко дворцу. Пошелъ и я. Дошелъ до воротъ внутренняго двора, просился было и во внутренность, но не пустили: часовые стоятъ съ ружьями и пропускаютъ только кареты. Въ первый проѣздъ мой черезъ Туринъ, я не только на дворѣ былъ, но и дворецъ осматривалъ; поэтому такая строгость нѣсколько удивила меня. Спрашиваю о причинѣ; говорятъ, что дворецъ осматривать можно было, когда его величество былъ въ Неаполѣ, а теперь и на дворъ нельзя войти простому человѣку, ибо у его величества торжественная аудіенція, по случаю поднесенія ему новой короны гражданами Турина. Понялъ я тогда свое неразуміе и смиренно остановился передъ воротами — смотрѣть на генераловъ, выходившихъ изъ каретъ. Генераловъ было много, народъ глядѣлъ съ любопытствомъ на ихъ мундиры и время отъ времени произносилъ извѣстныя имена, только, кажется, не всегда впопадъ. По крайней мѣрѣ возлѣ меня слышалось два раза: Чальдини, Чальдини, — хотя, разумѣется, Чальдини былъ въ это время подъ Мессиной, обдумывая свое знаменитое письмо къ генералу Фергола... Но народу, повидимому, не было никакого дѣла до Мессины, равно какъ и до Чивителлы дель Тронто: ему просто хотѣлось посмотрѣть, каковъ-то, молъ, долженъ быть изъ себя Чальдини, о которомъ говорятъ такъ много и которому даже лавровый вѣнокъ изъ золота дѣлаютъ... Нѣсколько дней спустя, любопытство народа насчетъ Чальдини было возбуждено и удовлетворено другимъ образомъ: въ окнѣ одного магазина золотыхъ вещей выставленъ былъ пресловутый вѣнокъ. Въ теченіе цѣлой недѣли, разъ по шести въ день, приводилось мнѣ проходить мимо этого магазина, въ различные часы, но только одинъ разъ, раннимъ утромъ, удалось, читая газету, дождаться возможности продраться къ окну и взглянуть на этотъ, довольно жиденькій презентикъ. Человѣкъ пятьдесятъ постоянно находилось у окна, во все время, пока вѣнокъ былъ выставленъ. Подобное стеченіе любопытныхъ зрителей я помню только передъ балаганомъ Юліи Пастраны, въ Петербургѣ, въ послѣднюю масляницу ея жизни. Говорятъ, впрочемъ, что то же самое, и даже въ бо́льшихъ размѣрахъ, было передъ зданіемъ Инвалидовъ, въ первое время послѣ того, какъ привезли туда тѣло Наполеона.

Но я отвлекаюсь отъ разсказа о коронѣ, поднесенной Виктору-Эммануилу. Оказалось, что это было вовсе не торжественное освященіе новаго царства, какъ я подумалъ съ перваго раза, а просто частная любезность туринскихъ гражданъ. Вслѣдствіе того, все дѣло и устроено было такимъ домашнимъ образомъ. Я постоялъ, послушалъ, что говорятъ, половины не понялъ, и вышелъ опять на piazza Castello. Тамъ тоже кружокъ народа: слѣпой старикъ поетъ и играетъ, маленькая дѣвочка пляшетъ, по временамъ и старикъ подплясываетъ; простонародье наслаждается этимъ, какъ истиннымъ представленіемъ, и въ заключеніе, бросаетъ нѣсколько сольди; люди хорошо одѣтые и, какъ по всему видно, образованные—тоже останавливаются на нѣсколько минутъ, смотрятъ въ средину кружка съ улыбкой презрительнаго сожалѣнія и спѣшатъ удалиться, прежде чѣмъ дѣвочка начнетъ обходить кружокъ съ своей чашечкой.

Нѣсколько дальше показываются разные райки, — разумѣется, Палестро, Сольферино, Кастельфидардо и другія пьемонтскія торжества; Гарибальди, впрочемъ, тоже не исключенъ, хотя его исторія какъ-то и не совсѣмъ легко входитъ въ картину, гдѣ надо непремѣнно представить рѣзню.

Въ другомъ углу обширной площади еще кружокъ: пьемонтскій Леотаръ забавляетъ публику своими прыжками; съ нимъ прыгаетъ, возится и прибаутничаетъ вертлявая женщина, въ короткомъ платьѣ. Подошедши ближе, вы видите, что прыгунъ — пожилой, истощенный человѣкъ, — а женщина — старуха съ поврежденными, слезящимися глазами. Сдѣлавъ игривое движеніе, она раскрываетъ ротъ, чтобы засмѣяться: оттуда выглядываютъ нѣсколько черныхъ зубовъ, а по щекѣ катится гной, накопившійся подъ глазами. Другая женщина, тоже пожилая и очень уродливая, стоитъ и бьетъ въ барабанъ. Представленіе идетъ не очень усердно; замѣтно, что фокусники стараются протянуть время, пока народъ наглядится на великолѣпныя кареты и золоченые мундиры и отхлынетъ отъ дворцоваго подъѣзда на площадь.

Но еще прежде чѣмъ кончилась дворцовая аудіенція, черезъ площадь начинается какое-то новое движеніе: площадь пересѣкаютъ люди, проходящіе черезъ нее очевидно не для забавы, а за дѣломъ. По количеству женщинъ, проходящихъ мимо меня съ книжечками въ рукахъ, догадываюсь, что все шествіе направляется къ полдневной мессѣ. Оборачиваюсь, чтобы спросить, въ какую церковь все это стремится; мнѣ надъ самымъ ухомъ раздается: „спички, спички скоро-воспалительныя!..“ Смотрю: дѣтина въ красной рубахѣ, совершенно уже вытертой. „Вы гарибальдинецъ?“—Да, сударь.—„Что же это вы такъ теперь?..“—Что же, сударь, дѣлать! Надо ѣсть что-нибудь... правительство не хочетъ давать намъ никакого посо-

бія... Хочетъ, чтобы мы въ регулярные солдаты перешли...—„Такъ что же?..“—Помилуйте...

Насъ перервалъ господинъ, потребовавшій спичекъ. Я спросилъ о церкви. Господинъ очень любезно объяснилъ мнѣ, что всѣ стремятся въ соборъ San Giovanni, послушать одного монсиньора, проповѣдника, знаменитаго своимъ либерализмомъ и навлекшаго на себя даже негодованіе клерикальной партіи за крайнюю смѣлость своихъ идей. Захотѣлось мнѣ послушать либеральнаго монсиньора: я этакихъ никогда не слыхивалъ и не видывалъ. Пошелъ и я въ соборъ. Народу точно было множество, но проповѣдникъ имѣлъ сильный голосъ, и мнѣ не было надобности продираться слишкомъ впередъ, чтобы слышать его. Первыя слова, дошедшія до моего слуха, были слѣдующія: „Мы—черви ничтожные, мы—пыль и грязь, и мы смѣемъ надѣяться на свои силы! Мы во грѣхахъ зачаты, во грѣхахъ рождены, мы слѣпы, и наги, и нищи, и безпомощны“... и проч. Вся проповѣдь была въ этомъ родѣ. Я задалъ себѣ вопросъ: почему же считаютъ его либеральнымъ? И рѣшилъ такъ: вѣрно всѣ думаютъ, что онъ говоритъ такъ о слѣпыхъ, нищихъ, распѣвающихъ веселыя пѣсни, и о гарибальдинцахъ, лишенныхъ пособія отъ правительства.

Вечеромъ пришлось мнѣ познакомиться ближе съ либеральнымъ монсиньоромъ: прихожу въ свою гостинницу обѣдать, гляжу, монсиньоръ какъ разъ противъ меня. Я его сейчасъ же насчетъ либерализма: оказывается точно, что Австрію не любитъ, надъ Бомбичелло смѣется, очищенія Рима французами ожидаетъ спокойно, и противъ Гарибальди ничего не имѣетъ. Но гарибальдинцевъ не любитъ. Это, говоритъ, народъ непокорный, буйный, хотятъ получать пособіе и ничего не дѣлать.—Отчего же вы думаете, что они не хотятъ ничего дѣлать?—„Разумѣется, не хотятъ; потому что имъ предлагаютъ вступить въ регулярные полки,—не хотятъ“.—Да вѣдь ихъ тамъ трактуютъ то очень плохо.—„Не вѣрьте, не вѣрьте!.. Это они говорятъ, чтобъ оправдать себя; а имъ просто не нравится дисциплина“.—Но всѣ говорятъ, что дисциплина, какой требуетъ Фанти, и безполезна, и обременительна въ высшей степени; и притомъ волонтеры все еще надѣются идти съ Гарибальди на дѣло, а въ пьемонтскомъ войскѣ, кромѣ дисциплины, имъ и дѣла-то нѣтъ никакого. А разъ вступивши въ войско, вѣдь ужъ нельзя будетъ его оставить: будутъ судить, какъ дезертера... Каково же было бы, напр., хоть бы венеціанскимъ волонтерамъ сидѣть гдѣ-нибудь въ пьемонтскомъ гарнизонѣ, между тѣмъ какъ снарядилась бы новая экспедиція Гарибальди?—„О, не говорите мнѣ про Венецію: я самъ венеціанецъ и всей душой желаю освобожденія моей родины. Но именно для этого-то и нужна дисциплина; безъ нея ничего не сдѣлаешь... Только безпорядки одни, анархія“.—Да помилуйте, служили же они при Гарибальди: какой

же онъ анархистъ?..—„О Гарибальди кто говоритъ: онъ человѣкъ честный и преданный королю... Но его именемъ пользуются—знаете для какихъ цѣлей?.. Знаете-ли вы,—добавилъ монсиньоръ - венеціанецъ, понизивъ голосъ и принявъ таинственный видъ,—знаете-ли, что между этими волонтерами есть... мацциннсты?..“ Тонъ, какимъ произнесъ проповѣдникъ послѣднее слово, способенъ былъ устрашить и не такого робкаго человѣка, какъ я... Поэтому я осмѣлился сдѣлать только одно замѣчаніе: „но вѣдь самъ Мацции отказался на этотъ разъ отъ противодѣйствія пьемонтскому правительству и даже напротивъ—хотѣлъ помогать ему“... — „О, избави Богъ отъ этой помощи: это бы значило отдать власть въ *ихъ* руки, а *они* только этого и добиваются“...

Вообще, изъ разговора съ проповѣдникомъ я убѣдился, что онъ, дѣйствительно, либералъ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

На другой день отправился я въ парламентъ. Депутаты помѣщаются въ залѣ, нарочно устроенной въ Кариньянскомъ дворцѣ по случаю непредвидѣннаго приращенія парламентской семьи. Зала, впрочемъ, не столько величественна, какъ можно бы ожидать. Амфитеатръ на 500 человѣкъ, затѣмъ галлереи: прямо за верхними скамьями — для дипломатическаго корпуса, администраціи и журналистовъ; повыше—для особъ съ билетами, и отдѣльно—для женщинъ; еще выше—tribuna publica,—иди, кто хочешь, никому не воспрещается, ибо тамъ ужъ ничего не видно и не слышно. Зала, само собою разумѣется, украшена гербами всѣхъ итальянскихъ провинцій и портретомъ Виктора-Эммануила во всей его величавой граціи, такъ хорошо извѣстной всей Европѣ. Здѣсь сдѣлаю кстати одно замѣчаніе: въ этомъ портретѣ, который, какъ оффиціальный, долженъ быть вѣренъ, усы Виктора-Эмануила имѣютъ не такой большой загибъ кверху, какъ изображаютъ обыкновенно на другихъ портретахъ. По сторонамъ портрета двѣ подписи: направо—„4 марта 1848 года“, налѣво — „18 февраля 1861 года“. Кратко, но точно, краснорѣчиво и многознаменательно!!.. Въ срединѣ залы устроена лавочка бумаги, перьевъ, конвертовъ и прочихъ канцелярскихъ принадлежностей. Я съ нѣкоторымъ изумленіемъ спросилъ, зачѣмъ же тутъ эта лавочка; но сосѣдъ мой довольно сурово объяснилъ мнѣ, что это вовсе не bottega. а мѣста для министровъ, президента, вицепрезидентовъ и секретарей. Передъ ними-то и стоятъ столы съ грудами бумаги, конвертовъ, перьевъ, облатокъ, печатей и всего, что составляетъ принадлежность всякой благоустроенной канцеляріи.

Мнѣ пришлось сѣсть на лѣвой сторонѣ, слѣдовательно видны были преимущественно депутаты правой и центра. Еще до начала засѣданія я принялся разсматривать физіономіи: одна изъ нихъ показалась мнѣ знакомою, смотрю — точно Кавуръ, какъ его рисуютъ на портретахъ, только моло-

дой. Спрашиваю: неужели это Кавуръ такой молодой?.. Сосѣдъ усмѣхается и говоритъ: „онъ точно похожъ на Кавура посадкой, и его иногда въ насмѣшку называютъ сыномъ Кавура... Это адвокатъ Боджіо... Говоритъ онъ очень хорошо“... И я вспомнилъ, что Боджіо былъ однимъ изъ людей, наиболѣе оскорбившихъ Гарибальди во время парламентскихъ разсужденій о Ниццѣ; потомъ—что Боджіо есть авторъ одного ловкаго памфлета „Cavour o Garibaldi?“ — въ которомъ, подъ предлогомъ восхваленія героизма Гарибальди, онъ объявляетъ его неспособнымъ къ дѣламъ и нестоющимъ мизинца графа Кавура. Таковъ былъ первый представитель итальянскаго народа, съ личностью котораго я познакомился. Личность, надо сказать правду,— непривлекательная; маленькій, толстенькій, оплывшее лицо, вѣчное выраженіе безстыжаго, циническаго самодовольства и эта безцеремонность манеръ, взглядовъ и усмѣшекъ, которая такъ вызываетъ на оплеуху... Впрочемъ, по всей вѣроятности, онъ будетъ играть роль—если не въ судьбахъ Италіи, то въ министерскихъ и дипломатическихъ переднихъ.

Второе лицо, привлекшее мое вниманіе, было, какъ вы догадываетесь,— самъ Кавуръ, настоящій. Этого описывать нечего: г. Капустинъ или г. Бергъ, г. Ѳеоктистовъ или князь Д—ой—навѣрное уже познакомили съ нимъ русскую публику въ своихъ писаніяхъ, которыхъ я, къ величайшему прискорбію моему, не читалъ. Но не могу не замѣтить одного обстоятельства, всѣмъ извѣстнаго: и мнѣ самому показалось сначала, что Кавуръ имѣетъ привычку безпрестанно потирать себѣ руки въ знакъ удовольствія. А между тѣмъ, это несправедливо: большею частью онъ держитъ руки въ карманѣ, а то перебираетъ ими конверты и бумажки, лежащіе передъ нимъ... Но у него фигура такая, что каждому, кто только взглянетъ на него, сейчасъ же и представляется потиранье рукъ въ знакъ удовольствія. Видно, что весельчакъ и фортуною взысканъ!..

Я, признаюсь, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, что будетъ дѣлать почтенное собраніе „мужей совѣта“. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Италіи затруднительно: внутри и внѣ столько вопросовъ и требованій, что есть о чемъ потолковать,—была бы охота! Къ парламенту же имѣютъ довѣріе, отъ него ждутъ рѣшенія... Что-то онъ скажетъ?..

Вышелъ какой-то господинъ и началъ читать: община такая-то, состоитъ... вотировало столько-то, за г. такого-то столько-то... и т. д. Передъ господиномъ ворохъ бумагъ, а когда онъ всѣ ихъ перебралъ, вышелъ другой, и передъ нимъ положили ворохъ еще больше... Затѣмъ третій, четвертый и т. д... Это — повѣрка выборовъ... „Да вѣдь ужъ парламентъ открытъ цѣлую недѣлю (это было 25 го),—замѣтилъ я сосѣду:—что же они дѣлали все это время?“—„А много было приготовительныхъ работъ, да и повѣрка-то вѣдь не легка. Сами посудите—400 депутатовъ, по 50

въ день, такъ и то восемь засѣданій. А вотъ какъ спорные выборы будутъ докладываться, такъ и съ десяткомъ дай Богъ справиться въ одно-то засѣданіе"... Вотъ оно что! подумалъ я. А мы - то волнуемся: вотъ парламентъ открытъ, на дняхъ будутъ о судьбахъ Италіи разсуждать... Нѣкоторые даже мечтали, что отъ оборота парламентскихъ преній будетъ зависѣть рѣшеніе или отсрочка обѣщаннаго Гарибальди похода въ мартѣ мѣсяцѣ. А представители народа, какъ видно, вовсе не торопятся приниматься не только за дѣло, а даже и за разсужденія-то... Ходятъ себѣ каждый день въ камеру и выслушиваютъ докладъ о томъ, что графъ Камиллъ Кавуръ избранъ тамъ-то и тѣми-то, маркизъ Граставъ Кавуръ — тамъ-то и столькими-то, и т. д. — Меня тоска взяла, и я принялся разсматривать „почтенныхъ" (onorevoli). Въ частности мало фигуръ замѣчательныхъ, но въ совокупности своей камера представляла дѣйствительно нѣчто внушающее: никогда я не видывалъ такого собранія плѣшивыхъ и сѣдыхъ волосъ! Для развлеченія я принялся считать лысины и на одной правой насчиталъ 63, а между тѣмъ въ сборѣ было всего около 200 человѣкъ въ это засѣданіе... Да еще я не считалъ въ числѣ лысыхъ такихъ, какъ Кавуръ, напримѣръ, а бралъ въ разсчетъ только лысины настоящія, открытыя, или такія, которыхъ ужъ и закрыть нельзя иначе, какъ парикомъ...

Повѣрка спорныхъ выборовъ въ слѣдующія засѣданія представляла для меня еще болѣе интереса въ физіологическомъ отношеніи. Но, чтобы разсказать о нихъ, можетъ быть нелишними будутъ нѣкоторыя замѣчанія относительно нынѣшнихъ выборовъ въ Италіи.

По увѣренію благомыслящихъ журналовъ Италіи и Франціи, — „страна дала великое доказательство своего довѣрія къ министерству, выбравъ въ парламентъ почти повсюду министерскихъ кандидатовъ и одобривъ едва десятую долю кандидатовъ оппозиціи. Ни ораторскіе таланты, ни смѣлость идей, ни ловкость поведенія, ни даже вліяніе Гарибальди не могли спасти оппозицію. Гверрацци и Монтанелли, столько лѣтъ удивлявшіе камеру своимъ краснорѣчіемъ, Мордини, такъ искусно державшій себя въ Сициліи, Бертани — ближайшій другъ Гарибальди, — всѣ провалились, потому что народъ чувствуетъ потребность не въ этой сумасбродной партіи, а въ людяхъ благоразумныхъ, умѣющихъ твердо и прочно основать единство и свободу Италіи, способныхъ выдержать себя передъ лицомъ Европы". Такъ говоритъ „Constitutionnel" и „Patrie", такъ пишутъ „Opinione", „Gazetta di Torino", „Perseveranza" и другія благородныя и умѣренныя (moderate) газеты.

Журналы оппозиціи кричатъ, напротивъ, о подкупѣ, обманѣ, устрашеніи и прочихъ административныхъ мѣрахъ, употреблявшихся при выборахъ. Я, разумѣется, оппозиціи никогда не вѣрю: она всегда дѣлаетъ изъ

мухи слона и бѣснуется изъ-за такихъ вещей, которыя совершенно натуральны, какъ неизбѣжная принадлежность извѣстнаго порядка дѣлъ. Напримѣръ, до сихъ поръ не проходитъ трехъ дней, чтобы въ оппозиціонныхъ журналахъ не было выходки противъ продажи Ниццы и Савойи: но, во-первыхъ — одна брошюра, сочиненная кѣмъ то въ родѣ Боджіо (Il ministro Cavour dinanzi al parlamento), весьма справедливо возражаетъ, что Ницца и Савойя „не проданы, *а сами уступили себя*"; во вторыхъ, что за необыкновенная вещь—дипломатическая сдѣлка объ уступкѣ одной области взамѣнъ другой?.. Такъ и здѣсь: что удивительнаго, что министерство старалось подобрать депутатовъ, которые бы поддерживали его политику? Вопросъ можетъ быть въ томъ: въ какой мѣрѣ народъ былъ расположенъ къ кандидатамъ той и другой стороны, и вотъ здѣсь-то оппозиція сама впадаетъ въ иллюзію, простительную ей только по ея младенчеству. Она воображаетъ, что народъ къ ней расположенъ болѣе, чѣмъ къ министерству! Въ декабрѣ прошлаго года, и даже въ началѣ января, печатно высказывались надежды оппозиціи имѣть большинство въ парламентѣ. Въ концѣ января приверженцы оппозиціи говорили, что еще есть надежда на южныя провинціи, и только уже въ февралѣ, по окончаніи выборовъ, убѣдились, что они уничтожены окончательно, и тутъ-то принялись кричать о нечестномъ поведеніи министерства. А министерство дѣйствовало совершенно такъ, какъ ему и слѣдовало: хлопотало о своихъ кандидатахъ, которые и сами за себя хлопотали, и предупреждало народъ противъ людей, казавшихся ему опасными. Правда, было нѣсколько мѣстностей, гдѣ чиновники (uffizio) увлеклись неразумнымъ усердіемъ. Напримѣръ, въ Аччеренцѣ большинство получилъ Саффи, бывшій тріумвиръ римскій, а uffizio провозгласили избраннымъ его противника. Но за то парламентъ и призналъ выборы недѣйствительными и велѣлъ произвести новые. Правда, что въ нѣкоторыхъ общинахъ или коллегіяхъ (collegio) меньшинство избирателей протестовало, свидѣтельствуя о подкупѣ. Но и тутъ парламентъ поправлялъ по возможности неловкость своихъ агентовъ: когда дѣло было ужъ очень скандалезно, то онъ наряжалъ слѣдствіе. Такъ было съ банкиромъ Дженнеро (во французскихъ журналахъ окрещеннымъ Гверрерою), который обѣщалъ 40.000 франковъ на благотворительныя учрежденія, развозилъ избирателямъ визитныя карточки съ какими-то великолѣпными титулами и письмо Кавура, благопріятное для его избранія, не говоря, разумѣется, объ обѣдахъ и другихъ обыкновенныхъ средствахъ. Хотя и это дѣло можно было запутать, но парламентъ предложилъ судебное изслѣдованіе, которое теперь и производится. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ вина министерства состояла въ томъ, что мѣстныя власти обыкновенно затягивали или вовсе отказывали въ позволеніи прибивать на ули-

цахъ и раздавать афиши, рекомендующія противныхъ депутатовъ, тогда какъ афиши въ пользу министерскихъ распространялись всѣми мѣрами совершенно безпрепятственно. Такъ случилось, напримѣръ, въ коллегіи Ланчирано, съ Биксіо, которому правительство противопоставило какого-то Антонія Галленгу. Такъ, говорятъ, было съ Гверрацци и Медичи. Но въ этомъ-то фактѣ, кажется, и могла бы оппозиція увидѣть, какъ она ничтожна: ея кандидатовъ, даже такихъ, какъ Биксіо, Медичи, Гверрацци—народъ не знаетъ безъ рекомендацій!.. Когда приходится выразить свою довѣренность, то большинство больше вѣритъ своему мѣстному чиновнику, нежели этимъ людямъ, имена которыхъ такъ знакомы Италіи и Европѣ—по нашему мнѣнію!.. И оппозиція, не позаботившаяся прежде о популярности своей партіи въ народѣ, теперь плачетъ о томъ, что ей не даютъ свободно прибивать къ стѣнамъ похвальныя афиши на счетъ ея кандидатовъ! Какова наивность!

Все дѣло въ томъ, что партія оппозиціи и въ Италіи, какъ вездѣ, не связана съ народомъ практически. Когда народъ знаетъ, что̀ ему дѣлать, то принуждать его дѣлать противное — безполезно и даже опасно. Никому и въ голову не могло придти противодѣйствовать выбору Гарибальди, напримѣръ. Такъ точно мы видимъ, что, несмотря на всѣ нежеланія министерства, въ Сициліи избранъ былъ Криспи; въ Генуѣ не могли помѣшать выбору Биксіо. Правда, что въ Сициліи были также избраны Ла-Фарина и Кордова, два раза оттуда выгнанные — въ первый разъ Гарибальди, а потомъ народомъ, и эти выборы очень подозрительны; но, съ другой стороны, никто не отвергаетъ, что Ла-Фарина человѣкъ очень ловкій: раза три послѣдовательно надувалъ онъ Гарибальди и опять заставлялъ его мириться съ собою. Гарибальди очень добръ, но кто же не знаетъ, что народъ вездѣ бываетъ добрѣе всякаго Гарибальди?

Если бы оппозиціонная партія итальянцевъ могла читать мое письмо, то, вѣроятно, осердилась бы на меня; но я долженъ сказать, что въ объясненіяхъ нынѣшнихъ выборовъ министерство, мнѣ кажется, ближе къ истинѣ, нежели его противники. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что народъ не съ ними, не знаетъ ихъ и не понимаетъ. Можетъ быть, это для кого-нибудь и покажется прискорбнымъ, но что же дѣлать? Таковы факты. Если гдѣ и казалось вѣроятнымъ избраніе какого-нибудь радикала, то стоило министерской партіи описать его, какъ *краснаго*, террориста, жаждущаго крови и раздоровъ, и всѣ отъ него отказывались. Такъ и случилось, напримѣръ, сколько я знаю по журнальнымъ протестамъ, съ Альберто Маріо и Мавриціо Квадріо. Насчетъ другихъ брошены были сильныя сомнѣнія въ честности, и этому обстоятельству обязаны своей неудачей—Бертани, Мордини, Монтанелли. Но главное то, что народъ привыкъ уже

считать свою судьбу зависящей отъ тѣхъ, кто тамъ, повыше, занимаетъ министерскія, губернаторскія и другія мѣста. Ему страннымъ кажется вдругъ, ни съ того ни съ сего отвергнуть человѣка, который пріятенъ властямъ или даже самъ былъ властью. Да это кажется страннымъ часто не только большинству, всегда очень скромному и консервативному, а даже и самой оппозиціи, подъ-часъ такой безпокойной. Во Флоренціи, напримѣръ, радикалы кричали противъ деспотизма Рикасоли, противъ его реакціонныхъ мѣръ, непотизма, введеннаго имъ, и пр., и пр. А когда пришло время выборовъ,—не могли ему противника выставить!.. Точно такъ не мало было криковъ въ Неаполѣ противъ Либоріо Романо, и несмотря на то, онъ успѣлъ устроить свое избраніе въ восьми коллегіяхъ!.. Какъ же въ самомъ дѣлѣ забраковать человѣка, бывшаго въ нѣкоторомъ родѣ нашимъ правителемъ?.. Для этого нужно, чтобы правитель былъ по крайней мѣрѣ Бурбономъ...

До какой степени правительство или, правильнѣе, министерство пользуется вліяніемъ, видно изъ исторіи Дженнеро, о которомъ я говорилъ выше: письмо Кавура, о которомъ упоминается въ процессѣ, было отъ маркиза Густава Кавура, брата министра, но Дженнеро воспользовался просто именемъ Кавура, и одинъ изъ депутатовъ въ камерѣ серьезно допрашивалъ, было-ли письмо подписано: Густавъ Кавуръ или просто Кавуръ. Какъ видите, — простое объявленіе, что „Кавуръ желаетъ такого-то“, имѣло при выборахъ значеніе въ томъ же родѣ, какъ и денежное пожертвованіе. Радикалы утверждаютъ, что для свободы выборовъ нужно было министерству совсѣмъ не вмѣшиваться, оставляя неизвѣстнымъ, кого оно желаетъ, кого нѣтъ. Но нелѣпость подобнаго требованія очевидна: если бы и министерство, и оппозиція (какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ по справедливости) воздержались отъ всякаго участія въ выборахъ, то выборы и состояться бы не могли,—это ясно. А что министерство вышло на борьбу съ бóльшими силами, нежели оппозиція, и что употребило свои силы въ дѣло,—въ этомъ винить его трудно. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ правительство унизило себя, дѣйствуя, какъ партія, а не какъ правительство; но вѣдь это игра словъ, да и игра-то, основанная больше на азіатскихъ понятіяхъ о правительствѣ, нежели на тѣхъ, какія прилично было бы имѣть передовой партіи освобождающейся Италіи.

Полезно-ли для итальянцевъ такое довѣріе къ Кавуру и министерству — это другой вопросъ; но что оно полезно для Кавура, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Оно удерживаетъ за нимъ власть, а власть даетъ ему не только почетъ, но и значительныя матеріальныя выгоды. Какъ враги, такъ и друзья его въ Пьемонтѣ говорятъ откровенно, что онъ никогда не упускаетъ случая извлечь все возможное изъ своего по-

ложенія. Чтобы не повторять сплетенъ, приведу два маленькіе образчика, получившіе оффиціальную гласность.

Въ новомъ тарифѣ, изданномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Пьемонтѣ, наложена была необычайно высокая пошлина на ввозъ фосфора. Всѣмъ это казалось непонятнымъ, пока не узнали, что графъ Кавуръ находится въ долѣ въ одной фабрикѣ химическихъ составовъ и въ особенности фосфора. Тогда одинъ депутатъ потребовалъ объясненій въ парламентѣ. Кавуръ отказался, прикинувшись обиженнымъ. Дѣло кончилось ничѣмъ.

Другой случай лучше. Во время неурожая и страшной дороговизны хлѣба въ Пьемонтѣ, вдругъ узнается, что Кавуръ — главный акціонеръ Колленьской мельницы, извѣстной тѣмъ, что она постоянно барышничала, скупая хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ. Журналы закричали, говоръ распространился; въ одинъ вечеръ толпы собрались подъ окнами великолѣпнаго дома Кавура, прося хлѣба. Кавуръ велѣлъ разогнать ихъ вооруженной силѣ: произведено было, говорятъ, и нѣсколько арестацій.

На дняхъ мнѣ случилось говорить съ однимъ почтеннымъ туринцемъ, добродушно восхищавшимся тѣмъ, что графъ Кавуръ — человѣкъ очень ловкій. Желая слышать объясненіе съ этой стороны насчетъ приведенныхъ фактовъ, я напомнилъ ихъ моему собесѣднику... „О, это что!—возразилъ онъ,—это бездѣлица... Онъ дѣлаетъ обороты гораздо больше. Посмотрите, теперь Пьемонтъ совершенно на дорогѣ второй имперіи: у насъ есть свои маленькіе Миресы и Перейры, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлавшіеся милліонерами, и всѣ они пріятели графа Кавура и безъ него положительно не могутъ шага ступить. На 20 или 25 милліоновъ, извѣстныхъ за Кавуромъ, навѣрное надо считать еще больше—скрытыхъ въ туманѣ“...— „Но вѣдь это съ его стороны злоупотребленіе?..“ — „Какъ вамъ сказать? Если быть уже слишкомъ щепетильнымъ и деликатнымъ, то, пожалуй, и можно назвать это мошенничествомъ. Но человѣкъ финансовый и государственный всегда видитъ въ этомъ не болѣе, какъ ловкость и оборотливость“.

Ту же ловкость и оборотливость выказалъ Кавуръ и въ составленіи парламента, такъ какъ и тутъ дѣло касалось его личныхъ интересовъ. Не говоря о частныхъ случаяхъ, надо указать вообще на поведеніе министерства во время выборовъ. Передъ выборами, за нѣсколько мѣсяцевъ, надежды радикаловъ основывались на разладѣ Кавура съ Гарибальди; но съ конца декабря пошли слухи о сближеніи министерства съ Гарибальди. Тюрръ ѣздилъ на Капреру съ какимъ-то (будто бы) порученіемъ отъ Кавура, самъ Гарибальди собирался (будто бы) въ Туринъ, разъ даже написали, что онъ пріѣхалъ туда и имѣлъ свиданіе съ королемъ и съ министромъ. Потомъ, разумѣется, все это оказалось вздоромъ; но добрые

люди вѣрили.—Въ южныхъ провинціяхъ ожидалось большое сопротивленіе; но число избирателей было тамъ страшно сокращено, потому что къ выборамъ допускались ужъ не на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ вотировали присоединеніе, а на правахъ пьемонтскаго ценза, внѣ котораго, разумѣется, по бѣдности неаполитанскихъ провинцій, осталась огромная масса... Къ этому прибавляютъ еще, что самую осаду Гаэты тянули нарочно за тѣмъ, чтобы подъ страхомъ бурбонской реакціи народъ съ бо́льшимъ усердіемъ обращалъ взоры свои къ Пьемонту и бросался въ объятія министерства. Въ то же время сильно поддерживался слухъ и о переговорахъ съ Римомъ. Все это, конечно, не осталось безъ вліянія на выборы, тѣмъ болѣе, что въ началѣ января всѣ проекты Гарибальди относительно мартовскаго похода считались уже окончательно оставленными, а Франція была въ положеніи болѣе двусмысленномъ, нежели когда-нибудь.

Такимъ образомъ и составилась камера депутатовъ, смирная, покорная, мало того — экзальтированная поклонница графа Кавура. Писали, что на 440 депутатовъ было до 80 оппозиціонныхъ, но это развѣ съ третьей партіей, которая съ президентомъ Ратацци тоже отошла къ правой. Теперь настоящую оппозицію представляютъ собою, можетъ быть, только два человѣка въ парламентѣ: Риччарди и Криспи. Но Риччарди до того практиченъ и простъ въ своихъ возраженіяхъ, что кажется утопистомъ; надъ нимъ смѣются и называютъ его „eccentrico“. А Криспи, какъ человѣкъ разсудительный, видитъ, что толку тутъ не добьешься, и молчитъ, не желая играть изъ себя Чацкаго. Затѣмъ, всѣ остальные, какъ Депретисъ, Биксіо, Брофферіо (единственный *ораторъ* нынѣшняго парламента), Мавро Макки, Меллана, Раньери и еще нѣсколько человѣкъ — могутъ нападать на частности, но не въ состояніи ухватить дѣло съ корня: иные сообразить не могутъ, а у большей части духа не хватаетъ. Да и какъ тутъ быть смѣлымъ: ихъ человѣкъ 30, да и то съ натяжкой, а противъ нихъ 300 (присутствующихъ въ парламентѣ).

Мнѣ любо было видѣть, какъ графъ Кавуръ расхаживаетъ по парламенту, пересаживаясь съ одной скамьи на другую и удостоивая нѣсколькими минутами разговора то того, то другого депутата (разумѣется, всегда правой стороны и центра). Мнѣ вспоминался гостепріимный знатный баринъ, назвавшій къ себѣ въ деревню мелкопомѣстныхъ гостей. Какъ торопливо наклоняется впередъ, а иногда даже приподымается на своемъ мѣстѣ депутатъ, если Кавуръ, проходя возлѣ него, мимоходомъ протянетъ ему руку! Какъ заботливо сдвигаются „почтенные“, къ которымъ на край скамьи Кавуръ присядетъ на минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ одному изъ нихъ! Какъ просвѣтлѣетъ чело того счастливца, съ которымъ графъ поговоритъ милостиво! Какимъ вниманіемъ, какими рукоплесканіями

награждается каждое его слово! Другіе члены парламента, послѣ обычной формулы: demando la parola,—ждутъ звонка президента, чтобы не начинать рѣчь среди общаго шума. А Кавуръ едва только сдѣлаетъ видъ, что хочетъ подняться,—въ камерѣ воцаряется молчаніе, и „demando la parola" графа всегда сливается съ началомъ его рѣчи... Говоритъ онъ плохо, очень плохо, и итальянцы говорятъ, что даже не совсѣмъ чисто по-итальянски, — но слушаютъ его съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ, и мнѣ не разъ казалось, что во время его рѣчи уши большинства депутатовъ дѣлаются замѣтно длиннѣе. При внимательномъ разсмотрѣніи, этотъ удивительный феноменъ объяснился тѣмъ, что очень многіе, для лучшаго слышанія драгоцѣнныхъ словъ, прикладываютъ къ уху ладонь въ видѣ трубочки. Общая тишина прерывается иногда только какимъ-нибудь Массари, Кордова или Бонги, которые крикнутъ: „benissimo bravo!", — и затѣмъ раздадутся рукоплесканія. По окончаніи рѣчи, обыкновенно взрывъ аплодисментовъ. Графъ опускается на свое мѣсто и хохочетъ, обхватывая руками одну изъ собственныхъ ногъ, положенныхъ одна на другую.

Есть фигуры, не внушающія никому особенной симпатіи, но и не противныя,—такъ себѣ, ни то, ни се. Такихъ множество встрѣчаешь на каждомъ шагу. Есть другія, для всѣхъ симпатичныя, несмотря на разницу понятій и характеровъ: этакихъ, конечно, не всякому и встрѣтить удавалось... Но есть еще сортъ личностей — симпатичныхъ для своей партіи, но несносныхъ до омерзѣнія для противниковъ. Таковъ представляется мнѣ графъ Камилло Бензо Кавуръ. Для меня собственно онъ—что такое? Я съ нимъ дѣла не имѣлъ, ни разу не говорилъ и, по всей вѣроятности, никогда говорить не буду, слѣдовательно, судить о немъ могу, какъ человѣкъ совершенно посторонній. Но видѣвши и слышавши его нѣсколько разъ, я понимаю, что этакой человѣкъ можетъ, несмотря на свое видимое добродушіе и мягкость, довести до бѣшенства своихъ противниковъ. Каждый взглядъ, каждый жестъ его, будучи пріятнымъ для друзей, какъ свидѣтельство фамильярности, въ высшей степени обиденъ для противной партіи. Когда онъ, держа въ рукахъ собственныя ноги, или, заложивъ руки въ карманы и выпятивъ свой тучный животъ, обводитъ насмѣшливымъ взглядомъ всю камеру, для пріятелей его и эта поза, и этотъ взглядъ очень симпатичны; но каково должно быть впечатлѣніе оратора „лѣвой", который въ это самое время выбивается изъ силъ, чтобы оспорить какой-нибудь шагъ министерства!.. И этого еще мало: Кавуръ послушаетъ-послушаетъ, посмотритъ на оратора этакъ, какъ будто говоритъ ему: „ты, дескать, что?—стѣну лбомъ прошибить хочешь?" — потомъ мигнетъ своимъ пріятелямъ или министрамъ, сидящимъ рядомъ, да какъ прыснетъ со смѣху. Въ первый разъ увидавъ это, я подумалъ, не показалъ-ли кто ему пальца, какъ тому поручику, ко-

торому, по словамъ лейтенанта Жевакина, подобнаго жеста достаточно было для смѣха на цѣлый день. Но мнѣ объяснили, что такова „система“ графа Камилла.

Однакожъ я слишкомъ много говорю о графѣ, забывая, что его уже изобразилъ не такъ давно другъ мой Кондратій Шелухинъ. Признаюсь, что другъ мой былъ во многомъ правъ, хотя и заврался, приписавъ радикальному журналу „Il Diritto“ кавуровскія тенденціи, и хотя позабылъ нѣкоторыя черты сходства двухъ графовъ. Такъ, напр., не сказалъ онъ, что оба графа отличаются отсутствіемъ ораторскаго таланта, что Кавуръ началъ свое поприще въ „Armonia“, ультрамонтанскомъ журналѣ, съ которымъ теперь ведетъ страшную войну; что въ началѣ 1848 года графъ Кавуръ вошелъ въ демократическое общество „Circolo Politico“, членовъ котораго считаетъ теперь, если не разбойниками, то чѣмъ-то гораздо хуже... и пр., и пр.

Обращаясь опять къ парламенту, надо сказать о томъ, какъ производилась повѣрка выборовъ. Главный предметъ споровъ былъ—избираемость или неизбираемость извѣстнаго лица. По принципу, видите, не можетъ быть избираемъ чиновникъ, получающій жалованье отъ правительства: съ одной стороны, многіе изъ такихъ чиновниковъ находятся въ такомъ положеніи, что имѣютъ средства стѣснять выборы; съ другой —они всѣ зависятъ отъ правительства и, слѣдовательно, не могутъ совершенно свободно и самостоятельно защищать предъ нимъ интересы гражданъ,—собственные интересы заставятъ ихъ въ большинствѣ случаевъ склоняться на сторону правительства. Эти резоны всѣмъ въ камерѣ были хорошо извѣстны; но нельзя было безъ смѣха слушать разсужденій, раздававшихся по этому поводу въ парламентѣ. Самые горячіе споры возбуждены были выборами Либоріо Романо. Нѣкоторые предлагали уничтожить всѣ его выборы, потому что онъ — чиновникъ правительства, совѣтникъ въ luogotenenza, нѣчто въ родѣ намѣстничества въ Неаполѣ, слѣдовательно и по закону, и по здравому смыслу исключается изъ *свободныхъ* выборовъ. Но до здраваго смысла никому дѣла не было въ камерѣ, а съ закономъ справились вотъ какъ: учрежденіе luogotenenza—временное и въ законѣ не поименовано; жалованья Либоріо Романо не получаетъ, а получаетъ вознагражденіе—indennita, слѣдовательно, ясно, что можетъ быть выбранъ. Боджіо къ этому присовокупилъ, что, впрочемъ, если бы Либоріо Романо очень дорожилъ депутатствомъ, то подалъ бы передъ выборами въ отставку, какъ другіе это сдѣлали. Камера зашумѣла немножко, какъ будто обидѣлась такимъ презрительнымъ обращеніемъ съ ней. Можно было ожидать, что она рѣшитъ: а такъ какъ Либоріо не подалъ въ отставку, и значитъ — депутатства не желаетъ, то и утверждать его нечего. Но рѣшить такъ —значило бы ска-

зать, что и камера въ Либоріо Романо не нуждается, а на это, разумѣется, ни у кого не хватило духу, и выборы были утверждены въ семи коллегіяхъ; въ осьмой только оказалась какая то неправильность. И никто не хотѣлъ или не могъ сказать простой вещи,—что вознагражденіе и жалованье—равно плата, выдаваемая правительствомъ, и что по принципу временная-то должность еще болѣе должна быть препятствіемъ къ выборамъ, нежели постоянная: постоянный чиновникъ болѣе прочень на своемъ мѣстѣ, а временный вполнѣ зависитъ съ своей должностью отъ желанія министерства, онъ долженъ заботиться о возможно-дольшемъ сохраненіи своего мѣста и затѣмъ обезпечить себѣ выходъ изъ него, иначе завтра его должность будетъ уничтожена, и тогда куда онъ дѣнется, если скомпрометтируетъ себя предъ министерствомъ?

Одобривъ выборъ совѣтника намѣстничества, должны были, разумѣется, одобрить и выборы всѣхъ служащихъ въ совѣтѣ намѣстничества или какимъ бы то ни было образомъ принадлежащихъ къ этому учрежденію. Такимъ образомъ вошли безпрепятственно и Ла Фарина, и Патерностро, и др.

Кажется, впрочемъ, что повѣрка выборовъ нужна была болѣе для того, чтобы протянуть время, нежели для настоящей правильности состава парламента. Камеру вообще повѣрка эта занимала очень мало; половина членовъ не являлись вовсе; изъ присутствующихъ большая часть занималась разговорами, чтеніемъ газетъ, и т. п. Одинъ изъ членовъ, Меллана, отличился особеннымъ усердіемъ и безпрестанно останавливалъ докладчика замѣчаніями, что такой-то служитъ тамъ-то, получаетъ то-то, и, слѣдовательно, не долженъ бы быть избираемъ. Одинъ изъ докладчиковъ, котораго избраніе тоже было сомнительно по закону, но несомнѣнно по милости къ нему Кавура, нѣкто Патерностро, служившій беемъ въ Египтѣ, нахально замѣтилъ разъ, что г. Меллана, кажется, спеціально занимается біографіей каждаго изъ депутатовъ. Камера захохотала при этомъ замѣчаніи!.. Меллана всталъ и объяснилъ, что такъ какъ они сидятъ здѣсь для повѣрки выборовъ, то онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить по возможности за правильностью каждаго изъ докладываемыхъ выборовъ. На эту реплику тоже отвѣчали усмѣшкой...

Видя, что повѣрка выборовъ нескончаема, я сталъ помышлять, какъ бы удрать изъ Турина, потому что этотъ городъ рѣшительно безъ рессурсовъ для иностранца. Улицы ровныя, ровныя, безъ малѣйшаго загиба, такъ что въ каждый перекрестокъ глядятся четыре конца города; дома—всѣ похожіе одинъ на другой, точно казармы, огромныя четырехугольныя пустыя площади,—все это наводитъ тоску, которую и разогнать нечѣмъ. Ни замѣчательныхъ галлерей, ни зданій, ни окрестностей, ни мѣстъ публичныхъ собраній, ни даже кабинета для чтенія—ничего нѣтъ. То-есть, если

хотите, есть все; но въ одинъ день вы исчерпаете всѣ удовольствія Турина, и на завтра ужъ не захотите къ нимъ возвратиться. Васъ поведутъ, пожалуй, и въ картинную галлерею, гдѣ стражъ ея съ благоговѣйнымъ замираніемъ голоса скажетъ вамъ, остановясь предъ картиною какого-нибудь Гавденціо Феррари: „Piemontese!“ Покажутъ и музей древностей, въ которомъ есть диковинки въ родѣ сфинксовъ, мумій и этрусскихъ вазъ. Потащутъ посмотрѣть и вооруженія разныхъ принцевъ савойскаго дома, и святое полотенце, и Аронскій манускриптъ творенія „О подражаніи Христу“, замѣчательный ужъ не знаю чѣмъ. Но мало такихъ счастливыхъ характеровъ, для которыхъ могли бы усладить жизнь подобныя достопримѣчательности. Я не принадлежу къ ихъ числу. Поэтому, промаявшись въ Туринѣ дней пять, я рѣшился съѣздить, пока идетъ повѣрка выборовъ, въ Миланъ и Венецію.

Не знаю, что было въ парламентѣ отъ 12-го до 14-го марта: все это время я имѣлъ слабыя свѣдѣнія о туринскихъ дѣлахъ. Въ Венеціи даже совсѣмъ ничего не зналъ, потому что туда не пропускается ни одного итальянскаго журнала—ни министерскихъ, ни либеральной оппозиціи, ни даже клерикальныхъ. Изъ французскихъ допущены „Débats“ и „Indépendance“, но съ нѣкоторыми ограниченіями: считаютъ, что доходитъ до читателей въ Венеціи изъ трехъ нумеровъ два, круглымъ счетомъ. При мнѣ, какъ разъ два дня сряду „Débats“ не появлялось, кажется, по причинѣ рѣчи принца Наполеона. Послѣ читалъ я въ одномъ журналѣ, что въ парламентѣ, между прочимъ, былъ вопросъ о томъ, считать-ли избираемымъ такого члена, который имѣетъ два мѣста, одно, исключающее его изъ выборовъ, а другое, допускающее избираемость? Писали даже, что вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно, но я этому не совсѣмъ довѣряю,—не потому, что это совершенно безсмысленно (это бы ничего), а потому, что въ „Opinione“ была статья въ противномъ духѣ. Въ той же статьѣ, впрочемъ, упоминается, что прежде такъ именно и рѣшалось: если по одной должности человѣкъ получаетъ жалованье и не можетъ быть избранъ, но по другой — можетъ (въ законѣ есть оговорка для нѣкоторыхъ, напр., профессоровъ, министровъ, и пр.), то избраніе утверждалось.

Пропустивъ интересныя пренія объ этомъ предметѣ, я, конечно, много потерялъ: за то вознагражденъ былъ съ избыткомъ въ засѣданіе 14-го марта.

Я былъ въ Миланѣ, и такъ мнѣ было тамъ хорошо, что хоть бы вѣкъ остаться. На этотъ разъ я нарочно пропускаю разсказъ о моей поѣздкѣ въ Миланъ и Венецію, чтобы не увлечься свѣжими впечатлѣніями и не сбиться съ толку. Скажу одно—что Миланъ, какъ чисто-провинціальный городъ, съ ума сходилъ отъ торжества, которое приготовлялось для Италіи 14-го марта, день рожденія Виктора-Эммануила и провозглашенія новаго Итальян-

скаго королевства. Дума сочиняла воззваніе къ гражданамъ, швеи были заняты приготовленіемъ новыхъ трехцвѣтныхъ знаменъ, соборъ былъ драпированъ внутри все тѣми же цвѣтами, а снаружи подымались на вышину 250 футовъ газовыя трубы—для иллюминаціи... Но всѣ говорили: „что-то въ Туринѣ будетъ? Вотъ тамъ-то настоящій праздникъ! Тамъ король, тамъ большой военный парадъ будетъ, тамъ парламентъ, иностранцы наѣхали, принца Наполеона ждутъ“... Соблазнился я и поѣхалъ въ Туринъ.

Пріѣзжаю; въ шести гостинницахъ не нашелъ себѣ комнаты, едва ужъ въ седьмой кое-какую досталъ въ тридорога. Это было 13-го. Ну, думаю, вѣрно большое будетъ торжество... На другой день выхожу прямо ко дворцу—ничего; на улицу, но—хоть бы одно знамя торчало гдѣ-нибудь; къ парламенту — засѣданіе въ полдень. Догадался я, что, вѣрно, торжество будетъ послѣ парламентскаго вотированія, и пошелъ къ одному пріятелю, съ которымъ могъ удобнѣе достать себѣ мѣсто.

Пріятель объяснилъ мнѣ, что торжества никакого и не будетъ, разводъ отложенъ, празднованье будетъ на пасхѣ, а то, можетъ, еще позже— въ маѣ мѣсяцѣ. Дѣло, видите, въ томъ, что изъ Парижа получены важныя сообщенія; принцъ Наполеонъ не ѣдетъ въ Туринъ, и провозглашенію Итальянскаго королевства стараются дать какъ можно менѣе шума и, съ позволенія сказать, гласности. Въ парламентѣ ужъ дѣло рѣшено, провинціи поздно останавливать: но по крайней мѣрѣ столица-то сама воздержится отъ всякихъ манифестацій и проведетъ этотъ день прилично... Все-таки *тамъ* будутъ не такъ раздражены...

Сообразивъ полученныя мною объясненія, я невольно подумалъ: да что жъ они въ самомъ дѣлѣ такъ торопятся съ своимъ Итальянскимъ королевствомъ? Или боятся, что немножко позже ужъ нельзя будетъ его провозгласить? Или въ самомъ дѣлѣ хотятъ непремѣнно презентъ устроить Виктору-Эммануилу въ день его рожденія? Такая любезность въ конституціонномъ государствѣ, конечно, очень похвальна; но тогда бы ужъ надо было развернуться и сочинить настоящее торжество.

Я вошелъ въ камеру, полный горестнаго предчувствія, что все предстоящее зрѣлище будетъ очень невинною комедіей. Но общій видъ собранія ободрилъ меня. Депутаты на этотъ разъ собрались во множествѣ, такъ что немного было мѣстъ не занятыхъ. Галлереи, назначенныя для зрителей, всѣ полны... Въ Туринѣ вообще парламентскими преніями интересуются мало; народъ не толпится у входа, и никто не посылаетъ депутацій за билетами къ вліятельнымъ членамъ, не какъ въ Парижѣ. Но на этотъ разъ, видно, слухъ разошелся въ народѣ, что готовится важная штука, и толпа набралась въ парламентъ несмѣтная. Даже tribuna delle signore — была переполнена. Кавуръ не путешествовалъ по разнымъ скамьямъ, а сидѣлъ на своемъ министерскомъ креслѣ: ясно было, что дѣло идетъ не на шутку.

Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ формальностей, чтенія протокола предыдущаго засѣданія, писемъ объ отпускѣ нѣкоторыхъ депутатовъ и пр.,— вышелъ на трибуну рослый господинъ, по имени Джорджини, и началъ по тетрадкѣ декламировать, что, дескать, Италія теперь—нація и что права савойскаго дома на нее неопровержимы. Это было донесеніе коммиссіи. назначенной для разсмотрѣнія проекта закона о провозглашеніи Виктора-Эммануила королемъ Италіи. Г. Джорджини удачно выразился, что тутъ представляется не простой законъ, а „крикъ энтузіазма, обращенный въ законъ". И чтобы показать это на дѣлѣ, онъ точно кричалъ съ большимъ энтузіазмомъ. Я пожалѣлъ только объ одномъ: зачѣмъ не выучилъ онъ наизусть своего донесенія. Если бъ онъ читалъ не по тетрадкѣ, то его декламація и біеніе себя въ грудь имѣли бы гораздо больше эффекта.

Однакожъ, чтеніе кончилось благополучно и покрыто было рукоплесканіями. Пришла пора преній. Президентъ предложилъ для преній проектъ закона, состоявшій изъ единственной статьи: „Викторъ-Эммануилъ II принимаетъ (assume) для себя и для своихъ преемниковъ титулъ короля Италіи". О чемъ тутъ препираться, думаете вы? Принимаетъ, такъ принимаетъ,—тѣмъ лучше. Рано немножко; лучше бы подумать о Римѣ и Венеціи, да объ управленіи южныхъ провинцій, да объ устройствѣ судьбы волонтеровъ, объ улучшеніи участи работниковъ, о сложеніи подати на военныя издержки съ Ломбардіи, о выработкѣ общаго кодекса для всѣхъ провинцій, и пр., и пр. Я и думалъ, что ораторы станутъ говорить въ этомъ родѣ: „царство, молъ, Итальянское пусть будетъ царствомъ, только подумаемъ же, какъ его устроить"...

Но я очень ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: ораторы и государственные люди тѣмъ и отличаются, что умѣютъ находить въ предметахъ такія стороны, на которыя мы грѣшные не обращаемъ надлежащаго вниманія. Оказалось, что новый титулъ былъ предметомъ долгихъ мучительныхъ споровъ, сначала въ частныхъ совѣщаніяхъ, потомъ въ сенатѣ, потомъ въ журналахъ, потомъ между вліятельными депутатами, прежде чѣмъ дошелъ до публичныхъ преній въ парламентѣ. Во-первыхъ, вмѣсто преемниковъ (successori) хотѣли поставить потомковъ (descendenti), и одинъ журналъ даже написалъ доносъ на тѣхъ, кто возражалъ противъ „потомковъ": это, говоритъ, они все хлопочутъ объ ослабленіи принципа наслѣдственной монархіи... Потомъ заспорили о томъ, какъ лучше сказать: король Италіи или король итальянцевъ? Пробовали рѣшать „отъ разума": одни говорили, что „король Италіи" — предоставляетъ бо́льшую свободу личности, ибо относится только къ странѣ, а не къ обитателямъ; другіе возражали, что, напротивъ, „король Италіи" значитъ, какъ будто страна—его собственность, между тѣмъ какъ „король итальянцевъ" — говоритъ только, что

онъ управляетъ итальянцами, будучи ими же избранъ къ тому... Не успѣвъ на поприщѣ „разума“, принялись рѣшать „отъ политики“: что итальянцы есть на свѣтѣ, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался, говорили одни;— но намъ нужно теперь заявить передъ Европою существованіе *Италіи*, какъ націи, какъ государства; вотъ почему слѣдуетъ сказать: „король Италіи“.—Но, возражали имъ,—дѣло не въ территоріи, а въ людяхъ; когда мы скажемъ „король итальянцевъ“, то этимъ самымъ и покажемъ Европѣ, что мы сформировались въ одну націю, подъ однимъ королемъ, безъ всякихъ подраздѣленій между собою... Видя, что и тутъ резоны равносильны, вздумали рѣшить „отъ примѣра“: во Франціи императоръ французовъ, слѣдовательно, и мы скажемъ: „король итальянцевъ“... Но тутъ Англія подошла: Викторія называется королевою Британіи, а не британцевъ... Вопросъ запутывался все болѣе и болѣе...

И странное дѣло—толки о формулѣ: „Италіи“ или „итальянцевъ“, да еще о первомъ или второмъ,—занимали туринцевъ не только въ совѣщаніяхъ государственныхъ людей (тѣмъ, разумѣется, что же и дѣлать больше?), но и въ простыхъ бесѣдахъ обыкновенныхъ смертныхъ. Отъ-нечего-дѣлать, шляясь цѣлый день по кафе, я имѣлъ случай замѣтить, что о формулѣ этой спорили всѣ съ особенной охотой. И не то, чтобы придавали ей важность, нѣтъ,—начинали почти всегда насмѣшливымъ тономъ, и при концѣ легко мирились на остротѣ; но какъ-то нечувствительно разговоръ дѣлался живѣе и черезъ минуту нѣсколько господъ—глядишь—ужъ разсуждаютъ и спорятъ, точно кому-нибудь изъ нихъ банкротство угрожаетъ. Одинъ разъ я замѣтилъ на смѣхъ: нельзя назвать „король итальянцевъ“, потому что тогда надо будетъ передѣлать и другіе титулы: „Іерусалима и Кипра“ на „іерусалимлянъ“ и „кипрянъ“ а захочетъ-ли еще Викторъ-Эммануилъ быть королемъ іерусалимлянъ?—Итальянецъ принялъ замѣчаніе серьезно. И въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ,—какъ же съ Іерусалимомъ-то?... Товарищъ его замѣтилъ, что Іерусалимъ надо бросить; но въ итальянцѣ моемъ возникло сомнѣніе, можно-ли бросить, и поднялся споръ объ Іерусалимѣ...

Толки о первомъ и второмъ были тоже въ ходу, но не могли имѣть такой продолжительности, потому что дѣло—надо отдать честь туринцамъ—склонялось очень легко въ пользу перваго. Находили, что просто смѣшно сказать: Викторъ-Эммануилъ *второй*, *первый* король Италіи; прибавляли, что съ сохраненіемъ *второго* связываются феодальныя преданія и какъ будто высказывается маленькое поползновеніе пьемонтизировать новое царство Италіи, притягивая его къ прошедшему Пьемонта. Находились защитники Пьемонта, прямо говорившіе: „такъ и нужно“; но они были въ значительномъ меньшинствѣ... Говорятъ, что Рикazоли нарочно пріѣхалъ

изъ Флоренціи, чтобы возставать противъ „второго“. Викторъ-Эммануилъ могъ бы отвѣтить ему стихомъ русскаго поэта: „что въ имени тебѣ моемъ“?..

Хорошъ однако и я: цѣлую страницу написалъ о новомъ титулѣ короля Италіи! Ну, да уже что же дѣлать, если написалась. Пусть остается, тѣмъ болѣе, что и продолжать приходится о томъ же, съ очень небольшимъ измѣненіемъ.

Противъ проекта закона говорили трое: Брофферіо, Риччарди и Биксіо. Записался-было наканунѣ Криспи, но не хотѣлъ говорить, сейчасъ увидимъ почему.

Оппозиція, не имѣя силъ или умѣнья возставать противъ самаго закона, ухватилась за форму представленія его, и съ этой стороны точно могла бы озадачить министерство, если бы оно не было такъ полно сознаніемъ собственной силы и презрѣніемъ къ своимъ противникамъ. Брофферіо, начавши свою рѣчь немножко декламаторскимъ изображеніемъ того, какъ всѣ, всѣ итальянцы участвовали въ созданіи новаго царства и въ избраніи короля своего,—вдругъ переходитъ къ тому, зачѣмъ же министерство въ этомъ дѣлѣ отнимаетъ иниціативу у націи и беретъ ее себѣ? Первый, кто провозгласилъ Виктора-Эммануила королемъ Италіи,—былъ Гарибальди (здѣсь ораторъ вставилъ шпильку Кавуру); кличъ его былъ потомъ освященъ народнымъ голосомъ въ избраніи Виктора-Эммануила. Теперь то же самое должно быть освящено парламентомъ, какъ законнымъ представителемъ народа. Ясно, что министерство тутъ не при чемъ, и потому не имѣетъ права формулировать законъ такъ, какъ оно сдѣлало: не принятіе новаго титула королемъ долженъ одобрить парламентъ, а освятить законнымъ и форменнымъ образомъ народное провозглашеніе. Между тѣмъ въ министерской формулѣ закона народъ, въ лицѣ парламента, призывается—не предложить королю корону, а лишь одобрить предложеніе, сдѣланное министерствомъ. Поэтому ораторъ предлагаетъ вмѣсто: „принимаетъ титулъ“ сказать: „провозглашенъ народомъ итальянскимъ“. Для нашего короля, — замѣчаетъ онъ,—сохраненъ былъ великій жребій — получить корону отъ народа, и для народа великое призваніе—предложить ее, и теперь со стороны министерства и то и другое пренебрегается.

При этихъ словахъ Кавуръ вдругъ расхохотался, за нимъ и всѣ министры. Я посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Брофферіо; но тотъ, какъ видно, уже привыкъ къ пріемамъ графа и продолжалъ свою рѣчь, нимало не смущаясь.

Въ продолженіе рѣчи было нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній и рѣзкихъ выходокъ. Напримѣръ, по поводу прибавки къ титулу слова „per Divina Providenza“, Брофферіо говоритъ:

„Я не изъ тѣхъ, которые, вслѣдствіе справедливаго негодованія про-

тивъ церковнаго безпутства, гонятъ прочь самое религіозное чувство и чуждаются слова, нисходящаго съ неба; но я не принадлежу и къ тѣмъ, которые хотятъ дать Провидѣнію обязательное участіе во всѣхъ нашихъ житейскихъ хлопотахъ. Кто не знаетъ, что и въ добрѣ и въ худѣ, и при счастливыхъ и при несчастныхъ случахъ—всегда указываютъ на Бога? Какая же необходимость объявлять, что возстаніе Италіи увѣнчано волею Провидѣнія? Къ чему эти плеоназмы? Богъ посылаетъ и росу на поля, и бурю на море, не будемъ же призывать имя Божіе всуе; склонимся предъ нимъ и будемъ молчать.

„Вспомнимъ къ тому же, что такую же фразу старое „священное право“ дѣлало орудіемъ стольких нелѣпостей, несправедливостей и угнетенія. Короли per grazia di Dio были почти всегда per disgrazia del popolo. Не забывайте этого.

„Но, совѣтуя умолчаніе о Провидѣніи божественномъ, я въ то же время горячо убѣждаю васъ упомянуть о волѣ народа: пусть съ основаніемъ новаго Итальянскаго царства положено будетъ основаніе и тому праву, которымъ создано самое царство, — державному праву народной воли.

„Какое въ самомъ дѣлѣ право и законность болѣе славны, болѣе благородны, болѣе велики, нежели тѣ, какія исходятъ изъ воли народа? Не право-ли завоеванія? Но это есть ни что иное, какъ освященіе силы, слишкомъ часто грубой и преступной. Право рожденія? Но это — боготвореніе случая, самаго слѣпаго и безсмысленнаго божества, какое только существуетъ въ мірѣ. Право, основанное на трактатахъ? Но когда сильные міра собирались у насъ на свои конгрессы, чтобы разсуждать о судьбахъ народовъ, мнѣ часто приходили на мысль волки, собирающіеся на совѣтъ объ участи овецъ“...

Въ такомъ родѣ была вся рѣчь. Брофферіо говоритъ очень хорошо: густой и звучный голосъ, декламація довольно умѣренная и выразительная, умѣнье сдѣлать кстати ловкій намекъ или колкость — заставляютъ всю камеру слушать его. Притомъ же и репутацію онъ имѣетъ большую: когда онъ поднимается, — не только на скамьяхъ депутатовъ, но и во всѣхъ галлереяхъ пробѣгаетъ шопотъ: „Брофферіо, Брофферіо!..“ Вотъ почему избранію его, говорятъ, очень сильно старались противиться, но ничего не могли сдѣлать.

Впрочемъ, противиться не стоило: если бы въ камерѣ было двадцать Брофферіо, и то бы ничего не сдѣлали. Несмотря на то, что Брофферіо умѣлъ очень хорошо удержаться на той бѣдной и мелкой формальной точкѣ, съ которой онъ поднялъ вопросъ, никто и не думалъ соглашаться съ нимъ. Напротивъ, тотчасъ послѣ него встали нѣсколько кавуріанцевъ, ни слова

не отвѣчая на возраженія оратора, но требуя немедленнаго вотированія министерскаго предложенія, подъ видомъ политической необходимости: „отвѣтимъ,—говорятъ,—единодушно и торжественно тѣмъ, которые дерзаютъ сомнѣваться, что итальянская нація соединена теперь неразрывно и свято съ своимъ королемъ“... Большинство сейчасъ же готово было вотировать, но Кавуръ счелъ нужнымъ дать отвѣтъ Брофферіо, потому что не могъ простить нѣсколькихъ намековъ, сдѣланныхъ на его счетъ. Отвѣтъ состоялъ въ слѣдующемъ:

„Я не стану разбирать, чье предложеніе лучше—наше или Брофферіо. Сдѣлаю юридическое замѣчаніе: депутатъ хотя и можетъ предлагать измѣненія въ законѣ, но не смѣетъ отвергать предложенный законъ и предлагать свой на его мѣсто, не смѣетъ отнимать у короны право инаціативы. Поэтому я никакъ не могу признать за нимъ право отвергать предложенный проектъ закона.

„А впрочемъ, я надѣюсь, что камера не раздѣляетъ нападеній „почтеннаго“ адвоката Брофферіо. Да позволено будетъ мнѣ сказать, что въ послѣднихъ событіяхъ инаціатива дана была не народомъ, а правительствомъ.

(При этихъ словахъ, нѣкто Массари кричитъ: benissimo! Большинство подхватываетъ: браво! Депретисъ и Криспи вспыхнули; нѣкоторые члены лѣвой переглянулись и сдѣлали нетерпѣливое движеніе. Но Кавуръ, входя въ азартъ, продолжаетъ въ томъ же тонѣ, заложивъ руки въ карманы).

„Правительство послало войско въ Крымъ, оно же громко провозгласило права Италіи на парижскомъ конгрессѣ, имъ же заключены трактаты 1849 года. Политикѣ, принятой имъ, обязана Италія своимъ спасеніемъ“.

Опять—bene, bravo и рукоплесканія. Довольный, что похвалилъ себя, графъ переходитъ къ устрашенію и даетъ разумѣть, что надо понимать дѣла дипломаціи, чтобы судить о всей важности формулы, предложенной министерствомъ. Вы, дескать, смотрите только у себя подъ носомъ, а я смотрю дальше: какъ-то Европа приметъ провозглашеніе Итальянскаго царства? „И вотъ почему нужно было, чтобы оно произошло не изъ вспышки страстей народныхъ, а изъ инаціативы самого правительства. При этомъ только условіи Итальянское королевство и можетъ получить надлежащую законность и важность“.

Довольно было видѣть въ этотъ день графа Кавура, чтобы убѣдиться, до какихъ крайностей можетъ доводить его мелочное самолюбіе, съѣдающее его. Замѣчаніе, что царство Италіи провозглашено Гарибальди, вопреки министерству, и сдѣлано народомъ, опять-таки безъ участія министерства,—вывело его изъ себя. Онъ хохоталъ во время рѣчи Брофферіо;

но когда всталъ говорить, то не могъ скрыть своего раздраженія. Хриплымъ, разсерженнымъ голосомъ началъ онъ свою рѣчь, захлебывался, обрывалъ слова и явно старался обидѣть противника. Но искусства и остроумія не хватило, и потому онъ пустилъ въ дѣло силу. Отвѣтъ резюмировался такъ: „вы не смѣете разсуждать; вы—ничего, *мы* все сдѣлали; и мы знаемъ, что дѣлаемъ, получше васъ". Раздраженіе заставило Кавура двумя словами уничтожить все итальянское движеніе и для возвеличенія своего управленія напомнить участіе Сардиніи въ крымской войнѣ, надъ которымъ сами пьемонтцы смѣются. Но большинство крикнуло: „браво!" и Кавуръ не поколебался еще рѣзче выразить свое отвращеніе ко всему, что могло дѣлаться волею народа, или, по словамъ его, „вспышкою страстей народныхъ". Наконецъ, какъ бы осердившись и на себя, что низошелъ до объясненія, онъ заключилъ въ такомъ родѣ: „да что тутъ толковать еще,—во имя согласія и для интереса самого дѣла, — вотируйте нашъ законъ, а onorevole Брофферіо пусть возьметъ назадъ свое предложеніе"...

И Брофферіо, во имя согласія, отказывается отъ своего предложенія; большинство апплодируетъ и кричитъ: „на голоса, на голоса! Не нужно больше разсужденій!" Президентъ камеры читаетъ снова проектъ закона. Большинство вскакиваетъ и плещетъ руками. Но, среди общаго шума, Биксіо, весь красный, кричитъ отчаяннымъ голосомъ, что онъ немедленно проситъ уволить его отъ депутатства, если не хотятъ давать говорить всѣмъ, кто хотѣлъ. Шумъ немножко стихаетъ, и Биксіо прибавляетъ: „что вы такъ торопитесь? Что за крайность? Чѣмъ важнѣе для насъ это дѣло, тѣмъ внимательнѣй надо обсудить его". Несмотря на то, многіе на правой сторонѣ требуютъ прекращенія преній; президентъ въ затрудненіи; но Кавуръ всталъ и великодушно позволилъ говорить: нѣтъ,—говоритъ—пусть потолкуютъ, зачѣмъ же лишать ихъ этого удовольствія... И президентъ объявляетъ, что, по порядку записавшихся рѣчь, принадлежитъ г. Риччарди.

Риччарди удивилъ меня: какъ этакій человѣкъ могъ попасть въ парламентъ? Онъ всталъ и прочелъ маленькую страничку такого содержанія:

„Рѣшаюсь признаться, что вопросъ, о которомъ мы призваны толковать, кажется мнѣ совершенно преждевременнымъ. Королевство, главѣ котораго придумываемъ мы титулъ, еще не сдѣлано: Италія еще похожа на тѣло, которому недостаетъ головы и правой руки. Поэтому, по моему мнѣнію, министерство лучше бы сдѣлало, если бы представило парламенту проекты законовъ объ увеличеніи войска и о средствахъ достать денегъ. Это было бы единственное существенное и полезное занятіе для приведенія къ концу Итальянскаго королевства, которое безъ того рискуетъ быть

провозглашеннымъ, не осуществляясь на дѣлѣ. Итакъ, я предлагаю разсуждать теперь—о деньгахъ и оружіи, а провозглашеніе королевства отложить до того времени, когда трехцвѣтное знамя будетъ развѣваться на высотахъ Капитолія, въ освобожденной Венеціи и на твердыняхъ Четыреxугольника".

Хоть бы одинъ отзывъ на эти слова! Едва кончилъ Риччарди, Ратацци сказалъ хладнокровно: „теперь рѣчь за Биксіо",—и Биксіо сталъ говорить—шумно, отрывисто, но бойко и здравомысленно. Онъ обратился опять къ тому же, о чемъ толковалъ Брофферіо, т.-е. что министерство должно бы уступить инициативу парламенту. Аргументъ его состоялъ въ томъ, что это дало было правительству болѣе довѣрія въ народѣ. „Итальянцы,—говорилъ онъ,—привыкли не довѣрять всякому правительству, бороться противъ него; кромѣ Пьемонта, во всѣхъ остальныхъ провинціяхъ это вошло въ характеръ народа. Революція, конечно, кончилась, но затрудненія для правительства всегда будутъ. И вотъ тутъ-то для министерства было бы крайне полезно имѣть вліятельный парламентъ, пользующійся довѣріемъ націи и служащій посредникомъ между ней и правительствомъ. Ослабляя значеніе парламента и прибирая все къ рукамъ, министерство не усиливаетъ, а, напротивъ, ослабляетъ себя".

Биксіо много разъ заслужилъ „браво!", много разъ возбуждалъ сенсацію оригинальностью своей простой рѣчи; но, разумѣется, и его доводы были потеряны. Прочіе ораторы отказались говорить. Проектъ закона, предложенный министерствомъ, принятъ съ единодушными восклицаніями: viva il re d'Italia.

Вслѣдъ затѣмъ Ратацци прочелъ депешу о сдачѣ Мессины. Новыя восклицанія и аплодисменты.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, судьба благопріятствуетъ засѣданіямъ парламента: онъ, точно Поликратъ, взысканъ богами. Предъ самымъ открытіемъ его получено извѣстіе о взятіи Гаэты; первое важное засѣданіе его съ провозглашеніемъ короля Италіи—ознаменовывается взятіемъ послѣдней крѣпости, бывшей во власти Бурбоновъ. Какъ все хорошо и кстати!

Среди всеобщей радости приступили къ вотированію. Когда по окончаніи стали считать черные и бѣлые шары [1]), вдругъ раздался голосъ возлѣ меня: „спряталъ одинъ бѣлый!" Я посмотрѣлъ: одинъ изъ секретарей, считавшихъ шары, держалъ одну руку въ карманѣ. Я не обратилъ на это большого вниманія; но, по окончаніи счета, президентъ объявилъ, что въ черной урнѣ нашелся одинъ бѣлый шаръ, а въ бѣлой два черныхъ,

---

[1]) Кто вотируетъ *за*, кладетъ бѣлый шаръ въ бѣлую урну и черный въ черную; кто противъ—наоборотъ.

вслѣдствіе чего одинъ изъ двухъ противныхъ голосовъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Остается другой, но относительно его одинъ изъ депутатовъ объявилъ, что онъ смѣшалъ шары и по ошибкѣ положилъ одинъ вмѣсто другого. Такимъ образомъ законъ принятъ всѣми *единодушно*.

Разумѣется, нашлись невѣрующіе, объяснявшіе, что такъ какъ секретари оказались не довольно ловкими, то изъ наиболѣе страстныхъ патріотовъ нашелся человѣкъ, принявшій на себя черные шары. Но я нахожу подобныя объясненія слишкомъ дерзкими и даже удивляюсь, что оппозиція, столь кроткая въ парламентѣ, можетъ быть столь отважною изподтишка.

Выходя изъ парламента, я столкнулся съ однимъ изъ *лѣвыхъ* и началъ его допрашивать: „какимъ же образомъ всѣ вотировали *за*, когда многіе говорили и думали: *противъ*?“—Увѣряетъ, что иначе нельзя.—Почему?—„Потому что въ этомъ вопросѣ должны были всѣ показать согласіе“. — Да вѣдь дѣло шло не о созданіи Итальянскаго королевства; оно не вашими преніями и вотами создается, а событіями и народомъ; дѣло шло о формѣ закона, которую вы считаете дурною. Ну, и осудите ее.—„Невозможно: народъ не различаетъ формы отъ дѣла, и насъ бы камнями побили, если бы мы стали противиться“. — А, это другое дѣло, — значитъ, вы сознаетесь, что народъ съ министерствомъ противъ васъ?— „Что дѣлать, народъ обманутъ“. — Такъ отчего же вы не хлопочете о томъ, чтобы открыть ему глаза? — „Какъ же не хлопочемъ? Всю жизнь мою я ничего больше не дѣлалъ... Но вразумить массу не такъ легко. Это вы, можетъ быть, по молодости, думаете еще, что можно преобразовать человѣчество въ 24 часа“. — Я давно ужъ этого не думаю; но все-таки понять не могу, какимъ образомъ, вотируя въ пользу закона, считаемаго вами негоднымъ, раскрываете вы глаза народу. Не напротивъ-ли? Не помогаете-ли вы тѣмъ, кто его обманываетъ? — „Нѣтъ, потому что мы заявили свой протестъ въ преніяхъ“. — Да что же въ этомъ толку? Вашихъ протестовъ никто не слушаетъ; вамъ смѣются въ лицо; передъ вами, не задумавшись, высказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ врагамъ народа.— „О, еще то-ли вы увидите,—присмотритесь только къ нашей камерѣ!“—воскликнулъ мой собесѣдникъ съ такой непритворной горестью, что мнѣ стало жаль долѣе атаковать его... И это былъ еще одинъ изъ самыхъ отважныхъ и вліятельныхъ членовъ оппозиціи. Судите же послѣ этого, что такое радикальная партія въ итальянскомъ парламентѣ.

Разставшись съ „почтеннымъ“, употребившимъ всю жизнь на вразумленіе народа, я долго гулялъ по Турину: нигдѣ ни малѣйшаго признака тройного праздника. Все такъ занято своими хлопотами; и подозрѣвать нельзя,

что народъ готовъ побить камнями радикаловъ, которые бы осмѣлились дать въ парламентѣ отзывы, противные министерству. Если бы я не зналъ, что великое событіе совершилось въ новой залѣ Кариньянскаго дворца и что народъ такъ имъ заинтересованъ, я бы никогда не догадался объ этомъ. смотря на обитателей Турина, двигавшихся передо мною во всевозможныхъ направленіяхъ.

Я думалъ, что хоть по случаю взятія Мессины иллюминація будетъ: ничего!.. Только на улицахъ нашелъ я два раза на горящія свѣчки вокругъ портрета Гарибальди: на тротуарѣ разостланъ портретъ, вокругъ двѣ или три свѣчи, а подъ нимъ просьба: „не пожалуете-ли чего отъ добраго сердца, господа“. Возлѣ стоитъ оборванный старикъ. Прохожіе останавливаются, смотрятъ на портретъ и бросаютъ монету... Мнѣ говорили, что теперь этотъ способъ нищенства распространяется въ Туринѣ.

Другая иллюминація была—пожаръ вечеромъ, да такой, какихъ я въ Европѣ и не видывалъ: сгорѣла хлопчато - бумажная фабрика... Кавуръ долженъ былъ извлечь изъ этого худое предзнаменованіе: онъ, говорятъ, суевѣренъ, и никакъ не хотѣлъ, чтобы вотированье новаго царства произошло 13-го, хотя это было бы даже удобнѣе: 13-го произошло бы вотированье въ парламентѣ, а 14-го, въ день рожденія Виктора-Эммануила, могло бы быть публиковано съ утра. Но все разстроили извѣстія изъ Парижа, властелинъ котораго тоже, какъ извѣстно, боится тринадцати.

Забавно: въ самый день провозглашенія Итальянскаго царства пошли слухи о томъ, что Франція возобновляетъ свою старую претензію на основаніе двухъ королевствъ, Верхней и Нижней Италіи. Увѣряли даже, что въ этомъ смыслѣ уже готова брошюра Лагероньера. Другіе слухи говорили, что идутъ опять торги съ Парижемъ о новой уступкѣ какой-то части новорожденнаго королевства. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали разсужденія въ парламентѣ о римскихъ дѣлахъ, чтобы узнать наконецъ хоть что-нибудь положительное. „Дискурсы“ сената и законодательнаго корпуса мало кого успокоивали; каждый день ждали извѣстія о манифестаціяхъ въ Римѣ, о выводѣ французскихъ войскъ и замѣнѣ ихъ сардинскими; и между тѣмъ узнавали, что французы принимаютъ рѣшительныя мѣры противъ манифестацій и занимаютъ новые пункты въ римскихъ владѣніяхъ. Либералы, причастные къ парламенту, рѣшили немедленно потребовать urgenza,—настоятельность немедленнаго разсужденія о римскихъ дѣлахъ. Но ихъ предупредилъ депутатъ крайней правой стороны, Массари, интимный служитель Кавура, сдѣлавшій interpellanza относительно положенія дѣлъ въ Неаполѣ; вслѣдъ за нимъ интерпеллировалъ Одино, тоже изъ *правыхъ*. Послѣ нихъ, 16-го, успѣлъ только Мавро Макки потребовать urgenza для разсужденія о прошеніи 8.500 итальянцевъ, требующихъ отъ парламента на-

стоянія предъ французскимъ правительствомъ относительно вывода войскъ изъ Рима. Кавуръ принялъ всѣ требованія, и такимъ образомъ римскія дѣла должны были трактоваться вслѣдъ за неаполитанскими. Но въ это самое время Либоріо Романо и весь совѣтъ намѣстничества въ Неаполѣ подали въ отставку, вслѣдствіе этого Кавуръ просилъ отсрочить на нѣсколько дней интерпелляцію Массари; никто, разумѣется, не вздумалъ попросить заняться, вмѣсто нея, интерпелляціею Одино о Римѣ. Но если бы и попросили, впрочемъ, то все равно — ничего бы не дождались. Кавуру необходимо было протянуть время до полученія рѣшительныхъ отвѣтовъ изъ Парижа, и онъ всегда сумѣлъ бы найти средства протянуть его.

Такимъ образомъ, 15-е и 16-е прошли ни въ чемъ; отъ 16-го до 19-го засѣданій не было: готовились держать отвѣтъ по неаполитанскимъ дѣламъ въ среду, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за окончаніемъ ихъ, въ четвергъ или пятницу (21—22), приступить къ разсужденіямъ о Римѣ. Думали, что наконецъ что-нибудь объяснится.

20-го зала была полнехонька, — мнѣ кажется, даже полнѣе 14-го. Обычныя формальности были всѣми прослушаны съ великимъ нетерпѣніемъ... Всѣ горѣли желаніемъ слышать толки о неаполитанскихъ дѣлахъ, которыя, говорятъ, дѣйствительно въ ужасномъ положеніи... Поднялся Кавуръ, всѣ навострили уши. Какъ школьникъ, плохо знающій урокъ, началъ онъ говорить, что отставка всего совѣта намѣстничества неаполитанскаго измѣняетъ ходъ дѣла, что министерство изыскивало средства помочь дѣлу, что считаетъ нужнымъ уничтожить совѣтъ намѣстничества и сосредоточить управленіе въ министерствѣ; но что теперешнее министерство не имѣетъ въ себѣ представителей всѣхъ провинцій Италіи, что послѣ провозглашенія королевства Италіи надо водворить теперь „новую эру, эру составленія перваго министерства новаго королевства“...Словомъ, что вчера вечеромъ министерство все подало въ отставку и получило ее отъ короля.

Поднялся, разумѣется, шумъ; но Кавуръ продолжалъ: „замѣтьте, что эта отставка не была вызвана никакимъ несогласіемъ внутри министерства, ни относительно направленія политики вообще, ни относительно измѣненій въ управленіи южныхъ провинцій. Министерство и на этотъ счетъ единодушно, но находитъ, что въ теперешнемъ своемъ составѣ оно не въ правѣ рѣшать этотъ вопросъ окончательно“.

Затѣмъ, Кавуръ проситъ камеру и Массари отложить интерпелляцію; Массари очень любезно соглашается. Риччарди говоритъ, что, несмотря на отставку министерства, желаетъ изложенія неаполитанскихъ дѣлъ; предложеніе его одобряется только четырьмя членами. Засѣданія камеры отсрочены.

Повѣрите-ли? Нашлись члены оппозиціи, немедленно возымѣвшіе на-

дежды, что поручатъ составить новый кабинетъ Ратацци, и что тогда войдутъ въ министерство либеральные люди. Идемъ мы съ однимъ изъ такихъ благородныхъ мечтателей, часа полтора спустя послѣ окончанія засѣданія, и радуемся своимъ надеждамъ; на встрѣчу—мальчикъ, продающій „Gazetta di Torino". Смотримъ—на кончикѣ ужъ припечатано: „министерство подало въ отставку; графу Кавуру поручено составить новый кабинетъ".

Что же можетъ значить эта новая продѣлка министерства, то-есть, Кавура? До сихъ поръ сказать навѣрное трудно... Министерскіе журналы трубятъ о мудрости и честности министерства, доходящихъ до самоотверженія. И, пользуясь тупоуміемъ нѣкоторыхъ оппозиціонистовъ, кавуровскіе журналы пускаютъ пыль въ глаза добродушнымъ читателямъ, нимало не затрудняясь. Сегодня я читалъ, напримѣръ, полемику между „Monarchia Nazionale" и „Gazetta di Torino". „Monarchia Nazionale" — журналъ жиденькаго либерализма и, кажется, ратацціевскаго оттѣнка. Въ глубокомысліи своемъ, журналецъ этотъ нашелъ, что Кавуръ подалъ въ отставку со всѣмъ министерствомъ—изъ страха быть побитымъ въ преніяхъ о неаполитанскихъ дѣлахъ. „Gazetta di Torino", конечно, и отвѣчаетъ на это въ такомъ родѣ: „чего же министерству было бояться пораженія, когда оно само признало, что дѣла шли очень худо и требовали поправки? Чего же было бояться, когда интерпелляція, по вашему же замѣчанію, сдѣлана была *друзьями* министерства, слѣдовательно, съ его согласія? Да притомъ же — развѣ вы не видите, что какъ Кавуръ, такъ и президентъ камеры объявили интерпелляціи вовсе не уничтоженными, а только отсроченными?.. Напротивъ, тутъ-то и выказывается честность министерства и полнѣйшая готовность его жертвовать всѣмъ, даже существованіемъ своимъ, для блага отечества, равно какъ и благоговѣйное уваженіе его къ священнымъ правамъ конституціоннаго порядка. Какъ скоро оно увидало необходимость измѣненія въ одной изъ важнѣйшихъ частей управленія, необходимость радикальной реформы, оно обязано было удалиться и предоставить коронѣ полную свободу выбрать, если захочетъ, новыхъ людей для введенія управленія въ новомъ духѣ... Не упорствуя въ защитѣ прежнихъ ошибокъ, а напротивъ—жертвуя своимъ постомъ для возможности ихъ исправленія, министерство дало доказательство высокой честности и благородства" и т. д.

Между людьми, нѣсколько болѣе серьезными, господствуютъ два предположенія: во-первыхъ, Кавуръ хотѣлъ избавиться отъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, во-вторыхъ—дождаться чего-нибудь изъ Парижа относительно Рима.

Но опять-таки, какъ добры люди! Дѣлая первое предположеніе, очень многіе были увѣрены, что Кавуръ понялъ вредъ, происходящій отъ непопулярности нѣкоторыхъ министровъ, и потому постарается взять въ новый

кабинетъ людей болѣе либеральныхъ и популярныхъ. Такъ, полагали почти навѣрное, что Фанти, прославившійся преслѣдованіемъ гарибальдійцевъ, будетъ замѣненъ Ламарморою или даже Чальдини; говорили о приглашеніи Поэріо, Торреарсы и другихъ. Между тѣмъ вышло совсѣмъ напротивъ: выбылъ самый либеральный и порядочный изъ всѣхъ—министръ народнаго просвѣщенія Маміани, и вмѣсто его взятъ Десанктисъ, извѣстный болѣе своею приверженностью къ Кавуру, нежели другими заслугами. Фанти, Мингетти и Перуцци остались; Кавуръ сохранилъ за собою по прежнему морское министерство, на общее посмѣшище. Новые министры, кромѣ Десанктиса, назначены: банкиръ Бастоджи — финансовъ, баронъ Натоли — земледѣлія и торговли, да прибавленъ еще, неизвѣстно зачѣмъ, министръ безъ портфеля, Ніутти, сициліанецъ.

О выходѣ нѣкоторыхъ министровъ поговаривали давно, и легко можетъ быть, что Кавуръ радъ былъ воспользоваться случаемъ избавиться отъ нихъ. Но главный мотивъ отставки, конечно, не въ этомъ, такъ какъ для прогнанія ненужныхъ министровъ существуетъ тысяча средствъ и предлоговъ, хорошо извѣстныхъ такимъ дипломатамъ, какъ Кавуръ. Главное все, разумѣется, во Франціи и въ римскихъ дѣлахъ. Отставка развязываетъ министерству руки на нѣсколько времени. Теперь пройдетъ нѣсколько дней въ рѣшительной организаціи новаго министерства; затѣмъ, если будетъ нужно, легко будетъ найти предлогъ отсрочить засѣданія. А тамъ—послѣдніе дни Страстной и Пасха...

„Но, спросятъ, что же выигрывается этими виляньями? Вѣдь придетъ время—надо же будетъ наконецъ высказаться?..“

Помилуйте,—а время-то выигрывается. Въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ находятся Наполеонъ, Кавуръ, папа, императоръ австрійскій—часто и день дорогъ; а тутъ — шутка—выигрывается двѣ недѣли! Кто знаетъ, что можетъ случиться въ эти двѣ недѣли?

Да, присматриваясь ближе ко всей этой дипломаціи, претендующей управлять судьбами народовъ, невольно убѣждаешься, что вся ея задача, вся ея политика сводятся не болѣе, какъ къ искусству оттягивать время и выжидать обстоятельствъ. Нѣтъ опредѣленной мысли, нѣтъ строго и свято назначенной цѣли; сегодня неизвѣстно, что придется дѣлать завтра; на завтра къ вечеру ожидаются вдохновенія для послѣзавтра. Одна только мысль не теряется никогда изъ виду: какъ бы самому не слетѣть, какъ бы проскочить сквозь обстоятельства. Тутъ не то, что Гарибальди; ему говорятъ: „безумство идти въ Сицилію“, а онъ идетъ; грозятъ: „не смѣй трогать Неаполь“, а онъ беретъ; кричатъ: „не ходи на Римъ!“ а онъ говоритъ: пойду!—и всѣ знаютъ, что онъ пойдетъ—и на Римъ, и на Венецію, если безъ него Римъ и Венеція не освободятся. Имѣя въ виду подоб-

ныхъ людей, движимыхъ идеей и твердыхъ въ ней, и дипломація принимается за ту же идею; но не въ ея характерѣ твердо идти къ благородной цѣли... Въ Италіи, можетъ быть, нѣтъ человѣка, который бы менѣе Кавура зналъ, что̀ и какъ будетъ съ Римомъ. Всѣ въ Италіи увѣрены, что Римъ въ этомъ году, въ это лѣто, въ ближайшій мѣсяцъ будетъ итальянскимъ; а Кавуръ не увѣренъ. Онъ ждетъ приказаній и сообщеній изъ Франціи; а тамъ тоже не знаютъ, что дѣлать, и гадаютъ, что полезнѣе для утвержденія наполеоновской династіи — продолжать-ли покровительствовать папскую власть, или склониться на требованіе либераловъ...

Надо, впрочемъ, сказать, что Кавуръ, судя по тону его журналовъ, сильно надѣется получить изъ Парижа благопріятныя вѣсти. Еще при началѣ парламента ходили слухи, что немедленно по окончаніи повѣрки выборовъ онъ сдѣлаетъ важное сообщеніе палатѣ о римскихъ дѣлахъ. Но, несмотря на то, что повѣрка затянута была почти на цѣлый мѣсяцъ, извѣстій никакихъ, какъ видно, не пришло, или пришли, да не тѣ, какихъ надѣялись. Переговоры съ Римомъ, черезъ посредство отца Пассалья, тоже не удались. Доходило дѣло, пожалуй, до того, что дѣйствительно приходилось принимать отъ парламента и представлять формальнымъ образомъ императору французовъ — прошеніе итальянцевъ о выводѣ войскъ изъ Рима... Другой бы, конечно, съ радостью ухватился за это средство; но Кавуръ былъ бы несчастенъ, если бы пришлось по необходимости имъ воспользоваться. Это бы значило уступить своимъ врагамъ, сознаться, что дипломація ничего не могла сдѣлать, выдвинуть на сцену народъ и — что еще хуже — либеральную партію, черезъ посредство которой представлено прошеніе. Нѣтъ, Кавуръ употребитъ всевозможныя старанія, чтобы связать руки всѣмъ до тѣхъ поръ, пока не успѣетъ притянуть какого-нибудь успѣха на свой пай. Теперь онъ будетъ указывать парижскому правительству на затруднительность положенія, на силу партій, на требованія народа, и когда Наполеонъ, наконецъ, рѣшится уступить необходимости, Кавуръ скажетъ либеральной партіи: „ну, теперь говорите, чего же вы хотите для Рима?“ — и засмѣется имъ подъ носъ: „это, молъ, ужъ я все сдѣлалъ, покамѣстъ вы собирались“...

И протрубятъ трубы о мудрости Кавура и о томъ, что онъ единственный человѣкъ, умѣющій руководить судьбами Италіи...

Однакожъ, я, кажется, пишу вамъ такъ, какъ будто бы принадлежалъ къ оппозиціи въ итальянскомъ парламентѣ... и, можетъ быть, письмо мое окажется столько же ненужнымъ и пустословнымъ, какъ здѣшняя оппозиція. Но утѣшьтесь: я кончаю, и — мало того — заключаю похвальною чертою Кавура.

Сегодня открыли здѣсь памятникъ Манину, въ $4^1/_2$ часа — день и часъ

венеціанской революціи. Изображеніе памятника вы, вѣроятно, скоро найдете во французской Иллюстраціи, потому что къ открытію его наѣхало сюда съ десятокъ французовъ и пустословили страшно. Передъ самымъ открытіемъ, во время музыки „Fratelli d'Italia", вдругъ раздались evviva, рукоплесканія, народъ замахалъ шляпами... Что такое, ужъ не самъ-ли Викторъ-Эммануилъ пріѣхалъ?.. Нѣтъ, Кавуръ удостоилъ почтить торжество своимъ присутствіемъ. Не правда-ли, черта похвальная?

Когда церемонія кончилась, народъ столпился около памятника и изъ устъ въ уста разносилось имя Кавура. Я думалъ, не бесѣдуетъ-ли онъ съ народомъ. Но вышло не то: изображеніе Манина сдѣлано такъ, что сильно смахиваетъ на Кавура, и народъ немедленно схватилъ это сходство. Такъ теперь Манинъ, поставленный въ публичномъ саду въ Туринѣ, и пошелъ слыть за Кавура.

10 (22) марта 1861.

ОТЕЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ГАВАЦЦИ

И ЕГО ПРОПОВѢДИ.

Въ половинѣ сентября 1860 года европейскія газеты много говорили о Гавацци, эксцентрическомъ проповѣдникѣ, возбуждавшемъ народъ въ Неаполѣ—обезглавить статуи Карла III и Фердинанда I и посадить на ихъ туловища головы Гарибальди и Виктора-Эммануила. Большая часть газетъ подсмѣивались надъ нимъ, нѣкоторыя упоминали о немъ безъ насмѣшекъ, но совершенно незначительнымъ образомъ, всѣ знали его почти единственно по оригинальной бутадѣ относительно статуй. Послѣднимъ упоминаніемъ о немъ была едва-ли не сплетня одного корреспондента которой-то изъ ультрамонтанскихъ газетъ, о томъ, какъ Гавацци, принявшись проповѣдывать въ Неаполѣ протестантизмъ, долженъ былъ бѣжать отъ своихъ слушателей, потому что они начали пускать въ него каменьями. Если бы подобный фактъ и случился, то, конечно, для Гавацци тутъ не было бы ничего позорнаго: извѣстно, на какія выходки способны неаполитанскіе изувѣры. Но дѣло въ томъ, что извѣстіе, безъ всякаго сомнѣнія, преувеличено и перепутано, такъ какъ Гавацци вовсе и не думалъ проповѣдывать протестантизма и вообще неспособенъ посвящать свои рѣчи сектаторской схоластикѣ. Онъ говорилъ противъ свѣтской власти папы, противъ излишней привязанности народа къ обрядамъ, противъ злоупотребленій духовенства; но все это, какъ увидимъ, совершенно независимо отъ какихъ-нибудь лютеранскихъ воззрѣній, просто по внушенію здраваго смысла и любви къ народу. И народъ умѣлъ оцѣнить талантъ и усердіе оригинальнаго проповѣдника: успѣхъ его проповѣдей былъ таковъ, что съ нимъ не поровняется самъ монсеньйоръ Дюпанлу, какъ извѣстно, совмѣщающій теперь въ своей особѣ все краснорѣчіе Фенелоновъ, Боссюэтовъ, Флешье и другихъ великихъ ораторовъ французской церкви и двора.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нѣкоторыя проповѣди Гавацци напечатаны, по стенографической записи. Какъ по самой своей оригиналь-

ности, такъ и по внутреннимъ достоинствамъ, онѣ показались намъ достойными вниманія нѣкоторой части русской публики, и мы рѣшились сдѣлать анализъ главнѣйшихъ изъ нихъ и представить нѣкоторыя мѣста въ переводѣ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о личности Гавацци и о внѣшней обстановкѣ его проповѣднической дѣятельности.

Для людей, слѣдившихъ за итальянскимъ движеніемъ, имя Гавацци извѣстно не со вчерашняго дня. Онъ принималъ участіе еще въ событіяхъ 1848 и 1849 года. Передъ этимъ временемъ, онъ, подобно многимъ итальянскимъ патріотамъ, скитался по разнымъ мѣстамъ, не находя себѣ спокойствія въ Болоньѣ, къ которой принадлежалъ по своему монашескому чину. Въ 1848 году мы находимъ его въ Венеціи, одушевляющимъ народъ на борьбу съ австрійцами. Въ короткое время популярность его сдѣлалась огромна. Въ доказательство можно привести слѣдующій случай. Въ маѣ 1848 года, Фердинандъ II, находя, что уже довольно полиберальничалъ, послалъ приказаніе возвратиться своимъ войскамъ, посланнымъ, будто бы, противъ австрійцевъ; генералъ Пепе не хотѣлъ повиноваться, но едва могъ удержать при себѣ два или три батальона; остальное войско рѣшилось возвратиться съ генераломъ Стателлою. Гавацци, находившійся тогда въ Тревизо, бросился въ погоню за неаполитанцами, едва узналъ объ ихъ отступленіи. Онъ настигъ ихъ во время большого привала, который они расположились сдѣлать послѣ совершеннаго перехода. Немедленно бросился горячій монахъ къ генералу, чтобы убѣдить его воротиться и вести свой отрядъ, состоявшій изъ 15.000 человѣкъ, на защиту свободы Италіи. Но Стателла и его помощники не дали отцу Гавацци времени развить его убѣжденія: едва онъ появился, какъ солдатамъ отданъ былъ приказъ немедленно собраться и продолжать походъ. Генералы боялись, чтобы Гавацци въ самомъ дѣлѣ не увлекъ солдатъ, если дать имъ время слушать его... Вѣроятно, Стателла и его помощники не столько уважали ораторскій талантъ проповѣдника, сколько его популярность, дававшую ему сильный авторитетъ надъ умами солдатъ... Но какъ бы то ни было, 15.000 человѣкъ, побуждаемые своимъ начальствомъ, бросили свою стоянку и побѣжали скорымъ маршемъ отъ опаснаго монаха.

Возвратясь въ Венецію, Гавацци продолжалъ свои убѣжденія народу въ самомъ рѣшительномъ духѣ. Онъ служилъ тамъ одно время органомъ радикальной партіи, образовавшейся подъ названіемъ „народнаго клуба". Но умѣренные люди, все еще надѣявшіеся на легальныя мѣры, нашли проповѣди Гавацци слишкомъ дерзкими, и „комитетъ благоустройства" не только запретилъ ему проповѣдывать, но даже попросилъ его удалиться изъ Венеціи. Это было уже въ концѣ 1848 г. Гавацци удалился, написавъ Манину очень горькое письмо. Манинъ отвѣчалъ, что сожалѣетъ обо всемъ

случившемся, но что отецъ Гавацци долженъ былъ временно пожертвовать своими убѣжденіями и стремленіями, для того, чтобы не вносить разногласія въ общество патріотовъ въ такое время, когда всеобщее единодушіе было всего нужнѣе для защиты противъ врага иноземнаго. „Впрочемъ,—оканчивалъ Манинъ,—каковы бы ни были на будущее время ваши расположенія ко мнѣ, я никогда не перестану уважать въ васъ одного изъ самыхъ ревностныхъ апостоловъ итальянской свободы и независимости“.

Между тѣмъ какъ Венеція изнемогала среди ужасовъ безнадежной борьбы, въ Римѣ торжествовала крайняя партія патріотовъ. Гавацци бросился туда. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о его дѣятельности въ Римѣ. Знаемъ только, что онъ былъ неразлучнымъ другомъ Уго Басси и находился въ числѣ немногихъ послѣдовавшихъ за Гарибальди, въ его знаменитомъ отступленіи, и спасшихся отъ рукъ австрійцевъ. Онъ успѣлъ пробраться въ Англію, и тамъ, благодаря содѣйствію „независимаго“ проповѣдника Гинтона, получилъ возможность продолжать свою ораторскую дѣятельность. Въ поученіяхъ его оказалась въ это время дѣйствительно нѣкоторая разница съ обычными воззрѣніями римской церкви; онъ придерживался болѣе библіи, нежели преданій католицизма, и изъяснялъ духъ писанія въ смыслѣ, болѣе благопріятномъ для народа, нежели для римскаго клира. За это онъ нѣсколько разъ подвергался оскорбительнымъ выходкамъ со стороны изувѣровъ, преимущественно изъ ирландцевъ. Не знаемъ, вслѣдствіе-ли ихъ демонстрацій или по собственному желанію,—онъ удалился потомъ въ Америку, и здѣсь очень долго проповѣдывалъ. Тутъ тоже нерѣдко встрѣчали его вопли ожесточенія, свистки и угрозы; но онъ продолжалъ свое дѣло, и масса его приверженцевъ всегда оказывалась сильнѣе партіи недовольныхъ.

Въ 1860 году мы находимъ Гавацци въ Палермо, въ Мессинѣ, въ Неаполѣ, неразлучно съ Гарибальди и съ его волонтерами. Онъ принимаетъ участіе въ битвахъ, когда нужно; онъ одушевляетъ бойцовъ въ походѣ; онъ обращаетъ рѣчь къ народу, когда патріоты вступаютъ въ городъ. Такъ онъ нѣсколько времени убѣждалъ и ободрялъ народъ въ Палермо и Мессинѣ; такъ онъ сдѣлался истолкователемъ новыхъ потребностей и обязанностей народа въ Неаполѣ.

Дѣятельность Гавацци въ Неаполѣ продолжалась все время, пока тамъ былъ Гарибальди. Послѣ того не слышно было о немъ, и, по всей вѣроятности, ему не совсѣмъ удобно сдѣлалось оставаться и поучать народъ въ Неаполѣ, когда тамъ даже „гарибальдіевскій гимнъ“ сталъ считаться запрещенной вещью и признакомъ демонстраціи противъ правительства [1]).

[1]) Мы читали въ одной журнальной корреспонденціи, что Гавацци былъ, однакоже, въ Неаполѣ во время рождественскихъ народныхъ торжествъ, въ которыхъ

Въ послѣднее время онъ занимался болѣе литературными трудами. Мѣсяца два тому назадъ появилось новое сочиненіе его противъ свѣтской власти папы: Roma tutta dell, Italia.

Обращаясь къ поученіямъ Гавацци, скажемъ, что въ области словесныхъ разсужденій едва-ли что-нибудь могло быть полезнѣе проповѣдей его для упроченія новаго правительства, если бъ оно умѣло хорошо понимать свои истинныя обязанности и отношенія къ народу. Гавацци ни однимъ словомъ не отступалъ никогда отъ гарибальдіевской программы: „Италія и Викторъ-Эммануилъ"; онъ служилъ отличнымъ посредникомъ между желаніями народа и требованіями новаго правительства: онъ могъ, по своему вліянію, чрезвычайно много сдѣлать для того, чтобы популяризировать въ южной Италіи новый порядокъ вещей. Анализъ проповѣдей Гавацци покажетъ намъ сущность его стремленій и требованій; о силѣ же его вліянія свидѣтельствуетъ то, какъ принимались его проповѣди въ Неаполѣ.

Гавацци, подобно первымъ христіанскимъ проповѣдникамъ, не стѣсняется выборомъ мѣста для проповѣданія. Храмъ, улица, площадь, даже театръ, всякое мѣсто, гдѣ только есть собраніе слушателей,—кажется ему удобнымъ и благопріятнымъ. Въ Неаполѣ любимое мѣсто его было Largo del Palazzo, передъ церковью San Francesco di Paolo, въ виду дворца и статуй Карла III и Фердинанда I, выходка противъ которыхъ такъ неожиданно послужила къ прославленію имени проповѣдника. Проповѣди его возвѣщались заранѣе, и всегда на слушанье ихъ собиралась огромная толпа. Апплодисменты, крики: браво! Да! Нѣтъ! Viva Italia! Viva Garibaldi! и пр., и пр. — часто прерывали проповѣдника. Иногда его рѣчь принимала характеръ какъ бы разговорный, иногда онъ замѣнялъ слова выразительной мимикой, которая возбуждала всеобщую веселость въ собраніи. Все это чрезвычайно рѣзко противорѣчитъ тому, что мы привыкли разумѣть подъ именемъ проповѣди, т.-е. слова, обращаемаго духовнымъ лицомъ къ мірянамъ. Но для тѣхъ, кому не понравится подобная „профанація духовной каѳедры", замѣтимъ здѣсь, что такой характеръ проповѣдей въ Италіи, и особенно въ Неаполѣ, не только вообще не кажется страннымъ, но даже господствуетъ. Далѣе мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ, а теперь только предупреждаемъ, что внѣшнюю форму рѣчей Гавацци, какъ ни оригинальна кажется она для насъ, нельзя приписывать

изображеніе мадонны наряжено было въ національные цвѣта, младенецъ Іисусъ—въ красную гарибальдійскую рубашку; Іосифу придѣланы усы à la Викторъ-Эммануилъ, волхвы имѣли нарядъ полковника Биксіо, Франческо II представлялъ собою Ирода. Корреспондентъ (очень благомыслящій) замѣчаетъ, разумѣется, съ ужасомъ, что революціонерство проникло такимъ образомъ въ Неаполѣ до предметовъ самыхъ священныхъ и, конечно, подозрѣваетъ тутъ сильное участіе Гавацци и «прочаго гарибальдіевскаго сброда».

ему исключительно. Главная разница Гавацци отъ другихъ проповѣдниковъ его страны состоитъ въ содержаніи его проповѣдей. Сущность же содержанія была такова, что къ ней шло всякое мѣсто и всякое время, лишь бы были слушатели. Когда подъ открытымъ небомъ было неудобно собираться народу, по причинѣ дурной погоды, Гавацци входилъ въ церковь: такъ нѣсколько рѣчей произнесены имъ въ церкви del Carmine. Когда нужно было обратить рѣчь къ такимъ людямъ, которые не приходили на Largo del Palazzo, Гавацци шелъ туда, гдѣ ихъ можно найти въ сборѣ: такъ онъ ходилъ на piazza Mercatello, чтобы убѣждать baracсani, лаццарони одного многолюднаго квартала въ Неаполѣ, долѣе другихъ колебавшихся отступиться отъ Бурбоновъ. Когда народъ собирался на какое-нибудь зрѣлище, Гавацци и туда шелъ съ своимъ словомъ: такъ онъ не разъ проповѣдывалъ въ театрѣ...

Разъ это было въ театрѣ Санъ-Карло. Давали какой-то балетъ. Кончился первый актъ. Вдругъ въ одной изъ ложъ появился приземистый, плотный монахъ, съ красноватою бородою, въ полувоенномъ, полумонашескомъ нарядѣ,—это былъ Гавацци. Онъ сообщилъ какое-то извѣстіе о гарибальдійцахъ и началъ толковать собравшейся публикѣ объ Италіи, о ея требованіяхъ, объ обязанностяхъ каждаго къ отечеству, и т. д. Всѣ принялись слушать, даже танцовщицы и актеры просили поднять занавѣсъ и столпились у самаго края сцены, чтобы выслушать интересную проповѣдь.

Въ другой разъ явился Гавацци во французскій театръ въ Неаполѣ, только-что возвратившись изъ отряда, дравшагося подъ Капуей. Красная рубашка подъ рясой, *кепи* вмѣсто монашескаго капюшона на головѣ, сабля на боку и револьверъ за поясомъ — не были особенной чрезвычайностью въ Неаполѣ въ это время. Но появленіе Гавацци возбудило въ театрѣ общее вниманіе потому, что онъ только-что прибылъ съ мѣста битвы. Такимъ образомъ, едва кончился первый актъ пьесы Скриба и Легуве „Bataille de dames“, которую давали въ этотъ вечеръ, Гавацци поднялся въ своей ложѣ, и звучная, твердая, восторженная рѣчь проповѣдника замѣнила декламацію актеровъ. Говорилъ онъ о стычкахъ подъ Капуей, о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Гарибальди, о положеніи войскъ, объ отечествѣ и свободѣ. Говорилъ долго, и нетерпѣливая публика Неаполя слушала терпѣливо, жадно, восторженно, до того, что забыла пьесу... Когда Гавацци кончилъ, импрессаріо вышелъ на сцену и предложилъ, что такъ какъ для окончанія комедіи осталось мало времени, то не хочетъ-ли публика замѣнить ее на этотъ разъ гарибальдіевскимъ гимномъ. Раздались оглушительные аплодисменты и evviva! Гарибальдіевскій гимнъ спѣтъ былъ при выраженіяхъ изступленнаго энтузіазма всей публики.

И энтузіазмъ этотъ не потерялся въ безплодныхъ крикахъ. Гавацци

умѣлъ его возбудить и умѣлъ имъ воспользоваться: *кепи* проповѣдника обошелъ театръ и возвратился къ нему, наполненный посильными пожертвованіями въ пользу арміи. Мало того: онъ, изобразивъ положеніе войска, сказалъ, что раненые нуждаются въ корпіи и обратился къ дамамъ съ просьбою о ея доставленіи. На утро ему изтащили цѣлые вороха корпіи.

Подобныхъ результатовъ достигалъ онъ очень часто. Разъ, послѣ его воззванія на площади, къ его каѳедрѣ немедленно полетѣли платки и узелки съ бѣльемъ разнаго рода; *кепи* его много разъ наполнялся монетою въ пользу волонтеровъ, сражающихся за свободу Италіи.

Гавацци былъ въ числѣ тѣхъ восьми или десяти человѣкъ, которые въѣхали въ Неаполь, 7-го сентября, вмѣстѣ съ Гарибальди. Тотчасъ по прибытіи, Гарибальди отправился въ соборъ св. Дженнаро, — только не затѣмъ, чтобы, по желанію „Times'a", взять и подвергнуть химическому разложенію знаменитую „кровь св. Дженнаро", хранящуюся въ этой церкви, а просто для того, чтобы совершить торжественное благодареніе Богу за освобожденіе Неаполя. Сынъ и другъ народа, Гарибальди не могъ дебютировать оскорбленіемъ его религіозныхъ вѣрованій и прежде всего хотѣлъ показать, что онъ вовсе не посланникъ сатаны и не предшественникъ антихриста, какъ его пытались представить аббаты и монахи, преданные Риму и Бурбонамъ. Но, пришедши къ церкви, Гарибальди нашелъ ее запертою; мало того, входъ былъ даже заваленъ, а клиръ, принадлежащій къ собору, весь скрылся вслѣдъ за архіепископомъ. Тогда отецъ Гавацци явился представителемъ всего духовенства: входъ былъ открытъ усиліями народа и національной гвардіи, и Гавацци совершилъ божественную службу и привѣтствовалъ въ церкви освободителя Италіи. Толпа была необыкновенно довольна.

Вслѣдъ затѣмъ, Гавацци является неутомимымъ миссіонеромъ итальянской свободы и единства. Съ 12-го сентября, въ теченіе всего этого мѣсяца и бо́льшую половину октября, онъ почти каждый день произносилъ длинныя рѣчи къ народу, при всякомъ удобномъ случаѣ. Невозможно было *сочинять* эти рѣчи: онѣ всѣ были импровизаціей. Принимая это въ соображеніе, надо сознаться, что Гавацци — ораторъ весьма замѣчательный. Правда, онъ иногда уклоняется отъ своего главнаго предмета, дѣлаетъ повторенія, не договариваетъ или излишне распространяется. Въ каждой проповѣди очень замѣтенъ недостатокъ строгаго единства въ построеніи и скачки, не допускаемые въ глубоко-обдуманной рѣчи. Но за то въ его проповѣди, даже напечатанной, вы видите слѣдъ живой рѣчи, какъ будто слышите голосъ человѣка, разговаривающаго съ вами, а не читающаго деревяннымъ голосомъ заранѣе приготовленную тетрадку. Независимо отъ этого, вы находите въ проповѣдяхъ Гавацци свѣтлый взглядъ на положеніе дѣлъ.

и умѣнье примѣнить къ нему требованія общей нравственности, обязательныя для всякаго гражданина.

Есть въ рѣчахъ Гавацци много рѣзкаго, даже дерзкаго; но не забудемъ, что онъ говорилъ въ первые дни освобожденія, предъ народомъ, только-что опомнившимся отъ мрачнаго деспотизма, который столько лѣтъ давилъ его. Притомъ же надо замѣтить, что, несмотря на крайнюю безцеремонность нѣкоторыхъ фразъ о Бурбонахъ, Австріи, папѣ и герцогахъ, Гавацци вовсе не является въ своихъ рѣчахъ такимъ яростнымъ алармистомъ, какъ хотѣли представить его нѣкоторые клерикальные журналы. Напротивъ, у него находимъ даже слова прощенія и мира, убѣжденіе народа къ спокойствію и благоразумію. Впрочемъ, обратимся лучше къ самымъ рѣчамъ его.

12-го сентября, Гавацци явился на площади San Francesco di Paolo. Многочисленная толпа уже ожидала его и встрѣтила громкими рукоплесканіями. Гавацци постоялъ нѣсколько времени молча, обвелъ презрительнымъ взглядомъ дворецъ Бурбоновъ и статуи, стоящія на площади, потомъ прочелъ своимъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ надпись на перистилѣ церкви: „D. O. M. Francesco di Paolo Ferdinandus I ex voto A. D. MDCCCXVI". Это и послужило ему *текстомъ* для проповѣди. Онъ началъ:

„Эта надпись, эти статуи, этотъ дворецъ—все мнѣ говоритъ о Бурбонахъ. Гдѣ же они, наши Бурбоны? Что сдѣлалось съ этимъ надменнымъ родомъ, въ которомъ отъ отца къ сыну заслуженно переходило прозвище *Бомбы*? Все полно памятью о нихъ на этой площади, которую, несмотря на ея неудобство для слушанья, я нарочно выбралъ, именно потому, что она сама громко говоритъ о Бурбонахъ. Гдѣ же они, эти властители? Они были на высотѣ... одно дуновеніе... одно только... и они низвергнуты (*апплодисменты*), они низвергнуты навсегда... (*восторженные апплодисменты*). Никогда больше не будетъ царствовать это проклятое племя!..

„Изъ всѣхъ деспотовъ Европы самое жалкое племя—это племя Бурбоновъ; изъ всего племени Бурбоновъ самая негодная отрасль—испанская; и самая гнилая вѣтвь испанской отрасли — это неаполитанскіе Бурбоны! Долой Бурбоновъ! (*вся толпа разражается крикомъ: браво! Долой Бурбоновъ!*). На этотъ разъ они насъ покинули ужъ рѣшительно (*въ толпѣ веселость*). Теперь ужъ не будетъ для нихъ ни вѣнскихъ, ни веронскихъ трактатовъ, и ни вѣроломство, ни прощеніе не возвратятъ ихъ въ Неаполь... Народъ и герой народа прогнали Бурбоновъ... Долой же Бурбоновъ! (*Толпа какъ одинъ человѣкъ, въ нѣсколько пріемовъ, гремитъ: долой, долой, прочь Бурбоновъ!*)... Мы начали дѣло, мы доведемъ его и до конца... Но еще надо сдѣлать кое-что, чтобы окончить его...

„Я не считаю нужнымъ, для довершенія дѣла, истребить память этого

рода даже въ самыхъ его монументахъ и излить наше мщеніе на его статуи. Въ Сициліи, гдѣ эти статуи никакого достоинства артистическаго не имѣли, сицильянцы, разумѣется, очень хорошо сдѣлали, что не оставили ни одной изъ нихъ на ея пьедесталѣ *(въ толпѣ крики одобренія)*... Но, не желая быть вандалами XIX вѣка, мы пощадимъ эти статуи въ уваженіе того, что они твореніе величайшаго нашего скульптора—Кановы. Вотъ эта (указывая на статую Карла III) представляетъ негоднаго человѣка, который однако случайно сдѣлалъ, можетъ быть, кое - что хорошаго для Неаполя, и который, оставляя ребенкомъ вотъ эту гнусную тварь (показывая на статую Фердинанда I), сказалъ, говорятъ, своимъ министрамъ: „онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ вы его сдѣлаете". Статую этого послѣдняго, если бъ только не Канова ее работалъ, я бы хотѣлъ въ порошокъ истолочь,—потому что онъ былъ злѣйшій мучитель неаполитанскій въ прошломъ вѣкѣ. Сказать, что человѣкъ могъ послать на висѣлицу такихъ гражданъ, какъ Карачолло, Маріо, Пагано и Чирилло, значитъ сказать, что онъ стоитъ сотни висѣлицъ, и статуя его — сотни оскорбленій (*продолжительныя рукоплесканія*)... Но тѣмъ не меньше—и эта статуя пусть останется, въ уваженіе Антоніо Кановы...

„Но, не будучи вандалами, древніе римляне оставили намъ хорошій примѣръ: желая пощадить искусство въ статуяхъ, представлявшихъ Нерона, Калигулу, Эліогабала, они ихъ обезглавливали и приставляли другія головы на туловища этихъ чудовищъ. Господи! (*Гавацци молчитъ нѣсколько времени, стоя неподвижно, скрестивши руки на груди*)... если бы снять головы съ этихъ статуй,—вѣдь созданіе Кановы оттого не погибло бы? И если бы вмѣсто этихъ двухъ головъ, которыя представляютъ черты двухъ ненавистныхъ тирановъ, наряженныхъ героями. что имъ вовсе не къ лицу,—что, если бы на ихъ плечи вы поставили головы короля—благороднаго человѣка (galantuoma) Виктора-Эммануила и героя революціи и нашего освобожденія — Іосифа Гарибальди? (*Оглушительныя рукоплесканія*). Какое лучше украшеніе можно дать этой площади, которая отнынѣ должна называться площадью итальянской народности!..

„Итальянская народность создается, господа; но она еще не создана! Я знаю, что кто хорошо началъ, тотъ сдѣлалъ уже половину дѣла; но я помню также слово нашего божественнаго Учителя.—что положившій руку свою на плугъ и смотрящій вспять и прерывающій дѣло свое—недостоинъ царствія небеснаго... Для насъ это значитъ вотъ что: если мы удовольствуемся освобожденіемъ Сициліи и Неаполя, не думая объ остальной Италіи, остающейся въ рабствѣ, — и Неаполь, и Сицилія опять впадутъ въ рабство... Надо кончить, надо совершить возрожденіе Италіи. Отъ Альповъ

до Лилибея, отъ Сициліи до Тридента мы должны быть одной семьею или ничѣмъ" (*громкія рукоплесканія*) [1]).

Анализируя существенную часть первой проповѣди Гавацци, мы находимъ въ ней необыкновенное и практичное умѣнье говорить о томъ именно, что нужно, и такъ, какъ нужно, въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ. Въ первые дни освобожденія, неаполитанцы естественно преданы были чувству радости и уже наклонны были думать, что все кончено, что имъ остается только наслаждаться свободой, пришедшей къ нимъ такъ легко, такимъ чудеснымъ образомъ. Самъ Гарибальди считалъ чрезвычайно важнымъ внушать имъ, что дѣло еще не кончено и что отъ нихъ требуются новыя усилія для прочнаго утвержденія свободы Италіи. Къ этому же самому внушенію прежде всего обращается и Гавацци. Онъ очень искусно затрогиваетъ чувство своихъ слушателей, указывая имъ на братскую помощь, полученную ими самими отъ прочихъ сыновъ Италіи, и затѣмъ убѣждаетъ ихъ въ необходимости продолжать до конца борьбу за свободу, помогая освободиться тѣмъ, которые еще остаются въ порабощеніи. Но такъ какъ неаполитанцы, вслѣдствіе долговременнаго угнетенія, сдѣлались очень недовѣрчивыми къ самимъ себѣ и вслѣдствіе того, какъ всегда бываетъ, довольно равнодушными къ тому, что не прямо ихъ касается, то Гавацци съ особенною настойчивостью толкуетъ имъ о томъ, какая великая сила заключается въ единствѣ, какимъ образомъ раздѣленіе можетъ сдѣлаться препятствіемъ къ успѣху и погубить даже то, что пріобрѣтено. Ораторъ заклинаетъ своихъ слушателей приняться за дѣло самимъ, не надѣясь на помощь со стороны, и считать за свое дѣло—дѣло всей Италіи, а не одного Неаполя или Сициліи. Наконецъ, онъ указываетъ даже на средства, ко-

---

[1]) Мы нарочно перевели начало первой проповѣди Гавацци, чтобы показать, какое значеніе имѣла въ ней выходка противъ статуй. Какъ видите, она не связана ничѣмъ съ сущностью рѣчи, и составляетъ эпизодъ во вступленіи, не болѣе. Видно, что ораторъ самъ не придавалъ большого значенія тому, что сдѣлается со статуями: иначе онъ не оставилъ бы этого предмета такъ легко, тѣмъ болѣе, что толпа была, какъ видно, очень расположена исполнить совѣтъ Гавацци. Мало того,—можно думать даже, что вся выходка противъ статуй вызвана была предыдущими толками и расположеніями, распространенными въ народѣ. Народу нуженъ непремѣнно—если не самъ врагъ, то хоть статуя, портретъ его, какой-нибудь вещественный предметъ, надъ которымъ бы можно излить свою злобу, утолить мщеніе. Въ Сициліи памятники Бурбоновъ были разрушены; въ Неаполѣ народный энтузіазмъ могъ стремиться къ тому же. Гавацци не былъ, разумѣется, наклоненъ порицать это движеніе: но, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, конечно, и то, что изъ подобныхъ подвиговъ не выйдетъ ничего особенно благодѣтельнаго для итальянской свободы. Вотъ почему онъ такъ легко коснулся этого предмета, и такъ же быстро и даже неловко отошелъ отъ него, какъ и приступилъ къ нему. Не такъ поступалъ онъ въ другихъ случаяхъ,—когда, напримѣръ, говорилъ о фортѣ Сентъ-Эльмѣ: тамъ онъ умѣлъ добиться положительныхъ результатовъ.

торыми можно постоянно поддерживать въ народѣ бодрость и дѣятельную любовь къ свободѣ; говоря объ этихъ средствахъ, Гавацци обращается къ женщинамъ, къ священникамъ, къ газетамъ. Заключеніе его рѣчи составляетъ нѣчто въ родѣ славословія единству Италіи, Гарибальди и Виктору-Эммануилу.

Таковъ составъ первой рѣчи Гавацци, которой начало перевели мы выше. Увѣщанія его нерѣдко переходятъ въ обличенія, и тутъ онъ возстаетъ всего болѣе противъ недостойнаго духовенства и противъ папы-короля: предметъ, какъ видимъ, опять-таки первой важности, вполнѣ заслуживающій, чтобы имъ заняться въ самой первой проповѣди, обращенной къ освобожденному народу въ Неаполѣ. Но, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, Гавацци отличается удивительнымъ искусствомъ говорить народу истинную правду, не раздражая его страстей. Стоитъ прочесть, напримѣръ, какъ онъ доказываетъ неаполитанцамъ, что они ничего не могли бы сдѣлать однѣми собственными силами, безъ другихъ итальянцевъ, и что потому опытъ, справедливость и благодарность требуютъ, чтобы и они, въ отношеніи къ другимъ, дѣйствовали такъ же, какъ другіе для нихъ. Сказавши, что „единство мысли и дѣйствій составляетъ для нихъ долгъ благодарности, и что его требуютъ какъ ихъ интересы, такъ и необходимость", ораторъ продолжаетъ:

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я слышалъ уже о революціонномъ движеніи, возникавшемъ въ Неаполѣ; потомъ возстаніе явно произошло въ Сициліи. Скажемъ откровенно: Сицилія восторжествовала-ли однѣми собственными силами? Ясно, что нѣтъ. Движеніе сицилійское было горячо, благородно, сильно, готово на все, до изліянія послѣдней капли крови; но, будучи одни, герои сицилійскіе изнемогли бы предъ организованной силой ненавистнаго Бурбона! И вы сами, дѣти Везувія, хотя вы выстрадали все, что только душа, сердце и тѣло человѣческое могутъ выстрадать, при гнусномъ правительствѣ, справедливо названномъ *„отрицаніемъ Бога"*, т.-е. правительствомъ сатаны, воплощеніемъ самой геены въ образѣ Фердинанда и Франциска,—вы сами могли-ли бы одни совершить ваше законное мщеніе? Могли-ли бы вы одни низвергнуть престолъ этого демона и избавиться отъ ненавистнаго ига разбойниковъ и палачей? Нѣтъ. Кто принесъ торжество сицилійскому возстанію? Кто увѣнчалъ тріумфомъ неаполитанскую революцію? Человѣкъ... нѣтъ— ангелъ, посланный отъ Бога, герой Гарибальди (въ толпѣ, viva Garibaldi!). Безъ Гарибальди, страна Обѣихъ Сицилій до сихъ поръ еще находилась бы въ цѣпяхъ. Къ нему, къ нему обращается признательность сердецъ нашихъ. Да здравствуетъ Гарибальди! (*толпа нѣсколько разъ повторяетъ тотъ же крикъ*). А кто сопутствовалъ Гарибальди въ его сицилійской экспедиціи? Кто сопровождалъ его

черезъ Калабрію до самаго Неаполя? Молодежь итальянская... изъ *всѣхъ* итальянскихъ провинцій, не исключая ни одной... Они услышали,—эти храбрые юноши, — стоны страдальцевъ, клики возстающихъ, и они пожертвовали, по большей части, своимъ спокойствіемъ, своими удовольствіями, цвѣтомъ своей юности, богатствомъ, удобствами, роскошью, развлеченіями... Они бросились на призывъ Гарибальди, имѣя въ виду—не награды, не почести, не мѣста, а страданія, изнуренія, недостатки... И они восторжествовали! Отъ высадки въ Марсалѣ до въѣзда въ Неаполь, походъ нашего Гарибальди былъ постояннымъ тріумфомъ... И онъ всегда будетъ торжествовать, потому что въ его лицѣ выходитъ на битву сама храбрость, честь, справедливость, однимъ словомъ,—дѣло Божіе,—такъ какъ дѣло народа есть дѣло Божіе! Да, Богъ всегда даетъ побѣду своему посланнику! (*Рукоплесканія*).

„Ну, такъ вы видите,—всѣ части итальянскаго нашего отечества выслали вамъ избавителей, и съ ихъ помощью ваши либеральные люди и ваша національная гвардія могли произвести чудеса храбрости... Это освобожденіе, пришедшее для васъ изъ другихъ итальянскихъ земель, налагаетъ на васъ священнѣйшій долгъ благодарности. Вы не можете отплатить этотъ долгъ—ни стихами, ни пѣснями, ни музыкой, ни спектаклями, ни балами, ни праздниками, ни обѣдами... Нѣтъ, вы его выплатите—легіонами, ружьями, лошадьми и пушками, выплатите, сражаясь сами въ свою очередь за остальныя итальянскія земли, еще находящіяся въ порабощеніи. (*Брависсимо*!.. Viva Italia!)... Кто сражался за васъ—требуетъ теперь, чтобы и вы сражались за него! Прислушайтесь къ выговору волонтеровъ, которыми полонъ теперь вашъ прекрасный городъ; вы безъ труда узнаете въ нихъ пьемонтцевъ, генуэзцевъ, дѣтей этихъ счастливыхъ провинцій, свободныхъ со дня конституціи Карла-Альберта. Если бы они сказали себѣ: „вотъ ужъ 12 лѣтъ, какъ мы наслаждаемся свободой; что намъ за надобность жертвовать собою для сицилійцевъ и неаполитанцевъ?“—вотъ у васъ бы и не было помощи пьемонтцевъ и генуэзцевъ!.. А вы слышите ихъ выговоръ... Вы слышите также этихъ ломбардцевъ, романьоловъ, тосканцевъ, сдѣлавшихся свободными послѣ присоединенія ихъ провинцій къ новому Итальянскому королевству. Если бъ они сказали себѣ: „мы теперь соединены съ Пьемонтомъ, мы пользуемся итальянской свободой, намъ нечего хлопотать объ освобожденіи Неаполя и Сициліи“, — тогда имѣли-ль бы вы ихъ помощь?.. А венеціанцы? Прислушайтесь къ ихъ акценту, или лучше—къ нѣсколькимъ акцентамъ волонтеровъ этой бѣдной, злосчастной, измученной, умирающей, но всегда благородной и великодушной Венеціи. „О, я еще до сихъ поръ въ цѣпяхъ,—взываетъ она къ вамъ,—я терзаюсь подъ игомъ австрійца... но, при всемъ томъ, я посылаю цвѣтъ моей моло-

дежи на освобожденіе Неаполя и Сициліи, чтобы Сицилія и Неаполь, въ свою очередь, пришли освободить во мнѣ бѣдную мученицу, нѣкогда царицу Адріатики". (*Въ толпѣ восторженные клики за Венецію*).

„Итакъ, по чувству признательности необходимо соединиться всѣмъ въ одномъ національномъ чувствѣ... А наше національное чувство заключается въ этомъ лозунгѣ: Италія—свободная отъ Альпъ... не до Адріатики, но отъ Альпъ до Лилибея... Вся, вся, вся... независимо отъ иноземцевъ, кто бы они ни были... (*Рукоплесканія*).

„Впрочемъ, если бы признательность и не говорила въ сердцахъ всѣхъ, то интересъ намъ скажетъ то же самое. Интересъ-то ужъ всякій соблюдаетъ... Ѳома Аквинскій говоритъ, что безъ интереса мы даже и Бога не любили бы. „Почему мы ему служимъ и его любимъ?—спрашиваетъ великій учитель.— Потому, что ждемъ отъ него царства небеснаго". Такимъ образомъ, даже въ отношеніяхъ нашихъ къ Богу замѣшивается въ дѣло интересъ. И такъ какъ насчетъ этого пункта намъ всѣмъ легко согласиться, то я скажу, что мы теперь должны быть всѣ итальянцами, даже просто для нашего интереса. Итальянцы открыли, наконецъ, великую истину, что чѣмъ теснѣе связь между націями, тѣмъ крѣпче и связи между гражданами каждой отдѣльной страны, и что ежели народы не соглашаются между собой, такъ и выходитъ то, что было въ 1848 году, когда кроаты были противъ венгровъ, венгры отчасти противъ итальянцевъ, а кончилось тѣмъ, что Австрія опять все положила себѣ подъ ноги... Да, горе тому, кто не знаетъ своего долга и своей доли въ общемъ дѣлѣ... А общее дѣло у насъ у всѣхъ одно. Мы хотимъ создать Италію. Будемъ же всѣ за одно, составимъ одинъ народъ! Апостолъ Павелъ говоритъ намъ, что когда одинъ членъ тѣла боленъ, то и всѣ другіе страдаютъ изъ-за него. Не трудно же намъ понять, что если Венеція остается въ рабствѣ, если часть римскихъ земель въ угнетеніи, то Италія еще не есть Италія, и что намъ необходимо нынѣ же разорвать послѣднія цѣпи, которыя ее сдавливаютъ. Дѣло идетъ о нашихъ интересахъ: ежели оставить антоновъ огонь въ какомъ нибудь членѣ тѣла, хоть бы въ мизинцѣ, онъ, мало-по малу, охватываетъ кисть, руку, плечо, все тѣло,—и человѣкъ умираетъ... Такъ и тутъ: оставьте Венецію порабощенною,—вся Италія снова впадетъ въ порабощеніе!.. Итакъ, наша же польза требуетъ, чтобы мы сдѣлались свободными *всѣ*, и мы будемъ свободны *всѣ*!..

„Ждать, чтобы другіе устроили Италію,—это было бы слишкомъ многаго ждать, друзья мои! Италія слишкомъ страшна для дипломаціи, чтобы дипломація стала хлопотать для нея. Надо устроить ее самимъ намъ, ужъ *не по вилла-франкски, а по итальянски*, друзья мои... Это значитъ, что намъ не нужно Итальянскаго Союза, а нужно единство,—единство, а не

союзъ. Подъ союзомъ надо разумѣть конфедерацію — съ папой, Францескино, великимъ герцогомъ тосканскимъ, императоромъ австрійскимъ и Викторомъ-Эммануиломъ,—все вмѣстѣ... Милое соединеніе, не правда-ли, друзья мои? Въ старину отцеубійцъ зашивали въ мѣшокъ съ пѣтухомъ, собакой, обезьяной и змѣей... Славное собраніе!.. Викторъ-Эммануилъ никого не убилъ, и между тѣмъ его хотѣли усадить гораздо хуже, чѣмъ съ пѣтухомъ, собакой, змѣей и обезьяной.

„Мы не хотимъ для нашего добраго Виктора-Эммануила подобной компаніи,— не правда-ли, друзья мои? Значитъ, мы не хотимъ союза... Союзъ— никогда, никогда, никогда!.. Единство, единство, Италія единая— всегда! (*громкія* evivva! *единству Италіи, Виктору-Эммануилу и Гарибальди*). Вы не забудете этой разницы? И знайте, что ежели вы хорошенько захотите того, что вамъ нужно, такъ непремѣнно это получите. Мнѣ достаточно, по моему, чтобы итальянцы захотѣли,—и то, что захотятъ они, сдѣлается. Иноземцы много распускали дурного про насъ: они говорили, что мы не умѣемъ драться, —а мы дрались; говорили, что мы неспособны возвратить нашу свободу, а вотъ мы ее возвратили; увѣряли, что мы не сумѣемъ разумно и умѣренно воспользоваться побѣдой, и однакоже мы остались при ней спокойными и совладали съ собою; утверждали, что если мы и получимъ конституціонное устройство, такъ не сумѣемъ его удержать,—а мы вотъ хранимъ его; наконецъ, кричали, что мы неспособны отречься отъ муниципальныхъ стремленій, отъ соперничества и зависти между городами, а мы вотъ оставили и всякій муниципализмъ, всѣ мелкія, мѣстныя вражды... Значитъ, мы показали иноземцамъ, что мы можемъ быть итальянцами, и что итальянцы—Боже мой!—по этому чудному небу, по этому солнцу, свѣтящему надъ ихъ головами, по своей душѣ, по сердцу и мышцамъ—первый,—да, первый, первый народъ въ мірѣ! (*Страшныя* evivva!).

„Теперь, надо намъ хорошенько вкоренить въ себѣ національное чувство; надо намъ начать быть и сознавать себя итальянцами. Когда вы спрашиваете какого-нибудь француза, откуда онъ?—онъ вамъ отвѣчаетъ: *изъ Франціи*. Какое ваше отечество? *Франція*. Кто вы? *Французъ*. Отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же, будетъ-ли это гасконецъ, провансалецъ, или уроженецъ какой бы то ни было другой провинціи французской. Тоже и съ англичаниномъ. Спросите его, изъ какой онъ страны, онъ отвѣчаетъ: *изъ Англіи*. Кто вы? *Англичанинъ*. Онъ не говоритъ: я изъ Глазгова, изъ Манчестера, а просто: я англичанинъ...

„Такъ и съ нами должно быть. Мы больше не пьемонтцы, генуэзцы, ломбардцы, романьолы, тосканцы, неаполитанцы, сицильянцы, мы всѣ— итальянцы! (*Одушевленныя рукоплесканія*).

„Какое же ваше отечество?“

Послѣ этого вопроса ораторъ останавливается. Вся толпа въ голосъ кричитъ восторженно: *Италія! Италія!* Проповѣдникъ, давши утихнуть толпѣ, гордо выпрямляется и восклицаетъ тоже съ энтузіазмомъ: *Италія!* Потомъ продолжаетъ развивать идею о томъ, какъ почетно и славно для итальянцевъ принадлежать къ Италіи, какъ легко имъ, если только они всѣ будутъ соединены, снискать уваженіе и дружбу всѣхъ народовъ. „Увидѣвъ, что мы соединены, говоритъ онъ, начнутъ больше уважать насъ, станутъ насъ бояться, потомъ стремиться къ дружбѣ съ нами, потомъ искать нашей помощи“. Возбудивши дружныя рукоплесканія этими словами, проповѣдникъ рисуетъ слушателямъ близкое будущее, въ которомъ Италія представляется освободительницей и защитницей всѣхъ угнетенныхъ національностей. Новыя рукоплесканія въ толпѣ, и новое обращеніе оратора къ національному чувству итальянцевъ, требующему, чтобы они всѣ соединились и изгнали Бурбоновъ, австрійцевъ и короля-папу. Упомянувъ о папѣ и замѣтивъ, вѣроятно, признаки готоваго неодобренія въ толпѣ, Гавацци дѣлаетъ слѣдующія объясненія:

„Господа! я не забылъ, что говорю въ Неаполѣ, и знаю очень хорошо, что многихъ изъ васъ можетъ возмутить идея—удалить папу изъ Рима.

„Разувѣрьтесь же и успокойте вашу совѣсть. Рѣшительно никто не намѣренъ трогать папу. Папа! Никто не хочетъ коснуться даже волоска его священной особы! Пусть папа остается въ Римѣ, если онъ хочетъ,— только пусть будетъ онъ римскимъ епископомъ, никто ни слова не скажетъ противъ этого. Но королемъ? королемъ? (*въ толпѣ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!*) Мы больше не хотимъ имѣть его королемъ! Пусть священникъ остается священникомъ и будетъ Пій IX; и пусть король сдѣлается королемъ и будетъ Викторъ-Эммануилъ!..

„Впрочемъ, чтобы окончательно успокоить мнительныхъ людей (*смѣхъ*), я коснусь вопроса по смыслу Писанія, съ христіанской точки зрѣнія, которую имъ, кажется, не позаботились сообщить ихъ духовники и ихъ добродѣтельные архіепископы. Говорятъ, что папа—замѣтьте это—есть намѣстникъ Іисуса Христа, преемникъ св. Петра, глава церкви, преемникъ первыхъ епископовъ римскихъ. Хорошо, очень хорошо! Но скажите мнѣ,— Христосъ былъ королемъ? Христосъ имѣлъ свѣтскую власть? Нѣтъ. Христосъ завѣщалъ своему намѣстнику королевскую корону? (*въ толпѣ: нѣтъ!*) Нѣтъ! Такъ значитъ, если папа дѣйствительно есть намѣстникъ Христа, — онъ не можетъ быть королемъ! (*Рукоплесканія*).

„А святой Петръ? Былъ онъ королемъ? Нѣтъ. Святой Петръ!.. Нѣтъ, онъ былъ рыбакъ, жилъ рыбакомъ и умеръ рыбакомъ; только, вмѣсто того, чтобы ловить однѣхъ рыбъ, онъ помогалъ Спасителю въ ловитвѣ душъ

человѣческихъ... Но никогда не былъ онъ королемъ. Значитъ, ежели папа — точно преемникъ св. Петра, такъ онъ не долженъ быть королемъ.

„Павелъ, истинный основатель римской церкви, истинный основатель христіанства въ Италіи. Павелъ не былъ королемъ и называлъ себя служителемъ апостоловъ. Поэтому и папа, если онъ есть глава церкви, не можетъ и не долженъ быть королемъ.

„Первые епископы римскіе до Сильвестра, даже до Гильдебранда — Григорія VII, не были свѣтскими владѣтелями, не были королями. Какъ же папа, если онъ хочетъ быть ихъ истиннымъ преемниковъ, можетъ имѣть свѣтскую власть?

„Итакъ, папа, для чести своего служенія, для чести своего священнаго сана, для чести христіанства, церкви, религіи, для чести вѣры и евангелія, для чести Христа-Бога, не можетъ больше, не долженъ больше быть, и не будетъ больше королемъ. И когда мы уничтожимъ его свѣтскую власть, тогда только дадимъ мы религіи въ Италіи этотъ свѣтлый и лучезарный вѣнецъ, котораго она только и можетъ ждать отъ итальянской свободы.

„Но папа хочетъ быть королемъ?.. Онъ имѣетъ покровителей, которые хотятъ, чтобы онъ оставался королемъ?!.. А мы этого не хотимъ (*продолжительныя рукоплесканія*). И такъ какъ онъ не можетъ оставаться королемъ, то найдется и средство какое-нибудь для того, чтобы онъ оставилъ престолъ Виктору-Эммануилу! И когда Викторъ-Эммануилъ будетъ на высотахъ Капитолія, и вся Италія соберется вокругъ него, тогда оправдается слово великаго Макіавелли: „пока въ Италіи будутъ папы, она не будетъ единою; но въ тотъ день, когда папа перестанетъ быть королемъ, Италія сдѣлается великой націей, — она создастся". (*Рукоплесканія*).

Въ заключеніе рѣчи, ораторъ указываетъ на средства, которыми можетъ „создаться" Италія. Эти средства: женщины, журналы, духовенство.

„Женщины! О нихъ я больше буду говорить въ другой разъ. А теперь обращусь къ нимъ лишь съ нѣсколькими словами. Когда наши итальянки поровняются въ героизмѣ сердца съ женщинами Спарты, у насъ будетъ нація! Молитвы, которыя наши матери бормочатъ по-латыни и которыхъ ни онѣ, ни мы не понимаемъ, — къ чему служатъ эти молитвы? Не значитъ-ли это терять время и усилія? Апостолъ Павелъ не сказалъ-ли, что, молясь на языкѣ невѣдомомъ, непонятномъ, — не только теряютъ напрасно время, но и Бога не почитаютъ? Лучше, во сто разъ лучше, попросту, по итальянски сказать одинъ разъ „Padre nostro che sei in cieli", нежели 150 разъ, на всю длину вашихъ четокъ, пролепетать „Ave Maria", т.-е. 150 ненужностей каждый день. Теперь нашимъ юношамъ лучше взять ружье и идти защищать отечество, нежели учиться прислуживать при мессѣ. Матери! Не тѣмъ вы можете теперь увѣнчать и украсить себя, чтобы сдѣ-

лать изъ своихъ дѣтей ипокритовъ и ханжей, но тѣмъ, если вы можете сказать: мой сынъ помогалъ возрожденію Италіи! (*Сильныя рукоплесканія*). Матери! Пусть рукоплесканія этого народа ободрятъ васъ къ тому, чтобы воспитывать отнынѣ не служекъ церковныхъ, а солдатъ, патріотовъ... Да здравствуетъ же добродѣтельная мать-итальянка! (*Новыя рукоплесканія*).

„Журналы! Ихъ много въ Неаполѣ, а Неаполь первенствуетъ во всей Италіи по сокровищамъ своего генія, своей философіи и поэзіи. Журналистика должна пользоваться этимъ прекраснымъ оружіемъ для пользы отечества. Журналисты! Ваше призваніе велико, благородно и возвышенно... Совершайте его, какъ народную святыню! Оставьте упреки, сплетни, личности, которыми ежедневно унижаютъ себя такъ многіе иностранные журналы... Рѣшитесь, однажды навсегда, посвятить себя воспитанію, вразумленію, образованію народа, въ видахъ итальянской народности, итальянскаго единства, надеждъ Италіи, ея будущаго, ея короны!

„Духовенство... Одно слово теперь, потому что я еще обращусь къ нему въ другой разъ... Теперь скажу только: я благодарю Бога, что въ средѣ его нашлись въ Неаполѣ добрые патріоты, хотя, по правдѣ сказать, они далеко не составляютъ большинства... Большинство неаполитанскаго клира, — по своимъ-ли интересамъ, по ханжеству-ли, по алчности-ли, по дурно-ли понятой покорности своему отсталому и австрійскому архіепископу, — показало себя враждебнымъ итальянскому единству... Поэтому клиръ долженствуетъ искупить, возстановить себя предъ лицемъ Италіи, и вотъ что скажу я ему теперь: клиръ, клиръ неаполитанскій! Употребляй теперь въ пользу Италіи то вліяніе, которымъ ты до сихъ поръ столько злоупотреблялъ въ пользу Бурбоновъ и тиранства! (*Рукоплесканія*). Клиръ, клиръ неаполитанскій! Ты злоупотреблялъ алтаремъ, священствомъ, каѳедрой и особенно исповѣдью (*рукоплесканія, особенно въ женской половинѣ слушателей*)... Клиръ,—чтобы угодить безчестнымъ обитателямъ этого дворца, ты унизился даже до ремесла шпіона и полицейскаго доносчика... Клиръ! Изъ-за твоихъ многочисленныхъ доносовъ, множество неаполитанскихъ патріотовъ подверглись тюрьмѣ, каторгѣ, ссылкѣ, казни.... Клиръ, клиръ! Возстань же предъ лицомъ Италіи и Неаполя! Научись отъ твоихъ либеральныхъ священниковъ, отъ немногихъ членовъ твоихъ, умѣющихъ быть истинными патріотами,—научись служить отечеству, служить Италіи,—и мы перестанемъ проклинать клиръ тиранніи, чтобы хвалить, возвеличивать, благословлять клиръ свободы и народности итальянской". (*Рукоплесканія*). Послѣ этого, безъ всякихъ искусственныхъ переходовъ, Гавацци говоритъ: „Неаполитанцы, я кончаю, потому что я уже достаточно говорилъ сегодня". Затѣмъ, онъ обѣщаетъ имъ новую проповѣдь, на

томъ же мѣстѣ, на послѣ-завтра, и провозглашаетъ въ заключеніе „виваты“ Италіи, Гарибальди и Виктору-Эммануилу... Разумѣется, толпа разражается изступленными evviva! и далеко провожаетъ проповѣдника своими криками...

Не прибавляя никакихъ сужденій о достоинствахъ и значеніи переданной нами рѣчи, мы приведемъ еще вторую проповѣдь Гавацци, можетъ быть, самую замѣчательную изъ сказанныхъ имъ. Она направлена противъ нетерпѣливыхъ либераловъ, хотѣвшихъ свободы болѣе для своихъ выгодъ и мало понимавшихъ истинныя стремленія и нужды народа. Отъ нихъ, тотчасъ же по прибытіи Гарибальди въ Неаполь, пошли жалобы: отчего дурно то и другое, отчего тамъ и здѣсь недостатки и неустройства. Одни кричали по глупости, потому что дѣйствительно ожидали мгновеннаго, чудеснаго исчезновенія всего вѣкового зла, едва только Гарибальди явится въ Неаполь, другіе же пользовались людской наивностью для своихъ цѣлей. Такъ, еще до сихъ поръ клерикальныя французскія газеты не могутъ пропустить ни одного безпорядка въ Неаполѣ, чтобы не сказать: „вотъ вамъ и свобода, вотъ и либеральное управленіе, вотъ и Гарибальди... При Бурбонахъ не только ничего хуже не было, но еще, напротивъ, было гораздо больше спокойствія и порядка“... Гавацци, еще въ первые дни послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь, поймалъ подобныя сужденія и понялъ ихъ опасность. Потому во второй своей проповѣди онъ старается уничтожить ихъ, вооружаясь на нихъ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, онъ показываетъ ихъ нелѣпость; во-вторыхъ, убѣждаетъ народъ держать себя такъ, чтобы не мѣшать утвержденію свободы и не подавать повода къ упрекамъ отъ людей, враждебныхъ дѣлу Италіи. Проповѣдь эта стоила бы того, чтобы ее перевести всю сполна, если бы на русскомъ языкѣ удобно было передать всѣ громы, обрушенные проповѣдникомъ на бурбонскую тираннію и всѣ выходки его противъ ложныхъ либераловъ. Мы попытаемся, впрочемъ, представить эту рѣчь такъ, чтобы читатели могли составить о ней нѣкоторое понятіе. Вотъ начало.

„Во всѣхъ странахъ и во всякомъ дѣлѣ бываютъ недовольные. У насъ недовольные, особенно тѣ, которые проиграли свою партію, шепчутъ на ухо: „ну, вотъ и Гарибальди пришелъ; вотъ ужъ онъ восемь дней въ Неаполѣ; что же мы выиграли?“ (Здѣсь ораторъ сопровождаетъ слова свои выразительнымъ и сильнымъ жестомъ; потомъ начинаетъ съ живостью)... Что мы отъ этого выиграли? То, что Бурбоновъ здѣсь нѣтъ больше... Что нѣтъ Франциска II и свиты его шпіоновъ (*Апплодисменты*)... Вотъ что мы выиграли!.. Что хорошаго мы пріобрѣли? А что хорошаго имѣли вы при Бурбонахъ? (*въ толпѣ: ничего! ничего!*) Ничего... Нѣтъ, хуже, чѣмъ ничего, у васъ былъ адъ кромѣшный... У васъ было царство интригановъ,

разбойниковъ, шпіоновъ, палачей, царство политическихъ убійцъ... вотъ ваши выгоды при Бурбонахъ! (*Одобреніе*)... Что вы имѣли при Бурбонахъ, такъ это—лишеніе всякой свободы мысли, всякой свободы слова, печати, собраній, всякой свободы быть человѣкомъ!.. Бурбонъ поставилъ надъ вашей жизнью полицію, благодаря которой вы боялись даже вашихъ родственниковъ, вашей семьи... Вотъ какія преимущества имѣли вы при Бурбонахъ! (*Сильныя рукоплесканія*). Бурбонъ оцѣпилъ васъ полками сбирровъ, которымъ поручено было слѣдить за вашими мыслями, словами и дѣйствіями, и которые все искажали, чтобы жить на вашъ счетъ и чтобы, сверхъ того, опозорить васъ и ваше итальянское имя и повергнуть въ горе и нищету ваши семейства. Вотъ какія выгоды имѣли вы при Бурбонахъ! (*Новыя рукоплесканія*). Вы осчастливлены были полиціею мошенниковъ, въ противность ея настоящему смыслу, потому что она должна защищать честныхъ гражданъ противъ воровъ, мошенниковъ и убійцъ, а полиція Бурбоновъ, напротивъ, покровительствовала ворамъ, мошенникамъ и убійцамъ противъ честныхъ гражданъ. (*Живыя рукоплесканія*).Бурбонъ даровалъ вамъ суды, которые, когда не находили преступленій въ народѣ, нарочно выдумывали ихъ, чтобы ограбить этотъ народъ... Иначе—Викарія, Низида [1])... каторга, ссылка, висѣлица... вотъ ваши выгоды при Бурбонахъ!.. Словомъ, при Бурбонахъ никакой свободы, никакихъ гарантій... Вы не могли тогда даже ночью на вашей постелѣ быть хоть сколько-нибудь спокойными: *домашній обыскъ* каждую минуту могъ возмутить ваше спокойствіе... могъ,—какъ не разъ было доказано,—стоить жизни честнымъ женщинамъ, которыя, страшась позора для ихъ домовъ и мужей, имѣли отвагу бросаться съ высокихъ балконовъ, своей кровью смывая безчестье, которое... (*Взрывъ страшныхъ рукоплесканій заглушаетъ конецъ фразы*). Словомъ, Бурбоны хотѣли изъ перваго итальянскаго народа, перваго по уму, поэзіи, по силѣ философской мысли, по художественнымъ наклонностямъ, по стремленіямъ сердца и по любви къ свободѣ, — хотѣли сдѣлать послѣдній изъ народовъ Италіи, угнетая и сдавливая неаполитанцевъ до того, чтобы они не только не были итальянцами, но вовсе перестали быть людьми. Вотъ что даровалъ вамъ Бурбонъ! (*Въ толпѣ крики и ругательства на Бурбоновъ*).

„А что вамъ далъ Гарибальди? Свободу, свободу, свободу! (*Взрывъ аппллодисментовъ и* evviva *Гарибальди*). И когда онъ далъ намъ свободу... (*радостный шумъ народа не даетъ оратору кончить фразу*). Дайте мнѣ этотъ Везувій, дайте мнѣ этотъ заливъ, дайте всѣ эти красоты природы, которыя дѣлаютъ изъ Неаполя земной рай, — дайте мнѣ ихъ безъ свободы—вы мнѣ дадите пустыню, ночь, адъ! (Въ толпѣ: *отлично, от-*

---

[1]) Тюрьмы въ Неаполѣ.

лично!) И дайте мнѣ пустыню, голую скалу, дайте клочокъ земли, самый дикій, безплодный, заброшенный,—дайте мнѣ ихъ съ свободой, и я съумѣю сдѣлать изъ нихъ рай! (*Рукоплесканія*). Народъ, не имѣющій свободы, ходитъ во тьмѣ; имѣя свободу, онъ ходитъ во свѣтѣ. Благословенъ же свѣтъ и благословенъ тотъ, кто намъ принесъ его!"

Вызвавъ затѣмъ въ слушателяхъ еще нѣсколько восторженныхъ восклицаній въ честь Гарибальди и нѣсколько новыхъ проклятій Бурбонамъ, Гавацци приступаетъ къ главному предмету своей рѣчи—къ опроверженію несправедливыхъ претензій тѣхъ, которые хотѣли бы отъ единаго присутствія Гарибальди въ Неаполѣ чудеснаго и мгновеннаго исцѣленія всѣхъ прежнихъ золъ.

„Съ тѣми, кто хочетъ всего вдругъ,—говоритъ ораторъ,—я объяснюсь просто. Представьте себѣ болото, обширную топь близъ берега моря; вода тамъ стоячая, изъ тины поднимаются гнилые, смертоносные міазмы; нуженъ токъ воды, чтобы очистить это болото. Знающій человѣкъ заготовилъ этотъ токъ воды въ особомъ резервуарѣ; онъ поднимаетъ шлюзы, потокъ устремляется впередъ, падаетъ на болото и бѣжитъ къ морю, унося съ собою міазмы и гниль... Но когда вода сбѣжала, вы находите на землѣ камни, песокъ, всякую дрянь, которую нанесла съ собою вода въ своемъ стремленіи... Тогда является искусный инженеръ, гидравликъ, человѣкъ, который велитъ очистить пространство отъ всего лишняго и устраиваетъ для потока постоянное ложе, уничтожая такимъ образомъ болото и избавляя мѣстность отъ зловредныхъ міазмовъ. Приложите это къ Неаполю. Подъ правленіемъ, заслужившимъ названіе „отрицанія Бога", —Неаполь представлялъ болото, грязную топь, полную гнили, зловонія, удушья, смерти... Нуженъ былъ потокъ оживляющій; онъ былъ готовъ въ итальянской идеѣ... Пришелъ человѣкъ Варезе и Калатафими и поднялъ шлюзы; потокъ устремился на болото,—и съ того самаго мѣста, гдѣ плѣсневѣлъ бурбонизмъ. къ намъ явилась свобода. (*Рукоплесканія*). Но свободный потокъ оставилъ и здѣсь послѣ себя песокъ, камни, всякую дрянь,—это вчерашніе и утрешніе либералы, либералы для своего чрева! (*Хорошо*!)... Теперь придетъ гидравликъ, который все это устроитъ"...

Но, чтобы устройство это было возможно и удобно, Гавацци требуетъ отъ всѣхъ неаполитанцевъ истиннаго содѣйствія общему дѣлу. „Знайте,—говоритъ онъ, — что отечество не создается пѣснями, гимнами, стихами, праздниками, иллюминаціями, но основывается самоотверженіемъ, совокупностью самоотверженій всѣхъ и каждаго, потому что тогда каждый способствуетъ осуществленію того, чего желаютъ всѣ". Далѣе, развивая свою мысль, Гавацци сильно и язвительно нападаетъ на тѣхъ либераловъ, которые только и хлопочутъ о томъ, какъ бы получить мѣсто при новомъ

правительствѣ, и, не получая ничего, вдругъ оказываются недовольны новымъ порядкомъ и сбиваютъ съ толку даже патріотовъ искреннихъ. Пространно доказываетъ онъ всю естественность того, что вѣковое зло не могло быть совершенно уничтожено въ нѣсколько дней, но что уже самая возможность приступить къ реформамъ, данная Неаполю вмѣстѣ съ избавленіемъ отъ Бурбоновъ, составляетъ великое пріобрѣтеніе. Далѣе онъ переходитъ къ тѣмъ, которые недовольны оставленіемъ на мѣстахъ многихъ изъ прежнихъ чиновниковъ-бурбонистовъ. Здѣсь Гавацци различаетъ бурбонистовъ на три разряда: бурбонистовъ-палачей, какъ онъ называетъ, — которыхъ нужно непремѣнно притянуть къ общественному суду, и которые не заслуживаютъ никакой пощады; умѣренныхъ, которые были усердными исполнителями бурбонскихъ приказовъ, и которыхъ нужно отстранить, если они занимали видныя мѣста, но не преслѣдовать, и бурбонистовъ равнодушныхъ, которыхъ вовсе не нужно трогать. Мысль свою Гавацци объясняетъ такимъ образомъ: „они служили въ канцеляріяхъ и судахъ, на низшихъ должностяхъ, писали, что имъ прикажутъ, но не были ни въ чемъ виноваты, потому что перо переписчика вѣдь не разсуждаетъ: оно принадлежитъ тому, кто платитъ; если это Бурбоны, оно пишетъ: „да здравствуютъ Бурбоны“, если Гарибальди, — „да здравствуетъ Гарибальди!“ Поэтому нечего и заниматься ими; такихъ людей множество во всѣхъ странахъ, и если бы всѣхъ ихъ мѣнять при каждой перемѣнѣ правительства, такъ пришлось бы дѣлать множество несчастныхъ и, сверхъ того, производить каждый разъ остановку и путаницу въ ходѣ дѣлъ... Вонъ въ Америкѣ каждые четыре года мѣняютъ правительство; какъ же сдѣлываются съ чиновниками? Ставятъ на всѣ самостоятельныя и важныя мѣста людей, преданныхъ новому правительству, а остальныхъ не трогаютъ: они будутъ дѣлать, что имъ прикажутъ“... Но тѣмъ съ большею силою возстаетъ Гавацци на людей, которые „5-го сентября бѣгали за Бомбичелло въ Пьедигрота, — плакать тамъ съ нимъ передъ Мадонною; а при вступленіи Гарибальди въ Неаполь бѣгали съ криками: „viva Garibaldi“... Противъ этихъ господъ возбуждаетъ онъ общественное негодованіе, ихъ считаетъ однимъ изъ главнѣйшихъ неудобствъ, оставшихся послѣ „очищенія болота“. „Я не могу довѣрять, — говоритъ онъ, — когда вижу украшенную національными знаменами вотъ эту церковь, или когда встрѣчаю на улицѣ человѣка съ извѣстнаго рода усами, за версту обличающими стариннаго сбирра, и въ то же время съ трехцвѣтной кокардой... (*Народъ апплодируетъ*). Настоящему либералу не надо выставляться, не надо показывать кокарды, потому что его и такъ узнаютъ, и повѣрьте — чѣмъ больше у человѣка кокарда, тѣмъ меньше любви къ свободѣ“.

Далѣе, согласно съ видами всѣхъ передовыхъ людей Италіи, Гавацци

говоритъ въ пользу соединенія съ Пьемонтомъ, совѣтуя для этого оставить всѣ мечты объ автономіи и пожертвовать на этотъ разъ даже республиканскими тенденціями. „Республика!“ восклицаетъ онъ: „а гдѣ же республиканцы? Вѣдь не республика республиканцевъ дѣлаетъ, а они должны образовать республику... Ну, а республиканца истиннаго, по сердцу, по душѣ, подвигамъ и жертвамъ, республиканца по строгой добродѣтели и по скромнымъ требованіямъ,—я знаю въ Италіи одного, это Іосифа Гарибальди... И Іосифъ Гарибальди не хочетъ республики!..“ Продолжая затѣмъ убѣждать всѣхъ въ необходимости единства для безопасности и силы Италіи. Гавацци заключаетъ рѣчь обѣщаніемъ поговорить на другой день подробнѣе о самой формѣ присоединенія къ королевству Италіи, и оканчиваетъ виватами Гарибальди и возгласами противъ Бурбоновъ. Народъ, увлеченный его словами, разражается неистовыми криками, которые продолжаются еще долго спустя послѣ того, какъ проповѣдникъ сошелъ съ своей каѳедры.

Третья проповѣдь Гавацци посвящена разсужденію о немедленномъ и безусловномъ присоединеніи къ Пьемонту и о томъ, какъ народъ долженъ всегда быть на-сторожѣ противъ реакціи. Въ этой рѣчи видно большое недовѣріе проповѣдника къ туринскому министерству (которое дѣйствительно въ эти самые дни хлопотало о томъ, какъ бы остановить Гарибальди) и увѣренность, что правленіе Гарибальди въ Неаполѣ должно какъ можно дольше остаться независимымъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Это особенно выражаетъ онъ, характеризуя поведеніе дипломатовъ и говоря о разрушеніи форта Сентъ-Эльмо. Эти два мѣста мы и приведемъ изъ третьей проповѣди, такъ какъ характеръ и манера проповѣдника намъ ужъ извѣстны, а сами по себѣ остальныя мѣста представляютъ чисто мѣстный и случайный интересъ.

„Надобно очень желать, друзья мои,—говоритъ Гавацци,—чтобы никто не явился портить наши дѣла. Успѣхи Гарибальди слишкомъ велики для того, чтобы дипломація не пришла отъ нихъ въ безпокойство... а я боюсь этой беззубой, старой дуэньи, которую называютъ дипломаціей. Я боюсь, чтобы она всего здѣсь не изгадила. Судите сами, какъ она злонамѣренна: въ прошедшемъ году, въ Средней Италіи мы хотѣли присоединенія *тотчасъ же*, потому что боялись потерять время и не успѣть получить въ короли Виктора-Эммануила. Видя это, дипломація водила и волочила насъ одиннадцать мѣсяцевъ и заставила ждать присоединенія отъ 27 апрѣля 1859 до 18 марта 1860 года. Вотъ какъ она работала для насъ, эта старушка дипломація!.. Она надѣялась, что мы соскучимся, что сдѣлаемъ какое-нибудь яркое преступленіе, какой-нибудь промахъ, способный возмутить общественный порядокъ и дать ей поводъ *вмѣшаться* и привести дѣла къ старому положенію.

„Но, по счастію, мы уже знакомы съ этой старушкой. И мы сказали ей: „прочь! Мы ничего знать не хотимъ изъ твоихъ готическихъ ухищреній!“ И мы создавали Италію и присоединеніе—въ терпѣніи, спокойствіи и порядкѣ... А здѣсь и въ Сициліи дипломація дѣйствуетъ наоборотъ: она хлопочетъ, чтобы привести народъ къ *безотлагательному* присоединенію,—потому что она знаетъ, что ежели народъ на это согласится, и согласится сейчасъ же, то революція не пойдетъ дальше теперешней черты, и, слѣдовательно, Италія не будетъ *единою*...

„Друзья мои! Только революція можетъ „создать Италію“, а дипломація никогда ее не создастъ. Если революція создастъ Италію, дипломація припуждена будетъ признать ее, какъ совершившійся фактъ; но если мы сами не создадимъ Италію, дипломація раздѣлитъ насъ еще разъ и не допуститъ *единой Италіи*, потому что слишкомъ боится ея... (*Хорошо! Браво!*) Итакъ, между Гарибальди и дипломаціей—цѣлая пропасть... Гарибальди представляетъ собою нашу побѣдоносную революцію, которая означаетъ—возстановленіе правъ народа противъ злоупотребленій властителей. А дипломація означаетъ—возстановленіе правъ герцоговъ и короля противъ правъ народа... (*Единодушные крики одобренія въ толпѣ*).

„Вотъ почему, — замѣтьте, до чего я простираю революціонную щекотливость,—вотъ почему для меня подозрителенъ теперь даже приходъ къ намъ пьемонтскихъ отрядовъ. Эти отряды, вездѣ желанные и принимаемые съ радостью, здѣсь, въ эту минуту, представляютъ странное противорѣчіе самой же пьемонтской политикѣ, обнаруженной относительно Средней Италіи. Тамъ, какъ скоро дѣло пошло о присоединеніи, Викторъ-Эммануилъ отозвалъ своихъ королевскихъ коммиссаровъ изъ Флоренціи, Болоньи, Пармы, чтобы не сказали, что присоединеніе было присовѣтовано, вызвано, вытребовано королевскими коммиссарами... Теперь—возможно ли, чтобы дипломація не сказала: „Неаполитанцы вотировали присоединеніе, потому что въ Неаполѣ было много пьемонтскихъ полковъ!“—Это, конечно, дало бы право думать, что тутъ было принужденіе и насиліе, между тѣмъ какъ мы хотимъ быть свободными, и мы дѣйствительно свободны, такъ какъ желаніе присоединенія никѣмъ не было намъ навязано,—неаполитанцы хотѣли его еще до прихода Гарибальди и теперь хотятъ его своей царственной народной волей“.

Въ этой-то проповѣди, предостерегая народъ отъ реакціи, Гавацци, требовалъ разрушенія форта Сентъ-Эльмо, Castello dell Carmine и Castello dell'Novo. Доказавъ, что они не могутъ служить достаточной защитой для города и указавъ на примѣръ Англіи, оборону свою полагающей не въ укрѣпленіяхъ, а въ корабляхъ, Гавацци совѣтуетъ немедленно представить диктатору адресъ, требующій очищенія фортовъ и дозволенія раз-

рушить ихъ. Побуждая народъ къ исполненію этого совѣта, Гавацци говоритъ:

Не забудьте того, что говоритъ вамъ болонскій монахъ, только-что возвратившійся послѣ изгнанія и потому обращающій къ вамъ рѣчи простыя, но практическія, — безъ краснорѣчія, безъ поэзіи, безъ силы, но практическія... Если вы не разрушите этихъ фортовъ во время диктатуры Гарибальди, — вы ихъ *никогда* не разрушите. И знаете — почему? Потому что послѣ присоединенія овладѣетъ ими воинское начальство и, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, сохранитъ ихъ, такъ что вы вѣчно будете имѣть надъ собою эту угрозу, этотъ кошмаръ. Для военной силы укрѣпленіе, — это то же, что въ анекдотѣ курица, зашедшая въ пятницу на дворъ деревенскаго кюре (попа). Увидавъ ее, онъ воскликнулъ: „она жирна, она превосходна, изъ нея будетъ мнѣ славное блюдо сегодня". — Но, отецъ святой, сегодня пятница. — „Пятница?" и попъ начинаетъ трепать свою теологію (*смѣхъ*) и говоритъ себѣ: „если Господь послалъ мнѣ на дворъ курицу, значитъ — онъ хочетъ, чтобъ я ее съѣлъ; если послалъ ее сегодня, когда у меня страшный аппетитъ, — знакъ, что я долженъ съѣсть ее сегодня; но сегодня пятница — значитъ, Господь хочетъ, чтобъ я съѣлъ курицу въ пятницу. Да будетъ воля Господня!" Такъ точно разсуждаетъ и воинское начальство объ укрѣпленіяхъ".

Приведши далѣе нѣсколько примѣровъ разрушенія укрѣпленій въ Брешіи, Феррарѣ, Перуджіи и Генуѣ, Гавацци, къ концу проповѣди, вызываетъ неистовыя рукоплесканія народа — и кажется, что непосредственно послѣ этой рѣчи неаполитанцы дѣйствительно бросились къ Гарибальди съ просьбою о разрушеніи замка. Къ сожалѣнію, Гарибальди нашелъ это почему-то неудобнымъ и успокоилъ народъ тѣмъ обѣщаніемъ, что отнынѣ навсегда Сентъ-Эльмо будетъ предоставленъ національной гвардіи Неаполя. Послѣ того, когда совершилось присоединеніе, какъ предвидѣлъ Гавацци, уже не было для народа благопріятнаго случая возобновить свое требованіе, и Сентъ-Эльмо, памятникъ столькихъ ужасовъ, тюрьма и мѣсто казни столькихъ итальянскихъ мучениковъ, до сихъ поръ стоитъ надъ Неаполемъ, какъ будто грозя его новорожденной свободѣ.

Четвертая изъ напечатанныхъ рѣчей Гавацци отличается болѣе всѣхъ своимъ народнымъ складомъ, котораго никакъ нельзя передать въ переводѣ. Въ ней, впрочемъ, онъ повторяетъ большею частію прежнія темы, только останавливаясь на нѣкоторыхъ предметахъ долѣе, чѣмъ въ другихъ рѣчахъ. Началъ онъ довольно оригинально. Это было вечеромъ, на площади del Palazzo, какъ разъ между двухъ статуй — Карла III и Фердинанда I, поставленныхъ передъ церковью San Francesco di Paolo. Толпа уже ожидала Гавацци и привѣтствовала его появленіе рукоплесканіями. Онъ взо-

шелъ на возвышеніе, посмотрѣлъ направо и налѣво, покивалъ на статуи, блестѣвшія въ лунномъ свѣтѣ, и — захохоталъ, потомъ, мало-по-малу, сталъ болѣе серьезнымъ и принялся убѣждать неаполитанцевъ къ сохраненію внутренняго согласія и къ бодрому отпору всѣхъ попытокъ старой реакціи. Въ числѣ средствъ для утвержденія добрыхъ началъ въ народѣ, Гавацци главнѣе всего признаетъ участіе женщинъ, и потому страшно возстаетъ на монастырское, мертвое и ханжеское воспитаніе, какое онѣ обыкновенно получали въ Неаполѣ. Наконецъ, обращается и къ самому духовенству.

„Что касается до клира, пусть онъ видитъ во мнѣ друга, скорѣе по тѣмъ суровымъ, но честнымъ упрекамъ, которые я ему дѣлаю, — нежели, какъ если бы я льстилъ ему... Я уже сказалъ, что неаполитанское духовенство въ большей части должно измѣниться совершенно. Прилагая къ нему слова патмосскаго старца, я скажу ему: клиръ! тебѣ должно возстать изъ глубины твоего уничиженія. Клиръ! Не забудь, что на службѣ твоимъ Бурбонамъ ты допустилъ себя пасть въ самыя смрадныя пропасти позора, безчестья и проклятія! Выдь изъ этой тины, возстань, возстань отъ дыханія новой Италіи и увѣнчайся ореоломъ итальянскаго либерализма! (*Рукоплесканія*). Да, такъ возстанетъ клиръ нашъ!..

„Но клиръ, чтобы себя не скомпрометировать и чтобы избѣжать труда, говоритъ теперь: „я не вмѣшиваюсь въ политическіе вопросы; я не могу входить въ эти свѣтскія дѣла“... Но до сихъ поръ вы *слишкомъ* занимались ими; не сумѣете-ли тоже *немножко* заняться и теперь? Но нѣтъ, — я даже и не требую, чтобъ вы ими занимались; я не говорю: всходите на каѳедру съ тѣмъ, чтобы говорить о политической экономіи, о дипломаціи, о средствахъ создать Италію. Нѣтъ, я этого не требую; но за то я говорю: клиръ! прежде чѣмъ составлять эту реакцію, по милости которой сидитъ теперь въ тюрьмѣ столько поповъ и монаховъ, прежде чѣмъ проповѣдывать въ пользу Бурбоновъ, — не вмѣшиваясь въ политику, говорите о согласіи, о братствѣ, о любви, говорите о евангеліи! (*Рукоплесканія*). Евангеліе за насъ и съ нами; евангеліе за Италію, а не противъ нея; говорите же о евангеліи. И если вамъ нечего больше сказать, говорите о любви къ отечеству: это любовь, освященная Христомъ, имъ прославленная и благословенная... Такимъ образомъ можно загладить дурную репутацію и расположить къ себѣ общественное мнѣніе. И пусть на будущее время, при встрѣчѣ съ священникомъ, не открещиваются, какъ будто увидавъ сатану, а улыбаются ему, какъ другу“.

Въ заключеніе рѣчи, Гавацци назначаетъ время слѣдующей проповѣди — въ день св. Януарія, послѣ совершенія чуда. Это опять даетъ ему поводъ обратиться къ духовенству.

„Кстати, въ Неаполѣ распускаютъ слухи, — я это знаю, — да, распу-

скаютъ слухи, что св. Януарій чуда не сотворитъ [1]). Но святой Дженнаро сотворитъ его, потому что св. Дженнаро, бывшій добрымъ якобинцемъ въ 1799 году, будетъ славнымъ гарибальдійцемъ въ 1860 (*рукоплесканія*). Я увѣренъ, что св. Дженнаро лучше умѣетъ вести дѣла, чѣмъ неаполитанскій архіепископъ (*смѣхъ*) [2]). Однако же распускаютъ слухъ, что чуда не будетъ. А если и нѣтъ,—надѣюсь, что небо оттого не разрушится, и что мы сами и безъ чуда останемся сынами Божіими, искупленными Христомъ. Я надѣюсь... Но — вы, свѣтскіе, не слушайте, я говорю только духовнымъ, — смотрите, чтобы, въ случаѣ неудачи чуда, Гарибальди не послѣдовалъ примѣру одного извѣстнаго французскаго генерала, который заставилъ святого сдѣлать свое чудо въ пятнадцать минутъ... и чтобы Италія и Европа не вывели изъ этого, что св. Дженнаро творитъ чудеса, когда это угодно духовенству (*рукоплесканія*). Я очень льщу себя тѣмъ, что какой-нибудь шпіонъ донесетъ мои слова его эминенціи—кардиналу, и что вслѣдствіе того его эминенція соизволитъ даровать намъ чудо св. Дженнаро (*смѣхъ*)... Шуты!.. Трижды шуты!.. Народъ хочетъ религіи, а не поповскихъ обмановъ! Возьмите же совѣсть, господа, и не увѣряйте насъ, что Богъ творитъ чудеса по вашей командѣ!"

19-го сентября, вечеромъ, Гавацци дѣйствительно проповѣдывалъ, опять на томъ же мѣстѣ, и очень хвалилъ св. Дженнаро, даже назвалъ его „galantuomo", за то, что онъ пунктуально совершилъ свое обычное чудо... Затѣмъ, онъ дѣлалъ очеркъ борьбы за свободу въ Италіи, увѣщевалъ продолжать ее неутомимо, возставалъ опять противъ дурныхъ священниковъ, противъ церковныхъ судовъ и тюремъ, установленныхъ въ Неаполѣ вслѣдствіе конкордата, и возбуждалъ къ учрежденію въ Неаполѣ домовъ призрѣнія и дѣтскихъ пріютовъ.

Затѣмъ, еще нѣсколько разъ проповѣдывалъ онъ: противъ іезуитовъ, когда было рѣшено ихъ изгнаніе, въ пользу присоединенія, передъ самымъ вотированіемъ, и пр. Каждый разъ онъ былъ принимаемъ съ восторгомъ, и каждый разъ темы его проповѣдей были жизненны и близки къ положенію народа и сопровождались болѣе или менѣе ощутительными практическими послѣдствіями.

---

[1]) Несовершеніе чуда (разжиженіе крови св. Дженнаро) принято было бы за гнѣвъ небесный и могло произвести значительные безпорядки. Еще въ 1799 г. духовенство хотѣло не дѣлать чуда, когда въ Неаполь вошелъ Шампіоннэ; но Шампіоннэ обѣщалъ повѣсить архіепископа, если черезъ четверть часа чуда не будетъ,— и оно было.

[2]) Тономъ Гавацци нечего соблазняться неаполитанцы вообще любятъ обходиться съ своими святыми за панибрата.

Отецъ Гавацци былъ поставленъ въ совершенно исключительное положеніе въ своей проповѣднической дѣятельности въ Неаполѣ, часть которой мы сообщили читателямъ. Его нелѣпо было бы ставить общимъ образцомъ для другихъ католическихъ проповѣдниковъ. Но, съ другой стороны, нельзя не согласиться съ справедливостью упрековъ, которые онъ дѣлаетъ неаполитанскому духовенству. Оно дѣйствительно унижало себя и вооружало противъ себя общее мнѣніе тѣмъ, что не хотѣло понять новое движеніе и принять въ немъ участіе. Духовенство въ южной Италіи — въ неаполитанскихъ и римскихъ владѣніяхъ — вообще отличается невѣжествомъ и самыми порочными наклонностями. Вслѣдствіе безбрачія, рѣдкій изъ духовенства не замѣшивается здѣсь въ какой-нибудь женской скандальной исторіи... и даже не только въ женской... Кромѣ того, ихъ всѣхъ, а нѣкоторые монашескіе ордена въ особенности, обвиняютъ въ страшной жадности къ деньгамъ; бѣлое же духовенство подвергается повсемѣстно упреку въ сластолюбіи и чрезмѣрной прожорливости... Анекдоты о кардиналахъ, монахахъ, кюре, отцахъ духовныхъ (padre confessore) неисчислимы по всей Италіи; самыя рѣзкія примѣненія, самыя обидныя остроты и пословицы про нихъ приходится слышать на каждомъ шагу. Трудно повѣрить, чтобы народъ столь суевѣрный, такъ боящійся своего духовенства, въ то же время такъ издѣвался надъ нимъ. И однако же духовные въ Италіи сумѣли довести себя до этого. Въ Римѣ ихъ ненавидятъ, но, конечно, боятся, потому что они вмѣстѣ съ тѣмъ и властители страны. Въ Неаполѣ тоже боялись, потому что духовенство всегда пользовалось покровительствомъ Бурбоновъ и нерѣдко, какъ утверждаютъ, помогало полиціи въ ея розыскахъ, выдавая тайну исповѣди. Слѣдовательно, и здѣсь духовенство было въ нѣкоторомъ родѣ *властію*, начальствомъ, могло погрозить тюрьмою и исполнить угрозу, могло и открыть путь къ почестямъ. Но любви народной оно не успѣло заслужить чрезъ это и еще болѣе потеряло въ общемъ мнѣніи въ послѣднее время владычества Бурбоновъ: оно не поняло своего положенія и не перевернулось во-время...

Либеральное направленіе въ Неаполѣ невидимо возростало и усиливалось задолго до прихода Гарибальди. Но правительство Франческо не хотѣло придавать ему рѣшительнаго значенія и полагало, что можно порѣшить съ нимъ нѣсколькими арестами и казнями. Эту увѣренность вполнѣ раздѣляло и духовенство неаполитанское. Не ожидая торжества новыхъ идей, оно продолжало льнуть къ бурбонскому правительству и выказывать ему свое усердіе. Правда, что съ Бурбонами связывало клиръ единство началъ и стремленій, а противники Бурбоновъ были уже, по самому существу дѣла, врагами и духовенства, въ особенности монашескихъ орденовъ. Но все же, вѣроятно, всѣ эти кардиналы и аббаты оказали бы ме-

нѣе усердія, если бы предвидѣли рѣшительное паденіе Бурбоновъ: тогда бы они, вѣроятно, не занимались *слишкомъ* политикой, какъ говоритъ Гавацци. А то теперь они, вѣрные своимъ покровителямъ, принялись за самую непопулярную проповѣдь. Прежде, ихъ проповѣди просто были безплодны и мертвы: толковали о святости католической церкви, въ отвлеченіи, о духовномъ совершенствѣ, достижимомъ для однихъ избранныхъ, о догматѣ иммакулатнаго зачатія, и пр. т. п. Но теперь принялись наполнять свои бесѣды намеками и прямыми выходками противъ итальянскаго движенія, Гарибальди, Виктора-Эммануила, и пр. Само собою разумѣется, что это былъ плохой разсчетъ: заказныя увѣщанія ни на кого не дѣйствовали, а только развѣ раздражали умы противъ проповѣдниковъ. Тутъ-то особенно они въ общемъ мнѣніи и наложили на себя то позорное пятно, которое смыть истиннымъ патріотизмомъ убѣждаетъ ихъ Гавацци.

Противъ Гавацци сильно возставали клерикальныя газеты, не говоря о запрещеніяхъ и преслѣдованіяхъ со стороны римскаго двора. Проповѣдническую дѣятельность отца Гавацци честили именемъ анархическаго агитаторства, признавали ее противною не только христіанству, но и всякой религіи. Изъ довольно полнаго очерка проповѣдей его, сдѣланнаго нами, видно, до какой степени справедливы эти обвиненія. Правда, Гавацци отличается отъ истыхъ проповѣдниковъ католической церкви въ содержаніи своихъ бесѣдъ съ народомъ: онъ рѣзко нападаетъ на бурбонское правительство, нападаетъ на раболѣпство и эгоизмъ духовенства, на монастырское воспитаніе дѣвицъ, даже на свѣтскую власть папы; онъ смѣется надъ мнимымъ чудомъ крови св. Дженнаро, восхваляетъ отлученнаго отъ церкви Гарибальди и его волонтеровъ, и т. д. Но если взять христіанство въ истинномъ его смыслѣ, безъ тѣхъ прибавокъ и искаженій, которымъ оно подверглось въ римско-католической церкви, то едва-ли Гавацци будетъ къ нему не ближе, чѣмъ кардиналы и аббаты, какъ относительно догматовъ, такъ и въ самомъ духѣ всего ученія. Гавацци, напримѣръ, не признаетъ обязательнымъ безбрачія духовенства; на обвиненія, что онъ женатъ, онъ отвѣчалъ публично, въ одной бесѣдѣ съ народомъ: „я бы не счелъ этого грѣхомъ и не побоялся бы сказать, если бы это было правда; но я не женатъ, потому что у меня одна любовь, одна жена—это Италія“. Мы знаемъ, что въ этомъ вопросѣ онъ правѣе римскаго двора. Тоже и въ отношеніи къ вопросу о свѣтской власти папы. Но главное—то, что по самому духу своей проповѣди онъ гораздо ближе къ смыслу евангелія, нежели римскій дворъ и его клевреты. Въ стремленіяхъ къ расширенію своей свѣтской власти, римское духовенство вошло въ тѣсныя обязательства съ правительствами и теперь поставлено въ та-

кое положеніе, что должно употреблять всѣ свои силы не на пользу народа, а противъ него, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является столкновеніе интересовъ народа съ правительственными. А это было и бываетъ въ католическихъ земляхъ очень нерѣдко. Въ Неаполѣ, напримѣръ, народъ былъ угнетаемъ, подвергался безпрестанно самымъ жестокимъ несправедливостямъ, страдалъ подъ тяжестью произвола и подкупности чиновниковъ, жадности землевладѣльцевъ и свирѣпой подозрительности полиціи. Дѣло духовенства было, разумѣется, по закону Христову, — защитить угнетенныхъ, сказать слово правды за праваго, обличить обидчика; но объ этомъ духовенство и не думало. Напротивъ, основывая всю свою силу на покровительствѣ Бурбоновъ и знатныхъ лицъ, оно дѣлалось по необходимости поборникомъ неправосудія, произвола, насилія; оно помогало священными средствами полицейскимъ розыскамъ, оно извращало народный смыслъ, толкуя ему только о его презрѣнности, ничтожности, и убѣждая въ законности и правдѣ всякихъ гадостей, выдумывавшихся какимъ-нибудь Делькаррето, Манискальво, Айоссою и другими безсовѣстными и свирѣпыми сановниками Обѣихъ Сицилій. Такимъ образомъ, церковь, въ своихъ неаполитанскихъ представителяхъ, рѣшительно уклонилась отъ смысла Христова ученія и сдѣлалась не поборницею правды и братской любви, а рабою сильныхъ міра сего, предательницею и обманщицею меньшихъ братій. И это вовсе не было удивительно послѣ того, какъ римское духовенство уже разъ разошлось съ народомъ и нашло себѣ опору въ тѣхъ, чьи интересы были прямо противоположны народнымъ. Нельзя было ему начать говорить правду, потому что тогда всѣ власти Обѣихъ Сицилій, да и самъ римскій дворъ, возстали бы противъ него, а народъ вовсе не расположенъ былъ его поддерживать. Поэтому и тянулась между бурбонскимъ правительствомъ и католическимъ духовенствомъ та круговая порука, при которой они, подкрѣпляя другъ друга, смѣло шли къ большему и большему отягченію судьбы народа... Но странно одно: что католическое духовенство, весьма хитрое и ловкое, при всемъ своемъ теоретическомъ невѣжествѣ, не поняло своего положенія и не разсчитало своихъ шансовъ въ послѣдніе годы. Теперь большая часть поповъ и въ Неаполѣ стала либеральна, то-есть, расположена къ конституціи, дурно говоритъ объ Австріи и Бурбонахъ и даже порою произноситъ трогательныя тирады въ честь ревнителей свободы и мучениковъ итальянской идеи. Но, какъ видно, обращеніе ихъ не придало имъ особеннаго вѣса въ общественномъ мнѣніи: въ Неаполѣ нерѣдко съ насмѣшливою улыбкою выслушиваютъ этихъ либеральныхъ проповѣдниковъ, съ небольшимъ за годъ призывавшихъ громы небесные на главы вольнодумцевъ, противящихся законному порядку, установленному бурбонскими начальниками полиціи. Можетъ быть, этихъ улы-

бокъ было бы и меньше или и совсѣмъ не было, если бы священники и монахи католическіе—ужъ не говоримъ прониклись истиннымъ евангельскимъ духомъ, а хоть бы сдѣлали вѣрный разсчетъ о томъ, въ какомъ они находятся положеніи и что ихъ ожидаетъ въ скоромъ времени. Имъ виднѣе другихъ было расположеніе умовъ въ Неаполѣ и въ Сициліи: вѣдь они завѣдывали воспитаніемъ и исповѣдью. Они знали и видѣли, что терпитъ народъ, въ какой мѣрѣ онъ озлобленъ, хотя и молчаливо, внутренно озлобленъ. Имъ была извѣстна частная жизнь, семейныя и гражданскія отношенія всѣхъ и каждаго, они могли скорѣе всѣхъ другихъ сообразить, насколько тяжелъ для неаполитанцевъ существующій порядокъ и надолго-ли еще станетъ ихъ терпѣнія... Зная же все это, они могли и должны были во всякомъ случаѣ, даже въ качествѣ друзей Бурбоновъ, заговорить другимъ языкомъ, принять другой образъ дѣйствій: не подло-льстивыя восхваленія сильныхъ лицъ, а правдивыя обличенія и угрозы должны были говорить они, даже хоть бы въ тѣхъ видахъ, чтобы спасти правительственную партію отъ окончательно-гибельныхъ безумствъ и открыть ей глаза на настоящее положеніе дѣлъ. Да и народу они должны были бы внушать здравыя понятія о его правахъ, объ общественныхъ отношеніяхъ, о значеніи его въ государствѣ, — затѣмъ, чтобы разумно и послѣдовательно привести его къ практикѣ благоустроенной гражданской жизни,— а не разглагольствовать о его презрѣнности и низости, чтобы тѣмъ все болѣе раздражать его и заставить прямо броситься изъ-подъ полицейской палки въ пламя революціи...

Такъ, говоримъ, должны бы дѣйствовать католическіе проповѣдники и вообще духовные, даже въ качествѣ друзей бурбонской партіи, если бы они только сдѣлали вѣрный разсчетъ о положеніи дѣлъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Очень можетъ быть, впрочемъ, что многіе изъ нихъ и дѣлали подобный разсчетъ; умнѣйшіе изъ клира понимали давно, что бурбонскій порядокъ непроченъ, но у нихъ недоставало характера перевести свой разсчетъ въ практику. Да притомъ же и римскій дворъ много мѣшалъ: рѣшиться противодѣйствовать нелѣпому произволу бурбонскихъ сановниковъ, значило навлечь на себя негодованіе не только свѣтской власти, но и своей, духовной, всегда требовавшей отъ низшаго клира полнаго угожденія тѣмъ правительствамъ, которыя хорошо ведутъ себя въ отношеніи къ римскому двору. Такимъ образомъ, съ одной стороны, малодушная боязнь лишиться нѣкоторыхъ привилегій матеріальныхъ, а съ другой—не менѣе малодушный страхъ предъ осужденіемъ и даже, пожалуй, отлученіемъ папскимъ,— удерживали даже умнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ, и неаполитанское духовенство продолжало раболѣпствовать неправой власти и предавать народъ произволу его угнетателей.

Немногіе, самые смѣлые, презрѣли матеріальныя выгоды и обрекли себя на изгнаніе, преслѣдованія, скитальческую жизнь, чтобы возвѣщать народу слово правды, чтобы громить сильныхъ угнетателей. Въ числѣ ихъ особенно выдается Гавацци. Можно ли осуждать его за выходки противъ Бурбоновъ и ихъ клевретовъ? Можно-ли утверждать, что онъ въ проповѣдяхъ своихъ далѣе отъ духа Христова ученія, нежели раболѣпный клиръ, благословлявшій и защищавшій столько неправдъ и жестокостей при Бурбонахъ? Говорятъ, слово Христово—есть слово мира и любви, а не мщенья и проклятія... Но вѣдь къ любви и согласію постоянно призываетъ Гавацци въ своихъ проповѣдяхъ; онъ даже съ особеннымъ стараніемъ сдерживаетъ народное негодованіе противъ бурбонскихъ приверженцевъ, онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать различіе между ними и самыхъ худшихъ „палачей" совѣтуетъ призвать къ общественному суду, но не оскорблять напрасно... А что онъ рѣзко выражается противъ самихъ Бурбоновъ, такъ вѣдь не надо забывать, что онъ говорилъ въ первыя минуты по ихъ изгнаніи, когда еще у Франческо было войско, когда онъ еще каждый день грозилъ вернуться въ Неаполь. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, Гавацци являлся обличителемъ сильнаго, а примѣры подобныхъ обличеній завѣщали христіанству еще израильскіе пророки. Если онъ непочтительно говорилъ о папѣ и кардиналахъ, то вѣдь они этого заслуживали, и въ этомъ случаѣ мягкость съ ними была неумѣстна: самъ Христосъ изгонялъ бичемъ изъ храма Іерусалимскаго продающихъ и купующихъ.

Другіе нападаютъ на Гавацци болѣе умѣреннымъ образомъ за то, что онъ позволилъ себѣ профанировать священный санъ свой и церковную каѳедру разсужденіями о вещахъ, нисколько не относящихся къ религіи. На это опять можно отвѣчать сравненіемъ его проповѣдей съ поученіями тѣхъ, кто его обвиняетъ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь мертвѣе и отвлеченнѣе обычныхъ поученій католическихъ священниковъ. Они, правда, говорятъ о предметахъ возвышенныхъ и святыхъ, напримѣръ, нерѣдко о догматахъ католической церкви: о таинствѣ св. Троицы, объ иммакулатномъ зачатіи св. Дѣвы, о святости римской церкви — противъ лютеранскихъ ересей, о заступничествѣ святыхъ за грѣшниковъ и т. п. Но все это большею частію пропадаетъ даромъ для слушателей, не имѣя къ нимъ никакого приложенія, не расшевеливая въ нихъ никакой доброй мысли, никакого благороднаго чувства. Чаще же католическіе проповѣдники толкуютъ о предметахъ нравственности; здѣсь, казалось бы, и они должны коснуться дѣйствительной жизни, заговорить о предметахъ „свѣтскихъ", для того, чтобы подѣйствовать хоть на вниманіе своихъ слушателей. Но они держатся другой системы: берутъ каждый предметъ отвлеченно отъ жизни, говорятъ такъ, какъ говорили бы тысячу лѣтъ назадъ, нисколько не обращая вни-

манія на новыя потребности жизни. Разсуждая, напримѣръ, объ одеждѣ или пищѣ, приводятъ мнѣнія св. Августина или Ѳомы Кемпійскаго, какъ послѣдніе доводы, и затѣмъ повторяютъ рутинныя, всѣмъ прискучившія и всѣми пятьдесятъ разъ слышанныя сентенціи о скромности, умѣренности и т. п. Вообще—постъ, молитва, покаяніе предъ духовникомъ, смиреніе, терпѣніе — вотъ любимыя темы католическихъ проповѣдниковъ. Иногда берутъ предметы позатѣйливѣй; напримѣръ, захочетъ проповѣдникъ поговорить о цѣломудріи, и начнетъ доказывать, какъ оно равняетъ человѣка съ ангелами, какъ приводитъ прямо къ Богу, мимо даже чистилища, какъ передъ нимъ меркнутъ всѣ добродѣтели, и—въ результатѣ проповѣди чуть-ли не проклятіе на супружескія отношенія, которыя только и честятся „бѣсовскимъ соблазномъ", „животными поползновеніями", „грѣхомъ нечистой и мерзкой плоти нашей" и т. п. Спрашивается, можно-ли ожидать нравственной пользы для слушателей отъ подобныхъ поученій, которыя сами у себя отнимаютъ всякій практическій смыслъ и если перестаютъ быть скучными и пошлыми, то лишь за тѣмъ, чтобы оказаться вздорно-эксцентричными?

Одно, чего проповѣдники не выпускаютъ изъ виду въ жизненныхъ отношеніяхъ, это—свои собственныя выгоды. Рѣдкая проповѣдь не ведетъ — прямо или косвенно—къ пожертвованіямъ въ пользу церкви, т.-е. ея служителей. Тутъ проповѣдники не боятся профанировать своей каѳедры. Иногда, правда, они не говорятъ прямо о деньгахъ, но толкуютъ, напримѣръ, о спасительности нѣсколькихъ мессъ, отслуженныхъ для такой-то цѣли, или о необходимости исповѣди и индульгенціи... А тамъ ужъ торгъ совершается за кулисами... Впрочемъ, въ послѣдніе годы цѣлыя проповѣди говорились единственно для возбужденія христіанъ на пожертвованіе въ сборъ „Лепты св. Петра". При этомъ объяснялось, разумѣется, великое достоинство пожертвованія въ ряду добродѣтелей христіанскихъ, говорилось о скорбяхъ святого отца, призывалась кара небесная на главу его враговъ и пр... Все это, по мнѣнію римскихъ теологовъ, не профанировало церковной каѳедры. А рѣчи Гавацци профанировали!..

Но почему же? Потому-ли, что Гавацци говорилъ несогласно съ инструкціями римскаго двора? Или потому, что бесѣдовалъ съ народомъ простымъ языкомъ, не уснащеннымъ латинскими текстами, непонятными для народа? Кажется, и то и другое говоритъ не въ пользу порицателей нашего проповѣдника...

Къ счастью, можно надѣяться, что взглядамъ католическихъ мудрецовъ не долго остается торжествовать надъ здравыми убѣжденіями. Въ Италіи, вмѣстѣ съ ея политическимъ возрожденіемъ, разливается также и истинное понятіе о духѣ Христова ученія; уже многіе понимаютъ, что пред-

ставителя его вовсе не нужно искать въ корпораціи римскихъ епископовъ и аббатовъ со всѣми ихъ подраздѣленіями, и прерываютъ съ ними всякія духовныя отношенія. Съ водвореніемъ итальянской національности въ Римѣ, падетъ послѣдній оплотъ католическаго обскурантизма, и духовенство, потерявъ свои феодальныя, несправедливыя привилегіи и увидѣвъ невозможность долѣе обманывать народъ, вѣроятно, уменьшится въ числѣ, но за то возвысится нравственно, вступивъ на путь полезной гражданской дѣятельности, для проведенія въ народъ идей здравыхъ и истинно полезныхъ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ГРАФА КАМИЛЛО БЕНЗО КАВУРА.

Западная Европа въ переполохѣ; всего болѣе, разумѣется, французы: графъ Камилло Бензо Кавуръ внезапно скончался, утромъ 6-го іюня, послѣ шести кровопусканій въ два дня. Доктора, видите, думали сначала, что болѣзнь Кавура есть обыкновенный приливъ крови, повторявшійся съ нимъ нерѣдко; но потомъ нашли, что у него перемежающаяся лихорадка и послѣ кровопусканій стали его пичкать хиной; вскорѣ однако примѣтили, что это—тифъ, и стали давать опять что-то другое!.. А когда уже не было никакого средства спасти человѣка, рѣшили, что это у него подагра бросилась на верхнюю часть груди и на мозгъ. Туринцы очень разсержены на докторовъ; французы еще не знаютъ подробностей, но, безъ всякаго сомнѣнія, разсердятся еще больше, вѣроятно, разсердятся не меньше, чѣмъ на злодѣйства друзовъ въ Сиріи. Да и какъ не сердиться? Смерть Кавура, по выраженію кого-то изъ государственныхъ мужей Англіи, есть бѣдствіе для всего цивилизованнаго міра, слѣдовательно, тѣмъ болѣе для итальянцевъ, и тѣмъ болѣе для французовъ: извѣстно, что французы теперь привыкли смотрѣть на Италію не только какъ на свою собственность, но даже больше—какъ на имѣніе, находящееся у нихъ въ опекѣ. И вдругъ они теряютъ довѣреннаго человѣка, который велъ всѣ ихъ счеты и выносилъ на своихъ плечахъ бо́льшую долю отвѣтственности!.. Понятно, что для нихъ эта потеря гораздо ужаснѣе, чѣмъ для самихъ опекаемыхъ, пользовавшихся благодѣяніями довѣреннаго человѣка...

— Ah, je ne sais, quel parti l'empereur prendra-t-il à présent... Après la mort de Cavour il reste tout-à-fait dégagé,—таинственно говорилъ мнѣ вчера за обѣдомъ одинъ французъ, и, погруженный въ политическія соображенія, не взялъ даже слѣдующаго кушанья...

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе французовъ теперь очень печально: ну что, какъ ихъ погонятъ вдругъ на-дняхъ драться съ итальянцами? И

стыдъ, и горе, а дѣлать нечего — пойдешь, потому — сила, и противъ нея ничего не подѣлаешь... А все-таки не хорошо... И вотъ французы, какъ только прослышали о смерти Кавура, принялись убѣждать и заклинать итальянцевъ, чтобы они ужъ постарались вести себя хорошенько, какъ было при Кавурѣ, такъ-таки совершенно, какъ будто бы онъ и не умиралъ. Особеннымъ усердіемъ отличились журналы такъ называемаго либеральнаго оттѣнка, служащіе выраженіемъ передовыхъ мнѣній французовъ. Они рѣшительно не уступили журналамъ оффиціальнымъ и даже отчасти превзошли ихъ въ благонамѣренности. Правда, „Pays“ очень рѣшительно возвѣстилъ, что итальянцы и безъ Кавура должны остаться кавуріанскими, иначе могутъ потерять свою свободу; а „Constitutionnel“, объяснивши то же въ другихъ словахъ, прибавилъ надежду, что „впрочемъ народъ, *освобожденный Франціею*, сумѣетъ не попасть опять въ рабство“. Это, какъ видите, очень сильно и хорошо. Но недурно въ своемъ родѣ разсудила и „Presse“, увѣряя, что не только все, достигнутое Италіей, было дѣломъ Кавура, но что и въ будущемъ опять-таки надо полагаться на него же или на его политику, и вслѣдствіе этого, рекомендуя итальянцамъ заняться ни чѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ статуи Кавуру, которая должна быть ему поставлена въ залѣ итальянскаго парламента, *въ тотъ день, когда онъ соберется въ Капитоліи!*.. Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и „Siècle“, главный редакторъ котораго самъ удостоился статуи отъ итальянцевъ за любовь къ итальянскому дѣлу: онъ заклинаетъ Италію „продолжать славное дѣло, которому Кавуръ далъ свое безсмертное имя“. Словомъ, французы поютъ хоромъ: „будьте, милыя дѣти, умны и послушны, не вздумайте пошалить, пользуясь недостаткомъ надзора; повѣрьте, — гувернеръ умеръ, но розги остались... Не принуждайте же насъ прибѣгать къ розгамъ... Это было бы очень больно нашему опекунскому сердцу“. И для лучшаго подтвержденія обязательныхъ увѣщаній, вслѣдъ за журнальными статьями летитъ изъ Парижа въ Туринъ телеграфическая депеша, предвѣщающая „неудовольствіе, если бы главою новаго министерства назначенъ былъ Ратацци“. Ратацци, видите-ли, хотя и совершенное политическое ничтожество, но считается честнымъ человѣкомъ и былъ противъ уступки Ниццы и Савойи...

Мѣсяца три тому назадъ, я описывалъ въ „Современникѣ“ мое собственное впечатлѣніе отъ Кавура. Оно не было благопріятно для покойника. По всей вѣроятности, я судилъ его даже слишкомъ строго, потому что это былъ первый государственный человѣкъ, котораго пришлось мнѣ видѣть вблизи на поприщѣ его общественной дѣятельности, разсуждающимъ о дѣлахъ, отчасти знакомыхъ мнѣ. Теперь я читаю во всевозможныхъ некрологахъ, и итальянскихъ, и иностранныхъ, — что это былъ если

не самый лучшій, то ужъ, конечно, одинъ изъ немногихъ самыхъ лучшихъ государственныхъ мужей всего свѣта, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ. Мнѣ лично, признаюсь, это не даетъ особенно лестнаго понятія о всѣхъ прочихъ-то герояхъ на томъ же поприщѣ: „если этотъ былъ чуть не лучше всѣхъ,—думаю я,—хороши же должны быть остальные-то!..“ Но ясно, что читатель не долженъ раздѣлять моего образа мыслей, ибо въ сужденіяхъ о Кавурѣ меня, конечно, уже предупредили „С.-Петербургскія Вѣдомости“, вѣроятно, не преминувшія оплакать „великую потерю“ всего цивилизованнаго міра и пустить въ ходъ нѣсколько глубокомысленныхъ соображеній о томъ, чтò теперь будетъ съ Италіей и съ Европой...

Я, впрочемъ, и не намѣренъ излагать теперь своихъ сужденій, отчасти потому, что повторять ихъ слишкомъ много не стоитъ, отчасти же и потому, что хочу подражать одному благородному итальянцу. Итальянецъ этотъ долженъ былъ явиться въ судъ въ Неаполѣ по поводу одной статейки, оскорбительной для личности Кавура; какъ разъ наканунѣ дня, назначеннаго для суда, пришло извѣстіе о смерти министра; журналистъ немедленно объявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться какому угодно наказанію безъ суда, нежели позволитъ себѣ представить въ свою защиту резоны противъ человѣка, „тѣло котораго еще не остыло“. Его объявленіе признано было резоннымъ, и—что же сдѣлали? Сдѣлали то, что слѣдовало: рѣшили подождать, пока тѣло остынетъ, и отложили засѣданіе суда до слѣдующей недѣли.

Я поступаю еще самоотверженнѣе; не отлагаю только, а совсѣмъ оставляю мои непріязненныя размышленія о знаменитомъ покойникѣ и, вмѣсто суда надъ нимъ, хочу изобразить теперь его біографію.

Можетъ быть, и въ этомъ предупредятъ меня „С.-Петербургскія“ или „Московскія Вѣдомости“, или, еще вѣроятнѣе, „Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника“; но ихъ соперничества я не боюсь: мой трудъ долженъ взять верхъ въ благонамѣренности. Я пишу по тремъ біографіямъ и по нѣсколькимъ брошюрамъ о министерствѣ Кавура, которыхъ иначе нельзя назвать, какъ самыми безсовѣстными панегириками.

„Викторъ-Эммануилъ имѣлъ счастіе встрѣтить человѣка съ убѣжденіемъ глубокимъ, холодно-страстнымъ, терпѣливымъ и смѣлымъ, человѣка, котораго ничто не могло удалить отъ его цѣли и который прямо, безъ уклоненія, привелъ Пьемонтъ, короля и Италію къ освобожденію. Этотъ человѣкъ—Кавуръ. Въ Сардиніи только и есть два имени — Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ. Когда пьемонтцы произносятъ эти имена, ихъ сердце бьется сильнѣе и слезы благоговѣнія и радости подступаютъ къ глазамъ. Они не говорятъ: графъ Кавуръ, а просто—*графъ*. Онъ для нихъ все. Все,

что сдѣлало изъ Пьемонта страну благородную, мудрую, славную, свободную,—все пришло отъ Кавура, и за то безпредѣльна признательность къ этому министру—великому и простому, простому, какъ дѣловой человѣкъ, великому, какъ благодѣтель".

Такъ начинаетъ жизнеописаніе Кавура одинъ французскій біографъ, писавшій въ 1859 г. Тогда еще не могло придти въ голову Итальянское королевство; но я не сомнѣваюсь, что и теперь біографъ готовъ повторить то же самое, подставивъ, вмѣсто Пьемонта, слово: Италія. Тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что графъ Кавуръ — личность пьемонтская, и что самымъ горячимъ его поклонникамъ, вплоть до итальянской войны, не вспадало на мысль дѣлать изъ него обще-итальянскаго героя, несмотря даже на подвиги его на парижскомъ конгрессѣ. И мы признаемся, что съ такой точки зрѣнія гораздо удобнѣе обозрѣвать жизнь туринскаго министра, почему мы и постараемся удержаться на ней сколько возможно долѣе.

Французскій біографъ претендуетъ, что предки Кавура вышли въ люди очень недавно, чуть-ли не при Карлѣ-Альбертѣ; но французъ въ этомъ случаѣ является жалкою жертвою своего легкомыслія. По тщательнѣйшимъ изслѣдованіямъ, родословное древо Кавуровъ теряется въ сумракѣ временъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ половинѣ XIII столѣтія одинъ изъ его предковъ владѣлъ помѣстьями въ маленькой республикѣ Кьери, существовавшей тогда въ Пьемонтѣ, и что папа Иннокентій IV далъ ему грамоту, исключавшую его изъ общаго церковнаго проклятія, которое постигло тогда бѣдную республику. Какъ видите, исторія застаетъ родъ Кавуровъ въ очень благородныхъ расположеніяхъ.

По матери, Кавуръ происходилъ отъ рода савойскаго и умѣлъ цѣнить это. Однажды въ палатѣ, когда какой-то депутатъ сталъ говорить дурно о савойцахъ, Кавуръ прервалъ его восклицаніемъ: „сердце мое возмущается, когда обижаютъ савойцевъ, потому что въ жилахъ моихъ течетъ немножко савойской крови"... Мы замѣчаемъ это затѣмъ, чтобъ поставить на видъ читателю, каково же должно быть самоотверженіе Кавура, рѣшившагося для пользы отечества уступить Савойю императору французовъ. Указывали на Гарибальди, огорчившагося уступкою его родного города—Ниццы; Кавуръ, въ свою очередь, могъ указать на себя. Правда, впрочемъ, что понятія этихъ людей о спорномъ вопросѣ были нѣсколько различны: Гарибальди чувствовалъ себя итальянцемъ, и свой городъ принадлежащимъ Италіи; Кавуръ же находилъ, что, какъ Ницца, такъ и Савойя въ особенности—вовсе съ Италіей ничего общаго не имѣютъ, а естественнѣйшимъ образомъ принадлежатъ Франціи.

Впрочемъ, въ то время, какъ Кавуръ родился (10 авг. 1810 г., въ

Туринѣ), весь Пьемонтъ былъ французской провинціей; только пять лѣтъ спустя получилъ онъ обратно свою независимость. По обыкновенному порядку вещей можно бы ожидать, что въ семейныхъ преданіяхъ и, слѣдовательно, въ воспитаніи мальчика останутся какіе-нибудь враждебные слѣды противъ чужеземнаго занятія страны и противъ его виновниковъ. Но на дѣлѣ, какъ видимъ, не случилось ничего подобнаго. За то, по словамъ итальянскаго біографа Кавура, профессора Бонги, — онъ наслѣдовалъ отъ своего рода вотъ что:

„Графъ Камилло получилъ отъ предковъ своихъ то чувство, которое принадлежитъ древнимъ и знатнымъ породамъ, если только онѣ не выродятся; это—внутреннее, инстинктивное чувство отечественной исторіи, которой часть составляютъ они сами, чувство, въ которомъ сливаются для нихъ воспоминанія прошедшаго съ надеждами будущаго, и открывается основаніе, на которомъ государственный мужъ, призванный не только къ сохраненію, но и къ обновленію, строитъ свое зданіе и утверждаетъ свою политику. Это именно чувство и служитъ причиною, что люди, принадлежащіе къ фамиліямъ, уже прославленнымъ въ національной исторіи, оказываются болѣе способными продолжать ее, нежели тѣ, которые выходятъ изъ рода, долженствующаго въ первый разъ ознаменовать свое имя“.

Замѣтимъ, что это писано въ началѣ 1860 г., слѣдовательно, едва-ли слѣдуетъ выписанныя слова принимать даже за пику противъ Гарибальди. Въ то время сторонники Кавура еще очень мало хлопотали о томъ, чтобъ не давать спуску Гарибальди, и потому высокія размышленія профессора Бонги могли быть высказаны безъ всякой задней мысли, просто, какъ искреннее убѣжденіе автора, вѣроятно тоже происходящаго изъ древней и знатной фамиліи.

Воспитаніе графа Камилло намъ почти неизвѣстно; надо только предполагать, что въ немъ преобладало французское вліяніе. Французъ біографъ, восхваляя неутомимую дѣятельность Кавура, говоритъ пренаивно: „графъ страшно работалъ всю свою жизнь,—усвоилъ французскій языкъ и французскія идеи, оставался нѣмымъ зрителемъ бѣдствій Италіи, давая себѣ клятву“... и пр. Болѣе глупой и нелогической рѣчи, конечно, мудрено и придумать, но на это претендовать нечего; а дѣло въ томъ, что „énorme travail“ изученія французскаго языка былъ подъятъ Кавуромъ, конечно, въ раннемъ дѣтствѣ. Съ французской аристократіей родъ Кавуровъ находился, кажется, въ наилучшихъ отношеніяхъ: крестной матерью графа Камилло была сестра Наполеона, княгиня Полина Боргезе; первоначальное его воспитаніе было поручено французскому аббату Фрезе, замѣчательному сочиненіемъ французской исторіи Савойскаго дома. Подъ руководствомъ почтеннаго аббата оставался графъ Камилло до четыр-

надцатаго года, а потомъ отданъ былъ отцомъ въ туринскую военную академію.

Что онъ дѣлалъ въ академіи, намъ опять неизвѣстно. Разсказываютъ только, что учился онъ прилежно, особенно успѣвалъ въ математикѣ и былъ нелюбимъ своими товарищами—за излишнюю наклонность къ сарказмамъ, соединенную съ натуральною гордостью, приличною его роду. Послѣднее обстоятельство можетъ быть важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, для объясненія послѣдующей дѣятельности Кавура; кромѣ того, оно важно въ связи съ тѣми извѣстіями, какія мы имѣемъ о его родителяхъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что онъ съ ними разошелся въ мнѣніяхъ: но самое важное—первыя впечатлѣнія жизни были, какъ оказывается, въ соотвѣтствіи съ семейными началами. А семейство Кавуровъ не пользовалось отличной репутаціей въ Туринѣ: отецъ графа Камилло занималъ какое-то важное административно-полицейское мѣсто въ городѣ и умѣлъ отправлять свои обязанности къ всеобщему неудовольствію; кромѣ того, онъ занимался разными торговыми спекуляціями, очень выгодными для него, но положительно разорительными для массы потребителей. Все это не было тайной; но старикъ Кавуръ, исполненный сознанія своего дворянскаго достоинства и довольный барышами, относился самымъ презрительнымъ образомъ къ общественному мнѣнію. Гордый довѣріемъ Карла-Альберта, въ то время принца Кариньянскаго, онъ былъ врагомъ всякихъ льготъ, реформъ, перемѣнъ; о правахъ народа не хотѣлъ и слышать, и если цѣнилъ кого-нибудь, то лишь компанію важныхъ особъ, такихъ же аристократовъ и обскурантистовъ, какъ онъ, собиравшихся въ его салонѣ. Подъ такими вліяніями, приправленными моралью аббата Фрезе, росъ маленькій Камилло, и немудрено, что товарищи не любили его въ школѣ, особенно, когда вспомнимъ, что поступилъ онъ туда около 1823 г.

Само собою разумѣется, что еслибъ онъ былъ и набитымъ дуракомъ, то былъ бы въ школѣ „отличенъ“ начальствомъ: это требовалось его происхожденіемъ и положеніемъ его отца. Но при этомъ, Камилло былъ мальчикъ очень способный и прилежный. Нельзя думать, чтобъ онъ очень многому и очень хорошо научился въ семь лѣтъ, которыя пробылъ въ туринской военной школѣ; но по крайней мѣрѣ то, чему тамъ учили, онъ зналъ хорошо. Замѣчаютъ даже, что, сидя постоянно за занятіями, онъ не имѣлъ достаточно придворной ловкости и „манеръ“: въ награду за хорошее ученье и поведеніе, равно какъ и за службу отца, его-было назначили пажемъ къ Карлу-Альберту; но, въ качествѣ пажа, Камилло оказался никуда негоднымъ и вскорѣ былъ лишенъ этой чести. Тутъ всѣ біографы приводятъ его изреченіе, произнесенное имъ въ отвѣтъ на нѣкоторыя насмѣшки и сожалѣнія: „я очень радъ, — сказалъ Кавуръ, — что сбросилъ съ себя это

ярмо"... Біографы видятъ въ этомъ великое доказательство независимости характера, проявившагося уже въ столь раннемъ возрастѣ, глубокое отвращеніе ко всякаго рода ливреѣ; но мы, боясь ошибиться, не станемъ рѣшать, были ль эти слова точно признакомъ независимости характера, или просто слѣдствіемъ ребяческой досады, очень понятной, при такомъ афронтѣ, въ воспитанникѣ туринской военной школы.

Въ 1829 году кончилъ графъ Камилло свой курсъ и вышелъ изъ школы съ чиномъ инженернаго лейтенанта. Отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ военную карьеру, и молодой Кавуръ остался въ военной службѣ, хотя и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Но служить пришлось ему недолго,—надежды благонамѣреннаго отца не оправдались: сынъ вдругъ оказался вольнодумцемъ, либераломъ и чуть-ли не противникомъ власти. Это явленіе для насъ нисколько не представляется удивительнымъ, когда мы знаемъ, что такое былъ и чѣмъ всегда оставался либерализмъ Кавура; но для родителей его и того уже было слишкомъ много. Много было и для тогдашняго правительства пьемонтскаго: на молодого Кавура уже обратили вниманіе очень зоркое. Въ 1831 году былъ онъ въ Генуѣ для надзора за устройствомъ новыхъ укрѣпленій, и тутъ началъ говорить до того либерально, что его невозможно было терпѣть болѣе на видныхъ мѣстахъ. Распорядились перевести его въ гарнизонъ маленькаго форта Барда... Кавуръ, конечно, осердился и сказалъ, что не хочетъ больше служить. Какъ видно, немилость къ нему была еще не очень грозна, потому что отставку онъ получилъ безъ особенныхъ затрудненій.

И очутился онъ на свободѣ, 22 лѣтъ, блестящій офицеръ, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей. Что ему дѣлать, въ чемъ убить свое время? Конечно, развлеченія всякаго рода были у него подъ рукою, и онъ никогда не пренебрегалъ ими, по замѣчанію его біографа. Но, какъ человѣкъ неглупый и честолюбивый, онъ не могъ на нихъ успокоиться. Притомъ же, нѣкоторыя идеи, разъ запавшія ему въ голову, не могли ужъ быть изъ нея выброшены... И вотъ онъ предался тому образу жизни, который такъ обыкновененъ и такъ знакомъ многимъ „передовымъ" людямъ недавнихъ временъ въ разныхъ странахъ Европы... Это жизнь созерцательнаго, платоническаго либерализма, крошечнаго, умѣреннаго и не иначе переводящагося изъ словъ въ дѣло, какъ тогда, когда уже оставаться въ бездѣйствіи становится невыгодно и даже, пожалуй, опасно. Этакихъ людей много повсюду, можетъ быть, даже наши читатели припомнятъ нѣсколько знакомыхъ въ подобномъ родѣ. Люди эти не настолько тупы, чтобы не понимать дикости нѣкоторыхъ дикихъ вещей, и потому охотно говорятъ противъ этой дичи, говорятъ обыкновенно тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе пред-

ставляется имъ возможности перейти отъ словъ къ дѣлу... Но — или по темпераменту, или по своему внѣшнему положенію—они никакъ не могутъ дойти до послѣднихъ выводовъ, не въ состояніи принять рѣшительныхъ радикальныхъ воззрѣній, которыя честнаго человѣка обязываютъ уже прямо къ дѣятельности, къ пожертвованіямъ... Нѣтъ, девизъ этакихъ людей— не дѣлать зла (т.-е. какъ они понимаютъ опять) и даже по возможности дѣлать добро, когда это не представляетъ ни малѣйшаго риска. Дальше они нейдутъ.

Соображая все, что представляетъ намъ жизнь Кавура, мы находимъ, что съ самаго начала своей самостоятельной жизни онъ шелъ именно этимъ путемъ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ сдѣлался распорядителемъ цѣлаго королевства,—да и послѣ-то не очень измѣнился. Двѣнадцать лѣтъ его жизни, съ отставки до возвращенія изъ Англіи, намъ почти неизвѣстны и не ознаменованы ничѣмъ особеннымъ. Но, пользуясь отсутствіемъ внѣшне-занимательныхъ событій, мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній о значеніи этого періода для внутренняго развитія и установленія характера и образа мыслей графа Кавура.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, Пьемонтъ былъ едва-ли не самою обскурантскою и деспотическою частью Италіи. Дурныя стороны правительства не могли не бросаться въ глаза молодежи, получившей хоть начатки какого-нибудь образованія. Не могъ не видѣть этихъ дурныхъ сторонъ и Кавуръ, несмотря на вліяніе родительскаго кружка. Такимъ образомъ, недовольство, желаніе реформъ, ропотъ противъ нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій — невольно проявились въ немъ; это было совершенно въ порядкѣ вещей, и иначе даже и быть не могло. Неудовольствіе въ то время было въ Италіи общее, броженіе въ молодежи чрезвычайно сильно, а іюльская революція, только-что совершившаяся во Франціи, еще болѣе разгорячала и ободряла волновавшіеся умы. У молодого Кавура была, кромѣ того, еще личная причина къ неудовольствіямъ— неудача служебной карьеры. Всѣ отзывы о немъ согласны въ томъ, что онъ всегда былъ очень гордъ и терпѣть не могъ подчиняться чужимъ приказамъ. Поэтому, служить такъ, какъ тогда требовалось въ Пьемонтѣ, служить по-молчалински, выжидая милостиваго вниманія начальства, онъ рѣшительно не могъ. А между тѣмъ какую-нибудь роль надо было играть ему, хотя бы въ своемъ кружкѣ. Роль эта указывалась тогда прямо нѣкоторыми передовыми людьми: работать для единства и свободы Италіи. Начиная эту работу, многіе юноши, ровесники Кавура, уже насидѣлись и въ тюрьмахъ, и изгоняемы были, и за-границей составляли общества и готовили великое дѣло единства Италіи, совершающееся теперь на нашихъ глазахъ. Но молодому Кавуру вовсе не по душѣ была такая дѣятельность:

онъ окруженъ былъ комфортомъ, исполненъ разнаго рода наслѣдственныхъ претензій, связанъ былъ съ аристократическимъ кружкомъ, и поэтому никакъ не могъ поддаться радикальной пропагандѣ, которою тогда увлечена была молодежь въ Италіи. Не то, чтобы онъ не признавалъ святости цѣли этой пропаганды, но онъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ и отваги, чтобы вѣрить достиженію этой цѣли. Люди, подобные ему, смѣялись въ то время надъ „единствомъ свободной Италіи" и ограничивали свою програму желаніемъ какихъ-нибудь реформъ въ существующихъ правительствахъ. Да и относительно этихъ реформъ, они далеко расходились съ радикалами. Тѣ всегда хотѣли коренныхъ измѣненій, требовали новаго направленія; эти желали, чтобъ все улучшалось понемножку, ни мало не безпокоя установленнаго порядка. Тѣ требовали пособія и отъ министровъ, и отъ государей, но работали и сами неутомимо, говоря: если вы не хотите, мы и безъ васъ сдѣлаемъ. Въ 1831 году, Маццини, уже изгнанникъ, писалъ къ Карлу-Альберту письмо, чтобы убѣдить его вступить на либеральный путь, и оканчивалъ такимъ образомъ: „отъ васъ зависитъ—быть или *первымъ* между современниками, или *послѣднимъ* тираномъ Италіи". Люди кавуровскаго характера, напротивъ, ограничивались желаніями и надеждами на правительство и ничего не дѣлали для того, чтобы заставить его приступить къ реформамъ. Оттого Кавуръ и его друзья только въ 1847 году, 16 лѣтъ спустя послѣ письма Маццини, рѣшились выразить Карлу-Альберту то же желаніе, какое было въ знаменитомъ письмѣ, да и то высказали въ формахъ, гораздо болѣе робкихъ. Кавуръ и тутъ находилъ, что еще опасно дѣйствовать слишкомъ рѣшительно... Для людей радикальной партіи идеи народной свободы и единства Италіи были потребностью жизни, какъ бы пищею ихъ, и они съ жадностью бросались на эту пищу, какъ голодные, не разбирая, пробилъ-ли обычный часъ обѣда и накрытъ-ли столъ. Кавуръ же былъ сытъ собственнымъ благосостояніемъ и относительной свободой, которой пользовался все-таки, несмотря на всеобщее стѣсненіе; поэтому онъ не очень рвался на предложенную пищу и выбиралъ изъ нея то, что ему понравится, и очень заботился о томъ, чтобы покушать съ комфортомъ и не разстроить черезъ это ни одного изъ обычныхъ, ежедневныхъ занятій. Такимъ образомъ, въ то время, какъ люди болѣе рѣшительные и преданные своей идеѣ вызывали народъ на борьбу и, едва успѣвъ избѣжать тюрьмы, продолжали свою работу, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ изгнанія, — въ это время Кавуръ, такой же юноша, какъ они, изумлялъ своимъ либерализмомъ дряхлыхъ обскурантовъ, собиравшихся въ салонѣ его отца и въ другихъ

Богатоубранныхъ палатахъ.

Отецъ смотрѣлъ на это косо, и молодой Кавуръ скоро повелъ жизнь довольно отдѣльную. У него, въ его собственномъ салонѣ, собирались уже люди, близкіе ему по убѣжденіямъ. Они толковали, толковали очень умно, по всей вѣроятности, бранили правительство и еще болѣе бранили сумасбродовъ, распространявшихъ по Италіи разныя вредныя утопіи. „Умъ Кавура, разсчетливый и холодный, — говоритъ біографъ его,—взвѣшивалъ силы правительствъ, которыя стояли за себя, съ силами разныхъ сектъ, нападавшихъ на нихъ, и не находилъ возможности къ побѣдѣ сектаторовъ; притомъ же, онъ видѣлъ, что если правительства шли дурною дорогой, то секты слѣдовали, если возможно, еще худшимъ путемъ". Вслѣдствіе этого, Кавуръ, несмотря на свое увѣреніе въ парламентѣ нынѣшняго года, будто онъ „18 лѣтъ былъ заговорщикомъ", никогда не былъ членомъ ни „Giovani Italia", ни другой подобной секты, не былъ замѣшанъ въ смутахъ 1833 года, и вообще, послѣ своей отставки, ничѣмъ не компрометировалъ себя предъ правительствомъ. Не видя возможности отличиться и выиграть что-нибудь на государственномъ поприщѣ, онъ нашелъ, что надо заняться хоть гуано какимъ-нибудь, и точно—предался мирнымъ занятіямъ гуано и вообще сельскимъ хозяйствомъ. Говорятъ, что началомъ употребленія гуано въ земледѣліи Пьемонтъ обязанъ Кавуру, и, вѣроятно, это самая важная услуга, оказанная имъ отечеству въ этотъ довольно длинный періодъ.

Но и гуано не удовлетворило графа; не лучшій успѣхъ имѣло и пробковое дерево. Молодой графъ рѣшилъ, что отечество тѣсно для него, и отправился путешествовать. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ во Франціи и Англіи, постоянно находясь въ самомъ лучшемъ обществѣ, снискавъ уваженіе англійскихъ государственныхъ людей и обративъ на себя вниманіе французскихъ литературныхъ корифеевъ нѣсколькими статьями въ „Revue Nouvelle".

Изъ этихъ статей нѣкоторыя заслуживаютъ вниманіе именно въ томъ отношеніи, что показываютъ развитіе и направленіе идей Кавура въ это время. Читая ихъ, вы видите уже не юношу, безсознательно боящагося отказаться отъ выгодъ своего положенія для общаго дѣла, не наивнаго либерала, не знающаго, куда и во что ему броситься, чтобы прикрыть свое бездѣйствіе. Нѣтъ, здѣсь вы видите уже человѣка серьезнаго, съ пользою прочитавшаго многихъ экономистовъ, научившагося „благоговѣть предъ удивительнымъ зданіемъ англійской конституціи" и добывшаго строгія научныя основанія для оправданія своего поведенія. Такъ, многія изъ его понятій высказываются въ статьѣ: „Des idées communistes et des moyens d'en combattre le développement". По основнымъ началамъ, по строгости логики и широтѣ воззрѣній, статью эту можно сравнить только съ знаменитою статьею г. Ржевскаго „О средствахъ къ развитію пролетаріата" (хотя

заглавія обѣихъ статей и кажутся противоположными). Конечные выводы Кавура тѣ же самые, если мы хорошо помнимъ, — что и у г. Ржевскаго: идеи коммунизма (къ которому онъ, по обычаю, приплетаетъ и соціализмъ) суть слѣдствіе гнусной зависти низшихъ классовъ къ высшимъ, основаны на невѣжествѣ и въ особенности на отсутствіи здравыхъ экономическихъ понятій. Средства противъ нихъ—распространеніе началъ политической экономіи, и въ то же время благотворительность къ бѣднымъ со стороны богатыхъ. Вотъ его слова изъ заключенія: „Такимъ образомъ, каждому свое дѣло: философъ и экономистъ, въ тишинѣ своего кабинета, онровергнутъ заблужденія коммунизма; но ихъ дѣло не будетъ плодотворно, если въ то же время благородные люди, выполняя на дѣлѣ великій принципъ всеобщаго милосердія, не будутъ дѣйствовать на сердца, между тѣмъ какъ наука будетъ убѣждать разумъ".

Впрочемъ, біографъ Кавура, неизвѣстно почему, находитъ статью о средствахъ противодѣйствовать коммунизму не очень хорошею, и увѣряетъ, что „гораздо болѣе сообразно съ свойствомъ его генія" было другое произведеніе: „О положеніи Ирландіи и ея будущности". Здѣсь, какъ можно ожидать, онъ хвалитъ О'Коннеля за то, за что другіе бранятъ его, то-есть, за трусливую половинчатость его дѣйствій, и напротивъ, бранитъ за всякій шагъ нѣсколько рѣшительный. Гораздо любопытнѣе сужденія объ О'Коннелѣ показались намъ въ этой статьѣ мысли о Питтѣ. Рисуя портретъ Питта, Кавуръ какъ бы изображалъ самого себя,—по замѣчанію его біографовъ. Приведемъ же этотъ портретъ Питта, чтобы видѣть, каковъ Кавуръ, самъ себя изображающій.

„Объ этомъ знаменитомъ государственномъ мужѣ—пишетъ Кавуръ— господствуетъ вообще мнѣніе, чрезвычайно ложное. Впадаютъ обыкновенно въ самую грубую ошибку, представляя его приверженцемъ всякихъ злоупотребленій и угнетенія, въ родѣ лорда Эльдона или князя Полиньяка. Совсѣмъ напротивъ... Питтъ имѣлъ идеи своего времени: сынъ лорда Чатама не былъ ни другомъ деспотизма, ни поборникомъ религіозной нетерпимости. Съ умомъ могучимъ и обширнымъ, онъ любилъ власть, какъ средство, но не какъ цѣль. Онъ вступилъ въ политическую жизнь, ратоборствуя противъ ретроградной администраціи лорда Норта, и, едва сдѣлавшись министромъ, провозгласилъ необходимость парламентской реформы. Конечно, Питтъ не былъ изъ тѣхъ горячихъ людей, которые, въ энтузіазмѣ своемъ къ великимъ интересамъ человѣчества, идутъ на опасности, несмотря ни на препятствія, воздвигнутыя противъ нихъ, ни на вредъ, который можетъ произойти отъ ихъ усердія. Онъ не былъ изъ тѣхъ, которые хотятъ перестроить общество въ основаніяхъ, при помощи всеобщихъ началъ и гуманитарныхъ теорій. Умъ глубокій и холодный, свободный отъ пред-

разсудковъ, онъ не былъ одушевляемъ ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ отечеству и къ славѣ. Въ началѣ своей карьеры онъ видѣлъ недостатки общественнаго устройства и хотѣлъ исправить ихъ. Если бы продолжалось его управленіе въ періодъ мира, то, конечно, онъ сдѣлался бы реформаторомъ въ родѣ Пиля и Каннинга, соединяя смѣлость и обширность видовъ одного съ благоразуміемъ и искусствомъ другого. Но когда увидѣлъ онъ на горизонтѣ приближающійся ураганъ французской революціи, то съ проницательностью, свойственною умамъ высшимъ, предусмотрѣлъ гибельность демагогическихъ принциповъ и опасность, которою угрожали они Англіи. Разомъ остановился онъ въ своихъ предначертаніяхъ реформъ, чтобы обратить все вниманіе на приготовлявшійся кризисъ. Онъ понялъ, что въ виду движенія революціонныхъ идей, угрожавшаго проникнуть и въ Англію, было бы безразсудно касаться священнаго ковчега конституціи и ослаблять національное къ ней уваженіе, принимаясь за передѣлку дурныхъ частей общественнаго зданія, освященнаго временемъ. Съ того дня, какъ революція, перешедши за предѣлы страны, въ которой родилась, стала грозить Европѣ, Питтъ не имѣлъ для себя другой цѣли, какъ бороться противъ Франціи, чтобы воспрепятствовать ультра-демократическимъ идеямъ вторгнуться въ Англію. Этому высочайшему интересу посвятилъ онъ всѣ свои силы, для него пожертвовалъ всѣми другими политическими соображеніями“.

Характеръ Кавура и его воззрѣнія опредѣляются уже довольно ясно въ этихъ строкахъ, которыя, въ самомъ дѣлѣ, могутъ служить объясненіемъ его поведенія въ Италіи, когда онъ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ Гарибальди и „передовой партіей“ (partito avanzato). Какъ увидимъ, вся сущность его политики состояла въ томъ же, за что онъ превозноситъ Питта: сначала — желаніе кое-какихъ улучшеній, планы реформъ, а затѣмъ—реакція противъ тѣхъ, кто хотѣлъ вести эти реформы дальше, реакція, внушенная страхомъ, чтобы реформы не зашли слишкомъ далеко и не коснулись „основъ общественнаго зданія“.

Просвѣтивши свой умъ и сердце въ Англіи и Франціи, графъ Камилло вернулся въ любезное отечество, въ которомъ начинало пошевеливаться что-то новое. Кавуръ началъ проповѣдывать свои либеральныя воззрѣнія съ большей смѣлостью... Но все еще было не пора: въ 1842 г. онъ принялъ участіе въ обществѣ для основанія дѣтскихъ пріютовъ; но президентъ комитета, нѣкто Чезаре Салюццо, попросилъ его выйти изъ членовъ, *для блага общества*, которое могло подвергаться опасности изъ-за такого либеральнаго члена. Десять лѣтъ спустя, будучи уже министромъ, Кавуръ самъ вспомнилъ объ этомъ въ парламентѣ, не безъ юмора и не безъ гордости... Но, въ 1842 году, приглашеніе г. Салюццо, вѣроятно, не осталось совершенно безъ дѣйствія: въ этомъ же году Кавуръ сдѣлался членомъ-основа-

телемъ земледѣльческаго общества, и здѣсь уже былъ очень смиренъ. Весь либерализмъ его ограничивался здѣсь въ первое время тѣмъ, что онъ ратовалъ въ журналѣ общества противъ заведенія образцовыхъ фермъ въ Пьемонтѣ.

Но событія шли своимъ чередомъ. Партія „горячихъ людей“, противъ которыхъ возстаетъ Кавуръ, работала неутомимо, проникая своей пропагандой чрезъ всѣ затворы, во всѣ государства Италіи. Открытыхъ возстаній не было, кромѣ несчастной попытки братьевъ Бандьера и еще нѣсколькихъ незначительныхъ вспышекъ, большею частію въ Обѣихъ Сициліяхъ; но броженіе умовъ было уже сильно и давало себя чувствовать повсюду. Слабый и подозрительный Карлъ-Альбертъ, постоянно воображавшій себя „между кинжаломъ сектаторовъ и шоколадомъ іезуитовъ“, въ это время какъ будто яснѣе увидѣлъ передъ собою кинжалъ и началъ подумывать, что отъ шоколода можно и отказаться. Не разъ высказывалъ онъ свое желаніе стать защитникомъ итальянской независимости; патріотическія творенія, въ родѣ Джоберти и Азеліо, свободно обращались въ его владѣніяхъ... Въ половинѣ 1846 г., либеральныя мѣры новаго папы съ очевидностью доказали всѣмъ, до какой степени стало невозможно итальянскимъ правительствамъ держаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу. Вслѣдъ за папою, стали давать разныя льготы и усовершенствованія и другіе владѣтели Италіи, исключая короля неаполитанскаго; поддался немножко и Карлъ-Альбертъ. Было ясно, что наступаетъ время жатвы... Но сѣятели были далеко, и, вмѣсто нихъ, выступилъ теперь на работу графъ Кавуръ.

Почему же сами сѣятели не явились? А кто ихъ знаетъ! Одни говорятъ, что по страху, другіе, — что по глупости, третьи,—что по ехидству: зачѣмъ, дескать, взошло то, что ими посѣяно!.. Они, видите, сѣяли будто бы для того только, чтобы руками махать, и никакъ не воображали, чтобы изъ ихъ маханья могло что-нибудь выйти.

Сами сѣятели, впрочемъ, имѣютъ претензію, что и жали-то собственно они же, а только собирать въ житницу пришлось не имъ. Говоря безъ метафоръ, они увѣряютъ, что всѣ облегченія и либеральныя мѣры правительствъ Италіи предъ 1848 годомъ были слѣдствіемъ страха предъ тѣмъ рѣшительнымъ положеніемъ, какое было принято народомъ, подъ вліяніемъ революціонной пропаганды. Народныя возстанія 1848 года не только не привлекли участія Кавура, но даже были имъ неодобряемы; а между тѣмъ, вступленіе Пьемонта на конституціонную дорогу было прямымъ слѣдствіемъ событій, развившихся изъ этихъ возстаній. Такимъ образомъ, до власти и до возможности безопасно и громко либеральничать Кавуръ донесенъ былъ той самой партіей, въ которой ничего не хотѣлъ видѣть, кромѣ вредныхъ химеръ... Такъ говорятъ приверженцы „передовой“ партіи, противной Ка-

вуру. Кавуръ, конечно, съ ними не согласенъ, не согласны, какъ мы видѣли, и французскіе журналы, и англійскіе государственные мужи, — ergo не согласны и мы... А ежели читатель имѣетъ претензію на самостоятельность сужденія, то пусть самъ разберетъ, кто правъ, кто виноватъ. Мы же обратимся къ изложенію подвиговъ Кавура.

Закономъ 30 октября 1847 года дана была нѣкоторая свобода журналистикѣ въ Пьемонтѣ. Кавуръ немедленно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, соединившись съ графомъ Бальбо и графомъ Санта-Роза, основалъ журналъ: „Risorgimento“ (Воскресенье или Возстаніе), который и началъ выходить съ половины декабря, объявивъ слѣдующіе принципы: независимость Италіи, единеніе итальянскихъ властителей съ народомъ, прогрессы на пути реформъ, союзъ между итальянскими государями... Къ этому прибавлялось, что лучшимъ украшеніемъ и благороднѣйшею чертою итальянскаго движенія должны быть спокойствіе и умѣренность.

Программу эту „Risorgimento“ исполнялъ постоянно и добросовѣстно. Какъ добавленіе къ ней, въ родѣ неоффиціальной части, надо замѣтить постоянное восхваленіе государственныхъ учрежденій Англіи, въ статейкахъ, писанныхъ самимъ Кавуромъ и утвердившихъ за нимъ на нѣкоторое время прозвище „лорда Кавура“.

Съ конца 1847 года начинается самоотверженная дѣятельность графа на поприщѣ либерализма. 21-го декабря онъ, вмѣстѣ со многими другими патріотами, подписалъ смѣлое прошеніе къ королю неаполитанскому, который казался плохо расположеннымъ слѣдовать примѣру Пія IX на пути реформъ. Въ прошеніи умоляли короля „присоединиться къ политикѣ благоразумія, прощенія, цивилизаціи и любви христіанской“. И дѣйствительно, мы знаемъ, что съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того (28 января 1848 г.) въ Неаполѣ обнародованы были основанія конституціи.

Впрочемъ, можетъ быть, на Фердинанда II подѣйствовало не столько прошеніе, подписанное, между прочимъ, Кавуромъ, сколько возстаніе, происшедшее 12-го января въ Сициліи и вслѣдъ затѣмъ въ Неаполѣ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что Фердинандъ противился до послѣдней крайности и не уступилъ иначе, какъ по рѣшительной необходимости... Съ этимъ соглашается, въ своей „Исторіи Италіи“, даже другъ и сотрудникъ Кавура, графъ Чезаре Бальбо (т. II, стр. 234).

Но, во всякомъ случаѣ, ясно одно, что графъ Кавуръ гораздо благовременнѣе умѣлъ заявлять свои требованія, нежели, напримѣръ, глава „Юной Италіи“, обращавшійся съ своими совѣтами къ Карлу-Альберту еще въ 1831 году!..

Еще болѣе доказалъ свою политическую мудрость графъ Кавуръ въ дѣлѣ генуэзской депутаціи, 7-го января 1848 года. Біографъ его гово-

ритъ, что тутъ графъ далъ „лучшее и величайшее доказательство проницательности своего разума и рѣшительности своего духа“. Дѣло было такъ. Изъ Генуи явилась депутація — требовать отъ короля учрежденія въ городѣ національной гвардіи и изгнанія іезуитовъ. Редакторы разныхъ журналовъ и нѣкоторые ихъ сотрудники собрались съ тѣмъ, чтобы рѣшить общими силами поддерживать требованіе Генуи въ журналистикѣ. Кавуръ отличился передъ всѣми: онъ совѣтовалъ, вмѣсто тѣхъ или другихъ реформъ, прямо требовать конституціи. Столь смѣлое предложеніе испугало очень многихъ, и противъ него возстали, по свидѣтельству итальянскаго біографа, даже многіе люди демократической партіи. Послѣднее обстоятельство не вполнѣ объяснено; но оно дѣлается менѣе страннымъ, когда мы прочтемъ разсужденія Кавура по этому поводу. Такъ, онъ говорилъ, между прочимъ: „Къ чему служатъ требованія, которыя—будутъ-ли отвергнуты или признаны — во всякомъ случаѣ, волнуютъ государство и уменьшаютъ нравственный авторитетъ правительства? Такъ какъ правительство не можетъ болѣе править на основаніяхъ, на которыхъ правило до сихъ поръ, то пусть приметъ другія, болѣе согласныя съ духомъ времени и съ успѣхами цивилизаціи, чтобы потомъ не было поздно, и чтобы всякая власть общественная не была низвергнута и уничтожена предъ криками народа“.

Изъ этого видно, что положеніе было уже очень натянуто, и что самъ Кавуръ заслышалъ уже приближавшуюся силу „народныхъ криковъ“. Немудрено, что другіе слышали ихъ гораздо яснѣе и хотѣли предоставить имъ рѣшеніе вопроса, не надѣясь получить добромъ отъ слабаго Карла-Альберта ничего, кромѣ половинныхъ и невѣрныхъ льготъ.

Тѣмъ не менѣе, Кавуръ вскорѣ писалъ въ своемъ журналѣ, что желательно, чтобъ король „перенесъ всякія общественныя разсужденія съ опасной арены неправильныхъ волненій въ сферу преній законныхъ, мирныхъ и правильныхъ“. Это уже было довольно ясно и смѣло. Но Кавуръ съ друзьями пошли дальше: они редижировали прошеніе къ Карлу-Альберту о дарованіи конституціи, и графъ Санта-Роза (министръ) даже осмѣлился поднести его королю!.. Въ то же время англійскій посланникъ Эберкромби объявилъ, съ своей стороны, черезъ министра Санъ-Марцано, что уступить требованіямъ либераловъ — едва-ли не единственное средство спасенія для Карла-Альберта. И послѣ двухнедѣльныхъ колебаній, видя, что уже и въ Тосканѣ, и въ Неаполѣ дается конституція, король пьемонтскій рѣшился уступить, и 8-го февраля провозгласилъ основанія конституціи, а 4-го марта былъ объявленъ и самый статутъ...

Такимъ образомъ, ровно за мѣсяцъ впередъ графъ Кавуръ умѣлъ предусмотрѣть политическую необходимость, которой уступилъ потомъ Карлъ-

Альбертъ!.. И именно въ это только время рѣшился онъ принять участіе въ дѣйствіи, доказывая тѣмъ свое превосходство предъ сумасбродами, предъявляющими требованія, которыя исполняются развѣ только черезъ двадцать, тридцать лѣтъ...

Въ 1848 году графъ Кавуръ продолжалъ свое поприще въ журналѣ и сдѣлалъ первый дебютъ въ парламентѣ, куда выбранъ былъ депутатомъ. Успѣхи его на этотъ разъ были не велики. При началѣ войны, правда, онъ еще разъ показалъ свою политическую проницательность, доходившую до совершеннаго совпаденія съ событіями: 23 марта онъ восторженно писалъ въ „Risorgimento“, что теперь необходима неотлагательная война съ Австріей, а 24-го Карлъ-Альбертъ отдалъ прокламацію—что идетъ помогать возставшимъ ломбардцамъ, и 26-го точно выступилъ въ походъ. Но затѣмъ графъ Кавуръ разошелся нѣсколько съ общими желаніями, начавши (въ противность знаменитому „Italia farà da se“) проповѣдывать необходимость чужеземной помощи. Тогда онъ не былъ, разумѣется, приверженцемъ французскаго союза—во Франціи была республика и никто еще не предвидѣлъ Людовика Наполеона,—но тѣмъ рѣшительнѣе настаивалъ Кавуръ на призваніи посредничества Англіи, ручаясь за ея благонамѣренность своимъ личнымъ знакомствомъ съ ея министрами. Такъ писалъ онъ въ журналѣ, такъ говорилъ и въ парламентѣ, и рѣчи его нерѣдко заглушались шумомъ крайней лѣвой и свистками въ галлереяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ это время нужно было ободрять итальянцевъ и всѣми силами возвышать ихъ довѣріе къ себѣ: только такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, можно было пріобрѣсти популярность. Но графъ Кавуръ гордился тѣмъ, что не дорожилъ популярностью, и смѣло толковалъ въ это время: „да гдѣ намъ? да что мы такое? Коли намъ другіе не помогутъ, такъ мы просто потерянные люди!“ И событія оправдали его слова. Правда, дѣло итальянцевъ въ 1848 — 1849 гг. было потеряно именно оттого, что народное движеніе въ Верхней Италіи было возбуждено хоть и довольно сильно, но все-таки недостаточно; но, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, именно силы-то народнаго движенія всегда и опасался Кавуръ. Считая силы итальянцевъ, онъ бралъ въ разсчетъ единственно регулярныя силы правительства и арміи, нимало не думая о народѣ. И ему, конечно, казалось тогда, что еслибъ Италія повела до конца все дѣло такъ, какъ начала его, т.-е. революціоннымъ путемъ, то она точно сама собою справилась бы съ своими врагами; но такому торжеству народа онъ едва-ли не предпочиталъ неаполитанскую и римскую реакцію и даже чуть ли не австрійское господство. Около этого времени онъ писалъ въ „Risorgimento“: „Люди энергическихъ мѣръ, люди, предъ которыми мы не болѣе, какъ *умѣренные*, не новы въ мірѣ: каждая эпоха вол-

ненія имѣла своихъ, и исторія показываетъ, что они никогда не годились ни на что болѣе, какъ на то, чтобы произвести романъ или погубить важнѣйшія предпріятія человѣчества. Чѣмъ больше пренебрегаютъ они естественными путями, тѣмъ меньше успѣваютъ... И ежели нѣтъ прямой невозможности выполненія, то торжество всегда бываетъ мгновенно и призрачно. Толпа рукоплещетъ, но мудрый молчитъ; а событія оправдываютъ проницательность мудраго... Въ самомъ дѣлѣ, отчего погибло дѣло столькихъ революцій, самыхъ благородныхъ и справедливыхъ? Отъ безумства революціонныхъ средствъ, отъ людей, которые хотѣли сдѣлаться независимыми отъ общихъ законовъ и считали себя достаточно сильными для того, чтобы все передѣлать въ основаніи".

И въ этихъ благоразумныхъ расположеніяхъ, Кавуръ возлагалъ свои надежды на правильный и мирный ходъ дѣлъ, на короля неаполитанскаго, тосканскаго великаго герцога, Пія IX и Карла-Альберта, полагая, что они „приведутъ къ счастливому концу свое славное и несравненное дѣло и оснуютъ на твердыхъ и глубокихъ основахъ блистательнѣйшее зданіе новѣйшихъ временъ—свободу Италіи".

И графъ Кавуръ до того былъ искрененъ въ своихъ надеждахъ и сужденіяхъ, что послѣ извѣстія о кустоцскомъ пораженіи записался-было въ волонтеры и не отправился въ походъ только потому, что перемиріе помѣшало, а послѣ перемирія все-таки писалъ и говорилъ въ парламентѣ противъ возобновленія войны, продолжая настаивать на посредничествѣ Англіи. Продолженія войны, видите-ли, требовала крайняя лѣвая, и депутатъ Брофферіо, за рѣчь о немедленномъ возобновленіи военныхъ дѣйствій, удостоился въ Туринѣ самой шумной народной оваціи: Кавуру показалось тогда, что опять революція готова обнять Италію, и онъ, несмотря на свой патріотизмъ, возобновилъ свою оппозицію противъ войны.

Впрочемъ, въ это время Кавуръ, сидя на крайней правой и всѣми силами поддерживая министерства Бальбо, Казати и Пинелли,—одно хуже и непопулярнѣе другого, — вообще заслужилъ себѣ нехорошую репутацію. О немъ говорили, что „лорда Камилло можно сравнить только съ кавалеромъ Рельи, издателемъ „Пирата": одинъ точно такъ же искусно и усердно защищаетъ безмозглыя министерства, какъ другой — безногихъ танцовщицъ"... Это было писано въ „Concordia", журналѣ демократовъ. Но надо думать, что Кавуръ дѣйствительно ужъ очень пересолилъ въ своемъ усердіи къ министерствамъ, потому что даже у Джоберти, человѣка довольно умѣреннаго, находимъ мы противъ него слѣдующую выходку: „Пинелли и его сотоварищи обязаны были продолженіемъ своей несчастной агоніи преимущественно Камилло Кавуру, который и рѣчью и перомъ, съ невѣроятнымъ задоромъ работалъ, чтобы дать кредитъ лю-

дямъ, очевидно бездарнѣйшимъ...“ (Giob. Rinnov. I, p. 249). Изъ-за чего тутъ хлопоталъ графъ Кавуръ, рѣшить трудно: правда, что тутъ были его друзья и бывшіе сотрудники—графъ Санта-Роза, кавалеръ Бонкомпаньи и др. Но, кажется, у графа было ужъ врожденное пристрастіе къ министерствамъ; въ послѣднемъ парламентѣ онъ объявилъ, въ отвѣтъ на интерпелляціи Ламарморы, бывшаго военнаго министра, противъ Фанти: „въ восемь лѣтъ министерства г-на Ламарморы я всегда его поддерживалъ противъ всѣхъ интерпелляцій; теперь считаю нужнымъ сдѣлать то же въ отношеніи г. Фанти противъ г. Ламарморы; и если достопочтенный интерпеллянтъ не отступится отъ своихъ требованій и будетъ одобренъ палатою, то я дня не останусь въ министерствѣ“. И интерпелляціи Ламарморы, какъ извѣстно, не были одобрены палатою, при всей силѣ общаго отвращенія къ Фанти.

Но въ 1848 и 49 гг., графъ Кавуръ не имѣлъ еще такой силы: оттого рѣчи его почти постоянно сопровождались свистками. Кавуръ выдерживалъ и даже иногда прибѣгалъ къ убогимъ общимъ мѣстамъ, одно изъ которыхъ было у насъ особенно въ ходу въ прошломъ году, по поводу овацій разнымъ литераторамъ. Говоря противъ проекта прогрессивнаго налога, предложеннаго однимъ изъ депутатовъ, Пескаторе, онъ пустился въ соображенія такого рода, которыя привлекли на него свистки... Тогда онъ возразилъ: „эти свистки оскорбляютъ не меня, а достоинство палаты; я ихъ раздѣляю со всѣми моими сочленами“... Этой выходкой всѣ біографы восхищаются, а не знаютъ того, что наши литераторы тоже говорили, одинъ за другимъ: эти рукоплесканія я не отношу лично къ себѣ, но ко всей русской литературѣ, которой я... и пр.

Иногда, впрочемъ, Кавуръ выходилъ изъ себя. Такъ, однажды, освистанный въ неудачной защитѣ противъ Брофферіо, онъ едва кончилъ свой отвѣтъ и, замѣтивъ, что въ галлереяхъ толпа продолжаетъ шумѣть и смѣяться и послѣ его рѣчи, когда уже началъ говорить что-то министръ внутреннихъ дѣлъ,—Кавуръ всталъ и, обратясь къ вице-президенту палаты, попросилъ его распорядиться о прогнаніи „державнаго народа“ (popolo sovrano,—какъ говорятъ въ конституціонныхъ земляхъ Италіи) изъ его галлереи.

Къ довершенію своей дурной репутаціи, графъ Кавуръ имѣлъ нѣкоторыя обязательства съ клерикальной партіей: онъ былъ (по крайней мѣрѣ незадолго предъ тѣмъ) членомъ одного клерикальнаго клуба, дружилъ съ г. Марготти, однимъ изъ самыхъ видныхъ и ловкихъ обскурантовъ, до сихъ поръ отлично редижирующимъ клерикальный журналъ „L'Armonia“, и даже пописывалъ въ „Armonia“ статейки...

Все припомнилось графу Кавуру на слѣдующихъ выборахъ: онъ

былъ забракованъ и могъ въ 1849 году подвизаться только въ журналистикѣ.

Министромъ былъ въ это время Джоберти: онъ былъ слишкомъ либераленъ для Кавура, но между ними могло быть много общаго. Такъ, въ „Risorgimento" заслужила одобренія программа Джоберти относительно Тосканы и Рима. Джоберти, какъ извѣстно, предполагалъ, для удаленія вмѣшательства австрійцевъ и возвышенія значенія Пьемонта, предложить услуги пьемонтцевъ для возстановленія папы и великаго герцога тосканскаго. Къ папѣ даже послы отправлялись въ Гаэту для переговоровъ, да тотъ самъ не захотѣлъ съ Пьемонтомъ возиться. О Тосканѣ, разумѣется, и говорить нечего... Но какъ бы то ни было, при всемъ своемъ ребячествѣ и даже нѣкоторой ретроградности, идея либеральнаго Джоберти очень понравилась тогда консервативному Кавуру... Черезъ десять лѣтъ возвратились-было къ ней, предлагая Пьемонту охраненіе правъ святѣйшаго отца; но и Кавуру, подобно Джоберти, не суждено было вкусить осуществленія этой плодотворной идеи.

1850 годъ былъ для Кавура счастливѣе: въ самомъ началѣ года его выбрали въ парламентъ. Министерство д'Азеліо, образовавшееся тотчасъ послѣ новарскаго пораженія, громко требовало поддержки страны; а кто же искуснѣе Кавура былъ въ поддержаніи всевозможныхъ министерствъ?.. На этотъ разъ, впрочемъ, Кавуръ былъ осторожнѣе и даже явно сталъ склоняться на сторону болѣе либеральную. Говоря въ пользу проекта закона Сиккарди объ отмѣненіи церковнаго суда, онъ порвалъ связи не только съ клерикальной партіей, но и съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ умѣренныхъ друзей, какъ Бальбо, Ревель, и др. Въ эту же парламентскую сессію онъ выгодно обратилъ на себя вниманіе однимъ длиннымъ дискурсомъ, по поводу вопроса о продажѣ государственныхъ имуществъ. Здѣсь изложилъ онъ свои экономическія теоріи, свой взглядъ на управленіе финансами и на средства къ ихъ процвѣтанію, — словомъ, произнесъ рѣчь о томъ, какъ бы онъ сталъ вести дѣла, если бы ему поручили министерство финансовъ. Этою рѣчью онъ рѣшительно поставилъ себя кандидатомъ въ министры, и дѣйствительно — ему не трудно было разсчитывать на министерское кресло въ кабинетѣ д'Азеліо: тутъ большею частью были люди его цвѣта. Притомъ же въ этомъ году, когда палата, по всеобщему соглашенію, составлена была изъ людей самыхъ умѣренныхъ и министеріальныхъ, Кавуръ и въ палатѣ пріобрѣлъ себѣ единомышленниковъ, такъ что являлся даже представителемъ нѣкоторой партіи. До какой степени ничтожна была оппозиція, видно изъ того, что предводителемъ ея являлся Ратацци... Такимъ образомъ, для Кавура дорога была открыта, и въ октябрѣ 1850 года, когда умеръ другъ его, графъ Санта-Роза,

министръ земледѣлія и торговли, — д'Азеліо предложилъ портфель его Кавуру. Говорятъ, что король Викторъ-Эммануилъ, утверждая назначеніе новаго министра, замѣтилъ: „хорошо; но только смотрите—онъ всѣхъ васъ ссадитъ съ вашихъ мѣстъ".

Въ апрѣлѣ 1851 года, Кавуръ получилъ и желанное имъ министерство финансовъ, не оставляя однакожъ прежняго—земледѣлія и торговли.

Въ 1852 году Кавуръ уже былъ душою министерства, которое даже и называть стали нерѣдко „кавуровскимъ". Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть вліянія Кавура въ распоряженіяхъ, особенно касательно внѣшней политики, принятыхъ въ это время въ Пьемонтѣ. Опасаясь за спокойствіе Пьемонта и, повидимому, не разсчитывая уже на его роль въ ближайшемъ будущемъ Италіи, министерство д'Азеліо сильно хлопотало о дружескихъ связяхъ съ сосѣдями, особенно съ Австріей и Франціей,—которой, послѣ 2-го декабря, графъ Кавуръ окончательно пересталъ бояться. Въ этихъ видахъ предложено было приступить къ дѣятельному окончанію торговаго трактата съ Австріей, о которомъ давно велись переговоры, и кромѣ того, особенно, заключить условіе о взаимной выдачѣ контрабандистовъ, практикующихъ на тичинской границѣ. Ораторы лѣвой называли это „новыми колѣнопреклоненіями предъ австрійской политикой"; но имъ отвѣчали, что Пьемонту зазнаваться особенно нечего, что благоволеніе сосѣдей для него необходимо... Для Франціи дѣлали еще больше—измѣняли постановленія пьемонтской конституціи. Послѣ 2-го декабря пьемонтская демократическая пресса не переставала осыпать упреками и насмѣшками новый порядокъ вещей во Франціи; это заставляло опасаться неудовольствія сильнаго сосѣда. Можетъ быть даже, что неудовольствіе и было ужъ высказано... Министерство рѣшилось предложить измѣненія въ законѣ о книгопечатаніи въ запретительномъ смыслѣ насчетъ оскорбленія чужихъ правительствъ. По поводу этого предложенія возникъ въ палатѣ шумъ, какого и не ожидали. Шумѣли не столько либералы, отвергавшіе измѣненіе, сколько крайніе правые, требовавшіе при сей удобной оказіи не только этого закона, но и вообще стѣсненія книгопечатанія, да и не только этого — а ограниченія закона о выборахъ, уничтоженія національной гвардіи, и т. п... да и этого мало—просто кричали о передѣлкѣ всего пьемонтскаго статута въ смыслѣ новой наполеоновской конституціи. Кавуръ, разумѣется, не имѣлъ никакого резона желать такихъ перемѣнъ; министерство было въ затрудненіи и не знало, что дѣлать. Въ этихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ, Кавуръ показалъ въ первый разъ свою дипломатическую смышленость: онъ перевернулся и, либеральнымъ образомъ объяснившись съ лѣвымъ центромъ, пошелъ съ нимъ за одно

противъ ретроградныхъ требованій правой, удерживая въ то же время предложеніе министерства. Въ это время ему представился случай сблизиться еще болѣе съ лѣвыми: президентъ палаты депутатовъ, Пинелли, умеръ. Надо было выбрать новаго. Кавуръ съ своими друзьями принялся хлопотать о выборѣ Ратацци. Это соединеніе такъ и осталось въ парламентскихъ лѣтописяхъ Пьемонта подъ именемъ перваго connubio Кавура. Ратацци точно былъ выбранъ слабымъ большинствомъ,—74 противъ 52,—и Кавуръ могъ теперь разсчитывать на постоянное большинство въ камерѣ. Но сами министры не совсѣмъ-то одобрительно смотрѣли на подвиги своего товарища, совершенные имъ рѣшительно безъ ихъ полномочія... Возникли несогласія, министерство подало въ отставку; вмѣстѣ съ другими вышелъ и Кавуръ—и не возвратился. Король поручилъ составленіе новаго министерства опять тому же д'Азеліо, и д'Азеліо на этотъ разъ, возвративъ троихъ изъ прежнихъ министровъ, Кавура не пригласилъ... Вслѣдъ затѣмъ, парламентъ былъ отсроченъ на четыре мѣсяца,—до ноября 1852 года.

Въ теченіе своего министерства, Кавуръ успѣлъ заключить торговый трактатъ съ Австріей, добиться отъ парламента полномочія на пересмотръ тарифа и привести въ удовлетворительный видъ финансовую отчетность. Ясность и опредѣлительность его отчета за 1851 годъ много облегчила, говорятъ, заключеніе въ 1852 году пьемонтскаго займа въ 75 милліоновъ франковъ.

Оставляя министерство, Кавуръ, разумѣется, зналъ, что оставляетъ его не надолго. Его удаленіе, въ которомъ всѣ невыгодныя видимости падали на министерство д'Азеліо, только усилило начинавшееся въ публикѣ сочувствіе къ ловкому министру. Поэтому, не заботясь много о судьбѣ новаго министерства, графъ Кавуръ воспользовался своей свободой, чтобы съѣздить во Францію и въ Англію. Въ Парижѣ представился онъ императору и представилъ своего недавняго друга — Урбана Ратацци, тоже на сей разъ случившагося въ Парижѣ. Кажется, что Ратацци ничего не извлекъ изъ этого представленія; но Кавуръ вынесъ изъ свиданій съ императоромъ много поучительнаго для ума и сердца. Подробности свиданій неизвѣстны; но знаютъ, что Кавуръ уже заранѣе пользовался расположеніемъ императора за свои хлопоты о законѣ относительно книгопечатанія, что поэтому императоръ съ довѣрчивостью и благосклонностью выслушивалъ бывшаго сардинскаго министра, когда тотъ рисовалъ ему положеніе Пьемонта; что Кавуръ, поговоривъ съ Наполеономъ, убѣдился, что тотъ вовсе не врагъ здравой конституціи Пьемонта, пока она охраняется отъ разныхъ демократическихъ покушеній... Говорили тогда больше... говорили, что даже нѣкоторыя предположенія относительно Италіи были уже

высказаны при тогдашнихъ свиданіяхъ... Но этого, разумѣется, никто съ достовѣрностью утверждать не можетъ...

Во всякомъ случаѣ, графъ Кавуръ возвратился въ Туринъ, въ октябрѣ 1852 года, полный глубочайшаго уваженія къ мудрости императора французовъ, и съ этого времени сближеніе съ Франціей дѣлается для него еще болѣе необходимымъ, чѣмъ прежде казалась дружба съ Англіей.

Между тѣмъ, въ министерствѣ произошла комедія. Чтобы привлечь на свою сторону либеральное общественное мнѣніе, д'Азеліо пустилъ въ ходъ проектъ закона о гражданскомъ бракѣ. Желаемый эффектъ былъ полученъ, законъ прошелъ-было; но римскій дворъ вступился въ дѣло и завелъ весьма энергическую переписку непосредственно съ королемъ. Министерство струсило и вышло въ отставку. Отъ короля, черезъ посредство архіепископа, потребовали, чтобъ онъ назначилъ министерство, не противное римскому двору, и именно желали Бальбо. Но Бальбо былъ теперь невозможенъ, да ужъ и самъ не хотѣлъ. Король обратился къ Альфіери,— тотъ отказался; къ д'Азеліо—тотъ объяснилъ, что быть угоднымъ римскому двору никакъ не можетъ. Король призвалъ тогда Кавура: тотъ пошелъ на сдѣлку съ архіепископомъ, уполномоченнымъ отъ римскаго двора. Сдѣлка не удалась, и Кавуръ отказался. Попы продолжали требовать Бальбо... Въ городѣ начали ходить слухи, что король подпадаетъ подъ поповское вліяніе, что іезуитское министерство должно скоро все повернуть на старинный ладъ, и пр. Въ это время случилась въ Парижѣ смерть Джоберти, извѣстнаго противника іезуитовъ, и по этому случаю произошла такая сильная манифестація, которая убѣдила короля, что вліянія клира ему нечего опасаться и что чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ лучше. Въ этихъ расположеніяхъ призвалъ онъ опять графа Кавура и поручилъ ему составить министерство по его усмотрѣнію. Кавуръ взялся, и 4 ноября 1852 года министерство было составлено.

Съ этого времени начинается блестящая эпоха жизни Кавура. Постараемся прослѣдить и ее съ прежнимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, т.-е. воздерживаясь по возможности отъ восторженныхъ диѳирамбовъ.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, графъ Кавуръ не совершилъ еще ничего сверхъестественнаго: былъ недурнымъ министромъ въ двухъ министерствахъ, обнаружилъ стремленіе къ реформамъ и улучшеніямъ, но еще далеко не могъ претендовать на общеевропейскую или хотя бы общеитальянскую славу. Несмотря на то, вступленіе его въ министерство было встрѣчено вообще довольно благопріятно: знали, что при немъ, по крайней мѣрѣ, въ совершенную реакцію не бросится туринское правительство. А извѣстно, что большинство мирныхъ гражданъ, даже и въ мало благоустроенныхъ

государствахъ, всегда находится между двумя противоположными страхами: какъ бы революція не вспыхнула и не привела съ собой анархіи, или какъ бы не придушила ихъ деспотическая реакція. Кто обѣщаетъ обезпечить ихъ отъ обѣихъ крайностей, тому и книги въ руки отдаются ими очень охотно.

Собственно, звѣзда Кавура загорѣлась своимъ яркимъ блескомъ только послѣ парижскаго конгресса. Но нельзя не видѣть, что на конгрессѣ обнаружились только результаты, подготовленные въ предыдущіе годы. Поэтому, нельзя оставить безъ вниманія и этихъ годовъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе ихъ произведено много перемѣнъ во внутреннемъ состояніи страны.

Разсказываютъ, что въ бытность свою въ Парижѣ, графъ Кавуръ излагалъ однажды свои экономическія теоріи въ присутствіи нѣсколькихъ знаменитыхъ экономистовъ. Мнѣнія его въ особенности понравились г. Леону Фоше, — тому самому знаменитому Фоше, съ которымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, россійская публика познакомилась въ изслѣдованіяхъ г. Чичерина. Фоше былъ такъ восхищенъ, что воскликнулъ: „вотъ превосходныя теоріи, но ихъ составляютъ предъ вступленіемъ въ министерство, а потомъ бросаютъ въ сторону“.—Кавуръ съ чрезвычайной живостью возразилъ: „можетъ быть, такова ваша политика, но за себя я даю честное слово, что, достигши власти, я проведу мои идеи, или удалюсь отъ дѣлъ“... И дѣйствительно, графъ Кавуръ постоянно оставался вѣренъ своимъ экономическимъ и политическимъ взглядамъ, которые мы отчасти уже видѣли выше.

Главнѣйшія улучшенія, произведенныя имъ въ экономическомъ развитіи страны, были устроены въ принципѣ свободной торговли. Въ 1853 году сдѣланъ былъ въ тарифѣ рѣшительный переворотъ. Пошлина съ хлѣба отмѣнена, хотя казна теряла при этомъ около 4 милліоновъ франковъ; съ колоніальныхъ товаровъ пошлина понижена на 50 проц., съ желѣза—тоже. Вслѣдствіе этого, какъ утверждаютъ [1]), капиталы пришли въ движеніе: въ Пьемонтѣ завелись машинныя фабрики, которыхъ прежде не было вовсе, удвоилось въ нѣсколько лѣтъ шелковое производство, учетверилось хлопчато-бумажное, усилился вообще ввозъ и вывозъ, торговля оживилась и, къ увѣнчанію всего дѣла, даже таможенные доходы, начиная съ 1856 года, получили приращеніе около 4 милліоновъ лиръ (франковъ) [2]). Правда, что народъ получилъ отъ этого какъ-то мало прибыли; но ужъ въ этомъ Кавуръ, разумѣется, не виноватъ: по всѣмъ экономическимъ теоріямъ, его мѣры должны были оказаться благодѣтельными для массъ. Усилилось производство, слѣдовательно, должна была возвыситься заработная плата, а произведенія должны были подешевѣть. Но вышло не такъ: заработная

---

[1]) Точныхъ статистическихъ свѣдѣній мы не могли достать, да едва-ли и существуютъ они за всѣ годы.

[2]) Le Piemont et le ministère du comte de Cavour, p. F. Verosis. Paris. 1857.

плата, возвысившись не надолго, вскорѣ упала; мало того, фабриканты стали обременять работниковъ, произвольно увеличивая число рабочихъ часовъ и т. п. Доходило до того, что работники разбѣгались съ пьемонтскихъ фабрикъ, точно у насъ съ Волжско-донской дороги,—что однакоже не улучшало ихъ положенія... А между тѣмъ дороговизна и въ Пьемонтѣ шла своимъ чередомъ, и теперь на нее жалуются въ Туринѣ точно такъ же, какъ въ Парижѣ.

Все это, конечно, не уменьшаетъ заслуги графа Кавура, и мы упоминаемъ здѣсь о народныхъ тяжестяхъ только потому, что за блескомъ внѣшнихъ и общихъ выводовъ очень часто оставляютъ эту сторону дѣла безъ всякаго вниманія. А для насъ эта часть вопроса представляется настолько важною, что мы даже не рѣшаемся здѣсь говорить о ней мимоходомъ, а надѣемся современемъ представить читателямъ особую статью о томъ, въ какой мѣрѣ возвышеніе народнаго благосостоянія соотвѣтствовало въ Пьемонтѣ тѣмъ или другимъ общимъ измѣненіямъ, въ послѣднее десятилѣтіе.

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ Кавуромъ въ то же время, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ пониженіе почтовой и телеграфной таксы: въ короткое время корреспонденція въ Пьемонтѣ такъ усилилась, что, несмотря на пониженіе платы, доходы съ почты и телеграфовъ замѣтно возросли.

Инипіативѣ Кавура надобно также приписать быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ въ Сардиніи. До 1858 года было ихъ построено 872 километра (около 800 верстъ), частью самимъ правительствомъ, частью же приватными компаніями. Послѣднее оказалось удобнѣе: правительству каждый километръ обходился, среднимъ числомъ, 500 т. лиръ, а частнымъ компаніямъ по 150—170. Правда, впрочемъ, что различіе мѣстности значило тутъ очень много... Въ управленіи дорогами тоже оказалось лучшимъ—передать ихъ въ частныя руки, и теперь около двухъ третей сардинскихъ дорогъ сданы на откупъ. За всѣми издержками, правительству очищается отъ желѣзныхъ дорогъ чистаго дохода до 6.000.000.

Весьма большую важность придаютъ также проекту Кавура перевести флотъ изъ Генуи въ Специю. Планъ этотъ былъ задуманъ еще, когда Кавуръ былъ только министромъ коммерціи, но встрѣтилъ тогда сильную оппозицію, и только въ 1857 году Кавуръ добился одобренія своего проекта отъ парламента. На работы въ Специи по этому случаю ассигновано было 24 милліона, и считаютъ, что эта сумма весьма легко покрывается уже одною выгодою, которую, съ удаленіемъ флота, пріобрѣтаетъ торговля генуэзскаго порта.

Какъ видите, характеръ дѣятельности графа Кавура во внутреннемъ управленіи былъ по преимуществу строительный и коммерческій. Нельзя, конечно, сказать, чтобы и въ этой части онъ дѣйствовалъ безукоризненно-

хорошо: одинъ изъ послѣднихъ его правительственныхъ актовъ,—разорительная уступка неаполитанскихъ дорогъ французской компаніи Талабо, возбудившая всеобщій протестъ въ неаполитанцахъ, доказываетъ,—въ какія крайнія ошибки могъ впадать сардинскій государственный мужъ и экономистъ... Но, чтобы судить о его дѣйствіяхъ въ этихъ случаяхъ строго, надо пускаться въ подробности, для которыхъ у насъ не достаетъ теперь ни терпѣнія, ни надежныхъ источниковъ. Поэтому намъ остается, по примѣру другихъ, похвалить Кавура за его дѣятельность, имѣя въ виду то, что другой на его мѣстѣ могъ бы и ровно ничего не дѣлать.

По части законодательной и административной, по части заботъ о правахъ и благѣ народа, о народномъ образованіи и пр., и пр., дѣятельность графа Кавура далеко не можетъ быть названа столь энергическою, и даже должна быть признана очень слабою и вялою. Въ этомъ сознаются даже тѣ изъ его біографовъ, которые восхищаются, напр., тѣмъ, какъ онъ умѣлъ чуть - ли не угоняться за второй имперіей въ развитіи государственнаго долга. До 1848 года у Сардиніи было долга около 100 милліоновъ; войны 1848—49 гг. стоили ей до 200 м.; а къ 1858 году, при всей мудрости финансоваго управленія, долгу было 725 милліоновъ фр. Затѣмъ займы пошли, въ перемежку съ новыми пріобрѣтеніями, такъ быстро, что ихъ и сосчитать трудно [1]). Теперь итальянцы, даже самаго министерскаго оттѣнка сознаются, что положеніе ихъ финансовъ можетъ быть сравнено только развѣ съ австрійскимъ. (Прибавимъ, что хуже австрійскаго они ничего не знаютъ).

Но мы забѣгаемъ впередъ и между тѣмъ не оговариваемся, что хотя графъ Кавуръ и былъ душою министерства, но онъ все - таки былъ не одинъ, и, слѣдовательно, часть отвѣтственности должна быть снята съ него и передана его сотоварищамъ. Для этого мы перескажемъ, въ нѣсколькихъ словахъ, съ кѣмъ раздѣлялъ онъ власть со времени своего водворенія въ министерствѣ. Самъ онъ постоянно былъ, разумѣется, президентомъ совѣта и, кромѣ того, въ 1852 г. взялъ министерства финансовъ и земледѣлія и торговли; въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Санъ-Мартино (нынѣшній намѣстникъ Неаполя), иностранныхъ дѣлъ—Даборміда, военнымъ — Ламармора, юстиціи — Бонкомпаньи, народнаго просвѣщенія—Чибраріо, общественныхъ работъ — Палеокапа. Въ октябрѣ

[1]) Кольбъ показываетъ въ 1860 году, еще безъ Тосканы и герцогствъ — 1200 милліоновъ долгу на Пьемонтѣ, и 50 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ по этому долгу (Allg. Stat. 272). Недавно въ парламентѣ Феррари высчиталъ, что *итальянскій* долгъ въ 1859 году былъ—1.815 милліоновъ, а теперь—2.500 милліоновъ, да еще къ этому министръ финансовъ представляетъ дефицитъ 318 милліоновъ. Теперь рѣчь идетъ о займѣ въ 500 милліоновъ, и Феррари замѣчаетъ, что съ такой финансовой системой Италія непремѣнно въ пять лѣтъ наживетъ себѣ пять милліардовъ долгу.

1853 года, вмѣсто Бонкомпаньи вступилъ въ министерство Ратацци. Такой составъ министерства былъ встрѣченъ очень благопріятно, потому что большая часть министровъ извѣстны были или за хорошихъ спеціалистовъ, или за людей съ либеральнымъ направленіемъ. Но за то они не отличались особенной энергіей характера и силою политическихъ убѣжденій,—исключая, можетъ быть, Ратацци, который всегда досаждалъ Кавуру тѣмъ, что градуса на полтора казался почему-то либеральнѣе его. Впрочемъ, онъ, при несогласіи товарищей, ничего значительнаго не могъ сдѣлать и былъ удерживаемъ въ министерствѣ собственно затѣмъ, чтобъ его партія не мѣшала Кавуру въ парламентѣ. Въ январѣ 1855 г., въ самомъ разгарѣ переговоровъ съ Наполеономъ о крымскихъ дѣлахъ, Кавуръ принялъ на себя министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ апрѣлѣ того же года, все министерство, вслѣдствіе новыхъ столкновеній съ римскимъ дворомъ, подало въ отставку. Это случилось въ то самое время, когда нужно было отправлять войско въ Крымъ. Никто не хотѣлъ на этотъ разъ довершать дѣло Кавура и брать на себя отвѣтственность. Король напрасно обращался къ нѣсколькимъ лицамъ и возвратился опять къ Кавуру. На этотъ разъ, взявъ себѣ финансы, Кавуръ пересадилъ на мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ— Чибраріо, а на его мѣсто въ министры просвѣщенія пригласилъ Ланцу; Ратацци далъ министерство внутреннихъ дѣлъ, а на юстицію посадилъ Дефореста; военнымъ и морскимъ министромъ сталъ Дурандо, Палеокапа остался въ министерствѣ публичныхъ работъ. Очень скоро Чибраріо оказался негоднымъ на своемъ мѣстѣ и вышелъ; Кавуръ принялъ министерство иностранныхъ дѣлъ въ свое вѣдѣніе; въ 1857 г., вмѣсто Дурандо, опять вошелъ въ министерство Ламармора, едва возвратившійся изъ Крыма. Въ 1857 году вышелъ Палеокапа и замѣненъ Бартоломеемъ Бона. Въ самомъ началѣ 1858 года, Ратацци не выдержалъ и оставилъ министерство, бывшее теперь уже слишкомъ покорнымъ Кавуру. Тогда Кавуръ устроилъ слѣдующую комбинацію: онъ взялъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ свои руки, на финансы перемѣстилъ Ланцу, сначала оставивъ за нимъ и просвѣщеніе [1]), а потомъ на его мѣсто пригласилъ сенатора Кадорну. Это было сдѣлано для успокоенія лѣваго центра, который волновался изъ-за отставки Ратацци; Кадорна былъ другъ Ратацци, но въ то же время человѣкъ слишкомъ старый и больной, чтобъ составлять въ министерствѣ серьезное противодѣйствіе Кавуру. Затѣмъ, какъ извѣстно, послѣ Виллафранкскаго мира, министерство Кавура подало въ отставку,

---

[1]) Одинъ французскій панегиристъ, говоря о министерствѣ туринскомъ того времени, нашелъ нужнымъ замѣтить въ характерѣ Ланцы ту похвальную черту, что онъ всегда «seconde m-r de Cavour avec zèle et dévouement» (Lettres italiennes, p. Charles de la Varenne, стр. 37).

и на нѣкоторое время учредилось-было министерство Ратацци. Но оно, какъ противное отчасти видамъ Наполеона, отчасти же ненавистное клерикальной партіи, не могло долго удержаться, и въ началѣ 1860 года Кавуръ опять явился главою министерства, съ Фанти, Мингетти, Ведженцы, Маміани, Ячини и т. п. личностями, не очень замѣчательными.

О всѣхъ этихъ министерскихъ измѣненіяхъ надо сдѣлать одно общее замѣчаніе: выборъ графа Кавура падалъ обыкновенно на тѣ или другія лица не столько во вниманіе способности ихъ къ дѣлу, сколько по соображенію ихъ сговорчивости. Нужно было, чтобъ они были руководимы, maneggiabili, какъ выражаются итальянцы. Это свойство графа Кавура — не терпѣть вокругъ себя людей самостоятельныхъ и способныхъ — признаютъ за нимъ всѣ рѣшительно. Хвалебные отзывы отличаются отъ безпристрастныхъ и противныхъ только характеромъ выраженій. Напр., еще въ 1854 году Орсини писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „Бѣдная Италія, если только отъ Ратацци или Кавура ожидаетъ своего спасенія и независимости! Одинъ — законоискусникъ и абсолютистъ, другой — смѣсь остраго ума и деспотическаго высокомѣрія. Онъ хлопочетъ о томъ, чтобы разжирѣть самому и обезкровить (dissanguare) націю. Шуты, которые охотятся за должностями, возносятъ его до небесъ и, льстя ему, портятъ и ту малую частичку добра, какую вложила въ него натура“. Далѣе Орсини приводитъ два примѣра, которыхъ мы тоже не опустимъ здѣсь, такъ какъ они касаются личностей, слишкомъ близкихъ къ Кавуру. „Можетъ быть, вы знаете не хуже меня, — пишетъ Орсини, — что сициліянецъ Джузеппе Ла-Фарина, представлявшійся нѣкогда республиканцемъ, трется теперь въ переднихъ Кавура, и если бы тотъ сказалъ ему не знаю что, онъ все бы исполнилъ съ униженнѣйшею преданностью. Не говорю тебѣ о Луиджи Фарини: это ужасъ! Какъ онъ подлъ душою — это знаетъ вся Романья, видѣвшая, какъ онъ въ кардинальскихъ покояхъ добивался благоволенія Пія IX; и теперь онъ въ Пьемонтѣ, безобразною лестью промышляя себѣ должности и, можетъ быть, со временемъ, отличія“ [1])... Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ слишкомъ грустно оправдали жестокое сужденіе Орсини, хотя приверженцы „кавуріанизма“ до сихъ поръ стараются придавать какой-то ангельски-непорочный оттѣнокъ грязнымъ отношеніямъ Фарини и особенно Ла-Фарины къ Кавуру. Однако же, сами эти господа не могутъ не сознаться въ томъ, что Кавуръ точно наклоненъ былъ окружать себя личностями ничтожными и преклонявшимися предъ нимъ. Не будучи столько развитыми, чтобы понимать всю пошлость такого поведенія, эти господа и не стараются скрывать его, а напротивъ, выставляютъ даже съ

[1]) Lettere intorno alle cose d'Italia. Vol. II, p. 138.

нѣкоторою похвальбою: „вотъ, дескать, нашъ-то баринъ каковъ!..“ Такъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ панегиристовъ Кавура, профессоръ Роджеро Бонги, выражается слѣдующимъ образомъ: „Увѣренный въ своей цѣли и зная, что можетъ и съумѣетъ достичь ее, Кавуръ не знаетъ другихъ противниковъ, кромѣ тѣхъ, которые ему мѣшаютъ въ эту минуту; но онъ очень радъ сегодня воспользоваться тѣми, противъ кого возставалъ вчера,—если только сегодня они могутъ ему быть полезны... Въ товарищи по власти онъ, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, издавна привыкшими побѣждать и видѣть себя правыми, — предпочитаетъ людей, которые не могутъ заслонить его блескомъ своего имени, ни противиться ему энергіей своей воли или силою ума; точно такъ же въ исполнители своихъ рѣшеній онъ предпочтительно беретъ людей новыхъ, созданныхъ и управляемыхъ имъ самимъ“ [1]). Не думайте, что профессоръ Бонги проговаривается, изъ желанія показаться безпристрастнымъ; нѣтъ, у приверженцевъ Кавура было принято хвалить его за то, что онъ *одинъ и самъ собою* управляетъ дѣлами; это было даже особымъ видомъ лести. Такъ, напримѣръ, сатирическій журналъ „Fischietto“ (Свистокъ), усердный слуга Кавура и употреблявшій значительную долю своего остроумія на подличанье передъ нимъ, нерѣдко помѣщалъ каррикатуры въ этомъ смыслѣ. Нарисуетъ, напримѣръ, министерскую комнату: столъ заваленъ портфелями, Кавуръ сидитъ на стулѣ, положивъ ноги на столъ, и пишетъ обѣими руками и обѣими ногами; на бумагахъ видны сдѣланныя имъ вычисленія, чертежи, ноты... подъ его стуломъ и подъ столомъ валяются прочіе министры, спящіе, — подпись: „Кавуръ дѣлаетъ все, а прочіе—остальное“. Это считалось сатирою на министерство, и никому, повидимому, не приходило въ голову спросить: зачѣмъ же Кавуръ набираетъ себѣ такую дрянь?..

Приведемъ еще отзывъ человѣка совершенно безпристрастнаго, принадлежащаго къ *лѣвой* въ парламентѣ, но вовсе не раздѣляющаго крайнихъ тенденцій и безконечно уважающаго Кавура, какъ дипломата. Этотъ отзывъ принадлежитъ г. Петручелли делла Гаттина. Въ своихъ очеркахъ парламентскихъ личностей, превознесши дипломатическіе таланты Кавура и назвавъ его гигантомъ, г. Петручелли делла Гаттина продолжаетъ: „Во внутренней политикѣ мы находимъ въ немъ человѣка менѣе полнаго, менѣе совершеннаго. Кавуръ имѣетъ общее понятіе о дѣлахъ; идеи его— широки, очень либеральны и не запутаны; но ему недостаетъ практическаго умѣнья вести дѣла. Сверхъ того, часто онъ бываетъ несчастливъ въ выборѣ людей: доказательство—рядъ агентовъ, которыхъ посылалъ онъ въ Южную Италію. Кавуръ чувствуетъ себя выше мелочей, которыя, однако

[1]) Bonghi, стр. 76.

же, бываютъ очень важны въ администраціи; въ этомъ-то и состоитъ слабая сторона его политики,—потому что въ иностранныхъ дѣлахъ никто не оспариваетъ его превосходства...

„Есть и другая сторона, непріятно поражающая въ Кавурѣ, это—его личность. Кавуръ понимаетъ себя и понимаетъ людей, его окружающихъ; онъ цѣнитъ ихъ очень мало, и дурно дѣлаетъ, что даетъ имъ это чувствовать. Онъ не терпитъ равныхъ себѣ, не привыкши встрѣчать ихъ много. Все, чего онъ касается, должно сгибаться передъ нимъ, должно согласиться быть окамененнымъ въ этой могучей рукѣ. Самъ король уступаетъ его магнетическому вліянію. А кто не хочетъ уничтожиться передъ Кавуромъ, тотъ рѣшительно становится его врагомъ, или, лучше сказать, противникомъ.

„Прибавьте къ этому его манеры — рѣзкія, тяжелыя, безъ всякаго вниманія къ чужой щепетильности; саркастическую улыбку, кристаллизованную на его губахъ, привычку давать приказанія, его мѣщанскую фигуру, которая не даетъ никакихъ шансовъ успѣха даже его комплиментамъ и вѣжливостямъ въ отношеніи къ тѣмъ, кого онъ хочетъ завлечь; его рѣчь, отрывистую или вялую, его голосъ, хриплый и металлическій (?), дурно дѣйствующій на васъ съ перваго раза, его жестъ, нетерпѣливый и неровный,—и вы довольно полно представите себѣ этого человѣка, который мало привлекаетъ васъ самъ по себѣ, если вы не привязаны къ нему другими отношеніями.

„Въ парламентѣ Кавуръ держитъ себя совершенно какъ будто бы лѣвой стороны не существовало, какъ будто бы онъ находится въ своемъ салонѣ, среди своихъ,—особенно когда ему скучно. Онъ разговариваетъ, смѣется, оборачивается спиной къ своимъ сочленамъ, зѣваетъ, скоблитъ по столу своимъ купъ-папье, отпускаетъ эпиграммы; если бы онъ имѣлъ американскія привычки, онъ бы клалъ ноги на министерскій столъ... Онъ видитъ въ парламентѣ только большинство, то-есть, своихъ преданныхъ друзей".

А какъ онъ третируетъ этихъ друзей, на этотъ счетъ разсказываетъ забавный анекдотъ, между прочимъ, Брофферіо, въ 16-мъ томѣ своихъ записокъ: „I miei tempi". Разъ пришлось ему идти изъ парламента вмѣстѣ съ Кавуромъ, который хотѣлъ его уломать на что-то. Несмотря на серьезность разговора, Кавуръ поминутно оставлялъ Брофферіо, встрѣчая другихъ депутатовъ, и дѣлалъ имъ какія-то внушенія. Послѣ седьмого раза, Брофферіо замѣтилъ насмѣшливо: „какъ трудно повелѣвать, графъ!.." На это Кавуръ отвѣтилъ: „о, это такія животныя (sono cosi bestie), что имъ поминутно надо повторять ихъ урокъ"... Брофферіо преспокойно напечаталъ это при жизни Кавура, да еще съ нѣсколькими пикантными замѣчаніями...

Но пора перейти къ тому, что составляетъ главнѣйшую заслугу и истинную славу Кавура—къ его дипломатической дѣятельности. Во внутреннемъ управленіи онъ былъ далеко не безукоризненъ, характеромъ тоже былъ не совсѣмъ ангелъ, — въ этомъ соглашаются всѣ безпристрастные люди. Согласимся и мы, скрѣпя сердце,—ибо не можемъ представить достаточно фактовъ, которые бы доказывали величіе и геніальность Кавура, какъ администратора, и выставляли бы его дѣятельность чистою отъ эгоистическихъ разсчетовъ и мелкаго самолюбія. Но намъ нужно во что бы то ни стало отыскать въ Кавурѣ великаго человѣка, о которомъ плачетъ цивилизація. Обратимся же къ Кавуру-дипломату и укажемъ его права на славу и на благодарность человѣчества.

Чтобы сдѣлать наши выводы болѣе прочными и, такъ-сказать, нерушимыми, мы постараемся отдѣлить отъ истинныхъ заслугъ тѣ пустяки, которые имѣютъ важность въ глазахъ нѣкоторыхъ профановъ, но которые не могутъ служить серьезнымъ патентомъ на безсмертіе. Кавуръ —такой человѣкъ, что ему нѣтъ надобности въ мнимыхъ заслугахъ; у него и истинныхъ должно быть довольно, и „à un homme de cette taille l'admiration même doit la vérité“, какъ прекрасно выразился г. Вильборъ [1]).

Вотъ, напримѣръ, люди, которымъ въ диковинку всякая самостоятельная мысль, восхваляютъ Кавура за ловкое усвоеніе англійскихъ *идей*. Французскій біографъ Кавура, г. Ипполитъ Кастиль, выражается чрезвычайно наивно: „графа Кавура всегда поражала обширность видовъ англійскихъ министровъ, холодная и разумная отвага, съ которою они шли впередъ... Графъ Кавуръ, какъ человѣкъ рѣшительный, сталъ *подражать* ихъ примѣру (imita leur exemple) и началъ давать Пьемонту это движеніе, которое потомъ уже не останавливалось“. Положимъ, что это правда; положимъ, что Кавуръ принялъ свою систему дѣйствій, позарившись на англійскихъ министровъ,—вотъ, молъ, они обширные виды имѣютъ, давай же и я буду имѣть обширные виды. Но, скажите на милость, можно-ли такъ компрометировать человѣка? Подражалъ обширности видовъ и холодной отвагѣ англійскихъ министровъ.—вѣдь это все равно, что сказать, что, напримѣръ, австрійскій поэтъ Яковъ Хамъ подражалъ возвышенности чувствъ и патріотизму русскаго поэта Аполлона Майкова!..

Или вотъ другіе, имѣя способность восхищаться ловкими оборотами рѣчи и тонкими фразами, возносятъ къ небесамъ графа Кавура за его великолѣпныя дипломатическія ноты. Намъ кажется, что эти господа смотрятъ на Кавура точно такъ же, какъ смотрѣлъ на русскихъ писателей тотъ чиновникъ, который объ авторахъ, особенно ему нравившихся, отзывался слѣдующимъ образомъ: „славно пишетъ, канашка,—бойкое перо!“

---

[1]) Cavour, p. Vilbort, p. 30.

Третьи восхваляютъ Кавура за либерализмъ его политики; объ этихъ ужъ и говорить нечего: имъ, какъ видно, и либерализмъ въ диковинку... Еще бы Кавуръ былъ реакціонеромъ, да его бы хотѣли возвести въ великіе люди! Довольно, кажется, и Меттерниха на этотъ случай.

Многіе, смотря на дѣло съ болѣе существенной стороны, увѣряютъ, что Кавуръ „создалъ Италію" и утвердилъ итальянское единство. Вотъ это другое дѣло, и если бы факты подтвердили это мнѣніе, тогда точно слѣдовало бы преклониться предъ геніемъ Кавура и предъ необъятностью его энергіи. Но и этой заслуги, конечно, самъ Кавуръ не могъ бы по справедливости приписать себѣ, какъ совершенно ему не принадлежащей... Зачѣмъ же брать чужое человѣку, у котораго есть такъ много своего! Впрочемъ, это дѣло серьезное, и отъ него нельзя отступиться безъ подробнаго разсмотрѣнія фактовъ. Поэтому мы и обратимся къ внѣшней политикѣ графа, чтобы видѣть, какую роль играло въ ней задуманное единство Италіи.

Мысль о единствѣ Италіи была благородною и отдаленною мечтою многихъ изъ лучшихъ людей ея. Выраженная еще Дантомъ и Макіавеллемъ, мечта эта не затерялась въ теченіе вѣковъ; но дѣла Италіи шли такъ дурно, что ни у кого не хватало храбрости принять мечту единства, какъ что-нибудь серьезное и осуществимое. Разсудительные и ученые люди отвергли ее, какъ нелѣпѣйшую утопію, дипломаты смѣялись надъ нею, ревностнѣйшіе патріоты хлопотали только о союзѣ итальянскихъ властителей противъ иноземныхъ вторженій. Но въ самой Италіи, какъ видно, вовсе не было такого страшнаго разъединенія между народами, — какъ обыкновенно увѣряли. Въ народѣ мысль политическаго единства должна была бродить безсознательно; это мы видимъ изъ того, что около 1830 г. могъ уже явиться въ Италіи человѣкъ, твердо и рѣшительно выразившій эту мысль и скоро привлекшій къ себѣ сильную партію. Этотъ человѣкъ былъ Джузеппе Маццини. О немъ у насъ разсказываютъ ужасы, благодаря тому, что всякая чепуха, разсказываемая о немъ и его партіи разными корреспондентами иностранныхъ журналовъ, у насъ подхватывается на-лету (ужъ не знаю ради какихъ интересовъ) и предается гласности безъ дальнихъ справокъ. Кто-нибудь хватитъ, что маццинисты зовутъ Мюрата въ Неаполь — и у насъ это перепечатаютъ; другой возвѣститъ, что Маццини убійцъ разсылаетъ по Европѣ—противъ разныхъ королей,— у насъ и этого не пропустятъ. Однажды какой-то французскій журнальчикъ, помнится, отличился оригинальнымъ выраженіемъ, что въ какихъ-то безпорядкахъ участвовалъ одинъ „бурбонскій маццинистъ" (а можетъ быть и наоборотъ: „мацциніевскій бурбонистъ"),—глядь, и это выраженіе какъ разъ въ русскихъ газетахъ!.. Поэтому у насъ Маццини считаютъ,

кажется, какимъ-то кровожаднымъ чудовищемъ и знаютъ о немъ только то, что онъ всегда былъ неудачнымъ заговорщикомъ. Но, всматриваясь ближе въ ходъ итальянскихъ дѣлъ послѣдняго времени, нельзя не видѣть въ нихъ отдаленной, но рѣшительной инициативы Маццини. Человѣкъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно ошибался въ половинѣ своихъ идей, резюмированныхъ въ его девизѣ „Dio e popolo“; можно не сочувствовать нѣкоторымъ его воззрѣніямъ; но невозможно отказать ему въ удивленіи къ его неутомимой энергіи и неуклонной вѣрности своимъ идеямъ относительно созданія единой, независимой Италіи. Не мѣсто здѣсь разсказывать все, что имъ было дѣлано; замѣтимъ только, что его пропаганда была могущественнѣйшимъ двигателемъ итальянскаго общаго дѣла. Въ 1848 году, Венеція и Миланъ уже хотѣли соединиться съ Пьемонтомъ, мысль эта не совершенно чужда была и Тосканѣ; въ Римѣ и Неаполѣ народъ требовалъ, чтобы посланы были войска на помощь Карлу-Альберту въ войнѣ *за Италію*... Графъ Кавуръ въ то время развивалъ въ своемъ „Risorgimento“ идеи графа Бальбо о союзѣ властителей и о постепенномъ ослабленіи австрійскаго вліянія на полуостровѣ. Когда было произнесено самонадѣянное, но благородно-энергическое изреченіе: Italia farà da se,— графъ Кавуръ даже не понялъ, что тутъ значитъ „*Италія*“,—онъ принялся доказывать необходимость *для Пьемонта* союза съ Англіей. Онъ былъ, конечно, правъ по своему... Прошло нѣсколько лѣтъ, онъ сдѣлался первымъ министромъ, и цѣлью его политики сдѣлалось возвышеніе Пьемонта на счетъ Австріи... Идея этой политики была не нова: антагонизмъ савойскаго дома съ габсбургскимъ, Сардиніи съ Австріей не былъ ни для кого тайной, по крайней мѣрѣ со времени вѣнскаго конгресса. Въ 1848 году антагонизмъ этотъ проявился въ войнѣ, кончившейся въ пользу Австріи; но послѣ войны всѣ очень хорошо понимали, что дѣло не кончено, а только отложено. Продолжать его было необходимо для здравой политики, и Кавуръ умѣлъ понять это. Но для достиженія цѣли были два средства, изъ которыхъ предстоялъ выборъ сардинскому министру, и въ своемъ выборѣ Кавуръ именно показалъ направленіе своихъ идей и степень обширности своихъ цѣлей.

Одно средство было національное, прямое, рѣшительное, разсчитывавшее на силы и участіе народа всей Италіи. Это средство съ 1832 года постоянно было проповѣдуемо радикальной партіей. Въ немъ независимость Италіи не отдѣлялась отъ ея гражданской свободы и опиралась на политическое единство. Въ числѣ приверженцевъ этой политики были люди слишкомъ горячіе и опрометчивые, это правда. Напримѣръ, Брофферіо— тотчасъ послѣ наварскаго пораженія требовалъ поголовнаго ополченія для продолженія войны; онъ не могъ найти поддержки своему требованію, и,

слѣдовательно, оно было, по крайней мѣрѣ, несвоевременно, и люди болѣе осторожные могли не принимать подобныхъ крайнихъ мѣръ. Но, тѣмъ не меньше, программа радикальной партіи могла быть принята сардинской политикой въ общихъ основаніяхъ. Основанія эти были: созданіе Италіи, какъ единой великой державы, освобожденіе ея не только отъ австрійскаго, но и отъ *всякаго* иностраннаго вліянія, организація государства съ предоставленіемъ самыхъ широкихъ правъ народу и съ устройствомъ самыхъ надежныхъ средствъ для дѣйствительнаго пользованія этими правами. Для достиженія этой цѣли требовалось слитіе Пьемонта съ Италіей, самоотверженіе правительства въ отношеніи къ своимъ старымъ привилегіямъ, довѣріе къ народу и предоставленіе ему инициативы, которая, разумѣется, и не замедлила бы высказаться, при пособіи радикальной пропаганды.

Программа эта имѣла для Кавура два неудобства: во-первыхъ, въ ней предполагались революціонныя средства, къ которымъ онъ всегда питалъ недовѣріе и отвращеніе. Правда, еще въ 1848 и 49 гг. выказалось самоотверженіе итальянскихъ республиканцевъ, которые жертвовали своими прямыми стремленіями для политическаго соединенія Италіи и признавали Пьемонтскую монархію. Примѣръ Манина доселѣ всѣмъ памятенъ. Поэтому графъ Кавуръ могъ бы не опасаться „разрушенія порядка“ отъ принятія радикальной програмы. Но онъ никогда не хотѣлъ вѣрить искренности республиканцевъ; ему все казалось, что его хотятъ надуть. Маццини въ 1859 году писалъ о немъ: „Человѣкъ тактическихъ уловокъ, а не принциповъ, и способный осуществлять собственные планы посредствомъ обмана, онъ уже не вѣритъ и искренности другихъ“. Это намъ кажется очень вѣрно и нисколько не оскорбительно для Кавура, какъ дипломата. Второе затрудненіе для Кавура въ программѣ радикаловъ состояло именно въ томъ, что она обнимала *всю Италію*, тогда какъ онъ помышлялъ только о Пьемонтѣ. Прикладывая эту программу къ Пьемонту, онъ дѣйствительно имѣлъ право считать ее нелѣпою: Пьемонтъ никогда не могъ одинъ бороться съ Австріею, никогда не могъ претендовать *силою* вломиться въ семью великихъ европейскихъ державъ. Теперь уже было не то время, что, напримѣръ, при Фридрихѣ Великомъ — Пьемонтъ не могъ, оторвавшись отъ остальной Италіи, самостоятельно разыграть роль, подобную роли Пруссіи въ Германіи, хотя бы даже въ Туринѣ и явился свой Фридрихъ. Австрія сторожила движенія Пьемонта и окружала его со всѣхъ сторонъ своими приверженцами, да и Франція была въ положеніи двусмысленномъ. Пьемонтъ не могъ выдержать борьбы—въ этомъ Кавуръ былъ совершенно правъ, и въ приложеніи къ одному Пьемонту программа радикаловъ точно оказывалась нелѣпостью. Нужно было выбрать другую.

Другая программа была гораздо уже и бѣднѣе, но поэтому самому осязательнѣе, легче для исполненія и менѣе стѣснительна для значенія и привилегій пьемонтскаго министра и всего правительства. Это былъ дипломатическій разсчетъ парализировать на полуостровѣ вліяніе Австріи другимъ вліяніемъ — французскимъ, съ надеждою отвоевать у Австріи, при помощи Франціи, Ломбардо-Венеціанское королевство. Извѣстно (объ этомъ г. Ѳеоктистовъ даже нѣсколько статей написалъ), что Франція — естественная противница Австріи, и что Италія была постоянно между ними яблокомъ раздора. Преобладающее вліяніе на полуостровѣ одной изъ этихъ державъ всегда возбуждало безпокойство другой, и онѣ сейчасъ же готовы были лѣзть въ драку другъ съ другомъ. Это знали всѣ; не могъ не знать и Кавуръ, и рѣшился этимъ воспользоваться. Сначала, какъ мы видѣли, онъ побаивался Франціи, — когда тамъ была республика, и предлагалъ даже обратиться къ Англіи, на томъ основаніи, что та вездѣ суется и, хоть вовсе не по пути, но могла бы заѣхать и въ Пьемонтъ... Но вскорѣ во Франціи выяснилось значеніе Людовика Наполеона, а послѣ coup d'état невозможны стали уже никакія сомнѣнія... Мы видѣли, какъ Кавуръ въ началѣ 1852 года хлопоталъ о законѣ, чтобы преступленія печати противъ чужихъ правительствъ были преслѣдуемы судейскимъ порядкомъ, а не отдавались суду присяжныхъ, какъ прежде. Это прямо и почти исключительно относилось къ новому правительству Франціи. Потомъ, воспользовавшись кратковременнымъ удаленіемъ отъ дѣлъ, въ томъ же году Кавуръ посѣтилъ Парижъ, представился императору, и они очень понравились другъ другу. Съ этихъ поръ, вся дѣятельность Кавура въ иностранной политикѣ сосредоточена на возможно тѣснѣйшемъ сближеніи съ императоромъ французовъ и на снисканіи его пособія противъ Австріи.

Требовалось-ли быть Колумбомъ, чтобы изобрѣсти такую политику и пуститься въ нее, закрывши глаза на послѣдствія, — это мы предоставляемъ разобрать читателямъ. А съ своей стороны приведемъ два мнѣнія объ этой политикѣ, — одно враждебное, другое похвальное.

Первое высказано Мацции, и само собою разумѣется, что оно отзывается раздраженіемъ: „Упрямый больше, чѣмъ смѣлый, неспособный, по недостатку высоты сердца и высоты ума и вѣры, подняться до обширныхъ плановъ, Кавуръ приковалъ себя къ одному интересу — къ династическому интересу савойскаго дома. Отнять власть у папы, основать національное единство — у него и въ мысляхъ не было. Объ этомъ *говорили*, потому что это казалось хорошимъ средствомъ прельстить нѣкоторыхъ легковѣрныхъ. Но настоящіе планы Кавура никогда не преступали за предѣлы программы, неудавшейся въ 1848 году, — о королевствѣ *Сѣвер-*

ной Италіи. Италія была для Кавура средствомъ, а не цѣлью... При такихъ расположеніяхъ, путь, избранный имъ, былъ хоть и безнравственъ, но логиченъ. Пьемонтъ не могъ тогда, и никогда не можетъ *самъ собою,* овладѣть всей Ломбардо-Венеціей. Нужно было, значитъ, искать союзника. Упорно отвергая союзъ народа, онъ долженъ былъ искать союзника тамъ, гдѣ существовали интересы, дѣлавшіе союзъ возможнымъ, и гдѣ можно было найти оружіе вмѣстѣ противъ Австріи и противъ революціи. Отсюда союзъ съ Бонапартомъ, — союзъ, который уже стоилъ Италіи осмѣянія и позора и еще будетъ стоить ей новой крови" [1]).

Другое сужденіе принадлежитъ г. Петручелли делла Гаттина. „Кавуръ, который, по несчастью, не всегда имѣетъ даръ угадывать людей, отличается способностью всегда угадывать *положеніе,* и даже болѣе *возможныя* стороны извѣстнаго положенія. Эта-то изумительная способность и помогла ему создать нынѣшнюю Италію. Министръ державы четвертаго порядка, онъ не могъ создавать положеній, подобно императору Наполеону, не могъ и опираться на великую національную силу, какъ лордъ Пальмерстонъ. Онъ долженъ былъ отыскать щель въ европейской политикѣ, проскользнуть туда, съежиться тамъ, устроить мину и произвести взрывъ. Такимъ-то образомъ онъ и побѣдилъ Австрію и обезпечилъ себѣ помощь Франціи и Англіи. Предъ чѣмъ отступили бы другіе государственные люди, —въ то Кавуръ бросился очертя голову, изслѣдовавши глубину и разсчитавши даже выгоды паденія. Крымская экспедиція, его поведеніе на парижскомъ конгрессѣ, уступка Ниццы, вторженіе въ Папскую область прошлой осенью—были послѣдствіями крѣпкой рѣшимости его духа".

Въ этихъ двухъ отзывахъ я не нахожу рѣзкой разницы; что касается до фактическихъ основаній, оба признаютъ, что Кавуръ думалъ только о Пьемонтѣ, что онъ не могъ опираться на народную силу, что онъ искалъ только побѣды надъ Австріей и въ результатѣ промѣнялъ одно иностранное вліяніе на другое. А кто изъ двухъ авторовъ справедливѣе смотритъ на дѣло,—пусть опять рѣшатъ читатели. А наше дѣло—лѣтописное.

Послѣ сдѣланныхъ общихъ замѣчаній, нѣтъ надобности распространяться объ общеизвѣстныхъ фактахъ, въ которыхъ выразилась политика графа Кавура. Прослѣдимъ ихъ коротко.

Въ 1853 году, опираясь на предполагаемое участіе Франціи, Кавуръ началъ дѣло съ австрійскимъ правительствомъ, по поводу конфискаціи въ Ломбардіи, вслѣдствіе волненія 3-го февраля, имѣній нѣкоторыхъ пьемонтскихъ подданныхъ, большею частью ломбардскихъ же эмигрантовъ.

---

[1]) Это писано было въ концѣ 1859 года. Mazz. La questione italiana e i repubblicani, p. 9.

Кавуръ писалъ очень рѣзкія ноты австрійскому кабинету, отозвалъ посланника, разсылалъ меморандумы ко всѣмъ державамъ, а въ парламентѣ вытребовалъ 400 тысячъ франковъ на вознагражденіе семействъ, пострадавшихъ отъ конфискаціи. Въ Ломбардіи и Пьемонтѣ это имѣло очень хорошій эффектъ. Австрія отчасти удивилась внезапной храбрости Пьемонта, но не сдавалась и принимала угрожающее положеніе. Пьемонтъ, съ своей стороны, принялся за укрѣпленіе Александріи и Казале и за увеличеніе военныхъ средствъ... Между тѣмъ, въ это самое время началась восточная война. Въ 1854 году Сардинія была приглашена принять участіе въ союзѣ державъ противъ Россіи, и въ 1855 году послала войско въ Крымъ. Этимъ фактически заявила она свое значеніе въ ряду европейскихъ государствъ...

Впрочемъ, здѣсь надо остановиться. Крымская экспедиція сардинцевъ представляется многими такимъ актомъ политической мудрости Кавура, такимъ геніальнымъ ударомъ, которому Италія рѣшительно одолжена чуть-ли не всѣми благами, полученными ею съ тѣхъ поръ. Теперь мнѣ представляется очень дикимъ—считать единство Италіи слѣдствіемъ крымской экспедиціи сардинцевъ; но въ Италіи и во Франціи не проходило дня, чтобъ я не встрѣчалъ въ какой-нибудь газетѣ этого убѣжденія, выраженнаго совершенно какъ какая-нибудь аксіома. Самъ Кавуръ говорилъ въ парламентѣ то же, что министерскіе журналы писали на этотъ счетъ въ своихъ статейкахъ... Довели меня до того, что я если и не вѣрилъ связи итальянскаго единства съ битвою при Черной, но и не считалъ уже слишкомъ дикими фразъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „При началѣ восточной войны графъ Кавуръ съ радостью увидѣлъ, что представляется давно желанный случай—войти Пьемонту въ совѣтъ великихъ державъ и тѣсно соединиться съ ними. Пьемонтцы пришли сражаться въ Крымъ, *и съ этого дня* Кавуръ получилъ право громко и торжественно говорить Европѣ о бѣдствіяхъ Италіи и объ австрійскомъ угнетеніи. *Съ этого дня* надо считать эту независимость Италіи“ [1]). Послѣ такихъ штукъ, повторяемыхъ ежедневно, мнѣ не показалось даже необычайнымъ и другое, тоже французское предположеніе: что такъ какъ армія есть самое прямое выраженіе правительства, то „пьемонтская армія въ Крыму своей образцовой дисциплиной осязательно опровергла клеветы на Пьемонтъ, увѣрявшія, будто бы это—государство, преданное въ жертву анархіи, не признающее ни законовъ, ни Бога“ [2]). Но я полагаю, что на человѣка свѣжаго всѣ подобныя выходки должны производить раздн-

[1]) Hipp. Castille, le comte de Cavour, p. 51.
[2]) Le Piemont, p. Verosis, p. 23.

рающее впечатлѣніе, даже если онъ и не знаетъ хорошенько истиннаго хода тогдашнихъ дѣлъ.

А ходъ дѣлъ былъ таковъ. Наполеонъ хотѣлъ вовлечь Австрію въ войну съ Россіей. Австрія, ведя по обычаю двойную игру, отвѣчала, что она не можетъ согласиться на это въ виду угрожающаго положенія Пьемонта. Тогда императоръ французовъ взялся уладить дѣло и послалъ въ Туринъ такого рода депешу: „для успокоенія подозрѣній Австріи, Пьемонтъ долженъ — или 1) распустить войска, или 2) допустить Австрію поставить гарнизонъ въ Алессандріи, или 3) послать 30.000 въ Крымъ". — Изъ этихъ трехъ условій, послѣднее было, разумѣется, наиболѣе благовиднымъ, и наименѣе постыднымъ. Нечего дѣлать — сдѣлали заемъ въ 50 милліоновъ, снарядили 15.000 и послали [1]). Это было уже въ 1855 году; война скоро кончилась, но сардинцы успѣли потерять до 4.000 человѣкъ. За то при окончаніи войны, „Европа читала", по выраженію одного француза, слѣдующія слова въ „Moniteur Universel": „Сардинская армія приняла участіе въ опасностяхъ: она раздѣлитъ честь и славу успѣха. Союзники въ войнѣ, — правительства англійское, французское и пьемонтское, будутъ соединены и въ переговорахъ, когда миръ будетъ завоеванъ ихъ оружіемъ. Опасности, почести, выгоды — все будетъ раздѣлено".

И точно, въ 1856 году сардинскимъ уполномоченнымъ дозволено было участвовать въ парижскомъ конгрессѣ. Правда, Пьемонтъ ничего не получилъ себѣ за свое усердіе: *выгоды* не были раздѣлены. Но за то, при окончаніи конгресса, графъ Кавуръ изложилъ предъ дипломатами нужды Италіи, — которыя имъ, вѣроятно, были до того неизвѣстны. Нужды эти состояли въ томъ, чтобы уменьшено было австрійское вліяніе на полуостровѣ, произведены были реформы въ Папской области и положенъ конецъ антагонизму, существующему между итальянскими властителями. Дипломаты выслушали, сказали, что не имѣютъ на этотъ счетъ никакихъ полномочій, и конгрессъ разъѣхался. — Но графъ Кавуръ вручилъ-таки на всякій случай докладную записочку графу Валевскому. Тотъ ее принялъ къ свѣдѣнію, и тѣмъ дѣло кончилось.

Впрочемъ, кончилось оно не такъ скоро: въ теченіе всего 1856 года журналистика Европы шумѣла объ открытіяхъ графа Кавура по итальянскому вопросу. Имя Кавура засіяло новымъ блескомъ и пріобрѣло попу-

---

[1]) Свѣдѣніе о тайныхъ переговорахъ Наполеона съ Кавуромъ по этому предмету было публично высказано въ одной рѣчи Кошутомъ еще въ началѣ 1856 года, до собранія конгресса. Кошутъ говоритъ, что знаетъ это изъ частныхъ источниковъ, но беретъ на себя полную отвѣтственность за достовѣрность факта. Révélations sur la crise italienne, p. Louis Kossuth, p. 22.

лярность во всей Европѣ, до „Русскаго Вѣстника“ включительно. Кавуру присылались адресы, посвящались бюсты и медали съ надписью „colui, che la difese con viso aperto“ (тотъ, кто защитилъ ее (Италію) съ открытымъ челомъ), и пр. Говоря объ этомъ, Гверрацци замѣчаетъ,—съ обычною неблагонамѣренностью: „Кажется, впрочемъ, что графъ не можетъ претендовать на brevet d'invention въ дѣлѣ открытія золъ Италіи. Дипломаты и властители, предъ которыми говорилъ онъ, сами прежде его и много разъ говорили то же самое: дважды до этого державы увѣщевали папу править „по-христіански“; за нѣсколько лѣтъ раньше, въ англійскомъ парламентѣ неаполитанское правительство названо было отрицаніемъ Бога, не говоря уже объ Австріи и ея продѣлкахъ на полуостровѣ. Кому же сообщалъ свои открытія графъ Кавуръ? Не итальянцамъ-ли? Въ самомъ дѣлѣ—можетъ быть, слова Кавура дали знать итальянскимъ матерямъ объ ихъ казненныхъ сыновьяхъ; изъ словъ Кавура узнали мы о тысячахъ и тысячахъ родныхъ мучениковъ, пострадавшихъ отъ разныхъ тирановъ; безъ его словъ мы не знали бы, что мы терпимъ, не умѣли бы даже жаловаться!.. Но если такова заслуга графа, такъ поздно проигравшаго на флейтѣ предъ конгрессомъ мотивъ итальянскихъ бѣдствій, то какова же заслуга тѣхъ, которые съ разсвѣта своей жизни, за столько лѣтъ прежде, изо дня въ день принялись громить утѣснителей Италіи и воплями истерзанной души призывали отмщеніе ея бѣдствій?..“ [1]) На всѣ подобныя замѣчанія графъ Кавуръ отвѣчалъ, впрочемъ, очень хорошо въ парламентѣ, отдавая отчетъ о конгрессѣ. „Правда,—говорилъ онъ,—мы еще не достигли никакихъ положительныхъ результатовъ, но тѣмъ не меньше мы сдѣлали двѣ вещи, по моему самыя существенныя: во-первыхъ, возвѣстили Европѣ о положеніи итальянскихъ дѣлъ, и главное — не въ революціонныхъ, сумасбродныхъ, журнальныхъ выходкахъ, а съ приличной торжественностью, въ могучемъ собраніи высокихъ особъ; во-вторыхъ, Европѣ внушено убѣжденіе, что уврачевать язвы Италіи нужно не только для самой Италіи, но и для всей Европы“. Видите, значитъ, въ чемъ дѣло: и прежде знали то, что сообщилъ Кавуръ, но знали отъ сумасбродныхъ радикаловъ; Наполеонъ и Кавуръ не хотѣли, чтобъ полезныя свѣдѣнія приходили такимъ гнуснымъ путемъ, и потому перехватили ихъ и представили отъ себя, хотя нѣсколько и поздно. Это—разъ. А другое—опять важное обстоятельство: итальянскіе патріоты, для поправки дѣлъ въ Италіи, требовали только, чтобы Европа не вмѣшивалась въ эти дѣла; по изложенію же графа Кавура выходило, что именно Европа-то и должна вмѣшаться. Это опять объясняется тѣмъ же: для патріотовъ существовала

[1]) La Patria e le elezioni, p. Guerrazzi, p. 36.

Италія, а для Кавура—Пьемонтъ; патріоты хотѣли прогнать *всякое* чужеземное вліяніе, а Кавуръ — только австрійское.. „Если бы политика Кавура была не сардинская только, а въ самомъ дѣлѣ національная, хотя и чисто монархическая, — говоритъ одинъ изъ патріотовъ, — то онъ не сталъ бы толковать съ дипломатами о реформахъ, которыя надо вынудить у разныхъ правителей итальянскихъ, и не упорствовалъ бы въ постыдной и безпримѣрной въ Европѣ системѣ — предавать свою страну произволу чужого вмѣшательства, преграждая ей всякую возможность собственной иниціативы. Онъ сказалъ бы: въ Италіи готова и неизбѣжна общая революція; отвратить ее ничто не можетъ, но отъ васъ зависитъ сдѣлать ее болѣе или менѣе ужасною и гибельною для остальной Европы. Мы не вызываемъ революціи, мы — люди порядка; но когда она вспыхнетъ, мы, итальянскіе патріоты, должны принять и направить ее. Ваше вмѣшательство можетъ послужить электрической проволокой, черезъ которую движеніе сообщится остальной Европѣ; постарайтесь же изолировать это движеніе, удержитесь отъ всякаго вмѣшательства въ наши дѣла, предоставьте Италію самой себѣ. Пусть выйдутъ изъ Италіи и австрійцы, и французы, пусть они сторожатъ только свои предѣлы. А если нѣтъ, то знайте, что Европа никогда не будетъ спокойна отъ Италіи; здѣсь всегда будетъ волненіе, возбуждающее къ безпокойствамъ и другія страны; здѣсь всегда найдетъ себѣ орудіе противъ другихъ державъ всякій честолюбецъ, обѣщающій Италіи помощь въ ея освобожденіи“ [1]).

Но Кавуръ не могъ говорить подобнымъ образомъ, потому что у него не было вѣры *въ Италію*, а *Пьемонтъ* не могъ обойтись безъ Франціи. Вотъ почему, возставая противъ австрійскаго занятія, онъ ни слова не смѣлъ сказать противъ занятія Рима французами. Да говорятъ, что и самая мысль объясниться съ конгрессомъ объ итальянскихъ дѣлахъ была внушена Наполеономъ, которому нуженъ былъ очевидный предлогъ для вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Мнѣ разсказывалъ одинъ достовѣрный итальянецъ, что когда оказалась надобность изложить на конгрессѣ положеніе легатствъ, то Кавуръ погналъ курьера къ Мингетти, чтобы тотъ прислалъ ему записку объ этомъ: такъ мало, отправляясь на конгрессъ, былъ приготовленъ сардинскій министръ къ своему блестящему и внезапному подвигу.

Со времени парижскаго конгресса протекторатъ Франціи надъ Пьемонтомъ былъ рѣшенъ. Австрія тотчасъ замѣтила это, и ея отношенія къ Франціи сдѣлались непріязненнѣй обыкновеннаго. Пьемонтъ слѣдилъ за этимъ, и по мѣрѣ возникновенія и разрѣшенія несогласій въ тянувшихся

[1]) La questione italiana e i republicani, p. 6.

тогда окончательныхъ переговорахъ державъ, участвовавшихъ въ крымской войнѣ, усиливалъ или понижалъ тонъ своихъ нотъ съ Австріей. Въ началѣ 1857 года, по случаю путешествія Франца-Іосифа въ Ломбардію и одновременной съ нимъ манифестаціи миланцевъ въ пользу Пьемонта, возникла дипломатическая полемика, въ которой Кавуръ выражался очень рѣзко, но которую кончилъ довольно скромно. Въ томъ же году возникло знаменитое дѣло Кальяри: Пьемонтъ сначала храбрился, требовалъ отъ Неаполя вознагражденія, въ надеждѣ, что его поддержатъ; но Англія добилась вознагражденія для себя, а за Пьемонтъ хлопотала не очень; Франція не видѣла никакого интереса разрывать дружбу съ Неаполемъ для Пьемонта, и въ 1858 году Кавуръ отступился отъ своихъ требованій. За то онъ выказалъ свое значеніе, посылая сильныя ноты по вопросу о Дунайскихъ княжествахъ: въ этихъ нотахъ онъ рѣшительно вторилъ Франціи, и потому не боялся быть смѣлымъ. Въ то же время онъ успѣлъ войти въ дружескія сношенія съ Россіей и уступилъ намъ портъ Виллафранки,—спросивъ, впрочемъ, предварительно позволенія у Людовика Наполеона. Тотъ, конечно, позволилъ, потому что въ это время уже рѣшился взять Ниццу. Лѣтомъ 1858 года произошло знаменитое совѣщаніе въ Пломбьерѣ, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ итальянскую войну 1859 года.

Дальнѣйшихъ фактовъ мы не станемъ разсказывать: ихъ всѣ знаютъ, и въ Политическомъ обозрѣніи „Современника" постоянно указывалась надлежащая точка зрѣнія на эти факты. Сдѣлаемъ только общій выводъ, для связи.

Мысль объ основаніи единой Италіи даже и въ это время не была еще цѣлью политики Кавура. Странно,—но сомнѣваться въ этомъ невозможно, послѣ напечатанія дипломатическихъ документовъ относительно итальянскаго вопроса въ Англіи и Франціи и послѣ обнародованія нѣкоторыхъ интимныхъ фактовъ изъ того времени. Теперь ясно, что виллафранкскій миръ вовсе не былъ неожиданностью для Кавура, а неожиданностью было, напротивъ, упорное требованіе герцогствъ соединиться съ Пьемонтомъ. Первоначальной цѣлью войны было, съ одной стороны, укротить революціонное движеніе, сдѣлавшееся уже слишкомъ сильнымъ на полуостровѣ, а съ другой стороны, выполнить одну изъ „idées napoléonniennes"—основать королевство Центральной Италіи для принца Наполеона. Отсюда его женитьба на принцессѣ Клотильдѣ, отсюда французскіе агенты въ Тосканѣ, отсюда посылка Понятовскаго и Резе, запрещеніе Пьемонту принимать тосканское присоединеніе, запрещеніе даже принцу Кариньянскому принять предложенное ему регентство... Своимъ рѣшительнымъ требованіемъ національнаго единства, народъ въ герцогствахъ и въ Романьѣ парализовалъ всѣ усилія французской политики, и надо замѣтить, что твердость

народа была сильно поддержана въ это время именно партіей радикаловъ и самимъ Маццини. Нѣкоторые даже были недовольны Маццини за то, что онъ требовалъ—возбуждать немедленное присоединеніе. А между тѣмъ онъ зналъ, что *союзники* только и хлопочутъ, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ его партіи... Видно, что онъ не всегда увлекался жалкими страстями, а подъ-часъ умѣлъ и жертвовать ими для общихъ цѣлей. Вообще, радикальная партія вовсе не была обманута и громко говорила вслухъ всей Европы о томъ, чего она ожидаетъ отъ союза Пьемонта съ Франціей. Не разъ прилагали къ этому союзу выдержки изъ „Principe" относительно вообще союзовъ маленькихъ государствъ съ большими, влекущихъ за собою, съ одной стороны, требованія. съ другой — уступки и превращающихся въ протекторатъ сильнаго надъ слабымъ. Самыя условія союза, какъ они ни тайно были заключены въ Пломбьерѣ, не укрылись совершенно отъ зоркаго вниманія патріотовъ и были ими указаны печатно. По ихъ словамъ, было положено: устроить войну такъ, чтобы обезсилить въ одно время и Австрію, и революціонныя партіи; заплатить за Ломбардію уступкою Савойи и Ниццы; помогать устроенію королевства Центральной Италіи для принца Наполеона; не противиться, если бы въ Неаполѣ произошло движеніе въ пользу Мюрата; заключить миръ съ Австріей, если послѣ первыхъ побѣдъ она возобновитъ предложенія Гуммелайера въ 1848, и въ такомъ случаѣ оставить Венецію...

Изложивъ эти условія, одинъ изъ радикаловъ прибавляетъ: „хочу думать, что Кавуръ принялъ ихъ не искренно, а надѣялся обмануть Наполеона; но надѣяться обмануть человѣка, который мастерски возвелъ обманъ въ систему и государственную науку, и притомъ всегда имѣлъ силу заставить выполнить свои требованія—было слишкомъ нелѣпо".

Странно становится всеобщее ослѣпленіе на счетъ цѣлей итальянской войны, когда въ итальянскихъ журналахъ передовой партіи читаешь предсказанія, исполнившіяся такъ буквально. Еще въ 1856 году „Italia del popolo" предостерегала отъ союза съ Наполеономъ, говоря, что онъ съ Кавуромъ только и хотятъ, чтобы имъ предались слѣпо, и будутъ этимъ пользоваться для искуснаго подавленія національнаго энтузіазма и требованій свободы, такъ какъ они о единствѣ Италіи вовсе и не думаютъ, предполагая лишь королевство *Верхней Италіи*, которое не заключаетъ въ себѣ даже всей Ломбардо-Венеціи [1]).

Вотъ еще нѣсколько цитатъ. Лондонскій журналъ передовой партіи, „Pensiero ed Azione", въ тотъ самый день, когда Людовикъ Наполеонъ произнесъ свое знаменитое привѣтствіе на новый годъ австрійскому по-

[1]) Italia del pop., 25 октября 1856 г.

сланнику, писалъ: „Предпріятіе, опирающееся на Людовика Наполеона, не можетъ имѣть цѣлью единство Италіи; оно не можетъ простираться дальше какого нибудь территоріальнаго измѣненія, дальше освобожденія отъ Австріи, для извѣстныхъ цѣлей, какого-нибудь небольшого клочка земли. И они знаютъ это... Зачѣмъ же они лгутъ? Зачѣмъ болтаютъ объ *Италіи* массамъ, наклоннымъ къ легковѣрію? Зачѣмъ волнуютъ *бѣдную Венецію, уже холодно, обдуманно оставленную во власть врага?*" [1]).

Тогда же, обращаясь къ итальянскимъ патріотамъ, тотъ же журналъ говорилъ: „Вы будете въ какомъ-нибудь уголкѣ Ломбардіи, вѣроятно, между французами и королевскими войсками, когда заключенъ будетъ, безъ вашего вѣдома, миръ, которымъ предана будетъ Венеція" [2]).

И даже *прежде* знаменитыхъ словъ, предвѣстившихъ Европѣ войну, „Pensiero ed Azione" писалъ: „Для Италіи — миръ внезапный, разорительный, гибельный для возставшихъ, среди войны, новый Кампоформіо... Не успѣетъ Наполеонъ достигнуть того, что задумалъ, какъ приметъ первое предложеніе Австріи... заставитъ короля сардинскаго отстать отъ дѣла, уступивъ ему частичку территоріи, и предательски оставитъ провинціи венеціанскія и часть ломбардскихъ" [3]).

Въ то время, какъ это писалось, никто не хотѣлъ вѣрить: сверху, отъ министерства, шло мнѣніе о рыцарствѣ и великодушіи Наполеона, и не мало было охотниковъ распространять это мнѣніе... Послѣ же, когда мрачныя предсказанія оправданы были событіями, никто не хотѣлъ вспомнить осмѣянныхъ пророковъ, и всѣ вѣрили, будто Наполеонъ остановился на Виллафранкѣ, потому что испугался коалиціи, будто бы составлявшейся противъ него за Австрію.

Ударъ былъ однако же такъ внезапенъ и такъ противенъ общимъ надеждамъ, что самъ Кавуръ счелъ за лучшее показать себя недовольнымъ и на нѣкоторое время удалиться отъ дѣлъ, пока пройдетъ общее раздраженіе. Вскорѣ онъ возвратился опять къ управленію, выставляя на видъ, что виллафранкскія пораженія достаточно вознаграждены присоединеніемъ къ Пьемонту герцогствъ и Романьи. Здѣсь опять Кавуръ проговорился и былъ уличенъ въ недостаткѣ итальянизма. „Если говорить только о Пьемонтѣ, — замѣчаетъ Гверрацци, то въ этомъ резонѣ есть мысль; но ежели имѣть въ виду Италію, то здѣсь чистѣйшая безсмыслица, потому что Италія не увеличилась отъ соединенія герцогствъ съ Пьемонтомъ, а отъ уступки Ниццы и Савойи существенно уменьшилась, и отъ другихъ

[1]) Pensiero ed Azione. 1 января 1859 г.
[2]) Тамъ же.
[3]) Pens. ed Az., 15 декабря 1858 г.

условій виллафранкскаго договора сильно пострадала въ своихъ стремленіяхъ и надеждахъ“.

Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Кавура трудно уже, казалось, предполагать продолженіе прежняго недовѣрія къ единству Италіи. И однакожъ это недовѣріе отзывается во всѣхъ его дѣйствіяхъ до половины прошлаго года. Вѣроятно, теоретически онъ уже понялъ по крайней мѣрѣ при самомъ началѣ экспедиціи Гарибальди, — что единство Италіи не только возможно, но и близко. Но въ какой степени близко — этого онъ не умѣлъ сказать, и очевидно, что не вдругъ повѣрилъ его быстрому осуществленію. Онъ все боялся, что еще рано, и оттого старался нетолько не ввязываться въ предпріятіе Гарибальди, но даже всячески порицать его, даже препятствовать ему фактически. Извѣстно, какъ много затруднена была первая экспедиція въ Сицилію распоряженіями изъ Турина. Нѣкоторые изъ враговъ Кавура приписывали это личной его ненависти къ Гарибальди; но мы не предполагаемъ, чтобы Кавуръ былъ уже до такой степени низокъ душою. Другіе говорятъ, что онъ не хотѣлъ смутъ, а предполагалъ достигнуть всего путемъ дипломаціи; но опять трудно допустить, чтобы такой опытный государственный мужъ могъ питать столь нелѣпыя надежды. Нѣтъ, онъ зналъ, конечно, что пріобрѣтеніе Неаполя не обойдется безъ возстаній и крови, но это для него было дѣломъ очень отдаленнымъ и даже не совсѣмъ вѣрнымъ для Пьемонта. Во всякомъ случаѣ, иниціативы онъ не рѣшался имѣть въ этомъ дѣлѣ. Воспользоваться — другое дѣло, и тотчасъ по очищеніи Сициліи бурбонскими войсками туда явились агенты Кавура, съ требованіями немедленнаго присоединенія Сициліи къ Пьемонту. А между тѣмъ, въ то же самое время усиливались создать препятствія для перенесенія революціи на неаполитанскую территорію, и даже чуть не готовы были на союзъ съ Неаполемъ. Спрашивались у тюильерійскаго кабинета, можно-ли отвергнуть поздній и непопулярный союзъ; оттуда разрѣшили, имѣя свои виды на Неаполь, и тогда у туринскаго министерства прибавилось храбрости. Но за то Римъ и Венеція были положительно запрещены Франціей для Пьемонта, и вслѣдствіе того въ Ливорно, въ концѣ августа, захватывается партія волонтеровъ Никотеры, снаряженная, *съ согласія* тосканскаго губернатора Рикасоли, для вступленія въ папскія владѣнія, а въ сентябрѣ Франція предупреждалась, что революція преуспѣваетъ въ Италіи и что для ея обузданія надо отправить въ Марки и въ Умбрію королевскія войска. Фарини въ Шамбери, излагая императору французовъ положеніе дѣлъ, говорилъ, что положеніе сардинскаго правительства становится опаснымъ: Гарибальди, въ которомъ нѣкоторымъ образомъ олицетворена революція, готовъ продолжать свободно свой путь черезъ римскія области, возстановляя населеніе, и если

бы онъ перешелъ границу, было бы рѣшительно невозможно воспрепятствовать ему въ атакѣ на Венецію. Туринскому кабинету остается одно средство: войти въ Марки и въ Умбрію, едва приходъ Гарибальди возбудитъ тамъ волненіе, и возстановить тамъ порядокъ, не касаясь авторитета папы, — дать, еслибы понадобилось, битву противъ революціи на неаполитанской территоріи и требовать немедленно конгресса для установленія судебъ Италіи [1]).

Нѣкоторые хотятъ во всемъ этомъ видѣть уловку, для того, чтобъ получить отъ Наполеона разрѣшеніе дѣйствовать въ папскихъ владѣніяхъ. Если бы это было правда, то слѣдовало бы пожалѣть о политикѣ, которая довела одну державу до такихъ безобразныхъ уловокъ и до такого унизительнаго положенія предъ другой державой. Но дѣло въ томъ, что здѣсь увѣренія туринскаго министерства были совершенно искренни. Во-первыхъ, оно и не рѣшилось бы такъ обманывать Наполеона, который тоже умѣлъ понимать положеніе дѣлъ; во-вторыхъ, прокламація къ народу южной Италіи, отъ 9-го сентября, говоритъ то же самое. По словамъ прокламаціи, „вся Италія устрашилась, чтобы, подъ покровомъ одного популярнаго и славнаго имени, не водворилась партія, готовая пожертвовать близкимъ торжествомъ національнымъ для химеръ своего честолюбиваго фанатизма“. Поэтому король принялъ на себя надзоръ за національнымъ движеніемъ и послалъ войска: „Я послалъ моихъ солдатъ въ Марки и Умбрію для разсѣянія этого сборища людей всякихъ странъ и разныхъ языковъ, которое составилось здѣсь, представляя собою новый видъ иноземнаго вмѣшательства, и худшій всѣхъ прочихъ... Я провозгласилъ „Италію итальянцевъ“ и не позволю, чтобы она сдѣлалась гнѣздомъ космополитскихъ сектъ, которыя собираются здѣсь, чтобы составлять планы или реакціи или всеобщей демагогіи“.

И эта прокламація отъ имени короля была написана *чрезъ два дня* послѣ вступленія въ Неаполь Гарибальди съ этими опасными космополитами и демагогами, завоевавшими цѣлое королевство для этого правительства. И прокламація говоритъ съ негодованіемъ объ иностранномъ вмѣшательствѣ, когда сама не могла явиться на свѣтъ безъ дозволенія чужеземнаго владѣтеля! Къ такимъ результатамъ привела политика графа Кавура.

Извѣстно, что затѣмъ послѣдовало: Гарибальди былъ остановленъ въ походѣ на Римъ, оскорбленъ въ лицѣ своихъ друзей, лишенъ возможности дѣйствовать самостоятельно даже въ Неаполѣ, и принужденъ былъ удалиться на Капреру, призывая Италію къ оружію на весну. Пьемонтцы тѣмъ

[1]) Это изложено буквально въ циркулярѣ Тувенеля, 18 октября 1860. Напечатано въ оффиціальномъ собраніи французскихъ дипломатическихъ документовъ.

временемъ занялись покореніемъ Гаэты, которому три мѣсяца мѣшалъ съ своей эскадрой Людовикъ-Наполеонъ, совѣтовавшій, однако же, Франциску уступить. Относительно Рима, Кавуръ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, увѣрилъ публично, что дипломатически уладитъ дѣло въ шесть мѣсяцевъ,—т.-е. также къ веснѣ, и точно хлопоталъ много, но не съ блестящимъ успѣхомъ. О Венеціи не было и рѣчи, если не считать праздныхъ толковъ о ея выкупѣ, возбужденныхъ одной французской брошюрой. Національное вооруженіе не только не было приготовляемо въ обширныхъ размѣрахъ, но было, напротивъ, всѣми мѣрами подавляемо. Не хотѣли даже устроить національныхъ тировъ, подъ предлогомъ, что нѣтъ въ казнѣ милліона франковъ, котораго требовалъ на это дѣло Биксіо. Преслѣдованіе и распущеніе гарибальдіевыхъ волонтеровъ получило печальную знаменитость во всей Италіи и въ Европѣ. Управленіе Неаполемъ и Сициліей было безсовѣстно-небрежно, и кромѣ того — враждебно всему, что поддерживало въ народѣ энтузіазмъ свободы и дѣятельности. Національное движеніе было парализовано вездѣ, гдѣ только министерская партія могла подавить партію патріотовъ. Несмотря на кротость и покорность послѣдняго парламента, въ преніяхъ его было раскрыто, что положеніе южныхъ провинцій—ужасно, да и дѣла всей Италіи идутъ очень, очень нехорошо. И все-таки Кавуръ не хотѣлъ отстать отъ своей системы, все-таки Кавуръ не могъ выступить на путь болѣе либеральный. Преслѣдованіе гарибальдійцевъ онъ одобрялъ, въ министры бралъ по прежнему всякаго рода ничтожности (какъ доказало составленіе мартовскаго министерства), противодѣйствовалъ или дозволялъ противодѣйствовать даже избранію въ парламентъ людей радикальнаго образа мыслей, уничтожилъ декреты Гарибальди въ южныхъ провинціяхъ (даже возстановилъ лотерею, уничтоженную указомъ Гарибальди); о римскомъ вопросѣ отдѣлался въ парламентѣ фразами, почерпнутыми, очевидно, изъ статей книги Бальбо: „мы,—говоритъ,—войдемъ въ Римъ, когда успѣемъ убѣдить папу въ несовмѣстимости свѣтской власти съ духовнымъ саномъ“ [1]); прошеніе или адресъ итальянцевъ о выводѣ изъ Рима

[1]) Въ одномъ каррикатурномъ журналѣ, «L'uomo di Pietra», была помѣщена пародія, составленная изъ разныхъ оперъ, подъ названіемъ: «Открытіе парламента». Тамъ, между прочимъ, довольно удачно примѣнена арія изъ «Нормы». Хоръ поетъ:

Casto occhiole, che i nargenti
Di Torin le antiche pianti, и пр.

Кавуръ отвѣчаетъ, пародируя арію Нормы:

Sediziosi voci,
Voci di guerra strombettar non vale,
Dov' é il conte Cavour; nessuno presuma
Dettar responsi al mio veggente occhiole
E di Roma affrettare il fato arcano:
Ei non dipende da' potere humano.

французскихъ войскъ не допустилъ даже до обсужденія и вотированія въ парламентѣ, а просто проглотилъ его, употребивъ канцелярскую фразу „примемъ къ свѣдѣнію“. Наконецъ, національное вооруженіе, предложенное Гарибальди, встрѣтило въ немъ горячаго противника. Гарибальди холодно и спокойно бросилъ въ лицо первому министру кровавый упрекъ, что онъ хотѣлъ возжечь „братоубійственную войну“ противъ тѣхъ, кого по справедливости слѣдуетъ назвать освободителями Италіи. Укоръ былъ тѣмъ болѣе жестокъ, что былъ справедливъ и очевиденъ для всѣхъ въ своей неумолимой правотѣ. Нечего было дѣлать — пришлось объясняться съ Гарибальди дружески и просить у него примиренія. Гарибальди, какъ всегда, поддался на хитрый зовъ, снизошелъ до объясненій, и хотя послѣ нихъ не хотѣлъ даже дать руку Кавуру, но все-таки министерскіе журналы, а за ними и всѣ почти французскіе, имѣли поводъ прокричать, что примиреніе совершилось. Слабыя души были успокоены. А Кавуръ на другой же день объявлялъ, что онъ ничего не уступаетъ, ни отъ чего не отказывается и намѣренъ продолжать совершенно такъ, какъ прежде... И, какъ бы въ насмѣшку надъ безсиліемъ противной партіи, въ это самое время приняли видъ совершенной достовѣрности давно ходившіе слухи о переговорахъ относительно уступки Франціи острова Сардиніи. Кавуръ отрекался, но уже находились многіе, припоминавшіе, что такія же точно отреченія высказывались и предъ уступкой Ниццы... Смерть застала Кавура среди трехъ важныхъ предложеній, которыя онъ долженъ былъ провести въ парламентѣ: заемъ въ 500 милліоновъ, проектъ національнаго вооруженія Гарибальди, искаженный министерской коммиссіей такъ, что и тѣни его не осталось, и уступка неаполитанскихъ желѣзныхъ дорогъ французской компаніи Талабо. Всѣ эти предложенія по сущности своей не могли служить къ увеличенію его популярности, хотя, разумѣется, въ парламентѣ онъ и не могъ встрѣтить серьезной оппозиціи.

La nei volumi ascosi
Leggo der cielo; in pagine di morte
Del poter temporale è scritto il nome;
Esso un giorno morrà, ma non per noi,
Morrà pe vizi suoi,
Qual consunto morra; l'ora aspettiamo,
L'ora fatal, che compia il gran decreto.
Di Luigi e Cavour questo è il segreto...

Приводимъ эту пародію, вѣрно рисующую отношенія графа къ римскому вопросу,—для любителей итальянской оперы, и потому не даемъ перевода стиховъ, кромѣ послѣднихъ, которые значатъ: «имя свѣтскаго владычества папы уже внесено въ книгу смерти; оно умретъ не отъ насъ, умретъ чрезъ свои собственные пороки, ими истощенное умретъ; а мы подождемъ того часа, рокового часа, въ который исполнится великое рѣшеніе; это есть секретъ Людовика и Кавура».

Умеръ онъ, какъ прилично истинному христіанину, напутствуемый утѣшеніями религіи. Это очень озлобило нѣкоторыхъ ярыхъ аббатовъ: „какъ, онъ былъ столько лѣтъ противъ церкви, противъ св. отца, и вдругъ умираетъ съ напутствіемъ религіи. Да какой это священникъ смѣлъ пойти къ нему? Да онъ вѣрно хотѣлъ просто разыграть комедію, чтобы не быть лишеннымъ погребенія!..“ Въ отвѣтъ на грозныя нападки, братъ Кавура написалъ, что братъ его вовсе не игралъ комедіи, ибо былъ въ безпамятствѣ, когда послали за священникомъ, а что духовникомъ его былъ аббатъ такой-то, который и засвидѣтельствуетъ о благочестіи покойнаго. Гроза унялась...

Относительно послѣднихъ часовъ его жизни были уже различные разсказы, а подлинныхъ мнѣ не случилось видѣть. Извѣстно, что онъ былъ въ безпамятствѣ, и одни увѣряютъ, что онъ бредилъ все о славѣ Италіи и о южныхъ провинціяхъ; другіе сообщаютъ, что послѣднія слова его были tasse e bachi da seta (таксы и шелковичные черви).

Я припомнилъ главнѣйшіе факты послѣднихъ лѣтъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ выводъ о значеніи Кавура для Италіи. Но теперь мнѣ кажется, что и вывода нечего дѣлать: всякій его сдѣлаетъ для себя, сообразно съ своими воззрѣніями. Люди умѣренные, спокойные (съ которыми мнѣ всегда пріятно соглашаться) видятъ въ Кавурѣ идеалъ, выше котораго едва-ли можетъ быть поставленъ самъ Людовикъ-Наполеонъ. Они его восхваляютъ именно за ловкость его пользоваться для своихъ цѣлей національными движеніями, даже страстями партій и смутами народа, которыя онъ тотчасъ же умѣетъ укрощать и обуздывать. Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно нельзя не удивляться Кавуру; какъ блюститель порядка, какъ гонитель безпокойныхъ идей и поборникъ медленнаго прогресса, онъ долженъ быть поставленъ очень высоко. На этомъ пути его ничто не останавливаетъ: преданіе государства подъ покровительство чужой державы, сотни милліоновъ ежегоднаго дефицита, безполезно пролитая кровь, связи съ людьми, подобными Ла-Фаринѣ и Нунціанте, борьба съ такими личностями, какъ Гарибальди,—ему все ни почемъ... Съ этой точки зрѣнія, удивленіе талантамъ и рѣшимости Кавура можно считать очень основательнымъ.

Другіе считаютъ его великимъ дѣятелемъ, всю жизнь посвятившимъ одной громадной задачѣ—достиженію единства и свободы Италіи... Читатель, можетъ быть, послѣ нашего очерка, не вполнѣ согласится съ такимъ мнѣніемъ.

Враги Кавура, напротивъ, находятъ, что онъ былъ человѣкъ, отлично видѣвшій у себя подъ носомъ, но вовсе не умѣвшій съ орлиной смѣлостью смотрѣть на солнце. Увѣряютъ, что итальянское движеніе совершилось мимо его, что онъ былъ ему скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, потому что

онъ замедлялъ и затруднялъ его, да и потомъ, принявъ его въ свои руки, не умѣлъ имъ воспользоваться какъ слѣдуетъ. Приводятъ множество фактовъ, когда народныя, радикальныя партіи брались за дѣло, обѣщая повторить 1848 годъ и требуя только, чтобы Викторъ-Эммануилъ послѣдовалъ примѣру Карла-Альберта. На этотъ разъ успѣхъ былъ разсчитанъ вѣрнѣе, движеніе подготовлено обширнѣе; но Кавуръ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить и даже старался повредить радикальной партіи, распуская про нее разные чудовищные слухи. Его обвиняютъ также въ томъ, что онъ не хотѣлъ дать бо̀льшаго простора дѣятельности волонтеровъ итальянскихъ въ 1859 году, и вообще, что поставилъ себя къ Наполеону въ такое положеніе, которое сдѣлало возможною эту оскорбительную депешу: „я заключилъ миръ съ императоромъ австрійскимъ; Австрія уступаетъ мнѣ Ломбардію, а я дарю ее Сардиніи“. „Волнъ Адріатики и Средиземнаго моря мало, чтобы смыть позоръ этого подарка“, восклицаетъ въ негодованіи одинъ изъ радикаловъ. Но еще это бы ничего, если бы одинъ только позоръ; а еще хуже то, что, съ помощью благодѣтельнаго союзника, Венеція до сихъ поръ стонетъ подъ австрійскимъ игомъ, между тѣмъ какъ южная и центральная Италія, которымъ только мѣшали, а не помогали, давно уже успѣли освободиться... Вообще же путь, избранный Кавуромъ для его политики, привелъ Италію въ такое же положеніе передъ Франціей, въ какомъ до того была бо̀льшая часть Италіи передъ Австріей. Въ Римѣ стоятъ на неопредѣленное время французскія войска, и подъ ихъ покровительствомъ работаетъ тамъ теперь реакція, постоянно возмущающая спокойствіе южныхъ провинцій, да нерѣдко забѣгающая и въ другія части полуострова. Въ Туринѣ же ничего не дѣлается безъ предварительнаго разрѣшенія тюильерійскаго кабинета. И выходитъ теперь, что вмѣсто того, чтобы идти дружно съ правительствомъ, народъ итальянскій долженъ употреблять свои силы на то, чтобы стеречься противъ какого-нибудь предательства его интересовъ.

Можетъ быть, и враги Кавура, разсуждающіе такимъ образомъ, имѣютъ на своей сторонѣ долю правды. По крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ событіяхъ Кавуръ точно былъ слишкомъ остороженъ или, лучше, труслив. Его приверженцы говорятъ, напримѣръ, что онъ сдѣлалъ великое благодѣяніе для Италіи, остановивъ Гарибальди въ походѣ на Римъ. Тогда, говорятъ они, императоръ Наполеонъ прямо имѣлъ бы поводъ къ войнѣ съ Италіей; Австрія воспользовалась бы этимъ и вновь отняла Ломбардію,—герцоги и король неаполитанскій были бы возстановлены, и освобожденіе Италіи было бы замедлено опять на много лѣтъ... Всѣ эти выводы логичны, но основаніе ихъ невѣрно: можно ~~положительно сказать~~, что приходъ Гарибальди въ Римъ не могъ повлечь за собою войны съ

Франціей. Въ октябрѣ, когда этого событія еще ждали, я говорилъ съ французскими офицерами въ Парижѣ: они откровенно объявляли, что „императоръ не рискнетъ на такое безразсудство“ (folie)—послать войско противъ Италіи, что подобная мѣра его самого очень уронила бы и даже, пожалуй, подвергла опасности. Потомъ разспрашивалъ я французскихъ офицеровъ въ Римѣ: тѣ сознавались, что до самыхъ событій подъ Капуей, т.-е. до вмѣшательства пьемонтцевъ, дѣло Гарибальди представлялось всѣмъ столько святымъ, энтузіазмъ къ нему былъ такъ силенъ, что для французскихъ войскъ въ Римѣ нравственно невозможно было идти съ нимъ на битву: „почти каждый изъ насъ счелъ бы для себя позоромъ легкую побѣду надъ волонтерами“, говорили они. Я повѣрялъ эти отзывы на многихъ, даже на журналахъ французскихъ,—и тамъ нашелъ, сквозь казенную оболочку, проблескъ внутренняго отвращенія къ идеѣ войны французовъ съ Гарибальди. И это продолжалось именно до того времени, когда Гарибальди шелъ *только* съ народомъ, не связывая себя ни съ какимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, Кавуру нечего было опасаться съ этой стороны. Да, впрочемъ, изъ депеши, приведенной выше, видно, что онъ и боялся совсѣмъ не этого, а совершенно противнаго, т.-е. *успѣха* Гарибальди въ атакѣ на Римъ...

Но если такъ, то чѣмъ объяснить популярность Кавура во всей Европѣ и особенно въ народѣ Италіи? Смерть его показала, до какой степени дорожили имъ. Торжественныя панихиды по немъ во всѣхъ городахъ привлекали тысячи народа, облеченнаго въ трауръ; въ день его смерти заперты были всѣ лавки въ Туринѣ; въ другихъ городахъ во всѣхъ домахъ выставляли черные флаги; нѣсколько муниципій уже открыли подписку на памятникъ ему, и подписки всѣ идутъ очень успѣшно, и пр., и пр...

На все это надо сказать, что народъ вообще очень добръ, муниципіи очень щедры, выраженія горести не такъ общи и сильны, какъ о нихъ пишутъ въ газетахъ, и что при всемъ томъ графъ Кавуръ былъ человѣкъ замѣчательный и полезный для Пьемонта и вообще не лишенный многихъ достоинствъ; смерть же его приключилась именно въ тотъ моментъ, когда слава его достигла своего апогея, и затѣмъ скоро должна была идти къ упадку. Одинъ изъ итальянскихъ журналовъ въ некрологѣ Кавура прямо выразился: „графъ Кавуръ умеръ во время для своей славы и для блага Италіи; для своей славы, потому что она не могла уже болѣе возвышаться, а для блага Италіи — потому, что съ его смертью должна прекратиться эта система, сдѣлавшая изъ Италіи орудіе чужеземныхъ замысловъ и покупающая свободу однѣхъ провинцій продажею другихъ“ [1]).

[1]) La Democrazia, 18 іюня 1861 года.

Довольно, впрочемъ, о Кавурѣ, какъ государственномъ человѣкѣ: судите о его заслугахъ, какъ хотите. Но, можетъ быть, вамъ любопытно также узнать его, какъ человѣка простого? На этотъ счетъ я вамъ не могу прибавить многаго. Развѣ обратиться къ „источникамъ"? Вотъ, напримѣръ, разсказы г. Марка Монье, о которомъ, помнится, г. Лыжинъ отзывается въ своихъ путевыхъ письмахъ такимъ образомъ: „весьма основательный писатель, тѣмъ болѣе, что съ самимъ Кавуромъ знакомъ". Г. Монье говоритъ, что когда онъ, въ передней Кавура, припомнилъ все, что имъ сдѣлано, то спросилъ себя: „по какому праву хочу я, немощный и худой, войти въ это существованіе, столь обширное и полное" [1]), и пр. Задавъ этотъ вопросъ, г. Монье хотѣлъ даже отступить отъ передней; но ему сказали, что графъ будетъ очень радъ принять его, онъ вошелъ и— „я былъ успокоенъ тотчасъ же, и совершенно: если бы я имѣлъ, какъ г. Тэнъ, талантъ и надобность формулировать въ одномъ словѣ мое впечатлѣніе, я бы написалъ, нѣсколько удивляя даже самъ себя:

«Графъ Кавуръ—это улыбка» [2]).

Затѣмъ, г. Монье сообщаетъ любопытнѣйшія черты изъ своего разговора съ Кавуромъ, состоящія въ признаніи графа, что министерство въ Пьемонтѣ идетъ впереди страны, что оппозиція очень кротка и нимало ему не мѣшаетъ, что сектаторовъ онъ презираетъ, и т. п. Все это, по словамъ г. Монье, было произнесено съ граціей и любезностью восхитительною. Вотъ вамъ ужъ и есть одна черта Кавура, какъ частнаго человѣка, и вдобавокъ противорѣчащая всему, что до сихъ поръ вы представляли, судя по отзывамъ о его парламентскомъ поведеніи. Впрочемъ, надо припомнить характеръ самого г. Монье, чуть не „отступившаго" изъ передней графа, отъ страха предъ его величіемъ.

Вотъ разсказы другого француза, котораго приводятъ вездѣ, даже въ Кёльнской газетѣ—Плателя.

„Однажды показываютъ мнѣ на балконѣ одного дома человѣка въ красномъ халатѣ и желтыхъ туфляхъ, курившаго прозаически сигару, и сказали мнѣ: вотъ графъ!.. Онъ былъ тутъ, смотря на свой народъ, и народъ смотрѣлъ на него, въ лицѣ одного пьемонтскаго мальчишки... Въ палатѣ я тотчасъ узналъ моего балконнаго знакомца. Какъ онъ сидѣлъ— я этого не могъ понять; его манера сидѣть столь же неподражаема, какъ поэзія Данта: онъ скрещиваетъ одну ногу на другой. Можно бы сказать, что это воспоминаніе восточнаго вопроса. Весь Туринъ занятъ манерою

---

[1] Moi, chétif, entrer dans cette existence si vaste et si pleine,—если г. Монье точно худощавъ, то онъ составилъ недурной каламбуръ.

[2] Marc Monnier: L'Italie est-elle la terre des morts, p. 418.

сидѣнья своего перваго министра. Я видѣлъ, какъ люди очень почтенные, сотоварищи графа, пробовали подражать ему въ маленькомъ кружкѣ — невозможно!..“ Далѣе Платель толкуетъ о томъ, какъ Кавуръ похожъ на Тьера grossi et grandi; что у него очень живое и тонкое выраженіе лица, и пр. Потомъ рисуетъ его манеру говорить и замѣчаетъ: „когда обстоятельства серьезны, онъ кладетъ обѣ руки въ карманы, и тогда приготовьтесь услышать такую фразу: „если вы не вотируете этого закона, signori deputati, я считаю себя неспособнымъ болѣе управлять дѣлами и желаю вамъ счастливо оставаться“. Всѣ перепуганы, и законъ вотируется... Графъ увлекается гнѣвомъ, какъ женщина: онъ заносится, говоритъ то и это, и *то* бываетъ не всегда то же, что *это*, но никто не заставитъ его выразиться опредѣленно, когда онъ этого не хочетъ. Иногда его интерпеллируютъ насчетъ національной гвардіи, а онъ отвѣчаетъ о Монъ-Сенисѣ, или наоборотъ. Онъ имѣетъ удивительное искусство не сказать того, чего не хочетъ, и заставить другихъ говорить то, что онъ хочетъ... У него есть манія изъ всего дѣлать личности. Г. Маміани интерпеллируетъ насчетъ бюджета; аргументъ въ отвѣтѣ графа будетъ тотъ, что г. Маміани безобразенъ; иному онъ скажетъ, что тотъ слишкомъ старъ; г-на Боджіо попрекнетъ тѣмъ, что онъ молодъ, графу Ревелю скажетъ, что тотъ не носитъ подтяжекъ, — но скажетъ такъ, что бюджетъ будетъ вотированъ“.

Если вы найдете этотъ разсказъ, при всей его видимой размашистости, еще болѣе холопскимъ, чѣмъ г. Монье, — такъ я въ этомъ не виноватъ. Мнѣ выбирать было не изъ чего: другихъ разсказовъ о частной жизни и свойствахъ графа не существуетъ — покамѣстъ.

Можно бы, правда, выбрать нѣсколько анекдотовъ изъ некрологовъ; но всѣ они такъ отзываются общимъ мѣстомъ, что скучно рыться въ нихъ.

Однажды представили ему протестъ, несогласный съ его взглядами, — для представленія королю, — и онъ былъ такъ честенъ, что не утаилъ, а передалъ; въ другой разъ пришелъ къ нему бѣдный человѣкъ, прося взять билетъ въ лотерею, — онъ взялъ всѣ билеты, а вещь оставилъ у владѣльца; одинъ авторъ клерикальной партіи прислалъ ему экземпляръ сочиненія, въ которомъ возставалъ противъ его политики, — онъ принялъ и отвѣтилъ автору очень любезнымъ письмомъ... Словомъ — анекдоты дешеваго, рутиннаго великодушія разсказываются въ изобиліи; не знаю, что они могутъ прибавить къ чьей бы то ни было характеристикѣ...

Въ заключеніе, мнѣ хочется припомнить разговоръ съ однимъ сициліянцемъ, объяснившимъ мнѣ политику и успѣхъ графа Кавура въ аллегорической формѣ. Выходило почти такъ:

„Дорога прогресса для Италіи, какъ и вообще для человѣчества,

узка и трудна, и стерегутъ ее люди, заинтересованные въ томъ, чтобы народъ не шелъ по этой дорогѣ. Находится отважный человѣкъ, пробирается мимо сторожей, выбѣгаетъ на эту дорогу и зоветъ за собою другихъ. Таковъ былъ въ Италіи, положимъ, основатель общества „Юной Италіи". Его начинаютъ преслѣдовать, его ловятъ, въ него стрѣляютъ; онъ не сходитъ съ дороги и все зоветъ. Голосъ его доходитъ до согражданъ. Болѣе смѣлые кидаются по тому же направленію; но дорога затруднена хуже прежняго, стража умножена, по сторонамъ стоятъ крѣпости и батареи. Самые пылкіе бросаются впередъ, несмотря ни на что, и погибаютъ... Таковы были у насъ Бандьера, Пизакане, и пр., и пр. За ними идутъ другіе, за другими третьи, всѣ сражаются, всѣ пролагаютъ дорогу, и послѣ многихъ неудачъ находятъ наконецъ своего Гарибальди, — рушатъ враждебныя крѣпости, овладѣваютъ батареями, прогоняютъ стражу и открываютъ всѣмъ дорогу. Тогда по ней идетъ толпа, предводимая Кавуромъ. Кавуръ — это благоразуміе. Покамѣстъ была опасность, онъ стоялъ въ сторонѣ и говорилъ: „не ходите—погибнете". Нѣкоторые не слушались, шли и погибали; толпа видѣла это и убѣждалась, что почтенный человѣкъ говоритъ правду. А онъ все больше и больше собираетъ около себя народу и увѣряетъ: „я знаю, когда надо будетъ идти; повѣрьте, что я васъ приведу во-время и безопасно: положитесь на меня". И точно, пришло время, онъ сказалъ: пора! толпы прошли спокойно, и разсудили: „вотъ это—такъ человѣкъ! Прежніе головорѣзы—или погибали, или терпѣли страшныя потери, чтобы пройти, а этотъ—умѣлъ выждать время и какъ отлично провелъ насъ". И человѣкъ этотъ дѣлается въ глазахъ толпы истиннымъ вождемъ и спасителемъ, единственнымъ мудрецомъ, на котораго можно положиться... И многіе-ли хотятъ подумать, что вѣдь онъ только воспользовался работою прежнихъ „сумасбродныхъ головорѣзовъ", мало того, что онъ затруднилъ путь прогресса, собирая около себя праздными зрителями тѣхъ, которые безъ его увѣщаній, можетъ быть, сами пошли бы на дѣло, увеличили силу пробивающихся тружениковъ и сдѣлали бой менѣе труднымъ, побѣду болѣе скорою и вѣрною... Если бы этотъ благоразумный господинъ не удерживалъ вокругъ себя толпы, — можетъ, всѣ они бросились бы, и „безумное" предпріятіе головорѣзовъ оказалось бы не безумнымъ, и они сами не погибли бы, а увѣнчались успѣхомъ... Разсудите хорошенько и скажите: въ какой мѣрѣ нравственно и чисто добытъ успѣхъ этого воздерживателя горячихъ стремленій и рѣшительныхъ мѣръ... Онъ окруженъ славою, почетомъ, о немъ кричитъ вся Европа, онъ создаетъ Италію (упрочивая себѣ въ то же время состояніе въ 40 000.000 франковъ), ему удивляются, что онъ работаетъ по 14 часовъ въ день надъ дипломатическими нотами въ своемъ роскош-

номъ кабинетѣ... И въ то же время забрасываютъ грязью, позорятъ и осмѣиваютъ людей, которые идутъ завѣдомо всѣмъ къ той же великой цѣли, терпя на своемъ пути и нищету, и одиночество, и клевету, и изгнаніе, и тюрьму, и при всемъ томъ сохраняя больше бодрости и вѣры, нежели могучій министръ, претендующій ворочать судьбами государствъ... И онъ самъ не совѣстится бросать въ нихъ камнемъ,—въ нихъ, которыхъ труды и страданія выростили для него такіе сладкіе плоды!"

Я ничего не отвѣчалъ моему сицильянцу. Да и стоитъ-ли отвѣчать на подобныя аллегоріи.

СВИСТОКЪ.

ПЕРВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА [1]).

Стихотворенія Михаила Розенгейма. Спб. 1858 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, появленіе стихотвореній г. Розенгейма было невозможно: до того литература наша стояла далеко отъ вопросовъ, которымъ посвящена значительная часть этихъ стихотвореній. Появись эта книжка въ то безплодное, глухое время, когда литература наша какъ будто рѣшилась отречься отъ всякой мысли и занималась только различными сладенькими чувствованьицами да книжными мелочами, появись она среди всеобщей литературной нѣмоты и вялости,—она бы навѣрное произвела фуроръ неслыханный. Мы помнимъ, что лѣтъ пять тому назадъ списывались и переписывались стихотворенія, имѣвшія гораздо менѣе прямоты и рѣзкости, чѣмъ, напримѣръ, хоть слѣдующіе стихи, въ которыхъ г. Розенгеймъ заставляетъ бѣса говорить каждому сановнику (стр. 71—72).

«Смотри: вотъ картина твоихъ преступленій,
Рядъ длинный и темный неправедныхъ дѣлъ,
Обжорства и лѣни, и злу послабленій.
Гляди и казнися,—ты видѣть хотѣлъ.
Смотри: вотъ забвенье о чести, законѣ,
Подъ гнетомъ достоинство, лесть почтена,
Вотъ страждетъ невинный, вотъ правда въ загонѣ,
Вотъ общая польза жиду продана.
Смотри: вотъ строитель казну обираетъ,
Вотъ грабитъ опека наслѣдье сиротъ;
Любовница краемъ, какъ хочетъ, играетъ,
Вотъ твой подчиненный законъ продаетъ.
А здѣсь клевета непощадно и грозно
Грызетъ и терзаетъ,—какъ бѣшеный волкъ,—

---

[1]) Эта рецензія помѣщается передъ «Свисткомъ», потому что тѣсно связана съ нимъ. *Прим. издат.*

Безумцевъ, что святость присяги серьезно
Понявши, пытались исполнить свой долгъ.
И все это зло чрезъ тебя проходило,
И всюду ты руку свою приложилъ,
Неправда поклономъ тебя подкупила,
Грабежъ тебѣ долго пирами платилъ.
Тебѣ царь повѣрилъ людей милліоны,
Ихъ жизнь, достоянье, покой ихъ и честь,—
Ты предалъ ихъ въ жертву твоимъ приближеннымъ,
А самъ только думалъ попить да поѣсть».

Въ недавнее время отъ этихъ стиховъ всѣ пришли бы въ восторгъ, не требуя отъ нихъ ни поэзіи, ни силы выраженія, ни звучности стиха, ни правильности риѳмы,—или, лучше сказать, всѣ эти качества сумѣли бы найти въ нихъ, въ благодарность за смѣлость и откровенность основной мысли. Теперь — далеко не то. Стихотворенія г. Розенгейма не возвышаются по идеямъ своимъ надъ уровнемъ современной литературы, давно уже обратившей серьезное вниманіе на общественные вопросы, и они уже не могутъ насъ поразить такъ, какъ поразили бы прежде. Г. Розенгеймъ нѣсколько опоздалъ изданіемъ своей книжки.—Мы уже давно прислушались къ тѣмъ возгласамъ, которые раздаются въ его стихахъ; и проза, и поэзія послѣдняго времени постоянно изъ кожи лѣзли, чтобы внушить намъ правила честности и безкорыстія, соблюденіе святости присяги, любовь къ правдѣ и закону, отвращеніе къ лѣни, обжорству, лжи, лести, воровству, и тому подобнымъ *злоупотребленіямъ*... Пресловутые поэты и ученые, въ родѣ гг. Бенедиктова, Вернадскаго, Кокорева, Львова, Семевскаго, Соллогуба, и т. п., протрубили намъ уши, вопія о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія, и пр. Послѣ нихъ уже трудно пріобрѣсти себѣ знаменитость на томъ поприщѣ, на которомъ они подвизались съ такимъ успѣхомъ. Могутъ еще найтись люди, которые и теперь придутъ въ ярое восхищеніе отъ *либеральныхъ* стишковъ г. Розенгейма. Но такихъ, вѣроятно, будетъ уже не столько, сколько ихъ было бы прежде. Бо̀льшая часть читателей, похваливши благонамѣренность г. Розенгейма, потребуетъ однако же отъ стиховъ его нѣкоторыхъ положительныхъ достоинствъ, и прежде всего—поэзіи. Г. Розенгеймъ сознается, что такимъ требованіямъ онъ рѣшительно не можетъ удовлетворить. Въ началѣ книжки его помѣщено стихотвореніе, въ которомъ авторъ съ похвальной откровенностью признается, что онъ пишетъ стихи по *долгу*, по желанію добра отчизнѣ, безъ притязаній на искусство, и что стихи его плохи. Мы вѣримъ всѣмъ этимъ признаніямъ, а послѣднее обстоятельство можемъ даже подтвердить собственнымъ свидѣтельствомъ. Только намъ кажется, что авторъ напрасно такъ убивается изъ желанія добра отчизнѣ, ибо онъ самъ же (въ стихотвореніи Ю.

В. Ж.) сознается, что стихъ его, нестройный и неискусный, никого не тронетъ, ни въ комъ не подыметъ сознанья правды и добра. и что пѣсни его

«Прозвучатъ, ничего не *посѣявъ*,
Не прививъ убѣжденье свое.
Можетъ, скажутъ: «была въ нихъ *идея*,
Но мы знали и прежде ее».

Именно такъ это и будетъ, такъ и должно быть по естественному порядку вещей; само собою разумѣется, что пѣсни ничего не посѣютъ и не привьютъ убѣжденій своихъ. Странно, что г. Розенгеймъ можетъ требовать отъ своихъ пѣсенъ такихъ необыкновенныхъ вещей... Разумѣется само собою и то, что если намъ высказываютъ идеи уже извѣстныя, да еще высказываютъ плохо, то поневолѣ скажешь, что „есть тутъ идея, да мы ее знали и прежде“. Подобными замѣчаніями г. Розенгеймъ вовсе не долженъ огорчаться. Напротивъ, такъ какъ онъ пишетъ единственно изъ желанія добра отчизнѣ, то онъ долженъ радоваться, ежели окажется, что трудъ его уже не нуженъ, что то добро, которое онъ хотѣлъ посѣять своими пѣснями, давно уже посѣяно. Съ этой точки зрѣнія мы полагаемъ, что все, что до сихъ поръ нами сказано, должно быть очень пріятно г. Розенгейму. Если онъ захочетъ удостоить насъ своего довѣрія, то вмѣстѣ со многими прекрасными людьми порадуется, что въ немногіе годы наше общество успѣло уже такъ далеко уйти, что для него перестали быть диковинкою стихотворенія, подобныя тѣмъ, какія сочиняетъ г. Розенгеймъ.

Но, кромѣ *прекрасныхъ* людей, бываютъ на свѣтѣ *злые* люди. Эти несчастные ничѣмъ не бываютъ довольны, потому что желанія ихъ слишкомъ неограниченны. Ихъ узнать чрезвычайно легко въ самомъ ничтожномъ разговорѣ. Начинается обыкновенно съ того, что они жалуются, зачѣмъ имъ въ обществѣ не даютъ говорить. Вы примете въ человѣкѣ участіе и какъ-нибудь для его утѣшенія устроите такъ, что ему можно будетъ заговорить; онъ заговоритъ. Но на половинѣ первой фразы кто-нибудь его перебьетъ и заговоритъ свое; онъ ужъ опять недоволенъ: зачѣмъ не даютъ ему кончить начатую фразу? Вы опять принимаетесь хлопотать и добиваетесь того, что злому человѣку можно говорить безъ помѣхи. Кажется, тутъ бы ужъ онъ долженъ быть доволенъ, потому что успѣлъ высказаться;—и дѣло бы, кажется, съ концомъ... Но нѣтъ, злой человѣкъ опять недоволенъ: онъ утверждаетъ, что словъ его никто не слушаетъ. „Да что тебѣ, братецъ, за дѣло до этого, слушаютъ тебя или нѣтъ? тебѣ бы вѣдь только сказать“, — возражаете вы, и своимъ возраженіемъ только еще болѣе бѣсите злого человѣка. Онъ начинаетъ вамъ толковать, что онъ не сорока, не попугай, чтобы говорить только для про-

цесса говоренія,—что въ моціонѣ языка онъ вовсе не нуждается, что онъ говоритъ для того, чтобы передавать другимъ свои мысли, и т. п. Желая сдѣлать угодное злому человѣку, вы доставляете ему слушателей. Думаете, теперь онъ успокоится? Ошибаетесь: онъ входитъ въ претензію, зачѣмъ его не понимаютъ, или понимаютъ не такъ. Вы находите ему людей понимающихъ, воображая, что этимъ его уже совершенно удовлетворили. Какъ бы не такъ! На понимающихъ-то онъ нападетъ еще съ бóльшимъ ожесточеніемъ, нашедши, напримѣръ, что, несмотря на толковое пониманіе дѣла, въ нихъ недостаточно развито убѣжденіе въ его пользѣ и необходимости. Если же и убѣжденіе въ комъ-нибудь окажется, злой человѣкъ и тутъ не удовлетворится: онъ потребуетъ, чтобъ убѣжденіе показано было на дѣлѣ. „Ты, однако, съ ума сходишь, мой другъ, — кротко замѣчаете вы ему:—ну, скажи на милость, для какой надобности ты гонишь всѣхъ на работу? Кажется, могъ бы ты угомониться. Вспомни, сколько уже удобствъ пріобрѣлъ ты при моемъ содѣйствіи: тебѣ дали говорить, тебя не перебивали, слушали, поняли, убѣдились твоими словами; чего же тебѣ больше! Ты бы съ радостными слезами благодарности долженъ былъ принимать каждое изъ оказанныхъ тебѣ благодѣяній, а ты все въ гору лѣзешь“. И вы полагаете, что урезонили злого человѣка. Но увы! этихъ людей нельзя урезонить! Онъ подымется еще пуще и съ убійственнымъ спокойствіемъ, подъ которымъ вы чуете и ядъ, и огонь, и пику, начинаетъ вамъ доказывать, что слово безъ дѣла есть праздное слово, что если не дѣлать, то не стоитъ и говорить, и т. п. Вы приходите, разумѣется, въ ужасъ и оставляете наконецъ злого человѣка, который пускается въ столь опасную философію и не умѣетъ говорить для того, чтобы говорить. Вы видите, что онъ не понимаетъ пріятности и пользы—развить свою мысль изящно и основательно, привлечь многочисленныхъ слушателей, опровергнуть возраженія логическими доводами, заставить замолчать противниковъ и довести ихъ до согласія съ своими положеніями... Злой человѣкъ недоволенъ даже убѣжденіями, согласными съ нимъ, если они не выражаются на дѣлѣ... Разумѣется, вы не дожидаетесь этого дѣла, бѣжите отъ такого человѣка, и прекрасно дѣлаете, потому что въ практической дѣятельности онъ еще хуже, чѣмъ въ разговорахъ. Изъ самой пустой и обыкновенной вещи онъ сдѣлаетъ такую исторію, что вы не рады будете, зачѣмъ съ нимъ связались. У васъ, напримѣръ, зубъ гнилой; гніетъ онъ ужъ нѣсколько лѣтъ и побаливаетъ этакъ въ недѣлю раза два, три. Вы его пользуете, разумѣется,—одеколономъ, теплыми подушечками, ромомъ, спиртомъ, хлороформомъ... Ну, поболитъ, поболитъ, да и перестанетъ. Правда, что черезъ день — черезъ два, опять расходится; да вѣдь и успокоится же опять... Ну, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ, зубъ выкрошится и боли не бу-

деть, ежели только самымъ лѣченьемъ вы прочихъ зубовъ не испортите. Но попробуйте сказать о вашихъ страданіяхъ злому человѣку. Онъ посмотритъ вамъ зубъ: „гнилой,—такъ надо его выдернуть"... Вотъ и вся у него не-долга... Да вѣдь пристанетъ къ васъ съ участіемъ этакимъ, докажетъ, что радикальная мѣра необходима, что за - разъ вырвать лучше, чѣмъ страдать безпрестанно... Вы поневолѣ должны согласиться, а между тѣмъ все - таки думаете: „да, хорошо тебѣ говорить-то... Вѣдь не тебѣ будутъ зубы-то рвать".

Одного такого *злого человѣка* послала судьба мнѣ въ пріятели. Ему-то я вздумалъ отчасти похвалить стихотворенія г. Розенгейма, полагая, что онъ долженъ остаться доволенъ ихъ направленіемъ. Но, какъ я уже сказалъ, пріятель мой ничѣмъ не могъ быть доволенъ. „Что же это,—новый *талантъ*?" —спросилъ онъ съ такимъ удареніемъ на словѣ „талантъ", что мнѣ стало какъ-то неловко... Я принялъ самый скромный видъ и сталъ объяснять моему пріятелю:

— Нѣтъ, этого нельзя сказать. Поэтическаго таланта у г. Розенгейма не замѣтно. Его стихотворенія не отличаются ни живостью образовъ, ни глубиною чувства, ни задушевной теплотой, ни прелестью или силой выраженія... Но за то во многихъ его стихотвореніяхъ подняты общественные вопросы, высказаны дѣльныя и полезныя мысли...

— Да зачѣмъ же онъ стихами-то пишетъ? — перебилъ *злой человѣкъ*.—Вѣрно это неопытный юноша, утопающій въ міровыхъ мечтаніяхъ?

— Вовсе нѣтъ. Г. Розенгеймъ долженъ быть уже человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Въ числѣ его стихотвореній есть одно, служащее отвѣтомъ на письмо Лермонтова. Лермонтовъ убитъ въ 1841 г.; человѣку, который съ нимъ переписывался, должно быть теперь уже лѣтъ около 40. Сообразно съ этимъ почтеннымъ возрастомъ, г. Розенгеймъ и въ стихотвореніяхъ своихъ является весьма солиднымъ и умѣреннымъ. Онъ ничего болѣе не хочетъ, какъ только искорененія злоупотребленій и установленія порядка на религіозно-нравственномъ основаніи. Объ этомъ онъ самъ говоритъ почти въ каждомъ стихотвореніи. Вотъ какими стихами начинается его книжка:

«Мнѣ говорятъ, что я рискую,
Что слишкомъ смѣло говорю.
Не вѣрю.—Рѣчь веду такую
Затѣмъ, что преданъ я царю.
Не искони-ль царей державныхъ
Сливалась слава на Руси
Со славой Руси право*славной*?
Кто хочешь, лѣтопись спроси.
А славу матери Россіи
Я жарко, искренно люблю,
Затѣмъ и *кривды въ ней лихія*
Отъ всей души я не терплю.

Ужель *я менѣй гражданиномъ*
И право слова потерялъ,
Что не покрытъ высокимъ чиномъ,
Что незначителенъ и малъ?...» и пр.

Все стихотвореніе очень длинно, и потому я не стану его читать тебѣ (продолжалъ я объяснять моему злому пріятелю), тѣмъ больше, что стихи, какъ видишь, очень плохи. Но это не мѣшаетъ мыслямъ, высказаннымъ въ нихъ, быть превосходными. Далѣе авторъ говоритъ, что всякій долженъ исполнять свой долгъ, и что исполняющаго долгъ свой нельзя презирать за дурное исполненіе, если у него есть добрая воля, а только „средствъ и мочи не далъ Богъ". Поэтому, говоритъ онъ, и меня никто не можетъ презирать и порицать за дурное качество моихъ стиховъ. Я сдѣлалъ, что могъ; лучше меня сдѣлаютъ другіе.

«Пускай стихи мои плохіе,
Какъ звукъ въ пространствѣ, пропадутъ.
Со мной, за мной пойдутъ другіе
И также *правду понесутъ*;
И каждый *каплю правды Бога*
Внесетъ въ сознанье согражданъ;
И капель тѣхъ сберется много,
Сберется цѣлый океанъ».

Разумѣется, стихи не совсѣмъ удачны: Слова: *правду понесутъ* напоминаютъ выраженіе *нести дичь*. „Внести въ сознанье согражданъ океанъ, составленный изъ *капель правды Бога*" — напоминаетъ опять то же выраженіе. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя отвергнуть благородства побужденій, внушившихъ эти стихи. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ объявляетъ, что онъ намѣренъ обличать *страсть неправаго стяжанья*, *себялюбіе* и *лѣнь*. Нельзя не согласиться, что все это очень смѣло и благородно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать и другого обстоятельства, много говорящаго въ пользу г. Розенгейма: онъ не заносится далеко, онъ очень скроменъ, мало надѣется на себя и всего ожидаетъ отъ высшей помощи. Обличеніе пороковъ людскихъ возбуждаетъ въ немъ только благоговѣніе къ мудрости высшей, и онъ пишетъ:

«Подъ гнетомъ тяжкихъ обличеній,
Въ сознаньи немощи своей,
Мы клонимъ, Господи, колѣни
Предъ свѣтомъ мудрости Твоей.
Не помяни гордыни нашей
И суеславье отпусти,
И тѣмъ, что бренной славы краше,
Насъ духомъ правды просвѣти».

Эти высокія чувства сопутствуютъ г. Розенгейму во всѣхъ его обличительныхъ стихотвореніяхъ. Вообще — въ немъ не замѣтно ни малѣйшей

кичливости, столь свойственной людямъ, принимающимся за обличеніе собратій. Если онъ чѣмъ гордится, такъ это—величіемъ русскаго народа и его славной будущностью. Онъ призываетъ всѣхъ насъ:

«Покажемъ народамъ чудесный примѣръ
Развитія въ нѣдрахъ закона,
Безъ ложныхъ стремленій, безъ вздорныхъ химеръ,
Подъ сѣнью могучаго трона.
Пусть видитъ Европа, британецъ, французъ,
Что тамъ плодотворна невз*года*,
Гдѣ тройственный крѣпокъ и силенъ союзъ
Межъ Богомъ, царемъ и наро*домъ*».

Въ другомъ стихотвореніи г. Розенгеймъ указываетъ на высокое назначеніе русскаго народа, который называется у него народомъ избраннымъ. По его мнѣнію, Руси назначено Провидѣніемъ—

«Свершить народовъ обновленье,
Когда германецъ на землѣ
Свои окончитъ разъясненья
И суемудрія во мглѣ,
Замретъ, заглохнетъ Западъ хилый,
Въ туманъ сомнѣнья погруженъ,—
Ввесть въ дряхлый міръ живыя силы
И стать въ главѣ земныхъ племенъ».

Прославляя такимъ образомъ Русь, г. Розенгеймъ чрезъ то самое блистательнымъ образомъ опровергаетъ тѣхъ отсталыхъ господъ, которые утверждаютъ, будто обличеніе пороковъ своихъ собратій показываетъ отсутствіе любви къ отечеству и зараженіе идеями лукаваго Запада. Г. Розенгеймъ весьма ядовито отзывается о Западѣ, говоря:

«Посмотрите, Западъ хилый,
Пережившій все старикъ,
Остальныя тратитъ силы
Въ корчахъ козней и интригъ».

Г. Розенгеймъ утверждаетъ, что на Западѣ „вѣру, вѣрность и правоту *подъѣло* коварство, злоба, зависть и нищета“, что тамъ „всякій хочетъ править“ и потому *сдуру* Западъ и полѣзъ на насъ—драться...

«Мудрено-ль, что имъ завидны
Наша слава, нашъ покой,
Что, отступники, безстыдно
Угрожаютъ намъ войной!
Русь—защита царскихъ *троновъ*,
Русь—спасенье алтарей,
Правой власти *оборона*,
Страхъ и ужасъ мятежей;
Русь—слабѣйшаго ограда,
Русь—безвѣрію упрекъ,

Ковнямъ сильнаго преграда,
Безначалію урокъ.
Эту Русь для васъ, народы,
Фабриканты мятежей,
Провозвѣстники свободы,
Средь насилій и цѣпей,
Эту Русь, ее, что вѣчно
Какъ бѣльмо вамъ на глазу,
Вы не любите, конечно,
Точно школьники лозу».

— Довольно,—проговорилъ мой пріятель умоляющимъ тономъ.

— Нѣтъ, погоди,—отвѣчалъ я, и продолжалъ читать:

«Что ни будь, а, супостаты,
Вамъ ее не проглотить:
Нѣтъ, подавитесь, ребята,
По горбамъ придется бить.
Тутъ вѣдь салили ужъ губы...
Не такіе ѣдоки»...

— Остановись,—провозгласилъ мой пріятель.—Я не могу дольше выносить твоихъ насмѣшекъ надо мною: ты объявилъ мнѣ, что г. Розенгеймъ есть обличитель современнаго русскаго общества, а вмѣсто того читаешь мнѣ его проклятія Западу.

— Другъ мой,—кротко возразилъ я:—мнѣ хотѣлось сначала показать тебѣ, съ какой точки зрѣнія обличаетъ пороки г. Розенгеймъ. Ты вѣдь любишь во всемъ доискиваться до коренныхъ началъ и побужденій. Дай же мнѣ досказать то, что я началъ. Г. Розенгеймъ скроменъ въ своихъ требованіяхъ; любя Русь, онъ дѣлаетъ замѣчанія за нѣкоторые ея недостатки, но, тѣмъ не менѣе, ставитъ ее превыше всѣхъ земныхъ племенъ. Онъ не любитъ тѣхъ, которые, указывая намъ на примѣръ другихъ, требуютъ преобразованій нашего общественнаго устройства. Нѣтъ,—говоритъ онъ имъ,—не шуми—

«Что порочишь ты такъ безтолково, легко,
Создано не такими людьми!»

Устроено все прекрасно, но бѣда въ томъ, что не во всѣхъ внѣдрено почтеніе къ существующему устройству. Поэтому

«Если золъ ты на свѣтъ, точно правду любя,
То не тронь въ немъ порядокъ вещей;
Но исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
Отучи отъ неправды людей».

При такой скромности, г. Розенгеймъ, разумѣется, не можетъ взять на себя какихъ бы ни было измѣненій и улучшеній въ общественномъ порядкѣ. Онъ считаетъ своею обязанностью всегда идти за тѣхъ, кто идетъ

впереди, куда бы тотъ ни шелъ. Только уже въ крайнемъ случаѣ рѣшается онъ скромно попросить, чтобъ его не завели въ какую-нибудь трущобу, а доставили, куда слѣдуетъ. Такой же точно образъ дѣйствія присовѣтоваетъ онъ и народу. Такъ, въ стихотвореніи „Памятникъ“ онъ заставляетъ весь русскій народъ говорить какому-то боярину:

«Будь межъ нами старшой, но какъ старшій нашъ братъ,
Въ каждомъ лихѣ у насъ будешь ты виноватъ,
Потому что тебѣ свѣтъ и сила даны,
И познанья, а мы,--мы, бояринъ, темны;
Потому что вездѣ за тобою идемъ.
Мы неправы,—знать ты шелъ неправымъ путемъ;
Мы порочны,—то ты намъ пороки привилъ;
Кривда въ насъ завелась,—ты насъ кривдѣ училъ.
Въ беззаконья вдались,—ты закономъ игралъ,
Ты его оскорблять намъ примѣръ показалъ.
Такъ ко всякому злу отъ тебя идетъ слѣдъ,
И за всякое зло ты дашь Богу отвѣтъ.
Да, бояринъ, у насъ ты причиной всего!
Кому много дано, много спросятъ съ того.
Такъ веди-жъ насъ; а мы за тобою пойдемъ.
Но веди только насъ всюду правымъ путемъ».

— Вотъ ужъ этого я никакъ не ожидалъ, — вдругъ воскликнулъ злой пріятель мой.—Я думалъ, что онъ скажетъ, по крайней мѣрѣ: такъ какъ отъ тебя у насъ всѣ гадости, то ужъ не трудись вести насъ; лучше намъ самимъ поискать дороги. А онъ вдругъ заключилъ: такъ веди-жъ насъ!.. Вотъ логика!..

— Другъ мой, зачѣмъ замѣшивать логику въ поэзію?—скромно замѣтилъ я.

— Да какая же тутъ поэзія! До сихъ поръ не замѣтилъ я ни малѣйшей искры поэзіи во всемъ, что ты читалъ мнѣ. Однѣ только фразы, самыя избитыя и пошлыя.

— Зачѣмъ выражаться такъ рѣзко, мой другъ. Вспомни, что я вѣдь и читалъ тебѣ именно такія мѣста, изъ которыхъ слѣдовало тебѣ увидѣть общія понятія г. Розенгейма. А вѣдь у него есть обличительныя стихотворенія, въ которыхъ гораздо болѣе...

Я замялся, не зная, чего *болѣе* въ обличительныхъ стихотвореніяхъ г. Розенгейма. Злой пріятель тотчасъ замѣтилъ мое затрудненіе и, чтобы увеличить его, спросилъ рѣзко:

— Какія же именно явленія обличаетъ г. Розенгеймъ?

Я смутился еще болѣе, потому что вовсе не былъ приготовленъ къ такому вопросу.

— Какъ же—какія?—отвѣчалъ я...—Всякія... г. Розенгеймъ пишетъ вообще... Да вотъ всего лучше—примѣръ. Я не стану читать цѣлаго стихотворенія: всѣ они непомѣрно длинны. Но вотъ нѣсколько стиховъ.

«Край родной, избранникъ Бо*га*,
Ты заснулъ въ пути;
Ты петровскою доро*гой*
Не сумѣлъ идти.
Замѣнивъ живое дѣ*ло*
Грудою бума*гъ*.
Ты погрязъ душой и тѣло*мъ*
Въ формахъ и слова*хъ*.
И валя чрезъ пень колоду,
Вѣчное авось
Черной немочью народу
Въ плоть и кровь впилось.
Въ каждой сдѣлкѣ ходъ привычный—
Сбыть товаръ лицо*мъ*;
А къ успѣху путь обычный—
Заднее крыль*цо*».

Прочитавъ это, я посмотрѣлъ на пріятеля; злой человѣкъ этотъ презрительно улыбался. Я поспѣшилъ перевернуть нѣсколько страницъ.

— А вотъ изъ другого стихотворенія,—сказалъ я: — здѣсь поэтъ обращается къ „Молвѣ“, называетъ ее криксой-говоруньей и проситъ звать насъ всѣхъ къ правдѣ. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

«Проникая въ глубь сердецъ,
Этимъ мощнымъ зовомъ,
Вразуми насъ наконецъ
Задушевнымъ словомъ;
Какъ честнымъ трудомъ найти
И честной достатокъ,
Что къ богатству есть пути
Кромѣ кражъ и взятокъ,
Что отечеству *служить*
Можно безъ поклоновъ;
Уваженье намъ вну*ши*
Къ святости законо́въ:
Убѣди, что сила царствъ,
Краевъ преуспѣнье,
Честь и благо государствъ
Въ этомъ уваженьи.
Провозвѣстница началъ»...

— Перестань,—перебилъ меня злой пріятель.—Какъ тебѣ не надоѣстъ читать все э́то? Неужели ты не понимаешь, что все это есть не болѣе, какъ плохое переложеніе въ стихи очень прозаическихъ фразъ, бывшихъ у насъ въ ходу года три тому назадъ? Если хочешь, я тебѣ такія переложенія могу доставлять сотнями. Да вотъ, кстати, одно изъ нихъ; мнѣ принесъ его одинъ юноша, съ просьбой передать куда-нибудь для напечатанія. Не хочешь-ли?

И онъ подалъ мнѣ листокъ, на которомъ написаны были слѣдующіе стихи:

ПОРА!

Нѣтъ ужъ нечего больше шутить,
Нѣтъ, не въ силахъ я больше смѣяться.
Надо слезы раскаянья лить
И въ слезахъ отъ пятна омываться,
Что вѣка наложили на насъ...
Намъ въ самихъ себя надобно вникнуть,
И исправить себя отъ проказъ,
И на цѣлую Русь надо крикнуть,
Что теперь наступила пора,—
Да и точно она наступила,—
Съ корнемъ вырвать всѣ отрасли зла,
Что такъ долго Россію губило.
Не поможешь словами теперь,
Надо дѣйствовать честно и смѣло.
И при этомъ—хорошій примѣръ
Лучше брани постыдному дѣлу.
Честью родины кто дорожитъ
Пусть пожертвуетъ выгодой личной,—
Мелкой должностью пусть не презритъ
И примѣръ всѣмъ представитъ отличный.

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

— Немножко безсвязно,—замѣтилъ я, прочитавши стихотвореніе.— Впрочемъ, это что-то знакомое.

— Я думаю, знакомое,—отвѣчалъ мой пріятель. — Можетъ быть, ты даже рукоплескалъ этимъ фразамъ, вмѣстѣ съ другими... Изъ „Чиновника“,—добавилъ онъ особенно-презрительнымъ тономъ.

Тутъ, дѣйствительно, представилось мнѣ, что стихотвореніе напоминало знаменитую тираду Надимова. Изъ любопытства я справился, и что же? оказалось, что г. Лиліеншвагеръ просто переложилъ въ стихи слова Надимова и переложилъ съ собачьей вѣрностью подлиннику!.. [1]).

— Но вѣдь это просто пошлость,—замѣтилъ я, стараясь оправдать себя въ глазахъ злого пріятеля:—а у г. Розенгейма встрѣчаются мысли, не лишенныя значенія.

— Не замѣтилъ я такихъ мыслей,—съ обычной злостью возразилъ мой пріятель. — Но если бы и такъ, стоитъ-ли изъ-за этого приходить

[1]) Вотъ прозаическій текстъ для забывчивыхъ читателей: «Нѣтъ, графиня, шутить тутъ нечего. Тутъ ничего нѣтъ смѣшного, и смѣяться я не въ силахъ. Мнѣ кажется, что тутъ, напротивъ, надо плакать и каяться, и слезами покаянія стереть пятно, наложенное на насъ вѣками. Надо вникнуть въ самихъ себя, надо исправиться, надо крикнуть на всю Россію, что пришла пора, и дѣйствительно она пришла, *искоренить* зло *съ корнями*. (Въ переложеніи эта тавтологія исправлена). Теперь словами не поможешь, надо дѣйствовать... и лучшее порицаніе дурному—примѣръ хорошаго. Надо, чтобы каждый изъ насъ, кто дорожитъ честью своего края, пожертвовалъ собой и, не гнушаясь мелкихъ должностей, въ себѣ показывалъ бы другимъ образецъ».

въ восторгъ? Ну, попалась человѣку неглупая книга, выдралъ изъ нея тираду—и готово стихотвореніе. Да такія стихотворенія я самъ могу писать, хотя никогда не занимался стихослагательствомъ. И я думаю, что не найдется теперь ни одного грамотнаго человѣка, который бы не смогъ написать такихъ стиховъ, какіе пишетъ г. Розенгеймъ. Я хоть сейчасъ готовъ попробовать.

И, желая доказать свою мысль, пріятель мой взялъ лежавшую на столѣ книжку „Русскаго Вѣстника", развернулъ статью „Нѣсколько мыслей о судопроизводствѣ" и началъ писать стихи на лоскуткѣ бумаги. Черезъ нѣсколько минутъ онъ передалъ мнѣ книгу. На стр. 385 прочелъ я слѣдующее:

«Въ странѣ, гдѣ устраиваютъ желѣзныя дороги и пароходное движеніе, гдѣ поощряется устройство и развитіе всякихъ промышленныхъ предпріятій, гдѣ сняты съ народа оковы, препятствующія его свободному труду, гдѣ возвышаютъ уровень народнаго воспитанія, гдѣ вызываютъ къ дѣятельности и движенію всѣ живыя силы; въ странѣ, которая громко просится на полезный и свободный трудъ,—можно-ли еще сомнѣваться, что въ такой странѣ необходима адвокатура, какъ непремѣнная часть преобразованнаго судопроизводства, какъ вѣрнѣйшее средство въ одно и то же время обезпечить правильность и быстроту суда, и открыть народной дѣятельности новый источникъ къ умноженію частнаго богатства, къ полезному занятію множества юныхъ силъ?»

Когда я прочиталъ это, пріятель мой прочелъ мнѣ свое стихотвореніе:

PIA DESIDERIA.

Тамъ, гдѣ строятъ дороги желѣзныя,
Пароходство растетъ каждый часъ,
Предпріятья заводятъ полезныя,
Поощряютъ промышленный классъ;
Гдѣ оковы съ народа снимаются,
Гдѣ свободный раждается трудъ,
Воспитаніе гдѣ возвышается,
Къ дѣлу, къ жизни всѣ силы зовутъ;
Гдѣ повсюду замѣтно стремленіе
На свободный, полезный всѣмъ трудъ:
Допустить тамъ возможно-ль сомнѣніе,
Что полезенъ и праведный судъ
Съ непремѣнною адвокатурою,
Какъ надежнѣйшимъ средствомъ—суду
Съ передѣланной магистратурою
Дать и правильность и быстроту,
И труду въ то же время народному
Вновь обильный источникъ открыть
Юныхъ силъ къ упражненью доходному
И къ возможности деньги скопить!..

— Стихъ мой, конечно, плохъ,—замѣтилъ мой пріятель.—Но согласись, что все же вѣдь онъ не хуже стиха г. Розенгейма... А какая мысль-то богатая: объ адвокатурѣ!.. Объ этомъ еще никто не писалъ у насъ стиховъ.

— Относительно мысли, я съ тобою не спорю, но насчетъ стиха позволь мнѣ замѣтить, что тебѣ никогда не достигнуть той силы выраженія, какой обладаетъ г. Розенгеймъ. Вспомни—

«Что, отступники! Безстыдно...
По горбамъ придется бить».

— Какъ! ты думаешь, что у меня нѣтъ силы выраженія? Такъ ты еще не знаешь меня... Да хочешь-ли, я прочту тебѣ стихи, которые вчера написалъ. Я ихъ не хотѣлъ никому показывать, считая неприличными... Но когда дѣло коснулось силы выраженія, я ихъ прочту тебѣ.

И онъ дѣйствительно прочиталъ:

ВЪ АЛЬБОМЪ.

ПОБОРНИКУ ВЗЯТОКЪ.

Вѣрно ты негодяй и мошенникъ,
Если ты ужъ рѣшился сказать,
Будто тотъ есть отчизны измѣнникъ,
Кто на взятки посмѣетъ возстать.
Нѣтъ, не правда, что тотъ есть скотина,
Вѣтрогонъ и пошлѣйшій дуракъ,
Кто не алчетъ высокаго чина,
Кто на службѣ не множитъ бумагъ.
Кто, служа безкорыстно и честно,
Не по взяткамъ расправу творитъ,
И, преслѣдуя зло повсемѣстно,
Чистой страстію къ долгу горитъ.
Нѣтъ, не онъ есть отчизны губитель,
Губишь ты ее, злая змѣя,
Губишь ты ее, воръ и грабитель,
Ты, корыстный, рутинный судья.
Патріотомъ слывешь ты, надменный,
Но отчизну ты хвалишь,—губя...
О, съ какимъ аппетитомъ, презрѣнный,
По зубамъ бы я съѣздилъ тебя!!!

— Ну, ужъ это неприлично,—воскликнулъ я.

— Отчего же неприлично,—возразилъ мой пріятель.—Если *по горбамъ бить* позволяется въ поэзіи, такъ отчего же и въ зубы не съѣздить? Если иностранцевъ можно называть безстыдниками и отступниками, такъ почему же *своего-то* не назвать воромъ и мошенникомъ! Ничего, можно...

— Можно-то, конечно, можно, да что же изъ этого толку? Ты вѣдь пишешь все это на смѣхъ, и въ стихахъ твоихъ такъ и видно отсутствіе

всякаго поэтическаго чувства, всякой искренности. Напротивъ, г. Розенгеймъ, по крайней мѣрѣ по его собственному признанію, говоритъ искренно. А согласись, что благородныя убѣжденія, искренно высказываемыя, всегда заслуживаютъ одобренія и поощренія. Ты самъ, года три тому назадъ, съ радостью встрѣчалъ всякій новый голосъ, поднимавшійся въ литературѣ въ защиту правды и добра. Отчего же ты вдругъ такъ перемѣнился?

— Я вовсе не перемѣнился,—запальчиво возразилъ злой пріятель,— а вы обманули меня. Разумѣется, слово должно предшествовать дѣлу; поэтому, услышавъ ваши возгласы, я и подумалъ, что если вы заговорили, то, значитъ, и за дѣло скоро возьметесь. Въ этой надеждѣ я и радовался, и поощрялъ ваши возгласы. Но очень скоро они мнѣ надоѣли, стали смѣшны и непріятны. Вы меня своими криками поставили въ положеніе человѣка, которому съ утра предложили пріятную прогулку. Погода прекрасная, мѣстоположеніе великолѣпное, все общество такъ и рвется вонъ изъ комнаты; но, между тѣмъ, всѣ сидятъ по угламъ, разговаривая о предстоящей прогулкѣ. Проходитъ время до завтрака; за завтракомъ тотъ же разговоръ, тѣ же сборы. Всѣ толкуютъ, что послѣ прогулки и обѣдъ будетъ пріятнѣе. Въ разсужденіяхъ объ этомъ проходитъ все время отъ завтрака до обѣда; за обѣдомъ всѣ жалуются, что нѣтъ аппетита, оттого что не гуляли; собираются идти послѣ обѣда. Но послѣ обѣда всѣ дремлютъ, а потомъ садятся за карты, все продолжая разговаривать о прогулкѣ. Ну, скажи пожалуйста, пріятно такое положеніе? По моему—коли идти, такъ идти; а ежели нельзя идти, такъ нечего и толковать цѣлый день объ этомъ. Да пожалуй и толкуй, наконецъ. Иногда это необходимо. Я самъ готовъ одно и то же цѣлую недѣлю долбить какому-нибудь дураку, который иначе не можетъ понять, въ чемъ дѣло. Да только я этимъ гордиться не буду. Я буду говорить:—вотъ, въ какомъ я плачевномъ нахожусь положеніи; долженъ съ этакимъ дуракомъ возиться, который ничего уразумѣть не можетъ ранѣе семи дней, и долженъ я съ нимъ одну и ту же кашу по семи разъ ѣсть... Пожалѣйте, молъ, меня, бѣднаго. А у васъ-то что дѣлается въ литературѣ? Вѣдь — безобразіе. Каждая статьишка фельетонная, хоть бы то было о привилегированной ваксѣ, непремѣнно начинается стереотипной фразой: „въ настоящее время, когда у насъ возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ“... Сколько ужъ лѣтъ это идетъ... Все вопросы задаютъ... Вотъ, подумаешь, ватага глухихъ собралась: одинъ другого спрашиваетъ, а никто ни разслушать, ни отвѣтить не можетъ. Да и вопросы-то все такіе мудреные: красть или не красть? бить въ рожу или не бить? молчать или говорить?.. И кто скажетъ: *не красть* или *говорить*,—передъ тѣмъ всѣ сейчасъ и кинутся на колѣни. Ахъ, говорятъ,

какъ ты уменъ, какъ ты благороденъ, какъ ты великъ!.. Ну, что это за безобразіе!.. У меня недавно былъ все тотъ же шутъ—Лиліеншвагеръ—и оставилъ стихи, которыми онъ гордится, потому что дошелъ собственнымъ умомъ до мысли, въ нихъ выраженной. Мысль, въ самомъ дѣлѣ, хорошая: не нужно, говоритъ, таскать платки изъ чужихъ кармановъ. Да вотъ и самые стихи:

МОЕМУ БЛИЖНЕМУ.

(ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ).

Знаю, что правду пишу, и именъ не значу.
Кантемиръ.

Брось ты промыселъ свой гнусный
Залѣзать въ чужой карманъ:
Пусть мошенникъ ты искусный;
Но постыденъ вѣдь обманъ.
По закону ты не смѣешь
Воровать чужихъ платковъ,
И часовъ коль не имѣешь,
Такъ останься безъ часовъ.
Вѣрь, что собственность священна,
Вѣрь, что грѣхъ и стыдно красть,
Вѣрь, что вора непремѣнно
Наконецъ посадятъ въ часть.

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

25 сентября 1858 г.
3 часа и 25 минутъ пополудни.

— Ты, конечно, ничего не имѣешь противъ справедливости этой мысли,—продолжалъ злой пріятель. — Превозноси же Конрада Лиліеншвагера за то, что онъ, 25-го сентября 1858 года, въ три часа и 25 минутъ пополудни, проникся этой высокой истиной и смѣло объявилъ, что таскать изъ кармановъ платки и часы — постыдно. Прочти его стихи въ кругу твоихъ пріятелей и распинайся предъ ними за то, что хотя въ стихахъ поэзіи нѣтъ, но отъ нихъ должно приходить въ восторгъ, потому что въ нихъ выражается благородное направленіе автора. Назови его поборникомъ правды и честности, провозвѣстникомъ здравыхъ идей, распространителемъ истинныхъ понятій о чести и добродѣтели. Вѣдь все это будетъ чистѣйшая правда. И я не вижу, отчего бы г. Розенгеймъ, говоря, „что къ богатству есть пути, кромѣ кражъ и взятокъ“, заслуживалъ за это болѣе почтенія, нежели г. Лиліеншвагеръ, утверждающій, что „грѣхъ и стыдно красть“.

— Все это такъ,—возразилъ я.—Но ты еще не знаешь одной стороны, въ которой особенно выражается сила таланта г. Розенгейма. У него

есть „Русскія элегіи“ и еще нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ онъ заглядываетъ въ душу взяточниковъ, изображаетъ ихъ чувства, ихъ образъ мыслей, и заставляетъ ихъ сокрушаться о печальномъ положеніи, въ которое поставлены они новымъ безкорыстнымъ направленіемъ, соединеннымъ съ гласностью. Я ихъ прочту тебѣ.

— А длинны?

— Нѣтъ, не всѣ. Есть, правда, и длинныя. Напримѣръ „Воевода“ сильно разъѣхался и въ длину и въ ширину; десять страницъ стиховъ вотъ какого размѣра:

«Давно ужъ, въ тѣ годы, когда еще черти,
Шатаясь по свѣту, пугали людей», и пр.

Но есть и коротенькія. Вотъ, напримѣръ, четвертая элегія занимаетъ всего три страницы.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ лучше такъ разскажи, что въ нихъ содержится. Я не въ состояніи выслушать три страницы стиховъ г. Розенгейма.

— Да содержаніе ихъ извѣстное. Въ одной элегіи жалуется на новое время выгнанный изъ службы взяточникъ, купившій свое мѣсто посредствомъ какой-то Амаліи Андреевны. Чиновникъ этотъ невысокаго полета; онъ разсуждаетъ, что

«Можно, бросивъ мундиръ, и съ дворецкимъ въ трактиръ
Завернуть, и съ курьеромъ сойтиться».

Во второй и третьей элегіи разсуждаетъ тоже маленькій чиновникъ. Онъ бранитъ либерала столоначальника, который не хотѣлъ подписать какой-то бумаги, хотя ему *самъ совѣтникъ* приказывалъ, да утверждаетъ, что хорошо толковать о безкорыстіи сочинителямъ, а на службѣ человѣку бѣдному, да еще семейному, невозможно обойтись безъ взятокъ.

Въ четвертой элегіи доказывается, что взятка не есть воровство, а просто благодарность.

«Не беремъ же мы насильно,
Не съ ножемъ изъ-за угла,
Принимаемъ,—что посильно
Намъ причтется за дѣла».

Согласись, что все это очень справедливо и ловко подмѣчено: именно таковы взгляды взяточниковъ, именно такія оправданія они приводятъ. И притомъ замѣть, что г. Розенгеймъ не бросается въ кичливыя разсужденія, въ высшіе взгляды; онъ старательно вникаетъ въ подробности, нисходитъ въ самый ничтожный и смиренный классъ взяточниковъ и на нихъ обращаетъ оружіе своей сатиры. Въ образецъ его тщательности можно привести сельскую идиллію „Недоимки“. Здѣсь обличается взяточничество во-

лостного писаря и старосты Власа. Прими въ уваженіе, что это предметъ совершенно новый въ нашей литературѣ и далеко не ничтожный. Самъ авторъ замѣчаетъ:

«У насъ писаря волостного правленья
Отнюдь не бездѣлка въ быту мужика».

Слѣдовательно, весьма важно для государства, чтобы волостной писарь былъ человѣкъ честный, и обличеніе его много можетъ подвинуть впередъ благосостояніе нашего земледѣльческаго класса. Вотъ г. Розенгеймъ и описываетъ сборъ недоимокъ съ мужиковъ, да вѣдь съ какой подробностью! Онъ изображаетъ, какъ приходятъ къ мужику, разговариваютъ съ нимъ, сказываютъ, сколько на немъ недоимки, какъ онъ торгуется съ писаремъ. Писарь говоритъ:

«Лежитъ недоимки съ семьи Горбылева,
Егора три гривны да восемь цѣлковыхъ».

Мужикъ споритъ, потомъ соглашается, упрашиваетъ, предлагаетъ полтину за отсрочку, староста ломается, писарь велитъ прикинуть:

«И гривну другую прикинетъ мужикъ,
И будто поддастся упрямый старикъ;
А писарь маячитъ: «еще, братъ, полтинку,
Такъ можно отсрочить и всю недоимку».

И отсрочитъ. Затѣмъ, г. Розенгеймъ излагаетъ нѣсколько прекрасныхъ мыслей о справедливости и казенномъ интересѣ.

— И ты этимъ восхищаешься!—вскричалъ мой пріятель.—Ты не понимаешь, какъ много тяжелыхъ и грустныхъ мыслей возбуждаетъ то обстоятельство, что подобныя вещи находятся у насъ еще въ области *поэзіи*. Развѣ ты не знаешь, что въ Европѣ существуютъ для этого судебныя газеты и что случаи, подобные разсказанному тобой, если и служатъ тамъ матеріаломъ для поэтической обработки, то никогда не называются поэтическими явленіями въ сыромъ своемъ видѣ. Да и у насъ — возьми „Полицейскія Вѣдомости"; вотъ тамъ настоящая поэзія: сколько грабежей, убійствъ, мертвыхъ тѣлъ найдешь ты постоянно въ дневникѣ приключеній! А если тебѣ стиховъ хочется, такъ обратись ко мнѣ. Я тебя познакомлю съ Лиліеншвагеромъ, и онъ теперь представитъ стихи съ такими мелкими подробностями, какихъ ты и не подозрѣваешь. Да вотъ, напримѣръ, не хочешь-ли прочесть.

УЛИЧЕННЫЙ МЗДОИМЕЦЪ.

Одиннадцать рублей и тридцать три копѣйки—
Вотъ мѣсячный окладъ Степана Ѳомича.
На что же къ Рождеству онъ шьетъ женѣ шубейки,
А къ Пасхѣ дѣлаетъ четыре кулича?
Награды къ праздникамъ онъ, правда, получаетъ;
Но много-ли? Всего рублей на пятьдесятъ,

И значитъ—это въ годъ всего-то составляетъ
Сто восемьдесятъ шесть цѣлковыхъ—весь окладъ,
И то безъ четырехъ копѣекъ. Но, положимъ,
Что—круглымъ счетомъ—въ годъ сто восемьдесятъ шесть.
Мы съ вами, думаю, едва-ль представить можемъ,
Какъ можно годъ, съ женой, на это пить и ѣсть.
Но нашъ Степанъ Ѳомичъ наивно увѣряетъ,
Что жалованьемъ онъ одѣтъ и сытъ съ женой.
Квартирку, видите, онъ на Пескахъ снимаетъ,
И въ мѣсяцъ пять рублей тамъ платитъ за постой,
Да учитъ, сверхъ того, хозяйскаго сынишку
Письму и чтенію, и за успѣхъ его
Хозяинъ не беретъ съ жильцовъ полезныхъ лишку
И даже за воду не проситъ ничего.
Но все же шестьдесятъ рублей вѣдь въ годъ придется:
Да выйдетъ на дрова не меньше тридцати.
Вотъ девяносто ужъ. Теперь—на столъ дается
Степаномъ Ѳомичемъ цѣлковыхъ по шести
На каждый мѣсяцъ. Вотъ какъ все-то сосчитаемъ
И выйдетъ серебромъ сто шестьдесятъ ужъ два.
Потомъ—Степанъ Ѳомичъ съ супругой любятъ чаемъ
Согрѣть себя разъ въ день, а въ праздники—и два.
И выйдетъ въ годъ у нихъ четыре фунта чаю,
Фунтъ въ два рубля,—такъ на восемь рублей;
Полпуда сахару, фунтъ въ четвертакъ считая,—
Въ годъ пять рублей. Притомъ у нихъ не безъ затѣй:
Въ день три копѣечки на бѣлый хлѣбъ изводятъ;
Во сколько-жъ цѣлый годъ имъ этотъ хлѣбъ войдетъ?
Одиннадцать рублей безъ пятака выходитъ,
Иль даже безъ гроша, коль високосный годъ.
Теперь итогъ у нихъ какой же будетъ къ году,
Съ начала до конца когда мы все сведемъ?
Сто восемьдесятъ пять рублей у нихъ расходу
И девяносто пять копѣекъ серебромъ:
Копѣйкой менѣе, чѣмъ весь окладъ казенный!
Но погодите: все вѣдь это въ годъ простой,
А високосный годъ? Вотъ тутъ-то счетъ резонный
Степана Ѳомича и обличитъ съ женой.
Вѣдь въ високосный годъ имъ лишнихъ двѣ копѣйки
Сверхъ жалованья ихъ придется издержать.
(Ужъ я не говорю про новыя шубейки
И про обычай ихъ на Пасхѣ пировать).
Откуда-жъ этотъ грошъ, Степанъ Ѳомичъ почтенный,
Коль жалованьемъ вы содержитесь однимъ,
Коль не торгуете вы долгомъ тѣмъ священнымъ,
Какой лежитъ на васъ всѣмъ бременемъ своимъ?
Что скажете? Вы кладъ въ землѣ себѣ отрыли,
Иль съ неба этотъ грошъ на бѣдность вамъ ниспалъ?
Нѣтъ, ужъ довольно насъ вы за носъ всѣхъ водили;
Теперь по Щедрину васъ русскій свѣтъ узналъ.
Узнали мы теперь, откуда вы берете
Преступные гроши, исчадія грѣха,
Несчастныхъ кровь и потъ вы въ свой карманъ кладете!

На праздникъ вамъ идетъ вдовъ и сиротъ кроха!!
Корысти мелочной вы жертвуете честью,
Закономъ, правдою, любовію къ добру;
Вы существуете лишь подкупомъ и лестью,
Вы падки къ золоту, покорны серебру!!!
Вы всѣ заражены іудинымъ порокомъ,
Межъ вами царствуетъ мздоимство, лесть и ложь...
Но горе! я возсталъ карающимъ пророкомъ,
И обличу я васъ за каждый лишній грошъ!!!..

— Мнѣ кажется, что это стихотвореніе весьма замѣчательно, — съ притворной важностью произнесъ злой пріятель, когда я кончилъ чтеніе стиховъ. — По моему, Лиліеншвагеръ дошелъ до такой отчетливости въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, до которой никто еще не доходилъ изъ русскихъ поэтовъ-обличителей. И притомъ, стихотвореніе его имѣетъ важное общественное значеніе: въ немъ показывается, на какомъ мелочномъ, вздорномъ обстоятельствѣ можно иногда поймать человѣка и открыть злоупотребленіе. Неужели же авторъ этого стихотворенія не можетъ быть поставленъ на ряду съ гг. Розенгеймомъ, Бенедиктовымъ, и т. п.? Неужели нельзя его превознести и возвеличить за то, что онъ проповѣдуетъ благородныя мысли? Вѣдь вы признали же возможнымъ прославлять многихъ другихъ, единственно на этомъ основаніи...

— Знаешь-ли, что, — замѣтилъ я моему злому пріятелю: — мнѣ кажется, что тебя могутъ причислить къ тому разряду людей, которыхъ изображаетъ г. Розенгеймъ въ стихотвореніи „Космополиту“. Подъ именемъ космополитовъ разумѣетъ онъ тѣхъ, которые „все ругаютъ наповалъ“. Вѣдь ты тоже никогда и ничѣмъ не бываешь доволенъ. Но отчего происходитъ это недовольство? Послушай-ка, какъ раскрываетъ его причины г. Розенгеймъ.

«Васъ терзаетъ незначительность,
Душитъ, словно въ горлѣ кость,
И отсюда раздражительность,
И отсюда желчь и злость!
Есть въ васъ умъ и часомъ знанія,
Только сердце не дано,
И корыстное желаніе
Вами властвуетъ одно».

— Ужъ не читалъ-ли ты прежде это стихотвореніе, и не оттого-ли ты такъ вооружаешься на достоинства г. Розенгейма, — прибавилъ я.

Пріятель мой грустно улыбнулся.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — этого я не читалъ. Но стихи, прочитанные тобою теперь, приводятъ меня къ заключенію еще болѣе печальному, нежели тѣ, что ты читалъ мнѣ прежде. Ты мнѣ все толковалъ о благородствѣ убѣжденій, которое надо хвалить въ авторѣ, за отсутствіемъ поэтическихъ достоинствъ, и я до сихъ поръ не могъ съ

тобой спорить объ этомъ основательно. Но теперь ты мнѣ даешь оружіе противъ себя. Скажи мнѣ, что нужно думать объ убѣжденіяхъ человѣка, который не можетъ понять убѣжденій въ другихъ? Отрицаніе *возможности* какого-нибудь явленія всегда показываетъ, что это явленіе невѣдомо и непостижимо отрицающему. Если ты меня станешь увѣрять, что любовь есть вздоръ и выдумка, что она невозможна въ дѣйствительности,—для меня тотчасъ будетъ ясно изъ этого, что ты никогда не любилъ. Ежели ты скажешь, что невозможно имѣть въ рукахъ казенныя деньги и не поживиться ими, я въ правѣ заключить, что тебѣ недоступно чувство безкорыстія. Такъ точно, если ты отвергаешь въ людяхъ возможность искренняго, глубокаго, безкорыстнаго убѣжденія, то я вполнѣ основательно могу вывести, что тебѣ самому незнакомы никакія убѣжденія. Такіе же выводы дѣлаю я изъ всѣхъ *повальныхъ* обвиненій: замѣть, что лжецу всегда прежде другихъ закрадывается въ голову подозрѣніе, не обманываютъ-ли его, воръ внимательнѣе осматривается, чтобы не обокрали его. Вообще—довѣріе къ искренности и благонамѣренности другихъ всегда въ человѣкѣ соразмѣрно съ сознаніемъ собственной искренности и благонамѣренности. Вотъ почему на меня такъ тяжело дѣйствуетъ повальное обвиненіе, состоящее въ томъ, что всѣ люди извѣстныхъ убѣжденій обнаруживаютъ эти убѣжденія единственно „изъ корыстнаго желанія“. Тотъ, кто произноситъ подобное обвиненіе, творитъ судъ надъ самимъ собою.

Злой пріятель мой ушелъ, оставивъ меня въ рѣшительномъ недоумѣніи насчетъ г. Розенгейма. Онъ совершенно сбилъ меня съ толку, такъ что я уже никакъ не могу теперь сказать что-нибудь положительное о тѣхъ стихотвореніяхъ г. Розенгейма, которыя относятся къ разряду общественныхъ или *либеральныхъ*. Одно только и могу замѣтить: въ нихъ нѣтъ ничего поэтическаго, стихи длинны, вялы и преисполнены хромыми риѳмами; впрочемъ, читатели успѣли, вѣроятно, уже и безъ меня это замѣтить. Относительно всего остального, предлагаю мнѣніе моего пріятеля, предупреждая, разумѣется, читателей, что кто хочетъ, тотъ можетъ ему и не вѣрить, ибо онъ есть человѣкъ злющій.

Но у г. Розенгейма не всѣ же стихотворенія посвящены общественнымъ вопросамъ. Есть у него и чувствительныя пьесы, въ родѣ: „Прости“, „Природа“, „Звуки“, „Она пѣла, и чудные звуки“, и пр. Есть и описательныя: „Кавказъ“, „Ущелье“, „Потокъ“, и т. п. Есть эпиграммы, въ образецъ которыхъ можно выписать слѣдующую:

ДУЭЛИСТУ.

Скотининъ, душенька, не рвись ты на дуэль,
Изъ страсти бѣшеной прославиться героемъ:
Убьешь тебя—бѣда: звать станутъ скотобоемъ;
А не убить нельзя—оселъ большая цѣль.

Безъ всякихъ обиняковъ назвать человѣка скотомъ и осломъ — это остроуміе, достойное поэта, принявшаго на себя долгъ обличать общественные пороки!

Но особенно характерны у г. Розенгейма стихотворенія эротическаго содержанія. Каждый изъ читателей знаетъ, конечно, что этотъ предметъ — живая струна каждаго, даже самаго плохонькаго поэтика. Въ цѣлой книжкѣ стихотвореній можетъ иногда быть совершенное отсутствіе таланта, задушевности, искренняго чувства; но въ числѣ пьесъ, внушенныхъ чувствомъ любви, непремѣнно найдется хоть нѣсколько стиховъ, вылившихся изъ сердца, хоть нѣсколько звуковъ, поражающихъ своей теплотою и искренностью. Мало того, даже люди, вовсе не имѣющіе притязаній на поэтическій талантъ, одушевляются піитическимъ жаромъ и принимаются кропать стишки, иногда недурные, когда любовь овладѣетъ ихъ сердцемъ. Подъ вліяніемъ этого чувства, человѣкъ становится идеальнѣе, чище и нѣжнѣе; свѣтъ его любви разливается на все окружающее, все для него кажется такъ свѣтло и благодатно; полнота сердечной жизни проситъ выраженія въ звукахъ, и каждый человѣкъ въ это время чувствуетъ на себѣ слова поэта:

Gross ist das Meer und der Himmel,
Doch grösser ist mein Herz,
Und schöner als Perlen und Sterne
Leuchtet und strahlt meine Liebe» [1].

Къ удивленію нашему, мы ничего подобнаго не встрѣтили въ стихотвореніяхъ г. Розенгейма. Ни малѣйшаго проблеска какого-нибудь чувства, какихъ-нибудь стремленій, кромѣ напряженности животныхъ силъ организма, не замѣтно въ эротическихъ его стихотвореніяхъ. У него есть, напримѣръ, стихотвореніе, обращенное къ бывшему предмету любви и начинающееся стихами:

«Помнишь, другъ мой, какъ бывало,
Уложивши мужа спать,
Ты украдкою сбѣгала
Внизъ ко мнѣ... потолковать?..»

Далѣе, авторъ вспоминаетъ, какъ онъ „лобзалъ мятежный груди валъ“, потомъ

«Какъ, стыдливая, сначала
Тихимъ ропотомъ своимъ
Ты противилась, бывало,
Ласкамъ бѣшенымъ моимъ;
Какъ потомъ, въ моихъ объятьяхъ,—
Что за роскошь, что за пиръ!—(?!)
Забывала строгость братьевъ,
Ревность мужа, цѣлый міръ?»

---

[1]) Велико это море и небо, но больше ихъ мое сердце; прекраснѣй, чѣмъ перлы и звѣзды, свѣтитъ и блещетъ любовь моя.

Теперь ужъ не то,—продолжаетъ авторъ:—мы состарѣлись, бранимъ растлѣнье нравовъ и прикидываемся цѣломудренными.

«Но за тѣмъ мы судимъ строго,
Что ни въ комъ изъ молодыхъ
Нѣтъ охоты, хоть немного,
Порастлить и насъ самихъ;
Что должны мы въ горѣ нашемъ
Утѣшать себя порой,—
Я—модисткою Наташей.
Ты—буфетчикомъ Ѳомой...»

Предоставляемъ читателямъ опредѣлить, какого рода чувствомъ могло быть внушено подобное стихотвореніе.

Въ такомъ же характерѣ есть у г. Розенгейма другое стихотвореніе, „Сосѣдка“, очень длинное и раздѣленное на три части. Въ первой разсказывается, какъ онъ ѣздитъ къ сосѣдкѣ, чтобы только взглянуть на нее; во второй—какъ онъ подсматривалъ, когда сосѣдка съ сестрою купались. Когда онѣ совсѣмъ раздѣлись, говоритъ онъ,—

«Что я видѣлъ, сказать не берусь,
Но хоть было средь бѣлаго дня,
Отъ восторга и страсти, божуся,
Потемнѣло въ глазахъ у меня...»

Кровь кипѣла во мнѣ ключемъ, и я бы отдалъ полжизни,—продолжаетъ онъ,—

«Чтобы въ игры ихъ смѣло вмѣшаться,
На себѣ ихъ носить и качать,
Къ ихъ роскошному тѣлу касаться,
Ихъ чудесныя формы ласкать,
Подавляемый этимъ желаньемъ,
Чтобъ бѣды не надѣлать какой, (??)
Не дождавшись конца ихъ купанья,
Какъ шальной убѣжалъ я домой».

Въ третьей части того же стихотворенія, разсказываетъ авторъ, какъ онъ, узнавъ, что сосѣдка по ночамъ прогуливается въ саду, перелѣзъ черезъ заборъ, встрѣтилъ ее; она его спросила, зачѣмъ онъ тутъ; онъ смутился. Но—

«Щечки рдѣли, высоко вздымалась
Подъ капотикомъ груди волна.
Все въ ней нѣгою чудной дышало,
Все манило, звало на любовь».

Кончилось тѣмъ, что сосѣдка осталась съ нимъ въ саду,

«И когда надо было уйти,
Съ поцѣлуемъ его отпустила,
И опять наказала прійти».

Такъ исполнилось желаніе автора — „касаться къ роскошному тѣлу сосѣдки и ея чудесныя формы ласкать“.

Въ томъ же родѣ и другія стихотворенія г. Розенгейма, воспѣвающія любовь. Въ одномъ онъ вспоминаетъ, какъ, бывало,—

«Онъ склонялся къ дѣвѣ страстной,
И, забывъ про свой бокалъ,
На груди ея атласной
Беззаботно засыпалъ».

Въ другомъ („Мексиканская пѣсня") онъ влагаетъ въ уста дѣвушкѣ такіе стихи:

«Я созрѣла, я готова
Для любви твоей.
Погляди, какъ въ плесъ прибрежный
Море бьетъ волной мятежной.
Знаю двѣ волны,
Ихъ тревожнѣе движенья,
Страстной нѣги и томленья,
Бурныя, полны...»

Въ третьемъ („Отрывки изъ повѣсти") изображается женщина, у которой

«Бѣлоснѣжной груди двѣ горячихъ волны
Буйно бьютъ о корсетъ, жаждой воли полны.
И чего не сулитъ этихъ волнъ переливъ,
Ихъ мятежная зыбь, ихъ приливъ и отливъ!..»

Прочитавши эти стихотворенія, я даже подумалъ однажды: не имѣютъ-ли уже основанія слова моего пріятеля (любящаго иногда выражаться нѣсколько рѣзко), что стихи г. Розенгейма представляютъ „не совсѣмъ ароматное пойло, настоенное на гноѣ общественныхъ ранъ и на гнилой клубничкѣ..."

Оканчивая этимъ замѣчаніемъ нашу, до нельзя растянувшуюся, рецензію, укажемъ въ заключеніе на одно обстоятельство, которое должно пробудить дѣятельность нашихъ библіографовъ. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1856 г. (№ 14, отд. I, стр. 323 — 326) напечатаны были „Три неизданныя стихотворенія Лермонтова", съ примѣчаніемъ отъ редакціи, въ которомъ говорилось, что стихотворенія эти доставлены ближайшей родственницей покойнаго поэта, что „они принадлежатъ къ позднѣйшей порѣ его жизни и хотя еще не получили окончательной отдѣлки, однако, и въ этомъ видѣ высоко замѣчательны". Второе изъ этихъ стихотвореній: „А годы несутся, а годы летятъ"—цѣликомъ вошло нынѣ въ стихотвореніе г. Розенгейма: „Дума" (стр. 226 — 228). У г. Розенгейма стихи нѣсколько измѣнены, именно: во всѣхъ сдѣлано равное количество стопъ, чего въ „Русскомъ Вѣстникѣ" не было. Напр., вмѣсто стиха

«Ошибокъ, утратъ, огорченій»,

у г. Розенгейма стихъ

«Ошибокъ, *разлада*, утратъ, огорченій».

Вмѣсто

«Что сгибло въ туманѣ сомнѣній»,

у г. Розенгейма—

«Что сгибло, *задохлось* въ туманѣ сомнѣній».

Вмѣсто—

«Уста мои чисты и святы»,

у г. Розенгейма—

«Уста *и перо* моя чисты и святы».

Стихи

«Всю жизнь я, казалось, старался идти
Дорогой труда благородной,
Стыдился душою торговлю вести»
. . . .

измѣнены такъ:

«Всю жизнь неуклонно и честно я шелъ,
Казалось, дорогой труда благородной,
Не подличалъ сердцемъ,—стыдился, не велъ
Душою торговли, такъ часто доходной!..»

Судя по этимъ измѣненіямъ, можно думать, что не „Русскій Вѣстникъ" ошибся, печатая стихотвореніе г. Розенгейма подъ именемъ Лермонтова, а г. Розенгеймъ впалъ въ заблужденіе, давая окончательную отдѣлку стихамъ Лермонтова, можетъ быть, случайно оставшимся у него въ рукахъ, какъ у пріятеля поэта. Впрочемъ, въ настоящее время, когда въ нашемъ отечествѣ возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ, когда въ нашемъ обществѣ проявилось благородное стремленіе къ правдѣ и свѣту, когда всѣ отдѣлы знанія достигли такой высокой степени совершенства, когда на плодотворномъ поприщѣ библіографіи трудится, подъ предводительствомъ маститаго библіофила, С. П. Полторацкаго, цѣлая фаланга мужей столь ревностныхъ, какъ гг. Аѳанасьевъ, Буличъ, Гаевскій, Галаховъ, Геннади, Гербель, Лазаревскій, Лонгиновъ, Л. Майковъ, Тихонравовъ, и пр., и пр.,—въ настоящее время, столь чреватое благотворными результатами, добываемыми во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, въ настоящее время,—говорю,—вопросъ столь великой важности не можетъ долгое время остаться неразрѣшеннымъ. Спеціальные органы библіографіи посвятятъ ему, конечно, цѣлый рядъ живыхъ и занимательныхъ статей; но за ними навсегда останется честь открытія столь замѣчательнаго факта. Мы съ гордостью можемъ оглянуться на свою рецензію и сказать, что если мы даже и не сказали въ ней ничего путнаго, то все-таки пріобрѣли ею право на вниманіе потомства, ибо *поставили вопросъ*, который долженъ занять не послѣднее мѣсто въ исторіи русской библіографической науки.

СВИСТОКЪ.

СОБРАНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

№ 1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Различные бываютъ свисты: свиститъ аквилонъ (сѣверный вѣтръ), проносясь по полямъ и дубравамъ; свиститъ соловей, сидя на вѣткѣ и любуясь красотами творенія; свиститъ хлыстикъ, когда имъ сильно взмахиваешь по воздуху; свиститъ благонравный юноша, въ знакъ сердечнаго удовольствія; свиститъ городовой на улицѣ, когда того требуетъ общественное благо... Спѣшимъ предупредить читателей, что мы изъ всѣхъ многоразличныхъ родовъ свиста имѣемъ преимущественную претензію только на два: юношескій и соловьиный. Свистъ аквилона, конечно, имѣетъ свои достоинства: грозно проносясь по обнаженному полю и клубомъ взвѣвая прахъ летучій, сей вѣтръ своимъ свистомъ приводитъ душу въ трепетъ и благоговѣніе. Но монополія аквилоннаго свиста давно уже пріобрѣтена г. Байбородою, котораго изобличительныя письма, говорятъ, вырываютъ дубы съ корнями. Мы не чувствуемъ въ себѣ столь великихъ силъ, и наши стремленія гораздо умѣреннѣе.—Свистъ хлыста и бича—тоже не дуренъ; но онъ какъ-то мало ласкаетъ нашъ слухъ: мы не хотимъ брать на него привилегію, брошенную недавно самимъ княземъ Черкасскимъ, который пожелалъ-было пріобрѣсть ее на неопредѣленное время для себя и своего потомства. Пріятнѣе звучитъ для насъ свистъ городового; но мы, по при-

родной застѣнчивости, считаемъ себя не въ правѣ предъявлять претензію на то, для чего уже существуетъ установленная городская власть. Совершенно другое дѣло — свистъ благонравнаго юноши, почтительный, умѣренный и означающій кроткое расположеніе духа, хотя въ то же время нѣсколько игривый. На такой свистъ мы имѣемъ полное право, потому что, во-первыхъ, мы благонравны; во-вторыхъ, если мы и не юноши, то кому какое дѣло до нашихъ лѣтъ? и, въ-третьихъ—мы всегда находимся въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Свистъ соловья также намъ очень приличенъ, ибо хотя мы въ сущности и не соловьи, но красотами творенія любимъ наслаждаться. Притомъ же, соловей, въ истинномъ своемъ значеніи, есть ни что иное, какъ подобіе поэта, такъ какъ давно уже сказано:

«Соловей, какъ Щербина, поетъ».

А у насъ въ натурѣ весьма много поэтическихъ элементовъ, вслѣдствіе чего мы и видимъ весь міръ въ розовомъ свѣтѣ. Итакъ, читателю да будетъ извѣстно, что мы свистимъ не по злобѣ или негодованію, не для хулы или осмѣянія, а единственно отъ избытка чувствъ; отъ сознанія красоты и благоустройства всего существующаго, отъ совершеннѣйшаго довольства всѣмъ на свѣтѣ. Нашъ свистъ есть соловьиная трель радости, любви и тихаго восторга, юношеская пѣснь мира, спокойствія и свѣтлаго наслажденія всѣмъ прекраснымъ и возвышеннымъ.

Итакъ, наша задача состоитъ въ томъ, чтобы отвѣчать кроткимъ и умилительнымъ свистомъ на все прекрасное, являющееся въ жизни и въ литературѣ. Преимущественно литература занимаетъ и будетъ занимать насъ, такъ какъ ея современные дѣятели представляютъ въ своихъ произведеніяхъ неисчерпаемое море прекраснаго и благороднаго. Они водворяютъ, такъ сказать, вѣчную весну въ нашей читающей публикѣ, и мы можемъ безопасно, сидя на вѣткѣ общественныхъ вопросовъ, наслаждаться красотами ихъ твореній.

И первый благодарный свистъ нашъ да раздастся въ честь поэтовъ, прославляющихъ нынѣ русскую землю. То свищетъ недавно прославленный, исполненный благородства, поэтъ Конрадъ Лиліеншвагеръ.

I.

МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

1.

СОВРЕМЕННЫЙ ХОРЪ.

(Посвящается всѣмъ знающимъ дѣло).

Слава намъ! Въ поганой лужѣ
Мы давно стоимъ;
И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
Все себя грязнимъ!
Слава намъ! Безъ ослѣпленья
На себя мы зримъ,
И о нашемъ положеньи
Громко мы кричимъ.
Сознаемъ мы откровенно,
Какъ мы всѣ грязны,
Какъ вонючи, какъ презрѣнны
И для всѣхъ смѣшны.
Слава намъ! Въ грѣхахъ сознанье
Мы творимъ смѣясь,
И слезами покаянья
Мы разводимъ грязь.
Гордо, весело и прямо
Всѣмъ мы говоримъ:
„Знаемъ мы, чѣмъ пахнетъ яма,
Въ коей мы стоимъ“...
Другъ на другѣ растираемъ
Мы вонючій илъ
И другъ друга мы ругаемъ,
Сколько хватитъ силъ.
Справедливо мы гордимся
Подвигомъ такимъ,
И ужъ больше не стыдимся,
Что въ грязи стоимъ.
Смѣло мы теперь смѣемся
Сами надъ собой
И безъ страха окунемся
Въ грязь—хоть съ головой...

2.

ВСЕГДА И ВЕЗДѢ.

(Посв. гг. Надимову, Волкову, Фролову, Фолянскому и подобнымъ).

Я видѣлъ муху въ паутинѣ,—
Паукъ несчастную сосалъ;
И вспомнилъ я о господинѣ,
Который съ бѣдныхъ взятки бралъ.
Я видѣлъ червя на малинѣ,—
Обвилъ онъ ягоду кругомъ;
И вспомнилъ я о господинѣ,
На взятки выстроившемъ домъ.
Я видѣлъ ручеекъ въ долинѣ,—
Віясь коварно, онъ журчалъ;
И вспомнилъ я о господинѣ,
Который криво судъ свершалъ.
Я видѣлъ дѣву на картинѣ,—
Совсѣмъ нага она была;
И вспомнилъ я о господинѣ,
Что обиралъ истцовъ до тла.
Я видѣлъ даму въ кринолинѣ,—
Ей вѣтеръ платье поддувалъ;
И вспомнилъ я о господинѣ,
Что подсудимыхъ надувалъ.
Я видѣлъ Фридбергъ въ „Катаринѣ“,—
Дивился я ея ногамъ,
И вспоминалъ о господинѣ,
Дающемъ ложный ходъ дѣламъ.
Въ салонѣ молодой графини
Я слышалъ рѣчи про добро,
И вспоминалъ о господинѣ,
Что дѣломъ фальшитъ за сребро.
Лягушку-ль видѣлъ я въ трясинѣ,
Въ театрѣ-ль рядъ прелестныхъ лицъ.
Шмеля-ли зрѣлъ на георгинѣ,
Иль офицеровъ вкругъ дѣвицъ,—
Вездѣ, въ столицѣ и въ пустынѣ,
И на землѣ и на водѣ,—
Я вспоминалъ о господинѣ,
Берущемъ взятки на судѣ!..

3.

МЫСЛИ ПОМОЩНИКА ВИННАГО ПРИСТАВА.

Еще откупъ имѣетъ поборниковъ,
Но могу на него я возстать;
Генералъ Сидоръ Карповичъ Дворниковъ
Самъ ужъ началъ его порицать.
Признаюсь, я давненько, дѣйствительно,
Злобу къ откупу въ сердцѣ питалъ,
Хоть доселѣ ни слова рѣшительно
Никому про него не сказалъ.
Низко кланялся я цѣловальникамъ
И повѣреннымъ тонко я льстилъ
(Подражая ближайшимъ начальникамъ),
Но теперь—генералъ разрѣшилъ.
Поощренье его генеральское
Влило бодрость и силу въ меня:
Откуповъ учрежденье канальское
Я кляну среди ночи и дня.
Въ немъ для публики всей раззореніе,
Въ немъ великій ущербъ для казны,
Въ немъ и нравовъ народныхъ растлѣніе,
Въ немъ позоръ и погибель страны.
Поражать рѣчью дерзкой, открытою
Буду я молодцовъ откупныхъ
Посмѣюсь я надъ кастой побитою,
Зло старинное вылью на нихъ.
Говорить и браниться язвительно
Поощрилъ меня самъ генералъ,
Хоть все кажется мнѣ, что внушительно
Вдругъ онъ скажетъ: „молчи, либералъ!“
Что-жъ? Ему эти вещи извѣстнѣе:
Намъ онъ можетъ всегда приказать.
Коль наскучимъ ему нашей пѣснею,
Долгъ его—приказать намъ молчать...

4.

ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ.

Вотъ вамъ новый предметъ обличенія.
Избѣгалъ онъ доселѣ сатиры,

Но я вышелъ теперь изъ терпѣнія
И повѣдаю цѣлому міру:
Отъ извозчиковъ зло и опасности,
О которыхъ, по робости странной,
Ни одинъ изъ поборниковъ гласности
Не возвысилъ свой голосъ гуманный.
Дважды въ годъ, какъ извѣстно, снимаются
Всѣ мосты на Невѣ, и въ то время
За рѣку сообщенья свершаются
Черезъ мостъ Благовѣщенскій всѣми.
Тутъ всѣмъ ванькамъ закономъ прибавлена
За концы отдаленные плата;
Но обычная такса оставлена
Круглый годъ нерушимо и свято—
На Васильевскій островъ и къ Смольному.
Какъ же ваньки законъ соблюдаютъ?
Только гнѣва порыву невольному
Патріота они подвергаютъ...
Разъ, мнѣ осенью въ Пятую линію
Изъ-подъ Смольнаго ѣхать случилось.
Занесло меня клочьями инея,
Больше часа ѣзда наша длилась.
По пріѣздѣ, я, вынувъ двугривенный,
Пять копѣекъ потребовалъ сдачи.
Что-жъ мой ванька?—„Да, баринъ, трехгривенный...
„Наша такція нонче иначе...“
— Какъ иначе?—„Да какъ же? Указано
„Вдвое брать, какъ мосты-то снимаютъ“.
— Покажи мнѣ, плутъ, гдѣ это сказано?
Гдѣ про Островъ законъ поминаетъ?
„Что мнѣ, сударь, напрасно показывать!
„Коли совѣсти нѣтъ, такъ ужъ, видно,
„Неча съ вами и дѣла завязывать...
„Только больно мнѣ эфто обидно“.
И сказавши, хлеснулъ онъ рѣшительно
Лошаденку, и сталъ удаляться.
На него закричалъ я пронзительно,
Что онъ долженъ со мной расквитаться.
Но, услыша мое восклицаніе
И пятакъ мнѣ отдать не желая,

Онъ поѣхалъ быстрѣе... Въ молчаніи
Я стоялъ, за нимъ мысль устремляя.
Я ограбленъ канальей безсовѣстною...
Но не это меня сокрушало:
Горько было, что ложью безчестною
Эта шельма законъ искажала...
Я подумалъ о томъ, какъ въ Британіи
Уважаются свято законы,
И въ груди закипѣли рыданія,
Раздались мои громкіе стоны...

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

II.

РУССКІЕ ВЪ ДОБЛЕСТЯХЪ СВОИХЪ.

Предувѣдомленіе. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ", когда онъ издавался еще Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою, т.-е. въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—существовалъ одинъ отдѣлъ, приносящій честь прекрасному сердцу издателя. Отдѣлъ этотъ носилъ названіе „Русскіе анекдоты: примѣры мужества, неустрашимости, мудрости, великодушія, безкорыстія и проч., русскихъ людей". Съ теплымъ и умилительнымъ чувствомъ постоянно разсказывалъ здѣсь самъ издатель о прекрасныхъ подвигахъ русскаго человѣка. Мы до сихъ поръ живо помнимъ тѣ слезы умиленія и восторга, съ которыми читали мы въ „Русскомъ Вѣстникѣ" вдохновенные разсказы о томъ, какъ одинъ солдатъ нашелъ сто рублей и возвратилъ ихъ по принадлежности; какъ одинъ мужикъ наѣхалъ въ полѣ на замерзавшаго мальчика и не бросилъ его, а довезъ до села; какъ одинъ мѣщанинъ, уѣзжая изъ города, заплатилъ всѣ свои долги, хотя и могъ уѣхать не заплативши, и проч. *Въ настоящее время, когда* Россія возраждается къ новой жизни, и когда весь міръ устремилъ на нее полныя ожиданія очи, когда повсюду водворяется у насъ благодѣтельная гласность, грустно истинному патріоту видѣть, что нѣтъ такого сборника, гдѣ бы увѣковѣчивались всѣ прекрасныя явленія русской жизни. Конечно, они публикуютъ о себѣ въ газетахъ; но что такое суть газеты?—Ни что иное, какъ волны быстрой рѣки, неуловимыя въ своемъ теченіи. Потомство не заглянетъ въ наши газеты, и великіе примѣры пропадутъ для него безъ пользы. Вотъ почему мы рѣшаемся, время отъ времени, удѣлять нѣсколько страницъ для увѣковѣченія прекрасныхъ подвиговъ современныхъ русскихъ людей.

1) Примѣры безкорыстія.

На первый разъ избираемъ примѣры необыкновеннаго безкорыстія, о которомъ объявлено въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ". Въ одномъ примѣрѣ является предъ нами старецъ, 37 лѣтъ служившій по военной и гражданской службѣ, Василій Максимовичъ Телѣгинъ, объявляющій, что онъ *даромъ даетъ совѣты по дѣламъ*; въ другомъ — г. Вышнеградскій, *покорнѣйше просящій, чтобъ ему не давали взятокъ;* въ третьемъ — г-жа Клавдія Туманская, просящая *считать безденежнымъ и недѣйствительнымъ законное по формѣ заемное обязательство ея покойнаго мужа.*

Съ чувствомъ искренняго умиленія и радости заносимъ эти, исполненные благородства, акты на страницы нашей современной лѣтописи.

„Санктпетербургскія Вѣдомости" 1858 г. № 227. 17 октября.

«Коллежскій асессоръ и кавалеръ, Василій Максимовичъ Телѣгинъ, изучивъ теорію законовѣдѣнія—въ Университетѣ и практическое дѣлопроизводство—на службѣ, по части военной, въ должности аудитора и другихъ штабныхъ обязанностяхъ, а по гражданской—въ должностяхъ: канцелярскаго чиновника, старшаго помощника столоначальника Департамента М. Ю., слѣдственнаго пристава, исправника, губернскаго стряпчаго, городского головы (въ Кіевѣ), чиновника особыхъ порученій гражданскаго губернатора и генералъ-губернатора, правителя канцеляріи, засѣдателя, товарища и предсѣдателя гражданской палаты, нынѣ, по увольненіи отъ службы, съ полнымъ пенсіономъ, изъ любви къ наукѣ, продолжаетъ изучать законовѣдѣніе — на дѣлѣ. Допустивъ, что Телѣгинъ изъ каждой обязанности вынесъ сколько-нибудь опыта, можно согласиться съ дознаннымъ имъ убѣжденіемъ: что, съ добрымъ запасомъ теоретическихъ свѣдѣній, хотя легко пріобрѣсти навыкъ въ дѣлопроизводствѣ, и даже обогатиться опытомъ, но для полнаго знанія законовѣдѣнія—этого мало, потому что наука законовѣдѣнія настолько же неуловима изъ книги, насколько недосягаема умозрѣніемъ. Самый опытъ въ законовѣдѣніи—не совсѣмъ вѣрное вспомогательное средство! Полное же и точное познаніе законовѣдѣнія пріобрѣтается долговременнымъ и тщательнымъ изученіемъ случаевъ, или казусовъ, являющихся на горизонтѣ юридическомъ и самаго способа примѣненія этихъ случаевъ и образцовыхъ рѣшеній — къ дѣлу! Истина сего заключается въ законѣ (146 и другія ст. I т. Св. Зак.); а другая истина состоитъ въ томъ, что изученіе «случаевъ» возможно только на службѣ, не по одной судебной, но по полицейской и вообще административной части и, притомъ, въ разныхъ должностяхъ. Съ такими знаніями, законовѣдъ съ перваго взгляда и, такъ сказать, ощупью, постигая существо дѣла въ зарожденіи и развитіи, по извѣстнымъ «случаямъ», съ математическою точностію опредѣлитъ исходъ дѣла. Вѣроятно, адвокаты: въ Парижѣ Р... и въ Варшавѣ Ш..., владѣя сею магическою силою, пользуются общественнымъ довѣріемъ—до того, что принятый ими процессъ считается почти выиграннымъ. За то они не принимаютъ дѣла сомнительнаго, а тѣмъ болѣе—кляузнаго. Подобное довѣріе можно пріобрѣсти вездѣ и всегда: стоитъ только не вовлекать никого (безъ неизбѣжной надобности) въ процессъ; не изобрѣтать, къ обольщенію патрона, претензій—для начатія и для встрѣчнаго — исковъ (*sic*); но, добросовѣстно указавъ на гибельныя послѣдствія тяжбы, убѣдить къ примиренію или къ прекращенію оной, уменьшивъ претензіи. Слѣдовательно, теоретическія и практическія знанія,—навыкъ и опытъ въ законовѣдѣніи—не составляютъ еще исключительнаго достоинства адвоката, если онъ не проникнутъ добросовѣстностію, праводю-

біемъ и миролюбіемъ. Съ этими-то убѣжденіями, Телѣгинъ, при изученіи законовѣдѣнія, изъ дѣла, желая постичь многосложный механизмъ, пускаемый въ ходъ «имѣющими хожденіе по дѣламъ»—принимаетъ на себя обязанность, не ходатая, а по довѣренностямъ повѣреннаго по дѣламъ, производящимся въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Надѣясь на то довѣріе, какое можно имѣть къ человѣку раненому и прослужившему съ кампаніями 37 лѣтъ, Телѣгинъ, и съ своей стороны, *готовъ всегда и всякому, даромъ, дать, съ солдатскою прямотою, благой совѣтъ.* Принимаетъ отъ 8 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, въ собственномъ домѣ, на Петербургской сторонѣ, на углу Большого проспекта и Павловской улицы, домъ № 3. Иногородные (адресуя письма: въ С.-Петербургъ) немедленно получатъ отвѣтъ на вопросы свои; а тѣ, кои вышлютъ довѣренности, извѣщаемы будутъ о дѣйствіяхъ по онымъ».

„Санктпетербургскія Вѣдомости", № 281, 23 декабря.

«Начальникъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ въ Санктпетербургѣ, безуспѣшно испытавъ неоднократныя устныя убѣжденія относительно безполезности и беззаконности разнаго рода приношеній, которыя дѣлаются просителями мѣстъ при училищахъ, родителями и попечителями дѣтей—какъ начальнику училищъ, такъ и лицамъ женскаго пола, при нихъ состоящимъ, прибѣгаетъ, наконецъ, къ печатному объявленію покорнѣйшей своей просьбы: *ни при какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не обращаться ни къ начальнику, ни къ надзирательницамъ, ни съ какими вещественными знаками такъ-называемой благодарности.* Всѣ подобные знаки будутъ немедленно возвращаемы тѣмъ, кто ихъ принесъ. Всякаго рода складчины между дѣтьми, съ цѣлію сдѣланія подарка кому-либо изъ начальствующихъ, надзирающихъ и преподающихъ лицъ, строжайше воспрещаются, подъ опасеніемъ удаленія виновныхъ изъ заведеній.

«Къ сему непріятному объявленію начальникъ училищъ вынужденъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ ищущихъ мѣстъ при училищахъ предлагаютъ начальнику оныхъ разнаго рода подарки и услуги. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время двѣ дамы, имена которыхъ на сей разъ не объявляются, рѣшились доставить г. Вышнеградскому по 500 руб. серебромъ каждая, съ присоединеніемъ покорнѣйшей просьбы исходатайствовать имъ мѣста главныхъ надзирательницъ. Начальникъ училищъ симъ объявляетъ, что одной изъ просительницъ деньги уже возвращены, а деньги другой препровождены къ Санктпетербургскому оберъ-полицеймейстеру для возвращенія кому слѣдуетъ».

„Санктпетербургскія Вѣдомости", № 276, 17 дек. 1858 г.

«Гвардіи поручикъ, Андрей Леонтьевичъ Черепановъ, выдалъ покойному моему мужу, Василію Васильевичу Туманскому, заемное обязательство на 1.000 руб. сер., каковое обязательство и было совершено въ Черниговской Палатѣ Гражданскаго Суда, въ 1850 году, октября 11 дня. Но такъ какъ *мнѣ достовѣрно извѣстно, что то заемное обязательство было выдано г. Черепановымъ безденежно моему мужу*, по смерти котораго въ бумагахъ того обязательства нигдѣ не отыскалось, то, публикуя нынѣ объ этомъ въ газетахъ, прошу вышеозначенное заемное обязательство *считать безденежнымъ и недѣйствительнымъ, у кого бы оно ни отыскалось.* — Жена коллежскаго ассесора, Клавдія Туманская».

На какія прекрасныя, освѣжающія душу размышленія наводятъ всякаго благомыслящаго соотечественника три приведенные нами примѣра! Замѣтимъ, что всѣ означенныя лица *сами* объявляютъ о себѣ въ газетахъ, платя за припечатаніе деньги съ каждой буквы: такимъ образомъ, цѣна ихъ безкорыстія еще болѣе возвышается и уже граничитъ съ само-

пожертвованіемъ... Особенно дорого должно быть, по своей длиннотѣ, объявленіе г. Телѣгина. Дай Богъ побольше такихъ примѣровъ: тогда съ ясностью божьяго дня доказана будетъ зрѣлость той общественной среды, въ которой могутъ совершаться и обнародоваться подобныя явленія.

2) Примѣръ отважнаго стремленія къ общему благу.

Не можемъ умолчать о случаѣ, доказывающемъ, сколь сильно у насъ частныя лица стараются споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Будущій историкъ русской цивилизаціи не преминетъ, конечно, занести этотъ фактъ на скрижали отечественныхъ лѣтописей.

Въ 1858 г. учреждены въ Петербургѣ *училища для приходящихъ дѣвицъ*. Въ обнародованныхъ *правилахъ* для этихъ училищъ сказано, что „цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы доставить родителямъ возможность, *не отлучая дѣтей отъ семейства*, давать имъ основательное и полное образованіе *за такую плату, которая не была бы стѣснительна для людей самаго умѣреннаго состоянія*; чтобы, поэтому, дѣти, *живя дома, у родителей или родственниковъ*, приходили въ училище только для слушанія уроковъ“. Годовая плата за ученіе положена 25 рублей съ дѣвицы.

И едва только сдѣлались извѣстными эти правила, которыхъ цѣль и смыслъ такъ просты и ясны, какъ явилось въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1858 г., № 219, объявленіе отъ одной содержательницы частнаго пансіона о томъ, что она, для облегченія родителей, *принимаетъ къ себѣ на жительство* дѣтей, отдаваемыхъ въ женскія училища, *за плату, отъ 120 до 200 р. сер. въ годъ*. Вотъ самое объявленіе:

«По случаю назначенія правительствомъ открыть казенное учебное заведеніе для дѣвицъ въ Коломнѣ, на углу Большой Садовой и Грязной улицъ, въ домѣ Воронина, содержательница частнаго пансіона, *находящагося въ томъ же домѣ*, г-жа Галактіонова, готова *помѣщать дѣвицъ у себя на жительство и воспитаніе* съ тѣмъ, что, по окончаніи предназначеннаго занятія въ казенномъ заведеніи, обязывается, при совершенно приличномъ помѣщеніи и содержаніи ввѣренныхъ ей дѣтей, имѣть постоянный надзоръ и неусыпное попеченіе о нравственности ихъ и наблюденіе за приготовленіемъ уроковъ, за преподаваніемъ музыки. *Годовая плата, при снабженіи дѣтей родителями всѣми учебными потребностями, отъ 120 до 200 р. сер.*

Итакъ, дѣти будутъ жить даже въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ помѣщается училище *для приходящихъ дѣвицъ!* Значитъ, ученицамъ придется только перейти изъ комнаты въ комнату, чтобы явиться въ классы изъ пансіона г-жи Галактіоновой! Какое удобство для родителей! Не надо заботиться о томъ, какъ и съ кѣмъ каждый день послать дѣтей въ школу и какъ ихъ оттуда привести домой; не нужно думать о томъ, какъ присмотрѣть за ними, повѣрить ихъ занятія, прослушать уроки, и т. п.

Можно даже ни разу не видѣть дѣтей во все время ихъ ученья: г-жа Галактіонова замѣнитъ для дѣтей родительскій надзоръ и семейную жизнь. Какая просвѣщенная ревность въ содѣйствіи намѣреніямъ правительства!

Безъ сомнѣнія, можно утверждать, что имена гг. Телѣгина и Вышнеградскаго и г-жъ Туманской и Галактіоновой перейдутъ въ позднѣйшее потомство.

III.

ОХОТНИКЪ ДО ДВОРЯНОКЪ.

Между многочисленными грамматиками, по которымъ обучается русское юношество, есть нѣсколько грамматикъ, сочиненныхъ г. Викторомъ Половцовымъ и выдержавшихъ по нѣскольку изданій. Доселѣ нельзя было съ точностью опредѣлить, въ какой мѣрѣ заслуженъ былъ успѣхъ трудовъ г. Виктора Половцова, но теперь дѣло вполнѣ рѣшается и разъясняется, благодаря усердію просвѣщенной редакціи „Журнала Землевладѣльцевъ", въ 8-мъ № котораго, за 1858 г., помѣщено письмо г. Половцова *„О женщинахъ"*.

Въ началѣ письма, г. Половцовъ обращается къ издателямъ „Журнала Землевладѣльцевъ" съ нѣсколькими комплиментами, столько же галантными, какъ и патріотическими. Между прочимъ онъ говоритъ, что „Журналъ Землевладѣльцевъ" имѣетъ не мимолетное значеніе, ибо „это лѣто (въ которое издавался „Журналъ Земл.") врѣжется на скрижаляхъ отечественной исторіи неизгладимыми чертами на вѣчныя времена". Стремясь, повидимому, тоже *врѣзаться на скрижали* на вѣчныя времена, г. Половцовъ думаетъ достигнуть своей цѣли напечатаніемъ своихъ соображеній о женщинахъ. Желая содѣйствовать г. Виктору Половцову въ достиженіи цѣли столь прекрасной, приводимъ замѣчательнѣйшія мѣста изъ его оригинальнаго письма.

«Употребивъ весь вѣкъ свой (такъ начинаетъ г. Викторъ Половцовъ) на семейное и общественное, *даже, можно сказать, государственное* воспитаніе, *я стою за женщинъ*, съ которыхъ начинается наше существованіе, питаніе, воспитаніе, возрожденіе, *однимъ словомъ все.* (Смѣло и сильно!) А журналъ вашъ какъ будто не благоволитъ прекрасному полу. Положимъ, что общее названіе «Землевладѣльцевъ» относится къ дѣвицамъ, замужнимъ и вдовамъ изъ помѣщицъ, точно также, какъ и къ сыновьямъ ихъ и внукамъ, супругамъ и братьямъ, отцамъ и праотцамъ (къ праотцамъ-то, я думаю, всего больше относится!); тѣмъ паче подъ названіемъ *крестьянъ*, объ улучшеніи быта которыхъ теперь заботятся, надобно разумѣть и *крестьянокъ*. Но вотъ, въ спискахъ «дворянамъ-помѣщикамъ» разныхъ губерній, подававшимъ отзывы съ изъявленіемъ готовности упрочить бытъ своихъ крестьянъ, неужто ни одна губернія не упомянетъ и «дворянъ-помѣщицъ».

«Подъ названіемъ «дворянства» разумѣются какъ дворяне, такъ и дворянки, а подъ двойнымъ названіемъ «дворянъ-помѣщиковъ», и Московской и Орловской гу-

берній, русскій языкъ разумѣетъ однихъ только мужчинъ. (Вотъ что значитъ быть филологомъ!)

«Вы сдѣлали больше: съ № 2 вы перестали печатать эти списки!.. Позвольте надѣяться, что увѣдомите въ «Журн. Землевл.» о причинѣ, по которой вы перестали печатать списки.

«Каждое изъ именъ, вошедшихъ въ эти списки, есть достояніе исторіи, если не всей Россіи, то по крайней мѣрѣ всей губерніи, о которой рѣчь (отчего же такъ скромно?). Тѣ списки, которые напечатаны въ № 1, я просмотрѣлъ и нашелъ...»

Нашелъ г. Половцовъ, къ своему крайнему прискорбію, „очевидную бѣдность въ женскихъ именахъ“. Нашелъ онъ также, что въ Нижегородской губерніи дворянокъ подписалось менѣе, чѣмъ въ Московской. Это обстоятельство вызвало его на слѣдующее язвительное замѣчаніе: „это значитъ, что Москва обратила вниманіе *на женскій полъ во дворянствѣ* гораздо больше, чѣмъ Нижній-Новгородъ. *Москвичи и Нижегородцы знаютъ о томъ*, *почему и для чего*, *разумѣется*, *больше*, *чѣмъ я*, странствователь по юго-восточнымъ степнымъ губерніямъ“. Очевидно, что авторъ тоже знаетъ, и очень хорошо знаетъ, „*почему и для чего*“, но не хочетъ этого высказать, по особенной деликатности души своей. Вопросъ, заданный имъ, разъясненъ, впрочемъ, въ одиннадцатомъ № „Журнала Землевлад.“ г. Л. Загоскинымъ, который былъ, по его мнѣнію, „*натолкнутъ* многоуважаемымъ В. А. Половцовымъ на мысль сравнить число дворянъ, изъявившихъ согласіе, съ общимъ числомъ дворянъ-владѣльцевъ каждой губерніи“. По изслѣдованіямъ г. Л. Загоскина выходитъ, что подписавшихъ согласіе—*меньшинство*, и притомъ незначительное. Между тѣмъ, по его замѣчанію, „правду за всѣхъ насъ высказалъ В. А. Половцовъ, что по такому святому дѣлу отрадно, успокоительно для совѣсти каждаго дворянина было бы *видѣть свое имя и фамилію въ печати, т.-е. на скрижаляхъ исторіи*“. Отчего же не всѣ подписались? По мнѣнію г. Загоскина, тутъ виноваты *головы наши*, презирающіе мелкопомѣстныхъ, тогда какъ „изъ нихъ около половины родовичей, тѣхъ коренныхъ дворянъ, предки которыхъ, составляя служилое сословіе у великихъ князей и царей нашихъ, подвигами своими, своею вѣрностью и кровью заслужили грамату 1761 г., которою *мы* облагорожены“ (да не подумаетъ читатель, что *мы* это отъ себя говоримъ. Сохрани Богъ!.. мы повторяемъ только слова г. Л. Загоскина, не думая относить ихъ—ни къ себѣ, ни даже къ вамъ, читатель, кто бы вы ни были).

Итакъ, въ маломъ числѣ подписавшихся виноваты люди, которыхъ г. Л. Загоскинъ называетъ головами. „Ушли мы съ 1831 г. далеко, а головы все сидятъ на плечахъ у насъ“,—замѣчаетъ онъ въ заключеніе, обнаруживая не совсѣмъ понятное для насъ желаніе, чтобы у него голова на плечахъ не сидѣла... Можетъ быть, г. Л. Загоскинъ по собственному опыту знаетъ, что безъ головы человѣку жить лучше?

Но возвратимся къ письму г. Половцова, по поводу котораго въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ“ поднятъ былъ важный вопросъ объ именахъ дворянъ и дворянокъ. Малое число подписавшихся г. Половцовъ (не совсѣмъ согласно съ г. Л. Загоскинымъ) приписываетъ медленности помѣщиковъ и поспѣшности предводителей. Вотъ случай, имъ разсказанный.

«Это дѣло (считанье женскихъ именъ въ спискахъ) съ моей стороны началось очень просто. Одна изъ барынь-помѣщицъ, управляющая имѣніемъ «по довѣрію мужа», просила меня написать отвѣтъ предводителю дворянства о томъ, согласна-ли она на улучшеніе быта своихъ крестьянъ? — Что-жъ, согласны-ли вы? «*О, съ восторгомъ!*» Эти слова были темою чернового писанія, въ которомъ почти ничего и не перемѣнено (и зачѣмъ же перемѣнять? Г. Половцовъ пишетъ такимъ хорошимъ слогомъ и притомъ же *самъ* сочинилъ грамматику русскую!) Но какъ въ письмѣ предводителя было сказано, что молчаніе далѣе опредѣленнаго срока будетъ принято за согласіе, то мы не торопились отправкою; а вышло то, что имя барынки (?) не попало въ списокъ 970 дворянъ-помѣщиковъ Орловской губерніи, хотя въ немъ отыскались имена 304 дамъ и дѣвицъ».

Разсказавъ столь любопытный и знаменательный фактъ, г. Половцовъ приступаетъ къ слѣдующимъ краснорѣчивымъ размышленіямъ, дѣлающимъ честь его бойкому перу и многостороннимъ познаніямъ.

„Кто не знаетъ, какъ *упоительно звучитъ* (?) имя, отчество, — а по-русски величаніе—и *перемѣняемое* (?) прозвище,—по иностранному фамилія,—любимой особы, тотъ только не пойметъ, что и въ просмотрѣ списка дворянъ-помѣщиковъ съ выискиваніемъ женскихъ именъ, можно находить *большое удовольствіе* (еще бы!). Каждое имя (слушайте!) нарекается младенцу при Св. Крещеніи [1]), *иногда* имена имѣютъ значеніе: Анатолій—востокъ, Софія—премудрость, и проч.; перечисленіемъ именъ начинается Новый Завѣтъ, священнѣйшая изъ книгъ, и каждымъ изъ этихъ именъ знаменуется поколѣніе, иная исторія состоитъ почти только изъ именъ (хорошая исторія!). Однимъ словомъ, *разохотившись* просматривать имена дворянокъ-помѣщицъ трехъ губерній, которыя выпечатаны въ № 1 „Ж. З.“, я сталъ считать имена и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Затѣмъ, г. В. Половцовъ приводитъ цыфры. Оказалось, что онъ имѣлъ терпѣніе насчитать 1.623 дворянки-помѣщицы въ разныхъ губерніяхъ. Но не довольствуясь своимъ трудолюбіемъ и тѣмъ, что повѣдалъ міру результаты его, г. В. Половцовъ предлагаетъ слѣдующее:

«Нельзя-ли было бы *напечатать списки хоть особой книжкою*, въ видѣ приложенія къ вашему журналу, и притомъ въ два столбца, *ошуюю могли бы быть муж-*

---

[1]) Попадались и неупотребительныя: Сарра, Капитолина, Доминика, Августина, Фіона и Митродора. *Авт.*

(Самъ авторъ позаботился отмѣтить свое примѣчаніе, значитъ, читатели не могутъ уже подумать, что мы нарочно его сочинили).

чины, а одесную съ пробѣлами (!) *женщины и дѣвицы?* А уже если раздѣлять, да распредѣлять, такъ можно было бы расписать имена и *по классамъ супруговъ и отцевъ; юнкерша и канцеляристша точно также заняли бы свое мѣсто, какъ и дѣйствительныя тайныя совѣтницы, графини и свѣтлѣйшія княгини.* Не знаю, почему нѣтъ у насъ слова «другиня», т.-е. другъ женскаго пола, другое и даже первое я. (Тутъ уже филологическія тенденціи овладѣваютъ г. Половцовымъ, и онъ даетъ намъ рѣдкій случай наблюдать за грамматикомъ, разсуждающимъ объ общественныхъ вопросахъ. Внимайте же!). Это совсѣмъ не подруга, подружка, подруженька, которыя вѣютъ на насъ молодостью; и другъ—не то, это мужчина. «Другиня»,—въ смыслѣ первыни могло бы быть самымъ почетнымъ изъ всѣхъ званій женщины и даже дѣвицы. Жена-другъ — вотъ другиня, мать, конечно, не всякая; — сестра въ родѣ матери, *тетки-полу-провидѣніе* (о чудеса грамматики!)—вотъ другини! У насъ есть женскія названія: княгиня, героиня и богиня, отъ мужскихъ: князь, герой и богъ (языческій). Почему же не быть другинѣ отъ слова другъ (христіанскій)? Притомъ же, другъ служитъ теперь, какъ будто за недостаткомъ словъ въ нашемъ богатомъ русскомъ языкѣ, названіемъ и женщины: мой другъ, дружокъ, дружочекъ! говоритъ мужъ женѣ, братъ сестрѣ, даже отецъ дочери. Такъ слово другиня произошло бы не отъ мужского другъ, а само изъ себя, и *разумѣется возымѣло бы свою исторію* [1]).

«Исторія боговъ и богинь — дѣло давнее и не наше, а князей и княгинь — поближе къ намъ. Вотъ и сегодня (письмо г. Половцова писано 11-го іюля) церковь наша празднуетъ память Св. Ольги, которою начинается весь сонмъ святыхъ угодниковъ православной россійской церкви. Эта знаменитая въ древней Руси государыня, *мать героя Святослава и бабка Владиміра Великаго, родомъ Псковитянка, родилась не княжною и не царевной, а простолюдинкою* (урокъ изъ исторіи для читателей «Журн. Земл.»). Супружество возвело ее на степень княгини, именно великой княгини, но *немерцающее* (каковъ русскій языкъ у почтеннаго грамматика? *не мерцающее* вмѣсто *немеркнущее!*) въ вѣкахъ величіе добыла она себѣ сама по праву женщины-христіанки. Это же, самое почетное изъ всѣхъ званій человѣка, вполнѣ доступно каждой изъ дворянокъ-помѣщицъ (разумѣется,—всѣ онѣ не басурманки, не нехристи), о которыхъ началъ я бесѣдовать съ вами, почтенный А. Д., перебирая списки дворянъ-помѣщиковъ разныхъ губерній.

«Св. Ольга приняла христіанство, потому что, и живя среди язычниковъ, постигла всю цѣну ученія Спасителя. Она сложила съ себя бремя десятилѣтняго управленія государствомъ, удалилась въ Царь-градъ и занялась ученіемъ христіанскимъ. *Не то-ли же предстоитъ* (вотъ тебѣ и разъ: въ Царь-градъ удалиться?) *и многимъ изъ нашихъ барынь, жившихъ по деревнямъ, и несшихъ на себѣ тяжкое бремя управленія крестьянами?* Безграничныя права ихъ *тяготѣли надъ ними еще болѣе* (!!!), *чѣмъ надъ подвластными имъ душами* человѣческими, подобно язычеству, которое во времена Св. Ольги считалось вѣрою отцовъ, и было такъ сильно, что знаменитый сынъ Игоря никакъ не хотѣлъ разстаться съ своими языческими обязанностями и пребылъ имъ вѣренъ до насильственной смерти своей. Ольга слышала о вѣрѣ Христовой отъ воиновъ супруга своего, бывшихъ въ Греціи; а мы услышали объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ-христіанъ и крестьянокъ-христіанокъ отъ вѣнчаннаго на царство Помазанника Божія. Великая княгиня Ольга, безъ сомнѣнія, находилась въ продолжительной борьбѣ сама съ собою: предпринимать-ли дѣло новое, трудное и отвѣтственное предъ потомствомъ? *Намъ облегченъ этотъ подвигъ*: Высочайше повелѣно мужчинамъ обдумать дѣло въ полгода; а за насъ потрудится самъ

---

[1]) Въ Церковнославянскомъ *есть* слово «другиня», и народъ слышитъ это слово въ одной изъ церковныхъ пѣсенъ, во время Пасхи. *Ред.*

(Это опять не наше примѣчаніе: это счелъ нужнымъ замѣтить редакторъ «Журнала Землевладѣльцевъ»).

Батюшка Царь, съ своими посѣдѣлыми въ совѣтахъ болярами, въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу.

«И Св. Ольга ждала, ждала, пока ей можно было сложить бремя правленія на рамена сыновей (*сыновей!?*). А намъ, если придется подождать и 12 лѣтъ, такъ *чтожъ это за срокъ въ сравненіи съ вѣками*, которые будутъ наслаждаться плодами трудовъ и пожертвованій второй половины XIX вѣка въ громадной Россіи? Между дворянами-помѣщиками Псковской губерніи нашелъ я вдову капитана, Варвару Лаврову съ сыновьями-полковниками, Степаномъ и Николаемъ Егоровичами—вотъ образчикъ нераздѣльнаго владѣнія матери съ дѣтьми въ богобоязненномъ семейномъ быту. Да продлится онъ на многія лѣта!»

Прекрасное письмо г. Половцова оканчивается слѣдующею просьбою, которая обнаруживаетъ, что онъ не словомъ только, но и дѣломъ старается объ увеличеніи числа женскихъ именъ во всякаго рода подпискахъ. „Позвольте кстати попросить васъ—пишетъ онъ—внести въ число подписавшихся на „Журн. Земл." имя жены моей, Лидіи Осиповны, *съ припискою въ Іерусалимъ: ибо мы просимъ отправлять экземпляръ ея къ брату моему,* іеромонаху Ювеналію, члену іерусалимской миссіи".

Видно, что г. Половцову очень хотѣлось *упитися* звукомъ имени жены своей, когда онъ упрашивалъ записать ее вмѣсто своего брата. „Журналъ Землевладѣльцевъ" и записалъ ее въ Іерусалимѣ, хотя она живетъ съ г. Половцовымъ въ Саратовской губерніи.

Мало того, „Журналъ Землевладѣльцевъ", принявъ серьезно все письмо г. Половцова, съ чувствомъ душевнаго прискорбія оправдывается отъ его упрековъ. Вотъ начало его *отвѣта* г. Половцову:

„Отъ васъ менѣе, чѣмъ отъ кого-нибудь, ожидали мы упрека, что *журналъ нашъ какъ будто не благоволитъ къ прекрасному полу*. И на чемъ же основываете вы такое капитальное обвиненіе?.."

И такъ далѣе... Журналъ блистательно оправдывается отъ нареканій г. Половцова, и мы вполнѣ увѣрены, что онъ съ письмомъ г. Половцова и съ своимъ отвѣтомъ дѣйствительно *„връжется на скрижали отечественной исторіи"* на вѣчныя времена".

IV.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

«Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?»

Иначе сказать — куда направляется литературная процессія, извѣстія о которой, вотъ уже почти два мѣсяца, безпрерывно приносятся къ намъ петербургской и московской почтою? Какое торжество готовитъ вся ваша литературная братія, которая въ послѣднее время все „пыщется

гору родити“?.. Что за шумная исторія поднята вами [1]) противъ *поступка* „Иллюстраціи“? *Поступокъ*, по общему мнѣнію публики, состоялъ въ томъ, что „Знакомый человѣкъ“ по-русски писать не умѣетъ (иначе ужъ, конечно, онъ обругалъ бы своихъ противниковъ такъ, что привязаться было бы не къ чему); а вы привязались къ нему, какъ будто и къ грамотному, какъ будто и къ путному... Грѣшный человѣкъ, я долго не понималъ, къ чему и изъ-за чего вся эта исторія. Написалъ я къ одному пріятелю, въ Петербургъ, прося объяснить, что такое протестъ, почему протестъ, зачѣмъ протестъ? А тотъ отвѣчалъ мнѣ только двумя стихами:

«Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ»...

Тогда выписалъ я „Иллюстрацію“ (нѣсколько моихъ знакомыхъ то же сдѣлали послѣ вашего протеста), посмотрѣлъ, почиталъ ее: ничего,—журналецъ, какъ журналецъ. Припомнилъ, не было-ли за нею прежде какихъ-нибудь *гисторій*: никакихъ. До ноября мѣсяца о ней и не знали вовсе... Она видимо старалась привлечь къ себѣ общее вниманіе: и рисунки графа Толстого къ стихотвореніямъ г. Щербины печатала, и майскій парадъ, и формы генеральскихъ мундировъ помѣщала, и о политикѣ вкривь и вкось разсуждала, и о людоѣдахъ писала, и съ „Сѣверной Пчелой“ вела полемику... нѣтъ, ничто не помогало. Никто ея не зналъ, никто о ней не говорилъ; журналы какъ будто и не подозрѣвали ея существованія. Шла себѣ „Иллюстрація“ тихо и вяло, точно длинный обозъ, котораго убогая и похоронная медленность не нарушается даже тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ возахъ запряжены очень горячія лошади.

И вдругъ—все перемѣнилось. Какъ электрическая искра, мгновенно пронеслось, говорятъ, по Петербургу слово „Иллюстрація“; по телеграфу переслана молва о ней въ Москву, а оттуда быстро разъѣхалась по губерніямъ и уѣздамъ. Къ намъ писали сюда, что у васъ въ литературныхъ кругахъ повсюду стали разсуждать объ „Иллюстраціи“ съ такимъ же жаромъ, какъ годъ тому назадъ о крестьянскомъ вопросѣ; въ книжныхъ лавкахъ, въ библіотекахъ для чтенія, безпрестанно, говорятъ, спрашивали „Иллюстрацію“; въ кондитерскихъ, выписывавшихъ „Иллюстрацію“, учетверилось количество посѣтителей, тогда какъ другія, не имѣвшія „Иллюстраціи“, опустѣли. „Страшно было войти въ сіи послѣднія,—писалъ мнѣ одинъ знакомый:—мракъ и запустѣніе царствовали въ нихъ; служители бродили, блѣдные и тощіе, какъ могильныя тѣни; на лицѣ хозяина написано было мрачное отчаяніе“... Сказывали, что у васъ даже появиться въ образованное общество человѣку, не читавшему „Иллюстра-

[1]) Не нами, вовсе не нами! Кто сказалъ, что нами? *Ред.*

ціи", сдѣлалось невозможнымъ, ибо это значило бы просидѣть дуракомъ весь вечеръ, не имѣя возможности принять участіе въ общемъ разговорѣ. Скоро и у насъ въ провинціи вопросъ объ „Иллюстраціи" оттѣснилъ на второй планъ всѣ другіе вопросы, ибо стало невозможнымъ чтеніе журналовъ безъ предварительныхъ познаній въ „Иллюстраціи": начиная съ „Русскаго Инвалида", о ней заговорили почти всѣ журналы: „Русскій Вѣстникъ", „Атеней", „Библіотека для чтенія", „Современникъ", „Московскія Вѣдомости", „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Одесскій Вѣстникъ", „Сѣверная Пчела", даже самъ „Весельчакъ". Одна фраза изъ „Иллюстраціи" задавалась какъ тезисъ для глубокомысленныхъ разсужденій, другія фразы разбирались, перечитывались и переписывались съ заботливостью и нѣжностью, достойными лучшей участи. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" одна изъ фразъ „Иллюстраціи" перепечатана четыре раза въ одной и той же книжкѣ. Лучшіе наши ученые и литераторы приняли участіе въ движеніи вопроса объ „Иллюстраціи". Самъ Н. Ф. Павловъ, знаменитый критикъ, только въ экстренныхъ, надѣлавшихъ шуму случаяхъ берущійся за остроумное перо свое, написалъ статейку объ „Иллюстраціи".

И отчего же произошла столь внезапная перемѣна? чему обязана „Иллюстрація" пріобрѣтеніемъ толикой славы?

Грустно отвѣтить на этотъ вопросъ начальными словами одного поучительнаго разсужденія, котораго я теперь не помню, потому что училъ его когда-то наизусть: „бываютъ геростратовы славы"...

Дальше не помню уже, но дальше и не нужно: смыслъ рѣчи понятенъ изъ первыхъ трехъ словъ.

Да, слава „Иллюстраціи" — геростратова слава. Я рѣшительно подозрѣваю, что „Иллюстрація" давно преслѣдовала ту же цѣль, что и Геростратъ. Да и способъ-то употребила тотъ же: Геростратъ сжёгъ храмъ, а „Иллюстрація" напечатала статью, составляющую, по справедливому замѣчанію г. Чацкина, „жалкое отраженіе того зловѣщаго огня, которымъ нѣкогда зажигались костры на площадяхъ Мадрида". Это отраженіе мадридскаго огня „Иллюстрація" направила противъ евреевъ (знала противъ кого направить!),—и вамъ извѣстно, что изъ того послѣдовало: *„всемірное обозрѣніе"* получило славу, дѣйствительно всемірную... Не знаю, совершенно-ли полны мои свѣдѣнія; но вотъ главныя изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Г. Чацкинъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", г. Горвицъ въ „Атенеѣ", г. Ѳаддей Березкинъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" и, можетъ, еще кто нибудь — написали возраженія на статью „Иллюстраціи", которая была подписана „Знакомымъ человѣкомъ". „Знакомый человѣкъ", въ отвѣтъ на ихъ возраженія, написалъ, что они, конечно, *агенты* жида N., который не жалѣетъ золота для славы своего имени. Послѣ этого, г. Чац-

кинъ обнародовалъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ письмо къ редактору „Иллюстраціи“, котораго содержаніе заключалось въ слѣдующемъ:

«Задѣть мою амбицію
Я не позволю вамъ:
На васъ, сударь, въ полицію
Я жалобу подамъ».

Объявите, говоритъ, что вы отказываетесь отъ вашей наглой клеветы, а не то я въ судъ пойду. И въ заключеніе прибавляетъ: поколотить бы, говоритъ, васъ слѣдовало, да это не такъ *гласно* было бы; такъ я для пущей гласности печатно объ этомъ заявляю... „Обвиненіе,—говоритъ,—сдѣлано было печатно, а слѣдовательно и удовлетвореніе должно имѣть *ту гласность, которой не доставило бы мнѣ кулачное право*“.

Еще не успѣла „Иллюстрація“ отвѣтить на письмо г. Чацкина, какъ появился „Литературный протестъ“, въ которомъ излагалось обстоятельно все дѣло обвиненія гг. Чацкина и Горвица въ подкупѣ (о г. Березкинѣ и другихъ не упомянулъ Знакомый человѣкъ) и за тѣмъ говорилось: „мы не знакомы лично съ гг. Чацкинымъ и Горвицемъ и не имѣемъ съ ними никакихъ отношеній. Но, проникнутые убѣжденіемъ въ высокомъ и нравственномъ призваніи литературы, мы считаемъ обязанностью самымъ положительнымъ образомъ протестовать противъ такихъ злоупотребленій печатнаго слова, изъ органа мысли и гласности низводящихъ его на степень презрѣннаго орудія личныхъ оскорбленій“.

Протестъ появился въ 258 № „Спб. Вѣд.“, 25 ноября, и потомъ въ 21 № „Русск. Вѣстн.“, въ значительно усовершенствованномъ видѣ; оба были подписаны многими лицами, составляющими гордость и украшеніе нашей литературы. До полученія 21-го № „Русск. Вѣстн.“ я все смѣялся надъ „жидовской исторіей“, считая дѣло не важнымъ. Но, прочитавъ великолѣпный протестъ, перепечатанный потомъ во многихъ журналахъ и газетахъ, я понялъ, наконецъ, всю великую важность событія, бросился отыскивать „Иллюстрацію“, „Инвалидъ“, статьи противъ „Знакомаго человѣка“, въ другихъ журналахъ, — перечиталъ все это, выучилъ наизусть нѣсколько фразъ изъ статьи „Иллюстраціи“ и, почувствовавъ, что стою, наконецъ, въ уровень съ вѣкомъ, рѣшился сказать и свое слово объ „Иллюстраціи“. Посылаю его къ вамъ, потому что вы не такъ много, какъ другіе, выказали азарта въ этомъ дѣлѣ, и, слѣдовательно, можете съ большимъ хладнокровіемъ выслушать мое мнѣніе, которое у насъ въ провинціи почти всѣ раздѣляютъ.

Слово мое не весело. Признаюсь,—я съ тяжелымъ чувствомъ пробѣгалъ длинный списокъ лицъ, протестующихъ противъ „Иллюстраціи“, а въ ушахъ у меня почему-то раздавались въ это время стихи изъ „Бѣсовъ“:

«Сколько ихъ, куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ», и пр.

Зачѣмъ это, думалъ я,—русскіе ученые и литераторы ополчились въ крестовый походъ для доказательства того, что клевета гнусна?.. Неужели они полагаютъ, что это еще предметъ неизвѣстный или спорный для русскаго общества? Но тогда остается имъ бросить занятіе наукой и литературой и уныло воззвать ко всѣмъ писателямъ: „братія! давайте плакать!“

Въ самомъ дѣлѣ, литература вѣдь существуетъ для общества, служитъ выраженіемъ его понятій, дѣйствуетъ въ средѣ своихъ читателей. Поэтому вамъ бы не слѣдовало выпускать изъ вида, что въ средѣ, окружающей васъ, всегда есть извѣстный общій тонъ, опредѣляющій тѣ границы, въ которыхъ вы можете и должны держаться при вашихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Новый человѣкъ, являющійся въ чужую среду, тотчасъ поражаетъ странностью, неловкостью, даже неприличіемъ, если онъ не умѣетъ сразу попасть въ тонъ этой среды. Это происходитъ, разумѣется, оттого, что въ каждомъ кружкѣ людей есть такія общія понятія и интересы, которые предполагаются уже всѣмъ извѣстными и о которыхъ потому не говорятъ. Странно бываетъ обществу образованныхъ людей, когда въ среду ихъ вторгается разсказчикъ, не умѣющій, напр., произнести ни одного собственнаго имени безъ нарицательнаго добавленія и говорящій безпрестанно: городъ Парижъ, королевство Пруссія, фельдмаршалъ Кутузовъ, геніальный Шекспиръ, рѣка Дунай, брюссельская газета *Le Nord*, и т. п. Вы знаете, что всѣ его прибавки справедливы, вамъ нечего сказать противъ нихъ; но вы чувствуете почему-то, что лучше бы обойтись безъ нихъ. То же самое бываетъ и съ нравственными понятіями. Вамъ становится просто неловко и совѣстно въ присутствіи человѣка, съ азартомъ разсуждающаго о негуманности людоѣдства или о нечестности клеветы. Одно изъ двухъ: или *самъ разсуждающій* находится еще на той степени нравственнаго развитія, которая допускаетъ возможность разсужденій и споровъ о подобныхъ предметахъ, или онъ *васъ* считаетъ такъ мало развитыми, что полагаетъ нужнымъ внушить вамъ истинныя понятія о людоѣдствѣ или клеветѣ. И то и другое предположеніе одинаково вызываютъ васъ на кислую гримасу, а въ послѣднемъ случаѣ вы можете даже обидѣться и сказать нравоучителю: „милостивый государь! объясните мнѣ, чѣмъ я подалъ вамъ поводъ трактовать меня такимъ образомъ?“

Кажется, нѣтъ никакой надобности говорить, что „Литературный протестъ“ противъ „Иллюстраціи“ не могъ быть вызванъ первымъ изъ обстоятельствъ, на которыя я указалъ, т.-е. нравственной неразвитостью самихъ протестовавшихъ. Очевидно, что для нихъ не могъ быть спорнымъ вопросомъ о томъ, гнусна или не гнусна клевета. Вслѣдствіе какихъ же побужденій они сочли нужнымъ объявить самымъ положительнымъ образомъ, что считаютъ клевету презрѣнною? Ясно, что это сдѣлано для публики. Здѣсь-

то мы, читатели, и видимъ самую мрачную, самую печальную сторону протеста. Что же это, въ самомъ дѣлѣ,—неужели наше общество упало такъ низко, стало такъ развратно, дошло до такой подлости въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ, что лучшіе люди литературы должны, наконецъ, писать къ нему воззванія и руководящія статьи, имѣющія цѣлью доказать гнусность клеветы? Неужели такъ ужасно безнравственны стали люди, что уцѣлѣвшая отъ всеобщаго развращенія горсть избранниковъ можетъ, не краснѣя, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, догматическимъ тономъ величаваго авторитета провозглашать всенародно, что признаетъ клевету гнусною, и радоваться тому, что находитъ себѣ полсотни или полтысячи единомышленниковъ? Неужто до такой степени нравственнаго безобразія дошло наше общество и литература? Благородство духа познается въ томъ, что человѣкъ признаетъ гнусность клеветы! И онъ радъ, что стоитъ на такой высотѣ нравственности! Онъ спѣшитъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы повѣдать объ этомъ міру. Ужасно!..

Но вы, господа *протестанты*, смотрите на дѣло съ другой точки зрѣнія. „На литературѣ вездѣ и всегда *лежитъ обязанность* обличать бездоказательныя посягательства на честь и доброе имя“, говоритъ петербургскій протестъ, съ утонченной учтивостью цивилизованнаго джентльмена. „Въ лицѣ гг. Чацкина и Горвица оскорблено все общество, вся русская литература, *никакой честный человѣкъ не можетъ* оставаться равнодушнымъ при такомъ позорномъ поступкѣ, и *вся русская литература должна* какъ одинъ человѣкъ *съ негодованіемъ* протестовать противъ него“. Такъ выражается протестъ московскій, тономъ нѣсколько грубоватымъ, но за то выражающимъ широту русской натуры. И вслѣдъ за предписаніемъ, *должно* протестовать *съ негодованіемъ* (вспомните прописи—дѣти *должны горячо любить* родителей), слѣдуетъ подпись: нижеподписавшіеся *съ негодованіемъ* протестуютъ, и пр. Итакъ—вотъ въ чемъ дѣло: эти господа въ своемъ негодованіи просто исполняютъ *долгъ* свой, *обязанность*, лежащую на литературѣ. Признаемся, мы, простые смертные, темные провинціальные читатели,—не совсѣмъ понимаемъ *негодованія по обязанности* и даже осмѣливаемся думать, что никакіе законы въ мірѣ не могутъ налагать на человѣка обязанности въ извѣстныхъ случаяхъ негодовать, а въ другихъ приходить въ восторгъ или умиляться. О насъ вы можете сказать,

«Что мы не вѣдаемъ святыни,
Что мы не любимъ ничего»...

Но что ни говорите, а выраженіе: „*обязанность съ негодованіемъ дѣлать что-нибудь*“ ничего не возбуждаетъ въ насъ, кромѣ смѣха.

Но я постараюсь стать на вашу точку зрѣнія, постараюсь смотрѣть

на дѣло, какъ *протестантъ*. Литература обязана обличать клевету... т. е. по московскому—*клевету*, а по петербургскому—„*бездоказательное посягательство*". Разница эта должна быть замѣчена; петербургскій протестъ говоритъ: „мы не знаемъ лично гг. Чацкина и Горвица и не имѣемъ съ ними никакихъ отношеній", значитъ, онъ не утверждаетъ, что взведенное на нихъ обвиненіе несправедливо; онъ предполагаетъ возможность правды въ словахъ „Иллюстраціи" и протестуетъ только противъ *бездоказательности* обвиненія. Московскій протестъ имѣетъ другой мотивъ; онъ говоритъ": „Иллюстрація" позволила себѣ *не просто бездоказательное обвиненіе, а клевету*, тѣмъ болѣе возмутительную и наглую, что не представлялось ни малѣйшаго повода къ ней". Московскій протестъ имѣетъ, очевидно, положительныя свѣдѣнія, которыхъ не имѣлъ петербургскій. Жаль, что онъ не подѣлился ими съ читателями; тогда бы дѣло обошлось проще. Но оставимъ это: дѣло не въ свѣдѣніяхъ, а въ обличеніи... Итакъ — литература обязана обличать клеветы. Съ этимъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, все являющееся въ печати и подлежащее гласности должно находить въ литературѣ отзывъ и, въ случаѣ нужды, опроверженіе и обличеніе. Такъ точно поступки чиновника находятъ себѣ судъ прежде всего въ его сослуживцахъ, дѣянія офицера—въ однополчанахъ, купца—на биржѣ, и т. д. Представимъ же, что я поймалъ моего товарища-чиновника въ то время, какъ онъ бралъ взятку; на мнѣ лежитъ обязанность обличить его передъ общимъ судомъ; но обязанъ-ли я, разсказавъ его поступокъ, прибавлять: „господа, я признаю это неблагороднымъ, съ негодованіемъ протестую противъ этого и думаю, что вы тоже должны съ негодованіемъ протестовать". Кажется, обязанность послѣдней прибавки никакой нравственный законъ на меня наложить не можетъ, а чувство деликатности предъ сослуживцами должно даже удержать отъ нея. Вообще,—если я поймалъ вора, убійцу на улицѣ, обязанъ-ли я, приведши его въ судъ, провозгласить, что считаю его поступокъ нехорошимъ? Сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ и никто этого не дѣлаетъ. При публичномъ производствѣ судебныхъ дѣлъ въ развитомъ нравственно обществѣ, отвсюду сами являются къ суду свидѣтели и всѣ люди, имѣющіе что-нибудь сообщить по дѣлу. Но гдѣ же являются въ судъ люди съ криками: „я протестую противъ преступленія и отъ васъ требую того же! Я считаю его дурнымъ и неблагороднымъ поступкомъ, и всѣ вы должны провозгласить, что со мной согласны". И вслѣдъ за тѣмъ раздаются вопли: и я тоже! И я тоже! И я тоже!..

Такимъ образомъ, *обязанность обличенія* я не считаю исполненною въ протестѣ. Если уже рѣшились обратить серьезное вниманіе на глупо-наглую фразу и формально придать ей значеніе клеветы (чего вовсе не

требовалось), то клевету слѣдовало опровергнуть представленіемъ положительныхъ доказательствъ правоты обвиняемыхъ. Но дѣло въ томъ, что публика вовсе и не думала принимать эту, дѣйствительно гнусную, фразу серьезно. Мало того: самъ г. редакторъ „Иллюстраціи", — хотя въ своемъ отвѣтѣ на письмо г. Чацкина и выказалъ замѣчательное тупоуміе, отвергая прямой и вполнѣ ясный смыслъ напечатанной имъ фразы, но, тѣмъ не менѣе, *отъ намѣренія оклеветать* гг. Чацкина и Горвица рѣшительно отказался. Оставалось, слѣдовательно, только *бездоказательное посягательство*. Но оно могло быть достаточно обличено предъ публикою простымъ указаніемъ на фразы „Иллюстраціи" и перепечаткою письма г. Чацкина или, еще лучше, только той части его, въ которой не говорится о судебномъ преслѣдованіи и кулачномъ правѣ. Вы въ „Современникѣ" почти такъ и сдѣлали; но вы ужъ и это сдѣлали напрасно: довольно было разъ гдѣ-нибудь замѣтить эту фразу; что же носиться-то съ ней, какъ съ какимъ-нибудь сокровищемъ? И, во всякомъ случаѣ, кромѣ простого указанія, для публики ничего больше и не нужно было. Негодовать или радоваться слѣдовало, это она могла и сама понять, точно такъ, какъ судья, къ которому притащили вора съ поличнымъ, пойметъ, что его не по головкѣ гладить слѣдуетъ. Бываютъ, правда, и такіе судьи, что воровъ по головкѣ гладятъ, да что ужъ это за судьи, что воровъ по головкѣ гладятъ, да что ужъ это за судьи? Я бы къ такимъ и судиться не пошелъ.

„Но мы это вовсе не для публики дѣлали, а для самаго дѣла", возражаете вы, господа *протестанты*. Отлично! Но къ кому же вы обращались-то, передъ кѣмъ протестовали? Если вы сдѣлаете хоть малѣйшій намекъ на то, что публику въ этомъ дѣлѣ отстраняете, то вы заставите насъ же, читателей, вспомнить эпиграмму Пушкина: „Обиженный журналами жестоко"... А намъ этого не хотѣлось бы, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы припомнить и тотъ стихъ, котораго послѣднее слово римуетъ съ „*носомъ*", оканчивающимъ слѣдующій за тѣмъ стихъ.

Я, впрочемъ, убѣжденъ, что „протестанты" даже и не думали о томъ, чтобы хотя одинъ стихъ этой эпиграммы могъ быть къ нимъ приложенъ. Если нѣкоторая примѣнимость и имѣетъ здѣсь мѣсто, то ужъ вѣрно вышло это не отъ умысла, а скорѣе отъ недогадливой опрометчивости протестовавшихъ. А въ душѣ своей они неповинны ни въ какихъ злоумышленіяхъ. Даже, напротивъ, вотъ какъ они выражаются о своемъ протестѣ: „такой общій протестъ будетъ самымъ лучшимъ удовлетвореніемъ чести оскорбленныхъ лицъ и самымъ лучшимъ доказательствомъ *здоровья той общественной среды*, которая собственнымъ свободнымъ актомъ поражаетъ и отметаетъ всякое недостойное дѣло".

Не знаю, какъ вы лично на это смотрите; но отъ себя замѣчу (вовсе не для того, конечно, чтобы учить „протестантовъ" началамъ логики), что въ заключеніи немножко больше сказано, чѣмъ въ посылкѣ. По логикѣ, если въ средѣ людей окажется одинъ человѣкъ, страдающій заразительной болѣзнью, и всѣ его начнутъ съ воплями гнать отъ себя или сами съ шумомъ и крикомъ побѣгутъ отъ него, то изъ этого нельзя вывести прямого заключенія о томъ, что вся эта гнавшая или бѣжавшая среда—здорова. Скорѣе даже можно вывести заключеніе противное: извѣстно, что больные бываютъ всегда раздражительнѣе и мнительнѣе здоровыхъ.

Это я, впрочемъ, мимоходомъ замѣтилъ; спѣшу оговориться, чтобы не упрекнули меня, что я придираюсь къ словамъ и не умѣю понять метафоры (метафора же, на бѣду, вышла не совсѣмъ удачною). Стараюсь снова стать на „протестантскую" точку зрѣнія и перевести слова протеста на обыкновенный языкъ. По моему, они имѣютъ такой смыслъ: „Протестъ противъ „Иллюстраціи" долженъ показать, что литераторы сами умѣютъ беречь литературу и всегда готовы обличить, заклеймить, опозорить того, кто изъ среды ихъ рѣшится на гнусный поступокъ. Все недостойное до такой степени имъ чуждо, что они не могутъ удержать своего негодованія при видѣ позорнаго поступка и изливаются стремительнымъ потокомъ протестовъ и обличеній". Если принять слова протеста въ такомъ смыслѣ, то слѣдуетъ заключить, что русская литература съ сего дня принимаетъ на себя высокую, хотя и тяжкую обязанность — на каждое безнравственное явленіе литературы отзываться, что *„это не хорошо"*. Трудъ похвальный, но весьма изнурительный, если на каждый разъ нужно будетъ тратить столько негодованія, сколько на этотъ разъ потрачено его противъ „Иллюстраціи". Кромѣ того, трудъ этотъ на практикѣ окажется совершенно неблагодарнымъ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія формъ, подъ которыми можетъ укрываться подлость и злонамѣренность (и чѣмъ подлѣе, тѣмъ укрывается искуснѣе)... Насъ, публику, возмутила, напр., статейка, въ которой Ивановъ обвинялся какъ тунеядецъ, даромъ бравшій пенсію за то, чего не умѣлъ сдѣлать; но теперешніе „протестанты" молчали. Насъ возмутила, напр., выходка, въ 239 № „Спб. Вѣдомостей" противъ „Русской Бесѣды", какого-то г. Н. Н., который сдѣлалъ такую замѣтку: „помѣщая статью „Модный чиновникъ", напрасно редакція „Бесѣды" боится, что враждебные ей журналы и газеты „обвинятъ „Бесѣду" въ томъ, что она вступается за взяточничество и за старыхъ подъячихъ"... Съ какой это стати вздумалось „Бесѣдѣ" дѣлать такую неумѣстную и ничѣмъ не вызванную оговорку? развѣ по пословицѣ, что на ворѣ и шапка горитъ!" („Спб. В." 1858 г., № 239, стр. 1401). „Протестантовъ"

это не возмутило. Выходки разныхъ листковъ, называвшихъ надувалами и мошенниками издателей „Весельчака", выходки самого „Весельчака", купно съ „Сыномъ Отечества", никого не возмущали. Отчего же это? неужели такъ будетъ и впредь? Вы скажете, что то ужъ не литература, что на то не стоитъ обращать вниманія. Да позвольте, однакожъ, вѣдь то и другое—равно *печатное слово*. Да и чѣмъ же какой-нибудь „Знакомый человѣкъ" лучше какого-нибудь г. Нестерова, Львова, Ижицына, и т. п.?.. Можете сказать намъ словами московскаго протеста, что тамъ были „просто бездоказательныя обвиненія, просто недостойные намеки, которые могутъ вырваться въ жару спора у человѣка, увлеченнаго фанатизмомъ мнѣнія или не вполнѣ развитого въ нравственномъ отношеніи". Да вѣдь это значитъ, что вы ужъ гоняетесь за словами. Значитъ, по вашему, не слѣдовало бы протестовать, и все дѣло измѣнилось бы, если бы „Иллюстрація" выразилась, напр., такимъ образомъ: „наша статья вызвала, конечно, оппозицію со стороны агентовъ г. N., не жалѣющаго золота для своего прославленія... Въ литературѣ такую оппозицію представили два (безъ всякаго сомнѣнія, въ высшей степени безкорыстные!) еврейскіе литератора—гг. Чацкинъ и Горвицъ". Смыслъ остался бы тотъ же, но клеветы бы не было, а оставался бы только *недостойный намекъ*. То же бы слово, значитъ, да не такъ бы молвилъ. Весь этотъ шумъ, видите, поднялся изъ-за того, что человѣкъ не сумѣлъ выразиться какъ слѣдуетъ, потому что такими „способностями Богъ его не наградилъ". *Usus practicus* протеста, стало быть, заключается въ слѣдующемъ: „умѣй воровать, да умѣй и концы хоронить".

Да что ужъ... если на то пошло, то я представлю сейчасъ такую вещь, которой и концы-то были въ рукахъ „протестантовъ" — и они все-таки промолчали.

Еще раньше, чѣмъ обвинять гг. Чацкина и Горвица, „Знакомый человѣкъ" обвинилъ въ подкупѣ какого-то французскаго фельетониста. Въ № 35 „Иллюстраціи" онъ написалъ, что N. „такъ повелъ дѣло между парижскими журналистами, что въ одной газеткѣ превознесли государственныя заслуги его („Илл." № 35, стр. 157). Можетъ быть, и тутъ былъ *только* недостойный намекъ; но г. Чацкинъ—самъ Чацкинъ!—потрудился растолковать его и, ни мало не возмущаясь безцеремоннымъ обращеніемъ „Знакомаго человѣка" съ печатнымъ словомъ, напечаталъ въ отвѣтъ ему въ „Русскомъ Вѣстникѣ" слѣдующее: „Положимъ, что г. N. дѣйствительно разбогатѣлъ нечестными путями и потомъ *сталъ покупать себѣ незаслуженныя похвалы во французскихъ газетахъ*,— что же изъ этого можно вывести", и пр... („Р. В." № 18, стр. 134). Послѣ этого, въ 74 № „Иллюстраціи", г. редакторъ ея подтвердилъ, что дѣй-

ствительно французскій фельетонистъ „былъ, вѣроятно, подкупленъ г. N. для прославленія его имени во французской газетѣ" („Илл." № 47, стр. 351). Вотъ тутъ бы умѣстнѣе было воскликнуть: „мы не знаемъ французскаго фельетониста, но на литературѣ всегда лежитъ обязанность", и пр. А протестанты (тутъ ужъ васъ лично я не имѣю въ виду) даже въ протестѣ своемъ перепечатали („Р. В." № 21, стр. 132) изъ статьи г. Чацкина тѣ слова, въ которыхъ онъ повторяетъ недоказанное обвиненіе. И не подумайте, чтобы эти слова перепечатаны были съ цѣлью выставить новый позоръ „Знакомаго человѣка"; вовсе нѣтъ,—и г. Чацкинъ и всѣ протестанты смотрятъ на это послѣднее обвиненіе совершенно спокойно, даже какъ будто не замѣчаютъ его... Что же это значитъ? Они взялись очищать русское печатное слово, отметая все недостойное, и съ перваго же раза показываютъ такую слабость!..

Они думаютъ, кажется, что и одного разу довольно. Казнимъ, дескать, „Иллюстрацію" въ примѣръ современникамъ и потомкамъ, другіе-то и побоятся. „Да послужитъ этотъ протестъ—манифестальнымъ тономъ говорятъ они — примѣромъ и предостереженіемъ для будущаго и да оградитъ онъ навсегда нашу литературу отъ подобныхъ явленій". О, Боже мой! Зачѣмъ я долженъ разрушать пріятное заблужденіе людей, говорящихъ манифестальнымъ тономъ? Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю васъ, гг. протестанты, что протестъ вашъ не послужилъ... и не предостерегъ... и не оградилъ... Въ 47 № „Иллюстраціи", 27 ноября, черезъ день послѣ появленія вашего перваго протеста, г. Вл. Зотовъ объявилъ, что позорная фраза, на которую вы указываете, „относится не прямо къ г. Чацкину, *а къ Горвицу и другимъ*". Пишите новый протестъ, господа, и постарайтесь, чтобъ онъ былъ сильнѣе прежняго... Правда, за г. Горвица вы ужъ протестовали, вступаясь за г. Чацкина; но теперь за *другихъ*-то надо возстать. Повторите всенародно, что хотя вы *другихъ* и не знаете (ужъ, конечно, не знаете), но что неуваженіе печатнаго слова признаете неблагороднымъ.—Непремѣнно, господа, протестуйте. Вѣдь никакой честный человѣкъ не можетъ „оставаться равнодушнымъ при такомъ позорномъ поступкѣ"; изливайте же скорѣе ваше негодованіе... Иначе г. Вл. Зотовъ съ „Знакомымъ человѣкомъ" будутъ торжествовать и смѣяться надъ вами!

Но что я говорю „*будутъ*"! Они уже торжествуютъ, они уже смѣются. Между тѣмъ какъ вы истощаете всѣ силы души своей на увѣреніе насъ, невѣждъ и дикарей, въ томъ, что клеветать гнусно; между тѣмъ какъ вы находите себѣ полтораста единомышленниковъ, съ важностью повторившихъ ваше замѣчательное мнѣніе,—г. Вл. Зотовъ не дремлетъ: онъ торжественно объявляетъ, что вы в с ѣ п о д к у п л е н ы! Въ корреспонденціи 50-го № „Иллюстраціи", 18 декабря, онъ напечаталъ:

„Г. Ф—у. Мы весьма благодарны вамъ за *извѣстіе о проискахъ* въ Москвѣ и *никогда не сомнѣвались въ томъ, что* дѣло это не совсѣмъ *безкорыстно* со стороны лицъ, толкующихъ единственно о *невещественной сторонѣ* вопроса. Всякій понимаетъ, что излишняя настойчивость дѣлается ребячествомъ или *имѣетъ свои выгоды* въ томъ, чтобы тянуть дѣло, уже разъясненное“.

Какъ вамъ нравится, господа протестанты, этотъ *поступокъ* г. Вл. Зотова? Неужели вы не повторите другъ за друга, съ вящшею силою, что „хотя вы другъ друга и не знаете и не имѣете между собою никакихъ отношеній, но что честь печатнаго слова“, и пр., какъ извѣстно. Нѣтъ, господа, это будетъ ужъ непростительная слабость съ вашей стороны. Подумайте, что изъ 150 именъ, составляющихъ вашу фалангу, по крайней мѣрѣ 77 есть такихъ, о которыхъ мы, публика, ровно ничего не знаемъ, и которыя, слѣдовательно, нуждаются въ вашей защитѣ не менѣе гг. Чацкина и Горвица... А вѣдь г. Зотовъ всѣхъ повально обвиняетъ. Не боясь ни кулачнаго права, ни судебнаго процесса, ни публичнаго позора, онъ стоитъ на своемъ, и знать ничего не хочетъ. Даже таинственные незнакомцы, появившіеся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, не пугаютъ его. Не говоря уже о гг. *Вольскомъ*, *Михалкинѣ*, *Чарыковѣ*, *Савурскомъ*, *Подчаскомъ*, *Млодзѣевскомъ*; *Дзюбинѣ*, и т. п., самъ князь *Шаликовъ*, самъ *Ѳ. Тимирязевъ*, самъ *Я. Ростовцевъ*, даже самъ *Я. Борзенковъ*, даже больше — самъ г. *Мантейфель* не устрашаютъ его [1]). Да что ужъ говорить о единицахъ! Даже двукратно и троекратно повторенные незнакомцы не производятъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ совершенно равнодушно смотритъ на то, что противъ него подписываются *Д. Хомяковъ*, *И. Хомяковъ*, *С. Хомяковъ* (отчего же тутъ нѣтъ А. Хомякова?), и даже сами гг. *Милеанты* (*В. Милеантъ* и *Е. Милеантъ*) едва-ли произвели на него особенное впечатлѣніе. Видно, что у него кременный характеръ! Другого бы, кажется, слеза прошибла... Да, признаюсь, мнѣ самому было сначала трогательно,—во-первыхъ, потому, что я видѣлъ все-таки великое *общее дѣло*, которымъ наши потомки поминать насъ будутъ; во-вторыхъ, мнѣ пріятно было замѣтить, что у насъ уже нѣкоторыя понятія нравственныя выработались и установились до того, что въ принятіи ихъ сходятся люди всѣхъ партій и направленій,—г. *Кавелинъ* съ гг. *Никитою Крыловымъ*, *С. Шевыревымъ* и *В. Лешковымъ*; г. *Чернышевскій* съ *Ѳ. Булгаринымъ* и г. *Н. Львовымъ*, и пр., и пр. Кромѣ того, мнѣ и вообще было

---

[1]) Всѣ означенныя фамиліи не вымышлены, но дѣйствительно находятся въ спискѣ лицъ, протестующихъ противъ «Иллюстраціи» въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

пріятно узнать, что, напр., гг. Милеанты, — *В. Милеантъ* и *Е. Милеантъ*, — не одобряютъ клеветы, равно какъ и гг. *А. Арсеньевъ* и *И. Арсеньевъ*, *А. Наумовъ* и *Д. Наумовъ*. Мнѣ казалось, что со стороны, напр., г. *Ѳ. Тимирязева*, *М. Ранга*, *Э. Циммермана*, и т. д., было очень благородно и отважно — выступить передъ публикою съ заявленіемъ своего негодованія противъ поступка „Иллюстраціи". Но г. В. Зотову, повидимому, вовсе нѣтъ нужды до того, что о немъ думаютъ гг. Милеанты и самъ А. Мантейфель. Надо на него напустить кого-нибудь пострашнѣе да побольше. А странное дѣло, въ самомъ дѣлѣ, — списокъ-то съ виду страшенъ и великъ; а какъ всмотришься, такъ въ немъ ужасно многихъ изъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ не досчитаешься: все больше господами Милеантами наполненъ. Неужто же остальные-то одобряютъ г. Зотова и поступокъ „Иллюстраціи"? Отчего же они не заявили своего согласія? Или вопросъ надо иначе оборотить и спросить: по какимъ же, наконецъ, побужденіямъ *именно эти 150 человѣкъ* поспѣшили обнародовать свое благородное мнѣніе о поступкѣ „Иллюстраціи"? Сама „Иллюстрація" говоритъ, что всѣ подкуплены, и у насъ (вѣрно, изъ того же источника) ходили слухи, что кто-то даже полтинникъ взялъ за подпись своей фамиліи, а потомъ раскаялся и полтинникъ возвратилъ, но фамиліи своей уже не получилъ обратно... Но это былъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь исключительный случай. Ради Бога, на меня-то еще не напишите протеста: я повторяю только то, что слышалъ, и готовъ хоть сію же минуту отказаться отъ своихъ словъ; я не то, что г. Зотовъ, и мнѣніе гг. Милеантовъ, Дзюбина и Тимирязева для меня очень дорого. Меня уже, пожалуйста, оставьте въ покоѣ. Вотъ на г. Зотова-то напуститесь, собравшись съ новой силой!.. Кличъ кликните, да откройте особый отдѣлъ во всѣхъ журналахъ для помѣщенія именъ, протестующихъ противъ „Иллюстраціи". Наберутся, — авось!.. А то вѣдь не хорошо, если вы ослабѣете, замолчите и оставите поле битвы г. Зотову и „Знакомому человѣку": какъ разъ какой-нибудь насмѣшникъ (мало-ли ихъ на свѣтѣ) вдругъ приложитъ къ вашимъ дѣяніямъ, совершеннымъ доселѣ, слова Репетилова, помните, когда онъ говоритъ Чацкому, между прочимъ, —

«Литературное есть дѣло...
Оно. вотъ видишь, не созрѣло...
Нельзя же вдругъ»...

Передъ этими стихами есть еще нѣсколько такихъ, что я не видывалъ человѣка, который бы не покраснѣлъ, когда ихъ къ нему примѣнятъ... А ихъ къ вамъ примѣнятъ навѣрное, если вы теперь отступитесь отъ своего дѣла: теперь ужъ надо доканчивать. Ваше дѣло еще не додѣлано до сихъ поръ.

Но все-таки вы, разумѣется, поступили благородно: не имѣя силы казнить умныхъ и грамотныхъ негодяевъ, искусныхъ на прикрытіе своихъ злостныхъ и безсовѣстныхъ клеветъ, вы облегчили свое сердце, напавъ, по крайней мѣрѣ, на то, что вамъ по плечу,—на малограмотнаго, плохо владѣющаго слогомъ писаку, который, желая уколоть противника, сказалъ больше, чѣмъ самъ, можетъ быть, хотѣлъ... И то хорошо и благородно!.. Притомъ же, вы защитили г. Чацкина. Онъ долженъ быть вамъ благодаренъ. Только—знаете-ли что?—я вспоминаю, по поводу всего дѣла объ „Иллюстраціи", одну сцену изъ разсказа Тургенева „Чертапхановъ и Недопюскинъ". Помните, когда надъ Недопюскинымъ начинаетъ глумиться какой-то нахалъ, и среди общества, потѣшающагося смущеніемъ забитаго Недопюскина, раздается рѣзкій голосъ Чертапханова: „перестаньте, стыдно", и потомъ Чертапхановъ заставляетъ нахала извиниться предъ собою и предъ Недопюскинымъ... Нѣтъ сомнѣнія, что Чертапхановъ поступилъ храбро и благородно... Недопюскинъ долженъ былъ быть очень счастливъ, что нашелъ такого прекраснаго заступника... Но,— не знаю, какъ вы, гг. протестующіе литераторы,—а я не завидую находкѣ Недопюскина, я бы не желалъ быть на его мѣстѣ. Даже скажу больше— мнѣ было бы неловко поставить кого-нибудь въ положеніе Недопюскина.— Недопюскинъ всю свою жизнь былъ жертвою и шутомъ, его самолюбіе нимало не оскорбилось заступничествомъ Чертапханова. Но, встрѣчаясь въ обществѣ и литературѣ съ людьми, которыхъ я считаю равными себѣ, я едва-ли рѣшусь принять на себя роль Чертапханова,—частію изъ деликатности предъ этими людьми, частію изъ уваженія къ самому обществу и литературѣ...

Впрочемъ, и то сказать,—я-то о чемъ растолковался? Самому доведись на вашемъ мѣстѣ быть, такъ вѣдь тоже бы подписалъ... Да и какъ же уклониться отъ такого дѣла, въ которомъ, по объявленію протестующихъ, всякій честный человѣкъ *долженъ* участвовать? Вѣдь это, значитъ, расходиться съ честными людьми... такъ зачѣмъ же съ честными людьми расходиться? Отчего имъ не сдѣлать угодное? Ничего, можно... Если бы меня хорошій человѣкъ сталъ допрашивать о вещахъ, всѣмъ извѣстныхъ, и увѣрять, что я *долженъ* отвѣтить, такъ отчего же и не отвѣтить? — Волжскій-ли разбойникъ былъ Стенька Разинъ?—Волжскій!—Золото дороже-ли серебра?—Дороже!—Должно-ли поощрять разбой на дорогахъ?—Не должно.—Гнусно-ли поступила „Иллюстрація", оклеветавъ гг. Чацкина и Горвица?—Гнусно.—Слѣдуетъ-ли желать, чтобы такихъ явленій въ русской литературѣ не было?—Слѣдуетъ.—Протестуете-ли съ нами противъ поступка „Иллюстраціи"?—Протестую, самымъ положительнымъ образомъ протестую, — воскликнулъ бы я вдохновенно и подмахнулъ бы свою фамилію.

Ставши на такую точку зрѣнія, я дохожу до того, что даже вообще одобряю протестъ.

Но я все-таки чувствую, что мое легкомысленное обращеніе съ вопросомъ такой важности должно вызвать на меня бурю, отъ которой уже ничто не спасетъ. А вѣдь все отчего? Оттого, что я лишенъ способности представить себѣ стаканъ воды въ видѣ моря... Ахъ, Боже мой! Что только со мною будетъ? Что заговорятъ обо мнѣ гг. Милеанты? Г. Пикулинъ что скажетъ?

«Ахъ, Боже мой! Что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?..»

Нижній-Новгородъ.
30 дек. 1858 г.

Примите, милостивые государи, и пр.

Д. Свиристелевъ.

V.

ПРОЕКТЪ ПРОТЕСТА ПРОТИВЪ „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Помѣщая дерзкое и ни мало не остроумное письмо г. Свиристелева, мы представляемъ на судъ публики только его личное мнѣніе, но считаемъ нужнымъ замѣтить, что оно не дѣлаетъ чести уму и сердцу автора.

Въ доказательство же твердости и постоянства нашихъ убѣжденій, относительно протестовъ, мы предлагаемъ всѣмъ, протестовавшимъ противъ „Иллюстраціи“, протестовать на сей разъ противъ поступка „Московскихъ Вѣдомостей“ съ г. Шевыревымъ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ 284 № „Спб. Вѣд.“, 31-го декабря 1858 г., помѣщены были очень плохія вирши г. Шевырева „Учредителямъ библіотеки въ городѣ Бѣлевѣ“. Но дѣло не въ виршахъ, а въ томъ, что подъ ними была приписка г. Шевырева слѣдующаго содержанія:

«Декабря 27-го, 1858 года, назначено было открытіе публичной городской библіотеки въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи, учреждаемой въ память В. А. Жуковскаго, какъ уроженца села Мишенскаго, которое лежитъ близъ Бѣлева, и проведшаго первые годы своей юности въ этомъ городѣ. *Желая подать изъ Москвы отголосокъ такому прекрасному дѣлу гражданъ г. Бѣлева, я написалъ это стихотвореніе и посвятилъ его гг. учредителямъ библіотеки.* Оно было отправлено 25-го декабря къ г. Коршу, редактору «Московскихъ Вѣдомостей», съ просьбою *напечатать* его въ субботнемъ номерѣ, который долженъ былъ выйти 27-го декабря, *въ самый день открытія библіотеки.* Г. Коршъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ, принявъ за правило *не печатать никакихъ стиховъ* въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», къ сожалѣнію, *никакъ не можетъ исполнить моего желанія.* Такимъ образомъ, *мысль моя подать отголосокъ* изъ Москвы Бѣлеву *въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ въ самый день его совершенія* и возбудить сочувствіе къ нему въ жителяхъ Москвы *не могла быть исполнена*».

Въ интересѣ истины и добра, литература должна пользоваться возможно-большею свободою при изъявленіи мыслей и чувствованій. „Чѣмъ полнѣе и безпрепятственнѣе гласность (повторимъ драгоцѣнныя слова протеста), тѣмъ лучше и для литературы и для жизни". Хорошо-ли же поступили „Московскія Вѣдомости", не давши г. Шевыреву обнародовать его чувствованія *въ самый день* открытія библіотеки? Напечатанныя чрезъ три дня, вирши г. Шевырева не могли уже принести ему такого удовольствія, какое могли бы доставить, если бы появились *въ самый день*... И подъ какимъ пустымъ предлогомъ г. Коршъ отказалъ г. Шевыреву! „Моск. Вѣд." не печатаютъ стиховъ! Во-первыхъ, это не вѣрно: въ нихъ помѣщались стихотворенія гг. Бенедиктова, Вяземскаго, М. Дмитріева и даже въ недавнее время были напечатаны стихи Хераскова. Конечно, Херасковъ не чета г. Шевыреву; но тутъ главное не въ качествѣ стиховъ, а въ намѣреніи писавшаго. Вѣдь убогихъ принимаютъ же въ богадѣльню; отчего же бы и вирши г. Шевырева не принять въ газету? Да, наконецъ, если бы ужъ и въ самомъ дѣлѣ ни одного стиха въ „Моск. Вѣдомостяхъ" не появлялось, такъ все же для г. Шевырева можно бы сдѣлать исключеніе, потому что стихи его хуже всякой прозы.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній очевидно, что поступокъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей" противъ г. Шевырева подлежитъ протесту. Мы не знаемъ г. Шевырева и не имѣемъ съ нимъ никакихъ отношеній; но въ лицѣ его оскорблены права всѣхъ стихокропателей и, слѣдовательно, всѣхъ юношей. Никто изъ нихъ не можетъ оставаться равнодушнымъ при такомъ событіи и обязанъ почувствовать сильное негодованіе и протестовать противъ поступка „Московскихъ Вѣдомостей".

Всѣ протестующіе могутъ присылать свои имена и фамиліи къ дворнику того дома, въ которомъ живетъ таинственный любитель, издавшій драматическую пародію г. Аксакова „Олегъ подъ Константинополемъ" (см. Библіографію этой же книжки „Современника").

№ 2.

КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

При самомъ первомъ, еще не твердомъ шагѣ своемъ на поприщѣ общественной дѣятельности, встрѣченный всеобщимъ негодованіемъ серьезныхъ дѣятелей науки и литературы, „Свистокъ“ внезапно умолкъ, подобно робкому чижу, изображенному славнымъ баснописцемъ, Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ, въ баснѣ его сочиненія: „Чижъ и Ежъ“. Отличаясь скромностію, неразлучною съ истиннымъ достоинствомъ, „Свистокъ“ безропотно покорился приговору строгихъ судей, признавшихъ его недостойнымъ *настоящаго времени, когда* возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ. И скромность его не осталась безъ возмездія: онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ отсутствіе его при второй книжкѣ „Современника“ поразило грустію чувствительныя сердца читателей: онъ имѣлъ рѣдкое на землѣ наслажденіе — убѣдиться, что непоявленіе его и при третьемъ нумерѣ журнала повергло публику въ мрачное отчаяніе. Но проникнутый гуманностію современной эпохи, „Свистокъ“ скоро созналъ, что радость о людскихъ огорченіяхъ противна всѣмъ нравственнымъ законамъ и, вслѣдствіе того, рѣшился доставить себѣ наслажденіе болѣе чистое и возвышенное, и притомъ болѣе сообразно съ естественными наклонностями его натуры: онъ рѣшился вновь явиться предъ публикою, чтобы видѣть ея непритворную радость при его появленіи. Вся природа благопріятствуетъ его намѣренію и, кажется, съ нѣжною улыбкою благословляетъ его на дѣятельность. „*Шествуетъ весна*“, по выраженію поэта; „*берега расторгаютъ ледъ*“, по выраженію другого поэта; хотя „*еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ*“, по замѣчанію третьяго поэта. Все твореніе оживаетъ и наполняется звуками; скоро прилетятъ птички, будутъ благоухать цвѣты, просвѣщеніе быстрымъ потокомъ разольется по необъятной Россіи... Кто можетъ молчать при видѣ такихъ отрадныхъ событій! „Свистокъ“-ли? — Нѣтъ!..

I.

МОТИВЫ РУССКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗІИ.

(Отдавая дань природѣ, мы даемъ первое мѣсто благородной и исполненной смѣлыхъ идей поэмѣ г. Лиліеншвагера: „Четыре времени года". Этотъ поэтъ-мыслитель замѣчателенъ особенно тѣмъ, что природа, со всѣми своими красами, для него, собственно говоря, не существуетъ сама по себѣ, а лишь служитъ поводомъ къ искусственнымъ приноровленіямъ и соображеніямъ, почерпнутымъ изъ высшей жизни духа. Въ новѣйшее время лучшими нашими критиками признано, что природа лишь настолько интересуетъ насъ, насколько она служитъ отраженіемъ разумной, духовной жизни. Съ этой точки зрѣнія долженъ быть признанъ огромный талантъ въ г. Лиліеншвагерѣ, который, какъ самъ признается, „всѣмъ явленіямъ природы придаетъ смыслъ живой", никогда не пускаясь въ простое, безплодное поэтизированье неразумныхъ явленій міра. Поэзія его должна составить новую эпоху въ нашей литературѣ. Нельзя безъ особеннаго чувства читать стихотворенія, въ которыхъ поэтъ, при видѣ весны, размышляетъ объ англійскомъ суконпроизводствѣ, или, отморозивши себѣ носъ, съ отрадою предается историческимъ воспоминаніямъ о двѣнадцатомъ годѣ. До сихъ поръ только г. Розенгеймъ приближался нѣсколько къ такой высотѣ, да еще развѣ гг. Майковъ и Бенедиктовъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ давали слабые намеки на подобную гражданскую поэзію. Прочитавши поэму г. Лиліеншвагера, читатели согласятся съ нами, что къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь, можно приложить слова г. Дружинина (въ „Библіот. для Чтенія" 1859 г. № 1), о г. Майковѣ: „онъ сумѣлъ проложить себѣ дорогу и въ мірѣ высокихъ помысловъ доискаться того лиризма, которымъ натура его не была богата".)

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

1.

ВЕСНА.

Боже! Солнце засіяло,
Воды быстро потекли,
Время теплое настало
И цвѣточки расцвѣли!

Жизнью, свѣтомъ всюду вѣетъ,
Мысль о смерти далека,
И въ душѣ идея зрѣетъ,
Поэтично высока!

Такъ законовъ изученье
Свѣтъ и жаръ намъ въ сердце льетъ.
И свободное теченье
Нашей мысли придаетъ.

Такъ въ разумномъ вертоградѣ
Правыхъ англійскихъ судовъ
Расцвѣтаетъ, пользы ради,
Много нравственныхъ цвѣтовъ!..

Всѣмъ явленіямъ природы
Придавая смыслъ живой,
Къ солнцу правды и свободы
Возношусь я такъ весной!

2.

ЛѢТО.

Иду по нивѣ я, смотрю на спѣлый колосъ,
Смотрю на дальній лѣсъ и слышу звонкій голосъ
Веселыхъ поселянъ, занявшихся жнитвомъ
И живописно такъ склоненныхъ надъ серпомъ...

Иду и думаю: такъ нравственности зерна,
Такъ мысли сѣмена пусть выростутъ проворно
На нивѣ нравственной Россіи молодой,
И просвѣщенія дадутъ намъ плодъ благой.

Пускай увидимъ мы, пока еще мы вживѣ,
На невещественной, духовной нашей нивѣ,
Духовный хлѣбъ любви, и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнемъ всѣ: ура!..

3.

ОСЕНЬ.

Вѣтеръ одежду зеленую
  Съ дерева рветъ,
Все въ эту пору студеную
  Вянетъ и мретъ.

Но и съ главой обнаженною
  Дубъ вѣковой,
Полонъ своей непреклонною,
  Мощной красой.

Крѣпкій корней своихъ твердостью,
  Онъ безъ листовъ
Ждетъ съ благородною гордостью
  Бурь и вѣтровъ.

Такъ надъ главой благородною
  Годы мелькнутъ,
И украшенье природное—
  Кудри—сорвутъ.

Но и съ главою плѣшивою,
  Силенъ душой,
Будетъ *онъ* гордъ предъ лѣнивою,
  Глупой толпой...

Онъ не надѣнетъ, съ плачевною
  Миной, парикъ;
Но красотою душевною
  Будетъ великъ.

4.

ЗИМА.

Зима холодная! Тебя въ укоръ намъ ставятъ
Тѣ, кои чуждое все неразумно славятъ.
Но мнѣ пріятнѣе родимая зима,
Чѣмъ пресловутая Италія сама.

Невольнымъ образомъ нашъ холодъ жесточайшій
Напоминаетъ мнѣ о родинѣ дрожайшей.
Идя по улицѣ и отморозивъ носъ,
Съ отрадою всегда припомнишь тотъ морозъ,
Что намъ въ двѣнадцатомъ году помогъ французовъ
Прогнать и перебить, какъ самыхъ жалкихъ трусовъ.
Тогда вся кровь во мнѣ кипитъ на холоду;
Я самъ тогда живу въ двѣнадцатомъ году,
Не чуя холода, ни вѣтра завываній,
Полнъ историческихъ, родныхъ воспоминаній.
Дрожь въ тѣлѣ чувствуя, пылаю я душой
И родину люблю сильнѣе я зимой.
Я гордо сознаю тогда душою мощной,
Что Русь дѣйствительно есть исполинъ полмощный!..

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

II.

МЫСЛИ О ДОРОГОВИЗНѢ ВООБЩЕ И О ДОРОГОВИЗНѢ МЯСА ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Извѣстно, что были времена, когда ученые, какъ и поэты, рѣшительно не имѣли понятія о томъ, что значатъ слова *дорого* и *дешево*: они ничего не покупали, потому что никогда не имѣли ни копѣйки денегъ. Но эти блаженныя времена прошли. Теперь ученые, заботясь о примѣненіи науки къ жизни, весьма интересуются дороговизной и безпрестанно печатаютъ о ней статейки. Но статейки ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, отличаются чрезвычайною мрачностью и даже какимъ-то ожесточеніемъ (вѣроятно, вслѣдствіе того, что у нихъ деньжонокъ-то все-таки не много). По ихъ словамъ, дороговизна есть что-то — не только дурное въ настоящемъ, но даже опасное для будущаго; они находятъ въ ней какія-то мрачныя предвѣстія, толкуютъ о бѣдствіяхъ человѣчества, о возвышеніи заработной платы, объ увеличеніи жалованья бѣднымъ чиновникамъ для предотвращенія страшныхъ золъ отъ дороговизны... Иные доходятъ до того, что предполагаютъ возможными подкупность чиновниковъ и взяточничество, какъ слѣдствія дороговизны. Безразсудные! Они не понимаютъ, что честный человѣкъ всегда останется честнымъ, и скорѣе умретъ и уморитъ свою семью съ голоду, нежели возьметъ взятку! Они полагаютъ, что нужно честнымъ людямъ давать средства къ безбѣдной жизни, для того, чтобы они не воровали на службѣ! Какое жалкое недовѣріе къ нравственному

величію человѣческой природы! какое непониманіе свойствъ истинной добродѣтели! Близорукіе ученые забываютъ, что добродѣтель именно и познается въ трудныхъ испытаніяхъ, что безъ борьбы нѣтъ подвига! Не диво, ежели чиновникъ не будетъ брать взятокъ, имѣя достаточное жалованье: тутъ и заслуги никакой не будетъ... А вотъ — поживи-ка съ маленькимъ жалованьемъ, перенеси дороговизну и останься безкорыстнымъ: вотъ тогда будетъ за что похвалить тебя!.. Съ этой (весьма возвышенной, кажется) точки зрѣнія нужно желать, чтобы дороговизна продолжалась какъ можно долѣе и постоянно возвышалась. Вслѣдствіе ея, нѣкоторые изъ честныхъ чиновниковъ оставили бы, конечно, земное поприще своихъ подвиговъ за недостаткомъ питанія; но за то на остальныхъ, которые пережили бы всѣ испытанія, можно было бы ужъ смѣло положиться и опредѣлять ихъ на должности съ жалованьемъ двухъ сотъ рублей въ годъ и съ обязательствомъ содержать на эти же деньги канцелярію изъ трехъ писарей...

Но, къ утѣшенію человѣчества, не всѣ ученые представляютъ дороговизну въ мрачномъ видѣ. Люди, посвятившіе себя разрѣшенію промышленныхъ вопросовъ, разсуждаютъ о ней очень разумно. Такъ, въ „Вѣстникѣ Промышленности" мы съ радостью нашли замѣтку, въ которой дороговизна мяса причисляется къ отраднымъ явленіямъ нашего экономическаго быта... такъ-таки этими самыми словами и причисляется. *„Одна изъ главныхъ причинъ возвышенія цѣнъ на мясо не только въ столицахъ, но и во всей Россіи* (говоритъ „Вѣстникъ"), *есть всеобщій миръ и прекращеніе рекрутскихъ наборовъ, почему подобную дороговизну относимъ мы къ отраднымъ явленіямъ нашего экономическаго быта"* („Вѣстн. Пром." I, 1859, № 1, стр. 8—9). Ясно? Радуйтесь же: причина зла найдена, а извѣстно, что узнаніе корня зла уже заключаетъ въ себѣ возможность его уничтоженія, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Итакъ, по „Вѣстнику Промышленности" одна изъ главныхъ причинъ, а слѣдовательно и одно изъ главныхъ средствъ къ устраненію дороговизны—открыто. Хотите, чтобы мясо стало дешевле? Начните войну и произведите рекрутскій наборъ, вотъ и все! Да и зачѣмъ же ограничивать открытіе „Вѣстника" однимъ мясомъ? Онъ утверждаетъ, что война и наборъ заставляли крестьянина дѣлать экстренные расходы, и потому онъ продавалъ свою корову: оттого ихъ и много было въ продажѣ. Да отчего же непремѣнно корову? Для экстренныхъ расходовъ крестьянинъ могъ продавать и лошадь, и телѣгу, и кафтанъ, и хлѣбъ, и свои собственныя руки (если могъ располагать ими); слѣдовательно, рекрутскій наборъ можетъ произвести всеобщую дешевизну: не мясо только, а и хлѣбъ, и работа, и мануфактурныя произведенія, словомъ—все будетъ дешевле... только ре-

крутскій наборъ произведите. Но вы не хотите набора? Въ такомъ случаѣ радуйтесь дороговизнѣ, признавая ее *отраднымъ явленіемъ* нашего экономическаго быта... Во всякомъ случаѣ—или рекрутскій наборъ, или дороговизна: выходъ изъ этой дилеммы невозможенъ...

Впрочемъ, прекращеніе рекрутскихъ наборовъ составляетъ только *одну изъ главныхъ*, а не *единственную* причину дороговизны. Есть и другія причины, на которыя указываетъ г. И. Л. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 50). По мнѣнію его, провизія въ Петербургѣ возвышается въ цѣнѣ *оттого, что портится*. Вотъ собственныя выраженія г. И. Л.: „нельзя (въ Петербургѣ) долго и хорошо сохранить провизію, *которая скоро портится, а отъ этого возвышается въ цѣнѣ*". То-есть: какъ только провизія испортится, такъ, по этому самому, и возвысится въ цѣнѣ!.. Очень правдоподобное заключеніе.

Другая причина дороговизны, указанная г. И. Л., состоитъ въ томъ, что нынѣ наличная единица монеты слишкомъ велика. „*Всѣ* — говоритъ—*привыкли къ денежнымъ единицамъ — копѣйкѣ и рублю, но эти единицы возвысились теперь въ* $3^1/_2$ *раза*". Эта мысль особенно замѣчательна по своей простотѣ и вмѣстѣ по глубокому политико-экономическому смыслу. Въ самомъ дѣлѣ: фунтъ говядины стоилъ, напр., 14 копѣекъ мѣди; вдругъ введенъ счетъ на серебро; выходитъ, что фунтъ долженъ стоить всего 4 копѣйки. Но привычка—вторая природа; всѣ считаютъ копѣйки и рубли по прежнему и продолжаютъ продавать и покупать говядину по 14 копѣекъ, не замѣчая, что это на ассигнаціи составитъ уже 49 коп. Стало быть, стоитъ только ввести опять курсъ на ассигнаціи, и все мгновенно подешевѣетъ. Теперь уже привычка къ новому счету на серебро сдѣлана всѣми; слѣдовательно, и при новомъ курсѣ, цѣны на всѣ предметы останутся тѣ же: за фунтъ говядины будутъ по прежнему платить 14 копѣекъ, а между тѣмъ, въ сущности-то, онъ будетъ стоить уже только 4 копѣйки. Такимъ образомъ, покупатели сократятъ всѣ свои издержки въ $3^1/_2$ раза, а торговцы будутъ воображать, что получаютъ за свой товаръ тѣ же самыя деньги, что и прежде. Обѣ стороны, значитъ, будутъ довольны. А между тѣмъ какъ это просто!

Возразятъ, конечно, что „купцы наконецъ могутъ замѣтить разницу между прежнимъ курсомъ и новымъ, и станутъ все продавать дороже". Но этого сдѣлать они не могутъ, иначе лишатся всѣхъ покупателей. Напр., теперь четверть овса стоитъ четыре рубля; извозчики и этой цѣной тяготятся и говорятъ, что при этакой дороговизнѣ „не больно раскормишь лошадь". Вообразите же, что вдругъ, по новому курсу, потребуютъ съ извозчика 14 рублей! Само собою разумѣется, что онъ придетъ въ ужасъ и вовсе не купитъ овса: продавцу необходимо спустить цѣну, чтобы не

отогнать отъ себя всѣхъ покупателей. Слѣдовательно, хотя нельзя думать, что при новомъ курсѣ овесъ будетъ стоить всего только четыре рубля ассигнаціями, но съ вѣроятностью можно предполагать, что нормальная цѣна овса остановится рубляхъ на пяти или шести. На видимую прибавку рубля или двухъ покупатель, вѣроятно, согласится, сообразивъ, что черезъ это у него въ самомъ-то дѣлѣ сохраняется восемь или девять рублей въ карманѣ.

Очевидно, что мысль г. И. Л. практична и доказываетъ глубокое изученіе имъ законовъ политической экономіи. Въ одномъ только можно упрекнуть его: онъ не доканчиваетъ своего дѣла и останавливается на половинѣ дороги. Намъ кажется, что, ставши на точку зрѣнія г. И. Л., можно всѣ предметы удешевить почти до степени даровщины. Что мѣшаетъ, напр., назвать копѣйку рублемъ, а рублевыя бумажки переименовать въ сто-рублевыя? Въ сущности, положеніе финансовъ не перемѣнится: но за то въ жизни какая разница!.. Теперь, напр., фунтъ чаю стоитъ 3 руб.; вѣдь не можетъ же быть, чтобъ при новомъ курсѣ купецъ не посовѣстился запросить съ васъ *триста* руб. за фунтъ чаю! Да если и запроситъ, то вы можете съ негодованіемъ возразить ему, что такихъ цѣнъ не бываетъ, что онъ сошелъ съ ума, что чай всегда продавался по три рубля... Онъ, конечно, станетъ вамъ уступать, и довольно легко вамъ будетъ сойтись на десяти, много — одиннадцати рубляхъ... А въ самомъ-то дѣлѣ вѣдь это будетъ составлять только одиннадцать *копѣекъ*!.. Математически можно доказать, что подобная мѣра, въ весьма короткое время, возвыситъ народное благосостояніе во столько разъ, насколько единицъ увеличена будетъ номинальная цѣнность монеты.

Итакъ:

1) рекрутскіе наборы прекратились, и оттого мясо вздорожало;

2) провизія скоро портится и отъ этого возвышается въ цѣнѣ;

3) всѣ платятъ серебромъ то же самое, что прежде платили ассигнаціями, и оттого все обходится дороже.

Отсюда—для отвращенія дороговизны необходимо:

1) дѣлать сколько возможно чаще рекрутскіе наборы;

2) дѣлать большіе подвозы порченой провизіи: по законамъ политической экономіи, когда предложеніе порченой провизіи будетъ очень велико, тогда порча не будетъ слишкомъ возвышать ея цѣну;

3) переименовать четвертаки въ рубли, или еще лучше — копѣйки назвать рублями.

Тогда все подешевѣетъ. Это ясно...

III.

О ДОПОТОПНОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЛАЖЕЧНИКОВА.

(Изслѣдованія г. Апп. Григорьева).

Спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей о новомъ трудѣ, предпринятомъ извѣстнымъ критикомъ нашимъ, А. А. Григорьевымъ. Въ одной изъ критическихъ статей своихъ, въ прошломъ мѣсяцѣ, г. Григорьевъ возвѣстилъ, что онъ занимается изслѣдованіями *о допотопномъ значеніи Лажечникова*. Изъ нѣсколькихъ строкъ, мимоходомъ сказанныхъ критикомъ по этому случаю, трудно сдѣлать опредѣленное заключеніе о содержаніи и смыслѣ его изысканій; но самая новость и необычайность предмета должна уже возбудить любопытство публики. Особенно интересно то, что критикъ нашелъ въ г. Лажечниковѣ совершеннѣйшій допотопный типъ; по его словамъ, Лажечниковъ есть ни что иное, какъ *„полнѣйшее оправданіе мысли о допотопныхъ организаціяхъ въ мірѣ искусства“*. Къ сожалѣнію, г. Григорьевъ не сообщилъ еще подробностей своихъ изысканій о г. Лажечниковѣ, а только обѣщаетъ изложить ихъ въ одной изъ слѣдующихъ статей. *„Допотопное значеніе Лажечникова* — говоритъ онъ — *будетъ ясно, когда я буду говорить о народности и объ отношеніи къ ней критическаго сознанья“* („Русск. Слово“, 1859 г. № III, Крит., стр. 27, строка 20 и сл.). Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ разсужденій критика нашего „о народности и объ отношеніи къ ней критическаго сознанья“, долженствующихъ сдѣлать для насъ яснымъ допотопное значеніе г. Лажечникова... Результаты, добытые г. Григорьевымъ въ этомъ удивительномъ вопросѣ, не преминемъ сообщить читателямъ; а до тѣхъ поръ просимъ и ихъ самихъ вдуматься въ необычайность открытія о значеніи Лажечникова *до потопа!*

IV.

РОСПИСКА Г. БѢШЕНЦОВА ВЪ ПОЛУЧЕНІИ.

Въ „Современникѣ“ помѣщена была рецензія стихотвореній г. Бѣшенцова. Въ удостовѣреніе, что рецензію эту читалъ, — г. Бѣшенцовъ прислалъ намъ стихотвореніе „По поводу рецензіи“, при слѣдующихъ строкахъ: „Препровождая при семъ стихотвореніе, написанное мной, по случаю рецензіи, прошу покорнѣйше его напечатать“. Исполняя его желаніе, мы позволимъ себѣ только одинъ, можетъ быть нескромный, вопросъ: почему г. Бѣшенцовъ предполагаетъ, что журнальныя рецензіи на

его стихи были слѣдствіемъ *интригъ и сплетенъ*? Не знаемъ, какъ другіе, но что касается до насъ, то мы говорили *только о стихахъ* г. Бѣшенцова *и о томъ, что изъ стиховъ слѣдуетъ*. Рецензентъ „Современника“ никогда отъ роду не видалъ г. Бѣшенцова; отчего же *скромный* поэтъ полагаетъ, что въ рецензіи были *личности*, и почему именно *презрѣнныя* личности? Неужели замѣчанія рецензента о *стихахъ* г. Бѣшенцова оказались примѣнимыми къ дѣйствительной жизни скромнаго поэта? Въ такомъ случаѣ, остается намъ подивиться странной случайности и пожалѣть, что не выпало такой же удачи на долю самого г. Бѣшенцова, который, въ своемъ выстрѣлѣ по рецензенту, ужасно неловко промахнулся. Впрочемъ, судите сами: мы печатаемъ стихотвореніе г. Бѣшенцова, даже не отмѣчая курсивомъ дурныхъ стиховъ и грамматическихъ ошибокъ.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗІИ.

Какъ грустно, въ нашъ пытливый вѣкъ,
Вѣкъ прогресивнаго стремленья,
Когда такъ жаждетъ человѣкъ
Научныхъ знаній просвѣщенья,
— Встрѣчать въ числѣ журнальныхъ книгъ,
Съ фальшивой фирмой,—современныхъ,—
Проводниковъ однѣхъ интригъ
Да сплетенъ, личностей презрѣнныхъ.
Какого ждать отъ нихъ добра!
— Они въ лакейскихъ лишь пригодны.
Изъ-подъ продажнаго пера
Не выйдетъ мысли благородной.
Иный присяжный рецензентъ,
Изъ касты, завистью клейменной,
Бранитъ, иль хвалитъ, какъ агентъ
Торговли книжной и письменной.

А. Бѣшенцовъ.

V.

НАШЪ ДЕМОНЪ.

(*Будущее стихотвореніе*).

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,

И обличительное слово
Лилось изъ каждаго пера;
Когда Россія съ умиленьемъ
Внимала звукамъ Щедрина,
И разсуждала съ увлеченьемъ,
Полезна палка иль вредна;
Когда возгласы раздавались,
Чтобъ за людей считать жидовъ,
И мужики освобождались,
И вредъ былъ сознанъ откуповъ;
Когда Громека съ силой адской
Все о полиціи писалъ;
Когда въ газетахъ Вышнеградскій
Насъ безкорыстьемъ восхищалъ;
Когда мы гласностью карали
Злодѣевъ, скрывъ ихъ имена,
И гордо міру возвѣщали,
Что мы возстали ото сна;
Когда для Руси въ школѣ Сэя
Открылся счастья идеалъ.
И лишь издатель „Атенея“
Искусства свѣточъ возжигалъ;—
Въ тѣ дни, исполненъ скептицизма,
Злой духъ какой-то намъ предсталъ,
И новымъ именемъ *трюизма*
Святыню нашу запятналъ.
Не зналъ онъ ничего святого:
Громекой не былъ увлеченъ,
Не оцѣнилъ комедій Львова,
Не вѣрилъ Кокореву онъ.
Не вѣрилъ онъ экономистамъ,
Проценты *ростомъ* называлъ,
И мефистофелевскимъ свистомъ
Статьи Вернадскаго встрѣчалъ.
Не вѣрилъ онъ, что нуженъ геній,
Чтобы разумный дать отвѣтъ,
Среди серьезныхъ нашихъ преній
Нужна-ли грамотность иль нѣтъ...
Онъ хохоталъ, какъ мы рѣшали,
Чтобъ мужика не баринъ сѣкъ,

И какъ гуманно утверждали,
Что жидъ есть тоже человѣкъ.
Сонмъ благородныхъ „протестантовъ"
Онъ умиленно не почтилъ,
И даже братьевъ Милсантовъ
Своей насмѣшкой оскорбилъ.
Не оцѣнилъ онъ Розенгейма,
Ростопчину онъ осмѣялъ,
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости онъ клалъ.
Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
Громъ обличительныхъ статей,
И публицистовъ нашихъ страстность,
И даже самый „Атеней",—
Все жертвой грубаго глумленья
Содѣлалъ желчный этотъ бѣсъ,
Бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья,
Бѣсъ, отвергающій прогрессъ.

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

VI.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

«*Чей* шопотъ въ душу проникаетъ?
Кто говоритъ мнѣ: «веселись»!

Такъ спрашиваю я себя съ нѣкотораго времени чуть не каждый день,— и вотъ по какому случаю.

Съ каждой почтой получаю я изъ столицъ (преимущественно изъ Москвы) газеты и журналы, и въ каждомъ ихъ нумерѣ меня поражаетъ какой-то таинственный голосъ, разсказывающій какую-нибудь изъ мелкихъ житейскихъ непріятностей и съ видимымъ удовольствіемъ прибавляющій, что „пришла, наконецъ, благодатная, радостная, желанная, и т. д., пора, когда подобныя непріятности можно разсказывать во всеуслышаніе". Подъ разсказомъ обыкновенно подписанъ какой-нибудь *зетъ* или *иксъ*, а чаще— и ничего не подписано; мѣстность не обозначена; къ кому голосъ относится,—неизвѣстно. Я долго ломалъ себѣ голову, чтобы узнать, о чемъ хлопочутъ восторженные разсказчики, и, наконецъ, остановился на предположеніи, которое на первый разъ можетъ вамъ показаться страннымъ, но которое не лишено своей доли правдоподобія. Я полагаю, что всѣ безы-

менныя извѣстія въ вашихъ газетахъ сочиняетъ одинъ какой-нибудь шалунъ, желающій подурачить васъ, господъ редакторовъ. Вы всѣ вѣдь, разумѣется,—народъ кабинетный; вы насквозь пропитаны идеальными понятіями о жизни; вамъ все въ мірѣ представляется необыкновенно связнымъ, разумнымъ, чистымъ и проч. Въ своемъ умозрительствѣ вы, по невѣдѣнію дѣйствительной жизни, рѣшительно уподобляетесь тому профессору, который у Гейне „затыкаетъ своимъ колпакомъ всѣ прорѣхи мірозданія". Вы еще недавно стали соглашаться, что жизнь имѣетъ нѣкоторыя права, что литераторъ тоже есть, до нѣкоторой степени, *смертный*, что *толпа* достойна отчасти вашего вниманія, и пр. Мы, разумѣется, тотчасъ же примѣтили начало вашего обращенія и дружно рукоплескали благому начинанію. Но для вашей же пользы позвольте намъ иногда сообщать свои замѣчанія о нѣкоторыхъ *странностяхъ*, нерѣдко проявляющихся въ вашихъ сужденіяхъ о дѣйствительной жизни, съ которою вы начинаете знакомиться. На этотъ разъ я намѣренъ сообщить вамъ нѣсколько практическихъ замѣчаній о тѣхъ голосахъ, которые теперь такъ часто раздаются въ журналахъ и газетахъ.

Имѣя о русской жизни и русскомъ обществѣ понятіе, какъ видно, самое неопредѣленное, вы постоянно приходите въ изумленіе, поднимаете шумъ и начинаете горячиться изъ-за такихъ вещей, къ которымъ мы всѣ давно уже привыкли, и которыя вообще не принадлежатъ къ числу явленій чрезвычайныхъ. Вамъ, напр., скажутъ, что кто-то и гдѣ-то взятку взялъ; вы сейчасъ думаете: „ужасное, чудовищное, сверхъестественное событіе! надо о немъ объявить во всеобщее свѣдѣніе!" — и немедленно печатаете, что вотъ, дескать, какое событіе произошло: одинъ чиновникъ съ одного просителя взятку взялъ! — Услышите вы гдѣ-нибудь, что цыганъ лошадь укралъ: поднимается шумъ, пишутся грозныя обличенія на неизвѣстнаго цыгана, укравшаго лошадь. Пришлетъ вамъ кто-нибудь извѣстіе о томъ, что одинъ сапожникъ плохо сапоги шьетъ; вы сейчасъ же и тисните извѣстіе о сапожникѣ, съ видимымъ удовольствіемъ, что можете сообщить такую новость. Вы, конечно, предполагаете, что чиновникъ, взявшій взятку, цыганъ-конокрадъ и плохой сапожникъ — такія рѣдкія исключенія въ Россіи, что на нихъ будутъ всѣ сбѣгаться смотрѣть, какъ на г-жу Пастрану. Но смѣю васъ увѣрить, что вы ошибаетесь, просвѣщенные литераторы и журналисты! Я, конечно, не могу еще назваться человѣкомъ старымъ, не могу похвалиться и тѣмъ, чтобы я видалъ слишкомъ много; но все же я, должно быть, опытнѣе васъ, и потому вы мнѣ можете повѣрить. И я вамъ скажу, что у насъ, собственно говоря, что ни цыганъ,—то и конокрадъ; что ни сапожная вывѣска,—то и плохой сапожникъ; что ни присутственное мѣсто—то и чиновниковъ такая толпа, въ которой никого не

распознаешь по тому признаку, что одинъ беретъ взятки, а другой нѣтъ... Это вѣрно, спросите кого хотите, если мнѣ не вѣрите. Мы, читатели, даже удивляемся всѣ, какъ *вы* этого до сихъ поръ не знаете! Конечно, вы жизнь по книжкамъ изучали; да неужели же нѣтъ такихъ книжекъ, въ которыхъ бы это было разсказано, какъ слѣдуетъ? Знаете, что: намъ кажется иногда, что вы и книжки-то плохо читали; вы, какъ будто, читаете только *текущую литературу*, т.-е. свои журналы. Этимъ только и можно объяснить азартъ, съ которымъ вы кидаетесь на всякое извѣстіе о взяткѣ, грубости, несправедливости и всякой другой дряни. Тутъ у васъ въ журналахъ, дѣйствительно, было время, когда ни о чемъ подобномъ не писалось; „*не писалось*" не значитъ, что и *не дѣлалось* и не расходилось въ публикѣ. Вы ничего не писали, а взятки и кражи учинялись попрежнему, и мы о нихъ знали очень хорошо, такъ что для насъ онѣ вовсе не были новостью, когда вы внезапно закричали о нихъ въ своихъ журналахъ. А вотъ вы-то сами какъ будто и дѣйствительно новость узнали: такъ вы погружены были въ свои журналы, такъ пропитались ихъ розовымъ запахомъ и такъ отвлеклись отъ всего живого!.. Мы васъ и не винили вначалѣ-то, думая, что вы, какъ люди умные, тотчасъ же оглядитесь вокругъ себя, смекнете, въ чемъ дѣло, да потомъ еще и насъ поучите, куда намъ идти и что дѣлать. Но, видно, знаніе жизни дается не такъ легко, какъ изученіе какого-нибудь нѣмецкаго курса эстетики! Вы, какъ стали на одной точкѣ, такъ и не двигаетесь съ нея... А все оттого, что жизни не знаете! Три года тому назадъ, вы стали печатать обличительныя повѣсти; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ талантъ, въ другихъ просто разсказывались любопытные факты. И тѣ и другія были приняты публикою благосклонно. Почему? Очевидно потому, что публика признала дѣйствительность фактовъ, сообщаемыхъ въ повѣстяхъ, и читала ихъ—не какъ вымышленныя повѣсти, а какъ разсказы объ истинныхъ происшествіяхъ. Но и тогда уже публика поправляла недомолвку литературы, называя истинными именами тѣхъ, которые скрывались подъ псевдонимами въ повѣстяхъ. И нужно признаться, что первыя ваши обличительныя повѣсти давали читателю возможность отыскивать обличаемыхъ. У г. Щедрина описанъ, напр., Порфирій Петровичъ: я зналъ двоихъ Порфирьевъ Петровичей, и весь городъ у насъ зналъ ихъ; есть у него городничій Фейеръ:—и Фейеровъ видалъ я нѣсколько... Разумѣется, еще чаще видали мы Чичиковыхъ, Хлестаковыхъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Держимордъ, и пр. Но объ этомъ я ужъ и не говорю. У Гоголя такая ужъ сила таланта была, что до сихъ поръ,—куда ни обернешься, такъ все и кажется, что передъ тобой стоитъ или Чичиковъ, или Хлестаковъ, а если ни тотъ, ни другой, то ужъ навѣрное Земляника... Въ этомъ отношеніи я долженъ признаться,—боль-

шая часть *щедринскихъ* разсказовъ составляетъ шагъ назадъ отъ Гоголя. Но все-таки, они не такъ далеко отъ него убѣжали, какъ нынѣшніе разсказы, безпрерывно печатаемые въ газетахъ. По разсказу Щедрина я еще могъ узнавать обличаемыхъ, хотя не въ той степени, какъ по разсказу Гоголя; но теперешнія повѣсти (которыя вы почему-то называете *гласностью!*) совершенно лишаютъ меня этой возможности. Ну, скажите на милость, куда мнѣ годится, напр., такое обличеніе:

«Одному моему знакомому случилось заказать себѣ сапоги, изъ петербургскаго товара, здѣшнему цеховому сапожнику. *Что же оказалось?* Онъ, желая выдать поставленный имъ товаръ за петербургскій, самъ вывелъ клеймо фабриканта на кожѣ чернилами, и довольно искусно, такъ что съ перваго раза трудно догадаться о поддѣлкѣ. Но сапоги недѣли черезъ двѣ *перелопались*,—*фальшь* оказ*ался* несомнѣннымъ, тѣмъ очевиднѣе, что на петербургской кожѣ клеймо фабриканта печатное». (См. «Русск. Дн.» 1859 года, № 22).

Извѣстіе это прислано въ „Русскій Дневникъ“ изъ Нижняго-Новгорода, съ подписью: „*Корреспондентъ*“. Я самъ, какъ вамъ извѣстно, обитатель Нижняго, и потому легче другого могъ бы сообразить, кто тутъ обличается; но, хоть убейте меня, я до сихъ поръ никакъ не могу указать вамъ гнуснаго сапожника, о которомъ извѣщаетъ *Корреспондентъ*. Если бы онъ подписалъ хоть свою собственную фамилію, то до сапожника ужъ мы бы добрались какъ-нибудь: узнали бы, кто у Корреспондента знакомые, потомъ справились бы, какіе сапожники шьютъ на нихъ сапоги и, такимъ образомъ, понемножку добились бы свѣдѣній, по крайней мѣрѣ, вѣроятныхъ, если не совершенно непогрѣшимыхъ. Но обличитель скрылъ даже и свою фамилію, и тѣмъ лишилъ насъ всякой возможности напасть хоть на слѣдъ негоднаго сапожника. Если бы онъ представилъ типическія особенности сапожника, какъ дѣлалось прежде, въ щедринскихъ разсказахъ, тогда была бы польза: можно бы узнать, по указаннымъ признакамъ, почти всякаго надувалу-сапожника. Но *Корреспондентъ* говоритъ просто: „одному цеховому сапожнику“—какъ тутъ искать его? И какую пользу для общества можетъ принести свѣдѣніе, что одинъ сапожникъ дурной товаръ на сапоги ставитъ? Если вы полагаете, что есть люди, которые не знаютъ о существованіи такихъ сапожниковъ, то вы очень ошибаетесь. Всякій изъ читателей подивится только, какимъ образомъ *вы* могли этого не знать. Развѣ не оттого-ли ваше незнаніе, что вы постоянно *котурнъ* надѣваете и не имѣете понятія о сапогахъ? Но вѣдь мы все думали, что вы въ котурнѣ-то являетесь передъ нами только печатнымъ образомъ; а какъ же вы по улицамъ-то ходите? Развѣ тоже въ котурнѣ? Впрочемъ, дѣйствительно въ котурнѣ, нечего и спрашивать: это по сочиненіямъ вашимъ видно. Ну, въ чемъ же иначе можетъ ходить, напр., г. Жемчужниковъ, напечатавшій въ 1 № „Московскихъ Вѣдомостей“ нынѣшняго

года статейку „Еще придирка“. Статейка написана горячо, благородно, остроумно; а по какому поводу? Читайте.

«*Нѣкто* (кто?) пріѣзжаетъ въ *нѣкоторый* (какой?) городъ и отправляется въ гостинницу (какую?), куда приказываетъ и своему слугѣ (какъ его зовутъ?) явиться съ чемоданами. Слуга нанимаетъ извозчика (имя? нумеръ?) и ѣдетъ... Съ нимъ встрѣчаются блюстители порядка и общественной безопасности,—*все равно*: казаки-ли они, или какіе-либо другіе полицейскіе служители (далеко не все равно для гласности!). Ѣдущій слуга почему-то имъ кажется человѣкомъ подозрительнымъ. Они его останавливаютъ и спрашиваютъ: кто онъ и куда ѣдетъ? Онъ отвѣчаетъ имъ, что онъ такой-то, и называетъ гостинницу, куда ему приказано ѣхать. Блюстители замѣчаютъ, что онъ ѣдетъ не въ ту сторону, гдѣ находится гостинница, и еще болѣе утверждаются въ своемъ мнѣніи, что онъ человѣкъ подозрительный; вслѣдствіе чего они его задерживаютъ и представляютъ въ полицію. Слуга ѣхалъ, дѣйствительно, не въ ту сторону, гдѣ гостинница; извозчикъ, вѣроятно, не зналъ дороги или не понялъ, куда везти. Что же дѣлаетъ полиція съ задержаннымъ человѣкомъ? Она (кто же, однако, это *она*?) спрашиваетъ его: кто онъ и куда ѣхалъ? Онъ отвѣчаетъ, что онъ такой-то; называетъ гостинницу, куда приказано ему ѣхать; объясняетъ, что онъ самъ дороги не знаетъ, будучи въ городѣ въ первый разъ; немедленно предъявляетъ свой видъ, называетъ лицо, у котораго находится въ услуженіи, и проситъ проводника для сопровожденія его въ гостинницу и для удостовѣренія въ истинѣ своего показанія. Но полицейскій чиновникъ (какъ его имя?) не соглашается на это предложеніе и принимаетъ слѣдующую мѣру: чтобы убѣдиться въ достовѣрности словъ слуги и въ подлинности предъявленнаго имъ вида, онъ открываетъ чемоданы и осматриваетъ находящіяся въ нихъ вещи. Обревизовавъ такимъ образомъ и бѣлье, и платье, и все, что было тамъ спрятано и заперто именно съ тою цѣлію, чтобы никто не смѣлъ ни до чего касаться безъ разрѣшенія или приказанія хозяина, и продержавъ слугу въ полиціи два часа, чиновникъ, наконецъ, соглашается на его первоначальную просьбу и отправляетъ его въ гостинницу съ проводникомъ».

Случай самый обыкновенный, самый невинный, — пошлюсь на всѣхъ русскихъ читателей! Изъ-за чего же тутъ горячиться, отъ чего приходить въ негодованіе, и—главное—зачѣмъ все это разсказывать намъ съ такими подробностями? Можетъ быть, это особенный родъ остроумія, потѣшающійся надъ несбывшимися ожиданіями; но такое остроуміе, имѣя цѣлію одурачить человѣка, не совсѣмъ удобно въ отношеніяхъ автора съ читателями. Я, помню, читалъ гдѣ-то, какъ одинъ шутникъ отдѣлался отъ навязчиваго господина, который все разспрашивалъ его: таскаютъ-ли волки коровъ въ лѣсъ?—„Бываетъ“, отвѣчалъ шутникъ, — и затѣмъ разсказалъ длиннѣйшую исторію о томъ, какъ у него однажды корова домой не пришла, какъ онъ искалъ ее по лѣсу и какъ она оказалась возлѣ забора его дома, совершенно въ добромъ здоровьѣ.—„Ну, а волкъ?“ спросилъ слушатель. — „Волка не было“, лаконически отвѣчалъ разсказчикъ... Г. Жемчужниковъ поступаетъ съ нами отчасти въ этомъ родѣ: мы ожидаемъ какой-нибудь ужасной исторіи, чего-нибудь необычайнаго, чтобы дыханье захватило, а тутъ вдругъ „*отправился благополучно домой*“. Да помилуйте, что вы насъ морочите-то? Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ не понимаете, что объ этакихъ вещахъ объявлять все равно, что объявить:

„одинъ квартальный надзиратель недавно пообѣдалъ!“ Объ этомъ говорить нечего; мы не такіе виды видали... Я, напр., могъ бы разсказать, какъ у одного проѣзжаго купца было отнято близь города разбойниками 50.000 руб., и какъ, черезъ мѣсяцъ потомъ, у частнаго пристава умеръ дядюшка въ Сибири и оставилъ ему 50.000 наслѣдства. Я могъ бы сообщить, какъ одинъ домовладѣлецъ далъ во время пожара 3.000 цѣлковыхъ полиціи, чтобы только она не подступалась къ его дому. Я могъ бы передать исторію, какъ одну нѣмку изъ Виртемберга, захотѣвшую приписаться въ Россіи, приписали-было въ крѣпостныя къ казеннымъ заводамъ, за то, что она, *не зная порядковъ*, никому ничего не платила... Да мало-ли что можно разсказать, если бы была охота! Слава Богу,—Русь-то наша не клиномъ сошлась! А то — побезпокоили человѣка, чемоданы посмотрѣли: велика важность! Извѣстное дѣло — à la guerre, comme à la guerre...

Но г. Жемчужниковъ разсказываетъ эту исторію собственно для выводовъ, какіе онъ дѣлаетъ изъ нея. Онъ говоритъ: „я не счелъ нужнымъ обозначить мѣсто, гдѣ случилось разсказанное мною происшествіе. Предположите, пожалуй, что оно вымышленно: оно отъ этого не потеряетъ своего характера возможности и вѣроятія“. Слѣдовательно, вмѣсто гласности, опять выступаетъ на сцену миѳологія! Хорошо! Гдѣ же нравоученіе? Ихъ два,—одно теоретическое, другое практическое. Первое таково:

«У насъ *есть еще* (скоро не будетъ, конечно!) люди, считающіе насиліе и произволъ мѣрами общественнаго порядка и гражданскаго благоустройства».

Практическіе выводы имѣютъ такой видъ:

«Къ стыду нашему, мы должны сознаться, что чувство чести и собственнаго достоинства у насъ еще не развилось или, можетъ быть, заглохло. Въ нашей общественной жизни мы умѣли соединить привычку неповиновенія закону съ постыднымъ и раболѣпнымъ самоуничтоженіемъ передъ всякимъ произволомъ. *Избѣгая исполненія нашихъ обязанностей, мы не заботимся о защитѣ нашихъ правъ и не умѣемъ протестовать противъ оскорбленія нашей гражданской чести и человѣческаго достоинства*, когда это оскорбленіе наносится намъ безъ всякаго повода и причины, а просто подъ предлогомъ исполненія служебныхъ обязанностей» («М. Вѣд.» № 1)

Итакъ — вотъ вамъ мораль: „исполняйте свои обязанности, защищайте свои права и протестуйте противъ оскорбленій“. Великая истина,—жаль только, что не совсѣмъ новая. Это еще звѣри у Крылова предлагали. Помните, какъ они, защищая овецъ отъ волковъ, рѣшили, что ежели волкъ нападетъ на овцу.

«То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ и тотчасъ въ судъ представить
Въ ближайшій лѣсъ иль боръ»...

Но мнѣ кажется, что это разсужденіе истинно-звѣрское, хотя оно г. Жемчужникову и нравится. Я говорю *нравится*, основывая это вотъ на ка-

кихъ соображеніяхъ. Статейка г. Жемчужникова направлена противъ того, что мы не заботимся о защитѣ своихъ правъ; въ заключеніи же ея говорится: нельзя однако же отказаться отъ надежды, что во всѣхъ сферахъ нашей жизни человѣческій разумъ одержитъ наконецъ верхъ надъ животными инстинктами! *Будемъ ожидать терпѣливо наступленія этого вожделѣннаго времени*". Видите: мы должны отстаивать свои права и ожидать терпѣливо, когда человѣческій разумъ, и пр... Ясно,—хватайте волковъ за шиворотъ, отстаивая свои права, и ожидайте, пока ихъ разумно разсудятъ съ вами въ ближайшемъ лѣсу! Стоило такой шумъ подымать для того, чтобы напомнить намъ *о терпѣніи*! Терпѣнью-то ужъ насъ, провинціаловъ, не учите пожалуйста: сами горазды!

А вѣдь, дѣйствительно, другой цѣли-то нѣтъ, должно быть, у васъ, кромѣ того, чтобы порисоваться передъ нами въ котурнѣ да поучить насъ терпѣнію. Все, что вы дѣлаете, доказываетъ это. Напримѣръ, во 2-мъ № „Московскихъ Вѣдомостей", вслѣдъ за статейкой г. Жемчужникова, было напечатано вотъ какое письмо къ редактору:

«М. Г.,

«Позвольте мнѣ сообщить вамъ фактъ, сильно поразившій меня, когда я услыхалъ о немъ. Вѣроятно, многимъ не часто приходилось слышать такого рода случаи.

«N., оставивъ въ Москвѣ жену съ тремя дочерьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, пошелъ въ козаки и былъ посланъ на Амуръ. Бѣдная женщина коекакъ пристроилась къ мѣсту и своими трудами содержала себя и свое семейство. Спустя нѣсколько лѣтъ взгрустнулось мужу по женѣ: онъ почувствовалъ снова склонность къ семейной жизни и, боясь не найти сочувствія въ женѣ къ своему предложенію, послалъ ей чрезъ кого слѣдуетъ приглашеніе прійти повидаться съ нимъ въ Сибирь. Въ одно прекрасное утро ей было объявлено, что она должна чрезъ двѣ недѣли по этапу, съ колодниками, отправиться на Амуръ для свиданія съ мужемъ. Вы можете себѣ представить ужасъ *несчастной жертвы этой любви*. Для сохраненія *супружескаго счастія* жертвовалось всѣмъ: здоровьемъ, спокойствіемъ, привязанностію къ родинѣ, къ семейству; вмѣнялось въ обязанность нравственной женщинѣ, единственной опорѣ семейства, отправиться зимой, по этапу, съ колодниками, за нѣсколько тысячъ верстъ, на свиданіе съ человѣкомъ, который пустилъ ее и семью по міру. Ни слезы, ни мольбы несчастной не могли поправить дѣло:—она *должна будетъ* отправиться въ путь, бросивъ все, что было ей дорого и мило въ Москвѣ, ея родинѣ. Стоитъ немного остановить вниманіе на этомъ фактѣ, чтобъ увидѣть всю массу послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою подобное внушеніе высоконравственнаго чувства.

Примите, и пр.

Д. З—скій».

Мы читали письмо г. З — скаго о женѣ г. N, и терялись въ догадкахъ, зачѣмъ оно напечатано. Что мужъ, по существующимъ законамъ, имѣетъ право потребовать къ себѣ жену, это мы всѣ знали; что женѣ это требованіе всегда бываетъ непріятно,—тоже всякому извѣстно. Чего же хотѣлъ г. З—скій, говоря о женѣ г. N.? Возбудить къ ней участіе? Но какъ же это участіе могло выразиться, когда ея имя не было названо?

Задумались мы, и только покачали головой, при мысли о непрактичности писателей и редакторовъ. И, должно быть, не намъ однимъ приходили въ голову такія мысли. Недѣли черезъ двѣ, въ № 15 „Моск. Вѣд." появилось письмо къ редактору такого содержанія. „Не иначе,—говоритъ,—какъ въ видахъ христіанской любви, вы сообщили извѣстіе о женѣ, требуемой мужемъ по этапу. Дѣйствительно, о ней жалѣютъ и хотятъ помочь ей; но кто она и гдѣ она? *Какъ добрый человѣкъ и христіанинъ*, примите, говоритъ, на себя трудъ указать мѣсто ея жительства". Въ отвѣтъ на это письмо, редакторъ оказался человѣкомъ чувствительнымъ: онъ назвалъ письмо *трогательнымъ* и сказалъ, что жена г. N называется Акулиною Вареоломеевною Кощеевою, живетъ на Срѣтенкѣ, въ домѣ купца Сазикова, въ квартирѣ Матвѣя Филипповича, и должна отправиться черезъ недѣлю. Къ сему редакторъ счелъ нужнымъ присовокупить: „мы слышали, что, по распоряженію начальства, эта несчастная женщина снабжена тѣмъ, что̀ можетъ облегчить ей предстоящее путешествіе. Говорятъ, ей даны тулупъ и лошадь". Замѣтьте, что со времени перваго объявленія до этого письма и редакторской приписки прошло двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ благодѣтельные москвичи рвались всѣми силами души своей помочь несчастной, но не знали, гдѣ она, не знали даже, не мнѣ-ли она, вмѣстѣ съ г. Д. З—скимъ!.. Что мѣшало въ первомъ же извѣщеніи объявить ея имя? Неужели и тутъ были какія-нибудь помѣхи, *независящія отъ редакціи*? Нѣтъ-съ, быть не можетъ: тутъ во всемъ виновата единственно ваша привычка къ отвлеченности и совершенное отчужденіе отъ жизни. Вы очень чувствительны: услышавши о несправедливости, вы начинаете громко кричать; узнавъ о несчастіи — горько плачете. Но вы какъ-то умѣете возмущаться противъ *несправедливости вообще*, такъ же, какъ умѣете сострадать *несчастію въ отвлеченномъ смыслѣ*, а не человѣку, котораго постигло несчастіе... Оттого всѣ ваши разсужденія и отличаются такимъ умомъ, благородствомъ, краснорѣчіемъ и — непрактичностью въ высшей степени. Вы до сихъ поръ разыгрываете *въ вашей литературѣ* (скажу, не какъ Хлестаковъ) какихъ-то чувствительныхъ Эрастовъ: какъ будто исполнены энтузіазма и силы, какъ будто что-то дѣлаете, а въ сущности все только себя тѣшите и — виноватъ — срамитесь передъ нами, простыми провинціальными жителями.

Я надѣюсь, что вы моими жесткими выраженіями не обидитесь, какъ и я не обидѣлся вашимъ замѣчаніемъ о моемъ первомъ письмѣ—относительно „Литературнаго Протеста". Богъ съ вами: бранитесь, сколько хотите, — только представьте и мое мнѣніе на судъ публики. Она разсудитъ... Что касается до гласности, которой вы хвалитесь, то я о ней еще поговорю съ вами. О ней можно много говорить, а я еще только началъ.

Тороплюсь послать письмо на почту: мнѣ хочется, чтобы вы въ апрѣлѣ напечатали его. Но не могу съ вами разстаться, не сдѣлавъ слѣдующаго предложенія: издавайте ежедневную газету! Я готовъ вамъ поставлять каждый день, въ теченіе десяти лѣтъ, по двадцати-одному истинному анекдоту, въ родѣ тѣхъ, которыхъ десятка два, подъ именемъ *гласности*, напечатано въ вашихъ газетахъ за нынѣшній годъ. Разумѣется, я буду всячески избѣгать собственныхъ именъ, и даже своего собственнаго не буду подписывать. Рѣшайтесь... Не бойтесь, что матеріалу не хватитъ: земля наша велика и обильна...

Д. Свиристелевъ.

Нижній-Новгородъ,
25 марта 1859 г.

VII.

НОВЫЕ ОБРАЗЧИКИ РУССКОЙ ГЛАСНОСТИ.

Мы помѣщаемъ письмо г. Свиристелева точно такъ, какъ сдѣлали въ первый разъ,—только ради его странности. Но мы, разумѣется, увѣрены, что знаемъ жизнь лучше его и что объявленія о сапожникѣ, о полицейскомъ, о женѣ г. N, и т. п. въ высшей степени назидательны. Мы это подтвердимъ когда-нибудь выписками изъ „Русскаго Вѣстника“, „Русскаго Дневника“, „Московскихъ“ и „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ и другихъ газетъ и журналовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что гласность у насъ цвѣтетъ и въ то же время приноситъ полезные плоды. Чтобы доказать, какъ мы вѣруемъ въ пользу гласности (даже безыменной), мы помѣщаемъ нѣсколько писемъ, присланныхъ въ редакцію, и нѣсколько извѣстій, составленныхъ по вѣдомостямъ. Они всѣ начинаются одинаково, и потому мы помѣщаемъ вполнѣ только первое письмо; изъ остальныхъ же оставляемъ только сущность дѣла. Извѣстія подобнаго рода раздѣляются обыкновенно на солидныя, остроумныя и патетическія. Мы помѣщаемъ здѣсь два солидныхъ и два остроумныхъ. На помѣщеніе патетическихъ не рѣшаемся...

1.

Въ настоящее время, когда все стремится къ свѣту и гласности, ни одно изъ темныхъ явленій нашей жизни не должно укрыться отъ строгаго суда общественнаго мнѣнія. Считая священнымъ долгомъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ общему дѣлу нашего гражданскаго преуспѣянія, прошу васъ, мм. гг., помѣстить въ вашемъ журналѣ слѣдующій замѣчательный фактъ, за достовѣрность котораго ручаюсь.

Въ *одинъ* изъ осеннихъ дней прошлаго года ходилъ я съ *однимъ* изъ моихъ знакомыхъ по гостиному двору. Зашедши въ *одну* лавку, знакомый мой сталъ торговать *одну* вещь, а я, соскучась ожидать его, вышелъ изъ лавки и подошелъ къ *одному* торговцу яблоками. Я сторговалъ у него *одинъ* десятокъ и отдалъ деньги, съ *однимъ* условіемъ: чтобы всѣ яблоки были свѣжи. Но, заглядѣвшись на *одну* изъ проходившихъ дамъ и положившись на совѣсть торговца, я не замѣтилъ, что *одно* изъ яблокъ, положенныхъ имъ, было гнилое. Къ счастію, *одна* старушка, стоявшая возлѣ, замѣтила подлогъ. Тогда я подозвалъ *одного* городового, случившагося по близости, и онъ, по *одному* моему слову (должно отдать ему въ томъ справедливость) немедленно принялъ мѣры къ прекращенію зла.

Объявляя объ этомъ поступкѣ недобросовѣстнаго торговца во всеобщее свѣдѣніе, я имѣю въ виду предостереженіе моихъ соотечественниковъ; надѣюсь, что послѣ этого извѣщенія другіе, заглядѣвшись подобно мнѣ по сторонамъ, не потерпятъ такого ущерба отъ недобросовѣстнаго продавца. Кто пожелаетъ узнать имя, примѣты и мѣсто торговли этого продавца, тотъ благоволитъ прислать запросъ въ редакцію „Свистка“, съ обозначеніемъ своего адреса: обо всемъ требуемомъ я могу извѣстить его по почтѣ.

X. Z.

2.

Въ настоящее время, и пр.

Въ недавнее время, возвращаясь съ имениннаго пира отъ одного изъ моихъ знакомыхъ, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ одного изъ уѣздныхъ городовъ Россіи, я имѣлъ несчастіе потерять въ грязи одну изъ моихъ галошъ. Такъ какъ дѣло было вечеромъ, то я не могъ отыскать ее, при всѣхъ моихъ усиліяхъ. Но на другой день она была найдена мною посреди улицы, противъ дома одного изъ домовладѣльцевъ нашего города. По изслѣдованіямъ моимъ оказалось, что причина необычайнаго накопленія грязи въ этомъ мѣстѣ заключается въ небрежности означеннаго домовладѣльца, который противъ своего дома никогда не чинитъ мостовой.

Надѣюсь, что поведеніе этого домовладѣльца, обнародованное теперь во всеобщее свѣдѣніе, найдетъ себѣ строгое осужденіе въ общественномъ мнѣніи.

3.

Мм. Гг.

Гласность полезна, какъ свѣтъ; но въ нашемъ городѣ еще сомнѣваются и въ томъ, что свѣтъ полезенъ. Хотите доказательствъ? Вотъ

одно изъ нихъ: у насъ въ городѣ, въ нѣкоторыя темныя осеннія ночи не зажигаютъ фонарей, на томъ основаніи, что онѣ въ календарѣ обозначены лунными. Но честный и правдивый календарь уже давно сознался въ томъ, что не можетъ предвидѣть ни густыхъ тумановъ во время ночи, ни черныхъ тучъ, покрывающихъ звѣздное небо; онъ просто говоритъ, что въ такую-то ночь будетъ луна, а извѣстно всѣмъ, что луна свѣтитъ. Вольно же эти невинныя слова принимать за объявленіе, что весь городъ будетъ иллюминованъ! Но кромѣ разныхъ другихъ причинъ, которыя могли подать поводъ къ такой нераціональной методѣ освѣщенія, не замѣшалась-ли сюда еще и та, что на календарь условились смотрѣть, какъ на непогрѣшимаго и строгаго начальника? Это клевета: календарь не начальникъ. Начальникъ, дѣйствительно, часто называетъ бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ и достигаетъ даже того, что и его подчиненные, отрекшись отъ вѣры въ собственные глаза, подтверждаютъ его нелѣпость съ фанатизмомъ самымъ искреннимъ; но календарь не надуваетъ ни себя, ни другихъ. Мало того: онъ вовсе не имѣетъ безумной претензіи приказывать лунѣ свѣтить во что бы то ни стало, сквозь сплошную массу тучъ; напротивъ, онъ полагаетъ своимъ желаніямъ предѣлы и тѣмъ, опять-таки, рѣзко отличается отъ иного начальника, который, повелѣвая исполнить невозможное и не хотя принять въ соображеніе этой невозможности, кричитъ: чтобъ было!

Напечатайте, мм. гг., мою замѣтку: можетъ быть, она будетъ содѣйствовать *освѣщенію,* если не *просвѣщенію* нашего города.

А. Ж.

(Изъ «Моск. Вѣд.» № 1).

4.

Гласность послѣдняго времени обнаруживаетъ много новыхъ явленій въ нашемъ общественномъ быту. Считаю не лишнимъ разсказать объ одномъ изъ нихъ, хотя въ немъ ничего нѣтъ необыкновеннаго.

На-дняхъ, нѣкто Ѳ. возвращался ночью домой. Ему оставалось до квартиры не болѣе пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ неожиданная мысль пришла ему въ голову: что, если переходя улицу, онъ потеряетъ галоши? и если потеряетъ (въ чемъ онъ не сомнѣвался), то что обойдется дороже: новыя-ли галоши, или извозчикъ? — Взвѣсивъ этотъ пунктъ и рѣшивъ, что извозчика взять дешевле, онъ сталъ громко звать спасителя галошъ; но кромѣ эха, повторявшагося въ темныхъ переулкахъ, никто не отзывался ему въ безмолвіи ночи. Почти въ отчаяніи пробирался Ѳ. тротуаромъ, какъ вдругъ почувствовалъ чье-то теплое дыханіе и затѣмъ фырканье. Удивленный неожиданною сценою, Ѳ. остановился и, послѣ нѣкотораго напряженія глазъ, открылъ, что предъ нимъ стоитъ не какая-ни-

будь очаровательная сильфида, а просто—лошадь. „Эй, кто здѣсь?“ — Нѣтъ отвѣта; все тихо, какъ и прежде. Ѳ. обходитъ канавою лошадь и экипажъ и слегка толкаетъ спящаго кучера.—„Ты извозчикъ?“—„Извозчикъ“. — „Перевези меня въ этотъ домъ, насупротивъ“... — „Слушаю-съ“,—и извозчикъ перевезъ нашего пріятеля черезъ улицу. Что же тутъ необыкновеннаго? Очень просто: малыя существа всегда подражаютъ большимъ. Если кареты останавливаются на тротуарахъ, отчего тамъ же не останавливаться и не засыпать извозчикамъ? отчего же и не получать прохожимъ поцѣлуевъ, сопровождаемыхъ фырканьемъ, — когда въ темнотѣ и не такіе сюрпризы случаются? отчего бы не помѣститься и всей биржѣ на тротуарахъ? Улицы останутся тогда свободны, для однихъ только обозовъ; никому не будетъ тѣсно, и даже— говоря съ политическою дальновидностью — пѣшеходы перестанутъ гранить тротуары, а будутъ ходить... по лошадямъ, дрожкамъ, каретамъ и спящимъ кучерамъ.

Фаготъ.

(Изъ «Одесск. Вѣстн.» № 19)

VIII.

БЕЗРАЗСУДНЫЯ СЛЕЗЫ.

Солнце въ тучахъ непроглядныхъ
    Грустно ликъ свой прячетъ;
У воротъ двора сквозного
    Бѣдный ванька плачетъ.
Цѣлый день онъ по столицѣ
    Съ юнкеромъ катался;
Пять рублей ему дать юнкеръ
    За день обѣщался.
Но чрезъ дворъ сквозной, подъ вечеръ,
    Онъ отъ ваньки скрылся;
Ванька съ клячей понапрасну
    Цѣлый день морился.
Успокойся, бѣдный ванька:
    Есть тебѣ защита.
Какъ тебя обидѣлъ юнкеръ,—
    Будетъ всѣмъ открыто.
Отъ обидъ и отъ обмановъ
    Ужъ прошла опасность!

Нынче время не такое:
Процвѣтаетъ гласность!
Завтра жъ я во всѣхъ газетахъ
Публикую ясно:
„Ѣздилъ съ юнкеромъ извозчикъ
Цѣлый день напрасно.
Дать хотѣлъ онъ пять цѣлковыхъ,
Не далъ ни копѣйки!“
И предамъ его позору
Я въ моей статейкѣ...
Но, не внемля утѣшеньямъ,
Глупый ванька плачетъ...
Солнце гнѣвно ликъ прекрасный
Въ черныхъ тучахъ прячетъ.

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

№ 3.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ СВИСТКА ВО ДНИ ЕГО ВРЕМЕННАГО НЕСУЩЕСТВОВАНІЯ.

„Свистокъ“ дожидался только выѣзда уполномоченныхъ изъ Цюриха, чтобы опять раздаться въ русской литературѣ. Теперь объявлено, что они въ октябрѣ выѣдутъ, и если они, по свойственной дипломатамъ правдивости, сдержатъ слово, то „Свистокъ“ надѣется уже безраздѣльно завладѣть вниманіемъ публики. Въ лѣтніе мѣсяцы ему было неловко являться потому, что общее любопытство было привлечено итальянской войной, и въ началѣ іюля, поощренные примѣромъ „Русскаго Дневника“, редакторы „Свистка“ даже послали было въ „Современникъ“ такое объявленіе:

„Въ настоящее время, когда все вниманіе публики обращено на политическія событія, совершающіяся на Западѣ, для „Свистка“, неспособнаго заниматься политикою — иначе какъ въ шутку — прекратилась возможность разсчитывать на увеличеніе ограниченнаго числа своихъ поклонниковъ; вслѣдствіе чего „Свистокъ“ вынужденнымъ находится прекратить свой свистъ.

„Хотя „Свистокъ“ былъ при „Современникѣ“ ни что иное, какъ „съ боку припёка“, по глубоко-вѣрному выраженію нашего умнаго народа, тѣмъ не менѣе редакція „Современника“ должна счесть личною своею обязанностью дать своимъ подписчикамъ удовлетвореніе за австрійско-французскую войну, лишившую ихъ русскаго „Свистка“. Но такъ какъ извѣстно, и многократно было публиковано, что редакція „Современника“ не имѣетъ достаточно остроумія для подобнаго удовлетворенія, то она и должна вознаградить публику за „Свистокъ“ приложеніемъ къ своему журналу статей о новыхъ памятникахъ древне вавилонской письменности, для которыхъ редакція уже имѣетъ достаточный запасъ матеріаловъ въ статьяхъ г. Хвольсона“.

Объявленіе это было готово въ тотъ самый день, когда появилось объявленіе о прекращеніи „Русскаго Дневника". Но, „къ сожалѣнью или къ счастью", по словамъ нашего милаго балладника, Василія Андреевича Жуковскаго, „Современникъ" нынѣ всегда запаздываетъ (въ чемъ стараются по возможности подражать ему и другіе журналы). Слѣдствіемъ такого обстоятельства было то, что объявленіе наше на нѣсколько дней задержалось, а тутъ вдругъ—ни съ того ни съ сего—пришло извѣстіе о мирѣ, и наши резоны сдѣлались совершенно неумѣстными.

Тогда мы получили надежду, что скоро придетъ и нашъ чередъ; но—увы!—горько ошиблись! Русская публика, изъ подражанія французамъ, продолжала и по окончаніи войны читать и толковать объ Италіи, такъ что мы пикнуть не смѣли, не только свистнуть о нашихъ домашнихъ вопросахъ. Это бѣсило насъ, и мы даже сочинили-было филиппику противъ увлеченія иностранными вопросами. Филиппика была очень грозна. Въ ней напоминали мы русскимъ читателямъ слова г. Погодина, что стыдно намъ заниматься европейскими мелочными дрязгами, когда у насъ,—и у насъ однихъ только въ настоящее время, — поднято столько міровыхъ вопросовъ. Мы перечисляли даже нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ напримѣръ: „зачѣмъ въ лѣтній зной, по свидѣтельству Н. Ф. Павлова, московскія улицы посыпаются пескомъ? Зачѣмъ докторъ Рклицкій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, расхваленъ въ „Современникѣ"? Зачѣмъ г. Вышеградскій пересталъ объявлять въ газетахъ о собственномъ безкорыстіи? Зачѣмъ „Наука жизни", г. Дыммана, не вводится какъ обязательный предметъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ не преподается греческій языкъ?" и т. д. Сдѣлавъ подробное перечисленіе нашихъ родныхъ вопросовъ, мы взглядывали и на итальянскій вопросъ съ русской точки зрѣнія и приходили къ такому заключенію: что намъ за дѣло до Италіи? Взойдетъ-ли къ намъ на дворъ бѣлая корова, въ случаѣ возстановленія герцоговъ или присоединенія герцогствъ къ Піемонту? Что намъ мѣшаться въ чужія дѣла? Давно уже замѣчено, что „Italia farà da se"—Италія и безъ насъ проживетъ, — плюньте на Италію: Италія есть географическій терминъ, не болѣе, по глубокомысленному замѣчанію австрійскаго государственнаго мужа. Да и въ географіи-то она совершенно ничтожна: по основательному соображенію г. Шевырева, если бы съ Альпъ спустить на Италію нашу Волгу,—всю бы затопило!! Стоитъ-ли жъ послѣ всего этого заниматься такой ничтожностью? Сравните-ка наше-то положеніе: у насъ Волга не только ничего не затопила, но и сама-то вся засорилась и пересохла! Вотъ какой мы великій народъ!"

Мы убѣждены, что наши соображенія, явно разсчитанныя на патріотизмъ, успѣли бы образумить русскую публику. Но въ этомъ году злой

рокъ судилъ намъ вѣчно опаздывать: когда мы изготовили свою филиппику,—оказалось, что во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Петербурга портреты Гарибальди замѣнены уже потретами Шамиля! Къ этому мы были совершенно не приготовлены! Между тѣмъ, въ публикѣ проявился такой энтузіазмъ къ Шамилю, какого не бывало со времени посѣщенія Россіи Дюмою. Мы опять-было принялись за увѣщанія и хотѣли доказать, что Шамиль, какъ и Дюма, теперь уже не интересенъ, что—

«Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ:
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній дѣятельный жаръ»,—

что притомъ же борода у него—рыжая, что ужъ вовсе не соотвѣтствуетъ нашему идеалу прекраснаго черкеса, что, слѣдовательно, онъ просто вниманія не стоитъ. Но тутъ ужъ мы сами почувствовали, что подобная попытка была немножко дерзка и не повела бы ни къ чему хорошему, окромя худого. Притомъ же мы были совершенно озадачены г. Горяиновымъ, который въ „Сѣверной Пчелѣ" доказалъ, что мы ходимъ смотрѣть на Шамиля вовсе не съ тѣмъ чувствомъ, какъ на Дюму: что мы всѣ одушевлены теперь не простымъ любопытствомъ, а самымъ патріотическимъ желаніемъ—повѣсить и растерзать въ клочки ужаснаго иностранца, съ которымъ обходятся такъ несправедливо, т.-е. прилично и гуманно. Противъ такого воззрѣнія на Шамиля съ русской точки, мы уже ничего не могли возразить и сочли за лучшее—продлать свое молчаніе еще на нѣкоторое время.

Но теперь—о, какія благопріятныя для насъ обстоятельства!.. Шамиль уѣхалъ въ Калугу, уполномоченные тоже, вѣроятно, уѣхали изъ Цюриха, сама Москва — хотя и никуда еще не уѣхала (потому что по желѣзной дорогѣ ей можно покамѣстъ ѣхать только на Петербургъ, на что она ни подъ какимъ видомъ не рѣшится) — но все-таки Москва занята теперь недавними банкротствами достойныхъ сыновъ ея, слѣдовательно, и она мѣшать намъ не можетъ. Начнемъ же снова насвистывать, со свойственными намъ безпечностью и благодушіемъ, тѣмъ болѣе, что г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, много намъ вредившій своими выходками, теперь исправился, какъ сейчасъ убѣдятся читатели. Его стихотвореніемъ мы нарочно начинаемъ нынѣшній „Свистокъ".

I.

РАСКАЯНІЕ КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА.

Извѣстно, что г. Лиліеншвагеръ своимъ смѣлымъ и звучнымъ стихомъ воспѣлъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ „бѣса отрицанья и сомнѣнья", который

вовсе не долженъ былъ бы и носа показывать въ публику въ настоящее время, когда (какъ очевидно изъ примѣра акціонеровъ общества „Сельскій Хозяинъ“) все созидается на взаимномъ довѣріи и сочувствіи. За непростительную дерзость г. Лиліеншвагера досталось и намъ и ему въ № 85 „Московскихъ Вѣдомостей“. Мы, разумѣется, тотчасъ же сказали, что наше дѣло сторона, и тѣмъ себя немедленно успокоили. Но г. Лиліеншвагеръ, какъ пылкая поэтическая и притомъ почти нѣмецкая натура, принялъ упреки „Московскихъ Вѣдомостей“ очень близко къ сердцу, и — кто бы могъ это подумать? — въ убѣжденіяхъ его совершился рѣшительный переломъ. Какъ Пушкинъ отрекся отъ своего „Демона“, вслѣдствіе нѣкоторыхъ совѣтовъ изъ Москвы, такъ и г. Лиліеншвагеръ отрекся отъ своего бѣса, и сдѣлался отнынѣ навсегда (до первой перемѣны, разумѣется) вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ пѣвцомъ нашего прогресса. Вотъ стихотвореніе, которымъ ознаменовалъ онъ моментъ своего раскаянія.

МОЕ ОБРАЩЕНІЕ.

Во дни пасхальныхъ балагановъ
Я буйной лирой оскорблялъ
Прогресса русскаго титановъ
И нашу гласность осмѣялъ.
Но отъ стиховъ моихъ шутовскихъ
Я отвратилъ со страхомъ взоръ,
Когда въ „Вѣдомостяхъ Московскихъ“
Прочелъ презрительный укоръ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
О томъ, что презрѣнъ я въ Москвѣ...
Себѣ, въ порывахъ покаянныхъ,
Надралъ я плѣшь на головѣ!..
Но плѣшью сей купилъ я право
Смотрѣть на будущность свѣтло!..
Съ тѣхъ поръ, не мудрствуя лукаво,
Я прояснилъ свое чело:
Меня живитъ родная пресса,
И, полнъ святого забытья,
Неслышной поступи прогресса
Съ благоговѣньемъ внемлю я...

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

II.

ОТРАДНЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

1.

ПСКОВСКАЯ ПОЛИЦІЯ.

Къ числу отраднѣйшихъ явленій русской жизни за послѣднее время, несомнѣнно, должна быть отнесена статья г. Якушкина, въ „Русской Бесѣдѣ", о псковской полиціи. „Бесѣда" проситъ всѣ журналы, болѣе ея распространенные въ публикѣ (иначе сказать—всѣ журналы, такъ какъ теперь уже скончались и „Московское Обозрѣніе" и не менѣе московскій „Атеней") дать приличную огласку этой статьѣ, и „Свистокъ" съ особеннымъ наслажденіемъ исполняетъ эту просьбу. Мы не могли безъ особеннаго восхищенія читать мастерскаго очерка г. Якушкина!.. Какая смѣлость!.. Какое благородство выраженій! Какое достоинство тона!.. Нельзя не пожелать, чтобъ у насъ почаще являлись подобныя статьи, хотя, къ сожалѣнію, русская жизнь мало еще даетъ матеріаловъ для такихъ превосходныхъ типическихъ очерковъ. Это не то, что объявленія въ полицейскихъ вѣдомостяхъ, обыкновенно сухія и лишенныя всѣхъ пріятностей слога. Нѣтъ, здѣсь—простому полицейскому случаю придана форма вполнѣ литературная, и притомъ чисто народная. Отрадно читать подобныя описанія; сердце каждаго русскаго, истинно любящаго литературу своего отечества, должно ощущать радостный трепетъ при чтеньи статьи г. Якушкина. Она служитъ яснымъ доказательствомъ того, какъ велики прогрессы, до которыхъ дошли мы въ жизни и въ литературѣ, вслѣдствіе широкаго развитія гласности. Изъ нея можно видѣть, какъ выросли мы съ тѣхъ поръ, какъ появились первые ребяческіе опыты гласности въ объявленіяхъ „Свистка" объ *одной* потерянной галошѣ... Да, что ни говорите, быстро мчится впередъ русская жизнь,—со всѣми своими несовершенствами, злоупотребленіями и пороками!.. Читайте письмо г. Якушкина къ издателю „Русской Бесѣды" и судите сами:

Моя поѣздка въ Псковскую губернію не удалась по причинамъ совершенно отъ меня независящимъ, и именно по слѣдующимъ. Разскажу вамъ случившееся со мною во всей подробности. Досаду, негодованіе, отвращеніе, — словомъ, всѣ испытанныя мною ощущенія я передавать вамъ не стану, да и некогда. Вы сами хорошо поймете это и безъ моихъ описаній. Ограничусь однимъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ самаго факта.

Объѣздивъ Талабское (по географіямъ Псковское) озеро, обойдя мѣста около Изборска и Печоръ, я 22 августа пришелъ во Псковъ, гдѣ хотѣлъ дней на пять остаться, потому, во-первыхъ, что я немного простудился, а во-вторыхъ потому, что хотѣлъ привести въ порядокъ свои отрывочныя замѣтки.

Хозяева мои, Егоръ Васильевичъ Васильевъ и его супруга, были ко мнѣ очень внимательны; желая ихъ избавить отъ лишнихъ хлопотъ, я самъ отправился въ полицію прописать свой паспортъ.

Это было часовъ въ 5 послѣ обѣда.

Въ полиціи дежурный квартальный надзиратель сказалъ мнѣ, что я для прописки своего паспорта долженъ итти въ первую часть.

— Сдѣлайте одолженіе: пропишите мой паспортъ,—сказалъ я какому-то чиновнику, входя въ канцелярію первой части.

Чиновникъ взялъ мой паспортъ, посмотрѣлъ на него, потомъ взглянулъ на меня,— и, кажется, его поразила моя одежда: я былъ одѣтъ по-русски.

— Вы губернскій секретарь Якушкинъ?—спросилъ онъ, недовѣрчиво смотря на меня.

— Точно такъ.

— Я покажу вашъ видъ частному приставу,—сказалъ онъ.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ я.

Этотъ господинъ пошелъ въ присутствіе къ частному приставу, черезъ минуту вернулся и пригласилъ меня итти къ частному, тоже въ присутствіе.

— Что надо?—спросилъ меня частный, сидѣвшій за присутственнымъ столомъ въ бѣлой рубашкѣ и въ халатѣ на распашку; его высокоблагородію видимо не хотѣлось сказать мнѣ *вы*, а съ *ты* оно относиться ко мнѣ не рѣшилось: потому оно благоразумно избѣжало мѣстоименій.

Онъ держалъ мой паспортъ; ему было сказано, зачѣмъ я пришелъ: самъ онъ меня позвалъ въ присутствіе; а потому и вопросъ его показался мнѣ страннымъ.

— Пришелъ просить записать мой паспортъ,—отвѣчалъ я.

— Губернскій секретарь,—грозно проговорилъ частный: — какъ же можно такъ одѣваться?!

— По роду моихъ занятій,—отвѣчалъ я со всевозможною учтивостью,—мнѣ необходимъ этотъ костюмъ.

— Какія такія занятія, которыя требуютъ мужикомъ одѣваться?

Я подалъ ему письмо редактора «Русской Бесѣды», которымъ подробно объяснялись мои занятія, требующія мужицкаго платья.

— Всѣ бумаги фальшивыя, — сказалъ онъ, прочитавъ письмо какому-то господину, сидѣвшему за тѣмъ же столомъ. Тотъ господинъ посмотрѣлъ на бумаги, покачалъ головою и ничего не сказалъ.

— Подписи фальшивыя, бумаги фальшивыя! — повторилъ частный, обращаясь ко мнѣ.

— Если фальшивыя подписи, какъ вы думаете, то вы, какъ мнѣ кажется, должны меня арестовать.

— Не разговаривать! — крикнулъ разгнѣванный частный, такъ что стекла задрожали.

— Я долженъ вамъ сказать, господинъ частный приставъ, что я съ вами какъ съ *частнымъ человѣкомъ* и говорить не хочу; а какъ частному приставу я долженъ вамъ отвѣчать на сдѣланное мнѣ замѣчаніе, и, какъ частный приставъ, вы должны меня выслушать.

— А, такъ!.. пожалуйте, милостивый государь, въ канцелярію... Посмотримъ!..

Въ канцеляріи чиновники, слышавшіе мой разговоръ съ частнымъ, очень недружелюбно на меня посматривали и вполголоса, однако такъ, чтобъ я слышалъ, поговаривали о фальшивыхъ бумагахъ.

— Да и не фальшивый видъ,—заключилъ одинъ: — полиція по одному подозрѣнію можетъ всякаго задержать.

— Не угодно-ли *вамъ* немного потрудиться: пойти съ господиномъ квартальнымъ въ полицію,—сказалъ частный, входя черезъ полчаса въ канцелярію, видимо желая поострить на мой счетъ.

Угодно, неугодно, а надо было итти, куда приказано, и я, не говоря ни слова, отправился съ квартальнымъ въ полицію.

— За что васъ арестовали?—спросилъ меня провожавшій меня квартальный.

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

— Для чего вы одѣваетесь мужикомъ?

Я ему объяснилъ и показалъ письмо отъ редактора «Русской Бесѣды».

— Вѣрно васъ завтра выпустятъ,—сказалъ квартальный, прочитавъ письмо.

— Какъ завтра?—спросилъ я, не вѣря въ возможность арестовать человѣка на цѣлую ночь безвинно, по одной прихоти.

Квартальный не отвѣчалъ: ему было совѣстно исполнять приказаніе частнаго. Я это замѣтилъ, и мы замолчали. Я рѣшился не давать воли своему гнѣву, — да этого требовало и благоразуміе.

— Гдѣ дежурный?—спросилъ квартальный, когда мы вошли въ *полицію*.

— Ушелъ почивать домой,—отвѣчалъ солдатъ-десятскій изъ малороссіянъ.

— Позвать ундера!

Пришелъ унтеръ-офицеръ, повидимому, лицо въ полиціи значительное, которое солдатъ величалъ Николаемъ Ѳедосѣевичемъ Ѳедосѣевымъ; приведшій меня квартальный шепнулъ ему что-то и скрылся.

— Пожалуйте въ эту комнату,—сказалъ мнѣ господинъ Ѳедосѣевъ, указывая на *дежурную* комнату, или, какъ здѣсь называютъ, на *дворянскую* (арестантскую).

— Сдѣлайте одолженіе, — сказалъ я ему, входя въ дворянскую, — отошлите записку къ полицеймейстеру; я сейчасъ напишу.

— Извините,—отвѣчалъ тотъ,—я этого не могу сдѣлать: отъ г. полицеймейстера строгій приказъ не посылать къ нему изъ полиціи никакихъ записокъ.

— Я долженъ здѣсь ночевать?

— Должны.

— Не могу-ли я у васъ попросить псковскихъ газетъ? Скучно такъ сидѣть,—стану читать.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я вамъ и свѣчку дамъ; читайте.

— Не хотите-ли ужинать?—спросилъ меня г. Ѳедосѣевъ, входя ко мнѣ, вслѣдъ за тѣмъ, съ кипою «Псковскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Дневника»!

— Покорно васъ благодарю,—отвѣчалъ я:—не хочется.

— Покушайте, – настаивалъ Николай Ѳедосѣевичъ: — щи славные! Можетъ, у васъ денегъ нѣтъ,—робко прибавилъ онъ: — такъ денегъ мнѣ не надо; щи я вылью за окно—все равно, мнѣ ихъ дѣвать некуда.

Какъ ни совѣстно было отказаться отъ такого радушнаго и честно предложеннаго ужина, я отказался.

— Можно здѣсь курить?—спросилъ я у Ѳедосѣева.

— Курите, сколько хотите!—отвѣчалъ тотъ. — Только я боюсь пожара, такъ я солдата здѣсь поставлю.

— Нѣтъ, не безпокойтесь,—я курить въ такомъ случаѣ не буду.

— Курите, пожалуйста, солдатъ во всякомъ случаѣ тутъ будетъ: курите, не курите—солдатъ тутъ обязанъ быть.

Ѳедосѣевъ ушелъ; я закурилъ папироску и сталъ просматривать «Псковскія Вѣдомости». Въ одномъ нумерѣ этихъ газетъ было объявленіе о выходѣ книжки «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ другомъ – «Сына Отечества»; другихъ статей въ литературномъ отдѣлѣ не оказалось; но я никакъ не могъ заснуть: диванъ, на которомъ я сидѣлъ, былъ такъ устроенъ, что на немъ не только лежать, но и сидѣть было довольно трудно; да къ тому же солдатъ, легшій у дверей, довольно сильно оказывалъ свое присутствіе...

— Вы не спите?—спросилъ онъ меня часу въ двѣнадцатомъ.

— Да спать нельзя,—отвѣчалъ я ему.

— Э! нельзя! тутъ еще можно; вотъ, случается, въ арестантскую запрутъ, тамъ

человѣку и дышать не можно, народу оттуда не выпускаютъ; тамъ и *поскудите*; духъ такой—быть нельзя,—проговорилъ солдатъ малороссійскимъ выговоромъ и опять захрапѣлъ.

Я снова принялся за вѣдомости и никакъ не думалъ, что мнѣ тотчасъ же придется побывать въ арестантской, въ которой *быть нельзя*, по отзыву солдата. Я захотѣлъ открыть окно; не зная хорошенько полицейскихъ обычаевъ, я опасался разбудить солдата и потому довольно тихо подошелъ къ окну.

— Куда ты, собачій сынъ?—крикнулъ проснувшійся солдатъ: — въ окно хочешь выпрыгнуть! Я тебя...

Какъ я ни увѣрялъ его, что я не хочу, да и не могу выпрыгнуть со втораго этажа,—солдатъ не вѣрилъ.

На шумъ пришелъ господинъ Ѳедосѣевъ.

— Вамъ не угодно было тутъ сидѣть!—сказалъ онъ,—вы хотѣли выпрыгнуть въ окно,—пожалуйте въ арестантскую!

Меня повели въ арестантскую.

Вы знаете, что я хожу по деревнямъ, выбираю избы для ночлеговъ поплоше; стало быть, къ грязи присмотрѣлся, но такой грязи, какую я нашелъ *въ арестантской*, не дай Богъ вамъ видѣть: я буквально цѣлую ночь присѣсть не могъ, комната... нѣтъ, не комната, а подвалъ, довольно большой, перегороженный неизвѣстно для чего пополамъ, съ мокрымъ поломъ, на которомъ *поскудятъ* и который не чистятъ; съ однимъ окномъ въ четверть вышиной и въ аршинъ длиной... И этотъ подвалъ никогда не отворяютъ!

— Ты за что попалъ?—спросилъ меня одинъ арестантъ, мальчикъ лѣтъ 18-ти, какъ я увидалъ на другой день по утру, потому что въ арестантской огня не было.

— Не знаю, братъ!

— Вѣрно стянулъ что?

— Нѣтъ, пока Богъ миловалъ...

— А ты за что?—спросилъ я его въ свою очередь.

— Да отъ барина сбѣжалъ, напился пьянъ, да на улицѣ и подняли. Вотъ одиннадцать дней какъ держатъ, хоть бы въ баню пустили.

Баня этому мальчику была необходима; каждый волосъ на головѣ буквально былъ усѣянъ извѣстными насѣкомыми.

— Что-жъ съ тобою будетъ?

— А приведутъ меня къ господамъ своимъ, тѣ ту же пору половину головы обрѣютъ, выпорютъ, а тамъ черезъ три дня еще выпорютъ; а тамъ еще черезъ три дня выпорютъ: до трехъ разъ, да и оставятъ.

— А развѣ бывало ужъ съ тобою это?

— Въ другой разъ... Не знаешь-ли ты, человѣкъ милый, сказки какой? спать не хочется.

Я сталъ ему разсказывать исторію Ветхаго Завѣта.

— Однако я вижу, ты изъ книгъ говоришь, — сказалъ мужикъ, выходя изъ-за перегородки нашей арестантской, и до того времени тамъ спавшій.

— Вѣрно ты слыхалъ, а можетъ и самъ читалъ эти книги?—спросилъ я его.

— Попы читаютъ,—отвѣчалъ тотъ, позѣвывая. — Скажи, человѣкъ *душевный*, за что тебя схватили?—спросилъ онъ меня.

— Я не мужикъ, а надѣлъ мужицкое платье; за это и посадили.

— Какъ, за мужицкую одежу?

— Да, за мужицкую одежу.

— Да развѣ мужикъ не человѣкъ?

На этотъ вопросъ я не зналъ, что могу сказать, а потому и не отвѣчалъ ему.

— Мужикъ тоже человѣкъ!—убѣдительно говорилъ мой новый товарищъ.—Разсказывай, что въ книжкахъ читалъ!—прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

Я сталъ продолжать разсказъ исторіи Ветхаго Завѣта. Дошло дѣло до Іосифа.

— А, другъ любезный,—спросилъ меня мужикъ:—Іосифа прекраснаго?

— Ну да, Іосифа прекраснаго...

— Говори, говори,—одобрительно проговорилъ мужикъ.

— Сидѣлъ Іосифъ въ темницѣ, въ которой сидѣли также хлѣбодаръ и виночерпій...

— Все равно, какъ мы здѣсь въ тюрьмѣ сидимъ, другъ задушевный,—перебилъ меня мужикъ.—Присядь да разсказывай; что ты все стоишь? Присядь.

Я отказался отъ его приглашенія: разсказывать мнѣ наскучило, и я спросилъ мужика, за что онъ сидитъ?

— А вотъ видишь ты, другъ душевный, заболѣла у меня губа; пошелъ я, другъ душевный, къ волхвамъ, а тѣ волхвы дали мнѣ траву,—прикладывай, молъ, къ больной губѣ. И разнесло-жъ губу, сказать нельзя!.. Прихожу къ барынѣ... а барыня у насъ милосердая... «Ты, говоритъ, теперь человѣкъ убогій,—ступай самъ корми свою душу». Вотъ въ третьемъ году напился я пьянъ, — завалился на улицѣ; меня поднялъ Архипка... десятской... здѣсь переночевалъ. Поутру въ присутствіе, къ полицеймейстеру — «Зачѣмъ пьянъ напился?» крикнулъ тотъ. — Такъ и такъ: получилъ деньги за работу... «Посадить!..» Ну, другъ любезный, здѣсь царство небесное; а не приведи тебѣ Господь побывать въ земскомъ судѣ — просто быть нельзя... Повели меня, добраго молодца, изъ полиціи въ земскій судъ, продержали тамъ меня ровно двѣ недѣлечки, а тамъ отправили къ становому, въ станъ... У становаго я тебѣ скажу, другъ любезный, сказать нельзя какъ хорошо: выйдешь себѣ на крылечко, закуришь трубочку и сидишь... Становой мимо пройдетъ, крикнетъ: «ѣлъ щи?»—Ты ему, самъ разумѣй, скажешь: ѣлъ, не ѣлъ-ли. — «Не ѣлъ! дать щей!» — Вотъ, другъ любезный, продержали въ Изборскѣ въ стану дней пять, послали къ барынѣ. а барыня говоритъ: не надо мнѣ его. Меня опять къ становому, отъ него въ земскій судъ, изъ суда въ полицію, а тутъ ужъ и выпустили.

— А теперь-то тебя за что взяли?—спросилъ я.

— Видишь, другъ любезный, работалъ я у мужика... верстъ пять отъ города... хлѣбъ убиралъ; хозяинъ привелъ меня въ питейный. Деньги всѣ мнѣ отдалъ, да и поилъ на свои... Было, другъ душевный, выпито не мало!.. Пошелъ я домой, да и зашелъ подъ дилижансы: отыскали тамъ меня, да въ полицію; было 80 копѣекъ—и тѣ пропали!

— Слава Богу,—сказалъ я.

— Какой—слава Богу? 80 копѣекъ, говорятъ тебѣ, пропали!

— На 80 копѣекъ опять бы напился, опять бы взяли,—сказалъ я.

— Куда-жъ дѣть?! напился-бъ... а пожалуй и взяли-бъ; мнѣ такое счастье, какъ напьюсь, такъ и возьмутъ: и во хмелю хорошъ!..

— Опять бы продержали недѣлю,—продолжалъ я.

— Ну нѣтъ! недѣлей не обойдешься: дай Богъ въ мѣсяцъ покончить; да и то еще какъ Богъ приведетъ!

— Теперь же что съ тобой будетъ?

— Теперь опять въ земскій судъ, а тамъ къ становому; становой пошлетъ къ барынѣ; а та барыня опять скажетъ: «а ты мнѣ не надобенъ».—Опять поведутъ въ станъ въ Изборскъ; а изъ Изборска въ земскій судъ; а изъ того земскаго суда въ полицію. А тутъ увидитъ полковникъ полицеймейстеръ, скажетъ собачьяго сына да и выпуститъ. Я ничего не боюсь,—прибавилъ онъ:—сидѣть, по малу случается, скучно бываетъ, а я духу не боюсь!

Разсвѣло. Было около 9 часовъ, пріѣхалъ въ полицію частный приставъ.

— Гдѣ губернскій секретарь Якушкинъ? къ частному!

— Повели меня вверхъ.

— Какъ вы смѣли надѣвать ордена?—спросилъ меня ласковымъ голосомъ частный.

— Какъ ордена?—спросилъ я, изумившись.

— Его видѣли въ орденахъ въ среду, а онъ не знаетъ!—продолжалъ частный.

— Кто же видѣлъ?

— А вотъ кто!—сказалъ онъ, указывая на служащаго въ полиціи чиновника который былъ въ присутствіи.

— Да, я видѣлъ: вы шли изъ собора,—заговорилъ чиновникъ: — я посмотрѣлъ на грудь, а грудь вся орденами завѣшана... Я еще подумалъ: какой молодецъ!

— Въ этотъ день вы меня не могли видѣть въ Псковѣ,—отвѣчалъ я ему, — не только въ орденахъ, но и безъ орденовъ: я въ этотъ день былъ въ Изборскѣ у тамошняго благочиннаго.

— Это мы справимся!—сказалъ, улыбаясь, частный.

— Я васъ прошу справиться.

— А какъ вы, милостивый государь, въ окошко хотѣли выпрыгнуть?—самымъ любезнымъ голосомъ продолжалъ частный.

— Не помню, отвѣчалъ-ли я что-нибудь на этотъ вопросъ. Кажется нѣтъ.

Пріѣхалъ полицеймейстеръ. Съ перваго раза видно было, что онъ человѣкъ, что называется, *добрѣйшій*, съ ловкими новѣйшими манерами и веселаго нрава.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Псковскую губернію? — спросилъ онъ, когда меня снова ввели въ присутствіе.

Я ему вмѣсто отвѣта показалъ письмо отъ редактора «Русской Бесѣды».

— Гдѣ вы учились?

Я ему сказалъ.

— Да... вотъ ваши бумаги, возьмите ихъ! Гдѣ вы остановились?—спросилъ онъ.

— У Егора Васильевича Васильева,—отвѣчалъ я.

— Въ конторѣ рижскихъ дилижансовъ... знаю. Прощайте, можете итти, куда угодно.

— Позвольте, полковникъ, — заговорилъ я, немножко обиженный такою милостью:—ежели я виноватъ, то долженъ быть наказанъ; я не хочу отъ васъ никакой милости, а ежели понапрасну меня задержали здѣсь цѣлую ночь, то вы должны наказать того, кто меня сюда посадилъ.

— Да чѣмъ же васъ обидѣли?—спросилъ меня полицеймейстеръ.

— Какъ чѣмъ?—спросилъ я, удивленный этимъ вопросомъ: — цѣлую ночь просидѣть здѣсь... Развѣ я подозрительный человѣкъ?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ: было бы хоть мало подозрѣнія, я-бъ васъ не выпустилъ! У насъ это не считается за порокъ,—продолжалъ любезно полицеймейстеръ;— у насъ свои чиновники... и тѣхъ сажаютъ!

— Ваши чиновники могутъ не обижаться...

— Чего вы хотите?—прервалъ онъ меня.

— Позвать прокурора и объявить ему это происшествіе.

— А-а!.. къ губернатору!—крикнулъ полицеймейстеръ.

Квартальный надзиратель съ будочникомъ повели меня, но не къ губернатору, котораго въ Псковѣ въ то время не было, а къ какому-то «начальнику», управляющему губерніей. Этого начальника на ту пору не было дома. Черезъ четверть часа пріѣхалъ полицеймейстеръ...

— Его превосходительство ѣдутъ,—торопливо проговорилъ дежурный чиновникъ, взглянувъ въ окно.

Вошло его превосходительство.

— Я думаю послать за справкой въ Малоархангельскъ, въ земскій судъ,—сказалъ онъ, посмотрѣвъ мои бумаги.

— Помилуйте, ваше превосходительство!—сказалъ я, вспомнивъ недавніе разсказы о томъ, какъ въ полиціи и въ земскомъ судѣ скоро дѣла дѣлаются,—это долго протянется...

— Довольно долго, а вы пока посидите въ полиціи!

Меня обратно привели въ дворянскую. Минутъ черезъ десять вошелъ ко мнѣ полицеймейстеръ, наговорилъ любезностей, назвалъ меня «мой милый» и ушелъ. Едва успѣлъ онъ уйти, какъ вошелъ старикъ-квартальный.

— Что ты задумалъ?—закричалъ онъ,—съ самимъ полковникомъ [1] (*энергическое слово!*) Да и какъ ты, губернскій секретарь, смѣлъ носить мужицкое платье! Я тебя въ Сибирь упеку (*энергическое слово!..*) Я своему Государю подпоручикъ, хоть худенькое платье, но все дворянское...

Вовсе не чувствуя свое самолюбіе оскорбленнымъ квартальническою бранью и не желая перебранкою становиться съ нимъ на одну доску, я ему не отвѣчалъ ни слова, несмотря на то, что эта брань продолжалась болѣе часа. Къ вящшему моему удовольствію, этотъ строгій господинъ не позволилъ затворять дверей, и всѣ просители, приходящіе въ полицію, считали долгомъ *подивиться* на меня.

Былъ часъ уже четвертый, а ѣсть мнѣ не хотѣлось, и я снова не могъ не отказаться отъ предложеннаго мнѣ Николаемъ Ѳедосѣевичемъ обѣда.

— Милый мой!—проговорилъ полицеймейстеръ, входя ко мнѣ въ дворянскую на другой день поутру.—Зачѣмъ вы здѣсь сидите?

— Вамъ угодно было посадить меня.

— Ступайте, сейчасъ же ступайте!

Я вышелъ. Разстроенный, не ѣвши и не спавши почти двое сутокъ, я не захотѣлъ ни минуты оставаться во Псковѣ и ушелъ въ г. Островъ. Въ это время я перемѣнилъ свою поддевку на худенькій кафтанишко. На третій день возвратился въ Псковъ и взялъ билетъ, чтобы по чугункѣ ѣхать въ Петербургъ.

Я былъ уже въ вагонѣ и очень спѣшилъ уѣхать. Почему-то все еще боялся приключеній. Къ несчастію, мои опасенія оправдались. Когда я думалъ, обойдется-ли дѣло безъ нихъ, раздался громкій голосъ въ дверяхъ вагона:

— Кто здѣсь въ очкахъ?

Дѣло, очевидно, касалось меня, но я молчалъ.

— Да тутъ нѣтъ въ очкахъ, — проговорилъ какой то мужиченко. — Лѣзь подъ лавку,—шепнулъ онъ, толкнувъ меня локтемъ.

Я не рѣшился на этотъ подвигъ.

— Я его узнаю, сейчасъ же узнаю,—кричалъ какой-то квартальный, влѣзая въ вагонъ, и съ этими словами, схвативъ меня за воротъ, вытащилъ изъ вагона.

Этотъ квартальный, какъ послѣ оказалось, имѣлъ удивительныя предчувствія: они, по его словамъ, никогда не обманывали, и, къ несчастію, эти предчувствія заставляли его думать обо мнѣ Богъ знаетъ что.

Здѣсь же былъ и частный.

— Э!—кричалъ квартальный: — да ты не простая птица! пять минутъ своими глазами видѣлъ тебя въ плисовой поддевкѣ. Ты у меня заговоришь! Зачѣмъ переодѣваешься?

— Пять минутъ вы не могли видѣть меня въ плисовой поддевкѣ: гораздо раньше я ее перемѣнилъ,—отвѣчалъ я.

— Каковъ!—продолжалъ квартальный, обращаясь къ частному:—своими глазами видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ; я за нимъ два часа смотрѣлъ.

— Я самъ видѣлъ,—рѣшилъ частный.

— Что *ты* на это скажешь?—грозно крикнулъ квартальный.

— Нельзя-ли слово *ты* выкинуть изъ вашего разговора?—сказалъ я.

Квартальный-было расходился, но частный его усмирилъ.

Около насъ собралось довольно много мѣщанъ и мужиковъ. Изъ этой толпы слышались слова: «ученаго схватили...» Эти слова были произнесены многими съ замѣтнымъ ко мнѣ сочувствіемъ.

Квартальный съ частнымъ поѣхали къ полицеймейстеру, а меня будочникъ по-

---

[1]) Подполковниковъ въ этомъ быту всегда величаютъ полковниками.

велъ въ полицію, откуда пріѣхавшій за мной квартальный повезъ и меня къ полицеймейстеру.

— Здравствуйте, мой милый, — сказалъ мнѣ полицеймейстеръ, когда я вошелъ къ нему.—Какой костюмъ!

— Скажите, полковникъ,—спросилъ я:—за что меня схватили?

-- За переодѣванье, мой милый!

— Пять минутъ назадъ я видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ,—проговорилъ, улыбаясь, частный.

— И я тоже,—подтвердилъ квартальный:—мы его караулили.

Опять повели меня въ полицію, гдѣ я высидѣлъ снова *шесть* дней!.. Я хотѣлъ писать въ Петербургъ, въ Москву къ своимъ знакомымъ, но мнѣ не позволили. На третій день мнѣ задали какіе-то *вопросные пункты*: какого я вѣроисповѣданія, женатъ или нѣтъ, есть-ли дѣти и гдѣ оныя находятся, знаю-ли я грамотѣ и т. п. Я тотчасъ же написалъ, что я вѣроисповѣданія православнаго, холостъ; грамотѣ знаю, и отдалъ эти *вопросы* квартальному, который мнѣ сказалъ: «напрасно торопились, эти бумаги раньше недѣли никуда не пойдутъ».

Сидѣли-ли вы въ карцерѣ?—скучно сидѣть одному! Но вы не можете себѣ представить, что испытываетъ человѣкъ, когда его не оставляютъ ни на минуту одного, а въ моей комнатѣ постоянно, и день и ночь, сидѣлъ десятскій.

— Христа ради, позвольте мнѣ написать моимъ знакомымъ, — нѣсколько разъ говорилъ я полицеймейстеру.

— Пишите, милый мой, пишите,—*мечтайте!*—обыкновенно отвѣчалъ тотъ.

Но вотъ бѣда: никто не брался отнести мои письма на почту, боясь учинить беззаконіе.

Погода была дурная и довольно холодная; полицію стали оклеивать новыми обоями и всѣ окошки открыли.

— Позвольте мнѣ хоть одну строчку написать въ Москву,—сказалъ я полицеймейстеру, когда тотъ, уже въ четвертый день, вошелъ ко мнѣ и успѣлъ уже назвать меня «мой милый».

— Пишите, кому хотите!

— Здѣсь никто не берется отнести мои письма на почту,—прикажите!

— Эй, квартальный!—крикнулъ полицеймейстеръ:—Я тебя!..

Не помню хорошенько всей фразы, сказанной полицеймейстеромъ квартальному; могу только сказать, что эта фраза была очень энергична.

Разумѣется, я воспользовался этимъ позволеніемъ и тотчасъ же написалъ три письма; позволеніе я получилъ въ исходѣ 12 часа, на почтѣ принимаютъ до 12 часовъ; я торопился, и, вѣрно, мои письма не совсѣмъ были складно написаны. Одно ихъ нихъ было адресовано къ одному довольно значительному лицу въ Москвѣ...

— Скажите, пожалуйста,—говорили мнѣ потомъ въ полиціи:—видно по вашимъ письмамъ, да и сами вы говорите, что вашими занятіями интересуются *такіе* люди; какъ же они допускаютъ васъ до такого положенія?

— Какъ до такого?

— Да помилуйте, худой кафтанишко...

Этимъ господамъ я никакъ не могъ растолковать, для чего я ношу такое платье.

— Что вы здѣсь дѣлаете, мой милый?—спросилъ меня полицеймейстеръ, входя ко мнѣ на шестой день въ дворянскую.

— Помилуйте, полковникъ, отошлите меня въ острогъ; здѣсь быть нельзя, вы сами видите.

— Въ острогѣ хуже.. а даете-ли мнѣ слово выѣхать изъ Пскова... нынче же.

— Непремѣнно выѣду.

— Ну прощайте, мой милый!.. ничего объ немъ не писать!—крикнулъ полицеймейстеръ въ канцелярію.

Я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Пскова.

Какъ ни непріятны мнѣ воспоминанія объ этой исторіи, но и въ ней мнѣ видны свѣтлыя минуты: съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаю участіе, которымъ я пользовался отъ Николая Ѳедосѣевича Ѳедосѣева [1]), никогда не забуду жены десятскаго, которая приходила ко мнѣ съ предложеніемъ поиграть въ мельники. Трудно представить себѣ, какъ эти добрые люди, видя человѣка въ несчастіи, искренно, родственно желали облегчить минуты тяжкаго моего плѣна.

Посылаю имъ привѣтъ, жму руку имъ и десятскому, который заподозрилъ меня и засадилъ въ арестантскую не дворянскую—*въ ней же быть нельзя* и который послѣ совѣстился взглянуть на меня и избѣгалъ со мною встрѣчи.

Долгомъ считаю сказать: 1) что ни Николаю Ѳедосѣевичу, никому изъ десятскихъ, ни ихъ женамъ—я не далъ ни копѣйки; да и никому изъ полицейскихъ чиновниковъ; кромѣ древней серебряной копѣйки, которую я отдалъ самъ квартальному надзирателю подъ сохраненіе и которая, я увѣренъ, будетъ мнѣ возвращена.

2) Что никто моихъ бумагъ (у меня другихъ вещей съ собой не было) не осматривалъ: три раза арестовывали безъ допроса; три раза выпускали, и каждый разъ выпускали, говоря, что я человѣкъ неподозрительный.

3) Обо мнѣ никакихъ справокъ не дѣлали.

Если полиція находила мой костюмъ незаконнымъ, она не имѣла права меня миловать. Если находила мои бумаги фальшивыми, какъ же меня выпустили? Если свидѣтельство чиновника—о надѣванныхъ будто бы мною орденахъ и квартальнаго (хвастающаго предчувствіями) о моемъ переодѣваньи—уважительны, отчего не было произведено слѣдствіе? Если они ложны, такъ какъ же допускать подобную легкость лжесвидѣтельства и терпѣть такихъ людей въ полиціи? Какъ же можно такъ обращаться съ личностью человѣка? Этотъ произволъ не выкупается ни гвардейскою любезностью полицеймейстера, ни позднею учтивостью частнаго пристава.

Павелъ Якушкинъ.

III.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НОВАГО СБОРНИКА „ОБРАЗЦОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ".

(По поводу статей о «Сельскомъ Хозяинѣ»).

После статьи г. Якушкина, къ самымъ отраднымъ явленіямъ послѣдняго времени безспорно принадлежатъ журнальныя статьи о „Сельскомъ Хозяинѣ". Всѣ наши публицисты въ справедливомъ восторгѣ отъ столь радостнаго факта. По мнѣнію ихъ, статьи о „Сельскомъ Хозяинѣ" даже отраднѣе письма г. Якушкина для человѣка, истинно любящаго прогрессъ родной литературы [2]). У г. Якушкина разсказывается о дѣлѣ, давно намъ

[1]) Унтеръ-офицера полиціи.

[2]) Просимъ замѣтить, что здѣсь, какъ и вездѣ, мы разсматриваемъ предметъ исключительно съ литературной, даже правильнѣе—съ беллетристической точки, такъ какъ она гораздо свѣтлѣе. Мы—спокойные литераторы, не государственные люди, не акціонеры, не дѣятели практической жизни. Намъ нѣтъ дѣла до того, что потеряютъ акціонеры общества «Сельскій Хозяинъ», равно какъ и до того, долго ли просидятъ и какъ будутъ выпущены товарищи заключенія г. Якушкина; мы не хотимъ вмѣшиваться въ эти мелочные дрязги, которые могутъ только испортить пищевареніе. Наше дѣло — литература, живое слово, и болѣе ничего; насъ одушевляетъ любовь къ прекрасному, и во имя этой-то любви мы восхищаемся указанными статьями.

знакомомъ, о такомъ дѣлѣ, на которомъ мы могли уже набить себѣ руку въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; слѣдовательно, мастерство изложенія г. Якушкина не такъ еще удивительно. Но въ статьяхъ гг. *Левагиова*, *Богданова*, *Кокорева*, *Байкова* поднятъ вопросъ новый, незнакомый намъ до сихъ поръ, вопросъ о дѣлѣ, только еще начинающемся въ нашемъ любезномъ отечествѣ. И при всемъ томъ—какъ пишутъ!.. Какая смѣлость, какое благородство выраженій! Какое достоинство тона! Дѣйствительно, сердце каждаго русскаго, любящаго литературу своего отечества, не можетъ не ощутить радостнаго трепета при чтеніи подобныхъ статей! Мы считаемъ своимъ долгомъ занести ихъ въ „Свистокъ", чтобы сохранить для будущихъ вѣковъ [1]) образчики образцовыхъ сочиненій нашего времени...

Впрочемъ, чтобъ вполнѣ оцѣнить достоинство статей о „Сельскомъ Хозяинѣ", нужно разсказать все дѣло для читателей, подобно намъ незнакомыхъ съ акціонерной дѣятельностью нашего отечества. Мы возьмемъ свѣдѣнія изъ обстоятельной статьи объ этомъ предметѣ, напечатанной г. Серно-Соловьевичемъ. Эта статья, равно какъ и замѣтка г. Ахшарумова въ № 211 „Спб. Вѣдомостей", — суха и вообще не очень замѣчательна, хотя и она по мѣстамъ блеститъ красотами карамзинскаго слога. Но дѣлать нечего—для ознакомленія съ дѣломъ приходится обратиться и къ такой статьѣ.

Общество „Сельскій Хозяинъ" учреждено въ 1857 г. гг. *Кокоревымъ*, *Бенардаки*, *Байковымъ*, *Фонъ-Дезеномъ* и *Шолле*. Программа дѣятельности его была очень обширна, но главная задача его состояла въ приготовленіи изъ мяса консервовъ и торговлѣ ими съ Франціею. Дѣло обѣщало большія выгоды, и акціи быстро разобраны, съ преміею до 10 р. с.

19 октября было первое общее собраніе, въ которомъ выбраны въ члены главнаго правленія гг. *Байковъ*, *Фонъ-Дезенъ*, *Алфераки*, *Скараманга*, *Шолле* и *Делессеръ*, и положено, по убѣжденіямъ г. *Байкова*, перевести правленіе общества въ Таганрогъ.

Постановленіе это было исполнено не ранѣе марта 1858 г., а между тѣмъ, засѣданія главнаго правленія происходили въ Петербургѣ, гдѣ изъ шести членовъ находились только гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ*.

Въ это время образованъ личный составъ управленія, при чемъ сдѣланы условія весьма стѣснительныя для общества. Такъ, напримѣръ, г. *Кингъ*, управляющій главною конторою, приглашенъ на 6 лѣтъ, съ платою ему 6.000 р. с. въ годъ и 3 проц. съ чистой прибыли; въ случаѣ его смерти, наслѣдники его получаютъ полугодовое жалованье и 1 проц. при-

[1]) Исчислено, что «Свистокъ» будетъ долговѣчнѣе всѣхъ газетъ и журналовъ.

были; если онъ оставитъ службу общества, то ему 5 лѣтъ выдается 1 проц. прибыли; если общество откажетъ ему, то обязано уплатить жалованье и проценты по срокъ контракта.

Въ это же время сдѣланъ планъ дѣйствій, признанный потомъ негоднымъ. Въ это же время куплена привилегія Фастье на приготовленіе консервовъ—за 20.000 р. сер., съ ежегодною платою сверхъ того въ теченіе 12 лѣтъ по 1.000 р. с. Къ чему она послужила, до сихъ поръ неизвѣстно.

Вообще, до составленія новаго правленія въ Таганрогѣ, денегъ было издержано 154 т. р. с., да г-мъ Шолле во Франціи было израсходовано 165.650 франковъ—безъ всякой предварительной смѣты.

21 января 1858 г. было новое общее собраніе акціонеровъ. Здѣсь было вытребовано: на постройку ростовскихъ фабрикъ съ принадлежностями—400.000 р. сер., на покупку и кормъ скота—400.000 р. с., на издержки фабрикаціи и управленія—100.000 р. с. Подробныхъ смѣтъ не было, и даже не сказано было, на какой срокъ испрашивались суммы для покупки и корма скота и на управленіе. Но, тѣмъ не менѣе, общее собраніе акціонеровъ безпрекословно утвердило всѣ требованные расходы.

Въ этомъ же собраніи представлено было о раздѣленіи управленія между тремя директорами-распорядителями. Составили особый комитетъ изъ акціонеровъ и выбрали: во Франціи—г. *Шолле*, съ вознагражденіемъ 1 проц. съ товаровъ, проданныхъ за-границей, а въ Россіи—гг. *Байкова* и *Фонъ-Дезена*, съ жалованіемъ 6.000 р. сер. въ годъ. Впрочемъ, впослѣдствіи оказалось, что гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ* брали свое жалованье уже съ октября 1857 года.

Въ томъ же комитетѣ былъ предложенъ директорами вопросъ о разрѣшеніи употреблять свободныя суммы общества на посторонніе обороты, но комитетъ не разрѣшилъ этого. Несмотря на то, впрочемъ, г. *Байкову* выдано было 42.000 р. сер. ссуды изъ кассы общества, подъ залогъ его акцій того же общества, хотя г. *Байковъ*, вмѣстѣ съ г. *Фонъ-Дезеномъ*, не оплатили своихъ акцій вторымъ взносомъ. Мало того,—22.000 изъ выданныхъ денегъ, до недавняго обозрѣнія петербургскимъ правленіемъ кассы, не были истребованы обратно, хотя уже чувствовался недостатокъ въ деньгахъ.

По переводѣ правленія въ Таганрогъ, главными дѣятелями остались опять гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ*: первому поручена главная контора и вся текущая часть по дѣйствіямъ и оборотамъ общества; второму—завѣдываніе постройкою ростовскихъ фабрикъ и покупкою скота. Дѣйствія ихъ были не совсѣмъ удовлетворительны, какъ показали послѣдствія: заготовляемый скотъ былъ плохъ и дорогъ; издержки управленія были такъ велики, что когда потомъ потребовали сокращенія расходовъ, то самъ г. *Бай-*

ковъ нашелъ, что можно ихъ *сократить, безъ всякаго неудобства,* на 30.000 р. с.! За-границей содержали нѣсколькихъ агентовъ съ платой имъ 3.000 р. с. въ годъ,—а дѣлъ еще никакихъ не было; на югѣ Россіи арендовались степи, которыя по ненужности надо было потомъ сдавать въ третьи руки; покупалась для размола пшеница, когда еще только стали говорить о постройкѣ мельницы; нанимались лавки и магазины для товаровъ, которыхъ еще не существовало!...

17 іюня, 1858 г., было чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ для разсужденій о постройкѣ мукомольной мельницы въ Таганрогѣ. Постройка мельницы была, впрочемъ, и безъ общаго собранія рѣшена еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и къ постройкѣ ея уже приглашенъ былъ, по рекомендаціи г. *Кинга*, г. *Штетцеръ*, хотя онъ, какъ впослѣдствіи оказалось, не имѣлъ никакого понятія о дѣлѣ. Такимъ образомъ, разрѣшеніе общаго собранія акціонеровъ было не болѣе, какъ одною формальностью.

Впрочемъ, въ половинѣ прошлаго года уже носились слухи, весьма неблагопріятные для правленія общества. Поэтому, собраніе 17 іюня началось тѣмъ, что г. *Байковъ* прочелъ весьма краснорѣчивое опровержені слуховъ, распускаемыхъ недоброжелателями общества. Акціонеры, новидимому, убѣдились, — тѣмъ болѣе, что свое краснорѣчивое опроверженіе г. *Байковъ* заключилъ обѣщаніемъ, что факты сами будутъ говорить за себя.

И дѣйствительно, — акціонерамъ представлена записка, изъ которой оказывалось, что по смѣтамъ, составленнымъ вновь и уже *окончательно*, ростовскія фабрики будутъ стоить не 400, а только 260 тысячъ р. с. Къ этому прибавлялось еще, что цѣны въ смѣтахъ съ намѣреніемъ выставлены самыя высокія, такъ что можно поручиться за 20 проц. экономіи съ суммы 130.000 р. с., назначенныхъ собственно на постройку. Сверхъ того, въ этой же смѣтѣ включены еще 15.000 на непредвидѣнныя издержки. Словомъ, въ общемъ собраніи 17 іюня акціонеры внезапно, противъ всякаго чаянія, пріобрѣтали 180.000 р. с. на одной постройкѣ ростовскихъ фабрикъ!.. А между тѣмъ отъ фабрикъ этихъ обѣщали имъ еще 20 проц. чистой прибыли!...

Затѣмъ требовалось на постройку мельницы 330.000 р. сер. Представлено было, что чистая прибыль отъ нея, при 12-ти-часовой работѣ. должна простираться до 21 проц., а при 20-ти часовой — до 28 проц. Возможно-ли было не увлечься такой перспективою? Акціонеры и увлеклись дѣйствительно: всѣ требуемые расходы были утверждены.

Мало того: краснорѣчивые доводы г. *Байкова* были такъ убѣдительны, что съ этого времени вся власть по управленію дѣлами переходитъ въ руки г. Байкова. Сначала, подъ предлогомъ отсутствія нѣкото-

рыхъ членовъ, прекратили еженедѣльныя засѣданія и *поручили веденіе текущихъ дѣлъ г. Байкову* и главной конторѣ подъ его непосредственной отвѣтственностью, а въ непредвидѣнныхъ случаяхъ разрѣшили г. *Байкову дѣйствовать именемъ главнаго правленія;* затѣмъ, въ видахъ устройства кассы и отчетности на коммерческомъ основаніи, главное правленіе положило *не повѣрять кассы, а предоставить это директору-распорядителю.* Наконецъ, главнымъ правленіемъ признано, что раздѣленіе занятій между тремя директорами-распорядителями неудобно, ибо разъединяетъ единство управленія и подчиняетъ его личнымъ, иногда несогласнымъ между собою, взглядамъ каждаго директора. Вслѣдствіе того и положено: сосредоточить всѣ дѣла въ лицѣ одного директора-распорядителя, которому правленіе *передаетъ всѣ права свои* и потому предоставляетъ: подписывать бумаги и денежные документы, завѣдывать кассою, блюсти за расходами, заключать контракты и условія, надзирать за работами и постройками, завѣдывать личнымъ составомъ служащихъ, входить во внутреннее управленіе отдѣльными учрежденіями общества, распоряжаться всѣми дѣйствіями и операціями, *подписывать* всѣ *бумаги именемъ правленія*; послѣднее право предоставлено и г. *Кингу*.

Все это было рѣшено безъ общаго собранія, т.-е. безъ вѣдома большинства акціонеровъ. Поэтому положено было — представить обо всемъ этомъ будущему общему собранію, а до тѣхъ поръ *возложить всѣ вышеуказанныя права и обязанности* на г. *Байкова*.

Самому же г. *Байкову* порученъ и докладъ отчета общему собранію, вслѣдствіе чего онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а права его всѣ переданы г. *Кингу*.

Г. *Фонъ-Дезенъ* тоже уѣхалъ въ это время въ Петербургъ, не исполнивъ данныхъ ему на югѣ порученій относительно заготовленія скота.

Новое общее собраніе акціонеровъ было 25-го января 1859 г. На этотъ разъ г. *Байковъ* долженъ былъ сознаться въ нѣкоторыхъ ошибкахъ, совершенныхъ *по неопытности;* но вообще увѣрялъ, что дѣла идутъ отлично. Управленіе на югѣ, по его словамъ, было образцовое, составъ служащихъ—превосходный, надежды въ будущемъ—самыя блестящія... Не ограничиваясь словами, онъ представлялъ факты: удостовѣрялъ, что изъ находящагося у общества въ наличности скота будетъ товару на 200.000 р. сер. и, для полнѣйшаго подтвержденія своихъ увѣреній, указывалъ акціонерамъ на предварительно розданный имъ толстѣйшій отчетъ, изъ котораго, однако, ничего нельзя было понять.

Обаяніе г. *Байкова* на всѣхъ акціонеровъ было такъ неотразимо, что они и тутъ готовы были во всемъ предаться на волю его. Но ихъ нѣсколько озадачило то, что акціи общества сильно упали, дивидендъ не былъ выданъ, и между тѣмъ требовались новыя ассигновки.

Вслѣдствіе такихъ сильныхъ фактовъ, общее собраніе рѣшилось *въ первый разъ* изъявить нѣкоторое несогласіе съ предположеніями главнаго правленія. Положено было: перевести правленіе изъ Таганрога въ Петербургъ, избрать 10 почетныхъ членовъ, для ревизіи кассы и книгъ и для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ общему собранію; поручить правленію обратить особое вниманіе на скорѣйшее окончаніе фабрики и мельницы; позаботиться о сокращеніи издержекъ и привести въ извѣстность текущіе расходы.

Эти вѣжливыя мѣры показались, однако, самимъ акціонерамъ верхомъ дерзости, и они постарались сколько возможно смягчить свои дѣйствія, чтобы не показать вида недовѣрія. Такимъ образомъ, правленію торжественно *принесена благодарность* за откровенное изложеніе дѣла; въ число почетныхъ членовъ избранъ г. *Кокоревъ*, одинъ изъ учредителей общества, дѣйствовавшій въ отношеніи къ правленію — какъ ниже увидимъ; г. *Байковъ*, по очереди выбывшій изъ директоровъ, *избранъ снова*, — на что онъ и указывалъ впослѣдствіи, какъ на заслугу свою...

Въ Петербургѣ составъ правленія былъ уже другой: гг. *Скараманга*, *Война* и *Алфераки* отказались отъ своихъ должностей по переводѣ правленія изъ Таганрога, и вмѣсто нихъ вступили гг. *Якобсонъ*, *Трубниковъ* и *Золотаревъ*. Гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ* остались членами попрежнему и, такимъ образомъ, по смыслу послѣднихъ порученій правленію отъ общаго собранія, получали вновь то лестное право, которымъ г. *Байковъ* и прежде пользовался, — право *ревизовать самихъ себя*.

Однако же теперь г. *Байковъ* былъ уже не одинъ, и потому надо было привести отчетность въ такое положеніе, чтобы она не ему одному была понятна, а могла быть доступна и для другихъ. Но это оказалось чрезвычайно труднымъ, потому что ходъ дѣла былъ крайне запутанъ, и единственными матеріалами для соображеній были книги — прихода, расхода и баланса, представленныя г. *Байковымъ* и не подписанныя членами правленія. По закону и уставу общества, такія книги не могли быть приняты въ соображеніе, и хотя г. *Байковъ* объяснилъ, что главное правленіе передало всѣ свои права ему, *Байкову*, но ему сказали, что такая передача, безъ разрѣшенія общаго собранія, совершенно противозаконна.

Наконецъ, собраны кое-какія свѣдѣнія, изъ которыхъ открылось, между прочимъ, слѣдующее. Несмотря на *окончательную* смѣту, представленную общему собранію 17 іюня и увѣрявшую, что постройка фабрики ростовской будетъ стоить 260.000, теперь явилась *еще болѣе окончательная* смѣта, утверждавшая, что 260.000 недостаточно, а надо 400.000. Такимъ образомъ, акціонеры, недавно обнадеженные, что имъ

еще и съ 260 тысячъ будетъ тысячъ сорокъ сбавки, теперь рады были бы и безъ сбавки отдѣлаться означенной суммой, да и то оказалось невозможнымъ. Смѣты не были доставлены изъ Таганрога и никѣмъ не просмотрѣны. Но главное правленіе, имѣя въ виду неудовлетворительное положеніе дѣлъ, рѣшило—ограничить ассигновку на фабрики 267 тысячами. Въ то же время открылось, что и постройка мельницы, вмѣсто ассигнованныхъ 330.000, будетъ стоить 400.000. Изъ сличенія подробностей выходило, что на машины прибавлено за тѣмъ, чтобы достать ихъ лучшаго качества, но что на случай ломки нѣкоторыхъ предметовъ куплены запасные экземпляры; а въ числѣ этихъ запасныхъ экземпляровъ была паровая стосильная машина, цѣною, со всѣми принадлежностями и постройками для нея, въ 100 тысячъ р. сер.! Въ смѣтѣ оказалась такая тщательность, что въ числѣ принадлежностей мельницы пропущены были камни для жернововъ!...

Вообще, изъ представленныхъ документовъ нельзя было опредѣлить даже общаго количества произведенныхъ расходовъ! Можно было видѣть только одно: что дѣла ведены были чрезвычайно дурно и что положеніе общества—очень неблестящее.

Тогда почетные члены и директоры рѣшились преобразовать систему администраціи и ввѣрить управленіе дѣлами въ Таганрогѣ и Ростовѣ одному главноуправляющему, подъ вѣдѣніемъ главнаго правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано необходимымъ: *измѣнить систему заготовленія скота, уменьшить составъ служащихъ, прекратить производство жалованья по 6.000 руб. въ годъ гг. Байкову и Фонъ-Дезену, упразднить заграничныя агентства, не приносящія никакой пользы обществу; закрыть мясныя лавки, сдать хуторъ Шейкина, излишнія степи, магазины для помѣщенія пшеницы; продать пріобрѣтенную обществомъ отъ гг. Байкова и Фонъ-Дезена днѣпровскую мѣстность, закупленную пшеницу,—такъ какъ всѣ эти статьи, не давая доходовъ, требуютъ большихъ издержекъ и поглощаютъ непроизводительно капиталы!...*

Тутъ-то г. *Кокоревъ* предложилъ отправить для повѣрки дѣлъ на мѣстѣ *рекомендованныхъ имъ гг. Левашова и Богданова*. Тутъ-то и начинается торжество нашей публицистики!... Просимъ извиненія у нашихъ читателей, что такъ долго утруждали ихъ сухимъ изложеніемъ исторіи общества: это было необходимо для яснѣйшаго разумѣнія слѣдующихъ обстоятельствъ. До сихъ поръ мы брали наши свѣдѣнія почти слово въ слово изъ статьи г. Серно-Соловьевича; но, доведя исторію до этой точки, мы оставляемъ его и съ наслажденіемъ обращаемся къ № 15 „Русскаго Вѣстника“, въ которомъ напечатаны — письмо г. *Кокорева* и отчеты о результатахъ ревизіи гг. *Левашова* и *Богданова*.

Печатая эти документы „*съ особеннымъ удовольствіемъ*", „Русскій Вѣстникъ", по обычаю, сказалъ здѣсь и свое серьезное и дѣльное замѣчаніе о разсматриваемомъ предметѣ. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и весьма глубокомысленно, начиная съ благородной мысли о преимуществахъ вольнаго труда предъ обязательнымъ, развиваетъ онъ положеніе, что „мысль, положенная въ основаніе общества „Сельскій Хозяинъ", принадлежитъ къ самымъ счастливымъ, и нельзя не пожелать ей успѣха, но что *вопросъ* состоитъ *только* въ томъ, могутъ-ли вообще акціонерныя общества браться за подобныя предпріятія". Этими словами „Русскій Вѣстникъ", можно сказать, *поднимаетъ великій вопросъ* въ настоящее время, когда уже поднято столько вопросовъ. Но этому вопросу суждена счастливая участь: тутъ же, въ этомъ же нумерѣ „Русскаго Вѣстника" онъ и разрѣшается документами, присланными къ издателю „Вѣстника" отъ г. *Кокорева*, по замѣчанію редакціи этого журнала, еще въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года.

И какое блистательное разрѣшеніе! Г. *Кокоревъ* оказался здѣсь истиннымъ героемъ публицистики, а гг. *Левашовъ* и *Богдановъ* достойными г. *Кокорева*. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, хорошо знакомыхъ г. *Кокореву*, онъ не затруднился высказать въ глаза акціонерамъ всю горькую правду и посмѣяться надъ ними такъ зло и справедливо, какъ едва-ли кому случалось смѣяться надъ самимъ г. *Кокоревымъ*. Мы видѣли выше, что общее собраніе акціонеровъ приносило главному правленію, т. е. г. *Байкову*, — *благодарность за откровенное изложеніе дѣла*. Предавая посмѣянію эту наивную благодарность, г. *Кокоревъ* весьма сильно даетъ чувствовать, что принесеніе ея акціонерами доказываетъ только совершенное непониманіе ими сущности акціонерныхъ предпріятій.

„*Иначе и быть не должно* — говоритъ онъ — въ такихъ дѣлахъ, гдѣ капиталъ собранъ отъ частныхъ лицъ, гдѣ довѣрители — цѣлое общество, гдѣ дѣйствователи — люди, избранные обществомъ. Долгъ и честь обязываютъ давать довѣрителямъ откровенный отчетъ; въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ тайна, неоглашеніе подробностей, прикрытіе ошибокъ должны быть признаны за гражданскія преступленія".

Что вы скажете на это, о, простодушные акціонеры, благодарившіе за откровенность? Каково г. *Кокоревъ* васъ отдѣлываетъ!

Но этого мало: мы видѣли, что въ дѣлахъ общества долгое время существовала, а по нѣкоторымъ частямъ и теперь существуетъ, неразгаданная тайна, вслѣдствіе совершеннаго хаоса отчетной части. Г. *Кокоревъ* зналъ это и не поколебался назвать такое веденіе дѣлъ гражданскимъ преступленіемъ, — не побоялся, слѣдовательно, сказать акціонерамъ, что они благодарили не только за отсутствіе преступленія, но и за самое преступленіе.

И этого не довольно: г. *Кокоревъ* прямо выставляетъ виною этого преступленія самихъ же акціонеровъ. Вольно же вамъ было не смотрѣть, говоритъ онъ, вольно сидѣть сложа руки и довѣряться чужому благородству: безъ надзора всякій будетъ въ мутной водѣ рыбу ловить!.. Надо самимъ заботиться о дѣлѣ, да выбирать для ревизій знающихъ и усердныхъ людей, „а не такихъ, которые, не понимая дѣла или не желая удѣлить ему часть своего времени и трудовъ, пріѣзжаютъ въ правленіе компаніи только для обрядности, почти не смотря перелистываютъ книги и тотчасъ же пишутъ избитую фразу, что они находятъ отчетъ вѣрнымъ и правильнымъ". Мы видѣли, что въ обществѣ „Сельскій Хозяинъ" серьёзныхъ повѣрокъ никогда не бывало: все ограничивалось формальными отчетами, а въ сущности все было передано на руки г. *Байкову;* мы видѣли, что и произошло изъ этого. И вотъ г. *Кокоревъ* продолжаетъ свой урокъ: „эти ревизіи, дѣлаемыя только для формы, вносятъ съ собою въ общество зародышъ великаго зла: онѣ *внушаютъ управляющимъ дѣлами общества и директорамъ мысль, что можно ворочать дѣлами общества по своему произволу; а отсюда истекаютъ всѣ вредныя послѣдствія произвола*". Стало быть, кто же виноватъ, ежели дѣла ваши идутъ плохо, акціи падаютъ, дивиденда нѣтъ, деньги тратятся Богъ-знаетъ какъ и Богъ-знаетъ куда? Разумѣется, вы сами, о добродушные акціонеры! Со стороны же людей дальновидныхъ глупо было бы не воспользоваться произволомъ, который имъ даютъ!.. Основательно, истинно, глубоко разсужденіе г. *Кокорева!..*

Но акціонеры могли возразить, что они избирали въ директоры и въ ревизоры лицъ, которымъ довѣряли и за которыми думали быть совершенно спокойными. Г. *Кокоревъ* разрушаетъ и это возраженіе, отважно говоря о томъ, какимъ образомъ производятся выборы въ общихъ собраніяхъ. Мы видѣли, какъ г. *Байковъ* выбранъ былъ вторично въ директоры послѣ того, какъ его распоряженія оказались неудовлетворительными; мы видѣли, какъ онъ съ г. *Фонъ-Дезеномъ* остался членомъ новаго правленія, которое должно было ревизовать его же прежнія дѣйствія. Поэтому, въ приложеніи къ акціонерамъ „Сельскаго Хозяина", сарказмъ г. *Кокорева* имѣетъ особенно тяжелый смыслъ. У насъ акціонеры никогда ничего не говорятъ и ничего не знаютъ въ общихъ собраніяхъ, говоритъ г. *Кокоревъ;*— все дѣлается подъ диктовку директоровъ. „При подачѣ голосовъ, при избраніи ревизоровъ и директоровъ, повторяются тѣ же грустныя сцены сомнѣнія и нерѣшительности, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока какіе-нибудь господа, *по секретному порученію одного изъ директоровъ,* шепнутъ акціонерамъ, что избирать слѣдуетъ такого-то"...

Въ этомъ обличеніи виденъ весь г. *Кокоревъ!* Только онъ можетъ простирать любовь къ гласности до того, чтобы, будучи откупщикомъ, обли-

чать откупа,—будучи акціонеромъ-учредителемъ общества, такъ энергически обличать акціонеровъ въ нерадѣніи и незнаніи дѣла! Письмо его останется навсегда знаменательнымъ свидѣтельствомъ величія настоящаго времени, и въ позднѣйшіе вѣка истинный патріотъ прочтетъ его не безъ сладкаго трепета сердечнаго!..

Но еще болѣе отрадно то, что у г. *Кокорева* нашлись достойные послѣдователи. Записки гг. *Левашова* и *Богданова* написаны такъ хорошо, такъ успокоительно, что при нихъ невольно „расходятся морщины на челѣ“, произведенныя сарказмами г. *Кокорева.* Мы видѣли выше, какъ печально было положеніе дѣлъ, вслѣдстіе котораго гг. *Левашовъ* и *Богдановъ* посланы на ревизію. Но какія утѣшительныя явленія открыли они,—это уму непостижимо! Г. *Левашовъ* прямо и начинаетъ съ того: „мѣсто—говоритъ—очень удобное, воздухъ чистый; плодовитый садъ, кромѣ удовольствія и выгоды живущихъ, представляетъ необходимую въ здѣшнихъ мѣстахъ защиту отъ лѣтняго зноя“, и пр. („Русск. Вѣстн.“ № 15, стр. 243). Затѣмъ продолжаетъ все въ томъ же идиллическомъ родѣ: „строитель мельницы, г. Штетцеръ, — весьма свѣдущій, повидимому, молодой человѣкъ; онъ очень дорожитъ своей репутаціею и усердно занимается“. „Возведенныя прошлымъ лѣтомъ постройки сдѣланы весьма хорошо“. „Въ теперешнемъ своемъ объемѣ фабрика дѣйствуетъ весьма удовлетворительно“... „Консервы всѣ очень хороши“... Вообще „до сихъ поръ дѣло велось недурно и получило уже прочное основаніе, а въ будущемъ обѣщаетъ хорошую прибыль акціонерамъ и пользу для государства отъ развитія здѣшняго края“. Записка г. *Богданова* совершенно вторитъ запискѣ г. *Левашова*, и обѣ составляютъ какую-то колыбельную пѣсню „Сельскому Хозяину“. Они его баюкаютъ, а впередъ обѣщаютъ:

«Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ!» и пр.

И при этомъ нужно замѣтить, что они съ невозмутимѣйшимъ спокойствіемъ указываютъ на тысячи и десятки тысячъ, растраченныхъ понапрасну, да еще видимо стараются прельстить акціонеровъ тѣмъ, что вотъ уже впередъ этихъ тратъ не будетъ... За то будутъ другія, — гораздо лучше; напр., въ обширномъ саду при фабрикѣ „очень легко будетъ разводить *резеду* и другіе цвѣты, такъ хорошо растущіе въ здѣшнемъ тепломъ климатѣ, на этой богатой почвѣ“, и проч.

Какъ, однакоже, пишетъ г. *Левашовъ!* Какъ пишетъ! Я думаю, изъ современныхъ литераторовъ только князь Кугушевъ можетъ теперь такъ писать!..

Но акціи, какъ извѣстно, глупы: несмотря на все краснорѣчіе учредителей, директоровъ и ревизоровъ, онѣ себѣ падаютъ да падаютъ въ

курсѣ! Въ то самое время, какъ напечатано было въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ письмо г. *Кокорева* съ записками гг. *Богданова* и *Левашова*, акціи общества, оплаченныя уже *75 рублями*, продавались за *25 рублей!* Въ дѣлахъ общества происходили такія явленія: въ Таганрогъ былъ назначенъ главноуправляющимъ г. инженеръ-полковникъ Риппасъ, съ жалованьемъ 10.000 р. с. въ годъ. Пріѣхавши туда, чтобы принять фабрики, постройки и всѣ дѣла отъ гг. *Байкова* и *Фонъ-Дезена*, онъ встрѣтилъ сильныя непріятности, въ особенности со стороны г. *Кинга*, который даже наотрѣзъ отказался сноситься черезъ него съ главнымъ правленіемъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній, г. *Риппасъ* отказался отъ своего мѣста, и управленіе осталось попрежнему за г. *Кингомъ*, до такой степени, что главное правленіе само оказалось совершенно въ зависимости отъ его распоряженій. Наконецъ, посланъ въ Таганрогъ г. *Золотаревъ*, съ *рѣшительнымъ* предписаніемъ главнаго правленія — уволить г. *Кинга*. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ на ревизію г. Пахомовъ, который обнаружилъ крайнюю неудовлетворительность постройки таганрогской мельницы и грубое незнаніе дѣла г. *Штетцеромъ*.

Въ это время одинъ изъ акціонеровъ, г. Ахшарумовъ, напечаталъ въ „Спб. Вѣд.“ (№ 211) статейку, въ которой разсказываетъ вкратцѣ все, что мы видѣли выше, весьма умѣреннымъ тономъ, и, между прочимъ, упоминаетъ вскользь нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся лично г. *Байкова*. Такъ, онъ говоритъ о ссудѣ, данной г. *Байкову* подъ залогъ его неоплаченныхъ акцій, и о томъ, что онъ скупалъ акціи на биржѣ для возвышенія номинальной цѣны ихъ. Это было, по разысканіямъ г. Серно-Соловьевича, такимъ образомъ: г. *Байковъ* поручилъ *Фонъ-Дервизу* скупать на биржѣ акціи общества, продаваемыя ниже пари; такимъ образомъ, г. *Дервизомъ* скуплена 201 акція; изъ нихъ 14 продано, остальныя не оплачены вторымъ взносомъ. Между тѣмъ расходы на нихъ отнесены, по распоряженію г. *Байкова*, на счетъ общества. Г. *Дервизъ* спрашивалъ, не публиковать-ли ихъ въ числѣ просроченныхъ, но г. Байковъ велѣлъ переслать ихъ въ Таганрогъ, чтобы замѣнить ими проданныя акціи Шолле... Кромѣ этого факта, есть и другой, о которомъ г. Ахшарумовъ не говоритъ: г. *Байковъ*, передъ отъѣздомъ изъ Таганрога въ Петербургъ, въ декабрѣ 1858 г., взялъ изъ кассы 15.000 р. с. для покупки серій; между тѣмъ, уже въ январѣ 1859 г., оказался недостатокъ въ деньгахъ на мѣстныя потребности; а какой былъ результатъ операціи г. *Байкова* — неизвѣстно. Обо всемъ этомъ, равно какъ и о безпорядкахъ въ книгахъ, сдѣланы были запросы членамъ таганрогскаго правленія и г. *Байкову*; но это не привело ни къ чему: г. *Байковъ* не представилъ нужныхъ объясненій.

Но съ какимъ достоинствомъ и спокойствіемъ объясняется за то г. *Бай-*

ковъ въ печати съ своими антагонистами! Какъ онъ взываетъ къ гласности, какъ усердно проситъ акціонеровъ вникнуть въ дѣло! Какъ онъ увѣренъ въ себѣ и въ томъ, что общее собраніе оправдаетъ его! Прочтите его отвѣтъ г. Ахшарумову въ 218 № „Спб. Вѣдомостей“.

«Въ № 211-мъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», 30 сентября, акціонеръ общества «Сельскій Хозяинъ», Иванъ Ахшарумовъ, помѣстилъ нѣкоторыя замѣчанія свои, извлеченныя изъ переписки и журналовъ главнаго правленія.

«Такъ какъ господину Ахшарумову (являющемуся въ своей статейкѣ обвинителемъ мѣстныхъ распорядителей въ Таганрогѣ и Ростовѣ и прежняго правленія) угодно было назвать меня, то это даетъ мнѣ право сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ.

«Я не стану говорить о дѣйствіяхъ мѣстныхъ распорядителей; *эти дѣйствія были оцѣнены на мѣстѣ ревизорами, посланными отъ общества, и разными акціонерами, посѣщавшими заведенія наши*; *отзывы ихъ единогласны и, вѣроятно, г. акціонеры въ собраніи 15 октября поинтересуются узнать ихъ*.. Повѣрятъ многіе, другіе не повѣрятъ: это дѣло убѣжденія каждаго и довѣрія его къ лицамъ говорящимъ. Если въ чемъ мѣстные дѣятели будутъ обвиняемы, *они отвѣтятъ сами за себя и должны отвѣтить*, потому что за неисполненіе распоряженій правленія и дѣйствія, противныя интересамъ общества, они всѣ могутъ быть уволены, безъ всякой отвѣтственности для общества.—Этого пункта въ контрактахъ ихъ г. Ахшарумовъ, вѣроятно, не замѣтилъ.

«Что же касается до сдѣланныхъ мнѣ правленіемъ вопросовъ, то я на нихъ *большею частію уже отвѣчалъ*, а тѣ свѣдѣнія, которыя къ 30 сентября не были при дѣлахъ правленія, мною представлены гг. почетнымъ членамъ, *ибо они, а не новое правленіе, котораго я самъ избранъ г. акціонерами, въ январѣ сего года, вновь директоромъ* (!!), *имѣютъ право судить о правильности или неправильности своихъ дѣйствій*.

«Не стану отвѣчать на тѣ сообщенія г. Ахшарумова, которыя имѣютъ цѣлью набросить на меня какія-то подозрѣнія. — Управляя совершенно новымъ предпріятіемъ, *я могъ дѣлать ошибки и считалъ непремѣннымъ долгомъ высказать ихъ въ отчетѣ моемъ совершенно откровенно г. акціонерамъ*; *но что дѣйствія мои были всегда чисты и безукоризненны, въ томъ увѣрится всякій, кто ближе и внимательнѣе разсмотритъ все дѣло*.—Оставивъ службу и всѣ прочія занятія для того, чтобы посвятить себя дѣламъ «Сельскаго Хозяина», въ которомъ я и семья моя имѣемъ 1.200 акцій, *прямой разсчетъ заставлялъ меня дѣйствовать добросовѣстно*; мои интересы тѣсно связаны съ интересами общества, и отъ упадка довѣрія къ дѣлу въ Санктпетербургѣ я теряю, можетъ быть, болѣе, чѣмъ г. Ахшарумовъ.

«Позволяю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: высказывая печатно такія обвиненія, какъ напримѣръ, въ п. 3 статьи г. Ахшарумова, нужно быть очень осторожнымъ, потому что *они оставляютъ на авторѣ большую нравственную отвѣтственность*.—Понимая, отъ кого и съ какою цѣлью оглашается такое обвиненіе, я оставляю его безъ вниманія.—Можетъ быть, и вѣроятно, самъ г. Ахшарумовъ слышалъ что-то такое объ акціяхъ, да не такъ.—Позвольте объясниться.—Въ октябрѣ 1858 года выдана мнѣ была ссуда изъ кассы общества, подъ залогъ моихъ акцій, съ вѣдома всѣхъ директоровъ,—записана по всѣмъ книгамъ и возвращена мною съ процентами, по разсчету 6 проц. въ годъ.—Посмотрите въ книги, и вы убѣдитесь что во время производства ссуды было въ кассѣ до 130.000 руб. совершенно свободныхъ денегъ и никакихъ финансовыхъ затрудненій она не причинила.—Правленіе каждаго общества обязано заботиться о томъ, чтобы капиталы его не лежали непроизводительно, а во многихъ обществахъ производятъ ссуды не только подъ залогъ собственныхъ акцій, но даже подъ акціи другихъ обществъ.

«Что же касается отчета г. *Левашова*, то онъ самъ говоритъ за себя; кто его читалъ, тотъ отдаетъ ему полную справедливость. — Шутки въ серьезномъ дѣлѣ не-

умѣстны, и выдержка г. Ахшарумова о резедѣ не уронитъ достоинства подробнаго и добросовѣстнаго труда г. *Левашова*.

«Въ заключеніе и я, вмѣстѣ съ г. Ахшарумовымъ, *прошу г. акціонеровъ вникнуть передъ общимъ собраніемъ въ дѣло*, не только взглянуть на переписку, лежащую въ конторѣ, но *серьезно ею заняться*, чтобы присутствовать въ собраніи не съ односторонними убѣжденіями, а съ полнымъ знаніемъ дѣла, и, не увлекаясь слухами, разными толками и оставя въ сторонѣ личности, общими силами и общимъ разумѣніемъ дать дѣлу вѣрное, твердое и надлежащее направленіе и устройство».

На чемъ основана такая самоувѣренность г. Байкова?

Конечно—на спокойствіи совѣсти!

Это доказали послѣдствія: черезъ день послѣ напечатанія отвѣта г. Байкова, въ „Спб. Вѣд." объявлено, что общее собраніе акціонеровъ, назначенное 15 октября, отлагается до 30, по неимѣнію полныхъ и подробныхъ отчетовъ изъ Таганрога. Къ тому времени ожидается сюда и г. *Кингъ* (котораго г. *Золотареву* поручено было уволить). При семъ двое изъ директоровъ—*Якобсонъ* и *Трубниковъ*—сложили съ себя свое званіе; оставшіеся—*Байковъ*, *Фонъ-Дезенъ* и *Золотаревъ*—возвратились недавно въ Петербургъ и приготовляютъ отчеты. Это объявленіе показалось почему-то подозрительнымъ нѣкоторымъ акціонерамъ,—между прочими г. Серно-Соловьевичу; онъ навелъ справки и публиковалъ вотъ что, въ статейкѣ подъ названіемъ: „Настоящая причина перенесенія общаго собранія акціонеровъ „Сельскаго хозяйства" съ 15 на 30 октября" („Спб. Вѣд.", № 223).

«Желая узнать, въ чемъ дѣло, мы отправились въ правленіе и прочли тамъ два журнала 7 октября, вполнѣ объясняющіе настоящую причину перенесенія собранія съ 15-го на 30-е октября.

1) Въ засѣданіи 3-хъ директоровъ, гг. *Золотарева*, *Байкова* и *Фонъ-Дезена*, обсуждали, слѣдуетъ-ли предоставить г. *Байкову* право на голоса, переданные ему разными лицами, находящимися въ губерніяхъ, но не представившими (какъ это требуется уставомъ) своихъ акцій въ правленіе? По разногласію (г. *Фонъ-Дезенъ* полагалъ, что не слѣдуетъ) положено предоставить разрѣшеніе этого почетнымъ членамъ.

2) Въ засѣданія почетныхъ членовъ и директоровъ обсуживали вопросъ: слѣдуетъ-ли выдать квитанціи на право голоса по 1.120 акціямъ, доставленнымъ вчера и сегодня отъ г. *Кокорева*, при объявленіяхъ о переводѣ ихъ на имя 12 разныхъ лицъ? Положили: «На основаніи § 32 устава общества, акціонеры, желающіе присутствовать въ общемъ собраніи съ правомъ голоса, должны внести свои акціи не позже 10 дней до общаго собранія. Если и можно оказать въ этомъ отношеніи какое либо снисхожденіе въ пользу акціонеровъ, о которыхъ, по имѣющимся въ конторѣ свѣдѣніямъ, извѣстно, что они давно уже владѣютъ своими акціями, и предоставить имъ право голоса, хотя бы они внесли акціи и позже, чѣмъ за десять дней, то ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить подобнаго снисхожденія въ пользу тѣхъ, которые теперь только пріобрѣтаютъ акціи, тѣмъ болѣе, что директоры и почетные члены признали уже справедливымъ и необходимымъ испросить у правительства разрѣшеніе, чтобы на будущее время и въ нашемъ обществѣ, по примѣру прочихъ компаній, акціонеры пріобрѣтали право голоса въ общемъ собраніи не прежде, какъ по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ со дня отмѣтки въ правленіи о переводѣ акцій на ихъ имя».

«Теперь становится ясно, для чего *необходимо* было перенести собраніе съ 15-на 30: г. *Кокоревъ* успѣетъ перевести свои акціи на имя другихъ лицъ, а г. *Байковъ* получитъ ихъ отъ довѣрителей—такимъ образомъ, одинъ изъ нихъ будетъ рас-

полагать 39 голосами [1]), а другой 15-ю. Присоединяя къ этому количеству разныхъ родныхъ и пріятелей, легко можетъ быть, что гг. *Кокоревъ* и *Байковъ* будутъ имѣть за собой большинство голосовъ (особенно если многіе изъ акціонеровъ не пріѣдутъ въ собраніе) и рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію.

Побужденія г. *Байкова* весьма понятны: имъ, очевидно, руководитъ чувство самосохраненія; вѣдь ему (какъ юристу) очень хорошо извѣстно, какая участь ожидаетъ его, если общее собраніе составится правильно.

Но чего домогается г. *Кокоревъ*?—Владѣя большимъ количествомъ акцій, онъ, повидимому, долженъ бы былъ заботиться о спасеніи падающаго дѣла, а между тѣмъ онъ поддерживаетъ прежнюю систему управленія, видимо ведущую насъ къ ликвидаціи! Изъ этого прямой выводъ, что, должно быть, для г. *Кокорева* ликвидація общества представляетъ большія выгоды, чѣмъ дальнѣйшее существованіе предпріятія. А между тѣмъ, по бывшимъ примѣрамъ, извѣстно, что на долю акціонеровъ при ликвидаціяхъ не приходится почти ничего!

Но что же затѣмъ дѣлать прочимъ акціонерамъ? Чѣмъ защищаться противъ такихъ дѣйствій? Какъ предотвратить предстоящее конечное разореніе?

По недостатку времени, физически невозможно протестовать съ успѣхомъ противъ послѣдняго распоряженія правленія и настоять, чтобы общее собраніе было 15-го октября.

Затѣмъ остается одно средство: на основаніи новаго устава общества, который сегодня обнародованъ, право голоса въ общемъ собраніи предоставляется только лицамъ, владѣющимъ акціями не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ; правило это слѣдуетъ примѣнить къ предстоящему общему собранію, съ тѣмъ притомъ, чтобы подача голосовъ была *открытая*.

Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться, что въ этотъ разъ акціонеры будутъ энергически противодѣйствовать стремленіямъ лицъ, обязанныхъ заботиться о ихъ благосостояніи, но вмѣсто того, съ изумительною настойчивостью идущихъ противъ ихъ прямыхъ интересовъ».

Не правда-ли, что спокойствіе и достоинство статейки г. *Байкова* объясняется чистотою совѣсти? Не правда-ли, что и письмо г. *Кокорева*, съ сарказмами надъ апатіей акціонеровъ, пріобрѣтаетъ еще большее достоинство послѣ объясненій г. Серно-Соловьевича? И не правы-ли были мы, сказавши, что исторія литературы должна сохранить на своихъ скрижаляхъ статьи гг. *Кокорева*, *Левашова*, *Богданова* и *Байкова*, какъ блистательные опыты русской гласности!..

Да, невольно воскликнешь: вотъ эти люди умѣютъ у насъ пользоваться гласностью!..

IV.

ОПЫТЫ АВСТРІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Соч. Якова Хама.

(*Отъ редакціи Свистка.* Въ настоящее время, когда всѣми признано, что литература служитъ выраженіемъ народной жизни, а итальянская

[1]) Разсчетъ этотъ можетъ быть далеко невѣренъ: г. Кокоревъ пока представилъ къ переводу только 1.120 акцій, а у него ихъ до 4.000.

война принадлежитъ исторіи,—любопытно для всякаго мыслящаго человѣка прослѣдить то настроеніе умовъ, которое господствовало въ австрійской жизни и выражалось въ ея литературѣ въ продолженіе послѣдней войны. Извѣстный нашимъ читателямъ поэтъ, г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, по фамиліи своей интересующійся всѣмъ нѣмецкимъ, а по мѣсту жительства пишущій по-русски, доставилъ намъ коллекцію австрійскихъ стихотвореній; онъ говоритъ, что перевелъ ихъ съ австрійской рукописи, ибо австрійская цензура нѣкоторыхъ изъ нихъ не пропустила, хотя мы и не понимаемъ, чего тутъ не пропускать. Стихотворенія эти всѣ принадлежатъ одному молодому поэту — Якову Хаму, который, какъ по всему видно, долженъ занять въ австрійской литературѣ то же мѣсто, какое у насъ занималъ прежде Державинъ, въ недавнее время — г. Майковъ, а теперь г. Бенедиктовъ и г. Розенгеймъ. На первый разъ мы выбираемъ изъ всей коллекціи четыре стихотворенія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, очень ярко отразилось общественное мнѣніе Австріи въ четыре фазиса минувшей войны. Если предлагаемыя стихотворенія удостоятся лестнаго одобренія читателей,—мы можемъ представить еще нѣсколько десятковъ, ибо г. Хамъ очень плодовитъ, а г. Лиліеншвагеръ неутомимъ въ переводѣ).

1.

НЕБЛАГОДАРНЫМЪ НАРОДАМЪ.

(Передъ началомъ войны).

Не стыдно-ль вамъ, мятежные языки,
Возстать на насъ? Вѣдь ваши мы владыки!..
Мы сорокъ лѣтъ оберегали васъ
Отъ необдуманныхъ ребяческихъ проказъ:
Мы, какъ дѣтей, держали васъ въ опекѣ
И такъ заботились о каждомъ человѣкѣ,
Что каждый шагъ старались услѣдить
И каждое словечко подхватить...
Мы, — къ вамъ любовію отцовской одержимы, —
Отъ золъ анархіи хранили васъ незримо;
Мы братски не жалѣли ничего
Для вѣрнаго народа своего;
Нашъ собственный языкъ, шпіоновъ, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы,—
Все, все давали вамъ мы щедрою рукой...
И вотъ чѣмъ платите вы Австріи родной!..

Не стыдно-ль вамъ? Чего еще вамъ нужно?
Зачѣмъ не жить попрежнему намъ дружно?..
Иль мало нашихъ войскъ у васъ стоитъ?
Или полиція о дѣлѣ не радитъ?
Но донесите лишь, — и въ мигъ мы все поправимъ,
И въ каждый домъ баталіонъ поставимъ...
Или страшитесь вы, чтобъ въ будущемъ отъ васъ
Не отвратили мы заботливый свой глазъ?
Но мысль столь страшная напрасно васъ тревожитъ:
Австрійская душа коварна быть не можетъ!!..

2.

НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА (ЕСЛИ БЫ ОНО СЛУЧИЛОСЬ).

(Писано при объявленіи войны).

Давно-ли бунтъ волною шумной
Грозилъ залить австрійскій тронъ,
И, полонъ ярости безумной,
На насъ вставалъ Наполеонъ?
Давно-ли ты, страна разврата,
Отчизна бунтовъ и крамолъ,
Была надеждою объята
Разбить еще одинъ престолъ?

И что же? Честь, законъ и право
Сразились съ буйнымъ мятежемъ,
И въ мигъ — страстей народныхъ лава
Застыла, въ ужасѣ нѣмомъ!..
Предъ громоносными полками
Крамольникъ голову склонилъ,
И надъ парижскими стѣнами
Орелъ австрійскій воспарилъ!

Теперь простись, о градъ надменный,
Съ республиканскою мечтой!
Ты не опасенъ для вселенной
Подъ нашей мудрою пятой!

Въ тебѣ покорность и порядокъ
Отнынѣ царствовать должны,
И сонъ француза будетъ сладокъ
Средь безмятежной тишины!

Мечты преступныя забудутъ,
Всѣ по закону станутъ жить:
Курять на улицахъ не будутъ,
Не будутъ громко говорить;
Людей мятежныхъ разумъ узкій
Закономъ будетъ огражденъ.
Источникъ смутъ—языкъ французскій
Всѣмъ будетъ строго запрещенъ!

Развратъ, вездѣ у васъ разлитый,
У насъ сокроется во мракъ,
И надъ заразою сокрытой
Не посмѣется злобный врагъ.
Мы будемъ горды, неприступны,
Къ намъ не дойдетъ умовъ развратъ:
Шпіоны наши неподкупны
И полицейскіе не спятъ.

3.

ОДА НА ПОХОДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

(Въ началѣ войны).

Война! и снова лавръ побѣдный
Австрійскимъ воинамъ готовъ!..
Я вижу, какъ, — смущенный, блѣдный, —
Уже трепещетъ строй враговъ;
Готовъ просить себѣ пощады,
Готовъ о мирѣ умолять...
Но австру нѣтъ иной отрады,
Какъ непокорныхъ усмирять!

Неотразимо, безпощадно,
Мы будемъ рѣзать, бить и жечь,
Въ крови враговъ купая жадно
Австрійскій благородный мечъ!

Во грады будемъ мы врываться
По трупамъ сверженныхъ враговъ,
И гордо станемъ наслаждаться
Проклятьями сиротъ и вдовъ!..

Мы будемъ чужды состраданью:
Дѣтей и старцевъ перебьемъ,
Возьмемъ мы дѣвъ на поруганье;
Что не разграбимъ, то сожжемъ!
Сожжемъ мы города и села,
Мы выжжемъ нивы и луга!..
Чтобъ знала гнусная крамола,
Какъ поражаемъ мы врага!..

Поникнетъ, какъ отъ Божья грома,
Страна всегдашнихъ мятежей!..
О, намъ давно она знакома,
И мы давно знакомы ей!
Князь Виндишгрецъ и графъ Радецкій,
Баронъ Гайнау, Гіулай, —
Съ отвагой истинно-нѣмецкой
Уже ходили въ этотъ край...

Осѣнены ихъ чудной славой
И полны памятью ихъ дѣлъ,
Мы потечемъ рѣкой кровавой
Въ тотъ ненавистный намъ предѣлъ!
Ура! Австрійскую державу
Распространитъ австрійскій мечъ,
И намъ спокойствіе и славу
Дастъ смертоносная картечь!..

4.

ДВѢ СЛАВЫ.

(При вѣсти о заключеніи мира).

Пусть лавръ побѣдный украшаетъ
Героя славное чело, —
Но друга мира не прельщаетъ
Войны блистательное зло...

Предсмертный крикъ враговъ сраженныхъ,
Вопль матерей и плачъ сиротъ,
Стонъ земледѣльцевъ разоренныхъ
Онъ внемлетъ—и войну клянетъ...

Иная, лучшая есть слава!
Иная, громче есть хвала!
И вновь австрійская держава
Ее теперь пріобрѣла!
Мечты воинственныя бросивъ,
Щадя запасъ народныхъ силъ,
Нашъ императоръ Францъ-Іосифъ
Миръ въ Виллафранкѣ заключилъ!..

На лицахъ всѣхъ сіяетъ радость;
Ликуютъ села, города;
Въ поляхъ, почуявъ мира сладость,
Пасутся весело стада!
Отъ груди матерней ребенка
Теперь никто не оторветъ,
И даже малаго цыпленка
Никто безвинно не убьетъ!

За столь благіе элементы
Охотно мы врагамъ своимъ
Трофей Палестро и Мадженты,
И Сольферино отдадимъ!
Возсядемъ мы подъ мирной кущей,
Въ восторгѣ пѣсни запоемъ
Величью Австріи цвѣтущей
И кружкой пива ихъ запьемъ!

(Съ австрійскаго). *Конрадъ Лиліеншвагеръ.*

№ 4.

НАУКА И СВИСТОПЛЯСКА,

или

КАКЪ АУКНЕТСЯ, ТАКЪ И ОТКЛИКНЕТСЯ.

(Разсказъ въ стихахъ и прозѣ, со свистомъ и пляскою).

Титъ Титычъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Островскій.

1.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

„Свистокъ умеръ! Свистокъ кончилъ свое земное странствіе! Такъ и должно было ожидать, ибо, не признавая ничего возвышеннаго въ мірѣ, жить долго невозможно“.

Такіе слухи и мнѣнія давно уже ходили по Россіи и особенно усилились съ начала великаго поста, когда, съ закрытіемъ театровъ и прекращеніемъ баловъ, образованному обществу рѣшительно нечего дѣлать, кромѣ какъ только сплетничать. Мы долго и упорно молчали, но, наконецъ, рѣшаемся протестовать. Прискорбно, конечно, объявлять, что я, дескать, живъ, и, сколько мы помнимъ, въ русской литературѣ только Алексѣю

Дмитріевичу Галахову пришлось однажды сдѣлать такое объявленіе [1]). Но что дѣлать? Извѣстно, что неблагонамѣренные слухи могутъ доводить людей до отчаянныхъ выходокъ. И мы предупреждаемъ, что если слухи о смерти „Свистка" не прекратятся, то мы послѣдуемъ примѣру санктпетербургской полиціи, объявившей недавно въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 54), чтобъ никто не вѣрилъ ложнымъ слухамъ о дочери г. Вебера. Вообще, считаемъ не безполезнымъ объявить, что мы жизнь свою дешево не продадимъ!!

Мы, впрочемъ, и теперь не вышли бы въ свѣтъ, еслибъ не вызывало насъ особое обстоятельство. Мы не очень гонимся за тѣмъ, чтобы безпрестанно быть на выставкѣ, и очень радуемся, видя, что наше дѣло, то-есть, забава читателей, исполняется не безъ успѣха другими. Съ нашей легкой руки „Свистокъ" подъ разными названіями появился во всѣхъ русскихъ журналахъ, даже наиболѣе похожихъ на „Revue des deux Mondes", которымъ такъ кололи намъ глаза. Такъ, напримѣръ, въ „Отеч. Запискахъ", съ которыхъ еще очень недавно снятъ эпиграфъ: „beatae plane aures" и пр., появилась въ концѣ прошлаго года весьма юмористическая статья г. Буслаева „О древне-русской бородѣ"; а въ „Русскомъ Вѣстникѣ" недавно напечатана статья г. Ржевскаго „О мѣрахъ, содѣйствующихъ развитію пролетаріата", до того родственная со „Свисткомъ", что у г. Лиліеншвагера оказалось нѣсколько стихотвореній, почти буквально сходныхъ съ нѣкоторыми ея мѣстами. А сколько свисту было въ Петербургѣ, когда г. Серно-Соловьевичъ ораторствовалъ, а Е. И. Ламанскій приказывалъ всѣмъ молчать! А на желѣзныхъ-то дорогахъ сколько свисту!.. Свистокъ рѣшительно вошелъ въ нравы,—и не только русскіе, но даже французскіе, ибо и въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ акціонеры, директоры и инженеры свистали, можно сказать, взапуски... Видя такое всеобщее рвеніе къ свисту, мы уже и не считали нужнымъ утруждать себя для общественнаго блага. Но случилось обстоятельство, разлившее въ насъ именно то душевное довольство, при которомъ свищется само собою, умиленно и весело. Обстоятельство было вотъ какое.

До сихъ поръ солидные люди насъ знать не хотѣли, или, говоря любимымъ словомъ нѣкоторыхъ ученыхъ,—„*игнорировали*", и это чрезвычайно насъ безпокоило. „Что же это, въ самомъ дѣлѣ, — думали мы:— развѣ мы не стоимъ никакого вниманія? Ну, положимъ, я дуренъ; такъ и скажи, что я дуренъ, а не молчи! Вѣдь писали же въ „Атенеѣ" нѣ-

[1]) См. «Отеч Зап.» 1849 г. № 2. Смѣсь, стр. 259. «А. Д. Галаховъ живъ и здравствуетъ въ Москвѣ, дѣятельно работая надъ своими хрестоматіями, которыя пріобрѣли теперь повсюдную заслуженную извѣстность и приняты въ руководство въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ».

сколько статей о сухихъ туманахъ; что-жъ, мы развѣ хуже сухихъ тумановъ?“ Но молчаніе о насъ продолжалось невозмутимое, даже Гарибальди не прислалъ (какъ мы ожидали) протеста на наши „Австрійскія стихотворенія“. Впрочемъ, Гарибальди мы еще извиняли: какъ хорошій знакомый г. Берга (смотри объ этомъ въ письмахъ г. Берга, „Русск. Вѣстн.“ № 14), онъ, вѣроятно, слѣдитъ за русской литературой болѣе по „Русскому Вѣстнику“, да и тамъ, послѣ переводовъ г. Берга, всего больше читаетъ статьи и стихотворенія семейства Павловыхъ... Но пренебреженіе русскихъ ученыхъ насъ очень безпокоило. Мысль привлечь ихъ вниманіе все болѣе овладѣвала нами, а одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ дошелъ даже до того, что заключилъ мечту всей своей жизни въ томъ, чтобы увидѣть о „Свисткѣ“ печатный отзывъ профессора *Леонтьева*! Какъ мы ни увѣряли нашего сотрудника, что г. Леонтьевъ, по однимъ уже строгимъ и классическимъ отношеніямъ своимъ къ университету, долженъ удалять отъ себя всякую мысль о свистѣ, — ничто не помогало: мысль видѣть въ печати отзывъ г. Леонтьева о „Свисткѣ“ долго мучила нашего друга, и едва могъ онъ утѣшиться извѣстіемъ, что о „Свисткѣ“ говорятъ даже за-границей. Впрочемъ, мы сознаемся, это уже была крайность, нѣчто болѣзненное—mania leontiana. Мы не доходили до такой степени и охотно бы удовольствовались, еслибъ увидѣли, что заслужили вниманіе, напр., хоть г. Рачинскаго, столь знаменитаго своею критикою стихотвореній г. Майкова (справьтесь, пожалуйста, въ „Русск. Вѣстн.“ 1858 г., № 10). Если же заговорилъ бы о насъ г. Бунге, г. Горловъ и вообще кто-нибудь изъ ученой *публики*, дававшей недавно обѣдъ бельгійскому экономисту Густаву де-Молинари, — нашему счастью предѣловъ бы не было... Но нѣтъ, наши ученые рѣшительно продолжали насъ „игнорировать“. Они вспоминали скорѣе о предметахъ самыхъ отдаленныхъ, нежели о насъ. Напримѣръ, г. Утинъ, говоря во вступительной лекціи (см. въ „Отеч. Зап.“ № 1) о началѣ государственной жизни у разныхъ народовъ, ухитрился привесть латинскую цитату изъ Тацита о государственной жизни германцевъ, а не потрудился поискать свидѣтельства въ „Свисткѣ“. Еще недавнѣе, г. академикъ Гротъ, выражая въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ свое удовольствіе отъ перваго литературнаго вечера въ пассажѣ, вдругъ заговорилъ собственными стихами о томъ,

Какъ струны *Брага* запоютъ.

Брагга этого онъ называетъ „скандинавскихъ Аполлономъ“. Но скажите на милость, неужели „Свистокъ“ не ближе къ литературнымъ чтеніямъ, нежели какой-то скандинавскій Аполлонъ?.. О „Свисткѣ“ слѣдовало бы тутъ упомянуть уже и потому, что стихотвореніе „Нива“, безпрерывно читаемое г. Майковымъ въ пользу нуждающихся литераторовъ,

было отчасти помѣщено въ „Свисткѣ", — правда, въ извлеченіи, но за то съ весьма энергическимъ послѣднимъ стихомъ. И однако же — о Браггѣ повѣдано русской публикѣ устами почтеннаго академика, а о „Свисткѣ" ничего не сказано! Мы ужасно огорчились, и въ горѣ своемъ рады были даже г. Бестужеву-Рюмину, косвенно объяснявшему намъ въ „Отеч. Запискахъ" (1859 г., № XI) все неприличіе „Свистка". Въ награду за такое вниманіе, мы было рѣшились даже, при первомъ удобномъ случаѣ, произвести его въ великіе ученые.

И вдругъ, что же открывается? Открывается, что вся игноранція ученыхъ была въ этомъ случаѣ фальшивая, совершенно такъ, какъ въ большинствѣ другихъ случаевъ бываетъ фальшива ихъ эрудиція. Они зорко слѣдили за „Свисткомъ" и очень хорошо знали, что̀ это такое, но „диссимулировали" свое знаніе [1]). Открылась эта диссимуляція благодаря изслѣдованіямъ г. Костомарова о началѣ Руси. Само собою разумѣется, что самъ г. Костомаровъ не предполагалъ такихъ результатовъ отъ своихъ изслѣдованій о варягахъ. Но такова уже участь великихъ открытій, что они дѣлаются случайно. Очень вѣроятно, что и г. Чичеринъ, работая надъ своей диссертаціей о русскихъ областныхъ учрежденіяхъ XVII в., не предполагалъ, что диссертація эта поведетъ къ открытію слабости профессора Крылова и силы профессора Леонтьева въ латинскихъ склоненіяхъ; а вышло такъ. То же самое случилось и теперь. Впрочемъ, разскажемъ все по порядку, и теперь ужъ безъ отступленій.

Въ то самое время, какъ г. Костомаровъ печаталъ въ „Современникѣ" статью о Руси-*литовской*, г. Погодинъ издалъ книжку о *норманскомъ* періодѣ русской исторіи. При разборѣ этой книжки въ „Современникѣ", съ обычною скромностію замѣчено было, что новый взглядъ, отвергающій норманство, долженъ возбудить новыя хлопоты со стороны г. Погодина, который вотъ ужъ лѣтъ пятнадцать побѣдоносно почилъ на норманскомъ вопросѣ, точно въ Валгаллѣ, окруженный Валкиріями, въ образѣ гг. Устрялова, Касторскаго, Зернина и пр. Предположеніе „Современника" оправдалось: г. Погодинъ пріѣхалъ изъ Москвы, чтобы вызвать г. Костомарова на публичный диспутъ о томъ, кто были при-

[1]) Диссимулировать — dissimulare — значитъ притворно отрицать чувство или мысль, которыя дѣйствительно въ насъ существуютъ. А есть другое слово, симулировать — simulare, такъ то значитъ — притворно показывать въ себѣ то, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Для удобнѣйшаго сбиванія въ различеніи этихъ словъ есть стихъ, который я всегда перевиралъ, но, наконецъ, запомнилъ, потому что профессоръ латинской словесности въ теченіе курса повторилъ его намъ 23 раза. Вотъ этотъ стихъ:

Simulantur quae non sunt, quae sunt vero—dissimulantur.

Примѣчаніе сотрудника, добивающагося отзыва отъ г. Леонтьева.

званные варяги,—норманны или литовцы. Но это для насъ не главное; главное въ томъ, что вызовъ свой г. Костомарову сдѣлалъ г. Погодинъ письменно и что въ письмѣ этомъ посвятилъ нѣсколько дѣльныхъ и новыхъ мыслей собственно намъ. Онъ изобрѣлъ для насъ особое названіе: „рыцари Свистопляски“, довольно пространно говорилъ о томъ, что онъ съ нами и говорить-то не хочетъ, и, наконецъ, обращаясь къ г. Костомарову, такъ возопилъ: „я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ дѣятелемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей, которые, *пользуясь исключительнымъ положеніемъ* (?), присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь“. Затѣмъ, вызывая г. Костомарова на ученый поединокъ, г. Погодинъ прибавилъ: „секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байера, Шлёцера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ; *а вы, ради потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Свистопляски*“. На что г. Костомаровъ отвѣчалъ, что лучше выбрать живыхъ посредниковъ изъ ученыхъ мужей нашего времени (только не того, которое въ Москвѣ издается), ибо „тѣни Байера, Шлёцера и Круга не помогутъ намъ: они уже только тѣни, да если-бъ и имѣли тѣло, то не могли бы сохранить совершеннаго безпристрастія; а настоящая моя готовность отказаться отъ своего мнѣнія, если оно не будетъ имѣть достаточной силы, чтобъ убѣдить нашихъ посредниковъ, можетъ служить М. П. Погодину ручательствомъ, что *я не думаю мнѣніе свое защищать одобреніемъ рыцарей Свистопляски*“.

Можете себѣ вообразить наше торжество, когда мы узнали все это— сначала изъ устныхъ разсказовъ (ибо о Костомаровѣ, Погодинѣ и Свистоплясѣ жужжалъ нѣсколько дней весь городъ), а потомъ изъ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“. Тахъ вотъ они какъ не знаютъ-то насъ!— радостно подумали мы. Они, какъ видно, покоя не имѣютъ отъ нашего свиста; они до того нами заняты, что даже клички намъ придумываютъ и распускаютъ. Нашъ свистъ мѣшаетъ спокойно горѣть ихъ труженической лампадѣ, къ нашему свисту прислушиваются они постоянно,—

«Въ своихъ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ!»

Вопреки ихъ волѣ и желанію, нашъ свистъ слышится имъ изъ-за каждой строчки сочиняемыхъ ими книгъ, изъ-за каждой фразы произносимыхъ ими спичей. Нашъ свистъ для нихъ —

«Das ist die ganze Wissenschaft.
Das ist der Bücher tiefster Sinn».

Споря съ г. Костомаровымъ какъ будто бы о норманнахъ, г. Погодинъ, главнымъ образомъ, обращаетъ свое негодованіе на насъ, и горя-

чится при этомъ вовсе не за норманновъ, а совершенно по другимъ причинамъ, которыя угадать, конечно, не трудно. О норманнахъ „Свистокъ“ никогда и не думалъ толковать: что намъ до нихъ за дѣло? Г. Погодинъ не могъ даже знать, согласны-ли мы съ нимъ или съ г. Костомаровымъ. Въ „Современникѣ“, конечно, была рецензія, говорившая отчасти въ пользу новаго мнѣнія, но, вѣдь, „Современникъ“ все-таки еще не „Свистокъ“. Въ „Современникѣ“ участвуютъ, время отъ времени, почтенные люди, какъ, напр., г. Безобразовъ, г. Лакіеръ, г. Де-Пуле, г. Аполлонъ Григорьевъ, не безъизвѣстный г. Погодину, и т. п. Слѣдовательно, нельзя предположить, чтобы подъ *„кучею шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей“* г. Погодинъ разумѣлъ „Современникъ“ [1]. Дальнѣйшее добавленіе о рыцаряхъ „Свистопляски“, —безъ всякаго поясненія, кого разумѣть подъ этимъ,—доказываетъ, что и все предыдущее относилось къ „Свистку“. И такъ, почтенный ученый, академикъ и заслуженный профессоръ, находящійся уже, можно сказать, въ преклонныхъ лѣтахъ, никакъ не могъ, начиная ученый споръ, отстранить отъ себя мысль о „Свисткѣ“ и до того разгорячился, что даже заподозрилъ между нами и своимъ ученымъ противникомъ нѣкотораго рода комплотъ! Это намъ очень польстило.

Но мы все еще страшились, что г. Костомаровъ разочаруетъ насъ, обнаруживъ полнѣйшее невѣдѣніе о „Свисткѣ“. Гдѣ-жъ ему, разсуждали мы, погруженному въ изысканія о Жмуди и о жизни русскаго народа въ XVII столѣтіи, знать что-нибудь о насъ! Но нѣтъ, — оказалось, что и онъ знаетъ насъ очень хорошо. Прочитавъ о рыцаряхъ Свистопляски, онъ не пришелъ въ изумленіе, не спросилъ, что это за рыцари и что за Свистопляска, и съ какой стати о нихъ упоминаетъ ученый единоборецъ. Онъ принялъ все дѣло такъ, какъ будто бы ему рыцари Свистопляски были столько же понятны и знакомы, какъ и Шлёцеръ, Байеръ и Кругъ. Вотъ, значитъ, мы каковы! Просто, значитъ, всемірную славу пріобрѣли! Правда, что г. Костомаровъ выразилъ нежеланіе защищать свое мнѣніе нашимъ одобреніемъ; но, вѣдь, онъ и тѣни Шлёцера съ товарищами отвергъ: значитъ, мы тутъ еще не очень обижены. Правда, и въ томъ надо сознаться,—г. Костомаровъ обнаруживаетъ какъ будто даже нѣкоторую боязнь, чтобъ его съ нами не смѣшали и не причислили къ нашему рыцарскому кругу; но и это ничего. Конечно, самолюбіе, свойственное всякому человѣку вообще, а свистящему въ особенности, говоритъ намъ, что еслибъ г. Костомарова и къ нашему кругу причислили, то для него

---

[1]) Мы въ этомъ окончательно убѣдились, узнавъ, что г. Погодинъ *самъ пожелалъ* помѣстить въ «Современникѣ» свои возраженія г. Костомарову.

особенной бѣды и безчестья отъ этого еще не было бы. Но, во всякомъ случаѣ, важно не то, благосклонно-ли на насъ смотрятъ ученые, а то, что они обращаютъ на насъ вниманіе. „Намъ лишь бы обратили вниманіе", — какъ говоритъ Бѣлогубовъ у Островскаго. А что отзываются о насъ съ пренебреженіемъ, такъ, вѣдь, это отъ насъ же заимствовали: мы сами обо всѣхъ, исключая развѣ г. Бѣшенцова и еще немногихъ, говорили, если не съ пренебреженіемъ, то съ нѣкоторою недовѣрчивостью; вотъ и о насъ теперь такъ говорятъ, и это служитъ новымъ доказательствомъ, что ученые мужи изучаютъ насъ очень тщательно. Да, впрочемъ, объ этомъ всего лучше свидѣтельствуетъ самый диспутъ г. Погодина, при которомъ Свистопляска получила такія прочныя права гражданства въ ученомъ мірѣ и о которомъ мы намѣрены теперь разсказать вкратцѣ. Въ г. Погодинѣ мы замѣтили прилежное изученіе Свистопляски, и чего въ этомъ дѣлѣ возможно достичь изученіемъ, онъ достигъ; не доставало маститому ученому только природной ловкости и легкости, чтобы мы могли воскликнуть: нашего полку прибыло! Да еще недоставало почтенному академоку той твердости духа, которою такъ отличались защищаемые имъ норманны, а теперь отличаемся мы, рыцари Свистопляски. Онъ не рѣшился прочитать предъ публикою письмо свое сполна, со всѣми обращеніями къ намъ; мало того — онъ *отступился отъ своихъ словъ*, сказанныхъ въ напечатанномъ отрывкѣ его письма. Мы уже этого никогда не дѣлаемъ. Пусть теперь г. Погодинъ отправится за море и привезетъ на насъ цѣлую тучу норманновъ; пусть съѣздитъ опять въ Москву и оттуда вывезетъ себѣ въ подкрѣпленіе — хоть все „Наше Время" съ самимъ Н. Ф. Павловымъ; пусть онъ, что всего ужаснѣе, сдѣлается хоть постояннымъ сотрудникомъ „Современника": мы все будемъ продолжать нашу борьбу и не отступимся ни отъ одного шага, сдѣланнаго нами!! Это для насъ, разумѣется, и не трудно, потому что мы, вѣдь, дѣйствуемъ хладнокровно и даже съ большой пріятностью, а не горячимся, какъ г. Погодинъ. А притомъ и наше званіе не позволяетъ намъ отступать, если ужъ насъ затронули. „Погибни, но погибни, поражая противника", — вотъ нашъ девизъ: на то мы и рыцари!

Но г. Погодинъ, какъ мы сказали, сдѣлавшись нашимъ подражателемъ и союзникомъ, самъ себя уже поразилъ достаточно, и потому намъ остается только, вмѣсто боевой тревоги, насвистывать побѣдную пѣснь и съ великодушіемъ побѣдителей припомнить факты минувшей битвы. C'est ce que nous ferons, съ помощью нашего барда — Конрада Лиліеншвагера.

2.

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Domine, libera nos a furore normannorum!..

Еще одинъ общественный вопросъ
Прибавился въ общественномъ сознаньи:
Кто были тѣ, отъ коихъ имя „Россъ"
Къ намъ перешло, по древнему сказанью?
Изъ-за моря тогда они пришли
(Изъ-за моря идетъ къ намъ все благое).
Но кто-жъ они? Въ какихъ краяхъ земли
Шумѣло море то своей волною?
Не знаемъ мы! Искали мы его
Отъ Каспія, куда струится Волга,
Гдѣ дешева икра,— вплоть до того,
Гдѣ странствовалъ Максимовъ очень долго.
На Черномъ морѣ думали найти,
Гдѣ Общество родного пароходства
Цвѣтетъ, растетъ и будетъ все цвѣсти
Десятки лѣтъ, на зло недоброхотству.
На Балтикѣ его искали мы,
Гдѣ вознеслась полночная столица,
Гдѣ средь болотъ, тумановъ и зимы
Жизнь такъ легко и весело катится.
Такъ мы не день, не мѣсяцъ и не годъ,
А цѣлый вѣкъ, отъ моря и до моря,
Металися, какъ угорѣлый котъ,
Томительно изслѣдуя и споря.
Но, наконецъ, измучась, истомясь,
Рѣшили всѣ на томъ остановиться,
На чемъ засталъ моментъ послѣдній насъ,—
Чтобъ съ этимъ дѣломъ больше не возиться!
Въ такой-то часъ норманство водворилъ
И далъ почить намъ господинъ Погодинъ.
И съ той поры весь русскій людъ твердилъ,
Что Рюрикъ нашъ съ норманнами былъ сроденъ.

Но снова мы сомнѣніемъ полны,
Волнуются тревожно наши груди:

Мы слышимъ, что норманны смѣнены
Варягами-литовцами, изъ Жмуди...
Норманновъ уничтожилъ, говорятъ,
Въ статьѣ своей профессоръ Костомаровъ.
Погодинъ хочетъ встать за прежній взглядъ
И вѣрно ужъ не пощадитъ ударовъ.

Кому-то пасть? Кому-то предлежитъ
Насъ озарить открытьемъ благодатнымъ?
Богъ вѣсть! Но грудь у всѣхъ у насъ горитъ
Предчувствіемъ какимъ-то непонятнымъ.
Привѣтъ тебѣ, счастливая пора
Поднятія общественныхъ вопросовъ,
Въ дни торжества науки и добра
Томитъ насъ вновь призывъ варяго-россовъ!

Что-жъ дѣлать намъ? Какъ разрѣшить вопросъ,
Который такъ давно насъ всѣхъ тревожитъ?
Онъ въ дѣтствѣ намъ такъ много стоилъ слезъ
И, кажется, въ могилу насъ уложитъ!

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

3.

СТОЛИЧНАЯ СУМАТОХА ВЪ ПОЛЬЗУ НАУКИ.

Что возмутило васъ? Волненіе Литвы?
Пушкинъ.

Предыдущее стихотвореніе г. Лиліеншвагера довольно удачно выражаетъ то отчаянное положеніе, въ какомъ находился Санктпетербургъ въ послѣднее время, въ отношеніи къ варяжскому вопросу. Но дѣйствительность далеко превосходила поэтическое описаніе. Варяги занимали, дѣйствительно, все образованное общество наше, до того, что слова „Погодинъ“, „Костомаровъ“, „дуэль“ безпрерывно оглашали воздухъ,—и на Невскомъ проспектѣ, и на набережныхъ Невы, и въ театрахъ, концертахъ, ресторанахъ, и даже въ каждомъ домѣ, гдѣ сходилось пять-шесть человѣкъ. Устраивались даже ученыя собранія по этому поводу, гдѣ ужасно горячились о томъ: какъ „поставить вопросъ“ между двумя противниками—исторически или юридически? Въ другихъ кругахъ, не дошедшихъ до такой мудрости, утверждали, что Погодинъ вызвалъ Косто-

марова на дуэль, и что они просили на это разрѣшенія у полиціи, но не получили. Нѣкоторые находили это похвальнымъ, другіе же не одобряли запрещенія дуэли,— говоря, что хотя вообще дуэль безнравственна, но въ этомъ случаѣ безъ нея нельзя было, ибо варяжскій вопросъ самъ по себѣ есть для насъ вопросъ жизни и смерти, особенно въ настоящее время, когда Россіи скоро исполнится тысяча лѣтъ. Наконецъ, дѣло объяснилось, когда въ газетахъ объявлено было о диспутѣ въ университетѣ. Но тутъ толки еще усилились. Утверждали, что дѣло будетъ рѣшаться всѣми присутствующими посредствомъ suffrage universel и, такимъ образомъ, несомнѣвно уже будетъ, кого Русь лучше хочетъ—норманновъ или литовцевъ. Кромѣ того разсказывали, что среди университетской залы будетъ устроенъ костеръ, на которомъ сожгутъ сочиненія побѣжденной стороны. Вообще— варяжскій вопросъ сильно волновалъ умы, такъ что, смотря на всеобщее движеніе Петербурга, г. Лиліеншвагеръ сочинилъ даже, во славу нашей любви къ наукѣ, слѣдующее стихотвореніе, которое должно насвистываться на голосъ: *„Вотъ на пути село большое“*.

Пока не требуетъ столицы
Вопросъ общественный къ себѣ,—
Услышишь вздоръ и небылицы
Въ пустой и суетной толпѣ.
Услышишь рѣчи о погодѣ,
О производствахъ, рысакахъ,
Перчаткахъ, галстукахъ по модѣ,
Портныхъ, танцовщицахъ, пѣвцахъ.
Но лишь Перозьо пуститъ паръ,
Или Погодинъ вызовъ грянетъ,—
Весь Петербургъ мгновенно вспрянетъ,
Какъ будто на большой пожаръ...
Ужъ не сидитъ онъ въ ресторанахъ
И на Армансъ онъ не глядитъ...
Объ антрацитѣ и норманнахъ
Онъ вдохновенно говоритъ.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
Рискуя жизнью, взять билетъ—
Въ Пассажъ, пріютъ науки новый,
Иль въ старый—въ университетъ!..

Дѣйствительно, два дня до диспута походили на новый годъ; пріѣзжему человѣку можно было подумать, что всѣ разъѣзжаютъ съ визитами, а это они за билетами рыскали!.. Въ университетѣ уже въ четвергъ оказался недостатокъ въ билетахъ, и, вслѣдствіе того, въ городѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить озабоченныя лица и биться объ закладъ, что они тревожно заняты изобрѣтеніемъ средствъ достать билетъ, или какимъ бы то ни было образомъ попасть на диспутъ. Даже люди, которые при-

нимали норманновъ за потомковъ Норны, а о Литвѣ знали только по Литовскому рынку, и тѣ приходили въ волненіе отъ одной мысли о диспутѣ. И не даромъ!..

4.

НАГРАДА МИЛЫМЪ ДѢТЯМЪ.

Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо.
Жуковскій («Овсяный кисель»).

Какіе кудесники наши ученые, пріобрѣтшіе себѣ авторитетъ! Можно сказать навѣрное, что ни Германъ, ни Боско и ни одинъ изъ новѣйшихъ магиковъ не можетъ произвести того, что они дѣлаютъ. Германъ заставляетъ цвѣты рости у себя въ шляпѣ и потомъ раздаетъ ихъ прекрасному полу; ученые наши заставляютъ у себя во рту созрѣвать людей и потомъ эту зрѣлость уничтожаютъ, т. е. съ человѣкомъ, даже съ цѣлымъ обществомъ, дѣлаютъ то, что всякій фокусникъ производитъ съ батистовымъ платочкомъ—сжимаетъ, сжимаетъ, пока тотъ совсѣмъ исчезнетъ, а потомъ опять его вывертитъ изъ рукъ. Потѣшаются себѣ ученые надъ православными душами!.. Еще въ рѣчи Георгія Конисскаго, той самой, гдѣ говорится, что солнце наше вкругъ насъ ходитъ,—сказано, помнится, о нашей зрѣлости. Съ тѣхъ поръ толковали объ этомъ весьма нерѣдко, особенно въ отчетахъ и патріотическихъ стихотвореніяхъ. Со времени изданія „Русскаго Вѣстника" зрѣлость общественной среды нашей до того была часто провозглашаема, что наконецъ о ней стали говорить уже съ очевиднымъ опасеніемъ, чтобъ мы не перезрѣли. И вдругъ Е. И. Ламанскій, бывшій суперъ-арбитръ въ пассажѣ, однимъ словомъ уничтожаетъ всю нашу зрѣлость,—да вѣдь такъ искусно, что мы всѣ усомнились, дѣйствительно не пропалъ-ли нашъ платочекъ въ рукахъ профессора магіи и не хочетъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ сварить въ нашей шляпѣ яичницу!.. Мы возбудили общественный вопросъ изъ этого, и не меньше, чѣмъ Жмудью, интересовались тѣмъ, „созрѣли мы или не созрѣли". Подъ этимъ заглавіемъ помѣщались даже длинныя статьи въ газетахъ. И вотъ, прошло три мѣсяца,—новая перемѣна: явился новый профессоръ, во рту у котораго мы мгновенно созрѣли, и всѣ ужасно обрадовались... Но разскажемъ все какъ слѣдуетъ.

19 марта, университетская зала представляла (говоря высокимъ слогомъ объявленія „С.П.Б. Вѣдомостей") „умилительное сліяніе представителей литературы и наукъ, съ одной стороны, и съ другой стороны—самаго учрежденія, гдѣ науки и литература обработываются въ высшей

своей сферѣ, и сліяніе это могло служить вѣрнымъ залогомъ новыхъ утѣшительныхъ надеждъ для отечества". Дѣйствительно, въ залѣ съ семи часовъ давка была страшная: стулья были нумерованные, но половина народу не нашла своихъ мѣстъ; многіе остались въ проходахъ между стульями, другіе забрались въ бокъ, поближе къ каѳедрамъ двухъ противниковъ, стоявшимъ одна противъ другой по обѣимъ сторонамъ залы. Словомъ, въ теченіе получаса публика въ живой картинѣ представляла собою положеніе новгородцевъ, кривичей, чуди, мери и веси, въ то время, какъ они, изгнавши варяговъ за море и не давши имъ дани, не знали, что имъ затѣмъ съ собою дѣлать. Наконецъ, видя, что публика велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, г. Плетневъ вошелъ на норманскую (т.-е. г. Погодина) каѳедру и, подобно древнему Гостомыслу, указалъ на варяговъ. Вслѣдъ затѣмъ явились и норманны въ образѣ г. Погодина. Тогда все стихло, и маститый норманщикъ, по обычаю всѣхъ новыхъ владѣтелей, началъ свое дѣло съ благосклоннаго изъявленія своей благодарности обществу и затѣмъ милостиво объявилъ, что МЫ СОЗРѢЛИ. Вся присутствующая публика подпрыгнула кверху (отчего, дѣйствительно, показалась выше ростомъ), и взрывъ оглушительныхъ рукоплесканій выразилъ торжественную радость всего общества. Говоря языкомъ поэзіи,—

«Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!»

Мы въ первую минуту не раздѣляли этой радости и благодарности. Мы думали: неужели въ самомъ дѣлѣ слова г. Ламанскаго были только невѣжливы, а не совершенно вздорны? Неужели, дѣйствительно, мы еще такъ незрѣлы, что готовы ставить памятникъ всякому, кто скажетъ, что мы созрѣли? Дѣти бываютъ всегда очень довольны, когда ихъ называютъ большими; такъ неужели и въ насъ есть то же самое чувство? Или, въ самомъ дѣлѣ, мы—тѣ самыя *взрослыя дѣти*, для которыхъ гг. Солдатенковъ и Щепкинъ издаютъ свое „Чтеніе для взрослыхъ дѣтей"? Одинъ почтенный мужъ сказалъ, что вы мальчишка, а другой говоритъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ утѣшеніе: „нѣтъ, вы не мальчишка", — и вы кланяетесь, благодарите и не знаете, что дѣлать отъ восторга. И по какимъ основаніямъ-то каждый изъ нихъ произноситъ свой верховный приговоръ! Е. И. Ламанскому не понравилось, что публика шикаетъ г. Серно-Соловьевичу, который ему пришелся по вкусу, и вотъ — мы не созрѣли; г. Погодину понравилось, что много народу собралось слушать диспутъ о норманнахъ, и у него въ устахъ мы созрѣли! Это значитъ, что одинъ авторитетъ называетъ васъ невѣждой за то, что вы не сочувствуете трагедіямъ Сумарокова, а другой признаетъ васъ образованнѣйшимъ человѣкомъ за умѣнье разбирать глаголическую печать. Правду сказать, если и въ своихъ лекціяхъ о банкахъ, и въ изслѣдованіяхъ о норманнахъ гг. Ламан-

скій и Погодинъ точно такъ же основательны, то на нихъ положиться довольно трудно. И съ какой стати этотъ безцеремонный и неделикатный намекъ въ самомъ началѣ дѣла? Неужели г. Погодинъ считаетъ это за комплиментъ? Но вѣдь онъ долженъ же понимать, что большому собранію людей, сошедшихся разсуждать о дѣлѣ, не говорятъ: „господа! то, что вы не бросаетесь другъ на друга и не кусаетесь, доказываетъ, что вы въ здравомъ умѣ“. А фраза о зрѣлости, сказанная взрослымъ людямъ, пришедшимъ въ университетъ на диспутъ, совершенно равносильна такому обращенію. Но отчего же публика рукоплещетъ?

Наши глубокія размышленія прерваны были г. Лиліеншвагеромъ, который сидѣлъ возлѣ насъ и въ то время, какъ продолжались аплодисменты, успѣлъ импровизировать и прочитать намъ слѣдующую пьесу.

БЛАГОДАРНАЯ ПѢСНЬ СОЗРѢВШАГО РОССА.

(Насвистывается на голосъ: славься симъ Максимъ Петровичъ).

Мы созрѣли! мы созрѣли!
Веселись созрѣвшій россъ!
Вотъ теперь ты въ самомъ дѣлѣ
Сталъ полунощный колоссъ.

Помнишь, какъ тебя въ Пассажѣ
Уложили въ колыбель?
Но созрѣлъ (зимою даже!)
Ты въ четырнадцать недѣль [1]).

Мы созрѣли! мы созрѣли!—
Такъ Погодинъ намъ сказалъ.
Изъ Москвы для этой цѣли
Онъ нарочно прискакалъ.

Съ той поры, какъ насъ огрѣли,
Жили мы, повѣся носъ,

---

[1]) Здѣсь маленькая піитическая вольность: собственно въ 13 недѣль, 6 дней, 4 часа и 30 минутъ, ибо незрѣлость наша засвидѣтельствована Е. И. Ламанскимъ 13 декабря 1859 г. въ воскресенье, въ 3 съ половиною часа пополудни, а патентъ на зрѣлость выданъ намъ г. Погодинымъ 19 марта, въ субботу, ровно въ восемь часовъ вечера. Неточность эту надо приписать единственно скорости сочиненія, а то г. Лиліеншвагеръ съумѣлъ бы втиснуть въ стихъ всѣ измѣренія времени самымъ точнымъ образомъ.

И твердя: „мы не созрѣли“,
Проливали токи слезъ.

Но теперь возьмите смѣлость, —
Взысканъ милостями россъ:
Изъ Москвы патентъ на зрѣлость
Академикъ намъ привезъ.

Мы созрѣли! Россъ, пойми же
И душою умились:
Скинь-ка шапку да пониже,
Да пониже поклонись!..

Выслушавъ эти стихи, мы сами преисполнились благоговѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы прежде не приняли въ соображеніе того, кто таковъ г. Погодинъ и кто мы всѣ, публика! Вѣдь онъ москвичъ, а мы петербуржцы; онъ авторитетъ, а мы простые смертные; онъ преисполненъ норманскимъ духомъ, а мы—ни то ни се; онъ составилъ древле-хранилище и продалъ его, а мы по большей части не составляемъ (и не продаемъ) даже маленькой библіотеки. Дѣйствительно, *патентъ на зрѣлость* привезъ намъ г. Погодинъ; г. Лиліеншвагеръ хорошо объ этомъ выразился:

«Какая честь для насъ и всей Россіи».

Самъ г. Погодинъ сказалъ, что мы созрѣли! Теперь мы смѣло можемъ глядѣть въ глаза Е. И. Ламанскому: клеймо, наложенное имъ, снято съ насъ; у насъ есть документъ о нашей зрѣлости, и если кто-нибудь вздумаетъ насъ попрекать Ламанскимъ, мы теперь станемъ защищаться Погодинымъ.

«Не созрѣлъ»—сказалъ Ламанскій;
«Нѣтъ, созрѣлъ»,—сказалъ Погодинъ.
«Свищетъ!»—вымолвилъ Ламанскій;
«Рукоплещетъ!!» рекъ Погодинъ.

И, такимъ образомъ, вопросъ о зрѣлости и незрѣлости рѣшенъ въ нашу пользу, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока г. Погодину тоже не покажется, что „свищетъ“!..

5.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНІЕ СЪ ВЗРОСЛЫМИ ДѢТЬМИ.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою...
Лермонтовъ.

Милостиво объявивъ публикѣ, что она созрѣла, г. Погодинъ во все продолженіе диспута такъ съ нею и обходился, что давалъ разумѣть: „вы

вѣдь, дескать, зрѣлость то отъ меня получили, единственно по моему великому снисхожденію; я же могу ее и отнять отъ васъ: она вѣдь у меня во рту". Такъ, принявшись читать свои возраженія г. Костомарову (до нихъ намъ дѣла мало: ихъ смотри въ „Современникѣ", такъ какъ онъ нынче въ ученость пустился), г. Погодинъ счелъ нужнымъ отрекомендовать Костомарова публикѣ. „Это, — говоритъ, — ученый, извѣстный своими сочиненіями о Богданѣ Хмельницкомъ, о Стенькѣ Разинѣ и многими важными журнальными статьями". Скажите пожалуйста, — неужели? А мы никогда и не слыхали объ этомъ! Очень вамъ благодарны, г. Погодинъ, за такое любезное сообщеніе. Ну, а вы чѣмъ замѣчательны? Отчего же вы кстати не позаботились познакомить насъ и съ вашею особою? Вѣдь ваша шумная дѣятельность относится къ тому времени, когда мы еще дѣйствительно были незрѣлы, когда многихъ изъ насъ еще и на свѣтѣ не было. Между нами есть такіе, которые не помнятъ не только вашей „Ураніи" на 1825 г., не только вашей „Невѣсты на ярмаркѣ", „Историческихъ афоризмовъ", „Исторіи въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ", но даже знаютъ только по слухамъ о вашихъ „Путевыхъ замѣткахъ" и едва-едва смутно припоминаютъ учено-патетическія статьи ваши, въ родѣ „Посланія къ ученому", „Мыслей по прочтеніи Соловецкаго донесенія", „О воскресной полночи въ Кремлѣ", „Историческихъ замѣчаній о политическомъ равновѣсіи", „Рѣчи при избраніи директоровъ общества Волжско-донской желѣзной дороги", и пр. т. п. Не мѣшало бы вамъ сообщить собравшейся публикѣ хотя краткое обозрѣніе этихъ и другихъ „важныхъ журнальныхъ статей", чтобы публика, знакомясь изъ вашей рекомендаціи съ г. Костомаровымъ, не могла остаться въ невѣдѣніи и на счетъ вашей литературной и ученой дѣятельности.

Впрочемъ, мы забываемъ одно обстоятельство: г. Погодинъ является къ намъ какъ власть имѣющій; его должны всѣ заранѣе знать, и всѣхъ другихъ должны знать только по его рекомендаціи. Это ясно; нечего намъ и добиваться.

Что ужъ говорить о г. Костомаровѣ? Г. Погодинъ, по выслушаніи возраженій своего противника, счелъ необходимымъ, во-первыхъ, *аттестовать* его доводы, сказавши, что они отличаются остроуміемъ и пр. (см. подлинныя слова въ „Диспутѣ"), а потомъ, вмѣсто всякаго отвѣта, угостилъ всю публику старою баснею о крестьянинѣ и его дѣтяхъ... да вѣдь не въ намекѣ, не въ двухъ словахъ, а въ цѣломъ обстоятельномъ разсказѣ, съ особою моралью! Этотъ эпизодъ былъ великолѣпенъ: тысячи образованныхъ людей слушаютъ съ университетской каѳедры, по поводу вопроса о Жмуди, басню о пучкѣ прутьевъ! Г. Погодинъ, очевидно, полагаетъ, что для созрѣвшей публики необходимы такіе доводы; но онъ

забылъ, что и для несозрѣвшихъ слушателей г. Серно-Соловьевичъ доказывалъ неправоту г. Перозіо тѣмъ, что два полтинника и два четвертака не составляютъ четырехъ полтинниковъ... И тогда ему шикала несозрѣвшая публика. Увы! тоже произвела и созрѣвшая, услышавъ басню...

Но какъ же г. Погодинъ пригналъ басню къ своему отвѣту? Посмотрите въ „Современникѣ“ подлинныя слова его. А мы, если угодно, предложимъ и объясненіе, сдѣлавъ вольное переложеніе приведенной имъ басни.

НОРМАННЫ И ПУКЪ.

БАСНЯ.

(*Вольное переложеніе изъ академика Погодина: на музыку будетъ положено, вѣроятно, Александромъ Васильевичемъ Лазаревымъ*).

Задумавъ долгъ отдать природѣ [1]),
Мужикъ къ себѣ сыновъ и внуковъ пригласилъ
И сочинилъ
Имъ завѣщанье въ новомъ родѣ:
Пукъ розогъ имъ вручилъ
И предложилъ,
Чтобъ кто-нибудь изъ нихъ его переломилъ.
Пыхтѣлъ тутъ каждый сынъ, чтобъ похвалилъ отецъ,
И каждый внукъ кряхтѣлъ, чтобы потѣшить дѣда...
Но, наконецъ,
Сознались, что побѣда
Надъ пукомъ симъ
Не дается имъ.
Тогда старикъ пукъ развязалъ
И имъ сказалъ,
Чтобъ каждый взялъ
По пруту
И такъ ломалъ.
И что же? Въ ту жъ минуту
Всякъ, даже самый малый внукъ,
Свой прутъ сломалъ.
И вдругъ—
Гдѣ пукъ?!

---

[1]) Стихъ сей заимствованъ изъ одной дѣтской басни Б. М. Ѳедорова, за что и приносимъ ему нашу чувствительную благодарность.

Смыслъ притчи сей совсѣмъ не тотъ,
Какой намъ съ дѣтства былъ извѣстенъ;
Къ вопросу о норманнахъ онъ идетъ,
И здѣсь весьма умѣстенъ;
Когда теорію норманства вообще
Однимъ усиліемъ разрушить вы хотите,—
То вы погубите труды свои вотще
И никого не убѣдите.
Но если вы начнете разбирать
Всѣ доказательства отдѣльно,
Тогда, конечно, вамъ не трудно ихъ сломать
И всѣхъ насъ поразить смертельно.
Итакъ мораль здѣсь та:
Доводы разбирать не слѣдуетъ отдѣльно,
А взяться слѣдуетъ за общія мѣста.
Вотъ это будетъ дѣльно
И выгодно защитникамъ норманства;
А то, пожалуй, вдругъ
Исчезнетъ ихъ ученое убранство,
Какъ въ баснѣ—пукъ.

Разсказъ этотъ произвелъ впечатлѣніе, которое тоже должно быть изображено стихами:

Такъ рекъ онъ, новѣйшихъ временъ
Мененій Агриппа.
Но плохо онъ былъ оцѣненъ:
Змѣинаго шипа
Въ отвѣтъ ему кто-то пустилъ,
И всюду по залѣ
Послышался шопотъ: „нѣтъ силъ
Въ норманскомъ началѣ!..
Явился норманщикъ съ Москвы,
Во имя науки,
И важно, пространно—увы!—
Толкуетъ—о пукѣ.
Пришла жъ академику мысль
Скрываться за сказки!
Скорѣй его, Кліо, причисль
Къ друзьямъ Свистопляски“!

И шипомъ змѣинымъ прошелъ
Тотъ шопотъ по залѣ.
Но рѣчь Костомаровъ повелъ,—
И всѣ замолчали.

Г. Костомаровъ отвѣтилъ тоже аллегорически, попросивъ, впрочемъ, предварительно позволенія на это. Онъ указалъ на театральныя иллюзіи, происходащія отъ размалеванныхъ декорацій, и утверждалъ, что нужно разсматривать дѣло ближе, если хочешь узнать настоящую истину. Г. Погодинъ тотчасъ же согласился, потому что именно это заключеніе выходило и изъ его басни. Затѣмъ пошелъ споръ о частностяхъ, который уже составляетъ достояніе „Современника", и изъ котораго мы похитимъ только три перла —объ авторитетахъ, о порогахъ и о тайномъ голосѣ.

Неизвѣстно, выбившись-ли изъ силъ, или желая сдѣлать тонкій намекъ публикѣ и своему противнику (который, какъ видно изъ отвѣта его, вполнѣ понялъ этотъ намекъ), г. Погодинъ вдругъ заговорилъ объ уваженіи къ авторитетамъ и въ примѣръ представилъ самого себя: какъ онъ уважалъ Карамзина, и какъ Карамзинъ сказалъ ему, по поводу перевода Эверса, что въ норманствѣ истина!.. Какія трогательныя подробности о числѣ и годѣ этого свиданія (26 дек. 1825 г.) сообщилъ г. Погодинъ! Жаль, что не прибавилъ, въ чемъ былъ одѣтъ исторіографъ, когда г. Погодинъ пришелъ къ нему съ переводомъ Эверса!

Г. Лиліеншвагеръ, все время мѣшавшій намъ слушать, и тутъ вдохновился и засвисталъ намъ на ухо:

„Въ двадцать пятомъ году, въ декабрѣ,—
Помню—двадцать шестого числа...
Былъ я вь юной и свѣжей порѣ
И свершилъ я большія дѣла:
Книгу Эверса я перевелъ
И представилъ не медля тому,
За кѣмъ я безсознательно шелъ,
Чьему слѣпо дивился уму...

— Да Погодинъ не говорилъ этого,—перебили мы.
— Ничего, мысль его была такова, —отвѣчалъ піита,—и продолжалъ:

„И меня вопросилъ онъ тогда,
Зачѣмъ Эверса я преложилъ:
„Не годится, вѣдь, онъ никуда,
Ибо съ юга онъ Русь выводилъ".

Я въ отвѣтъ ему скромно сказалъ:
„Для того перевелъ я его,
Чтобъ негодность его увидалъ
Русскій людъ изъ него самого".
Благосклонно взглянувъ на меня,
Мнѣ отвѣтилъ тогда Карамзинъ:
„Мнѣ яснѣй теперь Божьяго дня,
Что изъ споровъ исходъ намъ одинъ,—
Тотъ, что къ намъ изъ норманской земли,
Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ пришли".
Такъ сказалъ мнѣ тогда Карамзинъ,
И слова тѣ запали мнѣ въ грудь.
Пусть меня покараетъ Одинъ,
Если я вамъ совралъ что-нибудь!
Вотъ душа занята чѣмъ была
Еще въ юной и свѣжей порѣ,—
Помню,—двадцать шестого числа,
Въ двадцать пятомъ году, въ декабрѣ"!..

Не знаемъ, заслужили-ль бы одобреніе публики мысли г. Погодина, изложенныя въ такой формѣ. Но въ подлинномъ своемъ видѣ разсужденіе г. Погодина объ авторитетахъ и даже жалобы его на „молодую литературу" приняты были очень холодно, несмотря на то, что онъ къ концу своей фразы приклеилъ довольно ловко злоупотребленія акціонерныхъ обществъ. Извѣстно, что въ Александринскомъ театрѣ возбуждаютъ фуроръ фразы, въ родѣ, напр.: „домовладѣльцы, эти кровожадные вѣроны!", и. т. п. Судя по этому, мы думали, что и фраза г. Погодина о молодой литературѣ, торопливо обернутая акціями, вызоветъ взрывъ рукоплесканій. Но совершенно ничего не бывало: аплодисменты раздались позже, послѣ реплики его противника. Это, вѣроятно, и вызвало вдохновеніе нашего піиты.

Такимъ образомъ, г. Погодинъ долженъ былъ отказаться и отъ авторитетовъ, услыхавъ, что порядочный авторитетъ только тотъ и есть, который ни въ чемъ не стѣсняетъ свободы мнѣнія, ища въ своихъ изысканіяхъ не удовлетворенія личнаго самолюбія, а одной истины. Стали спорить безъ авторитетовъ. Но тутъ г. Погодинъ какъ разъ наткнулся *на пороги*. Можетъ, вы этого дѣла не изучали, такъ мы разскажемъ вамъ: мы вѣдь на всѣ руки...

Видите-ли, Константинъ Багрянородный, византійскій авторъ X вѣка, написалъ сочиненіе объ управленіи государствомъ, и такъ какъ собственно управленіе мало занимало его, то онъ и пустился здѣсь въ ту науку, которую г-жа Простакова называетъ недворянскою. Перебирая разныя мѣст-

ности, онъ, между прочимъ, говоритъ о семи порогахъ на Днѣпрѣ и приводитъ ихъ названія на двухъ языкахъ: по-славянски, говоритъ, называется такъ-то, а по-русски такъ-то. Ученые принялись добираться, какой же это языкъ разумѣется подъ именемъ *русскаго*. Лербергъ написалъ объ этомъ даже чуть не цѣлую книгу. Норманщики, разумѣется, принялись объяснять все изъ скандинавскихъ языковъ. Между этими порогами особенно два показались имъ ясны: *Варуфоросъ*, по-славянски *Вульнипрагъ* и *Гелянбри*. Нашли въ скандинавскомъ war—тихій, и fors—порогъ, а славянское имя растолковали—вольный прагъ; *вольный* и *тихій* — все равно, стало быть ясно... Другой порогъ, *Гелянбри*, названъ у Константина *по-славянски*, а какъ онъ по-русски, этого не сказано; но норманщики рѣшили, что тутъ ошибка, и нашли въ исландскомъ точно такое слово, съ значеніемъ *шумящій*. Опять ясно. Руководясь такими свѣтлыми соображеніями, г. Погодинъ, послѣ всѣхъ доводовъ противника, объявилъ, что Гелянбри и Варуфоросъ—это такіе два столба, которые всегда поддержатъ норманство и выдержатъ какой угодно напоръ. Нашъ сосѣдъ, соперникъ г. Розенгейма, такъ воодушевился при этихъ словахъ г. Погодина, что немедленно развилъ ихъ въ слѣдующихъ стихахъ.

ДВА ПОРОГА.

Насвистывается на голосъ: «Задѣть мою амбицію»...

Гелянбри и *Варуфоросъ*
Вотъ два мои столба!
На нихъ мою теорію
Поставила судьба.
Пороговъ сихъ названія
Такъ Лербергъ объяснилъ
Изъ языка норманскаго,
Что спорить нѣту силъ.
Конечно, авторъ греческій
Ихъ могъ и переврать;
Но могъ, противъ обычая,
И вѣрно написать.
Гелянбри хоть приводитъ онъ
Въ числѣ *славянскихъ* словъ;
Но ясно—здѣсь ошибся онъ,
Не зная языковъ.

Въ славянскихъ всѣхъ нарѣчіяхъ
Такого слова нѣтъ:
Но обратясь къ исландскому,
Сейчасъ найдемъ отвѣтъ.
Такъ точно и *Варуфоросъ*
Быть можетъ объясненъ
Лишь только скандинавскою
Пригонкою именъ.
Геляндри и *Варуфоросъ*—
Вотъ, такъ сказать, быки,
Объ кои обобьете вы
Напрасно кулаки!

Такимъ образомъ, изъ пороговъ г. Погодинъ (по крайней мѣрѣ, въ стихахъ г. Лиліеншвагера) выѣхалъ благополучно. Но все-таки продолжать споръ безъ авторитетовъ ему, какъ видно, показалось затруднительно, и онъ, при самомъ концѣ уже, обратился къ рессурсу, никѣмъ неожиданному и почерпнутому имъ, по всей вѣроятности, изъ „Ключа къ таинствамъ натуры“, Эккартсгаузена: онъ вдругъ сослался на *тайный голосъ*! Хотя бы, говоритъ, и заставили меня отказаться отъ норманства, не вѣрьте мнѣ: какой-то тайный голосъ шепчетъ мнѣ: норманны, норманны!..

Ну, хороша наша наука, только славушка дурна, подумали мы; а г. Лиліеншвагеръ сейчасъ же на ухо—со стихами. Слушайте, говоритъ:

ТАЙНЫЙ ГОЛОСЪ.

(Свищется на голосъ извѣстнаго «Мальбруга»).

Пускай, вы побѣдили,
Я спорить не могу;
Но все я въ прежней силѣ
Норманство берегу.

Моихъ авторитетовъ
Не слушаете вы,
Другихъ же вамъ отвѣтовъ
Не взялъ я изъ Москвы.

Я могъ бы, какъ Ламанскій,
Васъ всѣхъ теперь огрѣть:
„До истины норманской
Вамъ нужно, молъ, дозрѣть!“

Но я—клянусь—несроденъ
Къ такому куражу.
Какъ русскій, какъ Погодинъ,
Отъ сердца вамъ скажу:

„Хоть я и откажуся
Отъ взгляда своего,
Такъ это все, божуся,
Не значитъ ничего.

„Слаба у насъ наука,
И толку мало въ ней;
Но есть во мнѣ порука
Надежнѣй и вѣрнѣй.

„Какой-то чрезвычайной
Я силой обуянъ:
Мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
Что Рюрикъ былъ норманнъ.

„На вѣрѣ къ симъ внушеньямъ
Основанъ весь мой взглядъ:
Довѣрьемъ и смиреньемъ
Весь нашъ народъ богатъ".

— Опять громкое словцо, котораго профессоръ не говорилъ,—сказали мы Конраду Исаичу (пора сообщить публикѣ имя и отчество нашего поэта; послѣ знаменитаго „Протеста" онъ не можетъ уже конфузиться своимъ отчасти еврейскимъ происхожденіемъ).

— Теперь не говорилъ, такъ прежде говорилъ,—возразилъ Конрадъ Исаичъ:—что жъ я, по вашему, три единства, что-ли, долженъ соблюдать въ стихахъ своихъ? А вы вспомните-ка, наприм., хоть рѣчь г. Погодина при выборѣ директоровъ Волжско-донской желѣзной дороги. Что онъ тогда говорилъ? Я приведу, пожалуй, подлинныя его слова. „Въ нашихъ ушахъ,—говоритъ,—прозвенѣли только два слова: Волга и Донъ, — и мы, ни о чемъ больше не разсуждая, ничего не разспрашивая, ничего не изслѣдуя, принесли свои деньги, на одно честное слово... Что доказываетъ это явленіе? Это доказываетъ, что у насъ есть довѣріе, вѣра, кредитъ особаго высшаго рода. Это сильный рычагъ дѣятельности, вѣрный залогъ и твердое основаніе великихъ дѣлъ и успѣховъ. Да, въ русскомъ народѣ есть много вѣры въ разныхъ ея видахъ — это его достоинство". И на основаніи этого достоинства, г. Погодинъ предложилъ не дѣлать выбо-

ровъ въ директора, а просить о назначеніи ихъ учредителей,—В. А. Кокорева, Н. А. Новосельскаго и др. Не хотите-ли, я все это вамъ въ стихахъ изложу сейчасъ же?

— Нѣтъ, ужъ избавьте на этотъ разъ, — отвѣчали мы, видя, что г. Лиліеншвагеръ находится въ ужасномъ ударѣ стихотворства (что съ нимъ, къ счастью русской публики, бываетъ довольно рѣдко).

Но намъ не суждено было въ этотъ вечеръ отдѣлаться отъ стиховъ. Только-что преніе кончилось,—по обыкновенію ничѣмъ,—только-что противники сошлись среди залы, торжественно разцѣловались и были подняты на руки, а г. Костомаровъ даже понесенъ на рукахъ изъ залы, только-что мы оправились отъ внезапнаго напоминанія о безсмертіи души, сдѣланнаго г. Погодинымъ, — какъ вдругъ въ ушахъ нашихъ раздался романсъ: „Когда бъ онъ зналъ“, въ переложеніи нашего пріятеля. Романсъ этотъ служилъ достойнымъ pendant къ заключительной рѣчи г. Погодина, и мы, не имѣя ничего болѣе прибавить, рѣшаемся закончить имъ нашъ отчетъ о знаменательномъ диспутѣ, столь много послужившемъ къ возвышенію не-только ученой славы г. Погодина, но и его блистательнаго краснорѣчія и удачнаго остроумія.

РОМАНСЪ.

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

(Отъ рыцаря Свистопляски).

Когда бъ онъ зналъ, что рыцарь Свистопляски
Невольно съ нимъ сливается душой,
И больше радъ его ученой ласкѣ,
Чѣмъ онъ былъ радъ, музей продавши свой.

Когда бъ онъ зналъ, какъ милъ мнѣ „Москвитянинъ“,
Гдѣ всякъ писать изъ чести былъ бы радъ!
Когда бъ онъ зналъ, что мнѣ совсѣмъ не страненъ
Его порывъ къ востоку, на Царьградъ.

Когда бъ онъ зналъ! Когда бъ онъ зналъ!..

Когда бъ онъ зналъ, какъ слогъ его прилежно
Я въ „Путевыхъ замѣткахъ“ изучалъ.
Когда бъ онъ зналъ, какъ пристально и нѣжно
Его статью я въ „Парусѣ“ читалъ!

Когда бъ онъ зналъ, что въ спичахъ затрапезныхъ
Меня живитъ его вертлявый тонъ
И что изъ всѣхъ ораторовъ полезныхъ
Милѣе всѣхъ мнѣ Кокоревъ да онъ!

Когда бъ онъ зналъ, въ борьбѣ о жмудскомъ дѣлѣ,
Что ужъ во мнѣ романсъ ему созрѣлъ!
Рѣшась сказать, что всѣ ужъ мы созрѣли,
Когда бъ онъ зналъ, что тутъ и я сидѣлъ!

Когда бъ онъ зналъ! Когда бъ онъ зналъ!

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА.

1.

ЧЕРНЬ.

(Первое стихотвореніе новаго періода).

Прочь, дерзка чернь, непросвѣщенна
И презираемая мной.
ДЕРЖАВИНЪ.

Прогрессъ стопою благородной
Шелъ тихо торною стезей,
А вкругъ него, въ толпѣ голодной,
Къ идеямъ выспреннимъ несродной,
Носился жалобъ гулъ глухой.
И толковала чернь тупая:
„Зачѣмъ такъ тихо онъ идетъ,
„Такъ величаво выступая?
„Куда съ собой онъ насъ ведетъ?
„Что дастъ онъ намъ? Чему онъ служитъ?
„Зачѣмъ мы съ нимъ теперь идемъ?..
„И нынче всякъ, какъ прежде, тужитъ,
„И нынче съ голоду мы мремъ...
„Все въ ожиданьи благъ грядущихъ
„Мы безъ одежды, безъ угла,
„Обмановъ жертвы вопіющихъ
„Среди царюющаго зла".

ПРОГРЕССЪ.

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наѣдаться сыто,
Но къ высшей правдѣ ты слѣпа,
Покамѣстъ брюхо не набито!..
Скажи какую хочешь рѣчь
Тебѣ съ парламентской трибуны:
Но хлѣбъ тебѣ коль нечѣмъ печь,
То ты презришь ея перуны,
И не поймешь ея красотъ!
Раба нужды матеріальной
И пошлыхъ будничныхъ заботъ,
Чужда ты мысли идеальной!

ЧЕРНЬ.

Насъ натощакъ не убѣждай,
Но обезпечь для насъ работу,
И честно плату выдѣляй:
Оцѣнимъ мы твою заботу,—
Пойдемъ въ палаты засѣдать
И будемъ рѣчи вдохновенной
О благоденствіи вселенной
Свѣтло и радостно внимать!

ПРОГРЕССЪ.

Подите прочь! Какое дѣло
Прогрессу мирному до васъ?..
Жужжанье ваше надоѣло:
Смирите вашъ строптивый гласъ!
Прогрессъ—совсѣмъ не богадѣльня.
Онъ—служба будущимъ вѣкамъ;
Не остановится безцѣльно
Онъ для пособья бѣднякамъ,
Взгляните,—на небесномъ сводѣ
Свѣтило дневное плыветъ,
И все живущее въ природѣ
Имъ только дышетъ и живетъ.

Но путь его не остановитъ—
Ни торжествующій порокъ,
Ни филинъ, что его злословитъ,
Ни увядающій цвѣтокъ!..

2.

НАШЕ ВРЕМЯ.

Наше время такъ хвалили,
Столько ждали отъ него,
И о немъ, какъ о Шамилѣ,
Всѣ такъ долго говорили,
Не сказавши ничего!

Стало притчей наше время
И въ пословицу вошло...
Утвердясь на этой темѣ,
Публицистовъ наше племя
Сотни хрій произвело.

Наконецъ намъ надоѣло
Слушать праздный ихъ синклитъ,
И съ возгласами безъ дѣла
Наше время опошлѣло,
Потеряло свой кредитъ,

Осердясь на невниманье,
Чуть не сгибло ужъ въ Невѣ...
Но потомъ, намъ въ наказанье,—
Вдругъ въ газетное названье
Превратилося въ Москвѣ!..

3.

ГРУСТНАЯ ДУМА ГИМНАЗИСТА ЛЮТЕРАНСКАГО ИСПОВѢДАНІЯ И НЕ КІЕВСКАГО ОКРУГА.

Выхожу задумчиво изъ класса,
Вкругъ меня товарищи бѣгутъ;
Жарко споритъ ихъ живая масса,
Былъ-ли Лютеръ геній или плутъ?

Говорилъ я нынче очень вольно,—
Горячо отстаивалъ его...
Что же мнѣ такъ грустно и такъ больно?
Жду-ли я, боюсь-ли я чего?

Нѣтъ, не жду я кары гувернера
И не жаль мнѣ нынѣшняго дня...
Но хочу я брани и укора,
Я-бъ хотѣлъ, чтобъ высѣкли меня!..

Но не тѣмъ сѣченіемъ обычнымъ,
Какъ сѣкутъ повсюду дураковъ,
А другимъ, какое счелъ приличнымъ
Николай Иванычъ Пироговъ.

Я-бъ хотѣлъ, чтобъ для меня собрался
Весь педагогическій совѣтъ,
И о томъ, чтобъ долго препирался,—
Сѣчь меня за Лютера иль нѣтъ?

Чтобъ потомъ, табличку наказаній
Показавши молча на стѣнѣ,
Дали мнѣ понять безъ толкованій,
Что достоинъ порки я вполнѣ;

Чтобъ узналъ объ этомъ попечитель,—
И, лежа подъ свѣжею лозой,
Чтобъ я зналъ, что нашъ руководитель
Въ этотъ мигъ болитъ о мнѣ душой...

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИСЛАННЫЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ „СВИСТКА“ [1]).

Въ редакціи „Свистка“ получена изъ Москвы „Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ“, при слѣдующемъ письмѣ:

„Мм. Гг.!

Хотя еще незабвенный поэтъ нашъ, Александръ Сергѣичъ, сказалъ:

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфироносная вдова;

---

[1]) Стихотворенія, къ которымъ написалъ Добролюбовъ это предисловіе и библіографическія примѣчанія, написаны не имъ.

но мы видимъ, что старушка Москва до сихъ поръ не перестаетъ оспаривать у красавца-Петербурга пальму первенства въ сердцѣ русскаго. Многія свѣтила нашего литературнаго горизонта принимали на себя сладостный трудъ заявленія признательныхъ русскихъ чувствъ къ этому священному хранилищу отечественныхъ воспоминаній. Довольно упомянуть имена Ѳ. Н. Глинки, С. П. Шевырева, М. А. Дмитріева, Н. В. Сушкова, Н. В. Берга, графини Евдокіи Ростопчиной, Каролины Павловой, Авдотьи Глинки, чтобы оживить въ памяти и сердцѣ каждаго истинно-русскаго высокія вдохновенія, посвященныя стѣнамъ Кремля, Поклонной горѣ, Марьиной рощѣ, московскимъ цыганамъ, царю колоколу, Ивану великому, квасамъ и кулебякамъ, и т. д. Сѣверная Пальмира, практическая и холодная красавица, не имѣла высокаго счастія внушить столько вдохновенныхъ гимновъ тѣмъ изъ своихъ обитателей, которые пылаютъ божественнымъ пламенемъ поэзіи. Но за то обильно было число *сравненій* созданія Великаго Петра съ древнею столицею царей московскихъ. Всѣ подобныя сравненія, сколько намъ извѣстно, были съ пламеннымъ энтузіазмомъ принимаемы всѣми благородными сердцами, которыя лукавою наукою Запада не доведены еще до жалкаго индифферентизма ко всему родному и въ которыхъ свѣточъ чистой вѣры не погасъ во тьмѣ лжеумствованій кичливаго разума. Не всѣ изъ упомянутыхъ нами сравненій появились въ печати; между прочимъ, ненапечатанною остается и предлагаемая „Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ“. Она попала ко мнѣ въ руки отъ самого автора „Московскаго Стихотворенія“, и онъ дозволилъ мнѣ украсить имъ страницы вашего [1])... изданія. Посылаемыя два письма составляютъ, по всей вѣроятности, только начало переписки, которая обѣщаетъ быть не только любопытною, но и поистинѣ отрадною для патріотическаго наблюденія. Уже въ первыхъ письмахъ вы видите, съ одной стороны, широкую, сильную, размашистую русскую натуру, не знающую никакихъ деликатесовъ и модныхъ изворотовъ, рѣжущую правду-матку прямо, безъ обиняковъ, съ виду нѣсколько грубоватую, но глубоко основательную, берущую дѣло съ корня, съ самаго начала сѣверной столицы, и въ концѣ письма возвышающуюся до трогательнаго лиризма, до трагизма истинно-шекспировскаго; съ другой стороны—предъ вами прилизанный франтикъ съ дешевенькой ироніей, поддѣльнымъ скептицизмомъ, съ затверженными, пошлыми замашками, съ виду какъ будто приличный, но, въ сущности, издѣвающійся надъ всѣмъ святымъ, силящійся бросить тѣнь даже на такія событія, какъ морозы 12-го года, изданіе

---

[1]) Тутъ были обычные комплименты, которые мы, по скромности, выкинули.

Ред. «Свистка».

„Русскаго Вѣстника“, педагогическая дѣятельность г. Киттары и пр., а между тѣмъ не смѣющій даже и отвѣчать прямо москвичу, а обращающійся въ своемъ отвѣтѣ къ какому-то третьему лицу, — и ужъ конечно петербуржцу!.. Здѣсь уже ясно для васъ торжество московской, на русской почвѣ выросшей и струею русскаго духа омытой, родной жизни — надъ чужеземнымъ чахлымъ произрастеніемъ невскихъ береговъ, искусственно выведеннымъ по нѣмецкому маниру. Въ слѣдующихъ письмахъ преимущество это должно выказаться еще ярче. Къ сожалѣнію, другъ мой, авторъ московскаго стихотворенія, по московскому обычаю, — что грѣха таить! — лѣнивенекъ и не скоро соберется, а пожалуй, и вовсе не соберется отвѣчать петербургскому пріятелю. А ужъ еслибъ собрался, — то-то бы его отдѣлалъ!

Позвольте, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что вы не упустите случая предать гласности прекрасное произведеніе московской музы, еще болѣе получающее цѣны отъ присоединенія къ нему легкомысленнаго петербургскаго отвѣта.

Примите, и пр.

N.“

Прочитавъ „Переписку“, мы пожелали узнать время ея происхожденія, о которомъ ничего не говорится въ полученномъ нами письмѣ. Мы полагали, что время это можно опредѣлить по библіографическимъ даннымъ, находящимся въ перепискѣ, и для этого обратились за помощію къ весьма серьезному и усидчивому, хотя и не признанному библіографу, г. Лайбову. Г. Лайбовъ взялъ „Переписку“ и, по своей библіографической натурѣ, не удержался, чтобъ не составить къ обоимъ стихотвореніямъ ученыхъ и весьма обширныхъ библіографическихъ примѣчаній. Мы пришли въ ужасъ, увидавши, какъ два тоненькіе листика превратились въ рукахъ его, въ продолженіе двухъ дней, въ толстую тетрадь, въ которой однако опредѣленія времени-то и не было. Печатать всѣ примѣчанія оказалось невозможно: они бы составили около 20 печатныхъ листовъ; но, не желая доводить до отчаянія скромнаго труженика, и безъ того уже всѣми отвергнутаго, мы выбрали нѣкоторыя примѣчанія, сократили ихъ и печатаемъ, въ видѣ образчика, собственно для утѣшенія г. Лайбова и для тѣхъ, кого это дѣло касаться можетъ.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

На дальнемъ сѣверѣ [1]), въ гиперборейскомъ краѣ [2]),
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ,
Скрывается опять до лѣта въ сентябрѣ [3]),
Столица новая возникла при Петрѣ [4]),
Возникнувъ съ помощью чухонскаго народа [5])
Изъ топей и болотъ [6]) въ какихъ-нибудь два года,
Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась:

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) 59° 56′ 31″ сѣв. ш. и 27° 57′ 58″ долг. (См. Dictionnaire général de biographie et d'histoire, etc. etc., p. Ch. Dezobry et Th. Bachelet). Согласно съ нимъ показываетъ и Dictionnaire universel, p. Bouillet: 59° 56′ с. ш. и 27° 58′ д. Но въ географіи Ободовскаго (стр. 120) показано 59° 57′ с. ш. и 47° 59′ д. И послѣ этого еще вѣрятъ иностраннымъ справочнымъ словарямъ въ свѣдѣніяхъ о Россіи!!! На 20 град. соврали два лучшіе справочные словаря, и имъ ничего! Никто не обращаетъ вниманія, даже не обличитъ ошибку, не предостережетъ соотечественниковъ отъ покупки такихъ словарей!.. А между тѣмъ,

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я!—

какъ говоритъ знаменитый баснописецъ. (Басни И. А. Крылова, Спб. 1856 года, стр. 160).

[2]) Гипербореи—должно быть греческое слово, а чортъ его знаетъ, что оно значитъ, какъ говоритъ Ляпкинъ-Тяпкинъ у Гоголя (см. Соч. Гоголя, т. II, стр. 351). Хорошо еще. если варвары, а можетъ и того хуже. Впрочемъ, извѣстно, что греки называли гипербореями всѣ народы, жившіе на сѣверъ отъ Ѳракіи (Маннерт. Geographie der Griechen, т. IV, стр. 48). Шведскій профессоръ Олафъ Валерій утверждалъ, что гипербореи жили въ Швеціи (см. Atlantica, т. I, стр. 367). Карамзинъ говоритъ, что мы, русскіе, также могли бы объявить права свои на сію честь и славу (Карамзинъ, т. I, прим. 4). Любопытные могутъ найти пространныя разсужденія о гипербореяхъ въ статьяхъ академиковъ Байера и Фишера (Mém. de l'Académie des inscript. т. X, стр. 176).

[3]) 1-го мая солнце въ Петербургѣ восходитъ въ 3 ч. 28 м., а заходитъ въ 8 ч. 26 м. А 13-го сентября—восходитъ въ 5 ч. 49 м., и заходитъ въ 5 ч. 53 м.,—*слѣдовательно, свѣтитъ только четыре минуты!!!* (См. Мѣсяцесловъ на 1859 годъ).

[4]) Возникла въ 1703 году!

[5]) Не одного чухонскаго, ибо вотъ историческое свидѣтельство: «Корелы, олончане, новгородцы (это ужъ не чухонцы!), также плѣнные шведы, казаки, татары, калмыки (развѣ это чухонцы, московскій поэтъ?) и тысячи разноплеменныхъ (видители, *разно* племенныхъ) людей прибыли сюда (къ устью Невы), по голосу царя, со всѣхъ частей его обширныхъ владѣній». Такъ разсказывается о строеніи Петербурга въ «Исторіи Петра Великаго» Ламбина, стр. 319.

[6]) «Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ»,—стихъ Александра Сергѣевича (см. Соч. Пушк., изд. Исакова, т. II, стр. 304).

Въ употребленіи тамъ гнусный рижскій квасъ [7]),
Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ русскій [8]),
И надъ обоими господствуетъ французскій [9]),
А рѣчи истинно-народный оборотъ
Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный патріотъ [10])!
Да, патріота тамъ наищешься со свѣчкой.
Подбиться къ сильному, прикинуться овечкой,
Мѣстечка теплаго добиться, и потомъ
Безбожно торговать и честью и умомъ—
Таковъ тамъ человѣкъ! Но, впрочемъ, безъ сомнѣнья,
Спѣшу оговорить, найдутся исключенья.
Забота Промысла о людяхъ такова,
Что если гдѣ ростетъ негодная трава,
Тамъ есть и добрая: вотъ, напримѣръ, Жуковскій,—
Хоть въ Петербургѣ жилъ, но былъ съ душой московской [11]).

---

[7]) Ясно изъ вывѣсокъ на каждой почти мелочной лавочкѣ. (См. объ этомъ также статью Ѳаддея Булгарина «Петербургская чухонская кухарка», въ «Библ. для Чт.» 1834 г. № 10, и всякій номеръ «Всякой Всячины», въ прежней «Сѣверной Пчелѣ»)

[8]) Это видно, между прочимъ, изъ стихотворенія барона Розена «Небосводъ»' помѣщеннаго въ Литер. приб. къ «Рус. Инв.» 1837 г. № XI, и изъ изслѣдованій Ѳомы Костыги, помѣщавшихся въ «Маякѣ» 1845 г. Нынѣ по ихъ слѣдамъ пошелъ г. Розенгеймъ, изобрѣтающій, какъ недавно мы видѣли («Отеч. Зап.» 1860 г. № 1), слова въ родѣ *скандальности, либеральности* и пр., и г. Лавровъ въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ.

[9]) Объ этомъ есть любопытная книжечка: «Оставшееся послѣ покойнаго NN разсужденіе объ опасности и вредѣ, о пользѣ и выгодахъ отъ французскаго языка, въ сравненіи его съ россійскимъ. Москва. Въ Унив. Типогр. 1817». Книга эта рѣдка, но многія мысли, изложенныя въ ней, можно читать въ гораздо болѣе общедоступной статьѣ Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» («Русск. Вѣстн.» 1858 г. № 16).

[10]) Совершенная правда! На дняхъ мы видѣли блистательное доказательство этого неумѣнья петербургскихъ жителей правильно выражаться по-русски. Въ протоколѣ 13-го засѣданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ напечатано въ пунктѣ 8-мъ, слѣдующее: ««если въ каждомъ образованномъ человѣкѣ значительно развито чувство благородной деликатности, *запрещающей* не только *не напрашиваться* на пособіе, но *и стыдливо принимать* пособіе добровольно, то оно должно быть еще сильнѣе развито въ человѣкѣ, посвятившемъ себя литературѣ или наукѣ (см. «Спб. и Москов. Вѣдом.»). Можетъ-ли хоть одинъ москвичъ допустить такое выраженіе, явно извращающее смыслъ рѣчи? *Чувство деликатности запрещаетъ не напрашиваться! Запрещаетъ стыдливо принимать!!!* Боже мой! Да гдѣ же г. Покровскій съ своимъ памятнымъ листкомъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ? Гдѣ А. Д. Галаховъ, который такъ громилъ, бывало, Греча и Ксенофонта Полевого? Хоть бы онъ вразумилъ этихъ петербургскихъ литераторовъ, не умѣющихъ писать по-русски со смысломъ!!!

[11]) Слова поэта нужно ограничить: есть положительное свидѣтельство о московитствѣ Жуковскаго. Такъ, въ рѣчи о значеніи Жуковскаго, г. Шевыревъ говоритъ: «по мѣсту воспитанія Жуковскій нашъ» («Москв.» 1853 г. № 2, стр. 79). И далѣе приводитъ замѣчательное обстоятельство: «въ стѣнахъ Москвы, готовившей себя на

Театры [12]) и дворцы, Нева и корабли,
Несущіе туда со всѣхъ концовъ земли [13])
Затѣи роскоши [14]); музеи просвѣщенья,
Музеи древностей— „всѣ признаки ученья"
Въ томъ городѣ найдешь; нѣтъ одного: души!
Тамъ высохъ человѣкъ [15]), погрязнувъ въ барыши [16]),
Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святого ничего—одна утилитарность [17])!
Итакъ, друзья мои! кляну тщеславный градъ!
Рыдаю и кляну... Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пылаетъ,
Онъ погружается по прежнему въ развратъ
И противъ гласности стишонки сочиняетъ [18])!..

2.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНІЕ.

Ты знаешь градъ [19]), заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,

костеръ сожженія за всю землю русскую, Карамзинъ, отъ прошедшаго возвращаясь къ настоящему, въ домѣ графа Ростопчина вдохновенно пророчилъ гибель Наполеону и, самъ не будучи въ силахъ сѣсть на коня и примкнуть къ арміи, благословилъ на войну Жуковскаго» (тамъ же, стр. 84). Плодомъ этого и вышелъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», а потомъ еще и «Пѣвецъ въ Кремлѣ»!..

[12]) Закрываются на первой недѣлѣ поста (см. афиши).

[13]) Стихи Александра Сергѣевича (Соч. т. II, стр. 305).

...Корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.

[14]) «Отъ роскоши и развращенія нравовъ» пали всѣ древнія государства (см. Всеобщую Ист. Кайд. ч. I, стр. 8, 11, 23 и пр.).

[15]) Не совсѣмъ справедливо, даже съ московской точки зрѣнія: по изслѣдованіямъ г. Пейзена (см. «Совр.» 1858 г. № V), въ петербургскій портъ въ 1856 г. одного шампанскаго привезено было 916.287 бутылокъ!

[16]) Доказывается недавнимъ случаемъ поддѣлки кредитныхъ билетовъ (см. «Спб. Вѣд.» № 55).

[17]) Заимствовано изъ статьи г. Колошина «*По поводу американской женщины*», въ «Утрѣ» 1859 г.

[18]) Капитальное обвиненіе противъ «Свистка», изъ котораго можно бы здѣсь и цитаты привести, если бы не совѣстно было говорить о немъ степенному изслѣдователю, особенно же трудящемуся на скромномъ и неблагодарномъ, но истинно-полезномъ поприщѣ библіографіи...

[19]) Очевидно, подражаніе гётевскому Kennst du das Land?

И храмы Божіи, и царскіе дворцы [20])?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ бушуетъ „Русскій Вѣстникъ“ [21]),
Гдѣ „Атеней“, какъ ручеекъ, журчалъ [22]).
Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Ученый говоритъ: тотъ градъ славнѣе Рима [23]),

---

[20]) А это — подражаніе Ѳ. Н. Глинкѣ, который, обращаясь къ Москвѣ, говоритъ:

Городъ пышный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады и деревни,
И хоромы и дворцы!

Стихотвореніе это первоначально было помѣщено въ «Русск. Вѣстн.» 1841 г., № 3, стр. 604—605. Но болѣе извѣстно оно изъ «Книги для Чтенія», которую зубрятъ гимназисты и въ которой оно помѣщается обыкновенно на стр. 229.

[21]) Не тотъ «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ было напечатано стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки: этотъ издавался въ 1841 и 1842 гг. Гречемъ, Полевымъ и Кукольникомъ, въ Петербургѣ. И не тотъ, который Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою издавался съ 1808 по 1824 г. и вмѣсто котораго по временамъ выдавалось подписчикамъ «Новое Дѣтское Чтеніе». Нѣтъ, тутъ разумѣется «Русскій Вѣстникъ», шумно возникшій въ 1856 г., предъявившій уже русской публикѣ новые таланты гг. Байбороды, Громеки, Кокорева, Рачинскаго, Ржевскаго, Чичерина и пр., и пр., прекратившій въ Россіи взяточничество, водворившій въ душахъ аглицкое чувство законности, отстаивавшій выкупъ души крестьянской, проектировавшій новую русскую общину и пр. *).

[22]) «Атеней», впрочемъ, предъ концомъ разговорился-было и обругалъ Островскаго; но, говоря классическимъ стихомъ г. Пилянкевича, —

Напрягся — изнемогъ, потекъ — и ослабѣлъ...

Объявленіе о его прекращеніи было послѣднимъ усиліемъ его мужества: здѣсь онъ, какъ извѣстно, предупредилъ г. Ламанскаго съ его знаменитою фразою и затѣмъ величественно, непонятый, удалился со сцены.

[23]) Здѣсь, очевидно, разумѣется А. С. Хомяковъ, ибо никто, кромѣ его, не можетъ быть у насъ названъ ученымъ par excellence; извѣстно, что онъ писалъ и о философіи («Русск. Бес.» 1859 г., № 1), и о санскритскомъ языкѣ («Изв. II Отд. Акад. Наукъ» 1855 г.), и о живописи («Моск. Сборн.» 1847 г,), и о сельскихъ условіяхъ («Москв.» 1842 г., № 6), и о юридическихъ вопросахъ («Русск. Бес.» 1858 г. № 1),—словомъ, обнялъ всѣ вѣтви знаній человѣческихъ. Но мы не знаемъ, чтобы онъ говорилъ, что Москва славнѣе Рима. Напротивъ, въ знаменитомъ своемъ стихотвореніи «Россіи» (которое почему-то, къ сожалѣнію, выкинуто изъ послѣдняго изданія Хрестоматіи Галахова) говоритъ:

Славнѣй тебя былъ Римъ великій.

Но если значеніе имени «ученый» расширить, то-есть, придать его всякому, кто «былъ ученъ», то, безъ всякаго сомнѣнія, стихъ сей относится къ г. Шевыреву, который въ теченіе своей ученой карьеры до того проводилъ параллели между Россіей и Италіей, что, наконецъ, сталъ смѣшивать принадлежности обѣихъ странъ.

---

*) Примѣчаніе это было у г. Лайбова въ четыре листа печатныхъ, съ изумительными цитатами и сближеніями. Но «Русскій Вѣстникъ» такъ общеизвѣстенъ, что мы рѣшились выкинуть всю эту исторію. Г. Лайбовъ можетъ это напечатать, гдѣ хочетъ. *Прим. ред. «Свистка».*

Прозаикъ „сердцемъ родины" зоветъ [24]),
Поэтъ гласитъ: „Россіи дочь любима" [25]),
И „матушкою" чествуетъ народъ [26]).
Не даромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слезы
При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:
Въ 12-мъ году такіе тамъ морозы
Стояли, что французъ досель ихъ не забылъ [27]).
Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади [28]).
Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди [29]).

---

[24]) См., напр., многократное повтореніе этой фразы въ предисловіи къ московскому сборнику «Утро». А если угодно, то можно припомнить и «Молву» 1857 года.

[25]) Стихи дѣйств. тайн. совѣтника Ив. Ив. Дмитріева. (Соч. Дм. Ч. I, стр. 14).

Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

[26]) Въ подтвержденіе этого можно привести стихотвореніе «Олегъ», напечатанное въ «Молвѣ» 1857 г., № 31, стр. 351.

Олегъ, грамматикъ странный самый,
Родъ женскій съ мужескимъ смѣшалъ:
Всѣмъ русскимъ городамъ упрямо
Онъ Кіевъ матерью назвалъ.
Но *Кіевъ-матушка* съ нуждою
Въ народную ложилась рѣчь:
Не долго могъ онъ быть главою
И землю русскую стеречь.
Москва поправила ошибку, —
Оправданъ ею былъ Олегъ,
И видимъ мы, что рѣчь незыбку
Про *мать градовъ* онъ древле рекъ.
Москва за Русь возстала мочно,
Нѣтъ счета порваннымъ цѣпямъ,
И стала матеріею точно
Она всѣмъ русскимъ городамъ!..

[27]) Александръ Сергѣевичъ сказалъ, по увѣренію М. П. Погодина («Москв.» 1841 г., № 1).

Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.

А извѣстно, что «что русскому здорово, то нѣмцу смерть», — и французу, стало быть, тоже.

[28]) Стоятъ — съ 1818 года!

[29]) Для примѣра смотри хоть въ «Молвѣ» замѣчанія К. С. Аксакова о значеніи Москвы. «Въ Москвѣ преимущественно идетъ умственная работа; въ ней древнѣйшій русскій университетъ. Въ ней силенъ интересъ мысли и науки.. Здѣсь пытается

Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ,
Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ [30]):
Въ послѣдней-ли войнѣ [31]), въ вопросѣ-ли крестьянскомъ [32])
Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ...
Ты знаешь градъ?—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ [33]),
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ Плющихи
Отвсюду вѣетъ чисто русскій духъ [34]);
Все взоры веселитъ, все сердце умиляетъ,
На выспренній настраиваетъ ладъ—

мысль выйти на самостоятельную дорогу, и если вновь станетъ, наконецъ, русскій умъ на свой настоящій путь, и мы, оторвавшаяся часть отъ русской народности, вновь придемъ къ ней, и просвѣщеніе будетъ народнымъ, то *этою нравственною побѣдою Россія будетъ обязана дѣятельности мысли, возникшей въ Москвѣ*» («Молва», 1857 г., № 8). Въ pendant къ этому припомните знаменитую критику г. Рачинскаго на «Тысячу душъ» («Русск. Вѣстн.» 1858 г., № 18), обвиняющую этотъ романъ главное за то, что Калиновичъ, столь дрянной человѣкъ, былъ студентомъ московскаго университета.

[30]) Вотъ одинъ поразительный примѣръ. Г. Погодинъ, въ своихъ заграничныхъ письмахъ, разсказываетъ о себѣ: «я разсказалъ Клемму со всѣми подробностями о богатомъ вознагражденіи, полученномъ мною отъ щедротъ русскаго Царя за свое собраніе древностей, которое сдѣлалось теперь на вѣки вѣковъ неотъемлемо-сохранною собственностью отечественной науки. Нѣмецкіе ученые внѣ себя отъ удивленія полумилліону рублей, который получилъ русскій за свои посильные труды: «Halb million, Potz tausend! Halb million! Das ist prächtig!» *Признаюсь, съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостію старался я сообщить это извѣстіе, кому только могъ*» («Москв.» 1853 г., № 16, Отр. изъ-загр. пис., стр. 184).

[31]) См. патріотическія стихотворенія гг. Шевырева, М. Дмитріева, К. Павловой и пр., и пр.

[32]) Объ этомъ можно справиться въ правительственномъ актѣ, который перепечатанъ, между прочимъ, и въ «Современникѣ» 1858 года, № XI, Устр. б. пом. крест., стр. 17.

[33]) Противъ этого хорошо возражаетъ М. А. Дмитріевъ, въ 37-й изъ «Московскихъ элегій» (Москва, 1858 г.).

Добрая наша Москва! Говорятъ, что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву распускать...
Нѣтъ, ужъ то время прошло, и молва отъ тебя не исходитъ.
Любишь на старости ты только спросить да послушать...

[34]) Арбатъ и Плющиха—улицы въ Москвѣ; Кремль—памятникъ отечественной славы, о которомъ Ѳ. Н. Глинка выразился («Русск. Вѣстн.» 1841 г., № III).

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?

Что же касается до «русскаго духа», то о немъ можно получить понятіе изъ объявленія объ изданіи «Русской Бесѣды» на 1856 годъ.

Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣляетъ [35]),
И сорокъ сороковъ безъ умолку гудятъ [36]).
Волшебный градъ! — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность,
Тамъ принялись науки сѣмена [37]),
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность [38]),
Что комара не примутъ за слона.
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
Подмѣтятъ все—оцѣнятъ, разберутъ:
Анафемѣ тамъ преданъ Ч* [39])
И Кокорева умъ нашелъ себѣ пріютъ [40])!
Правдивый градъ!—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Мудреный градъ! По приговору сейма
Тамъ судятся и люди и статьи [41]),

---

[35]) Кто царь-колоколъ подыметъ,
Кто царь-пушку повернетъ?

Стихи того же Ѳ. Н. Глинки. («Р. Вѣстн.» 1841 г., № 3).

[36]) Гудятъ, дѣйствительно, безъ умолку... И, кромѣ того, по выраженію Ѳ. Н. Глинки (см. тамъ же).

На церквахъ Москвы старинныхъ
Выростаютъ дерева!

[37]) Принялись и прозябли — ибо послѣ публичной лекціи г. Бабста, въ Практической Академіи (18 янв.), слушателямъ долго не давали шубъ, какъ напечатано въ 1-мъ и предпослѣднемъ нумерѣ «Современности». Шубы пріѣхавшихъ слушателей запрятали въ отдѣльную комнату, перемѣшали порядокъ нумеровъ и при разъѣздѣ стали выдавать ихъ по одной, сквозь какое-то окошко. Народу было до 400 человѣкъ; каково же было на холоду дожидаться? Поднялся ропотъ; нѣкоторые, болѣе нетерпѣливые, стали громко требовать своихъ шубъ. Въ это время явился господинъ, завѣдывавшій тамъ порядкомъ, и, подойдя къ одному изъ претендентовъ на шубу, сказалъ съ сознаніемъ своего права и достоинства: «если вы будете требовать вашу шубу, то не получите ее совсѣмъ». Эти слова такъ озадачили прозябшаго господина, что онъ пришелъ въ отчаяніе» («Современность», № 1, стр. 28).

[38]) Въ 1850 г. въ Москвѣ было 6.691 фонарь. (См. Описаніе Москвы и ея достопримѣчательностей, И. Милютина. М. 1850 г., ч. II, стр. 297).

[39]) Здѣсь разумѣется, конечно, г. Чернышевскій. Въ «Москвитянинѣ» 1851 г. № 13—14 напечатано было о «Современникѣ»: ««Современникъ», въ которомъ сегодня позволяется ругать то, что вчера расхваливалось, въ которомъ сегодня скажетъ дѣльное слово г. Дружининъ, а завтра, можетъ быть, г. Чернышевскій напишетъ тьму безвкусныхъ и безобразныхъ литературныхъ ересей» (статья Аполлона Григорьева «Объ отношеніи современной критики къ искусству»).

[40]) Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (см. 1857 г. № 24, и такъ дальше...).

[41]) Объ этомъ довольно хорошо было изложено въ «Физіологіи кружка» («Русск. Вѣстн.» 1857 г. № 9).

Ученый Бабстъ стихами Розенгейма
Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои [42]),
Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары,
Ужъ точно-ли не нужно сѣчь дѣтей [43])?
Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
Нашли пѣвца народности своей [44]).
Мудреный градъ!—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба [45]),
Байборода Крылова обличилъ [46]),
Тамъ *** былъ пораженъ сугубо [47]),
Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ [48]).
Тамъ, что ни мужъ—то жаркій другъ прогресса [49]),

---

[42]) Это случилось въ «Атенеѣ», 1858 г. № 46, стр. 297. Стихами г. Розенгейма подкрѣпляетъ ученый г. Бабстъ свои возраженія какому-то господину, защищавшему откупа.

[43]) Теперь уже не сомнѣвается, а отчаявается. (См. «Отч. Моск. Практ. Акад.» за 1859 г., стр. 39).

[44]) О чехахъ г. Хомяковъ пѣлъ не мало; они тревожатъ его даже во снѣ («Русск. Бес.» 1856 г., № 1).

О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ...

Что касается до мадьяровъ, то можно назвать мадьярскими развѣ слѣдующіе стихи его (тамъ же).

...На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Моллаву,
На шумный и синій Дунай...

[45—46]) Безплодны и неблагодарны новыя библіографическія указанія на факты столь извѣстные.

[47]) Подъ *** здѣсь можно разумѣть (такъ какъ дѣло идетъ объ историческихъ личностяхъ) или Сигизмунда, или же, что вѣроятнѣе, Наполеона, сугубо пораженнаго — морозами и пожаромъ. Имя Наполеонъ—не входитъ въ стихъ; но, вѣроятно, надо читать — *Бонапартъ*. Впрочемъ, можно читать и просто Наполеонъ, сокращая это слово по примѣру знаменитаго просодиста нашего, изучившаго всѣ сокращенія и ударенія, г. Шевырева, который въ переводѣ «Валленштейнова лагеря» (Москва, 1859 г.) пишетъ для стиха: *себѣ н'умѣ* (стр. 25), *послуш'ка* (стр. 32), *посовѣт'ать* (стр. 59), и пр.

[48]) Въ 1857 г. «Русск. Вѣстн.» говорилъ (№ 8), что г. Чичеринъ «началъ свое ученое поприще съ такимъ блескомъ, съ какимъ немногіе завершаютъ»; а теперь г. Чичеринъ пишетъ—въ «Нашемъ Времени»! (См. «Наше Время», № 1, 1860 г.).

[49]) Однимъ изъ таковыхъ является, напримѣръ, въ «Нашемъ Времени» (№ 7) г. А. Забѣлинъ, неутомимо старающійся о прогрессѣ ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ онъ говоритъ: «безконечно были бы благодарны всѣ болѣе образованные люди, если бы правительству угодно было приказать выставить на стѣнахъ вагоновъ всѣхъ классовъ печатныя объявленія, что въ вагонахъ не позволяется возить собакъ, ѣсть рыбы, сыру, яицъ и прочихъ веществъ, распространяющихъ дурной запахъ; не позволяется громко разговаривать, пѣть, свистать и вообще запрещается всякое без-

И лишь не вдругъ могли уразумѣть:
Что на пути къ нему вѣрнѣе—пресса [50]),
Или умно направленная плеть?
Разумный градъ!—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Серьезный градъ! Науку безъ обмана,
Безъ гаерства искусство любятъ тамъ [51]),

покойство пассажировъ; предписывается имѣть всевозможное уваженіе къ женщинамъ всѣхъ классовъ, и потому воспрещаются всякіе скандальные разговоры, двусмысленныя остроты и шутки. Пьяныхъ вовсе не принимать въ вагоны. Всѣ эти и подобныя имъ правила могутъ не остаться мертвой буквою. Выполняется же теперь очень строго запрещеніе курить табакъ, который составляетъ одно изъ самыхъ меньшихъ неудобствъ, теперь встрѣчающихся въ вагонахъ. Мнѣ возразятъ, что правительству нельзя же быть нянькой народа и слѣдить за каждымъ его шагомъ. Конечно, свобода дороже и лучше всего, но что же дѣлать, когда наше общество такъ дурно воспитано, что еще не умѣетъ ею пользоваться, какъ слѣдуетъ, и на свободѣ дѣлаетъ *«всевозможныя безчинства»* (стр. 91). А далѣе описываются и самыя безчинства: «около меня усѣлись какіе-то двое стриженныхъ пьяныхъ молодцовъ, въ родѣ купеческихъ приказчиковъ, которые *безъ церемоніи вытащили изъ-подъ скамьи вонючую рыбу и начали уписывать за обѣ щеки* (какое въ самомъ дѣлѣ безчинство!), какъ будто вагоны назначены быть харчевнями *и какъ будто наѣсться до сыта какой угодно гадости нельзя было на открытомъ воздухѣ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Наѣвшись своей рыбы*, они принялись во все пьяное горло *разговаривать о своихъ дѣлахъ*» (стр. 92). Далѣе авторъ, какъ горячій поборникъ прогресса, разсуждаетъ о томъ, какъ эти вещи дѣлаются «во всемъ образованномъ мірѣ». И какъ гуманно разсуждаетъ!

[50]) Толки о грамотности памятны всѣмъ. А относительно тѣлеснаго наказанія, послѣ всѣхъ споровъ, о которыхъ не считаемъ нужнымъ упоминать, вотъ что говорится въ книжкѣ: «Вечера съ разговоромъ», недавно изданной въ Москвѣ графомъ Толстымъ (стр. 13). «Считаю нужнымъ, не обязывая общинъ къ *непремѣнному тѣлесному наказанію въ извѣстныхъ случаяхъ*, оставить мѣры взысканій на собственное ихъ усмотрѣніе, лишь бы не превышали законоположеній; и они, гдѣ можно, замѣнятъ его денежнымъ штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, заработкою, исключеніемъ изъ общины, отдачею въ распоряженіе правительства и чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ; а гдѣ нельзя, тамъ употребятъ тѣлесное наказаніе, и если только будетъ возможно, то употребятъ его, вѣроятно, не спрашиваясь ни юристовъ, ни филантроповъ, ни антропологовъ, не мѣряя длину розогъ, не подраздѣляя ихъ на мужскія, женскія и дѣтскія, а просто, по пословицѣ: *«душа мѣру знаетъ»*, то-есть—ad libitum.—По моимъ, можетъ быть, отсталымъ понятіямъ *гораздо полезнѣе для человѣчества и прогресса*—дать нѣсколько розогъ одному негодяю, нежели пустить по міру и развращать этимъ способомъ цѣлое семейство его». Далѣе, все *«въ пользу человѣчества и прогресса»*, авторъ вопіетъ (Разгов. VI, стр. 19): «Въ странѣ, гдѣ лучшее развлеченіе—медвѣжья травля!—Гдѣ лучшая потѣха--кулачный бой!—Гдѣ бурлаки порютъ суда, ставшія на мель, въ полномъ убѣжденіи, что *«палка—всему голова»*! Гдѣ само правительство не находитъ возможнымъ изгнать изъ законовъ тѣлесное наказаніе,—тамъ не говорите мнѣ о необходимости замѣнить его въ *общинахъ*! — Я никогда не повѣрю вамъ!!!—Прогрессъ—долженъ быть общій!—Должна быть—общая подготовка, общее умягченіе нравовъ!.. А частности ни къ чему не ведутъ, кромѣ бѣдъ!»

[51]) Пространно объ этомъ см. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 г. № 6, въ статьѣ «Біографъ-оріенталистъ», Н. Ф. Павлова.

Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженье дамъ [52]).
И что романъ? Тамъ поражаютъ пьянство [53]),
Устами Чаннинга о трезвости поютъ [54]).
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ „Свистокъ" проклятью предаютъ [55]).

---

[52]) Каждая книжка «Русскаго Вѣстника» служитъ тому подтвержденіемъ. Тутъ у г. Лайбова были ужасныя подробности на трехъ печатныхъ листахъ, но мы ихъ выкидываемъ и оставляемъ только заключеніе)... Итакъ, Вахновская, Кохановская, Нарская, Громека, Ольга Н**, К. Павлова, Громека, Евгенія Туръ, Щербина, Жадовская; кромѣ того, по тщательнымъ библіографическимъ разысканіямъ—Тригорскій, Криницкій, Марко Вовчокъ и даже самъ Николаенко—вотъ женщины, украшающія «Русскій Вѣстникъ», и ихъ-то женственное, смягчающее вліяніе, по всей вѣроятности, держитъ его постоянно въ томъ свѣтломъ, розовомъ настроеніи, которому не мѣшаютъ даже статьи гг. Ржевскаго, Безобразова, Бунге, Лешкова и самого Хвольсона.

[53]) Тамъ даже родилась, въ pendant къ стереотипной фразѣ: «въ настоящее время, когда поднято такъ много общественныхъ вопросовъ» и пр.,—другая не менѣе сильная фраза: «*въ настоящее время*, когда пьянство приняло такіе широкіе размѣры», и пр. (см. «Моск. Вѣд. 1859 г. № 8).

[54]) Впрочемъ, и Чаннингомъ занялась прежде всѣхъ дама—г-жа Евгенія Туръ («Русск. Вѣстн.» 1858 г. № 8); а потомъ уже и мужская половина «Русскаго Вѣстника» принялась за него и въ прошломъ году, въ № 7, перевела изъ него статейку о томъ, что не должно пьянствовать, и почему не должно.

[55]) Здѣсь, вѣроятно, заключается указаніе на замѣтку, помѣщенную въ 95-мъ № «Моск. Вѣдомостей» прошлаго года. Теперь кстати будетъ припомнить ее всю цѣликомъ, и съ нѣсколькими словами редакціи Вѣдомостей. Вотъ какой видъ имѣетъ эта замѣтка:

«Мы получили по поводу распространенія трезвости слѣдующее письмо:

М. Г.,

Вы уже имѣли случай замѣтить, что, вполнѣ сочувствуя обществамъ трезвости, вы желали бы однако, чтобы дѣло обходилось безъ шпіонства и тѣлесныхъ наказаній, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ помѣщики, какъ сословіе болѣе образованное, принимаютъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ свою очередь, вполнѣ соглашаясь съ вами, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели это идеалъ недостижимый, мечта кабинетныхъ людей и теоретиковъ, и въ нашемъ благословенномъ отечествѣ люди вѣчно будутъ сѣчь другъ друга, и не только другъ друга, но и женщинъ,—сѣчь, по собственному, добровольному соглашенію? Вотъ оно—вліяніе крѣпостного права и безграмотности!

А у насъ еще есть господа *), безъ застѣнчивости печатающіе, что наша литература, занимаясь вопросами о распространеніи грамотности, о тѣлесныхъ наказаніяхъ, и т. п., даже давая гласность нѣкоторымъ общественнымъ явленіямъ безъ прямого указанія на лица, собственно повторяетъ только то, что и безъ нея извѣстно. Впрочемъ, лучшая часть нашего общества умѣетъ цѣнить этихъ господъ по достоинству, и попытки литературнаго мальчишества и паясничества, убивая въ литера-

---

*) См. въ апрѣльской книжкѣ «Современника» статью: «Русская Литература», и балаганный отдѣлъ (возобновленный, вѣроятно, по случаю недавнихъ праздниковъ) подъ названіемъ «Свистокъ».

Серьезный градъ!—Туда, туда съ тобой
Намъ страшно показаться, милый мой!

турѣ всякую живую связь съ тою средой, которой она служитъ органомъ, никогда не могутъ имѣть успѣха. Многіе вопросы, порѣшенные въ Западной Европѣ и знакомые изъ книгъ десяти человѣкамъ въ Россіи, конечно, не могли перейти въ общее сознаніе тамъ, гдѣ коренится и упорно держится во всемъ строѣ жизни крѣпостное право, со всѣми своими неисчислимыми послѣдствіями. Если бы, считая все давно порѣшеннымъ, наша литература ограничивалась туманными выходками противъ неаполитанскихъ изгнанниковъ, и т. п., то она утратила бы всякій смыслъ для русскаго общества. Это пойметъ всякій неглупый школьникъ, а у насъ есть литераторы, не понимающіе такихъ простыхъ вещей! До какой степени невозможенъ успѣхъ попытокъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, показываетъ уже одно то, что въ порядочныхъ журналахъ Западной Европы рѣшительно не принято имѣть балаганные отдѣлы, и что мы всѣ, повидимому, очень хорошо знаемъ это, а между тѣмъ, все-таки не можемъ устоять противъ искушенія—потѣшить публику и, при случаѣ, превратить свой журналъ въ *Весельчака*. Отчего же это? Оттого, что въ нашемъ обществѣ, даже въ обществѣ литературномъ, еще не прииялось западное понятіе о литературѣ, и общество еще бросается изъ одной крайности въ другую, увлекая за собою и литературу, по крайней мѣрѣ наименѣе серьезные ея органы».

Примите и пр.

Н. Ч.»

Въ заключеніе, какъ серьезный и добросовѣстный библіографъ, я долженъ объявить, что вполнѣ соглашаюсь съ мнѣніемъ г. Н. Ч., въ которомъ, однако, по моимъ изысканіямъ и соображеніямъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ подозрѣвать г. Чернышевскаго. Dixi.

Н. Лайбовъ.

№ 5.

ОГОВОРКА.

Время на время не приходитъ: такъ точно и свистъ на свистъ не приходится. Вотъ теперь, напримѣръ, говорятъ, майская погода, а кто ее отличитъ отъ декабрьской? Извѣстно, что въ декабрѣ всегда въ Петербургѣ Нева проходитъ, ледъ идетъ по ней, сверху каплетъ что-то подходящее больше къ дождю, чѣмъ къ снѣгу, франты и дѣвицы скачутъ на тройкахъ за городъ, по улицамъ чиновники въ полной парадной формѣ разъѣзжаютъ съ визитами на яликахъ. И теперь то же самое: Нева прошла, и ледъ по ней до сихъ поръ временами крадется; пылкія натуры точно также стремятся за городъ и перевозятъ свою движимость на вѣрныхъ коняхъ, ничуть не уступающихъ въ худобѣ знаменитымъ зимнимъ тройкамъ; сверху льется такой холодный дождь, что такъ и думаешь: онъ навѣрное — либо былъ, либо будетъ снѣгомъ... А ежели чиновники на яликахъ не катаются, такъ за то они по грязи шлендаютъ — то же самое и выходитъ... Такъ вотъ подите же, скажите, что теперь декабрь: никто вѣдь не повѣритъ. „Какъ же,— скажутъ,—а счетъ-то, а календарь-то?" Рутина—скажу я вамъ, милостивые государи,—одна рутина, и больше ничего! По нашему—пригрѣло солнышко въ декабрѣ, получилъ награду къ празднику, знаменитаго литератора увидѣлъ, прекрасной жены лишился — вотъ и май, — и отправляйся себѣ въ Екатерингофъ! А какъ ежели и въ маѣ—да проберетъ тебя Чернышевскій вдвоемъ съ Костомаровымъ, или придется тебѣ почитать „Весенніе звуки" да „Весеннія ночи" въ русскихъ журналахъ, или какъ въ Москву попадешь, да тамъ при тебѣ о г-жѣ Свѣчиной заспорятъ, такъ тутъ такой тебѣ май покажется, что декабря запросишь: по крайности, тутъ ужъ послѣдній мѣсяцъ; съ новымъ-то годомъ авось, молъ, и получше что будетъ. Но всѣ эти здравыя убѣжденія, хотя всякому понятныя и весьма наглядно изложенныя, ни на

кого не подѣйствуютъ,—мы въ этомъ увѣрены. Затвердили себѣ, что май есть май, да и кончено: по закону тожества, говорятъ, такъ выходитъ. А какое тутъ тожество? У людей май бываетъ свѣтелъ и радостенъ; а у насъ что? Только и есть радости, что иной разъ статейку о „Наканунѣ" получишь. Ну, пока ее читаешь, и весело и забавно; а потомъ опять темно на душѣ дня на три, пока не принесутъ въ какомъ-нибудь журналѣ или газетѣ еще статейку о „Наканунѣ"! Тоска, да и только. А все маемъ зовется...

Такъ-то вотъ и „Свистокъ": не всегда онъ въ себѣ тожество имѣетъ. Вы не думайте, что ужъ коли свищетъ человѣкъ, такъ ему и весело. Конечно, мы благонравные юноши и болѣе по кротости душевной свистимъ, подобно птенцамъ неопытнымъ; но иной разъ — не только благонравный юноша, а даже деликатная дѣвица вдругъ отъ чего-нибудь въ ужасъ придетъ, такъ вѣдь какъ—не то что засвищетъ, а просто завизжитъ! А то возьмите хоть на пароходѣ свистокъ: такъ хватитъ, что уши зажмешь, да и то не знаешь куда дѣваться. По настоящему, это ужъ и не свистъ, а вой какой-то; а все свистомъ называютъ. Что станешь дѣлать? Скажешь только съ поэтомъ: „что имя? звукъ пустой", да съ тѣмъ и останешься.

„Свисткомъ" назвался, такъ свищи. Хорошо; но только ужъ извините насъ, если мы свистъ теперь пустимъ немножко особенный. Мы въ неспокойномъ состояніи теперь находимся: получили репримандъ неожиданный. Вообразите: 58 ученыхъ литераторовъ, обиженныхъ послѣднимъ нашимъ свисткомъ (кто-то высчиталъ, что тамъ обижено 58 персонъ, а ужъ мы какъ, кажется, старались чтобы вести дѣло безобидно!), самоотверженно рѣшались взаимно произвести другъ друга въ Чацкина и Горвица, т.-е. обнародовать противъ насъ „Учено-литературный протестъ", говорятъ съ эпиграфомъ: „иль мало насъ?" И вдругъ—о горе!—нашелся кто-то 59-й, тоже обиженный. но только не въ „Свисткѣ", а въ „Современникѣ",—и *разговорилъ* сонмъ пятидесяти-осьми! Протестъ разлетѣлся какъ дымъ, какъ утренній туманъ! Повѣрьте, о читатели, что отъѣздъ Хлестакова не такъ сильно поразилъ дѣвственное сердце Марьи Антоновны Сквозникъ-Дмухановской, какъ поразила насъ безвременная кончина протеста, послѣдовавшая при самомъ его зачатіи!..

Другое обстоятельство, которое насъ тревожитъ, это всеобщіе раздоры, возвѣщающіе обыкновенно конецъ міра и наступленіе осени (послѣднее для журналистовъ). Оглянитесь только вокругъ себя на политическое и литературное положеніе Европы и вы согласитесь, что мы правы, что есть отъ чего въ отчаяніе прійти. Сочтите только: папа почти отлучилъ Виктора-Эммануила; г. докторъ медицины Росновскій, въ отвѣтъ г. Ханкину

на рецензію „Категорической классификаціи болѣзней“, сочинилъ цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: „О девизахъ въ медицинѣ и медицинскихъ туттифруттикахъ“; г. Селивановъ вышелъ изъ московскаго общества любителей словесности, о чемъ г. Хомяковъ узналъ съ удовольствіемъ; генералъ Бенедекъ не хотѣлъ обѣдать вмѣстѣ съ Эйноттеномъ; Брукъ дошелъ до того, что руки на себя наложилъ; „Русскій Вѣстникъ“ сдѣлалъ выговоръ г. Утину; г. Пироговъ вздумалъ сѣчь дѣтей, г. Козловъ вздумалъ уродовать Байрона, Антонелли—выпускать романьольскихъ бродягъ, содержавшихся въ римскихъ тюрьмахъ, Н. Ф. Павловъ съ цѣлымъ сонмищемъ Дарагановъ, Власьевыхъ, русскихъ женщинъ—преслѣдовать г. Тургенева; испанцы пошли на Морокко, г-жа Туръ на г-жу Свѣчину, редакція „Русскаго Вѣстника“ — на г-жу Туръ... Намъ кажется даже, что „Атеней“ пошелъ бы на редакцію „Русскаго Вѣстника“, если бы былъ живъ... „Ужасный вѣкъ! Ужасныя сердца!“ А еще говорятъ, что весна, а еще г. Крестовскій съ кѣмъ-то проливаетъ слезы надъ весенней страницею Фета! Нѣтъ! это время больше на осень похоже, по горечи своихъ плодовъ! Или, можетъ быть, это еще только цвѣточки, а ягодки будутъ послѣ? Неужели будутъ?.. Неужели изъ цвѣтовъ изящнаго краснорѣчія Н. Ф. Павлова будутъ ягоды? Неужели и изъ нормандскихъ цвѣтовъ г. Погодина произойдутъ плоды? Неужели выростетъ что-нибудь и изъ цвѣточныхъ стишковъ гг. Крестовскаго, Княжецкаго, Кроля и всѣхъ имъ подобныхъ, которыхъ нынче развелось такъ много, что и не перечтешь, и изъ которыхъ иные извѣстны читателямъ „Современника“?.. Нѣтъ, нѣтъ, читатель, будемъ питать себя сладкою надеждою, что это все пустоцвѣтъ.

Но не всегда и пустоцвѣтъ бываетъ пріятнымъ и вожделѣннымъ явленіемъ: намъ, напримѣръ, добродушнымъ и довѣрчивымъ юношамъ, очень не хотѣлось, чтобы оказались пустоцвѣтомъ три предмета, особенно живо занимавшіе насъ: 1) величіе г. Кокорева, сравненнаго съ Юстиніаномъ въ извѣстной книгѣ русскаго Гизота, Николая де-Жеребцова; 2) Волжско-донская желѣзная дорога, на которую говорилъ рѣчи нашъ другъ и союзникъ — академикъ Погодинъ, которой акціи имѣлъ неосторожность взять одинъ изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ; 3) благодѣтельная россійская гласность, все обѣщающая исправить и исцѣлить подъ рукою, втихомолку и понемножку... И вдругъ, представьте—всѣ наши иллюзіи по каждому изъ трехъ означенныхъ предметовъ разрушены въ недавнее время! Да вѣдь какъ разрушены-то! Вѣрить бы не хотѣлось тому, что самимъ же разбирать пришлось. Мы уже разъ двадцать принимались восклицать стихи Пушкина:

«Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ!»

Думали,—не легче-ли будетъ... Нѣтъ, ничто не беретъ.

Попробовали мы свистнуть, но и свистъ вышелъ какой-то странный, дикій и печальный... Да иначе и нельзя: во-первыхъ, погода майская, во-вторыхъ, всеобщія распри и волненія, и наконецъ, въ-третьихъ, посмотрите сами, что дѣлается на свѣтѣ, хотя и подъ толстымъ покровомъ благодѣтельной гласности.

I.

ОПЫТЪ ОТУЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ ПИЩИ.

Чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и—лаяй!
Тредьяковскій.

ОТЧЕГО ИНОГДА ЛЮДИ МРУТЪ КАКЪ МУХИ?

В. А. Кокоревъ увѣряетъ, будто оттого, что телеграфы не вездѣ существуютъ. Да притомъ,—прибавляетъ онъ,—какъ же не умирать людямъ, которыхъ не кормятъ по нѣскольку дней, привозятъ и пускаютъ въ голую безплодную степь, безъ хлѣба, безъ всякихъ запасовъ на 40° жару, не заготовивши имъ никакихъ помѣщеній, не пославши съ ними ни лѣкаря, ни медикаментовъ... Какъ тутъ не умереть человѣку?..

Правда, совершенная правда! Какъ тутъ не умереть человѣку? И дивиться нечего: дѣло совершенно натуральное, даже, можно сказать, неизбѣжное... Напротивъ, удивительно было бы, если бы при такихъ условіяхъ не умирали люди,—хотя бы даже и телеграфы были повсюду: ибо извѣстно, что медики, лѣкарства, хлѣбъ и помѣщенія—по телеграфу не пересылаются...

Но скажите пожалуйста, гдѣ же это подвергаютъ людей такимъ отчаяннымъ пыткамъ, такой ужасной смерти? На чье это жестокосердіе и звѣрство нападаетъ г. Кокоревъ съ обычнымъ своимъ практическимъ смысломъ? Какому варвару доказываетъ онъ, что болѣзни и смертность составляютъ необходимое послѣдствіе безумныхъ и ужасныхъ распоряженій, имъ перечисленныхъ?

Погодите, господа, приходить въ ужасъ: никакого варвара и злодѣя тутъ нѣтъ, а просто г. Кокоревъ совершаетъ похвальный актъ *самообличенія и покаянія*. Благоразумныя распоряженія, произведшія въ цѣлой массѣ рабочихъ людей болѣзни и смертность, совершились въ обществѣ Волжско-донской желѣзной дороги, котораго г. Кокоревъ былъ учредителемъ, и въ распоряженіяхъ этихъ онъ признаетъ себя значительно повиннымъ. Исторія всего дѣла довольно длинна, но мы попробуемъ раз-

сказать ее съ нѣкоторою подробностью и, въ заключеніе, прибавимъ новыя свѣдѣнія по дѣлу рабочихъ Волжко-донской желѣзной дороги, послѣдовавшія уже послѣ покаянія г. Кокорева.

Извѣстно, что общество Волжско-донской дороги открылось въ декабрѣ 1858 года и въ первомъ же собраніи своемъ заявило себя рѣчами, полными любви къ русскому человѣку. Такъ г. Кокоревъ сказалъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, провозгласилъ:

«Мы желали заказать пароходы для Дона въ Россіи, *чтобы выпискою изъ-за границы не причинять себѣ гражданскаго стыда*, но, по неимѣнію у насъ въ достаточномъ количествѣ механическихъ заведеній, должны были, изъ желанія ускорить плаваніе по Дону, обратиться къ заводчикамъ на Дунаѣ. *Не будемъ скрывать того, что это обстоятельство пробуждаетъ во всѣхъ насъ* (то-есть, въ комъ же именно?) *чувство стыда*, и чѣмъ *глубже его сознаніе, тѣмъ вѣрнѣе въ немъ кроется сила грядущаго обновленія*» («Моск. Вѣд.» 1859 года, № 3).

Вотъ патріотизмъ-то какой у г. Кокорева! Во что бы то ни стало хочется ему имѣть пароходы доморощенные, и только уже совершенная невозможность, *неимѣніе* у насъ механическихъ заведеній, заставляетъ его обратиться за-границу... А то бы онъ, во славу патріотизма, непремѣнно гдѣ-нибудь у себя заказалъ... Вотъ что значитъ имѣть *высшія* соображенія въ коммерческомъ дѣлѣ: не ищи, гдѣ бы купить лучше и дешевле, а думай о томъ, чтобы покупка въ извѣстномъ мѣстѣ не навлекла „гражданскаго стыда“ на любезное отечество!..

И видно, что общество вполнѣ прониклось патріотизмомъ г. Кокорева,—только повернуло его немножко въ другую сторону. Не имѣя возможности похвастаться предъ иностранцами своими механическими заведеніями, оно рѣшило, какъ видно, щегольнуть нашимъ національнымъ богатствомъ. Этимъ, конечно, и объясняется, что (по свѣдѣніямъ правленія общества, въ „Спб. Вѣд.“ 1859 г. № 257) пароходы, заказанные для донского пароходства на заводѣ Лерда, обходятся обществу въ 750—800 рублей за силу, тогда какъ мы въ акціонерной полемикѣ послѣдняго времени привыкли постоянно встрѣчать цыфру 400 — 500 р. за пароходную силу. Да еще прибавьте къ этому, что и заказы-то были вовсе не нужны, и что они, какъ дунайскіе заказы, сдѣланы были еще тогда, когда только-что предполагалось приступить къ изслѣдованіямъ о плаваніи по Дону и когда еще были одни смутныя предчувствія о необходимости очистки донскихъ гирлъ... Все это произведено было силою патріотическихъ стремленій...

Но заказы пароходовъ, какъ и вся „искусственная“ часть дѣла до насъ съ г. Кокоревымъ не относятся, и потому оставимъ ихъ въ сторонѣ. Гораздо ближе нашему сердцу рѣчь г. Погодина, который говоритъ безъ обиняковъ: люблю русскаго человѣка за то, что въ немъ много довѣрчи-

вости, безъ которой намъ всѣмъ пришлось бы положить зубы на полку... Рѣчь эта — о важности довѣрія—до сихъ поръ еще не оцѣнена по достоинству, а между тѣмъ она есть такой памятникъ нашего ораторскаго искусства, который въ будущемъ изданіи Хрестоматіи г. Галахова долженъ блистательно замѣнить рѣчь г. Морошкина о томъ, что наше „Уложеніе“ есть „результатъ всемірнаго стремленія народовъ къ единству“. По мнѣнію г. Погодина, все должно быть основано на „довѣріи особаго высшаго рода“, все должно дѣлаться „*по душѣ*“, т.-е. надо вѣрить всему, что объявятъ тѣ, у кого въ рукахъ дѣло.

Отчетовъ никакихъ не нужно, — увѣряетъ г. Погодинъ, — ибо гдѣ отчетность, тамъ, по большей части, и неправда... Отчетность и хороша,— проговаривается онъ при этомъ,—но, *по нашему* (то-есть, г. Погодина— съ кѣмъ еще?) *характеру*, имѣетъ свои неудобства и невыгодныя стороны... Поэтому, говоритъ, лучше намъ не отдавать никакихъ отчетовъ... то-есть, нѣтъ... онъ сказалъ лучше намъ *не требовать* никакихъ отчетовъ и предаться вполнѣ въ руки учредителей. Вотъ теперь намъ нужно, говоритъ, директоровъ выбирать; но что мы тутъ смыслимъ, кого выберемъ? Напутаемъ только. Нѣтъ, поклонимся-ка лучше учредителямъ, да попросимъ ихъ сказать намъ, кого надо назначить директорами. Такъ оно и будетъ, какъ они рѣшатъ. „Мнѣ кажется,—увѣрялъ маститый профессоръ,—что лучше всего мы соблюдемъ наши выгоды, сказавъ нашимъ учредителямъ съ ихъ будущими директорами, какъ говаривали наши дѣды: если вы не оправдаете нашей довѣренности, *если вы насъ обманете, то вамъ будетъ стыдно... И если они насъ обманутъ, то имъ будетъ стыдно*“.

Все это, какъ видите, говорилось во имя русской народности, въ видахъ уваженія къ отцамъ и дѣдамъ, въ увѣренности насчетъ высокихъ сердечныхъ качествъ русскаго человѣка. Представителемъ русскихъ людей былъ въ числѣ учредителей г. Кокоревъ; къ нему тотчасъ и обратились съ предложеніемъ директорства. Но онъ, „по многосложности своихъ занятій“, отказался отъ этого званія; тогда избрали его почетнымъ членомъ правленія. Съ избраніемъ его, для общества обезпечивалось присутствіе русскаго элемента въ дѣлѣ, обезпечивалась, кромѣ того, *полная* и *безусловная* гласность, которой такъ ревностно служитъ г. Кокоревъ. Такъ г. Кокоревъ и говорилъ въ собраніи акціонеровъ: „поведемъ это дѣло не по однѣмъ только форменнымъ колеямъ, а при содѣйствіи *спасительной гласности, по широкой дорогѣ современнаго и истиннаго человѣческаго взгляда на общественныя нужды*“.

Поговоривши такимъ образомъ, начали дѣло. Въ первые мѣсяцы все было хорошо. Никто ничего не говорилъ противъ общества; къ спаситель-

ной гласности не прибѣгалъ даже г. Кокоревъ, не ранѣе, какъ въ концѣ ноября объявившій въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (№ 21), каково было истинное положеніе дѣла при его началѣ. При открытіи общества онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Погодинымъ, все восхищался тѣмъ, что акціи общества разобраны, несмотря на соперничество *гарантированныхъ* акцій Главнаго Общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ ноябрѣ, г. Кокоревъ пропечаталъ, что къ открытію Волжско-донского общества акцій было разобрано только двѣ трети, остальную же *треть*, т.-е. болѣе чѣмъ на $2^1/_2$ милліона рублей, г. Кокоревъ взялъ на себя и на своихъ знакомыхъ — *единственно по необходимости, чтобы предпріятіе могло состояться*. Если такъ, то позволительно усомниться въ основательности восторговъ, съ которыми въ декабрѣ 1858 г. Кокоревъ и Погодинъ отзывались объ успѣшномъ расходѣ акцій: ясно, что все дѣло устроено было единственно пособіемъ г. Кокорева, который одушевленъ былъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, любовью къ дѣлу, къ *національной* пользѣ предпріятія, а никакъ не расчетами собственныхъ выгодъ. Не даромъ же его и директоромъ выбирали, и почетнымъ членомъ правленія избрали!..

Но всегда найдутся люди, готовые перетолковать самое безкорыстное дѣло въ дурную сторону. Такъ и здѣсь: нашлись господа, утверждавшіе, что акціи шли вовсе не такъ плохо, и что заботливость г. Кокорева объ устройствѣ дѣла была уже слишкомъ предупредительна. Поэтому, по собственнымъ словамъ гласнолюбиваго г. Кокорева, „многіе *укоряли* его за то, что онъ *оставилъ за собой* много акцій, *и даже видѣли въ этомъ дѣйствіе, лишавшее другихъ возможности получить акціи*". Но давно уже извѣстно, что г. Кокоревъ все побѣждаетъ своимъ великодушіемъ: на эти укоры (раздавшіеся, вѣроятно, *въ концѣ 1858 и въ началѣ 1859 года*) онъ торжественно отвѣчалъ въ 21 № „Русскаго Вѣстника", вышедшемъ *29 ноября* 1859 года (т.-е. когда уже видно стало, что дѣло ведется очень плохо, и когда акціи стали обѣщать явный убытокъ). Отвѣчалъ онъ слѣдующимъ аргументомъ: „я уже сказалъ, что такую громаду акцій я оставилъ за собою по необходимости, и *дѣйствительность этого могу подтвердить тѣмъ, что я готовъ половину изъ нихъ передать желающимъ, когда угодно*". Объявленіе это, при всемъ своемъ великодушіи, могло показаться нѣсколько позднимъ, и потому г. Кокоревъ удостоилъ даже войти въ объясненіе о томъ, что *теперь* (въ концѣ ноября 1859 г.) акціи *интереснѣе*, чѣмъ годъ тому назадъ, ибо предпріятіе уже приблизилось къ открытію дороги, *а съ первымъ свисткомъ на ней* (не о нашемъ-ли „Свисткѣ" думалъ г. Кокоревъ?) употребленный на акціи капиталъ будетъ приносить уже сборъ денегъ". Изъ всего этого, очевидно, слѣдовало, что ежели В. А. Кокоревъ и рѣшается продавать свои акціи, то единственно по гуманности

своей натуры, по состраданію къ *меньшимъ братьямъ* (*по карману*, кто-то выразился), которымъ тоже хочетъ предоставить участіе въ выгодахъ, приходящихся на долю его, г. Кокорева!...

Послѣдствія не оправдали гуманныхъ надеждъ г. Кокорева: съ начала нынѣшняго года акціи быстро падали и теперь публикуются 75 рублей ниже пари; но и за эту цѣну никто не беретъ ихъ. Дошло до того, что въ общемъ собраніи общества, бывшемъ въ концѣ апрѣля, положено ограничить цѣну акцій, вмѣсто предположенныхъ 500, только четырьмя стами рублей („Спб. Вѣд." № 95),—и все-таки владѣльцы акцій не знаютъ, куда дѣваться съ ними. Но этихъ позднѣйшихъ фактовъ, конечно, не предвидѣлъ г. Кокоревъ: иначе онъ, вѣроятно, не сталъ бы предлагать такъ любезно свое великодушіе, которое, можетъ быть, и увлекло кого-нибудь, и обошлось не дешево тому, кто имѣлъ неблагоразуміе имъ воспользоваться...

Это одна сторона гуманности и гласнолюбія г. Кокорева въ дѣлѣ построенія Волжско-донской желѣзной дороги. Но есть еще другая, за которою давно уже слѣдили мы и о которой только теперь рѣшаемся разсказать, такъ какъ дѣло уже нѣсколько разъяснено разными статьями, появившимися на этотъ счетъ въ послѣднее время въ газетахъ. Эта другая сторона уже не въ отношеніяхъ г. Кокорева къ образованной публикѣ, а въ дѣлѣ съ рабочими. Трагическая сторона этого дѣла должна бы даже не позволить ему быть въ „Свисткѣ"; но „Свистокъ" на этотъ разъ берется только указать все шарлатанство, которымъ обстановлена была трагедія съ рабочими, и уступаетъ внутреннему обозрѣнію „Современника" серьезную сторону этой исторіи. Онъ бы еще охотнѣе желалъ уступить ее уголовному суду; но, къ сожалѣнію, самъ сознается, что при настоящихъ нашихъ обстоятельствахъ такое желаніе было бы легкомысленно. Обратимся же къ исторіи съ рабочими.

Посреди всеобщаго благожелательства къ предпріятію Волжско-донской дороги, вдругъ, въ маѣ прошлаго года, появилась въ „Самарскихъ вѣдомостяхъ" статейка, подъ названіемъ „Небывалое возмущеніе". Статейка эта была потомъ перепечатана въ „Русскомъ Дневникѣ" (№ 109), и потому, можетъ быть, читатели помнятъ ее. Но мы все-таки сдѣлаемъ изъ нея небольшую выдержку, чтобы удобнѣе было сличать послѣдующія показанія. Вотъ существенная часть статьи.

«Наканунѣ 28 числа апрѣля прибылъ въ Самару сверху пароходъ соединеннаго общества *Кавказъ и Меркурій*, «Адашевъ», буксировавшій на трехъ баржахъ складъ лѣсного матеріала, принадлежностей для производства земляныхъ работъ по устройству желѣзной дороги между Волгою и Дономъ, какъ-то: тачекъ, чугунныхъ колесъ и пр., и до 2.000 человѣкъ рабочихъ, которые размѣщались на палубѣ. Оставивъ баржи съ рабочими людьми въ виду города, на серединѣ рѣки, пароходъ причалилъ къ пристани, запасся дровами, принялъ пассажировъ и въ тотъ же день, вечеромъ, отправился, чтобы принять баржи и слѣдовать далѣе. Но на другой день, 29-го числа, въ

6 часовъ утра, командиръ парохода «Адашевъ», *баронъ Медемъ*, явился къ здѣшнему губернатору и объявилъ, что *означенные работники взбунтовались*, не даютъ подымать якорей, *потому, будто бы, что ихъ не спускаютъ на берегъ, гдѣ они хотятъ пьянствовать.* Поэтому *просилъ наказать болѣе виновныхъ зачинщиковъ.* Его сопровождалъ приказчикъ купца Гладина, молоденькій мужчина, съ тѣмъ оттѣнкомъ въ физіономіи, которую обычно привыкли называть плутовскою. Разумѣется, этому послѣднему предложенъ былъ вопросъ: нѣтъ-ли причины сопротивленія крестьянъ и достаточно-ли онъ ихъ содержитъ? на что приказчикъ отвѣчалъ, что онъ даетъ имъ хлѣба по 4 фунта на человѣка въ сутки. Необходимо было удостовѣриться и разобрать, въ чемъ дѣло: для этого отправленъ былъ изъ города полицеймейстеръ съ городскимъ ратманомъ и козаками. Эти лица нашли на трехъ баржахъ, какъ мы уже сказали, до 2-хъ тысячъ человѣкъ, размѣщенныхъ на палубахъ; это были крестьяне разныхъ вѣдомствъ, набранные въ разныхъ мѣстностяхъ и посаженные на баржи въ разныхъ пристаняхъ Волги: у нихъ не было образовано ни артелей, ни избрано десятниковъ; однимъ словомъ, все было предоставлено произволу наемныхъ приказчиковъ, привыкшихъ къ извѣстному обращенію съ народомъ. Рабочіе о причинѣ неповиновенія командиру объявили посланнымъ, что нанимавшій ихъ для работъ на желѣзной дорогѣ довѣренный купца Гладина, *Иванъ Головкинъ*, говорилъ имъ при наймѣ, что переѣздъ ихъ до Царицына будетъ продолжаться до 15 апрѣля, а съ этого дня будутъ получать жалованье. *Во время пути онъ обязался давать имъ въ пищу черный хлѣбъ съ постнымъ масломъ и солью, при остановкахъ же въ городахъ покупать ситный хлѣбъ.* Такъ онъ исполнялъ условіе до Самары. Когда же хотѣли отчалить отъ здѣшняго города, рабочіе объявили командиру, что *они не пойдутъ до того времени, пока подрядчикъ не выполнитъ условія*, и что *если имъ данъ хлѣбъ, то безъ масла и соли, притомъ негодный*, подернувшійся плѣсенью и черствый. *Хлѣбъ найденъ, дѣйствительно, такой, какъ показывали рабочіе*; онъ купленъ былъ приказчикомъ за шесть дней въ Нижнемъ, тогда какъ можно было запастись болѣе свѣжимъ въ Казани и другихъ городахъ. Посланныя лица нашли между тѣмъ подъ замкомъ складъ весьма хорошаго хлѣба, и приказчику приказано было тутъ же удовлетворить справедливую жалобу рабочихъ—*купить масла и соль, выдать свѣжій хлѣбъ, а испорченный возвратить.* Само собою, жаловавшіеся, видя удовлетвореніе своему дѣлу, ни мало не медля согласились продолжать путь и тотчасъ отчалили. Но этимъ не ограничивались притѣсненія со стороны приказчиковъ. Крестьяне объявили еще полицеймейстеру, что они просили спустить на берегъ хотя одного изъ нихъ для покупки табаку; но приказчики и этого имъ не позволяли, желая, чтобы рабочіе покупали табакъ у нихъ по дорогой цѣнѣ. Такъ иногда, не разобравъ дѣла, можно дать ему совершенно иной видъ. Въ настоящемъ случаѣ рѣчь шла о возмущеніи и о наказаніи виновныхъ; а оказалось, что не было и тѣни возмущенія».

Въ этомъ извѣстіи не только не упомянуто имени г. Кокорева, но даже и вообще ничего не говорится противъ общества Волжско-донской дороги, а только разсказывается поведеніе приказчика купца Гладина. Но г. Кокоревъ, прочитавъ самарское извѣстіе, немедленно воспылалъ любовью къ гласности и напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 132) горячее посланіе. Мы приведемъ и это посланіе, но прежде спросимъ читателей: какъ же они понимаютъ сущность дѣла, изложеннаго въ „Самарскихъ Вѣдомостяхъ"? Намъ кажется, что тутъ разногласій быть не можетъ: рабочимъ назначенъ былъ черный хлѣбъ съ солью и постнымъ масломъ; и того имъ не давали: масла и соли вовсе не было, хлѣбъ же былъ негодный, до того залежавшійся, что покрылся плѣсенью. Рабочіе хотѣли курить, чтобы хоть этимъ заглушить голодъ, имъ и этого не дали. Вообще, приказчики были

такъ грубы и безсмысленны, что при первомъ удобномъ случаѣ рѣшились даже обвинить рабочихъ въ бунтѣ, зная, безъ сомнѣнія, чему несчастные за это могутъ подвергнуться и какой ущербъ подобная исторія можетъ сдѣлать самымъ работамъ, на которыя везли этихъ людей... Все это ясно изъ самарскаго описанія; но посмотрите, какъ на это смотритъ и что изъ этого дѣлаетъ г. Кокоревъ. Вотъ его документецъ:

«Въ № 109 «Русскаго Дневника» заимствовано извѣстіе изъ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» о томъ, что плывшіе мимо Самары рабочіе на Волжско-Донскую желѣзную дорогу *не получили въ Самарѣ мягкаго ситнаго хлѣба* (!!?), что имъ *предлагали въ пищу хлѣбъ черствый и только черный* (!!?) и что во всемъ этомъ уличенъ на мѣстѣ приказчикъ подрядчика Гладина, взявшаго на себя земляныя работы на желѣзной дорогѣ.

«По прочтеніи означеннаго извѣстія, *сразу чувствуется прямая польза гласности и потребность поблагодарить редакцію* «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Безъ гласности, когда бы мы узнали о томъ, что рабочіе люди, эти двигатели всякаго устройства, такъ плохо содержались во время пути? Если бы у нихъ и былъ хорошій ситный хлѣбъ, то и этого недостаточно. Развѣ можно рабочаго, ѣдущаго на работу (и на какую еще, самую тяжкую, земляную), кормить однимъ хлѣбомъ? Нужно имѣть мясо и кашу. Я никакъ не ожидалъ, чтобы подрядчикъ, извѣстный, по отзывамъ рабочихъ, приготовленіемъ хорошей пищи для нихъ, могъ такъ дурно содержать людей въ пути. Я буду очень радъ, если гласность, не ограничиваясь надзоромъ за путевымъ содержаніемъ рабочихъ, распространитъ свое наблюденіе и на мѣста работъ. Всякій голосъ, который раздается съ мѣста о пищѣ и жилищахъ рабочихъ и о медицинскихъ пособіяхъ имъ, принесетъ свою пользу не только обществу Волжско-Донской желѣзной дороги, но и вообще русской жизни.

«Основывая мое понятіе о Гладинѣ на хорошемъ отзывѣ о немъ рабочаго сословія, *я хлопоталъ о томъ, чтобы подрядъ остался за нимъ, даже противъ цѣнъ, выпрошенныхъ другими подрядчиками*. Не понимаю, какъ могло случиться, что рабочіе плыли безъ мясной пищи. *Я ставлю въ вину не одно неимѣніе свѣжаго хлѣба, но и неимѣніе мяса.* Подрядчикъ Гладинъ долженъ объяснить публикѣ свой поступокъ, а приказчика, провожавшаго партію рабочихъ и *не заботившагося объ ихъ продовольствіи, уволить.* Фамилія его должна быть печатно объявлена, чтобы всякій зналъ, какъ называется тотъ человѣкъ, *который въ состояніи держать на одномъ черствомъ хлѣбѣ своихъ собратій.*

«Состоящее въ Петербургѣ правленіе Волжско-Донского общества, вѣроятно, выведетъ наружу всѣ подробности этого дѣла и огласитъ ихъ печатно, съ показаніемъ виновныхъ. Я пишу эти строки въ Москвѣ, а потому не могу сказать навѣрное, что предпринято правленіемъ. По полученіи мною свѣдѣнія о фамиліи виновнаго приказчика, я пришлю дополненіе къ этой статьѣ въ «Московскія Вѣдомости».

Письмо это, какъ видите, написано черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія. Какъ почетный членъ правленія, какъ любитель русскаго человѣка, г. Кокоревъ *не долженъ былъ* цѣлый мѣсяцъ оставаться въ невѣдѣніи о такомъ вопіющемъ дѣлѣ. Посторонніе люди, какъ, напр., редакція „Русскаго Дневника“, успѣли разузнать о дѣлѣ изъ мѣстныхъ извѣстій и заинтересовались имъ: какъ же г. Кокореву не слѣдить было за дѣломъ, которое, какъ оказывается, имъ же и было устроено, потому что *онъ хлопоталъ*, чтобы подрядъ остался за Гладинымъ, *даже противъ цѣнъ*, выпрошенныхъ другими подрядчиками!... Но, положимъ, г. Коко-

ревъ, *„по многосложности своихъ занятій“*, могъ выпустить изъ виду ходъ устроеннаго имъ подряда... Онъ же такъ надѣялся на подрядчика Гладина... Но чѣмъ объяснить ту невнимательность, съ которою прочиталъ онъ самарское извѣстіе? Отъ чего могло зависѣть странное извращеніе фактовъ и понятій, находимое нами въ письмѣ г. Кокорева. По его словамъ, самое ужасное во всей исторіи было то, что рабочіе *въ Самарѣ* (замѣтьте, не на дорогѣ, а только въ Самарѣ) *не получили мягкаго ситнаго хлѣба*. Не правда-ли, какъ это *мягко?* Немудрено, что, прибравши такую фразу для выраженія мысли о томъ, что рабочихъ дорогою *кормили гнилымъ хлѣбомъ, не давая къ нему даже соли и масла*, — немудрено, что г. Кокоревъ *„сразу почувствовалъ прямую пользу гласности“*. Въ „Самарскія-то Вѣдомости“ и „Русскій Дневникъ“ кто-то еще заглянетъ, а въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ письмѣ съ подписью г. Кокорева, всякій прочтетъ и подивится гуманности этого человѣка, возмущеннаго тѣмъ, что рабочіе получили въ Самарѣ не совсѣмъ мягкій хлѣбъ... Но это еще ничего не значитъ, — г. Кокоревъ приходитъ въ паѳосъ и требуетъ для рабочихъ *мяса и каши*, прибавляя, что рабочіе суть „двигатели всякаго устройства“. Какъ жаль, что этотъ паѳосъ не снизошелъ на г. Кокорева нѣсколькими мѣсяцами раньше: тогда бы онъ, можетъ быть, возымѣлъ практическія послѣдствія. А то, вѣдь, письмо г. Кокорева писано 30 мая, когда уже всѣ рабочіе были переправлены, слѣдовательно, можно было требовать, чтобы рабочихъ кормили въ дорогѣ дичью, трюфелями, посылали имъ обѣды отъ Дюссо, съ рейнвейномъ и шампанскимъ: все это ровно ничего уже не стоило, и, главное, рабочимъ-то отъ этого не было ни сытно, ни голодно.

Далѣе г. Кокоревъ энергически требуетъ объявленія имени приказчика, „чтобы всякій зналъ, какъ называется человѣкъ, который въ состояніи держать на одномъ черствомъ хлѣбѣ своихъ собратій. Опять та же *мягкость* словесная: главное, видите-ли, въ черствости хлѣба; а гнилость его, а то, что даже масло и соль не выдавались людямъ, что ихъ заставляли переплачивать на табакѣ, что ихъ звѣрски хотѣли подвести подъ кнутъ, какъ бунтовщиковъ, — это все ничего!..

Такія-то свойства гласнолюбія, правдивости и гуманности выказываются въ письмѣ г. Кокорева, даже при бѣгломъ его разсмотрѣніи. Но оно получаетъ еще новую цѣну, по сравненію съ извѣстіями, сообщенными впослѣдствіи, — самимъ г. Кокоревымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и г. Ал. Козловымъ, на-дняхъ, въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 102, 6 мая).

Нужно сказать, что статья г. Козлова составляетъ панегирикъ подрядчику Гладину, и по ея даннымъ онъ выходитъ изъ всего правъ, чуть не святъ, къ вящшему, разумѣется, обвиненію г. Кокорева. Въ подоб-

ныхъ дѣлахъ, гдѣ гласность попадаетъ въ такія руки, какъ у г. Кокорева съ братіею, гдѣ и медвѣдь реветъ, и корова реветъ, — разсудить между двумя почтенными лицами бываетъ, разумѣется, трудно. Но мы должны сказать, что статья г. Козлова не имѣетъ прочнаго значенія до тѣхъ поръ, пока мы не знаемъ, кто такой этотъ господинъ. Изъ статьи его не видно, участникъ-ли онъ въ работахъ по желѣзной дорогѣ, чиновникъ-ли самарскій, производившій слѣдствіе о мнимомъ бунтѣ рабочихъ, приказчикъ-ли, сопровождавшій баржи (послѣднее имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, какъ сейчасъ увидимъ), или просто пріятель г. Гладина, какъ можно думать по двумъ-тремъ мѣстамъ статьи. Намъ очень прискорбна эта неопредѣленность, потому что изъ-за нея мы не можемъ давать твердой вѣры фактамъ, сообщаемымъ въ статьѣ г. Козлова. Впрочемъ, надѣясь, что онъ приметъ на себя отвѣтственность за сообщенныя имъ свѣдѣнія, мы введемъ въ свой разсказъ тѣ данныя, которыя положительно имъ утверждаются, какъ свидѣтелемъ и самовидцемъ.

По словамъ г. Козлова, г. Гладинъ, обязавшись поставить 2.000 рабочихъ обществу, вовсе не обязанъ былъ принимать на себя ихъ доставленіе на мѣсто. Подрядчикъ всегда обязывается нанять рабочихъ и производить имъ жалованье и харчевое содержаніе со дня поступленія ихъ на работу; болѣе ему ни до чего дѣла нѣтъ. Но Гладинъ, „имѣя въ виду скорѣйшій успѣхъ работъ и желая въ то же время сдѣлать доброе дѣло, рѣшился доставить рабочихъ съ назначеннаго сборнаго пункта къ мѣсту работъ въ Царицынъ *на свой счетъ*“. По расчету это должно было стоить Гладину всего-на-всего около 30 рублей на человѣка, — т. е. на 2.000 рабочихъ до 60.000 р. с. — Не зная, въ какой степени вѣрить г. Козлову, мы не можемъ рѣшить, какъ велико тутъ было дѣйствительное великодушіе г. Гладина; но основаніе факта мы готовы допустить: г. Гладинъ, дѣйствительно, могъ хлопотать о скорѣйшей отправкѣ рабочихъ и даже для этого жертвовать деньгами, если онъ зналъ, какъ тяжело въ волжскихъ степяхъ работать въ лѣтніе жары и какъ неизбѣжны тамъ побѣги рабочихъ, въ то время, какъ наступитъ уборка полей. Онъ хотѣлъ, конечно, выиграть удобство и время для работъ и для того пораньше доставить людей на мѣсто. Но тутъ опять является на сцену г. Кокоревъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, г. Кокоревъ состоитъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ обществу „Кавказъ и Меркурій“. Поэтому неудивительно, если произошелъ фактъ, о которомъ г. Козловъ разсказываетъ слѣдующее:

«В. А. Кокоревъ, прослышавъ о безкорыстномъ намѣреніи Гладина — принять на свой счетъ отправку рабочихъ—*явился къ нему и съ задушевною улыбкою любезно*

предложилъ на этотъ счетъ услуги общества «Кавказъ и Меркурій», выгоды котораго были очень близки къ *лѣвой сторонѣ* его филантропіи. Вслѣдствіе этого было заключено условіе, которымъ общество *«Кавказъ и Меркурій»* обязалось предъ Гладинымъ принять его рабочихъ на три баржи 15 апрѣля и доставить ихъ на мѣсто, т.-е. въ Царицынъ, въ теченіе семи дней,—къ 23 апрѣля, за 7.000 р. с.».

Выходитъ, стало быть, что г. Кокоревъ не только устроилъ подрядъ съ Гладинымъ, но даже самъ предложилъ и способъ отправленія. Тѣмъ болѣе долженъ онъ былъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла, тѣмъ заботливѣе долженъ былъ упражнять въ этомъ случаѣ свое гуманное чувство. Но оказалось, что г. Кокоревъ, заключивши условіе съ Гладинымъ и доставивъ обществу „Кавказъ и Меркурій" 7.000 р. доходу съ перевозки, считалъ свое дѣла поконченнымъ. Вышло не совсѣмъ такъ.

На семь дней пути Гладинъ заготовилъ, по словамъ г. Козлова, на каждаго человѣка по 1 пуду ржанаго и 1/2 пуда бѣлаго хлѣба — пропорція болѣе нежели достаточная даже для 14 дней. Но онъ не разсчиталъ на удивительную распорядительность и аккуратность правленія общества „Кавказъ и Меркурій", недавно въ такихъ яркихъ чертахъ изображеннаго г. Севастьяновымъ („Спб. Вѣдомости", № 53), и въ особенности на оригинальную дѣятельность г. Брылкина, управляющаго нижегородскою конторою общества. Оказалось, что общество допустило маленькую небрежность: по извѣстію самого г. Кокорева („Русск. Вѣстн.", стр. 49), г. Брылкинъ продержалъ въ Балахнѣ рабочихъ десять (а по увѣренію г. Козлова — 12) дней, не имѣя въ готовности баржей, которыя *должны были быть по контракту у берега.* Въ это время весь хлѣбъ то заготовленный и съѣли. Затѣмъ, по мнѣнію г. Кокорева, нужно было посылать впередъ хлѣбопековъ и кашеваровъ на мѣста привала, и вся бѣда произошла оттого, что такого распоряженія не было сдѣлано. Но г. Козловъ справедливо возражаетъ, что при запасѣ хлѣба на весь путь о хлѣбопекахъ и думать было нечего, потому что хлѣбъ заготовленъ былъ печеный. Хоть это тоже не веселое кушанье—хлѣбъ, заготовленный на семь дней, въ теплую весну, въ низовьяхъ Волги, — но, по крайней мѣрѣ, все-таки хлѣба *достало бы,* если бы не оригинальное поведеніе г. Брылкина. И, по всей вѣроятности, рабочіе не стали бы даже претендовать на *черствость* хлѣба, которая такъ возмущаетъ г. Кокорева—имъ, вѣдь, это не въ диковинку,—все терпятъ, бѣдные. Но имъ задано было испытаніе еще получше: перспектива оставаться вовсе безъ хлѣба... Тогда-то они и возроптали. Еще въ Козьмодемьянскѣ запасъ весь истощился, и, по словамъ г. Кокорева, произошло такое обстоятельство: „приваливаютъ, идутъ за печенымъ хлѣбомъ на базаръ и находятъ тамъ только пять пудовъ". Къ счастью, г. Брылкинъ распорядился заготовить здѣсь 700 пудовъ печенаго хлѣба, съ которыми рабочіе и плыли до Самары. В. А. Коко-

ревъ замѣчаетъ, что „Николай Александровичъ Брылкинъ сдѣлалъ это какъ бы въ покрытіе вины своей передъ Гладинымъ". Но г. Козловъ находитъ здѣсь поводъ для слѣдующихъ остротъ: „Брылкинъ,—говоритъ онъ, — заботился о заготовкѣ хлѣба въ Козьмодемьянскѣ, разсчитывая на то, что, при такомъ излишнемъ простоѣ людей, Гладину хлѣбъ понадобится, и его можно будетъ спустить съ хорошей выгодой. Гдѣ же тутъ покрытіе вины, Василій Александровичъ? Вотъ если бы вы купили этотъ хлѣбъ на свой счетъ, да роздали рабочимъ, это было бы другое дѣло, а такъ какъ за хлѣбъ этотъ получена съ Гладина приличная сумма денегъ, то вся эта операція не на *покрытіе вины*, а на что-то болѣе *винное* смахиваетъ". Несмотря на плоскость этого каламбура, разъясненіе того, какъ г. Брылкинъ покрывалъ свою вину предъ г. Гладинымъ, очень любопытно.

До Самары плыли рабочіе съ хлѣбомъ. Въ Самарѣ нужно было опять покупать, и опять не найдено достаточнаго количества хлѣба. Это и было поводомъ къ „возмущенію" рабочихъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ г. Кокоревъ („Русск. Вѣстн.", стр. 49):

«По прибытіи въ Самару, приказчикъ подрядчика Гладина нашелъ на рынкѣ только сто пудовъ печенаго хлѣба, и, закупивъ его, хотѣлъ съ нимъ отваливать, *ибо пароходъ не могъ стоять и ждать, пока самарскій рынокъ запасется новымъ печенымъ хлѣбомъ.* Тутъ рабочіе не позволили сняться съ якоря, видя, что сто пудовъ хлѣба, т.-е. 4.000 фунтовъ, составляетъ на 2.000 человѣкъ по 2 фунта на каждаго, а плыть съ этимъ запасомъ до Саратова надо четыре дня».

Такъ вотъ до какой крайности доведены были рабочіе, вотъ отчего наконецъ выказали они *неповиновеніе*, ужаснувшее приказчика Гладина. Имъ предстояло питаться двумя фунтами хлѣба четверо сутокъ, а по предшествующему плаванію они знали, что къ хлѣбу имъ ничего не дается. Послѣ этого съ какимъ умиленіемъ должны мы повторять возгласы г. Кокорева о мясѣ и кашѣ...

И, несмотря на все вытерпѣнное въ пути, рабочіе поплыли отъ Самары съ недостаточнымъ количествомъ хлѣба. Приближаясь къ Саратову, они, по словамъ г. Кокорева „питались жеваніемъ сухой крупы"!! „Такимъ образомъ,—приведемъ здѣсь слова статейки г. Альбицкаго объ этомъ же предметѣ („Сѣв. Пч.", № 50), — на водахъ Волги, въ виду огромныхъ пространствъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, въ виду многолюдныхъ городовъ и знаменитыхъ хлѣбныхъ пристаней, двѣ тысячи народа, по человѣколюбію и заботливости общества Волжско-донской дороги, испытали такія бѣдствія, какія, по благости Божіей, рѣдко приходится испытывать и мореходцамъ на безбрежномъ океанѣ".

Печатая въ ноябрѣ объ апрѣльскомъ происшествіи, г. Кокоревъ говорилъ о фактахъ нѣсколько откровеннѣе, чѣмъ въ маѣ. Но оказывается,

что онъ могъ бы поступить гораздо лучше: благодаря тому, что повѣрку дѣла производить трудно, онъ могъ бы *все отвергнуть*, какъ сдѣлалъ другой поборникъ гласности, противникъ г. Кокорева, г. Ал. Козловъ. Этотъ почтенный защитникъ не только Гладина, но и всѣхъ его приказчиковъ, увѣряетъ теперь,—черезъ годъ послѣ событія, — что все извѣстіе „Самарскихъ Вѣдомостей" — вздоръ, что и сами признанія Кокорѣва—произведенія его собственной фантазіи. По увѣренію г. Козлова, „вся причина жалобъ рабочихъ заключалась именно въ томъ, что ихъ съ 25—50-рублевыми задатками слишкомъ уже тянуло къ родному *ельничку-березничку*, куда ихъ приказчики не пускали. Мнѣніе свое г. Козловъ доказываетъ довольно оригинально. Онъ употребляетъ такой силлогизмъ: если бы рабочихъ кормили гнилымъ хлѣбомъ, то оказался бы на баржахъ запасъ такого хлѣба; а между тѣмъ, при осмотрѣ баржъ найдены только остатки черная хлѣба съ плѣсенью въ рукахъ рабочихъ, въ запасѣ же гнилого не найдено, а найденъ свѣжій. „Какъ же это такъ?" побѣдоносно восклицаетъ онъ и переходитъ къ приведенному выше объясненію. Какъ видите, ни внимательностью, ни логикой г. Козловъ не можетъ похвалиться. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что въ Самарѣ закупленъ былъ хлѣбъ именно потому, что прежній весь вышелъ, и что уже послѣ этого, узнавъ о недостаточномъ количествѣ закупленныхъ припасовъ, рабочіе подняли ропотъ, объясненный приказчиками какъ бунтъ. Такъ гдѣ же могли найтись запасы гнилого-то хлѣба, и какимъ образомъ г. Козловъ не понимаетъ, откуда взялся въ запасѣ свѣжій хлѣбъ, когда у рабочихъ въ рукахъ былъ гнилой? Хорошій адвокатъ и слѣдователь—г. Ал. Козловъ,—нечего сказать... Далѣе, въ оправданіе Гладина и его приказчиковъ, онъ объявляетъ, что „жеваніе крупы" выдумано фантазіею В. А. Кокорева, ибо во все время плаванія баржъ съ рабочими до Саратова на нихъ „какой бы то ни было крупы ни зерна не имѣлось". Итакъ — и крупы не было: даже и жалкій суррогатъ пищи, представленный г. Кокоревымъ, исчезаетъ въ *оправданіяхъ* г. Козлова.

Какъ, однако же, легко черезъ годъ отрекаться отъ факта, пользуясь тѣмъ, что онъ не во всѣхъ подробностяхъ засвидѣтельствованъ былъ формальнымъ порядкомъ! Жаль, что г. Кокоревъ поторопился съ своей гласностью. Впрочемъ, кто-жъ ему помѣшаетъ и теперь сказать, что по тщательномъ изслѣдованіи дѣла оказалось все дѣло пуфомъ, выдумкой пьяныхъ мужиковъ?.. И, право, это не будетъ ни лучше, ни хуже того, что говорилъ г. Кокоревъ, въ порывѣ негодованья, о мясѣ, о черствомъ хлѣбѣ. Результаты рѣшительно одни и тѣ же. Жаль только, что г. Кокоревъ такъ натужится, чтобы всѣмъ показать, какой онъ любитель гласности и русскаго человѣка.

А натуги, дѣйствительно, не малыя! Въ письмѣ, приведенномъ выше, г. Кокоревъ старается, между прочимъ, увѣрить всю Россію, что онъ поручилъ подрядъ г. Гладину даже въ ущербъ выгодамъ общества, единственно потому, что онъ зналъ его хорошее обращеніе съ рабочими и общую любовь ихъ къ нему. Между тѣмъ, въ своихъ „Вѣстяхъ", напечатанныхъ въ „Русск. Вѣстн." (стр. 61—62), онъ приводитъ такія слова г. Гладина, изъ которыхъ видно совершенно противное. По увѣренію г. Кокорева, г. Гладинъ рѣшительно не понимаетъ, какъ можно даже толковать о неудобствѣ помѣщенія рабочихъ на Волжско-донской дорогѣ. Онъ, по увѣренію г. Кокорева, говорилъ вотъ что: „да у меня на Борисовской дорогѣ 15.000 рабочихъ: подите-ка, посмотрите, какъ они живутъ въ землянкахъ-то осенью, по колѣно въ грязи. Да вотъ я работалъ шоссе около Бреста, такъ выпало такое неудачное мѣсто, что изъ 700 рабочихъ половина померла. Нѣтъ, ужъ тутъ ничего не сдѣлаешь, коли начнутъ умирать; а коли не начнутъ—все хорошо: у меня въ Варшавѣ нонѣ всѣ здоровы. А вотъ, какъ пошли по дорогѣ изъ Питера въ Москву, что, чай, болѣе шести тысячъ зарыли".

Положимъ, что ничего этого г. Гладинъ и не говорилъ г. Кокореву, какъ увѣряетъ г. Козловъ („Сѣв. Пч." № 102); положимъ, что онъ даже никогда не работалъ на шоссе около Бреста. Но все равно, вѣдь г. Кокоревъ влагаетъ такія слова въ уста г. Гладина; значитъ, у него составилось о Гладинѣ именно такое понятіе, какое выражается въ этихъ словахъ. А имѣть такое понятіе о человѣкѣ и считать его очень заботливымъ и добрымъ для рабочихъ подрядчикомъ, это ужъ такая наивность, которую подозрѣвать въ В. А. Кокоревѣ мы даже не имѣемъ права. Чѣмъ же могъ такъ понравиться г. Гладинъ г. Кокореву? Неужели тѣмъ, что „рабочіе отзываются о Гладинѣ, какъ о человѣкѣ хорошемъ, только приказчиками его недовольны и такъ мало вѣрятъ имъ, что боятся даже за свой разсчетъ". Вѣдь это значитъ, что Гладинъ просто злодѣй и губитель своихъ рабочихъ: самому ему все равно,—мрутъ люди, такъ мрутъ, такъ, видно, надобно; здоровы, такъ ладно, мѣсто, видно, хорошее... А приказчики у него постоянно такіе, что отъ нихъ житья нѣтъ: гнилымъ хлѣбомъ кормятъ, въ бунтѣ обвиняютъ, разсчетъ задерживаютъ, ставятъ на работахъ козаковъ съ саблями и нагайками... Это все къ Гладину не относится: онъ человѣкъ добрый, и г. Кокоревъ нарочно хлопочетъ, чтобы подрядъ остался именно за нимъ... Чѣмъ объяснить такую невинность г. Кокорева? Неужели тѣмъ, что въ его положеніи очень выгодно защищать всякаго главнаго распорядителя, сваливая всю вину на подчиненныхъ? Въ свою очередь, г. Кокоревъ долженъ быть такъ же точно оправданъ и восхваленъ, не смотря на всѣ вопіющіе ужасы, которые совершаются

въ подвѣдомственныхъ ему дѣлахъ... Вѣдь не онъ самъ дѣлаетъ всѣ эти ужасы; онъ, напротивъ, человѣкъ добрый,—хлопочетъ о мясѣ для рабочихъ, а не только о хлѣбѣ: онъ даже и популярность между ними пріобрѣтаетъ, ибо раздаетъ имъ полушубки, взятые изъ кладовыхъ Гладина же („Сѣв. Пч.“ № 102). А въ какой степени зависятъ отъ него всѣ безпорядки, притѣсненія и мерзости, совершаемыя другими въ его вѣдѣніи и въ его интересахъ, до этого кто же станетъ добираться...

Но великодушію г. Кокорева нѣтъ никакихъ предѣловъ, а самобичеваніе посредствомъ гласности сдѣлалось у него чѣмъ-то въ родѣ хронической болѣзни. Бываютъ, говорятъ, организмы, чувствующіе особенный страстный трепетъ отъ удара плетью или розгами; такой же сладкій трепетъ и возбужденіе ощущаетъ, повидимому, и г. Коковревъ отъ оглашенія какого-нибудь изъ своихъ недостойныхъ поступковъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: доказавъ очень ясно, почему и для чего выбралъ онъ Гладина, и почему на него положился, онъ вдругъ переходитъ къ самообличенію въ такомъ тонѣ:

«Въ непредусмотрительной перевозкѣ рабочихъ нельзя по совѣсти обвинять подрядчика Гладина: онъ руководствуется прежнимъ образомъ дѣйствій и не можетъ имѣть понятія о *требованіяхъ новыхъ* (т. е. кормить рабочихъ не гнилымъ хлѣбомъ, это—*новое* требованіе!!), за исполненіе которыхъ должно отвѣчать правленіе, — *и я, разумѣется, раздѣляю вину съ прочими, какъ учредитель*. Мы считаемъ себя *умнѣе, образованнѣе* подрядчиковъ (вольно же вамъ!), слѣдовательно, мы и должны были подумать, какъ бы перевезти рабочихъ безъ всякихъ затрудненій».

Видите, какое смиреніе, какая готовность обвинить себя! Конечно, говоритъ, это собственно не наше дѣло; но мы такъ умны, такъ проникнуты новыми требованіями, что должны бы взять на себя трудъ наблюдать за дѣйствіями *меньшихъ братьевъ* (т.-е. подрядчиковъ), которымъ недоступны новыя требованія. Мы этого не сдѣлали и мы виноваты: казните насъ— за то, что мы умнѣе другихъ...

Такъ говоритъ г. Кокоревъ; но чтобы вы въ самомъ дѣлѣ не подумали, что онъ виноватъ, онъ сейчасъ находитъ другую. весьма уважительную причину, отъ которой произошли всѣ бѣдствія рабочихъ и которая отъ него уже рѣшительно не зависитъ. Вотъ эта причина:

„*Затѣмъ, многія неудобства надобно отнести къ неимѣнію на Волгѣ телеграфа, при которомъ всегда бы можно было телеграфировать о заготовленіи не только печенаго хлѣба, но и мяса*“.

Причина эта никому не приходила въ голову, но для г. Кокорева она служитъ полнѣйшимъ оправданіемъ. Какъ человѣкъ европейскій, привыкшій къ *новымъ требованіямъ*, онъ воображалъ, разумѣется, что на Волгѣ есть телеграфъ, по которому если нельзя пересылать хлѣбъ, то можно, по крайней мѣрѣ, телеграфировать о заготовленіи „*не только печенаго хлѣба,*

но и мяса". Въ этой сладкой увѣренности, онъ и не подумалъ обратить свою заботу на заготовленіе — *не только мяса, но и печенаго хлѣба*. Какъ же вы хотите иначе? Передовой человѣкъ, — онъ не можетъ никакъ свыкнуться съ невѣжествомъ и грубостью нашихъ нравовъ. Телеграфовъ нѣтъ! Фи! Да какъ же послѣ этого удивляться, что люди сидятъ безъ хлѣба, хвораютъ оттого и мрутъ въ несоразмѣрномъ количествѣ! О, невѣжественные россіяне! Заводите прежде телеграфы по Волгѣ, и тогда уже претендуйте на свѣжій хлѣбъ, на соль и постное масло!..

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что г. Кокоревъ, какъ другъ профессора Погодина, и здѣсь не измѣняетъ высокому чувству патріотизма: онъ разумѣетъ, очевидно, не иностранные телеграфы, а россійскіе, которыми извѣстія передаются, на разстояніи, напримѣръ, 1.000 верстъ, два, три, иногда шесть, а иногда даже и девять дней. Что именно о такихъ телеграфахъ хлопочетъ г. Кокоревъ, это видно изъ соображенія быстроты собственныхъ его дѣйствій. Письмо о самарскомъ происшествіи и о приказчикахъ Гладина писано имъ 30 мая; а затѣмъ, подробнѣйшее изслѣдованіе дѣла было имъ произведено только въ половинѣ іюля, — черезъ полтора мѣсяца, когда онъ самъ пріѣхалъ въ Царицынъ. При этомъ оказалось, что положеніе рабочихъ вполнѣ плохо; значитъ, для нихъ ничего не было сдѣлано ни обществомъ, ни г. Кокоревымъ, съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная гласность обнаружила ихъ бѣдствія. Да и что же было еще дѣлать? Написали въ газетахъ гуманное посланіе, съ азартомъ, съ новыми требованіями... Чего же еще? Дѣло-то дѣлать? — это еще погодите, это впереди. А нынче —

«Нынче время не такое:
Процвѣтаетъ гласность».

Голодали рабочіе дорогой: черезъ мѣсяцъ это было любопытнымъ предметомъ для гласности. Хворали и мерли люди на работахъ все лѣто: въ концѣ іюля г. Кокоревъ сочинилъ „Царицынскія записки", а въ ноябрѣ напечаталъ всю исторію своей поѣздки въ „Русскомъ Вѣстникѣ", этомъ знаменитомъ поборникѣ гласности. И прекрасно: мы очень довольны!..

А что нашелъ г. Кокоревъ на работахъ и что онъ сдѣлалъ тамъ? Хотите знать, такъ мы разскажемъ и это, только вкратцѣ, потому что не слѣдъ вводить въ „Свистокъ" такую матерію во всемъ ея ужасѣ.

По прибытіи въ Царицынъ, рабочіе опять голодали, потому что „скудный царицынскій рынокъ не могъ удовлетворить спросу". Для рабочихъ буквально *ничего* не было заготовлено, и даже главная царицынская контора съ управляющимъ своимъ, г. Позенковскимъ, прибыла въ Царицынъ *черезъ три недѣли послѣ рабочихъ*. Все это время рабочіе

должны были обходиться собственными средствами—сами устраивали себѣ балаганы, кухни, кладовыя для провизіи... Тутъ же и начались болѣзни. Царицынская контора принялась писать въ контору подрядчика разныя предписанія объ устройствѣ лазаретовъ, и пр., но сама ничего не дѣлала и только, по прекрасному выраженію г. Кокорева, „насмѣхалась надъ священными обязанностями человѣколюбія, которыя въ этомъ случаѣ совпадаютъ съ выгодами общества". Дѣйствительно, выгоды общества соблюлись бы тутъ лучше, если бы рабочихъ не такъ пренебрегли; а то, по свидѣтельству г. Кокорева, въ первый же день, по прибытіи на мѣсто, у Гладина ушло 300 человѣкъ! Господинъ Козловъ, разумѣется, негодуетъ за это на рабочихъ и приписываетъ ихъ бѣгство желанію зажилить полученный задатокъ и получить хорошіе заработки у донцовъ на сѣнокосѣ. Но нетрудно сообразить, какую роль играло въ этомъ случаѣ бѣдственное положеніе рабочихъ по прибытіи въ Царицынъ, послѣ питанія жеваніемъ крупы...

Наконецъ, по словамъ г. Кокорева, рабочіе *устроились*. Вотъ нѣкоторыя указанія на то положеніе, въ какомъ находились они около половины іюля, когда посѣтилъ ихъ гласнолюбивый и гуманнорѣчивый почетный членъ правленія:

«Рабочіе живутъ въ выкопанныхъ въ землѣ ямахъ; въ ямахъ этихъ устроены по обѣимъ сторонамъ нары, а *на нихъ нѣтъ ни соломы, ни рогожекъ; подъ бокомъ доска, въ головѣ кулакъ*». (Стр. 50).

«Шалаши сдѣланы съ такою же небрежностью: низки, тѣсны и безъ отверстій для воздуха. Шалашей сдѣлано мало: по 20 человѣкъ лежитъ въ каждомъ изъ нихъ, а когда число заболѣвшихъ возрастаетъ и привозятъ новыхъ людей, имъ приходится *лежать на землѣ и ждать*, пока не состроятъ новаго помѣщенія, а въ такомъ случаѣ постройка идетъ скорая и кое-какъ. *Нѣтъ соломы, нѣтъ рогожъ и войлоковъ*, чтобы смягчить для больного ложе. Нѣкоторые лежатъ на мѣшкахъ съ сѣномъ, *а больше на своихъ же шубахъ*». (Стр. 51—52).

«Распорядители нашли нужнымъ разставить военныхъ козаковъ *по всѣмъ пунктамъ пребыванія рабочихъ*, и даже около лазарета стоятъ *два козака съ саблями и нагайками*». (Стр. 53).

«Конопляное масло во многихъ мѣстахъ горькое. Бойня для скота одна; съ нея приходится возить мясо за 25 верстъ; отчего оно, при здѣшнихъ жарахъ *можетъ* подвергнуться порчѣ. На 59 верстѣ, гдѣ находится 300 человѣкъ рабочихъ, оказалась овсяная крупа дурной выдѣлки: въ ней много овса. На 48 верстѣ мы нашли очень дурной горохъ, черный, неразваривающійся и жидкій». (Стр. 55).

«Больныхъ возятъ на одной телѣгѣ четверыхъ по пыльной, знойной степи, за 25 верстъ. Лазаретъ—просто собачьи конуры». (Стр. 56).

Такія свѣдѣнія даетъ самъ г. Кокоревъ, а мы уже видѣли, какъ въ его устахъ самыя страшныя вещи *смягчаются*, когда онъ этого хочетъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ онъ, можетъ быть, и не смягчалъ ничего, потому что, вслѣдъ за указаніемъ зла, онъ вездѣ предписываетъ и лѣкарство. Правда, онъ самъ справедливо замѣчаетъ, что все это „при-

лично было бы говорить въ февралѣ, а не въ іюлѣ" (стр. 57); но, съ другой стороны, отчего же и въ іюлѣ не поговорить? Это избавитъ насъ отъ обязанности говорить о томъ же въ слѣдующемъ февралѣ. Февраль мы промолчимъ, а тамъ въ іюнѣ, іюлѣ или августѣ опять примемся, съ припѣвомъ: еще въ іюлѣ прошлаго года говорилъ я...

Есть, правда, и маленькія недоразумѣнія въ „Запискахъ" В. А. Кокорева. Напримѣръ, онъ увѣряетъ, что прежде у рабочихъ солонина была не всегда свѣжая, а съ Петрова дня солонину замѣнили свѣжимъ мясомъ. При этомъ г. Кокоревъ благодаритъ „Саратовскія Вѣдомости", обнаружившія гнилую солонину: „здѣсь опять видна польза гласности", опять прибавляетъ онъ, какъ школьный учитель, задолбившій одинъ афоризмъ и безпрестанно, кстати или некстати, огорошивающій имъ своихъ питомцевъ. Мы, разумѣется, приходимъ въ восторгъ отъ твердости г. Кокорева въ своемъ принципѣ; но вдругъ находятся люди, утверждающіе, что здѣсь у г. Кокорева гласность является съ своимъ особымъ способомъ выраженія, точно такъ, какъ и въ разсказѣ о не совсѣмъ мягкомъ хлѣбѣ. Такъ, г. Альбицкій, въ „Сѣверной Пчелѣ" (№ 50), сильно преслѣдуетъ г. Кокорева и на солонинѣ, и на гласности, и на мясѣ. Мы приводимъ его соображенія, такъ какъ они довольно остроумны.

«Въ «Саратовскихъ Вѣдомостяхъ»,—говоритъ г. Альбицкій,—было сказано, что рабочіе бѣдствуютъ, что ихъ кормятъ протухлою говядиной, *изъ которой вываливаются черви*. Статья эта не перешла почему-то въ столичныя газеты, а губернскія вѣдомости кто же читаетъ? Вотъ и ловко было Василію Александровичу, — говоря, что «введеніемъ свѣжаго мяса рабочіе не мало обязаны «*Саратовскимъ Вѣдомостямъ*» и возлагая на общее собраніе акціонеровъ обязанность благодарить редакцію этой газеты за обнаруженіе невниманія къ рабочимъ,—сказать публично неправду. «Саратовскія Вѣдомости» говорили, что рабочіе ѣдятъ *протухлую говядину съ червями*, а Василій Александровичъ сказалъ, что рабочихъ кормили «солониной, *которая была не всегда свѣжая*, а каша была изъ пшена, которую по непривычкѣ (?) *вовсе не ѣли*» Что же они ѣли? На 51-й страницѣ статьи своей онъ замѣчаетъ, что «главная причина *развитія хворости и труднаго излѣченія больныхъ*—вода». Не черви-ли съ говядиной, да не каша-ли изъ такого пшена сваренная, что и умирающій отъ голода ее ѣсть не въ состояніи?

«Впрочемъ, вотъ какъ объясняютъ разногласіе Василія Александровича съ «Саратовскими Вѣдомостями»:

«Василій Александровичъ говорилъ, что рабочихъ въ мясоѣдъ, отъ Пасхи до Петрова поста, кормили *солониной, которая по отзыву ихъ была не всегда свѣжая* а каша была изъ пшена, которую по непривычкѣ вовсе не ѣли.

«Но «Саратовскія Вѣдомости» говорятъ объ іюльскомъ мясоѣдѣ, продолжающемся отъ Петрова дня до перваго Спаса.

«На этотъ мясоѣдъ Василій Александровичъ пшенную кашу замѣнилъ гречневой, а гнилую солонину *свѣжимъ* (?) *мясомъ*. (Стр. 51).

«Это-то самое свѣжее мясо и *было съ червями*, какъ говорятъ «Саратовскія Вѣдомости», редакцію которыхъ вѣрный и неизмѣнный поборникъ гласности, Василій Александровичъ, счелъ долгомъ благодарить за такое правдивое извѣщеніе.

«Слѣдовательно, разногласія Василія Александровича съ «Саратовскими Вѣдо-

мостями» нѣтъ. Ясно, что онъ распорядился *замѣнить для рабочихъ гнилую солонину протухшимъ мясомъ съ червями.*

«Въ 9-мъ параграфѣ «Памятной записки», данной г. Кокоревымъ г. Головкину и напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», происхожденіе червей объясняется весьма естественно: «Бойня для скота одна, — говоритъ Василій Александровичъ.—Съ нея приходится возить мясо за двадцать пять верстъ, отчего оно при здѣшнихъ жарахъ можетъ подвергаться порчѣ. Мясо (приказываетъ онъ) развозить покрывши». Везти мясо *болѣе чѣмъ* двадцать пять верстъ надо цѣлый день, вѣдь не на почтовыхъ же его возили. При царицынскихъ жарахъ было бы неестественно, если бъ не завелись черви въ говядинѣ, остающейся цѣлый день на солнцѣ, непокрытой и обклеенной миріадами мухъ.

«Впрочемъ и больныхъ рабочихъ, по четверо въ одной телѣгѣ, не защищенныхъ ничѣмъ отъ страшнаго солнечнаго припека, тамъ тоже возятъ за двадцать пять верстъ (§ 15 «Памятной записки»).

«Такъ зачѣмъ же было говорить: «теперь солонина замѣнилась *свѣжимъ* мясомъ, которое получается съ бойни скота, особо устроенной *посреди линіи*»?..

«И зачѣмъ это сокращать разстояніе провоза мяса? Вы говорите, что бойня устроена на срединѣ линіи. Отъ бойни въ одинъ конецъ везутъ говядину за двадцать пять верстъ. Слѣдовательно, оба края линіи другъ отъ друга за *пятьдесятъ верстъ.* А въ 10-мъ § «Памятной записки» вы говорите, что на *пятьдесятъ девятой* верстѣ, гдѣ было 300 рабочихъ, вы нашли дурную крупу. Стало быть, непокрытую говядину везли не за двадцать пять, а за тридцать верстъ, да, можетъ быть, и больше».

Изъ замѣчаній г. Альбицкаго вытекаетъ весьма естественное заключеніе, что дѣятельность г. Кокорева на работахъ Волжско-донской дороги была не такъ благотворна, какъ онъ самъ желаетъ это представить. По крайней мѣрѣ, насчетъ мяса почтенный сотрудникъ „Русскаго Вѣстника“ расписался такъ же неудачно, какъ и насчетъ мягкаго хлѣба въ Самарѣ. Но все это ничего не значитъ въ сравненіи съ *винной порціей*, изобрѣтенной г. Кокоревымъ для процвѣтанія здоровья рабочихъ. Вотъ гдѣ геркулесовы столбы гуманности г. Кокорева и общества Волжско-донской дороги, — кого именно, разобрать, впрочемъ, нельзя. Дѣло, видите, въ чемъ. Г. Кокоревъ, описывая разныя улучшенія, сдѣланныя имъ и г. Мельниковымъ, упоминаетъ о приглашеніи *содержателя трактира*, Добровольскаго, *для доставленія больнымъ чаю два раза въ день* (зачѣмъ тутъ *содержатель трактира*, — тоже мудрено понять), и потомъ говоритъ: „затѣмъ *общество распорядилось* выдавать всѣмъ рабочимъ на линіи по чаркѣ водки каждодневно, передъ ужиномъ“. Тотчасъ нашлись зложелатели, которые начали уже увѣрять, что эта винная порція назначена собственно въ пользу Царицынскаго откупа, содержимаго самимъ же г. Кокоревымъ („Сѣв. Пчела“ №№ 50, 102). Этому бы и можно повѣрить, если бы мы не знали великодушія г. Кокорева; но, благодаря благодѣтельной гласности, мы очень хорошо знаемъ этого великаго русскаго мужа. Въ настоящемъ случаѣ дѣло имѣетъ даже весьма трогательный видъ: г. Кокоревъ, владѣлецъ одной трети акцій общества, споритъ съ двумя другими о великодушіи. Въ статьѣ, напечатанной 28 ноября, онъ гово-

ритъ: „*общество распорядилось* выдавать по винной порціи", а въ „Обзорѣ дѣйствій", вышедшемъ въ то же самое время, правленіе общества говоритъ: „для поддержанія силъ рабочихъ, по совѣту медиковъ, *В. А. Кокоревъ назначилъ на свой счетъ* ежедневныя выдачи винныхъ порцій людямъ, работавшимъ въ предѣлахъ Царицынскаго уѣзда, а правленіемъ сдѣлано такое же распоряженіе относительно прочихъ землекоповъ, работавшихъ въ землѣ Войска Донского". Не умилительно ли? Г. Кокоревъ говоритъ, что общество покупаетъ водку для рабочихъ, и другіе тоже подтверждаютъ, а правленіе скромно отклоняетъ отъ себя такое великодушіе и прославляетъ г. Кокорева, дающаго людямъ водку *на свой счетъ*... Какъ любопытно было бы узнать, кто кого побѣдитъ въ великодушіи, т.-е. кто заплатитъ за водку?..

Впрочемъ, одинъ-ли былъ великодушнѣе второго, или другой великодушнѣе перваго, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, какія послѣдствія развились отъ винной порціи. Въ половинѣ іюля, до назначенія чарки, больныхъ, по словамъ самого г. Кокорева, было 140, да умершихъ 40. Послѣ того число больныхъ стало быстро возрастать и доходило, по словамъ г. Козлова, до 600 человѣкъ, — цыфра на 2.000 человѣкъ въ самомъ дѣлѣ ужасающая! Г. Козловъ дѣлаетъ при этомъ такое замѣчаніе: „давать винную порцію рабочимъ при 15—20° мороза—вещь полезная; но полезно-ли дѣлать то же самое при 45° жару,—предоставляемъ рѣшить врачамъ".

Да вѣдь винная порція и прописана была г. Кокоревымъ „*по совѣтамъ медиковъ*"? Да, можетъ быть; но тутъ опять идетъ своего рода исторія. Лѣкарь Шергандъ оказывается какимъ-то фаворитомъ г. Кокорева. По увѣреніямъ г. Козлова, *самъ г. Кокоревъ* замѣнилъ врача, опредѣленнаго обществомъ (за 3.000 руб. сер. въ годъ), другимъ врачемъ, болѣе дешевымъ (1.200 руб. сер.), а главное—ему одному извѣстнымъ, г. Шергандомъ. Несмотря на свою дешевизну, врачъ этотъ, по мнѣнію г. Кокорева, былъ превосходенъ и, какъ видно изъ „Записки", „вполнѣ соглашался" съ мѣрами, предлагавшимися г. Кокоревымъ. Съ своей стороны, и г. Кокоревъ заботился о немъ и требовалъ отъ приказчика Гладина, чтобы онъ „далъ доктору Шерганду въ его распоряженіе пару хорошихъ лошадей съ легкимъ тарантасомъ и кучеромъ". За то и дѣятельность доктора была неутомима. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: взять на себя 600 паціентовъ, растянутыхъ на шестидесяти-верстной линіи! Это стоитъ чего-нибудь! Г. Козловъ выражаетъ мнѣніе, что докторъ Шергандъ, видя такое страшное развитіе болѣзней, долженъ былъ непремѣнно и *офиціально* пригласить на линію, для консиліума, другихъ врачей. Но зачѣмъ же это, когда г. Шергандъ и одинъ справлялся?

Да притомъ еще нужно замѣтить, что совсѣмъ больныхъ и слабыхъ часто отпускали съ работъ домой. Такъ, даже въ „Памятной запискѣ“ г. Кокорева приказчику Гладина сказано, что слѣдуетъ отпустить домой, *въ Тверскую губернію*, пятерыхъ рабочихъ: трехъ стариковъ, одного слабаго ногами и одного, переломившаго себѣ спинную кость... При такомъ заведеніи, подъ покровительствомъ гуманнаго гласнолюбца да безъ всякой отвѣтственности передъ кѣмъ бы то ни было, отчего не лѣчить всѣхъ одному? Умрутъ бѣдняки, не велика бѣда, плакать некому. Ежели и узнаютъ-то объ этомъ родные умершаго, такъ и то лишь по милости г. Кокорева, который, въ § 19 своей памятки, чужому приказчику набожно заповѣдуетъ: „объ умирающихъ надобно извѣщать ихъ семейства, посылая письма въ деревни, дабы тамъ поминали ихъ по долгу христіанскому“. Вотъ до чего доходитъ любовь г. Кокорева „къ простому, сѣроодѣтому русскому человѣку“! („Русск. Вѣстн.“, стр. 61).

Что же, однако, сдѣлалъ г. Кокоревъ для упроченія благосостоянія рабочихъ? Какой результатъ можно вывести изъ всѣхъ „Царицынскихъ записокъ“ и „Вѣстей“? Это уже сдѣлано весьма добросовѣстно въ статьѣ г. Альбицкаго, изъ которой мы и беремъ окончательные выводы.

«Для устраненія зла, Василій Александровичъ сдѣлалъ слѣдующее:

А. Относительно больныхъ:

1) Учредилъ отъ общества чай по два раза въ день.

2) Больныхъ тифомъ отдѣлилъ отъ другихъ.

3) Старался удалить двухъ козаковъ, приставленныхъ съ саблями и нагайками къ лазарету («Русск. Вѣстн.» 1859 г., № 21, стр. 53), но не былъ въ состояніи устранить такой новый методъ леченія. Этотъ методъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ тому же Гладину, ибо на 59 стр. Василій Александровичъ говоритъ, что онъ по контракту обязался содержать лазареты.

4) По причинѣ недостатка одного лазарета устроилъ другой.

5) Такъ какъ больные валялись на землѣ, даже не на соломѣ и не на рогожкѣ, распорядился купить рогожки и надѣлать больше шалашей съ койками для больныхъ, такъ какъ заготовленныхъ лазаретомъ шалашей оказалось весьма недостаточно, вѣроятно, по причинѣ той развившейся хворости, о которой Василій Александровичъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ.

Б. Относительно здоровыхъ:

1) Приказалъ варить протухлую говядину съ червями вмѣсто гнилой солонины.

2) Замѣнилъ пшенную кашу, которой рабочіе не ѣли, гречневою, которую, однако, замѣняли въ иныхъ мѣстахъ дурнымъ, чернымъ, неразваривающимся горохомъ и крупой съ неободраннымъ овсомъ.

3) Назначилъ *на счетъ общества* винную порцію по стакану передъ ужиномъ. Водку берутъ изъ кабаковъ царицынскаго откупа, содержимаго Василіемъ Александровичемъ.

4) Написалъ къ г. Головкину, что *надо бы* дать рабочимъ одежду — вѣдь они пойдутъ домой осенью и доберутся до домовъ 10 декабря, а у нихъ нѣтъ *ни одежды, ни обуви*. Исполнилъ-ли это нѣжно любимый рабочими г. Гладинъ, неизвѣстно.

5) Написалъ къ г. Головкину, что на зиму *остается 500 рабочихъ въ степи, безъ зимнихъ квартиръ, на морозъ*, и что поэтому надо подумать о квартирахъ. Думалъ-ли г. Головкинъ, неизвѣстно.

6) Но если они перемрутъ, то непремѣнно *извѣстить о томъ ихъ семейства, посылая письма въ деревни, дабы тамъ поминали ихъ по долгу христіанскому.*

7) Купилъ въ Одессѣ шесть колоколовъ для рабочихъ.

8) Отпустилъ домой, въ Тверскую губернію, двухъ рабочихъ *по старости*, одного *по преклонной старости*, одного *по слабости ногъ* и одного *переломившаго спинную кость* (!!!). На которой станціи отъ Царицына они умерли, намъ неизвѣстно.

9) Учредилъ особую должность смотрителя за лазаретами и за *сбереженіемъ силы рабочихъ*».

Прибавимъ къ этому, что относительно одежды, обуви и зимнихъ квартиръ рабочимъ—такъ и до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Благодѣтельная гласность умаялась предшествовавшими похожденіями и теперь молчитъ.

Не молчатъ только „Саратовскія Губернскія Вѣдомости“. Онѣ еще въ февралѣ дѣлали новое извѣщеніе о побѣгахъ съ работъ Волжско-донской дороги, и притомъ въ такое время, когда вовсе нѣтъ соблазнительныхъ заработковъ въ лугахъ у донцовъ. Въ числѣ бѣжавшихъ были преклонные старики: отчего бы, кажется, этимъ-то бѣжать? Имъ только нужно беречь свои силы; а г. Кокоревъ на царицынскихъ работахъ сочинилъ даже особую должность „смотрителя за сбереженіемъ силы рабочихъ“ и опредѣлилъ въ эту должность нѣкоего г. Милашевича, — замѣчательнаго тѣмъ, что „изъ длиннаго ряда его писемъ къ г. Кокореву можно ознакомиться со всѣми затрудненіями, представляющимися при исполненіи предпріятій въ отдаленныхъ мѣстностяхъ“. Какъ видно, и этотъ господинъ служитъ тоже спасительной гласности, и мы скоро, можетъ быть, будемъ имѣть удовольствіе читать его письма въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, рядомъ съ письмами г. Маталя, объ Америкѣ, и статьями г. Фердинанда Кана, о розахъ.

А въ чемъ же состоятъ затрудненія? Г. Кокоревъ этого не объясняетъ; но дѣло говоритъ само за себя: какъ же, помилуйте! — во-первыхъ, телеграфовъ нѣтъ; во-вторыхъ, г. Брылкинъ, вмѣстѣ съ „Кавказомъ и Меркуріемъ“, ставитъ ни во что заключенные контракты; въ-третьихъ, мяса, мяса вареннаго, мяса не даютъ рабочимъ; въ-четвертыхъ, казаки съ нагайками присутствуютъ на работахъ; въ-пятыхъ, вода; въ-шестыхъ... да ужъ что и говорить въ-шестыхъ? Одна вода чего стоитъ!.. По мнѣнію г. Кокорева, по мнѣнію „*самого* доктора (Шерганда?), главная причина развитія хворости и труднаго излѣченія больныхъ (по царицынскимъ работамъ) *вода и непремѣнно вода*“... Г. Козловъ сострилъ по этому поводу, что для устраненія гибельности воды надо вставить въ нее первую букву фамиліи г. Кокорева. Но г. Кокоревъ не на шутку такъ поступилъ съ водою и рабочими,—только результаты были плохіе.

А кромѣ того, какое затрудненіе для благотворныхъ предпріятій г. Кокорева представляетъ неразвитость и апатія окружающей среды!

„Сами рабочіе не понимаютъ своей пользы, — говоритъ г. Кокоревъ, — подрядчики соблюдаютъ свои выгоды, а инженеры считаютъ своею обязанностью заботиться только за исполненіемъ работъ, сообразно съ чертежами. *Здѣсь возникаетъ вопросъ:* „виноваты-ли инженеры за то, что они не требуютъ отъ подрядчика энергически улучшенія быта рабочихъ?“ Задавши такой законодательный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго можетъ зависѣть, по малой мѣрѣ, увольненіе инженера отъ должности, г. Кокоревъ меланхолически продолжаетъ: „*я думаю*, что виноваты не они, а система нашего воспитанія, внушающая равнодушіе къ простому русскому человѣку; многіе у насъ считаютъ какъ бы постороннимъ то, что должно бы быть близко ихъ сердцу“ („Русск. Вѣстн.“, стр. 52). Въ другомъ мѣстѣ статьи, почтенный мыслитель тоже жалуется на то, что „всему мѣшаетъ рутина и недостатокъ любви къ простому, сѣроодѣтому русскому человѣку“ (стр. 61). Да, съ послѣднимъ нельзя не согласиться: исторія рабочихъ Волжско-донской дороги доказываетъ это лучше всѣхъ разглагольствій.

А между тѣмъ, при этомъ жалкомъ и ужасномъ способѣ веденія дѣла, не угодно-ли знать, сколько истрачено денегъ собственно на административную часть предпріятія? 141.000 руб. сер., то-есть, десятая часть всѣхъ бывшихъ расходовъ, и въ этомъ числѣ, по управленію собственно работами желѣзной дороги, издержано 55.825 руб., да кромѣ того, на жалованье директоровъ и другихъ служащихъ, и т. п. — израсходовано 52.000. И это, не забудьте, въ томъ обществѣ, одинъ изъ учредителей котораго и владѣлецъ цѣлой трети акцій постоянно шумитъ противъ *форменности* и *бюрократизма* и прославляетъ *дѣловое коммерческое* веденіе предпріятія! Не знаемъ, хорошая-ли это коммерція для г. Кокорева, но для „двигателей всякаго устройства“, какъ онъ выражается, она должна быть не болѣе пріятна, какъ и благодѣтельная гласность, пользу которой „сразу чувствуетъ“ г. Кокоревъ.

Что же? Теперь опять весна, опять близится лѣто... Не узнали мы, что сдѣлано съ рабочими осенью и зимой; можетъ, не узнаемъ-ли, что съ ними будетъ въ предстоящее лѣто? Г. Кокоревъ давно уже не печаталъ о благодѣтельной гласности: это добрый знакъ. Можетъ, такъ выдастся лѣто, что г. Кокоревъ нынче и въ Царицынъ не поѣдетъ, и рабочіе винной порціей обольщаться не будутъ, и даже работать станутъ безъ казаковъ съ нагайками? Аль гдѣ ужъ?..

II.

ЮНОЕ ДАРОВАНІЕ,

ОБѢЩАЮЩЕЕ ПОГЛОТИТЬ ВСЮ СОВРЕМЕННУЮ ПОЭЗІЮ.

Прежде всего воскликнемъ съ Карамзинымъ:

«Ахъ, не все намъ слезы горькія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ;
На минуту позабудемся
Въ чарованьи красныхъ вымысловъ!»

Успокоившись такимъ авторитетомъ, обращаемся къ дѣлу и рекомендуемъ читателямъ юное дарованіе, которое можетъ, какъ говоритъ г. Григорьевъ о г. Случевскомъ, или распасться прахомъ, или оказаться силою новой, великою силою. Собственно говоря, мы не знаемъ, какъ думать о юномъ поэтѣ и помѣщать-ли его въ „Современникѣ" или въ „Свисткѣ"? но рѣшаемся на первый разъ лучше въ „Свисткѣ"; а то въ „Современникѣ"-то большею частью какъ-то несчастливы бываютъ — черезъ два-три мѣсяца уже не могутъ концы съ концами свести... Въ „Свисткѣ" не то: посмотрите, какъ твердо г. Лиліеншвагеръ стоитъ на своемъ пути!.. А юное дарованіе г. Капелькина будетъ поразнообразнѣе таланта Лиліеншвагера. Да вотъ, прочитайте и судите. Мы и письмо поэта печатаемъ, не скрывая его юношеской наивности: гласность, такъ ужъ гласность полная, безусловная.

Милостивые государи!

Мнѣ 20 лѣтъ. Я съ юныхъ годовъ одержимъ невыносимою любовью къ поэзіи. 12-ти лѣтъ я уже писалъ весьма хорошіе стихи. Вообще я развился весьма рано. Вотъ первое стихотвореніе, которое я счелъ достойнымъ печати: я написалъ его будучи 12-ти лѣтъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Вечеръ. Въ комнаткѣ уютной
Кроткій полусвѣтъ.
И она, мой гость минутный...
Ласки и привѣтъ,
Абрисъ миленькой головки,
Страстныхъ взоровъ блескъ,
Распускаемой шнуровки
Судорожный трескъ...

Жаръ и холодъ нетерпѣнья...
Сброшенный покровъ...
Звукъ отъ быстраго паденья
На полъ башмачковъ...
Сладострастныя объятья,
Поцѣлуй нѣмой,
И стоящій надъ кроватью
Мѣсяцъ золотой...

1853.

Это стихотвореніе попалось отцу моему, и онъ, признаюсь вамъ, чуть меня за него не высѣкъ. Напрасно увѣрялъ я его, что ничего подобнаго не видывалъ и не чувствовалъ, что это все есть подражаніе разнымъ поэтамъ (я никогда не подражалъ ни одному), отецъ не хотѣлъ вѣрить— такъ велика была сила таланта и живость изображенія предмета!..

Но какъ ни увѣренъ я былъ въ своемъ дарованіи, а перспектива быть высѣченнымъ вовсе мнѣ не нравилась, и я немедленно перемѣнилъ родъ своей поэзіи. Въ то время наше общество боролось съ англо-французами; газеты были наполнены восторженными возгласами объ огромности Россіи и о высокомъ чувствѣ любви къ отечеству. Я увлекся и написалъ слѣдующее стихотвореніе:

РОДИНА ВЕЛИКАЯ.

О, моя родина грозно-державная,
Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная,
Наша страна дорогая, родимая!

Какъ широко ты, родная, раскинулась,
Какъ хороша твоя даль непроглядная!
Грозно во всѣ концы міра раздвинулась
Мощь твоя, русскому сердцу отрадная!

Нѣтъ во вселенной такого оратора,
Чтобы прославить твое протяженіе:
Съ полюса тянешься ты до экватора,
Смертныхъ умы приводя въ изумленіе.

Ты занимаешь пространство безмѣрное,
Много обширнѣе древняго Рима ты.

Русской земли населеніе вѣрное
Чувствуетъ всѣхъ поясовъ земныхъ климаты.

Рѣки, озера твои многоводныя
Льются, подобно морямъ, безконечныя;
Необозримы поля хлѣбородныя,
Неизъяснимы красы твои вѣчныя!

Солнце въ тебѣ круглый годъ не закатится,
Путникъ тебя не объѣдетъ и въ три года:
Пусть ямщикамъ онъ на водку потратится,—
Только лишь откупу будетъ тутъ выгода...

О, моя родина, Богомъ хранимая!
Сколько простору въ тебѣ необъятнаго!
Сколько таится въ тебѣ, о, родимая!
Неизъяснимаго и непонятнаго!..

1854.

За это стихотвореніе отецъ похвалилъ меня, и я послѣ того написалъ еще десятка четыре подобныхъ пьесъ. Но, признаюсь, ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться въ звучности съ вышеприведеннымъ. Поэтому, я и не сообщаю ихъ вамъ, а перехожу къ новой эпохѣ моей поэтической дѣятельности.

Въ 1854 — 1855 отечество наше было въ печальномъ положеніи: военныя неудачи, обнаруженіе внутреннихъ неустройствъ, все это терзало сердце истиннаго русскаго и вводило его въ мизантропію. И я, дѣйствительно, предался мизантропіи, разочаровался; все мнѣ опостылѣло, и я произвелъ слѣдующую пьесу:

КУДА ДѢВАТЬСЯ?

Отъ людской любви и дружбы
Въ лѣсъ дремучій я бѣжалъ,
Сталъ кореньями питаться,
Мыться, бриться пересталъ.

Съ отверженьемъ и проклятьемъ,
Я въ лѣсу одинъ брожу.
Но увы! здѣсь снова дружбу
И любовь я нахожу.

Солнце съ неба дружелюбно
На меня бросаетъ лучъ;
И поитъ меня съ любовью
Межъ деревъ бѣгущій ключъ.

Соловьи поютъ влюбленно,
Лобызаются цвѣты,
И блестятъ любви слезою
На деревьяхъ всѣ листы.

Дружно по небу гуляютъ
Золотыя облака,
И грозитъ любовь и дружба
Мнѣ изъ каждаго сучка...

Въ каждой травкѣ, въ каждой мошкѣ,
Въ каждой капелькѣ росы
Обитаетъ духъ незримый,
Полный ангельской красы.

И старается мнѣ сердце
Чувствомъ нѣжнымъ размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Цѣлый вѣкъ мой отравить...

И въ лѣсу, въ борьбѣ тяжелой,
Силы падаютъ мои...
О, куда жъ, куда сокроюсь
Я отъ дружбы и любви?

1855.

Вы угадываете, чѣмъ разрѣшилось это мизантропическое настроеніе? Любовью, самой пылкой любовью,—страстью до того пламенной, что я не знаю, какъ еще я не сгорѣлъ совсѣмъ. Тогда-то производилъ я по 7-ми съ половиною стихотвореній въ день круглымъ счетомъ; съ особенною силою выразилась страсть въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое я считаю вполнѣ достойнымъ печати.

ПРИЧИНА МЕРЦАНІЯ ЗВѢЗДЪ.

Какъ твои уста въ веселомъ разговорѣ,
Чуть смыкаясь,—снова раскрываются;
Какъ любовь и радость въ этомъ свѣтломъ взорѣ
Перелетнымъ блескомъ разгораются:

Такъ на свѣтломъ небѣ въ этотъ мигъ мерцаютъ
Купы звѣздъ, живыя, разноцвѣтныя.
Иль въ любви и звѣзды глазками играютъ
И другъ другу рѣчи шлютъ привѣтныя?..
Иль любовью нашей съ неба голубого
Хоры ихъ привѣтливо любуются?
Иль въ виду избытка счастія земного
Ихъ лучи завистливо волнуются?
Нѣтъ, любви дыханье такъ во мнѣ широко,
Такъ изъ груди сильно вырывается
И, раздвинувъ воздухъ, такъ летитъ высоко,
Что эѳиръ далекій колыхается,—
И съ его напоромъ звѣздныя громады
Въ дружное приходятъ колебаніе...
Оттого-то въ ночи нѣги и отрады
Веселѣй и чаще ихъ мерцаніе...

1856.

Но скоро любовь моя прошла, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлавшись больше и пріобрѣтя серьезный взглядъ, я пересталъ уже тратить драгоцѣнное время на описаніе любовныхъ чувствъ. Вокругъ меня волновалась общественная дѣятельность, все было полно новыхъ надеждъ и стремленій, все озарено было самыми свѣтлыми мечтами. Весь міръ представлялся намъ въ радужныхъ краскахъ. Въ такомъ настроеніи услышалъ я однажды заунывную крестьянскую пѣсню. У меня тотчасъ родился вопросъ: отчего же она уныла, когда все кругомъ такъ весело? Нѣтъ,—сказалъ я самъ себѣ,—я долженъ, во что бы то ни стало, отыскать въ ней веселые звуки. И представьте силу таланта—отыскалъ! И не только отыскалъ, но и воспроизвелъ! Въ Москвѣ говорили, что недурно. Что вы еще скажете? Вотъ эти стихи:

СУЩЕСТВЕННОСТЬ И ПОЭЗІЯ.

Знаю васъ давно я, пѣсни заунывныя
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдругъ звуки радостно-призывные,
Полные восторга, слышу я съ полей!
Пусть все тѣ же пѣсни—долгія, тоскливыя,
Съ той же тяжкой грустью, пахарь нашъ поетъ.
Долю его горькую, думы терпѣливыя
Пусть напѣвъ протяжный мнѣ передаетъ.

Но въ восторгѣ сердца, подъ святымъ вліяніемъ
Гласности, прогресса, современныхъ думъ,
Полнъ благоговѣнья къ свѣтлымъ начинаніямъ,
Жадно всюду внемля новой жизни шумъ,—
Не хочу я слышать звуковъ горькой жалобы,
Тяжкаго рыданья и горькихъ слезъ...
Сердце бы изсохло, мысль моя упала бы,
Если бъ я оставилъ область сладкихъ грезъ...
Все свѣтло и благо, все мнѣ улыбается,
Всюду дней блаженства вижу я залогъ,—
И напѣвъ тоскливый счастьемъ отзывается.
Въ грустной пѣснѣ льется радости потокъ.
Пусть всѣ тѣ же пѣсни наши заунывныя,
Но не то ужъ слышно въ нихъ душѣ моей:
Слышу я въ нихъ звуки радостно-призывные,
Чую наступленье новыхъ свѣтлыхъ дней!..

1857.

Вслѣдъ за тѣмъ у меня родилась потребность самому быть общественнымъ дѣятелемъ, и я изобразилъ свое настроеніе въ нѣсколькихъ звучныхъ пьесахъ, изъ коихъ вотъ одна:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Я ѣхалъ на вечеръ. Веселыми огнями
Привѣтливо сіялъ великолѣпный домъ;
Виднѣлась зала въ немъ съ зелеными столами
И бальной музыки изъ оконъ несся громъ.
А у воротъ стоялъ болѣзненный и блѣдный,
Съ морозу синій весь, съ заплаканнымъ лицомъ.
Въ лохмотьяхъ и босой, какой-то мальчикъ бѣдный
И грошикъ дать на хлѣбъ молилъ меня Христомъ.
Я бросилъ на него взоръ, полный состраданья,
И въ залу бальную задумчиво вошелъ,
И дѣтямъ суеты, среди ихъ ликованья,
О бѣдномъ мальчикѣ печально рѣчь повелъ.
Въ кадриляхъ говорилъ о немъ я дѣвамъ нѣжнымъ;
Межъ танцевъ подходилъ я къ карточнымъ столамъ;
Восторженно взывалъ я къ юношамъ мятежнымъ
И скромно толковалъ почтеннымъ старикамъ.

Но глухи были всѣ къ святымъ моимъ призывамъ...
И проклялъ я тогда бездушный этотъ свѣтъ
За то, что онъ такъ чуждъ возвышеннымъ порывамъ —
И тутъ же мстить ему я далъ себѣ обѣтъ.
Я скоро отомстилъ: за ужиномъ веселымъ,
Лишь гости поднесли шампанское къ губамъ,
Я тостомъ грянулъ вдругъ, для ихъ ушей тяжелымъ:
„Здоровье бѣдняка, страдающаго *тамъ*“!
И показалъ я имъ на улицу рукою.
Смутились гости всѣ, настала тишина.
Не стали пить... Но я,—я пилъ съ улыбкой злою,
И сладокъ для меня былъ тотъ бокалъ вина!..

1858.

Но вы сами знаете, какъ тяжело бороться противъ общественной апатіи, безгласности, мрака, предразсудковъ. Я все это извѣдалъ горькимъ опытомъ, и вотъ какъ выразилось мое новое общественное разочарованіе:

РЫЦАРЬ БЕЗЪ СТРАХА И УПРЕКА.

(Современная элегія).

Исполнясь мужества и помолившись Богу,
Я рано выступилъ въ опасную дорогу.
Тропинка узкая лежала предо мной,
Сливаясь при концѣ въ какой-то мракъ густой.
Безмолвна даль была, какъ темная могила;
Высокая трава лишь съ вѣтромъ говорила,
Да слышалось вдали, вводя меня въ тоску,
Кукушки горестной зловѣщее ку-ку.
Я былъ одинъ, одинъ... вкругъ ни души живой...
Но я пошелъ впередъ отважною стопой!
Мнѣ въ платье яростно вонзался тернъ колючій,
Я ноги обжигалъ себѣ крапивой жгучей;
Ложилась пыль на мнѣ отъ каждаго куста,
И паутина мнѣ садилась на уста;
Но я все шелъ впередъ, свой страхъ превозмогая,
О цѣли странствія прилежно размышляя.
А путь — чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлался страшнѣй:

Жужжали вкругъ меня десятки осъ, шмелей;
Надъ головой моей кружились вереницы
Какой-то скаредной и безобразной птицы;
И что-то длинное, подобное змѣѣ,
Узрѣлъ вдругъ на своей я темной колеѣ...
И страхъ меня объялъ... Сталъ день мрачнѣе ночи,
Упалъ я на траву, смеживъ въ испугѣ очи...
И долго я лежалъ, недвижно, какъ мертвецъ;
Но смирно было всё, и всталъ я наконецъ.
Взглянулъ окрестъ себя: природа улыбалась,
Все солнцемъ радостно и ярко озарялось;
Кузнечикъ стрекоталъ и прыгалъ по травѣ,
И птички рѣяли въ воздушной синевѣ;
Порхали бабочки на солнечномъ сіяньи,
И въ воздухѣ неслось цвѣтовъ благоуханье.
А то, что мнѣ змѣей представила мечта,
То кѣмъ-то брошенный обрывокъ былъ кнута...
Дорога прежняя опять меня манила,
И сердце о пути мнѣ горько говорило,
И жажда славныхъ дѣлъ проснулася въ груди,
И цѣль великая виднѣлась впереди!..
И вновь я двинулся... Но что со мною сталось?!.
Нѣтъ прежнихъ силъ во мнѣ... отвага потерялась...
Я не могу идти... Я немощенъ и слабъ;
Сомнѣній горестныхъ теперь я жалкій рабъ;
Мечты высокія, стремленья мысли здравой—
Безплодный анализъ облилъ мнѣ злой отравой...
Я сталъ умнѣй теперь. Всѣ трудности пути
Я опытомъ узналъ... Теперь бы мнѣ идти...
Но дорого мнѣ сталъ мой опытъ безразсудный,
Я силы истощилъ, и на дорогѣ трудной
Съ тоской, съ презрѣніемъ къ себѣ теперь стою
И не въ травѣ,—въ себѣ я чувствую змѣю...

1859.

Теперь я не знаю, куда мнѣ идти, за что приняться. Въ головѣ пусто, совершенно пусто; въ мірѣ ничто не привлекаетъ; сердце изсохло отъ разочарованія. Оживите меня, влейте надежду въ грудь отчаяннаго, опредѣлите мнѣ цѣль жизни: есть-ли у меня талантъ, долженъ-ли я заниматься поэзіей, или поступить въ военную службу, чтобы ѣхать на восточный Кав-

казъ и искать смерти въ битвѣ съ племенемъ Адыге, которое, какъ слышно, еще не совсѣмъ покорилось.

От вас ждущій жизни или смерти

АПОЛЛОНЪ КАПЕЛЬКИНЪ.

P. S. Слѣдующій мнѣ гонораріи вышлите мнѣ по адресу, который вамъ сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

ПРИЗВАНІЕ.

(М. П. Погодину отъ рыцарей «Свистопляски»).

Пусть Чернышевскій говоритъ, что хочетъ,
И Костомаровъ пусть тебя разитъ;
Пусть надъ тобой ученыхъ судъ грохочетъ,
Пусть ими будешь ты и презрѣнъ и забытъ.

Не унывай! Готовъ пріютъ тебѣ веселый;
Не даромъ пописалъ ты на своемъ вѣку,
Не даромъ шуткою ты сдѣлалъ споръ тяжелый
И ревностно служилъ наукѣ и „Свистку".

Не унывай! Прочь Несторъ, прочь норманны,
Прочь жалкій параллель Европы и Руси!
Владѣнія „Свистка" обильны и пространны:
Тебѣ въ нихъ мѣсто есть,—свой трудъ туда неси!

Умѣешь ты мѣшать со вздоромъ небылицы,
Смѣшить съ ученымъ видомъ знатока:
Иди же, наполняй веселыя страницы
Великодушнаго, игриваго „Свистка"!

Ты о „Свисткѣ" писалъ съ презрѣньемъ величавымъ,
Въ намѣреньи его жестоко оскорбить.
Но онъ давно простилъ рѣчамъ твоимъ неправымъ:
Онъ такъ высокъ, что можетъ все простить.

Иди же къ намъ! Въ „Свисткѣ" мы памятникъ построимъ
Всѣмъ шуткамъ, шалостямъ и подвигамъ твоимъ,
Ученость дряхлую мы свистомъ успокоимъ
И слухъ твой ласковымъ романсомъ усладимъ.

№ 6.

1.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНІЕ СВИСТКА.

Вся Россія согласна, что „Свистокъ" принадлежитъ нашему времени. „Наше Время" недавно послало въ Италію г. Берга, чтобы точнѣе удостовѣриться въ храбрости Гарибальди и въ невѣроятномъ фактѣ паденія Неаполитанскаго королевства. „Свистокъ", какъ извѣстно, въ скептицизмѣ никому не уступитъ, особенно когда дѣло идетъ о вещахъ для него непріятныхъ. Поэтому и онъ пожелалъ пріобрѣсти болѣе точныя свѣдѣнія о безчинствахъ, происходящихъ въ Европѣ. Но онъ не любитъ останавливаться на полдорогѣ. Онъ, конечно, могъ бы попросить съѣздить въ Европу — г. Погодина, уже оказавшаго ему столько неоцѣненныхъ услугъ, г. Забѣлина, такъ неутомимо разъѣзжающаго между Тверью и Москвою и бичующаго мужиковъ за то, что они ѣдятъ тухлую рыбу... Могъ бы „Свистокъ" адресоваться къ профессору Сухомлинову, отправленному за-границу, по словамъ „Отчета" Санктпетербургскаго университета, „для пріобрѣтенія *необходимыхъ для него* новыхъ свѣдѣній по его наукѣ"; могъ бы просить корреспонденціи г. Стасюлевича, который, изображая такъ хорошо, въ своемъ курсѣ исторіи, генеалогію всѣхъ испанскихъ Альфонсовъ, конечно, не менѣе г. Берга долженъ знать толкъ въ современныхъ происшествіяхъ. Наконецъ, если не къ этимъ почетнымъ профессорамъ и академикамъ, то, во всякомъ случаѣ, „Свистокъ" могъ съ полною довѣренностью обратиться къ одному изъ прославленныхъ имъ братьевъ Милеантовъ, который еще въ началѣ года публиковался въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" отъѣзжающимъ за-границу. Конечно, спеціальность братьевъ Милеантовъ до сихъ поръ извѣстна публикѣ довольно мало: но не подлежитъ сомнѣнію, что, во-первыхъ, оба они въ качествѣ протестантовъ, отличаются благород-

ствомъ души и признаютъ гнусность клеветы, во-вторыхъ—что-одинъ изъ нихъ (неизвѣстно только, тотъ-ли, который поѣхалъ за-границу) помѣстилъ въ „Подснѣжникѣ" статью о египтянахъ и тѣмъ въ признательныхъ сердцахъ юныхъ читателей журнала г. Майкова воздвигъ себѣ памятникъ „металловъ тверже и выше пирамидъ"... Кажется, чего бы лучше такого корреспондента, если ужъ „Свистокъ" и не хотѣлъ обратиться къ вышеназваннымъ профессорамъ, и если другіе, какъ, напримѣръ, господа Вернадскій и Серно-Соловьевичъ, были отвлечены своими учеными занятіями на европейскихъ конгрессахъ!.. Но „Свистокъ" разсудилъ такъ: „если я не вѣрю свѣдѣніямъ „собственныхъ" корреспондентовъ „Сѣверной Пчелы" (хотя, не въ примѣръ „Московскимъ Вѣдомостямъ", и вѣрю, что она имѣетъ „собственныхъ корреспондентовъ"), если я не вѣрю телеграфу (который въ послѣднее время изоврался совершенно), не вѣрю ни Тэймсу, ни Аугсбургской газетѣ, не вѣрю даже русскимъ—„Инвалиду" и „Вѣстнику", то какой резонъ имѣю я довѣрять болѣе г. Бергу или г. Милеанту? Конечно, одинъ изъ нихъ переводилъ со всевозможныхъ языковъ индѣйскія пѣсни, другой писалъ о египтянахъ; но все это не даетъ еще мнѣ достаточныхъ гарантій, что они представятъ мнѣ событія именно въ такомъ видѣ, какъ мнѣ хочется. Для достиженія благопріятнаго результата, для успокоенія сердца моего, остается одно средство: отправиться самому на мѣсто преступленій европейскихъ! Тогда я—что захочу, то и увижу; какъ захочу, такъ и пойму событія. И никто тогда ужь не спорь со мною: всякому ротъ зажму! Я скажу: „нѣтъ-съ, нѣтъ, милостивый государь,—объ этихъ вещахъ по наслышкѣ нельзя судить; надо знать ихъ, надо видѣть самому видѣть, на мѣстѣ быть,—тогда только можно судить правильно. Я тамъ былъ, я видѣлъ, ужъ вы со мною не спорьте!"

Такъ разсудилъ „Свистокъ" и отправился en personne за-границу, какъ только дошелъ до него слухъ объ экспедиціи Гарибальди въ Сицилію. Намѣреніе его было—свистнуть на всю Италію; но вообразите, по всей Европѣ англичане (больше некому!) насажали клакёровъ, которые такъ апплодировали всѣмъ итальянскимъ беззаконіямъ, что развѣ только Илья Муромецъ или г. Байборода могъ бы заглушить ихъ апплодисменты. „Свистокъ", съ перваго же своего появленія, рекомендовалъ себя благонравнымъ юношею, свистящимъ весьма умѣренно, подъ благодѣтельнымъ покровомъ существующихъ законовъ; поэтому онъ вынужденнымъ нашелся замолчать на время, среди такой сумятицы, и вотъ почему „Наше Время", гораздо послѣ его возымѣвшее счастливую идею собственныхъ рекогносцировокъ въ Европѣ, успѣло прежде его возвѣстить о томъ публикѣ.

Но „Свистокъ" теперь ободрился. Онъ видитъ, какъ англійскіе клакёры утомились, какъ вся Европа начинаетъ отдыхать отъ ихъ хлопанья

и выражать полнѣйшее неодобреніе сумасшедшимъ итальянцамъ. Отозваніе французскаго посланника изъ Турина и послѣдній протестъ неаполитанскаго короля въ Гаетѣ особенно ободрили его. Теперь „Свистокъ" ставитъ себя, такъ сказать, на европейскую ногу и обѣщаетъ заниматься по преимуществу судьбами царствъ и народовъ. Русской литературѣ дается отпускъ. Хотя „Свистокъ" и называется попрежнему „собраніемъ литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ": но мало-ли что какъ называется! Въ „Современникѣ" вонъ каждый мѣсяцъ печатаются „Замѣтки *Новаго* поэта"; а какой же онъ *новый?* Для большинства читателей онъ не можетъ оправдать свое названіе даже тѣмъ афоризмомъ, что „ново то, что хорошо забыто": сколько мы знаемъ, онъ, къ чести русской публики, никогда забытъ не былъ! А слыветъ-себѣ *новымъ*, да и только! Такъ и „Свистокъ" пусть зовется попрежнему, хотя собственно теперь онъ занятъ уже болѣе *другими*, нежели „литературными и журнальными" замѣтками. О, онъ теперь дѣлается важною персоною, почти государственнымъ мужемъ, и литературныя мелочи далеки отъ него! Господинъ Ржевскій можетъ теперь, отдѣлавши кадастровыхъ чиновниковъ, обрабатывать профессоровъ и экзаменаторовъ и, указавши способы развитія пролетаріата, можетъ хлопотать о способахъ сокращать университетскіе штаты; г. Краевскій можетъ издавать или не издавать „Энциклопедическій Лексиконъ"; г жа Каролина Павлова и г. Н. Грековъ могутъ, сколько угодно, перепечатывать въ журналахъ свои старыя стихотворенія; въ „Русскомъ Вѣстникѣ" могутъ распускаться новые цвѣты съ старымъ запахомъ экономической дѣятельности; г. Летголла можетъ увѣрять г. Костомарова, что онъ не смыслитъ ни слова по-литовски; г. Страховъ можетъ переносить изъ „Свѣточа" въ „Русскій Вѣстникъ" свои трансцендентальныя теоріи о веществѣ; „Полицейскія Вѣдомости" могутъ украшаться краткими, но капитальными статьями именитыхъ сотрудниковъ; новый „Вѣкъ" съ новыми „Основами" можетъ водворяться въ русской литературѣ: „Свистокъ" даже губами не пошевельнетъ, чтобы ихъ привѣтствовать... Развѣ кто-нибудь изъ постороннихъ сотрудниковъ сообщитъ нѣсколько замѣчаній: они всегда будутъ приняты съ благодарностью... Но самъ „Свистокъ", собственной персоною, погруженъ теперь въ государственныя соображенія — о папѣ, Неаполѣ, Сиріи, Монтемолинѣ, принципѣ невмѣшательства, графѣ Боррисѣ и Кавурѣ, трактатахъ 1815 года, и главное — о будущемъ всеобщемъ конгрессѣ, который, надо полагать, не уступитъ даже конгрессамъ, удостоеннымъ присутствія гг. Вернадскаго и Серно-Соловьевича... Внимайте же мудрымъ разсужденіямъ „Свистка", получающаго на сей разъ такое широкое назначеніе! Правда, онъ отъ себя будетъ говорить не много; но за то онъ вамъ представитъ нѣкоторыя выдержки изъ обширной кор-

респонденціи, которую завелъ онъ съ людьми, близкими ему по сердцу и духу; за то онъ дастъ вамъ подлинные документы о состояніи умовъ въ Европѣ,—ему только извѣстные и доставшіеся ему изъ первыхъ рукъ; наконецъ, онъ сообщитъ вамъ и о томъ, съ какимъ достоинствомъ держатъ себя въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ наши любезные соотечественники, путешествующіе по Европѣ. Читайте же и утѣшьтесь въ отсутствіи литературнаго и журнальнаго элемента!

2.

СИРІЯ И КРЫМЪ.

(*Поэтическій контрастъ*).

Мы считаемъ себя счастливыми, что и начало новаго своего поприща можемъ огласить лирою г. Лиліеншвагера, который съ глубиною своего патріотизма и высотою таланта соединяетъ, какъ увидитъ каждый изъ читателей, и широту политическихъ воззрѣній. Столь счастливое соединеніе этихъ трехъ качествъ даетъ намъ право надѣяться, что въ скоромъ времени г. Лиліеншвагеръ, оставивъ мелочи общественныхъ злоупотребленій, которыя воспѣвать можетъ и г. Розенгеймъ, обратитъ весь свой талантъ на предметы возвышенные и, такимъ образомъ, поравняется съ г. Майковымъ и г-жею Павловою. Новое стихотвореніе его вызвано послѣдними событіями въ Сиріи; но мысль поэта придала имъ, такъ сказать, новый смыслъ и новую прелесть смѣлымъ сопоставленіемъ ихъ съ недавнимъ движеніемъ крымскихъ татаръ. Но вотъ само стихотвореніе:

Межъ тѣмъ, какъ въ Сиріи чудовищные друзы
Свирѣпствуютъ надъ горстью христіанъ,
Межъ тѣмъ, какъ изъ-за нихъ волнуются французы,
И ничего не дѣлаетъ султанъ;
Межъ тѣмъ, какъ Англія оспариваетъ право
Посылки войскъ французскихъ на Востокъ,
И разливается, какъ огненная лава,
Неистовства безумнаго потокъ,—
Иное зрѣлище, отрадное для взора,
Я нахожу въ отечествѣ моемъ.
Не очень далеко отъ славнаго Босфора,
Есть уголокъ не меньше славный въ немъ.
То—Крымъ! Пять лѣтъ назадъ онъ пламенемъ военнымъ
Объятъ былъ весь—за благо христіанъ,
Тамъ наша кровь лилась, тамъ въ бой съ врагомъ надменнымъ
Стремились мы, какъ грозный ураганъ.
Но кончилась война, и съ братскою любовью
Спѣшили мы враговъ своихъ простить,

И на землѣ святой, политой нашей кровью,
Поклонникамъ Пророка дали жить!
И водворясь на ней, счастливые безъ мѣры,
Они безпечно дни свои вели:
Никто не принуждалъ ихъ къ перемѣнѣ вѣры,
Не отнималъ ни хлѣба ни земли.
Но, обольщенные невѣжествомъ и лѣнью,
Татары самовольству предались,
И вдругъ, покорствуя какому-то внушенью,
Всѣ на утекъ изъ Крыма поднялись!!..
Что жъ мы? Послали-ль мы, исполненные гнѣва,
Огонь и мечь въ догонку бѣглецамъ?
Побиты-ль старцы ихъ? Поругана-ли дѣва?
Пронесся-ли пожаръ по ихъ домамъ?
Нѣтъ, вѣрны были мы гражданственности узамъ:
Мы дали имъ спокойно уходить;
Мы жалкой сей толпѣ, единовѣрной друзамъ,
Хотѣли лишь любовью отомстить!
То мало: видя ихъ упорное стремленье,
Рѣшились мы оставшихся спасти
И дать имъ ясное и строгое внушенье,
Чтобъ вслѣдъ другихъ не думали идти!
И послѣ этихъ поръ поклонники Пророка
Счастливо вновь живутъ у насъ въ Крыму,
Гдѣ звѣрскій фанатизмъ безумнаго Востока
Рѣшительно невѣдомъ никому...
О, пусть волнуются въ Европѣ дипломаты,
Чтобъ христіанъ сирійскихъ защитить:
Смѣшны ихъ пренія, смѣшны мнѣ ихъ палаты
И хлопоты, какъ друзамъ отомстить.
Въ содомѣ криковъ ихъ Россія позабыта!
А то-бъ они давно понять должны,
Что русской доблестью страданья маронита
Въ Крыму давно отомщены!..

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

3.

ПИСЬМО БЛАГОНАМѢРЕННАГО ФРАНЦУЗА О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСЫЛКИ ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ РИМЪ И ДАЛѢЕ, ДЛЯ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ПОРЯДКА ВЪ ИТАЛІИ.

(*Переводъ съ французскаго*).

Милостивые Государи!

Извините, что, не имѣя чести быть вашимъ соотечественникомъ и единовѣрцемъ, осмѣливаюсь просить васъ о помѣщеніи въ „Свисткѣ" моего письма. На это имѣю я важныя причины. Во-первыхъ — вашъ образъ мыслей подходитъ къ моему гораздо болѣе, нежели всѣ остальные жур-

налы Европы и Америки. Во-вторыхъ — „Свистокъ“ пользуется огромнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе и даже на умы многихъ государственныхъ людей Европы. Я знаю изъ вѣрнаго источника (de bonne source), что самъ кардиналъ Антонелли, послѣ того, какъ у васъ было о немъ упомянуто, любопытствовалъ прочесть „Свистокъ“, и, конечно, этому обстоятельству надо приписать то, что послѣднія ноты его значительно веселѣе прежнихъ. Въ-третьихъ, вы болѣе, нежели кто-нибудь, имѣете свободы въ разсужденіи о политикѣ: вы не связаны тиранніею общественнаго мнѣнія, которое у насъ такъ страшно тяготѣетъ надъ журналистикой. Можете себѣ представить, что у насъ ни одинъ журналъ не рѣшился бы помѣстить мое письмо, — не потому, чтобъ оно несогласно было съ видами правительства (напротивъ, я надѣюсь, что оно очень съ ними согласно), а просто потому, что это значило бы раздражить общественное мнѣніе! Вы, какъ я по всему вижу, еще не дошли до такого печальнаго положенія; у васъ журналистъ—учитель и господинъ своей публики, и потому можетъ говорить ей, что ему угодно, а она должна только слушать, вѣрить и преклоняться предъ его авторитетомъ... Для меня и для моихъ предположеній именно это и нужно.

Предъ *вашей* публикой я могу открыто и прямо сказать, что рѣшительно не одобряю итальянское движеніе и считаю Гарибальди разбойникомъ (brigand). Нѣкоторые корреспонденты французскихъ газетъ увѣряютъ, что русская публика исполнена энтузіазма къ „освободителю Италіи“ и ждетъ окончательнаго водворенія итальянскаго единства, точно большого праздника. Можетъ быть это и правда; но такъ какъ ваша публика находится еще во младенчествѣ и не доросла до собственнаго мнѣнія, то я думаю, что мнѣ церемониться съ нею нечего. Итакъ, я признаю Гарибальди разбойникомъ (brigand) и формально протестую противъ всякаго государственнаго акта, который совершится на основаніи его беззаконныхъ выходокъ. Но этого мало: я предлагаю вѣрныя средства для уничтоженія всего, что имъ надѣлано, и думаю, что вашъ „Свистокъ“ окажетъ услугу русской и европейской публикѣ напечатаніемъ моихъ предположеній.

Дѣло въ томъ, что теперь священная обязанность наблюденія за порядкомъ въ Европѣ принадлежитъ Франціи. Не обижайтесь: говоря это, я вовсе не думаю исключать изъ числа великихъ державъ ваше отечество. Я читалъ сочиненія господъ де-Жеребцова, Головина и Чичерина (въ „Le Nord“), и вполнѣ съ ними согласенъ, что Россіи предназначено великое будущее. Но надѣюсь, что и они не станутъ спорить, если я скажу, что вы еще весьма молоды въ исторической жизни и потому никакъ не можете претендовать на первенство передъ французами въ опытности и бла-

горазуміи. Вы еще, такъ сказать, отроки, безмятежно совершающіе свой курсъ въ тишинѣ благороднаго пансіона, а мы—уже взрослые люди, перенесшіе много горя и видѣвшіе много бурь на океанѣ, простирающемся отъ Бастиліи до Люксамбурга... Вотъ почему теперь, какъ опытные пловцы, мы должны первые предвидѣть бурю и останавливать новичковъ. Надѣюсь, вы меня поняли и, слѣдовательно, согласились со мною [1]).

Франція вотъ уже 11 лѣтъ весьма усердно очищаетъ свою репутацію отъ нареканій, заслуженныхъ ею въ бѣдственное время насильственныхъ переворотовъ. Она уже давно перестала быть очагомъ (foyer) анархическихъ движеній; всѣ ея желанія направлены теперь къ тишинѣ, порядку и законному благоденствію подъ покровительствомъ религіи и нравственности. Конечно, большинство людей, считающихъ себя образованными, вопіетъ еще о какой-то солидарности императорской Франціи съ принципами 1789 года; но, къ счастію, голоса этихъ людей годъ отъ году слабѣютъ и смѣло можно надѣяться, что скоро совсѣмъ заглохнутъ. Благодаря благоразумію правительства, они лишены теперь возможности пропагандировать свои мнѣнія въ печати, и хотя по временамъ прорывается въ журналистикѣ духъ—не то что непокорства, а какъ будто бы нѣкотораго недовольства, но общій тонъ журналовъ, можно сказать, въ высшей степени успокоителенъ (rassurant). Я не говорю уже о первыхъ звѣздахъ нашей журналистики „L'ami de religion", „Gazette de France", „L'Union", „Le Monde", преисполненныхъ до мозга костей религіозными и нравственными началами; не говорю о „Constitutionnel", въ которомъ г. Грангильо изображаетъ почти каждый день настоящее блаженство и величіе Франціи такими яркими чертами, что иногда самъ „Moniteur" блѣднѣетъ предъ нимъ; не говорю о „Patrie" и „Pays", которыя ужъ, конечно, и потому должны быть благородны (généreux), что поддерживаются (subventionnés) правительствомъ. Но я укажу вамъ на „Journal des Débats", на „Presse", прежде столь задорныя: радостно читать ихъ нынѣ!.. Вы знаете, что въ „Journal des Débats", напримѣръ, отличался весьма ѣдкимъ (caustique) стилемъ г. Прево-Парадоль. Надо полагать, что это происходило въ немъ не столько отъ серьёзнаго политическаго недовольства, сколько отъ разстройства печени. Въ началѣ нынѣшняго лѣта разстройство это усилилось до того, что г. Прево-Парадоль издалъ брошюру „Les anciens partis", въ которой весьма много желчи. Но само собою разумѣется, что это ни къ чему не повело. Правда, пять тысячъ экзем-

---

[1]) Это мѣсто въ русскомъ переводѣ вышло нѣсколько грубо; но смѣемъ увѣрить, что въ подлинникѣ оно исполнено тончайшей граціи и самой благоуханной прелести, такъ что ни мало не представляется оскорбительнымъ.

Прим. ред. «Свистка».

пляровъ брошюры были расхвачены въ нѣсколько дней, благодаря разнесшемуся слуху, что ее будутъ отбирать, и когда дѣйствительно стали отбирать, то нашли всего нѣсколько десятковъ экземпляровъ; но авторъ, какъ и слѣдуетъ, былъ осужденъ къ тюремному заключенію и штрафу, издатель тоже заплатилъ штрафъ весьма значительный; въ отвѣтъ на брошюру явилось прекрасное сочиненіе „Le parti de la providence", и кончилось тѣмъ, что только „Journal des Débats" избавился отъ выходокъ г. Прево-Парадоля и украшается нынѣ вполнѣ благонамѣренными premier-Paris, гг. Аллури и Вейсса. Вообще, во всей журналистикѣ нашей только и можно быть недовольнымъ двумя журналами: „Siècle" и „L'Opinion Nationale". Но они оба, сколько я знаю, уже имѣютъ по авертисману за выходки противъ святѣйшаго отца и потому не очень могутъ храбриться. Притомъ, нельзя не замѣтить, что и они тоже не лишены патріотизма,—только что въ нихъ замѣтна еще нѣкоторая игра крови. Вообще же говоря, журналистика, да и вся литература наша—представляютъ умилительное зрѣлище: какъ горячо, напримѣръ, отзывались они на превосходныя рѣчи объ императорской политикѣ, произносившіяся недавно нашими государственными мужами, при открытіи выборовъ! Съ какимъ восторгомъ перепечатывали они извѣстія о путешествіи императорской четы и диѳирамбы по этому случаю, произнесенные разными оффиціальными лицами! Только „Opinion Nationale" пожалѣло довольно ядовито, что декораціи для тріумфальныхъ арокъ и прочихъ выраженій народнаго энтузіазма перевозятся изъ города въ городъ, однѣ и тѣ же,—компаніей спекуляторовъ, составившейся для этого случая! Но „Opinion" не получило за это даже авертисмана: это одно уже доказываетъ вамъ, какъ ничтожны у насъ всѣ подобныя выходки предъ силою правительства, опирающагося на энтузіазмъ народа... Словомъ, Франція сознала теперь, что она сильна централизаціей и, если позволите выразиться, политическимъ благонравіемъ. Преданія первой революціи еще нѣсколько сбиваютъ ее съ толку своею грандіозностью; но теперь появляются уже смѣлые борцы, которые смѣло топчутъ въ грязь и эти преданія. Такъ, напримѣръ, вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстна (всѣ благородныя книги наши такъ быстро получаются въ Россіи!) недавно вышедшая „Исторія Жирондистовъ" г. Гранье-де-Кассаньяка, политическаго редактора „Pays". Невозможно лучше разоблачить все ничтожество и звѣрство дѣятелей революціи. Г. Гюаде, внукъ извѣстнаго депутата, старался было возражать, журналы сдѣлали нѣсколько двусмысленныхъ выходокъ; но противъ истины стоять невозможно, и книга г. Гранье-де-Кассаньяка заставила даже г. Ламартина рѣшиться исключить „Исторію Жирондистовъ" изъ полнаго собранія его сочиненій, или, по крайней мѣрѣ, назвать ее „Историческими бреднями", Rêveries historiques.

Вы понимаете, что, находясь на такомъ хорошемъ пути, Францiя должна всѣми силами заботиться, чтобы ничто не могло свернуть ее въ сторону. Съ этой точки зрѣнія, итальянское движенie давно должно было возбудить ея негодованie и противодѣйствie. Но, къ несчастiю, наше правительство, привыкнувъ къ законности и къ безпрекословному исполненiю своихъ справедливыхъ требованiй, думало, что дѣло можетъ быть устроено путемъ здравыхъ внушенiй и дипломатическихъ переговоровъ. Вотъ отчего такъ много времени потеряно; вотъ отчего до сихъ поръ, по рыцарскому великодушiю, императоръ старается сдерживать негодованie Францiи противъ неблагодарныхъ итальянцевъ. Еще на-дняхъ, одна изъ провинцiальныхъ газетъ получила авертисманъ за то, что непригоже отозвалась о Викторѣ-Эммануилѣ, хотя дипломатическiя отношенiя наши съ Пiемонтомъ уже прерваны. Мы не могли себѣ представить, чтобы итальянцы могли ослушаться правительства великой нацiи, которая уже столько разъ давала имъ чувствовать свою силу; мы хотѣли дѣйствовать на нихъ мѣрами кротости и благоразумiя. Но годъ испытанiя прошелъ, и мы должны были убѣдиться, что съ непокорнымъ народомъ надо дѣйствовать не словами, а оружiемъ. Вѣрно ужъ когда дѣло пошло на вооруженное и гласное возстанie, то тутъ никакiя депеши, никакiя конференцiи, никакiя дипломатическiя мѣры не помогутъ. Поможетъ одно: армiя. А ежели нѣтъ намѣренiя или недостаетъ рѣшимости послать армiю, то и говорить ни о чемъ не стоитъ: всякiя разсужденiя, не имѣющiя за собою опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствiй, будутъ забавнымъ пустословiемъ, годнымъ только въ качествѣ матерiала для какихъ-нибудь парламентскихъ пренiй.

Кажется, дѣло просто. И однако же до сихъ поръ мы не видимъ дѣятельныхъ мѣръ правительства для укрощенiя итальянцевъ. Что же мѣшаетъ ему? Гдѣ препятствiя для рѣшительныхъ дѣйствiй? Гдѣ основанiя для бездѣйствiя? Объ этомъ я и намѣренъ объясниться съ Европою черезъ „Свистокъ“.

Главнымъ препятствiемъ служитъ мнимая законность и, будто бы, благородство дѣла итальянцевъ. „Какъ,—говорятъ,—остановить движенie, въ которомъ выражается нацiональное стремленie и которое направлено противъ чуждаго владычества, беззаконiй и злоупотребленiя, превосходящихъ всякое терпѣнie? Какъ идти противъ воли нацiи, когда само императорское правительство возникло изъ всеобщаго народнаго избранiя?“ Все это, по здравомъ разсужденiи, оказывается чистѣйшими пустяками (futilités). Прежде всего—оставимъ въ сторонѣ „волю народа“: она признала себя несостоятельною въ тотъ самый день, какъ избрала Людовика-Наполеона. Избранъ онъ, конечно, не для того, чтобы быть на посылкахъ у народа, а за тѣмъ, чтобы предписывать ему, какъ держать себя, потому что самъ

народъ не умѣлъ распоряжаться собою. И какъ скоро французы поставили у себя человѣка, въ руки котораго отдали свою волю, такъ они и должны его слушаться безпрекословно. Такимъ образомъ, для императора обязательна одна воля народа: желаніе, выраженное 2-го декабря 1851 г.,— чтобы онъ владѣлъ Франціей. Сообразно съ этимъ желаніемъ, онъ и долженъ дѣлать все возможное, чтобы продолжить свое владычество, въ которомъ Франція нашла свое блаженство. Слѣдовательно, всѣ свои дѣйствія онъ долженъ располагать сообразно тому, благопріятно это будетъ для продолженія его управленія во Франціи или нѣтъ. Ему нечего стѣсняться дѣтскимъ лепетомъ народа,—ни французскаго, ни итальянскаго, и никакого другого. Кажется, это ясно какъ солнце (clair, comme le soleil).

Такимъ образомъ, Франція должна смотрѣть на итальянское движеніе единственно съ той точки, благопріятно оно для правительства императора или нѣтъ? Если оно неблагопріятно, то очевидно противно волѣ французской націи, избравшей Наполеона, и, слѣдовательно, должно быть признано враждебнымъ Франціи. Это опять ясно.

Теперь—нужно-ли говорить о томъ, что революціонный духъ нашихъ сосѣдей не можетъ не произвести вреднаго вліянія на расположеніе духа и во французскомъ народѣ? Надо признаться, что народъ еще очень глупъ у насъ. То, что вы знаете подъ именемъ французской націи, — это, собственно говоря, не народъ, — это сливки его, благородные избранники, которыхъ интересы и понятія совершенно противоположны народнымъ. Эти-то люди и господствуютъ надъ міромъ посредствомъ своего вкуса, остроумія, изящества и блеска своихъ благородныхъ идей. Они господствуютъ и надъ собственно-называемымъ народомъ; но, разумѣется, только до тѣхъ поръ, пока нѣтъ серьезныхъ столкновеній. А какъ скоро дѣло дойдетъ до ссоры, то какъ же хотите вы, чтобы горсть людей благородныхъ, изящныхъ и образованныхъ, но за то весьма деликатныхъ въ физическомъ отношенія, могла противостоять грубой силѣ цѣлой массы? Да еще надо прибавить къ этому, что и въ образованномъ-то классѣ большинство готово, при первомъ удобномъ случаѣ, зашумѣть о свободѣ и объ интересахъ народныхъ. Даже теперь, несмотря на всю бдительность имперскаго правительства, безпрестанно прорываются безпокойныя идеи. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее путешествіе императора какой-то сумасшедшій, говорятъ, пробовалъ въ него выстрѣлить въ Тулонѣ; фактъ еще не подтвержденъ рѣшительно, а уже кое-кто пытался-было сдѣлать его поводомъ разныхъ вольныхъ разсужденій. Къ счастію, газетамъ запрещено-было упоминать о немъ. Недавно тоже—отставные революціонеры затѣяли было подписку въ память г. Флота, убитаго въ рядахъ гарибальдіевскихъ скопищъ (bandes). Правительство имѣло благоразуміе запретить и эту под-

писку; но ея затѣя уже показываетъ вамъ настроеніе нѣкоторыхъ господъ. Они молчатъ теперь, но нѣтъ сомнѣнія, что при первой возможности они заговорятъ и найдутъ тысячи послѣдователей. Пусть только ослабится, напримѣръ, хоть бдительность надзора за прессою: завтра же явятся десятки журналовъ съ самыми гибельными тенденціями и увлекутъ всеобщее вниманіе. До какой степени падокъ народъ на нелѣпости подобнаго рода, вы можете судить, напримѣръ, по „Courrier du Dimanche“,—еженедѣльной газеткѣ, которая имѣетъ огромный успѣхъ, а беретъ только тѣмъ, что въ ней какой-то валахъ или молдаванинъ, Ганеско, дѣлаетъ безпрестанно выходки противъ императорскаго правительства. Еще на-дняхъ, напримѣръ, онъ осмѣлился требовать отмѣны закона de la sûreté générale!..

При такомъ положеніи дѣлъ, когда, съ одной стороны, угрожаетъ г. Ганеско, а съ другой—цѣлый народъ шумитъ и волнуется,—не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что надобно дѣлать правительству. На неразумнаго валаха претендовать нечего: онъ за тѣмъ и существуетъ, чтобы привлекать общее вниманіе, поддѣлываться подъ общій вкусъ; бѣда въ томъ, что вкусъ-то общества получаетъ такое вредное направленіе. Слѣдовательно, надо уничтожить то, что подаетъ поводъ къ искаженію нравственныхъ понятій и чувствъ французовъ,—надо, во что бы то ни стало, укротить движеніе на полуостровѣ. Въ прошломъ году императоръ принялъ весьма хорошую мѣру, взявши итальянское дѣло въ свои руки и порѣшивши его раздѣломъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства между Австріей и Сардиніей. Но затѣмъ, Франція сдѣлала нѣсколько важныхъ ошибокъ, допустивши соединеніе герцогствъ и Романьи и не придушивши съ самаго начала экспедицію Гарибальди. Конечно, кто же могъ этого ожидать? Никому въ голову не могло придти, чтобы въ какихъ-нибудь три мѣсяца Неаполитанское королевство могло исчезнуть съ политической карты Европы, и чтобы самому святѣйшему отцу стали угрожать въ его резиденціи, охраняемой французскими штыками... Но въ томъ-то и дѣло, что подобными вещами никогда не должно пренебрегать. Съ такимъ народомъ, какъ итальянцы, и при такомъ правительствѣ, какъ неаполитанское, всегда слѣдовало ожидать, что не нынче, такъ завтра послѣдуетъ катастрофа. Всегда слѣдовало поступать такъ, какъ поступаемъ мы съ Римомъ. Недавно кто-то распустилъ слухъ, что французскій отрядъ изъ Рима двинулся къ Анконѣ; „Patrie“ опровергала этотъ слухъ такимъ образомъ: „извѣстіе это нелѣпо уже само по себѣ; всякому извѣстно, что французскій отрядъ, находящійся въ Римѣ, никакъ не можетъ оставить папской столицы: если бы онъ сегодня вышелъ изъ Рима, то завтра же римляне возмутились бы и прогнали папу; а между тѣмъ, охраненіе папскаго престола и составляетъ настоящую цѣль пребыванія французскихъ войскъ въ

Римѣ". Вотъ это политика, смѣлая, откровенная и благородная! Тутъ нѣтъ никакихъ церемоній съ народной волей, а прямо объявляется, что армія поставлена противъ народа для того, чтобы онъ не надѣлалъ глупостей... Если такъ ведетъ себя Франція въ Римѣ, почему ей не дѣлать того же и во всей остальной Италіи? Почему не послать войскъ въ Сицилію, почему не поставить гарнизона въ Неаполѣ, почему не занять Анконы, почему, наконецъ, въ согласіи съ Австріею, не содержать нѣсколькихъ полковъ въ Венеціи? Все это чрезвычайно легко было сдѣлать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; теперь труднѣе, но возможность еще не потеряна, благодаря твердости нашего правительства, умѣвшаго сохранить честь націи (l'honneur de la nation) удержаніемъ и даже усиленіемъ римскаго отряда. Теперь можно дѣйствовать черезъ Римъ: посылать туда подкрѣпленіе за подкрѣпленіемъ, а оттуда вводить войска въ Гаэту, покамѣстъ король Францискъ еще тамъ держится; изъ Гаэты же идти на Неаполь. Никто съ нами, разумѣется, драться не будетъ, потому что Пьемонтъ не осмѣлится оскорбить знамя великой націи (drapeau de la grande nation), въ особенности когда еще Австрія угрожаетъ Италіи. Такимъ образомъ, мы занимаемъ Неаполь, возстановляемъ Франциска, посылаемъ войска въ Сицилію, требуемъ отъ Сардиніи очищенія Марокъ и Умбріи и объявляемъ Австріи необходимость содержанія французскихъ войскъ въ Венеціи: Австрія ничего не можетъ возразить, потому что, во-первыхъ, мы, возстановленіемъ Франциска, дадимъ ей достаточное ручательство въ нашей благонамѣренности, а во-вторыхъ, и потому, что Габсбургское правительство находится при послѣднемъ издыханіи, и если бы Франція двинула на него свои легіоны, то уже никакія силы въ мірѣ не спасли бы его...

Устроивши такимъ образомъ положеніе дѣлъ, то-есть разставивши вездѣ свои войска, Франція созываетъ конгрессъ. Нѣтъ надобности говорить, что на немъ рѣшено будетъ возстановленіе герцоговъ, и кромѣ того пересмотрится цюрихскій трактатъ, причемъ Франція сдѣлаетъ новыя пріобрѣтенія—какъ по лигурійскому берегу, такъ и по направленію къ Рейну.

Никто не назоветъ, надѣюсь, моего плана неудобоисполнимымъ. Но представляются возраженія относительно его достоинства. Я всѣ ихъ предвидѣлъ и сейчасъ же намѣренъ побѣдоносно опровергнуть.

Люди, мало свѣдущіе въ политикѣ, кричатъ прежде всего, что Франція ничего не выиграетъ отъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Италіи; увѣряютъ, что ей не нужно увеличенія территоріи, что она и безъ того довольно хорошо округлена, что новыя провинціи доставятъ ей только новыя хлопоты, что благоденствіе націи заключается не въ численности ея, а въ хорошемъ устройствѣ, и пр., въ томъ же родѣ. Противъ частностей

этого мнѣнія я возражать не стану. Мало того, я прибавлю, что всякое вмѣшательство на полуостровѣ принесетъ Франціи временно весьма чувствительное отягощеніе и разстройство. Финансы Франціи находятся въ положеніи весьма не блестящемъ; въ нынѣшнихъ преніяхъ о бюджетѣ мы видѣли, до какой огромной цыфры дошелъ государственный долгъ въ послѣднія восемь лѣтъ; налоги весьма чувствительны для населенія, конскрипція представляетъ одно изъ самыхъ ужасныхъ золъ въ глазахъ всей націи. Вести войну — значитъ дѣлать новыя траты людей и денегъ, не видя впереди даже вознагражденія, потому что—ни съ папы, ни съ Неаполитанскаго короля взять нечего, съ Австріи тоже, а Пьемонтъ еще представляетъ статью очень сомнительную. Все это такъ; но что значатъ всѣ мелочныя затрудненія предъ величіемъ общаго пріобрѣтенія нравственнаго! Здѣсь замѣшана наша національная гордость, наша честь и наше существенное благо. Хотя бы Франція и разорилась въ итальянской войнѣ, во всякомъ случаѣ, мы выйдемъ изъ нея съ лучшими обезпеченіями своей будущности, нежели какія можемъ имѣть при водвореніи въ Италіи нынѣшняго порядка вещей. Побѣдивъ гидру итальянской революціи, правительство надолго упрочитъ существованіе нынѣшней системы, водворитъ спокойствіе въ Европѣ и будетъ имѣть возможность въ мирѣ и тишинѣ наверстать все потерянное. Мы видимъ, что теперь налоги далеко еще не дошли во Франціи до своей крайней возможности; между тѣмъ, всякое увеличеніе ихъ встрѣчается ропотомъ, который нельзя оставлять безъ вниманія, въ виду того, что дѣлается въ Неаполѣ и римскихъ провинціяхъ. Но когда все будетъ успокоено и усмирено, что тогда помѣшаетъ удвоить подати и, такимъ образомъ, поправить финансы? Что помѣшаетъ возвысить значеніе войскъ, увеличивъ имъ жалованье, улучшивъ содержаніе, вообще—создавши изъ нихъ особую силу, совершенно отдѣленную отъ народа и всегда готовую наказать всякое ослушаніе и недовольство? Франція будетъ тогда наслаждаться совершеннѣйшимъ, образцовымъ порядкомъ, которому сами австрійцы позавидуютъ, и вотъ главное основаніе, заставляющее пренебречь временныя невыгоды и затрудненія, соединенныя съ посылкою войскъ въ Италію!

Есть и другія соображенія высшаго разряда, опредѣляющія роль Франціи въ настоящихъ обстоятельствахъ. Лукавые друзья свободы обыкновенно стараются увѣрять, что нынѣшнее правительство Франціи продолжаетъ наполеоновское направленіе и, такимъ образомъ, необходимо связано съ преданіями первой революціи. Мнѣніе это такъ сильно, что само правительство не рѣшается опровергать его положительно. Но въ „Свисткѣ“ можно высказать всю правду, и потому я не колеблюсь объявить это мнѣніе лишеннымъ всякаго основанія. Что ни говорите, но

императоръ принялъ въ свои руки не Францію первой революціи и имперіи, а Францію реставрацій, Францію Бурбоновъ, — и онъ естественно долженъ быть представителемъ бурбонской политики, хранителемъ трактатовъ 1815 г. Это условіе само собою подразумѣвалось, когда Европа признала его императоромъ. Говорить, что онъ продолжаетъ наполеоновскую политику, значитъ возбуждать противъ него европейскую коалицію и даже мнѣніе всѣхъ благонамѣренныхъ французовъ. Мы очень хорошо знаемъ, чѣмъ мы обязаны Священному Союзу, этому высокому созданію свѣтлаго ума Меттерниха. Мы понимаемъ, что онъ былъ созданъ для охраненія порядка и тишины въ Европѣ, а кто же болѣе нынѣшнихъ французовъ можетъ дорожить порядкомъ и тишиною? Кто болѣе Людовика-Наполеона сдѣлалъ для ихъ водворенія и огражденія? „Имперія есть миръ“, сказалъ онъ; а „если хочешь мира, то готовь войну“ (si vis pacem, para bellum), и, въ силу этого двоякаго соображенія, онъ неутомимо воюетъ и мирится, съ самаго своего избранія,—и все въ интересахъ продолженія своего управленія, въ которомъ одномъ только нашла Франція миръ и блаженство.

Увѣряютъ, будто война противъ освобожденной Италіи создастъ намъ враговъ въ нашихъ сосѣдяхъ, оттолкнетъ отъ насъ сердца народовъ, поставитъ насъ въ рядъ противниковъ европейскаго прогресса. На все это я отвѣчу въ короткихъ словахъ. Итальянцы и всѣ угнетенныя національности будутъ враждебны къ намъ, правда; швейцарцы и бельгійцы будутъ насъ презирать; Пруссія и Англія останутся недовольны. Но что же намъ до этого? Итальянцы будутъ приведены въ такое положеніе, что пикнуть не посмѣютъ: вездѣ будутъ стоять французскія войска, для защиты правительствъ отъ ихъ подданныхъ. Противъ Пруссіи мы всегда имѣемъ Австрію и Баварію. Швейцарцы и бельгійцы сами-то ничего не стоятъ, кромѣ презрѣнія: если на то пойдетъ, то ихъ всѣхъ можно будетъ присоединить къ Франціи... Остается Англія; но Англія не начнетъ наступательной войны, а ежели вздумаетъ съ нами помѣряться, такъ мы лучшаго не требуемъ (nous ne demandons pas mieux). Давно ужъ она намъ поперегъ горла встала съ своею торговлею, интригами, а всего пуще — съ своими либеральными принципами, которые, въ сущности, только и годятся для того, чтобы поощрять безпорядки всякаго рода.

Да и какое законное основаніе могутъ имѣть другія державы для противодѣйствія нашему вмѣшательству въ Италіи? Трактаты всѣ въ нашу пользу. Развѣ только поставятъ намъ на видъ этотъ несчастный принципъ невмѣшательства (non-intervention), нами же провозглашенный? Но, во-первыхъ, онъ былъ провозглашенъ въ другихъ обстоятельствахъ; во-вторыхъ, онъ теперь уже нарушенъ самимъ Пьемонтомъ; въ-третьихъ,

онъ не освященъ конгрессомъ; въ четвертыхъ, онъ долженъ быть подчиненъ другому высшему принципу, который мы давно уже провозгласили въ Римѣ и который нарушенъ итальянскимъ движеніемъ и требуетъ мщенія. За рѣшительнымъ ослабленіемъ Австріи и за недопущеніемъ Испаніи въ число великихъ державъ (несмотря на наше ходатайство!), мы остались одни теперь хранителями католическаго принципа въ Европѣ, защитниками свѣтской власти святѣйшаго отца. Здѣсь уже политика переходитъ въ высшую область, и всѣ дипломатическія соображенія должны преклониться предъ святынею нравственныхъ началъ. Кричите, пожалуй (on a beau crier), объ отдѣленіи свѣтскаго отъ духовнаго, — вы насъ не заставите думать, что папа можетъ обойтись безъ двора, совѣта, арміи, безъ владѣній, собственно ему принадлежащихъ. Существованіе *Папской Области* столь же необходимо въ сферѣ католическихъ началъ, какъ существованіе Австрійской имперіи въ дипломатической сферѣ... Собственно говоря, можно, пожалуй, утверждать, что и Австрія не нужна для народовъ Европы; но она создана трактатами 1815 года; она вотъ уже въ теченіе полувѣка доблестно исполняетъ свое назначеніе—сдерживать народное своевольство и служить оплотомъ порядка для всѣхъ странъ Европы,—и она стоитъ, и будетъ стоять, несмотря на заносчивость венгерцевъ, враждебность итальянцевъ, тайный ропотъ славянъ, неудовольствіе самихъ нѣмцевъ, разстройство своей администраціи и почти — банкротство въ финансахъ. Она будетъ стоять, потому что служитъ представителемъ живого принципа, того самаго, къ которому пришла теперь и Франція, послѣ стольких волненій и испытаній,—къ которому должна быть приведена и Италія, во что бы то ни стало (coûte que coûte)!.. Такъ и Папская Область останется за папою, несмотря на всѣ безумныя фанфаронады Гарибальди, ибо святѣйшій отецъ служитъ высочайшимъ представителемъ католическаго единства, непогрѣшимаго авторитета и безукоризненной централизаціи,—то-есть, всего, въ чемъ нашла свое спасеніе Франція!

Говорятъ, что папское правительство очень дурно. Я не стану утверждать противнаго, потому что для меня этотъ сюжетъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Положимъ, что оно дурно до послѣдней степени; что же изъ этого? Abusus non tollit usum—злоупотребленіе вещью не доказываетъ ея негодности; тѣмъ болѣе надо стараться поддерживать папское правительство, чтобы дать ему возможность уничтожить у себя злоупотребленія. Это постоянно и дѣлаетъ Французское правительство, подавая папѣ благіе совѣты. Но въ сущности — не злоупотребленія вооружаютъ вольнодумцевъ противъ папскаго управленія, а самый принципъ его, стремящійся къ благу духовному и потому естественно требующій отъ

подданныхъ отреченія отъ многихъ матеріальныхъ удобствъ и смиряющій порывы кичливаго ума. Людямъ легкомысленнымъ, не думающимъ о принципахъ духовныхъ, кажется возмутительнымъ, когда имъ не даютъ свободы болтать всякій вздоръ, когда ихъ судятъ по особымъ соображеніямъ, а не по общимъ законамъ, дѣла ведутъ въ святилищѣ судебныхъ мѣстъ, а не на площади, требуютъ съ нихъ, для поддержанія духовнаго блеска намѣстника святого Петра, болѣе, чѣмъ бы они считали нужнымъ, и пр. Но для всякаго благомыслящаго католика ясно, какъ нелѣпы всѣ подобныя претензіи. Во-первыхъ, онѣ доказываютъ только развращеніе нравовъ и равнодушіе къ религіи; во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ невѣжествѣ претендующихъ. Еслибъ они понимали хотя самыя первыя основанія государственной жизни, то перестали бы жаловаться на папское правительство, потому что, въ сущности, принципъ его вовсе не отличается отъ другихъ, и, напримѣръ, во Франціи мы представляемъ то же самое, что и подданные папы. Соединяясь въ государства, мы пользуемся покровительствомъ общихъ законовъ и защитою отъ всякихъ нападеній на насъ. Мы сами не можемъ составлять законы для своей жизни, не можемъ и знать всѣхъ бѣдствій, какія намъ грозятъ. Очевидно поэтому, что забота объ общественной безопасности должна быть сосредоточена въ рукахъ избранныхъ, для которыхъ всѣ мы и должны жертвовать нашими личными интересами. Во Франціи мы признаемъ право разсуждать за насъ и располагать нашими дѣйствіями—за Людовикомъ-Наполеономъ; въ Римѣ то же право принадлежитъ Пію IX. Такимъ образомъ, интересы французскаго и римскаго правительсва въ этомъ вопросѣ—одни и тѣ же, и всякій, кто имъ противится, долженъ быть наказанъ общими силами. Если бы Франція оставила папу, гнѣвъ Божій постигъ бы ее, и она бы пала подъ собственною тяжестью. Нашъ вѣкъ не признаетъ силы духовнаго слова; пусть же онъ повѣритъ хоть исторіи. „Мои пушки заглушатъ громъ папскихъ проклятій!“ гордо писалъ Наполеонъ I, во всемъ блескѣ своего могущества. И что же? Прошло какихъ-нибудь два года послѣ преступнаго восклицанія,—и звѣзда Наполеона закатилась!..

Если находится много людей, не придающихъ значенія подобнымъ урокамъ, то тѣмъ хуже для нихъ, и тѣмъ менѣе смысла имѣютъ тѣ господа, которые на каждомъ шагу толкуютъ намъ о невмѣшательствѣ. Истинные католики и благомыслящіе люди всѣхъ націй не могли, конечно, безъ особеннаго умиленія читать прелестныя слова (de belles paroles) святѣйшаго отца о томъ, что онъ называетъ „какимъ-то новымъ и страннымъ принципомъ нонъ-интервенціи“. Поистинѣ новый и странный принципъ, особенно въ виду народовъ, потерявшихъ всякое сознаніе законности и благоразумія! „Любите и защищайте другъ друга“, заповѣдуетъ намъ

правило нравственности; а мы что дѣлаемъ? Разбойникъ, флибустьеръ врывается въ домъ къ нашему брату, законному королю, грабитъ его, отнимаетъ его владѣнія и даритъ ихъ другому королю, въ которомъ своевольство надѣется найти себѣ болѣе потачки; а мы въ это время провозглашаемъ принципъ невмѣшательства! Не жалко-ли, не безчеловѣчно-ли это? Не гибельно-ли это для самихъ народовъ, которые, по неразумію своему перешедши къ Пьемонту, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ захватятъ себѣ разныя льготы и вольности и позабудутъ должное смиреніе и дисциплину? Оставлять ихъ на произволъ судьбы не то же ли самое значитъ, какъ если бы въ школѣ начальники и учители предоставили учениковъ самихъ себѣ, провозгласивъ тоже принципъ невмѣшательства? Если такъ, то ужъ лучше и школы не нужно, и ученья не нужно, и наградъ и наказаній не нужно; пусть все идетъ само собой и на міръ снова нисходитъ мрачная ночь варварства и беззаконія!..

Послѣ всего, что я сказалъ, нужно-ли распространяться еще о послѣднемъ возраженіи противъ посылки французскихъ войскъ въ Италію,— о томъ, будто бы подобнымъ распоряженіемъ императоръ потеряетъ свою популярность между французами? Кто говоритъ это и о комъ? Люди съ неудавшимся честолюбіемъ, потерянные въ блескѣ того, кто съ такою славою держитъ въ рукахъ своихъ судьбы Франціи и господствуетъ надъ политикою Европы! Ему нѣтъ надобности добиваться популярности между подобными людьми и ихъ партіями. Популярность, состоящая въ благосклонности всѣхъ партій, нужна, можетъ быть, Виктору-Эммануилу, только-что занесшему ногу на тронъ предполагаемаго итальянскаго королевства; но за кого 8.000.000 избирательныхъ голосовъ, за кого имя Наполеона, политическая мудрость и армія, которой подобной нѣтъ въ мірѣ, тотъ спокойно можетъ обойтись безъ этой эфемерной популярности! Что же до народа, — то когда же онъ не былъ съ тѣмъ, кто указываетъ ему путь къ славѣ? А кто же усомнится, что новые лавры ожидаютъ наши войска, если только придется имъ вынуть мечи изъ ноженъ? Итальянцы знаютъ насъ какъ союзниковъ, и они не захотятъ имѣть насъ врагами! Они сумѣютъ почтить французское имя (ils sauront respecter le nom français) и волю того, кто избранъ великою націею въ повелители судебъ ея! Если же нѣтъ... о, тогда... неужели думаете вы, что великій народъ въ 35 милліоновъ позволитъ оскорблять себя безнаказанно? Неужели вы полагаете, что онъ самъ не побѣжитъ просить оружія противъ оскорбителей, и что жены и дѣти не захотятъ отпраздновать тріумфъ ихъ мужьевъ, братьевъ и отцовъ? О, если можно въ чемъ-нибудь упрекать нашъ народъ, то ужъ, конечно, не въ недостаткѣ военнаго энтузіазма! Онъ съ радостью останется безъ пищи и безъ крова, если духъ его будетъ оживленъ со-

знаніемъ національной славы, пріобрѣтенной драгоцѣнною кровью (sang précieux) сыновъ его!

И за какое дѣло будетъ проливаться теперь эта кровь! За дѣло порядка, за торжество законности, за герцоговъ, короля неаполитанскаго, прочность Австріи, за святѣйшаго отца! Со стороны Франціи это будетъ дѣло безкорыстное, святое, вызываемое единственно рыцарскими ея чувствами (sentiments chevaleresques). Никто не упрекнетъ насъ въ честолюбіи, а между тѣмъ за Франціею освятится право наблюденія за порядкомъ въ Европѣ и охраненія законныхъ правительствъ всѣхъ странъ противъ мятежныхъ подданныхъ. Понятно, какой обширный горизонтъ (quel vaste horison) открывается, такимъ образомъ, для политической мудрости нашего правительства.

Въ видахъ блага человѣчества, желая оказать услугу моей прелестной родинѣ (à ma belle patrie) и дѣлу законнаго порядка въ Европѣ, изложилъ я вамъ въ бѣгломъ очеркѣ мои идеи о роли, которую должна теперь принять Франція. Я оставилъ въ сторонѣ всѣ военно-техническія и дипломатическія подробности, потому что это письмо есть ни что иное, какъ введеніе въ большой мемуаръ, надъ которымъ я теперь работаю и который скоро сообщу публикѣ. Я поспѣшилъ изложить мои общія идеи, потому что время не терпитъ: быстрый ходъ событій требуетъ и быстроты рѣшеній. Надѣюсь, что важность моихъ соображеній будетъ понята всѣми, и желаю, чтобы они нашли искренній отголосокъ, какъ у васъ въ Россіи, такъ и во всей Европѣ, особенно же въ моемъ отечествѣ въ сердцѣ того, отъ кого зависитъ осуществить мои идеи. Да будетъ Франція, уже давшая міру столько великихъ и благородныхъ толчковъ (tant d'initiatives grandes et généreuses), и на этотъ разъ руководительницею святого дѣла законности и порядка. Да совершится! (Ainsi soit-il!).

Станиславъ де-Канардъ.

Парижъ, 8/20 дек.

4.

НЕАПОЛИТАНСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

(*написанныя на австрійскомъ языкѣ Яковомъ Хамомъ и переведенныя Конрадомъ Лиліеншвагеромъ*).

Неаполитанскія дѣла занимаютъ теперь первое мѣсто между всѣми вопросами, увлекающими вниманіе Европы; можно даже сказать, что предъ ними кажется ничтожнымъ все остальное, исключая развѣ новаго журнала, который собирается издавать г-жа Евгенія Туръ, и новой газеты, обѣщае-

мой „Русскимъ Вѣстникомъ“. Но понятія наши о неаполитанскихъ событіяхъ очень односторонни, потому что всѣ наши свѣдѣнія приходятъ отъ враговъ стараго порядка, которые, очевидно, стараются представлять дѣло въ свою пользу. Вотъ почему намъ показалось необходимымъ представить нашимъ читателямъ нѣсколько неаполитанскихъ стихотвореній извѣстнаго австрійскаго поэта, Якова Хама, рисующихъ положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ совершенно не такъ, какъ обыкновенныя журнальныя извѣстія. Яковъ Хамъ—прежде всего поэтъ; онъ постоянно находится подъ вліяніемъ минуты и, слѣдовательно, чуждъ всякихъ политическихъ предубѣжденій. Онъ—то хвалитъ упорство короля неаполитанскаго въ режимѣ его отца, то превозноситъ его за конституцію, то ругаетъ освободителей Италіи, то предается неумѣренному энтузіазму къ нимъ, то въ восторгѣ отъ жестокой бомбардировки, то въ настроеніи нѣжныхъ чувствъ... Во всѣхъ этихъ видимыхъ противорѣчіяхъ сказывается весьма сильно художественность его натуры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дается полное ручательство въ его искренности. И такъ какъ литература вообще и поэзія въ особенности служатъ выраженіемъ народной жизни, а Яковъ Хамъ—поэтъ австрійскій, то въ стихотвореніяхъ его мы можемъ видѣть, въ какомъ настроеніи находился народъ австрійскій въ послѣдній годъ и какими чувствами преисполненъ онъ къ династіи Бурбоновъ. Не выводя никакихъ политическихъ результатовъ изъ представляемыхъ нами поэтическихъ документовъ, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на ихъ литературное значеніе: во всей современной итальянской литературѣ нѣтъ ничего, подходящаго по благонамѣренности къ твореніямъ австрійскаго поэта. Въ нынѣшнемъ году, какой-то человѣкъ съ итальянскою фамиліей сочинилъ оду на именины австрійскаго императора,—такъ на это указывали съ ужасомъ, какъ на нѣчто чудовищное! Изъ этого одного уже достаточно видно, какъ много стѣсняется художественность, когда разыгрываются народныя страсти, и какъ много выигрываетъ она при отеческомъ режимѣ, подобномъ австрійскому. Надѣемся, что любители литературы, даже несогласные съ г. Яковомъ Хамомъ въ большей части его тенденцій, оправдаютъ насъ въ помѣщеніи его стихотвореній уже въ силу того одного, что они блистательно разрѣшаютъ одну изъ великихъ литературныхъ проблемъ о чистой художественности,—разрѣшеніемъ которой такъ ревностно занималась наша критика въ послѣдніе годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы надѣемся доставить читателямъ удовольствіе и самыми звуками перевода, надъ которымъ такъ добросовѣстно потрудился г. Лиліеншвагеръ. Мы должны сказать откровенно: со времени патріотическихъ твореній Пушкина и Майкова, мы не читывали ничего столь громкаго, какъ стихотворенія г. Якова Хама, въ переводѣ Конрада Лиліеншвагера.

1.

НАДЕЖДЫ ПАТРІОТА.

(*При началѣ итальянскихъ волненій*).

Опять волнуются народы,
И царства вновь потрясены.
Во имя братства и свободы
Опять мечи обнажены!
Скатились тихо съ горизонта
Три солнца чудной красоты [1]);
Честолюбиваго Пьемонта
Осуществляются мечты!

Царитъ въ Италіи измѣна
И торжествуетъ въ ней порокъ:
Тоскана, Парма и Модена
Безумно ринулись въ потокъ;
И силой вражьяго возстанья
Изъ рукъ святѣйшаго отца
Объята бѣдная Романья—
Стадъ папскихъ лучшая овца!

Но противъ дьявольскихъ усилій
Есть намъ незыблемый оплотъ;
То королевство Двухъ Сицилій,
Бурбонамъ преданный народъ.
Возсѣвъ на праотческомъ тронѣ,
Какъ въ небѣ солнца свѣтлый дискъ,
Тамъ въ Фердинандовой коронѣ
Сіяетъ царственный Франдискъ.

Не поддается онъ лукавымъ
Рѣчамъ политики чужой
И твердо правитъ по уставамъ
Отцовской мудрости святой:
Карать умѣетъ недовольныхъ
Въ тиши полиціи своей
И въ бой нейдетъ за своевольныхъ
Противъ законныхъ ихъ властей...

[1]) 1) Великій герцогъ Тосканскій, 2) герцогъ Моденскій и 3) герцогиня Пармская.

Вкругъ трона вьется тамъ гирлянда
Мужей испытанныхъ, сѣдыхъ,
Хранящихъ память Фердинанда
Въ сердцахъ признательныхъ своихъ.
Къ Франциску имъ открыты двери,
Страною правитъ ихъ совѣтъ,
И вольнодумству Филанджьери
Нѣтъ входа въ царскій кабинетъ!

И вѣримъ мы: Кавуръ съ Маццини
Обманутъ бѣдный ихъ народъ,
И онъ придетъ, придетъ въ кручинѣ—
Просить Францисковыхъ щедротъ;
Министръ полиціи, Айосса,
Умовъ волненье укротитъ
И итальянскаго вопроса
Всѣ затрудненья разрѣшитъ!..

2.

НЕАПОЛЮ.

(По поводу нѣкоторыхъ манифестацій въ Сициліи).

„Гордись"!—стихъ каждаго поэта
На всѣхъ нарѣчіяхъ земныхъ
Гласитъ тебѣ:—„ты чудо свѣта!
Гордись красою водъ твоихъ,
Гордись полуденнымъ сіяньемъ
Твоихъ безоблачныхъ небесъ
И вѣковѣчнымъ достояньемъ
Искусства мирнаго чудесъ!
Гордись"!..
Но лестію лукавой,
Неаполь мой, не возносись:
Всѣмъ этимъ блескомъ, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ—не гордись!
Пески сахарскіе южнѣе,
Стоитъ красивѣе Царьградъ,
И Эрмитажа галлереи
Твоихъ богаче во сто кратъ!..

Не въ этомъ блескѣ суетливомъ
Народовъ мощь заключена,
Но въ сердцѣ кроткомъ, терпѣливомъ,
Въ смиренномудріи она!..

И вотъ за то, что ты смиренно,
Въ молчаньи жребій свой несешь,
Во слѣдъ мятежникамъ надменно
Противъ владыкъ своихъ нейдешь,
И воли гибельнаго дара
Не просишь отъ враждебныхъ силъ,—
За то тебя святой Дженнаро
Своею кровью подарилъ!
За то высокое призванье
Тебѣ въ вѣкахъ сохранено—
Хранить порядка основанья,
Народной вѣрности зерно!
Ты невредимо сохранишься
Въ переворотѣ роковомъ,
И безмятежно насладишься
Законной правды торжествомъ.
И жизнь твоя пойдетъ счастливо
Во всѣ вѣка, не зная бурь,
Какъ въ тихій день волна залива
И какъ небесъ твоихъ лазурь!

15 декабря,
1859 г.

3.

БРАТЬЯМЪ-ВОИНАМЪ.

(*Послѣ апрѣльскихъ происшествій въ Сициліи*).

Межъ тѣмъ какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ,
Готовитесь разить отечества враговъ,—
Я, мирный гражданинъ риѳмованнаго слова,
Я тоже полонъ весь стремленія святого!
Возвышеннымъ стихомъ напутствую я васъ
И вѣрю—онъ придастъ вамъ силы въ грозный часъ,
Когда съ крамольникомъ помчитесь вы на битву!
Я положилъ въ него народную молитву—

Чтобъ возстановленъ былъ порядокъ и законъ,
Чтобъ вѣчно царствовалъ въ Неаполѣ Бурбонъ!
Народной мыслію и чувствомъ вдохновенный,
Мой стихъ могуществен, съ нимъ смѣло киньтесь въ бой:
Въ прозрѣньи радостномъ поэта отраженный,
Въ немъ блещетъ идеалъ Италіи святой,—
Тотъ вѣчный идеалъ законнаго порядка,
При коемъ граждане покоятся такъ сладко,
Который водворить старался Фердинандъ,
Котораго достичь—рѣшительно и рѣзко—
Предначерталъ себѣ и новый нашъ Атлантъ—
Средь бѣдъ отечества незыблемый Франческо!..

1 мая,
1860 г.

4.

ЗАКОННАЯ КАРА!

(*На бомбардированіе Палермо*).

Исчадье ада, другъ геенны,
Сынъ Вельзевула во плоти,
Коварство бунта и измѣны
Успѣлъ и къ намъ было внести!..
Какъ воры, въ тьмѣ ночной, къ Марсалѣ,
На двухъ украденныхъ судахъ,
Ватаги буйныя пристали
И—мирный островъ ввергли въ страхъ!..

Угрозой, подкупомъ, обманомъ,
Приманкой воли, грабежа,
Успѣвъ увлечь за атаманомъ
Толпы подъ знамя мятежа,
Дыша огнемъ и разрушеньемъ
И дерзкой ярости полны,—
Они пошли съ остервененьемъ
На обладателей страны!

Но прогремѣлъ уже надъ ними
Всевышней воли приговоръ:

Запечатлѣнъ въ Калата-Фими
И въ Партенико ихъ позоръ;
И на ослушникахъ Палермо,
Дерзнувшихъ власти презирать,
Рѣшились показать примѣръ мы,
Какъ бунтъ умѣемъ укрощать!

О, не забудутъ сицильянцы,
Пока не рушится земля,
Именъ Летиціи и Ланцы,
Слугъ неподкупныхъ короля!
Ихъ мѣры не остались тщетны:
Весь градъ развалиною сталъ...
Ни разу кратеръ грозной Этны
Такъ безпощаденъ не бывалъ!!

За то погибнутъ флибустьеры,
И успокоятся умы!
И съ чувствомъ радости и вѣры
Сынамъ и внукамъ скажемъ мы—
Какъ Ланца въ сѣчѣ и въ пожарѣ
Толпы мятежныя каралъ,
Какъ громъ мортиръ съ Кастелламаре
Имъ крѣпость трона возвѣщалъ!

30 мая,
1860 г.

5.

ПЛАЧЪ И УТѢШЕНІЕ.

(По поводу нѣкоторыхъ дипломатическихъ совѣтовъ неаполитанскому правительству).

Ужасной бурей безначалія
Съ конца въ конецъ потрясена,
Томится бѣдная Италія,
Во власть злодѣевъ предана:

Повсюду слышны крики шумные,—
Народъ измѣной упоенъ...
Свободы требуютъ безумные
И рушатъ власти и законъ!..

И, къ униженью человѣчества,
Проникъ неблагородный страхъ
Въ самихъ блюстителей отечества,
Держащихъ власть въ своихъ рукахъ.

Принципомъ страннымъ невмѣшательства
Прикрывъ безсиліе свое,
Европа спитъ, когда предательство
Пожрать готовится ее;

И итальянскіе властители —
Одни бѣгутъ изъ ихъ державъ,
А тѣ—становятся ревнители
Безумной черни мнимыхъ правъ!

Даютъ статуты либеральные,
Страстямъ толпы безстыдно льстятъ,
И дни отечества печальные
Презрѣнной трусостью сквернятъ!..

Одинъ, средь общаго волненія,
Какъ нѣкій рыцарь на скалѣ,
Стоитъ безъ страха, безъ сомнѣнія,
Король Францискъ въ своей землѣ...

Утѣшься, бѣдная Италія!
Законъ и правду возлюбя,
Францискъ не дастъ разлиться далѣе
Злу, охватившему тебя.

Онъ понимаетъ всѣ опасности
Льстить черни прихотямъ слѣпымъ:
Ни конституціи, ни гласности
Не дастъ онъ подданнымъ своимъ!

Не перемѣнитъ онъ юстицію,
Не подаритъ ненужныхъ льготъ,
Не обезсилитъ онъ полицію—
Свой нерушимѣйшій оплотъ;

Не дастъ права свои священныя
Толпѣ безсмысленной судить,

И своевольства дерзновенныя
Не поколеблется казнить!

И знаю я, онъ не обманется
Въ благоразуміи своемъ:
Пьемонтъ падетъ, а онъ останется
Итальянскимъ королемъ!

26 іюня,
1860 г.

6.

НЕИСПОВѢДИМОСТЬ СУДЕБЪ.

(На обнародованіе неаполитанской конституціи).

Не видать ни тучки въ небѣ знойномъ...
Солнце блещетъ, сушитъ и палитъ,
И въ теченьи царственно-спокойномъ
На поля засохшія глядитъ.

Все томится, все горитъ и вянетъ...
Надо влаги жаждущей землѣ!..
На работу пахарь завтра встанетъ,
Съ безотрадной думой на челѣ,

И, взглянувъ на солнце и на небо,
Не прельстится свѣтлой ихъ красой:
Безъ дождя ему не будетъ хлѣба,
Онъ погибнетъ съ бѣдною семьей!

И, томясь ужасной перспективой,
Дастъ онъ волю жалобнымъ рѣчамъ,
И пошлетъ упрекъ нетерпѣливый,
Безмятежно яснымъ небесамъ...

Но давно ужъ въ области эѳирной
Собрались и ходятъ облака,
Часъ насталъ, и надъ равниной мирной
Пролилась обильная рѣка.

Поднялись поникшія растенья,
Освѣжился воздухъ и земля,
И глядятъ съ слезою умиленья
Земледѣльцы на свои поля.

А вверху по прежнему спокойно;
Надъ землей простертъ небесный сводъ,
И какъ прежде, и весело стройно
Въ яркомъ блескѣ солнышко плыветъ...

Такъ сгоралъ Неаполь жаждой знойной,
Такъ искалъ воды себѣ живой;
А Францискъ свершалъ свой путь спокойный,
Разливая блескъ свой надъ страной...

И народъ сдержать сердечной боли
Не умѣлъ и горько возроптал...
Но давно готовъ былъ въ вышней волѣ
Для него цѣлительный фіалъ!

Недоступенъ былъ Францискъ народу;
Но пришла законная пора—
Даровалъ разумную свободу
Онъ единымъ почеркомъ пера...

Ожилъ край. Все стало въ блескѣ новомъ...
Правосудье царствуетъ въ судахъ;
Всякъ спокоенъ подъ домашнимъ кровомъ,
Всякій воленъ въ мысляхъ и рѣчахъ;

Отъ шпіоновъ кончилась опасность,
Въ мракъ архивовъ пролитъ новый свѣтъ,
И въ три дня уврачевала гласность
Край больной, страдавшій столько лѣтъ!

Радъ народъ!.. Съ молитвой благодарной
Новый воздухъ онъ впиваетъ въ грудь...
А король, какъ прежде, лучезарный,
Продолжаетъ царственный свой путь!..

4 іюля.

ПОБѢДИТЕЛЮ [1]).

(На вшествіе Гарибальди въ Неаполь).

Демонъ отваги, грозный воитель,
Сильныхъ и храбрыхъ всѣхъ побѣдитель,
Въ быстрыхъ походахъ подобный стрѣлѣ,
Тотъ, кому равнаго нѣтъ на землѣ,
Мощный защитникъ народной свободы,
Тотъ, кого чтутъ справедливо народы,
Неотразимый, подобно судьбѣ,—
Нынѣ подходитъ, Неаполь, къ тебѣ!

Гордъ и всесиленъ—на чуждые грады
Взглянетъ онъ гнѣвно,—и нѣтъ имъ пощады!
Сядетъ въ корабль онъ—и море смиритъ!
Дунетъ на пушку—она задрожитъ!
Камень подъ тяжестью стопъ его стонетъ!
Тысячи вражьи одинъ онъ прогонитъ!
Онъ на плечахъ своихъ можетъ одинъ
Гордую массу поднять Апеннинъ!..

---

[1]) Стихотвореніе это весьма замѣчательно: во-первыхъ, какъ новое доказательство той истины, что errare humanum est (человѣку свойственно ошибаться!); во-вторыхъ, какъ свидѣтельство о томъ, до какой степени всѣ умы и сердца, даже самаго австрійскаго склада, были поражены вступленіемъ Гарибальди въ Неаполь. Кромѣ того, просимъ читателей обратить вниманіе на психологическую подробность, касающуюся личности поэта. 26 іюня онъ произвелъ мужественный диеирамбъ правительству, не соглашавшемуся на либеральныя уступки; чрезъ день послѣ того дана была конституція, а черезъ недѣлю поэтъ нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы создать плѣнительную пьесу въ похвалу новаго конституціоннаго монарха, совершенно съ новой точки зрѣнія. Но это чрезвычайное усиліе, какъ видно, дорого ему стоило и на нѣкоторое время истощило его плодовитый геній. Такимъ образомъ, въ іюнѣ и августѣ, столь полныхъ поводами для стихотвореній, онъ не создалъ рѣшительно ничего: повидимому, онъ былъ пораженъ до того, что не могъ собраться съ мыслями и вдохновеніемъ. Только вступленіе Гарибальди въ Неаполь, какъ явленіе слишкомъ уже сильное и неожиданное для поэта, могло разбудить его. Подъ вліяніемъ минуты, отчаявшись въ бурбонской династіи, онъ написалъ стихотвореніе, прославляющее военный геній и какую-то сверхъестественную силу Гарибальди. Но скоро онъ раскаялся въ своей оплошности, и плодомъ раскаянія было стихотвореніе, которое читатели прочтутъ далѣе. Тутъ уже видно, что мысли и чувства поэта опять возвратились на старый путь... Это—послѣднее изъ доставленныхъ намъ стихотвореній; но весьма вѣроятно, что теперь, послѣ новыхъ побѣдъ Гарибальди, опять произошла перемѣна и въ расположеніяхъ поэта. Въ скоромъ времени мы узнаемъ это, потому что г. Лиліеншвагеръ обѣщаетъ намъ перевести также *Римскія* и *Венеціанскія* стихотворенія г. Хама, долженствующія служить отчасти продолженіемъ неаполитанскихъ.

Прим. ред. «Свистка».

Встрѣть же, Неаполь, воителя съ честью!
Радуйся: онъ не грозитъ тебѣ местью...
Съ тихой мольбою склонись передъ нимъ,
Какъ передъ новымъ владыкой твоимъ!
Предъ королемъ ты не будешь въ отвѣтѣ:
Онъ малодушно укрылся въ Гаэтѣ,
И безъ защиты столицу свою
Отдалъ герою, кого я пою!

О Гарибальди! И я, какъ другіе,
Злобныя чувства и мысли дурныя
Противъ тебя на душѣ хоронилъ...
Нынѣ все кончено: *ты побѣдилъ*!
Ты заслужилъ удивленіе міра!
Славитъ тебя моя скромная лира.
И, благодатнымъ восторгомъ согрѣтъ,
Ницъ предъ тобою повerженъ поэтъ!

7 сентября, 1860 г.

ПѢСНЬ ИЗБАВЛЕНІЯ.

(*На тріумфы королевскихъ войскъ подъ Капуей*).

Тріумфомъ вражьимъ ослѣпленный,
Поддавшись власти темныхъ силъ,
Недавно пѣснью беззаконной
Я санъ поэта осквернилъ!!!
Но звонъ струны моей лукавой
Я безпощадно оборвалъ,
Когда мнѣ голосъ мысли здравой
Мое паденье указалъ...

Я флибустьеромъ безпощаднымъ
Былъ отуманенъ, ослѣпленъ,
И думалъ, съ горемъ безотраднымъ,
Что тронъ законный упраздненъ.
Не зналъ я твердости Франциска,
И въ тайнѣ сердца моего—
Не ожидалъ такого риска
Отъ юной доблести его...

Но нынѣ Капуи защита
Вновь образумила меня:
Побѣда правды мнѣ раскрыта
Теперь яснѣй Господня дня!
Пусть бунтъ шумитъ и льется бурно,
Пусть шлетъ Пьемонтъ за ратью рать:
Но съ Каятелло и Вольтурно
Мы всѣхъ ихъ можемъ презирать...

Теперь вамъ страшенъ Гарибальди
Такъ, какъ въ то время страшенъ былъ,
Когда скитался онъ въ Шварцвальдѣ,
Когда въ Тунисѣ онъ служилъ,
Когда въ Нью-Йоркѣ дѣлалъ свѣчи,
Когда съ Китаемъ торговалъ,
Когда, жену взваливъ на плечи,
Отъ войскъ австрійскихъ онъ бѣжалъ...

И нынѣ въ бѣгство обратился
Непобѣдимый сей герой
И вновь съ Францискомъ воцарился
Вездѣ порядокъ и покой!..
Но, наученъ своей невзгодой,
Онъ узелъ власти закрѣпитъ
И преждевременной свободой
Ужъ свой народъ не подаритъ!

Съ австрійскаго. *К. Лиліеншвагеръ.*

27 сентября, 1860.

№ 7.

ДВА ГРАФА.

Ищи паче въ разнообразіи единства,
нежели въ единообразіи раздѣленія.
(Афоризмъ Кузьмы Пруткова).

Читатель доженъ знать, что въ русской литературѣ настаетъ теперь время плутарховскихъ параллелей. Первыя попытки, хотя еще робкія и неопредѣленныя, уже показались: г. Вагнеръ въ двухъ превосходныхъ статьяхъ проводитъ параллель между „природою и Мильнемъ Эдварсомъ" (см. „Отеч. Записки"), а г. Благовѣщенскій—между „Петроніемъ и пермскими сказочниками" (см. „Русское Слово"). Новая эра параллелей, такъ сказать, возрожденіе Плутарха совершится тогда, когда появится знаменитая статья г. Тургенева: „Бёрнсъ и Кольцовъ". Но такъ какъ появленіе этой статьи скрывается въ туманѣ болѣе или менѣе отдаленнаго грядущаго, то мы намѣрены подготовить къ ней публику нѣсколькими этюдами, не имѣющими такой капитальной важности, какъ знаменитое твореніе г. Тургенева, но тѣмъ не менѣе долженствующими знакомить публику съ плутарховскою манерою. Такъ, наши даровитые сотрудники обѣщали намъ параллели: „Вилльменъ и А. Д. Галаховъ", „В. А. Кокоревъ и Лафиттъ", „Жоржъ Зандъ и Евгенія Туръ", „Битва Горацiевъ и Куріацієвъ и бой 13 декабря 1859 года въ петербургскомъ пассажѣ", „Ламорисьеръ и Н. Ф. Павловъ", и пр., и пр. Но читатели понимаютъ, что подобные труды требуютъ долгихъ и тщательныхъ соображеній, а между тѣмъ мы любимъ очень быстро переходить отъ мысли къ дѣлу. Вотъ почему, за недостаткомъ покамѣстъ отечественныхъ трудовъ по этой части, радостно привѣтствуемъ плутарховскую пару, недавно возвѣщенную во французской литературѣ. Пара эта имѣетъ тѣмъ болѣе правъ па наше вниманіе, что она отличается весьма возвышенным характеромъ.

Двѣ единицы, составляющія интересную пару, которая рекомендуется вашему вниманію, обѣ благороднаго происхожденія. Правда, одна изъ нихъ была недавно заподозрѣна какимъ-то нѣмецкимъ журналомъ въ томъ, что она—изъ нѣмцевъ, и даже, кажется, изъ баварцевъ; но, по всей вѣроятности, это подозрѣніе неосновательно. Во всякомъ случаѣ, намъ извѣстно, что обѣ единицы—не только благородные, но даже графы. Одинъ изъ графовъ называется *Кавуръ*, другой *Монталамберъ*.

Если вы слѣдите за политикой не для пустого препровожденія времени, а для того, чтобы почерпать изъ нея мудрые уроки, возвышенныя идеи и убѣдительный слогъ, то вы, конечно, не спросите насъ, по какому случаю соединили мы два имени, для профановъ не имѣющія между собою ничего общаго. Вамъ должно быть извѣстно, что оба графа взаимно очень заняты собою (т.-е. другъ другомъ: простите невольный галлицизмъ), что графъ Кавуръ, среди тяжкой борьбы съ Гарибальди и затруднительныхъ разсужденій въ парламентѣ, не упускаетъ случая затронуть графа Монталамбера, и что графъ Монталамберъ, въ свою очередь, какъ ни опечаленъ горестями святѣйшаго отца и неудачами Ламорисьера, не оставляетъ однако же устремлять свои помыслы къ графу Кавуру и дѣлать выгодныя для себя сравненія. Этому благородному и полезному занятію своему они придали недавно гласность, которою мы и пользуемся для своего этюда.

12 октября сего года было въ туринскомъ парламентѣ чрезвычайное засѣданіе, имѣвшее цѣлью доказать, что графъ Камилло Кавуръ любитъ Италію и свободу, но не любитъ Гарибальди, ибо Гарибальди слишкомъ зазнался и сдѣлался съ нѣкотораго времени безпокойнымъ человѣкомъ. Въ краснорѣчивой рѣчи (которую можно посовѣтовать выучить наизусть редакціи „Русскаго Вѣстника“) графъ Кавуръ доказалъ, что Италія своимъ возрожденіемъ обязана его дипломатическимъ способностямъ, что при немъ никакого Гарибальди ей не нужно, что пусть только подождутъ, а онъ „подумаетъ“, и все уладится какъ нельзя лучше. Всѣ остались довольны рѣчью, и никто не замѣтилъ въ ней маленькой шпильки, направленной очень далеко. Да и какъ было замѣтить? Рѣчь вся была составлена, такъ сказать, изъ мечей обоюду-острыхъ, такъ до шпилекъ-ли тутъ! Но такова сила дипломатическаго генія, что среди мечей одинъ графъ отлично умѣлъ помѣстить шпильку другому графу, и другой графъ немедленно успѣлъ замѣтить царапину и поспѣшилъ даже почувствовать благородное негодованіе... Дѣло въ томъ, что, говоря о Римѣ и папѣ, графъ Кавуръ произнесъ, между прочимъ, слѣдующую тираду:

„Я думаю, разрѣшеніе римскаго вопроса придетъ вслѣдствіе болѣе и болѣе распространяющагося въ современномъ обществѣ, и въ средѣ самихъ католиковъ, убѣжденія, что свобода какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ развитію истиннаго религіознаго чувства.

„Я убѣжденъ, что эта истина скоро восторжествуетъ. Мы уже видѣли ея признаніе самыми горячими защитниками католическихъ идей; мы видѣли, какъ одинъ знаменитый писатель, въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ своихъ, доказывалъ Европѣ, въ книгѣ, надѣлавшей большого шума,— что свобода была весьма полезна для возвышенія религіознаго духа".

Кто слѣдитъ за успѣхами европейской мысли, хоть по отдѣлу иностранной литературы въ „Отечественныхъ Запискахъ", тотъ долженъ понять, что намекъ графа Кавура относился къ графу Монталамберу. Очевидность была такъ велика, что графъ Монталамберъ счелъ нужнымъ тотчасъ же принять его на свой счетъ, обидѣться и обнародовать отвѣтъ графу Кавуру, писанный, можно сказать, молніями! Онъ появился въ октябрьской книжкѣ журнала „Correspondant", который, къ сожалѣнію, мало извѣстенъ въ русской публикѣ, хотя занимается Россіею съ особенной любовью: онъ хочетъ обратить ее въ католичество!.. Впрочемъ, объ этомъ мы еще скоро поговоримъ особо, а теперь обратимся къ нашимъ графамъ.

„Говорятъ, что вы это на меня хотѣли намекнуть въ вашей рѣчи,— пишетъ обиженный графъ къ графу-обидчику.—Если бы въ вашихъ словахъ заключалась только похвала, я бы не позволилъ себѣ принять ихъ на свой счетъ; но въ нихъ есть также оскорбленіе; значитъ, моя скромность можетъ успокоиться".

Это вступленіе имѣетъ отношеніе къ прошедшему французскаго графа. Надо вспомнить, что около 1856 года, въ нѣдрахъ „католической партіи", основанной графомъ Монталамберомъ, произошелъ расколъ. Господинъ Вёльо забѣжалъ слишкомъ далеко, графъ Монталамберъ слишкомъ отсталъ, а графъ Фаллу оставался между ними, не зная, что ему дѣлать,— прибавить шагу или остановиться вовсе. Въ это время г. Вёльо, съ свойственной ему безцеремонностью, разсказалъ въ „L'Univers" нѣкоторые интимные факты поведенія графа Монталамбера во время „coup d'état". Графъ смолчалъ. Тогда другіе журналы, сначала боявшіеся вѣрить газетѣ г. Вёльо, рѣшились принять серьезно разсказъ бывшаго друга о его союзникѣ. Послѣ этого, графъ Монталамберъ въ общихъ выраженіяхъ протестовалъ, объявивъ, что прежде онъ не хотѣлъ отвѣчать, ибо зналъ, что „общественный дѣятель долженъ благодушно переносить критики, даже самыя грубыя и обидныя". Въ отвѣтъ на это признаніе, одинъ журналъ не безъ ядовитости замѣтилъ тогда, что, конечно, графъ въ совершенствѣ исполнилъ правило, по которому, получивъ пощечину, слѣдуетъ подставить для удара другую щеку, но что молчать, когда наши же друзья и единомышленники выставляютъ противъ насъ малоизвѣстные факты, обличающіе насъ въ недостаткѣ убѣжденій и въ подлости,—это уже значитъ слишкомъ далеко простирать христіанское смиреніе...

Несмотря на свои почтенныя лѣта и званіе академика, графъ Монталамберъ, какъ видимъ, не погнушался воспользоваться журнальнымъ урокомъ. Теперь онъ оставляетъ смиреніе въ сторонѣ и спѣшитъ протестовать противъ подозрѣнія въ желтухѣ или куриной слѣпотѣ, которую ему явно приписываетъ графъ Кавуръ, осмѣливаясь провозглашать, будто „знаменитый писатель" только въ „свѣтлыя минуты" можетъ видѣть вещи какъ слѣдуетъ. „Знаменитый писатель" тѣмъ же слогомъ, какимъ онъ ратовалъ въ 1831 году противъ жандармовъ, пришедшихъ разогнать основанную имъ школу, — гремитъ теперь противъ графа Кавура, стараясь доказать, что если кто изъ нихъ двоихъ находится въ бѣлой горячкѣ, такъ это, конечно, ужъ самъ графъ Кавуръ. Для полнѣйшаго доказательства этой истины, обиженный графъ собралъ всѣ свои силы, припомнилъ всѣ свои изученія и изложилъ результаты своихъ долгихъ соображеній относительно пьемонтскаго графа — въ разительной параллели, которую мы и переводимъ для удовольствія читателей. Само собою разумѣется, что слогъ перевода не можетъ равняться въ энергіи съ подлинникомъ; но и слабаго понятія о немъ уже достаточно для того, чтобы возбудить умиленіе читателей.

„Вы меня вызываете передъ публикой",—пишетъ графъ Монталамберъ: „значитъ даете мнѣ право и отвѣчать вамъ публично.

„Я чувствую къ этому отвращеніе, которое едва могу превозмочь. Французская кровь была пролита по вашимъ приказамъ; католическая честь оскорблена была вашими помощниками; теперь ваши слова угрожаютъ вѣковой обители, послѣднему убѣжищу общаго отца всѣхъ вѣрныхъ. Нѣтъ ни одного изъ вашихъ дѣйствій, которое бы меня не оскорбляло и не возмущало... И вотъ вы наносите новый ударъ всему, что мнѣ дорого, прикрывая ваши злые умыслы покровомъ обманчиваго соглашенія между религіей и свободой. И для подтвержденія вашихъ словъ вы призываете мое свидѣтельство!..

„Я считаю своей обязанностью объявить, что ни въ какомъ отношеніи, господинъ графъ, я не схожусь съ вами!

„Благодареніе Богу, ваша политика—не моя!

„Вы стоите за большія централизованныя государства; я — за маленькія самостоятельныя владѣнія.

„Вы презираете мѣстныя преданія въ Италіи; я люблю ихъ повсюду.

„Вы хотите Италіи единой; я хочу союзной.

„Вы нарушаете трактаты и международное право; я ихъ уважаю, потому что между государствами это то же самое, что контракты и честность между частными людьми.

„Вы для вашей цѣли жертвуете обязательствами, обѣщаніями, клят-

вами. Я отвѣчаю вамъ словами благороднаго Манина: „средства, неодобряемыя нравственнымъ чувствомъ — даже если бы они и были полезны матеріально — убиваютъ нравственно. Никакою побѣдою нельзя искупить презрѣнія къ самому себѣ“.

„Вы разрушаете свѣтскую власть святого владыки; я ее защищаю со всей энергіей моего разума и любви (de ma raison et de ma tendresse).

„Вы не одобряете политику, которая снарядила римскую экспедицію 1849 года, а я горжусь тѣмъ, что ее поддерживалъ. Несмотря на ужасныя и непростительныя противорѣчія, встрѣченныя ею послѣ того, я благодаренъ ей, потому что и теперь, если Франція и Пьемонтъ принуждены встрѣтиться лицомъ къ лицу передъ Капитоліемъ, — такъ это есть послѣднее слабое послѣдствіе той экспедиціи.

„Вы отдаете *героямъ* Гарибальди хвалы, которыя я берегу для *наемниковъ* безсмертнаго Пимодана.

„Вы — съ Чальдини, я — съ Ламорисьеромъ; вы — съ отцомъ Гавацци, я — съ епископами Орлеанскимъ, Пуатьерскимъ, Турскимъ, Нантскимъ, со всѣми католическими голосами, которые въ обоихъ полушаріяхъ протестовали и будутъ протестовать противъ васъ.

„Но особенно я — съ Піемъ IX, который былъ первымъ другомъ итальянской независимости до тѣхъ поръ, пока это великое дѣло не попало въ руки неблагодарности, насилія и обмана.

„На нашей сторонѣ — я могу это сказать — совѣсть; на вашей — я вѣрю этому — успѣхъ. Пьемонтъ рѣшается на все, Франція все позволяетъ, Италія все принимаетъ, Европа все терпитъ... вашъ успѣхъ, повторяю, кажется мнѣ вѣрнымъ“.

Не правда-ли, какая рѣзкая параллель! Какое богатство мыслей, благородство тона и въ то же время какая яркость контрастовъ, какое остроуміе сближеній! И, при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы выборъ между двумя графами противниками былъ очень легокъ даже для приверженцевъ графа Кавура. Они не могутъ указать на графа Монталамбера, какъ на обскурантиста, какъ на врага Италіи, какъ на человѣка ретроградпаго или революціонера. Нѣтъ, онъ также любитъ Италію, любитъ свободу, любитъ прогрессъ и ненавидитъ революцію. Онъ, правда, толкуетъ все о католической религіи; да вѣдь и графъ Кавуръ тоже не отвергаетъ католицизма. Изъ той самой рѣчи, которая подала поводъ къ громоносным нападеніямъ графа Монталамбера, видно, что графъ Кавуръ самъ хлопочетъ о процвѣтаніи католической религіи и смотритъ на свободу именно съ той точки, что она благопріятствуетъ развитію и возвышенію религіознаго чувства. Выходитъ, что въ основныхъ пунктахъ между ними нѣтъ существенной разницы. Если мы соберемъ свои воспоминанія, то най-

демъ, что даже и въ подробностяхъ оба графа болѣе имѣютъ общаго, нежели противоположнаго. Продолжимъ параллель, начатую графомъ Монталамберомъ.

Мы уже не хотимъ говорить, что наши герои оба графы, оба ровесники по годамъ, оба знамениты умомъ и краснорѣчіемъ, и пр., и пр. Кто изъ государственныхъ людей Европы не имѣетъ всего этого? Морни, Валевскій, Тунъ, Рехбергъ, Боррисъ—всѣ графы, всѣ отличаются высокими видами, всѣ имѣютъ почтенныя лѣта и всѣ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, отличались бы краснорѣчіемъ, если бы только всѣ имѣли къ тому случай... Значитъ, объ этой статьѣ и толковать нечего.

Но есть другія стороны, болѣе спеціально сближающія нашихъ графовъ между собою. Напримѣръ:

Графъ Кавуръ наученъ осторожности и благоразумію тѣми испытаніями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ (хотя и не участникомъ) въ родной землѣ до 1848 года; еще болѣе наученъ онъ политической мудрости неудачею самыхъ возстаній 1848 года, въ которыхъ онъ, можно сказать, *почти* принималъ личное участіе: извѣстно, что онъ, около времени Наварской битвы, записался даже въ волонтеры, только не успѣлъ выступить на поле чести, по случаю слишкомъ быстраго окончанія войны. Съ той поры онъ войны боится, а къ революціи питаетъ справедливое отвращеніе, и всего болѣе за то, что она бросается на все очертя голову. Онъ любитъ выступить на борьбу, оградивши себя и справа и слѣва, и сзади и спереди, или выждавши такое время, когда ужъ и ограждать себя не отъ кого. Тогда онъ становится храбръ, упоренъ, предпріимчивъ, тогда онъ готовъ презирать всѣ преграды... Эту черту его характера рельефно выставляетъ графъ Монталамберъ въ продолженіи своего письма. „Два препятствія теперь возвышаются передъ вами,—говоритъ онъ,—Римъ и Венеція; въ Римѣ—Франція, въ Венеціи—Германія. Это-то и есть, правда, настоящіе иноземцы; но они сильны!.. Въ Неаполѣ вы не остановились предъ итальянцами, при Кастельфидардо васъ было десять противъ одного; конечно, вамъ нужно было попрать право, трактаты, обязательства, честь, справедливость, слабость, но вѣдь это все вещи отвлеченныя, которыя не могутъ противостоять картечи. Въ Римѣ же стоятъ французскіе батальоны, въ Венеціи и Веронѣ—нарѣзныя пушки! Вы легко преступили право, но передъ силою колеблетесь“.

По нашему мнѣнію, это очень хорошо сказано, но хорошо вышло именно потому, что, рисуя графа Кавура, графъ Монталамберъ какъ бы раскрывалъ свою собственную душу. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что и онъ былъ приготовленъ къ политической дѣятельности такими же точно событіями, въ какихъ прошла молодость графа Кавура. Монталамберъ только, мо-

жетъ быть, рѣзче обозначился въ своей теоріи, потому что партіи и мнѣнія во Франціи давно уже опредѣлились гораздо яснѣе, чѣмъ въ Италіи. Но что касается до дѣятельности, она всегда была такова, что ей нельзя отказать въ благоразуміи. До 1830 года, хотя и находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ Ламеннэ, Викторомъ Гюго и другими горячими людьми, онъ однакоже велъ себя очень скромно. Послѣ 1830 года онъ шумѣлъ и ратовалъ на словахъ, особенно послѣ того, какъ по смерти отца сдѣлался пэромъ Франціи; но не далѣе какъ въ январѣ 1848 года онъ проклиналъ республику. Послѣ февраля это, однако, не помѣшало ему объявить, что онъ любитъ свободу, и быть представителемъ Дубскаго департамента въ Assemblée nationale. Вскорѣ онъ нашелъ, впрочемъ, что „анархія убиваетъ свободу", и потому сталъ защищать разныя ретроградныя мѣры. Послѣ 2 декабря онъ протестовалъ, но, тѣмъ не менѣе, назначенъ былъ членомъ „совѣщательной коммиссіи", и успокоился. Попавши потомъ въ „законодательный корпусъ", онъ опять принялся за оппозицію (которая, какъ извѣстно, тамъ даже поощряется) и находилъ, что coup d'état не далъ достаточно свободы. Но всегда старался онъ держаться въ предѣлахъ умѣренности, находя, что „опасно плыть противъ теченія". Въ 1852 году, говоря о боязливомъ молчаніи, наложенномъ на Францію вслѣдствіе coup d'état, онъ выразился даже такимъ образомъ: это, безъ сомнѣнія, полезная и даже необходимая гигіена, и, конечно, *я не захочу быть первымъ* въ отрицаніи ея законовъ". Въ этомъ нежеланіи быть первымъ, когда нужно бороться съ чѣмъ-нибудь,—гораздо болѣе сходства съ постоянной политикой графа Кавура, нежели думаетъ графъ Монталамберъ.

Нашедши это первое сходство, мы можемъ продолжать нашу параллель уже гораздо рѣшительнѣе. Всѣ частности, какъ бы онѣ ни представлялись противоположными на первый взглядъ, сглаживаются предъ родовымъ, типическимъ сходствомъ, которое представляютъ интересныя личности обоихъ графовъ. Положеніе ихъ нѣсколько различно: въ большей части случаевъ пьемонтскій графъ оканчиваетъ тѣмъ, чѣмъ началъ французскій, а французскій отстаетъ отъ того, къ чему приходитъ пьемонтскій; но это—дѣло обстоятельствъ, не зависящихъ отъ ихъ воли. Что же дѣлать, если французское правительство въ началѣ дѣятельности Монталамбера походило на нынѣшнее сардинское, а тогдашнее сардинское имѣло большую аналогію съ теперешнимъ французскимъ! Для оцѣнки личности обоихъ графовъ это вещь совершенно посторонняя; она только съ большей рельефностью выставляетъ передъ нами, такъ сказать „сродство душъ" обоихъ графовъ, и даетъ видѣть, съ какимъ бы умилительнымъ согласіемъ дѣйствовали они, ежели бы находились въ одинаковыхъ обстоятельствахъ.

Оба они, напримѣръ, до безумія любятъ трибуну. Но, до 1848 года

въ Италіи нечего было и думать о трибунѣ. Что же дѣлалъ графъ Кавуръ? Онъ нашелъ для упражненія своего краснорѣчія довольно изрядный суррогатъ въ изданіи журнала „Risorgimento“. — Во Франціи, послѣ 1852 года, трибуна тоже смолкла; что дѣлаетъ графъ Монталамберъ? Онъ издаетъ съ 1852 года журналъ „Le Correspondant“, въ которомъ находитъ пріютъ для своего изящнаго слога. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при первомъ удобномъ случаѣ (и даже теперь, послѣ великихъ реформъ 24 ноября во Франціи, можно надѣяться, что очень скоро) графъ Монталамберъ не преминетъ выступить на ораторское поприще. Равнымъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ случаѣ невозможности дѣйствовать живымъ голосомъ, графъ Кавуръ пуститъ въ ходъ журналистику. Для этого и существуетъ у него подъ руками „Opinione“, „Diritto“, и пр.

Но что дѣлалъ графъ Кавуръ съ своимъ журналомъ въ горячее время, которое переживала вся Италія предъ 1848 годомъ? Проникся-ли общимъ настроеніемъ умовъ, волновался-ли патріотическими замыслами, содѣйствовалъ-ли поднимавшемуся революціонному движенію? Помилуйте, какъ это можно! Графъ Кавуръ всегда былъ слишкомъ солиденъ для этого: онъ всегда преданъ былъ просвѣщенному либерализму, но всякое шумное движеніе повергало его въ ужасъ. Онъ не могъ выносить другихъ формъ свободы, кромѣ свободы парламентскихъ преній. Поэтому и въ 1847 году „Risorgimento“ съ замѣчательнымъ упорствомъ держался въ сторонѣ отъ настоящаго народнаго движенія, не хотѣлъ угождать вкусу грубой черни и постоянно держался на высотѣ своей идеи, толкуя о конституціонныхъ постановленіяхъ и о ихъ преимуществахъ, въ числѣ которыхъ главнымъ, конечно, стояло наслажденіе парламентскимъ краснорѣчіемъ...

Удивительное сходство представляетъ намъ въ этомъ случаѣ „Le Correspondant“ графа Монталамбера съ журналомъ графа Кавура. Возьмите какой угодно нумеръ:—нѣтъ плебейскихъ выходокъ, нѣтъ разсужденій дурного тона, нѣтъ даже упоминаній о предметахъ, занимающихъ грубую массу, но не принадлежащихъ области „высшихъ“ интересовъ; все благопристойно, возвышенно—и по содержанію, и по тону. Но въ то же время это не напудренный приверженецъ старины, не отсталый консерваторъ,— о, нѣтъ! далеко нѣтъ! Онъ составляетъ оппозицію, но оппозицію благоразумную, направленную къ практическимъ и высокимъ результатамъ, а не къ какимъ-нибудь мечтательнымъ замысламъ. Онъ не шумитъ изъ-за „минутныхъ“ интересовъ, не одушевляется „преходящими“ фактами; нѣтъ, у него есть глубокія, *вѣчныя* идеи и требованія, отъ которыхъ онъ ни на шагъ не отступитъ. Канвою для нихъ служитъ всегда одна общая идея— права католицизма; но такъ какъ эта идея уже слишкомъ обща и блѣдна сама по себѣ, то по ея фону всегда и разрисовываются другія, болѣе спе-

ціальныя: права аристократіи, сладость парламентаризма, отвратительность быстрыхъ переворотовъ, умѣренная свобода, ограниченная законность. законность, поддерживаемая союзомъ аристократіи и духовенства, и т. д.

Какъ видите, по сущности своихъ идей, французскій графъ никакъ не отстаетъ отъ пьемонтскаго, и потому оба они должны быть довольны другъ другомъ. Но они хотятъ увѣрить насъ, что въ средствахъ не сходятся. Намъ кажется, что и это напрасно. Приведемъ на память нѣсколько фактовъ.

Графъ Кавуръ, напримѣръ, находя себя ужъ очень смѣлымъ и стремительнымъ, одно время употреблялъ вмѣсто себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ графа Чезаре Бальбо. Такъ, онъ издавалъ „Risorgimento" вмѣстѣ съ Бальбо. Графъ Бальбо извѣстенъ своею книгою „*Надежды Италіи*", которую итальянцы называютъ часто „*Надежды безнадежнаго*". Въ книгѣ этой, достойный графъ увѣряетъ Италію, что собственно она ничего сдѣлать не можетъ, но что нужно надѣяться на перемѣны къ лучшему въ австрійскомъ правительствѣ. Все, видите-ли, идетъ къ прогрессу: идеи развиваются, права народовъ опредѣляются яснѣе; кому же лучше устроить ихъ. какъ не тѣмъ, кто управляетъ народомъ? Стало быть, нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно Австрія пойметъ необходимость возвратить Италіи независимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ герцоги и короли, находящіеся подъ австрійскимъ вліяніемъ, сдѣлаются либеральны и произведутъ возрожденіе Италіи. Главное только то, чтобы не раздражать ихъ и ничего у нихъ не вынуждать силою. Такого-то философа выбралъ графъ Кавуръ себѣ въ товарищи по журналу, и въ сравненіи съ нимъ дѣйствительно казался отважнымъ... Точь-въ-точь такая же исторія произошла и съ графомъ Монталамберомъ: онъ издаетъ „Correspondant" вмѣстѣ съ графомъ Фаллу. Мы знаемъ, что графъ Фаллу бросилъ яблоко раздора между г-жею Туръ и редакціею „Русскаго Вѣстника"; но о немъ нельзя судить по этому обстоятельству. Если бы онъ могъ предвидѣть прискорбныя послѣдствія публикаціи его книги „M-me Swetchine", то, безъ всякаго сомнѣнія, не сталъ бы публиковать ее, а благоразумно подождалъ бы, пока величіе M-me Свѣчиной будетъ признано всѣми и не въ состояніи будетъ поселять раздоровъ даже между московскими журналистами. Такъ можно думать, судя по характеру всей жизни и дѣятельности графа Фаллу, о коромъ одинъ изъ его біографовъ съ восхищеніемъ отзывается, что онъ могъ въ одно время—быть другомъ свободы, находиться въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Персиньи, питать нѣжность въ Ламеннэ и оставаться въ дружбѣ съ Вёльо. Біографъ находитъ въ этомъ глубокій жизненный тактъ, „нѣчто истинно-аристократическое". И біографъ не ошибается, повидимому: друзья нашихъ графовъ—тоже графы, слѣдовательно, ничего нѣтъ уди-

вительнаго, если эти двѣ черты насквозь пропитаны аристократизмомъ. Въ довершеніе сходства двухъ графовъ, 2-го нумера, мы имѣемъ сочиненіе графа Фаллу: „Житіе Пія VII“, гдѣ онъ съ такимъ же незлобивымъ упованіемъ относится къ прошедшему, какъ графъ Бальбо къ грядущему. Графъ Фаллу находитъ, видите-ли, слишкомъ обидными отзывы историковъ объ инквизиціи и слишкомъ неосновательными мѣры, послужившія къ ея уничтоженію. По его мнѣнію, это установленіе было отлично приноровлено къ нравамъ своего времени, вовсе не имѣло въ себѣ ничего ужаснаго, и слѣдовало подождать совершеннаго измѣненія нравовъ и понятій, для того, чтобы оно могло прекратиться или смягчиться само собою, motu proprio тѣхъ, въ чьихъ рукахъ оно находилось... Спрашиваемъ васъ, читатели, чѣмъ эта философія хуже философіи графа Бальбо, и кто изъ четырехъ графовъ можетъ похвалиться своимъ другомъ предпочтительно предъ остальными?

Если выборъ друзей у нашихъ графовъ одинаково удаченъ, то ихъ тактика поражаетъ насъ совершеннѣйшимъ единствомъ, которое можно даже заподозрить въ подражаніи. Дѣло въ томъ, что для достиженія цѣлей графовъ нужно было восхвалять парламентскую форму правленія, а между тѣмъ это было не совсѣмъ удобно. И графъ Кавуръ могъ имѣть за это кое-какія непріятности въ 1847 г., а графъ Монталамберъ уже прямо находился въ положеніи крайне затруднительномъ послѣ 1852 года. Что дѣлать? Къ счастью, у графа Монталамбера была мать англичанка, которая его, говорятъ, и воспитывала съ нѣкоторыми педагогическими манерами старой Англіи, довольно суровыми въ физическомъ отношеніи; графъ же Кавуръ въ молодыхъ лѣтахъ долго жилъ въ Англіи. Послѣ этого ясно, что они принялись эксплоатировать британское управленіе безъ всякаго милосердія... „Risorgimento“ полонъ былъ восторженныхъ замѣтокъ о государственныхъ ораторахъ Англіи и объ умѣ, красотѣ и величіи ея лордовъ; графъ Монталамберъ, какъ извѣстно, тоже не далъ спуску англійскимъ парламентскимъ преніямъ... И, конечно, когда подумаешь, что на англійскихъ учрежденіяхъ ѣздятъ иногда люди, гораздо менѣе имѣющіе на то права, чѣмъ наши графы, то находишь образъ дѣйствій обоихъ графовъ какъ нельзя болѣе естественнымъ. Одно только не хорошо: разъ графъ Монталамберъ до того увлекся, что наговорилъ лишняго и отданъ былъ подъ судъ. Два года тому назадъ, процессъ его, за слишкомъ усердную похвалу англійскимъ преніямъ въ парламентѣ, надѣлалъ порядочнаго скандала. Правда, впрочемъ, что тотъ же графъ сочинилъ около того же времени „Pie IX et lord Palmerston“, гдѣ и Пальмерстонъ, и Англія, за исключеніемъ, конечно, парламентскихъ формъ, уничтожаются въ пользу Пія IX.

Полные восторженнаго благоговѣнія предъ трибуною, оба графа, можно сказать, превосходятъ другъ друга въ постоянныхъ надеждахъ на силу словеснаго убѣжденія. Такъ какъ французскій графъ находится теперь „не у дѣлъ“, то онъ, естественно, разсчитываетъ болѣе на статейки и письма; въ прежнее время возлагалъ упованіе на свои краснорѣчивые „дискурсы“. Пьемонтскій графъ теперь смотритъ нѣсколько свысока на статейки и даже на рѣчи: это ужъ для него пустяки; но онъ твердо надѣется измѣнить лицо міра посредствомъ своихъ дипломатическихъ нотъ. „Письмо“ графа Монталамбера даетъ намъ одинъ образчикъ того, какъ оба графа, наперерывъ другъ передъ другомъ, рвутся показать свою приверженность къ „убѣжденію“. Графъ Кавуръ (вспоминая, безъ сомнѣнія, своего бывшаго сотрудника, благонадежнаго графа Бальбо) увѣряетъ въ своей рѣчи, что вопросъ Рима и Венеціи не можетъ быть рѣшенъ силою, что надо подождать, пока мнѣніе европейскихъ державъ сформируется въ пользу Италіи, когда святой отецъ убѣдится, что надо отдать Римъ Пьемонту, а Австрія почувствуетъ моральную невозможность держаться въ Венеціи. „Для этого надо дѣйствовать на общественное мнѣніе Европы, надо убѣжденіе, переговоры, убѣжденіе, дипломатическія ноты, меморандумы, убѣжденіе, убѣжденіе... И ужъ положитесь на меня, — мои ноты будутъ убѣдительны!“ Такъ провозглашалъ графъ Кавуръ. Кажется, достаточно сильно?.. Но графъ Монталамберъ, точно Бобчинскій въ „Ревизорѣ“, находитъ, что у пьемонтскаго дипломата „зубъ со свистомъ“, и старается перекричать его, повторяя: „да, убѣжденіе, убѣжденіе, все надо дѣлать убѣжденіемъ, а не силой, именно убѣжденіемъ, и вы должны были дѣйствовать убѣжденіемъ, не другимъ чѣмъ, какъ убѣжденіемъ... прогрессъ совершается идеей, а не силой, убѣжденіемъ, а не оружіемъ“... и пр. Относительно Венеціи, напримѣръ, графъ Монталамберъ до того согласенъ съ графомъ Кавуромъ и графомъ Бальбо, что даже при всемъ желаніи возражать пьемонтскому дипломату, не находитъ сказать ничего лучшаго, какъ только заподозрить его въ неискренности. „Вы хотите получить Венецію, — пишетъ онъ, — дѣйствуя убѣжденіемъ на Австрію и Европу. Увидимъ... Я искренно желаю вамъ успѣха. Да, именно такимъ способомъ, посредствомъ убѣжденія, примѣромъ собственнаго благоденствія подъ покровомъ свободныхъ учрежденій, Пьемонтъ, послѣ 1847 года, долженъ былъ бы и могъ бы обезпечить торжество и честь своей политики. И вотъ почему изъ всѣхъ виновныхъ въ томъ злѣ, которое совершается теперь въ Италіи, — вы (т.-е. Кавуръ) можетъ быть всѣхъ виновнѣе. Вы имѣли все, что нужно для того, чтобы привести ко благу дѣло столь прекрасное, сохранивъ симпатію всѣхъ честныхъ людей въ цѣломъ мірѣ. Ни въ патріотизмѣ, *ни въ краснорѣчіи* (!), ни въ отвагѣ, ни въ

настойчивости, ни въ ловкости у васъ не было недостатка; вамъ недоставало одного—совѣсти (conscience) и уваженія къ совѣсти другихъ".

Какъ видите, графъ Монталамберъ не только убѣжденіе любитъ, но и свободу: онъ одобряетъ сардинскія постановленія (да и нельзя иначе: они даютъ просторъ *краснорѣчію!*) и желаетъ освобожденія Венеціи не меньше самого графа Кавура. Они оба не любятъ только „излишка свободы", страшатся, когда люди заходятъ очень далеко... И въ этомъ отношеніи сходство между двумя графами не менѣе поразительно, какъ во всѣхъ другихъ. Графъ Монталамберъ, напримѣръ, еще въ ранней молодости, тотчасъ же воспользовался на трибунѣ плодами іюльской революціи, но извѣстно, что въ безпорядкахъ, произведшихъ ее, онъ былъ совершенно неповиненъ. То же самое надо сказать и о 1848 годѣ... Если обратимся къ графу Кавуру, то увидимъ то же благоразуміе: въ самой ранней молодости онъ умѣлъ сохранить себя — не попалъ ни въ секту карбонаровъ, ни въ „Юную Италію", а либеральничалъ весьма умѣренно и благородно въ аристократическихъ салонахъ, и, между прочимъ, въ салонѣ своего отца; а потомъ, послѣ переворота, сдѣлался руководителемъ новой политики Пьемонта. Онъ успѣлъ лучше, чѣмъ графъ Монталамберъ, и вотъ чего французскій графъ никакъ не можетъ простить ему! Бѣднякъ думаетъ, что это произошло отъ существенной разницы ихъ идей и характеровъ, и его самолюбіе страдаетъ... А дѣло просто въ томъ, что Пьемонтъ—не Франція: благодаря ничтожеству политической жизни, Кавуръ оказался тамъ одинъ, а во Франціи Монталамберъ потерялся между десятками людей половчѣе его...

Для того, чтобы свобода не была ужъ слишкомъ свободна, оба графа готовы на все. И, во-первыхъ, они любятъ, чтобы она была не взята, а дарована, пожалована, такъ сказать. Они соображаютъ, что когда люди получаютъ свободу свою „по милости", по великодушію другихъ, то они будутъ всегда скромнѣе и спокойнѣе, нежели когда они вообразятъ, что свобода—это ихъ право, и что полученіемъ этого права они обязаны самимъ себѣ. Вотъ почему графъ Кавуръ, съ графомъ Бальбо и еще нѣсколькими графами и маркизами, еще въ 1848 году печатали въ „Risorgimento" прошеніе къ королю Фердинанду, чтобъ онъ сдѣлался либераломъ... Вотъ почему графъ Кавуръ хотѣлъ, чтобы освобожденіе Италіи совершилось непремѣнно Наполеономъ III. Вотъ почему графъ Монталамберъ неоднократно взывалъ къ разнымъ державамъ и властителямъ, чтобы они отказались отъ своихъ правъ на нѣкоторыя области, преимущественно католическія, какъ, напр., Англія—на Ирландію, Пруссія—на Познань, и пр. Надо признаться, что въ этомъ случаѣ трудно рѣшить, кто изъ двухъ графовъ имѣлъ болѣе успѣха въ своихъ воззваніяхъ.

За то, если судьба имъ улыбается, наши близнецы-графы немедленно возлетаютъ на седьмое небо и трубятъ о спасеніи свободы отъ анархіи. Выше мы привели то мѣсто письма графа Монталамбера, гдѣ онъ такъ восторженно говоритъ о Піѣ IX, какъ творцѣ итальянской независимости, и увѣряетъ, что неуспѣхъ дѣла свободы оттого только и произошелъ, что оно исторгнуто было изъ рукъ святѣйшаго отца и попало въ руки „неблагодарности, насилія и обмана". Можно было думать, что этакого рода воззрѣніе нѣсколько отдаляетъ французскаго оратора отъ пьемонтскаго дипломата. Ничего не бывало! Вся Европа имѣла случай убѣдиться, что графъ Кавуръ одушевлялся совершенно такими же идеями и чувствами. Въ отвѣтной нотѣ прусскому правительству, онъ говоритъ о себѣ почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ графъ Монталамберъ отзывается о Піѣ IX, какъ въ письмѣ къ графу Кавуру, такъ и въ своей статьѣ о Піѣ IX и Пальмерстонѣ. По увѣренію ноты,—если вы припомните,—Пьемонтъ за тѣмъ именно и вмѣшался въ чужія дѣла, что дѣло свободы попало въ руки мошенниковъ и головорѣзовъ, что надо было смирить и уничтожить духъ революціи въ Италіи. Говорятъ, будто все это дипломатическая вѣжливость въ отношеніи къ Пруссіи; но мы, съ своей стороны, не имѣемъ на этотъ разъ никакихъ причинъ подозрѣвать искренность графа Кавура.

Дѣла говорятъ лучше словъ, а мы не разъ видѣли, какъ пьемонтскій графъ, не хуже французскаго, на дѣлѣ показывалъ свое отвращеніе ко всякимъ безпорядкамъ и даже ко всѣмъ, кто только способенъ возбудить ихъ. Если онъ иногда и принужденъ былъ казаться сочувствующимъ безпокойнымъ людямъ, то всегда неутомимо старался выйти изъ такого ложнаго положенія, хотя бы для этого нужно было пуститься въ другую крайность... Такъ видѣли мы, что онъ, едва только увидѣлъ, что Гарибальди—человѣкъ безпокойный, какъ немедленно направилъ противъ него всѣ усилія своего проницательнаго генія и еще въ Сициліи хотѣлъ покончить диктатора посредствомъ Лафарины, а потомъ объявилъ его въ своемъ журналѣ „безумцемъ" и „препятствіемъ итальянской независимости", и предпочелъ лучше войти въ интимность съ генераломъ Нунціанте, нежели идти рука объ руку съ такимъ сорванцомъ, какъ Гарибальди. Вся эта исторія такъ недавня, что о ней толковать нечего: всякій самъ сумѣетъ отдать справедливость графу Кавуру. Но мы, въ качествѣ Плутарха, должны здѣсь замѣтить, что точно такія черты благоразумія существуютъ и въ жизни графа Монталамбера. Такъ, въ началѣ своей карьеры, онъ былъ участникомъ журнала „L'Avenir", основаннаго Ламеннэ, но единственно по недоразумѣнію: онъ считалъ, что Ламеннэ — просвѣщенный либеральный аббатъ, и потому естественно сошелся съ нимъ; а какъ увидѣлъ, куда идетъ

Ламеннэ, такъ и отрекся отъ него и отъ его „Avenir“. Впослѣдствіи и самъ Ламеннэ отрекся отъ доктринъ своего журнала, нашедши ихъ недостаточно рѣшительными; но для графа Монталамбера, онѣ, напротивъ, были слишкомъ рѣшительны и повергли его въ такой ужасъ, что онъ впослѣдствіи предпочелъ короткость съ г. Луи Вёльо сближенію съ Ламеннэ. Эта черта французскаго графа, по нашему мнѣнію, стоитъ быть замѣченною. Она рисуетъ его и сближаетъ съ графомъ Кавуромъ столько же, какъ и его дѣятельность во время 1848 и 1849 года, о которой мы не хотимъ распространяться.

Найдутся, можетъ быть, безразсудные люди, которые припишутъ подобные факты слабости и нерѣшительности графскаго характера и ума. Но только безразсудные люди и могутъ такъ разсудить. Мы же съ вами, читатель, напротивъ, видимъ въ дѣяніяхъ обоихъ графовъ героизмъ, твердо противящійся всѣмъ увлеченіямъ и сохраняющій свое благоразуміе въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ. Не такъ-ли?

Чтобы не подозрѣвать графовъ въ недостаткѣ характера, стоитъ припомнить всѣ аналогическія черты изъ ихъ жизни, тѣмъ болѣе близкія, что въ нихъ участвуетъ одно и то же лицо—императоръ французовъ. Помните, какъ императоръ хотѣлъ простить графа Монталамбера, послѣ процесса за неумѣренную похвалу Англіи, а графъ отказался отъ прощенія и подалъ рѣшеніе суда на апелляцію? Это было высоко, превосходно,—не правда-ли? Припомните же теперь и то, какъ графъ Кавуръ вышелъ въ отставку послѣ Виллафранкскаго мира: согласитесь, что оба поступка не уступаютъ другъ другу въ благородствѣ и придаютъ характеру обоихъ графовъ оттѣнокъ античной доблести!.. И послѣ этого не признавать въ нихъ высочайшей силы духа—да это непонятное ослѣпленіе!

Впрочемъ, будемъ надѣяться, что людей до такой степени слѣпыхъ не найдется между нашими читателями!

Графъ Монталамберъ, съ своей стороны, имѣетъ другое обвиненіе противъ графа Кавура,—обвиненіе въ безсовѣстности, въ нарушеніи трактатовъ и обязательствъ, въ презрѣніи международныхъ правъ. Но если бы это обвиненіе было серьезно, то на него уже готовъ заранѣе отвѣтъ въ словахъ графа Кавура, утверждающаго, что „знаменитый писатель“ нуждается въ „*свѣтлыхъ минутахъ*“ для здраваго пониманія вещей. Впрочемъ, надо надѣяться, что всѣ контроверсіи о совѣсти со стороны графа Монталамбера составляютъ не болѣе, какъ пріятную игру словъ, внушенную ему желаніемъ рельефнѣе выставить собственное благородство и рыцарство. Въ этомъ онъ опять сходится съ своимъ противникомъ, который тоже издалъ въ свѣтъ не мало краснорѣчивыхъ страницъ объ уваженіи трактатовъ, о совѣсти политической, о порядкѣ и пр. Довольно вспомнить

его ноты предъ началомъ войны 1859 года. Въ одной изъ нихъ онъ написалъ: „несмотря на всѣ опасности, угрожающія Сардиніи, поведеніе ея правительства всегда было управляемо духомъ благоприличія и умѣренности (de convenance et de réserve), которыя не откажутся признать за нимъ всѣ честные люди... Сардинія старалась внести надежду, терпѣніе и спокойствіе въ среду отчаянія, нетерпѣнія и ажитаціи, и съ величайшимъ тщаніемъ воздерживалась отъ роли возбудителя (provocateur) безпорядковъ; и если публичное право пострадало въ Италіи, то, конечно, не Сардинію можно обвинять въ какомъ-нибудь, даже самомалѣйшемъ, уклоненіи отъ существующихъ трактатовъ. Этотъ духъ умѣренности, которымъ исполнены всѣ дѣйствія сардинскаго правительства, признанъ и оцѣненъ всѣми безпристрастными людьми и общественнымъ мнѣніемъ Европы".

Какъ видите, графъ Кавуръ, — когда о честности высокой говоритъ, — нисколько не уступаетъ графу Монталамберу. И мы полагаемъ, что если бы французскому графу пришлось ворочать дѣлами государства, то онъ, сохраняя постоянно тотъ же благородный слогъ, дѣйствовалъ бы не менѣе искусно и благоразумно, какъ и графъ Кавуръ. Въ маломъ участіи, какое имѣлъ графъ Монталамберъ въ дѣлахъ своей страны, мы имѣемъ однако достаточно ручательствъ за основательность нашихъ надеждъ... Правда, графъ Кавуръ объясняетъ и оправдываетъ пьемонтскую политику относительно Гарибальди и всей Италіи, — очень, очень искусно... Но признаемся, что когда мы припомнимъ, какъ резюмируетъ и защищаетъ графъ Монталамберъ всю дѣятельность Пія IX, мы затрудняемся, кому отдать преимущество... Мы только думаемъ: Боже, что если бы власть въ руки этому человѣку! Что если бы онъ управлялъ дѣлами хоть бы республики Санъ-Марино! Всю Европу бы, кажется, поднялъ на ноги. Да, это истинное несчастіе для него, что онъ родился французомъ и осужденъ дѣйствовать въ такомъ кругѣ, каковъ кругъ французскихъ общественныхъ дѣятелей... Для этого круга онъ, дѣйствительно, слишкомъ наивенъ и совѣстливъ, что, впрочемъ, нисколько не унижаетъ его предъ графомъ Кавуромъ: вся Европа очень недавно была свидѣтельницею, какъ предъ французской политикой и пьемонтскій графъ оказался наивнымъ ребенкомъ.

Правда, графъ Кавуръ нѣсколько свысока смотритъ „на знаменитаго писателя", въ *свѣтлыя минуты* не говорящаго глупостей, по его мнѣнію. Но повѣрьте, что это обстоятельство служитъ только къ довершенію параллели между двумя графами. Графъ Монталамберъ нисколько не смущается ироніею графа Кавура, потому что самъ нисколько не уступаетъ ему въ высокомъ понятіи о собственномъ достоинствѣ и въ презрѣніи къ своимъ противникамъ. Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ уничтожающимъ пренебреженіемъ, съ какой язвительной ироніей трактуетъ онъ проекты

графа Кавура относительно Рима. „Въ Римѣ ваше дѣло неправо со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, и даже, какъ вы сами хорошо знаете, съ точки зрѣнія итальянской. Мы, французы, мы, католики всего міра, дѣлаемъ большое пожертвованіе для независимости папской власти, допуская, чтобы, оставаясь въ Италіи, она принимала обычную службу отъ рукъ итальянцевъ... Но вамъ, итальянцамъ, сто разъ уже повторяли: что̀ будетъ ваше отечество безъ папства? Какую фигуру будутъ представлять ваши пьемонтскія величьишки (vos petites majestés piémontaises — переводите лучше, коли умѣете) въ этомъ сосредоточіи католическаго міра, которое вы хотите превратить въ помѣщеніе для канцелярій вашихъ министерствъ? Не воображаете-ли вы, что человѣчество будетъ продолжать свой пелеринажъ къ подножію трона вашихъ властителей? Вамъ дана несравненная слава имѣть у себя столицу двухсотъ милліоновъ душъ, и все ваше честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы низвести ее на степень главнаго города самаго недавняго (du dernier venu) изъ царствъ земли“!..

Вы видите, что даже въ презрительномъ обращеніи другъ съ другомъ оба графа сходятся между собою!

Однакожъ отчего это взаимное нерасположеніе? Отчего эта видимая разница воззрѣній и цѣлей? Отчего оба графа въ общемъ мнѣніи считаются представителями двухъ противоположныхъ партій—іезуитской и анти-католической, застоя и прогресса, средневѣковой и современной? Что ни говорите. но сущность разномыслія двухъ графовъ заключается въ различіи ихъ отношеній къ католицизму. Графъ Кавуръ постоянно вооружался противъ іезуитовъ, конфисковалъ церковныя имущества, держалъ въ заключеніи непокорныхъ епископовъ, возставалъ противъ папы. Относительно церкви католической онъ сдѣлалъ вотъ что, по краснорѣчивому изображенію графа Монталамбера.

„Въ теченіе десяти лѣтъ вы, безъ всякаго права, кромѣ права сильнаго, нарушили всѣ трактаты, всѣ обязательства, торжественно заключенныя между Пьемонтомъ и папскимъ престоломъ. Мало того, вы доносили на святѣйшаго отца на парижскомъ конгрессѣ, вы оклеветали его намѣренія, исказили его дѣйствія, вы изгнали его епископовъ, презрѣли его приговоры, перешли его границы, вторглись въ его владѣнія, вы бросили въ тюрьму его защитниковъ, вы оскорбили, подавили (insulté, écrasé), бомбардировали его солдатъ, вы назначаете Гарибальди свиданіе через шесть мѣсяцевъ на гробѣ апостоловъ!.. И послѣ этого вы говорите католикамъ: „я—свобода, и я протягиваю къ вамъ руки“!

Вотъ что надѣлалъ и что дѣлаетъ еще графъ Кавуръ! Такіе поступки справедливо вызываютъ у графа Монталамбера вопль негодованія: „нѣтъ, нѣтъ, вы не свобода, —кричитъ онъ, —вы не болѣе, какъ насиліе!.. Не

заставляйте насъ прибавить, что вы — ложь!“ На что, конечно, графъ Кавуръ могъ бы отвѣчать русской пословицей, что „всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ“, — и опять равенство его съ графомъ Монталамберомъ возстановилось бы. Но, къ сожалѣнію, графъ Кавуръ русскихъ пословицъ не знаетъ, и притомъ, если послушать графа Монталамбера, то онъ, т.-е. Монталамберъ, составляетъ на сей разъ исключеніе изъ людей: онъ никогда не зналъ лжи, всегда былъ вѣренъ себѣ, ни разу не уклонился отъ прямого своего назначенія... По крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ говоритъ; а кому же лучше знать это дѣло, какъ не ему? Въ 1852 г., въ книжкѣ своей „Des intérêts catholiques au XIX siècle“, онъ отзывался о себѣ въ слѣдующихъ словахъ: „узнаютъ въ будущемъ, что былъ по крайней мѣрѣ одинъ старый боецъ католицизма и свободы, — который до 1830 года умѣлъ отдѣлить дѣло католицизма отъ дѣла королевской власти; который, подъ режимомъ іюльской монархіи, стоялъ за независимость церкви противъ свѣтской власти; который, въ 1848 году, боролся всѣми своими силами противъ мнимаго торжества христіанства и демократіи, и который въ 1852 г. протестовалъ противъ пожертвованія свободы силѣ, подъ предлогомъ религіи“... А послѣ 1852 г. сколько новыхъ заслугъ оказалъ еще графъ Монталамберъ дѣлу католицизма! Примирилъ всѣ противорѣчія въ дѣятельности Пія IX; доказалъ въ своей вступительной академической рѣчи, что все хорошее, что приписываютъ вліянію французской революціи, сдѣлалось бы безъ нея гораздо лучше; открылъ, что спасеніе Англіи—въ католицизмѣ; наконецъ, онъ протестуетъ противъ графа Кавура, и говоритъ ему въ заключеніе своего грознаго письма: „вы можете присоединить къ Пьемонту королевства и имперіи, но я не вѣрю, чтобъ вы успѣли привлечь къ вашимъ дѣйствіямъ согласіе хотя одной честной души!“ Вотъ гдѣ, стало быть, надобно искать настоящаго различія между графами!..

Несмотря на видимое упорство, съ которымъ г. Монталамберъ силится выставить эту разницу, мы осмѣливаемся утверждать, что она вовсе не важна и болѣе относится къ формѣ, нежели къ сущности дѣла. Какимъ образомъ можно быть въ нѣкоторомъ смыслѣ Кавуромъ и въ то же время преклоняться предъ всѣми аттрибутами католицизма, насчетъ этого нечего давать объясненія нашимъ читателямъ. Исторія изъ-за г-жи Свѣчиной еще не такъ давно разыгралась предъ нашими глазами, и воспоминаніе о ней можетъ навести на весьма полезныя мысли... Но, кромѣ этого, замѣтимъ еще вотъ что: защита папства и католицизма естественно вытекаетъ для графа Монталамбера изъ его положенія, и едва-ли мы ошибаемся, полагая, что всякій графъ, даже и пьемонтскій, на его мѣстѣ принялся бы за то же самое. Онъ, видите-ли, хочетъ самостоятельной и видной дѣятельности и полагаетъ навѣрное, что онъ къ ней способенъ. Но онъ попалъ какъ разъ

въ такое время, когда самостоятельная дѣятельность могла быть добыта лишь въ борьбѣ противъ существующаго порядка. Между тѣмъ онъ—другъ порядка, слуга законности, онъ не выскочка, а человѣкъ съ родомъ и именемъ, человѣкъ преданій, человѣкъ хорошихъ правилъ. Онъ никакъ не могъ броситься на какую-нибудь новую теорію и во имя ея приняться за работу. Ему нужно было отыскать для себя какое-нибудь начало, которое бы само въ себѣ было столь же законно и освящено вѣковыми преданіями, какъ и та сила, противъ которой хотѣлъ онъ идти, для того, чтобы „себя показать". Такое начало и нашелъ онъ въ католицизмѣ... и успокоился... Онъ боролся за католицизмъ, когда его притѣсняли, боролся, когда его никто не трогалъ, боролся, когда ему придавали болѣе широкое толкованіе, чѣмъ прежде, боролся, когда суживали его значеніе... Когда не съ кѣмъ было бороться въ своихъ предѣлахъ, онъ дѣлалъ набѣги на чужія области—на протестантовъ, на греко-славянъ, даже на невинныхъ китайцевъ. Его одинъ изъ біографовъ называетъ „министромъ иностранныхъ дѣлъ католицизма"; надо прибавить, что этотъ министръ иностранныхъ дѣлъ постоянно одушевленъ воинственными наклонностями... Никто не тревожитъ политики католицизма, скучно „министру", вотъ онъ и начинаетъ возню. Какое участіе принимаетъ тутъ истинная вѣра,—объ этомъ, конечно, мы судить не станемъ, такъ какъ это дѣло духовника графскаго.

Обратите же мысленный взоръ вашъ на графа Кавура и скажите, не ограничивается ли одной внѣшнею формою разногласіе между обоими графами? Побужденія, образъ мыслей, основанія и цѣли дѣйствій — тѣ же самыя; разница только въ томъ, что графъ Кавуръ нашелъ другую штуку, на которой онъ могъ упражнять свою дѣятельность шумно и самостоятельно, ни мало не безпокоя своего благоговѣйнаго чувства къ законности и преданіямъ. Эта штука и была—защита итальянской національности и свободы противъ иноземцевъ. Это было и законно, и популярно, и не противно старымъ преданіямъ, и не враждебно новымъ теоріямъ: вотъ положеніе графа Кавура и оказалось несравненно выгоднѣе... Но будемъ же благоразумны, не будемъ судить о ростѣ человѣка по степени высоты мѣста, на которомъ онъ стоитъ... Дѣло во внутреннемъ достоинствѣ человѣка, и золото — всегда золото, куда бы оно ни было закинуто... А мы, кажется, достаточно показали, что оба графа — чистѣйшее золото; что графъ Кавуръ во Франціи не хуже Монталамбера умѣлъ бы „бороться" и „протестовать" за попранныя права, напримѣръ, іезуитскаго ордена, и что графъ Монталамберъ, въ свою очередь, не хуже графа Кавура сумѣлъ бы „смирить и задушить" революціонный духъ итальянцевъ и привести въ порядокъ все, что такъ безразсудно разстроилъ Гарибальди съ своими единомышленниками...

Остается пожалѣть, что достойные графы не признаютъ другъ друга и что каждый изъ нихъ старается бросить тѣнь на заслуги другого. Но такъ какъ это обстоятельство равно относится къ обоимъ, то и оно нисколько не уменьшаетъ поразительной вѣрности нашей параллели, — напротивъ, оно даже довершаетъ ее, какъ необходимое условіе. Если бы графы наши могли сойтись, то параллель была бы невозможна, — это извѣстно изъ геометріи. Да и безъ геометріи понятно, что еслибъ который-нибудь изъ графовъ уразумѣлъ свое ближайшее сходство съ другимъ, то ужъ этимъ самымъ сходство-то и нарушилось бы... А если бы оба поняли въ одно время единство своихъ стремленій, идей и значенія въ исторіи, то и въ этомъ случаѣ оба не могли бы и не захотѣли бы болѣе оставаться прежними графами...

Притомъ же—это ужъ дѣло рѣшенное, что великіе общественные дѣятели, равно какъ и великіе поэты, никогда не должны знать истиннаго смысла того, что они дѣлаютъ. Въ противномъ случаѣ, что же осталось бы критикамъ, историкамъ и біографамъ?.. Тогда, значитъ, не было бы ни Ѳукидида, ни Плутарха, и главное—не было бы настоящаго этюда! Надѣемся, что читатели примутъ это въ соображеніе и пожелаютъ, вмѣстѣ съ нами, чтобы великіе общественные дѣятели, въ родѣ Кавура и Монталамбера, и на будущее время какъ можно меньше понимали, что они дѣлаютъ...

Пусть же они хлопочутъ о томъ, чтобы выставлять разницу между собою; мы имѣемъ достаточно данныхъ, по которымъ всегда можемъ возстановить ихъ типическое сходство. Припомнимъ вкратцѣ.

Оба—графы не только по титулу, но и по уму и сердцу; оба дружны съ такими же графами, какъ они, но въ случаѣ нужды дружатся даже и съ людьми менѣе высокаго благородства, лишь бы то были не враги порядка.

Оба любятъ законность и умѣренную свободу, съ сохраненіемъ благотворнаго вліянія аристократіи; но оба ненавидятъ безумную анархію, стремящуюся попрать историческія преданія и измѣнить начала, на которыхъ уже столько вѣковъ покоится благоденствіе человѣческихъ обществъ.

Оба—приверженцы англійской конституціи, до безумія любятъ парламентскія пренія, въ случаѣ нужды замѣняютъ ихъ статейками и нотами; вообще стараются шумѣть какъ можно больше, но никогда не увлекаются за предѣлы, предписываемые благоразуміемъ и солидностью, никогда не служатъ вздорнымъ и опаснымъ утопіямъ...

Оба полны вѣры въ свое краснорѣчіе и въ благодушіе тѣхъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло; оба пишутъ воззванія, адресы, письма, въ полной увѣренности доставить такимъ образомъ свободу народамъ.

Оба одушевлены прекраснѣйшими намѣреніями, оба весьма патетически говорятъ о совѣсти и соблюденіи международныхъ правъ, оба изъ всѣхъ силъ хлопочутъ о союзѣ свободы, религіи и порядка, оба соединяются въ уваженіи къ „убѣжденію" и въ нелюбви къ Гарибальди... Наконецъ—оба почтены „Русскимъ Вѣстникомъ", въ статьяхъ г. Чичерина и, если не ошибаемся, г. Ѳеоктистова!

Правда, есть одно обстоятельство... Графъ Кавуръ не писалъ „Житія святой Елизаветы Венгерской"... Но за то графъ Монталамберъ, съ своей стороны,—не продавалъ Савойи и Ниццы... Словомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, мы считаемъ себя въ правѣ повторить еще разъ: оба—графы не только по титулу, но и по уму и сердцу!

Теперь мораль.

Изъ сего сравненія научитесь, читатели, не судить о людяхъ по наружности, а цѣнить истинное достоинство вездѣ, гдѣ бы оно ни оказалось. Вы часто возвеличивали пьемонтскаго графа въ ущербъ французскому; теперь вы видите, что поступали въ отношеніи къ послѣднему несправедливо. Отдайте же ему должную честь, и если блескъ заслугъ его не столь ярокъ, какъ его собрата, припишите это единственно различію положеній, а никакъ не недостатку внутренняго достоинства. Знайте, что жемчужина—всегда жемчужина, хотя бы она была даже въ такомъ положеніи, какъ въ извѣстной баснѣ: „Пѣтухъ и жемчужное зерно". Обстановка можетъ измѣниться, но внутреннее достоинство и истинное значеніе жемчужины останутся всегда тѣ же. Если съ того мѣста, гдѣ нашелъ ее пѣтухъ, она будетъ взята, принесена въ даръ китайскому богдыхану и содѣлается лучшимъ украшеніемъ его короны,—обстановка ея улучшится, но, какъ и прежде, она будетъ удивлять истинныхъ знатоковъ своею внутреннею цѣною, и, какъ прежде, будетъ пренебрегаема глупымъ и нахальнымъ пѣтухомъ, который въ своемъ невѣжествѣ всегда будетъ предпочитать ей простое ячменное зерно!

Конрадъ Шелухинъ.

6.

МОИ ЖЕЛАНІЯ.

(Дики желанья мои, и въ стихахъ всю ихъ дичь изложу я).

Прежде всего я хочу себѣ женщину съ длинной косою.
Умъ и краса мнѣ ненужны: пусть только цѣлуется чаще.
Съ этакой женщиной вмѣстѣ, мнѣ друга философа надо.
Съ ней цѣловаться я буду, а мудрый мой другъ въ это время

Будетъ науки мнѣ всѣ изъяснять, чтобъ не надо мнѣ было
Время и зрѣніе портить надъ мертвою рѣчью печати.

Въ этихъ условіяхъ древней исторіей я бы занялся:
Нравятся мнѣ пирамиды, развалины, сфинксы, колонны,
Море Евбейское съ Желтой Рѣкою и съ Гангомъ священнымъ...
Въ этомъ послѣднемъ омылся бъ я, съ женщиной вмѣстѣ и съ другомъ.

Вымывшись, я бы отеръ себя длинной косою подруги;
Все, что отъ друга услышать успѣлъ посреди поцѣлуевъ,
Все это тутъ бы я вспомнить хотѣлъ, чтобы книжечку тиснуть,
Съ нею проникнуть въ народъ, уяснить ходъ общественной жизни,
Добрыхъ утѣшить, а злыхъ покарать и разлить въ мірѣ счастье...

Все бы хотѣлъ я извѣдать: не только искусствомъ заняться,
Но насладиться хотѣлъ бы я даже грѣхомъ преступленья,
Только чтобъ нравственнымъ правиламъ было оно не противно...

Все, что отъ друга я слышалъ, весь скарбъ своихъ силъ и познаній,
Все бы хотѣлъ перелить, черезъ женщину съ длинной косою,
Въ новое я существо,—и въ сей сладкой работѣ скончаться:
Пусть существо молодое начнетъ съ того, чѣмъ я окончилъ...
Послѣ же смерти хотѣлъ бы я зрителемъ быть его дѣйствій,
Чувствовать мыслью и сладко дремать въ созерцаньи глубокомъ...

Аполлонъ Капелькинъ.

№ 8.

„СВИСТОКЪ“ AD SE IPSUM [1]).

Свободный, какъ птица, не связанный срокомъ
Журнальной подписки и выхода книжекъ,
Являюсь я рѣдко, всегда ненарокомъ,—
Но яркими буквами слѣдъ свой я выжегъ
Въ сердцахъ благодарныхъ россійскихъ сограждан.
Мой свистъ облегчалъ ихъ сердечныя раны;
Какъ влага въ пустынѣ, я былъ ими жажданъ,
Когда ихъ томили сухіе туманы;
Во мнѣ лишь нашли они ключъ разумѣнья,
Когда возникала россійская гласность,
И головы мудрыхъ повергла въ сомнѣнье—
И розгу, и взятку не ждетъ ли опасность;
Я былъ утѣшеньемъ, я былъ имъ опорой,
Когда населенье Россіи смущенной
Пугалъ нашъ прогрессъ изумительно-скорый,
Внезапно открытый въ Москвѣ умиленной.
Вопросъ о евреяхъ, вопросъ о норманнахъ,
Великій вопросъ объ экзаменѣ строгомъ,
Шестнадцать гусей неповинно пожранныхъ
И опытъ пощенья по волжскимъ дорогамъ;
Короче—на все, что роднымъ публицистамъ
Тревожило сердце и умъ волновало,—
На все отзывался я радостнымъ свистомъ
И всѣхъ утѣшалъ я... Но этого мало:

---

[1]) Заглавіе заимствовано у Горація; означаетъ: «Свистокъ» къ самому себѣ.

Въ Европѣ свершалась великая драма,
И къ ней обратилъ я родное вниманье,
Австрійской поэзіей Якова Хама
Сограждановъ моихъ просвѣтивъ пониманье.
Неаполю далъ я благіе уроки,
На все отозвался,—ни слабо, ни рѣзко,
И, всюду сбирая прекрасные соки,
Воспѣвъ Гарибальди, воспѣлъ и Франческо!..
И нынѣ явлюсь я къ читателю снова;
Хочу наградить я его за терпѣнье,
Хочу я принесть ему свѣжее слово,—
Насколько возможно въ моемъ положеньи...
А, впрочемъ, читатель ко мнѣ благосклоненъ,
И въ сердцѣ моемъ онъ прекрасно читаетъ:
Онъ знаетъ, къ какому я роду наклоненъ,
И лучше ученыхъ мой свистъ понимаетъ.
Онъ знаетъ: плясать бы заставилъ я дубы,
И жалкихъ затворниковъ высвиснулъ къ волѣ,
Когда бъ на морозѣ не трескались губы
И свистъ мой порою не стоилъ мнѣ боли.

1.

СВИСТОКЪ, ВОСХВАЛЯЕМЫЙ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ.

(Подражаніе, какъ легко замѣтятъ читатели).

„Свистокъ" теперь на верху своей славы, въ апогеѣ своего величія: положеніе, какое онъ завоевалъ себѣ въ ряду великихъ журналовъ, можно сравнить только развѣ съ положеніемъ, завоеваннымъ Италіею въ виду великихъ державъ. Правда, оффиціально признанъ онъ до сихъ поръ только „Русскимъ Словомъ" и „Временемъ"; но вѣдь и итальянское королевство было признано сначала тунисскимъ беемъ и португальскимъ королемъ... а потомъ и пошло, — до того, что сама Франція признала его, хотя и не можетъ никакъ вывести полки свои изъ Рима. Такъ будетъ и со „Свисткомъ": пройдутъ тяжкія времена литературныхъ смутъ, разсѣются туманы недоумѣній, и самъ „Русскій Вѣстникъ" признаетъ „Свистокъ", хотя уже и не въ состояніи будетъ никакими кислотами вывести изъ своего „Литературнаго Обозрѣнія"—ни статей г. Юркевича, ни разсужденій о томъ, что такое свистуны.

Но и непризнанный de jure, „Свистокъ“ уже признанъ своими собратьями de facto: а это гораздо важнѣе. Нѣтъ теперь въ необъятной Россіи ни одного порядочнаго органа благородной мысли, ни одного проводника высокихъ убѣжденій, стремящагося къ благотворнымъ цѣлямъ, ни одного глашатая правды и чести, который бы мысленно не обращался ежеминутно къ „Свистку“, печатно не говорилъ ежемѣсячно о „Свисткѣ“ и не старался походить на него, если не всецѣло, то хотя нѣкоторыми частями своего существа. Нѣтъ ни одного суроваго ученаго, ни одного служителя чистой науки, у котораго въ ушахъ не раздавался бы безпрестанно „Свистокъ“ (особенно, если онъ живетъ недалеко отъ вокзала желѣзной дороги).

И какъ быстро пріобрѣтенъ его успѣхъ! Вы помните начало „Свистка“: онъ родился въ счастливую минуту — въ ту самую, когда подымалась война за независимость Италіи. Но можно сказать не хвалясь, что какъ ни изумительны прогрессы Италіи въ ея дѣлѣ, а „Свистокъ“ превзошелъ ее. Вспомните, какъ онъ былъ встрѣченъ, какими препятствіями окруженъ, какъ былъ безпомощенъ въ началѣ своей жизни! Онъ былъ, правда, принятъ подъ покровительство „Современника“, но общественное положеніе этого журнала, надо признаться, чрезвычайно шатко: онъ не имѣетъ и даже не можетъ пріобрѣсти ни малѣйшаго авторитета. Онъ бы и радъ, онъ и усиливается, да не выходитъ ничего... Въ прошломъ году, напр., какъ онъ убивался, чтобы пойти „честнымъ путемъ изученія и разработки матеріаловъ“, чтобы попасть въ ученую колею... Нѣтъ, что ни начнетъ, а подъ конецъ никакъ не можетъ! Непремѣнно скандалъ выйдетъ... И даже безъ всякаго съ его стороны желанія,—а такъ ужъ, судьба его такая... Началъ онъ, напримѣръ, 1860-й годъ спеціальнѣйшею изъ спеціальностей, разсужденіемъ о первыхъ русскихъ князьяхъ; кажется, чего бы лучше? Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ это было бы капитальнѣйшее произведеніе русской литературы; а въ „Современникѣ“ вышла—свистопляска... Далѣе продолжалъ онъ свое поприще—напечаталъ статью о наслѣдствѣ по закону,—весьма ученое и титулованное сочиненіе; радовался-было, что хоть тутъ солидность свою оградилъ,—въ слѣдующемъ году г. Лохвицкій внезапно доказалъ всѣмъ, что и тутъ была только свистопляска. Пустилъ-было „Современникъ“, собственно для приданія себѣ болѣе ученаго вида, статьи „объ антропологическомъ принципѣ философіи“. Ужъ одно заглавіе кажется чего стоитъ! Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, напримѣръ, какая-нибудь статейка „нѣчто объ естественномъ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“ — повергаетъ читателей въ прахъ предъ ученостью редакціи... Въ „Современникѣ“ даже искусно подобранное заглавіе не помогаетъ: не далѣе, какъ лѣтомъ въ слѣдующемъ году оказа-

лось, что и въ этихъ статьяхъ „Современникъ“ не только на путь науки не вступилъ, но еще невѣжество распространялъ въ русской публикѣ, что даже вовсе и несовременно, по мнѣнію русскихъ журналовъ... И вѣдь— что всего печальнѣе,—истинныя-то, такъ сказать, прирожденныя свойства статей „Современника“ раскрываются обыкновенно по прошествіи долгаго времени, черезъ годъ, черезъ полтора,—такъ что журналъ этотъ рѣшительно не знаетъ, чего ему ожидать на слѣдующій годъ. „Русскій Вѣстникъ“, напримѣръ, помѣстивъ нѣсколько статей о древне-вавилонской письменности и черезъ два мѣсяца не встрѣтивъ на нихъ возраженій въ журналѣ, издаваемомъ парижскою „академіею надписей“, успокоивается и можетъ обратиться—ну, хоть къ печатанію „Майора“ г. Кулиша: и опять увѣренъ, что ужъ разбора этой повѣсти не появится черезъ годъ. „Современникъ“ не въ такомъ положеніи: онъ долженъ ежемѣсячно содрогаться не только за свое настоящее, но и за прошедшее... Года три тому назадъ, напримѣръ, одна изъ книжекъ „Современника“ украшена была изслѣдованіемъ г. Пекарскаго о Кондратовичѣ; повидимому, изслѣдованіе дѣльное, безупречное, за нимъ можно стоять, какъ за каменной горой... А кто знаетъ,—вдругъ выходятъ новыя книжки журналовъ, и въ нихъ восторженное извѣстіе, что въ стерлитамакскомъ уѣздномъ училищѣ сдѣланы драгоцѣннѣйшія изслѣдованія, несомнѣнно убѣждающія, что въ статьѣ „Современника“ о Кондратовичѣ ничего нѣтъ, кромѣ невѣжества и свистунства. И затѣмъ „драгоцѣннѣйшія изслѣдованія“ будутъ перепечатаны во всѣхъ журналахъ, и авторъ ихъ возведется въ званіе академика, — все для вящшаго посрамленія „Современника“...

Съ такимъ-то журналомъ долженъ былъ связать судьбу свою „Свистокъ“ въ началѣ своей земной жизни. Очевидно, это было для него плохое прикрытіе. Но вообразите, даже и „Современникъ“, при всемъ томъ, что былъ ужъ достаточно ославленъ за свое легкомысліе, — и онъ подвергся на первое время жестокимъ упрекамъ за дружбу съ „Свисткомъ“: до того „Свистокъ“ казался презрѣннымъ, неприличнымъ, недостойнымъ высокаго призванія отечественной журналистики. До „Свистка“ „Современникъ“ еще кое-какъ терпѣли: при появленіи „Свистка“ немедленно крикнули,—сначала изъ Москвы:

«Вы приличья презираете,
Вы родились съ мѣднымъ лбомъ:
Въ русской публикѣ гуляете
Вы подъ ручку со «Свисткомъ»;
Въ дни прогресса несказаннаго,
Въ дни возвышенныхъ надеждъ,
Звукомъ свиста балаганнаго
Потѣшаете невѣждъ!

Заблужденія прощаются,
Но изъ мѣры вышли вы:
Васъ съ презрѣньемъ отрицаются
Всѣ ученые Москвы.

Петербургъ, конечно, не отсталъ отъ Москвы, только онъ выразилъ свое негодованіе въ тонкой и изящной эпиграммѣ:

У Гоголя квартальный Свистуновъ
Всѣмъ любитъ фонарей наставить подъ глазами.
А *современная* ватага свистуновъ
Мнитъ просвѣщенія фонарь задуть свистками.

Можетъ быть, мы и не совсѣмъ точно приводимъ эпиграмму, но что-то въ такомъ родѣ несомнѣнно существовало насчетъ „Свистка".

Мы бы не кончили, если бы захотѣли перебирать всѣ отчаянные возгласы журналистовъ относительно неприличія журналу имѣть балаганный отдѣлъ. „Revue des deux Mondes" не имѣетъ балаганнаго отдѣла,— справедливо утверждали просвѣщенные журналисты; „Westminster Review" не имѣетъ балаганнаго отдѣла,—продолжали они, доказывая свое знаніе европейскихъ литературъ; что сказали бы въ Германіи, если бы „Vierteljährliche Schrift" вздумало завести у себя балаганный отдѣлъ,— настаивали они еще, показывая, что и по-нѣмецки знаютъ; какое бы впечатлѣніе выразилось въ Испаніи, если бы „La Epoca" завела у себя балаганный отдѣлъ,—приставали они снова, давая замѣтить, что они— лингвисты; въ какое бы состояніе пришла возрождающаяся Италія, если бы „Rivista Contemporanea" позволила себѣ завести балаганный отдѣлъ,— неутомимо выкрикивали они, утверждая читателя въ мысли, что, кромѣ знанія языковъ, имъ не чужды и политическія соображенія...

„Современникъ", великодушный, многотерпѣливый „Современникъ"! Сколько вынесъ онъ нареканій, какому подвергался позору изъ-за „Свистка"! Онъ усиливался попасть въ кругъ людей порядочныхъ, печатать дѣльныя статьи гг. Безобразова, Пекарскаго, Пейзена, Пыпина, Кавелина, Костомарова, печаталъ отрывки изъ романа г. Гончарова, — а его все-таки звали свистуномъ... Всеобщее презрѣніе, возбужденное „Свисткомъ", было такъ велико, что въ обѣихъ столицахъ нашлись Катоны, которые рѣшились высказать свое негодованіе на него по *всякому* случаю,—по поводу-ли картины Иванова или обществъ трезвости, смерти Маколея или освобожденія крестьянъ...

Такъ шло два года. „Свистокъ" пришелъ въ уныніе и пересталъ являться, чтобы не компрометировать „Современника"; „Современникъ" обратился къ Китаю и въ каждой книжкѣ удѣлялъ нѣсколько десятковъ страницъ на изображеніе китайской жизни, которая прежде являлась въ немъ только въ литературныхъ снахъ Новаго поэта на новый годъ...

Повидимому, враги торжествовали, пользуясь чувствительностью „Свистка“, который рѣшился на самопожертвованіе изъ жалости къ страдавшему за него „Современнику“.

Но на дѣлѣ готовилось „Свистку“ полное торжество и, главное, рѣшительное оправданіе предъ великодушнымъ покровителемъ. Теперь онъ смѣло можетъ смотрѣть въ глаза „Современнику“ и даже ожидать отъ него благодарности, а не укоровъ. Произошло вотъ что.

Въ нынѣшнемъ году водворился новый „Вѣкъ“ въ русской литературѣ. О наступленіи его возвѣщено было задолго до новаго года; появленіе его было привѣтствовано громкими рукоплесканіями. Всѣ стремились къ этому журналу, въ которомъ обѣщалось вѣрное и нелицепріятное служеніе наукѣ и полное уваженіе къ высокимъ принципамъ современной цивилизаціи. Всѣ журналы почтительно обратили свои взоры на новаго собрата, въ редакціи котораго участвовали такія лица, какъ К. Д. Кавелинъ, А. В. Дружининъ, В. П. Безобразовъ и П. И. Вейнбергъ. Послѣ выхода перваго нумера написано было даже восторженное стихотвореніе, неизвѣстно почему не появившееся въ печати.

НОВЫЙ ВѢКЪ.

Зрѣетъ все, что было зелено,
Правдѣ зиждется престолъ:
Вѣкъ Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришелъ.
Вѣкъ Пожарскаго и Минина,
Дружбу князя съ мясникомъ,
«Вѣкъ» Кавелина, Дружинина
Возвратилъ намъ цѣликомъ.
Въ «Вѣкѣ» Вейнберга, Кавелина
Будетъ всюду тишь да гладь,
Ибо въ немъ для счастья велѣно
Всѣмъ законы изучать.
«Вѣкъ» счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаемъ безглазаго
И банкруту дастъ кредитъ...
Будетъ зрѣло все, что зелено,
И свершится человѣкъ...
«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова «Вѣкъ»!..

Почему *Чернокнижникова Вѣкъ?* Не клевета-ли это? Какъ же журналъ, посвящающій себя служенію общественной мысли, можетъ допустить до себя мысль о Чернокнижниковѣ?..

Вотъ то-то и есть, что не мысль, а самого Чернокнижникова, такъ хорошо разсказывавшаго о масленичныхъ балаганахъ, допустилъ къ себѣ

„Вѣкъ". Въ первомъ нумерѣ его напечатано было письмо Чернокнижникова, обѣщавшаго рядъ ихъ, — и всей Европѣ, черезъ посредство корреспондента Nord'а, возвѣщено: „le brillant feuilletoniste" будетъ украшать „Вѣкъ" своимъ остроуміемъ. Европа не выразила своего изумленія, надо полагать, собственно потому, что не знала, какого сорта *блескомъ* отличаются фельетоны Чернокнижникова. Но мы думали: зачѣмъ же такъ поруганъ „Современникъ" за дружество со „Свисткомъ"? Отчего же „Вѣку" позволяется заниматься чернокнижіемъ, а „Современнику" нѣтъ.

Но вообразите себѣ наше удивленіе при полученіи первыхъ нумеровъ всѣхъ журналовъ! Въ концѣ 1860 года „Современникъ" не выдержалъ, и опять-таки пустилъ къ себѣ „Свистокъ"; въ первой книжкѣ слѣдующаго года тоже готовъ былъ „Свистокъ". Это, конечно, при великодушіи и гуманности „Современника" относительно меньшей братіи, и не было особенно удивительно. Въ другихъ же журналахъ мы ожидали попрежнему жесточайшихъ укоровъ, высказанныхъ съ благороднымъ негодованіемъ и съ указаніемъ на „Revue des deux Mondes". И вмѣсто того, — что же? — во всѣхъ, во всѣхъ журналахъ заведенъ свистокъ!.. Во всѣхъ журналахъ балаганный отдѣлъ! Смотримъ, читаемъ, сомнѣваемся, такъ-ли это?.. Да, ни малѣйшаго сомнѣнія: всѣ журналы, не исключая и тѣхъ, которые наиболѣе стараются походить на „Revue des deux Mondes", признали необходимымъ открыть балаганные отдѣлы, отдѣлы со свистомъ и пляскою!..

Въ „Отечественныхъ Запискахъ", сверхъ обычнаго отдѣла *Современной Хроники*, оказались „Записки Праздношатающагося". „Отечественныя Записки"! Помните-ли вы, что въ „Revue des deux Mondes" нѣтъ „Записокъ Праздношатающагося" и что балаганные отдѣлы въ журналахъ недостойны литературы, сколько нибудь уважающей себя?

Въ „Русскомъ Словѣ", вмѣсто солидной хроники общественной жизни, явились „Замѣтки Темнаго Человѣка". „Русское Слово"! Что, если бы „Замѣтки Темнаго Человѣка" явились въ „Геттингенѣ"? Какое впечатлѣніе произвели бы онѣ на тамошнюю публику?

„Библіотека для Чтенія" пустилась печатать „Воззрѣнія, чувства и наблюденія статскаго совѣтника Салатушки", подъ видомъ постояннаго фельетона. „Библіотека для Чтенія"! Можно-ли унижать себя до смѣхотворныхъ воззрѣній статскаго совѣтника Салатушки, когда вокругъ раздается столько симпатическихъ голосовъ людей, честно служащихъ высокому дѣлу гражданскаго преуспѣянія, и когда въ самомъ вертоградѣ нашей словесности распускаются цвѣтки, достойные заботливаго и искуснаго ухода? Вспомни, „Библіотека", что кто рѣшается все осмѣивать, кто съ балаганнымъ индифферентизмомъ отзывается объ искусствѣ, о Рашели и Ристори, тотъ не имѣетъ сердца. Неужели ты не имѣешь сердца?

„Время", журналъ новый, долженствовавшій быть, если не робкимъ, то, по крайней мѣрѣ, осмотрительнымъ,—и „Время" не побоялось дебютировать *фельетономъ*; „Записками Ненужнаго человѣка". О, „Время"! о, нравы! воскликнули мы отъ глубины души...

Но всего больше поразилъ насъ „Русскій Вѣстникъ": отъ него-то ужъ мы никакъ не ожидали, чтобы онъ завелъ у себя балаганный отдѣлъ, котораго нѣтъ въ „Revue des deux Mondes". А завелъ, и еще какъ завелъ: предварительно возвѣстилъ объ этомъ, а потомъ и открылъ „Литературное Обозрѣніе и Замѣтки", въ которыхъ сталъ даже остроумныя заглавія пріискивать: „Старые боги и Новые боги", „Нашъ языкъ, и что такое Свистуны", „Одного поля ягоды"... А помните, какъ, бывало, даже самыя ядовитыя статьи свои, какъ, напримѣръ, противъ князя Черкасскаго и пр. онъ пускалъ подъ величаво-скромнымъ заглавіемъ: „Замѣтка". Гдѣ тѣ времена?.. О, „Русскій Вѣстникъ", „Русскій Вѣстникъ"! Куда увлекло тебя подражаніе? И кому же? „Современнику"— „Свистку"!.. Не было-ли предъ тобою образца въ почтенныхъ, истинно достойныхъ подражанія „Revue des deux Mondes", „Westminster Review" и т. п. Имѣютъ-ли балаганные отдѣлы эти почтенные журналы, нѣкогда поставлявшіеся въ примѣръ „Современнику"? Занимаются-ли они журнальными сплетнями, пишутъ-ли ежемѣсячно длинныя статьи о свистѣ? „Нѣтъ, „Русскій Вѣстникъ", если они и займутся свистомъ, то развѣ въ ученой статьѣ: „о свистѣ въ техническо-музыкальномъ отношеніи", т.-е. въ такой статьѣ, которая не скомпрометировала бы даже покойнаго „Атенея".

О, „Атеней"! Зачѣмъ ты рано умеръ? А то и ты могъ бы теперь завести у себя балаганный отдѣлъ, который, можетъ, спасъ бы тебя отъ смерти.

Всеобщее сознаніе, заявленное всѣми журналами въ необходимости „Свистка", ободрило насъ, и мы немедленно хотѣли выписать его изъ-за границы, обѣщая ему, что житье нашему брату въ Россіи теперь гораздо лучше заграничнаго: свищи, сколько душѣ угодно, — отголоски встрѣтишь повсюду. Но „Свисткомъ" на тотъ разъ овладѣло разочарованіе, и онъ не повѣрилъ возможности превращенія, о которомъ мы ему писали... Мы принуждены были остаться въ наблюдательномъ положеніи. А наблюденія привели насъ прямо къ мысли, что не только вообще „Свистокъ" понадобился, оказался необходимымъ въ журналахъ, но что именно такой „Свистокъ", какого рыцарями состояли мы. Въ балаганныхъ отдѣлахъ всѣхъ журналовъ мы замѣтили сильнѣйшее подражаніе, или, лучше сказать, желаніе подражать нашему „Свистку", — потому что — мы не можемъ скрыть истины — подражаніе вообще не удавалось. Напримѣръ,

„Свистокъ" состоялъ всегда изъ прозы и стиховъ: Темный человѣкъ, Ненужный человѣкъ и Праздношатающійся тоже усиливались кропать стишки, въ подражаніе „Свистку". Что писали они свои стихи не по вдохновенію, а единственно изъ подражанія, это уже видно изъ того, что, напримѣръ, ни Темный человѣкъ, ни Праздношатающіеся писать стиховъ рѣшительно не умѣютъ, и, какъ видно, убиваются надъ ними страшно, ломая и смыслъ, и удареніе, и размѣръ подъ часъ. Отъ прошлаго мѣсяца, напримѣръ, осталось у насъ въ памяти два стиха:

«Здѣсь мажетъ домъ повѣшенный
На воздухѣ маляръ».

Согласитесь, что надо ужъ очень хотѣть, вопреки своей природѣ, вклеить въ свою болтовню стихотвореньице, чтобы допустить столь двусмысленные стихи...

А вотъ сейчасъ принесли „Русское Слово". Что тамъ? Опять надъ стихами мучится „Темный человѣкъ"! Этотъ имѣетъ даже претензіи на оригинальныя риѳмы, которыя такъ удаются Конраду Лиліеншвагеру, и что же у него выходитъ:

«Все передъ оперой волнуется;
Тамберликъ войдетъ лишь въ дверь,
Рукоплещутъ всѣ въ поту лица.
Самой модной стала улица
Итальянская теперь».

Замѣтьте, что *волнуется* тоже риѳмуетъ съ *улица*, какъ и въ *поту лица*... А то еще мы встрѣтили риѳму: *совѣтницей* и *замѣтятся*... Видно, что у „Темнаго человѣка" охота смертная, да участь горькая... И по всей вѣроятности, сочиняя свои стихи, онъ проклинаетъ „Свистокъ", который ввелъ въ моду обычай—вдохновляться иногда среди прозаической рѣчи...

Но за „Свистокъ" нашъ—поэтъ, творецъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, а эти господа — несчастные Вагнеры свистопляски... Мы теперь не колеблемся назвать ихъ Вагнерами, потому что „Свистокъ" возвышенъ на степень самостоятельной науки и въ то же время высокаго искусства: толпы подражателей дали намъ самимъ почувствовать, сколько было творческаго въ его геніальной простотѣ и непринужденности...

Вы ужъ одно то возьмите: онъ былъ свободенъ и не подчиненъ никакимъ человѣческимъ разсчетамъ: являлся онъ, когда хотѣлъ, пропадалъ, когда ему вздумается. Вы не знали, что его вызоветъ: когда ему не хотѣлось выходить, онъ оставлялъ безъ вниманія — и юбилей князя Вяземскаго, и безобразный поступокъ „Вѣка", и протестъ московскихъ профессоровъ противъ г. Аскоченскаго, и даже такія вещи, которыя прямо къ нему были близки... А иной разъ появлялся такъ себѣ, безъ всякаго

особеннаго повода. Вотъ и теперь: вы думаете, конечно, что его вызвала ревизія дѣлъ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ, открывшая столько забавнаго и диковиннаго? Или, еще скорѣе, полемика съ „Отечественными Записками"? Чего добраго, вы подумаете, что и выходъ книжки за тѣмъ задержали, чтобъ успѣть тотчасъ же отвѣчать гг. Альбертини, Бестужеву-Рюмину, Громекѣ, и пр., и пр. на всѣ ихъ обвиненія противъ „Современника" и „Свистка", поглотившія весь августовскій нумеръ „Отечественныхъ Записокъ"? Ошибаетесь, книжка запоздала совсѣмъ по другимъ причинамъ, и мы навѣрное знаемъ, что ни одинъ изъ членовъ редакціи „Современника" не читалъ еще послѣдняго нумера „Отечественныхъ Записокъ",—трое потому, что ихъ нѣтъ въ Петербургѣ, и до нихъ августовскіе журналы еще не дошли, а четвертый потому, что онъ всю недѣлю, протекшую отъ выхода „Отечественныхъ Записокъ" до выхода „Современника", не имѣлъ минуты свободной, проводя все время въ хлопотахъ, разъѣздахъ и справкахъ, необходимыхъ для выпуска книжки. А „Свистокъ" явился такъ себѣ: умилился отъ созерцанія собственнаго величія и захотѣлъ повѣдать о томъ любезной его публикѣ. Вотъ и все.

Подражатели же его, какъ всѣ подражатели, немедленно впали въ рутину: сочли необходимымъ являться каждый мѣсяцъ, непремѣнно говорить о томъ, о чемъ всѣ говорятъ, подбирать всякія новости, особенно скандальныя... Рутина, и больше ничего... Статскій совѣтникъ Салатушка былъ самостоятельнѣе прочихъ, такъ за то онъ исчезъ давнымъ-давно,—можетъ быть, тоже подражая „Свистку", только на время...

Но главное — никто изъ подражателей „Свистка" не могъ до сихъ поръ отыскать себѣ новаго содержанія. Не только идеи все тѣ же, какія онъ провозглашаетъ столько времени тому назадъ, не только предметы насмѣшекъ и разговоровъ—тѣ же, но даже манера та же самая, выраженія иныя — и тѣ заимствованы, а ежели какое и выдумано вновь,—такъ это сейчасъ и видно. „Свистокъ", напримѣръ, началъ свое скромное поприще похвальными замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ ученыхъ, поднявшихъ гвалтъ изъ-за статейки „Иллюстраціи"—и потомъ время отъ времени выказывалъ свое благоговѣніе передъ нѣкоторыми почтенными именами. Иные его превратно поняли, возненавидѣли за это и даже обвинили въ созиданіи какихъ-то новыхъ кумировъ (см. „Русскій Вѣстникъ"). Но другимъ это понравилось, и „Свистокъ" много разъ получалъ самые лестные знаки одобренія отъ авторитетныхъ лицъ, которыя въ немъ никогда не были упомянуты... Теперь подражатели его хотятъ отличиться въ томъ же родѣ — почтительностью къ ученымъ; но какъ у „Свистка" уваженіе къ почтеннымъ людямъ было ужъ въ характерѣ, скромность и вѣжество—прирожденныя, а у этихъ господъ искусственныя, выученныя,

то, разумѣется, у нихъ и выходитъ совсѣмъ не то. „Свистокъ"—видите-ли—до того уважалъ ученыхъ, что даже если самъ пускался въ ученость, то исполнялся глубокаго уваженія и къ самому себѣ; онъ тогда разговаривалъ съ учеными—

«Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ».

Это-то и было прелестно,—эта наивная удаль и самоувѣренность, вмѣстѣ съ юношескою скромностью... Но этого-то и не поняли его подражатели: они просто подумали, что онъ говоритъ все на смѣхъ, оттого до сихъ поръ у нихъ и находите только восхваленія ученыхъ, въ которыхъ замѣтна великая охота говорить иронически, а силы то никакой нѣтъ, такъ что восхваленіе и остается восхваленіемъ, а иначе прямо ужъ переходитъ въ плоскую дерзость. „Свистокъ" отъ иныхъ научныхъ занятій приходилъ въ такое благоговѣніе, что требовалъ даже, чтобъ никто за подобныя занятія не смѣлъ и браться; онъ хотѣлъ тутъ оправданія извѣстныхъ словъ: ils sont sacrés *car personne n'y touche*... И тутъ не поняли подражатели, и до сихъ поръ нѣкоторые накидываютъ на себя какую-то притворную науко-боязнь, что у нихъ выходитъ даже не остроумно...

Одно время „Свистокъ" допустилъ при себѣ другой элементъ: онъ самъ былъ кротокъ и довѣрчивъ, а возлѣ него явился *демонъ*, воспѣтый г. Лиліеншвагеромъ, и не вѣрившій ничему. Это раздвоеніе подхвачено и подражателями, и нѣкоторые изъ нихъ постоянно пишутъ въ двухъ лицахъ: самъ авторъ представляется простодушнымъ, но у него есть пріятель—скептикъ и пессимистъ [1])...

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЭСКИЗОВЪ.

1.

ВЪ ПРУССКОМЪ ВАГОНѢ.

По чугуннымъ рельсамъ
Ѣдетъ поѣздъ длинный;
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

[1]) Статья осталась недоконченною. *Прим. издат.*

Часомъ въ часъ разсчитанъ
Путь его помильно...
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь безсильна!

То-ли дѣло съ тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полосуя.

Не хочу я прямо—
Забирай налѣво,
По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы.

Но увы!—ужъ скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси-исполина.

Сыплютъ иностранцы
Русскіе мильоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ:
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухорски направитъ.

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятелью станетъ
Сутки трое въ полѣ.

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу,
Сильную въ семъ мірѣ.

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси-исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

2.

ВЪ ДРЕЗДЕНѢ.

Концертъ на Брюлевской террасѣ—
Надъ мутной Эльбой, съ кружкой пива...
Неподалеку, въ Fischergasse,
Поманятъ въ окна васъ игриво.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Гдѣ нѣмецъ куритъ, пьетъ, внимаетъ,
И, точно въ рукодѣльномъ классѣ,
Чулокъ всѣхъ нѣмокъ занимаетъ.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Подъ звукъ Бетховенской сонаты,
Гдѣ нашъ соотчичъ разъ въ экстазѣ
Подпѣлъ мотивъ изъ Травіаты.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Гдѣ русскій русскихъ тотчасъ чуетъ,
И напоказъ нѣмецкой расѣ
Шампанскимъ встрѣчу торжествуетъ.

Да, русскій тотчасъ отличаетъ
Здѣсь земляковъ въ веселой массѣ,
Гдѣ звонъ стакановъ заглушаетъ
Концертъ на Брюлевской террасѣ...

3.

ВЪ ПРАГѢ.

Только-что разставшись съ родиной святою,
Я скучалъ межъ нѣмцевъ русскою душою,
И, отвесть чтобъ душу, къ дорогимъ славянамъ
Полетѣлъ я въ Прагу,—съ легкимъ чемоданомъ.
Облегчилъ его я, сколько то возможнѣй,
Труся предъ австрійской грозною таможней.

Но со мной возились—не скажу, чтобъ много:
„Гидъ новѣйшій Праги" разсмотрѣли строго,
Туфли, панталоны, галстухи, рубашки,
Пять или шесть листочковъ почтовой бумажки—
Все перевернули, въ стѣнки чемодана,
Въ крышу постучали—не нашли обмана,
Лишь одна брошюрка, изданная въ Вѣнѣ,
Чуть не послужила къ непріятной сценѣ.
О правахъ брошюрки споръ-было родился;
Но разумный нѣмецъ тотчасъ ухолился,
Какъ ему на „*Вѣну*" указалъ я пальцемъ.
Вообще—въ таможнѣ не былъ я страдальцемъ.

Подъѣзжая къ Прагѣ, полонъ чувствомъ новымъ,
Могъ лишь повторять я вслѣдъ за Хомяковымъ,
Какъ не должно Прагѣ хвастать предъ Бѣлградомъ,
А Москвѣ кичиться передъ Вышеградомъ,
Какъ на Петчинъ, въ ризѣ древняго Кирилла,
Шествовалъ епископъ, а во слѣдъ валила
Народная сила, въ доблестной отвагѣ,
Какъ заснулъ поэтъ нашъ, думая о Прагѣ...

И вступилъ я въ Прагу, и мечту поэта
На яву увидѣлъ, средь дневного свѣта.
Былъ какой-то праздникъ. Не было прохода
Въ улицахъ широкихъ отъ громадъ народа.
Впереди блестѣли, въ воздухѣ подъяты,
Знаменія вѣры, убраны богато;
Фонари, хоругви, мощи и иконы,
Съ торжествомъ особымъ высились мадонны.

———

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ „СВИСТКУ"

Въ началѣ августа вернулся я домой
Изъ слишкомъ-годовой отлучки заграничной
И тотчасъ встрѣченъ былъ знакомою толпой—
Редакціей «Свистка», съ мольбой ея обычной·
«Стишковъ, о нашъ поэтъ! Пожалуйста стишковъ!
«Украсьте нашъ «Свистокъ» своей высокой лирой,
«Иль пробудите вновь волненіе умовъ
«Своею острою и мѣткою сатирой!»
—Помилуйте, друзья: я долго жилъ вдали,
Сказалъ я имъ въ отвѣтъ:—отвыкъ отъ вашихъ нравовъ.
Я такъ имъ чуждъ теперь, какъ, напримѣръ, въ пыли
Архивной тлѣющій профессоръ Тихонравовъ.
Едва пріѣхавъ, что жъ могу сказать я вамъ
О тѣхъ стремленіяхъ, какія васъ волнуютъ?
Мнѣ должно наблюдать, я долженъ видѣть самъ:
Что нынѣ здѣсь въ ходу и что теперь бичуютъ;
Какими новыми идеями умы
Проникнуты теперь въ святой моей отчизнѣ
На европейскія дѣла какъ смотримъ мы?
И какъ устроились мы въ нашей русской жизни?
«Ха-ха-ха-ха-ха-ха»... мнѣ дружный былъ отвѣтъ...
Мнѣ бросилась въ лицо пурпуровая краска...
Но скоро понялъ я, что тутъ обиды нѣтъ,—
А просто предо мной свершалась свистопляска.

Я однако же счелъ болѣе приличнымъ говорить съ ними прозой.

— Чѣмъ же вы такъ утѣшаетесь, — спросилъ я: — вѣдь я еще не обѣщалъ вамъ моихъ стихотвореній.

Тонкій намекъ былъ понятъ, и буйная свистопляска начала извиняться. Но когда одинъ изъ редакторовъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ объясненіе своего смѣха, то едва онъ выговорилъ: „вы предполагаете",—какъ опять кто-то фыркнулъ и за нимъ вся компанія. Раза три такъ было: передышатся, получатъ способность произносить болѣе или менѣе членораздѣльные звуки, но какъ только перейдутъ къ тому, что я имъ сказалъ,— какъ опять не могутъ удержаться, опять хохотъ повальный минутъ на десять. Я уже

начиналъ терять терпѣніе, находя, что я-то между ними въ чрезвычайно-глупомъ положеніи, совершенно какъ, напримѣръ, какой-нибудь постоянный сотрудникъ „Русскаго Вѣстника" въ толпѣ читателей „Современника", только-что получившихъ книжку его со „Свисткомъ". Хохочутъ, шумятъ, а надъ чѣмъ—неизвѣстно. Думаешь, не надо мной ли? Да нѣтъ, съ какой стати? Я человѣкъ почтенный... А впрочемъ, они почтенныхъ-то еще больше задираютъ... И опять думаешь: не надо мной-ли? Не обидѣться-ли? Да и то думаешь: какъ бы хуже не было?.. А можетъ еще не надо мной...

Наконецъ добился я объясненій: рыцарямъ свистопляски показалось, изволите видѣть, въ такой высокой степени смѣшнымъ мое мнѣніе, что, давно не бывши въ Россіи, я отсталъ отъ нашихъ общественныхъ требованій и интересовъ! Имъ это показалось въ такой же степени забавно, какъ мнѣ было бы забавно, напр., если бы г. Катковъ объявилъ серьезно: „долгое время не занимавшись философіею, я отсталъ отъ современныхъ научныхъ взглядовъ и не могу судить о статьяхъ г. Антоновича". Они сначала приняли слова мои за шутку, но потомъ, увидавъ, что я говорю серьезно, такъ и покатились . . . .[1]).

СЛАВЯНСКІЯ ДУМЫ

(во время плаванія по Волгѣ на пароходѣ).

1.

Быстро идетъ пароходъ нашъ, но — движется мертвой машиной;
Барка хоть тихо плыветъ, но—разумною тянется лямкой.

2.

Въ мелкихъ мѣстахъ капитанъ велитъ дѣлать промѣры;
Я же на Западъ взываю: *измѣрьте глубь русскаго духа!*

3.

Какъ ни хитрилъ капитанъ, чтобы мель обойти осторожно,—
Нѣтъ таки,—сталъ!.. Гдѣ жъ справиться нѣмцу съ красою рѣкъ русскихъ!

---

[1]) Это вступленіе въ новый нумеръ «Свистка» осталось недоконченнымъ.
Прим. издат.

4.

Правый брегъ Волги гористъ, а лѣвый брегъ—низменъ;
Такъ и вездѣ на Руси: что выше—правѣе бываетъ.

5.

Нѣмецъ у насъ капитанъ, но русскіе всѣ кочегары;
Такъ отразилась и здѣсь русская доблесть—смиренье!

* * *

Средь Волги рѣченьки глубокой,
Стоялъ я долго на мели,
И мыслилъ о судьбѣ высокой
Родимыхъ водъ, родной земли.
Вы хитры,—мнилъ я,—иноземцы,
Вы пароходъ изобрѣли;
Но все жъ на Волгѣ мы васъ, нѣмцы,
По суткамъ держимъ на мели.

СТРАДАНІЯ ВЕЛЬМОЖНАГО ФИЛАНТРОПА.

(Одинъ изъ мотивовъ современной поэзіи).

О, что за адъ, что за терзанье!..
Поймешь-ли, глупая толпа,
Поймешь-ли ты мои страданья?
Нѣтъ, не поймешь ты,—ты глупа...

Ты мнишь, что я подобенъ этимъ
Безмозглымъ дряхлымъ богачамъ,
Которымъ, точно глупымъ дѣтямъ,
Пріятенъ лести ѳиміамъ.

Пріятны пышныя прозванья,
Чины, обѣды, ордена,
Да жаръ наемнаго лобзанья
Съ бокаломъ добраго вина...

Ты видишь внѣшность золотую,
И внутрь не хочешь заглянуть:
Клянешь ты жизнь мою пустую
И весь мой прежній грязный путь.

Но пылъ святыхъ моихъ стремленій,
Но рѣки ядовитыхъ слезъ
Не видишь ты, мой гордый геній
Твои понятья переросъ.

Любовь къ добру, любовь къ собрату,
Весь міръ святыхъ моихъ идей,
Все, чѣмъ душа моя богата,—
Сокрыто въ тайнѣ отъ людей.

Невѣдомъ имъ и геній ада,
Врагъ всѣхъ идей моихъ святыхъ,
Мнѣ всюду ставящій преграды
Для дѣйствій чистыхъ и благихъ...

Толпа, не зрящая страданій
Подъ покрываломъ золотымъ!
Казнись же повѣстью терзаній,
Какими я теперь томимъ.

Одно несчастное семейство
На краѣ города живетъ,
Отецъ погибъ отъ лиходѣйства
Однихъ сіятельныхъ господъ;

Съ тремя малютками. больная,
Безъ всякихъ средствъ осталась мать;
Сама въ чахоткѣ изнывая,
Она должна ихъ содержать.

Минута каждая несчастнымъ
Голодной смертію грозитъ.
И кто жъ въ ихъ бѣдствіи ужасномъ
Ихъ пріютитъ и защититъ?

Отъ скорби я не взвидѣлъ свѣта,
О нихъ прослушавши разсказъ,

И заложить велѣлъ карету,
Чтобъ къ бѣднымъ ѣхать сей же часъ.

Ужъ я заранѣй наслаждался
Благословеньями сиротъ;
Заранѣй мною предвкушался
Благотворительности плодъ.

И что же? Геній мой ужасный
И тутъ мнѣ на дорогѣ сталъ:
Вдругъ говорятъ мнѣ, что опасной
Болѣзнью гнѣдко захворалъ...

Когда объ этомъ мнѣ сказали,
Я могъ руками лишь всплеснуть...
Со дна души проклятья встали,
И клокотала злобой грудь...

Святое дѣло благостыни
Нельзя другимъ мнѣ поручить:
Благотворенія святыню
Я отъ людей привыкъ таить

Безъ гнѣдка жъ ѣхать невозможно,
Нельзя разронить четверни!
Сиди же дома и тревожно
Судьбу безумную кляни...

Простись съ порывами святыми,
О бѣдныхъ братьяхъ не жалѣй,
И надъ стремленьями живыми
Поставь печальный мавзолей.

Какъ будто мстя намъ за ничтожность,
Судьба караетъ насъ сама,
Повсюду ставя невозможность
Стремленьямъ сердца и ума.

Путемъ безсмысленныхъ лишеній,
Помѣхъ ничтожныхъ и смѣшныхъ,
Лишаетъ насъ нашъ злобный геній
Плодовъ намѣреній благихъ.

Изъ-за того, что гнѣдко боленъ,
Тамъ люди съ голоду умрутъ!!..
Будь тутъ и счастливъ и доволенъ,
Старайся быть спокойнымъ тутъ!

Предсмертные часы несчастныхъ,
Стонъ и конвульсіи дѣтей
Во всѣхъ подробностяхъ ужасныхъ
Встаютъ передъ душой моей.

Я трепещу, я содрагаюсь,
Я рву одежды на себѣ,
Я весь горю... Но покоряюсь
Меня карающей судьбѣ...

Въ душѣ огонь неугасимый
Любви къ добру еще горитъ,
Но онъ лишь съ болью нестерпимой
Мнѣ сердце нѣжное палитъ.

Что за болѣзнь меня снѣдаетъ
Толпа людская не пойметъ;
Она счастливыми считаетъ
Людей за деньги и почетъ.

А я — клянусь — мое имѣнье,
И честь и жизнь отдать бы радъ,
Чтобъ только не терпѣть мученья,
Которымъ я теперь объятъ...

Но счастьемъ въ жизни наслаждаться
На произволъ намъ не дано.
Страдать, терпѣть и покоряться
Судьбою смертнымъ суждено...

Всего же больше мукъ жестокихъ
Рокъ тѣмъ избранникамъ судилъ,
Стремленій кто въ себѣ высокихъ
И добрыхъ чувствъ не заглушилъ.

РАЗБОЙНИКЪ.

(*Розенгеймо-русская элегія*).

Житья намъ не стало! Нѣтъ прежней поживы!
Все отнялъ проклятый прогрессъ:
Провелъ имъ дороги, засѣялъ ихъ нивы,
Срылъ горы и вырубилъ лѣсъ.

И что же!—теперь по дорогѣ прохожій,
И ранней и поздней порой,
Идетъ, распѣвая, съ преглупою рожей,
Но съ очень спокойной душой.

И нѣту при немъ ни ружья, ни кинжала,
А страшно напасть на него...
Не то уже времячко нынче настало:
Начальство дошло до всего.

Разъ я было вздумалъ купца-богатѣя
Подъ вечеръ въ лѣсу обобрать;
Но вдругъ помѣшали... Меня, какъ злодѣя,
Успѣли схватить и связать.

Затѣяли дѣло... Исправникъ явился,
Всѣмъ сдѣлалъ строжайшій допросъ,
И обыскъ, и ставки очныя... Смирился
И денегъ ему я принесъ...

Я думалъ: „чиновнику только бъ деньжонки...
Извѣстно: что слѣдуетъ, дай,
А тамъ хоть на всѣ на четыре сторонки,
Какъ вольная птица ступай“...

Но нѣтъ!—и чиновники наши рехнулись...
Прогрессъ-то и ихъ, знать, заѣлъ...
Сперва мы съ исправникомъ ловко стакнулись,
Купца еще спутать хотѣлъ!

Но, деньги сорвавши, онъ вдругъ безтолково
Занесъ мнѣ какую то чушь...
„Свѣтъ мысли, и сила печатнаго слова,
И гласность зашла въ нашу глушь.

У насъ не бывало о томъ циркуляра,
Чтобъ мы поощряли грабежъ...
А сверху грозитъ намъ жестокая кара
За всякую взятку и ложь"...

Бездѣльникъ! Какъ вретъ-то! Мы, вишь ты, не знаемъ,
Какъ можетъ вертѣться законъ,
Коль только искусной рукой направляемъ
И ловко толкуется онъ...

ИЗЪ МОТИВОВЪ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

1.

Презрѣвъ людей и міръ и помолившись Богу,
Я гордо выступилъ на трудную дорогу.
Вверху лежала тьма, каменья подъ ногой,
Съ боковъ оврагъ зіялъ ужасной глубиной;
Надъ самой головой летали вереницы
Ужасно скаредной и кровожадной птицы.
Я самъ не зналъ, куда и для чего иду,
Я былъ какъ будто бы въ горячечномъ бреду.
Лишь вѣры и любви свѣтильникъ благотворный
Свѣтилъ мнѣ на борьбу во тьмѣ неправды черной.
Подъявъ чело, я шелъ безтрепетной стопой
И оросилъ свой путь чувствительной слезой.
Тая въ груди своей высокое сознанье,
Я закалялъ свой духъ въ горнилѣ испытанья.
Не видя ничего, хотѣлъ я лишь идти
И за добро страдать въ невѣдомомъ пути.
Въ больной душѣ моей все убѣжденье жило,
Что тьма разсѣется и встанетъ дня свѣтило,
И, разбудивъ людей, зажжетъ у нихъ въ крови
Лучъ правды доблестной и лучъ святой любви...
Сбылись предчувствія! Тотъ, кто временъ теченье
Рѣшилъ по своему благому изволенью,
Ночь въ день перемѣнилъ и далъ узрѣть мнѣ свѣтъ...
Но, горе мнѣ! въ душѣ ужъ прежней силы нѣтъ.
Я, безъ толку всю ночь шатаясь, истощился,
Отваги молодой и свѣжести лишился.

Ночные подвиги! сгубили вы меня:
Я къ утру чувствую, что нѣтъ во мнѣ огня...
Сижу бездѣйственно, смотря на трудъ собратій,
Не смѣя произнесть ни жалобъ, ни проклятій.
Не снесъ я своего тяжелаго креста.
Я палъ... Въ умѣ сумбуръ, а въ сердцѣ—пустота.

2.

Учились, бѣдные, вы въ жалкомъ пансіонѣ
Француза Фалбала; учили вы урокъ,
Не зная отдыха; въ слезахъ, при общемъ стонѣ
Терпѣли розги вы... Но все не шло вамъ въ прокъ.

Ученье было вамъ дѣйствительнымъ мученьемъ,
И ждали вы, когда день выпуска придетъ.
Вы думали, что всѣмъ учебнымъ заведеньямъ
Ниспосланъ отъ судьбы такой ужасный гнетъ.

Но вдругъ настала вамъ минута возрожденья.
Французъ Кабаретье вашъ пансіонъ купилъ.
На мѣсто розогъ плеть онъ ввелъ въ употребленье
И школы вывѣску уже перемѣнилъ.

Есть даже слухъ, что онъ бранился съ гувернеромъ
И думаетъ ему отъ мѣста отказать.
О, дѣти, радуйтесь: подъ собственнымъ надзоромъ
Французъ Кабаретье васъ хочетъ воспитать.

3.

Жизнь міровую понять я старался,
Сердцемъ, какъ Гёте, на все отозвался;
Въ рощѣ, на балѣ, средь моря, межъ скалъ
Высшихъ эмблемъ и символовъ искалъ.
И наконецъ своего я добился:
Міръ неразумный предъ мной осмыслился.
Вотъ прохожу я по вспаханной нивѣ—
Образъ другой мнѣ является вживѣ:
Вижу духовную ниву дѣтей,
Сѣмя пріявшую добрыхъ идей.

Рѣютъ надъ нивою птички живыя:
Сердце такъ тѣшатъ надежды младыя.
Вотъ къ намъ на лѣто летятъ журавли:
Образъ пристрастія къ благамъ земли.
По небу чистому тучки гуляютъ:
Чистое сердце такъ думы смущаютъ.
Солнце блеститъ въ голубыхъ небесахъ:
Свѣтъ разливаетъ наука въ умахъ.
Солнце сокрылось за темною тучей:
Правду темнитъ духъ неправды могучій.
Вѣтеръ-ли вѣетъ: такъ умственный геній
Вихремъ несется живыхъ откровеній.
Вѣтру-ли нѣту: то геніи спятъ,
Точно эоловы арфы молчатъ.
Пыльную зелень дождемъ орошаетъ:
Плачъ покаянный пороки смываетъ.
Видѣнъ подснѣжникъ надъ рыхлымъ снѣжкомъ:
Первыя грезы о счастьи иномъ!
Бабочка рѣзво порхнетъ по цвѣтамъ:
Такъ я душою порхать буду *тамъ!*
Скрыта змѣя подъ прекраснымъ цвѣткомъ:
Такъ есть злодѣи съ красивымъ лицомъ.
Тащитъ зерно муравей хлопотливый:
Вижу примѣръ въ немъ себѣ я, лѣнивый!
Песъ караулитъ овецъ отъ волковъ:
Дворники такъ насъ хранятъ отъ воровъ.
Вижу, коляску мчатъ кони вдали:
Власть то людей надъ скотами земли.
Звукъ балалайки донесся до слуха:
Вспомнилъ я тотчасъ гармонію духа.

УСПѢХИ ГЛАСНОСТИ ВЪ НАШИХЪ ГАЗЕТАХЪ.

Годъ тому назадъ, по поводу разныхъ разсужденій о заслугахъ литературы въ дѣлѣ прекращенія у насъ взяточничества, въ „Современникѣ“ (1857 года № XII, Совр. Обозр., стр. 306) было напечатано:

«Никто не защищаетъ взяточничества... Всѣ признаютъ его обычаемъ дурнымъ и вреднымъ,—и вы, по своему похвальному правилу, обрадовавшись тому, что всѣ объ этомъ говорятъ, заговорили то же самое, что и безъ васъ всѣ говорили,—именно, начали утверждать, что взяточничество—дурной и вредный обычай. Друзья мои, въ

этихъ-ли разсужденіяхъ надобность? Нужно было бы показать средства, какъ намъ избавиться отъ взяточничества,—вотъ это не для всѣхъ ясно, вотъ объ этомъ стоитъ говорить литературѣ. Сказала-ли она хотя слово объ этомъ? Сказала,—съ гордостью возражаете вы:—она указала на гласность, какъ на средство противъ взяточничества. О, горькая необходимость разрушать мечты юности! Да развѣ съ этимъ словомъ соединено какое-нибудь ясное понятіе въ вашихъ указаніяхъ? Мало-ли что называется гласностью!—И повѣсти, которыхъ такъ много напечатано въ вашихъ журналахъ, по вашему гласность, и та статейка въ какой-то газетѣ, гдѣ нѣкто, очень почтенный человѣкъ, съ паѳосомъ и торжественностью берется за оружіе гласности, чтобы изобличить буфетчика, подавшаго ему дурно приготовленную котлетку въ какомъ-то трактирѣ,—и тонкій намекъ о томъ, что неизвѣстно когда и неизвѣстно гдѣ, неизвѣстно кто, неизвѣстно съ кѣмъ, поступилъ не то несправедливо, не то неучтиво, а что-то и гдѣ-то было несовсѣмъ понравившееся вамъ. Это гласность! Друзья мои, вы, сколько мнѣ кажется, принимаете муху за слона. Да, я и забылъ: вы еще съ восторгомъ и гордостью намекнули, что взяточничество происходитъ отъ произвола,—но какой это произволъ, чей это произволъ, осталось неизвѣстно; еще менѣе извѣстно, существуютъ-ли какія-нибудь средства противъ этого таинственнаго произвола. Да, опять, чуть было не забылъ: средство противъ него вами указано,—та же самая гласность, то-есть, объявленіе въ фельетонной статейкѣ о котлеткѣ, дурно приготовленной. По правдѣ говоря, читая эти превращенія мухи въ слона, думаешь, что едва-ли не лучше было бы вовсе не писать объ этомъ,—тогда, по крайней мѣрѣ, не было бы профанировано великое имя гласности. Какую пользу можно извлечь изъ вашихъ смутныхъ разсужденій, искажающихъ до микроскопическихъ размѣровъ все, чего коснется ваша рѣчь? Одно тутъ можетъ быть вліяніе: мельчаютъ понятія, мельчаютъ и желанія и надежды тѣхъ, кто вздумаетъ искать въ вашихъ разсужденіяхъ отвѣта на занимающіе его вопросы».

Эти грустныя слова относились къ прошедшему году. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, повидимому, многое ушло впередъ. Можно было бы ожидать, что и гласность нашихъ газетъ и журналовъ постарается снять съ себя упрекъ, которому такъ заслуженно подверглась въ прошломъ году. Но, увы! тотъ, кто писалъ вышеприведенныя строки, съ грустію долженъ убѣдиться, что слова его нисколько не потеряли своей силы и значенія и въ настоящее время. Вотъ *какіе* случаи и вотъ *какимъ образомъ* занимаютъ нашу гласность.

Въ 110 № „Московскихъ Вѣдомостей" напечатана и въ 224 № „Спб. Вѣдомостей" (14 октября) перепечатана слѣдующая статейка г. Д. Хрущова, подъ заглавіемъ: „Случай, который можетъ повториться".

«Въ *одномъ* имѣніи моемъ (говоритъ онъ) въ *одной* изъ великороссійскихъ губерній, произошелъ недавно слѣдующій случай. Староста этого имѣнія былъ вытребованъ въ уѣздный городъ къ *письмоводителю предводителя дворянства* и получилъ приказаніе представить разныя свѣдѣнія, относившіяся къ крестьянскому дѣлу, мною, впрочемъ, уже доставленныя и въ то время, какъ оказалось, уже полученныя у предводителя. Староста, только-что поступившій въ эту должность и малограмотный, затруднялся въ исполненіи полученнаго требованія и, *по совѣту добрыхъ людей*, знавшихъ какъ надобно приняться за дѣло, просилъ письмоводителя вывести его изъ затрудненія. Сей послѣдній согласился, но требовалъ 10 руб. сер. Кончилось тѣмъ, что сторговались за семь цѣлковыхъ: старостѣ сдѣлано два или три вопроса и дана къ подписи бумага неизвѣстнаго ему содержанія. Староста спрашивалъ меня на счетъ какихъ расходовъ слѣдуетъ отнести эти 7 р. (такъ я объ этомъ узналъ), а я, въ свою оче-

редь, спросилъ объ этомъ г. предводителя дворянства. *Спѣшу присовокупить, что сей послѣдній благосклонно принялъ мѣры къ прекращенію зла.* Такъ какъ подобныя продѣлки могутъ совершиться и въ другихъ мѣстахъ, то я почелъ долгомъ объявить объ этомъ, чтобы дать другимъ возможность оградить себя отъ напрасныхъ и несправедливыхъ расходовъ».

Объявленіе это произвело восторгъ въ нѣкоторой части публики. Нѣкоторые поборники прогресса съ восхищеніемъ воскликнули: „вотъ начало гласности! Радуйтесь и ликуйте, русскіе люди!“ Но, — Боже мой! какъ непродолжительно бываетъ земное счастье человѣка! Отъ 18 октября г. Д. Хрущовъ писалъ уже слѣдующее письмо, напечатанное въ 238 № (29 октября) „Сѣверной Пчелы“:

«Въ № 110 «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщена была моя статья подъ заглавіемъ: «Случай, который можетъ повториться». *По ближайшему съ тѣхъ поръ изслѣдованію оказалось, что приведенный случай относится не къ вѣдомству уѣзднаго предводителя дворянства.* Исполняя справедливое желаніе г. уѣзднаго предводителя долгомъ считаю *дополнить* симъ извѣстіе, напечатанное въ вышеприведенномъ № «Московскихъ Вѣдомостей».

«Д. Хрущевъ,
«Не Епифановскій помѣщикъ».

Итакъ — курьезное объявленіе, привѣтствованное нѣкоторыми, какъ начало гласности, оказалось, при всей своей скромности и возможной безыменности, неосновательнымъ и несправедливымъ. Второе письмо названо *дополненіемъ* перваго. Но кто же такъ *дополняетъ*? Въ первомъ письмѣ объявлено, что взятка была дана письмоводителю уѣзднаго предводителя, а во второмъ — что дѣло это вовсе не относится къ вѣдомству уѣзднаго предводителя... Въ первомъ написано, что „сей послѣдній благосклонно принялъ мѣры къ прекращенію зла“, а изъ второго видно, что сей послѣдній объ этомъ дѣлѣ знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ. Хорошо *дополненіе!*

Впрочемъ, если бы этого дополненія и не было, какой характеръ, какое значеніе имѣетъ статейка г. Хрущова, такъ радостно перепечатанная въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ? Въ чемъ смыслъ ея? „*Гдѣ-то, въ какомъ-то* имѣніи, *въ какой-то* губерніи, *какой-то* письмоводитель *какого-то* предводителя... нѣтъ, виноваты — *не* письмоводитель и *не* предводитель, а просто уже *кто-то*, состоящій *не въ вѣдомствѣ предводителя,* — взялъ съ *какого-то* старосты 7 цѣлковыхъ“. Объ этомъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, *для предостереженія!!* Какова аркадская невинность! Какъ будто мы только въ первый разъ узнали слово *взятка* изъ разсказа г. Хрущова! Какъ будто бы это такая диковинка въ нашемъ отечествѣ!.. Вѣдь это, право, похоже на то, какъ если бы во время, напримѣръ, осады Севастополя объявили такую вещь:

Случай, который можетъ повториться.

„Во время осады *одной* крѣпости, *одному* полку было приказано идти на приступъ, для занятія *одного* изъ непріятельскихъ укрѣпленій. *Одинъ* изъ солдатъ готовъ былъ исполнить свою обязанность, но при приближеніи полка къ укрѣпленію раздался со стороны непріятеля залпъ, и солдатъ былъ тяжело раненъ. Полковой командиръ принялъ всѣ мѣры для поданія ему помощи. Но рана была смертельна. Такъ какъ подобные случаи могутъ совершаться и въ другихъ мѣстахъ, то считаемъ долгомъ объявить объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы солдаты могли предохранить себя отъ напрасной смерти".

А черезъ двѣ недѣли напечатали бы такое *дополненіе*:

„По ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что убитый былъ вовсе не солдатъ и помощи отъ полкового командира не получалъ. Исполняя справедливое желаніе полкового командира, спѣшимъ *дополнить* симъ наше извѣстіе"...

Скажите, кто сомнѣвается въ томъ, что на войнѣ людей убиваютъ, а чиновники взятки берутъ? И объявленіе объ убитомъ солдатѣ помогло-ли бы въ самомъ дѣлѣ солдатамъ избавляться отъ напрасной смерти?

АТЕНЕЙНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

„Атеней", „журналъ современной исторіи, критики и литературы", возбудилъ при своемъ началѣ восторженныя ожиданія въ публикѣ и литераторахъ. Одинъ изъ нашихъ лучшихъ журналовъ провозгласилъ тогда, что „Атеней" *„составитъ важное пріобрѣтеніе для дѣла нашего просвѣщенія, что посредственность не найдетъ себѣ мѣста* въ „Атенеѣ", что изданіе его *вызвано потребностью многихъ лучшихъ людей* въ нашей литературѣ, горячо преданныхъ *новому оригину ихъ идей*, предмету ихъ симпатій".

Теперь, когда уже цѣлый годъ „Атеней" предъ судомъ публики, нельзя не подивиться глубокой проницательности означеннаго журнала. Чтобы убѣдиться въ истинѣ его словъ, довольно, не касаясь другихъ статей „Атенея", указать на его стихотворенія; они обратили на него справедливое вниманіе даже людей, не читавшихъ его прежде, и успѣли уже составить новый родъ поэзіи, который, за неимѣніемъ болѣе опредѣленнаго названія, мы пока будемъ именовать *атенейнымъ*.

Нужно замѣтить предварительно, что „Атеней" въ теченіе десяти мѣсяцевъ и трехъ недѣль, въ сорока шести нумерахъ своихъ не далъ читателямъ ни одного стихотворенія и какъ будто вообще чуждался поэзіи,

посвящая страницы свои исключительно серьезнымъ статьямъ. Какъ „журналъ критики, современной исторіи и литературы“, онъ въ первомъ же своемъ нумерѣ объявилъ, что хотя въ наше время на многія поэтическія произведенія „нужно смотрѣть съ точки зрѣнія *умѣстности, мѣткости и сноровки*“, но что во всякомъ случаѣ „*художественность формы* незамѣнима никакимъ достоинствомъ содержанія“. Понятно, что трудно было бы найти стихотворенія, которыя бы удовлетворяли всѣмъ вышереченнымъ достоинствамъ, то-есть, были бы *умѣстны* (въ „Атенеѣ“, должно разумѣть), *мѣтки* и ловко *сноровлены*, а вмѣстѣ съ тѣмъ отличались бы и *художественностью формы*. „Атеней“ не могъ помѣщать стихотвореній, подобныхъ тѣмъ, какія печатаются въ какомъ-нибудь „Русскомъ Вѣстникѣ“ или „Современникѣ“; онъ зналъ, что „посредственность не можетъ найти въ немъ мѣста“, что все, помѣщаемое въ немъ, должно удовлетворять „симпатіямъ лучшихъ людей нашей литературы“ и „составлять важное пріобрѣтеніе для дѣла нашего просвѣщенія“. Понимая всю важность своего поста, „Атеней“ ясно видѣлъ, что въ русской литературѣ нѣтъ ничего, что хоть нѣсколько подходило бы къ высотѣ его положенія; поэтому онъ рѣшился обратиться къ иностраннымъ литературамъ и тамъ искать приличныхъ для него стихотвореній. Оказалось, что и тамъ выборъ не великъ... Десять мѣсяцевъ и три недѣли провелъ „Атеней“ въ безплодныхъ исканіяхъ; наконецъ, *нашелъ—и 22 ноября 1858 г.* въ 47 своемъ нумерѣ напечаталъ слѣдующее стихотвореніе, пересаженное имъ въ русскую литературу съ германской почвы:

ВѢРА МУШТАГИДА *).

(Съ нѣмецкаго).

Нашъ муштагидъ шелъ вечеромъ домой,
Съ тяжелою отъ хмѣля головой,
Свалился въ грязь и набожно вздыхаетъ:
«Какъ нынѣ свѣтъ въ порокахъ погрязаетъ».
Знать, вѣрой муштагидъ былъ теплою согрѣтъ:
Лежитъ — и убѣжденъ, что съ нимъ упалъ весь свѣтъ.

Б*

Большинство публики — и даже литераторовъ! — не вдругъ поняли достоинства стихотворенія, переведеннаго господиномъ Б*. Какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, пошли толки и предположенія, не хуже тѣхъ, какіе шли нѣкогда въ Петербургѣ о носѣ коллежскаго асессора Ковалева. Одни утверждали, что это — акростихъ какого-то особеннаго рода и даже находили какой-то таинственный смыслъ въ первыхъ сло-

*) Муштагидъ—шіитскій проповѣдникъ. (Выноска «Атенея»).

гахъ четвертаго и пятаго стиха; но неосновательность ихъ мнѣнія была видна для всякаго, кто умѣетъ читать и имѣетъ понятіе объ акростихѣ. Другіе, нѣсколько раціональнѣе, доказывали, что тутъ открывается тонкій намекъ на современныя отношенія Китая къ Европѣ, которую китайцы считаютъ отсталою и поврежденною. Третьи увѣряли, будто стихотвореніе переведено нашимъ ученымъ политико-экономомъ, г. Бабстомъ, въ подтвержденіе мысли, уже не разъ имъ высказанной, что практика недостаточна безъ теоріи. Четвертые говорили, напротивъ, что подъ буквою Б* скрывается г. Буслаевъ, который перевелъ „Вѣру муштагида“ для доказательства того, что германскій и славянскій эпосъ сходны въ основныхъ чертахъ и происходятъ оба изъ одного санскритскаго корня. Были еще пятые, доходившіе до того, что увѣряли, будто стихотвореніе это написано Бѣлинскимъ на Булгарина, — и шестые, возражавшіе, что, напротивъ, это Булгаринъ написалъ на Бѣлинскаго. Неосновательность всѣхъ сихъ толковъ не требуетъ ученыхъ опроверженій. Замѣтимъ одно: всѣ таковыя разсужденія и нелѣпые слухи доказываютъ только, какъ мало еще развито эстетическое образованіе въ нашемъ обществѣ. Всѣ преданы конечнымъ интересамъ минуты и не умѣютъ цѣнить того, что заключаетъ въ себѣ вѣчный, непреходящій интересъ художественности.

Но „Атеней“, идя „твердымъ шагомъ по своему зрѣло-обдуманному пути“, какъ выражался о немъ вышеуказанный журналъ, не упалъ духомъ отъ невѣжественныхъ толковъ, безъ сомнѣнія, дошедшихъ и до него. Черезъ 26 дней послѣ „Вѣры муштагида“, 18 декабря, въ послѣднемъ своемъ нумерѣ, который заключается словомъ *„аминь“*, „Атеней“ напечаталъ два стихотворенія уже оригинальнаго русскаго производства.

Стихотворенія эти принадлежали г. Т. Пилянкевичу. Одно изъ нихъ „Нашъ вѣкъ“, говоритъ, что нашъ вѣкъ не признаетъ чудесъ, геніевъ и творцовъ; другое, „Я бѣденъ“, передаетъ скорбную исторію человѣка, который на дорогѣ *соблазнился первымъ льстивымъ зовомъ*, безразсудно *проигралъ свой тощій капиталъ*, потомъ *потекъ и изнемогъ*... Но нѣтъ, паѳосъ стихотворенія г. Т. Пилянкевича нельзя передать въ разсказѣ; приведемъ его стихи въ подлинникѣ.

«О, какъ невѣрно я расчислилъ,
Какъ безразсудно проигралъ
Свой бѣдный, *тощій капиталъ!*

Не взвѣся Божіихъ даровъ,
Не разгадавъ предназначенья,
Я въ путь *потекъ на первый льстивый зовъ*,
Не думая о камняхъ преткновенья.

Потекъ—и ослабѣлъ, напрягся—изнемогъ,
На изнемогшаго посыпались удары,—

И только милосердый Богъ
Не далъ еще допить мнѣ чаши смертной кары».

Это прелестное стихотвореніе не возбудило уже такихъ недоумѣній, какъ „Вѣра муштагида“; значеніе и достоинства его были поняты очень многими,—и это обстоятельство можетъ, между прочимъ, служить отраднымъ свидѣтельствомъ того, какъ быстро въ нашемъ обществѣ развиваются эстетическій вкусъ и образованіе.

Что касается до насъ, то мы во всей русской литературѣ прошлаго года не находимъ ни одного стихотворенія, которое можно бы было поставить на ряду съ произведеніями г. Пиляпкевича; только нѣсколько стиховъ изъ фантасмагоріи г-жи Павловой „Венеція“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, могутъ стать на ряду съ ними, по своей *игриво-застѣнчивой прелести.*

«Свой горькій жребій забывая,
Царица плѣнная морей,
Облитая лучами мая,
Глядится—женщина прямая—
Въ волнѣ сверкающей своей»...

Это уподобленіе Венеціи женщинѣ, которая стоитъ и *стыдливо глядится въ своей сверкающей волнѣ* — высокохудожественно! Оно даетъ намъ полное право отнести стихотвореніе г-жи Павловой къ разряду *атенейныхъ* и поставить ее рядомъ съ г. Т. Пиляпкевичемъ, котораго стихъ:

«*Потекъ—и ослабѣлъ, напрягся—изнемогъ*»,

не умретъ въ исторіи русской литературы.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПЬЕСЫ.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ.

1.

ЖАЛОБА РЕБЕНКА.

Для чего связали вы мнѣ руки?
Для чего спеленали меня?
Для чего на житейскія муки
Обрекли меня съ перваго дня?

Еще много носить мнѣ придется
На душѣ и на тѣлѣ цѣпей;
Вкругъ кипучей груди обовьется
Много, много губительныхъ змѣй.

Стариной освященный обычай,
Человѣка пристрастный законъ,—
Предписанія модныхъ приличій...
Ими буду всю жизнь я стѣсненъ...

Дайте жъ мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей груди вздохнуть!..
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

2.

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

Былъ у меня какой-то покровитель...
Всю жизнь мою его я не видалъ;
Но съ дѣтства убѣдилъ меня учитель,
Что онъ учиться мнѣ заочно помогалъ!

Что награждалъ меня за прилежанье,
Наказывалъ за шалости и лѣнь,
Что зналъ мои онъ мысли и желанья,
Что долженъ я ему молиться каждый день...
Молился я... Но сердце знать хотѣло
Того, кто втайнѣ былъ такъ добръ ко мнѣ,
Кто освѣщалъ собой начало дѣла
И помогалъ свершить его вполнѣ.
Однако, тщетно я искалъ его увидѣть
Иль встрѣтить гдѣ-нибудь хоть слѣдъ его прямой...
Но, подозрѣніемъ боясь его обидѣть,
Я вѣрилъ все, что онъ хранитель мой....
И мысль о немъ была мнѣ утѣшеньемъ
Въ тревожномъ, пасмурномъ младенчествѣ моемъ.
Безсильный самъ, я думалъ съ наслажденьемъ,
Что сильный у меня хранитель есть во всемъ...
Прошли года невинности безпечной,
И горемъ жизни я испытанъ былъ...
Хранителя молилъ я съ вѣрою сердечной,
Чтобъ онъ меня въ страданьяхъ подкрѣпилъ.
Но онъ не шелъ... Когда же сердца раны
Отъ времени ужъ стали заживать,
Сказали мнѣ, что горестью нежданной
Хранитель мой хотѣлъ меня лишь испытать,
Что долженъ я къ нему съ любовью обратиться,
И счастье вновь въ награду дастъ мнѣ онъ.
Я сдѣлалъ такъ... Но лишь успѣлъ склониться,
Какъ новымъ былъ ударомъ пораженъ.
Тогда пришло печальное сомнѣнье.
Я звалъ далекаго хранителя къ себѣ,
Чтобъ доказалъ права свои на уваженье,
Чтобъ сохранилъ меня во внутренней борьбѣ.
Напрасно... Онъ не шелъ... Не внялъ онъ призыванью—
Я проклиналъ довѣрчивость свою...
Но до сихъ поръ въ тяжеломъ ожиданьи
На жизненномъ пути недвижно я стою.

3.

Когда, среди зимы холодной,
Лишенный средствъ, почти безъ силъ,

Больной, озябшій и голодный,
Я пышный городъ проходилъ;

Когда чуть не былъ я задавленъ
Четверкой кровныхъ рысаковъ,
И былъ на улицѣ оставленъ,
Для назиданія глупцовъ;

Когда, оправясь, весь разбитый,
Присѣлъ я гдѣ-то на крыльцо,
А въ уши вѣтеръ дулъ сердито
И мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо,—

О, сколько вырвалось проклятій,
Какая бѣшеная злость
Во мнѣ кипѣла противъ братій,
Которымъ счастливо жилось—

Средь этой роскоши безумной
И для которыхъ—брата стонъ
Веселымъ бѣгомъ жизни шумной
И звономъ денегъ заглушенъ.

...Но пронеслись несчастій годы,
И, гордо мчась по мостовой,
Я радъ теперь, коль пѣшехода
Кнутомъ задѣнетъ кучеръ мой.

4.

ПОЭТУ.

Снова тучи сгустились на небѣ ночномъ,
Звѣздъ и мѣсяца свѣтъ помрачили.
Снова вѣтеръ завылъ, загремѣлъ въ небѣ громъ,
И глаза всѣ отъ страха закрыли.

Но не бойся: пронесся давно ураганъ,
И тяжелая ночь ужъ проходитъ.
Тамъ, далеко, за моремъ, прорѣзавъ туманъ,
Лучезарное солнце восходитъ...

Яркій свѣтъ упадетъ и сквозь мракъ густыхъ тучъ
На глаза отягченныхъ дремою,
И, людей разбудивши, живительный лучъ
Ихъ подниметъ на дѣло благое...

Ноябрь, 1856.

5.

ВСТРѢЧА.

Въ лохмотьяхъ, худенькій, болѣзненный и блѣдный,
Дрожа отъ холода, съ заплаканнымъ лицомъ,
На улицѣ меня разъ встрѣтилъ мальчикъ бѣдный
И сжалиться надъ нимъ молилъ меня Христомъ.

„Насъ пятеро дѣтей; отецъ взятъ въ ополченье,
„И при смерти лежитъ больная наша мать...
„Съ квартиры гонятъ насъ, нѣтъ денегъ на лѣченье,
„И намъ приходится по суткамъ голодать“...

Горѣлъ я, слушая... Облилось сердце кровью,
Но—пособить ничѣмъ не могъ я ихъ судьбѣ...
Ребенка я ласкалъ съ тоскою и любовью,
И мрачно думалъ я—о немъ и о себѣ...

А противъ насъ—сіялъ веселыми огнями
Роскошно-убранный, великолѣпный домъ...
Виднѣлась зала въ немъ съ зелеными столами,
И бальной музыки къ намъ доносился громъ...

6.

НА СМЕРТЬ ОСОБЫ.

Печальный вѣстникъ смерти новой,
Въ газетахъ черный ободокъ
Не будитъ горести суровой
Въ душѣ, исполненной тревогъ.

Въ какомъ-то радостномъ волненьи
Я каждый разъ внимаю вѣсть
О томъ, что въ старомъ поколѣньи
Еще успѣла жизнь отцвѣсть...

Чьей смерти прежде трепеталъ я,
Тѣхъ стариковъ ужъ нѣтъ давно;
Что въ старомъ мірѣ уважалъ я,
Давно все мной схоронено...

Ликуй же, смерть, въ странѣ унылой,
Все въ ней отжившее рази,
И знамя жизни надъ могилой.
На грудахъ труповъ водрузи!..

27 января, 1857.

7.

СОЛОВЕЙ.

Тебя, средь простора лѣсного,
Охотникъ въ силокъ изловилъ...
Чтобъ пѣснь твою сдѣлать звучнѣе,
Хозяинъ тебя ослѣпилъ.

И тянешь ты звонкую пѣсню,
И звучныя трели ты льешь.
Въ восторгѣ твой толстый хозяинъ,
Что ты неумолчно поешь.

Но я твой языкъ разумѣю,
И чуткой душою моей
Я слышу рыданья и стоны
Въ мелодіи пѣсни твоей.

Январь, 1857.

8.

Я пришелъ къ тебѣ, сгорая страстью,
Для восторговъ нѣги и любви...
Но тобой былъ встрѣченъ безъ участья,
И погасъ огонь въ моей крови.

Мнѣ въ глаза лукаво улыбаясь,
Равнодушно ты сказала мнѣ:
„Я гостей сегодня дожидаюсь,
„Намъ нельзя побыть наединѣ“...

Словъ твоихъ я скрытый смыслъ увидѣлъ,
На тебя съ презрѣньемъ посмотрѣлъ...
Въ этотъ мигъ тебя я ненавидѣлъ,
Отъ тебя на вѣкъ бѣжать хотѣлъ...

Но съ улыбкой нѣжною и ясной
Ты сказала: „завтра ты придешь?..“
И призывъ ласкающій и страшный
Бросилъ въ краску вдругъ меня и въ дрожь...

Я приду, приду, о, другъ мой милый,
Для восторговъ нѣги и любви...
Голосъ твой какой-то чудной силой
Вновь огонь зажегъ въ моей крови.

31 января, 1857.

9.

ТИХІЙ АНГЕЛЪ.

Кипѣлъ межъ нами споръ ужасный,
И бурно рѣчь гостей текла,
Когда ты къ намъ, съ улыбкой ясной,
Съ привѣтнымъ взоромъ подошла.

Вдругъ споръ замолкъ. Прервать молчанья
Никто какъ будто бы не смѣлъ;
И думалъ я въ очарованьи:
„Здѣсь тихій ангелъ пролетѣлъ!“

10 февраля 1857.

10.

СОНЪ.

Испытанный судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами,
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ,
Какой-то темный сводъ да изверги съ цѣпями...
Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ...
Я вновь дитя съ довѣрчивой душою...

Подъ отческимъ надзоромъ я росту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной...
Природа вкругъ меня спокойна и свѣтла
И дышетъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что въ свѣтѣ мило мнѣ...
И кажется, въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья...
Но въ глубинѣ душевной и во снѣ,
Шевелится тревожное сознанье,
Что это все мечта, не истина, а сонъ...
И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.

11 февраля, 1857.

11.

***

Еще недавно я неистовой сатирой
На небо и на землю возставалъ,
И звукомъ бѣшенымъ своей нестройной лиры
Надежды и восторгъ во многихъ пробуждалъ...

Но утомился я цѣпнымъ, безплоднымъ лаемъ,
И вздумалъ, цѣпь забывъ, взглянуть на Божій свѣтъ...
И новымъ чувствомъ я теперь одушевляемъ:
Въ душѣ моей суровыхъ звуковъ нѣтъ...

Я понялъ красоту!.. Душа полна любовью,
И мѣста нѣтъ для ненависти въ ней.
Мой стихъ запечатлѣнъ теперь не свѣжей кровью,
А развѣ тихою слезой любви моей.

Проклятій нѣтъ!.. Они звучали-бъ несогласно
Съ рѣчами милой; я-жъ согласья съ ней ищу...
Проклятій нѣтъ: она добра и такъ прекрасна,
Что, рядомъ съ ней, на зло смотрѣть я не хочу...

Проклятій нѣтъ... Но, подождите, братья!..
Забывшись отъ любви, горя въ ней, какъ въ огнѣ,
Прекрасную къ груди своей стремлюсь прижать я...
Но — эти цѣпи видите-ль на мнѣ?

Лишь только протяну я къ ней мои объятья,
Какъ эти цѣпи страшно загремятъ...
Пугливо отбѣжитъ она... И вновь проклятья
На землю и на небо полетятъ.

17 февраля, 1857.

ПѢСНИ ГЕЙНЕ.

I.

Ко груди твоей бѣлоснѣжной
Я голову тихо прижалъ,
И — что тебѣ сердце волнуетъ
Въ біеньи его угадалъ...
Чу, въ городъ вступаютъ гусары;
Намъ слышенъ ихъ музыки звукъ.
И завтра меня ты покинешь,
Мой милый, прекрасный мой другъ!...
Пусть завтра меня ты покинешь;
За то ты сегодня моя...
Сегодня въ объятіяхъ милой
Вдвойнѣ хочу счастливъ быть я.

4 февраля, 1857.

II.

Отъ насъ выступаютъ гусары...
Я слышу ихъ музыки звукъ;
И съ розовымъ, пышнымъ букетомъ
Къ тебѣ прихожу я, мой другъ!
Тутъ дикое было хозяйство,
Толпа и погромъ боевой...
И даже, мой другъ, въ твоемъ сердцѣ
Большой былъ военный постой...

6 февраля, 1857.

III.

Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась,
Сумасбродная моя!
Съ сердцемъ рыскалъ, въ дождь и слякоть
Всюду по городу я.
Всѣ трактиры я обѣгалъ
За бѣглянкою моей.
Но разспрашивалъ напрасно
Грубыхъ кёльнеровъ о ней,
Вдругъ я вижу — мнѣ киваетъ
Съ звонкимъ смѣхомъ изъ окна.
Могъ-ли знать я, что попала
Во дворецъ такой она!.

Февраль, 1857.

IV.

У тебя есть алмазы и жемчугъ,
Все, что люди привыкли искать, —
Да еще есть прелестные глазки...
Милый другъ! Чего больше желать?..
Я на эти прелестные глазки
Выслалъ цѣлую стройную рать
Звучныхъ пѣсенъ изъ жаркаго сердца.
Милый другъ! Чего больше желать?..
Эти чудные глазки на сердце
Наложили мнѣ страсти печать;
Ими, другъ мой, меня ты сгубила...
Милый другъ! Чего больше желать?..

9 февраля, 1857.

V.

Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ разсердилась?
Будто совершенно ты перемѣнилась?
Цѣлому я свѣту жаловаться буду,
Что со мной ты, другъ мой, обошлась такъ худо...
Миленькія губки! Можно-ль, чтобъ вы стали
Такъ неблагодарны, чтобъ о томъ сказали
Вы дурное слово, кто въ любви прекрасной,
Васъ во дни былые цѣловалъ такъ страстно.

9 февраля, 1857.

VI.

Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?
Цвѣтъ моей жизни отравой
Ты облила мнѣ, мой другъ!..
Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?
Множество змѣй въ моемъ сердцѣ,
Да еще ты, милый другъ!..

Январь, 1857.

VII.

Живыя чувства разцвѣтаютъ
И отцвѣтаютъ въ свой чередъ;
И вновь цвѣтутъ... и вянутъ снова...
И такъ до гроба все идетъ...
Я это знаю... Мыслью этой
Смущенъ мой миръ, моя любовь,
И къ сердцу, умному некстати,
Тревожно приливаетъ кровь...

7 февраля, 1857.

VIII.

О, перестань, мое сердце, крушиться;
Сердце мое, примирися съ судьбою!
Съ новой весною опять возвратится
Все, что зима унесла за собою.
И еще какъ тебѣ много осталось!
Сколько красотъ у природы и свѣта!
Лишь бы что милымъ тебѣ показалось,
Можешь ты все полюбить безъ запрета.

10 февраля, 1857.

IX.

Я горестный Атлантъ, я долженъ міръ носить,
Тотъ міръ — тяжелый міръ скорбей невыносимыхъ...
Подъ тяжестью его нѣтъ силъ мнѣ больше жить,
Мнѣ сердце рветъ въ груди отъ мукъ невыразимыхъ.

Ты сердце гордое, само хотѣло ты
Иль въ счастьи быть, но въ безпредѣльномъ счастьи,
Иль въ горѣ безпредѣльномъ,—вотъ мечты
Твои исполнились: дано тебѣ несчастье...

6 февраля, 1857.

X.

ВОПРОСЪ.

Ночью, надъ берегомъ дикаго моря,
Юноша грустный стоитъ,
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
„О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!..
Столько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Столько имъ муки принесъ!
„Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ—и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ...
„Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху, надъ звѣздами живетъ?..“
Катятся волны съ ихъ шумомъ обычнымъ;
Вѣтеръ несется и тучи несетъ;
Звѣзды мерцаютъ въ безстрастьи холодномъ...
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ...

8 февраля, 1857.

XI.

Въ мракѣ жизненномъ когда-то
Чудный образъ мнѣ свѣтилъ;
Но потускъ тотъ свѣтлый образъ,
Мракъ совсѣмъ меня покрылъ.
Дѣти, ежели впотемкахъ
Ужасъ чувствовать начнутъ,
Чтобъ боязнь свою разсѣять,
Пѣсню громкую поютъ.

Такъ и я, ребенокъ глупый,
Я пою теперь впотьмахъ.
Пѣснь моя звучитъ уныло,
Но разсѣянъ ей мой страхъ.

5 апрѣля, 1857.

XII.

Подождите терпѣливо:
Еще все изъ сердца рвется
Старой боли стонъ, и живо
Въ новыхъ пѣсняхъ отдается.
Подождите, въ жизни новой
Эхо боли расплывется,—
Изъ груди моей здоровой
Пѣснь весенняя польется.

6 апрѣля, 1857.

XIII.

Когда я вамъ ввѣрялъ души моей мученья,
Вы молча слушали, съ зѣвотой утомленья;
Но въ звучное я ихъ излилъ стихотворенье,
И вы разсыпались въ хвалахъ и восхищеньи.

17 февраля, 1857.

XIV.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Милая дѣвушка! Губки пурпурныя,
Кроткіе, свѣтлые глазки лазурные...
Милый мой другъ, дорогая, желанная!
Все о тебѣ моя мысль постоянная...
Длиненъ такъ вечеръ нашъ въ зиму унылую.
Какъ бы хотѣлъ я съ тобою быть, милая!
Въ комнаткѣ тихой съ тобой, другъ плѣнительный,
Сидя, забыться въ бесѣдѣ живительной,—
Крѣпко къ губамъ прижать эту нѣжную,
Милую ручку твою бѣлоснѣжную,
И на нее, эту ручку прекрасную,
Вылить въ слезахъ всю тоску мою страстную...

15 февраля, 1857.

XV.

Пусть на землю снѣгъ валится,
Вихрь крутитъ и буря злится,
Пусть стучитъ ко мнѣ въ окно...
Нужды нѣтъ... мнѣ все равно:
Образъ милый надо мною
Вѣетъ тихою весною...

17 февраля, 1857.

XVI

Солнце уже поднялось надъ горами,
Въ стадѣ овечки звонками звучатъ...
Другъ мой, овечка моя, мое солнце и радость,—
Какъ я еще разъ взглянуть на тебя былъ бы радъ!..
Съ жаднымъ томленьемъ гляжу я въ окошко...
„Другъ мой! прощай! Я иду отъ тебя“...
Нѣтъ, все какъ прежде опущены шторы...
Спитъ еще все... и во снѣ еще грежусь ей я...

31 марта, 1857.

XVII.

Другъ любезный! Ты влюбился...
Горе новое пришло...
Въ головѣ твоей туманно,
А на сердцѣ такъ свѣтло...
Другъ любезный! Ты влюбился...
Но не хочешь говорить...
Но я вижу—счастье сердца
Чрезъ жилетъ твой ужъ сквозитъ...

2 апрѣля, 1857.

XVIII.

Стоялъ я въ забытьи тяжеломъ,
Въ портретъ ея взоръ устремилъ,
И милый мнѣ образъ, казалось,
Таинственно жизнь получилъ.

Чудесно-живая улыбка
Явилась у ней на губахъ,
И скорбныя, скорбныя слезы
Блистали въ двухъ чудныхъ глазахъ.
И самъ я заплакалъ, и слезы
Катилися вдоль моихъ щекъ...
Я все не могу еще вѣрить,
Чтобъ я потерять тебя могъ!..

6 апрѣля, 1857.

XIX.

Грустно вошелъ я въ густую аллею,
Гдѣ мы съ любезной обѣты шептали:
Гдѣ ея слезы въ то время упали,
Тамъ изъ земли теперь выползли змѣи.

16 февраля, 1857.

XX.

Кастраты все бранили
Меня за пѣснь мою,
И жалобно твердили,
Что грубо я пою.
И нѣжно всѣ запѣли:
Ихъ дисканты неслись...
И, какъ кристаллы, трели
Такъ тонко въ нихъ лились...
И пѣли о стремленьи
И сладости—любить...
И дамы въ умиленьи
Всѣ плакали на взрыдъ.

7 апрѣля, 1857.

12.

ДОРОГОЙ.

Ночью по снѣжнымъ сугробамъ иду я:
Холодъ все тѣло мнѣ жметъ и куетъ,
Вѣтеръ, мнѣ въ уши неистово дуя,
Снѣжною пылью лицо мнѣ сѣчетъ.

На неразумную силу природы
Силюсь возстать я всей силой души;
Силюсь представить подъ ревъ непогоды,
Свѣтъ, и тепло, и бесѣду въ тиши.
Но застываетъ мечта и сознанье;
Движусь безъ мысли, какъ въ сонномъ бреду,
Смутно лишь чуя тупое желанье—
Сладко заснуть, какъ до мѣста дойду.

20 марта, 1857.

13.

ВЪ ЦЕРКВИ.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ;
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ;
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ...

Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю...
Только ужъ губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю...

Апрѣль, 1857.

14.

ОЧАРОВАНІЕ.

Съ душою мирной и спокойной
Гляжу на ясный божій міръ
И нахожу порядокъ стройный,
Добра и правды свѣтлый пиръ.
Нигдѣ мой взглядъ не примѣчаетъ
Пороковъ, злобы, нищеты,
Весь міръ въ глазахъ моихъ сіяетъ
Въ вѣнцѣ добра и красоты.

Всѣ люди кажутся мнѣ братья,
Съ прекрасной, любящей душой...
И я готовъ раскрыть объятья
Всему, что вижу предъ собой...
Мнѣ говорятъ, я вижу плохо,
Очки совѣтуютъ носить.
Но я молю, напротивъ, Бога,
Чтобъ далъ весь вѣкъ мнѣ такъ прожить.

5 апрѣля, 1857.

15.

СИЛА СЛОВА.

Моралистъ краснорѣчивый
Намъ о нищихъ говорилъ,
Рѣчью умной и правдивой
Помогать имъ насъ училъ:

Говорилъ о цѣли жизни,
О достоинствѣ людей,
Грозно сыпалъ укоризны
Противъ роскоши дѣтей...

Рѣчь его лилась такъ складно,
Былъ онъ такъ краснорѣчивъ,
Что ему внимали жадно
Всѣ, дыханье затаивъ,—

И, чтобъ не развлечь вниманья,
Отогнали двухъ старухъ,
Что на бѣдность подаянья
Подъ окномъ просили вслухъ...

10 апрѣля, 1857.

16.

Многіе, другъ мой, любили тебя,
Многимъ и ты отдавалась...
Но отдавалась ты имъ не любя...
Это была только шалость,

Или велѣнье голодной нужды,
Или отчаянья взрывы...
Но красоты твоей чистой слѣды
Въ самомъ паденіи живы...

Свѣжи и пламенны чувства твои,
Сердце невинно и чисто,—
И въ первый разъ еще блескомъ любви
Свѣтится взоръ твой огнистый.

Другъ мой! Съ довѣрьемъ склонись мнѣ на грудь,
Можемъ съ тобой съ этихъ поръ мы
Въ правдѣ сердечной любви отдохнуть
Отъ добродѣтельной формы.

14 апрѣля, 1857.

17.

Напрасно ты отъ вѣтреницы милой
Отвѣта ждешь на гордое письмо:
Она знакома съ собственною силой,
Безсилье же твое сказалось ей само...
Повѣрь, твои отчаянныя строки
Она съ улыбкою небрежною прочтетъ,
И жалобы твои, угрозы и упреки—
Спокойно все она перенесетъ.
Она увидитъ въ нихъ порывъ любви несчастной,
Порывъ отчаянья и ревности твоей.
И будетъ ждать, когда съ мольбою страстной,
За примиреньемъ самъ ты явишься предъ ней.
И придешь съ тоской своей влюбленной,
Къ ногамъ прекрасной робко ты падешь,
И ласковой ея улыбкой оживленный,
Забывши все, къ груди ея прильнешь...

27 мая, 1857.

18.

Не диво доброе влеченье
Въ душѣ невинной, молодой,
Не испытавшей обольщенья
Любви и радости земной.

Но кто соблазнамъ жизни трудной
Нуждою рано преданъ былъ,
Кто битву жизни безразсудной
Паденьемъ тяжкимъ заключилъ,

Кто въ искушеніяхъ разврата
Провелъ дни лучшіе свои,
Тому трудна стезя возврата
На голосъ правды и любви...

Но ты, мой другъ, мой ангелъ милый,
На мой призывъ отозвалась;
Любви таинственною силой
Ты освятилась и спаслась.

И не забуду я мгновенья,
Какъ ты, проклявъ свой прежній путь,
Полна и вѣры, и смущенья,
Рыдая, пала мнѣ на грудь.

2 іюня, 1857.

19.

Сдѣлалъ глупость я невольно
Въ увлеченіи смѣшномъ,
Но душа моя довольна,
Только вспомнилъ я о томъ.

За минутную ошибку
Благодарною улыбкой
Былъ я щедро награжденъ
Звукомъ ласковыхъ именъ,

Милой рѣчью, милымъ взоромъ,
Милой радостью твоей,
Сладострастнымъ разговоромъ
Въ упоеніи страстей,

Пыломъ жаркаго лобзанья
И объятій молодыхъ...
О, какъ много обаянья
Въ счастьи глупостей такихъ!

3 іюня, 1857.

20.

Я знаю все: упала ты глубоко,
Любовь свою ты многимъ раздаешь;
Средь пошлости, позора и порока,
Забывъ себя, ты весело живешь...

Но, противъ воли, сердце молодое
Горитъ во мнѣ любовію къ тебѣ;
Душа моя полна одной мечтою—
О нашей общей будущей судьбѣ...

Я чую—внутреннимъ огнемъ горю я,
Какъ ты меня къ груди своей прижмешь;
Ты у меня, уста мои цѣлуя,
Изъ сердца соки жизненные пьешь...

Такъ нѣжный кустъ, плющемъ въ объятьяхъ стиснутъ, гибнетъ,
Теряя соки лучшіе свои...
А тотъ все дальше стелется и липнетъ
Къ другимъ—съ объятьемъ гибельной любви...

15 іюля, 1857.

21.

ДОРОЖНАЯ ПѢСНЯ.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой „Лучину“, мой ямщикъ!
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ...

Ты и я, всѣ наши братья,
Наши лучшіе друзья,
Всѣ узнали, безъ изъятья,
То, что такъ крушитъ тебя.

Пой, ямщикъ, твоя кручина
И во мнѣ волнуетъ кровь:
Вѣдь и мнѣ мою лучину
Облила водой свекровь.

А то, какъ было въ избушкѣ
Хорошо она зажглась...
Богъ проститъ моей старушкѣ:
Тьма по сердцу ей пришлась.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой „Лучину“, мой ямщикъ:
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ!..

27 іюля, 1857.

22.

ПАМЯТИ ОТЦА.

Благословенъ тотъ часъ печальный,
Когда ошибокъ дѣтскихъ мгла
Вслѣдъ колесницы погребальной
Съ души озлобленной сошла!
Съ тѣхъ поръ я въ мертвомъ упованьи
Отрады жалкой не искалъ,
И безполезному роптанью
Себя на жертву не давалъ.
Не уловлялъ мечты туманной,
Но безъ надеждъ и утѣшеній
Я гордо снесъ мою печаль
. . . .
Смотрѣлъ на жизненную даль,
На битву жизни вышелъ смѣло...
И жизнь свободно потекла...
И дѣлалъ я благое дѣло
Среди царюющаго зла...

23.

Солнце освѣтило горъ вершины;
И отъ нихъ легла густая тѣнь,
И не знаютъ мирныя долины,
Что вверху давно сіяетъ день.

Съ грудью каменной, въ коронѣ льдистой,
Въ величавой мантіи изъ тучъ,

Отъ долины сумрачной и мглистой
Горы заслоняютъ солнца лучъ.

Наверху движенье и работа,
А внизу всѣ въ сонъ погружены;
Только для грядущаго забота
Шлетъ имъ всѣмъ мучительные сны.

Но на полдень солнце все стремится,
Совершая свой обычный ходъ;
Тѣнь отъ горъ короче становится
И къ полудню вовсе пропадетъ.

Станетъ солнце прямо надъ долиной,
И внизу проглянетъ свѣтлый день,
До тѣхъ поръ, пока съ другой вершины
Не наляжетъ вновь густая тѣнь.

Сентябрь, 1857.

24.

НАПРАСНО!

Помню, нянюшка старушка,
Умывая разъ меня,
Такъ ворчала: „ну, на долго-ль?
Вотъ опять пойдетъ возня

На полу, въ copy да въ хламѣ;
Весь чумазый прибѣжишь...
Да пойдешь на солнце бѣгать:
Цыганенкомъ загоришь“.

Я молчалъ. Старушка стихла.
И потомъ уже любя,—
„Ну, ужъ пачкайся,—сказала:—
Грязь-то смою я съ тебя.

Только шалостей не дѣлай;
Тѣхъ не смоешь ужъ ничѣмъ...
Ручку вывихнешь аль сломишь,
Ножку вывернешь совсѣмъ,

Носъ расквасишь, глазъ засоришь,
Разобьешься,—кровь пойдетъ.
А коль больно зашалишься,—
Богъ и рожки прикуетъ...

А дурачиться не будешь—
Подростешь ты молодцомъ,
Всѣмъ возьмешь ты, мой красавчикъ,
И дородствомъ и лицомъ.

Всѣмъ Господь тебя украситъ,
Всѣхъ съ ума собой сведешь,
И жену себѣ съ приданымъ
И красавицу возьмешь".

Я съ довѣрьемъ слушалъ няню,
Я старался не шалить,
Чтобы вырости красавцемъ,
Чтобы съ рожками не быть.

Но, хоть скромникъ и разумникъ,
Безобразенъ выросъ я,
И лишь стоитъ мнѣ жениться,
Рожки будутъ у меня...

Май, 1858.

25.

БѢДНЯКУ.

Горькой жалобой, рѣчью тоскливой
Ты минуту отрады мнѣ далъ:
Я средь этой страны молчаливой
Ужъ и жалобъ давно не слыхалъ.

Точно въ ночь, средь кладбища глухого,
Я могильною тишью объятъ,
Только тѣни страдальцевъ, безъ слова,
Предо мной на могилахъ стоятъ...

Ропотъ твой безотрадно-унылый
Былъ воскресная пѣснь для меня;
Точно, плача надъ свѣжей могилой,
Жизни вопль въ ней услышалъ вдругъ я.

20 іюня, 1858.

26.

ПОСѢЩЕНІЕ НОВГОРОДА.

Ровно въ три часа поутру
Пароходъ пришелъ.
И я тотчасъ древній городъ
Посмотрѣть пошелъ.

Еще мирно спитъ весь городъ,
Но его покой
Вѣетъ бурей жизни прошлой,
Вольной, удалой.

На Буяновскомъ проспектѣ
Предо мной лежалъ
Человѣкъ съ подбитымъ глазомъ
И спокойно спалъ.

Тутъ же, близко, въ „заведеньи"
Выбито стекло,
Точно пренье вѣчевое
Въ эту ночь въ немъ шло.

Дальше домъ, вчера сгорѣвшій.
Два солдата рвутъ
Въ немъ задвижки, гвозди, петли:
Безкорыстный трудъ!

Вотъ двѣ дамы ѣдутъ шумно;
Что-то мнѣ кричатъ;
Но языкъ имъ плохо служитъ,
Мутенъ что-то взглядъ.

Ѣдетъ, видно проигравшись,
Мрачный господинъ
И колотитъ въ спину ваньку
Съ крикомъ „сукинъ сынъ"!

Вотъ присутственное мѣсто,—
Я въ окно взглянулъ:
На столахъ—чернилъ озера,
Опрокинутъ стулъ,

Шкапъ съ законами отворенъ,
На полу—дѣла.
Словно сходка вѣчевая
Здѣсь вчера была...

Все гласитъ тебѣ о прошломъ
Вольной жизни край!—
Даже мостъ твой съ надписаньемъ:
„Строилъ Николай!“

6 іюня, 1858.

27.

Тоской безстрастія томимый,
Больной, усталый, всѣмъ чужой,
Я лишь тебѣ, мой другъ любимый,
Внушилъ любовь, тебѣ одной.

Твоя любовь была бъ цѣленьемъ
Душѣ болѣзненной моей,
Ее я пилъ бы съ наслажденьемъ,
Какъ пьютъ цѣлительный елей...

Но прочь съ любовію твоею!
Вѣдь чувства этого сосудъ
Тобой разбитъ; струи елея
По полу грязному текутъ...

И предъ разлившимся бальзамомъ
Меня могущимъ исцѣлить,
Стою я съ ужасомъ упрямымъ...
Ужель припасть къ нему и пить?

4 іюля, 1858.

28.

Ты меня полюбила такъ нѣжно,
Милый другъ мой, голубка моя;
Ты мечтала отъ жизни мятежной
Отдохнуть на груди у меня.

Ты бѣжала отъ шума разврата,
Отъ нескромныхъ желаній друзей,
Чтобъ со мной безмятежно и свято
Наслаждаться любовью своей.

Но не знала меня ты въ то время,
Ты подумать тогда не могла,
Чтобы тотъ отягчалъ твое бремя,
Въ комъ ты мигъ облегченья нашла;

Чтобы тотъ, кто тебя отъ паденья
Спасъ въ горячихъ объятьяхъ своихъ,
Чтобъ тебя онъ привелъ къ преступленью,
Противъ чувствъ твоихъ самыхъ святыхъ.

Ты ошиблась, ошиблась жестоко...
Много слезъ ты со мной пролила,
Ты во мнѣ ту же бездну порока,
Отъ которой бѣжала, нашла.

Овладѣлъ я твоею душею,
И, въ любви безпредѣльной своей,
Дорожить переставши собою,
Ты участницей стала моей...

Все, что женскому сердцу такъ свято,
Что такъ сладко волнуетъ его,
Все мнѣ въ жертву, мой другъ, принесла ты,
Не боясь, не стыдясь, ничего...

И преступной красою блистая,
Предо мною ты грустно стоишь,
И мнѣ сердце тоской надрывая,
„Ты доволенъ-ли мной?“ говоришь...

„Отчего жъ ты меня не цѣлуешь?
„Не голубишь, не нѣжишь меня?
„Что ты блѣденъ? О чемъ ты тоскуешь?
„Что ты хочешь?—Все сдѣлаю я“...

Нѣтъ, любовью твоей умоляю,
Нѣтъ, не дѣлай, мой другъ, ничего...
Я и то ужъ давно проклинаю
Часъ рожденья на свѣтъ моего...

31 іюля, 1858.

29.

ЖЕНА.

— Ты любилъ другую
Прежде чѣмъ женился?
Разскажи жъ теперь мнѣ,
Какъ ты съ ней простился?
Сколько было жалобъ,
Гнѣва и печали?
Какъ меня вы оба
Вмѣстѣ проклинали?

МУЖЪ.

— Нѣтъ, сказалъ я просто,
Что къ отцу я ѣду;
Въ глушь меня онъ тащитъ
Погостить къ сосѣду.
А она сказала
Съ думою унылой:
Коль зоветъ отецъ твой,
Поѣзжай, мой милый.
Только, добрый другъ мой,
Воротись скорѣе...
Страшны отчего-то
Эти мнѣ затѣи.
Ѣдетъ въ глушь не даромъ
Твой отецъ—я знаю...
Вѣрно, у сосѣда
Дочь есть молодая.
Мудрено-ль въ деревнѣ
Ей тебѣ плѣниться!
И отецъ заставитъ
Тамъ тебя жениться...

Но когда жениться
    На другой ты будешь,
Ты моей послѣдней
    Просьбы не забудешь:
Подѣлись со мною
    Чувствами твоими
И твоей невѣсты
    Напиши мнѣ имя,—
Чтобъ о ней могла я
    Каждый день молиться:
Пусть она съ тобою
    Счастьемъ насладится.

1 августа, 1858.

РЕФЛЕКСІЯ.

30.

О ней и о своей любви
Я думалъ съ грустью и боязнью.
Горела страсть въ моей крови,
А совѣсть мнѣ грозила казнью.
Не зная, чѣмъ мнѣ кончить *съ ней*,
Я проклиналъ свое безумье
И плакалъ о любви своей,
Полнъ малодушнаго раздумья.
Вдругъ донеслися до меня,
Изъ-за перегородки тонкой,
И рѣчи, полныя огня,
И поцѣлуй, и хохотъ звонкій.
Потомъ все стихло. Свѣтъ потухъ.
Лишь напряженное дыханье
Да шопотъ проникалъ въ мой слухъ,
Да заглушенное лобзанье...
Я зналъ ихъ. Какъ я *съ ней*, сошлись
Они случайно, но влеченью
Сердецъ безпечно предались
Безъ думъ, безъ слезъ, безъ опасенья.
Счастливцы! Въ свѣтлой ихъ любви
Нѣтъ ни сомнѣнья, ни боязни,
Ихъ страсть—и въ сердцѣ и въ крови,
И совѣсть не сулитъ имъ казни.

13 августа, 1858.

31.

Пала ты, какъ травка полевая,
Подъ косой искуснаго косца;
И ему себя всю отдавая,
Для него, съ любовью, умирая,
Ароматъ свой льешь ты безъ конца...

А ему — и небо помогаетъ
Наслаждаться гибелью твоей:
Тучъ своихъ оно не посылаетъ,
И твое паденье орошаютъ
Только слезы изъ моихъ очей.

14 августа, 1858.

32.

НАШЪ ОЛИМПЪ.

Низко наше небо;
Надъ землей оно
Тяжело нависло,
Мутно и темно.
Негдѣ разыграться
Сладостнымъ мечтамъ,
Неоткуда взяться
Свѣтлымъ божествамъ.
Но въ лѣсахъ дремучихъ,
Въ омутахъ рѣчныхъ,
Подъ землей въ болотахъ,
Много духовъ злыхъ,
Ихъ нечистой силой
Связанъ нашъ народъ;
Имъ онъ, полный страха,
Почесть воздаетъ.
Если-жъ и подниметъ
Взглядъ свой къ небесамъ,
Все столбы да змѣи
Грозно ходятъ тамъ.

16 августа, 1858.

ИЗЪ ВТОРОЙ ТЕТРАДИ.

1.

Не въ блескѣ и теплѣ природы обновленной,
Не при ласкающемъ дыханіи весны,
Не въ бальномъ торжествѣ, не въ залѣ оживленной
Узналъ я первые сердечной жизни сны.
Въ каморкѣ плачущей, среди зимы печальной,
Нашъ первый поцѣлуй другъ другу дали мы,
Въ лицо намъ грязный свѣтъ бросалъ огарокъ сальный,
Дрожали мы вдвойнѣ—отъ стражи и зимы...
И завтрашній обѣдъ, и скудный и невѣрный
Невольно холодилъ нашъ пылъ нелицемѣрный.
Кто знаетъ, отчего ты отдалася мнѣ?
Но зналъ я, отчего другимъ ты отдавалась...
Что нужды? Я любилъ. Въ сердечной глубинѣ
Ни одного тебѣ упрека не сыскалось.

2.

Бурнаго моря сердитыя волны,
Что такъ влечетъ меня къ вамъ?
Я вѣдь не брошусь, отвагою полный,
Встрѣчу сердитымъ волнамъ?
Грудью могучей, сильной рукою
Не разсѣку я волны,
Не поплыву я искать подъ грозою
Обѣтованной страны...
Край мой желанный, любимый мной свято,
Тамъ, гдѣ волна улеглась,
Тамъ, далеко, гдѣ, спускаясь куда-то,
Море уходитъ изъ глазъ;
Мнѣ не доплыть до страны той счастливой
Сквозь этихъ яростныхъ волнъ...

Что же стою я, пловецъ боязливый,
Жаднымъ волненіемъ полнъ?
Такъ бы и кинулся въ ярое море.
Въ бой бы съ валами вступилъ...
Кажется, въ этомъ бы самомъ просторѣ
Взялъ и отваги и силъ.

3.

Не обманутъ я страстной мечтой,
Мы не любимъ, конечно, другъ друга.
Но не даромъ мы дышемъ съ тобой
Раздражающимъ воздухомъ юга;
Но не даромъ надъ нами волканъ,
Передъ взорами синее море
И въ умѣ память древнихъ римлянъ,
Наслаждавшихся здѣсь на просторѣ.
Въ тщетныхъ поискахъ чистой любви
Столько лѣтъ погубивши уныло,
Я доволенъ теперь, что въ крови
Ощутилъ хоть животную силу.
Для кого мнѣ ее сберегать?
Всю растрачу съ тобой, моя Нина,
Безъ надежды, чтобъ стала терзать
За погибшія силы кручина.

4.

Мы далеко. Неаполь цѣлый
Слился въ неясныя черты.
Одинъ Сентъ-Эльмо опустѣлый
Насъ провожаетъ съ высоты.
Безъ пушекъ, безъ солдатъ, свободный,
Пугать онъ городъ пересталъ
И въ праздникъ вольности народной
Трехцвѣтнымъ пламенемъ сіялъ.
Но подъ веселыми огнями,
Какъ будто демоновъ полна,
Качая длинныя тѣнями,
Чернѣла грозная стѣна.
И въ этотъ мигъ, какъ полдень знойный
Стоитъ надъ городомъ живымъ,

Чернѣетъ замокъ безпокойный
Тиранства прежнимъ часовымъ
И говоритъ: „отсюда можно
Изъ штуцеровъ перестрѣлять
Всѣхъ, кто пойдетъ неосторожно
Свободы истинной искать“.

5.

Нѣтъ, мнѣ не милъ и онъ, нашъ сѣверъ величавый...
Тоски души моей и онъ не исцѣлитъ...
Не вылѣчусь я тѣмъ, что было мнѣ отравой,
Покоя не найду, гдѣ мой челнокъ разбитъ.
Скучая и томясь бездѣйствіемъ тяжелымъ,
Одинъ, для всѣхъ чужой, съ уныньемъ молодымъ.
Брожу я, какъ мертвецъ, на праздникѣ веселомъ,
У моря теплаго, подъ небомъ голубымъ.
Брожу и думаю о родинѣ далекой,
Стараясь милое припомнить что-нибудь...
Но нѣтъ... и тамъ все то жъ... все тотъ же одинокій,
Безъ милой спутницы, безъ свѣтлой цѣли путь;
И тамъ я чуждъ всему, и тамъ ни съ чѣмъ не связанъ,
Для сердца ничего родного нѣтъ и тамъ...
Лишь выучилъ я тамъ, что строго я обязанъ,
Для блага родины, страдать по пустякамъ,
Что ужъ таковъ у насъ удѣлъ разумной жизни...
Страдаю я и здѣсь, чего же мнѣ искать
Въ моей нерадостной, неласковой отчизнѣ?
Тамъ нѣтъ моей любви, давно въ могилѣ мать.
Никто тамъ обо мнѣ съ любовью не вздыхаетъ,
Никто не ждетъ меня съ надеждой и тоской,
Никто, какъ ворочусь, меня не приласкаетъ,
И не къ кому на грудь усталой головой
Склониться мнѣ въ слезахъ отраднаго свиданья,
Одинъ, какъ прежде, я тамъ буду прозябать...
Лишь свѣтомъ и тепломъ, и роскошью созданья
Не станетъ сѣверъ мой мнѣ нервы раздражать.

6.

Средь жалкихъ шалостей моихъ
То безтѣлесно идеальныхъ,

То исключительно плотскихъ
И даже часто слишкомъ сальныхъ,
Одну я встрѣтилъ, для кого
Былъ радъ отдать и духъ и тѣло...
За то она-то ничего
Взять отъ меня не захотѣла.
И до сихъ поръ ее одну
Еще въ душѣ моей ношу я,
Изъ лучшихъ странъ въ ея страну
Стремлюсь, надѣясь и тоскуя.
Зачѣмъ меня отвергла ты,
Одна, съ кѣмъ могъ я быть счастливымъ,
Одна, чьи милыя черты
Ношу я въ сердцѣ горделивомъ?
А, впрочемъ, можетъ,—какъ рѣшить?
За то лишь суетной душою
И не могу тебя забыть,
Что былъ отвергнутъ я тобою?

7.

Необозримой, ровной степью
Поспѣшно я держу мой путь.
Зачѣмъ? Чтобъ вновь короткой цѣпью
Тамъ въ тѣсный кругъ себя замкнуть!
Кругъ заколдованный! За мною
Онъ всюду слѣдовалъ, какъ тѣнь:
Въ Парижъ, блестящій суетою,
И въ тишь швейцарскихъ деревень,
Въ уѣздный русскій городъ Ниццу,
По итальянскимъ берегамъ,
И въ мусульманскую столицу,
И по роднымъ моимъ полямъ;
На кораблѣ, средь океана,
Онъ отъ меня не отставалъ,
И въ высяхъ горняго тумана
Меня собою оцѣплялъ.

8.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой:

Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья,—хочу быть вашимъ,
На трудъ и битву я готовъ,—
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ;
Но если нѣтъ,—мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ, съ пошлостью людской,
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я,—работа наша
Ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

9.

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
И лучшіе друзья не приподымутъ рукъ.

10.

Васъ страшитъ мой видъ унылый.
Такъ и ждете: вотъ застонетъ,
Рѣчью жалкой и постылой
Всю веселость въ насъ прогонитъ.
И ко мнѣ, полны вниманья,
Съ свѣтлой лаской вы спѣшите,
Льстясь надеждой, что стенанья
Добротой предупредите.
Такъ мы нищему калѣкѣ
Быстро суемъ подаянье,

Чтобъ онъ выгнившія вѣки
Не рванулъ на показанье;
  Чтобъ изломанныя ноги
Не вывертывалъ предъ нами
И не застилъ намъ дороги
Острупленными руками.
  Но не бойтесь: я пе нищій,—
Спрячьте ваше подаянье:
Я гнушаюсь сладкой пищей,
Полной яда состраданья.

11.

  Пускай умру—печали мало,
Одно страшитъ мой умъ больной,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:
  Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.
  Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я,
  Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

---

* * *

  Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.
  Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

НА ТОСТЪ ВЪ ПАМЯТЬ БѢЛИНСКАГО.

6 іюня 1858 г. *).

И мертвый—живъ онъ между нами
И—плачетъ горькими слезами
О поколѣньи молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...

Онъ грозно шелъ на грозный бой,
Съ самоотверженной душой.
Онъ, подъ огнемъ враговъ опасныхъ,
Для насъ дорогу пролагалъ
И въ Лету груды самовластныхъ
Авторитетовъ побросалъ.

Исполненъ прямоты и силы,
Безстрашно шелъ онъ до могилы

*) Помѣщаемая здѣсь *часть* стихотворенія «На тостъ въ память Бѣлинскаго» не входила въ предыдущія изданія сочиненій Добролюбова и впервые напечатана съ рукописи автора М. А. Антоновичемъ въ его статьѣ: «Причины неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы» («Слово» 1878. № 2). При этомъ, г. Антоновичъ, со словъ Некрасова, передаетъ, что ежегодно почитатели Бѣлинскаго устраивали въ память его обѣдъ. На одномъ изъ нихъ присутствовалъ и Добролюбовъ, но впечатлѣніе его было таково, что, возвратившись домой, онъ излилъ свое негодованіе въ стихахъ, которое и разослалъ анонимно главнымъ участникамъ обѣда, въ томъ числѣ и Некрасову. Анонимъ раскрылся, такъ какъ Добролюбовъ и не думалъ за нимъ прятаться, и многіе извѣстные литераторы обидѣлись, говоря, что «этотъ мальчишка самъ не понимаетъ Бѣлинскаго». Съ этого времени и началось охлажденіе между литераторами сороковыхъ годовъ и Добролюбовымъ. М. А. Антоновичъ предполагаетъ, что приводимое имъ стихотвореніе и есть то, которое было написано послѣ этого обѣда, такъ какъ 6 іюня, къ тому же, день имянинъ Бѣлинскаго. Стихотвореніе любопытно еще тѣмъ, что опровергаетъ взглядъ, особенно яркимъ выразителемъ котораго былъ Тургеневъ, что Добролюбовъ и его друзья относились къ дѣятельности Бѣлинскаго отрицательно.

Стезею правды и добра.
Въ его нещадномъ отрицаньи
Виднѣлась новая пора,
Пора дѣйствительнаго знанья.

И, умирая, думалъ онъ.
Что путь его уже свершенъ,
Что молодыя поколѣнья
По имъ открытому пути
Пойдутъ, безъ страха и сомнѣнья,
Чтобъ къ цѣли, наконецъ, дойти.

Но молодыя поколѣнья,—
Полны и страха, и сомнѣнья,—
Тамъ, гдѣ онъ палъ, на мѣстѣ томъ,
Въ смущеньи рабскомъ суетятся
И имъ проложеннымъ путемъ
Умѣютъ только любоваться.

Не разъ я въ честь его бокалъ
На пьяномъ пирѣ поднималъ
И думалъ: „Только! только этимъ
Мы можемъ помянуть его!
Лишь пошлымъ тостомъ мы отвѣтимъ
На мысли свѣтлыя его“...

РАЗСКАЗЫ.

ДОНОСЪ *).

РАЗСКАЗЪ.

Не было ни одного человѣка въ губернскомъ городѣ Покорскѣ, который бы могъ оставаться хладнокровнымъ, когда заходила рѣчь о Петрѣ Спиридонычѣ Ошарскомъ, секретарѣ гражданской палаты. Отзывы о немъ были очень разнообразны, но тонъ ихъ былъ всегда самый горячій и восторженный. Петръ Спиридонычъ былъ едва-ли не единственнымъ предметомъ, на которомъ по цѣлымъ часамъ могъ держаться у покорскихъ гражданъ одушевленный разговоръ. Старички спорили о немъ съ молодыми, женщины интересовались имъ наравнѣ съ мужчинами, даже дѣти оставляли свои игрушки и внимательно прислушивались, какъ скоро въ разговорѣ упоминалось имя Петра Спиридоныча. И въ самомъ дѣлѣ, Ошарскій былъ, можетъ быть, самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ цѣлой Покорской губерніи. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, всего лѣтъ тридцати съ небольшимъ, но уже носилъ пряжку за пятнадцатилѣтнюю безпорочную службу. Лѣтъ пятнадцати, исключенный изъ семинаріи, поступилъ онъ писцомъ въ духовную консисторію, оттуда перешелъ въ полицію, затѣмъ въ уѣздный судъ и, наконецъ, втерся въ гражданскую палату. Красивымъ почеркомъ, а всего болѣе почтительностію къ начальству и точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ скоро заслужилъ расположеніе своего столоначальника и даже обратилъ на себя милостивое вниманіе секретаря. Года черезъ два онъ былъ помощникомъ столоначальника, черезъ четыре столоначальникомъ, а черезъ десять секретаремъ. Въ пять лѣтъ своего секретарства онъ успѣлъ выстроить себѣ два дома, выгодно жениться, купить на имя жены деревеньку и еще положить, какъ говорили, порядочный капиталъ въ ломбардъ (по понятіямъ покорскихъ жителей, всякій достаточный человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть деньги *въ ломбардѣ*). Съ этой стороны обыкновенно и разсматривался Ошарскій своими согражда-

*) «Современникъ» 1857 г., 8. Подписано «Николай Александровичъ».

нами. Личныя его качества менѣе возбуждали общее вниманіе, и многіе даже удивлялись, что отчего такое счастье во всемъ человѣку, не имѣющему въ себѣ ничего необыкновеннаго. Вообще, многіе отзывались о немъ съ завистливымъ негодованіемъ, другіе съ почтительной завистью, а третьи, съ безкорыстнымъ сознаніемъ его превосходства, ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ и племянникамъ.

Но исторія о томъ, какъ Петръ Спиридонычъ сдѣлался секретаремъ, заслуживаетъ особаго описанія. Онъ достигъ этого самъ собою, своими личными достоинствами. Достоинства эти были дѣйствительно замѣчательны. Онъ выставлялъ себя человѣкомъ очень образованнымъ, говорилъ, что никакихъ отвлеченностей не признаетъ и создавать для себя призраки не имѣетъ ни малѣйшей охоты. Нерѣдко сбивалъ онъ съ толку ученѣйшихъ людей, учившихся въ семинаріи и даже въ духовной академіи, своими положительными вопросами. „Да гдѣ же граница между побужденіями чувственными и духовными, возвышенными, какъ вы называете?— говорилъ онъ.— Что же такое честность, если она, по вашему, имѣетъ безусловный смыслъ? Объясните мнѣ, пожалуйста, чего ради долженъ я о себѣ заботиться меньше, чѣмъ о другихъ, и своей выгодѣ предпочитать чужую?..“ И, задавши подобный вопросъ, Петръ Спиридонычъ выставлялъ впередъ одну ногу, лѣвую руку упиралъ себѣ въ бокъ, а правой поправлялъ очки на своемъ прямомъ и остромъ носу, и затѣмъ устремлялъ дерзкій взглядъ на своего собесѣдника. Этого взгляда никто не выдерживалъ; ученые мужи принимались иногда за метафизическія объясненія, но Ошарскій мгновенно поражалъ ихъ діалектикой здраваго смысла, какъ называлъ онъ свое краснорѣчіе. И любо было посмотрѣть на него, когда онъ торжествовалъ свою побѣду надъ „семинарской софистикой“, какъ говорилъ онъ самъ. Рѣчь его текла свободно и живо, глаза такъ и сверкали, кровь такъ и переливалась въ крупныхъ очертаніяхъ его рябоватаго лица. Подумаешь, что стоитъ передъ тобой энтузіастъ и пропагандистъ какихъ-нибудь новыхъ идей, а онъ просто — секретарь гражданской палаты... Его рѣзкость и гордый видъ были пріобрѣтены долговременной привычкой властвовать и непривычкой встрѣчать неудачи. Во всей палатѣ не было человѣка, который бы сколько-нибудь сносно зналъ законы, Ошарскій же зналъ отлично не только то, что есть въ законахъ, но и то, чего совсѣмъ нѣтъ въ нихъ. Онъ могъ кого угодно запутать и нѣсколько разъ заставлялъ старика предсѣдателя отказаться отъ мнѣнія, уже утвержденнаго и подписаннаго имъ, пугая его слѣдствіемъ и Сибирью. Полный сознанія собственнаго достоинства, онъ не унижался передъ всякимъ, кто только былъ повыше его чиномъ или побогаче сотней рублей дохода. Напротивъ, онъ даже отличался особенной самоувѣренностью въ обращеніи съ такими людьми и большую

часть ихъ держалъ въ рукахъ. Дерзкое самовольство было въ характерѣ Ошарскаго. За него изгнали несноснаго мальчишку изъ семинаріи, за него же терпѣлъ онъ множество непріятностей въ первое время своей службы. Горькій опытъ научилъ, наконецъ, Ошарскаго смиренію, и онъ смирился, но и смирился по своему. Вмѣсто того, чтобы замолчать и превратиться въ безсловеснаго слушателя и исполнителя чужихъ приказаній, онъ заговорилъ еще громче прежняго, только совершенно въ другомъ родѣ. Онъ замѣтилъ, что столоначальникъ его не любитъ французскаго табаку и чиновниковъ изъ университета, и принялся наповалъ ругать французскій табакъ и университеты. Онъ узналъ, что одинъ изъ писцовъ—племянникъ секретаря и пользуется его протекціей, и постарался сблизиться съ племянникомъ, чтобы выразить предъ нимъ свое удивленіе и благоговѣніе къ дядюшкѣ. Предсѣдатель обращалъ особенное вниманіе на то, чтобы у прописныхъ буквъ головки дѣлались самыя маленькія, и Ошарскій, скрѣпя сердце, сталъ писать такъ, что его глаголи и рцы походили на огромнѣйщій шестъ, съ едва замѣтною на верху скворечницей. Мало того, онъ громко принялся спорить и доказывать, что такой способъ написанія буквъ, дѣйствительно, самый удобный и красивый. Такимъ образомъ, Петръ Спиридонычъ былъ постоянно на виду у начальства и обращалъ на себя его вниманіе съ самой отличной стороны. Для него же самого такой переворотъ въ дѣятельности не представилъ особенныхъ затрудненій. Онъ воображалъ себя въ положеніи охотника, разставляющаго силки для птичекъ, и про себя потѣшался глупостью своихъ жертвъ. Скоро, однакожъ, натура взяла свое, и, сдѣлавшись столоначальникомъ, Петръ Спиридонычъ началъ изподтишка утирать носъ своему секретарю, а предсѣдателю и въ усъ не дулъ, хотя по привычкѣ и продолжалъ выводить скворечницы на прописныхъ буквахъ. Черезъ нѣсколько времени секретарь убѣдился, что съ Ошарскимъ ссориться опасно и заключилъ съ нимъ союзъ, сдѣлавши его своимъ помощникомъ. Это соединеніе было тѣмъ необходимѣе, что тогда приближались выборы и поговаривали, что на слѣдующее шестилѣтіе старый предсѣдатель не будетъ выбранъ. Слухи, впрочемъ, не оправдались; дворяне привыкли уже къ старику и опять его выбрали, тѣмъ болѣе, что и не за что было забаллотировать его: онъ никому не сдѣлалъ зла,—„здоровьемъ былъ онъ слабъ и всѣ дѣла секретарю оставилъ“, а секретарь былъ человѣкъ благонамѣренный и даже честный, насколько дозволяло ему его положеніе. За то въ палату присланъ былъ новый товарищъ предсѣдателя, молодой человѣкъ, весьма горячо хлопотавшій о честности. Петръ Спиридонычъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и рѣшился сдѣлать хорошее употребленіе изъ добрыхъ расположеній новаго поборника честности. Случай къ этому представился очень скоро. Однажды по утру. Ошарскій сидѣлъ въ своей

комнатѣ, допивая чай и просматривая дѣла, которыя были на очереди въ тотъ день, какъ вдругъ отворилась дверь и предъ нимъ предсталъ стройный молодой человѣкъ въ гусарскомъ мундирѣ.

— Не вы-ли господинъ Ошарскій,—обратился онъ къ Петру Спиридонычу, не снимая фуражки.

— Къ вашимъ услугамъ-съ... Что вамъ угодно?—отвѣчалъ хозяинъ, не вставая съ мѣста.

— Мнѣ посовѣтывали обратиться къ вамъ по этому чертовскому дѣлу, которое вы вѣрно знаете,—ну, объ этомъ глупомъ балакаевскомъ наслѣдствѣ,—продолжалъ гость, разваливаясь въ креслахъ.

— Ахъ, такъ вы—г. Балакаевъ!.. Не угодно-ли чаю?

— Ну его къ чорту!.. Какой Балакаевъ... Не дай Богъ быть Балакаевымъ. Я просто Струшинъ...

— Струшинъ!.. Такъ вамъ чего же отъ меня угодно? Я для васъ ничего сдѣлать не могу...

— То-есть—это значитъ, что Балакаевъ успѣлъ уже васъ купить... Да вѣдь я самъ человѣкъ, понимающій эти дѣла... Не съ пустыми руками пришелъ къ вамъ...

— Я вамъ совѣтую прежде всего, г. Струшинъ, не забывать, что вы говорите съ чиновникомъ и что вы находитесь въ моей квартирѣ, откуда я могу попросить васъ выдти.

— А вы думаете, что я васъ такъ и послушаюсь... Мнѣ чортъ съ вами, и съ вашей квартирой, и съ вашимъ чиновничествомъ... Пошелъ бы я къ вамъ, кабы не это проклятое наслѣдство...

— Да и теперь напрасно пожаловали. Наслѣдства этого вамъ не видать, какъ ушей своихъ... Помилуйте,—Балакаевъ родной братъ покойницы, а вы-то что же такое?.. Двоюродный или троюродный племянникъ...

— Э, что за вздоръ вы мнѣ говорите... Я этого ничего не хочу слышать... Я знаю, что вы можете сдѣлать все, что нужно. Вамъ только отговорка нужна... Ну, тамъ, расходы, что-ли, какіе... Чортъ ихъ знаетъ,—разумѣется,—это все будетъ заплачено... Вотъ на первый разъ на расходы вамъ тысяча рублей... Возьмите.

— О какихъ расходахъ вы говорите? и съ какой стати меня дѣлаете повѣреннымъ вашимъ? Деньги на веденіе дѣла нужны тамъ писцамъ, столоначальникамъ, секретарю, мало-ли кому! Подите, да и дайте имъ всѣмъ.

— Стану я еще ко всѣмъ имъ ходить. Да и почему я знаю, кому сколько дать. Мнѣ васъ рекомендовали, какъ дѣльнаго и расторопнаго человѣка... Да мнѣ и ѣхать нужно скоро... Вѣдь ваши труды будутъ вознаграждены... Я ничего не пожалѣю... Помилуйте — дѣло идетъ о семидесяти тысячахъ годового дохода... Я всего недѣлю тому назадъ занялъ

въ Москвѣ десять тысячъ подъ залогъ этого наслѣдства. Нужно же мнѣ получить его... Теперь у меня осталось всего пять тысячъ,—хотите три?..

— Если вы хотите поручить мнѣ хлопоты по вашему дѣлу, то, разумѣется, я могу согласиться на нѣкоторыхъ условіяхъ и сдѣлаю все, что нужно. Но я ничего не могу вамъ обѣщать, я даже напередъ говорю вамъ, что, вѣроятно, ваше дѣло будетъ проиграно.

— Такъ за какимъ же чортомъ и хлопотать тогда? Чортъ съ вами, я отправлюсь и дамъ три тысячи секретарю.

— И онъ все-таки ничего не сдѣлаетъ, потому что еще столько же нужно дать предсѣдателю, да чиновникамъ еще...

— Да я послѣ все заплачу... Теперь у меня денегъ нѣтъ. . Возьмитесь, пожалуйста, хлопотать. Я предоставлю пока три тысячи въ ваше распоряженіе... А мнѣ, право, некогда... Въ Петербургѣ давно балы, маскарады начались,—а я тутъ провозился съ вашими глупыми выборами, да съ этимъ подлѣйшимъ наслѣдствомъ... Ну, такъ беретесь?

— Видите, въ чемъ дѣло: намъ нужно, если ужъ такъ, исполнить нѣкоторыя формальности. Вы напишите, что поручаете мнѣ передать деньги кому слѣдуетъ за рѣшеніе вашего дѣла и что требуете отъ меня росписки въ полученіи... Я вамъ дамъ росписку, и по ней возьму росписки съ секретаря и другихъ, кто будетъ получать, тогда мы съ вами и сведемъ свои счеты.

— Ну, что же, это можно, я думаю, сейчасъ сдѣлать, пожалуй, хоть съ приложеніемъ моей печати. Диктуйте, я буду писать... Всѣмъ чиновникамъ вмѣстѣ, или каждому особо?.. Пожалуйста, вмѣстѣ... А то провозишься чортъ знаетъ сколько времени.

— Нѣтъ-съ, какъ же можно всѣмъ вмѣстѣ... Впрочемъ, знаете, что?—можно написать только для секретаря. Остальные,—народъ добросовѣстный и сговорчивый... Пишите секретарю... на тысячу рублей...

— Какъ на тысячу?.. На три...

— Да вѣдь у васъ всего три? такъ ихъ нужно раздѣлить, я думаю... пока вы не пришлете остальныхъ...

— Ахъ, да, разумѣется, такъ я пишу-съ... Диктуйте.

Петръ Спиридонычъ сѣлъ къ столу возлѣ Струшина и принялся писать росписку въ полученіи денегъ, диктуя въ то же время, что слѣдовало, своему просителю. Черезъ десять минутъ все было готово. Гусаръ отдалъ деньги и ушелъ, очень довольный собою, позабывъ даже взять съ собою росписку Ошарскаго.

По уходѣ его, Петръ Спиридонычъ замѣтилъ сквозь зубы, посмотрѣвъ ему вслѣдъ: „Вотъ дуракъ-то!.. думаетъ тремя тысячами отдѣлаться, когда Балакаевъ, законный наслѣдникъ, десять ужъ заплатилъ... А, впро-

чемъ, секретарю я насолю, прибавилъ онъ, немного подумавъ, и принялся отсчитывать тысячу рублей изъ полученныхъ денегъ. Отсчитавши, онъ бережно завернулъ ее въ бумажку, а потомъ спряталъ въ свой портсигаръ. Остальныя деньги заперты были въ шкатулку, находившуюся въ сундукѣ, подъ кроватью Ошарскаго. Окончивъ эту операцію, онъ позвалъ кухарку Акулину и велѣлъ ей убирать чай, а самъ принялся писать росписку отъ имени секретаря въ полученіи тысячи рублей на веденіе струшинскаго дѣла.

— Ты что сегодня обѣдать мнѣ дашь?—спросилъ онъ, между писаньемъ, Акулину, которая вытирала стаканъ.

— Да что вамъ дать-то? Что прикажете, то и будетъ.

— А ты варила, что-ли, что-нибудь?

— Что варить-то! Ничего не варила... Супъ только вамъ.

— Супъ какой у тебя?

— Какому быть-то ему? Картофельный будетъ, телячій... Хорошій супъ.

— Ну, хорошо... А еще что?

— Да что еще?.. Ничего больше... Каша будетъ.

— Не надо каши... А ты вотъ что сдѣлай... Приготовь котлеты къ обѣду на трехъ человѣкъ, чтобы было всего... Да сходи—сладкихъ пирожковъ возьми въ кандитерской, что-ли, на двугривенный. Теперь вѣдь ужъ самой ничего нельзя сдѣлать, ни пирога сладкаго, ни блинчиковъ, ничего этакого?..

— Отчего не сдѣлать?.. Можно бы все сдѣлать, кабы съ вечера сказали.

— Да тутъ ужъ нечего „съ вечера“, я про теперешнее говорю... Теперь-то нельзя, вѣдь?

— Теперь-то ужъ какъ можно... Теперича, извѣстно, ничего не сдѣлаешь.

— Ну, такъ, вотъ такъ и сдѣлай. Вотъ и денегъ тебѣ.

Петръ Спиридонычъ далъ кухаркѣ полтинникъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Петръ Спиридонычъ отправился на поприще общественной дѣятельности. Въ Палатѣ онъ занялся дѣлами съ обычнымъ усердіемъ и только одинъ разъ, между дѣлъ, позволилъ себѣ поговорить съ молодымъ помощникомъ столоначальника, недавно еще учившимся въ университетѣ и до сихъ поръ не успѣвшимъ утратить своихъ юношескихъ вѣрованій.

— Да, хорошо вамъ мечтать, пока еще молоды,—говорилъ Ошарскій, незамѣтно отходя къ окну, гдѣ никто не могъ слышать ихъ разговора.— А какъ послужишь, да посмотришь на людей, такъ и видишь, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности сдѣлать что-нибудь порядочное...

— Зачѣмъ? Развѣ нельзя вооружиться энергіей правды и, съ сознаніемъ правоты дѣла, гордо и смѣло идти на борьбу...

— Полноте, гордо и смѣло... Потихоньку-то борешься, такъ и то, того и гляди, что пропадешь, какъ червякъ. А поднимись-ко гордо и смѣло-то... въ ту же минуту раздавятъ...

— Неужели вы считате негодяевъ столько твердыми, что они рѣшатся идти противъ открытой силы? Никогда. Они сильны только безсиліемъ другихъ.

— Такъ-то оно такъ, да все же осторожность нужна, хоть сначала, по крайней мѣрѣ. Да вотъ, чего далеко ходить, секретарь нашъ вѣдь ужъ мошенникъ отъявленный (Петръ Спиридонычъ понизилъ голосъ), а подите, сладьте съ нимъ. Вотъ сегодня у меня съ нимъ должна быть исторія. Я васъ хотѣлъ пригласить къ себѣ, чтобы вы были свидѣтелями, вотъ тотчасъ послѣ Палаты.

— Извините, мнѣ сегодня нужно въ одно мѣсто... еслибъ вечеромъ...

— Ха, ха, ха, вотъ вы, проповѣдники-то борьбы... На словахъ-то вы всѣ хороши, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и прочь сейчасъ... Даже и посмотрѣть боитесь...

— Что же, вы думаете, что я трушу... этого?..

— Ну, разумѣется... какъ же иначе...

— Извольте, я у васъ буду... Въ которомъ часу?—театрально-рѣшительнымъ голосомъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Ну, вотъ хорошо... давно бы такъ,—отвѣчалъ Ошарскій примиряющимъ тономъ, подавая руку увлеченному имъ юношѣ.—Такъ сегодня, тотчасъ, какъ присутствіе кончится, отправимся обѣдать ко мнѣ. Тутъ и секретарь будетъ... Вы увидите вещь очень интересную. Только предупреждаю васъ—ни во что не вмѣшивайтесь, молчите и ожидайте, пока я попрошу вашего содѣйствія. Оно будетъ нужно, но ежели вы сунетесь раньше, чѣмъ слѣдуетъ, вы все дѣло испортите. Смотрите же... Дѣло идетъ о торжествѣ нашихъ стремленій.

Послѣ присутствія Ошарскій приступилъ къ секретарю съ убѣдительнѣйшею просьбою зайти къ нему. Послѣ многихъ отговорокъ, секретарь согласился, услышавъ, что посѣщеніе это имѣетъ цѣлію разговоръ объ одномъ *интересномъ* дѣльцѣ... Съ ними вмѣстѣ пошелъ и Аменскій, молодой помощникъ столоначальника. Увидавши его, секретарь спросилъ съ неудовольствіемъ:

— А этотъ что?..

— А этотъ тоже намъ нуженъ будетъ,—успокоительнымъ тономъ отвѣчалъ Ошарскій, и секретарь успокоился.

Секретарь былъ уже человѣкъ старый и принадлежалъ къ породѣ

тѣхъ простодушныхъ чиновниковъ, которые никакъ не могутъ понять, почему же имъ не слѣдовало бы брать денегъ за дѣло, которое они сдѣлаютъ. Инстинктивно онъ не терпѣлъ Аменскаго, какъ человѣка, по его мнѣнію, пустого и вреднаго; но инстинктивно же онъ понималъ и то, что этотъ человѣкъ не можетъ быть очень опасенъ. Такимъ образомъ втроемъ дошли они до квартиры Ошарскаго, разсуждая о томъ, что нынѣшній годъ зима сиротская, и что ежели лѣто по зимѣ будетъ, то оно будетъ жаркое, а если зима по лѣту, то до весны еще сильные холода будутъ...

Пріятный разговоръ продолжался и на квартирѣ Петра Спиридоныча до самаго обѣда. Передъ обѣдомъ, по обычаю, выпили и закусили, на столъ тоже поставлены были графинъ водки и бутылка лафита, при чемъ хозяинъ замѣтилъ:

— Это вотъ вамъ, молодой человѣкъ, если хотите... А мы съ Петромъ Кирилычемъ русскаго хватимъ...

— А вы то что за старикъ,—возразилъ Аменскій...

— Э. батюшка, какъ это говорится-то: не годы старятъ—заботы... Вамъ что: разсуждаете себѣ на досугѣ, какъ человѣчество переработать, а устанете, такъ въ деревню отдохнуть отправитесь... А вотъ какъ намъ нужно о кускѣ насущномъ позаботиться, такъ другое запоешь... Да еще мнѣ споля́горя... а вотъ Петру-то Кирилычу—трое дѣтей малолѣтнихъ... выростить надо, воспитать, да и замужъ отдать... На жалованье-то далеко не уѣдешь...

Говоря это, Петръ Спиридонычъ значительно посматривалъ на Аменскаго, какъ бы увѣдомляя его, что интересное представленіе начинается.

— Да подлецъ и народишко-то сталъ,—говорилъ секретарь:—никуда не годится... Дрянь такая, ни на что не похоже... Нѣтъ, чтобы эдакъ честненько да смирненько поплатиться за дѣло-то... Куда-тебѣ, всякая свинья еще шумитъ, лѣзетъ съ рыломъ-то... Вотъ хоть бы этотъ дуракъ— еще графъ — Рѣшетиловъ-то... Какъ посмотрѣлъ я у него въ деревнѣ, такъ цѣлый домъ книгами одними заваленъ... Управляющій говоритъ, что тысячъ на десять каждый годъ всякаго хламу покупаетъ... И на кой прахъ онѣ ему?.. и не прочитаетъ половины. А случилось намеднись плевое дѣло,— все-то какихъ-нибудь пяти-сотъ рублей стоитъ, — такъ не по губѣ рѣшили,—на апелляцію въ Сенатъ взялъ, да еще бѣды отъ него жди себѣ, отъ болвана...

— Какъ, вы хотите отнять право голоса у подсудимаго?..—началъ было Аменскій, но хозяинъ прервалъ его:

— Чего тутъ хотѣть, любезнѣйшій Андрей Васильевичъ,—надобно просто смотрѣть вездѣ на обстоятельства. Вѣдь дѣло дѣлу рознь. Вотъ хоть бы теперь у насъ Балакаевское дѣло, о которомъ я и говорить хотѣлъ съ вами сегодня, Петръ Кирилычъ ..

— Ну, да, Балакаевъ-то еще туда, сюда.

— Что же такое, видно, что стариннаго вѣка человѣкъ...

— Дѣло-то ужъ его, такъ его, что и запутать трудно,—а все-таки тысченку-другую перепустилъ... Нельзя же оставаться скотомъ неблагодарнымъ за добро, которое намъ люди дѣлаютъ. А тотъ вертопрахъ-то носу, небось, не показалъ... А вѣдь, чай, тоже нарохтился выиграть дѣло.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—замѣтилъ Петръ Спиридонычъ, думавшій между тѣмъ: „вишь, старый мошенникъ, прикидывается какъ!.. Тысченку, другую... Какъ будто я не знаю, сколько денегъ разсорилъ Балакаевъ!.. Ну, да мы тебя выведемъ на свѣжую воду".

— Да-съ, безъ всякаго сомнѣнія,—повторилъ онъ.—Онъ вѣдь самъ и процессъ-то началъ... Впрочемъ, не хлопоталъ онъ по своимъ дѣламъ скорѣе по недосугамъ и по незнанію, чѣмъ по неблагородству мыслей. Онъ всего только на два дня пріѣзжалъ сюда и сегодня поутру былъ у меня...

— У васъ былъ-съ?.. Что же онъ, какъ?.. Вѣдь дѣло-то его въ ходу.

— Онъ это очень хорошо понимаетъ... Вообще, хоть гусаръ и молодой человѣкъ, а, должно быть, дока. Онъ знаетъ, къ кому и какъ прибѣгнуть, понимаетъ, въ комъ сила. Ко мнѣ заѣхалъ только на минуту,—по дорогѣ, говоритъ, съ тѣмъ, чтобы я передалъ вамъ тысячу рублей... для сообщенія *начальнаго* движенія дѣлу, какъ онъ говоритъ...

— Тысячу рублей, — повторилъ секретарь, искоса поглядывая на Аменскаго.

— Да, — продолжалъ Петръ Спиридонычъ, — тысячу рублей собственно для васъ, на начальные расходы. Натурально, что онъ и другихъ не забылъ. И вотъ Андрей Васильичъ свидѣтелемъ былъ...

— Кто?.. я-съ?—съ изумленіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Чего же вы испугались,—значительно подмигнувъ, продолжалъ Ошарскій.—Не бойтесь, мы васъ никогда не выдадимъ. Но вѣдь для порядка дѣла нужно же. Онъ такой законникъ... не отдалъ мнѣ просто денегъ, а подъ росписку, хоть и при свидѣтелѣ... И самъ мнѣ далъ сохранную запись, что даетъ мнѣ тысячу рублей для передачи секретарю на первоначальное веденіе дѣла... Такъ и самъ написалъ, и мнѣ велѣлъ написать: на первоначальное веденіе дѣла... Видно, что надувать не хочетъ...

— Однако, вы маху дали, Петръ Спиридонычъ... Какъ же это бѣсъ-то васъ угораздилъ дать росписку?.. А какъ онъ возьметъ да предъявитъ ее, куда слѣдуетъ?..

— Экая ему выгода будетъ, Петръ Кирилычъ! Во-первыхъ, процессъ проиграетъ, во-вторыхъ, въ Палату потомъ ужъ ни за какимъ дѣломъ не показывайся, а въ-третьихъ, вы, я думаю, знаете постановленіе, что вся-

каго, уличеннаго въ томъ, что даетъ взятку и хочетъ подкупить судью, — судить по строгости законовъ, такъ же, какъ самого подкупленнаго... Что же ему за выгода?.. нѣтъ, это онъ просто изъ опасенія, чтобы я не надулъ его, да не замоталъ его денегъ...

— Такъ-ли, полно, Петръ Спиридонычъ?..

— Именно такъ, Петръ Кирилычъ. Это доказывается тѣмъ, что онъ настоятельно требовалъ, чтобы я и отъ васъ взялъ росписку въ полученіи и ему переслалъ въ Москву...

— Какъ, и отъ меня росписку? Что вы городите-то!

— Вотъ — спросите Андрея Васильича. Да и въ роспискѣ-то я долженъ былъ написать: „въ чемъ обязуюсь въ непродолжительномъ времени отъ онаго секретаря представить вышерѣченному Струшину росписку, въ противномъ же случаѣ неустойку всей суммы принять на себя“.

— Ну, что же это вы набѣдокурили тутъ, Петръ Спиридонычъ?.. Чортъ знаетъ, умный человѣкъ, кажется, а всегда пакость какую-нибудь сочинитъ... Не могу же я вамъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, такой росписки давать... Не прежнія времена. Въ такую впутаешься исторію... и какъ не сообразить было...

— Какъ вамъ угодно, Петръ Кирилычъ, мое дѣло тутъ сторона... А только что я думалъ, что вы этимъ дѣломъ брезговать не будете. Тутъ вѣдь десятками тысячъ пахнетъ. Можно его на пять лѣтъ протянуть: оно вѣдь только еще начато. И Струшинъ такой молодецъ, что знаетъ, кѣмъ и какъ взяться... Такія дѣла не часто и у насъ случаются... А коли не хотите, такъ я ему такъ и напишу. Назадъ-ли онъ деньги возьметъ или передать кому другому велитъ, мнѣ вѣдь все равно, я только по расположенію къ вамъ, зная вашъ характеръ.

— Что тутъ мой характеръ. Дѣло-то дрянь ты сдѣлалъ. Само собой, что за молодца надо взяться; само собой, что такого дѣльца мы съ тобой, можетъ, еще-то и не дождемся. Да неужто нельзя безъ росписки было? Самъ-то далъ, да и меня втюрилъ тутъ же, — въ чужомъ пиру похмѣлье.

— Я ужъ, Петръ Кирилычъ, отговаривался, отговаривался, ничто не беретъ-съ, — отвѣчалъ Ошарскій, а самъ посмотрѣлъ па Аменскаго, какъ бы говоря глазами: „подивитесь-ка безсовѣстности; говоритъ, что ему тутъ похмѣлье въ *чужомъ* пиру“.

Аменскій отвѣчалъ взоромъ, полнымъ негодованія, и жестомъ, выражавшимъ желаніе плюнуть въ глаза гнусному секретарю.

— Этакая, вѣдь, исторія, подумаешь. Ну что тутъ станешь дѣлать? Просто сообразить никакъ не могу.

Соображеніе Петра Кирилыча въ это время, дѣйствительно, нѣ-

сколько притупилось, потому что обѣдъ подходилъ уже къ концу, а гостепріимный хозяинъ не забывалъ, въ промежуткахъ разговора, подчивать своего гостя очищеннымъ. Когда встали изъ-за стола, секретарь велѣлъ Ошарскому написать росписку и дать ему подписать, вмѣстѣ съ деньгами. Росписка была уже готова, и все дѣло слажено въ нѣсколько минутъ. Аменскій, по просьбѣ Петра Спиридоныча, подписался, какъ свидѣтель. Послѣ этого Ошарскій завелъ рѣчь о преимуществахъ русской водки передъ заморскими винами, а Андрей Васильичъ вступилъ съ нимъ въ горячій споръ, упрекая его въ квасномъ патріотизмѣ.

Видя, что дѣлать тутъ болѣе нечего, секретарь всталъ, покачиваясь, отыскалъ кое-какъ шляпу и палку и простился съ хозяиномъ. Ошарскій его не удерживалъ.

— Вотъ гадина-то,—сказалъ Аменскій, какъ только секретарь вышелъ изъ комнаты.

— Подите же и боритесь съ такими врагами, — замѣтилъ Петръ Спиридонычъ.

— А вашему поведенію я удивляюсь, — снова началъ разгорячившійся поборникъ честности. —Какъ, участвовать въ низостяхъ, быть посредникомъ между негодяями, помогать неправому дѣлу, помилуйте, это стыдно, это... это...

— А чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я?... Я просто бы кинулъ въ рожу этому Струшину его деньги...

— Ну, онъ бы отправился самъ къ секретарю, да и сладился съ нимъ.

— По крайней мѣрѣ, вы тутъ не были бы замѣшаны. Ваша совѣсть была бы чиста.

— За то правое дѣло было бы проиграно навѣрное. А теперь я имѣю возможность спасти его, начавши ту борьбу, о которой вы давеча говорили.

— Какъ это?

— Очень просто: идти съ этими росписками къ товарищу предсѣдателя и разсказать ему все дѣло. Онъ человѣкъ благонамѣренный и участвовать въ дѣлѣ благородномъ никогда не откажется. Съ нимъ вмѣстѣ можно отправиться къ предсѣдателю. Тотъ слабъ и глупъ, такъ его можно застращать оглаской, и онъ передастъ дѣло губернатору, чтобы нарядили слѣдствіе. А тамъ ужъ вѣрная отставка этому мошеннику, ежели еще подъ судъ не отдадутъ... Вы не откажетесь отъ этого?

— Но какъ же вы хотите? Доносъ... вѣдь это подло.

— Вотъ тебѣ и разъ!.. Вотъ вамъ и европейскія понятія... Такъ, по вашему, если вы видѣли, что разбойникъ въ лѣсу человѣка зарѣзалъ, а потомъ вы его встрѣтили въ обществѣ,—подло будетъ сказать, что это

разбойникъ, что нужно схватить его! По вашему только два пути—укрывательство да дуэли, если ужъ на расправу пошло... А законнымъ порядкомъ дѣйствовать подло... Хорошъ взглядъ!.. Самый просвѣщенный!.. Нечего сказать...

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ только показалось какъ-то... я не знаю... У насъ весь порядокъ такой, что... знаете... доносъ... шпіонство... все какъ-то смѣшивается...

— Такъ не смѣшивайте же, умный вы человѣкъ... Отправляемся, что-ли, къ товарищу?

— Отправимтесь, и сейчасъ же...

— Ну, разумѣется, сейчасъ же... Вы будете моимъ свидѣтелемъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано: отправились къ товарищу предсѣдателя. Это былъ молодой человѣкъ въ родѣ Аменскаго, либералъ отчаянный, нѣсколько лѣтъ писавшій уже проэктъ о немедленномъ искорененіи взяточничества въ цѣлой Россіи. Онъ предполагалъ: изъ коренныхъ дворянъ и состоятельныхъ людей выбрать особенныхъ чиновниковъ, которыхъ обязанность состояла бы въ томъ, чтобъ неусыпно слѣдить, какъ за чиновниками, такъ и за просителями и всячески препятствовать имъ видѣться и условливаться между собою. Всякій проситель, уличенный въ томъ, что далъ взятку, неизбѣжно лишался за то права выиграть свое дѣло; а чиновникъ, пойманный во взяточничествѣ,—на первый разъ лишался годового жалованья, съ занесеніемъ въ формуляръ, на второй—платилъ штрафъ въ десять разъ болѣе полученной взятки, а на третій—исключался изъ службы съ лишеніемъ состоянія. Чтобы облегчить должность особыхъ чиновниковъ, которыхъ товарищъ предсѣдателя хотѣлъ назвать цензорами, предполагалось выстроить особенное зданіе, гдѣ должны были жить всѣ чиновники и куда слѣдовало приставить особую стражу, съ тѣмъ, чтобы она никого изъ постороннихъ въ этотъ домъ не пускала безъ предъявленія особаго удостовѣренія начальства, что этотъ человѣкъ никакого дѣла въ судахъ и палатахъ не имѣетъ. Этимъ способомъ прерывались всякія сношенія чиновниковъ съ просителями на дому, и, слѣдовательно, вполнѣ устранялась всякая возможность брать взятки. Проектъ этотъ начатъ былъ товарищемъ предсѣдателя еще въ школѣ, и онъ чрезвычайно сожалѣлъ, что не успѣлъ кончить его къ выборамъ, чтобы предложить на разсмотрѣніе благороднаго и просвѣщеннаго дворянства. Главное затрудненіе, котораго авторъ смѣлаго проекта никакъ не могъ рѣшить, состояло въ томъ, къ какой службѣ причислить цензоровъ, — къ полицейской, или къ тому вѣдомству, при которомъ они состоять будутъ, и дать-ли имъ военную форму или гражданскую. Думалъ было онъ составить изъ нихъ нѣчто въ родѣ прокуроровъ и стряпчихъ и учредить

особенное министерство цензуры нравовъ; но это казалось ему самому уже слишкомъ смѣлымъ. Не разрѣшатъ, думалъ онъ, и, пожалуй, еще изъ-за этого цѣлый проектъ остановятъ... Петръ Спиридонычъ съ Аменскимъ застали его именно въ этихъ размышленіяхъ.

— А, m-r Опарскій, m-r Аменскій, пожалуйте... сдѣлайте одолженіе... Какъ ваше здоровье?.. — говорилъ онъ, усаживая гостей, которымъ во глубинѣ души чрезвычайно обрадовался, хотя и старался внутренно увѣрить себя, будто очень недоволенъ тѣмъ, что они помѣшали его соображеніямъ.

— Благодарю васъ, Николай Владиміровичъ... Вы насъ извините, что мы безпокоимъ васъ въ такое время,—началъ Ошарскій, но хозяинъ перебилъ его.

— О, нѣтъ, ничего-съ. Вѣдь я всегда занятъ, слѣдовательно, у меня нѣтъ неурочныхъ часовъ...

И онъ пріятно улыбнулся.

— У насъ дѣло...

— Я все съ своимъ проектомъ хлопочу, — снова перебилъ прожектёръ.—Кажется, онъ пойдетъ хорошо... я вамъ разсказывалъ содержаніе...

— Да-съ, особые чиновники...

— Да, цензоры... Это будетъ, по моему мнѣнію, радикальная мѣра... радикальная уже и потому, что она гарантирована со всѣхъ сторонъ, чего нѣтъ обыкновенно въ полумѣрахъ, принимаемыхъ разными частными начальниками. Во-первыхъ, цензоры будутъ всѣ богатые люди, слѣдовательно, будутъ свободны отъ всякаго искушенія; во-вторыхъ, столбовые дворяне, слѣдовательно, съ честностью неподкупною... Затѣмъ, всякое нарушеніе чести будетъ влечь за собою наказаніе, совершенно сообразное съ поступкомъ. Если проситель даетъ взятку, значитъ, онъ сознаетъ, что его дѣло не право, что его нельзя выиграть безъ подкупа; слѣдовательно—ясно, что дѣло должно быть рѣшено въ пользу противника тотчасъ, какъ только одинъ изъ просителей уличенъ въ намѣреніи подкупить чиновниковъ...

— А ежели оба уличены будутъ-съ?

— Нѣтъ-съ, это невозможно.

— Нѣтъ-съ, бывали случаи...

— Ну, развѣ чрезвычайно рѣдко... И притомъ, — это не бѣда-съ. Во-первыхъ одинъ изъ нихъ прежде подкупаетъ, другой послѣ,—можетъ быть изъ опасенія, по сомнѣніямъ, смотря на своего противника... Очевидно, что первый, кто подкупилъ, долженъ терять свой процессъ. Но если уже случится такъ, что двое подкупаютъ въ одинъ день, въ одинъ часъ, въ одну минуту,—то дѣло теряетъ тотъ, кто подкупалъ старшаго

чиновника и чья взятка больше. Согласитесь, что не могутъ же они сойтись въ количествѣ денегъ, и, — главное, не могутъ придти въ одно и то же время къ одному и тому же чиновнику...

— Да-съ, конечно, это такъ-съ...

— Я давно предвидѣлъ всѣ эти возраженія и на все приготовилъ отвѣтъ. Только вотъ теперь остается затрудненіе, какъ съ чиновниками устроиться, куда ихъ причислить...

— То-есть,—откуда имъ жалованье требовать?

— О, нѣтъ, жалованья имъ совсѣмъ не нужно... Они будутъ все богатые люди и станутъ служить изъ чести... Они даже станутъ жертвовать сами на поддержку бѣдныхъ чиновниковъ, на устройство даже общаго зданія для нихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это превосходно-съ... А тутъ можно еще прибавить и тѣ деньги, которыя будутъ собираться со штрафовъ и вычетовъ жалованья за взятки. Да и самыя взятки, я думаю, будутъ отниматься, и тоже могутъ быть причисляемы къ этой суммѣ.

— Да, видите-ли, я думалъ объ этомъ... Но мнѣ кажется, это будетъ немножко... знаете... неделикатно... помѣстить въ проектѣ статью, прямо разсчитывающую на выгоду отъ нарушенія правилъ...

— Что же дѣлать-съ? Вѣдь ужъ не вы въ этомъ виноваты... Да можно это такъ выразить, что на первое устройство всего этого пойдутъ деньги, нами, такимъ образомъ, открытыя въ здѣшней Палатѣ...

— Какъ же это можно? Что вы это? Да наша Палата пользуется образцовой репутаціей... и вдругъ написать такую вещь...

— Въ томъ и дѣло-съ, что надобно уничтожить тѣхъ, которые могутъ вредить этой образцовой репутаціи... А то вотъ теперь у насъ... графъ Рѣшетиловъ взялъ свое дѣло на апелляцію... дѣло-то совершенно правое, а секретарь его покривилъ-таки порядочно.

— Полноте, что вы говорите? Неужели Петръ Кирилычъ?..

— Да, разумѣется, Петръ Кирилычъ... Кому же больше.

— Скажите, пожалуйста... Я какъ-то, знаете, чувствовалъ всегда, что онъ долженъ быть взяточникъ, и мнѣ всегда было непріятно смотрѣть на него... А между тѣмъ, кого я ни спрашивалъ, всѣ имъ очень довольны; говорятъ, что это человѣкъ честный и добрый...

— Да-съ, добрый человѣкъ, а вотъ онъ какія штуки выдѣлываетъ... Я сегодня нарочно къ вамъ пришелъ, вотъ съ Андреемъ Васильевичемъ, чтобы попросить вашего совѣта въ одной исторіи... Мнѣ удалось сегодня поймать Петра-то Кирилыча... Такъ теперь какъ поступить съ нимъ?

— Какъ поймать?.. Какимъ это образомъ?

— Да вотъ видите, собираюсь я сегодня въ палату, вдругъ влетаетъ Струшинъ, что по Балакаевскому дѣлу...

— Какое это Балакаевское дѣло?.. Я что-то не помню...

— Да оно еще не такъ давно. У васъ по нему всего двѣ или три бумажонки было. Значительное, впрочемъ, дѣло. Такъ Струшинъ вздумалъ подкупить меня и секретаря. Я, натурально, отказался и прогналъ было его. Только онъ у меня спрашиваетъ, гдѣ живетъ секретарь, или, говоритъ, вы ему, можетъ быть, возьметесь передать. Я понимаю, что это опять уловка, и говорю ему: извольте, я передамъ и, пожалуй, росписку вамъ дамъ. Очень хорошо, говоритъ, только ужъ вы мнѣ и отъ секретаря росписочку доставьте, что онъ получилъ отъ васъ. Хорошо, говорю. Такъ и сладили. Послѣ присутствія я позвалъ Петра Кирилыча къ себѣ, да вотъ, при Андреѣ Васильевичѣ, передалъ ему деньги, тысячу рублей, и росписку взялъ, что получилъ онъ деньги на первоначальные расходы по дѣлу.

— Неужели такъ и въ роспискѣ написалъ? Вотъ сплошалъ-то человѣкъ.

— Не сплошалъ бы, если бы въ головѣ не шумѣло-съ. Да и то едва могъ уговорить. Нѣтъ, никакъ не хочетъ. Только и рѣшился, когда я сохранную запись Струшина показалъ, въ которой онъ требуетъ, чтобы я взялъ деньги для передачи секретарю и представилъ отъ него росписку. Такъ вотъ теперь, что дѣлать намъ? Вѣдь, я думаю, дѣло пустить законнымъ порядкомъ, чтобы на совѣсти не было.

— То-есть, какъ же-съ? Неужели вы рѣшились донести на своего сослуживца? А вѣдь тутъ, какъ дѣломъ ни верти, оно все будетъ имѣть видъ доноса.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Но что же дѣлать? Нужно только сожалѣть о томъ, что имѣешь несчастіе служить съ такими людьми. А вѣдь какъ же иначе? Злоупотребленія не могутъ быть открыты иначе. Да хоть теперь ваши цензоры. Какъ они будутъ открывать злоупотребленія? Вѣдь ужъ, конечно, доносить будутъ о всякомъ нарушеніи правилъ чести.

— Конечно, такъ. Вы правы. Но, знаете, нельзя-ли какъ-нибудь вразумить человѣка, наставить тамъ... Вѣдь это, знаете, — ну, можетъ быть, по увлеченію, по затмѣнію какому-нибудь.

— Нѣтъ, Николай Владиміричъ, ужъ ежели предпринимать радикальное истребленіе зла, то и мѣры должны быть радикальныя. Всякій плутъ съумѣетъ оправдаться, когда дашь ему возможность оправдываться. Ему ничего не стоитъ сказать, что онъ поступалъ такъ по увлеченію, по неопытности. Но не надобно же забывать, что какой-нибудь Петръ Кирилычъ сорокъ лѣтъ, вѣдь, ужъ такъ поступаетъ,—сорокъ лѣтъ позоритъ званіе чиновника и честь дворянина... Нѣтъ-съ, тутъ надо дѣйствовать рѣшительно, строго, безпощадно.

И глаза Петра Спиридоныча засверкали, одна нога выставилась впередъ, правая рука поднялась, чтобы поправить очки, запрыгавшія на носу доблестнаго оратора во время его рѣчи. Товарищъ предсѣдателя посмотрѣлъ на него и умилился.

— Вы правы,—сказалъ онъ глубоко-растроганнымъ голосомъ:—въ васъ больше энергіи, чѣмъ у меня. Посовѣтуемтесь же, что̀ намъ дѣлать.

И доблестный тріумвиратъ принялся совѣтоваться. Аменскій предлагалъ собрать завтра всѣхъ чиновниковъ палаты и предъ всѣми изложить дѣло со всѣми подробностями, приготовивъ для секретаря „скамью обвиненныхъ“, каковой въ гражданской палатѣ, къ сожалѣнію, не водилось. Товарищъ предсѣдателя, одобряя эту мѣру, находилъ, однако, что она недостаточно широка, и предлагалъ, кромѣ того, написать статью о секретарѣ и помѣстить во всѣхъ губернскихъ и столичныхъ вѣдомостяхъ, а если можно, то перевести ее и на иностранные языки. Но противъ этого Аменскій горячо возсталъ, доказывая, что намъ не слѣдуетъ стыдить себя передъ Европой. Товарищъ предсѣдателя возразилъ, что онъ объ этомъ думалъ и все предвидѣлъ, и нашелъ средство предотвратить всякіе невыгодные толки. Средство это очень простое: придать фамиліи секретаря нѣмецкое окончаніе и начать статью размышленіями о томъ, что поговорка о германской честности совершенно лишена основанія. Аменскій началъ соглашаться съ этимъ, и дѣло совершенно было устроилось къ общему удовольствію, но Петръ Спиридонычъ, почти все время молчавшій, напомнилъ имъ, что фамилію Петра Кирилыча довольно трудно передѣлать на нѣмецкій ладъ, потому что онъ прозывался Христорождественскій. Юные патріоты съ горестью должны были согласиться, что россійское происхожденіе секретаря ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть скрыто. Ошарскій воспользовался, какъ искусный тактикъ, минутою ихъ уныння, и стремительно краснорѣчивой рѣчью убѣдилъ, что самое лучшее отправиться сейчасъ же къ предсѣдателю и представить ему нообходимость нарядить слѣдствіе для разсмотрѣнія гнусныхъ поступковъ г. Христорожденственскаго. Застигнутые врасплохъ, юноши согласились и вмѣстѣ съ Петромъ Спиридонычемъ отправились къ предсѣдателю. Этотъ почтенный старецъ чрезвычайно изумленъ былъ ихъ повѣствованіемъ, но сначала довольно хладнокровно и даже съ нѣкоторой самоувѣренностью осмѣлился было замѣтить, что это вздоръ и пустяки. При такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, Николай Владимірычъ примѣтно смутился и заикнулся на полсловѣ, а Аменскій началъ даже что-то въ родѣ оправданія въ своей дерзости. Но Петръ Спиридонычъ разразился такой желчной филиппикой противъ взяточничества, какой позавидовалъ бы самый задорный театральный чиновникъ, и заключилъ іеремiадой объ участи бѣдной Палаты.

— Назначатъ ревизора,—говорилъ онъ плачевнымъ голосомъ:—нарядятъ слѣдствіе, отдадутъ подъ судъ и праваго, и виноватаго. Бѣдные чиновники останутся безъ куска хлѣба, оплеванные, опозоренные. Тѣхъ, которые поничтожнѣе, выгонятъ и оштрафуютъ, а тѣхъ, кто повыше, истиранятъ судомъ и ошельмуютъ навѣки. Можетъ и Сибири не миновать кому-нибудь.

Напоминаніе о Сибири какъ-то особенно непріятно дѣйствовало на почтеннаго старца. Онъ начиналъ ёжиться, озираться и обдергиваться, весьма напоминая видомъ своимъ кошку, которая только-что задавила барскую канарейку, и замѣчаетъ за собой преслѣдованіе. Не успѣлъ еще Петръ Спиридонычъ окончить своихъ зловѣщихъ разсужденій, какъ предсѣдатель былъ уже согласенъ передать дѣло въ руки губернатора и просить его о назначеніи слѣдствія. Довольный результатомъ своего краснорѣчія, Ошарскій удалился, вмѣстѣ съ юными сподвижниками своими, захвативъ съ собою, для безопасности, всѣ росписки, которыя онъ бралъ съ собою и показывалъ предсѣдателю.

Предосторожность оказалась не лишнею. Тотчасъ по уходѣ гостей, предсѣдатель послалъ за секретаремъ и передалъ ему все дѣло. Петръ Кирилычъ пришелъ въ крайнее негодованіе и, сказавши рѣшительно, что онъ уничтожитъ доносчика, тотчасъ спросилъ свою росписку. Но, узнавъ, что она осталась въ рукахъ у Ошарскаго, онъ до того вышелъ изъ себя, что вслухъ назвалъ предсѣдателя бабой, чѣмъ престарѣлый сановникъ, имѣвшій претензію на воинственную осанку, не мало оскорбился. Объясненіе вышло довольно крупное, такъ что предсѣдатель два раза назвалъ даже Петра Кирилыча милостивый государь. Кончилось оно тѣмъ, что секретарь, подумавъ и сообразивъ что-то, объявилъ, что онъ завтра же подастъ въ отставку. На другой день, дѣйствительно, въ присутствіе поступилъ рапортъ секретаря о болѣзни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просьба объ увольненіи отъ службы по разстроенному здоровью. Просьба заслушана, помѣчена и отправлена куда слѣдуетъ. Должность Петра Кирилыча сталъ исправлять Петръ Спиридонычъ.

Въ тотъ же день весь городъ узналъ о продѣлкѣ Ошарскаго, и на всѣхъ перекресткахъ раздавались проклятія его подлости. О немъ сочиняли легенды, ему приписывали вещи, о которыхъ онъ и понятія не имѣлъ,—напримѣръ, болѣзнь маленькой дочери соляного пристава, приключившуюся *съ глазу*, смерть замерзшаго объ Рождествѣ дворника изъ того дома, въ которомъ жилъ Ошарскій, уродство квартальнаго, сломавшаго себѣ ногу о чье-то костлявое туловище, и т. п. Противъ него составляли заговоръ, какъ противъ человѣка, вреднаго для общественнаго спокойствія. Въ палатѣ никто на него смотрѣть не хотѣлъ и даже писцы,

собравшись рано утромъ, толковали о томъ, что надо грубить Ошарскому и выгнать его, наконецъ, изъ службы. Толки эти были, противъ обыкновенія, шумны и рѣшительны, и прекращались только съ приходомъ Аменскаго, котораго опасались, какъ сообщника Ошарскаго въ злодѣйскомъ доносѣ. Дѣла, впрочемъ, шли прежнимъ порядкомъ; никакихъ покушеній на личное спокойствіе Петра Спиридоныча не было, и всѣ его приказанія исполнялись безпрекословно, даже еще скорѣе, чѣмъ у прежняго секретаря. За то, по окончаніи присутствія, Ошарскому доставалось. У нѣкоторыхъ чиновниковъ открылись сходки, имѣвшія спеціальное назначеніе разсуждать о подломъ его поступкѣ и пріискивать средства всячески вредить ему.

— Сегодня встрѣтился я съ Петромъ Кирилычемъ,—говоритъ одинъ совѣтникъ правленія на вечерѣ у другого совѣтника. — Въ какомъ онъ жалкомъ положеніи теперь. И какъ благодушно, истинно по христіански, переноситъ онъ свое горе. Что, говорю, Петръ Кирилычъ, какъ это такъ внезапно, такой ударъ... Что дѣлать, говоритъ, Богъ далъ, Богъ и взялъ... Такъ и сказалъ...

— Да какъ и не сказать,—заговорилъ губернскій казначей.—Я не знаю, это какое-то дьявольское навожденіе было. Съ кѣмъ онъ на своемъ вѣку не тягался? Лѣтъ двадцать-пять тому, я думаю, я еще мальчишкой былъ, такъ помню все толковали, что какой-то страшный слѣдователь пріѣхалъ. Тогда губернатора перевели куда-то, вице-губернатора смѣнили, предсѣдателя уголовной палаты отставили, всѣхъ чиновниковъ почти рассассировали. А Петръ Кирилычъ тогда цѣлую палату отстоялъ. Никого не тронули. Одного только столоначальника тогда прогнали за небрежность. Ну, да ужъ тотъ самъ виноватъ. Подалъ докладъ предсѣдателю, а въ немъ писецъ вмѣсто Семену Иванычу написалъ Сену Иванычу. Докладъ-то и попадись въ руки ревизору. Сейчасъ обратилъ вниманіе. Тонкая такая бестія была. Ужъ не прорвется ничто у него. Что это, говоритъ, Семенъ Иванычъ, у васъ чиновники правописанія не знаютъ. Называютъ они васъ сѣномъ, да *есть* пишутъ. Писали бы ужъ, по крайней мѣрѣ, *ять*. Да этакъ въ полномъ-то присутствіи. Ну, натурально, столоначальникъ на другой же день въ отставку долженъ былъ подать, а писецъ-то уцѣлѣлъ какъ-то. Такъ вотъ противъ какихъ людей Петръ-то Кирилычъ устоять съумѣлъ. Ему, можно сказать, вся палата вѣчной признательностью обязана. Да, въ то время-то ужъ не такія исторіи были, что теперь. Хоть бы и свихнуться-то, такъ не диво было. А теперь, посудите сами... отъ мальчишки. Вѣдь Ошарскій-то противъ него еще мальчишка, учиться бы у него долженъ. А тутъ приходится эдакій срамъ терпѣть.

— Но какъ же это можно, — вступилась жена асессора правленія:—

это надо не допустить, — просто не позволить, остановить эту отставку, сказать, что мы всѣ не хотимъ, что Ошарскаго вмѣсто того нужно отставить.

— Да, останови поди, больно бойка,—отвѣчалъ мужъ ея.—Петръ Кириличъ-то самъ сплоховалъ, такъ не поможешь. Поторопился онъ подать просьбу. Боялся, говоритъ, что передадутъ, въ самомъ дѣлѣ, губернскому начальству для изслѣдованія. А вольно ему, дураку, испугаться-то было. Что за бѣда, нарядили бы слѣдствіе, да и оправдали его... и этого выскочку самого со свѣта бы согнали.

— И еще сгонимъ,—началъ хозяинъ дома.—Петръ Кириличъ, разумѣется, человѣкъ старый, много-то возиться ужъ и не рѣшается. Куда же ему съ эдакимъ мошенникомъ тягаться.

— Полноте, пожалуйста, Иванъ Ѳомичъ, — перебилъ асессоръ. — Только-то вѣдь и есть развѣ, что мошенникъ, этотъ Ошарскій... а въ дѣлахъ-то онъ никуда не годится... Рѣшетиловское-то дѣло онъ испортилъ, всѣ говорятъ. Петръ Кириличъ такъ его чисто обдѣлалъ, что иголки подточить нельзя было. Балакаева тоже Петръ Кириличъ заставилъ поплатиться. Тотъ было и не хотѣлъ. Дѣло, говоритъ, ясное. Такъ ему Петръ Кириличъ-то такой ясности задалъ, что онъ свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Ну, и раскошелился, разумѣется... Нѣтъ-съ, до Петра Кирилыча и нашему брату, опытнымъ людямъ, далеко еще, а не то, что этому молокососу...

— Да-съ, это истинно такъ. Жаль, отъ души жаль почтеннаго Петра Кирилыча. Рѣдкій былъ человѣкъ. И мнѣ, бывало, сколько онъ совѣтовъ хорошихъ давалъ,—съ прискорбіемъ замѣчалъ хозяинъ дома.

Въ это же самое время, въ другомъ концѣ города, собрались столоначальники палатскіе съ женами и чадами къ одному изъ своихъ товарищей. Здѣсь тоже цѣлый вечеръ разговоръ вертѣлся на подлости, сдѣланной Ошарскимъ.

— Послѣ этого жить нѣтъ возможности, — говорилъ одинъ изъ гостей, пожилой человѣкъ, очень худощавый и желчный. — Этакого мальчишку, свинью, можно сказать, посадили за столъ, а онъ и ноги на столъ. Да вѣдь важничать-то нечего передъ нами. На нашей памяти въ люди-то вышелъ... у меня въ столѣ былъ лѣтъ десять тому назадъ, такъ только тѣмъ и бралъ, что все мнѣ перья чинилъ. Только и дѣлать-то умѣлъ... Бывало, не пикнетъ. Дашь что изъ стола, коли придется, такъ радъ, кланяется въ поясъ, а не дашь, такъ и безъ него раздѣлишь. Слова выговорить не смѣетъ, бывало. А тутъ вдругъ полѣзъ, и чортъ ему не братъ.

— Да чего далеко ходить, Василій Никифорычъ,—отвѣчалъ другой столоначальникъ, помоложе,—я самъ вѣдь помощникомъ былъ, какъ онъ поступилъ-то къ намъ. Гривенниками, бывало, бралъ за то, чтобы нумерочекъ выставить. Ужомъ извивался передъ всѣми. Задавить можно было, какъ гадину. Кто зналъ тогда, что онъ этакъ пойдетъ?

— И чего онъ хочетъ, наконецъ?—заговорилъ третій, очень молодой, съ претензіями на щегольство и высшій тонъ.—Я всегда считалъ его, по крайней мѣрѣ, не дуракомъ. А онъ вдругъ увлекается въ эти химерическія мечтанія, связывается съ товарищемъ предсѣдателя, дѣлается фискаломъ, грозитъ общему спокойствію, потому что, наконецъ, и мы не можемъ быть спокойны.

— Чортъ бы его взялъ, мошенника. Будешь съ нимъ спокоенъ,—снова вступился жолчный Василій Никифорычъ.—Да я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока съ лица земли не сотру этой гадины. Вишь, какія дѣла задумалъ... Да что онъ, передѣлать, что-ли, всѣхъ хочетъ?.. Нѣтъ, братъ, шутишь... поздненько... До сѣдыхъ волосъ дожили, такъ ужъ мальчишкѣ этакому покоряться не станемъ, не будемъ по твоей дудкѣ плясать.

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой,—со вздохомъ начала жена Василья Никифорыча.—И правда, видно, что послѣднія времена приходятъ. Тогда вѣдь, написано, возстанутъ братъ на брата и сынъ на отца... А ужъ истинно Петръ-то Кирилычъ могъ бы отцомъ считаться этому лиходѣю, прости, Господи...

— Полно, матушка, онъ самъ-то антихристъ и есть... Оттого у него и рожа-то такъ изрыта... Дьяволы рогами исковыряли.

Это замѣчаніе Василья Никифорыча возбудило общій восторгъ и вызвало новыя остроты на счетъ Ошарскаго. Говорили, что онъ еще и въ семинаріи ябедникомъ былъ, и выгнанъ потому, что въ семинаріи ректоромъ сдѣлался инспекторъ, на котораго онъ прежде наушничалъ ректору. Говорили, что онъ сосчитываетъ, кто сколько разъ плюнетъ, чихнетъ, высморкается, и все это записываетъ, чтобы донести при случаѣ.—Посреди этихъ тонкихъ намековъ и остротъ раздался вдругъ дребезжащій голосъ стараго, престараго архиваріуса, все время сидѣвшаго молча и думавшаго какую-то глубокую думу...

— Нѣтъ,—заговорилъ онъ на распѣвъ,—помяните мое слово... Онъ не для честности это сдѣлалъ... Человѣкъ онъ неглупый... Нѣтъ,—онъ просто весь вашъ доходъ къ рукамъ прибрать хочетъ... Вотъ что... Помяните мое слово... Онъ у васъ у всѣхъ хлѣбъ отобьетъ... А самъ-то онъ себѣ на умѣ...

— Ну, ужъ это, Тихонъ Ильичъ, извините... Доходовъ нашихъ никогда онъ не уничтожитъ, хоть еще двадцать проектовъ напиши съ товарищемъ предсѣдателя-то... Только-что пакостить будетъ, а толку-то все также не выйдетъ никакого... Ни себѣ, ни людямъ, и будетъ, что собака на сѣнѣ... Куда ему себѣ на умѣ быть... Что вы говорите... Кабы себѣ на умѣ-то былъ, такъ бы такихъ глупыхъ штукъ не выкидывалъ... Просто вздурился, бестія... Еще прежде-то туда и сюда былъ, а теперь ужъ и совсѣмъ спятилъ...

— Нѣтъ, помяните мое слово,—повторилъ нараспѣвъ архиваріусъ, но его никто не хотѣлъ слушать, потому что никто не хотѣлъ допустить ни малѣйшаго *смягчающаго обстоятельства* въ пользу Петра Спиридоныча...

Мало по-малу, городскіе толки приняли фантастическій колоритъ, а разсужденія чиновниковъ—угрожающій характеръ. Черезъ нѣсколько дней, городовой разсказывалъ горничной полицеймейстера, что Ошарскій явился къ секретарю переодѣтый въ гусарскій костюмъ и, приставивши ему пистолетъ ко лбу, заставилъ подписать просьбу объ отставкѣ и вексель въ десять тысячъ рублей. А двѣ нищія старухи, стоявшія у церковныхъ дверей въ ожиданіи конца обѣдни, при видѣ Ошарскаго, входившаго въ церковь, съ ужасомъ начали разсказывать другъ другу подробную исторію о томъ, какъ онъ въ видѣ огненнаго змѣя спустился въ трубу къ секретарю и заставилъ его подписать отреченіе отъ вѣры, заплативши за каждое слово по золотому,—какъ потомъ отреченіе это появилось гдѣ-то, а деньги разсыпались черепками, какъ потомъ оборотень, возвращаясь отъ секретаря, наткнулся на жену старика предсѣдателя и проскользнулъ у ней подъ ногами, оборотившись кошкой, и т. д. Въ палатѣ же негодованіе со дня на день шло все crescendo. Къ концу недѣли стали ругать Петра Спиридоныча уже и при Аменскомъ. Простодушный юноша принялся-было защищать его, выставляя на видъ какіе-то принципы, понятіе о долгѣ и т.п. Но скоро онъ долженъ былъ замолчать... Для чиновниковъ дѣло шло о личности, а не о принципѣ. Принципъ стоялъ у нихъ уже выше всякаго сомнѣнія и понятіе о долгѣ просителя въ отношеніи къ чиновнику было у всѣхъ ясно и непоколебимо... Самъ Ошарскій уклонялся отъ всякихъ разговоровъ и объясненій; это придало смѣлости чиновникамъ, и Василій Никифорычъ, замѣтивъ издали, что онъ идетъ въ комнату, нарочно крикнулъ однажды какому-то просителю: „Чего вы пристаете? Ступайте къ секретарю... А мы что!.. Мы, чай, не благодарность беремъ съ васъ, что станемъ скорѣе-то дѣлать, чѣмъ надобно... Скоро-то при прежнемъ секретарѣ дѣлалось, а при этомъ и подождете...“ Ошарскій услышалъ назиданіе, но не смутился, какъ ожидали чиновники, а совершенно спокойно подошелъ къ жолчному столоначальнику и съ ласковой улыбкой сказалъ:— Я не понимаю, господа, почему вы думаете, что я стану противиться полученію законнаго вознагражденія за ваши труды. Поступайте, пожалуйста, во всемъ, какъ прежде... Только росписокъ не давайте,—потому что это можетъ компрометировать цѣлое учрежденіе...

Эта выходка повергла въ сильное недоумѣніе всѣхъ чиновниковъ. Толки возобновились еще съ бо́льшею силою, хотя уже безъ прежняго ожесточенія, и нѣкоторые припомнили слова стараго архиваріуса, которымъ прежде никто не хотѣлъ вѣрить...

Петръ Спиридонычъ, между тѣмъ, шелъ исполинскими шагами къ своей цѣли—къ примиренію со своими сослуживцами. Сначала многіе просители, услышавъ о новомъ неслыханномъ дивѣ, честномъ секретарѣ, и проникшись очень быстро новыми понятіями о правосудіи, стали являться съ пустыми руками; но Ошарскій такъ ловко проводилъ ихъ, такъ явно дѣлалъ всякаго рода прижимки, что скоро всѣ возвратились къ прежнимъ убѣжденіямъ, оставивши аркадскія мечтанія. Чиновники стали поговаривать, что, дѣйствительно, новый секретарь понимаетъ дѣла и совсѣмъ не такъ глупъ, какъ казалось имъ прежде... Балакаевское дѣло Петръ Спиридонычъ круто повернулъ въ пользу Струшина и еще разъ заставилъ Балакаева пріѣхать и поплатиться съ палатой; послѣ этого дѣло рѣшено въ пользу Балакаева, и чиновники стали говорить, что Ошарскій—человѣкъ, повидимому, благонамѣренный... Аменскій разъ забылся въ присутствіи Петра Спиридоныча и обругалъ одного изъ столоначальниковъ за взяточничество; черезъ недѣлю ретивому юношѣ велѣно было подать въ отставку. Это многихъ окончательно примирило съ новымъ секретаремъ, особенно когда многіе достовѣрные люди стали разсказывать, что онъ принимаетъ у себя на дому просителей и отъ просителей принимаетъ все предлагаемое ими, внушая при томъ, чтобъ они не забыли и остальныхъ.

Прошло мѣсяца три или четыре. Петръ Спиридонычъ утвержденъ былъ въ должности секретаря и устроилъ у себя вечеринку. Всѣ его товарищи по службѣ и многіе яростнѣйшіе непріятели его изъ другихъ вѣдомствъ явились на его приглашеніе съ искреннимъ радушнымъ привѣтомъ и отъ всего сердца пожелали ему долгаго житья и успѣха въ дѣлахъ.

— А молодецъ Петръ Спиридонычъ,—нечего сказать,—говорилъ губернскій казначей стряпчему, возвращаясь съ пирушки.—Какъ онъ теперь, говорятъ, дѣлами заправляетъ, такъ просто любо посмотрѣть, да и только.

— Ну, все, вѣрно, противъ прежняго не будетъ,—возразилъ стряпчій.

— Противъ Петра-то Кирилыча?.. Да помилуйте, вѣдь тотъ ужъ былъ совсѣмъ старый человѣкъ, изъ ума выживалъ... Да чего лучше вамъ—эта самая послѣдняя-то исторія, какъ онъ въ просакъ-то попался... Вѣдь это смѣшно подумать... Только и скажешь, что простота хуже воровства...

— А нечего сказать—изъ молодыхъ, да ранній, Петръ Спиридонычъ-то,—замѣтилъ догнавшій ихъ ассессоръ.—Вѣдь что, ему еще тридцать лѣтъ есть-ли, а этакое мѣсто получилъ. И продувной, вѣдь, бестія. Все у него шито да крыто... Посмотрите, какъ онъ тутъ себѣ гонзульку-то набьетъ...

Въ такомъ родѣ были всѣ отзывы объ Ошарскомъ въ этотъ замѣчательный вечеръ. Всѣ его ругали, правда, и даже если бы онъ слышалъ самыя похвалы, какія воздавались ему, то, можетъ быть, ему бы не поздоровилось отъ этакихъ похвалъ; но при всемъ томъ замѣтно было, что общее

мнѣніе измѣнилось въ его пользу. Похвалы были искренни, безъ малѣйшаго оттѣнка ироніи, а брань была какая-то мирная, патріархальная и напоминала идиллическую картину, какъ добрый папенька, откормивши своего сынка, бранитъ его толстякомъ, пузаномъ, бутузкой, бычкомъ и тому подобными названіями, которыя хотя, въ сущности, обидны, но, тѣмъ не менѣе, всѣми принимаются за ласку. Примиреніе было полное: даже самъ Василій Никифорычъ смягчился, убѣдившись въ истинѣ словъ архиваріуса и придавъ имъ даже болѣе обширный и болѣе опредѣленный смыслъ.

— Какой вѣдь, кажется, милый человѣкъ,—говорила жена его въ тотъ же вечеръ, возвращаясь съ мужемъ отъ Ошарскаго:—а эдакую подлость позволилъ себѣ сдѣлать съ старикомъ.

— Съ какимъ старикомъ?—спросилъ Василій Никифорычъ, давно позабывшій ужъ и думать о доносѣ.

— Съ Петромъ Кирилычемъ-то.

— Э, матушка, ты этого ничего не понимаешь... Какая тутъ, чортъ, подлость, гдѣ ты тутъ подлость нашла? Это просто разсчетъ... Ему самому хотѣлось мѣсто секретарское получить,—онъ для этого и подвелъ все... Говорятъ, что онъ и Струшина-то самъ уговорилъ росписки-то эти писать... Тому и горя мало было... Да и денегъ-то, говорятъ, привезъ тотъ не одну тысячу, а три... Такъ вотъ тутъ и разбирай, кто кому зубы-то во рту пересчиталъ... Въ то время всѣ кричали, и я самъ тоже думалъ, что подлость, подлость... Анъ вотъ оно какъ дѣло-то вышло наружу, такъ и выходитъ, что больше ничего, какъ разсчетъ... Секретарскаго мѣста добивался,—вотъ и все... Отъ этого бы и мы съ тобой, матушка, не отказались...

ДѢЛЕЦЪ.

РАЗСКАЗЪ.

И вотъ общественное мнѣнье.
А. Грибоѣдовъ.

Умѣнье хорошо обдѣлывать свои дѣлишки дается, какъ извѣстно, не всякому, и напрасно многіе бьются всю свою жизнь, чтобы пріобрѣсти его. Въ прежнія времена я самъ сильно хлопоталъ объ этомъ умѣньи; съ пріобрѣтеніемъ его я надѣялся разрѣшить вопросъ, который, въ переводѣ съ обыкновеннаго, житейскаго языка на философскій способъ выраженія, недаромъ считается важнѣйшимъ вопросомъ всей человѣческой философіи, именуясь „стремленіемъ безсмертнаго духа нашего къ безконечному благу". Изъ метафизической психологіи я зналъ, конечно, что „сіе стремленіе въ семъ мірѣ никогда не обрѣтаетъ полнаго удовлетворенія"; но практическая философія жизни доказывала мнѣ постоянно, что у человѣка, умѣющаго обдѣлывать свои дѣлишки, безсмертный духъ какъ-то болѣе удовлетворяется, чѣмъ у тѣхъ, чьи дѣлишки идутъ плохо. Принимая это въ соображеніе, я хотѣлъ, во что бы то ни стало, добиться до разрѣшенія заданнаго самому себѣ вопроса, и одно время вообразилъ даже, что — добился! Мнѣ представилось, на основаніи теоретическихъ воззрѣній, что для устройства дѣлишекъ совершенно довольно одного пустого качества, которое называется *благодушіемъ*.

Я разсуждалъ тогда, совершенно логически, слѣдующимъ образомъ: положеніе нашихъ дѣлишекъ зависитъ отъ общества; общество состоитъ изъ отдѣльныхъ членовъ; каждый изъ членовъ дѣлаетъ добро тому, кого онъ любитъ и уважаетъ; любовь и уваженіе пріобрѣтаются услугами и угожденіями; для того, чтобы всѣмъ угождать, нужно постоянное, невозмутимое благодушіе во всѣхъ сношеніяхъ съ своими ближними, ergo... И далѣе я бойко выводилъ средство содѣлаться блаженнымъ на свѣтѣ. Долго оставался я въ моемъ заблужденіи и воображалъ себя счастливымъ обла-

дателемъ философскаго камня, дающаго вѣрное средство быть здоровымъ, долговѣчнымъ, богатымъ и т. д. Но всѣ мои логическія построенія должны были разсыпаться въ прахъ при первомъ же практическомъ знакомствѣ съ общественнымъ бытомъ и отношеніями города Покорска, знаменитаго — сколько силою въ немъ общественнаго мнѣнія, столько же и упорною враждою ко всѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ.

Къ утѣшенію моему, субъектъ, сокрушившій въ прахъ всѣ мои логическія построенія, былъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ мелкое лицо въ Покорскѣ. Это былъ Александръ Григорьичъ Щекоткинъ, старшій чиновникъ по особымъ порученіямъ при покорскомъ губернаторѣ. Объ него разбилась въ дребезги вся моя система благодушія, на которой хотѣлъ-было уже успокоиться умъ мой, утомленный философическими изысканіями. Первое мое свиданіе съ Александромъ Григорьичемъ исполнило сердце мое какимъ-то тяжкимъ предчувствіемъ, и послѣдствія вполнѣ оправдали мое вѣщее сердце. Чѣмъ болѣе присматривался я къ Щекоткину, чѣмъ болѣе собиралъ о немъ свѣдѣній въ Покорскѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что въ этомъ чиновникѣ никогда не было ни малѣйшаго слѣда того, что разумѣлъ я подъ именемъ благодушія; а между тѣмъ дѣлишки его обрабатывались отлично... Дальнѣйшій жизненный опытъ, наглядно показавшій мнѣ все безсиліе человѣческаго разума вообще, убѣдилъ меня, что и здѣсь напрасны мои усилія составить систему умѣнья достигать прочнаго благополучія въ жизни. Короткое знакомство съ Щекоткинымъ довело меня до смиреннаго сознанія, что въ устройствѣ дѣлишекъ каждаго человѣка есть что-то неисповѣдимое и что многообразны пути, которыми судьба ведетъ къ счастію своего избранника.

Лицо есть зеркало души, — дѣло извѣстное и не подлежащее ни малѣйшему спору; слѣдовательно, если бы Щекоткинъ имѣлъ хотя малую толику благодушія, оно непремѣнно бы отразилось на его физіономіи. Уста, привыкшія произносить сладчайшія рѣчи, — какъ-то иначе раскрываются всегда, нежели губы, привыкшія къ брани и командѣ; глаза, пріученные вѣжливо улыбаться, смотрятъ не такъ, какъ обыкновенные глаза; даже менѣе подвижныя части лица, какъ, напримѣръ, носъ и уши, — и тѣ носятъ на себѣ отпечатокъ общаго характера ихъ владѣльца. Носъ благодушныхъ людей, говорятъ, получаетъ всегда открытое и нѣсколько широкое очертаніе, какъ бы для того, чтобы чутьемъ дознавать то, что можетъ ускользнуть отъ другихъ чувствъ; уши же человѣка благодушнаго, по увѣренію знающихъ людей, непремѣнно вытягиваются нѣсколько впередъ, такъ что благодушный обладатель ихъ всегда имѣетъ видъ человѣка, обязательно приклонившаго ухо свое къ вашимъ словамъ. Ничего подобнаго не примѣтно было въ фигурѣ Александра Григорьича. Это былъ высокій и тол-

стый брюнетъ, державшій себя чрезвычайно прямо. Черты лица его были совершенно неподвижны, какъ у восковой куклы. Его черные глаза смотрѣли прямо на васъ, безъ всякаго выраженія, и потомъ — не опускались внизъ, а просто — на минуту закрывались вѣками; на лицѣ не появлялось никакого чувства, никакой мысли. Когда онъ говорилъ, голосъ его напоминалъ какъ-то звукъ обуха, вбивающаго долото въ дерево; губы его раскрывались широко, потому что всѣ слова произносилъ онъ раздѣльно и отчетливо, но физіономія всегда оставалась безжизненной, что бы ни говорилъ онъ. Заслышавши издали его голосъ, вы бы подумали, что онъ бранится; подошедши ближе и всмотрѣвшись ему въ лицо, вы бы еще болѣе убѣдились въ своемъ предположеніи. Взбитый напереди хохолъ на гладко-стриженной головѣ, брови, нависшія надъ глазами, уши, совершенно плоско лежащія къ затылку, носъ, сплющенный и загнутый книзу, придавали Александру Григорьичу необычайно-суровый видъ и наводили на многихъ какой-то безотчетный страхъ. Но особенно приводили въ отчаяніе всѣхъ покорскихъ жителей, особенно же молодыхъ энтузіастовъ, глаза Щекоткина. Человѣкъ изъ кожи лѣзетъ, приходитъ въ неистовство, доказывая какую-нибудь полезную идею, а Александръ Григорьичъ, съ своимъ мрачнымъ видомъ, смотритъ на него неподвижно, и хоть бы бровью моргнулъ. У бѣднаго энтузіаста ужъ и запасъ краснорѣчія истощается, онъ уже ждетъ и жаждетъ возраженій, какъ благодѣтельнаго масла для поддержки потухающаго свѣтильника, онъ уже остановился, переводитъ духъ, смотритъ въ глаза своему собесѣднику; но глаза эти по прежнему тусклы и холодны, въ нихъ не выражается ничего, совершенно ничего! Энтузіастъ переходитъ взоромъ отъ глазъ къ губамъ, но губы сжаты, и вся физіономія Александра Григорьича не даетъ ни малѣйшаго права заключить, что онъ слышитъ слова своего собесѣдника. Несчастнаго энтузіаста обдаетъ холодомъ, онъ теряется, путается и умолкаетъ, внутренно удивляясь глупости своего положенія. Тогда Александръ Григорьичъ закрываетъ глаза вѣками, потомъ производитъ носомъ какой-то чрезвычайный звукъ, удивительно похожій на хрюканье, — и опять, уставивши глаза на энтузіаста, говоритъ своимъ обычнымъ деревяннымъ тономъ: „это все вздоръ, который слѣдуетъ изъ головы выбросить; а вы вотъ меня послушайте-ко“. И начиналъ разбирать пылкія мечты юности, — и очень дѣльно разбиралъ большею частію, даромъ что, казалось, вовсе и не слушалъ своего собесѣдника.

Такимъ зналъ я Александра Григорьича Щекоткина, когда онъ былъ уже почтеннымъ человѣкомъ, лѣтъ въ сорокъ слишкомъ. Но ни въ чьей головѣ не могло возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы онъ не былъ таковъ же и въ тридцать, и въ двадцать, и въ пятнадцать лѣтъ. Такимъ

онъ, дѣйствительно, и слылъ въ преданіяхъ города Покорска съ незапамятныхъ временъ. Немногіе изъ покорскихъ старожиловъ могли уже въ мое время передать живой разсказъ о происхожденіи прозвища „азіятъ“, которымъ большею частію замѣнялись въ общежитіи оффиціальныя имена Щекоткина; большая часть гражданъ пользовалась имъ, какъ постояннымъ эпитетомъ, первоначальный смыслъ котораго былъ потерянъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отлично разсказывалъ исторію объ азіятѣ, со всѣми подробностями, престарѣлый архиваріусъ губернскаго правленія, какъ очевидецъ дѣла, но теперь и онъ болѣе ограничивается покиваніемъ головы и осклабленіемъ беззубыхъ устъ своихъ, слушая, какъ разсказываютъ объ азіятѣ другіе, обязанные своими свѣдѣніями уже повѣствованіямъ почтеннаго старца. Колоритъ древности исчезаетъ, разумѣется, при переходѣ разсказа во вторыя уста; но строгая истина еще неизмѣнно соблюдается, потому что архиваріусъ всегда готовъ стать безмолвнымъ укоромъ разсказчику, который бы вздумалъ дать слишкомъ много воли своему воображенію. Сущность разсказа состояла вотъ въ чемъ. Какому-то темному господину, отданному за что-то подъ судъ, нужно было получить видъ на прожитіе и пріостановить нѣкоторыя бумаги, поступавшія на его счетъ къ губернатору. Щекоткинъ, бывшій тогда самымъ мелкимъ чиновникомъ губернскаго правленія, предложилъ темному господину какой то ненужный никому паспортъ, и, съ помощью одного изъ своихъ пріятелей да еще архиваріуса, съумѣлъ на нѣсколько дней запрятать опасныя бумаги. Архиваріусъ какъ-то глухо всегда отзывался о томъ, что это были за бумаги; но, вѣроятно, онѣ были довольно серьезнаго содержанія, судя по послѣдствіямъ. „Только день продержалъ я бумаги у себя,“ — говаривалъ старикъ въ былыя времена, — „и не зналъ совсѣмъ, что тутъ за исторія. Просили меня пріятельски, — ну, что же за бѣда? Мало-ли бумагъ, думаю, — и по году цѣлому валяются. А тутъ велика бѣда — день. Черезъ день-то являюсь въ присутствіе и объясняю, что вотъ, молъ, въ дѣлѣ одномъ сдали ко мнѣ какія-то бумаги, а онѣ къ тому дѣлу не принадлежатъ, такъ возьмите ихъ, чтобы послѣ спросу не было. Какъ только это я показалъ бумаги-то, на меня всѣ и вскинулись. „Что, говорятъ, вы надѣлали. Вѣдь этихъ самыхъ бумагъ-то мы со вчерашняго утра, сломя голову, ищемъ. Ужъ лучше бы совсѣмъ эти бумаги пропали... Такъ, вишь, посовѣстились, что-ли — или побоялись. Да и притянули меня, — слышь я виноватъ. Я туда-сюда. Нѣтъ, — ты, говорятъ, былъ подкупленъ преступникомъ. А я, вотъ хоть сейчасъ Богу душу отдать, ни одной полушки въ этомъ дѣлѣ не видалъ, да и не зналъ, что за дѣло такое. Послѣ ужъ какъ-то пріятель-то Александра Григорьича мнѣ сказалъ, что они тутъ оба по пяти сотъ рублей нажили. А на нихъ никто и думать не думалъ.

Мнѣ только досталось въ чужомъ пиру похмѣлье". Дальнѣйшій разсказъ показывалъ, впрочемъ, что архиваріусу не только одно похмѣлье досталось, а что онъ принималъ участіе и въ самомъ пирѣ, который заданъ былъ на радостяхъ двумя пріятелями. На этомъ-то пирѣ Александръ Григорьичъ и отпустилъ штуку, доставившую ему названіе „азіята". Пиръ происходилъ въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ пріятное общество молодыхъ людей не контролируется степеннымъ начальствомъ. Пріятели уговорились пожертвовать по десятинѣ своихъ избытковъ и устроили сторублевый кутежъ, въ которомъ принялъ участіе и архиваріусъ, вѣроятно, еще не бывшій тогда такимъ маститымъ старцемъ (что, впрочемъ, утверждать съ достовѣрностью трудно). Пили пріятели до глубокой ночи и наконецъ рѣшились отправиться домой. Но, когда пришло дѣло къ расплатѣ, то оказалось, что Александръ Григорьичъ рѣшительно лишился всякаго сознанія и не понималъ, что ему говорили. Пріятель принялъ рѣшительныя мѣры: онъ собственноручно отправился въ карманъ одурѣвшаго товарища, чтобы отдѣлить изъ его денегъ слѣдующую часть. Александръ Григорьичъ не противился, но въ карманѣ его денегъ оказалось только 20 копѣекъ. Пріятель, пораженный изумленіемъ, принялся искать по комнатамъ, не выпали-ль деньги въ разгарѣ ихъ веселья. Но нигдѣ ничего не нашлось. Щекоткинъ ничего не понималъ и на всѣ вопросы и требованія мычалъ что-то, совершенно нечеловѣческое. Въ надеждѣ добиться чего-нибудь наутро, пріятель расплатился за все и увезъ къ себѣ на квартиру и Щекоткина, и архиваріуса. На другой день Александра Григорьича опять не могли добудиться. Растолкаютъ его кое-какъ,—повернется онъ съ боку на бокъ, промычитъ что-нибудь, да и опять заснулъ. Наконецъ пріятель вышелъ изъ терпѣнья и ушелъ къ должности, оставивъ Щекоткина на произволъ судьбы. Во всю дорогу разсуждалъ онъ съ архиваріусомъ о непонятной пропажѣ денегъ у Щекоткина и о свинской его натурѣ, которая никакъ не можетъ проспаться. Но черезъ полчаса послѣ нихъ Александръ Григорьичъ явился въ правленіе, какъ ни въ чемъ не бывало. Глядя на него, никто и предположить не могъ, гдѣ онъ былъ вчера. Пріятель, какъ только замѣтилъ его приходъ, тотчасъ подбѣжалъ къ нему и тихонько сталъ спрашивать, что сдѣлалось съ его деньгами.

— Потерялъ,—угрюмо и рѣзко отвѣчалъ Щекоткинъ.

— Какъ потерялъ? Вотъ тебѣ и на. Потерялъ!.. Да что жъ, я за тебя платить, что-ли, долженъ?

— Не плати, — возразилъ Александръ Григорьичъ съ прежнимъ грубымъ спокойствіемъ.

— Не плати!.. Хорошъ гусь, — не плати!.. Выпустятъ тебя, коли не заплатишь. Ты вчера налилъ зѣнки-то, такъ и не помнишь ничего... Я вѣдь ужъ заплатилъ.

— А мнѣ какое дѣло до этого?

— Какъ — какое дѣло? Да развѣ не ты вчера натянулся больше всѣхъ? Ты развѣ половины не получилъ? Развѣ не общее было,—продолжалъ пріятель тѣмъ шипящимъ шопотомъ, которымъ люди разсерженные хотятъ скрыть отъ людей свой секретъ, не замѣчая, что этотъ шопотъ дѣлается слышнѣе самаго громкаго разговора.

— Да что ты шепчешь-то,—съ убійственнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Щекоткинъ.—Кричи громче, чтобы всѣ слышали. Напился вчера на полтинникъ, такъ нельзя не пошумѣть. Ты ужъ все распиши лучше, какъ было: авось изъ службы выгонятъ.

Напоминаніе было благоразумно и пришло какъ разъ во время. Пріятель сообразилъ, что выдавать свою тайну опасно и, убѣжденный внутренно, что Щекоткинъ его дурачитъ, увидѣлъ однако грустную необходимость примириться съ мыслью о напрасной растратѣ пятидесяти рублей на угощеніе гнуснаго своего сообщника. Но, чтобы вознаградить себя хоть чѣмъ-нибудь, онъ далъ волю своему негодованію и разразился потокомъ жестокихъ восклицаній, начинавшихся такимъ образомъ: ахъ, ты деревянная рожа, жилдишка, надувало... азіятъ ты этакой, безчувственная ты образина, и пр. Стремительное краснорѣчіе оскорбленнаго пріятеля привлекло вниманіе чиновниковъ, и, при словѣ „азіятъ", раздался всеобщій дружный хохотъ. Сослуживцы Александра Григорьича нашли, что названіе азіята какъ-то особенно къ лицу ему, и съ тѣхъ поръ случайное прозвище это сдѣлалось съ нимъ неразлучнымъ и пережило всѣ другія именованія, которыхъ Щекоткинъ удостоивался, въ теченіе своего поприща, отъ покорскихъ согражданъ. Одинъ изъ враговъ Александра Григорьича прозвалъ было его *дубомъ*, но это прозвище не удержалось, какъ слишкомъ односложное. Подобная участь постигла и другое имя—*сфинкса*, которымъ окрестилъ-было Щекоткина молодой товарищъ предсѣдателя гражданской палаты; оно употреблялось только тѣми, кто, при взглядѣ на Щекоткина, могъ вспоминать англійскую набережную Невы съ ея египетскими украшеніями.

Такой-то человѣкъ, похожій скорѣе на сфинкса или на дубъ, нежели на человѣка, умѣлъ соединить въ себѣ съ видомъ „азіята" самое европейское умѣнье обработывать свои дѣлишки. Кто бы могъ это подумать? Ужъ конечно—не я, съ своей системою благодушной угодливости. Я, напротивъ, долго не могъ повѣрить такому чрезвычайному явленію и долго наводилъ, относительно его, строжайшія справки. Но — увы! — всѣ мои разспросы и наблюденія очевиднѣйшимъ образомъ убѣждали меня, что дѣлишки „азіята" превосходно устроены, несмотря на совершенное отсутствіе въ немъ всякаго благодушія. Онъ, говорили мнѣ умные люди.

съ самаго начала замѣченъ былъ своимъ начальствомъ, „какъ исполнительный и благонамѣренный чиновникъ, никогда не забиравшій высоко, но бывшій всегда въ своемъ правѣ“. Александръ Григорьичъ самъ разсказывалъ, что замѣчаній по службѣ онъ никогда не получалъ. „Что велятъ, то и сдѣлаешь,—говорилъ онъ,—а не въ свое дѣло не суешься,—такъ чтò кому до тебя за дѣло? Иной разъ мнѣ такіе глупые приказы писать и исполнять доводилось, что смѣшно, бывало, дѣлается, — а ничего—работаешь себѣ, и виду не подаешь. Пусть ихъ тамъ творятъ, что хотятъ. Не моя забота. Кто приказалъ, тотъ и отвѣчаетъ,—а мнѣ только слушаться слѣдуетъ“. Такое рѣдкое самоотверженіе было оцѣнено по достоинству, и мало-по-малу Александръ Григорьичъ достигъ должности чиновника по особымъ порученіямъ. Трехъ губернаторовъ пережилъ онъ въ Покорскѣ и пользовался у всѣхъ ихъ особеннымъ расположеніемъ, которымъ не оставилъ его и четвертый начальникъ губерніи, поступившій уже во время силы и процвѣтанія Щекоткина. Столь же постоянно было и расположеніе всѣхъ согражданъ къ чорствому „азіяту“, хотя онъ и не пользовался въ покорскомъ обществѣ особенно выгодной репутаціей.

О репутаціи, впрочемъ, Александръ Григорьичъ мало и заботился. Онъ вполнѣ понялъ свое положеніе въ обществѣ и убѣдился, что не отъ репутаціи зависитъ выгодное устройство дѣлишекъ, и что не слово важно, а дѣло. „Что мнѣ за надобность,—говорилъ онъ, съ своимъ обычнымъ, нѣсколько грубоватымъ равнодушіемъ,—что мнѣ за надобность знать, хорошо или худо обо мнѣ думаютъ? Я съ вами встрѣчаюсь, — вамъ кланяюсь, съ вами разговариваю,—и вы тоже; этого для меня и довольно. А тамъ въ душу къ человѣку не влѣзешь. Думайте обо мнѣ, что хотите. Почему вы знаете, — можетъ быть, я-то объ васъ еще въ тысячу разъ хуже думаю, чѣмъ вы обо мнѣ. Чужая душа потемки“. Съ послѣднимъ замѣчаніемъ невозможно было не согласиться, смотря на Александра Григорьича. При одномъ взглядѣ на его безжизненную физіономію, всякій непремѣнно думалъ: „дѣйствительно, никакъ не узнаешь, что у тебя на душѣ... Можетъ быть, ты тамъ и чортъ знаетъ какую билиберду придумываешь... у тебя на лбу ничего не написано. И съ этой мыслію всякій невольно взглядывалъ опять въ глаза Щекоткину, стараясь поймать въ нихъ хоть какой-нибудь отпечатокъ внутренняго состоянія души... Но ловля эта всегда была совершенно безплодна. Въ глазахъ Александра Григорьича соединялось какъ-то телячье выраженіе съ конскимъ, но человѣческаго въ нихъ ничего не было.

Несмотря на непривлекательность своей особы, Щекоткинъ составилъ даже выгодную партію и былъ, говорятъ, счастливъ въ семейной жизни. Въ него влюбилась дочь правителя канцеляріи губернатора въ то время,

какъ общественное положеніе Александра Григорьича было еще очень незавидно. Чѣмъ онъ привлекъ къ себѣ полную Ирину Ѳедоровну,—трудно сказать утвердительно. Можетъ быть—„статура его пришлась ей по комплекціи“, какъ выражались современные событію покорскіе остряки; можетъ быть—суровый видъ его заинтересовалъ своей таинственностью начитавшуюся романовъ барышню; а можетъ быть—и такъ, по пословицѣ:—показался сатана лучше яснаго сокола... Какъ бы то ни было, Ирина Ѳедоровна по уши влюбилась въ азіята и даже романически хотѣла удалиться съ нимъ въ пустыню, до чего онъ однако же не допустилъ ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ, разсказываютъ, въ одномъ крупномъ разговорѣ, при какой-то изъ близкихъ знакомыхъ, — онъ говорилъ ей, между прочимъ, высчитывая ея недостатки: „ты, матушка, и ко мнѣ-то на шею бросилась чуть не съ перваго раза! Кабы я тебя не пожалѣлъ, да не велѣлъ у отца благословенья просить, такъ могъ бы просто повозиться съ тобой недѣлю другую, да и кинуть потомъ на улицѣ“.

Ирина Ѳедоровна,—разсказывала потомъ близкая ихъ знакомая,—мало смутилась такимъ укоромъ и отвѣчала немедленно: „да, если бы тогда одной глупости я съ собой не позволила сдѣлать, такъ не видать бы тебѣ меня, какъ ушей своихъ... И до сихъ поръ бы лямку-то теръ въ писцахъ... А то, бывало, чуть что нужно, такъ сейчасъ — попроси папеньку... Позабылъ, небось, теперь, кто тебя изъ грязи-то вывелъ...

— Ужъ объ этомъ-то не говори, матушка,—твердо возразилъ Александръ Григорьичъ на замѣчаніе супруги, — грязнѣе тебя никогда не были и на своемъ мѣстѣ безъ папеньки твоего держаться умѣемъ... Затѣмъ онъ умолкъ и спокойно принялся за свое дѣло, только взглядывая по временамъ своими безстрастными очами на раздраженную супругу, которая часа два еще продолжала работать языкомъ. — „Это славный моціонъ для нея; кровь хорошо разбиваетъ“, замѣтилъ потомъ Александръ Григорьичъ за обѣдомъ; и утомленная Ирина Ѳедоровна только улыбнулась на такое замѣчаніе.

Маленькія размолвки нисколько не разстроивали семейнаго счастія супруговъ и не мѣшали имъ въ дружномъ стремленіи къ общей цѣли — устройству своихъ дѣлишекъ. Ирина Ѳедоровна знала всѣ отношенія своего мужа и помнила очень твердо имена всѣхъ исправниковъ, становыхъ и городничихъ въ губерніи, съ ихъ супругами. Въ отсутствіе Александра Григорьича, нерѣдко уѣзжавшаго въ командировку, всѣ помянутыя лица адресовались къ ней, — если не по служебнымъ, то по разнымъ житейскимъ отношеніямъ. Многіе даже считали за лучшее передавать ей и служебныя свои обстоятельства, во избѣжаніе личныхъ объясненій съ азіятомъ, котораго нѣсколько трусили. Рѣшеніе дѣла, впрочемъ, нисколько

не зависѣло отъ ходатайства Ирины Ѳедоровны: оно опредѣлялось обыкновенно свойствомъ тѣхъ *данныхъ*, какія представлялись Щекоткину по самому существу дѣла.

Иногда Александръ Григорьичъ отправлялъ въ командировку и свою жену, вмѣстѣ съ двоими дѣтьми. Это бывало обыкновенно лѣтомъ или въ тѣхъ случаяхъ, когда самому Щекоткину назначалась командировка, обѣщавшая быть очень продолжительною. Такъ случилось, напримѣръ, и при производствѣ того важнаго дѣла, которое сильно подвинуло дѣлишки Щекоткина и о которомъ я хочу разсказать подробнѣе.

Разъ Щекоткинъ посланъ былъ на слѣдствіе по дѣлу о разграбленіи почты (это было уже давно); въ то же время онъ нашелъ, что въ окрестностяхъ уѣзднаго города Глухарева, въ имѣніи тамошняго исправника Житова, растутъ удивительныя сливы и всякія ягоды, изъ которыхъ можно славное варенье сварить. Немедленно послана была записка къ покорскому исправнику, чтобы онъ на другой день прислалъ лошадей для Ирины Ѳедоровны; и на утро оба супруга отправились—онъ производить слѣдствіе, она съ дѣтьми — варить варенье.

Въ дѣлѣ о разграбленіи почты Александръ Григорьичъ отличился. Полнѣйшій успѣхъ былъ результатомъ его неутомимыхъ трудовъ и необыкновеннаго умѣнья вести слѣдствіе. Дѣло, порученное ему, было не шуточное. Нужно было отыскать мошенниковъ, разбившихъ почтовый транспортъ, слишкомъ во сто тысячъ рублей. Въ покорской глуши разбои на большихъ дорогахъ не утихали въ прежнее время, несмотря на замысловатую систему дѣйствій, принятую противъ нихъ мѣстнымъ начальствомъ и основанную на морали одной изъ крыловскихъ басенъ:

Собаку ты хоть меньше бей,
Да краденый кусокъ ты отнимай у ней.

Навѣрное, нигдѣ совѣтъ баснописца не нашелъ такого обширнаго и постояннаго приложенія, какъ въ Покорской губерніи. Служители полицейскаго правосудія весьма скоро и искусно ловили здѣсь всякаго вора и мошенника; но все ихъ наказаніе ограничивалось лишеніемъ краденыхъ кусковъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что, вопреки баснописцу, каждый разъ послѣ такой исправительной мѣры, воры не только не переставали шалить, но еще примѣтно расширяли кругъ своихъ дѣйствій и производили свои подвиги гораздо смѣлѣе и открытѣе. Послѣ какого-нибудь, слишкомъ уже шумнаго дѣла, полиція снова снаряжалась на поиски, и въ теченіе этого времени все было смирно. Всѣ, кому была надобность разъѣзжать по губерніи, отдыхали: они ужъ отвели свой чередъ, теперь вмѣсто ихъ были на очереди постоянные домосѣды придорожныхъ деревень, въ которыхъ располагались чиновники, отправленные для оты-

сканія мошенниковъ. Какъ только воры были отысканы, взяты и наказаны обычнымъ способомъ, тотчасъ опять начинались въ окрестностяхъ страшныя сказанія о вновь учиненныхъ грабительствахъ. Мѣстное начальство, однако, не унывало: оно все продолжало дѣйствовать по своей системѣ и, въ самомъ дѣлѣ, до того, наконецъ, стѣснило ею покорскихъ мошенниковъ, что они рѣшились напасть на почтовый транспортъ... Тутъ уже и начальство призадумалось: исполнить по прежнему полезный совѣтъ басни казалось ему теперь какъ-то уже не совсѣмъ удобно. Дѣло было опасное и требовало другихъ мѣръ, при которыхъ бы краденый кусокъ самъ по себѣ былъ отнятъ, да кромѣ того и виновные все-таки были представлены. Рѣшились прибѣгнуть къ крайнему средству: командировать на слѣдствіе Щекоткина съ *строжайшимъ* предписаніемъ — „*немедленно* изловить разбойниковъ и отыскать украденныя деньги". Говоря съ такой рѣшительностью, достойною лучшихъ временъ Рима, мѣстное начальство показывало полную увѣренность въ своемъ могуществѣ. И,—что всего похвальнѣе, — увѣренность эта не была какимъ-нибудь фанфаронствомъ, а имѣла твердое основаніе въ тысячахъ прежнихъ опытовъ. Мѣстное начальство постоянно обращало особенное вниманіе на туземныхъ грабителей и мошенниковъ и всегда знало о покражѣ тотчасъ по ея совершеніи: до того хорошо ему знакомы были темные пути мошенническихъ продѣлокъ. Оно всегда было увѣрено, что если захочетъ, то всякаго мошенника сыщетъ, всякое воровство откроетъ. Оттого-то оно и пребывало постоянно въ величавомъ спокойствіи, которое иные, разумѣется, болѣе по неопытности и по непривычкѣ къ административнымъ вопросамъ, называли даже бездѣйствіемъ. Мѣстное покорское начальство подобно было скорѣе хозяину обширнаго садка, достающему оттуда рыбу, какую ему нужно,—нежели трепетному рыболову, отваживающемуся на невѣрные поиски въ неизвѣстныхъ пространствахъ. Въ дѣятельности его не было ничего судорожнаго, порывистаго; оно разсуждало, что суетиться много не изъ чего; мошенникъ, во всякомъ случаѣ, отъ нашихъ рукъ не уйдетъ и, рано или поздно, неправедно пріобрѣтенное добро перейдетъ въ руки правосудія. Такимъ образомъ, вполнѣ сохраняя свое достоинство, мѣстное управленіе умѣло пользоваться всѣми выгодами своего положенія и, при случаѣ, „не ударить себя лицомъ въ грязь". Такъ рѣшилось оно отличиться и въ настоящемъ случаѣ, чтобы изумить высшее начальство своею дѣятельностью и распорядительностью. Для представленія означенныхъ качествъ въ наиболѣе яркомъ свѣтѣ не нашли никого лучше Александра Григорьича Щекоткина.

Отправился Александръ Григорьичъ на слѣдствіе съ полнымъ сохраненіемъ своего всегдашняго хладнокровія. Повидимому, все дѣло имѣло

для него значеніе только въ томъ отношеніи, что дало поводъ отправить Ирину Өедоровну въ имѣніе исправника Житова—варенье варить. За то исправникъ находился совсѣмъ въ другомъ положеніи: грабительство произошло въ его уѣздѣ, и онъ, еще за два дня до назначенія Щекоткина на слѣдствіе, явился къ нему съ умильной физіономіей и имѣлъ съ нимъ какіе-то таинственные переговоры. Выходя отъ Александра Григорьича, исправникъ смотрѣлъ ему въ глаза съ особеннымъ тоскливо-лакомымъ выраженіемъ...

— Такъ я буду надѣяться, Александръ Григорьичъ,—говорилъ Житовъ, что вы во всякомъ случаѣ...

— Я вамъ сказалъ, что ничего не могу сказать,—возразилъ Щекоткинъ.—Доставьте прежде всѣ свѣдѣнія, о которыхъ я вамъ говорилъ. Иначе я принужденъ буду донести, что былъ совершенно лишенъ вашего содѣйствія.

— Помилуйте, Александръ Григорьичъ. На этотъ счетъ будьте ужъ совершенно спокойны... Я ничего не упущу, что отъ меня зависитъ.

— Да вѣдь я, батюшка, не первый годъ служу при губернаторѣ-то. Немножко еще пораньше васъ поступилъ... такъ меня оплетать-то нечего. Я знаю, что всѣ воровскіе притоны-то у васъ вотъ—какъ на ладонкѣ. Я недавно еще вотъ Михайлу Александрычу говорилъ (Щекоткинъ заочно называлъ губернатора по имени), что въ Глухаревскомъ уѣздѣ стоитъ только захотѣть,—и завтра же всѣхъ воровъ переловимъ: такъ исправникъ тамъ заботится... Онъ мнѣ и сказалъ, что, говоритъ, это хорошо, что такой исправникъ есть; всегда онъ для службы можетъ полезенъ быть своими свѣдѣніями. А то, говоритъ, что и держать на службѣ тунеядцевъ, отъ которыхъ, въ случаѣ надобности, ничего добиться нельзя. Михаилъ Александрычъ очень будетъ удивленъ, когда я ему скажу, что вы отказываетесь.

— Помилуйте, Александръ Григорьичъ... Какъ же это можно-съ? Я и не думалъ отказываться... Я только имѣлъ честь вамъ доложить, что, можетъ быть, какая-нибудь случайность, что нибудь непредвидѣнное... Бываютъ обстоятельства совершенно особенныя.

— Да, бываютъ, да не такія. Разумѣется, вотъ намеднись было дѣло, что у полицмейстера часы пропали,—и полиція не знала, куда они дѣвались. Искали цѣлую недѣлю, съ ногъ сбились, человѣкъ сорокъ въ острогъ посадили,—и все толку не было... А потомъ самъ ужъ Өедоръ Терентьичъ-то нашелъ ихъ у Глазицкой, — у младшей, — той, что горничныхъ-то играетъ. Онъ было на нее вскинулся,—гдѣ взяла? А она и припоминаетъ,— прошедшую пятницу, говоритъ, ночью пожаръ близко случился, такъ вы у меня второпяхъ-то ихъ и забыли... Ну, такъ этакое дѣло—точно слу-

чайность. Ѳедоръ Терентьичъ и самъ это понялъ. Двумъ квартальнымъ велѣлъ было подавать въ отставку, а потомъ, какъ нашелъ свою пропажу, такъ и ихъ оставилъ опять. Но, чтобы почту разграбили случайно,—это, батюшка, ежели вы скажете,—такъ надъ вами куры насмѣются. Вы тамъ были въ это время и должны знать всю подноготную. А, впрочемъ, я вѣдь это такъ... Если вамъ трудно, такъ я и самъ все узнаю, безъ васъ.

— Нѣтъ-съ, я совсѣмъ не къ тому, Александръ Григорьичъ... Какой же тутъ трудъ, помилуйте. Я даже считаю своимъ долгомъ. Я постараюсь завтра же вамъ доставить всѣ нужныя свѣдѣнія, только позвольте попросить и васъ.

— Да, если вы завтра придете, такъ мы и увидимъ. Я тогда такъ и Михаилу Александрычу буду говорить.

На другой день глухаревскій исправникъ опять былъ у Щекоткина, и, вѣроятно, свѣдѣнія, принесенныя имъ, удовлетворили любезнательность Александра Григорьича, потому что, выходя отъ него, Житовъ говорилъ поздравительнымъ тономъ:

— Мое почтеніе, Александръ Григорьичъ. Такъ я уже буду надѣяться, что вы обратите вниманіе его превосходительства на мои старанія. Право, вы не повѣрите, чего это стоитъ. Вѣдь вотъ, какъ передъ Богомъ,—даже съ омерзѣніемъ смотришь на всю эту сволочь, а дѣлать нечего—бережешь и даже прикармливаешь ее, для пользы службы... Вдругъ, пожалуй, какое-нибудь обстоятельство... Изволите помнить, напримѣръ, исторію съ княгиней Ирбитовой?

— Да, разумѣется, кто же объ этомъ и говоритъ... Съ тѣхъ поръ Михаилъ Александрычъ и обратилъ на васъ вниманіе. Эта старуха имѣла большую силу; она грозила, что и ему самому на мѣстѣ не усидѣть, если все, что у ней пропало, не отыщется... А тутъ, какъ на другой день принесли ей все сполна, даже туфли ея старыя, что къ чемодану съ боку были привязаны, такъ она вѣдь надивиться не могла... Всѣмъ послѣ разсказывала о нашемъ порядкѣ... За то Михаилъ Александрычъ и орденъ получилъ въ тотъ годъ.

— А вѣдь чего это стоило-съ. Въ ту же ночь у купца чемоданъ отрѣзали, и я зналъ, что тѣ же самые-съ... Купецъ просто волосы на себѣ рвалъ, тамъ у него бумаги какія-то важныя были и денегъ много. Если бъ повести дѣло слѣдствіемъ, то, конечно, и то и другое можно бы отыскать. Но тутъ нужно было представить вещи княгини на другой день, слѣдовательно, требовалось добровольное согласіе. А эти канальи тотчасъ сообразили мое положеніе и согласились въ цѣлости возвратить княгинины вещи только подъ условіемъ, чтобы купца имъ предоставить. Что же дѣлать было-съ? Долгъ повиновенія начальству, разумѣется, прежде всего... я

долженъ былъ согласиться... Хорошо, что еще нашлась возможность тотчасъ удовлетворить требованіямъ его превосходительства.

— Ну, а потомъ вѣдь вы и купца вашего тоже успокоили. Знаемъ мы всю эту исторію.

— Только бумаги съ, Александръ Григорьичъ,—только бумаги... Болѣе ничего не могъ вытребовать.

— Да объ этомъ что толковать... Дѣло прошлое. А теперь мнѣ собираться надо. Значитъ, я такъ и устрою, что вы тутъ почти въ сторонѣ будете...

— Да-съ... т.-е., Александръ Григорьичъ, вы изволили обѣщать, что его превосходительству...

— Михаилу Александрычу-то я представлю, что ваше содѣйствіе было мнѣ во многомъ полезно, и все тамъ, что нужно... Это я сдѣлаю... Такъ прощайте, пока. На слѣдствіи, вѣрно, увидимся.

Руководясь собранными отъ Житова свѣдѣніями, Щекоткинъ отправился прямо на постоялый дворъ, находившійся недалеко отъ того мѣста, гдѣ разбили почтовый транспортъ. Изслѣдованія его были непродолжительны. Только-что вошедши въ комнату, онъ потребовалъ къ себѣ хозяина и встрѣтилъ его такой рѣчью:

— Ты дуракъ, болванъ, скотина несмысленная... Что на тебя смотрятъ сквозь пальцы, такъ ты думаешь, что ужъ все можешь дѣлать. Ты не знаешь, что-ли, тварь ты поганая, что̀ казна значитъ?.. Да тутъ я тебя на вѣчную каторгу запрячу, каналью... Носъ тебѣ оборву, уши обрѣжу, колесую тебя, нехристя... Вишь,—задумалъ царскую казну воровать... Да еще хуже, чѣмъ воровать: не тотъ воръ, кто воруетъ, а кто принимаетъ... Не мимо пословица-то идетъ.

Слова Александра Григорьича звучали какой-то роковой рѣшимостью. Они выходили изъ устъ его ровно и мѣрно и раздавались по комнатѣ, какъ-то назойливо врѣзываясь въ уши, точно звукъ дятла, долбящаго дерево... Мужикъ не могъ не поддаться обаянію этого гремучаго звѣря и началъ запираться очень слабо и нерѣшительно. Когда же Александръ Григорьичъ потребовалъ колодки, предварительно обѣщавъ прощеніе въ случаѣ откровенности, — мужикъ повинился во всемъ. Отъ него узналъ Щекоткинъ, что два отставныхъ солдата, двое бѣглыхъ изъ некрутовъ, да одинъ молодой бобыль изъ сосѣдняго села давно уже держали у него притонъ и прятали до времени свои ночныя пріобрѣтенія. Къ нему же пришли они и въ ту ночь, какъ почта была разграблена. Сначала они выслали хозяина вонъ и принялись считать деньги; но онъ подсматривалъ за ними изъ окна и видѣлъ, что они насчитали денегъ тысячъ десять, а потомъ онъ подслушалъ, что они гдѣ-то еще спрятали большія деньги... Пересчи-

тавши деньги, мошенники позвали хозяина и принялись пить, расплачиваясь очень щедро. На другой день они ушли, на этотъ разъ ничего не оставивши у хозяина. Выслушавши признанія мужика, Щекоткинъ сказалъ только: „сказки!.. слыхали мы это“,—и велѣлъ дѣлать обыскъ. Пока сотскій съ понятыми рылись въ разныхъ углахъ, самъ Александръ Григорьичъ полѣзъ въ подпечку и началъ тамъ разбрасывать дрова, кирпичи, черепки, негодныя онучи и всякій хламъ. Видя, что азіятъ упорно продолжаетъ свои розысканія и уже добрался до груды черепковъ, засыпанныхъ золою и дресвою и бывшихъ сверху заваленными всякой дрянью, хозяинъ сказалъ, что вспомнилъ еще что-то и хочетъ сообщить слѣдователю. Александръ Григорьичъ велѣлъ всѣмъ идти вонъ, и, оставшись съ мужикомъ наединѣ, снова началъ допросъ, продолжая разрывать черепки въ подпечкѣ. Хозяинъ признался, что точно получилъ пять тысячъ отъ мошенниковъ за молчаніе и укрывательство и просилъ оставить ему *хоть половинку*, обѣщая за то показать, что они принесли домой всего 90 тысячъ, а еще мѣшокъ съ десятью тысячами обронили на дорогѣ. Щекоткинъ принялъ предложеніе съ равнодушіемъ человѣка, смотрящаго на хлѣбъ послѣ сытнаго обѣда. Онъ *исторгъ* у мужика показаніе, что часть денегъ спрятана у него на дворѣ, въ сусѣкѣ, а большая часть—тысячъ около 60—гдѣ-то въ лѣсу; но гдѣ именно,—мужикъ не зналъ, а совѣтовалъ скорѣе захватить одного изъ бѣглыхъ некрутовъ, который теперь живетъ въ выселкахъ, версты за три отъ постоялаго двора, съ одной вдовою—солдаткой. Узнавши все, что было нужно, Щекоткинъ вытащилъ наконецъ изъ подпечки казанокъ, въ которомъ сверху было серебро, а внизу оказалось золото.

— Ты получилъ это затѣмъ, чтобы молчать обо всемъ, —спросилъ онъ у мужика.

— Виноватъ, батюшка, Богъ попуталъ... я, батюшка, ужъ ничего въ противность вамъ не покажу,—только оставьте меня, батюшка... А то, вотъ сейчасъ Богу душу отдать, одно только разоренье отъ нихъ, отъ мошенниковъ; одного вина сколько, проклятые, выпьютъ, да еще сколько по разнымъ дѣламъ съ ними израсходуешь... Смилуйтесь, батюшка,—оставьте хоша сколько-нибудь бѣдному человѣку... Все одно, —что нищему подать.

— А вотъ я тебѣ, каналья, подамъ... Ты меня подкупить, что-ли, хочешь? Такъ я, вѣдь, не то, что ты... Ты вотъ взялъ деньги, чтобы молчать, а самъ все разболталъ. Я зналъ все прежде, чѣмъ сюда пріѣхалъ. За что-жъ тебѣ и деньги-то?.. А показанія твои завтра еще будутъ снова отобраны и записаны судебнымъ порядкомъ. За твое чистосердечное признаніе я скажу, пожалуй, завтра, чтобъ тебя судили по неопытности и

соучастія твоего не записывали... А коли самъ хочещь показать, что по корыствовался, такъ ужъ тамъ, какъ знаешь... Не моя будетъ вина.

Произнесши такую резонную рѣчь, Александръ Григорьичъ отправился съ казанкомъ въ отведенную ему комнатку, находившуюся возлѣ избы, гдѣ происходилъ обыскъ и допросъ, минуты черезъ двѣ возвратился оттуда, заперъ комнатку и кликнулъ народъ въ окошко. Щекоткинъ объявилъ торжественно, что воры найдены и деньги также и велѣлъ связанному хозяину вести ихъ въ амбаръ. Тамъ, дѣйствительно, найдены были въ сусѣкѣ мѣшки съ деньгами, которыя были Щекоткинымъ публично пересчитаны. Оказалось, что тутъ лежало сорокъ тысячъ. Объ остальныхъ нужно было допросить самихъ мошенниковъ. За однимъ изъ нихъ, по указанію хозяина постоялаго двора, немедленно отправленъ былъ чиновникъ, присланный вмѣстѣ съ Щекоткинымъ, для помощи ему при изслѣдованіи дѣла. Отыскать другихъ долженъ былъ становой. Между тѣмъ самъ Александръ Григорьичъ нарядилъ цѣлое село—оцѣпить опушку лѣса между постоялымъ дворомъ и мѣстомъ, гдѣ почта была разбита, — и велѣлъ осматривать землю около каждаго дерева и искать на деревьяхъ, нѣтъ-ли какой-нибудь замѣтки. Поиски еще продолжались, когда чиновникъ привезъ сюда рекрута, подъ хмѣлькомъ, только что вырваннаго изъ нѣжныхъ объятій вдовы-солдатки... Щекоткинъ тутъ же, на мѣстѣ, принялся его допрашивать, а мужики той порой все продолжали искать замѣтки.

— Глядь-ко,— Ванюха, говорилъ одинъ, указывая какую-то царапину на одной соснѣ: — никакъ замѣтка!

— Котора?

— Да вонъ ефта.

— Которо мѣсто?

— Эхъ, парень, подыми глаза-ти, повыше-ти маненько...

— Ефта, что-ли?—спрашивалъ Ванюха, указывая заступомъ на царапину.

— Она и есть...

— А и то, кажись, замѣтка...

Доложили Александру Григорьичу; тотъ приказалъ рыть... Мужики рыли около получаса и ничего не могли дорыться. Вдругъ раздается крикъ изъ другого мѣста:

— Эхъ вы, чего вы тамъ копаете? Вотъ гдѣ замѣтка...

— Замѣтка... и тутъ у насъ замѣтка на деревѣ, да толку-то мало...

— Что тамъ у васъ за замѣтка?..—и рослый мужикъ приближается къ мѣсту работы.

— Вонъ, погляди...

Мужикъ вглядывается въ царапину и, наконецъ, кричитъ:

— Коего праха тутъ вы ищете? Это какъ я давеча мимо проходилъ, такъ заступомъ ударилъ по соснѣ, вотъ она и есть царапина...

— Вишь ты,—сказали мужички,—а мы думали, что тутъ замѣтка...

И всѣ медленно оставили работу и, окруживъ дерево, принялись разсуждать о царапинѣ, введшей ихъ въ заблужденіе...

— И то, парень,—говоритъ одинъ:—царапина-то заступомъ сдѣлана. Такъ, — какъ есть заступъ.

— И заступъ-отъ Васюхинъ,—замѣчалъ другой:—смотри-ко, такъ и отпечатался.

— Эко диво,—разсуждалъ третій:— не запримѣтили мы давича, что рана-то совсѣмъ свѣжая.

— Да и земля-то не перерыта, прибавлялъ четвертый.

— А я только-что не сказалъ,—дополнилъ пятый:—а то самъ я эту сосну еще давеча запримѣтилъ: какъ мы пришли съ первоначалу-то, такъ на ней тутъ чисто было, никакого знака не было...

Разсужденія эти, вѣроятно, продолжались бы еще долго, но Александръ Григорьичъ прервалъ ихъ вопросомъ объ успѣхѣ работы. Ему объяснили, что замѣтка, найденная ими — не замѣтка, а такъ, Васюха заступомъ сдѣлалъ, и что замѣтка отыскана на другомъ деревѣ. Отправились туда копать... Черезъ полчаса и оттуда воротились безъ успѣха: предполагаемая замѣтка состояла въ томъ, что у одной березы сучья были съ одной стороны обломаны; но двое стариковъ, помучась надъ работой съ полчаса, вдругъ вспомнили, что эти сучья ужъ два года какъ обломаны. Осмотръ дерева убѣдилъ, что обломъ, дѣйствительно, давнишній... Опять принялись искать...

Между тѣмъ Александръ Григорьичъ сильно прижалъ рекрута, крѣпко связаннаго и стоявшаго передъ нимъ уже часа два. Молодой шалунъ не былъ упорнымъ злодѣемъ и теперь находился въ такомъ состояніи, что хотѣлъ только, чтобы его оставили въ покоѣ. Уже нѣсколько разъ просилъ онъ своего мучителя отпустить душу на покаяніе, отложить допросъ до завтра... Азіятъ былъ непреклоненъ и хлестко билъ въ уши хмѣльного и разнѣженнаго рекрута своей дубоватой рѣчью, безпрестанно требуя отъ него отвѣтовъ. Такое состояніе казалось молодому рекруту хуже всякой пытки и казни; онъ потерялъ рѣшительно всякое сознаніе о томъ, что съ нимъ можетъ быть впослѣдствіи, и чувствовалъ только невыносимую тяжесть настоящаго своего положенія. Нѣсколько времени онъ еще крѣпился, но, наконецъ, рѣшился отдѣлаться отъ невыносимаго допроса, разомъ покончивъ все дѣло. Онъ указалъ на срубленную березу, лежавшую между двумя толстыми соснами, возлѣ которыхъ стоялъ Щекоткинъ, и объявилъ, что деньги тутъ... Тотчасъ начали рыть и вырыли пять мѣшковъ, въ

которыхъ оказалось пятьдесятъ тысячъ. Выговоривши свое признаніе, рекрутъ сдѣлался вдругъ спокойнѣе и даже веселѣе, точно какая тяжесть свалилась съ него. Но когда деньги были вырыты, въ немъ внезапно явилась какая-то дикая энергія; онъ ударился головой о дерево, потомъ упалъ на землю и глухо зарыдалъ. Когда его подняли и посадили на телѣгу, чтобы везти въ деревню, онъ принялся страшно проклинать свое малодушіе, удивляясь дьявольскому навожденію, которое могло такъ его отуманить. За то Александръ Григорьичъ былъ вполнѣ доволенъ собою и хрюкалъ носомъ чаще и громче обыкновеннаго.

На другой день привезли и остальныхъ участниковъ грабежа. Становой представилъ тысячи три денегъ, у нихъ отобранныхъ; но этого было мало: по разсчетамъ Щекоткина, тутъ недоставало еще тысячъ восьми. Начались опять грозные допросы. Мошенники съ перваго раза во всемъ повинились и объявили, что они успѣли истратить всего пятьсотъ рублей, да тысячу дали, до окончательнаго раздѣла, молодому рекруту, который не хотѣлъ кутить съ ними, а отправился къ своей вдовѣ. Немедленно нарядили обыскъ въ ея домѣ, а рекрута принялись допрашивать. Но тутъ уже и могучій голосъ Щекоткина не помогъ: молодой негодяй, съ изумительнымъ упрямствомъ, въ теченіе цѣлаго дня отказывался объявить, гдѣ спрятаны деньги, полученныя имъ отъ товарищей. Между тѣмъ, къ вечеру, обыскъ возвратился изъ дома вдовы, объявивъ, что ничего не найдено. Александръ Григорьичъ велѣлъ было немедленно взять самоё вдову въ колодки, но потомъ вдругъ одумался и самъ поскакалъ къ ней въ домъ, чтобы ее допросить хорошенько. Но оказалась, что это вовсе не нужно. Щекоткинъ съ своими провожатыми застали солдатку за работой: напуганная обыскомъ, она вырывала деньги изъ-подъ крылечка, чтобы запрятать ихъ куда-нибудь подальше. Поспѣшность слѣдователя предупредила ея излишнюю предусмотрительность, — и солдатка, какъ участница въ преступленіи, была взята подъ караулъ, лишенная плодовъ своего злодѣянія. По возвращеніи въ село, Александръ Григорьичъ обратился опять къ допросу пятерыхъ злодѣевъ и выказалъ необычайное искусство въ своемъ дѣлѣ. Первый допросъ запуталъ кругомъ станового, доказавши, что онъ утаилъ часть денегъ, отобранныхъ у воровъ; становой сконфузился и явился къ Щекоткину для особенныхъ объясненій. По окончаніи объясненій, опять пошелъ допросъ, и показанія мошенниковъ начали сбиваться и противорѣчить другъ другу... Еще болѣе запутывалось дѣло показаніями сотни постороннихъ свидѣтелей. Щекоткинъ, отыскавшій деньги, хлопоталъ уже теперь о карѣ преступленія и велѣлъ забирать всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Взяты были такимъ образомъ родные мошенниковъ, всѣ, кто когда-нибудь бывалъ у вдовы-солдатки,

всѣ, когда-нибудь видѣвшіе мошенниковъ на постояломъ дворѣ, цѣловальники всѣхъ кабаковъ, гдѣ пили злодѣи, всѣ тѣ, кого они встрѣчали въ кабакахъ, у кого что-нибудь купили, у кого спросили о дорогѣ и т. п. Набралось всего человѣкъ полтораста. Противорѣчія показаній были неслыханныя.

— Гдѣ ты купилъ это кольцо серебряное?—спрашивали рекрута.

— На ярмаркѣ, въ Гремячихѣ.

— У кого?

— У Григорья Парамонова.

Брали Григорья Парамонова. Тотъ клялся и божился, что знать не знаетъ ничего. Обращались опять къ преступнику съ вопросомъ, кто видѣлъ, что онъ купилъ кольцо у Парамонова... Да староста самъ видѣлъ, отвѣчалъ рекрутъ Посылали за старостой. Тотъ говорилъ, что не помнитъ, но при очной ставкѣ припоминалъ, что точно видѣлъ рекрута на ярмаркѣ. Григорій Парамоновъ признавался... Далѣе шла рѣчь о цѣнѣ. Мошенникъ говорилъ, что заплатилъ за кольцо цѣлковый, а продавецъ клялся, что взялъ только шесть гривенъ. Разнорѣчіе записывали съ замѣчаніемъ, что кольцо и шести гривенъ не стоитъ, и что мошенникъ явно вретъ, чтобы уменьшить преступленіе и скрыть свою скверную расточительность, показывая издержки болѣе благопристойныя. Замѣчаніе это подтверждалось постоянно дальнѣйшими допросами. Когда дѣло дошло до кабачка, въ которомъ пили мошенники. то они показали, что всего-то роспили тамъ полштофа. Но свидѣтели показали, что видѣли, какъ одинъ изъ воровъ бросилъ цѣловальнику цѣлковый, не требуя сдачи. Цѣловальникъ, призванный для разрѣшенія противорѣчія, показалъ, что, дѣйствительно, четверо мошенниковъ выпили у него на цѣлковый, т.-е. три полштофа, при которыхъ и закуски требовали. Здѣсь уже явно видѣнъ былъ умыселъ злодѣевъ скрыть свое преступное мотовство и оставить слѣдователей въ недоумѣніи насчетъ затраты денегъ, которыхъ все-таки еще много недоставало до полной суммы... Для возвращенія казенныхъ суммъ отовсюду, откуда только было возможно, приняты были всѣ мѣры. Григорья Парамонова заставили возвратить рубль, сообразно показанію рекрута; а потомъ посадили подъ караулъ, вмѣстѣ съ другими, за сношенія съ преступниками, и взяли пять рублей штрафа за то, что учинилъ противозаконную продажу разбойнику, котораго долженъ былъ бы схватить на мѣстѣ и немедленно предать въ руки правосудія. Черезъ нѣсколько дней Парамонова выпустили, но не ранѣе, какъ онъ оставилъ двадцать пять рублей въ рукахъ слѣдователя, для удостовѣренія, что никуда не убѣжитъ и явится къ допросу по первому востребованію. На тѣхъ же основаніяхъ, послѣ предварительныхъ контрибуцій, отпущены были и цѣловальники, и другіе податные люди, захваченные по подозрѣнію

въ прикосновенности къ дѣлу. Вся исторія продолжалась недѣли три. Наконецъ, Александръ Григорьичъ приготовился къ послѣднему, рѣшительному допросу. Онъ не спалъ почти цѣлую ночь, потомъ, прогулявшись поутру, занялся пересмотромъ всѣхъ допросныхъ показаній, пообѣдалъ весьма рано и улегся спать. Спалъ онъ часовъ семнадцать. Около десяти часовъ утра проснулся онъ, напился чаю и немножко послѣ полудня принялся за допросъ. Всѣ злодѣи стояли передъ нимъ посреди комнаты, связанные. Допрашивалъ онъ ихъ весь тотъ день до вечера, допрашивалъ всю ночь до самаго утра; допрашивалъ на слѣдующій день съ утра до поздняго вечера... Тридцать два часа простояли предъ нимъ преступники, ни разу не присаживаясь, ни на что не опираясь, кромѣ какъ другъ на друга. Долго крѣпились они и все твердили свое, что они изъ всѣхъ денегъ всего только сотъ пять истратили, да пять тысячъ хозяину постоялаго двора дали, но, наконецъ, всѣ умаялись, и, оставивъ упрямство свое, единодушно, одинъ за другимъ, показали все, чего добивался Александръ Григорьичъ. Оказалось, что злодѣи, по совершеніи преступленія, кутили страшно и сыпали деньги направо и налѣво, не считая. За каждую вещь платили они вдесятеро противъ настоящей цѣны и, кромѣ того, просто теряли еще больше денегъ, чѣмъ тратили. По ихъ собственнымъ припоминаніямъ, прокутили они такимъ образомъ денегъ въ одну недѣлю около семи тысячъ: цифра эта какъ разъ совпадала съ суммой, которой въ отысканныхъ деньгахъ недоставало до ихъ настоящаго количества, отправленнаго съ транспортомъ. Такимъ образомъ все было приведено въ ясность. Неутомимость и дѣятельность мѣстнаго начальства торжествовала въ лицѣ Щекоткина, который на другой же день составилъ объ успѣшномъ окончаніи слѣдствія донесеніе, полное величаваго спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ благородной гордости и сознанія своего собственнаго достоинства. По его словамъ, пойманные имъ разбойники были закоренѣлые злодѣи, давно уже укрывавшіеся отъ бдительности полиціи; но, при существующемъ порядкѣ управленія, они не смѣли и думать о нападеніи на казенный транспортъ, и все случившееся произошло единственно отъ недоразумѣнія. Разбойники думали, что ѣдетъ какой-нибудь богатый купецъ въ дилижансѣ, при которомъ только и были — мальчишка-ямщикъ, кондукторъ, да еще одинъ провожатый, сидѣвшій внутри кареты. Остановили лошадей, свалили на земь ямщика, бросились внутрь кареты, — но тамъ ужъ никого не было: провожатый, равно какъ и кондукторъ, обратились въ бѣгство. Ночь была еще въ началѣ, лѣсъ возлѣ, вблизи ни одной деревеньки, и мошенники совершенно безопасно могли разобрать все добро, которымъ нагружена была карета. Но когда они увидѣли, что тутъ все деньги, и догадались, что деньги казенныя, то, по собственному ихъ признанію, голова у нихъ закружилась и руки за-

тряслись отъ страха. Они пустились бѣжать, точно ихъ гналъ кто-нибудь,— да ужъ пробѣжавши—такъ шаговъ двѣсти,—опомнились они и остановились. Начали разсуждать они, и словно какъ будто жалко имъ стало даромъ оставить такое сокровище. Хоть бы одинъ мѣшочекъ утащить, порѣшили они, и побѣжали назадъ. Ну, а какъ подошли къ каретѣ-то, да увидѣли, что возлѣ нея никого нѣтъ и даже мальчишка-ямщикъ, отпрягши лошадей, куда-то скрылся, то ужъ какъ-то лукавый и совсѣмъ ихъ попуталъ: вмѣсто одного-то мѣшечка, рѣшились они забрать ужъ лучше все, что только можно. Такъ разсказывали преступники и разсказъ ихъ подробно прописанъ былъ въ донесеніи Александра Григорьича, находившаго, впрочемъ, въ семъ вымыслѣ новое доказательство преступной опытности и изобрѣтательности закоренѣлыхъ злодѣевъ. „Только неусыпная моя дѣятельность и опытность въ подобныхъ дѣлахъ, — заключалъ Щекоткинъ,—только самыя очевидныя свидѣтельства и соображенія относительно преступленія, и, наконецъ, мѣры благоразумной кротости, состоявшія въ строго-соображенномъ и обдуманномъ увѣщаніи и разговорѣ съ разбойниками, продолжавшемся болѣе 30 часовъ сряду, могли, наконецъ, подѣйствовать на огрубѣлыя въ преступленіи сердца ихъ и привести къ полному сознанію въ преступленіи, съ объясненіемъ всѣхъ его причинъ и обстоятельствъ. Донося о семъ вашему превосходительству, священнымъ долгомъ почитаю обратить вниманіе вашего превосходительства на то обстоятельство, что вся почти пропавшая сумма, именно 94.483 р. 75 копѣекъ сер. отыскана мною, и такимъ образомъ сдѣланъ казнѣ значительный и явный прибытокъ; о растратѣ же преступниками остальной суммы 7.512 р. 25 копѣекъ имѣются подробныя свѣдѣнія".

Донесеніе было принято, разумѣется, съ особеннымъ благоволеніемъ и послужило основаніемъ для распоряженій, которыми мѣстное начальство справедливо покарало порокъ и наградило добродѣтель. Лучшая награда досталась, по всей справедливости, Щекоткину, который „за пріобрѣтеніе для казны столь значительной суммы денегъ и за приведеніе кроткими мѣрами закоренѣлыхъ разбойниковъ къ полному сознанію и чистосердечному раскаянію, на основаніи такой-то статьи статута объ орденѣ св. Владиміра, представленъ къ награжденію симъ орденомъ 4-й степени для ношенія въ петлицѣ".

Но, не смотря на очевидность заслугъ Щекоткина общему дѣлу, нашлись клеветники, увѣрявшіе, что онъ остался не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ. Одинъ изъ самыхъ усердныхъ распространителей такой клеветы былъ становой, посланный для поимки преступниковъ; ему помогали— глухаревскій исправникъ и чиновникъ, бывшій на слѣдствіи вмѣстѣ со Щекоткинымъ, въ качествѣ его помощника. Общественное мнѣніе давно

не любило Александра Григорьича за его „азіятство“ и потому обрадовалось новому, неблагопріятному для него, слуху. Разсказывали вещи несбыточныя, разсказывали и анекдоты, имѣвшіе всѣ признаки исторической истины, но, тѣмъ не менѣе, ложные. Говорили, напримѣръ, что первыя показанія разбойниковъ о пяти тысячахъ, данныхъ хозяину постоялаго двора, какъ-то проходили каждый разъ незамѣченными, и что хозяинъ ни разу на этотъ счетъ допрашиванъ не былъ. Слухъ этотъ явно противорѣчилъ оффиціальнымъ даннымъ, сообщеннымъ Александромъ Григорьичемъ; тамъ именно было указано, что, при повальномъ обыскѣ, означенныхъ пяти тысячъ найдено не было и сами преступники потомъ сознались, что показывали такъ, единственно желая прикрыть свою распутную расточительность. Тѣмъ не менѣе, многіе вѣрили слуху и придавали ему большое значеніе. Дошло до того, что самъ губернаторъ разъ, по окончаніи какого-то доклада, сказалъ Александру Григорьичу:

— Что это, Александръ Григорьичъ, тутъ идетъ слухъ о какихъ-то еще пяти тысячахъ, которыя еще найдены были или могли найтись у содержателя постоялаго двора?

— Объ этомъ обо всемъ я имѣлъ ужъ честь доносить вашему превосходительству, —угрюмо отвѣчалъ азіятъ.

— Но это обстоятельство какъ то не совсѣмъ уяснено, —снова замѣтилъ его превосходительство.

— Да вы, ваше превосходительство, читали донесенія-то мои, или нѣтъ, —рѣзко спросилъ Щекоткинъ и тотчасъ же продолжалъ: —какъ же не уяснено, когда точный итогъ подведенъ. Изъ 102 тысячъ почти 95 возвращены, а о растратѣ семи тысячъ—именныя свидѣтельства полутораста человѣкъ и собственныя признанія преступниковъ приведены. Какія-жъ тутъ еще пять тысячъ, ваше превосходительство?

— Да, но... т.-е. я хотѣлъ сказать, что дѣло относительно содержателя постоялаго двора не ясно представлено, —возразилъ губернаторъ уже тономъ ниже.

— Да этотъ содержатель просто дуракъ, ваше превосходительство, котораго выпороть слѣдуетъ—больше ничего.—Ему, я думаю, и во снѣ не снились пять-то тысячъ,—не то, что на яву. Впрочемъ, если вашему превосходительству не угодно цѣнить мое усердіе, то не угодно-ли новое слѣдствіе нарядить?

— Я не знаю... т.-е. если этого потребуютъ обстоятельства,—отвѣчалъ начальникъ, уже чрезвычайно нерѣшительно, какъ бы преклоняясь предъ избыткомъ энергіи подчиненнаго.

— А я, нужно вамъ сказать откровенно, ваше превосходительство, сдѣлалъ здѣсь то, чего бы никто другой не сдѣлалъ. Я посѣдѣлъ и по-

худѣлъ въ этотъ мѣсяцъ, ваше превосходительство. Я даже и послѣ окончанія допросовъ и отправленія сюда послѣднихъ донесеній все заботился о дѣлѣ. Но больше ничего нельзя было сдѣлать. Все, что мнѣ удалось, это—открыть еще пятьсотъ рублей въ щели, между лавкой и стѣной, въ одномъ домѣ, гдѣ мошенники ночевали и, вѣрно, обронили пачку ассигнацій. Ихъ я вашему превосходительству представлю сегодня же; теперь же хотѣлъ только спросить,—при рапортѣ ихъ представить, или такъ?

— При рапортѣ, конечно,—при рапортѣ; какъ же иначе?

— Собственно, дѣло-то вѣдь теперь ужъ кончено и вами отослано; такъ я думалъ, что, можетъ быть, это еще подастъ поводъ къ какимъ-нибудь придиркамъ.

— Нѣтъ-съ, ничего, — отвѣчалъ Михаилъ Александровичъ уже совершенно ласково,—можно дополнительный рапортъ на мое имя сдѣлать. Еще лучше: это именно покажетъ, что неусыпная ваша заботливость не прекращается...

И служители правосудія разстались друзьями. Замыслы недоброжелателей—повредить Щекоткину въ служебномъ отношенія—не удались.

Не болѣе успѣха имѣли коварныя посягательства на разстройство семейной жизни Александра Григорьича. Цѣломудренныя старыя дѣвы десятками ходили къ Иринѣ Ѳедоровнѣ, возвратившейся между тѣмъ изъ окрестностей Глухарева съ нѣсколькими возами всякаго варенья и соленья, и на ухо пересказывали ей подъ секретомъ, краснѣя отъ стыда и негодованія, то, что цѣлый городъ трубитъ. Городъ трубилъ, видите,—будто Александръ Григорьичъ допросы молодыхъ бабъ подводилъ всегда къ вечеру и потомъ оставлялъ ихъ до утра подъ стражей въ избѣ постоялаго двора, смежной съ его собственной комнатой. Далѣе цѣломудренныя дѣвы не разсказывали, а прибавляли только, что вчера, или на-дняхъ, „сама уже, матушка Ирина Ѳедоровна,—слышала отъ одной бабы... Приходила къ намъ съ холстомъ, такъ просто слушать мерзко, какъ онъ надъ ней безстыдничалъ. За то только и выпустилъ"... и т. п.

Щекоткину удалось застать одну изъ первыхъ вѣстовщицъ, пришедшихъ къ его женѣ, въ самомъ жару разсказа. Ирина Ѳедоровна тутъ же обратилась къ нему съ упреками; дѣва, хотя особа почтенная, тетка губернскаго прокурора и внучатная сестра старшаго совѣтника губернскаго правленія,—сильно однако же струсила, зная нравъ „азіята", и старалась умѣрить гнѣвные порывы Ирины Ѳедоровны, приговаривая, что это все вѣдь люди говорятъ, а, можетъ быть, это все злые люди и нарочно выдумали. Такая уловка только повредила; Ирина Ѳедоровна тотчасъ накинулась: какъ люди говорили? да не сами-ли вы сказали, что баба съ холстомъ сама вамъ разсказывала, какъ... И пошло подробное изложеніе

обвинительныхъ пунктовъ противъ мужа. Александръ Григорьевичъ не долго думалъ... Опъ велѣлъ женѣ замолчать и потомъ грозно и рѣшительно, хотя совершенно хладнокровно, сказалъ старой дѣвѣ:

— Любите, матушка, языкъ то почесать; только не расчешите, чтобы больно пе было. Чѣмъ этакую-то мерзость врать, вы лучше приведите-ко сюда бабу-то эту; тогда мы и посмотримъ... Слышите? Иначе и не смѣйте къ намъ являться, какъ вмѣстѣ съ бабой, — да при мнѣ... А коли еще разъ однѣ пожалуете, такъ и дверей у меня не найдете,—черезъ окошко домой отправитесь... Ступайте же скорѣе,—отыскивайте свою бабу.

Выговоривъ это, азіятъ неподвижно уставился на смущенную дѣву, которая въ такомъ необычайномъ случаѣ сочла за самое приличное — заплакать и, произнесши нѣсколько жалобныхъ словъ, прерываемыхъ рыданіями и всхлипываніями, отправиться во-свояси. Послѣ ея ухода, Ирина Өедоровна продолжала еще нѣкоторыя демонстраціи мужу, но онъ уже не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Мѣсяца два неблагонамѣренные толки на счетъ Щекоткина были неугомонны. Но навѣрное никто ничего не могъ сказать, и, надобно отдать честь осторожности покорскихъ гражданъ, всѣ они ругали азіята только за глаза, — въ непосредственныхъ же сношеніяхъ съ нимъ выказывали прежнее уваженіе и съ довѣрчивымъ вниманіемъ выслушивали его собственный разсказъ о совершенныхъ имъ подвигахъ. Правда, что и Александръ Григорьевичъ велъ себя примѣрно: онъ подхватывалъ малѣйшій намекъ, неблагопріятный для себя, съ благороднымъ прямодушіемъ и рѣзкостью тона выводилъ наружу тайную мысль своего собесѣдника и начиналъ опровергать ее положительными фактами, заимствованными изъ оффиціальныхъ данныхъ или основанными на собственномъ авторитетѣ непоколебимаго азіята. На всякое „говорятъ“ онъ возражалъ съ гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства: „да что говорятъ, вы мнѣ повѣрьте; я-то вѣдь ужъ лучше знаю все это дѣло; оно все черезъ мои руки шло. Такъ кому лучше знать-то, мнѣ, или какому-нибудь Петру Васильичу, который ни разу и на слѣдствіи то не бывалъ?“ Противъ такихъ резоновъ спорить было нельзя, и коварный изобрѣтатель намека всегда оставался посрамленнымъ.

Толки возобновились съ большимъ еще ожесточеніемъ тогда, когда Александръ Григорьевичъ явился въ первый разъ предъ покорскимъ обществомъ съ Владиміромъ въ петличкѣ. Со времени происшествія прошло болѣе полугода, и, какъ всегда, отдаленность времени придала всему происшествію колоритъ нѣсколько фантастическій. Въ легендѣ, сочиненной объ отысканіи денегъ, Щекоткинъ являлся какимъ-то Аттилой, съ прибавленіемъ утонченныхъ продѣлокъ подъячества. Говорили, что Щекот-

кинъ возилъ по цѣлому уѣзду, точно мертвое тѣло, своего писаря подъ именемъ кондуктора, бывшаго при почтѣ; въ каждомъ селѣ созывалъ сходку, ставилъ всѣхъ крестьянъ въ рядъ и заставлялъ кондуктора, проходя по рядамъ, узнавать, кто изъ крестьянъ былъ въ числѣ разбойниковъ. Писарь говорилъ, что какъ будто признаетъ человѣкъ двухъ, трехъ, что чуть-ли самъ староста не былъ въ ихъ числѣ, но что окончательно онъ можетъ сказать это только послѣ ночного осмотра, такъ какъ лица днемъ нѣсколько иначе кажутся, чѣмъ ночью. Назначался ночной смотръ, и мужики оставались въ недоумѣніи, на кого же падетъ грозное обвиненіе. Подъ вечеръ являлся староста съ поклономъ, что, дескать, нельзя-ли, батюшка, ослободить. Слѣдователь говорилъ, что, пожалуй, и можно, ежели согласятся мужички внести часть разграбленныхъ денегъ въ казну государеву. Мужички соглашались, и тутъ, смотря по достатку села, накладывалъ на нихъ Александръ Григорьевичъ то по четвертачку, то по три гривенничка, а гдѣ и по полтинничку съ души. Да такъ-то шестьдесятъ тысячъ душъ объѣздилъ, прибавляли разсказчики (а иные говорили и 80, нѣкоторые даже до 100 т. доходили); такъ посудите сами, хоть по четвертаку, такъ 60 тысячъ четвертаковъ вѣдь это пятнадцать тысячъ. Никто не возражалъ противъ этихъ разсказовъ, хотя всѣ почти знали, что Щекоткину не было времени для подобной продѣлки и,—главное,—что она съ успѣхомъ совершена была другимъ, еще лѣтъ за десять до исторіи съ почтой. Но Щекоткинъ былъ теперь героемъ современности, и къ нему, какъ всегда бываетъ въ народныхъ преданіяхъ, относили большую часть даже и тѣхъ подвиговъ, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что они совершены другими.

Случалось иногда, въ первую пору всеобщаго движенія языковъ, что Александръ Григорьевичъ внезапно появлялся въ томъ самомъ обществѣ, гдѣ шелъ ожесточенный разсказъ о его злодѣяніяхъ. Тогда, разумѣется, всѣ окружали его и начинали привѣтливо поздравлять съ монаршей милостью; разсказъ прекращался самъ собою. Развѣ только иной вѣжливый хозяинъ снова заводилъ разговоръ: а мы вотъ только сейчасъ говорили о вашей исторіи, Александръ Григорьевичъ. Въ отвѣтъ на это, Александръ Григорьевичъ хрюкалъ и молча устремлялъ на хозяина свои безстрастные взоры. Если его просили, то онъ самъ начиналъ разсказывать о своихъ подвигахъ съ такимъ видомъ, какъ будто бы читалъ протоколъ о дѣлѣ, совершенно для него постороннемъ,—ровно, спокойно, безъ малѣйшей аффектаціи, словомъ, какъ дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый. Не нужно прибавлять, что его разсказъ отличался оффиціальной точностью и достовѣрностью, хотя слушатели, по выходѣ его, и говорили съ чувствомъ благороднаго негодованія: вотъ мерзавецъ-то! Вретъ и не краснѣетъ!

Но не отъ рѣчей людскихъ, пустыхъ и неосновательныхъ, зависитъ благоденствіе человѣка,—справедливо замѣчаютъ практическіе люди. Несмотря на всеобщее противъ себя озлобленіе, Александръ Григорьевичъ въ томъ же году весьма выгодно купилъ одно, продававшееся по случаю имѣніе, душъ около 200, пользуясь правомъ, которое давала ему четвертая степень Владиміра. Снова поднялись вопли озлобленія, снова перебрали всю прошедшую жизнь Александра Григорьевича и разобрали даже жизнь и дѣянія его родителя, Григорія Петровича, добирались даже до его дѣдушки, но, къ счастію его старческаго праха, въ Покорскѣ не отыскалось человѣка, который бы могъ сказать не a priori, что у Александра Григорьевича былъ какой-нибудь дѣдушка. По здравому смыслу, таковое невѣжество должно бы, конечно, упасть на главу самихъ же покорскихъ гражданъ и покрыть ихъ посрамленіемъ; но нашлись искусники, умѣвшіе доказать всему городу, что того, чего они не знаютъ, нѣтъ и не бывало на свѣтѣ и не бывало именно потому, что они не знаютъ этого. Такимъ образомъ, разборъ родословной Александра Григорьевича въ покорскихъ аристократическихъ кругахъ привелъ къ рѣшительному заключенію, что у Щекоткина нѣтъ предковъ, нѣтъ даже дѣдушки, и что онъ съ своимъ отцомъ произошелъ изъ грязи... Ожесточеніе дошло до того, что *лучшіе люди* города Покорска не хотѣли имѣть никакого дѣла съ Щекоткинымъ, развѣ ужъ случалась какая-нибудь надобность. Такая надобность встрѣтилась, напр., весьма многимъ въ началѣ осени, когда начали носиться слухи, что губернатора куда-то переводятъ изъ Покорска и что на его мѣсто назначается какой-то родственникъ Ирины Өедоровны... Къ Александру Григорьевичу, какъ человѣку, близкому къ его превосходительству, приступали всѣ съ вопросами: правда-ли, что мы лишаемся нашего добраго, благодѣтельнаго начальника? Когда же Щекоткинъ говорилъ, что это очень вѣроятно, вопрошающіе обыкновенно прибавляли: впрочемъ, говорятъ, что мы будемъ вполнѣ утѣшены и вознаграждены новымъ назначеніемъ? Объ этомъ еще ничего неизвѣстно, — отрывисто отвѣчалъ всегда Александръ Григорьевичъ, и больше отъ него нельзя было добиться ни одного слова... Прикидывается, бестія,—думали любопытные граждане; впрочемъ, ужъ насъ-то не надуетъ: знаемъ мы его, мошенника.

Слухи о смѣнѣ губернатора оказались пока ложными. Но Щекоткинъ имѣлъ нѣкоторыя основанія полагать, что они сбудутся въ непродолжительномъ времени, исключая, разумѣется, толковъ о родственникѣ Ирины Өедоровны, потому что у ней самый почетный родственникъ былъ совѣтникомъ казенной палаты, изъ которыхъ въ губернаторы, какъ извѣстно, мудрено попасть. Сообразивши всѣ обстоятельства, Александръ Григорьичъ рѣшился служить по выборамъ и заявилъ претензію на долж-

ность предсѣдателя уголовной палаты, умершаго въ октябрѣ мѣсяцѣ, почти передъ самыми выборами. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе безроднаго „азіята“, во всемъ городѣ поднялось ужаснѣйшее волненіе.

— Это ужъ будетъ курамъ на смѣхъ,—говорилъ уѣздный предводитель дворянства:—что мы будемъ за дворяне, когда всякую выскочку въ свой кругъ пускать будемъ?

— И съ европейскими понятіями совершенно несогласно,—острилъ вице-губернаторъ:—вручить такой важный постъ „азіяту“.

— И эта свинюшка съ своимъ хрюканьемъ будетъ имѣть голосъ между нами,—отзывался пріѣзжій изъ уѣзда помѣщикъ.

— Да, наконецъ, эта должность можетъ быть поручена другому комунибудь,—горячо вступилъ въ разговоръ молодой товарищъ предсѣдателя гражданской палаты:—да я самъ, наконецъ, думалъ объ этой должности... потому что здѣсь нуженъ именно человѣкъ благонамѣренный, добросовѣстный и умѣющій понимать высшія требованія человѣчества. Здѣсь не палачъ нуженъ, а нуженъ самоотверженный, непреклонный въ правдѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проникнутый гуманными чувствами служитель правосудія. А тутъ, помилуйте, какія же гуманныя чувства въ этомъ сфинксѣ?

Всѣ соглашались, что въ сфинксѣ гуманныхъ чувствъ нѣтъ ни на полушку, и что въ уголовную палату опредѣлить его, дѣйствительно, нельзя. Но о товарищѣ предсѣдателя собесѣдники отозвались, вскорѣ послѣ этого разговора, тоже не совсѣмъ хорошо. Вице губернаторъ назвалъ его шутомъ гороховымъ, а помѣщикъ выразился, что этотъ малый съ своими *туманными* чувствами просто вѣтеръ и больше ничего. Замѣчаніе было, конечно, болѣе справедливо, нежели остроумно.

Прошелъ мѣсяцъ. Надъ притязаніями Александра Григорьича смѣялись даже писцы уголовной палаты. Онъ зналъ свое положеніе, но не унывалъ. Губернаторъ былъ на его сторонѣ, и въ одинъ высокоторжественный день, на большомъ оффиціальномъ завтракѣ у градскаго главы, сказалъ даже прямо, что, вѣроятно, Александръ Григорьичъ вполнѣ замѣнитъ покойнаго Парѳена Игнатьича. Всѣ присутствовавшіе переглянулись между собою съ весьма значительнымъ видомъ и, по окончаніи завтрака, сами старались заговорить съ азіятомъ относительно его намѣренія баллотироваться. Почти каждый счелъ своимъ долгомъ увѣрить Щекоткина въ своемъ всегдашнемъ расположеніи и предостеречь отъ козней другихъ, которые „всегда точатъ зубы на человѣка“. Александръ Григорьичъ отвѣчалъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и съ полною увѣренностью въ своемъ успѣхѣ, что никто въ Покорскѣ лучше его на этомъ мѣстѣ не будетъ.

— Вы послушайте молокососовъ,—говорилъ онъ вслухъ, не взирая

даже на присутствіе задорнаго товарища предсѣдателя гражданской палаты,—такъ они вамъ такихъ турусовъ на колесахъ наскажутъ, что вы только ротъ разинете. А какъ примутся они за дѣло, такъ только горе съ ними. У меня былъ одинъ чиновникъ этакой-то. Бывало, слѣдствіе: вотъ онъ и допрашиваетъ. Кто ты такой, откуда? — Не помню,—говоритъ. Онъ и вспылитъ тотчасъ. Какъ, мошенникъ,—ты, говоритъ, самъ себя не помнишь? Да сейчасъ и въ рыло. Тотъ сейчасъ и смекнетъ, бестія, съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ. Когда, говоритъ, вы драться изволите, такъ я ни на что отвѣчать не буду. Пусть меня другіе допрашиваютъ,—тогда отвѣчать стану. Такъ вѣдь, повѣрите-ли, до чего эта дрянь струситъ, бывало, и осовѣетъ: упрашивать начнетъ, преступника-то упрашивать,—чтобы тотъ отвѣчалъ что-нибудь. Ну, тотъ и вретъ ужъ, разумѣется, послѣ этого, насколько силы хватитъ. А тутъ надо главное—съ этими канальями умѣть обращаться; я ужъ тутъ опытенъ; меня учить нечего. Нѣсколько сотъ уже, я думаю, на своемъ вѣку слѣдствій-то произвелъ, и всегда отъ начальства благодарность получалъ... И ужъ, дѣйствительно, могу сказать, что присягу исполняю, не то, что другіе... У меня, когда слѣдствіе, такъ ни сна, ни аппетита, ни заботы другой, кромѣ дѣла. Иной разъ ночью встанешь, да за бумаги примешься... Кто это нынче станетъ дѣлать? скажите-ко, кому нужно дѣло-то дѣлать, какъ слѣдуетъ? Говорить-то много есть охотниковъ... Да что въ нихъ!

Александръ Григорьичъ говорилъ, какъ всегда, тономъ, не допускающимъ возраженій, твердо, рѣшительно, хотя безъ малѣйшаго азарта. Никто не осмѣлился противорѣчить ему; только товарищъ предсѣдателя, задѣтый за живое, попросилъ, запинаясь, „указать наконецъ этихъ тунеядцевъ, умѣющихъ только говорить, а не дѣло дѣлать“.

— И указывать нечего; на выборахъ само собою окажется,—лаконически отвѣчалъ Щекоткинъ,—и забастовалъ: въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ уже не принималъ никакого участія и отвѣчалъ на вопросы только односложными фразами, въ родѣ „да“ и „нѣтъ“.

— А вѣдь каковъ! Въ самомъ дѣлѣ вѣдь въ предсѣдатели лѣзетъ,—говорилъ товарищъ предсѣдателя совѣтнику, выходя отъ градского главы послѣ завтрака.

— Да неужто же вы это допустите! Вамъ надо самимъ баллотироваться,—увѣрительно отвѣчалъ совѣтникъ.

— Но, знаете, вѣдь тутъ ни на кого положиться нельзя. Они собственной пользы не понимаютъ.

— Да-съ, это конечно.

— Просто на всѣхъ хоть рукой махни, — рѣзко заключилъ товарищъ предсѣдателя, садясь въ сани.

Совѣтникъ пошелъ пѣшкомъ и на углу улицы догналъ одного изъ ассесоровъ губернскаго правленія.

— Павелъ Дмитричъ,—кричалъ онъ,—Павелъ Дмитричъ! Имѣю честь поздравить: какъ васъ честятъ нынче!..

— Это что значитъ?

— А вотъ сейчасъ Сушкинъ говорилъ. И положиться-то, говоритъ, ни на кого нельзя, и проку-то ни въ комъ нѣтъ и на всѣхъ рукой махнуть надобно...

— Да что онъ, съ ума, что-ли, сошелъ?

— Нѣтъ, а просто озлился, что Щекоткина, а не его, въ уголовную палату хотятъ выбрать.

— Ну, признаться вамъ сказать,—оба хороши. Щекоткинъ этотъ тоже продувной! Онъ только—что смотритъ этакимъ, а самъ себѣ на умѣ. Вотъ ужъ кому палецъ-то въ ротъ не кладите. Знаемъ мы его, часто въ правленіи-то такія штуки сочинитъ, что чортъ знаетъ, просто... бьются, бьются. А все изъ-за чего? Чтобы слупить что-нибудь. Не даромъ деревню-то нажилъ.

— Да еще и другую наживетъ, Павелъ Дмитричъ. Дайте ему только въ предсѣдатели-то попасть.

— Желалъ бы я знать, кто туда его пуститъ. Если бы у меня было пятьдесятъ шаровъ въ рукахъ, всѣ бы ему, канальѣ, черные положилъ.

Общее мнѣніе было, слѣдовательно, неблагопріятно для Александра Григорьича. Не надѣясь измѣнить его въ свою пользу, онъ не далъ даже ни одного обѣда передъ выборами и не сдѣлалъ ни одной вечеринки. За нѣсколько дней до открытія выборовъ, губернскій предводитель давалъ балъ, такъ какъ время было праздничное,—святки. Тутъ собралось все благородное дворянство покорское, и, между прочими разговорами, зашла было рѣчь и о Щекоткинѣ. Всѣ отзывались о немъ невыгодно и расположены были явно противъ него. Появленіе въ гостиной самого Александра Григорьича помѣшало, впрочемъ, дальнѣйшему продолженію совѣщанія, и многія думы остались не высказаны. Между тѣмъ, Щекоткинъ, не теряя времени даромъ, немедленно началъ разговоръ о предстоящихъ выборахъ, началъ хвалить губернатора и ругать неопытныхъ молокососовъ, потомъ перешелъ къ уголовнымъ дѣламъ и наконецъ прямо спросилъ окружающихъ, неужели они не захотятъ понять своей пользы и не выберутъ его на мѣсто, на которомъ никто лучше его сидѣть не съумѣетъ? Общество смутилось и отвѣтствовало молчаніемъ. Щекоткинъ, оставивъ общую аттаку, попробовалъ сдѣлать частныя нападенія.

— Что же вы, напримѣръ, Павелъ Дмитричъ,—обратился онъ къ сидѣвшему возлѣ ассесору такимъ тономъ, какъ обыкновенно учитель

выговариваетъ ученику за незнаніе самой простой вещи,—неужто вы меня забракуете? А?

— Нѣтъ-съ, помилуйте, Александръ Григорьичъ,—отвѣчалъ смущенный ассесоръ, вспоминая недавній разговоръ съ совѣтникомъ: — я не понимаю, почему вы именно обо мнѣ такъ думаете...

— Объ васъ-то я, правду сказать, и не думаю, потому что знаю васъ; а вотъ, я думаю, господа-то помѣщики противъ меня будутъ,— отвѣчалъ Щекоткинъ, обращаясь къ тремъ помѣщикамъ, сидѣвшимъ съ другой стороны.

— Намъ-то что за дѣло до уголовной,—возразилъ одинъ изъ нихъ.— Дай-Богъ вѣкъ не знать ея... Я и шара класть не буду, а ужъ если положу, такъ, вѣрно, всякому бѣлый: что порочить человѣка, съ которымъ никогда, Богъ дастъ, и дѣла имѣть не придется.

— Да это вѣдь вы такъ говорите, Александръ Андреичъ. А вотъ Василій Трифонычъ не то думаетъ,—замѣтилъ Щекоткинъ, указывая на того помѣщика, который называлъ его свинюшкой...

— Я, — отвѣчалъ этотъ, смутившись, — я ничего не думаю. Напротивъ.

— Такъ и вы, значитъ, понимаете, что надо поддержать меня?.. Вы мнѣ обѣщаете, Василій Трифонычъ?

— Да-съ, я... разумѣется...

— Благодарю васъ, Василій Трифонычъ. А я, признаться, на васъ не надѣялся... Вотъ я еще Андрея Семеныча боюсь,—обратился онъ къ уѣздному покорскому предводителю.

— Ну, объ этомъ оставимъ, Александръ Григорьичъ,—язвительно возразилъ предводитель.—На выборахъ само собой все окажется,—прибавилъ онъ, пародируя отвѣтъ, данный недавно самимъ Щекоткинымъ товарищу предсѣдателя.

— Это вы потому говорите, Андрей Семенычъ, что не хотите прямо отказать мнѣ. Да отчего же не сказать прямо? Я вѣдь не навязываюсь и не упрашиваю. Я только говорю, чтобы на общую пользу обратили вниманіе. Черезъ мои руки уголовныхъ-то дѣлъ столько перешло, что я ужъ точно вѣкъ палатой управлялъ теперь же. Этого вы у меня отнять не можете?

— О вашей опытности никто не споритъ...

— Такъ что же вы противъ меня имѣете? Взяточникъ, что-ли, я? или дѣлами не занимаюсь, барствую? Или глупъ, способности не имѣю? Скажите, чтобы всѣ знали, что вы за мной замѣтили?

— Я не говорю, чтобы замѣтилъ что-нибудь...

— А что же?

— Я просто сказалъ, что нужно до выборовъ оставить, и только. А тамъ,—что будетъ.

— Да какъ же это — что будетъ... я думаю, мужики на сходкѣ, и тѣ сначала посовѣтуются, а тутъ ужъ толковать принимаются. А дворянство-то должно предварительно разсудить обо всемъ хорошенько... Я потому васъ и спрашиваю, что знаю, вы человѣкъ сильный, вамъ вѣрятъ, такъ я и хочу знать, чего мнѣ ждать нужно. Я позорить своего дворянства не хочу: оно у меня заслуженное. Коли увижу, что меня не хотятъ, такъ и Богъ съ вами... У меня мѣсто есть; Михаилъ Александрычъ меня любитъ, я и хочу знать заранѣе, поддержите вы меня, или нѣтъ?

— Я, право, затрудняюсь. Тамъ, вѣдь, разныя будутъ обстоятельства...

— Да что обстоятельства. Это отговорка одна... Ну, такъ скажите: коли особенныхъ обстоятельствъ не будетъ, такъ вы меня поддержите? Ничего вы противъ меня не имѣете?

— Нѣтъ-съ, что же мнѣ именно имѣть противъ васъ...

— Ну, значитъ вы, во всякомъ случаѣ, противъ меня-то не будете... Этого я всегда отъ васъ надѣялся. Вы, конечно, своему слову не измѣните.

Такъ обошелъ Александръ Григорьичъ всѣхъ людей, имѣвшихъ ка кое-нибудь вліяніе на выборахъ, и у всѣхъ умѣлъ вытянуть благопріятный отвѣтъ. Никто не нашелъ въ себѣ силы сопротивляться его убѣжденіямъ, никто не умѣлъ уклониться отъ прямого отвѣта: вопросъ былъ поставленъ слишкомъ прямо, и притомъ, сдѣлавши его. Щекоткинъ обыкновенно уставлялъ неподвижный взглядъ на вопрошаемаго и ждалъ. Взгляда этого никто не могъ выдержать. Иные давали обѣщаніе съ намѣреніемъ — не исполнять его, но другіе, давши отвѣтъ утвердительный, уже совѣстились потомъ не исполнить своего слова. Да и изъ людей, хотѣвшихъ сначала просто отвязаться отъ Щекоткина, обманувши его, нѣкоторые были поражены замѣчаніемъ, которое онъ часто повторялъ въ этотъ вечеръ, что „честный человѣкъ, и особенно дворянинъ, своему слову не измѣнитъ“... Кромѣ того, много нашлось людей, которые серьезно убѣдились разсужденіями Александра Григорьевича и дали ему свое обѣщаніе отъ чистаго сердца. Все это привело къ тому, что Александръ Григорьичъ выбранъ былъ, наконецъ, въ предсѣдатели уголовной палаты значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Черезъ два дня послѣ выборовъ, товарищъ предсѣдателя столкнулся съ губернскимъ стряпчимъ у подъѣзда Александра Григорьича.

— Откуда это, Николай Владиміричъ, — не безъ ироніи спросилъ стряпчій, поглядывая на крыльцо, съ котораго сходилъ Сушкинъ.

— Да вотъ, къ сановнику-то новому являлся, — отвѣчалъ Николай

Владиміровичъ, съ неимовѣрно-саркастическимъ выраженіемъ.—Надобно же хоть карточку оставить. Что вы будете дѣлать?

— Д-да-съ,—глубокомысленно замѣтилъ стряпчій.—Да что же это вы сами-то, Николай Владимірычъ,—началъ онъ, помолчавъ:—вы вѣдь сами, кажется, баллотироваться хотѣли?

— Помилуйте,—съ достоинствомъ отвѣчалъ Сушкинъ, нѣсколько закинувъ назадъ голову:—за кого же вы меня принимаете? Чтобы я сталъ на одну доску съ какимъ-нибудь Щекоткинымъ! Никогда-съ! Повѣрьте, что я умѣю держать себя въ такихъ случаяхъ; однако, я боюсь васъ задержать: вы, вѣрно, пріѣхали принести ваше поздравленіе новоизбранному?

— Да-съ,—язвительно возразилъ стряпчій, обиженный тономъ послѣднихъ словъ:—нужно же... Жаль только, что мы не вмѣстѣ съ вами сошлись... лучше бы... Да вотъ вы, къ сожалѣнію, раньше меня поспѣли... До свиданія-съ.

И они разстались, не совсѣмъ довольные другъ другомъ. За то Александръ Григорьичъ былъ вполнѣ доволенъ собой.

ПРИБАВЛЕНІЕ I.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ О Н. А. ДОБРОЛЮБОВѢ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Сост. В. С. Карцовъ.

Аверкіевъ, Д. В. Русскій публицистъ. (Памяти Н. А. Добролюбова). «Рус. Инв.». 1861, № 267.

Андреевъ (Н. Г. Чернышевскій). Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. «Рус. Мысль» 1889, №№ I и II.

Антоновичъ, М. А. Нѣсколько словъ о Николаѣ Алексѣевичѣ Некрасовѣ. «Слово» 1878, № 2. (Между прочимъ, объ отношеніи Добролюбова къ Некрасову и, вообще, къ людямъ сороковыхъ годовъ).

— Причина неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы. «Слово» 1878, № 2. (Защита Добролюбова противъ обвиненій въ вызванномъ имъ упадкѣ литературы).

— Современное состояніе литературы. «Слово» 1878, № 1. (Защита критическаго метода Добролюбова).

(Антоновичъ, М. А.) Письмо изъ Петербурга. «Тифл. Вѣстн.» 1876 г. №№ 290, 291.

— Новые матеріалы для біографіи и характеристики Бѣлинскаго. «Космосъ» 1869, приложеніе № 1. (Между прочимъ, возраженіе на взглядъ, высказанный Тургеневымъ въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ).

Ангарскій, В. По поводу двухъ литератури. поминокъ. «Образованіе» 1896, № 4.

Бибиковъ, П. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Спб. 1862. Бѣлинскій и послѣдующее движеніе нашей критики. «Недѣля» 1875, № 40.

Введенскій, Арс. Ив. Безвременно угасшій талантъ. «Историческ. Вѣстникъ» 1890, № 7.

Венгеровъ, С. А. Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1884. (На стр. 121 — 122 мотивируется нежеланіе Добролюбова писать о «Тысячѣ душъ» Писемскаго).

— Добролюбовъ. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ X. Спб. 1894.

— Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1877. (Есть разборъ взглядовъ Добролюбова на Тургенева).

— Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томы I и II. Спб 1889 и 1891. (Между прочимъ—разборъ взглядовъ Добролюбова на С. Т. Аксакова и В. Г. Бенедиктова и отношеній его къ М. А. Антоновичу).

Волынскій, А. (А. Л. Флексеръ). Русскіе критики. Спб. 1896. Сюда, между прочимъ, вошли статьи о Добролюбовѣ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» 1894 г.
Галаховъ, А. Д. Критика «Были и небылицы». «Отеч. Зап.» 1856 г., октябрь (Полемика съ Добролюбовымъ по поводу его взглядовъ на «Были и небылицы» и на литературную дѣятельность Екатерины II вообще).
Галлерея замѣчательныхъ людей Россіи въ портретахъ и біографіяхъ. Спб. 1886.
Г. —бовъ и вопросъ объ искусствѣ. «Время» 1861 г., № 1—2, т. I.
Геннади, Г. Н. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ. Томъ I. Берлинъ, 1876.
Гербель, Н. В. Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ Спб. 1873. Изд. 2-е. 1880. (Біографія и нѣсколько лирическихъ и юмористическихъ стихотвореній Добролюбова).
Головачева Панаева, А. Я. Воспоминанія. «Историч. Вѣстн.» 1889, №№ 1—9.
— То же отд.: Русскіе писатели и артисты. 1824—1870. Спб. 1890.
Голубевъ, П. Памяти Н. А. Добролюбова. «Волжскій Вѣстникъ» 1886, № 19.
Гольцевъ, В. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. «Русск. Мысль» 1885, № 12.
— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. М. 1890. (Перепечатана предыдущая статья.
Горшковъ (Протопоповъ, М.). Въ защиту мертвеца (Н. А. Добролюбовъ). «Рус. Бог.» 1880. 12. (Полемика по поводу Добролюбова съ Е. Л. Марковымъ).
Григорьевъ, А. А. Послѣ «Грозы» Островскаго. Письма къ И. С. Тургеневу. «Рус. Міръ» 1860, №№ 5, 6, 9 и 11 и «Сочиненія», Спб. 1876, т. I (Между прочимъ, разборъ взглядовъ Добролюбова на представителей «Темнаго царства»).
I—фовъ, А. (А. С. Гіероглифовъ). Похороны Н. А. Добролюбова. «Рус. Міръ» 1861, № 91.
Н. А. Добролюбовъ. «Ваза» 1869, № 9.
Н. А. Добролюбовъ. «Воскресн. Досугъ», 1872, № 9.
Н. А. Добролюбовъ (некрологъ). «Время» 1861, № 12.
Н. А. Добролюбовъ (некрологъ). «Мѣсяцесловъ на 1863 г.».
Некрологъ. О кончинѣ Н. А. Добролюбова. «Русск. Инв.» 1861. № 257.
Некрологъ. Н. А. Добролюбовъ. «Свѣточъ» 1861. № 12.
Некрологъ. Н. А. Добролюбовъ. «Спб. Вѣд.» 1861. № 263.
Н. А. Добролюбовъ. «Сіяніе» 1872, т. I, № 1.
Н. А. Добролюбовъ. Некрологъ. «Современникъ» 1861, № 11.
Н. А. Добролюбовъ. Списокъ его статей. «Современникъ» 1861, № 11.
Н. А. Добролюбовъ. «Сѣв. Пчела» 1861, №№ 262 и 264.
Драгомановъ, М. П. По поводу замѣтки о Н. И. Пироговѣ. «Рус. Рѣчь», 1861, № 54.
Зайцевъ, В. А. Бѣлинскій и Добролюбовъ. «Русское Слово» 1864, № 1.
Замѣтки праздношатающагося. «Отеч. Зап.» 1861. апрѣль. (Защита Пирогова отъ нападеній Добролюбова).
З—нъ (Е. Ф. Заринъ). Лесть живому и поруганіе надъ мертвымъ. «Библ. для Чтенія» 1862, № 3.
Игдевъ (Н. Г. Долгомостьевъ). Нѣкоторыя педагогическія и научныя тенденціи. «Время» 1863, № 2. (Говорится объ отношеніи Добролюбова къ вопросу о розгахъ).

Incognito (Е. Заринъ). Предисловіе къ литературному обозрѣнію. О качествѣ и количествѣ прогресса въ новѣйшемъ движеніи нашей литературы. «Отеч. Зап.» 1865, № 4.
Кто стоялъ въ послѣднее время во главѣ русской литературы: Добролюбовъ или Панаевъ? (Письмо въ редакцію). «Библ. для Чтен.» 1862, № 3.
К—ъ, Н. Неразрѣшенные вопросы. «Дѣло» 1881, № 1. (Общая характеристика Добролюбова и сравненіе его съ Писаревымъ).
К. П. (К. П. Петровъ). Систематическій указатель къ сочиненіямъ Бѣлинскаго съ присоединеніемъ соотвѣтствующихъ указаній на сочиненія Добролюбова. Спб. 1865; 2-е изд. 1879.
Красновъ, А. Піонеры русской критики. «Колосья» 1889, № 9.
Л—ій. Литературныя замѣтки. «Недѣля» 1875, № 26. (Характеристика Добролюбова, какъ моралиста).
Марковъ, Е. Критическія бесѣды. Комедіи Островскаго. «Русск. Рѣчь» 1880 г., №№ 5—8. (О Добролюбовѣ, какъ критикѣ Островскаго).
Медвѣдскій, К. Памяти В. Р. Зотова. «Истор. В.» 1896, № 3. (Говорится, между прочимъ, объ отношеніи Добролюбова къ протесту противъ «Иллюстраціи» Зотова).
Михайловскій, Н. К. О трудномъ положеніи русскаго читателя. (Въ книгѣ «Литература и жизнь», Спб. 1892).
Модестовъ, В. Н. А. Добролюбовъ. Воспоминанія о личности и взглядъ на писателя. «Новь» 1886, № 6.
На могилѣ Бѣлинскаго и Добролюбова. «Сіяніе» 1872 г., т. 2, № 35.
Наши дѣятели. Галлерея замѣчательныхъ людей въ Россіи въ портретахъ и біографіяхъ. Изданіе А. Баумана. Томъ VIII. Спб. 1880.
Некрасовъ, Н. Посмертныя стихотворенія Н. Добролюбова. «Совр.» 1862 г., I.
Новый поэтъ. (И. И. Панаевъ). По поводу похоронъ Н. А. Добролюбова. «Совр.» 1861, № 11, т. XC.
Новыя литературныя потери. (Некрологъ И. С. Никитина и Н. А. Добролюбова). «Свѣточъ» 1861, № 12.
—овъ, Н. Современныя поминки по друзьямъ. (Матеріалы для общественной физіологіи). «Библ. для Чт.» 1862, № 3. (По поводу полемики Зарина и Чернышевскаго).
Островская, Н. Мои воспоминанія о Н. А. Добролюбовѣ. «Волжскій Вѣстникъ» 1893, № 296.
Панаевъ, И. И. Воспоминанія. Собраніе сочиненій. Томъ VI. Спб. 1889.
Петровъ, К. П. Курсъ исторіи русской литературы (862—1862) съ библіографическими указаніями. Спб. 1866. 8-е изд. Спб. 1892.
Писаревъ, Д. И. Мотивы русской драмы. «Рус. Слово» 1864, № 3, и «Сочиненія». (Разборъ взглядовъ Добролюбова на Островскаго).
Письмо Н. А. Добролюбова къ С. П. Галахову. «Рус. Стар.» 1886, № 7 *).
П. М. Замѣтка о покойномъ Н. А. Добролюбовѣ. «Моск. Вѣд.» 1861, № 259.
— Замѣтка о покойномъ Н. А. Добролюбовѣ. «Сѣв. Пчела» 1861, № 264.
По поводу статьи о Добролюбовѣ въ 262-мъ № «Сѣвер. Пчелы». «Моск. Вѣд.» 1861, № 261.
Посланіе Н. А. Добролюбова къ С. П. Галахову. «Рус. Стар.» 1887, № 10.

*) См. ниже, приложеніе.

«По чугуннымъ рельсамъ»... стих. Н. А. Добролюбова. «Рус. Стар.» 1886, № 11.
Н. Письмо въ редакцію. «Рус. Стар.» 1887, № 11. (О стихотвореніи: «По чугуннымъ рельсамъ»).
П. П. Н. А. Добролюбовъ. «Моск. Вѣд.» 1862, № 2.
П—скій. Н. А. Добролюбовъ. «Иллюстрація» 1862, № 203.
П—скій, И. Н. А. Добролюбовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. «Новое Слово» 1894, №№ 1 и 2.
Пыпинъ, А. Н. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Спб. 1876. (Въ XI главѣ— о Добролюбовѣ по отношенію его къ Бѣлинскому; опровер**ж**еніе взглядовъ Тургенева).
— Исторія русской этнографіи. Спб. 1890—1892. Томы I и II (на стр. 363—369 подробный разборъ взглядовъ Добролюбова на народничество въ литературѣ).
Пятковскій, А. П. Н. А. Добролюбовъ (біографическій очеркъ). «Книжн. Вѣстн.» 1861, № 22.
Ровинскій, Д. А. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Томъ I. Спб. 1889.
Р—ъ, В. Л. Памяти Николая Александровича Добролюбова (17 ноября 1861 г.— 17 ноября 1886 г.). «Рус. Вѣдомости» 1886, № 316.
Свѣдѣнцовъ, Н. Добролюбовъ и его сочиненія. «Свѣточъ», 1862, № 5.
Скабичевскій, А. М Н А. Добролюбовъ. его жизнь и литературная дѣятельность. Біографич. библіотека Ф. Павленкова, Спб. 1894.
— Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1891. 2-е изд. Спб. 1893.
— Очерки умственнаго развитія нашего общества. Н. А. Полевой, В. Ѳ. Одоевскій, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. А. Добролюбовъ и ихъ сподвижники. Главы 17—18. «Отеч. Зап.» 1872, №№ 5 и 6. (Добролюбовъ, какъ представитель новаго идеала. Общіе выводы о его дѣятельности).
— Тоже. Сочиненія. Томъ I. Спб. 1890.
— Сорокъ лѣтъ русской критики (1820—1860). Сочиненія, т. I. Спб. 1895. (На стр. 451—494 біографія Добролюбова и подробный разборъ его литературной дѣятельности).
Скабичевскій, поклоняющійся Добролюбову. «Рус. Міръ» 1872, № 174.
Скорбный поэтъ (Г. Н. Жулевъ). Въ мастерской фотографа. Стих. памяти Н. А. Добролюбова. Въ сборн. «Ба! знакомыя все лица». Спб. 1872.
Соловьевъ, Н. И. Вопросъ объ искусствѣ. (По поводу сочиненій Добролюбова. Защита эстетическаго принципа). «Отеч. Зап.» 1865, №№ 13, 15, 16.
— Искусство и жизнь. Крит. сочин. (Есть разборъ сочиненій Добролюбова). Москва. 1869. Часть I.
Страховъ, Н. Н. Сочиненія Добролюбова. «Гражданинъ» 1872, № 2.
Судовщиковъ, Е. Письмо въ редакцію. «Отеч. Зап.» 1861, іюнь. (Защита Пирогова отъ нападеній Добролюбова).
Травинъ. Н. А. Добролюбовъ. «Рус. Стар.» 1886, № 11. (Поправка къ тексту стихотворенія Н. Добролюбова, неточно переданному Галаховымъ). См. «По чугуннымъ рельсамъ».
Тургеневъ, И. С. Воспоминанія о Бѣлинскомъ. «Вѣстн. Евр.» 1869, № 4, и въ «Сочиненіяхъ».
Хмыровъ, М. Д. Н. А. Добролюбовъ. Біографическій очеркъ. «Портретная галлерея русск. дѣятелей». Изд. А. Мюнстера. Спб. 1869.

Чернышевскій, Н. Г. Въ изъявленіе признательности. Письмо къ З—ну, по поводу статьи «Лесть живому и пр.». «Современникъ» 1862, № 2.
— Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. «Соврем.» 1862, № 1.
— Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861—1862 гг. Изд. Солдатенкова. Т. I. М. 1890.

Переписка.

Отдѣлъ первый. Августъ 1853—августъ 1854.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Поступленіе въ педагогическій институтъ.—Смерть матери.—Поѣздка въ Нижній на каникулы.—Смерть отца.—*Отдѣлъ второй.* Августъ 1854—іюнь 1857.—Бѣдность.—Пріобрѣтеніе уроковъ и возможность помогать сестрамъ и младшимъ братьямъ.—Начало литературной дѣятельности.—Окончаніе курса.—*Отдѣлъ третій.* Іюнь 1857—май 1860 (отъ окончанія курса въ педагогическомъ институтѣ до отъѣзда заграницу).—Поѣздка въ Нижній по окончаніи курса.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Проявленіе разстройства здоровья.—Поѣздка на воды въ Старую Русу.—Жизнь въ одной квартирѣ съ Н. А. Некрасовымъ, принуждающая Николая Александровича переселиться на другую квартиру.—Тревога Н. А. Некрасова за его здоровье.—Отъѣздъ заграницу для лѣченья и отдыха, по требованію Н. А. Некрасова.

Чуйко, В. В. Очерки развитія русской критики. VI. «Наблюдатель» 1887, № 9. (Разборъ отношенія взглядовъ Добролюбова къ воззрѣніямъ Бѣлинскаго).

Чуминовъ, А. А. По поводу статьи: Н. А. Добролюбовъ (И. П—скаго). «Новое Слово» 1894, № 2. (О хлопотахъ объ оставленіи Добролюбова въ Петербургѣ по окончаніи имъ курса).

Ш. (Н. В. Шелгуновъ). Два слова о Писаревѣ. «Недѣля» 1875, № 28. (Параллель между Добролюбовымъ и Писаревымъ).

Шелгуновъ, Н. Глухая пора. «Дѣло». 1870, 4.

Чтеніе для юношества. А. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. М. 1858. 2-е изд. Глазунова. 1865. Эта книга, вышедшая безъ указанія автора, принадлежитъ Н. А. Добролюбову.

ПРИБАВЛЕНІЕ II.

ПСЕВДОНИМЫ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Александровичъ, Н. А. «Современникъ» 1857 и 1858 г.г. (Подпись подъ разсказами «Доносъ» и «Дѣлецъ»).

—бовъ, **—бовъ Н. А.** } Критическія статьи «Современника».

Волгинъ—стихотворенія въ «Современникѣ».

Лайбовъ—критическія статьи «Современника».

Лиліеншвагеръ, Конрадъ—рецензіи стихотвореній Розенгейма и «Свистокъ».

Капелькинъ, Аполлонъ, Свиристелевъ, Д., Хамъ, Яковъ } «Свистокъ».

ПРИБАВЛЕНІЕ III.

ШУТЛИВОЕ ПИСЬМО Н. А. ДОБРОЛЮБОВА КЪ С. ГАЛАХОВУ *).

Къ вамъ такъ долго
Не писалъ я,
Чувству долга
Измѣнялъ я...
Но, надѣясь
На прощенье,
Снова смѣю-съ
Обращенье
Къ вамъ составить,
Вамъ теченье
Дѣлъ представить
Въ разсмотрѣнье.
Какъ живу я—
Поживаю,
Правду всю я
Сообщаю.

Я лѣчуся
Въ Старой Русѣ
Отъ болѣзни.
Но, хоть тресни,
Золотуха,
Точно муха,
Такъ пристала,
Что ей мало
Ваннъ соленыхъ,
Кипяченыхъ;
Нужны грязи...
Въ этомъ разѣ
Я терзаюсь,
Подвергаясь
Пачкотнѣ сей
Разныхъ смѣсей...
Мнѣ не сладко,
Даже—гадко
Такъ мараться
И купаться
(Какъ позорно!!)
Въ грязи черной.
Но здоровье,
По присловью,
Такъ пригоже,
Что дороже,
Чѣмъ все въ мірѣ.

Что намъ въ лирѣ,
Что въ богатствѣ,
Чистомъ братствѣ,
Въ громкой славѣ
И въ забавѣ,
Что въ начальствѣ,
Генеральствѣ,
Сытныхъ яствахъ,
Всѣхъ пріятствахъ:—
Если боленъ—
Недоволенъ
Свѣтомъ цѣлымъ,
И за дѣломъ
Не сидится
И не спится,
Все хладѣетъ,
Поблѣднѣютъ
И ланиты,
Аппетиту
Не дождешься
И все бьешься,
Безъ умолку
И безъ толку!..

Да, болѣзни
Нелюбезны.
Это зная,
Вамъ желаю
Первымъ словомъ—
Быть здоровымъ;
Въ чувствахъ тая,
Посылаю
Также вдаль я
И Натальѣ
Алексѣвнѣ
Вседушевне
Тожъ желанье.
Въ докончанье,
Сердца въ жарѣ,
И Варварѣ
Алексѣвнѣ
Вседушевне
Тожъ желаю;
Прилагаю
И Алешѣ
Ту же ношу
Благъ желанья.
До свиданья.

Стихъ мой дрянный,
Очень странный,
Вы простите,
Извините.
Я мараю.
Не желая
Затесаться
Въ рядъ поэтовъ,
Вродѣ Фетовъ,
Иль талантовъ.
Вродѣ франтовъ
Соллогубовъ.

Добролюбовъ.

---

*) Изъ «Русск. Старины» 1886 г., № 7, стр. 209. Сообщ. А. С. Галаховъ.

ПОСЛАНІЕ КЪ С. П. ГАЛАХОВУ.

Примѣры заразительны [1])—
Твердятъ намъ все не впрокъ.
И вашъ превосходительный
Примѣръ меня увлекъ.
Стихами безтолковыми
Хочу вамъ описать,
Какъ трудностями новыми
Судьба меня опять
Преслѣдуетъ несчастнаго,
На цѣлые два дня
Сообщества прекраснаго
Лишая вновь меня.
Терплю я испытаніе
Въ лицѣ моихъ друзей...
Но вотъ вамъ описаніе
Исторіи моей.
Въ числѣ моихъ пріятелей
Полякъ одинъ здѣсь былъ,
Чуть въ секту зажигателей
Онъ не записанъ былъ,
За то, что злыхъ зарядами
Билъ глупыхъ на повалъ,
И прямо казнокрадами
. . . . ругалъ;
За то, что справедливости
И честности хотѣлъ,
Шелъ противъ всякой мерзости,
Безчестья не терпѣлъ.
Онъ нашъ педагогическій
Оставилъ институтъ,
За то, что нашъ классическій
Директоръ слишкомъ крутъ,
Моритъ насъ тяжкимъ голодомъ,
Что рубища намъ шьетъ
И будто бъ тяжкимъ молотомъ
Намъ голову куетъ.
. . . .
. . . .
Но на смѣхъ душамъ пламеннымъ
На Невскомъ иль въ Морской,
На Выборгской, на Каменномъ,
Все тотъ же родъ людской,
. . . . учрежденіямъ
Кому жъ у насъ служить,
Когда не упражненіемъ
Начальникамъ служить
Въ домашней экономіи,
Такъ нашъ и П—нъ.
На зло всей гастрономіи,
Набилъ себѣ карманъ
И вывелъ изъ терпѣнія
Голодныхъ лекарей,
И вотъ, въ ожесточеніи
Противъ судьбы своей,
Отправили Поржницкаго
Къ N. N. они опять,
Чтобы . . . . низкаго
Грѣшки изобличать.
И вотъ они представились
Передъ лицомъ N. N..
Чрезъ мѣсяцъ же отправились
Они всѣ въ фельдшера
Ихъ чудная исторія
Извѣстна вѣрно вамъ.
И вамъ, крушась отъ горя, я
Ее не передамъ.
Изъ всей ихъ аттестаціи
Могу сказать одно,
. . . .
Прощенье имъ дано,
. . . .
А чтобъ отъ нихъ избавиться
Онъ далъ имъ свой декретъ,
Чтобы въ Казань отправиться
Имъ въ университетъ
Надняхъ же собираются
Друзья мои туда,
Быть можетъ распрощаемся
Мы съ ними навсегда.
Разлуку чтобъ печальную
Немного усладить,
Мы предъ дорогой дальнею
Рѣшились вмѣстѣ быть
И даже я ужасную

[1]) За нѣсколько дней до этого посланія мы въ шутку играли въ риѳмы.

Имъ жертву приношу,
Когда сію несчастную
Галиматью пишу!
Но что же дѣлать—дружество
Царитъ въ душѣ моей,
Во мнѣ не станетъ мужества
Бѣжать моихъ друзей,
Хотя бъ и веселѣе васъ
Было увидать . . . . .
Варварѣ Алексѣевнѣ
Прошу васъ передать
Глубокое почтеніе.
Супругѣ вашей то жъ.
У нихъ ужъ и прощенія
Боюсь просить я,—дрожь
Проймегъ меня отъ мысли взбалмочной,
Что я ихъ обманулъ
И вмѣсто Шестилавочной
Вдругъ къ Выборгской махнулъ.
На ваше покровительство
Надѣюсь только я—
Гнѣвъ ихъ превосходительства
Смягчите для меня.
И въ счастьи, и въ несчастіи
Вамъ преданный душой,
Я быть имѣю счастіе
Покорнѣйшимъ слугой

Н. А. Добролюбовъ.

(См. «Рус. Стар», 1887 г., № 10).

Сообщ. *А. Галаховъ.*

